БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики

ПРАВО, ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Материалы
Всероссийской научно-практической конференции
(Чебоксары, 22 октября 2026 г.)

Научное электронное издание

Чебоксары
Издательский дом «Среда»
2026

УДК 34+33(082)
ББК 94.3
П68

Рекомендовано к публикации на основании приказа Чувашского государственного института культуры и искусств Минкультуры Чувашии №01-01-05/178 от 30.09.2026

Рецензенты: **Васильев Федор Петрович**, д-р юрид. наук, доцент ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России», член Российской академии юридических наук
Радина Оксана Ивановна, д-р экон. наук, профессор филиала ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» в г. Новошахтинске

Редакционная коллегия: **Фомин Эдуард Валентинович**, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств Минкультуры Чувашии

П68 **Право, экономика и управление: теория и практика** : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 22 окт. 2026 г.) / гл. ред. Э. В. Фомин. – Чебоксары: Среда, 2026. –555 с. – 1 CD-ROM. – Загл. с титул. экрана. – Текст : электронный.

ISBN 978-5-908172-39-4

В сборнике представлены научные публикации, посвященные вопросам развития экономической науки и права. В материалах сборника приведены результаты теоретических и прикладных изысканий представителей научного и образовательного сообщества в данной области. Предназначен для широкого круга читателей. Издание может быть полезно научным сотрудникам, преподавателям, студентам, аспирантам и всем, кто интересуется проблемами и перспективами социально-экономического развития и права России и зарубежья.

Ответственность за приведенные в исследовании экономические данные несут авторы. Статьи представлены в авторской редакции.

Минимальные системные требования:

Минимальные системные требования: PC с процессором Intel 1,3 ГГц и выше ; 256 Мб (RAM) ; Microsoft Windows, MacOS ; дисковод CD-ROM ; Adobe Reader

УДК 34+33(082)
ББК 94.3

© БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, 2026
© Издательский дом «Среда», 2026

ISBN 978-5-908172-39-4
DOI 10.31483/a-10935

ПРЕДИСЛОВИЕ

БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики представляет сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции **«Право, экономика и управление: теория и практика».**

В сборнике представлены научные публикации, посвященные вопросам развития экономической науки и права. В материалах сборника приведены результаты теоретических и прикладных изысканий представителей научного и образовательного сообщества в данной области. Предназначен для широкого круга читателей. Издание может быть полезно научным сотрудникам, преподавателям, студентам, аспирантам и всем, кто интересуется проблемами и перспективами социально-экономического развития и права России и зарубежья.

По содержанию публикации разделены на основные направления:

1. Общие вопросы экономических наук.
2. Международная экономика и право.
3. Менеджмент и маркетинг.
4. Экономика предпринимательства.
5. Социально-экономические процессы в обществе.
6. Вопросы социально-экономической эффективности предприятий.
7. Актуальные вопросы юриспруденции.
8. Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.
9. Межкультурное пространство современной России.
10. Административное право.
11. Правовые проблемы развития российской государственности.

Авторский коллектив сборника представлен городами (Москва, Санкт-Петербург, Архангельск, Белгород, Благовещенск, Брянск, Екатеринбург, Иркутск, Казань, Калининград, Красногорск, Краснодар, Красноярск, Кызыл, Люберцы, Магадан, Мурманск, Мытищи, Нижневартовск, Нижний Новгород, Новороссийск, Оренбург, Орёл, Пермь, Ростов-на-Дону, Рубцовск, Рязань, Самара, Свободный, Стерлитамак, Тюмень, Ульяновск, Уфа, Хабаровск, Чебоксары, Ярославль) и субъектом (Республика Марий Эл) России.

Среди образовательных учреждений выделяются следующие группы: академические учреждения (Военная орденов Жукова и Ленина Краснознаменная академия связи им. Маршала Советского Союза С.М. Буденного, Московская государственная академия физической культуры, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Российская таможенная академия), университеты и институты России (Алтайский государственный университет, Амурский государственный университет, Байкальский государственный университет, Белгородский государственный институт искусств и культуры, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Иркутский государственный университет путей сообщения, Иркутский национальный исследовательский технический университет, Казанский юридический институт МВД РФ, Красноярский государственный аграрный университет, Кубанский государственный технологический университет, Кубанский государственный университет, Московский государственный университет геодезии и картографии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Московский политехнический университет, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, Мурманский арктический университет, Нижневартовский государственный университет, Оренбургский государственный университет им. В.А. Бондаренко, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева, Российский государственный гуманитарный университет, Российский государственный социальный университет, Российский государственный

университет правосудия им. В.М. Лебедева, Российский университет кооперации, Российский университет спорта «ГЦОЛИФК», Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, Самарский юридический институт ФСИН России, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Северо-Восточный государственный университет, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева, Тувинский государственный университет, Тюменский индустриальный университет, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова, Университет управления «ТИСБИ», Уральский государственный экономический университет, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Уфимский университет науки и технологий, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова).

Участники конференции представляют собой разные уровни образования и науки: доктора и кандидаты наук, профессора и доценты, преподаватели, научные сотрудники, аспиранты, соискатели, магистры и магистранты, студенты вузов.

Отрадно отметить, что участниками конференции являются представители разных направлений деятельности: как ученые, так и практические работники сферы правовой и экономической жизни нашего общества.

Редакционная коллегия выражает сердечную благодарность нашим глубокоуважаемым авторам за участие в подготовке и издании сборника материалов Всероссийской научно-практической конференции **«Право, экономика и управление: теория и практика»**. Мы надеемся на наше дальнейшее сотрудничество и желаем всем успехов в научно-педагогической и исследовательской деятельности.

Главный редактор
канд. филол. наук, доцент,
заведующий кафедрой
БОУ ВО «Чувашский государственный
институт культуры и искусств»
Министерства культуры,
по делам национальностей и архивного дела
Чувашской Республики
Э.В. Фомин

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

Богославцева Л.В., Затуливетров К.Е., Герман Э.А. Сбалансированность бюджета как условие обеспечения финансирования расходных обязательств 13

Емелин А.М. Проблема оттока населения из Магаданской области 16

Кумаллагова С.Ю., Романова А.С. Пороговые значения экономической безопасности и методы их определения 20

Курдубова В.В. Методические подходы к оценке организационно-экономической эффективности применения искусственного интеллекта в военном образовании 22

Миронова М.В., Белецкая Е.А., Донникова Т.С. Адаптация стратегий продаж в условиях роста самостоятельного планирования путешествий 27

Мясоедов С.А., Михолап Е.А. Повышение уровня устойчивого социально-экономического развития территорий за счёт внедрения технологий «Умный город», на примере МО г. Свободный Амурской области 29

Оскирко И.Н., Карпик И.В. Современное состояние и ключевые вызовы нефтегазовой отрасли России 32

Пронина Е.В. Развенчание макроэкономических мифов посредством новых форматов партнерского диалога между Центральным банком и бизнесом 36

Семыкин С.М. Учёт временной концентрации бюджетных обязательств при отборе проектов государственно-частного партнёрства в регионе 39

Сукиева А.М.-Г., Пенчук А.Ю., Пинаев О.С. Эволюция теоретических взглядов на сущность финансов и её современное прочтение 42

Шевченко И.В., Джиоева Л.М. Влияние режима налогообложения на реальную стоимость заемного капитала сельскохозяйственных компаний: сравнительный анализ ОСНО и ЕСХН в условиях высокой ключевой ставки 45

Шевченко И.В., Джиоева Л.М. Модификация модели компромиссной теории структуры капитала для предприятий агропромышленного комплекса с изучением двухкомпонентной природы налогового щита 50

Щелкунова М.А. Особенности кадастрового учета прибрежных территорий 54

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКОНОМИКА И ПРАВО

Бессонова Д.С. Интеллектуальная собственность на контент, созданный ИИ в международной образовательной и корпоративной среде 59

Габдулганиев Д.Р., Федотова Д.С. Генезис публичного и частного права: от архаичных регуляторов к административному и гражданскому праву 61

Кузьменко В.И., Габдулганиев Д.Р. Неразделенность corpus и animus как фундаментальное условие института владения в римском частном праве 67

Мурашкина Л.А. Взаимодополняемость экономик БРИКС: структурные преимущества и потенциал кооперации 69

Мурашкина Л.А. Оценка независимости финансовой инфраструктуры БРИКС как драйвера дедолларизации 74

Хайруллин Р.А., Габдулганиев Д.Р. Преемственность в конституционном праве: сравнительный анализ стран романо-германской и англосаксонской правовых семей 80

Шуляк П.В. Взаимосвязь регионального и отраслевого анализа в системе экономической безопасности: методологические подходы 83

Шуляк П.В. Мошенничество в финансах: история и современность 85

Шуляк П.В. Отраслевой анализ экономической безопасности: ключевые индикаторы и их значения 88

Шуляк П.В. Финансовые махинации: как их распознать 90

МЕНЕДЖМЕНТ И МАРКЕТИНГ

Карсакова И.А., Леонтьева И.А., Алексеев Ю.В. Стратегическое управление прибылью предприятия: интеграция экономического, предпринимательского и бухгалтерского подходов..... 93

Леонтьева С.Г., Андреев Г.И. Управление продвижением театральных постановок в цифровом пространстве 97

Матвеева А.И., Сухорукова Н.А., Фролова Д.Э. Цветовые стратегии эмоциональной лояльности поколения Z: от стереотипов теории поколений к ценностно-ориентированному консалтингу для малого и среднего бизнеса..... 101

Милкович М.В., Андреев Г.И. Оценка эффективности управления культурно-досуговыми мероприятиями для детей младшего школьного возраста в учреждениях социокультурной сферы 104

Назаров А.Д. Экономические ограничения адаптации маркетинга предприятий сельских территорий к технологиям генеративного поиска 109

Синюк Т.Ю., Зиборова В.А. Повышение лояльности сотрудников на основе совершенствования нематериальной мотивации персонала.....113

Соколова Г.Н., Голубев Д.С. Формирование ценностных ориентаций и норм поведения госслужащих через образовательные механизмы 116

Тимашков А.Ю., Дорофеев А.С. Проблема проверки соответствия сотрудников требованиям к назначению наград в образовательной организации..... 120

Федосов Ю.А. Жилищный вопрос в структуре якорей карьеры: типология кандидатов на железнодорожном транспорте 127

Шило К.В. Обеспечение кадровой безопасности строительной компании в условиях ограниченного предложения на рынке труда 130

Ярадаев М.А. Маркетинговые инструменты и CRM-системы в системе управления конкурентоспособностью предприятий малого и среднего бизнеса 134

ЭКОНОМИКА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Афанасьев В.В., Курдюмов А.В. Затраты на один рубль продукции как обобщающий показатель себестоимости: теоретические и практические аспекты 139

Башмакова Е.А., Семин А.Н. Конкурентоспособность и инвестиционная привлекательность хлебопекарной отрасли региона 141

Давлетова А.К. Экономико-математическая формализация процесса взаимодействия между акционерами общества и взаимосвязанными органами контроля при их правомерном и неправомерном поведении 144

Давлетова А.К. Экономико-математические модели взаимодействия между акционерами общества и органами контроля при неправомерном поведении последних и предоставлении неполной информации о нарушениях 146

Ершов И.М. Омниканальная трансформация B2B-платформ как направление развития электронной оптовой торговли в РФ 150

Краснова С.А. Диверсификации предприятия ОПК как стратегический инструмент устойчивости предприятия и безопасности страны 153

Матвеева А.И., Костоусова С.Н., Карпенко Л.А. Поведенческие приёмы увеличения среднего чека в цифровых каналах общественного питания: экономическая оценка 155

Пономарева Е.Н. Государственная и муниципальная финансовая поддержка социального предпринимательства в Российской Федерации 159

Семин А.Н., Шепель С.Ю. Внедрение искусственного интеллекта в процесс ценообразования на НИОКР 162

Урдюкова Т.А. Удержание партнерской сети как приоритет маркетинговой стратегии компании прямых продаж (на примере APL GO) 165

Хамдамова Р.Ф. Государственная поддержка малого предпринимательства в России и оценка её эффективности 169

Хачемизова Ф.Г. Адаптированная методика оценки финансовой устойчивости садоводческих предприятий на основе покрытия кассовых разрывов 172

Хачемизова Ф.Г. Систематизация факторов финансовой устойчивости садоводческих предприятий по генезису кассовых разрывов 176

Чеботарёва Т.А. Влияние платформенных комиссий и стоимости заёмного капитала на финансовую устойчивость продавцов маркетплейсов в России 181

Черняева П.Д., Алмазова Е.С. Машинное обучение на основе правил в иерархической модели для прогнозирования корпоративного банкротства 185

Шарапова Т.Р. Особенности развития платформенной экономики в регионах Российской Федерации 187

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ОБЩЕСТВЕ

Богославцева Л.В., Затуливетров К.Е., Герман Э.А. Теоретико-методологические аспекты функционирования системы социальной защиты граждан 191

Данилова С.В., Вахрушев Е.О. Развитие городской среды как одна из причин повышения стабильности в воспроизводстве населения 194

Ефремова Н.В., Миронова М.В., Донникова Т.С. Количественные и качественные методы анализа мотивации туристов в кинотуризме 197

Карпик И.В. Социально-экономическое развитие Московской области: современное состояние и перспективы развития 200

Кириенко Е.А. Интернет-портал «Госуслуги» в системе социальных практик молодёжи возможности и ограничения 203

Кириенко Е.А. Суперсервисы как новая форма предоставления государственных услуг 206

Коршунова В.Ю. Логический алгоритм классификации для обнаружения фишинговых доменов при анализе кибербезопасности 208

Леканова Е.Е. Анализ эффективности деятельности сотрудников налоговых органов 210

Лугин А.В. Инвестирование в драгоценные металлы для формирования инвестиционного портфеля частного инвестора 212

Мутугулина Н.И. Медиапространство как социально-коммуникационная среда информационного общества: структура и механизмы формирования медиареальности 226

Мутугулина Н.И. Медиатизированный образ будущего: механизмы формирования в современном медиапространстве 229

Олейникова О.О., Алмазова Е.С., Соловьева Т.В. Сравнительный анализ эффективности методов машинного обучения для выявления паттернов сердечно-сосудистых заболеваний 235

Павлова И.И., Попова В.Р., Карягин Л.А. Этико-правовые механизмы предотвращения конфликта интересов у служащих органов государственного экологического надзора 237

Пинаев О.С., Пенчук А.Ю., Сукиева А.М.-Г. Социально-экономические последствия проблемного игрового поведения (лудомании) в современной России 241

Плужников И.А. Правовые меры по обеспечению нравственности брачно-семейных отношений: прошлое и современность 244

Пронина Е.В. Визуализация экономических процессов на основе концепции микрообучения на примере ДКП Банка России 248

Сираковская Я.В., Ильичева О.В. Коммерциализация спортивно-оздоровительного туризма: анализ экономических выгод и рисков девальвации методической составляющей 253

Суховеева А.А., Кольга Е.А. Структура расходов федерального бюджета Российской Федерации на 2026–2028 годы как отражение стратегических приоритетов бюджетной политики 255

Урвачева С.И., Кривобоков А.Д., Никишкин А.В. Актуальные проблемы здорового образа жизни обучающихся и сотрудников силовых структур в современных социальных реалиях 258

Яковлева Н.В., Городничева Д.А. Развитие прогнозирования бюджетного финансирования на основе применения методов временных рядов и машинного обучения 262

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ

Алмазова Е.С., Низамеева А.В. Интегрированная информационная система управления технологическими процессами на молокоперерабатывающем предприятии 265

Бреусова А.С., Канахина В.Д., Орлова С.В. Оценка экономической безопасности предприятий отрасли телекоммуникаций 267

Гришаева А.В. Совершенствование механизма обеспечения финансовой устойчивости электросетевых компаний как основы их устойчивого развития в современной России 271

Кутузова А.А., Фомина Л.В. Разработка организационно-управленческого механизма государственной охраны объектов культурного наследия в Красноярском крае 277

Леканова Е.Е. Налоговый портфель хозяйствующего субъекта: сущность, структура, виды . 279

Олейникова О.О., Черняева П.Д., Кукарцева С.В. Применение графовых нейронных сетей для анализа структурных зависимостей в промышленных цифровых двойниках 281

Панченко В.Ю. Адаптивное управление энергопотреблением в реальном времени на основе потоковых моделей онлайн-обучения 284

Панченко В.Ю. Проектирование интеллектуальной информационной системы кризисного центра с NLP-триажем и локальной архитектурой 286

Пронин А.Ю. Организационно-экономический механизм управления устойчивым развитием экосистемы промышленного предприятия 288

Соловьева Т.В., Алмазова Е.С., Музалев К.С. Агентное моделирование стохастической и эндогенной динамики организационных связей в локальных взаимодействиях 291

Цыганова И.Ю., Гореликова-Китаева О.Г., Елагина Т.В. Направления и источники повышения эффективности нефтегазовой компании на основе совершенствования системы развития персонала 294

Шитова В.В. Анализ состояния проблемы формирования имиджа в профессиональной образовательной организации 300

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Андрианова Е.О. Оптимизация специального правового режима контртеррористической операции в условиях применения правонарушителями беспилотных роботизированных комплексов 303

Андрианова Е.О. Правовая квалификация кибертерроризма в Российской Федерации: проблемы дефиниции и разграничения смежных составов преступлений..... 305

Белая В.С. Транспортная безопасность Белгородской области \как составляющая национальной безопасности Российской Федерации: региональные угрозы и механизмы их предупреждения.. 307

Верещак С.Б., Иванова Я.А. Новеллы законодательства в сфере приобретения статуса адвоката 309

Верещак С.Б., Солдайкина М.А. Конфликт интересов в адвокатской практике..... 312

Вигерин А.Н. Механизмы защиты прав и законных интересов налогоплательщиков в Российской Федерации 314

Вигерин А.Н. Трансформация правового статуса налогоплательщика в цифровую эпоху 316

Галимова Л.М. Удержания из пенсии как способ взыскания задолженности: проблемы судебной защиты пенсионеров 317

Ганджаева Т.Р., Матюшкин Д.П. Цифровизация судопроизводства и проблемы хранения электронных доказательств 320

Германова А.М. Приоритетные направления предупреждения мошеннических действий с использованием информационно-телекоммуникационных технологий..... 323

Егорова Р.В., Толстова М.Л. Адвокат-дублёр в российском уголовном процессе: проблемы теории и дисциплинарной практики..... 326

Жвакин В.В. Особенности предупреждения наркопреступлений 328

Зиганшина И.Н. Судебная защита прав предпринимателей..... 332

Змиевский Д.В., Алексеева К.А. Социальные гарантии адвокатов: проблема материнства и нетрудоспособности в условиях отсутствия полноценного страхования 335

Змиевский Д.В., Никитин А.А. Проблемы реализации права адвоката на сбор доказательств посредством адвокатского запроса 338

Иванова Д.А., Медведев В.А. Порядок и особенности сдачи квалификационного экзамена для получения статуса адвоката..... 341

Иванова Е.В., Заводиленко Л.Е. Адвокатская монополия в арбитражном процессе: проблемы и перспективы профессионализации судебного представительства в Российской Федерации 343

Иванова Е.В., Ильина А.Н. Влияние цифровизации на профессию адвоката: изменения под воздействием IT-решений 346

Ивенский А.И. Дискуссионные аспекты формулирования позиции подсудимого в ходе особого порядка, регламентированного главой 40 УПК РФ..... 348

Ивенский А.И. О возможности принятия решения в порядке главы 40 УПК РФ в условиях купирования объема обвинения..... 351

Ивенский А.И. О дилеммах коррелирования позиции защитника и подсудимого на стартовом этапе особого порядка разбирательства (глава 40 УПК РФ) 353

Ивенский А.И. Обоснованность решений, принятых в особом порядке главы 40 УПК РФ.... 356

Кондратенко А.А. Нравственные требования к прокурору в отрасли надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина 359

Косарев И.Е., Габдулганиев Д.Р. Целесообразность снятия моратория на смертную казнь в современной России..... 361

Котмакова Т.А. Актуальные проблемы правового статуса результатов деятельности искусственного интеллекта 365

Крюкова А.Ю. Самозащита как форма защиты прав потребителей 369

Кузнецова А.И. Правонарушение (преступление) и юридическая ответственность: теоретико-правовые аспекты 372

Купирова Ч.Ш., Алексеева К.Г. Обеспечение адвокатской тайны в цифровых каналах коммуникации 374

Купирова Ч.Ш., Максимов Д.Д. Адвокатская тайна в условиях цифровизации: правовые и этические риски 377

Курдубова В.В. Правовые и организационные аспекты использования генеративного искусственного интеллекта в образовательной деятельности ведомственных вузов 379

Леканова Е.Е. Последствия экологических преступлений и их отражение в российском уголовном законе 385

Малыгин С.А. Правовые основы и специфика охраны здоровья спортсменов 387

Медведев В.А., Гаврилов Р.Е. Адвокатская тайна в условиях цифровизации: новые угрозы и правовые средства их преодоления 390

Мирсаев Д.Т., Блинова Е.А. Критерии применения упрощенной системы налогообложения субъектами предпринимательской деятельности в РФ 393

Модзалевская Е.А. Истина в уголовном судопроизводстве: историческая ретроспектива 396

Монгуш А.Л., Ондар А.А., Куулар А.-Х.В. Субсидии юридическим лицам, подлежащие казначейскому сопровождению 398

Николаева А.А. Процессуальный порядок утверждения мирового соглашения арбитражным судом первой инстанции 404

Новикова А.А. Изъятие объекта незавершенного строительства и предоставление земельного участка для завершения строительства: баланс частных и публичных интересов 407

Новикова А.А. Тождество объекта незавершенного строительства: обязательственно-правовая и вещно-регистрационная модели 411

Пилипенко Е.С. Правовое регулирование закупок отдельных видов юридических лиц в Российской Федерации 414

Пилипенко Е.С. Правовое регулирование закупок, осуществляемых государственными учреждениями 416

Подлесова Ю.Н. Права военнослужащих как объект уголовно-правовой охраны 419

Рахимова К.Р. Организация работы органов прокуратуры по надзору за исполнением законов налоговой сфере 421

Соловьев О.Г., Евплов И.М., Лемешкина П.Е. Правовые аксиомы как инструмент юридической техники: историко-философские и нормативные аспекты 426

Тасаков В.С., Мульдияров А.Н. Особенности разработки адвокатом стратегии защиты в уголовном судопроизводстве 428

Толстова М.Л., Аюпова Д.А. Пределы допустимого использования ИИ-сервисов адвокатом 432

Фёдорова В.С. Проблемы правового регулирования деятельности маркетплейсов 434

Хабибуллина Э.Р. Рождение ребенка как юридический факт в праве социального обеспечения: пределы государственной поддержки родительства 437

Халимов Д.И. Особенности российского федерализма 441

Халимов Д.И. Понятие и признаки некоммерческих организаций 443

Худобина А.И. О кодификации гражданского права в странах Европы 446

Худобина А.И. Особенности признания гражданско-правового договора незаключённым 449

Худобина А.И. Сервитут как ограниченное вещное право в российском законодательстве ... 452

Шапошникова Е.В. Применение искусственного интеллекта (ИИ) в государственных закупках: анализ потенциала ИИ для оптимизации процедур, прогнозирования рисков, выявления мошенничества и выбора поставщиков 456

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Гомонов Н.Д., Труш В.М., Рашева Н.Ю. Генетическая предрасположенность к делинквентности..... 460

Грузинская Е.И., Доронина А.С., Лемешкина П.Е. К вопросу о приемах законодательной техники в современном российском правотворчестве 463

Доронин А.А. Особенности криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных ст. 207.3 УК РФ, совершенных с использованием информационных технологий 465

Иванова И.В. Особенности назначения наказания по делам о взяточничестве: кратный штраф, дополнительные наказания и исполнимость приговора 468

Иванова И.В. Цифровая валюта как предмет взяточничества: квалификация, размер взятки и момент окончания преступления 471

Марков Д.А. К вопросу об общественной опасности тайны усыновления (удочерения) 474

Михейкин А.Н., Евплов И.М., Хорошев А.С. Комплексная характеристика обмана как признака состава преступлений в сфере экономической деятельности 476

Модзалевская Е.А. К вопросу об уголовно-правовой защите тайны усыновления 479

Попенков А.В. Оптимизация подследственности преступлений, совершаемых коллекторскими агентствами 481

Шалагин А.Е., Идиятуллов А.Д. Изучение дисциплины «Организация противодействия незаконному обороту наркотиков» курсантами и слушателями образовательных организаций МВД России..... 483

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Кордон Т.А. Институционально-коммуникативный компонент межкультурного взаимодействия в музыкальной среде: подготовка специалистов 488

Соловьева А.С., Илларионова Л.В. Межкультурный диалог в практике учреждений культуры: опыт реализации проекта «Мост дружбы» в г. Канаше 493

Чиванова Н.М., Андреев Г.И. Праздник «Пеледыш пайрем» как фактор формирования межкультурного пространства современной России 498

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Габдулганиев Д.Р., Косарев И.Е. Административная правоспособность и дееспособность граждан Российской Федерации 504

Лавриненко А.А., Петровская А.В. Проблемы нормирования рабочего времени: анализ трудового законодательства..... 506

Самиулина Я.В. Предупреждение как вид административного наказания: проблемы эффективности правового регулирования и практики применения..... 509

Хомченко И.Г. Политико-правовое регулирование миграционных процессов в современной России.....511

Шантырь Ю.Р. Резерв управленческих кадров как инструмент кадровой политики: нормативно-правовой аспект (на примере Магаданской области)..... 515

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Блинова Е.А. Принцип независимости денежно-кредитной политики как правовая основа финансового суверенитета России 518

Мелешенко Н.М. Взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества по обеспечению безопасности приграничного региона..... 521

Паевская С.Л. Институционально-правовой механизм обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации..... 527

Сорокин О.Н., Максынюк Е.В. Современные методы противодействия коррупции 533

Щёкина Д.М. Совершенствование таможенно-тарифной политики ЕАЭС в целях укрепления конкурентоспособности национального бизнеса на едином рынке 537

Якимова У.А. К вопросу о гарантиях конституционных прав и свобод человека и гражданина 540

Якимова У.А. Конституционно-правовое обеспечение кибербезопасности в условиях развития цифровизации 543

Якимова У.А. Право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени как личное право российских граждан 545

Якимова У.А. Право на охрану здоровья и медицинскую помощь как социальное право российских граждан: конституционно-правовой анализ проблем реализации 547

Якимова У.А. Право определять и указывать свою национальную принадлежность, а также право на пользование родным языком как личные права российских граждан 550

Якимова У.А. Цифровизация в вопросе безопасности защиты персональных данных российских граждан..... 552

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

Богославцева Людмила Викторовна
канд. экон. наук, доцент
Затуливетров Константин Евгеньевич
студент
Герман Эдуард Алексеевич
студент

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)»
г. Ростов-на-Дону, Ростовская область

СБАЛАНСИРОВАННОСТЬ БЮДЖЕТА КАК УСЛОВИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ФИНАНСИРОВАНИЯ РАСХОДНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Аннотация: *в статье исследуются вопросы сбалансированности и укрепления бюджетов публично-правовых образований с точки зрения финансового обеспечения национальных целей и задач. Проанализированы теоретико-методологические выводы современных отечественных ученых-экономистов о содержании «сбалансированности» бюджетов». Сформулирован вывод о необходимости развивать финансовые инструменты достижения сбалансированности бюджетов.*

Ключевые слова: *бюджеты публично-правовых образований, доходы, расходы, сбалансированность, инструменты сбалансированности.*

Достижение сбалансированности и устойчивости бюджетной системы представляет собой ключевую задачу бюджетной политики, реализуемой в рамках программных документов, регулирующих сферу государственных финансов. В Основных направлениях бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на текущий год и на плановый период закрепляется задача обеспечить финансовыми ресурсами реализацию национальных проектов. И этот подход, как определено в направлениях бюджетной политики на 2027 год и на 2028–2029 годы сохраняется на обозримую перспективу.

Развитие социальной и производственной сферы невозможно без достаточных финансовых поступлений для финансирования расходов бюджетов публично-правовых образований, обусловленных национальными целями и бюджетными полномочиями. Решение этой задачи требует применения четких правил, принципов и финансовых инструментов построения бюджетной конструкции государства, обеспечивающей не только устойчивость и сбалансированность бюджетной системы, но и ее экономическую безопасность.

Основное правило построения бюджета заключается в обеспечении расходных обязательств доходными источниками.

Бюджетное правило предопределило содержание одного из основополагающих принципов бюджетной системы страны – принципа сбалансированности бюджетов, в соответствии с которым объем предусмотренных бюджетом расходов должен соответствовать суммарному объему доходов бюджета и поступлений из источников финансирования его дефицита. Принцип сбалансированности выступает важным элементом бюджетного устройства, выражающим его обязательное исполнение на всех уровнях бюджетной системы, и обеспечивает прямые и обратные связи между бюджетными правоотношениями. Такой подход, обосновывает не просто необходимость регулирования бюджетов по показателям или характеристикам, а подтверждает важность концептуального теоретико-правового подхода к решению финансовых и бюджетных проблем.

Концептуальный теоретико-правовой подход определил необходимость исследования взаимоотношение «дефицита» и «уравновешенности» бюджета, так:

– первый показатель «дефицит» отражает нехватку доходов, необходимых для поддержания сбалансированного финансирования;

– второй показатель «уравновешенность» означает длительное устойчивое равенство доходов и расходов с учетом внутренних и внешних рисков.

Таким образом, базовым условием бюджетного процесса является «сбалансированность бюджетов», которая проявляется в виде количественного отражения финансирования расходов.

Сбалансированность бюджета является фундаментом при рассмотрении и утверждении бюджета, ее обеспечение основывается на полном исполнении расходов благодаря доходам соответствующего бюджета. Когда наблюдается недостаток доходов для реализации бюджетных полномочий, государство предпринимает следующие очень понятные меры: поиск дополнительных доходов или оптимизация расходов.

Однако, на практике реализовать конкретные инструменты этих мер достаточно сложно. Об этом свидетельствует практико-ориентированное понятие «сбалансированности бюджета», закрепленное в статье 33 Бюджетного кодекса Российской Федерации. Принцип сбалансированности бюджета состоит в том, чтобы объем предусмотренных бюджетом расходов соответствовал суммарному объему доходов бюджета и поступлений источников финансирования его дефицита, уменьшенных на суммы выплат из бюджета, связанных с источниками финансирования дефицита бюджета и изменением остатков на счетах по учету средств бюджетов.

Среди фундаментальных научных исследований о бюджетных отношениях в переходный период к рыночным условиям следует выделить работы профессора Родионовой В.М. В экономической литераторе последних лет важное значение сбалансированности бюджетов публично-правовых образований, гибкости и эффективности распоряжения бюджетными ресурсами для развития государства исследовалось Белозеровой К.С., Ивановой О.Б., Кривоносовой Н.Я., Кузнецовой Ж.С., Ткаченко Р.В., Шевляковой А.Н. и др.

Рассмотрим наиболее разнообразные по содержанию выводы о сбалансированности бюджетов:

– Родионова В.М. отмечала, что проблема распределения государственных финансовых ресурсов так и осталась до конца не решенной, что отрицательно влияет на сбалансированность бюджетов всех уровней [5, с. 54];

– Кривоносова Н.Я. обосновывает бюджетное равновесие как междисциплинарную категорию, отмечая, что сбалансированность может носить разный характер и иметь различные причины возникновения [4, с. 62];

– Белозерова К. С. исследует методы обеспечения сбалансированности и их правовое закрепление [1, с. 27];

– Иванова О.Б. подчеркивает, что обеспечение краткосрочной и долгосрочной бюджетной устойчивости – обязательное условие обеспечения макроэкономической стабильности [3, с. 228];

– Шевлякова А.Н. приходит к выводу, что принцип сбалансированности сложная категория, при анализе которой необходимо учитывать, что баланс бюджета должен достоверно отражать ситуацию в публичных финансах при максимальной эффективности деятельности государственных органов [6, с. 170].

Фактически исследователи едины в том, что сбалансированность бюджета – это качество бюджета, которое отражает степень его способности обеспечивать бесперебойное финансирование. Можно сделать вывод, что и практики, и ученые, в целом, определяют сбалансированность через призму доходной и расходной частей бюджетов, их сравнение или пропорцию. В экономической литературе обсуждаются вопросы разработки методов обеспечения сбалансированности бюджета в среднесрочной перспективе [2, с. 467]. При этом, к общей точке зрения, можно отнести вывод о том, что достижение такого бюджетного равенства представляет собой сложную задачу. Его можно обеспечить лишь при условии постоянного государственного финансового контроля.

Признавая сложность обеспечения бюджетного баланса, не вызывает сомнения необходимость решать эту бюджетную задачу с учетом адаптации к постоянно меняющимся внутренним и внешним условиям, влияющим на бюджетную политику. В связи с этим для укрепления финансовой устойчивости бюджетов бюджетной системы страны особую практическую значимость приобретает переосмысление не только теоретических положений, но и формирование конкретных финансовых инструментов бюджетных отношений с учетом экономических и политических условий.

В экономической литературе выделяют следующие финансовые инструменты достижения сбалансированности бюджета:

1) за счет укрепления доходной базы бюджетов:

– при оптимальном соотношении поступлений от налоговых и неналоговых источников;

– через регулируемое использование межбюджетных трансфертов в сочетании с собственными доходами территорий, что предполагает в условиях современной экономической конъюнктуры применение комплексного подхода к регламентированию межбюджетных отношений, который реализуется посредством методик;

– за счет оптимального привлечения целевых заимствований и источников погашения бюджетного дефицита;

2) за счет эффективного, результативного и целевого использования бюджетных средств.

На фоне активного развития принципа самостоятельности бюджетов страны важное значение приобретает обеспечение финансовой самостоятельности и устойчивости бюджетов всех уровней.

К сожалению, длительное время местные бюджеты страны оставались дотационными. В силу своего экономического содержания, местные бюджеты, выступая главным механизмом перераспределения финансовых средств местных органов власти, законодательно определены финансово обеспечивать социально-экономическое развитие муниципальных территорий.

Современная система распределения финансов между уровнями власти, при которой размеры отчислений от налогов центра и регионов, а также субсидии муниципальным образованиям определяются отдельно, основываясь на цели обеспечения бюджетного равновесия всех муниципалитетов. Данный механизм не создает достаточных побудительных причин для органов местного самоуправления к увеличению самостоятельно собираемых доходов своих бюджетов.

Таким образом, важность и своевременность разрешения проблем сбалансированности бюджетов всех уровней сохраняет свою практическую значимость. Разработка и применение современных финансово-бюджетных инструментов формирования и исполнения бюджетов публично-правовых образований призваны обеспечить их сбалансированность и устойчивость.

Список литературы

1. Белозерова, К. С. Методы обеспечения сбалансированности бюджетов субъектов Российской Федерации, их правовое закрепление / К. С. Белозерова // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 11 (108). – С. 27–33.

2. Development of methods ensuring balanced budgets in the medium term / L. V. Bogoslavtseva, O. Y. Bogdanova, O. I. Karepina, O. S. Dzhu // International Journal of Economics and Business Administration. – 2019. – Vol. 7. – P. 467–476. – DOI 10.35808/ijeba/292. – EDN SYNSLS.

3. Иванова, О. Б. Применение правил бюджетной сбалансированности в условиях экономической неопределённости / О. Б. Иванова, Е. Д. Костоглодова // Развитие российской экономики и ее финансовая безопасность в условиях современных вызовов и угроз : материалы Международной научно-практической онлайн-конференции (Ростов-на-Дону, 22–23 октября 2020 г.). – Ростов-на-Дону : РГЭУ «РИНХ», 2020. – С. 227–231. – EDN BXVVTF.

4. Кривоносова, Н. Я. Теория и практика сбалансированности бюджетов субфедерального уровня / Н. Я. Кривоносова // Известия БГУ. – 2013. – № 6. – С. 61–65. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-i-praktika-sbalansirovannosti-byudzhetov-subfederalnogo-urovnya (дата обращения: 26.10.2026). – Текст : электронный.

5. Родионова, В. М. Сбалансированность бюджетов: теоретический и правовой аспекты / В. М. Родионова // Финансы. – 2012. – № 4. – С. 54–60.

6. Шевлякова, А. Н. О соотношении принципа сбалансированности бюджета с другими принципами бюджетной системы / А. Н. Шевлякова // Евразийская адвокатура. – 2024. – № 6 (71). – С. 170–174. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-printsipa-sbalansirovannosti-byudzheta-s-drugimi-printsipami-byudzhetnoy-sistemy (дата обращения: 26.10.2026). – Текст : электронный.

Емелин Александр Михайлович
бакалавр, студент
Научный руководитель
Широкова Елена Александровна
канд. экон. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет»
г. Магадан, Магаданская область

ПРОБЛЕМА ОТТОКА НАСЕЛЕНИЯ ИЗ МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация: *в статье рассматривается одна из самых острых региональных проблем России – непрекращающийся демографический кризис в Магаданской области. Автор анализирует причины многолетнего оттока населения, который продолжается со времен распада СССР, оценивает текущую социально-экономическую ситуацию в регионе и формулирует связь между демографической ситуацией и человеческим потенциалом региона. Особое внимание уделяется факторам, определяющим качество жизни: суровым климатическим условиям, уровню доходов, развитости инфраструктуры и специфике местного рынка труда. В заключении предлагаются возможные пути стабилизации численности населения. путем комплексной перезагрузки арктической и северной политики государства, включая создание принципиально новых стимулов для закрепления молодежи и специалистов на Дальнем Востоке.*

Ключевые слова: *демографический кризис, Магаданская область, отток населения, качество жизни, миграция, человеческий потенциал.*

Введение.

Магаданская область занимает особое положение на карте России. Будучи стратегически важным форпостом на Северо-Востоке страны, обладая колоссальными запасами минеральных ресурсов и выходом к Тихоокеанскому бассейну, регион на протяжении десятилетий сталкивается с фундаментальным вызовом, угрожающим его развитию, – глубоким кризисом народонаселения.

Демографическая убыль опасна не сама по себе: она означает сокращение человеческого потенциала региона – его количественных (численность) и качественных (образование, трудовые навыки) характеристик. Именно человеческий потенциал выступает связующим звеном между демографией и экономикой: от него зависят предложение рабочей силы, емкость внутреннего рынка и способность территории удерживать и воспроизводить кадры.

Актуальность исследования обусловлена тем, что демографическое сжатие на Севере нашей страны – это не просто статистическая проблема уменьшения цифр в отчетах Росстата. Это комплексный кризис, который напрямую бьет по экономике. Убыль населения ведет к острому дефициту кадров во всех сферах – от промышленности и добычи драгметаллов до здравоохранения и образования. Стареет инфраструктура, содержать огромные северные территории становится экономически невыгодно, а привлекать новых специалистов все сложнее из-за суровых климатических условий, экономической обстановки в регионе и конкуренции с другими динамично развивающимися регионами.

Объект исследования – демографические процессы в Магаданской области. Предмет исследования – социально-экономические факторы и механизмы, влияющие на миграционную и естественную динамику населения региона.

Актуальность проблемы.

Отток населения рассматривается не только как демографическая, но и как потеря человеческого потенциала – важного экономического ресурса субъекта РФ.

Поскольку далее речь пойдет о потерях региона в людских ресурсах, необходимо уточнить, что понимается под человеческим потенциалом.

Человеческий потенциал – это совокупность (система, запас, ресурс, резерв) имеющихся (сформированных, накопленных) физических или духовных (природных или нравственных, культурных) качеств (способностей, характеристик, сил, возможностей, свойств, навыков, компетенций, знаний, умений) населения, реализуемых в разнообразных сферах деятельности (межличностном общении, потреблении) для развития (воспроизводства, повышения, улучшения) общества (группы, общности, качества жизни) с учетом исторических (национальных, природных, демографических, технологических) условий [1].

Человеческий потенциал региона включает не только численность жителей, но и их квалификацию, состояние здоровья, образовательный уровень и готовность остаться в регионе. Отток населения – это, по сути, утрата накопленного человеческого потенциала: уезжают наиболее мобильные, молодые и квалифицированные, то есть те, кто создает наибольшую добавленную стоимость.

Главная проблема региона – перманентная миграционная убыль. Если в советский период Магаданская область привлекала население высокой зарплатой и «северными» льготами, то с переходом к рыночной экономике эта система рухнула. Сегодня северяне сталкиваются с целым комплексом вызовов: суровые природно-климатические условия, высокая стоимость жизни (включая дорогие продукты питания, ЖКХ и логистику), ограниченность рынка труда вне горнодобывающей промышленности и недостаточно развитая социальная инфраструктура.

Ситуация усугубляется естественной убылью жителей. Хотя в последние годы темпы падения рождаемости несколько стабилизировались, общая структура населения региона деформируется: растет доля граждан старшего возраста при одновременном сокращении жителей репродуктивного возраста. Это создает критическую нагрузку на региональный бюджет, систему здравоохранения и пенсионного обеспечения.

Научная и практическая значимость исследования этой проблемы очевидна. Освоение новых месторождений полезных ископаемых и развитие Северного морского пути требует постоянного, а не временного населения.

Посмотрим на миграцию с 2021 по 2024 год (в таблице 1 представлены данные с Росстата [2]).

Таблица 1

Год	Прибывшие	Выбывшие	Прирост (+), убыль (-)	Темп роста %
2021	6735	7125	-390	94,52
2022	6674	7719	-1045	86,46
2023	6498	6910	-412	94,03
2024	7913	6063	1850	130,51

В течение данного периода времени в миграционной динамике Магаданской области был отрицательный результат с наибольшим значением в 2022 году с убылью в 1045 человек. Суммарно с 2021 по 2023 года убыло 1847 человек. Но в 2024 году ситуация значительно изменилась прирост превзошел убыль за 3 предыдущих года, что несомненно хороший результат. Связан данный прирост скорее всего с тем что уже реализовывались меры по улучшению демографической ситуации в Магаданской области.

Основные причины миграционной убыли можно разделить на несколько групп.

1. Суровые климатические условия и экологический фактор: Магаданская область относится к районам Крайнего Севера с суровым климатом, характеризующимся долгими зимами и дефицитом солнечного света. *Влияние на здоровье:* проживание в подобных условиях приводит к накопленной усталости, развитию хронических заболеваний и это означает прямые потери качества человеческого потенциала.

2. Высокая стоимость жизни и «северная ловушка». Медианные зарплаты в Магадане формально выше, чем в среднем по стране, однако этот показатель нивелируется стоимостью жизни. *Цены на товары и услуги:* из-за сложной логистики (доставка морем или авиацией) цены на продукты питания, одежду, медикаменты и коммунальные услуги значительно выше чем на западе страны. *«Эффект съеденных доходов»:* высокие заработки часто уходят на покрытие базовых потребностей и оплату дорогостоящих отпусков. Поездка всей в центральные районы страны раз в два года (традиционные «дорожные» расходы) становится серьезным бременем для семейного бюджета, а без регулярной смены климата жить на севере физически тяжело.

3. Инфраструктурные ограничения и транспортная изоляция. Магаданская область и сегодня во многом остается транспортным тупиком. *Транспортная недоступность:* главными «воротами» субъекта РФ является аэропорт, цены на билеты в летний период часто становятся неподъемными. Железной дороги до Магадана нет, а автомобильное сообщение с другими регионами (колымская трасса) развито слабо и зависит от сезона.

4. Проблемы на рынке труда и ограниченность карьерных траекторий. Несмотря на востребованность специалистов в горнодобывающей промышленности, структура региональной экономики монопрофильна, это в свою очередь не позволяет реализовать человеческий потенциал. *Дисбаланс вакансий:* за пределами золотодобычи и смежных отраслей найти высокооплачиваемую работу крайне сложно. *Отсутствие перспектив для молодежи:* выпускники местных колледжей, техникумов и 1 ВУЗа часто не видят возможностей для профессиональной реализации. Многие уезжают еще до поступления, а получив образование в других городах, уже не возвращаются обратно.

5. Жилищный вопрос и износ фонда. Жилищный рынок в Магаданской области развит слабо: объемы нового строительства невелики, а вторичный фонд во многих районах морально и физически устарел. Получение льготной ипотеки помогает удерживать часть населения, однако высокие цены на квадратный метр и общая депрессивность рынка жилья в малых поселках области стимулируют людей продавать жилье за бесценок и уезжать.

6. Перспективы выхода на пенсию («фактор материка»). Значительная часть жителей рассматривает жизнь на Колыме как временную – исключительно как способ заработка до выхода на пенсию. Достигнув пенсионного возраста, северяне стремятся переехать в регионы с мягким климатом. Этому способствует государственная программа переселения из районов Крайнего Севера, однако очереди на получение сертификатов движутся медленно, что заставляет людей уезжать самостоятельно за счет собственных накоплений. Регион выращивает человеческий потенциал, но не удерживает его на этапе зрелости.

Перечисленные причины целесообразно рассмотреть через призму человеческого потенциала: одни факторы снижают качество потенциала (климат, здоровье), другие ограничивают его реализацию (рынок труда).

Существующие государственные программы поддержки дальнего востока («Дальневосточная ипотека», «Гектар», «Арктическая ипотека») дают определенный эффект, однако они не переломили глобальный тренд потери населения. В этих условиях необходим глубокий пересмотр социально-экономической политики регионального и федерального уровней, создание принципиально новых стимулов для закрепления кадров на Севере.

Предлагаемые меры направлены на сохранение, воспроизводство и реализацию человеческого потенциала субъекта РФ., при этом они могут быть разделены на группы: удержание (не дать уехать), привлечение (привезти новых) и капитализация (создать условия для реализации потенциала):

1. Стимулирование экономической активности и создание новых вакансий: *Диверсификация экономики:* снижение зависимости от сырьевого сектора путем развития новых отраслей, таких как туризм (научный, экологический, спортивный), сельское хозяйство, развитие малого и среднего бизнеса. *Привлечение инвестиций:* Создание благоприятного инвестиционного климата через упрощение административных процедур, предоставление государственных гарантий и субсидий для инвесторов, готовых создавать производства и трудовые позиции. Особое внимание стоит уделить привлечению инвестиций в проекты, ориентированные на местное сырье и трудовые ресурсы.

1. Повышение уровня жизни и создание комфортной среды проживания: *Развитие жилищного строительства:* Реализация программ доступного жилья, включая льготную ипотеку, субсидии на строительство, а также развитие арендного жилья. Важно учитывать специфику северного строительства и внедрять энергоэффективные технологии.

2. Привлечение и удержание квалифицированного персонала: *Целевая подготовка специалистов:* Разработка программ целевой подготовки в ВУЗах, техникумах и колледжах, ориентированных на потребности экономики Магаданской области. *Программы привлечения специалистов:* Разработка и реализация программ привлечения молодых специалистов и опытных профессионалов из других регионов, включая предоставление подъемных и льготного жилья.

Некоторые из перечисленных мер уже реализуются: Выплаты семьям с детьми единовременная на первого и ежемесячная на третьего, есть региональный материнский капитал. Модернизируется медицинская инфраструктура. Расширяют программы для молодых специалистов «Земский доктор», «Земский учитель» и «Земский работник культуры». Реализовываться начали в 2014 году и единственным положительным прорывом был вышеупомянутый 2024 год. Но это все точечные мероприятия, в данной ситуации требуется что-то более глобальное, что уже реализуется, но на данный момент нет сроков окончания проекта.

Вывод.

Проведенный анализ позволил выявить ключевые причины, формирующие негативную демографическую динамику в Магаданской области. Исторически сложившиеся условия, экономическая нестабильность, а также недостаточная развитость социальной инфраструктуры оказывают значительное влияние на миграционные процессы и естественное движение населения. Последствия этих тенденций уже ощутимы: дефицит трудовых ресурсов, снижение потребительского спроса и потенциальное ослабление социальной сферы. Для преодоления демографического спада необходим системный подход, учитывающий, как макроэкономические, так и локальные особенности субъекта федерации, с целью создания привлекательной среды для жизни и работы.

Таким образом, отток населения из Магаданской области следует рассматривать прежде всего, как утрату человеческого потенциала территории. Регион обладает ресурсным богатством, но без людей – это богатство не может быть превращено в устойчивое развитие. Поэтому демографическая политика должна быть одновременно политикой сохранения и капитализации человеческого потенциала: удерживать молодежь, воспроизводить новые кадры и создавать условия для реализации на месте.

Список литературы

1. Локосов, В. В. Человеческий потенциал: определение и структура / В. В. Локосов // ИСЭПН ФНИСЦ РАН : сайт. – URL: https://www.fnisc.ru/files/File/Uchen_sovet_17_04_24_Lokosov.pdf (дата обращения: 20.10.2026). – Текст : электронный.

2. Управление Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю, Магаданской области, Еврейской автономной области и Чукотскому автономному округу. Население // Сайт Хабаровскстата. – URL: https://27.rosstat.gov.ru/folder/25680 (дата обращения: 20.10.2026). – Текст : электронный.

Кумаллагова Светлана Юрьевна
студентка
Романова Анастасия Сергеевна
студентка

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

ПОРОГОВЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И МЕТОДЫ ИХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Аннотация: *в статье рассмотрены теоретические и методические подходы к определению пороговых значений экономической безопасности. Обоснована роль пороговых индикаторов как инструмента диагностики угроз и принятия управленческих решений. Актуальность темы обусловлена возрастающей нестабильностью мировой экономики, усилением санкционного давления и необходимостью количественной диагностики кризисных явлений. Систематизированы методы определения пороговых значений: нормативный, статистический, экспертный, индексный и комбинированный. Показано, что пороговые значения не являются статичными и должны пересматриваться с учётом изменения внешней и внутренней среды. Предложен алгоритм определения пороговых значений для организации, учитывающий отраслевую специфику и стратегические приоритеты.*

Ключевые слова: *экономическая безопасность, пороговые значения, индикаторы, угрозы, диагностика, методы определения.*

В условиях возрастающей нестабильности мировой экономики, усиления санкционного давления и трансформации хозяйственных связей вопросы обеспечения экономической безопасности приобретают особую актуальность. Экономическая безопасность рассматривается как состояние защищённости национальной экономики и её субъектов от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются устойчивое развитие, конкурентоспособность и достойные условия жизнедеятельности населения.

Одним из ключевых инструментов оценки уровня экономической безопасности является система пороговых значений.

Под пороговым значением понимается предельно допустимая величина показателя, при выходе за которую в экономической системе начинают накапливаться деструктивные тенденции, а способность к устойчивому воспроизводству оказывается под вопросом. Именно пороговые значения позволяют перейти от качественных суждений к количественной диагностике и своевременно выявлять кризисные явления.

Пороговые значения выполняют три основные функции:

– индикативную – сигнализируют о приближении к опасной черте;

– ограничительную – устанавливают пределы допустимых отклонений;

– управленческую – служат основой для корректировки экономической политики.

Согласно Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года оценка состояния экономической безопасности должна базироваться на системе показателей и их пороговых значений. При этом перечень пороговых значений утверждается Правительством РФ и регулярно уточняется. Пороговые значения могут устанавливаться для макро-, мезо- и микроуровней.

На макроуровне – это, например, доля ВВП на душу населения, уровень инфляции (не более 4–5%), дефицит бюджета (не более 3% ВВП), объём золотовалютных резервов. На уровне региона – показатели бюджетной обеспеченности, инвестиционной активности, уровня безработицы. На уровне предприятия – коэффициенты ликвидности (текущей ликвидности – не менее 1,5), финансовой устойчивости (коэффициент автономии – не менее 0,5), рентабельности, износа основных фондов, кадровой обеспеченности.

Анализ научной литературы и практики позволяет выделить несколько основных методов определения пороговых значений. Все методы можно условно разделить на две группы: базовые (традиционные) и комплексные (интегральные).

Базовые (*традиционные*) *методы* включают нормативный, статистический и экспертный подходы.

Нормативный метод опирается на законодательно закреплённые нормативы – например, предельный дефицит бюджета в 3% ВВП. Его сильные стороны – простота и легитимность, слабая – игнорирование отраслевой и региональной специфики.

Статистический метод предполагает расчёт пороговых значений на основе средних, медианных значений или стандартных отклонений за ретроспективный период. Преимущества – объективность и опора на фактические данные; ограничения – необходимость длительных рядов наблюдений и возможная инерционность.

Экспертный метод связан с привлечением специалистов для определения критических границ. Он позволяет учесть качественные факторы и обеспечивает гибкость, но характеризуется субъективностью и зависимостью от компетенции экспертов.

Комплексные (*интегральные*) *методы* включают индексный и комбинированный подходы.

Индексный метод основан на построении интегральных индексов и сравнении с эталоном. Он обеспечивает комплексность и возможность межстрановых сравнений, однако сложен в выборе весов и трудоёмок.

Комбинированный метод сочетает нормативный, статистический и экспертный подходы. Он обеспечивает наиболее полный учёт факторов, но требует значительных ресурсов.

На практике чаще всего используется комбинированный подход. Например, для оценки финансовой составляющей экономической безопасности предприятия применяются нормативные значения коэффициентов ликвидности (нормативный метод), которые корректируются с учётом среднеотраслевых показателей (статистический метод) и экспертных оценок (экспертный метод).

Следует отметить, что индикаторный подход, при котором в качестве индикаторов выступают пороговые значения показателей, признаётся рядом исследователей наиболее универсальным методом оценки экономической безопасности.

Для формирования и реализации системы пороговых значений на уровне организации предлагается следующий алгоритм:

– *формирование системы индикаторов* – отбор наиболее значимых показателей, характеризующих финансовую, кадровую, технико-технологическую, информационную, экологическую и силовую составляющие экономической безопасности;

– *сбор ретроспективных данных* – анализ динамики показателей за 3–5 лет, выявление тенденций;

– *определение базовых пороговых значений* – на основе нормативов, среднеотраслевых значений и экспертных оценок;

– *расчёт интегрального показателя* – свёртка частных индикаторов в интегральный индекс с учётом весовых коэффициентов. Весовые коэффициенты определяются экспертным методом или методом анализа иерархий (МАИ);

– *сравнение фактических значений с пороговыми* – выявление отклонений и зон риска;

– *корректировка пороговых значений* – пересмотр с учётом изменения внешней среды, стратегических целей и накопленного опыта. Периодичность пересмотра – ежегодно или при изменении стратегии развития организации.

Таким образом, пороговые значения являются важнейшим инструментом диагностики и управления экономической безопасностью. Их определение требует комплексного подхода, сочетающего нормативные, статистические и экспертные методы. Предложенный алгоритм позволяет адаптировать систему пороговых значений к условиям конкретной организации и своевременно выявлять угрозы.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» : от 13.05.2017 №208 : ред. от 21.12.2023 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 15.10.2026). – Текст : электронный.
2. Экономическая безопасность предприятия / А. К. Моденов, Е. И. Белякова, М. П. Власов, Т. А. Лелявина ; СПбГАСУ. – Санкт-Петербург, 2019. – 550 с. – EDN MORRVH.
3. Сенчагов, В. К. Экономическая безопасность России: общий курс / В. К. Сенчагов. – Москва : Дело, 2018. – 818 с.
4. Скорых, С. В. Использование ключевых показателей эффективности при обеспечении экономической безопасности предприятия / С. В. Скорых // Экономика. Право. Инновации. – 2019. – № 4. – С. 27–30. – EDN YOLZMH.

Курдубова Варвара Вениаминовна
канд. пед. наук, доцент
ФГКВОУ ВО «Военная орденов Жукова и Ленина
Краснознаменная академия связи
им. Маршала Советского Союза С.М. Буденного»
Министерства обороны Российской Федерации
г. Санкт-Петербург

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ВОЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

Аннотация: *в статье рассматриваются организационные и экономические аспекты использования технологий искусственного интеллекта в образовательной деятельности военного вуза. На основе анализа научных публикаций и нормативных документов предложена система критериев оценки и поэтапный механизм принятия управленческих решений. Показано, что положительный эффект возможен при применении ИИ к конкретным типовым задачам, обязательной экспертной проверке результатов и сохранении ведущей роли преподавателя. Предлагаемый подход имеет теоретико-методический характер и может служить основой для последующей апробации в образовательных организациях высшего образования.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, военное образование, экономическая эффективность, управление образовательным процессом.*

Цифровая трансформация высшего образования сопровождается расширением возможностей применения искусственного интеллекта (ИИ) при подготовке учебных материалов, организации самостоятельной работы, оценке образовательных результатов и решении административных задач. В Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года и стратегическом направлении цифровой трансформации науки и высшего образования до 2030 года развитие соответствующих технологий рассматривается в числе значимых направлений модернизации [8; 10]. При этом наличие технической возможности ещё не означает организационной целесообразности и экономической результативности её использования.

Для военных образовательных организаций данный вопрос имеет особую специфику. Результаты подготовки должны отвечать профессиональным требованиям; значительная часть образовательной деятельности предполагает установленный режим обращения с информацией; практические навыки курсантов формируются не только посредством решения типовых задач, но и в условиях самостоятельного анализа обстановки, принятия решений и личной ответственности. Поэтому перенос общих подходов к цифровизации гражданского университета в военный вуз без дополнительных ограничений представляется методически недостаточным.

Цель данного исследования – предложить теоретико-методический подход к оценке организационно-экономической эффективности применения ИИ в военном образовании. Исследование не претендует на получение эмпирических оценок, предложенные показатели нуждаются в проверке, что предполагается выполнить в последующих работах автора.

В исследованиях, посвящённых использованию ИИ в высшей школе, отмечаются его возможности для персонализации обучения, создания образовательного контента и поддержки деятельности преподавателей. Вместе с тем подчёркиваются риски некорректных ответов, зависимости обучающихся от автоматизированных подсказок и недостаточной прозрачности результатов [4; 11; 14]. Работы, непосредственно рассматривающие военные вузы, обращают внимание на управление знаниями, построение цифровой образовательной среды и необходимость учитывать специфику военно-профессиональной подготовки [1; 3].

Экономическая оценка инновации традиционно сопоставляет получаемые результаты с ресурсами, затраченными для их достижения. Однако требуется различать понятия: технологическую результативность, организационную эффективность и экономическую эффективность.

Под технологической результативностью предлагается понимать способность системы ИИ корректно выполнять заранее заданную функцию. Организационная эффективность отражает изменение учебных и управленческих процессов: сокращение сроков подготовки материалов, повышение доступности обратной связи, упорядочение методической работы. Экономическая эффективность показывает, насколько обоснованны совокупные затраты на получение этих результатов.

Применительно к военному вузу предлагается принцип приоритетности образовательного результата: внедрение ИИ признаётся целесообразным только при сохранении или повышении качества подготовки и соблюдении обязательных требований. Денежная экономия рассматривается как дополнительное, а не единственное основание для внедрения. Такой подход соответствует задачам управления качеством образования и человекоориентированной концепции применения ИИ [7; 11; 13].

Наиболее реалистичной представляется последовательная автоматизация отдельных трудоёмких операций, для которых существуют проверяемые исходные данные и понятные критерии качества. В деятельности преподавателя это подготовка первоначальных вариантов учебных планов и вопросов для самоконтроля, структурирование общедоступных материалов, формирование нескольких вариантов задач, разработка иллюстративных примеров и редактирование текста. При работе с такими результатами необходима содержательная проверка, поскольку генеративные модели могут давать убедительные, но ошибочные объяснения [4; 12; 13].

Для кафедр, осуществляющих подготовку специалистов связи, особый интерес представляет создание вариативных учебных заданий по математике, информатике, теории сетей и основам обработки сигналов. Например, ИИ может предложить набор исходных данных для расчёта характеристик условного канала связи, сформировать вопросы к модели сети или помочь подготовить несколько версий задания на оптимизацию маршрута. Однако допустимость такого применения ограничивается использованием учебных, открытых либо специально обезличенных исходных материалов. Корректность математической постановки, техническая реализуемость и соответствие рабочей программе проверяются преподавателем.

В работе с курсантами ИИ потенциально полезен как дополнительный инструмент объяснения базовых понятий и организации самостоятельной тренировки. При этом итоговая оценка знаний, навыков и самостоятельности решения должна оставаться в сфере ответственности преподавателя. Иначе возникает риск подмены результата обучения качеством машинной подсказки. Исследования отношения студентов и преподавателей к генеративному ИИ указывают на необходимость обучения грамотному использованию подобных инструментов и формирования понятных правил их применения [2; 12].

На уровне управления образовательным процессом возможны анализ обезличенной статистики учебных затруднений, подготовка проектов аналитических справок и классификация типовых обращений. Однако такие сценарии имеют смысл лишь при наличии достоверных данных, определённых полномочий пользователей и утверждённого порядка контроля. Для военной образовательной организации принципиально важно не смешивать общедоступные учебно-методические задачи с обработкой информации ограниченного доступа.

Для комплексной оценки предлагается использовать четыре группы критериев: *ресурсные, образовательные, организационные и ограничительные*. Первые три характеризуют ожидаемые эффекты, последняя определяет допустимость внедрения. Наличие ограничительной группы означает, что успешные экономические показатели не компенсируют нарушение требований безопасности или существенное ухудшение качества обучения.

Таблица 1

Предлагаемые критерии оценки применения ИИ

Группа	Содержание оценки	Примеры показателей
Ресурсная	Соотношение экономии времени и совокупных затрат	Трудоёмкость, лицензии, сопровождение, проверка
Образовательная	Сохранение и улучшение результатов обучения	Качество заданий, освоение тем, самостоятельность
Организационная	Изменение управляемости учебной работы	Срок подготовки, повторное использование, нагрузка
Ограничительная	Допустимость использования решения	Режим информации, защита данных, экспертный контроль

Рассмотрим подробнее предлагаемые группы.

Ресурсный блок предусматривает учёт всех затрат, возникающих не только при приобретении цифрового инструмента, но и в течение его эксплуатации. К ним относятся стоимость доступа или развертывания решения, необходимые вычислительные ресурсы, подготовка сотрудников, техническая поддержка, разработка локальных инструкций и дополнительное время на проверку сгенерированных материалов. Если система экономит время на составлении заданий, но требует длительного исправления ошибок, реальный выигрыш может оказаться незначительным. Важно также разделять высвобождение рабочего времени и фактическую экономию бюджетных средств: первое не всегда автоматически приводит ко второму.

Образовательный блок включает точность учебного содержания, соответствие заданий планируемым результатам, возможность объективной проверки, самостоятельность выполнения работ и устойчивость сформированных знаний.

Организационный блок характеризует скорость подготовки и обновления методических материалов, согласованность работы преподавателей, доступность вариантов заданий и воспроизводимость образовательных процедур. Для измерения этих показателей могут использоваться экспертная оценка, сопоставление документации и наблюдение за выполнением типовых операций.

Ограничительный блок включает правовые, этические и технологические условия: соблюдение законодательства о персональных данных, установленных правил обработки информации, требований к программным продуктам и внутреннего порядка утверждения учебных материалов [9]. Для военного вуза не прошедший такую проверку инструмент исключается из дальнейшего сравнительного анализа.

По каждому допустимому сценарию фиксируются трудоёмкость операции до и после использования ИИ, дополнительные расходы, оценка качества результата и замечания экспертов. Затем варианты сравниваются по принципу: предпочтителен тот, который обеспечивает требуемое качество и меньшую совокупную ресурсную нагрузку при соблюдении всех

ограничений. Такой подход не требует сложных расчётов, но позволяет сделать управленческий выбор прозрачным и воспроизводимым.

Внедрение ИИ целесообразно рассматривать как изменение парадигмы организации труда. В начале необходимо разграничить задачи, допускающие частичную автоматизацию, и задачи, где требуется непосредственное профессиональное суждение преподавателя. Первую группу составляют подготовительные и вспомогательные операции, вторую – утверждение содержания, итоговая оценка обучающихся, принятие ответственных решений и работа с данными ограниченного доступа.

Следующим условием выступает развитие цифровых компетенций преподавателей. Международные методические материалы ЮНЕСКО выделяют необходимость понимания возможностей и ограничений ИИ, этических аспектов его применения и педагогического проектирования обучения с использованием интеллектуальных средств [12; 13]. Для военного вуза эту систему целесообразно дополнить навыками проверки фактологической и технической достоверности ответов, выявления некорректных допущений в расчётных задачах и соблюдения режима обращения с информацией.

Особого внимания требует риск автоматизации формального качества. Применение ИИ должно сопровождаться обязательной редакторской и предметной экспертизой, особенно при создании учебных материалов по математическим и инженерным дисциплинам. В работах, посвящённых рискам ИИ в высшем образовании, также подчёркивается опасность снижения самостоятельности обучающихся [6].

Организационная ответственность должна быть закреплена за конкретными участниками процесса. Руководство определяет допустимые сценарии применения, подразделения информационного обеспечения проверяют технологические условия и безопасность, кафедры разрабатывают методические требования, преподаватели несут ответственность за содержание утверждаемых учебных материалов.

Нами предлагается четырёхэтапный механизм управления внедрением ИИ. На первом этапе осуществляется отбор ограниченного числа типовых операций, имеющих измеримую трудоёмкость, доступные для проверки результаты и допустимый информационный режим. Примером может служить подготовка вариантов практических заданий по общедоступным темам высшей математики для курсантов инженерного профиля.

На втором этапе устанавливается исходное состояние: фиксируются время подготовки и проверки материалов традиционным способом, доля исправлений и экспертная оценка качества. Одновременно учитываются предполагаемые расходы на инструмент и обучение преподавателей. На третьем этапе проводится локальная апробация: одну и ту же категорию материалов готовят по традиционной технологии и с применением ИИ. Чтобы сравнение было корректным, сложность заданий и требования к их содержанию должны быть сопоставимы, а качество проверяться по единой шкале.

На четвёртом этапе принимается управленческое решение. Если качество сохраняется на требуемом уровне, трудоёмкость снижается и ограничения соблюдаются, опыт можно расширять на другие типовые операции. При значительных затратах на исправления, неустойчивых результатах или выявлении рисков выбранный сценарий дорабатывается либо отклоняется. Повторная оценка проводится после изменения программного инструмента, требований к учебному процессу или состава используемых данных.

Таким образом, организационно-экономическая эффективность применения искусственного интеллекта в военном образовании представляет собой *комплексную характеристику, объединяющую ресурсные, образовательные и управленческие результаты при обязательном соблюдении ограничений по безопасности и качеству*. Использование только показателя сэкономленного времени приводит к неполной оценке, поскольку не отражает стоимость проверки, эксплуатационные расходы и возможные последствия ошибок.

Дальнейшее исследование предполагает апробацию предложенного подхода на отдельных учебных дисциплинах и сопоставление результатов до и после внедрения инструмента.

Полученные данные позволят уточнить критерии эффективности, определить границы применения ИИ и сформировать рекомендации для управления образовательным процессом военного вуза.

Список литературы

1. Алёхин, И. А. Технологии искусственного интеллекта в управлении знаниями в военном вузе / И. А. Алёхин, Н. В. Ходько // Мир образования – образование в мире. – 2024. – № 2. – С. 158–166.

2. Отношение студентов и преподавателей к использованию инструментов с искусственным интеллектом в вузе / К. И. Буякова, Я. А. Дмитриев, А. С. Иванова [и др.] // Образование и наука. – 2024. – Т. 26, № 7. – С. 160–193.

3. Развитие современной образовательной среды высших военно-инженерных учебных заведений с использованием искусственного интеллекта / Л. Я. Козлова, О. В. Крылова, Е. О. Кудро, Е. К. Яхваров // Высшее образование сегодня. – 2024. – № 1. – С. 50–59.

4. Генеративный искусственный интеллект в высшем образовании: обзор теоретических подходов и практик применения / Е. А. Кошкина, Н. В. Бордовская, Д. С. Гнедых [и др.] // Высшее образование в России. – 2025. – Т. 34, № 6. – С. 36–57.

5. Лукичёв, П. М. Применение технологий искусственного интеллекта в образовании как потенциал экономического развития / П. М. Лукичёв // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2024. – Т. 34, № 3. – С. 442–449.

6. Лукичёв, П. М. Риски применения искусственного интеллекта в системе высшего образования / П. М. Лукичёв, О. П. Чекмарев // Вопросы инновационной экономики. – 2024. – Т. 14, № 2. – С. 463–482.

7. Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. №273-ФЗ. – URL: https://minjust.gov.ru/ru/documents/7629/ (дата обращения: 26.10.2026). – Текст : электронный.

8. Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования до 2030 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 июля 2025 г. №1805-р. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_509357/ (дата обращения: 26.10.2026). – Текст : электронный.

9. О персональных данных : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. №152-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 26.10.2026). – Текст : электронный.

10. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. №490 (ред. от 15 февраля 2024 г.). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 26.10.2026). – Текст : электронный.

11. Резаев, А. В. ChatGPT и искусственный интеллект в университетах: какое будущее нам ожидать? / А. В. Резаев, Н. Д. Трегубова // Высшее образование в России. – 2023. – Т. 32, № 6. – С. 19–37.

12. Miao, F. AI competency framework for teachers / F. Miao, M. Cukurova. – Paris : UNESCO, 2024. – URL: https://www.unesco.org/en/articles/ai-competency-framework-teachers. – Текст : электронный.

13. Miao, F. Guidance for generative AI in education and research / F. Miao, W. Holmes. – Paris : UNESCO, 2023. – URL: https://www.unesco.org/en/articles/guidance-generative-ai-education-and-research. – Текст : электронный.

14. Systematic review of research on artificial intelligence applications in higher education: where are the educators? / O. Zawacki-Richter, V. I. Marín, M. Bond, F. Gouverneur // International Journal of Educational Technology in Higher Education. – 2019. – Vol. 16.

Миронова Мария Васильевна
старший преподаватель
Белецкая Елена Александровна
канд. психол. наук, доцент
Донникова Татьяна Сергеевна
старший преподаватель

ГБОУ ВО «Белгородский государственный
институт искусств и культуры»
г. Белгород, Белгородская область

АДАПТАЦИЯ СТРАТЕГИЙ ПРОДАЖ В УСЛОВИЯХ РОСТА САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ ПУТЕШЕСТВИЙ

Аннотация: *современные туристы всё чаще отказываются от готовых туров в пользу самостоятельного планирования путешествий. Это вынуждает туристические компании пересматривать стратегии продаж: делать акцент на цифровых платформах, гибких услугах и персонализации предложений. В статье рассмотрены ключевые направления адаптации – от внедрения онлайн-инструментов до построения экосистем бронирования и новых форматов коммуникации с клиентами.*

Ключевые слова: *самостоятельный туризм, гибридные туры, пакетные туры, стратегия продаж.*

Российский рынок внутреннего туризма в последние годы демонстрирует устойчивую положительную динамику. Увеличение количества путешествий по стране, расширение географии туристских поездок и рост интереса к отечественным направлениям свидетельствуют о серьезных переменах в предпочтениях российских граждан. Данные процессы обусловлены совокупностью факторов: развитие региональной туристской инфраструктуры, изменение ценностных ориентаций потребителей в сторону изучения культурного и природного наследия собственной страны и т. д.

Однако, несмотря на позитивную динамику отрасли, наблюдается парадоксальная ситуация: рост внутреннего туристского потока не сопровождается пропорциональным увеличением продаж организованных туристских продуктов. Традиционные технологии продаж, основанные на предложении готовых пакетных туров и стандартизированных маршрутов, демонстрируют снижение эффективности. Современный турист все чаще отказывается от услуг посредников в пользу самостоятельного планирования поездок, что создает серьезные вызовы для туроператоров и турагентств.

Самостоятельный туризм – это туристское путешествие, совершаемое полным или частичным отказом от услуг туроператоров и турагентов. При организации такого вида туризма маршрут разрабатывается самостоятельно и приобретаются необходимые услуги (проезд, проживание, питание, экскурсия и другие) [2].

С чем это связано? В первую очередь, изменился сам турист и его запросы. Современный путешественник – это не пассивный получатель услуг, а активный исследователь. Для него поездка важна не только как смена обстановки, но и как инструмент познания себя и получения уникального, аутентичного опыта. Особенно ярко эта модель проявляется у молодого поколения, которое предпочитает несколько коротких насыщенных поездок одному длинному отпуску.

Во-вторых, изменился канал формирования трендов. Раньше новые направления открывали туроператоры, сегодня же эту функцию выполняют социальные сети и их алгоритмы. Пользовательский контент окончательно перехватил у профессиональных игроков рынка право задавать туристические тренды. Популярность локаций возникает спонтанно благодаря алгоритмам, что ставит традиционную отрасль в сложное положение: компании,

привыкшие планировать стратегии на годы вперед, не поспевают за скоростью смены трендов в лентах новостей.

Развитие интернет-технологий и появление многочисленных онлайн-сервисов бронирования (агрегаторов авиабилетов, систем поиска отелей, платформ для аренды жилья) сделали процесс самостоятельного планирования путешествий предельно доступным. Турист получил возможность напрямую сравнивать цены, читать отзывы реальных путешественников и бронировать каждую составляющую поездки в отдельности без посредников.

«Пакетный тур – это туристический продукт, который включает в себя несколько компонентов (услуг), объединенных в одно предложение (часто используется в рамках популярных, массовых направлений, а также для групповых туристских маршрутов)» [1].

Пакетный тур традиционно представляет собой жестко скомпонованный набор услуг: фиксированные даты вылета, конкретный отель, определенный тип номера, стандартизированная программа экскурсий. Турист оказывается привязан к заданному расписанию и не имеет возможности оперативно вносить изменения в маршрут или условия проживания. Современный же путешественник ценит свободу выбора и возможность адаптировать поездку под свои текущие потребности и настроение. Пакетные туры ориентированы на массового потребителя и не учитывают индивидуальных особенностей и запросов конкретного туриста.

Самостоятельное планирование позволяет собрать поездку «под себя»: выбрать тихий отель вместо шумного, заменить обзорную экскурсию гастрономическим туром, добавить день на свободное исследование города.

Современный турист хочет, чтобы его отдых учитывал личные предпочтения, привычки и даже мельчайшие детали. В ответ на этот запрос компании должны отказаться от шаблонных предложений и перейти к созданию персонализированных туров. Один из работающих инструментов здесь – гибридные туры, которые позволяют клиенту самостоятельно выбирать отдельные компоненты поездки, будь то тип размещения, набор экскурсий или дополнительные активности. Также полезны консультации по планированию, когда специалисты помогают с выбором направлений или бронированием сложных услуг, например трансферов в удалённые места. Кроме того, растёт интерес к иммерсивным и нишевым форматам: сетджеттингу, то есть путешествиям по местам съёмок фильмов, цифровому детоксу с отказом от гаджетов во время отдыха и агротуризму.

Поскольку технологии стали неотъемлемой частью планирования путешествий, компаниям необходимо инвестировать в цифровые сервисы. Речь идёт об онлайн-платформах, где можно самостоятельно построить маршрут, объединив в одном интерфейсе бронирование билетов, отелей и экскурсий. Также востребованы чат-боты и виртуальные помощники, которые быстро отвечают на стандартные вопросы, помогают с планированием и решают простые задачи. Кроме того, полезны мобильные приложения с геолокацией, предоставляющие в реальном времени информацию о местных достопримечательностях, ресторанах и транспорте.

Наконец, стратегии продвижения должны учитывать изменившееся поведение потребителей. Лучше всего здесь работает контент-маркетинг, который отвечает на вопросы клиента на разных этапах подготовки к поездке. Это могут быть подробные гайды, практические советы, реальные истории путешественников и видеообзоры. Такой подход не навязывает готовый тур, а помогает человеку осознанно собрать свой собственный идеальный отдых.

Адаптация стратегий продаж в условиях роста самостоятельного планирования путешествий требует перехода от массового подхода к персонализации, активного использования цифровых инструментов, повышения прозрачности, развития гибких форматов и партнёрских экосистем. Ключевым фактором успеха становится способность компании понимать потребности клиентов и оперативно реагировать на изменения рынка.

Список литературы

1. Кобызев, Н. С. Организация туристской деятельности по отдельным видам туризма: общие требования безопасности и специфика : учебное пособие для бакалавров / Н. С. Кобызев, Е. В. Кобызева. – Москва : Ай Пи Ар Медиа, 2022. – 123 с.

Мясоедов Сергей Александрович
д-р экон. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Амурский государственный университет»
г. Благовещенск, Амурская область
Михолап Евгений Александрович
соискатель, заместитель главы МО
МО «город Свободный»
г. Свободный, Амурская область

ПОВЫШЕНИЕ УРОВНЯ УСТОЙЧИВОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ ЗА СЧЁТ ВНЕДРЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ «УМНЫЙ ГОРОД», НА ПРИМЕРЕ МО Г. СВОБОДНЫЙ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация: *в статье систематизированы результаты применения цифровых технологий в работе мегаполисов европейских и азиатских государств мира; отражены особенности адаптации технологий «Умный город» в муниципальных образованиях Российской Федерации, сгруппированы основные технические и социально-экономические риски внедрения и функционирования аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» в городах России; отражены основные риски внедрения процессов цифровизации в деятельность муниципального образования город Свободный Амурской области.*

Ключевые слова: *цифровая экономика, технологии аппаратно-программного комплекса Умный город, риски, экономика территорий.*

Процессы урбанизации, укрупнения и усложнения социально-экономических систем наблюдается по всему миру. Население с устойчивым постоянством мигрирует в более крупные и богатые города, регионы, страны, что в свою очередь ведёт к усложнению обслуживающих систем управления мегаполисами. Развитие информационных технологий позволяет принимать новые, авторские, не имеющие аналогов управленческие решения в сфере обеспечения комфорта, безопасности и качества уровня жизни [4, с. 63].

Уже несколько десятилетий подряд гигантскими темпами развиваются технологии «Умный город», в том числе направление «Безопасный город».

В Российской Федерации продолжается формироваться нормативно-правовая база использования технологий безопасного города, в частности принята Концепция построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» (одобрена распоряжением Правительства РФ от 03.12.2014 №2446-р), действуют ГОСТ Р 22.1.12-2005 (Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Структурированная система мониторинга и управления инженерными системами зданий и сооружений. Общие требования), ГОСТ Р 22.1.13-2013 (Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Мероприятия по гражданской обороне, мероприятия по предупреждению чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера…), Методические рекомендации по созданию и развитию аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» в субъектах Российской Федерации (утв. МЧС России 19.03.2018) и другие нормативные акты [1–3].

В нашей стране лидером применения подобных технологий является город Москва, где внедрена и успешно функционирует многоуровневая информационная система безопасности по направлениям техногенной безопасности (отслеживание состояния критически важных и опасных объектов жизнедеятельности), общественной безопасности (фиксация, анализ, принятие решений по предотвращению, раскрытию правонарушений), экологической безопасности (контроль за, контроль воздуха, воды и других параметров, общественными свалками, пожарами, водохранилищами).

Серьёзные успехи по внедрению интеллектуальных автоматизированных систем в городе Санкт-Петербург (АС ППУР, основным достоинством системы считается общая система

доступа к информации, высокий уровень взаимодействия между силовыми ведомствами, экстренными службами города). Активно внедряются элементы безопасного города в Курской области, в Сочи, Краснодаре, Чебоксарах, Калининграде, Омске, Тюмени, Анапе, Пскове, Выборге и в других городах и территориях.

Базовой проблемой внедрения, эксплуатации таких комплексов считается система взаимопроникновения, пользования информационной базой потребителями оперативной информации, поскольку в экстренных ситуациях решающим являются секунды, мгновения.

В странах Европы, США информационные технологии безопасности используются и выполняют свою превентивную функцию, ускоряют процедуры раскрытия преступлений, выявления чрезвычайных ситуаций, но основная проблема связана с правовыми коллизиями в практике применения систем умного города, что и замедляет процессы внедрения технологий во все сферы жизнедеятельности западного мира.

В странах азиатско-тихоокеанского региона технологии безопасного города адаптированы и постоянно совершенствуются в Японии, Китае и в ряде других стран. КНР апробирует технологии в основном в мегаполисах и довольно часто с нарушением правовых норм личности.

Как показывает опыт, первоначальный эффект от внедрения технологий «Безопасный город» в городах России даёт резкий положительный результат по снижению уровня криминогенности, раскрываемости преступлений, по сокращению актов вандализма, в скорости реакции на чрезвычайные ситуации, в снижении количества ДТП, в увеличении поступлений доходов в муниципалитет от различных видов штрафов за нарушения водителями, гражданами, предпринимателями.

Основные риски внедрения технологий аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» (далее АПЛ «Безопасный город») связаны прежде всего с техническими рисками, социально-экономическими рисками, финансовыми, правовыми, организационными, внешними рисками.

Таблица

Группировка ряда технических и социально-экономических рисков при внедрении технологий АПЛ «Безопасный город»

Виды рисков	Содержание риска	Вероятность появления	Степень воздействия
Технические	Отказ в работе оборудования	Высокая	Критическое
	Невозможность координации по причине несовместимости программного обеспечения участников проекта	Средняя	Среднее
	Недостаточное инфраструктурное техническое обеспечение реализации проекта	Средняя	Среднее
	Различные виды негативного информационного воздействия из вне (кибератаки)	Средняя	Критическое
Социально-экономические	Кадровый дефицит специалистов	Высокая	Критическое
	Негативная социальная реакция на внедрение подобных систем	Средняя	Среднее
	Уничтожение, кража, механическое и иное воздействие на оборудование, установленное в населённом пункте и за его пределами	Среднее	Критическое
	Роста числа юридических споров, конфликтов в правоприменительной практике использования оборудования АПЛ	Минимальное	Среднее
	Рост бюджета проекта	Средняя	Критическое
	Нехватка ресурсов на обслуживание и поддержания системы	Средняя	Критическое
	Коррупция, нецелевое использования ресурсов проекта	Средняя	Критическое

Помимо технических и социально-экономических рисков отдельной обособленной группой рисков считаются риски разобщённости действий структур и ведомств участников-пользователей АПЛ «Безопасный город», прежде всего стремлением подчеркнуть особую роль и участие своей структуры в функционировании системы, конфликты интересов между ведомствами и с коммерческими структурами, сложность процедур согласований на всех уровнях.

К наиболее очевидным внешним рискам относятся: сложность поставок комплектующих для обслуживания и функционирования систем из-за рубежа, создания отечественных аналогов взамен иностранных, различные виды санкций, а также и внешние природные воздействия температур, особенностей рельефа, проходимости сигнала, геомагнитная обстановка и т. д.

Нейтрализация рисков требует на уровне ведомств создание протоколов действий по базовым угрозам, стандартизации алгоритмов решений в экстремальных и критических ситуациях.

Для муниципального образования город Свободный является характерным наличие аналогичных рисков (табл.) внедрения АПЛ «Безопасный город» в работу муниципального образования. При этом резко возрастает потребность в освоении и в скорейшем вводе в эксплуатацию аппаратно-программного комплекса в агломерации города Свободного в связи с выходом на проектную мощность таких объектов как космодром Восточный, проекта «Сила Сибири», Амурского газоперерабатывающего завода, что повысит уровень контроля в техносферной безопасности и снизит риски возникновения потенциальных угроз.

В целом, АПЛ «Безопасный город» формирует иную, благоприятную атмосферу в территориальном образовании, обществе, снижая уровень криминогенности, и, повышая эффективность и скорость реагирования на различные виды угроз.

Список литературы

1. Распоряжение Правительства РФ от 03.12.2014 №2446-р «Об утверждении Концепции построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город». – URL: https://mchs.gov.ru/dokumenty/2920 (дата обращения: 26.10.2026). – Текст : электронный.

2. Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 22.1.12-2005 «Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Структурированная система мониторинга и управления инженерными системами зданий и сооружений. Общие требования» (утв. приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28 марта 2005 г. № 65-ст) (с изм. и доп.). – URL: https://53.mchs.gov.ru/uploads/resource/2022-09-3/gost_1663080146937218884.pdf (дата обращения: 26.10.2026). – Текст : электронный.

3. Методические рекомендации по построению и развитию АПК «Безопасный город» в субъектах Российской Федерации. – URL: https://clck.ru/3WkP7a (дата обращения: 26.10.2026). – Текст : электронный.

4. Мясоедов, С. А. Перспективы промышленного применения технологий интернета вещей: ограничения и преимущества / С. А. Мясоедов // Экономические науки. – 2019. – № 176. – С. 61–64. – DOI 10.14451/1.176.61. – EDN ZJOMWQ.

Оскирко Игорь Николаевич
магистрант
Карпик Илья Владимирович
магистрант
Научный руководитель
Сафонкина Светлана Алексеевна
старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина»
г. Рязань, Рязанская область

DOI 10.31483/r-169731

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И КЛЮЧЕВЫЕ ВЫЗОВЫ НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ РОССИИ

Аннотация: *в статье рассматриваются изменения производственных, экспортных и инвестиционных показателей нефтегазовой отрасли России. Среди методов исследования использованы сравнительный анализ статистических данных за 2020–2024 гг., расчет темпов прироста и анализ актуальных отраслевых источников. Выявлено расхождение между ростом стоимостных показателей и сдержанной динамикой физических объемов производства. Среди ключевых вызовов установлены неоднородность восстановления экспорта, сокращение газовых поставок и неравномерность ввода мощностей при увеличении инвестиций. Рассмотрены санкционные ограничения и преобладание небольших месторождений среди новых нефтяных открытий.*

Ключевые слова: *нефтегазовая, отрасль, добыча, нефтепродукты, переработка, экспорт, санкции.*

Нефтегазовая отрасль является одной из ключевых отраслей экономики Российской Федерации. Данный факт подтверждается ее значительным вкладом в формировании ВВП страны. Так, по данным Росстат, доля нефтегазового сектора в ВВП в 2024 году составила 16%. В период с 2020–2024 гг. данный показатель быль динамичным и достигал максимального значения в 20% по итогам 2022 года. Помимо значительного вклада отрасли в ВВП, она обеспечивает более 350 тыс. рабочих мест и насчитывает более 1800 организаций (рис. 1).

Рис. 1. Показатели нефтегазовой отрасли России за 2020–2024 гг. [5]

Несмотря на тот факт, что по данным Минфина РФ, за 2025 год нефтегазовые доходы России сократились на 22,4% и составили 8,029 трлн руб. [2]. Основными причинами снижения

стали падение мировых цен на нефть, укрепление рубля и сокращение дисконтов на российскую нефть. Однако, в 2026 году военный конфликт США и Ирана привел к блокировке Ормузского пролива. Вследствие этого наблюдались сложности в поставках нефти на мировой рынок, что автоматически привело к росту цен. Изменение ценовой конъюнктуры в 2026 году неоднозначно отразилось на финансовых результатах нефтегазовых компаний. К примеру, выручка от реализации ПАО «Роснефть» за первое полугодие 2026 года составила 4,289 трлн руб., увеличившись на 0,6% относительно аналогичного периода 2025 года. При этом чистая прибыль, относящаяся к акционерам компании, сократилась на 18,4%, до 200 млрд руб.

В глобальном аспекте нефтегазовая отрасль неразрывно связывает экономику России с мировой экономикой. В настоящее время она является перспективной и конкурентоспособной отраслью во всем мировом пространстве и играет наиболее важную роль для экономического развития страны. По прогнозам всех экспертов и аналитиков также понятно, что нефтегазовая отрасль останется приоритетным направлением экономики еще много лет [1]. Связано это с тем, что ни одна отрасль экономики не может функционировать без жидкого топлива. И даже стремление многих стран развивать альтернативные источники энергии (в основном возобновляемые) не сможет отобрать у нефти лидирующую роль в качестве топлива.

Данный факт находит свое подтверждение в динамике добычи нефти и газа, объемах производства нефтепродуктов на территории России за 2020–2024 гг. (табл. 1).

Таблица 1

Объем добычи нефти и газа, производство нефтепродуктов на территории России за 2020–2024 гг. [6]

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024	Индекс в % 2024/2020 гг.
Добыча нефти и нефтяного (попутного) газа						
млн руб.	7322715	13446075	15462920	16102035	19095274	260,77
млн т	513	523	535	530	530	103,31
Добыча природного газа и газового конденсата						
млн руб.	1623415	2765385	3933770	3757986	4448002	273,99
млрд. $м^3$	694	763	676	638	684	98,56
Производство нефтепродуктов, млн руб.	8343738	12137929	13477792	13968261	15480453	185,53

За 2020–2024 гг. стоимостной показатель добычи природного газа и газового конденсата увеличился на 173,99%, добычи нефти и попутного газа – на 160,77%, производства нефтепродуктов – на 85,53% [6]. Однако физический объем добычи нефти вырос лишь на 3,31%, до 530 млн т, а газа сократился на 1,44%, до 684 млрд $м^3$ [5]. Восстановление газодобычи в 2024 году на 7,21% относительно предыдущего года не обеспечило возврата к максимальному за рассматриваемый период уровню 2021 года. Добыча нефти в России в 2025 году, по разным оценкам, составила около 510–516 млн тонн., а добыча газа – около 540,2 млрд. $м^3$ [2]. Таким образом, увеличение денежных показателей сопровождалось преимущественно стабилизацией физических объемов.

Несмотря на наличие ряда положительных тенденций эксперты в нефтегазовой отрасли констатируется ряд тревожных моментов. Их несут в себе как внешние, так и внутренние факторы. Среди первых ставшее уже привычным санкционное давление. В 2025–2026 гг. году США и другие страны продолжали вводить санкции против российских нефтегазовых компаний, что затрудняло экспорт и снижало доходы. По своему характеру они охватывают

не только производителей, но и транспортные, посреднические и финансовые звенья экспортных поставок. Так, в октябре 2025 года США включили «Роснефть», «Лукойл» и ряд их дочерних организаций в блокирующие санкционные списки, ограничив операции с ними в американской юрисдикции. Принятый 23 июля 2026 года 21-й пакет санкций ЕС расширил ограничения в отношении морских перевозок. В его перечень включено еще 41 судно, а действие мер распространено на суда, обслуживающие «теневой флот».

Следствием санкционного давление стало системное сокращение экспорта сырой нефти и газа (табл. 2). Наиболее значительное сокращение за 2020–2024 гг. отмечено по газу: поставки уменьшились на 38,02%, до 148,41 млрд м^3. Несмотря на восстановление на 14,29% в 2024 году относительно минимума 2023 года, их объем оставался на 40,84% ниже уровня 2021 года. Экспорт сырой нефти оказался устойчивее: в 2024 году он вырос на 7,97% к предыдущему году и приблизился к значению 2020 года, уступая ему лишь на 0,67% [6]. Поставки нефтепродуктов превысили уровень 2020 года на 7,37%, однако оставались на 17,71% ниже максимума 2021 года [6]. Следовательно, восстановление экспорта в 2024 году наблюдалось по всем трем товарным группам, но наиболее глубокое отставание сохранялось в газовом сегменте

Таблица 2

Объем экспорта нефти, газа и нефтепродуктов России за 2020–2024 гг. [3]

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024	Индекс в % 2024/2020 гг.
Экспорт сырой нефти, тыс. т	260000	244138,84	264651,51	239202,88	258267,94	99,33
Экспорт нефтепродуктов, тыс. т	106800	139356,18	125948,83	96518,74	114674,30	107,37
Экспорт газа, млрд м^3	239,4463	250,8549	167,7071	129,8602	148,4115	61,98

Наиболее стрессовым фактом стали массовые атаки беспилотников на объекты ТЭК в течение 2026 года. В результате пострадали 38 НПЗ. К сентябрю объемы переработки нефти сократились на 20%.

Что касается внутренних факторов, то к ним относится нехватка новых нефте- и газоместорождений [2]. Внутренние ограничения развития отрасли связаны, в частности, с масштабом новых открытий углеводородного сырья. В 2025 году на государственный баланс впервые поставлено 41 месторождение углеводородов. Из 31 нефтяного месторождения 30 относятся к мелким и очень мелким, одно – к средним. Крупных нефтяных месторождений в этой группе не представлено. Такая структура открытий указывает на ограниченность пополнения нефтяной ресурсной базы за счет новых крупных объектов, способных обеспечить значительные объемы будущей добычи.

При том, что отмечается рост инвестиций в отрасль (+63,71%) до 3592,8 млрд руб., количество введенных мощностей сокращается. Так, мощности по добыче и переработке нефти сократились на 35,44%, а газа – на 98,36% [6]. Одновременно годовой ввод нефтяных мощностей оказался на 35,44% ниже уровня 2020 года, а газовых – на 98,36% [6]. Наиболее выраженное сокращение наблюдалось в газовом сегменте. Ввод нефтяных мощностей был неравномерным: максимум пришелся на 2021 год, а показатель 2024 года уступал ему на 73,23%.

Таблица 3

Динамика инвестиций и модернизации в нефтегазовой отрасли в России за 2020–2024 гг. [6]

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024	Индекс в % 2024/2020 гг.
Ввод в действие мощностей по добыче и переработке:						
нефти, тыс. т	2785,1	6716,8	0	0	1798,0	64,56
газа, млн $м^3$	1433,9	0	60,0	0	23,5	1,64
Инвестиции в основной капитал в отрасли, млрд руб.	2194,6	2145,8	2616,3	3076,2	3592,8	163,71

Таким образом, современное состояние нефтегазовой отрасли является нестабильным. При росте стоимостных показателей, отмечается отрицательная динамика объемов производства и экспорта. К основным внешним вызовам считаем целесообразным отнести постепенное исчерпание ресурсной базы, санкционное давление и колебание курсов валют [4]. Полагаем, что развитие отрасли в перспективе будет определяться не только объемом инвестиций. Более важным будет являться способность нефтегазовых компаний преобразовать инвестиции в стабильный прирост добычи нефти и газа. Внешняя нестабильность призывает диверсифицировать рынки сбыта и поддерживать технологическую и логистическую независимость.

Список литературы

1. Бозров, А. Р. Российская нефтегазовая отрасль в современных условиях мировой экономики / А. Р. Бозров // Международный научно-исследовательский журнал. – 2026. – № 3 (165). – URL: https://research-journal.org/archive/3–165–2026-march/10.60797/IRJ.2026.165.6 (дата обращения: 29.09.2026). – Текст : электронный.

2. Итоги года в нефтегазовой отрасли – 2025 // Агентство нефтегазовой информации. – 12.01.2026. – URL: https://www.angi.ru/news/2930162-Итоги%20года%20в%20нефтегазовой%20отрасли%20-%202025/ (дата обращения: 01.10.2026). – Текст : электронный.

3. Каталог статистики и мировых данных. – URL: https://statbase.ru/ (дата обращения: 30.10.2026). – Текст : электронный.

4. Коробейникова, О. М. Состояние и тенденции развития нефтегазовой отрасли России / О. М. Коробейникова, Т. А. Дугина, А. С. Горбачева // Экономика. Информатика. – 2025. – Т. 52, № 2. – С. 306–317.

5. Национальные счета: нефтегазовый сектор // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. – URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts – (дата обращения: 29. 09.2026). – Текст : электронный.

6. Промышленное производство в России. 2025 : статистический сборник / Федеральная служба государственной статистики. – Москва, 2025. – URL: https://www.rosstat.gov.ru/folder/210/document/13225 (дата обращения: 30.10.2026). – Текст : электронный.

Пронина Елизавета Владимировна
студентка
Научный руководитель
Юринская Яна Владимировна
канд. экон. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет»
г. Магадан, Магаданская область

РАЗВЕНЧАНИЕ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ МИФОВ ПОСРЕДСТВОМ НОВЫХ ФОРМАТОВ ПАРТНЕРСКОГО ДИАЛОГА МЕЖДУ ЦЕНТРАЛЬНЫМ БАНКОМ И БИЗНЕСОМ

Аннотация: *в статье исследуется проблема институционального разрыва коммуникации между государственным регулятором и реальным сектором экономики. Авторами рассматривается один из укоренившихся среди бизнес-сообщества мифов об эффективности масштабного субсидирования кредитования. На основе синтеза неокейнсианского и монетаристского подходов теоретически обусловлена несостоятельность бесконтрольного монетарного симулирования при жестких ограничениях факторов производства. В качестве решения указанной проблемы предлагается использование целенаправленного воздействия на целевую аудиторию посредством визуальных инструментов. В работе описывается потенциал анимированных баннеров, инфографики, и концептуальных карточек-гайдов, позволяющих перевести сложные понятия денежно-кредитной политики на понятный язык бизнес-аудитории. Сделан вывод, что переход у открытому диалогу закладывает фундамент долгосрочного доверия между регулятором и реальным сектором экономики.*

Ключевые слова: *денежно-кредитная политика, бизнес-сообщество, визуальные инструменты, льготное кредитование, Центральный Банк.*

Одним из важнейших инструментов современной денежно-кредитной политики (ДКП) Центрального Банка является стратегическая коммуникация, направленная на снижение инфляционных ожиданий, неопределенности экономики и ложных стереотипов о инструментах политики Банка России. А бизнес-сообщество, как главный создатель национального дохода и экономического роста в стране, выступает одной из целевых групп этого информационного воздействия.

Эффективность макроэкономического регулирования зависит не только от точности используемых инструментов, но и от того, как их воспринимают экономические агенты. Поэтому разработка методологии таргетированного информационного воздействия становится важнейшим элементом стабилизации рынка.

Банк России как главный регулятор финансового рынка выпускает фундаментальные аналитические материалы. Такие профильные документы, как «Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики» или доклады «Региональная экономика», представляют собой объемные научные труды. Они содержат важную информацию о направлениях монетарного регулирования, инфляционных трендах и макроэкономических прогнозах. Однако в силу масштабности и специфики академической подачи эти материалы сложны для глубокого анализа и освоения массовым сегментом предпринимательства.

В результате возникает институциональный разрыв коммуникации и стратегически важные данные воспринимаются целевой аудиторией как избыточные или полностью игнорируются. Отсутствие доступной и понятной информации приводит к тому, что бизнес-сообщество начинает формировать свои собственные интуитивные оценки. На этом фоне возникают ложные инфляционные ожидания и макроэкономические мифы.

В данной работе приводится пример одного из таких устойчивых заблуждений, дается экономическое разъяснение его несостоятельности, и обосновывается подход к выбору

инструментов информационного воздействия на целевую аудиторию с целью развенчания данного мифа.

Одним из укоренившихся в обществе и среди представителей реального сектора экономики устойчивых мифов является следующий тезис: «Чем больше раздать льготных/дешевых кредитов на развитие производства, тем больше будет товаров в экономике и ниже цены». Данное заблуждение возникает из-за поверхностного анализа причинно-следственных связей и игнорирования законов монетарной теории. С научной точки зрения, попытка стимулировать предложение монетарными методами в условиях структурных ограничений неэффективна. Когда экономика работает на пределе своих мощностей и не имеет дополнительных ресурсов, избыточное финансирование становится причиной инфляционной спирали, вынуждая компании конкурировать за дефицитные ресурсы.

Для разоблачения данного мифа стоит обратиться к разграничению инфляции спроса и инфляции предложения в рамках взаимосвязи неокейнсианской и монетаристской подходов. В неокейнсианской теории ключевая роль в краткосрочном периоде принадлежит жестким ценам и номинальным зарплатам. Механизмом стимулирования здесь является субсидируемое кредитование, приводящее к снижению стоимости капитала для бизнеса. Фирмы берут кредит, чтобы расширять производство. В этом случае выпуск растет, а цены остаются стабильными только при условии незагруженных мощностей, безработицы и профицита инфраструктуры, поэтому предложение может гибко реагировать на рост спроса.

В монетаристской теории основной фокус приходится на денежную массу и долгосрочный период. В ситуации, когда экономика уже находится на уровне своего потенциального выпуска или максимально близка к нему, субсидируемый кредит приведет уже к совершенно другим макроэкономическим последствиям. Дополнительные деньги поступают на рынок, но физически увеличить выпуск невозможно из-за дефицита ресурсов. Это приводит росту совокупного спроса. Пытаясь перекупить ограниченные ресурсы, компании повышают номинальные зарплаты и переплачивают поставщикам. Таким образом издержки производства увеличиваются и опережают реальную производительность труда [5].

Эффективность кредитного стимулирования имеет жесткие ограничения в виде производственных возможностей экономической системы. Итогом массовой раздачи льготных кредитов становится не рост выпуска и снижение цен, а ценовая конкуренция между бенефициарами. В результате борьбы за дефицитные ресурсы инвестиционные затраты бизнеса трансформируются в чистые издержки, из-за чего товары и услуги дорожают.

Взаимосвязь бюджетной политики и ДКП Центрального Банка образует общее равновесие рынка. Обладая разными инструментами, они совместно создают условия для социально-экономического развития и макроэкономической стабильности при ограниченности ресурсов. Так, если правительство через различные льготные программы увеличивает количество денежных средств в условиях перегрева экономики, Центральный Банк отвечает симметричным ужесточением ДКП. В этом случае возникает дисбаланс. Пока бюджетная политика пытается вводить льготные кредиты для избранных отраслей, ДКП вынуждена повышать ключевую ставку для охлаждения совокупного спроса и сдерживания инфляции.

В этих условиях рыночный механизм сталкивается с рядом проблем. Коммерческий сектор вынужден страдать от высокой ставки и одновременно конкурировать с субсидируемыми отраслями за право пользования дорожающими факторами производства.

Именно поэтому для бизнес-сообщества важно понимание того, что бесконтрольная раздача льготных кредитов разрушает ценовую стабильность. Бюджетная политика и ДКП обязаны находиться в строгом контрциклическом балансе. Попытка решить проблемы простой раздачей дешевых денег является лишь экономической иллюзией, ведущей к стагфляционными последствиям и снижению конкурентоспособности всего рынка [3].

Центральным объектом информационно-коммуникационного воздействия выступает бизнес-сообщество. Выбор данного сегмента обусловлен его важной ролью в формировании реального сектора экономики. Значительная часть представителей данной аудитории, особенно

малого и среднего предпринимательства (МСП) формируют свои экономические оценки на основе эмпирического опыта и текущего информационного тона, из-за чего наиболее подвержены мифам и дезинформации.

При этом бизнес-сообщество обладает высокой горизонтальной связностью. Перспективным направлением коммуникаций в их сфере выступает маркетинг влияния – комплекс технологий продвижения с помощью влиятельных лиц. Другими словами, можно сказать, что маркетинг влияния выступает неким продолжением «сарафанного радио». Благодаря этому, мнения лидеров оперативно масштабируются на большинство представителей группы. Поэтому оказывая точечное воздействие на ключевых представителей, можно эффективно донести необходимую информацию до широкой предпринимательской аудитории [1].

Традиционные способы коммуникации государственных институтов часто перенасыщены академическими терминами и огромными массивами информации. Предприниматели, работая в условиях ограниченного времени и высоких коммерческих рисков воспринимают подобные материалы, как «информационный шум».

Для достижения поставленной цели необходима точечная работа с целевой аудиторией и смещение фокуса из плоскости «государство против бизнеса» в плоскость «инструмента для защиты капитала». Это позволит снизить уровень дезинформации в среде и сформировать осознанную поддержку контрциклической политики регулятора.

Практическое воплощение данной идеи требует модернизации коммуникационных инструментов. В условиях перенасыщенности информационного пространства на смену многостраничным текстовым докладам приходят прикладные визуальные решения, такие как:

– анимация, позволяющая за секунды демонстрировать сложные макроэкономические процессы через графические элементы. Инструмент решает проблему дефицита времени и легко адаптируется под любые цифровые устройства [4];

– инфографика, структурирующая аналитические данные с помощью таблиц, диаграмм и блок-схем. Формат универсален и легко внедряется в веб-сайты или презентации, способствуя быстрому усвоению информации [2];

– концептуальные карточки-гайды, опровергающие стереотипы по схеме «миф – реальность». Они оптимизированы под мобильное приложение и подходят для большинства отраслей.

Регулирование современной экономики выходит за рамки механического управления монетарными агрегатами и изменения процентных ставок. Поскольку ключевым сегментом экономики является коммерческий сектор, макроэкономическая стабильность напрямую зависит от управления ожиданиями и когнитивными установками агентов. Рассмотренные в статье примеры показывают, что точечные, лаконичные и экономически выверенные инструменты коммуникации способны эффективно разрушать стереотипы бизнес-сообщества. Развенчание мифа о безусловной пользе льготных кредитов для развития предпринимательства и снижении цен помогает снизить системные инфляционные риски и предотвратить опасную конкуренцию за дефицитные ресурсы.

Переход Центрального Банка от академического просвещения к открытому партнерскому диалогу на языке интересов бизнес-сообщества способен изменить восприятие инструментов монетарной политики. Жесткая денежно-кредитная политика перестанет восприниматься реальным сектором как инструмент подавления, а начнет пониматься как механизм защиты оборотного капитала. Для достижения сдвига в настроениях предпринимателей важно тщательно подбирать каналы коммуникации. В конечном счете, такой подход не просто повышает прозрачность ДКП, но и закладывает фундамент доверия между государственным регулятором и бизнесом, что является главным условием устойчивого развития государства.

Список литературы

1. Алексеева, К. М. Особенности работы с лидерами мнений в современных B2B-коммуникациях / К. М. Алексеева // Вопросы медиабизнеса. – 2023. – Т. 2, № 4. – С. 21–29. – DOI 10.24412/3034-1930-2023-0270. – EDN NLTNHF.

2. Зотов, В. В. Инфографика как инструмент презентации организации в медиапространстве / В. В. Зотов, О. И. Молчанова // Цифровая социология. – 2024. – Т. 7, № 3. – С. 80–90. – DOI 10.26425/2658-347X-2024-7-3–80–90. – EDN VAJSCA.

3. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2026 год и период 2027 и 2028 годов // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_517367/ (дата обращения: 25.09.2026). – Текст : электронный.

4. Попова, А. В. Разработка и внедрение анимированных баннеров в банковской сфере: дизайн, технологии, восприятие / А. В. Попова, К. О. Литвинчук // Материалы и технологии. – 2025. – №2 (16). – 2025. – С. 71–81. – DOI 10.24412/2617-149X-10.24412/2617-149X-2025-2-71-81. – EDN NWAUUM.

5. Экономическая теория. Макроэкономика-1, 2. Метаэкономика. Экономика трансформаций : учебник / под общ. ред. заслуженного деятеля науки РФ, проф., д. э. н. Г. П. Журавлевой. – Москва : Дашков и К°, 2014. – 920 с. – ISBN 978–5-394–01290–7.

Семыкин Сергей Михайлович
аспирант
АНОО ВО ЦС РФ «Российский университет кооперации»
г. Мытищи, Московская область

УЧЁТ ВРЕМЕННОЙ КОНЦЕНТРАЦИИ БЮДЖЕТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПРИ ОТБОРЕ ПРОЕКТОВ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЁРСТВА В РЕГИОНЕ

Аннотация: *рассматривается оценка годовой бюджетной нагрузки при включении нового проекта государственно-частного партнёрства в региональный портфель. Цель исследования – предложить процедуру сопоставления альтернативных графиков платежей с учётом уже принятых обязательств. Использованы анализ методических источников, моделирование денежных потоков и сценарный расчёт. На условном примере показано, что при одинаковой номинальной сумме платежей изменение их распределения снижает максимальную годовую нагрузку, однако не гарантирует устойчивости при неблагоприятном сценарии. Предложено совместно учитывать пиковую нагрузку, продолжительность и сумму превышения расчётного бюджетного ограничения. Результаты применимы для предварительного отбора проектов и обоснования последовательности их запуска.*

Ключевые слова: *государственно-частное партнёрство, региональная экономика, бюджетные обязательства, портфель проектов, временная концентрация, бюджетная доступность.*

При отборе инфраструктурных проектов региону необходимо учитывать распределение публичных платежей по годам. Несколько приемлемых по отдельности соглашений могут одновременно сформировать пик расходов, ограничивающий финансирование других направлений развития.

В исследовании термин «ГЧП» используется как аналитическое обобщение соглашений о государственно-частном партнёрстве по Федеральному закону №224-ФЗ и концессионных соглашений по Федеральному закону №115-ФЗ [1; 2]. При расчёте платежей правовые формы необходимо учитывать раздельно. Предлагаемая процедура представляет дополнительный аналитический инструмент и не заменяет предусмотренные законодательством процедуры подготовки и реализации проектов.

Методическая основа исследования включает разграничение прямых и условных обязательств, оценку ежегодных выплат и анализ сценариев. Всемирный банк относит к прямым обязательствам предсказуемые платежи публичной стороны, а к условным – выплаты при наступлении оговорённых событий, например при реализации гарантии или досрочном прекращении договора [5]. Модель PFRAM, разработанная Международным валютным фондом и Всемирным банком, предусматривает анализ фискальных последствий отдельных проектов и портфеля, включая чувствительность к изменению исходных параметров [4]. В

руководстве ЕРЕС 2026 года бюджетная доступность рассматривается через сопоставление ожидаемых платежей и источников их покрытия; универсальная величина ограничения для всех случаев не устанавливается [3].

Анализ долгосрочных платежей уже обоснован в литературе. Задача работы – конкретизировать проверку временного профиля нового проекта при его включении в региональный портфель. Совместно оцениваются размер, продолжительность и сумма превышений годового ограничения. Расчёты выполнены на условных данных и не характеризуют конкретный субъект Российской Федерации.

Объект расчёта – обязательства бюджета одного субъекта Российской Федерации. Муниципальные платежи не присоединяются к нему автоматически. Для каждого проекта фиксируются календарный график, основание платежа, правила индексации и условия дополнительных выплат. Исключается повторный учёт одной выплаты в базовом потоке и компенсации по риску.

Обозначим через B_t платежи по уже принятым обязательствам портфеля в году t, через X_{jt} – дополнительные платежи по рассматриваемому варианту j, через C_{jt}^s – дополнительные выплаты при реализации сценария s. Тогда годовая нагрузка определяется следующим образом:

$$P_{jt}^s = B_t + X_{jt} + C_{jt}^s. \quad (1)$$

В базовом расчёте C_{jt}^s равно нулю. В неблагоприятном сценарии учитываются конкретные совместимые события; их нельзя механически суммировать, если они исключают друг друга. Для событий без надёжной оценки вероятности используется сценарная сумма, а не математическое ожидание. Все денежные потоки и бюджетные ресурсы должны быть выражены в согласованных ценах соответствующих лет.

Пусть F_t^s – прогноз налоговых и неналоговых доходов выбранного бюджета, а L_t^s – расчётный объём ресурсов, который может быть направлен на рассматриваемые обязательства после учёта иных расходов и ограничений. В прикладном анализе L_t^s обосновывается отдельно для каждого года. Доля доходов может использоваться как вспомогательный ориентир, но не является оценкой свободных средств бюджета. Для сравнения вариантов предлагаются три показателя:

$$q_j^s = \max_t (P_{jt}^s / F_t^s) \times 100\%; \quad (2)$$

$$N_j^s = \Sigma_t I(P_{jt}^s > L_t^s); \quad (3)$$

$$D_j^s = \Sigma_t \max(0; P_{jt}^s - L_t^s). \quad (4)$$

Здесь q_j^s – максимальная доля платежей в доходах; N_j^s – количество лет превышения ограничения; I – индикатор, равный единице при выполнении условия и нулю в остальных случаях; D_j^s – сумма превышений. Последняя характеризует масштаб необходимой корректировки, но не является бюджетным дефицитом в юридическом или бухгалтерском смысле. Показатели применяются совместно: меньший пик может сопровождаться более продолжительным превышением допустимого уровня.

Проверка охватывает весь оставшийся срок обязательств. В примере принят горизонт 2027–2031 гг. и условно отсутствуют последующие платежи. Это не характеристика обычной продолжительности соглашений ГЧП. Суммы заданы в млрд руб. в номинальных ценах соответствующих лет; индексация отдельно не моделируется.

Доходы F_t в базовом варианте составляют 100 млрд руб. ежегодно, расчётное ограничение L_t – 11 млрд руб. Два варианта нового проекта имеют одинаковую номинальную сумму платежей – 12 млрд руб. Их распределение различается: в варианте А значительная часть выплат совпадает с пиком действующего портфеля; в варианте Б большая часть приходится на более поздние годы. Ограничение 11 млрд руб. выбрано исключительно для демонстрации и не является установленным нормативом.

Таблица 1

Условные графики платежей регионального портфеля, млрд руб.

Показатель	2027	2028	2029	2030	2031	Всего
Действующий портфель B_t	4	6	8	6	4	28
Новый проект, А	0	2	4	4	2	12
Новый проект, Б	0	0	2	4	6	12
Портфель с А	4	8	12	10	6	40
Портфель с Б	4	6	10	10	10	40

Источник: составлено и рассчитано автором на условных данных.

В обоих случаях совокупные платежи равны 40 млрд руб., а среднегодовые – 8 млрд руб. Однако максимум в варианте А составляет 12 млрд руб., в варианте Б – 10 млрд руб. Значения q равны соответственно 12 и 10%. При принятом ограничении вариант А имеет одно превышение на 1 млрд руб. в 2029 г.; у варианта Б превышений нет. Переход от А к Б уменьшает пик на 2 млрд руб., или на 16,7%, не изменяя номинальную сумму платежей.

Далее задан общий стрессовый сценарий: доходы во все годы сокращаются на 10%, до 90 млрд руб.; расчётный ресурс пропорционально уменьшается с 11 до 9,9 млрд руб.; в 2029 г. возникает дополнительная выплата 2 млрд руб. по действующему портфелю. Последняя одинакова для обоих вариантов и не была включена в базовые значения. Сценарий не является прогнозом: его параметры заданы для проверки реакции процедуры на совместное изменение доходов и обязательств.

В стрессовом расчёте платежи варианта А составляют 4; 8; 14; 10; 6 млрд руб., варианта Б – 4; 6; 12; 10; 10 млрд руб. Максимальная доля в доходах достигает соответственно 15,6 и 13,3%. Вариант А превышает ресурс в двух годах, а сумма превышений равна 4,2 млрд руб. Вариант Б превышает его в трёх годах, но суммарно на 2,3 млрд руб. Таким образом, вариант Б снижает пик и величину превышения, одновременно увеличивая его продолжительность. Ни один вариант не проходит стрессовую проверку без дополнительного решения о ресурсах или параметрах проекта.

Для применения процедуры предлагается следующая последовательность действий. Сначала определяется общественная потребность и проверяется обоснованность проекта. Затем новый график добавляется к действующему портфелю и рассчитываются три показателя для базового и неблагоприятных сценариев. При превышениях рассматриваются изменение очередности запуска, этапность создания объекта, корректировка объёма публичного участия либо иной способ реализации. После изменения параметров расчёт повторяется; результат фиксируется вместе с использованными предпосылками.

Перенос платежей сам по себе не означает экономии. Варианты с одинаковой номинальной суммой могут различаться по приведённой стоимости, потребности в заёмном финансировании и условиям участия частного партнёра. Поэтому пример показывает только различие временной нагрузки. Для окончательного выбора потребуются финансовая модель и оценка сравнительного преимущества, а при изменении срока ввода – учёт отложенных общественных результатов. Уже принятые договорные обязательства не могут произвольно переноситься ради улучшения расчётных показателей.

Ограничения исследования – условные данные, короткий горизонт и отсутствие вероятностной оценки рисков. Не моделируются изменения стоимости финансирования, тарифов и спроса. Следующий этап – апробация на фактических графиках регионального портфеля с проверкой полноты обязательств и доступного ресурса.

Таким образом, равенство номинального объёма публичных платежей не обеспечивает одинаковой бюджетной доступности проектов. В модельном примере изменение графика устраняет базовое превышение ограничения, но сохраняет уязвимость при совместном сокращении доходов и возникновении дополнительной выплаты. Практический результат работы – процедура сопоставления пика, продолжительности и суммы превышений,

позволяющая обосновывать корректировку нового проекта до его включения в региональный портфель.

Список литературы

1. О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон : от 13.07.2015 №224-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/ (дата обращения: 25.10.2026). – Текст : электронный.
2. О концессионных соглашениях: Федеральный закон : от 21.07.2005 №115-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54572/ (дата обращения: 25.10.2026). – Текст : электронный.
3. European Investment Bank. EPEC Guide to Public-Private Partnerships. – Luxembourg, 2026. – 210 p. – DOI 10.2867/7417985.
4. International Monetary Fund. PPPs and PFRAM. – URL: https://infrastructuregovern.imf.org/content/PIMA/Home/PPPs-and-PFRAM.html (дата обращения: 25.10.2026). – Текст : электронный.
5. World Bank. Assessing Fiscal Implications. – URL: https://ppp.worldbank.org/assessing-fiscal-implications (дата обращения: 25.10.2026). – Текст : электронный.

Сукиева Айша Магомед-Гиреевна
студентка
Пенчук Алина Юрьевна
студентка
Пинаев Олег Сергеевич
студент

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)»
г. Ростов-на-Дону, Ростовская область

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ НА СУЩНОСТЬ ФИНАНСОВ И ЕЁ СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ

Аннотация: *в статье рассматриваются эволюция теоретических взглядов на сущность финансов – от классической политэкономии до современных концепций, включая российскую школу. Современная часть дополнена цифровизацией и ролью финансов как инструмента национальной безопасности. Приведены нормативные акты РФ, статистика Минфина и Банка РФ за 2025 год. Представлены базовые функции и цель финансов РФ в условиях санкций.*

Ключевые слова: *финансы, сущность финансов, эволюция финансовой мысли, функции финансов, суверенитет, национальная безопасность, цифровой рубль, финансовая система России, распределительная функция, контрольная функция, санкционное давление.*

Финансы как экономическая категория прошли длительный путь развития. Их теоретическое осмысление менялось вместе с трансформацией хозяйственных систем: менялась не только экономика, но и сами представления о том, зачем нужны финансы и какую роль они играют в жизни государства и общества. Если в классической политэкономии финансы рассматривались преимущественно как инструмент государства, то в XX–XXI веках они превратились в самостоятельную силу, влияющие на экономический рост. А в последние годы – в элемент национальной безопасности и финансового суверенитета. Цель данной статьи – проследить эволюцию взглядов на сущность и функции финансов, а также дополнить классические подходы современными тенденциями: цифровизацией, санкционным давлением, геополитической нестабильностью.

Именно представители классической политэкономии заложили основы научного понимания финансов. В работе «Исследование о природе и причинах богатства» (1776) Адама Смита систематизированы взгляды на государственные расходы и доходы, автор сформулировал

четыре основных принципа налогообложения: определённость, справедливость, удобство и экономность. Адам Смит объяснял свою точку зрения идеей «невидимой руки рынка», он считал, что государственное вмешательство через финансы должно быть минимальным. Эти идеи развил и дополнил Дэвид Рикардо, исследуя влияние налогов на накопление капитала, он предупреждал об опасности чрезмерного государственного долга, подрывающего стимулы к сбережениям и инвестициям. Смит и Рикардо рассматривали финансы исключительно в связке с государством, но они не выделяли финансы в самостоятельную категорию.

В этом плане Карл Маркс совершил качественный скачок, в своем труде «Капитал» он показал, что финансы возникают не в обмене и не в производстве, а именно на стадии распределения и перераспределения стоимости [4]. Именно на этой стадии, по Марксу, деньги превращаются в финансы: когда они начинают обслуживать безэквивалентные движения стоимости – налоги, резервные фонды и накопления. В этой работе впервые была описана фондовая форма финансов через амортизационный фонд, фонд накоплений и потребления. Несмотря на все заслуги Карла Маркса и его предшественников, классическая школа в целом трактовала финансы довольно пассивно – как следствие уже сложившихся пропорций производства, а не как инструмент, способный менять эти пропорции.

Переломным моментом стала работа Джона Мейнарда Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» (1936). Кейнс доказал, что финансы это не что-то вторичное, а наоборот, они являются двигателем экономики. В своем труде автор раскрыл то, как финансы активно влияют на производство, занятость и экономический рост, обосновав необходимость государственного регулирования совокупного спроса через бюджетно-налоговые инструменты. Таким образом зародились стимулирующие и стабилизационная функции финансов. Но и у этой модели нашлись критики. Милтон Фридман и монетаристская школа настаивали, что причины экономических циклов – это не колебания инвестиционного спроса, а нестабильность денежной массы. Монетаризм сместил акцент с бюджетно-налогового на денежно-кредитное регулирование, а роль государства свёл к установлению правил, они к прямому вмешательству [5]. Проще говоря, государство должно не управлять спросом, а обеспечивать предсказуемый рост денежного предложения. К концу 20-го века крайность обеих школ примирились в рамках неоклассического синтеза, который объединил идеи кейнсианства и монетаризма: в краткосрочном периоде возможно активное регулирование и оно даже полезно, но в долгосрочном экономика стремится к естественному уровню выпуска, а главная задача финансов в том, чтобы обеспечить стабильность цен и предсказуемые условия для бизнеса.

С 1980–1990-х годов к спору о сущности финансов подключились два новых направления – институциональное и поведенческая экономика. Первое (Д. Норт, Р. Коуз, О. Уильямсон) рассматривает финансы не как поток денег, а как система правил, норм и организаций, снижающих транзакционные издержки и защищающих права собственности [5]. Институты, в отличие от рынка или государства, определяют, как работают финансы в той или иной стране. Отсюда и различия: в англосаксонской модели ставка сделана на рынок ценных бумаг, а континентальная модель ориентирована на банковское кредитование. Второе направление, поведенческая экономика (Р. Талер, Д. Канеман, Р. Шиллер), показала, что участники рынка действуют иррационально: люди склонны к оптимизму в периоды бума и к панике в кризисы. Изменила подход к функциям финансов – традиционная контрольная функция дополнилась задачей защиты потребителей от их собственных ошибок через раскрытие информации и ограничения на рискованные продукты.

В советской науке о финансах (Э. А. Вознесенский, В. М. Родионова, Л. А. Дробозина) сохранилось марксистское видение: финансы как распределительные отношения, имеющие фондовую форму [6]. В советский период они трактовались как часть производственных отношений социалистического государства. После 1991 г. началась интеграция в мировую науку. Современные российские исследователи (А. Г. Грязнова, Е. В. Маркина) предлагают более универсальное определение: финансы – это совокупность денежных отношений по поводу распределения стоимости ВВП, в результате которого формируется доходы,

поступления и накопления у субъектов хозяйствования и государства [6]. Базовыми функциями остаются распределительная и контрольная. Первое обеспечивает первичное распределение и перераспределение ВВП, а вторая – контроль за целевым использованием ресурсов. Все прочие функции (стимулирующая, стабилизационная, социальная, инвестиционная) считаются не самостоятельными, а производными: а они развивают две базовые функции применительно к рыночным условиям.

В XXI веке понимание финансов обогатилось новыми аспектами, которые не вписываются в классические идеи. Так, например, цифровизация привела к появлению цифрового рубля – третьей формы денег, эмитируемой банком России. В данном случае государство перестало быть только регулятором, но стало ещё и оператором инфраструктуры, это меняет природу централизованных финансов. Согласно отчёту Банка РФ, граждане и компании – участники пилоты из более чем 150 населённых пунктов открыли на платформе цифрового рубля около 2,5 тысяч кошельков и провели около 100 тысяч операций [2]. К концу мая 2025 года через платформу прошло более 63 тысяч переводов, около 13 тысяч оплат товаров и услуг и исполнено более 17 тысяч смарт-контрактов [2]. К цифровизации относится не только цифровой рубль, в сфере децентрализованных финансов появляются платформы, которые работают полностью без традиционных посредников – на блокчейне и смарт-контрактах. А токенизация активов позволила дробить права на недвижимость, товары, ценные бумаги – то, что раньше казалось неделимым. Правовое регулирование этих процессов закреплено в федеральном законе от 31 июля 2020г. №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который вводит понятие цифровых финансовых активов (ЦФА) и утилитарных цифровых прав (УЦП). Закон неоднократно дополнялся, в том числе федеральным законом от 15 декабря 2025г. №466-ФЗ, уточнившим понятие долговых цифровых финансовых активов. Важно, что в Российской Федерации с учетом финансовой безопасности накоплен отечественный опыт развития государственных информационных систем [7; 18].

В условиях санкционного давления финансы стали инструментом обеспечения национальной безопасности. Министр финансов А. Г. Силуанов отмечает: «Союзниками России являются армия, флот и устойчивые финансы» [3]. Эта фраза означает переориентацию на внутренние источники капитала, снижение доли нефтегазовых доходов, развитие национальной платёжной инфраструктуры, расчёт национальных валют дружественных стран. По данным Минфина России, по итогам 2025 г. дефицит федерального бюджета составил 5,6 трлн руб., или 2,6% ВВП [1]. Доходы выросли на 1,6% и достигли 37,28 трлн руб., расходы увеличились до 42,93 трлн руб. или на 6,8% [1]. Показательно, что ненефтегазовые поступления увеличились на 12,6% до 28,8 трлн руб., тогда как нефтегазовые, наоборот, просели почти на четверть – до 8,5 трлн руб. Государственный долг при этом остается на довольно безопасном уровне – 16,1% ВВП [1]. По оценке МВФ, совокупная задолженность России по итогам 2025 г. составила 18% ВВП – это самый низкий показатель стран G20. А доля нефтегазовых доходов в федеральном бюджете упала до 17,3%, для сравнения, годом ранее она составляла 22,7%, а ещё раньше – 30,3% [1].

Несколько ключевых документов задают рамку, в которой сегодня существует финансовая система России. Первый – Указ Президента РФ от 2 июля 2021г. №400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». В нём названо одно из условий экономической безопасности страны – это укрепление финансовой системы и её суверенитета. Второй – Указ от 13 мая 2017г. №208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года», где прописаны необходимость не допускать кризисных явлений в финансовой сфере. Третий, самый заметный в последние годы, – Указ Президента РФ от 7 мая 2024г. №309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.». В данном указе среди ключевых ориентиров закреплены «устойчивая и динамичная экономика» и «технологическое лидерство». В марте 2026 г. Правительство РФ утвердило методику расчёта ключевых показателей состояния

финансового суверенитета. Этот инструмент позволяет измерить, насколько финансовый рынок страны устойчив внешнеэкономическим шокам, – то, что раньше оценивалось экспертно, теперь можно посчитать.

На сегодняшний день финансы больше не укладываются в привычные старые схемы. Современность внесла новые краски: цифровизация стирает границы между централизованными и децентрализованными финансами, финансовый суверенитет из теоретической категории превратился в условие выживания в санкционной среде, а повестка устойчивого развития в единстве экологических, социальных и управленческих факторов (ESG) добавила к функциям финансов ещё одну – социальную ответственность. В итоге сегодня финансы – это не только контроль и распределения, это стратегический ресурс, инструмент технологического лидерства и часть национальной безопасности. Понимание этой многогранности необходимо для формирования эффективной финансовой политики страны.

Список литературы

1. Предварительная оценка исполнения федерального бюджета за 2025 год. – Москва : Министерство финансов РФ, 2026. – URL: https://minfin.gov.ru (дата обращения: 16.10.2026). – Текст : электронный.

2. Цифровой рубль сегодня и завтра: отчет Банка России о пилотировании. – Москва : Банк России, 2025. – URL: https://cbr.ru (дата обращения: 16.10.2026). – Текст : электронный.

3. Силуанов, А. Г. Выступление на Московском финансовом форуме, март 2026 г. / А. Г. Силуанов. – URL: https://minfin.gov.ru (дата обращения: 16.10.2026). – Текст : электронный.

4. Маркс, К. Капитал. Т. 1 / К. Маркс. – Москва : Политиздат, 1988. – 891 с.

5. Миркин, Я. М. Финансовый менеджмент : учебник / Я. М. Миркин. – Москва : Магистр, 2020. – 528 с.

6. Государственные и муниципальные финансы : учебник для бакалавриата / под ред. Н.Г. Вовченко, О.Б. Иванова. – Москва : КНОРУС, 2023. – 384 с.

7. Богославцева, Л. В. Современная парадигма финансового обеспечения цифровизации государственных и муниципальных услуг населению / Л. В. Богославцева // Финансовые исследования. – 2022. – № 1(74). – С. 16–24. – DOI 10.54220/finis.1991–0525.2022.74.1.002. – EDN WRAGAL.

Шевченко Игорь Викторович
д-р экон. наук, профессор
Джиоева Лилия Михайловна
магистрант

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
г. Краснодар, Краснодарский край

ВЛИЯНИЕ РЕЖИМА НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ НА РЕАЛЬНУЮ СТОИМОСТЬ ЗАЕМНОГО КАПИТАЛА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ КОМПАНИЙ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОСНО И ЕСХН В УСЛОВИЯХ ВЫСОКОЙ КЛЮЧЕВОЙ СТАВКИ

Аннотация: *в российской практике ЕСХН считается безусловно выгодным из-за низкой ставки (6%) и простого администрирования, но не учитывает его влияние на реальную стоимость заемного капитала — ключевой фактор финансовой устойчивости. В условиях жесткой денежно-кредитной политики Банка России разница в налоговом щите долга между ОСНО и ЕСХН становится количественно значимой. На основе модифицированной модели Trade-off с двухкомпонентным расчетом налогового щита проанализирована средневзвешенная стоимость заемного капитала двух сельхозкомпаний ЦФО (ОСНО и ЕСХН) за 2023–2025 гг. Установлено, что при сопоставимом объеме заемного капитала стоимость заимствований компании на ЕСХН в 2025 г. на 2,6–3,0 п.п. выше, чем у компании на ОСНО, причем разрыв нарастает с ростом ключевой ставки и может ухудшить конкурентоспособность компании на ЕСХН по стоимости финансирования. Предложен методический*

подход к оценке налогового эффекта при выборе режима налогообложения с учетом структуры кредитного портфеля.

Ключевые слова: *заемный капитал, налоговый щит, ОСНО, ЕСХН, стоимость долга, WACC, агрохолдинг, компромиссная теория, льготное кредитование АПК, ключевая ставка, режим налогообложения, финансовая устойчивость.*

Выбор системы налогообложения традиционно рассматривается финансовыми и бухгалтерскими службами сельскохозяйственных организаций преимущественно через призму налоговой нагрузки на операционную прибыль: единый сельскохозяйственный налог со ставкой 6% на разницу между доходами и расходами воспринимается как очевидно предположительный режим по сравнению с общей системой налогообложения со ставкой 20–25% на прибыль. Данная логика обоснована в условиях стабильной прибыльности организаций и умеренной долговой нагрузки. Однако она не учитывает влияние налогового режима на финансовое положение компании – величину налогового щита по процентным расходам.

Налоговый щит долга представляет собой экономию на налоговых платежах, возникающую вследствие уменьшения налогооблагаемой базы. При ОСНО каждый рубль процентных выплат экономит 20–25 копеек налога на прибыль, при ЕСХН – 6 копеек. Для организаций с умеренной долговой нагрузкой данное различие незначительно. Однако для крупных агрохолдингов с процентными расходами в диапазоне 1–2 млрд руб. ежегодно разница в налоговом щите составляет сотни миллионов в год – величину меняющую сравнительную оценку двух режимов.

В условиях роста ключевой ставки ЦБ РФ до 21% годовых в 2024–2025 годах данная проблема приобрела острый характер, так как стоимость коммерческого банковского превысила 22% годовых, процентные расходы агрохолдингов резко возросли. Как следствие разница налогового щита между ОСНО и ЕСХН достигла исторического максимума. Цель настоящей статьи – количественно оценить данный разрыв и предложить методический инструментарий для его учета при принятии решений о режиме налогообложения.

Компромиссная теория структуры капитала, сложившаяся в развитие работ Модильяни и Миллера, утверждает, что оптимальная структура капитала определяется балансом между налоговой выгоды долга и издержек финансовой несостоятельности [8, 9]. Налоговая выгода долга – налоговый щит, который формально описывается как:

$$\mathrm{PV(TS)} = T \times r \times D$$

где T – ставка налога на прибыль; r – ставка процента по долгу; D – совокупный долг.

Из данной формулы непосредственно следует, что при прочих равных условиях чем выше ставка налога (T), тем значительнее налоговая выгода каждого рубля долга. Соответственно, организации с более высокой ставкой налогообложения имеют больше оснований для наращивания долговой нагрузки с точки зрения компромиссной теории. Таким образом, агрохолдинг на ОСНО получает от каждого рубля процентных выплат в 3,3–4,2 раза большую налоговую экономию, чем аналогичная организация на ЕСХН.

Помимо этого, часть долга, которая привлечена в рамках программ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации, налоговый щит дополнительно дифференцируется по видам инструментов заемного финансирования [4]. Это обуславливает необходимость применения модифицированной модели компромиссной теории, разграничивающей налоговый щит рыночного (PV(TS_m)) и субсидируемого (PV(TS_s)) долга:

$$V = V0 + PV(\mathrm{TS_m}) + PV(\mathrm{TS_s}) - PV(FD) - PV(AC)$$

Данная модификация имеет высокую важность для сельскохозяйственных компаний, так как льготный долг по ставке 5–9% создает существенно меньший налоговый щит, чем рыночный долг по ставке 15–18%. Также данное различие усиливается при применении ЕСХН – при ставке 6% значимость налогового щита льготного долга нивелируется.

Сравнительный анализ двух режимов налогообложения проведен на данных двух агрохолдингах Центрального федерального округа за 2023–2025 годы. В целях соблюдения

конфиденциальности компании обозначены как как Агрохолдинг А (Тамбовская область, земельный банк около 45 000 га, ОСНО) и Агрохолдинг Б (Липецкая область, земельный банк около 10 000 га, ЕСХН). Оба агрохолдинга обладают сопоставимой структурой кредитного портфеля: долгосрочные коммерческие кредиты, краткосрочные кредиты с долей льготных 35% и лизинговые обязательства. Ключевые параметры для расчета представлены в таблице 1.

Таблица 1

Исходные параметры расчета

Параметр	2023	2024	2025
Ключевая ставка ЦБ РФ (средняя), %	10,5	17,5	21
Ставка рыночного долга, %	13,5	20,5	24
Ставка льготного долга, %	4,5	6	8,5
Ставка налога ОСНО, %	20	20	25
Ставка налога ЕСХН, %	6	6	6
Доля льготного долга в кратк. портфеле, %	35	35	35

Составлено автором.

Для корректного сравнения вводится показатель эффективной стоимости заемного капитала с учетом налогового режима – WACC_d(T), рассчитываемый по формуле:

$$\mathrm{WACC_{d(T)}} = \frac{[\mathrm{D_m} \times \mathrm{r_m} \times (1 - \mathrm{T}) + \mathrm{D_s} \times \mathrm{r_s} \times (1 - \mathrm{T}) + \mathrm{D_L} \times \mathrm{r_m} \times (1 - \mathrm{T})]}{\mathrm{D_total}}$$

где D_m, D_s, D_L – рыночный, льготный и лизинговый долг соответственно, T – ставка налога в зависимости от применяемого режима.

Разница ΔWACC_d = WACC_d(ЕСХН) – WACC_d(ОСНО) представляет собой налоговую премию к стоимости долга, которую платит организация на ЕСХН по сравнению с аналогичной организацией на ОСНО при идентичной структуре долгового портфеля.

Таблица 2

Сравнительный расчет стоимости заемного капитала Агрохолдингов А и Б, %

Показатель	2023	2024	2025
Агрохолдинг А (*ОСНО*)			
Стоимость рыночного долга после Т, %	10,800	16,400	18,000
Стоимость льготного долга после Т, %	3,600	4,800	6,375
WACC_d (А, ОСНО), %	10,576	15,781	17,365
Агрохолдинг Б (*ЕСХН*)			
Стоимость рыночного долга после Т, %	12,690	19,270	22,560
Стоимость льготного долга после Т, %	4,230	5,640	7,990
WACC_d (А, ОСНО), %	12,460	18,569	21,814
Налоговая премия DWACC_d, п.п.	1,884	2,788	4,449
Относительное превышение, %	17,800	17,700	25,600

Составлено автором.

Результаты расчетов свидетельствуют об устойчивой и нарастающей налоговой премии к стоимости долга для организации на ЕСХН. В 2023 году при ключевой ставке 10,5% разница в WACC_d составляла 1,884 п.п. К 2025 году при ключевой ставке 21,0% налоговая премия возросла до 4,449 п.п., а относительное превышение стоимости долга у Агрохолдинга Б над Агрохолдингом А достигло 25,6%.

Для понимания практической значимости выявленного разрыва переведем его в абсолютные показатели. При совокупном кредитном портфеле Агрохолдинга Б в 7,46 – 9,02 млрд руб. налоговая премия к стоимости долга означает дополнительные ежегодные расходы, которые несет организация на ЕСХН относительно теоретически аналогичной организации на ОСНО.

Таблица 3

Абсолютное выражение налоговой премии ЕСХН, тыс. руб.

Год	Кредитный портфель, тыс.руб.	ΔWACC_d, п.п.	Доп. расходы, тыс.руб.	% от выручки
2023	9 015 751	1,884	169 857	17,4%
2024	7 757 173	2,788	216 370	12,8%
2025	7 458 845	4,449	331 802	101,2%

Составлено автором.

Данные таблицы 3 наглядно демонстрируют, что налоговая премия ЕСХН в абсолютном выражении нарастает по годам. Так в 2023 году налоговая премия составляла около 169,9 млн руб., в 2025 году она достигает 331,8 млн руб. При этом отношение дополнительных расходов к выручке резко возросло в 2025 году вследствие падения выручки Агрохолдинга Б до 328,0 млн руб. – налоговая премия ЕСХН в этом году превысила выручку компании на 101,2%, что является индикатором критической диспропорции между объемом кредитного портфеля компании и налоговым режимом.

Важной характеристикой выявленной зависимости является ее нелинейная чувствительность к уровню ключевой ставки ЦБ РФ. При низких ставках разница в налоговом щите между ОСНО и ЕСХН относительно невелика и может не оказывать решающего влияния на выбор режима налогообложения. Однако по мере роста ставки разрыв нарастает ускоренными темпами. Каждый процентный пункт роста ключевой ставки увеличивает стоимость рыночного долга на 1 п.п., а разница в налоговом щите между ОСНО и ЕСХН составляет $1\times(0{,}25–0{,}06) = 0{,}19$ п.п. дополнительной стоимости долга для каждого процентного пункта роста ключевой ставки.

При кредитном портфеле Агрохолдинга Б в размере 7,46 млрд руб. это означает около 14,2 млн.руб. дополнительных расходов на каждый процентный пункт роста ключевой ставки. В условиях неопределенности относительно траектории ключевой ставки данная зависимость представляет собой существенный финансовый риск, не учитываемый при стандартном подходе к выбору налогового режима.

На основе проведенного анализа возникает вопрос о целесообразности перехода агрохолдинга с ЕСХН на ОСНО с позиции стоимости заемного капитала. Данный сценарий рассматривается нами как один из возможных управленческих решений, требующих комплексной оценки, поскольку смена налогового режима затрагивает значительно более широкий спектр факторов, чем стоимость долга.

При переходе Агрохолдинга Б с ЕСХН на ОСНО в 2025 году при неизменной структуре долгового портфеля WACC_d снизился бы с 21,814% до 17,365% – снижение на 4,449 п.п. При кредитном портфеле в размере 7,46 млрд руб. это означает годовую экономию на обслуживании долга около 331,8 млн руб. вследствие роста налогового щита.

Однако данная экономия реализуется только при наличии налогооблагаемой прибыли. Агрохолдинг Б на протяжении всего анализируемого периода демонстрирует чистый убыток: в 2023 году – 1 106,8 млн руб., 2024 год – 1157,2 млн руб., 2025 год – 1 627,7 млн руб. Следовательно, налог на прибыль к уплате равен нулю, а налоговый щит имеет отложенный характер. При убыточной деятельности переход на ОСНО не создает немедленной налоговой экономии, так как она реализуется при выходе организации на прибыль. Однако при убытке компания на ОСНО также не уплачивает налог на прибыль, тогда как при ЕСХН налоговая база может оставаться положительной при наличии операционных доходов, превышающих расходы. Это означает, что оценка целесообразности смены налогового режима должна проводится не только с учетом структуры заемного капитала, но и финансовой модели.

Таким образом, переход на ОСНО целесообразен при одновременном выполнении двух условий: значительном кредитном портфеле с высокой стоимостью долга и прогнозируемом выходе организации на чистую прибыль в горизонте 1–2 лет. При сохраняющейся убыточности смена режима не даст ожидаемый экономический эффект.

Проведенный анализ позволяет сформировать следующие выводы:

1. Режим налогообложения оказывает существенное влияние на реальную стоимость заемного капитала сельскохозяйственной организации через механизм налогового щита. При высоком уровне ключевой ставки ЦБ РФ данное влияние приобретает практическое значение.

2. Налоговая премия ЕСХН нарастает по мере роста ключевой ставки нелинейно. Это означает, что традиционная оценка выгодности ЕСХН, проводимая в условиях низких процентных ставок, не сохраняет актуальность при ужесточении денежно-кредитной политики.

Принятие решения о смене налогового режима с ЕСХН на ОСНО с целью снижения реальной стоимости долга обоснованно при наличии значительного долгового портфеля и прогнозируемой операционной прибыльности в краткосрочной перспективе.

Список литературы

1. Бланк, И. А. Управление формированием капитала / И. А. Бланк. – Киев : Ника-Центр, Эльга, 2000. – 507 с. – ISBN 966-521-066-1.

2. Ковалев, В. В. Финансовый менеджмент / В. В. Ковалев. – Москва : Проспект, 2014. – 1094 с. – ISBN 978-5-392-11235-7.

3. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть вторая: Федеральный закон от 05.08.2000 №117-ФЗ (ред. от 12.07.2024). – М., 2024. – Ст. 284, 346.4–346.9.

4. Решение о предоставлении субсидий на льготное кредитование АПК от 28.08.2026 №25-66428-01969-Р / Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. – Москва : МСХ РФ, 2026.

5. Савицкая, Г. В. Анализ хозяйственной деятельности предприятий АПК : учебник / Г. В. Савицкая. – Москва : Инфра-М, 2026. – 519 с. – ISBN 978-5-16-100035-9.

6. Теплова, Т. В. Корпоративные финансы (продвинутый уровень) : учебник и практикум для вузов / Т. В. Теплова. – Москва : Юрайт, 2023. – 750 с. – ISBN 978-5-534-17326-0.

7. Федеральный закон от 12.07.2024 №176-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации». – М., 2024.

8. Kraus, A. A State-Preference Model of Optimal Financial Leverage / A. Kraus, R. H. Litzenberger // Journal of Finance. – 1973. – Vol. 28, No. 4. – P. 911–922.

9. Modigliani, F. Corporate Income Taxes and the Cost of Capital: A Correction / F. Modigliani, M. H. Miller // American Economic Review. – 1963. – Vol. 53, No. 3. – P. 433–443.

10. Myers, S. C. The Capital Structure Puzzle / S. C. Myers // Journal of Finance. – 1984. – Vol. 39, No. 3. – P. 574–592.

11. Ключевая ставка Банка России // Центральный банк Российской Федерации. – URL: https://cbr.ru/hd_base/KeyRate/ (дата обращения: 13.10.2026). – Текст : электронный.

Шевченко Игорь Викторович
д-р экон. наук, профессор
Джиоева Лилия Михайловна
магистрант

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
г. Краснодар, Краснодарский край

МОДИФИКАЦИЯ МОДЕЛИ КОМПРОМИССНОЙ ТЕОРИИ СТРУКТУРЫ КАПИТАЛА ДЛЯ ПРЕДПРИЯТИЙ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА С ИЗУЧЕНИЕМ ДВУХКОМПОНЕНТНОЙ ПРИРОДЫ НАЛОГОВОГО ЩИТА

Аннотация: *действующие методики оценки оптимальной структуры капитала агропредприятий основаны на классической компромиссной теории с единой ставкой заемного капитала, тогда как сельхозорганизации одновременно привлекают рыночные кредиты (привязка к ключевой ставке ЦБ РФ) и льготные кредиты с госсубсидированием (1–10% годовых). Это ведет к систематическому завышению налогового щита долга и смещению оптимума в сторону избыточной долговой нагрузки. Предложена модификация модели, разграничивающая налоговый щит рыночного и субсидируемого долга как самостоятельных компонентов, с включением агентских издержек, актуальных для агрохолдингов. Проверка на данных трех растениеводческих компаний ЦФО за 2023–2025 гг. показала завышение налогового щита классической моделью на 0,8–13,0 млн руб. ежегодно в зависимости от объема льготного портфеля и динамики ключевой ставки. Результаты применимы в финансовой политике агрохолдингов и при оценке долговой нагрузки клиентов аграрного сектора банками.*

Ключевые слова: *структура капитала, компромиссная теория, налоговый щит, льготное кредитования сельскохозяйственных компаний, заемный капитал, агрохолдинг, субсидирование процентной ставки, средневзвешенная стоимость капитала, WACC, оптимизация долговой нагрузки.*

Вопрос об оптимальном соотношении заемного и собственного капитала занимает центральное место в теории корпоративных финансов в течение более шестидесяти лет. Вместе с тем большинство существующих теоретических моделей разрабатывались применительно к компаниям промышленного и торгового секторов, функционирующим в условиях рыночного ценообразования на все источники финансирования. Для российских предприятий агропромышленного комплекса данное условие нарушается в течение 9 лет, так как с 2017 года функционирует масштабная система льготного кредитования сельскохозяйственных товаропроизводителей, в рамках которой государство субсидирует процентную ставку по банковским кредитам, обеспечивая аграриям доступ к заемному финансированию по ставкам в разы ниже рыночных.

По данным Министерства сельского хозяйства РФ, объем субсидий на льготное кредитование АПК в 2024 году превысил 211 млрд руб., при этом ставка по льготным краткосрочным кредитам для приоритетных направлений составляла до 6,8% годовых при рыночной ставке свыше 20%. Значительный разрыв в стоимости двух категорий долга порождает принципиальную методологическую проблему: классическая модель компромиссной теории структуры капитала, рассчитывающая налоговый щит как единую однородную величину, систематически искажает реальную налоговую выгоду долга для агрохолдингов и, как следствие, формирует неверные ориентиры при определении оптимальной долговой нагрузки.

Цель настоящей статьи состоит в разработке модификации базовой компромиссной теории, устраняющей указанное искажение посредством разграничения налогового щита

рыночного и субсидируемого долга как самостоятельных компонентов, и в верификации практической значимости предлагаемой модификации на основе эмпирических данных.

Компромиссная теория структуры капитала сложилась в 1970-е годы как развитие модели Модильяни-Миллера с учетом налогообложения и издержек финансовой несостоятельности [1]. В классической поставке стоимость фирмы с заемным финансированием описывается зависимостью:

$$V = V0 + PV(TS) - PV(FD)$$

где V_{0-} стоимость фирмы без долга; PV(TS) – приведенная стоимость налогового щита; PV(FD) – приведенная стоимость ожидаемых издержек финансовой несостоятельности.

Налоговый щит в данной модели определяется как произведение ставки налога на прибыль (T) и суммы процентных выплат, рассчитанных по единой рыночной ставке (r):

$$\text{PV(TS)} = T \times r \times D$$

Данная формула предполагает, что весь заемный капитал (D) привлечен по единой рыночной ставке (r). Для большинства компаний промышленного и торгового секторов это допущение является достаточно реалистичным приближением. Однако для российских сельскохозяйственных компаний, кредитный портфель которых одновременно включает в себя коммерческие кредиты под ставку 15–21% годовых и льготные кредиты по ставке 1–10% в рамках программ МСХ РФ, применение формулы (2) к совокупному долгу по единой рыночной ставке ведет к существенному завышению приведенной стоимости налогового щита (PV(TS)).

Рассмотрим численный пример. Пусть агрохолдинг имеет ссудную задолженность по коммерческому кредиту в размере 7 млрд. руб. по ставке 15% годовых, то есть D_m= 7 млрд руб. и r_m = 15%, и ссудную задолженность по льготному кредиту в размере 1 млрд руб. по ставке 5% годовых, то есть D_s= 1 млрд руб. и r_s = 5%, ставка налога T = 25%. Исходя из классической модели приведенная стоимость налогового щита составит PV(TS) = 0,25*0,15*8 = 300 млн руб. Реальный налоговый щит составляет: 0,25*0,15*7 + 0,25*0,05*1 = 262,5 + 12,5 = 275 млн руб. Завышение составляет 25 млн руб. или 8,33%. При нарастании ключевой ставки ЦБ РФ разрыв между r_m и r_s увеличивается, как следствие, искажение классической модели возрастает пропорционально.

Механизм льготного кредитования в агрономическом секторе России претерпел существенную трансформацию за период своего функционирования. В первоначальном варианте (2017–2023 гг.) государство компенсировало банкам процентные расходы в полном объеме ключевой ставки ЦБ РФ, обеспечивая заемщикам ставку 1–5% годовых вне зависимости от рыночного уровня. С 2024 года механизм был изменен: возмещению подлежит 50–70% ключевой ставки в зависимости от приоритетности направления кредитования, что повысило эффективную ставку по льготным кредитам до 6,8–10% [2].

Данная трансформация важна для расчета налогового щита, так как при ключевой ставке 21% разрыв между коммерческой и льготной ставками сократился, но остается существенным – от 5,75 до 8,95 процентных пунктов. При совокупном льготном долговом портфеле крупного агрохолдинга в 0,5–2 млрд руб. разница в расчетном налоговом щите составляет от нескольких миллионов до десятков миллионов рублей в год, что является значимой величиной при формировании финансовой политики.

Для устранения выявленного методологического ограничения предлагается модификация базовой модели компромиссной теории, разграничивающая заемный капитал на два структурных блока – рыночный долг и субсидируемый долг – с раздельным расчетом соответствующих компонентов налогового щита. Модифицированная модель принимает вид:

$$V = V0 + PV(\text{TS_m}) + PV(\text{TS_s}) - PV(FD) - PV(AC)$$

где: PV(TS_m) = T × r_m × D_m – приведенная стоимость налогового щита по рыночному долгу, рассчитываемая на основе фактической рыночной процентной ставки; PV(TS_s) = T × r_s × D_s – приведенная стоимость налогового щита по субсидируемому долгу, рассчитываемая на основе эффективной процентной ставки с учетом государственного субсидирования;

PV(FD) – приведенная стоимость ожидаемых издержек финансовой несостоятельности, скорректированная на отраслевую волатильность денежных потоков АПК; PV(AC) – приведенная стоимость агентских издержек.

Включение компонента PV(AC) обосновано тем, что агентские издержки для крупных агрохолдингов с разветвленной структурой собственности и наемным менеджментом представляют реально измеримый фактор стоимости. Дисциплинирующий эффект долга, ограничивающего свободный денежный поток в распоряжении менеджмента, является аргументом в пользу заемного финансирования, тогда как конфликт акционеров и кредиторов – аргументом против его избыточного наращивания [2].

На основе предложенной модификации средневзвешенная стоимость заемного капитала (WACC_d) для сельскохозяйственных компаний определяется по формуле:

$$WACC_d = [D_m \times r_m \times (1 - T) + D_s \times r_s \times (1 - T)]/(D_m + D_s + D_L)$$

где D_L – лизинговые обязательства, включаемые в расчет по ставке рыночного долга.

Принципиальное отличие данной формулы от стандартного расчета WACC состоит в том, что субсидируемый долг не смешивается с рыночным при определении ставки после налогообложения. Это позволяет корректно оценить реальную стоимость каждого инструмента и принять аргументированное решение об оптимальном соотношении между ними в кредитном портфеле.

Для верификации практической значимости предложенной модификации проведены расчеты по данным трех растениеводческих агрохолдингов Центрального федерального округа за 2023–2025 годы. В целях соблюдения конфиденциальности компании обозначены как Агрохолдинг А (Тамбовская область, земельный банк около 45 000 га, ОСНО), Агрохолдинг Б (Липецкая область, земельный банк около 10 000 га, ЕСХН) и Агрохолдинг В (Рязанская область, земельный банк около 15 000 га, ОСНО).

Параметры расчета: ставка рыночного долга принята на уровне ¾ ключевой ставки ЦБ РФ (2023 год – 7,875%, 2024 год – 13,125%, 2025 год – 15,750%), ставка по льготному кредиту: 2023 год – 4,5%, 2024 год – 6,0% и 2025 год – 8,5% в соответствии актуальными условиями программ МСХ РФ. Доля льготных кредитов в краткосрочном портфеле – 35% согласно структуре субсидий МСХ РФ, все долгосрочные кредиты отнесены к коммерческим на основании данных управленческой отчетности. Ставка налога: ОСНО – 20% в 2023–2024 гг. и 25% в 2025 г. в соответствии с Федеральным законом от 12.07.2024 №176-ФЗ, ЕСХН – 6%.

Таблица 1 содержит ключевые результаты сравнения классической и модифицированной моделей по трем агрохолдингам.

Таблица 1

Сравнительный анализ налогового щита по классической и модифицированной моделям, тыс. руб.

Компания	Год	PV(TS) классическая модель	PV(TS_m) + PV(TS_s) модифицированная модель	Завышение	Завышение, %
Агрохолдинг А (ОСНО)	2023	189 494	187 243	2 251	1,19%
	2024	254 423	246 319	8 104	3,19%
	2025	384 698	371 796	12 902	3,35%
Агрохолдинг Б (ЕСХН)	2023	42 599	42 239	360	0,85%
	2024	61 088	59 282	1 806	2,96%
	2025	70 486	68 697	1 789	2,54%
Агрохолдинг В (ОСНО)	2023	11 409	10 652	757	6,64%
	2024	27 720	22 582	5 138	18,54%
	2025	54 874	46 056	8 818	16,07%

Составлено автором.

Результаты расчетов подтверждают два ключевых тезиса. Во-первых, завышение налогового щита нарастает по годам по мере роста ключевой ставки ЦБ РФ – разрыв между

коммерческой и льготными ставками расширяется и искажение классической модели увеличивается пропорционально. Наиболее наглядно это прослеживается у Агрохолдинга В, так как завышение возросло с 6,6% в 2023 году до 16,1–18,5% в 2024–2025 годах, более чем в два раза за два года.

Во-вторых, для компании на ЕСХН (Агрохолдинг Б) налоговый щит в абсолютном выражении принципиально меньше, чем для компаний на ОСНО при сопоставимом объеме долга. Это означает, что аргумент компромиссной теории в пользу заемного финансирования через налоговый щит для данной категории компаний существенно ослаблен. При кредитном портфеле 7,5–9,0 млрд руб. совокупный налоговый щит составляет 42–69 млн руб. ежегодно при процентных расходах свыше 1,0 млрд руб.

Применение модифицированной модели позволяет сформулировать следующие практические выводы для управления структурой заемного капитала сельскохозяйственных компаний:

1. При высокой ключевой ставке ЦБ РФ льготный субсидированный кредит, замещающий коммерческий, создает двойной экономический эффект: прямую экономию на процентных расходах и снижение налогового щита по сравнению с рыночным долгом, то есть при принятии решения о замещении коммерческих кредитов льготными необходимо учитывать не только разницу в процентных ставках, но и потерю части налогового щита.
2. Для компаний на ЕСХН оптимальный уровень долга, определяемый по модифицированной модели будет систематически ниже, чем по классической, так как налоговая выгода долга при ставке 6% минимальна, а значит, основным ограничителем наращивания долга остается вероятность финансовой несостоятельности при фактически отсутствующем налоговом стимуле. Это говорит о необходимости дифференцированного методологического подхода к оценке оптимальной структуры заемного капитала в зависимости от применяемой системе налогообложения.

В настоящей статье предложена модификация классической теории структуры капитала, устраняющая систематическое искажение, возникающие при применении данной модели к сельскохозяйственным компаниям с двухкомпонентным кредитном портфелем, включающим в себя коммерческие банковские кредиты и льготные кредиты, субсидируемые государством. Разграничение компонентов налогового щита обеспечивает корректную оценку налоговой выгоды от каждого инструмента и позволяет избежать смещения расчетного оптимума структуры заемного капитала в сторону избыточной кредитной нагрузки.

Верификация на данных трех растениеводческих компаниях показала, что завышение налогового щита при применении классической модели составляет от 0,85% до 18,5% в зависимости от доли льготных кредитов в портфели компании, динамики ключевой ставки и применяемой системы налогообложения. Значимость искажения возрастает по мере роста ключевой ставки ЦБ РФ, что делает предложенную модификацию особенно актуальной в условиях жесткой денежно-кредитной политики государства.

Список литературы

1. Бланк, И. А. Управление формированием капитала / И. А. Бланк. – Киев : Ника-Центр, Эльга, 2000. – 507 с. – ISBN 966-521-066-1.

2. Ковалев, В. В. Финансовый менеджмент / В. В. Ковалев. – Москва : Проспект, 2014. – 1094 с. – ISBN 978-5-392-11235-7.

3. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть вторая: Федеральный закон от 05.08.2000 №117-ФЗ (ред. от 12.07.2024). – М., 2024. – Ст. 284, 346.4–346.9.

4. Решение о предоставлении субсидий на льготное кредитование АПК от 28.08.2026 №25–66428–01969-Р / Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. – Москва : МСХ РФ, 2026.

5. Савицкая, Г. В. Анализ хозяйственной деятельности предприятий АПК : учебник / Г. В. Савицкая. – Москва : ИНФРА-М, 2026. – 519 с. – ISBN 978-5-16-100035-9.

6. Теплова, Т. В. Корпоративные финансы (продвинутый уровень) : учебник и практикум для вузов. – 2-е изд., испр. / Т. В. Теплова. – Москва : Юрайт, 2023. – 750 с. – ISBN 978-5-534-17326-0.

7. Федеральный закон от 12.07.2024 №176-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации». – М., 2024.

8. Jensen, M. C. Theory of the Firm: Managerial Behavior, Agency Costs and Ownership Structure / M. C. Jensen, W. H. Meckling // Journal of Financial Economics. – 1976. – Vol. 3, No. 4. – P. 305–360.
9. Kraus, A. A State-Preference Model of Optimal Financial Leverage / A. Kraus, R. H. Litzenberger // Journal of Finance. – 1973. – Vol. 28, No. 4. – P. 911–922.
10. Modigliani, F. Corporate Income Taxes and the Cost of Capital: A Correction / F. Modigliani, M. H. Miller // American Economic Review. – 1963. – Vol. 53, No. 3. – P. 433–443.
11. Myers, S. C. The Capital Structure Puzzle / S. C. Myers // Journal of Finance. – 1984. – Vol. 39, No. 3. – P. 574–592.

Щелкунова Мария Аркадьевна
магистрант
ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет геодезии и картографии»
г. Москва

ОСОБЕННОСТИ КАДАСТРОВОГО УЧЕТА ПРИБРЕЖНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Аннотация: *эффективное управление прибрежными земельными участками требует точного определения топографического положения береговой линии, актуальной съемки местности и внесения данных в кадастровую карту [1]. Однако традиционные полевые геодезические работы сопряжены с трудностями из-за сложного доступа к участкам и значительных колебаний уровня воды при приливах и отливах, что приводит к наличию большого количества незарегистрированных земель в прибрежной зоне. Особую проблему представляет отсутствие детальных кадастровых данных для земель, находящихся в государственной собственности. Для решения этой задачи был проведен анализ статуса кадастровой регистрации земель с применением методов автоматизированного пространственного анализа, использующих актуальные открытые базы данных, содержащие сведения о кадастровых границах и естественной береговой линии. В целом, данный подход обеспечивает более точный и эффективный способ управления прибрежными землями, предоставляя необходимые данные о морских ресурсах, состоянии морской среды и уровне загрязнения акватории. В данной статье подчеркивается роль морского и прибрежного кадастра в рамках обеспечении эффективного принятия решений, способствующих надлежащему управлению морским и прибрежным пространством [2]. Основное внимание уделяется технической структуре кадастра, как части информационной инфраструктуры прав собственности на морские и прибрежные инфрапструктурные и природные объекты. В начале статьи обосновывается значимость прибрежных и морских территорий. Эта значимость увязывается с существующей в морском пространстве сложной, «мозаичной» картиной частных и публичных прав и интересов, а также демонстрируется влияние этой сложности на процессы управления морским пространством*

Ключевые слова: *цифровые технологии, 3D-модель, прибрежный кадастр, морской кадастр.*

Термин «кадастр» нечасто используется применительно к морской среде. Между морским и земельным кадастрами существует много общего, однако имеются и существенные различия. Многие элементы земельного кадастра – такие как установление правового статуса границ (adjudication), геодезическая съемка и права собственника – имеют свои аналоги в морской сфере. Общим для морских и сухопутных границ является то, что для их картографирования необходимо правильно истолковать положения законодательства и учесть их пространственный контекст. В то же время другие стандартные кадастровые процедуры, например демаркация (обозначение границ на местности), применительно к морским границам сопряжены с трудностями. Морские границы подлежат делимитации (определению их прохождения), а не демаркации; как правило, после их установления не остается никаких физических

следов – только математические данные. Использование физических признаков границ, характерных для суши (таких как межевые знаки, колышки, живые изгороди или заборы), в морской среде зачастую нецелесообразно. Поскольку многие морские границы определяются как проходящие на определенном расстоянии от «побережья», одной из ключевых проблем при создании морского кадастра является картографирование береговой линии. Береговая линия – это динамичный объект; хотя технически определить ее точное положение в любой момент времени возможно, затраты на выполнение таких работ для протяженных участков побережья (например, в РФ на Арктическом побережье) обычно весьма велики. Все без исключения страны, имеющие прямой выход к морям и планирующие создание 3D-кадастров, не могут позволить себе игнорировать прибрежные территории. Помимо исключительной ресурсной значимости, морская среда и ее использование характеризуются объемной (трехмерной) природой и предполагают реализацию прав в отношении водной поверхности, толщи воды, морского дна и недр (рис.1). Модель данных трехмерного (3D) морского кадастра с учетом временного фактора объединяет трехмерные пространственные данные с информацией, привязанной ко времени, что способствует совершенствованию управления морскими и прибрежными территориями [3]. Она учитывает горизонтальные границы (широту и долготу), вертикальные параметры глубины или высоты (морское дно, толщу воды и воздушное пространство), а также изменения во времени, такие как смещение береговой линии, приливы и отливы, а также трансформация юридически установленных границ. Данная модель позволяет решать ключевые проблемы, включая пространственные конфликты из-за наложения различных видов морской деятельности, временные наложения при использовании ресурсов в определенные периоды, а также изменения, вызванные повышением уровня моря и перемещением донных отложений.

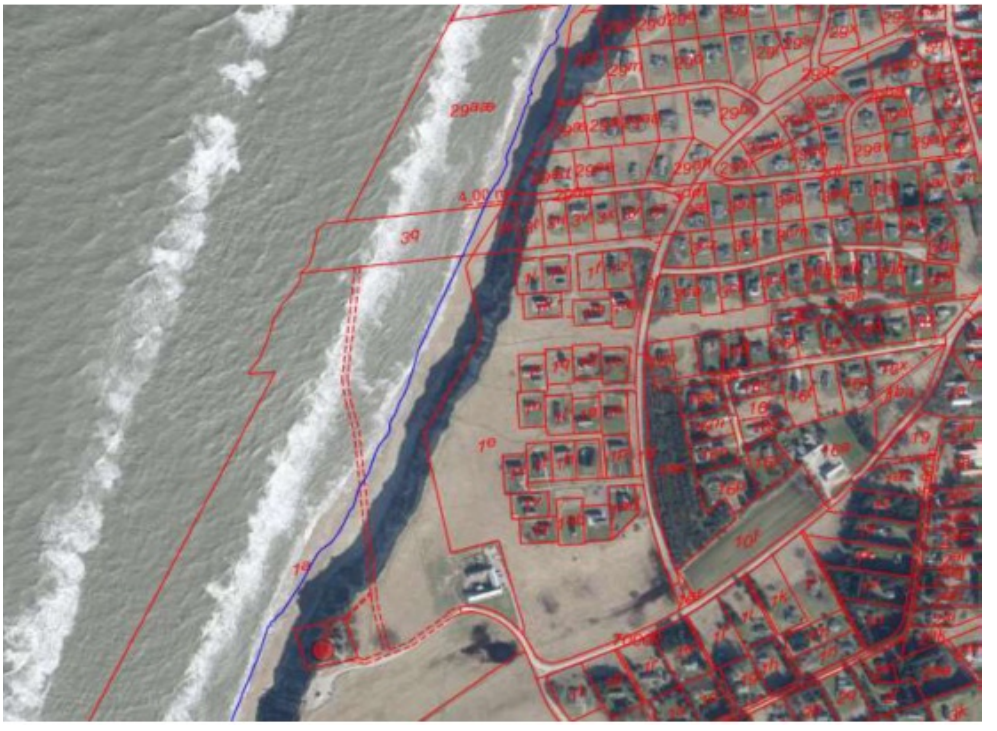

Рис. 1. Условная кадастровая карта прибрежного района.

Недавние разработки позволили расширить эту концепцию до модели 4D-морского кадастра, обеспечивая более эффективное управление совместным использованием территорий, разрешение конфликтов, зависящих от временного фактора, и адаптацию к изменениям

окружающей среды. Интеграция 3D-пространственных данных с временными характеристиками улучшает процессы управления границами, распределения ресурсов, мониторинга береговой линии и оценки климатического воздействия. Кроме того, это способствует морскому пространственному планированию и разрешению конфликтов благодаря ведению прозрачного учета с привязкой ко времени. Учет параметров глубины и времени укрепляет систему управления морским пространством, пространственного планирования и принципы устойчивого развития, обеспечивая эффективное и справедливое управление морскими и прибрежными ресурсами (Комитет экспертов ООН по глобальному управлению геопространственной информацией [UN-GGIM], 2024).

Эрозия берегов представляет собой серьезную экологическую проблему, угрожающую надежности прав на земельные участки, особенно в низменных прибрежных районах. Постепенное отступление береговой линии приводит к потере земель, изменению кадастровых границ и возможным спорам о праве собственности [4]. Подобные изменения могут создавать правовую неопределенность, при которой землевладельцы сталкиваются с трудностями при отстаивании своих прав на участки, подвергшиеся эрозии или затоплению. Традиционные статические кадастровые системы с трудом адаптируются к подобным изменениям, поскольку земельные участки в них обычно регистрируются с фиксированными границами, не учитывающими динамичный характер прибрежных ландшафтов [5].

Традиционные системы землепользования не приспособлены к учету утраты или трансформации земельных участков, что ведет к несоответствиям в кадастровых данных. Владельцы недвижимости и административные органы сталкиваются с трудностями при обновлении сведений с учетом физических изменений местности, так как традиционные кадастровые системы статичны и рассчитаны на стабильные условия суши. Они опираются на фиксированные координаты, геодезические знаки и юридические описания, использование которых становится проблематичным в прибрежных зонах, где береговая линия постоянно смещается.

Предметная модель управления земельными ресурсами (LADM), введенная стандартом ISO 19152, представляет собой международно признанный стандарт, обеспечивающий унифицированную и гибкую основу для управления земельными ресурсами путем интеграции пространственных, правовых и временных характеристик. Она позволяет обновлять пространственные и временные данные в кадастровых записях, обеспечивая более точное и динамичное управление земельными ресурсами. Это концептуальная модель, лежащая в основе систем управления земельными ресурсами. Как концептуальная модель, LADM поддерживает процессы управления земельными ресурсами посредством трех основных компонентов:

– субъектов (физические и юридические лица);

– базовых административных единиц (права, обязанности и ограничения);

– пространственных единиц (земельные участки, правовые пространства зданий и инженерные сети).

Кроме того, возможности модели расширяются за счет подпакета, предназначенного для представления геодезических данных, геометрии и топологии.

Растущая сложность управления морскими пространствами – особенно в районах, характеризующихся наложением прав, динамичными береговыми границами и конкурирующими видами морской деятельности, – выявила ограниченность традиционных систем управления земельными ресурсами применительно к морским акваториям. В ответ на эти вызовы сфера применения предметной модели управления земельными ресурсами (LADM) была расширена на морские пространства с выходом стандарта ISO 19152–3:2022, также известного как LADM, часть 3: «Морское георегулирование».

Морской кадастр представляет собой специализированную систему управления земельными ресурсами, разработанную для работы с пространственной информацией, относящейся к морской среде, включая морское дно, толщу воды и поверхность моря. В динамично развивающихся прибрежных районах, эта система должна учитывать сложную

пространственно-временную изменчивость, обусловленную как природными процессами, так и антропогенной деятельностью. Для эффективного отражения этой динамики необходима интеграция трехмерных (3D) моделей данных и моделей, учитывающих временной фактор; это позволяет точно отображать морские пространственные объекты и их изменения с течением времени. Учет временных данных особенно важен для прибрежных зон, где характерны изменения береговой линии, приливно-отливные колебания и сезонные изменения. Предлагаемый прибрежный кадастр, основанный на стандарте LADM и использующий 3D- и временные данные, отвечает этим требованиям: он включает пространственно-временную информацию, точно фиксирующую изменения статуса земель в результате мелиорации, отсыпки грунта и работ по восстановлению береговой линии (Zulkifli et al., 2019). В районах, подверженных эрозии, возможности прибрежного кадастра играют ключевую роль в отслеживании отступления берега, а также в обеспечении упреждающего и оперативного управления.

Данная система базируется на стандарте ISO 19152 «Модель предметной области управления земельными ресурсами» (LADM), редакции II и III, расширяя его основные классы за счет включения правовых и административных компонентов – в частности, управления правами, ограничениями и обязанностями (RRR). Такая интеграция обеспечивает юридическую значимость пространственных данных и одновременно повышает их ценность при принятии административных решений. Таким образом, прибрежный кадастр на базе LADM (с поддержкой 3D и временных параметров) обеспечивает непрерывный мониторинг пространственных объектов во времени (3D + T), сохраняя пространственно-временную целостность данных и способствуя более прозрачному и эффективному управлению морскими ресурсами.

В данной статье представлен подход к ведению прибрежного кадастра, основанный на стандарте LADM и использующий трехмерное (3D) представление с учетом временного фактора; это позволяет улучшить управление правами собственности в прибрежной зоне, разграничение юрисдикций и регулирование взаимодействия суши и моря. Предлагаемая система объединяет трехмерные пространственные данные с временными характеристиками, обеспечивая точное отображение и отслеживание изменений границ земельных участков, морских зон и береговой линии. Модель, разработанная на базе LADM, реализуется в рамках структурированной пространственной базы данных, что гарантирует беспрепятственную интеграцию с инструментами визуализации на основе ГИС и системами веб-мониторинга. Такой подход повышает обоснованность кадастровых решений, позволяя эффективно решать ключевые проблемы, связанные с изменением береговой линии, наложением прав на земельные и морские участки, а также с меняющимся правовым статусом морских территорий. С правовой и управленческой точек зрения данная система способствует гармонизации режимов землепользования и морского природопользования, соблюдению нормативных требований, разрешению споров и координации действий различных заинтересованных сторон.

Эффективное управление прибрежным кадастром требует создания современной системы, способной учитывать пространственную и временную сложность, обусловленную динамичным характером прибрежных территорий. Внедрение 3D-кадастра с учетом временного фактора (на базе LADM) в структуру базы данных повышает прозрачность процессов, способствует адаптивному управлению морскими пространствами и обеспечивает правовую определенность в сфере управления прибрежной собственностью [6]. Результаты исследования подчеркивают острую необходимость в надежной с правовой точки зрения кадастровой модели, способствующей устойчивому управлению прибрежными территориями и обеспечению справедливого доступа к морским ресурсам.

Необходимы правовые реформы, учитывающие динамичные изменения береговой линии и позволяющие интегрировать в действующее кадастровое законодательство положения, отражающие временной характер морских земельных прав. Для эффективного управления морскими и прибрежными территориями критически важны развитие инфраструктуры

пространственных данных и внедрение технологий мониторинга в режиме реального времени. Системы управления прибрежными зонами, предусматривающие участие заинтересованных сторон на местном и национальном уровнях, необходимы для обеспечения инклюзивного принятия решений и гарантий прав на землю. Следует внедрять инструменты прогнозного моделирования для оценки будущих изменений береговой зоны, что позволит осуществлять упреждающее планирование и разрабатывать стратегии по снижению рисков.

Дальнейшие исследования будут сосредоточены на проверке (валидации) моделей, их масштабируемости, интеграции с системами мониторинга в реальном времени и механизмах адаптации управленческих решений, чтобы обеспечить готовность моделей к широкому применению и их долгосрочную эффективность в сфере управления морскими и прибрежными объектами недвижимости [7].

Список литературы

1. Геодезические, картографические инструкции. Нормы и правила. Руководство по топографической съемке шельфа и внутренних водоемов : ГКИНП-11-157-88 : утверждено Главным управлением геодезии и картографии при Совете Министров СССР 27 мая 1988 года. – М. : ЦНИИГАиК, 1989.

2. Глоссарий по кадастру береговой (прибрежной) зоны / Г.Г. Гогоберидзе, В.А. Жамойда, Е.Н. Нестерова, Д.В. Рябчук, М.А. Спиридонов. – СПб. : Изд. РГГМУ, 2008. – 95 с. – URL: http://elib.rshu.ru/files_books/pdf/img-504193223.pdf (дата обращения: 23.10.2026).

3. Машкина М.А. Экономические методы повышения инвестиционной стоимости территорий / М.А. Машкина, А.Л. Машкин // Национальные и международные финансово-экономические проблемы автомобильного транспорта : сб. науч. тр. – М., 2024. – С. 57–66.

4. Васютинский И.Ю. Использование методов прикладной статистики в кадастровых обследованиях и оценке развивающихся территорий / И.Ю. Васютинский, С.И. Васютинская, В.В. Ознамец // Известия высших учебных заведений. Геодезия и аэрофотосъемка. – 2020. – Т. 64, № 5. – С. 592–595.

5. Машкина М.А. Трехмерный морской кадастр в рамках управления земельными ресурсами / М.А. Машкина // Большая студенческая конференция : сб. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. – Пенза, 2023. – С. 37–40.

6. Синицына А.Л. Анализ цифровых стратегий регионов Российской Федерации с точки зрения геоинформатики / А.Л. Синицына, А.Л. Степанченко, М.Н. Забаева, О.А. Кувекина // Пространственные данные: наука и технологии. – 2023. – Т. 14, № 3. – С. 22–39.

7. Пчелинцева А.С. Диагностика ряда динамики удельного показателя кадастровой стоимости / А.С. Пчелинцева // Современные проблемы и перспективы развития земельно-имущественных отношений : сб. ст. по материалам VI Всерос. науч.-практ. конф. – Краснодар, 2024. – С. 263–267.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКОНОМИКА И ПРАВО

Бессонова Дарья Сергеевна
магистрант
ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет»
г. Тюмень, Тюменская область

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ НА КОНТЕНТ, СОЗДАННЫЙ ИИ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И КОРПОРАТИВНОЙ СРЕДЕ

Аннотация: *в статье рассматривается проблема правового режима и использования контента, созданного с участием генеративного искусственного интеллекта. Из опыта корпоративной практики и высшей школы, как правило, центральным становится не вопрос авторства машины, а документирование и доказательства вклада человека. Рассмотрены и проанализированы последствия раскрытия информации о синтетическом происхождении маркетингового материала, трансграничные коллизии охраны интеллектуальной собственности и риски, возникающие при делегировании учебной работы нейросетям. Рассматривается подход, где договорное распределение прав дополняется технической фиксацией последовательности создания объекта и его последующих изменений в распределенном реестре.*

Ключевые слова: *интеллектуальная собственность, генеративный искусственный интеллект, синтетический контент, авторство, цифровой двойник, распределенный реестр, смарт-контракт, академическая добросовестность, трансграничная охрана прав.*

Кому принадлежит текст, изображение или программный модуль, полученные с участием генеративной нейросети, давно вышел за пределы профессиональных дискуссий юристов. Для онлайн-компании это возможность продать цифровой продукт и защитить его от копирования; для университета – корректное распределение авторства между студентом, преподавателем и оператором образовательной платформы. Юридическая точка при этом однозначна: в большинстве национальных правопорядков автором признается человек, а результат самостоятельной машинной генерации не образует объекта авторского права. Затруднения начинаются там, где человеческий и машинный вклад переплетены, а их разграничение не было предусмотрено заранее.

Корпоративный сектор столкнулся с этой проблемой раньше и прежде всего в маркетинге. Нейросети используются для создания рекламных роликов, дизайнов упаковки и текстовых сценариев, однако экономический эффект от такой замены не очевиден. Результаты исследования восприятия синтетического контента показывают, что сообщение потребителю об искусственном происхождении материала способно снижать доверие к продукту и намерение его приобретать [1]. Развивается регулирование, требующее маркировки ИИ-материалов, как мера против дезинформации и подделки персоналий, но обе стратегии несовершенны так, как скрытие происхождения создает правовые и репутационные риски, а раскрытие может ухудшить коммерческий результат. Для управления интеллектуальной собственностью необходимо происхождение контента фиксировать не постфактум, а на стадии его создания.

В онлайн-бизнесе к этому добавляется трансграничный характер эксплуатации. Цифровой продукт перемещается между юрисдикциями быстрее, чем формируется договорная и регистрационная защита, поэтому охрана, полученная в одной стране, не обеспечивает предсказуемости в другой. В литературе появляется требование управлять нематериальными активами как единым портфелем, а не как набором разовых регистраций [2]. Одним из таких решений предлагается архитектура «IP-NetTwin», объединяющая цифровой двойник объекта интеллектуальной собственности с распределенным реестром. Для каждого объекта создается виртуальная репрезентация с уникальным хеш-идентификатором, операции создания, лицензирования и передачи прав фиксируются в реестре, а условия использования

автоматизируются смарт-контрактами [2]. Нужно понимать пределы такой конструкции, так как она сама по себе не создает авторского права там, где его нет и ее функция сохранить доказуемую последовательность действий: кто сформулировал задание, какие варианты были отобраны, кто внес правки и на каком основании право перешло к следующему участнику.

В образовательной среде структура вклада человека поддается описанию так же, как и в бизнесе, но чаще остается незадокументированной. При выполнении студентами научно-исследовательских работ нейросеть подключается к поиску и анализу публикаций, оценке гипотез, проведению расчетов, визуализации результатов и подготовке текста доклада [3]. Описанный в литературе порядок работы предполагает при этом не передачу задачи машине целиком, а распределение функций: преподаватель формулирует смысловые акценты и логику изложения, задает профессиональную терминологию, проверяет фактические неточности и редактирует результат; на его долю приходится от половины до двух третей операций, остальное выполняет ИИ-помощник [3]. Именно эта распределенная структура и отличает в юридическом отношении авторскую работу от простого копирования машинного вывода.

Технология создает границу между самостоятельным трудом и присвоением машинного результата менее заметной. Полное делегирование учебного задания нейросети приравнивается к списыванию, а правдоподобная по форме, но недостоверная по содержанию генерация требует проверки независимо от того, кто выступил инициатором работы [3]. Персонализация обучения усложняет ситуацию: адаптивная траектория порождает индивидуально сконструированный материал, студенту трудно отделить собственные рассуждения от подсказок системы [4]. Практический инструмент в вузе состоит в том, что регламент должен касаться не столько запрета инструментов, сколько порядка их использования – с указанием примененной модели, характера полученной помощи и степени переработки результата. Интеллектуальный вклад обучающегося тогда остается различимым и может быть защищен.

На международном уровне единого решения пока не сформировалось. Расхождения между правопорядками касаются не только границ творческого участия, кому принадлежит результат: физическому лицу, заказчику или работодателю. Для транснациональных образовательных и корпоративных проектов создается необходимость заранее согласовывать в договоре права на модель, на обучающие данные и на каждый сгенерированный объект и ссылки на «обычное» распределение прав здесь недостаточны. Отдельную группу рисков составляет утечка конфиденциальных сведений через публичные ИИ-сервисы, например, проприетарные данные, внесенные в запрос, могут оказаться частью внешней инфраструктуры обработки. Закрытые корпоративные контуры и журналирование генераций снижают эту уязвимость, но требуют включения соответствующих процедур в систему управления интеллектуальной собственностью, а не существования рядом с ней.

Практический смысл такого разграничения состоит в том, что защита переносится с объекта на процесс и пока законодательство не определилось со статусом машинной генерации, организация способна защитить свои интересы через документирование того, как именно возник результат. Для бизнеса это прослеживаемая цепочка прав и условий лицензирования, а для университета это сохраняемый след самостоятельной работы студента. Здесь необходимо заранее обсуждать и предел технологии: распределенный реестр обеспечивает неизменность записи, но не подтверждает истинность самого утверждения об авторстве. Решение этой задачи по-прежнему остается за человеком, экспертом, преподавателем или судом.

Список литературы

1. Хмелькова, Н. В. К вопросу о восприятии синтетического контента в маркетинге: результаты исследования / Н. В. Хмелькова, А. В. Агеносов, К. Е. Кочергина // КиберЛенинка. – 2026. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-vospriyatii-sinteticheskogo-kontenta-v-marketinge-rezultaty-issledovaniya (дата обращения: 20.10.2026). – Текст : электронный.

2. Садыкова, А. И. Применение стратегий и моделей управления интеллектуальной собственностью для осуществления онлайн-бизнеса / А. И. Садыкова, М. В. Дорофеев, А. Р. Юсупова // КиберЛенинка. – 2025. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-strategiy-i-modeley-upravleniya-

intellektualnoy-sobstvennostyu-dlya-osuschestvleniya-onlayn-biznesa (дата обращения: 20.10.2026). – Текст : электронный.

3. Абубакарова, М. М. Разработка организационно-правовой модели развития интеллектуальной собственности в России / М. М. Абубакарова, И. И. Идилов, И. И. Идразов // КиберЛенинка. – 2025. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-organizatsionno-pravovoy-modeli-razvitiya-intellektualnoy-sobstvennosti-v-rossii (дата обращения: 20.10.2026). – Текст : электронный.

4. Гриб, Э. А. Искусственный интеллект и новые форматы межкультурного взаимодействия в молодежной среде / Э. А. Гриб // КиберЛенинка. – 2026. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-i-novye-formaty-mezhkulturnogo-vzaimodeystviya-v-molodezhnoy-srede (дата обращения: 20.10.2026). – Текст : электронный.

Габдулганиев Дамир Рависович
студент
Федотова Диана Сергеевна
канд. юрид. наук, доцент

Казанский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»
г. Казань, Республика Татарстан

ГЕНЕЗИС ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ПРАВА: ОТ АРХАИЧНЫХ РЕГУЛЯТОРОВ К АДМИНИСТРАТИВНОМУ И ГРАЖДАНСКОМУ ПРАВУ

Аннотация: *в статье исследуется процесс дифференциации единых нормативных регуляторов первобытного общества на публичное и частное право, что в современной юриспруденции нашло выражение в гражданском и административном праве. На основе анализа мононорм, обычаев и властных институтов догосударственного периода прослеживается историческая преемственность между архаичными практиками управления и современными отраслями права. Рассматриваются признаки социальных норм первобытного общества. Делается вывод о том, что гражданское право унаследовало принципы равенства, автономии воли и восстановительной направленности ответственности, а административное право – функции властного управления и контроля, автономии воли и восстановительной направленности ответственности. Исследование основано на междисциплинарном подходе, сочетающем юридические, антропологические и социологические методы.*

Ключевые слова: *генезис права, мононормы, гражданское право, административное право, правовая культура.*

Современный подход к изучению юридической науки требует глубокого понимания генезиса правовых институтов и образований. Поэтому изучение социальных регуляторов первобытного общества и догосударственных форм власти поможет проследить исторические истоки современного правопонимания и появления формализованной правовой системы [1, с. 111] На фоне необходимости переосмысления концепции прав человека, природы легитимности публичной власти и соотношения традиционных регуляторов с позитивным правом историко-теоретический подход к истокам правового регулирования приобретает важную научную и методологическую значимость. Более того, этот тип вопроса обладает достаточным потенциалом для изучения современного гражданского и административного права в целом. Исторический опыт, указывает на то, что право не формируется на основе произвольной воли или абстрактного социального контракта. Вместо этого оно формируется объективно в ответ на увеличение сложности хозяйственных связей, повышение демографических требований и потребностей в скоординированной совместной деятельности. Синтез юридических, антропологических и социологических подходов позволяет преодолеть упрощённые линейные схемы развития государства, характерные для устаревших учебно-методических моделей [7, с. 45]. В современных условиях, когда вопросы легитимности власти,

соотношения обычного права и законодательных актов, а также исторической обусловленности правовых культур выходят на первый план как в национальных, так и в международных правозащитных практиках, исследование первобытных регуляторов перестаёт быть исключительно академическим интересом. Оно становится инструментом для формирования критического взгляда на природу юридического императива, демонстрируя, что современная система защиты прав человека является результатом длительного исторического отбора наиболее эффективных механизмов ограничения произвола. Целью данной работы является результат определения, как единые мононормы дифференцировались в гражданское и административное право.

Стоит начать с того, что мононормы описывают ранние формы регулирования, где общественные, религиозные и правовые нормы были неразделимы [8, с. 237]. Они существовали еще до возникновения государств, например, в первобытных обществах. В древности люди видели распределение ролей между членами семьи как часть трудовой деятельности. Семья также жила по правилам веры. И эти же отношения строились на основе представлений о должном поведении. В такой системе полномочия каждого человека соединены с его долгом. Примером письменного источника этого периода являются законы Хаммурапи. По своей структуре эти нормы не разделены на отдельные части. Для человека того времени право не существует отдельно от религии. Но и мораль действует вместе с обычными практическими советами. Одно правило определяет порядок ведения хозяйства и оно же устанавливает границы священного. С помощью того же правила люди оценивают поступки с точки зрения добра. На этом же основании группа сохраняет свое единство. В обществе работает цельный механизм контроля. Этот синкретизм не является признаком слабого ума древних людей. Напротив, такое устройство помогает обществу выживать. Когда вокруг много опасностей, единый закон работает быстрее. Если бы регуляторы разделились на сферы, это замедлило бы реакцию на угрозы. Из-за отсутствия специальных органов управления такое деление сделало бы поддержание порядка слишком дорогим. По этой причине правила существуют как единая система. Именно в этой нерасчлененности мы видим корни будущей дифференциации на гражданское и административное право: мононорма одновременно регулирует и имущественные обмены, которые заложили фундамент для частного права, и отношения с властью в качестве прообраза публичного права.

Социальная норма – это определённые правила, которые выступали в роли регулятора кровнородственных отношений, распределения пищи и брачных связей, базируясь на равенстве и принудительно соблюдаясь всем родом, где наказанием часто служила форма изгнания [3, с. 114]. Следует отметить, что социальные нормы первобытного общества представляют собой сложный, многоуровневый регуляторный комплекс, который не может быть сведён исключительно к бытовым или моральным правилам. В условиях отсутствия государства, письменности и классового расслоения именно эти нормы обеспечивали выживание коллектива, поддержание внутреннего порядка и адаптацию к окружающей среде. Содержание этих норм охватывало все сферы жизнедеятельности: от способов добычи пищи и распределения добычи до брачно-семейных отношений, разрешения конфликтов, погребальных практик и взаимодействия с миром духов. В социальных группах люди реагируют на нарушения правил не случайно. Эти действия являются частями общей системы для сохранения стабильности в обществе [2, с. 35]. Иначе социальная норма первобытного общества – это исторически сложившееся, коллективно одобряемое и внутренне усвоенное правило поведения, обеспечивающее воспроизводство рода и его устойчивое существование в условиях экстремальной среды. Также необходимо проанализировать основные признаки социальных норм. В основном они проявлялись в лице обычаев – устоявшиеся модели поведения, которые стали привычными благодаря многократному повторению на протяжении долгого времени [5, с. 16]. То есть это одна из форм мононорм, представляющая собой привычку, унаследованный способ действий. Чтобы наиболее комплексно охарактеризовать данную составляющую, нам необходимо учитывать ключевые признаки подобных правил, которые и делали их тем

самым универсальным регулятором того периода. Эти признаки, в свою очередь, содержат в себе зачатки будущего деления на публичное и частное право. Так, например, правила распределения и обмена тяготеют к гражданскому регулированию, тогда как императивные (запретительные) нормы, обслуживающие интересы всего рода, являются прообразом публичного и в том числе административного права.

Устный характер нормативной фиксации.

В период до появления государств многие правила не прописывались. По этой причине люди использовали только речь и запоминание. Правила поведения сохранялись в памяти всей общины. Передача этих сведений происходила через предания, а некоторая информация распространялась в ходе обрядов либо находилась в отражении тех или иных ритуалов. Особое место стоит придать старейшинам, которые также сообщали информацию широким кругам. Из-за такого способа фиксации система была подвержена легким изменениям. Так как конкретный текст отсутствовал, предписания подстраиваются под среду. На содержание влияют и демографические факторы, поэтому необходимо учитывать отношения между родами. Устная форма создавала определенные риски для точности знаний, поскольку нормы зависили от того, как человек помнит информацию. Ярким примером могут послужить смысловые искажения, дезинформация, которая возникала при пересказе. Для разрешения споров эталона не было, в связи с тем, что его не оформляли официально. В научной литературе эта черта описывается в качестве доинституционального правотворчества [5, с. 95]. В этой ситуации нормативность не выражалась отдельным текстом. Это обусловлено тем, что она представляет собой целый процесс в рамках культуры. Эти действия постоянно повторяются и в повседневности. Также нормы воспроизводились во время определенных церемоний. Так, устный характер являлся не технической проблемой, а весьма привычной формой существования права на то время, именно это состояние соответствует тому, как была развита коммуникация в древнем обществе.

Механизмы поддержания и социального контроля.

В первобытных общинах люди соблюдали правила без участия специализированных органов наказания. На поведение индивидов влияли привычки, которые стали частью жизни всего общества того времени. Для поддержки порядка коллектив одобрял правильные действия и наделял определённого человека всевозможными формами поощрения. Обратная сторона реализовывалась посредством применения давления через ритуалы. Когда человек действовал необычно, это считали опасностью для связей внутри рода. В ответ на такие действия возникало осуждение со стороны других членов группы. Иногда нарушителя на время отделяли от остальных. Также практиковалось уменьшение доли пищи или материалов, которые выдавали человеку. В сложных ситуациях группу заставляли покинуть навсегда. Эти меры были нужны для восстановления равновесия в коллективе. При таких условиях целью было возвращение человека к общей деятельности. С позиции социологии права эти процессы показывают, как нормы становятся частью внутреннего мира личности. Стоит понимать, что для регуляции жизни нередко использовался авторитет старейшин. Поскольку за поступки одного человека отвечала вся группа, порядок поддерживался через постоянное наблюдение людей друг за другом. В повседневной жизни этот процесс происходил постоянно, так как все члены общины в определенной степени зависели друг от друга. Именно здесь проступают контуры будущего публичного права, поскольку механизмы поддержания общего порядка основаны на властном принуждении коллектива, а не на частной инициативе.

Преобладание запретительных предписаний.

Нормативный дискурс архаичного общества характеризовался выраженной асимметрией в пользу запретительных норм, тогда как позитивные императивы носили производный и ситуативный характер. Доминирование системы табу объясняется когнитивной и функциональной целесообразностью: в условиях ограниченных ресурсов, высокой непредсказуемости окружающей среды и отсутствия развитых механизмов прогнозирования простейший

регулятивный инструмент – чёткое обозначение недопустимого, он обеспечивал максимальную выживаемость группы. Запреты касались широкого спектра поведенческих актов: пищевых практик, брачных связей, сезонной охоты, ритуальных контактов, обращения с предметами, наделяемыми сакральным статусом. Важно отметить, что в данной системе отсутствовало современное понимание субъективных прав и корреспондирующих им обязанностей, поскольку норма мыслилась не как гарантия личной свободы, а как ограничение, направленное на предотвращение дисбаланса в природно-социальной системе. Табуирование выступало формой превентивной регуляции, где нарушение воспринималось не столько как аморальный поступок, сколько акт, способный спровоцировать коллективную катастрофу в виде неурожая, эпидемии, межродового конфликта. Таким образом, запретительная архитектура норм отражала стратегический приоритет группового выживания над индивидуальными притязаниями и формировала основу для последующей кристаллизации правовых императивов, в частности, публично-правовых административных запретов, обеспечивающих безопасность и общественный порядок

Природная обусловленность нормативных установлений.

В первобытном обществе люди не отделяли свои действия от окружающего мира. Порядок поведения сложился как часть уникальной биологической среды. На эту систему влияло огромное количество разнообразных факторов, без которых на существование человека накладывалась определенная нагрузка. К таким факторам относят: смену времен года, пути перемещения животных, доступ к необходимому количеству ресурсов, той или иной территории [6, с. 112]. При создании норм учитывались и опасности в самой природной среде. В качестве стратегий выживания возникли правила, которые помогали людям приспосабливаться к миру, за счет чего такие модели помогали людям взаимодействовать с окружающей средой наиболее эффективным способом. К примеру, определенные правила прослеживались при обозначении конкретных участков леса, на которых нельзя было приготавливать пищу, чтобы пожар не принес значительный ущерб как хозяйству, так и самой общине. В другие периоды действовали ограничения на преследование зверей. Для сознания того времени было характерно восприятие реальности в качестве единого целого, то есть деятельность людей в этой картине мира является элементом общего устройства вселенной. Так как технологии не позволяли управлять средой, человек усваивал внешние рамки как свои внутренние убеждения. Ритмы природы при таком подходе становятся обязательными требованиями абсолютно для всех участников группы. Юридическая антропология рассматривает этот процесс как перенос физических условий в культуру. Нормы не просто управляли взаимоотношением между людьми, но и определяли реальные условия жизни при собирательстве и охоте. Из-за этого природа выступает основой, которая создает правила жизни в древнем обществе. Эти экологические императивы впоследствии трансформируются в гражданские договорные конструкции (из правил распределения) и в публичные предписания (например, административные правила природопользования).

Ориентация на общеплеменные интересы.

Изначальные правила возникли из необходимости того, чтобы общность сохранилась. Для этого каждое требование к действиям объединяло род в единое целое. При этом личная независимость не обеспечивалась защитой. Когда человек совершал поступки, он не думал о юридической выгоде. Вместо этого действовала логика сохранения группы. Для каждого участника благополучие существовало только в рамках стабильности его племени. На основе этих правил люди помогали друг другу. Ими признавалась общая ответственность за проступки. Из-за этих норм ресурсы делились поровну между всеми членами. Также существовал запрет на владение вещами, которые группа не могла применить в ближайшее время, а в случае возникновения споров, их решали не через поиск личной вины. Напротив, участники стремились восстановить нарушенное равновесие. Посредством таких действий стороны снова становились частью единой социальной системы для взаимодействия. С помощью интегративной функции такие правила соединяли семьи в одну социально-экономическую

единицу. С научной позиции эта модель описывает догосударственный этап развития норм. Здесь в центре присутствуют обе ветви права: частная – через механизмы распределения и компенсации, а также публичная – через защиту общих интересов и административное принуждение.

Формы реализации властных институтов были связаны с ритуалом и публичными проявлениями. Власть не могла существовать в тишине – её постоянно нужно было подтверждать через обряды, речи, обмен дарами, совместные трапезы. Решение совета скреплялось символическими действиями: разбиванием сосуда, забиванием копья в землю, всеобщим возлиянием. Отсутствовало чёткое разделение на законодательную и исполнительную ветви – один и тот же орган (совет старейшин) мог установить норму, применить санкцию и проконтролировать исполнение, поскольку власть воспринималась как продолжение коллективной воли. Именно эти институты стали прямым прообразом современного государственного управления – одной из ключевых сфер административного права. Собрания, советы, вожди выполняли функции, которые сегодня закреплены за органами исполнительной власти: принятие общеобязательных решений, контроль за их соблюдением, разрешение споров, применение мер принуждения. Таким образом, административное право уходит корнями в практики публичной власти первобытного общества. Необходимо учитывать, что правила поведения еще не были полноценным правом, но заложили основу для его будущего появления. Мы можем заметить, что с возникновением государства некоторые из этих правил сохранились, но теперь их соблюдение обеспечивалось государственной властью. Таким образом, право развивалось от неформальных правил к государственно-обеспеченным обычаям, затем к писаным законам и, наконец, к системе нормативно-правовых актов, где находят своё место как гражданское, так и административное право.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что административное право в виде отрасли публичного права берёт своё начало в управленческих институтах первобытности. Советы старейшин, собрания общин и военные вожди – это первые органы, которые принимали решения, обязательные для всей группы, контролировали их исполнение и применяли санкции к нарушителям. Сегодня аналогичные функции выполняют органы государственной власти и местного самоуправления, а административно-правовые нормы регулируют порядок их деятельности, процедуры принятия решений и административную ответственность. Принцип публичности и коллегиальности, характерный для архаичных собраний, сохранился в современных административных процедурах (общественные слушания, совещательные органы). Проведённый анализ позволяет утверждать, что административное право в виде отрасли публичного права берёт своё начало в управленческих институтах. Ограничение доступа к ресурсам, уменьшение доли добычи, материальное возмещение ущерба – всё это стало прообразом современных гражданско-правовых способов защиты. Отношения обмена, которые в первобытности регулировались обычаями и были направлены на сохранение баланса, трансформировались в договорные обязательства, где стороны выступают как равноправные субъекты. Принцип равенства участников гражданских правоотношений, их имущественной самостоятельности и восстановительной направленности ответственности – прямое наследие архаичной практики, когда спор между двумя членами общины решался путём компенсации, а не репрессии. Таким образом, разделение права на публичное и частное не является искусственным конструктом; оно отражает глубинную дифференциацию общественных отношений, которая зародилась ещё на догосударственном этапе. Гражданское право унаследовало принципы равенства, автономии воли и имущественной ответственности, а административное право – функции властного управления и контроля. Вместе они составляют две взаимодополняющие ветви современной правовой системы, общий корень которых лежит в единых мононормах первобытного общества.

В результате проведённого исследования мы приходим к выводу, что право и государственная власть не возникают внезапно, как результат чьей-то воли или абстрактного общественного договора. Они создавались постепенно, впитывая в себя накопление опыта

коллективного выживания, нормативной саморегуляции и совместной деятельности. Социальные нормы первобытного общества представляют собой целостную регулятивную систему, в которой хозяйственные, брачно-семейные, ритуальные и межгрупповые отношения регулировались единым нормативным полем – мононормами. Ключевой характеристикой этого поля выступал нормативный синкретизм: нормы не разделялись на право, мораль и религию, поскольку для архаичного человека эти сферы были неразличимы. Именно эта гибкость и органичность обеспечивали устойчивость системы на протяжении тысячелетий. Архаичное общество не нуждалось в специализированном карательном аппарате для поддержания порядка. Санкции носили восстановительный, а не репрессивный характер. Их эффективность выражалась не в страхе перед наказанием, а в глубине интернализации норм, прозрачности социальных связей и коллективной заинтересованности в сохранении рода. Порицание, временное ограничение доступа к ресурсам, изменение статуса в системе обмена или, в крайних случаях, исключение – всё это были инструменты реинтеграции, а не изоляции. Власть требовала непрерывного подтверждения через обряды и символические жесты; любая попытка выйти за рамки обычного права встречала коллективное сопротивление. Именно в этом заключался главный механизм сдержек и противовесов первобытной демократии, который впоследствии лёг в основу публичного права. Особое значение для современной юриспруденции имеет вывод о том, что гражданское и административное право, несмотря на их очевидные различия, имеют общий исторический корень – единые мононормы первобытного общества. Компенсационные механизмы и обменные практики трансформировались в гражданско-правовые обязательства и способы защиты нарушенных прав, а управленческие функции старейшин и собраний – в институты государственного управления и административной ответственности. Таким образом, изучение архаичных регуляторов позволяет глубже понять природу современных отраслей права, их взаимосвязь и историческую обусловленность. С методологической точки зрения исследование подтверждает продуктивность междисциплинарного подхода – синтеза антропологии, этнографии, археологии. Именно такой подход позволяет преодолеть линейные эволюционные схемы и увидеть первобытное общество как самодостаточную нормативно-управленческую систему со своей внутренней логикой, эффективностью и конкурентностью. Опыт догосударственной регуляции показывает, что устойчивость системы зависит не от жёсткости санкций, а от степени доверия общества к нормам, прозрачности процедур принятия решений и восстановительной направленности ответственности – принципов, которые остаются актуальными и для современного гражданского и административного права.

Список литературы

1. Габдулганиев, Д. Р. Генезис российского права / Д. Р. Габдулганиев // Междисциплинарные подходы в современной науке: вызовы, достижения и перспективы : материалы международной научно-практической конференции (г. Воронеж, 5 декабря 2025 г.) / НИИ «Аэтерна». – Воронеж : Аэтерна, 2025. – С. 111–115.

2. Кулапов, В. Л. Обычное право в системе нормативного регулирования первобытного общества / В. Л. Кулапов, О. В. Соколова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – № 6. – С. 32–40.

3. Порватова, Л. В. Властные институты и социальные нормы в первобытном обществе: историко-правовой аспект / Л. В. Порватова // Актуальные проблемы теории и истории государства и права : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. – Санкт-Петербург : Астерион, 2022. – С. 113–117.

4. Розов, Н. С. Становление социальных норм в антропогенезе: опыт номологического объяснения / Н. С. Розов // Ideology and Politics Journal. – 2022. – № 1. – С. 90–115.

5. Теория государства и права : электронное учеб. пособие / Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2021. – 150 с.

6. Хобель, Э. А. Право первобытного общества / Э. А. Хобель; под ред. И. Л. Честнова; пер. с англ. – Санкт-Петербург : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2022. – 350 с.

7. Честнов, И. Л. Антропология права : учебник для вузов / И. Л. Честнов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Санкт-Петербург : ИВЭСЭП, 2023. – 300 с.

8. Шепталин, А. А. К вопросу о теоретико-методологических основах реконструкции генезиса права и государства / А. А. Шепталин // Государство и право. – 2021. – № 4. – С. 85–93.

Кузьменко Валентина Игоревна
канд. юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой
Габдулганиев Дамир Рависович
студент

Казанский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»
г. Казань, Республика Татарстан

НЕРАЗДЕЛЕННОСТЬ CORPUS И ANIMUS КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ УСЛОВИЕ ИНСТИТУТА ВЛАДЕНИЯ В РИМСКОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Аннотация: *в статье раскрывается фундаментальное различие между владением и собственностью в римском частном праве. Собственность трактуется как абстрактное юридическое право на вещь, которое сохраняется за титульным обладателем даже при утрате фактического господства. Владение, напротив, рассматривается исключительно как факт физического обладания, прекращающийся с выбытием вещи из рук лица. На примере кражи показано, что похититель приобретает лишь фактическое владение, тогда как право собственности остаётся незыблемым у потерпевшего. Таким образом, фрагмент чётко фиксирует ключевую для римской юриспруденции дихотомию права и факта.*

Ключевые слова: *собственность, владение, фактическое обладание, юридическое право.*

Стоит начать с того, что данная тема является весьма актуальной на сегодняшний день. Более того, существует определенная корреляция с современным законодательством многих стан на Земле. Обосновывается это тем, что на начальном этапе изучения римского права закладываются базовые знания, без которых дальнейшее изучение данного предмета не предоставляется возможным. Одним из таких является тема владения тем или иным имуществом. В рамках данного вопроса в обязательном порядке необходимо рассмотреть два термина, без которых понимание содержания искажает всю корректную информацию. Перед тем, как описать понятие владение, рассмотрим две его основные составляющие части, которые и собирают данный термин в наиболее наглядной форме.

Понятие corpus в римском праве означает «физическое владение вещью» [1] Данная составляющая является основой и базовой частью для того, чтобы владеть каким-либо имуществом. Во многом это обусловлено тем, что если римлян не имел физического владения вещью, то каким бы не был его animus, то он бы все равно не смог бы обладать правом владения. Именно факт физического владения вещью означал те самые предпосылки для полноценного права иметь то или иное имущество и свободно им распоряжаться. Считается, что данный термин был предложен римским юристом Павлом в начале lll в. н. э. Он объяснил, что для использования факта владения было необходимо иметь corpus, т.е. фактически владеть какой-либо вещью [5] Стоит отметить, что предпосылки к этом закладывались еще Марком Лабеоном и юристом Помпонием. Corpus мог выражаться в установлении реального видимого контроля над вещью, который исключал доступ к ней других лиц. Стоит отметить, что способы выражения этого контроля во многом зависели от типа вещи. Для движимого имущества самым очевидным способом показать физический контроль над ним проявлялось в захвате дикого животного на охоте, удержании вещи в руках, ношении одежды. Для установления corpus для недвижимого имущества действовали следующие правила: захват и держание их рукой – manu capere, tenere, в отношении же земельных участков, кроме вступления на участок, оседания и освоения (stare и sedere), также отграничение земельных участков от соседних или принятие мер по их охране, так называемый custodia или запирания дверей здания на ключ [4] Со временем римское право отошло от требования обязательного физического ощупывания вещи. *Corpus* мог выражаться через символические действия, если они давали полный контроль над объектом. Ярким примером является вручение ключей от амбара, склада или винного погреба и именно это означало, что покупатель получил corpus всех

товаров, находящихся внутри [2] Важно понимать, что юрист Павел отдельно подчеркивал, что не нужно постоянно держать вещь в руках или сидеть на участке, т.к. достаточно было сохранять возможность в любой момент осуществить контроль. Например, если римлян ушел из своего дома, он не теряет corpus, пока никто другой физически не заблокировал вход.

Следующим неотъемлемым элементом в термине владение является animus. Данное понятие означает волевой, психический элемент владения в римском праве. Чтобы иметь факт владения каким-либо имуществом было важно доказать именно эту составляющую, т. е. намерение владеть вещью, намерение обладать вещью для себя, как хозяин [3] Римлян, который имел фактическое владение – corpus, но не доказавший animus – намерение владения, признавался не владельцем, а держателем. Считается, что *Нерва и Прокул на рубеже I в. н. э.* первыми начали активно доказывать, что владение может приобретаться или сохраняться именно намерением. Animus в Риме выражался не в образе скрытых мыслей а во внешних действиях и юридическом основании, по которому вещь изначально оказалась у лица. Древнеримские преторы судили о намерении не по психологии, а по объективным фактам. В случаях купли-продажи, оформления дарения, наследования данное понятие принималось автоматически. В случае сдачи имущества в аренду у арендодателя не признавалась данная составляющая, поскольку при передаче в аренду он юридически признавал над вещью *чужую высшую власть*. В других случаях animus мог доказываться определенным спектром работ, которые преимущественно выполнялись собственником. Данное правило в основном отражалось в случае с владением землей. Римлян мог иметь физическое владение и в то же время заниматься обработкой земли, сбором урожая, ремонтом или перестройкой здания. Также стоит учесть, что Риме действовали правила для выражения клятвы, которая известна своим тяжелым текстом. Считалось, что если человек не может четко, без запинки и ошибок произнести священные слова ритуала либо искажает их, то у него *нет истинного намерения*, угодного богам и закону. В связи с этим у римлян могли не признать истинное animus.

Плавно переходя к определению понятия владения в Риме, необходимо отметить, что именно вышеперечисленные составляющие были прочным фундаментом для того, чтобы обладать фактом владения на то или иное имущество. Данные понятия являются взаимодополняющими и пренебрегать каким-либо из них будет являться некорректным пониманием данной темы. Владение в Риме означало это фактическое, физическое господство лица над вещью, сопряженное с намерением относиться к ней как к своей собственной. Также важно отметить, что владение не может быть рассмотрено через призму классического римского права, оно раскрывается посредством фактического состояния, которое, тем не менее, порождало важнейшие юридические последствия. Владение и собственность в Риме являлись разными правовыми определениями. Также стоит отметить случай с кражей имущества. Собственность означало юридическое право на вещь. Собственник остается собственником, даже если вещь у него украли или он потерял ее. Похититель же мгновенно становился ее новым владельцем, но не мог приобрести факт владения в качестве хозяина. В таких случаях настоящий собственник мог вернуть вещь с помощью виндикационного иска. Стоит отметить, что данная фундаментальная концепция легла в основу современного гражданского права, определяя четкие границы защиты имущественных интересов. Владение же всегда воспринималось в качестве факта. Если вещь украли, владение ею прекращается, но при всем этом право собственности остается у прежнего хозяина. Римские юристы принципиально разграничивали владение как фактическое состояние и собственность как правовое господство, что стало основой всего последующего вещного права. Утрата вещи, в том числе в результате кражи, немедленно прекращает владение, но ни при каких обстоятельствах не аннулирует само право собственности. Пример с кражей наглядно подтверждает, что собственность в римском праве носила абсолютный и устойчивый характер, не зависящий от сиюминутного обладания. Владение, существовало исключительно в качестве факта и при этом не

создавало самостоятельного титула, однако при определённых условиях могло пользоваться посессорной защитой.

В заключение хотелось бы отметить, что корректное понимание данных составляющих определения владения в Риме является ключевым параметром для обозначения факта владения. Владение является симбиозом данных понятий и рассмотрение, а также изучение данного термина вне его элементов собирательного образа будет некорректным. Понимание данной темы необходимо для осмысления как исторических, так и современных конструкций вещного права.

Список литературы

1. Васьковский, Е. В. Учебник гражданского права / Е. В. Васьковский // Классика российского права : электронная библиотека. – URL: https://civil.consultant.ru/elib/books/24/page_23.html (дата обращения: 20.06.2026). – Текст : электронный.

2. Дигесты Юстиниана : избр. фрагменты / пер. и примеч. И. С. Перетерского ; отв. ред. Е. А. Скрипилев. – Москва : Наука, 1984. – Кн. 18. Тит. I-VII // Азбука веры : православная библиотека. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Yustinian-1/digesty-yustiniana/19 (дата обращения: 20.06.2026). – Текст : электронный.

3. Покровский, И. А. История римского права. Разд. 3, & 37 : Уголовное право и уголовный суд в эпоху абсолютной империи / И. А. Покровский // История Древнего Рима : публикации : официальный сайт. – URL: https://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1524230058 (дата обращения: 20.06.2026). – Текст : электронный.

4. Римское частное право : учебник / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского // Вологодская областная универсальная научная библиотека : официальный сайт. – URL: https://www.booksite.ru/localtxt/rim/skoe/cha/stn/pra/rimskoe_chastn_pra/8.htm (дата обращения: 20.06.2026). – Текст : электронный.

5. Watt, C. Things both common and civil (Part II): «That beauty that you possess» (but do you own it?) / C. Watt // Per Incuriam / Cambridge University Law Society (CULS). – URL: https://www.culs.org.uk/per-incuriam/things-both-common-and-civil-part-ii-that-beauty-that-you-possess-but-do-you-own-it (дата обращения: 20.06.2026). – Текст : электронный.

Мурашкина Людмила Александровна
магистрант
Научный руководитель
Родительская Елена Викторовна
канд. экон. наук, доцент

ГКОУ ВО «Российская таможенная академия»
г. Люберцы, Московская область

ВЗАИМОДОПОЛНЯЕМОСТЬ ЭКОНОМИК БРИКС: СТРУКТУРНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА И ПОТЕНЦИАЛ КООПЕРАЦИИ

Аннотация: *в целях определения перспектив развития потенциала внутриблоковых глобальных цепочек создания стоимости БРИКС в статье проведена оценка взаимодополняемости экономик стран БРИКС посредством индексов взаимодополняемости (комплементарности) торговых потоков, вместе с тем в рамках оценки текущей степени развития торговых связей рассчитаны индексы интенсивности торговли, на основании результатов сделаны выводы об относительно высокой комплементарности экономик БРИКС, а также асимметричности и сетевом характере торговых связей в рамках блока.*

Ключевые слова: *БРИКС, экономическая интеграция, нелинейная интеграция, взаимодополняемость торговли, интенсивность торговли.*

В рамках декларации, изданной по итогам XVII саммита БРИКС, лидеры стран БРИКС вновь подчеркнули важность сотрудничества в целях обеспечения «устойчивости, эффективности, предсказуемости, продуктивности, прозрачности, безопасности, справедливости, стабильности и инклюзивности» глобальных цепочек создания стоимости и выразили

намерение изучить потенциал взаимодополняющих политических рычагов для расширения торговли между странами БРИКС.

В соответствии с приложением III к Заявлению председателя и итоговому документу XVI Встречи министров торговли стран БРИКС (Джайпур, Индия, 2026), в рамках «Рабочего плана по общему пониманию странами БРИКС глобальных цепочек создания стоимости» декларируется необходимость укрепления сотрудничества стран БРИКС по всей цепочке создания стоимости, для взаимной выгоды и наращивания потенциала внутриблоковых глобальных цепочек создания стоимости БРИКС, их превращения «в двигатели стабильности, роста, общего процветания и промышленной модернизации, увеличения добавленной стоимости с учетом различных уровней развития, инфраструктурных и технологических разрывов и промышленных мощностей среди участников» [1].

Ввиду того, что объективным условием создания и развития внутриблоковых глобальных цепочек создания стоимости является достаточная взаимодополняемость (комплементарность) экономик, высокой актуальностью обладает вопрос оценки степени взаимодополняемости экономик стран БРИКС.

В рамках настоящей статьи предлагается проанализировать степень взаимодополняемости экономик БРИКС путем расчета значений индекса взаимодополнямости (комплементарности) торговых потоков (Trade Complementarity Index) (далее – TCI), разработанного М. Майкэли [5, с. 22]. TCI позволяет оценить сопоставимость профиля импорта первой страны профилю экспорта второй страны [2, с. 35], ввиду чего нередко используется для оценки перспектив внутрирегиональной или межстрановой торговли.

$$TC_{ij} = 100(1 - \frac{\sum|M_{iK} - X_{ij}|}{2}) \quad (1)$$

где X_{iJ} – доля товара i-го в совокупном экспорте страны J,
M_{iK} – доля товара i-го в совокупном импорте страны K.

Стоит подчеркнуть, что поскольку TCI оценивает совпадение долей, он не сопоставляет абсолютные объемы экспортных и импортных потоков, вместе с тем индекс не может учитывать возможные торговые связи, которые носят реэкспортный и сервисный характер.

В таблице 1 представлена матрица TCI стран БРИКС, составленная на основании данных Всемирного банка за 2021–2024 гг. (для России, Эфиопии, ОАЭ и Ирана отсутствовали оценки за 2024 год, ввиду чего была взята последняя представленная оценка) [8].

Таблица 1

Матрица индексов комплементарности торговых потоков стран БРИКС, %

Импортеры	Экспортеры									
	Бразилия	Египет	Индия	Индонезия	Иран	Китай	Эфиопия	ОАЭ	Россия	ЮАР
Бразилия		50,32	69,57	47,01	43,42	63,02	8,05	43,42	46,6	47,56
Египет	55,75		73,14	57,26	45,13	47,27	13,59	41,95	43,08	49,13
Индия	42,01	50,25		54,43	60,8	46,32	8,3	68,78	58,54	51,63
Индонезия	53,85	58,91	72,45		47,32	63,27	11,04	47,88	44,33	52,19
Иран	41,02	30,8	52,12	38,45		55,96	14,06	29,03	27,1	35,44
Китай	53,86	45,7	63,2	54,37	38,92		12,38	51,16	40,36	53,57
Эфиопия	46,6	58,57	65,33	52,62	29,38	53,39		43,94	38,65	47,56
ОАЭ	29,69	34,42	52,86	36,76	19,52	50,28	17,84		50,75	54,78
Россия	32,23	38,12	53,64	39,92	23,24	69,53	13,69	31,8		40,44
ЮАР	46,76	53,91	71,1	55,2	41,69	60,88	13,48	54,42	49,47	
Среднее	*44,64*	*46,78*	*63,71*	*48,45*	*38,82*	*56,66*	*12,49*	*45,82*	*44,32*	*48,03*

Совокупность значений TCI в рамках БРИКС характеризуется значительной пространственно-структурной неоднородностью ввиду фундаментальных различий в архитектурах национальных экономик, степени их диверсификации и стадиях технологического развития.

Наибольшие значения TCI образуются в комбинациях, в которых экспортером выступает Индия (в среднем 63,71%) и Китай (в среднем 56,66%), являющиеся обладателями широкой экспортной корзины, идеально ложащейся на структуры импорта большинства стран. Эфиопия, напротив, как страна с моноструктурной аграрной экономикой, обладает выраженными системно низкими показатели на стороне экспорта практически по всем направлениям (в среднем 12,49%), по сути находясь в структурной изоляции.

Относительно высокие значения TCI в комбинациях, в которых экспортером выступает Индонезия, обусловлены её уникальной позицией как глобального поставщика критически важных сырьевых, энергетических и пищевых ресурсов: в частности, Индонезия обеспечивает более половины мирового экспорта пальмового масла, широко используемого в пищевой промышленности [7].

ЮАР, в свою очередь, сочетает в себе черты как крупного сырьевого экспортера, так и наиболее диверсифицированной промышленной экономики Африки: она обладает богатейшей минерально-сырьевой базой и является мировым лидером по добыче и экспорту ряда критически важных ресурсов (платиноиды, черные и цветные металлы, драгоценные металлы и камни, энергетический уголь), служит базой для заводов глобальных автомобильных концернов и является значимым экспортером сельскохозяйственной продукции.

Значения TCI в комбинациях, в которых экспортером выступает Египет, обусловлена наличием в структуре его экспорта значительных долей, приходящихся на азотные удобрения, которые, в свою очередь, занимают немалую долю импорта Индии, а также на ряд продовольственных товаров, в частности цитрусовых, которые также представлены в импорте России.

Высокий потенциал взаимодополняемости в комбинациях Иран – Индия, ОАЭ – Индия, Россия – Индия по большей части обусловлен преобладанием в структуре экспорта первых стран энергоресурсов, которые Индия, как быстрорастущая индустриальная экономика, поглощает в колоссальных объемах.

Стоит так же отметить, что поскольку ОАЭ является глобальным транзитным реэкспортным хабом, значения TCI в комбинациях с их участием отображают не специфику производственной специализации и потребления, а статистическую фиксацию реэкспорта.

Значения TCI для большей части комбинаций матрицы можно охарактеризовать как близкие к средним (в соответствии с информацией, размещенной в базах данных Всемирного банка, среднее значение TCI для всех комбинаций пар экономик в 2024 году составило 44,87%). Указанное выше свидетельствует об общей комплементарности структур экспорта и импорта стран-участниц БРИКС.

Для определения реализации интеграционной мотивации стран представляется возможным обратиться к применению Гравитационной модели международной торговли или Индексу интенсивности торговли.

Гравитационная модель международной торговли была предложена Яном Тинбергеном в 1962 году: на основе аналогии с законом Ньютона он сформулировал уравнение, в котором объём экспорта из страны I в страну J зависит от «масс» экономик партнёров и издержек торговли [6].

Модель постулирует, что объем двусторонней торговли между двумя странами прямо пропорционален их экономическим размерам (обычно измеряемым через ВВП) и обратно пропорционален географическому или экономическому расстоянию между ними, служащему прокси-переменной для транспортных издержек, тарифных и нетарифных барьеров.

Ниже представлена формула современной структурной гравитационной модели, разработанная Дж. Андерсоном и Э. ван Винкопом [3, с. 177].

$$X_{ij} = \frac{Y_I Y_J}{Y_w} \left(\frac{t_{IJ}}{P_I P_J}\right)^{1-\sigma} \quad (2)$$

где X_{IJ} – объем экспорта из страны I в страну J,
Y_I, Y_J – объем ВВП стран-партнеров,

Y_w – мировой ВВП,
t_{IJ} – двусторонние торговые издержки (тарифы, транспортные расходы),
P_I, P_J – индексы многостороннего сопротивления, отражающие средние торговые издержки страны I и J со всеми партнерами,
σ – эластичность замещения между дифференцированными товарами.

Индекс интенсивности торговли (далее – TII) возможно назвать упрощенной расчетной версией Гравитационной модели, заложенной А. Дж. Брауном и формализованной К. Кодзимой [4, с. 21]: если полноценная гравитационная модель требует эконометрического регрессионного анализа, то TII является ее упрощенным прокси-индикатором, позволяющим оценить отклонение от «гравитационной нормы» без построения сложной модели.

$$TII_{ij} = \frac{\text{Доля страны } J \text{ в экспорте страны } I}{\text{Доля страны } J \text{ в мировом импорте}} = \left(\frac{X_{IJ}}{X_I}\right) \Big/ \left(\frac{M_J}{M_w}\right) \quad (3)$$

где $X_{I\,J}$ – объем экспорта из страны I в страну J,
X_I – совокупный объем экспорта страны I во весь мир,
M_J – совокупный объем импорта страны J из всего мира;
M_w – совокупный объем мирового импорта (или мирового экспорта).

Значение $TII_{ij} > 1$ свидетельствует о том, что торговля более интенсивна, чем ожидалось исходя из объемов экспорта-импорта партнеров, $TII_{ij} = 1$ соответствует «гравитационной норме», $TII_{ij} < 1$ может сигнализировать о наличии барьеров, сдерживающих достижение ей «естественного» потенциала.

В рамках исследования предлагается рассчитать значения TII между странами-участницами БРИКС на основании данных об их экспорте и импорте в 2021–2025 гг. (ввиду того, что данные за 2025 год по ряду стран отсутствуют, в расчет взяты последние оценки прошедших периодов). Результаты расчета представлены в виде матрицы в таблице 2.

Таблица 2

Матрица индексов интенсивности торговли стран БРИКС

Импортеры	Экспортеры									
	Бразилия	Египет	Индия	Индонезия	Иран	Китай	ОАЭ	Россия	Эфиопия	ЮАР
Бразилия		2,01	1,43	0,72	0,69	1,74	0,16	2,35	0,02	0,23
Египет	2,73		2,28	1,75	0,06	1,35	1,85	3,60	1,32	0,20
Индия	0,67	0,43		2,22	1,57	1,23	6,32	5,49	1,26	1,38
Индонезия	1,26	0,37	1,04		0,08	2,41	0,71	0,86	0,52	0,33
Иран	10,60	0,10	3,42	1,11		2,25	17,37	7,88	0,56	0,06
Китай	2,87	0,10	0,41	2,37	2,69		0,96	3,36	1,44	1,10
ОАЭ	0,74	9,32	5,91	0,97	3,99	1,29		0,71	3,85	1,75
Россия	0,61	2,20	1,40	0,92	1,22	3,76	1,39		0,63	0,46
Эфиопия	0,25	4,31	2,94	1,10	0,05	2,79	5,42	1,10		1,54
ЮАР	1,03	0,78	3,85	0,86	0,13	1,50	1,76	0,34	0,57	
Среднее	*2,31*	*2,18*	*2,52*	*1,34*	*1,16*	*2,04*	*3,99*	*2,85*	*1,13*	*0,78*

Матрица TII демонстрирует, что торговая интеграция в рамках БРИКС не является симметричной или равномерно распределенной: наблюдается ярко выраженная «хабовая» структура, где отдельные страны (Китай, ОАЭ, Индия, Россия, Индонезия) выступают центрами притяжения, а интенсивность связей между периферийными игроками остается критически низкой. Интеграция носит преимущественно двусторонний характер и диктуется либо геополитической необходимостью (Россия – Китай, Россия – Индия), либо статусом страны как глобального логистического узла (ОАЭ).

Стоит отметить, что значительные отклонения значений индекса от 1 (в частности в комбинациях ОАЭ – Иран, Бразилия – Иран) могут обуславливаться эффектом малого

знаменателя: доля Ирана в мировом импорте ничтожно мала из-за многолетних санкций, из-за чего любая прямая поставка в Иран математически мультиплицирует значение индекса, показывая, что страна торгует с Ираном в разы интенсивнее, чем диктует ее доля на мировом рынке.

Проведенный анализ индексов комплементарности и интенсивности торговли позволяет сделать ряд фундаментальных выводов о природе интеграционных процессов в рамках БРИКС.

Во-первых, торговые связи внутри блока носят выраженный асимметричный и сетевой характер. Интеграция обеспечивается за счет использования странами-участницами глобальных логистических хабов (ОАЭ) и диверсифицированных производственных центров (Китай, Индия).

Во-вторых, выявлен разрыв между структурным потенциалом и фактической реализацией торговых потоков. Индексы TCI демонстрируют высокую взаимодополняемость экономик (в среднем около 45–60%), однако индексы TII показывают, что эта комплементарность реализуется выборочно. Торговля концентрируется вокруг «центров притяжения» (Китай, Индия, ОАЭ), в то время как связи между периферийными игроками (например, Бразилия – Эфиопия или ЮАР – Иран) остаются ниже гравитационной нормы.

В-третьих, геополитические факторы и санкционное давление выступают катализатором «вынужденной», но сверхинтенсивной интеграции (что наглядно демонстрируют экстремальные значения TII в связках с участием России и Ирана). Это свидетельствует о том, что политическая мотивация и поиск институциональной безопасности способны преодолевать естественные гравитационные барьеры (географическое расстояние, логистические издержки).

Таким образом, БРИКС представляет собой устойчивую, но гетерогенную торговую сеть. Дальнейшее углубление интеграции будет зависеть от развития внутренней финансовой инфраструктуры, снижения транзакционных издержек и создания совместных производственных цепочек, способных трансформировать структурный потенциал в устойчивый рост товарооборота.

Список литературы

1. Шестнадцатое заседание министров торговли стран БРИКС (7 августа 2026 г., Джайпур, Индия). Заявление председателя и итоговый документ // Экспертный совет БРИКС – Россия : сайт. – URL: https://bricscouncil.ru/ru/summits-and-documents (дата обращения: 24.10.2026). – Текст : электронный.

2. Anderson, J. E. Gravity with Gravitas: A Solution to the Border Puzzle / J.E. Anderson, E. van Wincoop // American Economic Review. – 2003. – Vol. 93, No. 1. – P. 170–192.

3. Kojima, K. The Pattern of International Trade among Advanced Countries / K. Kojima // Hitotsubashi Journal of Economics. – 1964. – Vol. 5, No. 1. – P. 16–36.

4. Michaely M. Trade Preferential Agreements in Latin America: An Ex-Ante Assessment / M. Michaely. – Washington, D.C. : World Bank, 1996. – (World Bank Policy Research Working Paper No. 1583).

5. Tinbergen, J. An Analysis of World Trade Flows / J. Tinbergen // Shaping the World Economy. – New York : Twentieth Century Fund, 1962. – P. 262–293.

6. International Trade Centre : сайт. – URL: https://www.intracen.org (дата обращения: 24.10.2026). – Текст : электронный.

7. World Integrated Trade Solution (WITS) : сайт. – URL: https://wits.worldbank.org/ (дата обращения: 24.10.2026). – Текст : электронный.

Мурашкина Людмила Александровна
магистрант
Научный руководитель
Родительская Елена Викторовна
канд. экон. наук, доцент

ГКОУ ВО «Российская таможенная академия»
г. Люберцы, Московская область

ОЦЕНКА НЕЗАВИСИМОСТИ ФИНАНСОВОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ БРИКС КАК ДРАЙВЕРА ДЕДОЛЛАРИЗАЦИИ

Аннотация: *целью статьи является анализ аспектов функционирования финансовой инфраструктуры БРИКС, включающей созданные в 2014 году Новый банк развития и Пул условных валютных резервов, а также формируемую в настоящий момент платежную инфраструктуру БРИКС, в целях оценки степени ее независимости от западной финансовой системы*

Ключевые слова: *БРИКС, платежная инфраструктура, Новый банк развития, Пул условных валютных резервов, дедолларизация.*

За полтора десятилетия своего существования объединение БРИКС прошло путь от аналитической концепции до многосторонней платформы с разветвлённой институциональной структурой.

Если на ранних этапах (2009–2013 гг.) основное внимание уделялось политической координации и декларативным заявлениям о реформе глобальной финансовой системы, то начиная с VI саммита в Форталезе (2014 год) и особенно после принятия Уфимской декларации (2015 год) страны объединения перешли к практическому созданию собственных финансовых механизмов.

В основе развивающейся финансовой архитектуры БРИКС лежат три взаимодополняющих элемента, каждый из которых выполняет специфическую, но взаимосвязанную функцию.

Новый банк развития (далее – НБР), созданный в 2014 году и начавший операционную деятельность в 2016-м, выступает в роли института развития, ориентированного на финансирование инфраструктурных проектов и устойчивого развития в странах БРИКС и других развивающихся экономиках.

Пул условных валютных резервов (далее – ПУВР), также учреждённый в 2014 году, выполняет функцию механизма коллективной финансовой стабильности. ПУВР предназначен для предоставления краткосрочной ликвидности странам-участницам в случае возникновения проблем с платёжным балансом или давления на валютные рынки. По своей логике он задуман как субститут Мирового валютного фонда.

Третий, формирующийся компонент – платёжная инфраструктура БРИКС, включающая инициативы по созданию единых расчётных платформ.

Рассмотрим аспекты функционирования указанных элементов и их роль
в формировании независимой финансовой инфраструктуры БРИКС.

Для формирования объективной картины текущего состояния НБР и его потенциала к масштабированию необходим взгляд на его базовые метрики:

– структуру распределенного капитала как индикатор финансовой устойчивости и баланса интересов акционеров;

– статистику одобренных проектов как показатель реального воздействия на инфраструктуру стран-заемщиков;

– валютную структуру финансирования как индикатор успеха стратегии по дедолларизации и поддержке локальных валют.

На рис. 1 изображена структура распределенного капитала Нового банка развития.

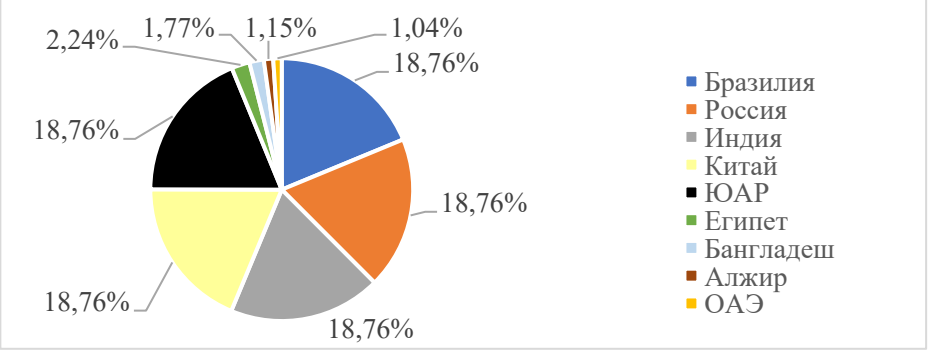

Рис. 1. Структура распределенного капитала НБР в 2025 году, %

Структура банка развития была создана путем распределения равных долей между его создателями (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР), по 20% от общего количества. Когда по мере расширения банка к капиталу были допущены новые участники, им так же были выделены доли.

На рис. 2 изображена структура портфеля финансируемых НБР проектов.

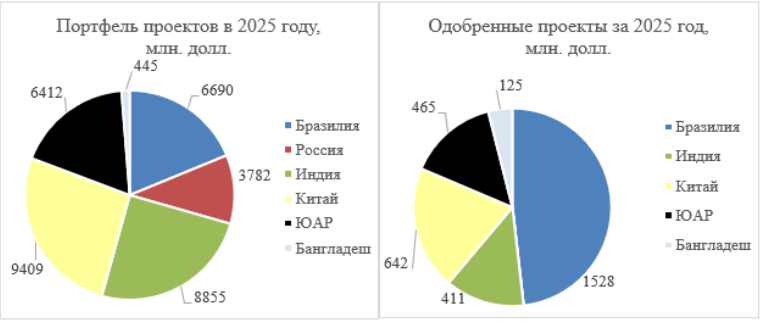

Рис. 2. Географическая структура портфеля проектов НБР, млн долл.

К концу 2025 года 26,4% и 24,9% портфеля одобренных проектов (за вычетом аннулированных и полностью погашенных) приходилось соответственно на проекты из Китая и Индии. 18,8% и 18% составили доли проектов Бразилии и ЮАР. Всего 10,6% пришлось на проекты в России, 1,25% – на проекты присоединившейся в 2021 году Бангладеш.

Стоит отметить, что незначительность доли в портфеле проектов России, а также отсутствие одобренных российских проектов в 2025 году обусловлены приостановкой с 2022 года операционной деятельности банка в отношении России в связи с санкционным режимом. Глава НБР, Дилма Руссеф, подтвердила: НБР не рассматривает новые проекты в России и «действует в соответствии с действующими ограничениями на рынках финансов и международных капиталов» [4]. Реализация уже согласованных ранее инициатив так же столкнулась с критическими трудностями или была полностью приостановлена.

На рис. 3 изображена структура перечислений НБР, подтверждающая отсутствие в настоящий момент перечислений в отношении проектов в России.

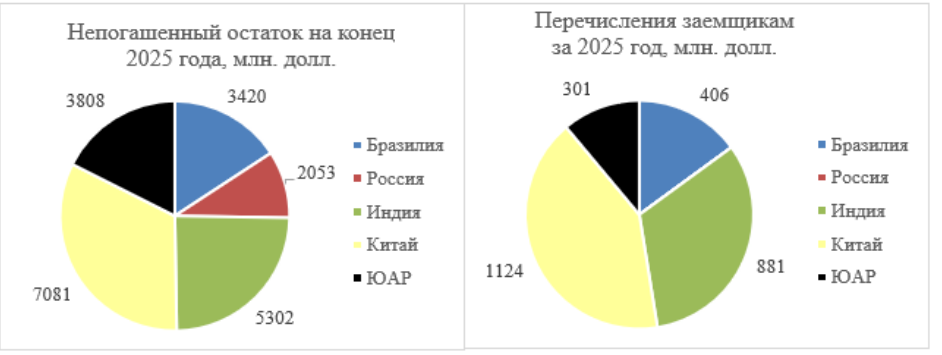

Рис. 3. Выплаты НБР заемщикам, млн долл.

С учетом фактического прекращения финансирования российских проектов, более 41% перечислений НБР за 2025 год пришлось на проекты в Китае, 32,5% – в Индии, 15% и 11,1% – в Бразилии и ЮАР.

Основной причиной ограничений деятельности НБР в отношении российских проектов является стремление сохранить высокий кредитный рейтинг банка: если НБР начнет проводить финансовые операции с российскими компаниями, находящимися под блокирующими санкциями, сам банк мгновенно попадет под риск вторичных санкций со стороны США и ЕС. Снижение рейтингов НБР будет удорожать фондирование и, соответственно, удорожать кредитование проектов в других странах [5]. Вместе с тем отключение Российской Федерации от SWIFT сделало технически недоступным проведение платежей в отношении российской стороны. Ввиду указанной ситуации Российская Федерация дофинансировала проекты, начатые за счет кредитов НБР, из средств бюджета [5].

Одной из декларируемых амбициозных целей НБР является увеличение объема кредитования в местных валютах. В соответствии с Генеральной стратегией НБР на 2022–2026 годы ожидалось, что на несуверенные операции в этот период придется 30% от общего объема одобренных проектов НБР и финансирование в национальных валютах составит 30% от всех средств, выделяемых Банком.

На рис. 4 изображена структура одобренных проектов НБР в разрезе валют финансирования. Все суммы конвертированы по курсу на 31.12.2025, в связи с чем укрепление валют могло привести к росту их долларового эквивалента

на диаграмме даже без реального увеличения объема кредитования в этих валютах.

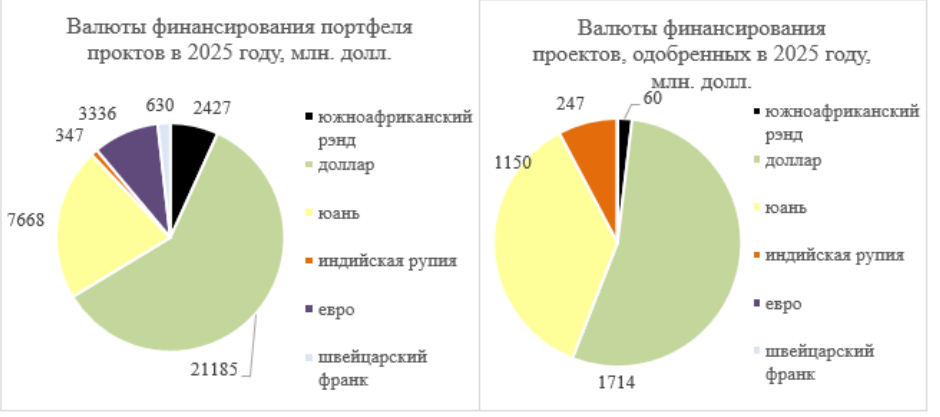

Рис. 4. Портфель НБР в разрезе валют финансирования, млн долл.

В соответствии с данными, представленными в годовом отчете НБР, состоянию на 2025 год доллар США доминировал в историческом (накопленном) портфеле, его доля составила 59,5%. На прочие валюты пришлось 40,5% (21,5% – юань, 9,4% – евро, 6,8% – южноафриканский рэнд, 1,8% – швейцарский франк, менее 1% – индийская рупия). Среди валют финансирования проектов, одобренных НБР за 2025 год, все так же преобладает доллар США (54,1%), оставшиеся 45,9% приходятся на национальные валюты стран БРИКС – юань (36,3%), индийскую рупию (7,8%), южноафриканский рэнд (1,9%).

С учетом представленного можно заявить о постепенной реализации НБР стратегии по диверсификации валют финансирования, последовательному увеличению их доли в накопленном портфеле. Тем не менее, зависимость операционной деятельности НБР все еще является бесспорно высокой.

Кейс НБР стал показательным примером того, что даже институт, созданный в качестве альтернативы западной финансовой системе, остается зависимым от ее правил. Доминирование доллара в историческом портфеле банка и вынужденная заморозка проектов в России из-за риска вторичных санкций доказывают, что НБР не может действовать как полностью изолированный «антизападный» финансовый бастион. В моменты острых кризисов банк вынужден ставить в приоритет сохранение своего кредитного рейтинга и доступа к глобальным рынкам капитала над геополитической солидарностью.

ПУВР, как и НБР, вовсе не является независимым институтом: связь с МВФ буквально «вшита» в Договор о его создании – в правило «30/70». Каждая страна имеет свою квоту в ПУВР, но при наступлении обстоятельств, требующих обращение к средствам, страна не может сразу получить допуск по всей сумме:

– 30% максимальной суммы допуска, установленной для каждой

– из сторон, доступны при условии достижения согласия предоставляющих сторон;

– остальные 70% являются «долей, связанной с программой МВФ».

Чтобы получить доступ к этой более крупной части средств, запрашивающая сторона обязана иметь действующее соглашение с МВФ о предоставлении финансирования на определенных условиях, а также соответствовать правилам и условиям такого соглашения. Указанное создает критическую уязвимость ПУВР в отношении стран, находящимися под санкциями или имеющих конфликты с МВФ, и сводит на нет идею о том, что ПУВР может служить полной и независимой альтернативой Вашингтону в момент острого кризиса: он не является суверенным «спасательным кругом», а скорее «дополнительной подушкой безопасности», которая срабатывает в полном объеме только с разрешения и под надзором традиционной западной финансовой архитектуры.

В отличие от функционирующих уже длительный период НБР и ПУВР, платежная система БРИКС все еще находится на стадии институционального оформления, продолжающегося на протяжении более 10 лет: впервые идея создания независимой платежной системы была закреплена в декларации по итогам VII Саммита БРИКС, который прошел в 2015 году в Уфе.

9 лет спустя, в рамках декларации по итогам XVI Саммита БРИКС в Казани страны БРИКС подчеркнули важность содействия использованию национальных валют во взаимных расчетах между странами БРИКС и их торговыми партнерами, укрепления корреспондентских банковских и обеспечения возможности расчетов в национальных валютах в соответствии с Трансграничной платежной инициативой БРИКС (BCBPI), которая является добровольной и необязательной, а также договорились обсудить и изучить возможность создания независимой трансграничной расчетно-депозитарной инфраструктуры BRICS Clear в целях сопряжения инфраструктуры финансовых рынков стран БРИКС [1].

В соответствии с декларацией по итогам XVII Саммита БРИКС в Рио-де-Жанейро министрам финансов и управляющим центральных банков стран было поручено «должным образом продолжить обсуждение Трансграничной платежной инициативы БРИКС» [2], вместе с тем был принят документ «Технический отчет: Система трансграничных платежей БРИКС».

В рамках декларации по итогам XVIII саммита БРИКС в Нью-Дели отмечены усилия «Рабочей группы БРИКС по платежам по поиску прагматичных решений для создания эффективных механизмов трансграничных платежей, опирающихся на положения деклараций, принятых в г. Казани и г. Рио-де-Жанейро, относительно Инициативы БРИКС по трансграничным платежам» [3], в частности «изучения трансграничной совместимости платежных каналов и каналов обмена финансовой информацией, а также дискуссии о содействии торговым расчетам и инвестициям с использованием национальных валют стран БРИКС при соблюдении национальных приоритетов и с учетом отсутствия универсального подхода», Концепция развития общей платежной системы, интернационализации национальных валют БРИКС прошла путь от политической риторики к сложному, планомерному инженерно-финансовому проектированию. По мнению авторов, основными группами факторов, препятствующих оперативной реализации инициативы, являются следующие.

1. Макроэкономические факторы: асимметрия торговых балансов между странами-участницами, порождающая проблему «замкнутой ликвидности» ввиду накопления избыточных объемов национальных валют странами-экспортерами при отсутствии достаточного объема встречного импорта или глубоких финансовых рынков для их инвестирования, ведет к неэффективности двусторонних расчетов, вместе с тем идея создания единой валюты является утопичной ввиду необходимости как минимум создания единого эмиссионного центра, гармонизации бюджетной политики, что не соответствует текущей стадии развития БРИКС.

2. Институциональная гетерогенность и дивергенция стратегических интересов: участие в инициативе создает ряд рисков для стран, которые не находятся под санкциями западных стран, вместе с тем Китай, являющийся экономическим локомотивом БРИКС, отдает приоритет стратегии интернационализации собственной национальной валюты и продвижению уже созданных национальных инфраструктурных решений (платежная система UnionPay, система межбанковских сообщений CIPS).

3. Технологическая и конъюнктурная фрагментация: обеспечение интероперабельности (взаимодействия) между устаревшими банковскими шлюзами, национальными системами быстрых платежей и новыми DLT-платформами (распределенными реестрами) требует колоссальных затрат на разработку единых API и протоколов передачи данных.

4. Конфликт юрисдикций в сфере кибербезопасности и суверенитета данных (например, Федеральный закон от 27 июля 2006 г. №152-ФЗ «О персональных данных» требует хранения персональных данных в России, а индийский Digital Personal Data Protection Act – в Индии [6]), а также необходимость гармонизации национальных стандартов «противодействия отмыванию денег и финансирования терроризма» (anti-money laundering and combating the financing of terrorism), выполнения требований Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (Financial Action Task Force).

Разработка платежной инфраструктуры БРИКС представляет собой не единый проект, а набор взаимодополняющих инициатив, находящихся на разных стадиях зрелости. Важно разделять эти компоненты, так как в медиапространстве их часто ошибочно смешивают. Предполагаемая платежная инфраструктура БРИКС формируется из трех ключевых функциональных компонентов, указанных в таблице 1 (составлена авторами).

Таблица 1

Архитектура платежной инфраструктуры БРИКС

Компонент	Роль	Стадия разработки
BRICS Pay	децентрализованная платежная экосистема, обеспечивающая взаимодействие национальных систем быстрых платежей и карточных схем (UPI, Pix, Mir, UnionPay и др.) для трансграничных розничных и коммерческих расчетов	Пилот в ограниченном режиме, поэтапное масштабирование и интеграция национальных платежных систем [7]
BRICS Bridge	стейблкоин-мостовой актив [6], обеспечивающий соединение центральных банков БРИКС для прямой торговли в цифровых валютах [8]	Ранняя экспериментальная и концептуальная стадия
BRICS Clear	независимая трансграничная расчетно-депозитарная инфраструктура, выступающая альтернативой клиринговым палатам, Euroclear и Clearstream [8]	Стадия институционального проектирования

Оценивая степень готовности формируемой платежной инфраструктуры, необходимо констатировать ее выраженную гетерогенность. На текущем этапе ни один из компонентов не представляет собой полностью готовую, единую и бесшовную систему, способную мгновенно заменить западные аналоги. Наиболее продвинутым является компонент BRICS Pay, который уже находится на стадии пилотной эксплуатации в ограниченном режиме и поэтапного масштабирования интероперабельности национальных систем быстрых платежей. В то же время инициативы BRICS Bridge и BRICS Clear находятся на ранних экспериментальных, концептуальных стадиях или в процессе институционального проектирования, сталкиваясь с существенными макроэкономическими, технологическими и юрисдикционными барьерами.

Если НБР и ПУВР доказали сложность создания независимости «сверху вниз» (через макроинституты), то платежная инфраструктура представляет собой путь «снизу вверх» – через создание независимых технологических протоколов.

Успешная реализация проектов BRICS Pay, BRICS Bridge и BRICS Clear позволит получить БРИКС полноценную автономную финансовую экосистему, способную гарантировать экономический суверенитет стран Глобального Юга.

Список литературы

1. Казанская декларация : принята по итогам XVI Саммита БРИКС, г. Казань, Российская Федерация, 23 октября 2024 г // Официальный сайт БРИКС. – URL: https://infobrics.org (дата обращения: 25.10.2026). – Текст : электронный.

2. Декларация Рио-де-Жанейро : принята по итогам XVII Саммита БРИКС, г. Рио-де-Жанейро, Бразилия, 6 июля 2025 г // Официальный сайт БРИКС. – URL: https://infobrics.org (дата обращения: 25.10.2026). – Текст : электронный.

3. Декларация Нью-Дели : принята по итогам XVIII Саммита БРИКС, г. Нью-Дели, Индия, 12 сентября 2026 г. // Официальный сайт БРИКС. – URL: https://infobrics.org (дата обращения: 25.10.2026). – Текст : электронный.

4. Банк БРИКС отказался от новых инвестиций в Россию из-за санкций // РБК. – URL: https://www.rbc.ru/finances/27/07/2023/64c181429a79470005ae94e4 (дата обращения: 25.10.2026). – Текст : электронный.

5. Россия и банк БРИКС нашли решения для сотрудничества без санкционных рисков // Интерфакс. – URL: https://www.interfax.ru/business/1089738 (дата обращения: 25.10.2026). – Текст : электронный.

6. Когда BRICS Pay заработает в полном объёме // BRICS Payment. – URL: https://bricspayment.ru/blog/kogda-zarabotaet-brics-pay-roadmap (дата обращения: 25.10.2026). – Текст : электронный.

7. BRICS Pay: официальная информация о платежной системе // BRICS Payment. – URL: https://bricspayment.ru/ (дата обращения: 25.10.2026). . – Текст : электронный.

8. К чему приведет независимая платежная система БРИКС // InfoBRICS. – URL: https://infobrics.org/ru/post/102930 (дата обращения: 25.10.2026). – Текст : электронный.

Хайруллин Рамиль Ахатевич
канд. юрид. наук, доцент
Габдулганиев Дамир Рависови
канд. юрид. наук, студент

Казанский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»
г. Казань, Республика Татарстан

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТРАН РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ И АНГЛОСАКСОНСКОЙ ПРАВОВЫХ СЕМЕЙ

Аннотация: *в статье проводится сравнительно-правовой анализ двух ведущих правовых семей современности: романо-германской (континентальной) и англосаксонской (общего права). Исследование базируется на исторических предпосылках формирования каждой системы, где ключевую роль для романо-германского права сыграла Римская империя, а для англосаксонского – правовая традиция Англии после нормандского завоевания. Особое внимание уделено характеристике Конституции Российской Федерации как представителя континентальной системы, где подчеркивается верховенство писаного закона, кодифицированный характер права и роль Конституционного Суда. В противовес этому рассматривается англосаксонская модель на примере Ирландии, демонстрирующая гибридный подход. Целью работы является выявление фундаментальных различий в источниках права, роли судебной власти и механизмах защиты конституционных норм в указанных правовых системах.*

Ключевые слова: *правовая система, Конституция, судебный прецедент, верховенство права, общее право.*

Стоит начать с того, что понимание данной темы является достаточно прочным фундаментом для дальнейшего изучения конституционного права в целом. Анализ данного вопроса позволит определить основы построения конституционных основ рассмотренных стран и возможность проведения сравнительной характеристики Конституций тех или иных стран. История данной темы уходит еще в далекие времена существования Римской империи и Англии.

Для романо-германской правовой системы ключевое влияние оказала Римская империя. Именно данное государство считают главным источником для передачи правовой системы современным государствам. Более того, некоторые отмечают, что именно Римская империя заложила основы для политической системы многих стран после ее падения, особенно они подчеркивают принцип разделения властей [4] Также стоит добавить, что именно римская империя служит отправной точкой для выведения юридической системы из под религиозного влияния и воздействия на него ритуалов, обычаев. Не менее важным является то, что именно римляне дали наиболее лаконичное определение терминологической базе, а сами юристы стремились к формулировкам, которые невозможно рассматривать через призму двойственных значений. Ярким примером является принцип не дважды за одно, черта которого характеризуется достаточно устойчивым и неизменным смыслом [11] Не стоит забывать, что данный принцип являлся не просто эффективным в правовой сфере того времени, но и нашел активное применение во многих государствах современного мира. К романо-германской правовой семье относятся правовые системы государств, в которых основным источником права являются нормативно-правовые акты. Страны с системами романо-германского права имеют всеобъемлющие, постоянно обновляемые юридические кодексы, в которых указаны все вопросы, которые могут быть переданы в суд, применимая процедура и соответствующее наказание за каждое правонарушение [1, с. 111.] Стоит отметить, что Российская Федерация

успешно переняла данный принцип и закрепила его в своем законодательстве, а именно в статье 50 Конституции [2]. К данной правовой системе относят всю континентальную Европу, Латинскую Америку, значительную часть Африки и Ближнего Востока, а также ряд стран Азии, влияние этой правовой семьи нашло выражение в правовых системах Японии, Индонезии, других государств [3, *с. 2*]. При всем этом стоит отметить, что Российская Федерация исторически и традиционно относится к романо-германской правовой семье, рассмотрим ее принципы и базис в корреляции с фундаментальными чертами романо-германской правовой системы [10, *с. 46*]. Конституция Российской Федерации является высшим нормативным правовым актом в российской правовой системе. Она закрепляет основы конституционного строя, права и свободы человека, а также структуру государственной власти. Конституция РФ напрямую отражает классические каноны романо-германской правовой системы через три главных признака. Первый раскрывается через призму верховенства писанного акта. В континентальном праве закон всегда стоит выше судебного решения или обычая. Конституция возглавляет эту строгую иерархию. Ни один нормативный акт в стране не может ей противоречить [5]. Текст Конституции юридически разграничивает институты публичного права и частного права. Ярким примером может послужить глава первая статья вторая Конституции [2]. Это подтверждает черты публичного права, в то время как статья тридцать пять следующей главы является наглядным примером для отражения частного права. Третьим ключевым признаком является то, что в романо-германской системе за чистотой законов следит специальный орган – Конституционный Суд. Он не разбирает конкретные уголовные или гражданские споры в качестве судов общей юрисдикции. Его главной задачей является мониторинг самих законов на соответствие Конституции и их отмена либо корректировка, если найдено то или иное противоречие. Более того, нынешняя Конституция Российской Федерации Конституция четко разграничивает правотворческую компетенцию ветвей власти и определяет, какие органы могут принимать нормативные акты. Изменение самой Конституции всегда требует определенной процедуры: созыв специального собрания, одобрение квалифицированным большинством парламента или обязательный общенациональный референдум [4]. Стоит учитывать, что нормы Конституции имеют прямое действие. Это значит, что гражданин в суде может ссылаться напрямую на статью Конституции, даже если эта норма еще не полностью расписана в текущих профильных законах.

Необходимо рассмотреть англосаксонскую правовую систему для того, чтобы провести наиболее детальный анализ и сравнительную характеристику. История зарождения данной системы раскрывается посредством изучения Англии, преимущественно после нормандского завоевания 1066 года [5]. Местные обычаи англосаксов были постепенно вытеснены единой системой, которую создавали выездные королевские судьи. Они отбирали лучшие местные традиции и делали их обязательными для всего королевства. Поэтому система и получила название общее право. Главным источником права выступает судебный прецедент. «Прецедент – это решение определенного суда по конкретному делу, имеющее силу источника права (т. е., обязательного для судов при рассмотрении аналогичных дел, согласно доктрине «разрешать дела так, как было разрешено ранее»)» [8]. Ключевой чертой данной правовой системы является то, что роль судьи имеет весьма значительное влияние на весь законодательный механизм в целом. Обусловлено это тем, что судьи не просто применяют закон, а фактически создают его [7]. Прецеденты в свою очередь дополняются статутами [6]. Статутами являются правовые нормы, выраженные в законодательных актах Великобритании и всех стран англосаксонской правовой системы. Термин объединяет все нормы, которые были письменно сформулированы и приняты законодательной властью, в отличие от прецедентов, созданных судьями. Определение данного термина универсально для Великобритании, США, Канады, Австралии и других стран этой системы. Рассмотрим значение данной системы для Конституции Ирландии. Ирландия является страной с чистой англосаксонской правовой системой. Как и в Великобритании, все писаные законы здесь образуют массив статутов, которые действуют параллельно с судебными прецедентами. Стоит отметить, что

рассмотрение Конституции Ирландии через призму англосаксонской правовой семьи выявляет уникальный гибрид. Ирландия унаследовала английские правовые институты, но ограничила их письменной конституцией американского типа. Именно США выступает ключевым примером чистейшего англосаксонского права, поскольку они создали первую современную писаную Конституцию. Наличие писаной Конституции это стандартная практика для большинства стран англосаксонского права. В Великобритании действует принцип парламентского суверенитета. Ирландия полностью отказалась от этого в пользу верховенства Конституции [9]. В то же время в Ирландии нет всеобъемлющих кодексов на примере гражданского, уголовного, коммерческого, которые детально расписывают правила жизни общества. Договорное, деликтное, коммерческое право Ирландии до сих пор регулируется решениями судей и точечных законах-статутах, а не на масштабных кодексах, а не статьями законов. Младшие суды Ирландии обязаны строго подчиняться решениям старших судов что категорически не соответствует принципам в чистом континентальном праве. В силу этого наличие Конституции никак не мешает судам регулировать большую часть повседневной жизни с помощью прецедентов, а не кодексов. Конституция определяет лишь каркас государства и базовые права.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на общие демократические ценности, романо-германская и англосаксонская правовые системы имеют принципиально различные архитектурные основы. Романо-германская система, к которой относится Российская Федерация, строится на приоритете абстрактной нормы, закрепленной в писаных законах и кодексах, где суд выступает инструментом применения права, а Конституция является высшим нормативным актом прямого действия. В этой системе стабильность обеспечивается четкой иерархией источников и специализированным конституционным контролем. Англосаксонская система, ярким примером адаптации которой служит Ирландия, опирается на творческую роль суда. Здесь право формируется снизу вверх через прецеденты, а писаная конституция выполняет функцию каркаса, ограничивающего власть, но не заменяющего собой детализированные кодексы. Таким образом, если в континентальном праве закон первичен по отношению к судебному решению, то в системе общего права судебная практика является равнозначным, а часто и определяющим источником права. Понимание этих различий является критически важным для корректного сравнительного анализа конституционных моделей разных стран и дальнейшего изучения механизмов реализации прав человека в различных юридических контекстах.

Список литературы

1. Едреев, Т. Ш. М. Правовые основы системы общего права и романо-германской правовой системы / Т. Ш. М. Едреев // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. – 2018. – №3(31). – С. 109–113.

2. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.) // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 25.06.2026).

3. Оганесян, Р. Г. Нормативный правовой акт – основной источник романо-германской системы права : курсовая работа / Р. Г. Оганесян ; науч. рук. Е. В. Молчанова ; Кубанский государственный университет, Филиал в г. Тихорецке. – Тихорецк, 2023. – 32 с. – URL: https://kubsu.ru/sites/default/files/users/42734/portfolio/oganesyan_r_0.pdf (дата обращения: 22.09.2026).

4. Голоколосова, Е. Д. Роль Римской империи в истории и развитии человечества / Е. Д. Голоколосова, Э. М. Деркач // Юный ученый. – 2022. – №2 (54). – С. 16–18. – URL: https://moluch.ru/young/archive/54/2790.

5. Романо-германская правовая семья // Baidu Baike : энциклопедия. – URL: https://clck.ru/3WdF9X (дата обращения: 25.06.2026). – Текст : электронный.

6. Сравнение юридических систем: чем отличаются правовые подходы в разных странах // UFA ECVDO : образоват. портал. – URL: https://ufa.ecvdo.ru/states/sravnenie-yuridicheskih-sistem-chem-otlichayutsya-pravovye-podhody-v-raznyh-stranah (дата обращения: 25.06.2026).

7. Теория государства и права : лекции / Краснодар. гос. аграр. ун-т. – URL: https://www.kgau.ru/distance/ur_1/tgp-2006/lek24.html (дата обращения: 25.06.2026).

8. История и мифы английского права. Часть II // Zakon.ru : блог юристов. – URL: https://zakon.ru/Blogs/istoriya_i_mify_anglijskogo_prava_chast_ii/101525 (дата обращения: 25.06.2026).
9. Sources of Law in Ireland // Legal Blog IE. – URL: https://legalblog.ie/sources-of-law/ (date of access: 25.06.2026).
10. Правовая система Российской Федерации и романо-германская правовая семья. – URL: https://studfile.net/preview/12543187/page:46/ (дата обращения: 25.06.2026). – Текст : электронный.
11. Юридические принципы римского права в современном мире // Адвокаты Москвы : пресс-центр. – URL: https://www.advokatymoscow.ru/press/news/9719/ (дата обращения: 25.06.2026).

Шуляк Полина Викторовна
студентка
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

ВЗАИМОСВЯЗЬ РЕГИОНАЛЬНОГО И ОТРАСЛЕВОГО АНАЛИЗА В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Аннотация: *в статье рассматривается взаимосвязь регионального и отраслевого анализа в системе обеспечения экономической безопасности. Эти уровни не изолированы: региональная безопасность формируется под воздействием отраслевой структуры территории, а устойчивость отрасли – условиями её локализации. Цель работы – систематизировать методологические подходы к оценке экономической безопасности и обосновать схему сопряжённого регионально-отраслевого анализа. На основе анализа публикаций выявлены ограничения индикаторного, интегрального и воспроизводственного подходов; обоснована роль межотраслевых и сетевых взаимодействий как связующего звена двух уровней.*

Ключевые слова: *экономическая безопасность, регион, отрасль, межотраслевой комплекс, сетевые сопряжённые производства, интегральная оценка, методологические подходы, индикаторы, пороговые значения.*

Введение.

Экономическая безопасность – центральное направление исследований в условиях санкций и технологической неопределённости. В её обеспечении выделяются региональный (социально-экономическая система субъекта РФ) и отраслевой (устойчивость видов деятельности) уровни, которые рассматриваются изолированно, что порождает методологический разрыв: безопасность региона зависит от отраслевого профиля, а устойчивость отрасли – от региональной среды.

Цель работы – систематизировать подходы к оценке экономической безопасности и обосновать схему сопряжённого регионально-отраслевого анализа. Объект – система обеспечения экономической безопасности на этих уровнях, предмет – подходы к их сопряжённому анализу. Методологическая основа – системный и сравнительный анализ; информационная база – работы отечественных исследователей 2017–2025 гг.

Региональный и отраслевой анализ экономической безопасности: *понятийное поле и уровни исследования.*

Экономическая безопасность – системообразующая характеристика социально-экономических систем, отражающая способность сохранять устойчивость и развиваться в условиях угроз. Для регионального анализа ключевое значение имеет мезоуровень: в границах субъектов РФ воспроизводится ресурсный, производственный и социальный потенциал территории. В Стратегии экономической безопасности РФ до 2030 года среди основных угроз названы неравномерность пространственного развития, дифференциация регионов и инфраструктурные ограничения.

Экономическая безопасность региона – состояние защищённости региональной экономики от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее устойчивое развитие потенциала, рост качества жизни населения и стабильное функционирование хозяйствующих субъектов. Её анализ исходит из угроз и рискообразующих факторов и связан с устойчивостью территориального развития; механический перенос федеральных порогов на региональный уровень некорректен.

Оценка основана на сравнении фактических индикаторов с пороговыми. Индикаторы группируются по сферам: макроэкономическая устойчивость, социально-демографическая стабильность, ресурсная независимость, технологическая безопасность, институциональная надёжность, экологическая устойчивость; в 2021–2024 гг. добавлены показатели цифровой зрелости и продовольственного суверенитета. Требуется интегральный показатель, агрегирующий частные индикаторы, однако такие методики остаются территориально-ориентированными и не раскрывают отраслевых механизмов отклонений.

Отраслевой анализ стал самостоятельным направлением, поскольку основу национальной экономики составляют межотраслевые взаимосвязи, от сбалансированности которых зависит экономическая безопасность. Отрасль – не просто совокупность предприятий, а элемент воспроизводственного контура, устойчивость которого определяет способность экономики противостоять шокам. Ключевой объект анализа – отраслевой и межотраслевой комплекс: структура интеграции и взаимодействия отраслей на основе разделения труда. Развитие анализа связано с концепцией сетевых сопряжённых производств – секторов, объединённых технологическими связями и участвующих в формировании добавленной стоимости; их выделение обусловлено переходом к «Индустрии 4.0», при которой границы отраслей стираются.

Отраслевая безопасность раскрывается через составляющие: производственную, финансовую и инновационно-инвестиционную (внутренние), а также технологическую, социально-демографическую, экономико-правовую и экологическую (внешние). Специфика отраслевого уровня – в характере угроз: недобросовестная конкуренция, монополизация, ухудшение научно-технического потенциала, рост административных рисков; они имеют отраслевую природу и не всегда улавливаются агрегированными макро- и мезопоказателями. Отраслевой анализ не самодостаточен: устойчивость отрасли зависит от регионов размещения производств, их ресурсной базы, инфраструктуры и кадров, поэтому вне территориального контекста он практически неосуществим.

Методологические подходы к сопряжению регионального и отраслевого анализа.

Выделяют три базовых подхода. Индикаторный (пороговый) сравнивает фактические значения показателей с пороговыми уровнями, часто среднероссийскими; он прост и нагляден, но универсальные пороги могут не отражать региональную специфику. Интегральный сводит разнородные показатели к единой безразмерной величине через нормирование и экспертные веса, однако результат чувствителен к способу нормирования и весам. Воспроизводственный делает акцент на устойчивости связей и межотраслевых пропорциях, опираясь на балансы, матричные и эконометрические модели. Подходы не противостоят, а дополняют друг друга: индикаторный даёт первичную диагностику, интегральный – сводную оценку, воспроизводственный – объяснение причин отклонений; перспективно их сочетание.

Межотраслевые и сетевые связи – звено, через которое отраслевые процессы проецируются на региональную безопасность и обратно. Экономические отношения служат базой межрегионального сотрудничества, а механизм – совместные инвестиционные проекты. На примере строительного комплекса показано, что сдвиги в одной сопряжённой отрасли вызывают реакцию смежных, а динамика безопасности на национальном и региональном уровнях однонаправленна, хотя региональная может запаздывать. Отсюда сопряжённая схема из трёх блоков: диагностический (индикаторы двух уровней в отраслевом разрезе), аналитический (объяснение динамики через межотраслевые связи) и сводный (интегральная оценка в территориальной и отраслевой проекциях). Связь блоков двусторонняя, а институциональное

обеспечение дополняется контроллингом. Ограничения – несопоставимость порогов, дефицит отраслевых данных, слабая проработка «мягких» угроз, управленческие барьеры и дуализм интеграции; перспективы – валидация порогов, прогностические алгоритмы, динамический мониторинг и встраивание оценки в стратегическое планирование.

Вывод.

Проведённое исследование позволило сформулировать методологические выводы. Региональный и отраслевой уровни анализа экономической безопасности взаимосвязаны: безопасность региона зависит от отраслевой структуры, а устойчивость отрасли – от условий локализации, поэтому раздельное их рассмотрение неполно.

Индикаторный, интегральный и воспроизводственный подходы дополняют друг друга: первый даёт первичную диагностику, второй – сводную оценку, третий – объяснение отклонений через межотраслевые связи. Связующее звено уровней – межотраслевые и сетевые взаимодействия, динамика которых однонаправленна, но региональный контур может отставать.

Предложена схема сопряжённого анализа (диагностический, аналитический и сводный блоки) с двусторонней связью уровней; её институциональное обеспечение – постоянная оценка экономической деятельности с инструментами контроллинга. Определены ограничения анализа и перспективы его совершенствования. Таким образом, взаимосвязь регионального и отраслевого анализа – не вспомогательное дополнение, а необходимый методологический принцип, повышающий обоснованность управленческих решений в сфере экономической безопасности.

Список литературы

1. Аверина, Л. М. Теоретико-методологические подходы к исследованию межрегиональных взаимодействий в обеспечении экономической безопасности / Л. М. Аверина, Н. Л. Никулина, И. В. Наумов // Вестник университета. – 2022. – № 6. – С. 90–97.

2. Акбердина, В. В. Комплексный инструментарий оценки экономической безопасности отраслей экономики: региональный аспект / В. В. Акбердина, А. В. Гребенкин, О. П. Смирнова // Экономика региона. – 2017. – Т. 13. – С. 1264–1279.

3. Акбердина, В. В. Институциональный механизм обеспечения экономической безопасности и инвестирования межотраслевого регионального комплекса / В. В. Акбердина, О. П. Смирнова // Экономика. Налоги. Право. – 2018. – Т. 11, № 6. – С. 121–130.

Шуляк Полина Викторовна
студентка
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

МОШЕННИЧЕСТВО В ФИНАНСАХ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация: *в статье рассматривается эволюция мошенничества в финансовой сфере от зарождения мошеннических схем в XIX веке до современных высокотехнологичных форм. Раскрываются сущность и признаки финансового мошенничества, систематизируются его виды, анализируется исторический опыт финансовых пирамид в России и за рубежом. Особое внимание уделено современным формам преступной деятельности – кибермошенничеству, телефонному и банковскому фроду, а также механизмам противодействия им со стороны государства, Банка России и правоохранительных органов. Обосновывается вывод о необходимости комплексного подхода, сочетающего правовые, организационные и образовательные меры обеспечения финансовой безопасности.*

Ключевые слова: *финансовое мошенничество, финансовые пирамиды, кибермошенничество, банковский фрод, социальная инженерия, финансовая безопасность, противодействие мошенничеству.*

Введение.

Финансовая сфера привлекательна для противоправных посягательств из-за концентрации денежных потоков и сбережений граждан. Мошенничество, древнейший вид хищения, трансформировалось от примитивного обмана до сложных цифровых схем. Актуальность исследования обусловлена ростом финансового мошенничества, ставшего системной угрозой экономической безопасности государства и благополучию населения. По данным Банка России, в 2023 году число несанкционированных списаний со счетов физлиц превысило 1 165 тыс. операций, а объём похищенных средств достиг 15,8 млрд рублей – рекордный показатель. Ущерб в банковской сфере измеряется триллионами рублей, число потерпевших растёт. В этих условиях знание истории мошеннических схем и современных тенденций практически значимо.

Цель – комплексный анализ эволюции финансового мошенничества и современных форм для обоснования мер противодействия. Задачи: раскрыть сущность и признаки, систематизировать виды; исследовать историческую эволюцию; проанализировать современные формы и механизмы противодействия. Объект – финансовое мошенничество как социально-экономическое и правовое явление. Предмет – закономерности исторического развития и современные формы, механизмы противодействия. Методологическая основа: общенаучные и специальные методы – исторический и сравнительный анализ, систематизация, обобщение, анализ статистики.

Историческая эволюция финансового мошенничества.

Мошенничество известно с возникновения российской государственности: Судебник Ивана Грозного отождествлял «вора», «мошенника» и «обманщика», а Манифест об учреждении Государственного заемного банка 1786 г. устанавливал наказание за обман при займе. Финансовое мошенничество – противоправные действия в денежной сфере путём обмана и злоупотребления доверием для незаконного обогащения; оно разнообразно (налоговое, кредитное, страховое, с ценными бумагами, компьютерное, банковское) и объединяется получением средств жертв под видом законных благ.

Первая документированная пирамида в России – афера И. Г. Рыкова (Скопинский банк, 1867–1882): выплаты за счёт новых вкладчиков, крах при 12 млн руб. и 6 тыс. вкладчиков. В мире ранее – «Компания Миссисипи» (1719) и пирамида Понци (1920-е). В 1990-е жертвами пирамид стали более 12 млн россиян; крупнейшая – «МММ» (2–15 млн вкладчиков), всего около 1,8 тыс. пирамид с ущербом 40–80 трлн неденоминированных руб. В 2016 г. введена ст. 172.2 УК РФ. В XXI веке схемы ушли в цифру: Finiko (свыше 7 млрд руб., ~70 тыс. пострадавших), Forsage (более 300 млн долл.). В 2022 г. Банк России выявил 6 676 организаций и проектов с признаками пирамид – в 1,6 раза больше, чем годом ранее.

Современные формы финансового мошенничества и противодействия им.

Современное финансовое мошенничество неразрывно связано с цифровизацией: киберпреступления растут в среднем на 30% в год, достигая 35% от всех зарегистрированных. Кибермошенничество – дистанционное хищение с повышенной латентностью; его формы включают киберсквоттинг, тайпсквоттинг, ноах-программы, фиктивные интернет-магазины, фишинг, фарминг, вишинг и скимминг. Ключевой инструмент – социальная инженерия: её доля выросла с 36% в 2018 г. до 80% в 2020 г. В 2020 г. половину похищенных средств жертвы перевели сами, ещё 28% потерь – раскрытие данных карт и кодов. Чаще всего злоумышленники представляются службой безопасности сторонних банков (42%) или банка, по карте которого запрашивают данные (25%).

Банковский фрод за 2016–2020 гг. вырос в 3,7 раза (с 8 713 до 32 186 преступлений), доля мошенничеств с электронными платежами увеличилась в 16 раз и достигла 80%. В 2023 г. несанкционированных списаний со счетов граждан – более 1 165 тыс. операций на сумму свыше 15 млрд руб. (наибольшие потери – по платёжным картам). Телефонные мошенники получают около 44 млн руб. в сутки (15,8 млрд руб. в год), Банк России запросил блокировку почти 576 тыс. мошеннических номеров. Уязвимы пожилые и граждане с низкой финансовой

грамотностью, поэтому приоритетны профилактика и просвещение (методические материалы ЦБ и Минпросвещения). Свыше половины участников финансовых пирамид идут на риск сознательно, менее половины объясняют участие низкой грамотностью.

Противодействие строится как комплексная система: правовой блок (ст. 159 УК РФ, законы №115-ФЗ, «О банках и банковской деятельности», №149-ФЗ, №41-ФЗ), организационный (просвещение), функциональный (мониторинг подозрительной активности, двухфакторная аутентификация), технико-технологический (шифрование, защита сетей). Банки и ЦБ – ключевое звено: в 2023 г. в Генпрокуратуру направлено 7 936 ресурсов с признаками пирамид (против 924 в 2021 г.), антифрод-процедуры предотвратили 34,77 млн мошеннических операций. Особое внимание – виктимологической профилактике. Зарубежный опыт (SEC в США, FCA в Великобритании, Сингапур) подтверждает эффективность комплексного подхода.

Заключение.

Проведённое исследование позволяет сформулировать ряд выводов. Мошенничество в финансовой сфере представляет собой исторически устойчивый, постоянно эволюционирующий феномен, который адаптируется к изменениям экономических условий и технологического уклада. Пройдя путь от аферы Скопинского банка XIX века и финансовых пирамид 1990-х годов до современных высокотехнологичных схем, финансовое мошенничество демонстрирует способность к модернизации и поиску новых, менее защищённых сфер проникновения.

Современный этап характеризуется доминированием кибермошенничества и банковского фрода, что связано с цифровизацией финансовых услуг и переводом взаимодействия клиентов с кредитными организациями в дистанционный формат. Ключевым инструментом злоумышленников становится социальная инженерия, доля которой в структуре мошенничеств выросла с 36% в 2018 году до 80% в 2020 году. Наиболее уязвимыми категориями граждан остаются лица пожилого возраста и граждане с низким уровнем финансовой грамотности, что обусловливает необходимость приоритетного развития образовательных и профилактических программ.

Противодействие финансовому мошенничеству должно носить комплексный характер и сочетать правовые, организационные, функциональные и технико-технологические меры. Важнейшими направлениями являются совершенствование законодательства, развитие антифрод-систем и технологий защиты, повышение финансовой грамотности населения, а также активизация международного сотрудничества в борьбе с трансграничными мошенническими схемами. Только системное взаимодействие государства, Банка России, правоохранительных органов, финансовых организаций и общества способно обеспечить надёжную защиту финансовой безопасности граждан и устойчивость национальной экономики.

Список литературы

1. Анакиева, Х. Г. Правовое регулирование и анализ механизмов защиты от мошенничества в современных условиях на территории России / Х. Г. Анакиева, Д. И. Усачева, Н. А. Кабанова // Вестник Евразийской науки. – 2024. – Т. 16, № 2.

2. Бабак, С. Р. Эволюция и опыт выявления финансовых пирамид, способов мошенничества / С. Р. Бабак // Вестник Евразийской науки. – 2024. – . 16, № s4.

3. Белицкий, В. Ю. История возникновения и развития мошенничеств, совершенных по принципу финансовой пирамиды, в России / В. Ю. Белицкий // История государства и права. – 2008. – № 11. – С. 2–4.

4. Кузнецов, Д. С. Финансовое мошенничество в России: сущность, виды, проблемы противодействия / Д. С. Кузнецов, М. Н. Гусева // Наука и Образование. – 2022. – Т. 5, № 3.

5. Курманова, Л. Р. Экономическая безопасность банковского сектора России / Л. Р. Курманова // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2025. – № 1 (171).

Шуляк Полина Викторовна
студентка
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

ОТРАСЛЕВОЙ АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: КЛЮЧЕВЫЕ ИНДИКАТОРЫ И ИХ ЗНАЧЕНИЯ

Аннотация: *в условиях санкционного давления особую значимость приобретает экономическая безопасность, ключевым инструментом мониторинга которой выступает отраслевой анализ. В работе систематизированы индикаторы отраслевого анализа и раскрыта их роль в мониторинге угроз: уточнены понятие, функции и классификация индикаторов, охарактеризованы подходы к определению пороговых значений, рассмотрены четыре способа оценки и выделены зоны риска. Показано, что наиболее уязвимы внешнеэкономическая и производственно-технологическая сферы, что требует адресной отраслевой политики и единой методики установления пороговых значений.*

Ключевые слова: *экономическая безопасность, отраслевой анализ, индикаторы, пороговые значения, мониторинг угроз, зоны риска.*

Введение.

В условиях роста геоэкономических противоречий и санкционного давления особое значение приобретает экономическая безопасность, важнейшим инструментом мониторинга которой выступает отраслевой анализ, выявляющий диспропорции в отдельных отраслях. Отраслевая структура экономики меняется под влиянием ограничительных мер и кризисов, что требует своевременной идентификации критических отклонений.

Различные аспекты оценки экономической безопасности рассматривали В. К. Сенчагов, С. Н. Митяков, И. В. Караваева, М. Ю. Лев, А. И. Ладынин и др., однако единая методика отраслевого анализа и унифицированный перечень индикаторов с пороговыми значениями не сформированы. Объект исследования – система экономической безопасности и её отраслевые сегменты, предмет – ключевые индикаторы отраслевого анализа и их значения. Цель работы – систематизировать эти индикаторы и раскрыть их роль в мониторинге угроз. Задачи: определить место отраслевого анализа; уточнить понятие, функции и классификацию индикаторов; охарактеризовать подходы к определению пороговых значений; систематизировать индикаторы по сферам и уровням значимости; рассмотреть методики оценки и зоны безопасности; раскрыть значения индикаторов и их интерпретацию. Методы: анализ литературы, сравнение, обобщение и систематизация.

Теоретические основы отраслевого анализа экономической безопасности.

Экономическая безопасность – многоуровневое явление: макроуровень отражает состояние национальной экономики, мезоуровень – регионов и отраслей, микроуровень – организаций. Отраслевой анализ занимает промежуточное положение, связывая общеэкономические индикаторы с показателями хозяйствующих субъектов; его необходимость обусловлена отраслевой спецификой угроз, усиливающихся при санкционном давлении. Выполняя диагностическую, прогностическую и управленческую функции, он обеспечивает переход к адресным мерам экономической политики.

Индикаторы экономической безопасности – нормативные характеристики, количественно отражающие угрозы, обладающие сигнальной способностью и действующие в совокупности. Ключевой элемент индикативного анализа – пороговые значения, превышение которых нарушает воспроизводство: важны не абсолютные значения, а их отклонение от порога. Индикаторы группируются по сферам (реальная экономика, социальная, денежно-финансовая, внешнеэкономическая), уровням (макро-, мезо-, микро-) и характеру порогов («не менее», «не более», «не менее – не более»); единая классификация не сформирована, поэтому

индикаторы образуют систему, элементы которой приобретают смысл лишь при сопоставлении друг с другом и с порогами.

Определение пороговых значений – наиболее сложный методический вопрос, так как единый предельный уровень не фиксирует разнокачественные состояния экономики. А. Б. Виссарионов и Р. Р. Гумеров предлагают трёхуровневую шкалу – целевые, транзитивные и критические значения, обосновывая последние методом исторических аналогий. А. В. Дергунов систематизирует пять подходов – нормативный, сравнительный, экспертно-аналитический, статистический и функциональный; расчётные методы дополняются экспертными оценками, а Минэкономразвития РФ разработало паспорта целевых и предельно допустимых значений по 40 показателям.

Ключевые индикаторы отраслевого анализа и их значения.

Систематизация индикаторов отраслевого анализа ведётся по функциональному основанию и уровню значимости. По сферам выделяют производственно-технологическую (промышленную, энергетическую, транспортную, инновационную), продовольственную и внешнеэкономическую безопасность; в системе А. В. Дергунова – 86 показателей по семи сферам с критическим, предкритическим и оптимальным уровнями. По значимости различают стратегические, тактические и оперативные индикаторы, по уровням управления – макроэкономические, показатели Минэкономразвития, министерств и регионов. Отраслевые индикаторы занимают промежуточное положение; их конкретизация дана в системах научно-технологической безопасности и оценки организаций – участников ВЭД.

Сложились четыре основных способа оценки. Пороговый способ, предложенный учёными Института экономики РАН под руководством В. К. Сенчагова, использует 36 индикаторов с пороговыми значениями по четырём сферам; индикативный (В. К. Сенчагов, С. Н. Митяков) приводит значения к безразмерному виду и ранжирует их по зонам удалённости от порога; институциональный закрепляет 40 показателей Стратегии без пороговых значений и применим только в динамике; интегральный (И. А. Сушкова) опирается на дифференциальный и интегральный индексы отклонения

На основе нормировки индикаторы сводятся к безразмерному виду (для порога «не менее» $y = 2 – \log_{10}(a/x)$) и ранжируются по пяти зонам риска. В многоуровневой шкале выделяются зоны уязвимости, небезопасности и критическая, переход между которыми служит сигналом для антикризисных мер. Выбор способа определяется целями анализа: пороговый сравнивает значение с критическим, но не сопоставляет показатели; индикативный ранжирует риски; институциональный применим только в динамике, интегральный ранжирует параметры по степени опасности.

Значения ключевых индикаторов конкретизируют отраслевой анализ. В отдельные периоды инфляция, доли инновационных товаров и бедности были в зоне небезопасности, доля инвестиций в ВВП – в зоне уязвимости, доля импортного продовольствия выходила за порог, а долговая нагрузка и уставный капитал банков угрозы не создавали. Пороговое значение сигнализирует об угрозе, но не означает автоматического кризиса и служит основанием для корректировки политики; именно сигнальная функция отличает индикатор от обычного статистического показателя. На отраслевом уровне пороги обоснованы для участников ВЭД и научно-технологической безопасности и требуют периодической корректировки. Наиболее уязвимы внешнеэкономическая и производственно-технологическая сферы из-за зависимости от импорта технологий и оборудования, что требует интеграции финансового рынка и ограничения иностранных инвестиций в стратегические отрасли.

Вывод.

Достигнута цель работы – систематизированы ключевые индикаторы отраслевого анализа экономической безопасности и раскрыта их роль в мониторинге угроз. Установлено, что отраслевой анализ, занимая промежуточное положение между макро- и микроуровнем, выполняет диагностическую, прогностическую и управленческую функции; индикаторы образуют систему характеристик, приобретающих смысл при сопоставлении с пороговыми

значениями, определение которых опирается на комбинирование пяти подходов, а трёхуровневая шкала фиксирует разнокачественные состояния экономики.

Индикаторы систематизируются по сферам, уровням значимости и управления, а четыре способа оценки дополняются выделением зон уязвимости, небезопасности и критической зоны; их значения задают ориентиры безопасного развития и служат инструментом раннего предупреждения. Наиболее уязвимы внешнеэкономическая и производственно-технологическая сферы, что определяет необходимость адресной отраслевой политики и разработки единой методики установления пороговых значений.

Список литературы

1. Абдулхакова, К. Р. Анализ и оценка уровня экономической безопасности России, ее отраслей и регионов / К. Р. Абдулхакова // Московский экономический журнал. – 2019. – № 10. – С. 255–259.

2. Виссарионов, А. Б. Об использовании предельных (пороговых) значений индикаторов экономической безопасности Российской Федерации / А. Б. Виссарионов, Р. Р. Гумеров.

3. Гладун, Т. Н. Индикативный анализ показателей экономической безопасности Российской Федерации / Т. Н. Гладун.

4. Дергунов, А. В. Методические основы оценки экономической безопасности государства в условиях нарастания геоэкономических противоречий / А. В. Дергунов // Вестник Евразийской науки. – 2025. – Т. 17.

5. Караваева, И. В. Паспортизация и оценка показателей состояния экономической безопасности России / И. В. Караваева, Е. А. Иванов, М. Ю. Лев // Экономика, предпринимательство и право. – 2020. – Т. 10, № 8. – С. 2179–2198.

Шуляк Полина Викторовна
студентка
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

ФИНАНСОВЫЕ МАХИНАЦИИ: КАК ИХ РАСПОЗНАТЬ

Аннотация: *статья посвящена систематизации признаков финансовых махинаций и методов их распознавания в системе экономической безопасности. Раскрываются сущность и виды махинаций: фальсификация отчётности, фиктивные операции, мошенничество в платёжной сфере, легализация доходов. Выделяются «красные флаги» и «треугольник мошенничества». Рассматриваются три группы методов: аналитические (коэффициентный анализ, оценка банкротства), цифровые (Big Data, ИИ, нейросети с точностью 95–98% в реальном времени) и организационно-правовые (финансовый мониторинг, государственный и внутренний контроль). Вывод: эффективное распознавание возможно лишь при комплексном применении всех трёх групп и постоянном обновлении инструментов детекции.*

Ключевые слова: *финансовые махинации, мошенничество, экономическая безопасность, фальсификация отчётности, красные флаги, финансовый мониторинг, машинное обучение, искусственный интеллект.*

Введение.

Стремительная цифровизация экономики ведёт к росту электронных платежей и безналичных расчётов, одновременно расширяя возможности злоупотреблений. Финансовые махинации становятся системной угрозой экономической безопасности хозяйствующих субъектов и государства. Поэтому своевременное распознавание мошеннических схем – базовое требование к системе управления рисками, а не только задача служб безопасности. Актуальность темы обусловлена противоречием: методы выявления мошенничества совершенствуются, но злоумышленники быстро адаптируются, и традиционные способы защиты уже недостаточно надёжны. Нужен комплексный подход, объединяющий аналитические, цифровые и организационно-правовые инструменты.

Объект исследования – финансовые махинации как угроза экономической безопасности; предмет – методы и индикаторы их распознавания. Цель – систематизировать признаки финансовых махинаций и методы их выявления для построения эффективной системы противодействия. Задачи: раскрыть сущность и виды махинаций; выделить ключевые индикаторы («красные флаги»); охарактеризовать аналитические, цифровые и организационно-правовые методы; сформулировать рекомендации по системе раннего выявления. Методологическая основа – анализ и обобщение публикаций по экономической безопасности, финансовому мониторингу и противодействию мошенничеству.

Сущность и признаки финансовых махинаций.

Финансовые махинации – умышленные действия для неправомерной выгоды через искажение финансовой информации, обман контрагентов или манипулирование потоками. В системе экономической безопасности это внутренняя угроза: подрывает достоверность учёта и дестабилизирует управленческие решения. Учётная система должна отсеивать опасные операции и предотвращать мошенничество.

Основные виды: фальсификация отчётности («креативный учёт») ради привлекательного образа компании; фиктивные операции, включая фиктивные сделки, обналичивание и транзит средств; мошенничество в платёжной сфере – несанкционированные транзакции, подставные лица, смена поведенческих паттернов клиента; легализация (отмывание) доходов, выявляемая финансовым мониторингом.

Распознавание опирается на мотивацию нарушителя. Концепция «треугольника мошенничества» предполагает одновременное наличие давления, возможности и самооправдания: чем больше этих элементов, тем выше вероятность махинаций.

Практическая диагностика строится на «красных флагах»: расхождения между отчётными и фактическими данными, резкие колебания выручки и дебиторской задолженности, рост доли наличных операций, нетипичные контрагенты и транзакции, аномальный рост расходов при стабильной выручке, частые изменения учётной политики. Подозрение вызывают прежде всего документы для внешних пользователей, тогда как управленческий учёт чаще отражает реальное положение дел.

Своевременность выявления особенно важна: схемы развиваются во времени, поэтому устойчивое отклонение связанных показателей надёжнее единичного факта. Основу защиты бизнеса в условиях цифровой трансформации формируют организационные, технические и кадровые меры, усиление внутреннего контроля и процедуры расследования.

Методы распознавания и противодействия.

Методы распознавания финансовых махинаций делят на аналитические, цифровые и организационно-правовые.

Аналитические методы основаны на изучении финансовой отчётности и поиске признаков искажений. Ключевой – коэффициентный метод: наиболее значимы отношение общего долга к капиталу, дебиторской задолженности к продажам и Z-балл; финансовое неблагополучие повышает вероятность мошеннической отчётности. Дополняют его статистические методы и машинное обучение, автоматизирующие выявление аномалий и адаптированные к российскому регулированию.

Цифровые методы используют Big Data и ИИ. В Росфинмониторинге это позволяет выявлять сомнительные операции и прогнозировать угрозы. Для детекции в реальном времени применяют нейросети (LSTM, GRU, Transformer, графовые сети, автоэнкодеры): точность достигает 95–98%, снижается число ложных срабатываний, хотя эффективность зависит от данных и задачи.

Организационно-правовые механизмы создают институциональную основу: финансовый мониторинг, нормативное регулирование и взаимодействие госорганов, банков и бизнеса. Предупреждение фиктивных операций эффективно при согласованном государственном и внутреннем контроле.

Рекомендации: мониторинг «красных флагов», сочетание коэффициентного и статистического анализа, цифровая детекция аномалий в реальном времени, усиление внутреннего контроля, обучение персонала и политика экономической безопасности. Ключевое условие – комплексность: отдельные методы фрагментарны, а их интеграция обеспечивает устойчивое выявление мошеннических схем.

Заключение.

Проведённое исследование позволяет сделать ряд выводов. Финансовые махинации представляют собой системную угрозу экономической безопасности и реализуются в разнообразных формах – от фальсификации отчётности и фиктивных операций до мошенничества в платёжной сфере и легализации доходов. Их своевременное распознавание требует понимания мотивации нарушителя и опирается на систему индикаторов, важнейшими из которых являются расхождения отчётных данных, аномалии в структуре задолженности и нетипичные транзакции.

Установлено, что эффективное выявление махинаций достигается только при комплексном подходе. Аналитические методы (коэффициентный анализ, оценка вероятности банкротства) позволяют обнаружить признаки искажений в отчётности; цифровые методы на основе больших данных, машинного обучения и нейросетей обеспечивают детекцию аномалий, в том числе в режиме реального времени; организационно-правовые механизмы финансового мониторинга и внутреннего контроля формируют институциональную основу противодействия. Согласованное применение всех трёх групп методов, а также постоянное обновление инструментов детекции в ответ на эволюцию мошеннических схем является необходимым условием устойчивой защиты финансовых операций и обеспечения экономической безопасности.

Список литературы

1. Детекция мошенничества в транзакциях в реальном времени: нейросети для поиска аномалий и смены поведенческих паттернов клиента / А. Ю. Аджиева, А. Д. Данилов, Д. Р. Бесшапошников, И. В. Виноградов // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. – 2026. – № 1. – С. 81–87.

2. Архитектурные решения в задаче выявления мошенничества при анализе информационных потоков в экономике / А. А. Грушо, М. И. Забежайло, Н. А. Грушо, Е. Е. Тимонина // Информатика и её применения. – 2019. – Т. 13, № 2. – С. 22–28.

3. Методы выявления и предотвращения мошенничества в системе бухгалтерского учёта / И. А. Бабалыкова, Д. Д. Вязовкин, П. А. Емельянова, А. А. Рау // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2021. – № 169. – С. 222–234. – DOI 10.21515/1990-4665-169-019 (дата обращения: 13.10.2026). – Текст : электронный.

4. Выжитович, А. М. Методические и практические аспекты применения искусственного интеллекта в деятельности Росфинмониторинга / А. М. Выжитович, Я. О. Каменева, О. В. Панагушина // Сибирская финансовая школа. – 2025. – № 3. – С. 58–65.

МЕНЕДЖМЕНТ И МАРКЕТИНГ

Карсакова Ирина Александровна
магистрант
Леонтьева Ирина Анатольевна
канд. экон. наук, заведующий кафедрой
Алексеев Юрий Владиславович
соискатель, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПРИБЫЛЬЮ ПРЕДПРИЯТИЯ: ИНТЕГРАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО И БУХГАЛТЕРСКОГО ПОДХОДОВ

Аннотация: *в статье рассматриваются экономический, предпринимательский и бухгалтерский подходы к определению прибыли предприятия. Показано, что каждый из подходов акцентирует внимание на различных аспектах формирования финансового результата: экономический – на создании долгосрочной стоимости с учётом альтернативных издержек, предпринимательский – на вознаграждении за риск и инновации, бухгалтерский – на нормативно признанных доходах и расходах. Обосновывается, что для стратегического управления прибылью необходимо интегрированное использование всех трёх подходов. Сформулирована цель стратегического управления прибылью как обеспечение долгосрочной способности предприятия генерировать чистый доход, достаточный для расширенного воспроизводства и роста стоимости бизнеса. Определены долгосрочные и тактические задачи управления прибылью. Предложено авторское определение прибыли в стратегическом управлении как интегрального показателя, связывающего текущую деятельность с долгосрочными целями организации.*

Ключевые слова: *прибыль, стратегическое управление, экономический подход, предпринимательский подход, бухгалтерский подход, экономическая прибыль, бухгалтерская прибыль, стратегия развития, устойчивое развитие.*

В условиях современной рыночной экономики прибыль выступает не только как итоговый финансовый показатель деятельности коммерческой организации, но и как стратегический ресурс, обеспечивающий ее долгосрочную конкурентоспособность и устойчивое развитие. Сегодня необходимо не просто констатировать факт получения прибыли, а важно управлять ею стратегически, то есть с учетом долгосрочных последствий принимаемых управленческих решений.

Исторический анализ показывает, что понятие прибыли прошло длительный путь эволюции. В классической политической экономии (А. Смит, Д. Рикардо) прибыль рассматривалась как вычет из продукта труда рабочего, достающийся капиталисту. К. Маркс развил эту идею, определив прибыль как превращенную форму прибавочной стоимости. Однако с развитием неоклассической школы (А. Маршалл, Дж. Б. Кларк) акцент сместился на вознаграждение предпринимателя: прибыль стала трактоваться как вознаграждение за риск и инновации (Й. Шумпетер).

В современной экономической науке сложилось три основных подхода к определению прибыли: экономический, предпринимательский и бухгалтерский подходы, которые не исключают, а дополняют друг друга, позволяя увидеть прибыль с разных сторон. Рассмотрим каждый из этих подходов (рисунок 1).

Экономический подход рассматривает прибыль как остаточную величину, которая остается после вычета из доходов всех издержек, включая не только явные, но и неявные (альтернативные) издержки. К неявным издержкам относятся упущенная выгода от альтернативного использования ресурсов, нормальная прибыль как минимальный доход, необходимый для удержания предпринимателя в данной сфере, а также стоимость капитала.

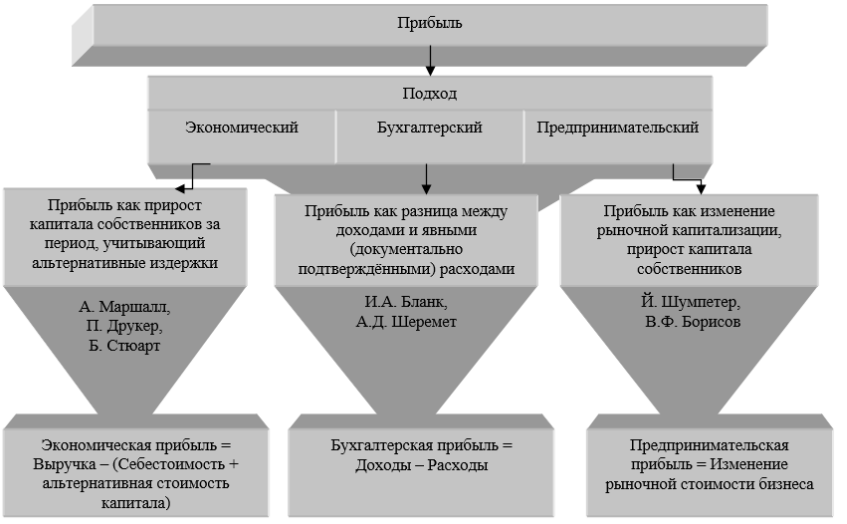

Рис. 1. Подходы к определению прибыли

В рамках данного подхода выделяют экономическую прибыль, которая равна разнице между бухгалтерской прибылью и неявными издержками. Если экономическая прибыль положительна, предприятие создает стоимость сверх альтернативной доходности ресурсов. Если она равна нулю, предприятие получает нормальную прибыль и лишь покрывает альтернативные издержки. Если экономическая прибыль отрицательна, собственникам выгоднее перераспределить ресурсы в другую сферу.

Для стратегического управления экономический подход важен, потому что ориентирует не на краткосрочный учетный результат, а на создание долгосрочной стоимости. Именно на нем основаны концепции экономической добавленной стоимости (EVA), управления стоимостью бизнеса (VBM) и оценки эффективности инвестиций.

Предпринимательский подход акцентирует внимание на субъекте хозяйственной деятельности – предпринимателе и его особой роли в экономике. Прибыль в этом подходе рассматривается как вознаграждение предпринимателя за принятие риска, преодоление неопределённости, координацию ресурсов, внедрение инноваций и поиск новых рыночных возможностей.

Как отмечал Ф. Найт, именно неопределённость, а не просто риск, является источником предпринимательской прибыли. Риск поддаётся оценке и страхованию, тогда как неопределённость – уникальная ситуация, требующая интуиции и готовности действовать в условиях неполной информации. Это уточнение позволяет глубже понять природу предпринимательского дохода.

Предпринимательский подход показывает, что прибыль не является «механическим» остатком от продаж. Она возникает там, где предприниматель берёт на себя ответственность за решение, действует в условиях неполной информации и создаёт новую ценность. Для стратегического управления это означает необходимость развития инновационного потенциала, готовности к риску, гибкости и поиска новых бизнес-моделей.

Бухгалтерский подход определяет прибыль как превышение доходов, признанных в соответствии с нормативными документами, над расходами, относящимися к отчетному периоду.

Данный подход регламентируется государством и служит базой для составления финансовой отчетности, расчета налогов, оценки кредитоспособности. Бухгалтерский подход обеспечивает сопоставимость данных, юридическую определенность и возможность государственного контроля.

Однако бухгалтерская прибыль не всегда отражает реальную экономическую эффективность. Например, она может быть положительной при отрицательной экономической прибыли, если не учитываются альтернативные издержки. Кроме того, нормы налогового и бухгалтерского учета могут создавать различия между юридической формой операции и ее экономическим содержанием.

Так, для целей стратегического управления прибылью важно понимать, что прибыль не является самоцелью. Стратегический менеджмент решает задачу обеспечения долгосрочного устойчивого развития предприятия и роста её стоимости. Прибыль занимает в этом процессе центральное место, выступая одновременно целью, критерием эффективности и источником финансирования дальнейшего роста.

Стратегическое управление прибылью – это процесс разработки и реализации управленческих решений, направленных на достижение целевых показателей прибыли в долгосрочной перспективе с учетом изменений внешней и внутренней среды. Оно базируется на интеграции трех подходов: бухгалтерского (учет и контроль), экономического (создание стоимости) и предпринимательского (инновации и риски).

Цель стратегического управления прибылью – не максимизация текущего финансового результата любой ценой, а обеспечение долгосрочной способности предприятия генерировать чистый доход, достаточный для расширенного воспроизводства, удовлетворения интересов собственников и других заинтересованных сторон. Это означает, что стратегическое управление прибылью идёт «от общего к частному»: сначала определяются долгосрочные ориентиры развития бизнеса, затем формируются стратегии их достижения, и лишь потом – конкретные тактические действия, направленные на получение прибыли в текущем периоде.

Взаимосвязь сущности прибыли и стратегического управления проявляется в целеполагании, планировании, организации, мотивации и контроле. Если предприятие ориентируется только на бухгалтерскую прибыль, стратегия может стать краткосрочной. Если учитывается экономическая прибыль, цели смещаются к росту стоимости бизнеса. Если активно используется предпринимательский подход, стратегия становится инновационной и проактивной.

В долгосрочной перспективе стратегическое управление прибылью решает такие задачи, как:

– увеличение доли рынка и укрепление конкурентных позиций;

– модернизация производственных мощностей и внедрение инноваций;

– формирование устойчивых источников дохода (диверсификация, выход на новые рынки);

– оптимизация структуры капитала и снижение стоимости его привлечения.

Важно понимать, что стратегическое управление прибылью не может быть реализовано без грамотного оперативного управления. Именно текущая деятельность обеспечивает достижение долгосрочных ориентиров, поэтому стратегические цели должны находить отражение в конкретных тактических действиях.

В тактической (текущей) перспективе решаются задачи, обеспечивающие реализацию стратегии «здесь и сейчас»:

– управление дебиторской задолженностью и ускорение оборачиваемости оборотных средств;

– оптимизация запасов и логистических издержек;

– краткосрочное планирование денежных потоков;

– контроль за соблюдением установленных нормативов затрат.

Таким образом, прибыль в стратегическом управлении – это не просто итоговый показатель отчёта о финансовых результатах, а интегральный результат всей системы

управленческих решений, направленных на достижение долгосрочных целей организации. Она связывает текущую деятельность с будущим развитием, выступая индикатором того, насколько эффективно компания использует имеющиеся ресурсы для создания стоимости.

Прибыль занимает важное место в стратегическом управлении организацией, являясь связующим звеном между текущей финансово-хозяйственной деятельностью и долгосрочными целями бизнеса. Исходя из этого, прибыль в стратегическом управлении можно определить как показатель превращения капитала за определённый период с учётом действующих на бизнес предпринимательских и иных рисков. Именно динамика этого показателя выступает основой для оценки эффективности стратегических решений: устойчивый рост прибыли свидетельствует о способности предприятия не только покрывать текущие затраты, но и создавать стоимость, достаточную для расширенного воспроизводства, роста стоимости бизнеса и удовлетворения интересов всех заинтересованных сторон. Данное определение подчёркивает не статический, а динамический характер прибыли, её неразрывную связь с процессом принятия стратегических решений и устойчивым развитием компании.

Список литературы

1. Бланк, И. А. Управление прибылью / И. А. Бланк. – 2-е изд., расш. и доп. – Киев : Эльга : Ника-Центр, 2002. – 749 с. – ISBN 5-94773-002-2.

2. Войтов, А. Г. История экономических учений : учеб. пособие / А. Г. Войтов. – Москва : Дашков и К°, 2016. – 228 с. – ISBN 978-5-394-02596-9.

3. Найт, Ф. Х. Риск, неопределенность и прибыль / Ф. Х. Найт ; пер. с англ. М.Я. Каждана ; Акад. нар. хоз-ва при Правительстве Рос. Федерации, Россия центр эволюц. экономики. – Москва : Дело, 2003. – 359 с. – ISBN 5-7749-0306-0.

4. Стратегический менеджмент. Основы стратегического управления : учеб. пособие для студентов, проходящих обучение по направлению «Менеджмент» / М.А. Чернышев [и др.] ; под ред. М.А. Чернышева. – Ростов н/Д : Феникс, 2009. – 506 с. – ISBN 978-5-222-14513-5.

5. Финансово-кредитный энциклопедический словарь = Finance and credit encyclopedic glossary / под общ. ред. А. Г. Грязновой. – Москва : Финансы и статистика, 2004. – 1165 с. – ISBN 5-279-02306-X.

6. Шеремет, А. Д. Методика финансового анализа деятельности коммерческих организаций : практ. пособие / А. Д. Шеремет, Е. В. Негашев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Инфра-М, 2013. – 208 с.

7. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / Й. А. Шумпетер [и др.] ; предисл. В.С. Автономова ; пер. с нем. В.С. Автономова, М.С. Любского, А.Ю. Чепуренко ; пер. с англ. В.С. Автономова. – Москва : Эксмо, 2008. – 864 с. – ISBN 978-5-699-19290-8.

Леонтьева Светлана Геннадьевна
секретарь
МБУК «Нижегородский камерный театр оперы
и музыкальной комедии им. В.Т. Степанова»
г. Нижний Новгород, Нижегородская область
Андреев Геннадий Иванович
канд. пед. наук, заведующий кафедрой
БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств»
Министерства культуры, по делам национальностей
и архивного дела Чувашской Республики
г. Чебоксары, Чувашская Республика

УПРАВЛЕНИЕ ПРОДВИЖЕНИЕМ ТЕАТРАЛЬНЫХ ПОСТАНОВОК В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация: *в статье рассматриваются актуальные вопросы управления продвижением театральных постановок в условиях цифровой трансформации. Целью исследования является анализ практики управления продвижением театральных проектов в цифровом пространстве и выработка рекомендаций по повышению его эффективности. В работе проанализированы два аспекта управления продвижением: коммуникационный (охват и вовлеченность аудитории в социальных сетях) и организационно-технический (качество онлайн-трансляций и сервиса продаж). Установлено, что при высокой коммуникационной активности наблюдается отставание в автоматизации внутренних процессов и персонализации коммуникаций. Выявлено, что цифровые инструменты позволяют расширить географию аудитории, но требуют системного обновления технической инфраструктуры и повышения квалификации персонала. Сформулированы практические рекомендации по внедрению электронного документооборота, персонализации рассылок и усилению бренда театра.*

Ключевые слова: *управление продвижением, продюсирование, театральные постановки, цифровое пространство, менеджмент в сфере культуры, маркетинг в культуре, социальные сети, онлайн-трансляции, цифровой продюсер.*

В последние десятилетия театральное искусство переживает глубокие трансформации, обусловленные стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий. Эти изменения затронули саму природу театрального производства. Как отмечает В. Галич, «сфера исполнительских искусств не отстала от времени и активно начала принимать на вооружение достижения технического прогресса, интегрируя и адаптируя их для своих целей. Все это оказало огромное влияние на развитие современного театра: появились уникальные формы спектаклей, новые театральные пространства, сложные технологические постановки» [1, с. 95]. Следствием этих процессов стало то, что цифровые технологии превратились в мощный инструмент расширения возможностей театральных коллективов, способствуя созданию принципиально новых форматов и жанров. Онлайн-показы позволяют зрителям наблюдать постановки в режиме реального времени независимо от географического положения, привлекая внимание широкой международной аудитории. Интерактивные элементы, интегрированные в спектакли, открывают перспективу непосредственного участия зрителя в развитии сюжета, формируя новый уровень эстетической активности и вовлечённости публики.

Однако наряду с возможностями цифрового пространства возникают и серьёзные вызовы. Одной из ключевых проблем становится необходимость адаптации традиционных методов управления творческим процессом и маркетинговых стратегий к новым условиям. Для успешного функционирования театра в цифровой среде требуются квалифицированные специалисты, способные эффективно управлять проектами в виртуальной реальности, учитывая

специфику сетевых коммуникаций и особенности целевой аудитории. Вопросы финансирования также приобретают новую окраску, поскольку привычные механизмы поддержки театральных инициатив требуют модернизации с учётом изменений в структуре доходов и расходов организаций культуры.

Особого внимания заслуживает фигура «цифрового продюсера» – специалиста, ответственного за адаптацию театрального проекта к требованиям и возможностям цифровых платформ. Он совмещает навыки традиционного продюсера с глубоким знанием технологий и маркетинга в цифровой среде. Главная задача цифрового продюсера – перевести творческий продукт в форму, пригодную для размещения и распространения в сети, сохраняя при этом уникальную эстетику и художественный посыл постановки.

Цель исследования – на основе анализа практики Нижегородского Камерного театра им. В. Т. Степанова выявить особенности управления продвижением театральных постановок в цифровом пространстве и разработать рекомендации по повышению его эффективности.

Практическая часть исследования проводилась на базе МБУК «Нижегородский Камерный театр оперы и музыкальной комедии им. В. Т. Степанова». Театр был открыт в 1991 году народным артистом России Владимиром Степановым, вдохновлённым успехом своей постановки оперы В. А. Моцарта «Так поступают все женщины». Эта постановка, реализованная совместно с талантливыми студентами консерватории, стала толчком к рождению театра, который стал бы не просто продолжением традиционного оперного опыта, но и новым оригинальным взглядом на музыкальное искусство.

С 2009 года театр нашел свой уютный дом в Сормовском Дворце культуры «Красное Сормово», зрительный зал которого вмещает 815 зрителей и стал площадкой для множества ярких спектаклей. Однако это не ограничивает театр – он также регулярно выступает на других масштабных сценах Нижнего Новгорода, таких как Дворец культуры ГАЗ, ТЮЗ и Кремлёвский концертный зал, продолжая радовать зрителей новыми талантливыми постановками и увлекательными спектаклями, делая вклад в культурное наследие города. Театр активно сотрудничает с местными образовательными учреждениями, привлекая студентов и выпускников Нижегородской государственной консерватории им. Глинки к участию в спектаклях. Это не только способствует развитию талантливых исполнителей, но и помогает поддерживать высокий уровень профессионализма труппы.

Репертуар театра включает классические оперы, музыкальные комедии и современные мюзиклы, что делает его доступным и привлекательным для широкой аудитории. Основной акцент театра делается на интеграцию разных музыкальных жанров и форм, что привлекает как опытных зрителей, так и молодое поколение. В прошлом году весной труппа ездила в Абхазию, где проходила неделя культуры Нижнего Новгорода. На суд зрителей представили два спектакля – «Труффальдино» и «Астрономия любви».

За последнее десятилетие театр существенно продвинулся в освоении возможностей цифровых технологий для продвижения своей деятельности. Этот процесс отражает общую тенденцию в сфере исполнительских искусств, которую В. Галич характеризует следующим образом: «Сфера исполнительских искусств не отстала от времени и активно начала принимать на вооружение достижения технического прогресса, интегрируя и адаптируя их для своих целей» [1, с. 95]. Следуя этой тенденции, театр регулярно проводит прямые трансляции своих спектаклей в социальных сетях и специализированных платформах. Это позволяет зрителям, находящимся далеко от Нижнего Новгорода, увидеть постановки высокого качества, сохраняя атмосферу живого выступления. Такие трансляции также способствуют привлечению новых зрителей и расширяют географию аудитории.

Для привлечения внимания к истории театра и популяризации культурного наследия проводится создание виртуальных туров по театру. Эти экскурсии позволяют посетителям ознакомиться с интерьером здания, историей сцены и интересными фактами о театре, даже не выходя из дома. Активное использование социальных сетей, например, ВКонтакте «Нижегородский Камерный музыкальный театр им. Степанова» с общим количеством подписчиков

10 600 человек, а также телеграм-канал, где 270 человек составляют аудиторию данного цифрового пространства, и 783 человека в канале мессенджере MAX. У театра имеется официальный сайт. Все анонсы, афиши публикуются и на портале Культура.РФ. Это помогает привлекать внимание широкой публики к предстоящим мероприятиям. Театр публикует анонсы спектаклей, интервью с артистами, закулисные кадры, отзывы зрителей и другие материалы, привлекающие интерес пользователей.

Анализ управления продвижением проводился по двум аспектам: коммуникационному (охват и вовлеченность аудитории в социальных сетях) и организационно-техническому (качество онлайн-трансляций и сервиса продаж). Для анализа коммуникационного аспекта были проанализированы показатели официальных страниц театра в социальных сетях. Для увеличения потенциальных зрителей в социальных сетях проводятся конкурсы-розыгрыши, в которых главным условием является подписка на сообщество театра. Например, в ноябре 2024 года среди подписчиков и других аккаунтов социальной сети ВК проводился конкурс репостов на получение бесплатных билетов на постановку «Граф Люксембург». Данный пост имеет более 6000 просмотров. В марте 2025 года театр разыгрывал билеты на любимые спектакли апреля, данный пост просмотрели более 13000 человек, что превышает общее количество участников паблика. Эти данные свидетельствуют о высокой коммуникационной эффективности продвижения через социальные сети. Организация конкурсов и викторин стимулирует интерес к театральным премьерам, активизирует социальное поведение зрителей и укрепляет эмоциональную привязанность к бренду. Подобные практики подтверждают наблюдение И. Ю. Левитиной: «Продукт творческой деятельности не только удовлетворяет специфические потребности аудитории, но создает (путем создания новой культурной реальности) новые потребности и ожидания» [2]. Иными словами, конкурсы не просто привлекают внимание к конкретному спектаклю, но и формируют у аудитории привычку следить за жизнью театра, что в долгосрочной перспективе работает на укрепление его бренда.

Однако наряду с положительными результатами выявлены и проблемы, препятствующие полной реализации потенциала театра в цифровом пространстве. К ним относятся: недостаточное внедрение цифровых инструментов в процессы принятия управленческих решений; низкий уровень автоматизации ряда рутинных операций, таких как обработка заявок на участие в мероприятиях; ограниченность возможностей для персонализации коммуникационных сообщений и сервисов. Это указывает на то, что организационно-технический аспект управления продвижением находится на недостаточном уровне.

Решение этих проблем лежит не только в технической, но и в организационно-правовой плоскости. Как отмечает А. Н. Пухалев, «продюсерская деятельность регулируется по видам правовых отношений, которые возникают при её осуществлении (гражданско-правовые, административные, налоговые, валютные, рекламные, таможенные и др.)» [3, с. 22]. Это означает, что автоматизация внутренних процессов и внедрение цифровых инструментов должны сопровождаться упорядочиванием договорной и отчётной документации. Для эффективной оптимизации бизнес-процессов рекомендуется внедрение системы электронного документооборота, автоматизация обработки заказов и запросов, создание единого информационного портала для взаимодействия между подразделениями театра. Комплексный подход к совершенствованию технической инфраструктуры, включающей обновление оборудования, расширение каналов связи и усовершенствование программных решений, позволит не только повысить качество предоставляемых услуг, но и обеспечить необходимый уровень безопасности.

Для повышения эффективности коммуникаций с посетителями рекомендуется внедрение механизмов сбора данных о предпочтениях зрителей (опросы, программы лояльности, социальные сети), обработка и анализ полученных данных с помощью аналитических платформ, а также персонализация коммуникаций (целевые предложения, рекомендации событий, персонализированные email-рассылки). Эти меры позволят установить более близкое и

эффективное взаимодействие со зрителями, повысить их лояльность и стимулировать повторные посещения театра.

Повысить значимость бренда театра путём активного позиционирования его уникальных особенностей, исторического наследия и высококлассных исполнителей. Следует уделять больше внимания созданию ярких образов театра в массовой культуре, инициируя сотрудничество с известными деятелями искусств и представителями шоу-бизнеса. Также важно поощрять экспериментаторство и творческое мышление, создавать благоприятные условия для инноваций, поддерживать молодые таланты. Обеспечить регулярное обучение сотрудников современным методикам продюсирования и работы с цифровыми инструментами.

Проведённый анализ управления продвижением театральных постановок в цифровом пространстве на примере Нижегородского Камерного театра им. В. Т. Степанова показал следующее. Театр обладает значительным потенциалом для работы в цифровой среде: активное использование социальных сетей, проведение онлайн-трансляций и виртуальных туров, участие в федеральных порталах. Коммуникационный аспект продвижения является эффективным – посты театра в социальных сетях набирают просмотры, превышающие количество подписчиков, что свидетельствует о широком охвате аудитории.

Однако организационно-технический аспект управления продвижением остаётся на недостаточном уровне. Активы театра блокируются недостаточным внедрением цифровых инструментов в процессы принятия управленческих решений, низким уровнем автоматизации рутинных операций и ограниченностью возможностей для персонализации коммуникаций. Преодоление этих барьеров требует не точечных исправлений, а системного обновления управленческой парадигмы: от традиционных методов к цифровому продюсированию, от бюджетного иждивенчества к грантовой и партнёрской активности, от разовых мероприятий к проектным форматам с измеримыми социальными результатами.

Таким образом, управление организацией и проведением театральных постановок в учреждениях социокультурной сферы должно строиться на сочетании качественного художественного продукта и системного цифрового маркетинга. При этом важно помнить, что продюсирование не сводится к решению узких маркетинговых задач. Как подчёркивает И. Ю. Левитина, «продюсирование сегодня важный элемент между обществом и культурой, влияющий в силу этого на социальные и культурные процессы» [2]. Именно поэтому только при совместных усилиях администрации, сотрудников и активных горожан возможна подлинная перемена, позволяющая театру в полной мере реализовать свой потенциал и стать подлинным центром культурной жизни для всех жителей Нижнего Новгорода.

Список литературы

1. Галич, В. Эволюция технического менеджмента в современном театре. Техническое продюсирование. Перспективы развития / В. Галич // Сцена. – 2023. – № 4 (144). – С. 95–103.

2. Левитина, И. Ю. Особенности менеджмента в социокультурной системе продюсирования творческой деятельности / И. Ю. Левитина // Культура и время перемен. – 2015. – № 1 (8). – URL: timekguki.esrae.ru/ru/24–93 (дата обращения: 13.10.2026). – Текст : электронный.

3. Пухалев, А. Н. Исторические этапы правового регулирования продюсерской деятельности в России и европейских странах / А. Н. Пухалев // Вестник Академии русского балета им. А. Я. Вагановой. – 2017. – № 3 (50). – С. 20–30.

Матвеева Алла Ивановна
д-р филос. наук, профессор
Сухорукова Нелли Андреевна
магистрант
Фролова Диана Эдуардовна
магистрант

ФГБОУ ВО «Уральский государственный
экономический университет»
г. Екатеринбург, Свердловская область

DOI 10.31483/r-170254

ЦВЕТОВЫЕ СТРАТЕГИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ЛОЯЛЬНОСТИ ПОКОЛЕНИЯ Z: ОТ СТЕРЕОТИПОВ ТЕОРИИ ПОКОЛЕНИЙ К ЦЕННОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОМУ КОНСАЛТИНГУ ДЛЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА

Аннотация: *рассмотрены основания выбора цветовых решений бренда для аудитории поколения Z. Цель исследования – определить возможности ценностного подхода в консультировании малого и среднего бизнеса по вопросам визуальной идентичности. Использованы критический анализ научных публикаций и сопоставление отраслевых данных о потребительских предпочтениях. Разграничены возрастная принадлежность, личностные ценности, визуальные предпочтения и эмоциональная лояльность. Показано, что сведения о ценностях аудитории не позволяют непосредственно определить предпочтительную палитру, но могут использоваться при формулировании проектных гипотез. Предложена последовательность разработки цветового решения: изучение аудитории, создание альтернативных вариантов, проверка восприятия и оценка результатов. Практическая значимость заключается в переходе от универсальных рекомендаций «для поколения» к проверке решений на аудитории конкретного бизнеса.*

Ключевые слова: *поколение Z, ценностный подход, цветовые решения, визуальная идентичность, эмоциональная лояльность, малый и средний бизнес.*

Введение.

В рекомендациях по оформлению брендов для поколения Z встречаются контрастные палитры, неоновые акценты и другие признаки «молодёжной» эстетики. Однако возрастная принадлежность сама по себе не определяет визуальные предпочтения. При разработке упаковки, сайта или торгового пространства необходимо учитывать особенности конкретной аудитории, характер продукта и сложившийся образ бренда. Для малого и среднего бизнеса проблема состоит в выборе между готовыми рекомендациями «для поколения» и изучением потребностей собственных клиентов [1].

Цель исследования – определить возможности и ограничения ценностного подхода при разработке цветовых решений бренда для аудитории поколения Z. Основное внимание уделяется основаниям выбора палитры и способам проверки её восприятия. Под эмоциональной лояльностью в работе понимается эмоциональная привязанность к бренду, которую следует отличать от привлекательности оформления, узнаваемости и повторной покупки.

Материалы и методы.

Работа имеет обзорно-аналитический характер. Сопоставлены научные публикации о поколенческих различиях и ценностях, исследования цветового оформления бренда и отраслевые материалы о потребительском поведении. При анализе учитывались предмет исследования, характеристики аудитории и содержание измеряемых показателей. Собственный сбор эмпирических данных не проводился. Предлагаемые принципы разработки цветовых

решений рассматриваются как основания для проектных гипотез, требующих последующей проверки.

От поколенческих характеристик к изучению аудитории.

Поколенческий подход используется для описания общности опыта людей, взросление которых приходится на определённые исторические условия. В прикладной работе такие обобщения могут служить отправной точкой для сегментации. Однако они не заменяют сведений о конкретных покупателях: внутри одной возрастной группы различаются образ жизни, доходы, культурный опыт и предпочтения.

Обзор Ф. Тан посвящён исследованиям трудовых установок поколения Z в Китае [2]. Его предмет не позволяет непосредственно судить о цветовых предпочтениях российских потребителей. Для настоящей работы этот источник важен прежде всего как пример критического рассмотрения поколенческих характеристик и ограничений их практического использования. Выводы, полученные в определённой стране и профессиональном контексте, нельзя автоматически переносить на другую аудиторию и другую задачу.

Ценностный подход дополняет возрастное описание изучением личностных приоритетов. В работе Ю. Е. Овчинниковой рассматриваются когнитивные и ценностные изменения современной молодёжи в условиях цифровизации. Обращение к таким исследованиям позволяет уточнять вопросы, существенные для взаимодействия с аудиторией: значение самостоятельности, достижения, традиции или открытости новому. Вместе с тем ценностный профиль не является готовой инструкцией по выбору палитры [3].

Если человек ценит удовольствие, это ещё не означает, что ему нравятся яркие, насыщенные цвета. Стремление к самостоятельности также не говорит о том, что он предпочитает частую смену оформления. Поэтому выбирать палитру только на основании ценностей аудитории недостаточно: её цветовые предпочтения необходимо изучать отдельно. Организационные исследования также требуют осторожной интерпретации. В отчёте Deloitte доход, смысл работы и благополучие рассматриваются как существенные стороны профессиональной жизни молодых респондентов. Эти данные характеризуют отношения с работодателем, но не устанавливают механизмов потребительской лояльности или воздействия цвета. Их значение для рассматриваемой темы состоит в напоминании о многофакторности отношения человека к организации: визуальное оформление нельзя оценивать в отрыве от реального опыта взаимодействия [4].

Цветовое оформление и отношение к бренду.

В исследованиях брендинга цвет рассматривается как инструмент формирования образа и эмоциональных ассоциаций. Но положительная оценка палитры ещё не означает возникновения устойчивой привязанности к бренду. Человек может считать упаковку привлекательной, не выбирать продукт или оставаться равнодушным к компании. Поэтому при оценке цветового решения необходимо разграничивать непосредственное впечатление, соответствие образу бренда и эмоциональную лояльность [1].

В отраслевой публикации о мерчандайзинге представителям поколения Z адресуются яркие, контрастные решения, тогда как для миллениалов предлагаются более сдержанные варианты. Такой материал иллюстрирует использование поколенческих характеристик в практических рекомендациях, но не подтверждает существования единой палитры для всей возрастной группы. Тем более он не позволяет считать сдержанные цвета неприемлемыми для молодых покупателей [5].

Отраслевые данные о выборе брендов показывают значимость более широкого круга оснований. По сведениям NielsenIQ, 53% опрошенных представителей поколения Z имеют сформированный набор покупаемых брендов, а 24% называют совпадение ценностей одной из причин лояльности. В исследовании, представленном Retail.ru, ощущение «это моё» отметили 70% респондентов в блоке о значимости бренда. Эти результаты относятся к потребительским предпочтениям и самоидентификации, но не определяют предпочтительные оттенки, контрастность или насыщенность [6].

Следовательно, сведения о ценностях полезны прежде всего для уточнения задачи оформления. Если для аудитории существенно соответствие бренда её представлению о себе, необходимо проверить, какие ассоциации вызывают разные варианты дизайна. Заранее объявлять яркую или, напротив, нейтральную палитру более подходящей оснований нет.

Принципы разработки и проверки цветовых решений.

Для малого и среднего бизнеса ценностный подход целесообразно применять как последовательность исследовательских и проектных действий. Сначала уточняются характеристики аудитории и её отношение к бренду. Затем формулируются предполагаемые ассоциации и разрабатываются несколько вариантов оформления. Выбор между ними производится по результатам проверки, а не по соответствию усреднённому образу поколения.

Использование психометрических методик требует соблюдения правил их применения. Произвольное сокращение вопросов или изменение формулировок не позволяет считать полученные ответы результатом валидированной диагностики. Если полноценное исследование недоступно, корректнее ограничиться интервью и опросами о предпочтениях, не представляя их как измерение ценностного профиля по стандартизированной методике.

При сравнении макетов следует по возможности сохранять одинаковыми содержание, композицию и условия предъявления. Иначе различия в оценках могут быть связаны не с цветом, а с фотографиями, текстом или расположением элементов. На первом этапе проверяются привлекательность, узнаваемость и соответствие оформления бренду. Вопрос об эмоциональной лояльности требует отдельного наблюдения за отношением к бренду, а не только однократной оценки макета.

Таблица 1

Поколенческие обобщения и изучение конкретной аудитории при разработке цветового решения

Параметр	Опора на обобщённый образ поколения	Ценностно-ориентированный подход
Исходные сведения	Предполагаемые особенности возрастной группы	Данные о ценностях, предпочтениях и опыте аудитории
Основание выбора палитры	Соответствие представлению о «молодёжной» эстетике	Результаты сравнения альтернативных вариантов
Роль ценностей	Приписываются аудитории заранее	Уточняются и используются для постановки гипотез
Проверка решения	Может ограничиваться экспертной оценкой	Предполагает участие представителей аудитории
Пересмотр оформления	Следование визуальным трендам	Реакция на выявленные изменения восприятия
Оценка результата	Внешнее соответствие выбранному образу	Привлекательность и соответствие бренду; лояльность оценивается отдельно

Источник: составлено авторами. Сопоставление отражает различия проектной логики и не является результатом экспериментального сравнения подходов.

Регулярное изучение аудитории не означает обязательной смены палитры. Сохранение цветовой системы может оказаться обоснованным, если она остаётся узнаваемой и соответствует образу бренда. Поводом для пересмотра должны служить выявленные проблемы восприятия или изменение задач бизнеса, а не само появление нового тренда.

Применение этих принципов во внутренней среде организации требует самостоятельной постановки задачи. Исследование М. М. Дзюбенко рассматривает связь характеристик офисной среды с увлечённостью работой. Оно не позволяет приписать наблюдаемые связи только цвету или распространить их исключительно на поколение Z. Поэтому потребительскую лояльность и вовлечённость сотрудников не следует объединять в один показатель эффективности оформления. Для каждой аудитории необходимы собственные критерии оценки [1].

Заключение.

Ценностный подход не предлагает готовой палитры для поколения Z. Его назначение – уточнить основания проектных решений и заменить приписывание предпочтений их изучением. Данные о ценностях помогают формулировать вопросы и гипотезы, но не доказывают прямого соответствия между личностным приоритетом и определённым цветом.

Для малого и среднего бизнеса предложена последовательность работы: изучение аудитории, подготовка альтернативных вариантов, проверка восприятия и оценка отношения к бренду. Привлекательность оформления необходимо отличать от эмоциональной лояльности. Ограничение исследования состоит в его обзорном характере: результативность предложенного подхода требует проверки на материалах конкретных брендов и аудиторий.

Список литературы

1. The Sveriges Riksbank Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel 2002 // NobelPrize.org : официальный сайт. – URL: https://www.nobelprize.org/prizes/economic-sciences/2002/summary/ (дата обращения: 26.10.2026). – Текст : электронный.

2. Тан, Ф. Критический обзор исследований отношения к работе поколения Z в Китае / Ф. Тан // Социальная психология и общество. – 2019. – Т. 10, № 2. – С. 19–28. – DOI 10.17759/sps.2019100203.

3. Овчинникова, Ю. Е. Когнитивные и ценностные трансформации современной молодежи в условиях цифровизации / Ю. Е. Овчинникова // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2025. – Т. 15, № 3. – С. 85–100. – DOI 10.26794/2226-7867-2025-15-3-85-100.

4. Deloitte Global's 2025 Gen Z and Millennial Survey. – URL: https://www.deloitte.com/global/en/about/press-room/deloitte-2025-gen-z-and-millennial-survey.html (дата обращения: 26.10.2026). – Текст : электронный.

5. Цветовое оформление стратегических образов бренда как инструмент психоэмоционального воздействия на потребителя / Ю. О. Лящук, О. В. Теняева, В. В. Туарменский, О. Ю. Шибаршина // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. – 2020. – Т. 82, № 4. – С. 404–412. – DOI 10.20914/2310-1202-2020-4-404-412.

6. Будякова, Т. П. Пожилое население в ракурсе поведенческой экономики и экономической психологии / Т. П. Будякова // Народонаселение. – 2025. – Т. 28, № 2. – С. 183–194. – DOI 10.24412/1561-7785-2025-2-183-194.

Милкович Мия Владимировна
студентка

Андреев Геннадий Иванович
канд. пед. наук, заведующий кафедрой

БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств»
Министерства культуры, по делам национальностей
и архивного дела Чувашской Республики
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВЫМИ МЕРОПРИЯТИЯМИ ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В УЧРЕЖДЕНИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ

Аннотация: *в статье рассматриваются актуальные вопросы управления организацией и проведением культурно-досуговых мероприятий в учреждениях социокультурной сферы. Целью исследования является оценка эффективности управления детскими досуговыми программами в условиях жилого района и выработка рекомендаций по совершенствованию управленческих подходов. В работе проведена оценка эффективности управления по двум критериям: социальная эффективность (удовлетворенность и вовлеченность участников) и организационно-маркетинговая эффективность (охват аудитории и посещаемость). Установлено, что при высокой содержательной эффективности наблюдается низкая организационно-маркетинговая эффективность. Выявлено, что качественный сценарный продукт при отсутствии системного продвижения и учёта логистических ограничений не*

достигает своего потенциального охвата. Сформулированы практические рекомендации для администрации учреждений, направленные на повышение эффективности продвижения, кадрового обеспечения и перехода к цикличным форматам досуга.

Ключевые слова: *оценка эффективности, культурно-досуговые мероприятия, управление в сфере культуры, учреждения социокультурной сферы, дом культуры, проектный подход, организация досуга детей, маркетинг в культуре, жилой район.*

В последние десятилетия российское общество переживает глубокие трансформации. Особенно заметно это в сфере культуры и досуга. Досуг перестаёт быть заполнением времени, он превращается в активную, ценностно-ориентировочную практику. Исследователи указывают: «В условиях занимательной игры более успешно усваиваются разнообразные знания, умения и навыки, осуществляется умственное, нравственное воспитание ребенка, формируются такие ценные качества личности, как выдержка, настойчивость, трудолюбие, самокритичность, честность, объективность, внимательность, инициативность» [1, с. 33]. За последние годы государство направило значительные ресурсы на обновление материально-технической базы учреждений культуры: ремонтируются здания, закупается современное оборудование, обновляются фонды. Однако практика показывает, что одних только инфраструктурных вложений недостаточно. За красивыми фасадами и дорогой аппаратурой нередко скрываются устаревшие форматы работы, неэффективные управленческие модели и отсутствие реального контакта с аудиторией. В результате возникает следующее: инвестиции есть, а социальная отдача – минимальна.

С научной точки зрения здесь действует комплекс взаимосвязанных факторов. Первая группа факторов связана с управленческими структурами. Многие руководители культурно-досуговых учреждений не владеют современными методами стратегического планирования и проектного руководства. Вторая группа факторов – кадровая. В отрасли наблюдается дефицит молодых специалистов. Третья группа – информационная. Учреждения культуры слабо используют цифровые каналы коммуникации, в итоге о существовании и деятельности домов культуры просто не знают потенциальные посетители.

Особого внимания заслуживает специфика организации культурно-досуговой деятельности в условиях жилых (спальных) районов. Это тип территории, где проживают десятки тысяч человек, преимущественно семьи с детьми. В таких условиях местный дом культуры обладает уникальным потенциалом стать центром социального притяжения. Однако реализация этого потенциала требует системного управления, основанного на знании локальных особенностей, демографического состава и реальных предпочтений жителей.

Цель исследования – на основе анализа практики ДК «Ровесник» выявить особенности управления культурно-досуговыми мероприятиями в условиях жилого района и разработать рекомендации по повышению их эффективности.

Практическая часть исследования проводилась на базе Дома культуры «Ровесник», расположенного в юго-западной части Московского района города Чебоксары. Эта территория представляет собой типичный «спальный» район с преобладанием многоэтажной жилой застройки и высокой плотностью населения. По данным местных органов самоуправления, в радиусе полукилометра от ДК проживает более десяти тысяч человек, причём значительную часть составляют семьи с детьми дошкольного и школьного возраста. Такой состав жителей напрямую формирует спрос на услуги учреждений культуры. В подобных районах часто наблюдается нехватка общественных пространств для семейного досуга, и дом культуры оказывается едва ли не единственным местом, где ребёнок может после школы найти интересное занятие, а родители – спокойно и с пользой провести вечер.

Дом культуры «Ровесник» входит в структуру муниципального автономного учреждения культуры «Централизованная клубная система города Чебоксары» и тесно взаимодействует с администрацией Московского района, что позволяет координировать работу с другими социальными институтами – школами, библиотеками, спортивными комплексами. По отзывам

посетителей на городских интернет-площадках, учреждение пользуется заметной популярностью (средняя оценка 4,8 из пяти при 333 отзывах). Жители положительно характеризуют удобное расположение, доброжелательную атмосферу, отзывчивый персонал и невысокие цены. Вместе с тем посетители указывают на недостатки: не всегда удобное расписание для работающих родителей, тесный гардероб, нехватку мест в кружках. Это свидетельствует о том, что спрос превышает текущие возможности, и требует оптимизации организационной структуры.

В рамках практической подготовки на базе ДК «Ровесник» авторами были разработаны, организованы и проведены две программы для детей младшего школьного возраста: квест «Юный сыщик» (для детей 7–12 лет) и сказочно-познавательное путешествие «Мифы, легенды, сказки» (для детей 6–10 лет). Процесс создания сценария начался с анализа возрастных особенностей целевой аудитории и изучения популярных среди детей мультфильмов и сказок. Выбор игровых форматов не случаен. Исследователями подчёркивается: «Игра – это вид деятельности в условиях ситуаций, направленных на воссоздание и усвоение общественного опыта, в котором складывается и совершенствуется поведение школьника. В игре дети обогащают свой социальный опыт, учатся адаптироваться в незнакомых условиях» [1, с. 33]. Для квеста была выбрана детективная сюжетная линия: пропажа «Волшебного кристалла Радости» и необходимость его найти, выполняя последовательные задания. Такая конструкция позволяет удерживать внимание детей на протяжении 45–50 минут, создаёт интригу и мотивирует к активному участию.

При разработке режиссуры основное внимание уделялось организации пространства и смене видов активности. Для квеста «Юный сыщик» дети располагались перед экраном, что позволяло всем хорошо видеть слайды и ведущего. В сказочно-познавательной программе подвижная игра «Леший не спит» сопровождалась резкой сменой музыкального и светового оформления: когда звучала весёлая мелодия и горел обычный свет, дети бегали и прыгали; после внезапной остановки музыки и затемнения все должны были замереть. Это создавало динамичный контраст и поддерживало высокий уровень вовлечённости.

Управление проектом включало несколько этапов. На стадии планирования был составлен детальный календарный график работ, который охватывал: написание сценария (3 дня), подбор музыкальных и видеоматериалов (2 дня). Для координации использовались как очные встречи, так и общий чат в мессенджере, где участники команды оперативно обменивались файлами и уточняли детали. До мероприятия была проведена генеральная репетиция, где проверялась работа света, звука и синхронность ведущих. По итогам был составлен краткий отчёт с фиксацией успешных моментов и недочётов.

Обе программы были успешно проведены в назначенные даты. Квест «Юный сыщик» собрал 12 детей 9–11 лет, программа «Мифы, легенды, сказки» – 16 детей 6–8 лет. В ходе мероприятий было отмечено, что дети активно включались в задания, поддерживали друг друга, особенно эмоционально реагировали на подвижные блоки. Некоторые трудности возникли с расшифровкой шифра: младшие участники (6–7 лет) нуждались в дополнительных подсказках, что было учтено на следующих программах путём введения упрощённого варианта шифра. Важным наблюдением стало то, что дети лучше усваивают моральный вывод (радость внутри нас), если он подкреплён не только словами ведущего, но и совместным ритуалом (общие аплодисменты).

Оценка эффективности управления проводилась по двум критериям: социальная эффективность (удовлетворенность и вовлеченность участников) и организационно-маркетинговая эффективность (охват аудитории и посещаемость). Для оценки социальной эффективности был проведен опрос участников сразу после завершения каждого события. В квесте «Юный сыщик» приняли участие 12 детей, в программе «Мифы, легенды, сказки» – 16 детей. На опросе после мероприятия «Мифы, легенды и сказки» большая часть детей (81,3%) ответили, что им понравилось сказочное приключение и они хотят ещё, что наглядно демонстрирует высочайший уровень эмоционального отклика (рисунок 1). Оценивая лёгкость

выполнения заданий вместе с другими ребятами, 68% участников выбрали вариант «Да, мы помогали друг другу». Общая оценка путешествия по пятибалльной шкале: 75% участников поставили 5 баллов. Наиболее востребованными оказались подвижные и творческие блоки: игра «Леший не спит» получила 38% голосов, сочинение своей сказки – 31%.

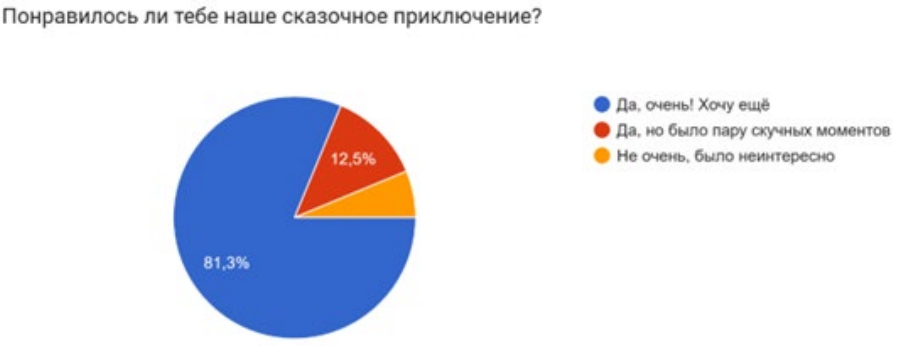

Рис. 1. Результаты опроса участников программы «Мифы, легенды, сказки» (вопрос: «Понравилось ли тебе наше сказочное приключение?»)

На опросе после мероприятия «Юный сыщик» на вопрос «Насколько интересно тебе было на мероприятии?» 75% ответили «очень интересно». Большинству (83,3%) понравилось быть в команде супер-детективов, что подтверждает успешность выбранной игровой механики и достижение воспитательных целей мероприятия (рисунок 2). Оценивая сложность поиска «Камня радости», 58% сказали, что было «немного сложно, но мы справились». На вопрос «Хотел(а) бы ты ещё раз поиграть в такого же сыщика?» дети (83%) ответили утвердительно.

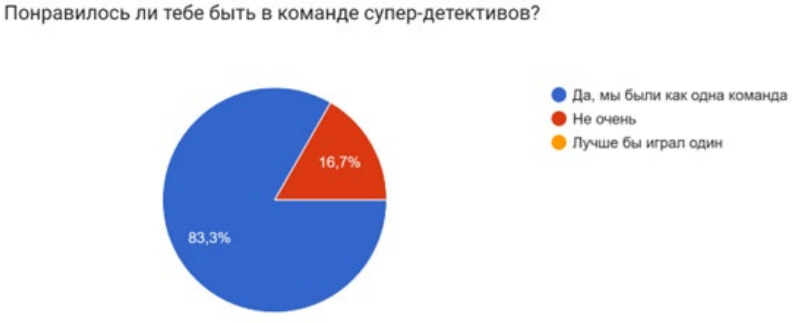

Рис. 2. Результаты опроса участников квеста «Юный сыщик» (вопрос: «Понравилось ли тебе быть в команде супер-детективов?»)

Приведённые данные свидетельствуют о высоком уровне эмоционального отклика и вовлечённости детей в обе программы, то есть социальная эффективность разработанных сценариев является высокой. Почти все участники оценили мероприятия положительно, отметили интерес к заданиям и желание участвовать в подобных событиях снова. Вместе с тем количественные показатели посещаемости (не более 20 человек при вместимости зала в 60 мест) остаются низкими. Это указывает на то, что организационно-маркетинговая эффективность управления находится на низком уровне. Проблемы лежат не в качестве сценариев, а во внешних факторах: слабой маркетинговой коммуникации, транспортной удалённости учреждения и недостаточном информировании семей. Таким образом, оценка эффективности выявила разрыв между высоким качеством содержательного продукта и неэффективностью его продвижения.

На основе анализа мероприятий можно сформулировать несколько советов для педагогов и культорганизаторов, разрабатывающих подобные мероприятия. Начинать следует с «входа в атмосферу»: уделить 5–7 минут в начале мероприятия созданию настроения (загадочный полумрак, необычная музыка, неожиданный предмет в центре зала). Необходимо использовать «ловушки внимания»: каждые 7–10 минут в программе должен происходить мини-сюрприз. Важна последовательная сложность заданий. В статье В. П. Тимофеевой и соавторов отмечается: «Формирование познавательной активности у младших школьников носит поэтапный характер… Начальный этап. На данном этапе появляется познавательный интерес… Поисковый этап. На данном этапе происходит постановка проблемы… Испытательный этап. На данном этапе полученные результаты и знания применяются на практике» [1, с. 33]. Поэтому первые задания должны быть простыми, чтобы каждый ребёнок почувствовал себя успешным, а сложность должна нарастать постепенно. Также следует создавать «общий результат», который можно потрогать (собрать пазл, склеить карту, зажечь «свечу истины»), и завершать мероприятие «открытым микрофоном» для рефлексии.

Исходя из практики, для повышения организационно-маркетинговой эффективности рекомендуется применить комплекс мер на нескольких уровнях. В продвижении: создать и продвигать официальную группу ВКонтакте с таргетингом на юго-западный район, публиковать анонсы за 10–14 дней, обязательно выкладывать яркие фото- и видеоотчёты, показывающие эмоции детей. Целесообразно заключить партнёрства с районными пабликами, разместить рекламные плакаты на остановках транспорта, раздавать листовки в школах и детских садах. Чтобы снизить барьер удалённости, можно согласовать с департаментом транспорта дополнительные рейсы в часы детских программ или запустить корпоративный транспорт от крупного жилого массива.

В кадровой сфере: организовать волонтёрскую и преддипломную практику для студентов, затем наиболее мотивированных взять на неполную рабочую занятость. Для повышения привлекательности профессии осваивать грантовые инструменты. Полезно также рассмотреть государственно-частное партнёрство: привлекать спонсорскую помощь местных предпринимателей в обмен на размещение логотипа на афишах и в соцсетях. Наконец, нужно пересмотреть саму модель досуга: разовая программа, даже очень хорошая, даёт ограниченный эффект. Перспективен переход к цикличным форматам (например, «Сказочная академия» из нескольких занятий с абонементной системой), а также гибридизация, когда часть заданий квеста выносится в соцсети, делая очное посещение кульминацией цифрового опыта.

Проведённая оценка эффективности управления культурно-досуговыми мероприятиями в ДК «Ровесник» показала следующее. Учреждение обладает базовыми активами: современным и уютным пространством, технически оснащённой сценой, квалифицированными сотрудниками и качественными сценариями детских программ. Социальная эффективность разработанных мероприятий является высокой – дети активно включаются в игровые задания, проявляют творческую инициативу, а подавляющее большинство участников выражает желание посещать подобные события снова.

Однако организационно-маркетинговая эффективность управления остаётся низкой. Активы учреждения блокируются тремя основными факторами: транспортной удалённостью, слабым информационным продвижением и хроническим малым финансированием, усугубляемым оттоком молодых специалистов. Преодоление этих барьеров требует не точечных исправлений, а системного обновления управленческой парадигмы: от реактивного планирования к упреждающему продвижению, от бюджетного иждивенчества к грантовой и партнёрской активности, от традиционных кружков к проектным форматам с измеримыми социальными результатами. Важно также наладить постоянный диалог с местными жителями, чтобы учреждение воспринималось не как чужая организация, а как часть повседневной жизни каждого двора.

Таким образом, управление организацией и проведением культурно-досуговых мероприятий в учреждениях социокультурной сферы должно строиться на сочетании качественного

сценарного продукта и системного маркетинга. Только при совместных усилиях администрации, сотрудников и активных горожан возможна подлинная перемена, позволяющая ДК «Ровесник» в полной мере реализовать свой потенциал и стать подлинным центром культурной жизни для всех жителей юго-западного района Чебоксар.

Список литературы

1. Тимофеева, В. П. Формирование познавательной активности младших школьников в процессе досуговой деятельности / В. П. Тимофеева, А. И. Соколова, О. А. Ефричева // Интернаука. – 2022. – № 28–2 (251). – С. 32–34.

Назаров Антон Дмитриевич
старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Уральский государственный
экономический университет»
г. Екатеринбург, Свердловская область

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ АДАПТАЦИИ МАРКЕТИНГА ПРЕДПРИЯТИЙ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ К ТЕХНОЛОГИЯМ ГЕНЕРАТИВНОГО ПОИСКА

Аннотация: *в статье выявлены экономические ограничения адаптации маркетинга предприятий сельских территорий к генеративному поиску. На основе целевого обзора литературы и условного расчета систематизированы ограничения финансирования, кадрового обеспечения, качества данных, сбыта и измеримости результатов. Показано, что снижение стоимости создания текстов сохраняет затраты на проверку сведений, обучение и сопровождение цифрового присутствия. Предложен критерий экономической целесообразности через дополнительный маржинальный доход с учетом неопределенности поисковой видимости. Обоснованы поэтапное освоение технологий и участие образовательных организаций в развитии компетенций предпринимателей. Результаты применимы при выборе маркетинговых приоритетов и организации партнерских проектов развития сельских сообществ.*

Ключевые слова: *маркетинг, сельские территории, генеративный поиск, экономические ограничения, цифровые компетенции, маржинальный доход, сельское предпринимательство, образовательное партнерство.*

Постановка проблемы.

Генеративный поиск позволяет получать обобщенные ответы о товарах и поставщиках, составленные по нескольким источникам. Под адаптацией маркетинга к этому формату далее понимаются подготовка проверяемых сведений о предложении, поддержание их поисковой доступности и оценка экономически значимых обращений покупателей. Генерация рекламных текстов представляет отдельную операцию и сама по себе эту задачу не решает. Для сельских производителей, локальных переработчиков и организаций услуг возможность распределять маркетинговые затраты на большое число заказов ограничивается географией доставки, сезонностью и объемом продаж.

Цель исследования – выявить экономические ограничения адаптации маркетинга предприятий сельских территорий к генеративному поиску и определить условия целесообразности соответствующих затрат. Научный результат состоит в объединении ограничений цифровой видимости и сбыта в схему оценки ожидаемого дополнительного маржинального дохода. Особое внимание уделяется развитию компетенций предпринимателей и партнерству с образовательными организациями как ресурсам устойчивости сельского сообщества.

Теоретические основания и методы исследования.

Исследование носит теоретический характер. Применены целевой обзор литературы, сопоставление экономических механизмов и анализ условного сценария. Работы отбирались

по связи с искусственным интеллектом в маркетинге, освоением аналитики и сельскими инновациями. Рассмотрены также исследование генеративной оптимизации и документация поисковой платформы. Числовой пример иллюстрирует зависимость результата от допущений; он не основан на обследовании предприятий.

В литературе трансформация маркетинга под воздействием искусственного интеллекта рассматривается как самостоятельное направление исследований [4]. Н. Гокхале и П. Саха выделяют среди факторов освоения маркетинговой аналитики поддержку руководства, пригодность данных, надежность ИТ-инфраструктуры и ожидаемую отдачу от инвестиций [5]. Эти факторы применимы как исходная аналитическая рамка, однако их влияние на использование генеративного поиска сельскими предприятиями требует отдельной проверки. Значение маркетинговой информации для агроменеджмента рассматривается также Г. И. Ганушем и В. Б. Григорьевой [1].

П. Аггарвал и соавторы вводят понятие генеративной оптимизации – GEO – и показывают возможность изменения видимости источников в экспериментальных ответах [3]. Эти результаты не определяют прирост продаж предприятий. Документация Google указывает на сохранение базовых требований поисковой оптимизации для AI Overviews и AI Mode; специальные файлы и отдельная разметка для включения в эти форматы не требуются [6]. Это положение относится к указанным сервисам Google.

Экономические механизмы ограничения адаптации.

Первое ограничение связано с постоянными затратами на сбор, проверку и обновление сведений об ассортименте и условиях поставки. Они возникают до дополнительных заказов; при малом объеме продаж расходы на один заказ возрастают. Индекс цифрового маркетинга сельских территорий УрФО отражает различия цифрового развития [2], однако не заменяет расчет окупаемости для предприятия.

Второе ограничение обусловлено альтернативной стоимостью труда. Самостоятельная проверка текстов отвлекает время владельца от производства и обслуживания покупателей. Поэтому отсутствие оплаты подрядчику не означает отсутствия затрат. Обучение также требует времени, а передача работы исполнителю сохраняет необходимость проверки фактических данных предприятием.

Третье ограничение возникает на стороне реализации спроса. Упоминание производителя за пределами географии доставки может увеличивать число обращений без роста прибыльных продаж. Скоропортящаяся продукция требует расходов на хранение и перевозку, сельский туризм ограничивается свободными местами. Ш. Расел и соавторы выявляют связь пространственной концентрации предпринимательской диверсификации с вероятностью ее освоения хозяйствами Нидерландов [8]. Это обосновывает учет территориального контекста, но не доказывает аналогичный эффект генеративного поиска.

Четвертое ограничение связано с неопределенностью результата. Включение в ответ зависит от запроса, источников и состояния системы; гарантии видимости отсутствуют. В Google переходы из AI-функций включаются в общую поисковую отчетность [6]. Рост продаж может объясняться сезонностью, изменением цены или обычной выдачей. Поэтому упоминания и переходы характеризуют промежуточный результат, а экономический эффект требует отдельной оценки.

Дополнительное ограничение связано с достоверностью данных. Сезонное предложение требует регулярного обновления информации. Ошибочные сведения о наличии товара увеличивают нагрузку на сотрудников и расходы на исправления, создают риск потери доверия покупателей. Основные ограничения обобщены автором в таблице 1 на основе сопоставления литературы [2; 3; 5; 6; 8].

Таблица 1

Экономические ограничения адаптации маркетинга

Ограничение	Экономический механизм	Показатель для оценки
Финансирование	Подготовка данных требует затрат до появления дополнительных заказов	Затраты на запуск относительно свободных средств
Кадровое обеспечение	Обучение и проверка сведений отвлекают труд от основной деятельности	Часы работы и их альтернативная стоимость
Качество данных	Ошибки и устаревшие сведения увеличивают затраты на обслуживание	Доля актуальных карточек и стоимость исправлений
Сбыт и логистика	Дополнительный спрос ограничивается доставкой, наличием товара и мощностью	Маржинальный доход заказа после переменных затрат
Измеримость результата	Поисковая видимость не гарантирует заказов и их дополнительности	Подтвержденные обращения, заказы и затраты на их учет

Критерий экономической целесообразности.

Для предварительной оценки предлагается модель ожидаемого экономического эффекта за один период, охватывающий полный цикл сезонного спроса. При более длительном горизонте необходим учет сроков платежей и дисконтирования. Упрощенный критерий имеет вид:

$$E = n \cdot p \cdot q \cdot m - F - C$$

где E – дополнительный ожидаемый эффект, руб.; n – потенциальное число дополнительных целевых обращений при успешной адаптации; p – условная вероятность такого сценария; q – доля обращений, завершающихся выполненным заказом; m – маржинальный доход заказа после переменных расходов, включая доставку; F – первоначальные затраты на подготовку и обучение; C – сопровождение за период. Затраты учитывают стоимость труда; n ограничивается возможностями сбыта и исключает обращения, возникающие без адаптации.

Параметр p агрегирует неопределенность в условном бинарном сценарии и не является известной вероятностью включения в ответы конкретной системы. Модель позволяет проверять управленческие допущения. Положительное E означает целесообразность лишь при принятых предпосылках; отдельно проверяется наличие средств для первоначальных платежей.

Рассмотрим условный годовой пример. Пусть F составляет 25 тыс. руб., C – 15 тыс. руб., n – 800 обращений, p – 0,5, q – 0,25, m – 300 руб. Ожидается 100 дополнительных выполненных заказов и 30 тыс. руб. маржинального дохода; итоговый эффект равен минус 10 тыс. руб. Для покрытия 40 тыс. руб. затрат при остальных неизменных параметрах необходимо не менее 1067 потенциальных обращений. Если вероятность условного успешного сценария повышается до 0,8, ожидаемый маржинальный доход составляет 48 тыс. руб., а эффект – 8 тыс. руб. Все значения заданы для иллюстрации и не являются рыночными оценками стоимости услуг или эффективности GEO.

Решение зависит от масштаба доступного спроса, конверсии и маржинального дохода. При небольшой резервной мощности потенциал окупаемости ограничен. Снижение стоимости текстов улучшает расчет, однако расходы на проверку и сопровождение сохраняются. Недостаток данных обосновывает сопоставление нескольких сценариев и ограничение первоначальных вложений.

Образовательное партнерство и поэтапная адаптация.

Снижение ограничений целесообразно начинать с проверки существующего цифрового присутствия: ассортимента, контактов, сезонной доступности и географии обслуживания. Затем предприятие выбирает значимые запросы для наблюдения и организует учет обращений и заказов за сопоставимые периоды. Оценка требует учета сезонности и других

изменений маркетинга; единичные ответы генеративной системы не устанавливают причинный эффект.

Образовательные организации могут проводить практикумы по проверке карточек продукции и расчету маржинального дохода. Проектные задания студентов под руководством преподавателей могут включать аудит открытой информации и подготовку форм учета обращений с проверкой предпринимателем. Партнерство позволяет распределять затраты на обучение и типовые материалы между участниками, однако его оценка должна учитывать расходы на координацию и контроль качества.

Этот подход согласуется с рассмотрением аграрных инноваций через взаимодействие исследовательских и образовательных институтов [7]. Н. Верчер и соавторы подчеркивают значение навыков и планирования для социальных инноваций сельских сообществ [9]. Общие справочники производителей могут уменьшать дублирование подготовки данных, но требуют правил обновления. Экономическая устойчивость партнерства зависит от возможности использовать полученные навыки и материалы после завершения обучения.

Заключение.

Ограничения адаптации маркетинга к генеративному поиску возникают при подготовке информации, поддержании ее достоверности и преобразовании обращений в заказы. Предложенная схема связывает их с ожидаемым маржинальным доходом, учитывая постоянные затраты, стоимость труда и пределы сбыта. Для предприятий с небольшим объемом продаж целесообразность зависит от достаточного числа прибыльных заказов. Поэтапное внедрение и образовательное партнерство могут снижать затраты на освоение технологий. Проверка выводов требует данных предприятий с учетом сезонности, логистики и изменений других маркетинговых каналов.

Список литературы

1. Гануш, Г. И. Актуальные направления повышения роли маркетинга в качественном совершенствовании агроменеджмента / Г. И. Гануш, В. Б. Григорьева // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя аграрных навук. – 2022. – Т. 60, № 2. – С. 146–159. – DOI 10.29235/1817-7204-2022-60-2-146-159.

2. Разработка индекса цифрового маркетинга сельских территорий на примере Уральского федерального округа / О. А. Рущицкая, Е. М. Кот, Е. С. Куликова, Т. И. Кружкова // Аграрный вестник Урала. – 2025. – Т. 25, № 9. – С. 1481–1492. – DOI 10.32417/1997-4868-2025-25-09-1481-1492.

3. GEO: Generative Engine Optimization / P. Aggarwal, V. Murahari, T. Rajpurohit [et al.] // Proceedings of the 30th ACM SIGKDD Conference on Knowledge Discovery and Data Mining. – New York : Association for Computing Machinery, 2024. – P. 5–16. – DOI 10.1145/3637528.3671900.

4. Doval, J. The transformative impact of artificial intelligence on the state of marketing / J. Doval, E. P. Singh // International Journal of Work Innovation. – 2023. – DOI 10.1504/IJWI.2023.10057999.

5. Gokhale, N. A review of determinants of marketing analytics adoption by business enterprises / N. Gokhale, P. Saha // International Journal of Electronic Marketing and Retailing. – 2023. – Vol. 14, No. 4. – P. 453–471. – DOI 10.1504/IJEMR.2023.133947.

6. Google. AI features and your website // Google Search Central. – URL: https://developers.google.com/search/docs/appearance/ai-features (дата обращения: 12.10.2026). – Текст : электронный.

7. Development of a strategic management model for agricultural innovation systems based on agricultural researchers' viewpoints / F. Irannejad Rankoohi, M. Mirdamadi, S. J. F. Hosseini [et al.] // International Journal of Sustainable Development. – 2024. – Vol. 27, No. 4. – P. 355–382. – DOI 10.1504/IJSD.2024.140679.

8. Rasel, S. Economic geography and entrepreneurial diversification in the agricultural sector / S. Rasel, W. J. M. Heijman, S. Reinhard // Regional Studies, Regional Science. – 2022. – Vol. 9, No. 1. – P. 347–370. – DOI 10.1080/21681376.2022.2074307.

9. Vercher, N. Developing a framework for radical and incremental social innovation in rural areas / N. Vercher, G. Bosworth, J. Esparcia // Journal of Rural Studies. – 2023. – Vol. 99. – P. 233–242. – DOI 10.1016/j.jrurstud.2022.01.007.

Синюк Татьяна Юрьевна
канд. экон. наук, доцент, заведующая кафедрой
Зиборова Валерия Алексеевна
магистрант

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)»
г. Ростов-на-Дону, Ростовская область

ПОВЫШЕНИЕ ЛОЯЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ НА ОСНОВЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НЕМАТЕРИАЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ ПЕРСОНАЛА

Аннотация: *в статье рассматривается вопрос о совершенствовании системы нематериальной мотивации персонала. На основе анкетирования и тестирования сотрудников производственной компании предложен и апробирован поэтапный процесс создания соцпакета, включающий грейдирование персонала, опрос сотрудников о предпочтениях компенсационного пакета, обучение специалистов кадровых служб, расчет затрат на внедрение*

Ключевые слова: *социально-психологический климат, нематериальная мотивация, социальный пакет.*

Социально-психологический климат и успешное стимулирование и управление трудовыми ресурсами предприятия является одним из основных пунктов успешной работы и развития предприятия [1–5]. Целью исследования мы определили: повышение удовлетворенности персонала работой; снижение текучести кадров; выяснение мотивационных предпочтений людей; выявление основных проблем и причин недовольства сотрудников. Для проведения исследования были использованы методы анкетирования и тестирования.

На примере производственного предприятия ООО «Металл-Сервис» было проведено исследование социально-психологического климата и удовлетворенности мотивацией сотрудников.

По итогам тестирования и анкетирования 30 сотрудников были сделаны следующие выводы:

– по результатам теста можем говорить о сложившемся благоприятном социально-психологическом климате на предприятии с акцентом на такие показатели как: «стремление к сохранению целостности группы», «сплоченность» и «контактность». Основными мотивами работы в данной организации являются хороший коллектив и интересная работа;

– большинство опрошенных удовлетворены вкладом в общее дело;

– сплоченность коллектива определяется высоким уровнем взаимной привязанности членов трудового коллектива и характеризуется такими показателями, как сотрудничество, взаимопомощь, взаимная ответственность, психологическая совместимость;

– сотрудники так же удовлетворены общим руководством;

Основные причины недовольства сотрудников обусловлены следующими факторами:

– слабое материальное стимулирование;

– большая группа моральных стимулов, способствующих мотивации задействована слабо;

– недостаточностью социальной защищенности;

– отсутствие перспектив продвижения и возможности обучения в компании.

Для создания и совершенствования системы нематериальной мотивации работников были предложены следующие мероприятия.

1. На первом этапе было принято решение о создании системы нематериальной мотивации сотрудников.

2. Для выбора льгот, включаемых в социальный пакет, было проведено анкетирование персонала, в ходе которого были выявлены предпочтения людей относительно льгот. Сотрудникам было предложено ответить на следующие вопросы:

– «Что, на ваш взгляд, необходимо включить в социальный пакет, предоставляемый компанией сотрудникам, занимающим вашу позицию? Отметьте варианты или предложите свой ответ:

– оплата проезда;
– оплата питания;
– компенсация за пользование личным автомобилем;
– оплата посещения спортивного зала;
– оплата мобильного телефона;
– оплата внешнего или внутреннего обучения;
– страхование от несчастного случая;
– страхование имущества.

После обработки результатов, был определен примерный список льгот, которые компания будет предоставлять сотрудникам:

– оплата питания;
– оплата проезда или компенсация за использование личного автомобиля;
– оплата внешнего или внутреннего обучения;
– оплата занятий в спортзале или бассейне;
– оплата мобильного телефона.

Существует два варианта предоставления соцпакета сотрудникам: если руководство придерживается принципа справедливости и равенства, набор льгот будет одинаковым для всех. Если же в организации существует строгая иерархия, и внедрена система грейдирования – комплекс льгот будет зависеть от должностного уровня сотрудника.

3. На третьем этапе используя метод грейдирования, все сотрудники были разделены на пять категорий:

– руководящее звено;
– руководители зарабатывающих подразделений;
– руководители обеспечивающих подразделений;
– специалисты зарабатывающих подразделений;
– специалисты обеспечивающих подразделений.

После этого был определен состав социального пакета для каждой категории сотрудников (табл. 1).

Таблица 1

Распределение нематериальных вознаграждений в ООО «Металл-Сервис»
(составлено автором)

Категория персонала	Составляющие социального пакета
Руководящее звено	-оплата питания; -оплата транспорта или компенсация за использование личного автомобиля; -оплата спортивного зала, бассейна; -оплата мобильного телефона; -внешнее и внутреннее обучение
Руководители зарабатывающих подразделений	-оплата питания; -оплата транспорта или компенсация за использование личного автомобиля; -оплата спортивного зала, бассейна; -оплата мобильного телефона; -внешнее и внутреннее обучение
Руководители обеспечивающих подразделений	-оплата питания; -оплата транспорта или компенсация за использование личного автомобиля; -оплата спортивного зала, бассейна; -оплата мобильного телефона

Окончание таблицы 1

Категория персонала	Составляющие социального пакета
Специалисты зарабатывающих подразделений	-оплата питания; -оплата транспорта или компенсация за использование личного автомобиля; -оплата мобильного телефона
Специалисты обеспечивающих подразделений	-оплата питания; -оплата транспорта или компенсация за использование личного автомобиля

4. После составления списка льгот проводится мониторинг предлагаемых тарифов по каждому из видов льгот. После чего можно определить стоимость соцпакета оценить затраты фирмы на внедрение разработанного компенсационного пакета (табл. 2).

Следует отметить, что для реализации предлагаемых мероприятий необходимо привлечение в организацию HR-специалиста, либо необходимо провести дополнительное обучение специалистов кадрового отдела организации. Это потребует дополнительных затрат, однако все вышеперечисленные мероприятия потенциально будут иметь социальный и экономический результат, связанный с ростом лояльности и удовлетворенности трудом работников предприятия.

Таблица 2

Затраты ООО «Металл-Сервис» на внедрение компенсационного соцпакета [5]

Затраты	Стоимость/мес., руб.
Привлечение HR-специалиста	50000
ФОТ	1200000
Бенефиты	300000
Соцпакет	200000
1750000	

Резюмируя, отметим, что представленная этапность внедрения системы нематериального стимулирования в компании носит достаточно общий характер и может быть применена компаниями различных сфер деятельности. Она позволяет адаптировать социальный пакет под запросы отдельных категорий работников, проанализировать затраты, которые понесет фирма в связи с ее внедрением, будет способствовать улучшению социально-психологического климата в коллективе.

Нами были разработаны следующие предложения по коррекции ситуации:

– изменить существующую систему отплаты труда на более гибкую;

– разработать и внедрить систему мотивации работников, которая будет благоприятно воздействовать на коллектив.

– внесены предложения по увеличению социального пакета работников,

– рекомендуется проведение периодической оценки имеющегося кадрового состава, что не только дает возможность более полно учитывать индивидуальные и профессиональные качества работников, но и определять пути эффективного использования их потенциала;

– рассмотреть возможность введения обучения специалистов по разработанным планам повышения квалификации.

Список литературы

1. Барсукова, А. В. Сущность социально-психологического климата в организации и основы его формирования / А. В. Барсукова, В. В. Задворная // Скиф. – 2019. – № 10 (38). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-sotsialno-psihologicheskogo-klimata-v-organizatsii-i-osnovy-ego-formirovaniya (дата обращения: 14.12.2025). – Текст : электронный.

2. Мишурова, И. В. Улучшение социально-психологического климата как форма повышения конкурентоспособности компании / И. В. Мишурова // Человек труда и наука : материалы II Всероссийской научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 25 октября 2021 г.) / отв. ред. С.А. Дюжиков ; Южный федеральный университет. – Ростов н/Д ; Таганрог : Изд-во Южного федерального университета, 2021.– С. 201–206. – ISBN 978-5-9275-4017-4. – DOI 10.18522/801297148.

3. Мишурова, И. В. Диагностика и корректировка мотивационного механизма гостиничного предприятия / И. В. Мишурова // Экономические проблемы России и региона : ученые записки. – Ростов н/Д : Издательско-полиграфический комплекс Рост. гос. экон. ун-та (РИНХ), 2023. – Вып. 28. – С. 143–148. – ISBN 978-5-7972-3166-0.

4. Сергачева, Ж. С. Социально-психологический климат: сущность и показатели оценки / Ж. С. Сергачева // Human Progress. – 2017. – № 5. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskiy-klimat-suschnost-i-pokazateli-otsenki (дата обращения: 14.12.2025). – Текст : электронный.

5. Попова, Л. Г. Влияние социально-психологического климата на деятельность организации / Л. Г. Попова, Н. А. Захаревич // Век качества. – 2017. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sotsialno-psihologicheskogo-klimata-na-deyatelnost-organizatsii (дата обращения: 14.12.2025). – Текст : электронный.

Соколова Галина Николаевна
канд. экон. наук, доцент
Голубев Даниил Сергеевич
магистрант

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И НОРМ ПОВЕДЕНИЯ ГОССЛУЖАЩИХ ЧЕРЕЗ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ

Аннотация: *в органах власти необходимо обеспечить формирование организационной культуры таким образом, чтобы доверие население к ним было на высоком уровне. Сами же государственные служащие имеют определенные профессиональные, этические качества, которые могут повлиять на ненадлежащее исполнение их служебных обязанностей. Автор подробно рассматривает такие аспекты, как эффективность деятельности госслужащих, которая является ключевым показателем качества государственной службы. Методологическую основу составили анализ нормативных документов и статистических данных в области организационной культуры государственных служащих. Рассмотрены практики частного бизнеса при формировании организационной культуры, выявлены особенности организационной культуры в органах власти и обеспечение баланса между адаптивностью и управляемостью на государственной службе. На основе авторского опроса приведены результаты, показавшие проблемы реализации Указа Президента в современных условиях. Выявив четыре ключевые проблемы, предложены меры по совершенствованию организационной культуры по формированию ценностных ориентаций и норм поведения через образовательные механизмы.*

Ключевые слова: *организационная культура, государственная служба, государственный сектор, частный сектор, государственный аппарат, эффективность, образовательные механизмы.*

Понятие организационной культуры понятие не новое. Государственный менеджеризм, который используется для эффективного управления государством, использует практически все инструменты из частного бизнеса, так как здесь процессы идут быстрее и динамичнее за счет меньших ограничений. Поэтому многими учеными-теоретиками понятие «организационная культура» исследовалась сначала в частном секторе, а в настоящее время, являясь пространством реализуемости административных реформ, актуальность приобретает и в государственном управлении. Первым исследователем в данной сфере был военный деятель Германии Гельмут фон Мольтке, кототрый разработал систему управления, основанную на доверии и инициативе подчиненных. Вместо жестких и детальных приказов Гельмут фон Мольтке ставил перед командирами четкую цель (миссию), предоставляя им полную свободу

в выборе способов ее достижения [1, с. 56]. Ему принадлежит знаменитый афоризм: «Ни один план не переживает встречи с главной силой противника». Он доказал, что жесткая бюрократия проигрывает адаптивности и внутренней автономии сотрудников. Его стиль- гибкость против регламентов. Однако в современных условиях в государственном управлении это не работает. Поэтому мы рассмотрим понятия организационная культура, выявим ресурсы, как обеспечить гибкость и управляемость в этом процессе для того, чтобы обеспечить доверие населения к органам власти.

Рассмотрим организационную культуру в публичной сфере в трех плоскостях:

– определение специфики организационной культуры государственных органов и её структурных источников;

– систематизация нормативной рамки организационной культуры государственных органов России и её внутренних противоречий;

– системное сравнение различий организационной культуры публичного и частного секторов на основе социологических исследований и выявление новых тенденций.

В настоящий момент понятие «организационная культура» охватывает весь комплекс поведенческих норм, ценностных ориентиров и установок, принятых в организации. Однако в научных кругах до сих пор ведутся дискуссии об однозначной трактовке терминов «организационная» и «корпоративная культура», которые считаются тождественными понятиями [2, стр. 55]. Следует отметить, что в бизнес-структурах больше применяется понятие «корпоративная культура», а в государственном управлении – «организационная культура». Так, в таблице 1 представлены понятия «организационная культура» и «корпоративная культура» и их смысловые нагрузки в государственном управлении и в бизнесе:

Таблица 1

Сравнительная таблица понятий «организационная культура» и «корпоративная культура» [3, с. 8]

Параметр	Государственные органы (организационная культура)	Бизнес-структуры (корпоративная культура)
Доминирующий тип культуры	Иерархическая, клановая	Рыночная, адхократическая
Ориентация	На правила, процедуры, стабильность	На результат, клиента, инновации
Властная дистанция	Высокая	Умеренная или низкая
Инструменты изменения	Нормативно-правовое регулирование, административные регламенты	Стратегическое планирование, HR-технологии, внутренние коммуникации
Основной источник финансирования	Бюджет	Прибыль, инвестиции
Критерий успеха	Правомерность, результативность, доверие общества	Прибыльность, доля рынка, удовлетворённость клиента
Возможности заимствования	Ограниченные: проектные механизмы, двухканальная карьера, диагностика культуры, внутренний сервис	Широкие: может заимствовать как корпоративные, так и публичные практики

Итак, из таблицы 1 видно, критерий успеха внедрения организационной культуры- правомерность, результативность и доверие общества.

Рассмотрим нормативно-правовое регулирование организационной культуры в государственных органах. Следует отметить Федеральный закон от 27 июля 2004 г. №79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [4], в котором закреплен термин «организационная культура». Однако, в то же время организационная культура раскрывается через подзаконные акты и формируется через комплекс взаимосвязанных норм. Также следует отметить типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих, одобренного решением президиума

Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г [5]. Так, подходы по формированию и развитию профессиональной культуры государственного органа содержатся в Указе Президента Российской Федерации от 12 августа 2002 г. №885 «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих» [6]. Отметим новый Указ президента России №809, принятый 9 ноября 2022 года «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [7], который служит ключевым ориентиром в определении новых приоритетных ценностей для государственных органов. Изучение этого документа дало возможность систематизировать и выделить конкретные объекты ценностного регулирования, которые представлены в таблице 2.

Таблица 2

Традиционные российские духовно-нравственные ценности

Объект	Традиционные российские духовно-нравственные ценности
Человек	Жизнь, достоинство, права и свободы человека
Семья	Высокие нравственные идеалы, крепкая семья
Труд	Созидательный труд, приоритет духовного над материальным
Отношения людей (Общество)	Гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение
Отечество	Патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу
История России	Историческая память и преемственность поколений, единство народов России

Из таблицы 2 следует, что духовно-нравственные ценности изменились в 2022 году, однако в как в обществе, так и на уровне государственных служащих необходимо превратить из «документа» в «правило». Мы считаем, что в настоящее время ценности остаются на «когнитивном уровне», при этом они не встроены в фактические показатели эффективности государственных служащих. Поэтому необходимо обеспечить разработку поведенчески-ориентированных измерений оценки ценностей, которая разработана авторами.

Таблица 3

Оценка ценностей для государственных служащих
(объект Отношения людей (Общество))

Традиционные российские духовно-нравственные ценности	Оценка ценностей	Результат
Гуманизм, милосердие	отношение к обслуживанию	повышается нормы коммуникации при приёме обращений граждан
справедливость	беспристрастность в принятии решений	Выработка конкретных критериев принятия решений при распределении ресурсов, выдаче разрешений
коллективизм	оценка лидерства,	выявление роли в сообществе государственных служащих и использование их потенциала
взаимопомощь и взаимоуважение	коммуникация с гражданами	Повышение доверия граждан, открытости как для граждан, так и между государственными служащими

Таким образом, исходя из таблицы 3, можно отметить, что государственный служащий должен поступать на службу исходя их мотива служение обществу. Однако на практике в структуре мотивов поступления на государственную службу «служение обществу» не занимает приоритетного места. В 2022 году в учебных заведениях (вузах, сузах) ввели дисциплину «Обучение служением». Однако этой дисциплины не достаточно, для того, чтобы приоритете было духовно-нравственная ценность.

Мы провели исследование среди государственных служащих в Межрегиональном технологическом управлении Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору, в рейтинге мотивов поступления на государственную службу «желание быть полезным обществу и государству, приносить пользу» занимало лишь седьмое место. При этом доминировали: социальный статус, стабильность и надёжность, расширение социальных связей, материальное обеспечение и должностной рост.

При совершенствовании нормативно-правовой базы в области организационной культуры следует отметить, что в системе государственного управления требует единообразия, предсказуемости, подотчётности [8, с. 7]. При этом ценности требуют ситуационного суждения, внутренней идентификации, личной ответственности. Мы считаем, что итоговый критерий внедрения ценностей – не количество ценностей, которые государственный служащий способен воспроизвести по памяти, а способность обычного гражданина, войдя в любое государственное учреждение, почувствовать в поведении сотрудника «справедливость», «гуманизм» и «служение». Мы предлагаем внедрить инновационные методы и форматы для обучения государственных служащих, чтобы обеспечить компетенцию «служение обществу» (табл. 4).

Таблица 4

Инновационные методы для обучения государственных служащих

Инновационные методы	Форматы для обучения
Симуляционные и ролевые игры	Моделирование сложных этических дилемм, с которыми чиновники сталкиваются на практике. Это позволяет «прожить» ситуацию и увидеть последствия выбора
Иммерсивное обучение	Использование технологий VR (виртуальной реальности) для погружения в среду взаимодействия с гражданами, что развивает эмпатию и снижает уровень бюрократического цинизма
Сторителлинг (метод историй)	Трансляция ценностей через живые примеры (интервью, лекции-встречи) признанных лидеров и ветеранов госслужбы с безупречной репутацией

Общий вывод из вышесказанного можно сделать такой, что организационная культура государственных органов не является простой вариацией общей- её специфика укоренена в институциональной логике публичных организаций. В отличие от частного сектора, результаты деятельности государственных органов с трудом поддаются измерению через прибыль или долю рынка; их легитимность проистекает в большей степени из процессуальной правомерности и соблюдения правил. Такая институциональная среда порождает ряд культурных характеристик, обладающих внутренней устойчивостью. Необходимо обеспечение баланса между адаптивностью и управляемостью на государственной службе при формировании организационной культуры. Успешное прохождение курсов по лидерству и этике, а также демонстрация ценностей на практике должны стать обязательным критерием для аттестации государственных служащих и включения в кадровый резерв.

Список литературы

1. Байер, Ю. П. История возникновения феномена корпоративной культуры / Ю. П. Байер, А. А. Козырев. – URL: https://sciff.ru/istorijavozniknovenijafenomena-korporativnoj-kultury/ (дата обращения: 17.09.2026). – Текст : электронный.

2. Борисенок, А. Л. Понятие организационной культуры как аналог корпоративной культуры / А. Л. Борисенок // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. – 2006. – № 24. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatieorganizatsionnoy-kultury-kak-analog-korporativnoy-kultury (дата обращения: 17.04.2026). – Текст : электронный.

3. Никитина, О. О. Корпоративная культура как инструмент повышение эффективности деятельности организации / О. О. Никитина // Экономические исследования и разработки. – 2022. – № 10. – С. 36–40. – DOI 10.54092/25420208_2022_10_3.

4. О государственной гражданской службе Российской Федерации : Федеральный закон : от 27.07.2004 №79-ФЗ : ред. от 2024 г // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2024. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 04.10.2026). – Текст : электронный.

5. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих [одобрен решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г., протокол №21] // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2010. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 04.10.2026). – Текст : электронный.

6. Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих : Указ Президента Российской Федерации : от 12.08.2002 №885 // Президент России. Официальный сайт. – URL: http://www.kremlin.ru (дата обращения: 04.10.2026). – Текст : электронный.

7. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Российской Федерации : от 09.11.2022 №809 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019 (дата обращения: 04.10.2026). – Текст : электронный.

8. Деханова, Н. Г. Социальный капитал как фактор формирования качества жизни / Н. Г. Деханова, В. А. Сушко, Ю. А. Холоденко // Социология. – 2023. – № 1. – С. 86–96.

Тимашков Алексей Юрьевич
магистрант
Дорофеев Андрей Сергеевич
канд. техн. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет»
г. Иркутск, Иркутская область

ПРОБЛЕМА ПРОВЕРКИ СООТВЕТСТВИЯ СОТРУДНИКОВ ТРЕБОВАНИЯМ К НАЗНАЧЕНИЮ НАГРАД В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация: *в статье рассматривается проблема повышения эффективности и объективности процедуры представления сотрудников образовательной организации к ведомственным и внутренним наградам в условиях цифровизации кадрового управления. Актуальность исследования обусловлена тем, что проверка соответствия работников установленным требованиям во многих вузах осуществляется с использованием разрозненных источников информации и значительного объёма ручных операций. Определенны трудности, связанные с установлением необходимой последовательности награждений, контролем временных интервалов между наградами, соблюдением установленных квот и учётом дополнительных ограничений. Показано, что существующие кадровые информационные системы и распространённые программные решения, включая HRIS, в основном ориентированы на задачи общего кадрового администрирования и не обеспечивают полноценной поддержки специфической логики наградной политики образовательных организаций. В работе систематизированы основные требования к информационной поддержке деятельности наградной комиссии и предложена концепция специализированной информационной системы. Её ключевыми компонентами являются централизованный учёт сведений о сотрудниках и их наградах, формализация нормативных требований, автоматизированная проверка кандидатур, управление квотами, формирование списков претендентов и подготовка отчётности. Сделан вывод о том, что внедрение данного решения способно снизить трудоёмкость процедуры, уменьшить вероятность ошибок, повысить прозрачность и обоснованность решений комиссии, а также обеспечить более оперативную адаптацию системы к изменениям нормативной базы. Научная значимость работы заключается в систематизации требований к цифровой поддержке наградной политики вуза, а практическая – в возможности*

применения предложенной концепции при разработке соответствующих информационных систем.

Ключевые слова: *цифровая трансформация, образовательная организация, награждение сотрудников, кадровое управление, информационная система, автоматизация проверки, наградная комиссия, история награждений.*

Введение.

Цифровая трансформация высшего образования является одним из ключевых направлений развития российской системы образования [4, 3] и затрагивает учебный процесс, научную деятельность, а также административно-управленческие функции вузов, включая кадровое администрирование. В условиях растущих объёмов данных, ужесточения нормативных требований и необходимости повышения эффективности управленческих процессов актуальность приобретает и автоматизация рутинных и трудоёмких операций, связанных с работой персонала [1; 6].

Система награждения сотрудников занимает важное место в кадровой политике образовательной организации. Ведомственные и внутренние награды выполняют функции признания профессиональных заслуг, материальной и нематериальной мотивации, формирования кадрового резерва и укрепления корпоративной культуры [11]. Корректное и своевременное представление работников к наградам способствует повышению лояльности персонала, стимулирует профессиональный рост и позволяет вузу демонстрировать качество своего кадрового потенциала перед учредителями и профессиональным сообществом.

На практике процедура проверки соответствия сотрудников требованиям к назначению наград в большинстве образовательных организаций остаётся преимущественно ручной. Кадровые службы и члены конкурсных (наградных) комиссий используют бумажные личные дела, приказы, электронные таблицы и разрозненные локальные базы данных. Расчёт стажа, проверка последовательности награждений, соблюдение временных интервалов, учёт квот и ограничений выполняются вручную или с минимальной автоматизацией. Такая организация работы характеризуется высокой трудоёмкостью, значительным риском ошибок и низкой прозрачностью принимаемых решений [1; 6; 7].

Целью настоящей статьи является анализ проблемы проверки соответствия сотрудников требованиям к назначению наград в образовательной организации и обоснование подхода к её решению на основе специализированной информационной системы. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: анализ предметной области и нормативной базы ведомственных и внутренних наград; выявление ключевых проблем существующей практики проверки соответствия; обзор современных подходов и решений в области автоматизации кадрового учёта; формулирование концепции информационной системы поддержки деятельности конкурсной комиссии.

Анализ предметной области и нормативной базы.

Система награждения работников образовательных организаций высшего образования регулируется как федеральным ведомственным законодательством, так и локальными нормативными актами вузов. Центральное место в этой системе занимает Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 13 августа 2021 г. №748 «О ведомственных наградах Министерства науки и высшего образования Российской Федерации» (с изменениями, в том числе внесёнными Приказом от 29 июля 2025 г. №600). Данный документ учреждает комплекс ведомственных наград и утверждает положения о каждой из них, а также общий порядок представления к награждению.

Наряду с ведомственными наградами в образовательных организациях действуют внутренние (корпоративные) награды: благодарности ректора, почётные грамоты вуза, нагрудные знаки «За заслуги перед университетом», звания «Почётный профессор» / «Почётный работник вуза» и иные формы поощрения, устанавливаемые локальными положениями (Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»,

ст. 30). Эти награды, как правило, имеют более низкий «ранг» и часто служат промежуточным этапом перед представлением к ведомственным наградам.

Для большинства наград установлены минимальные сроки общего стажа в определенной сфере деятельности и стажа в представляющей организации. Так, для нагрудного знака «Ветеран» требуется не менее 15 лет работы в установленной сфере, из них не менее 3 лет – в организации, представляющей к награждению. Для медали К.Д. Ушинского – не менее 20 лет в области развития системы высшего образования и педагогических наук (включая не менее 3 лет в представляющей организации). Для медали «За безупречный труд и отличие» – непрерывный стаж в представляющей организации не менее 7 лет, в том числе не менее 1 года в занимаемой должности. Для Почётной грамоты Министерства – не менее 3 лет работы в организации.

Представление к наградам, как правило, осуществляется в определённой последовательности (Рис.1): от Почётной грамоты и нагрудных знаков «Молодой учёный» / «Почётный наставник» – к медалям, затем к почётным званиям и, наконец, к медали К.Д. Ушинского и нагрудному знаку «Ветеран». Награждение очередной ведомственной наградой за новые заслуги возможно не ранее чем через два года после предыдущего награждения. Повторное награждение одной и той же наградой (за исключением Почётной грамоты) не допускается.

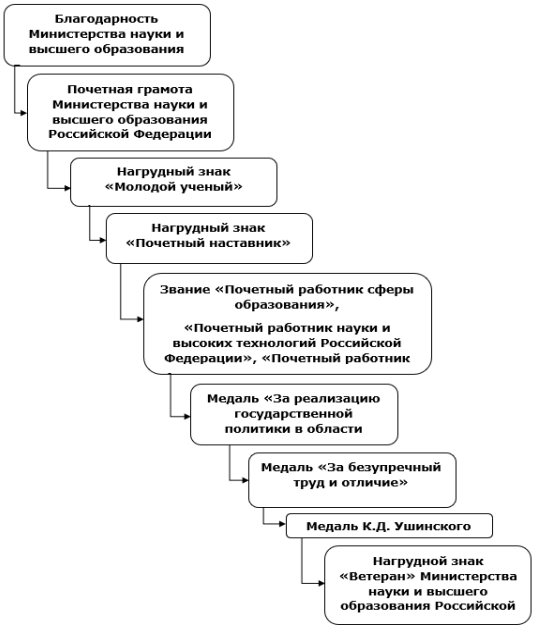

Рис. 1. Последовательность вручения ведомственных наград Минобрнауки

Для ряда высоких наград (медаль К.Д. Ушинского, почётные звания) требуется наличие более ранних ведомственных наград Министерства или органов, ранее осуществлявших соответствующие полномочия.

Количество представляемых к награждению работников ограничивается. В общем Положении о ведомственных наградах предусмотрены нормативы, зависящие от численности организации. На практике вузы дополнительно устанавливают внутренние квоты по подразделениям и видам наград.

Проблематика проверки соответствия требованиям.

Несмотря на наличие формализованных нормативных критериев, их проверка в условиях современного вуза остаётся многоэтапной и ресурсоёмкой.

Одной из наиболее очевидных проблем является высокая трудоёмкость ручной проверки. Сотрудники кадровых служб и члены комиссий вынуждены вручную сопоставлять данные

из личных дел, приказов о награждении, трудовых книжек (или сведений о трудовой деятельности), локальных приказов о поощрениях и других разрозненных источников. Расчёт общего и непрерывного стажа, проверка дат предыдущих наград, сопоставление с квотами и требованиями конкретной награды требуют значительных временных затрат [5; 7].

Тесно связан с этим высокий риск ошибок при расчёте стажа и временных интервалов [7; 9]. Стаж работы в установленной сфере деятельности и в конкретной организации может включать периоды работы в реорганизованных структурах, совместительство, перерывы, переводы между подразделениями и филиалами. Ручной подсчёт дат с учётом всех этих нюансов приводит к неточностям: пропуску месяцев, неправильному определению непрерывности стажа, ошибкам в вычислении интервала между награждениями (который, согласно нормативным требованиям, должен составлять не менее двух лет). Такие ошибки могут необоснованно исключить достойного кандидата, а также допустить к представлению лицо, не соответствующее требованиям, что создаст риски для организации при последующей проверке документов Министерством.

Кроме того, системной проблемой является отсутствие централизованного хранилища истории наград. Информация о ведомственных и внутренних наградах сотрудников, как правило, хранится фрагментарно: часть – в бумажных личных делах, часть – в приказах по основной деятельности, часть – в локальных электронных таблицах или разрозненных базах кадровых подразделений. Единого актуального реестра, который позволял бы быстро получить полную хронологию поощрений конкретного работника, в большинстве вузов нет. Это затрудняет проверку последовательности награждений и наличия необходимых предыдущих наград, а также усложняет подготовку отчётности и анализ кадровой политики в части мотивации персонала [5–7].

Дополнительную сложность создаёт формирование списков претендентов с учётом квот и последовательности. Нормативные документы устанавливают ограничения на количество представляемых к награждению лиц в зависимости от численности организации. Кроме того, необходимо соблюдать рекомендуемую последовательность перехода от менее значимых наград к более высоким. В условиях многоуровневой структуры вуза (институты, факультеты, кафедры, научные подразделения) распределение квот между подразделениями, учёт приоритетов и исключение дублирования кандидатов превращаются в непростую организационную задачу. Отсутствие автоматизированных инструментов приводит к тому, что списки формируются на основе экспертных оценок и договорённостей, а это только повышает субъективность процесса [8; 9].

Следствием перечисленных проблем становится низкая прозрачность и объективность работы конкурсной комиссии. Когда проверка соответствия требованиям выполняется вручную и опирается на неполные или разрозненные данные, решения комиссии могут восприниматься сотрудниками как недостаточно обоснованные. Это снижает доверие к системе награждения, уменьшает её мотивационный эффект и может порождать конфликты. Кроме того, отсутствие чёткого электронного следа проверок затрудняет последующий аудит и защиту решений комиссии [8].

Ограниченность существующих инструментов усугубляет все указанные трудности. Наиболее распространёнными средствами остаются электронные таблицы (Excel) и простейшие локальные базы данных. Они позволяют частично структурировать информацию, но не обеспечивают автоматический расчёт стажа с учётом сложных кадровых ситуаций, формализованную проверку правил последовательности и интервалов, поддержку квот и формирование рейтинговых списков.

Таким образом, существующие инструменты не обеспечивают автоматизированную проверку соответствия кандидатов требованиям к награждению, и поэтому необходимо специализированное информационное решение.

Обзор существующих подходов и решений.

Значительное внимание уделяется внедрению систем управления персоналом и экспертных систем HRIS, направленных на повышение эффективности кадрового администрирования, расчёта заработной платы, учёта достижений и стимулирования сотрудников [5; 7; 9].

В российской практике в основном используются решения на платформе «1С:Предприятие». Типовые и отраслевые конфигурации («1С:Зарплата и кадры государственного учреждения», «1С:Университет» и их модификации) широко используются в вузах для ведения кадрового учёта, формирования штатного расписания, расчёта заработной платы и стипендий, подготовки регламентированной отчётности. Кейсы внедрения демонстрируют существенное сокращение трудозатрат на рутинные операции, повышение актуальности данных о сотрудниках и возможность интеграции с другими информационными системами вуза.

Наряду с типовыми HR-системами в ряде университетов разрабатываются и внедряются специализированные решения, ориентированные на оценку и стимулирование эффективности работы научно-педагогических работников. Примерами служат автоматизированные системы учёта достижений и расчёта стимулирующих выплат. Такие системы позволяют агрегировать показатели публикационной активности, участия в проектах, педагогической нагрузки и формировать рейтинги или надбавки. Существуют также инструменты учёта научных результатов и наград, которые поддерживают электронный профиль сотрудника [10].

Анализ сильных и слабых сторон существующих решений применительно к задаче проверки соответствия требованиям к назначению наград позволяет выделить ряд преимуществ: централизованное хранение основных кадровых данных (ФИО, должность, подразделение, даты приёма и переводов), автоматизацию расчёта стажа в типовых конфигурациях, несмотря на ограничения при обработке сложных случаев непрерывности стажа, наличие механизмов интеграции с другими информационными системами вуза, а также поддержку учёта достижений и стимулирующих выплат в специализированных модулях.

К слабым сторонам существующих решений применительно к задаче награждения относятся отсутствие формализованных правил проверки последовательности ведомственных наград, соблюдения временных интервалов между ними и требований конкретных нормативных положений, ограниченная поддержка сложных сценариев расчёта стажа, включая учёт реорганизаций, совместительства, периодов работы в предшествующих организациях и сохранение непрерывности стажа при ликвидации или реорганизации, отсутствие механизмов автоматического контроля установленных квот и формирования списков претендентов с учётом рекомендуемой последовательности награждений, недостаточная проработанность учёта истории ведомственных и внутренних наград как самостоятельного объекта данных, слабая поддержка проверки ограничений, связанных с наличием действующих взысканий, служебных проверок и уголовных дел, а также необходимость существенной доработки существующих систем или разработки внешних решений для реализации логики, специфичной для наградной политики Минобрнауки России [2].

Таким образом, существующие HRIS и системы стимулирования персонала в вузах решают задачи общего кадрового учёта, расчёта выплат и мониторинга эффективности, однако не обладают достаточной специализацией под комплекс требований, установленных ведомственными нормативными актами о наградах. Готовые решения либо требуют существенной кастомизации, либо вообще не покрывают ключевые аспекты автоматической проверки соответствия кандидатов. Это объясняет актуальность разработки целевой информационной системы, ориентированной именно на поддержку работы конкурсных (наградных) комиссий образовательных организаций.

Предлагаемый подход к решению проблемы.

Для преодоления выявленных проблем ручной проверки соответствия сотрудников требованиям к назначению наград предлагается концепция специализированной информационной системы поддержки деятельности конкурсной (наградной) комиссии образовательной организации (рис. 2). Система ориентирована на формализацию нормативных правил, автоматизацию ключевых проверок и обеспечение прозрачности процесса формирования

списков претендентов. Она не заменяет существующие HRIS вуза, а дополняет их в части, связанной именно с наградной политикой.

Рис. 2. Обобщенная структура проектируемой системы

Основные функциональные возможности системы включают следующее.

1. Учёт сотрудников и истории наград. Централизованное хранение актуальных сведений о работниках (ФИО, должность, подразделение, даты приёма, переводов и увольнений) и полной хронологии полученных ведомственных и внутренних наград с указанием дат, оснований и реквизитов приказов. Предусматривается возможность импорта данных из кадровых систем вуза и ручного дополнения истории при отсутствии электронных записей.

2. Формализация правил и требований. Описание требований к каждой награде (минимальный общий и непрерывный стаж, наличие предшествующих наград, допустимые временные интервалы, ограничения по взысканиям и иным основаниям) в виде структурированных правил. Правила могут обновляться при изменении нормативной базы (например, при корректировке Приказа №748) без переработки программного кода.

3. Автоматическая проверка соответствия. Алгоритмическая оценка кандидата на соответствие требованиям выбранной награды: расчёт стажа с учётом сложных кадровых ситуаций (реорганизации, совместительство, сохранение непрерывности), проверка последовательности и интервалов между награждениями, контроль отсутствия действующих дисциплинарных взысканий и иных ограничивающих факторов. Результат проверки представляется в виде протокола с указанием выполненных и невыполненных условий.

4. Формирование списков претендентов и доступных наград. Автоматическое построение списков сотрудников, удовлетворяющих требованиям конкретной награды или группы наград, с возможностью фильтрации по подразделениям, должностям и другим параметрам. Система определяет, какие награды доступны каждому сотруднику с учётом его истории и текущих правил.

5. Поддержка квот и отчётности. Учёт установленных квот (общих и по подразделениям), контроль их соблюдения при формировании итоговых списков, генерация сводных отчётов, наградных листов и аналитических материалов для комиссии и руководства вуза. Предусматривается ведение журнала действий пользователей для обеспечения аудита.

Возможная архитектура системы строится по трёхкомпонентной схеме:

– база данных – реляционное хранилище сведений о сотрудниках, наградах, правилах, квотах и результатах проверок. Обеспечивает целостность данных, версионность истории наград и возможность интеграции с внешними источниками (кадровая система вуза, система электронного документооборота);

– модуль алгоритмов проверки – набор процедур и правил, реализующих логику расчёта стажа, проверки последовательности, интервалов и ограничений. Может быть реализован

как набор хранимых процедур, сервисов или отдельного вычислительного компонента с возможностью расширения (в том числе с использованием элементов экспертных систем);

– пользовательский интерфейс – приложение для сотрудников кадровой службы и членов конкурсной комиссии. Обеспечивает удобный ввод и просмотр данных, запуск проверок, работу со списками претендентов, формирование отчётов и визуализацию результатов. Предусматривается ролевая модель доступа и журналирование операций.

Внедрение предложенной системы позволит сократить время, затрачиваемое на подготовку и проверку документов, за счёт автоматизации расчётов и формирования списков претендентов, снизить количество ошибок, связанных с неточным определением стажа, временных интервалов и последовательности награждений, повысить прозрачность и объективность работы комиссии благодаря применению формализованных правил и ведению фиксируемых протоколов проверки, а также улучшить качество кадровой аналитики в области наградной политики и обеспечить возможность оперативного реагирования на изменения нормативно-правовой базы.

Заключение.

В качестве направления решения предложена концепция информационной системы, обеспечивающей централизованный учёт истории наград, формализацию нормативных правил, автоматическую проверку соответствия кандидатов, формирование списков претендентов с учётом квот и подготовку отчётности. Ожидаемые эффекты включают сокращение трудозатрат, снижение количества ошибок, повышение объективности и прозрачности решений комиссии.

Научная значимость работы состоит в систематизации проблем наградной политики образовательных организаций в контексте цифровой трансформации и в формулировании требований к специализированной информационной поддержке данного процесса. Практическая значимость заключается в возможности использования предложенной концепции при проектировании и внедрении соответствующих программных решений в вузах.

Список литературы

1. Абарникова, Е. Б. Цифровая трансформация высшего образования: реальные проблемы и возможные пути решения / Е. Б. Абарникова // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. – 2025. – № 9. – С. 36–51.

2. Трансформация управления персоналом в условиях цифровой экономики: от административной функции к стратегическому партнёрству / А. Ю. Анисимов, С. А. Алексахина, И. И. Молчанов, Р. Ю. Голиков // Лидерство и менеджмент. – 2025. – Т. 12, № 5. – С. 1131–1142.

3. Громова, Т. В. Цифровая трансформация высшего образования: компоненты и условия функционирования (на примере Самарского государственного экономического университета) / Т. В. Громова // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 8, № 6. – С. 641–647.

4. Гурина, Е. А. Цифровая трансформация кадровой политики образовательных организаций высшего образования в России / Е. А. Гурина, М. Р. Курбатова // Знание. Понимание. Умение. – 2024. – № 3. – С. 74–81.

5. Петров, С. А. Автоматизированная информационная система оценки и стимулирования эффективности работы сотрудников вуза / С. А. Петров, С. К. Попов // Информатика и образование. – 2016. – № 4. – С. 11–15.

6. Успаева, М. Г. Цифровая трансформация высшего образования в России / М. Г. Успаева, А. М. Гачаев // Управление образованием: теория и практика. – 2024. – Т. 14, № 12–2. – С. 91–98.

7. Ball, K. S. The use of human resource information systems: a survey / K. S. Ball // Personnel Review. – 2001. – Vol. 30, No. 6. – P. 677–693.

8. Human resource information systems: Information security concerns for organizations // Human Resource Management Review. – 2013. – Vol. 23, No. 1. – P. 105–113.

9. Irum, A. Human resource information systems: a strategic contribution to HRM / A. Irum, R. S. Yadav // Strategic Direction. – 2019. – Vol. 35, No. 10. – P. 4–6.

10. Mbamba, U. O. L. Human Resource Information Systems Usage and Competitiveness of Organisations: A Survey of Higher Learning Institutions in Tanzania / U. O. Mbamba, J. J. Sanga // University of Dar es Salaam Library Journal. – 2024. – Vol. 19, No. 1. – P. 156–172.

11. Ngai, E. W. T. Human resource information systems: A review and empirical analysis / E. W. Ngai, F. K. Wat // Personnel Review. – 2006. – Vol. 35, No. 3. – P. 297–314.

Федосов Юрий Александрович
студент
Научный руководитель
Соколова Ирина Александровна
канд. филос. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный
университет путей сообщения»
г. Хабаровск, Хабаровский край

ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОС В СТРУКТУРЕ ЯКОРЕЙ КАРЬЕРЫ: ТИПОЛОГИЯ КАНДИДАТОВ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ

Аннотация: *в статье рассматривается роль жилищного вопроса в удержании молодых специалистов на железнодорожном транспорте. На основе анализа российских исследований трудовой мотивации, данных опросов рекрутинговых платформ и проектов лауреатов Премии HR-бренд, в том числе с участием ОАО «РЖД», показано, что ипотека кандидата не является однозначным признаком будущей лояльности. С опорой на концепцию якорей карьеры Э. Шейна в российской адаптации установлено, что рыночный кредит связывает работника с местом жительства и уровнем дохода, а корпоративные жилищные программы – с конкретным работодателем. Предложена типология кандидатов из четырёх типов с рекомендациями по удержанию, дополняющая существующие подходы к выявлению мотивации при найме.*

Ключевые слова: *якоря карьеры, удержание персонала, подбор персонала, корпоративная ипотека, бренд работодателя, молодые специалисты, железнодорожный транспорт.*

Кадровый дефицит 2025–2026 гг. сделал удержание принятых сотрудников не менее сложной задачей, чем их поиск. На железнодорожном транспорте это особенно заметно: около трети из 677,3 тыс. работников ОАО «РЖД» моложе 35 лет, а коэффициент оборота по выбытию за 2024 г. составил порядка 18,7% [6].

Одним из факторов удержания молодых специалистов становится жилищный вопрос: собственное жильё для них важно, но без поддержки труднодостижимо – средняя ставка рыночной ипотеки на вторичном рынке в сентябре 2026 г. составляла около 18,7% годовых [8]. Работодатель, берущий часть этой нагрузки на себя, получает преимущество: по данным опроса hh.ru и группы «Ренессанс страхование», 58% жителей городов-миллионников готовы перейти к работодателю с льготной ипотекой, причём больше половины из них – даже с потерей в зарплате [1]. Поэтому распространённое мнение, что кандидат с ипотекой надёжнее других, верно лишь отчасти: ипотека привязывает человека, но не обязательно к нынешнему работодателю.

Для выявления мотивов кандидата при найме в российской практике сложилось несколько инструментов. Типологическая концепция В.И. Герчикова выделяет инструментальный, профессиональный, патриотический, хозяйский и избегательный типы трудовой мотивации [2; 10, с. 158]; с её помощью, например, показано, что мотивационный профиль работника меняется со стажем в компании [10, с. 156]. Карьерные ориентации, в том числе при приёме на работу, оценивают методикой «Якоря карьеры» Э. Шейна [11], а в подборе распространяются чек-листы риска раннего ухода, учитывающие время в пути, приход по рекомендации, значение зарплаты при выборе компании [4]. Эти инструменты описывают внутренние мотивы кандидата или общие признаки риска, но не рассматривают его внешние обязательства и то, может ли работодатель на них повлиять. Цель статьи – показать связь жилищных обязательств кандидата с его якорями карьеры и обратить внимание на то, что одни и те же обязательства могут как удерживать работника в компании, так и подталкивать его к уходу. На этой основе существующие подходы к выявлению мотивации при найме предлагается дополнить признаком того, к кому привязаны обязательства кандидата.

Якорем карьеры Э. Шейн называл ценностную ориентацию, от которой человек не откажется, если придётся выбирать: профессиональная компетентность, менеджмент, автономия, стабильность, служение, вызов, интеграция стилей жизни и предпринимательство. Большинство из них связано с содержанием работы и карьерой, и лишь стабильность прямо касается условий жизни, в том числе жилья. В российской адаптации методики она разделена на две шкалы: «стабильность работы» (ценность надёжного места и социальных гарантий) и «стабильность места жительства» (нежелание переезжать даже ради повышения). У российской молодёжи первая оказывается одним из самых востребованных якорей, а вторая – наименее востребованным [7].

Это разделение и объясняет, почему ипотека не гарантирует лояльности. Рыночный кредит привязывает человека к городу и уровню дохода, усиливая якорь «стабильность места жительства», но не к компании: такой работник скорее перейдёт туда, где платят больше. Корпоративная ипотека, жилищные выплаты за стаж, отработка по договору о целевом обучении при увольнении теряются и потому усиливают якорь «стабильность работы» именно в данной организации. В результате у двух одинаково «оседлых» кандидатов с ипотекой прогноз удержания может быть противоположным. Насколько эта логика уже присутствует в практике, показывает анализ проектов лауреатов Премии HR-бренд – крупнейшего в России конкурса проектов в области управления персоналом (таблица 1).

Таблица 1

Проекты лауреатов Премии HR-бренд 2025 г., связанные с удержанием персонала [3]

Компания, проект, год премии	Содержание проекта	Подкрепляемый якорь
РУСАГРО, «Молодёжная ферма», 2025 («Регион», серебро)	Жильё, транспорт, карьерные маршруты для молодёжи; текучесть снизилась в 3,3 раза	Стабильность работы, менеджмент
«Четыре лапы», «Калькулятор возможностей», 2025 («Федерация», серебро)	Прозрачный расчёт дохода и моделирование карьерных сценариев	Менеджмент, стабильность работы

В проекте РУСАГРО жилищный вопрос молодого специалиста фактически превращён в обязательство, привязанное к работодателю. Однако в обоих проектах меры обращены ко всей категории персонала, а определение того, что удерживает конкретного кандидата, при найме не описано.

ОАО «РЖД» участвует в премии как партнёр: в 2023 г. компания учредила номинацию «Для людей дела» для проектов по работе с массовым и линейным персоналом [12]. В 2022 г. РЖД совместно с hh.ru провели спецпроект, где участники в игровой форме собирали собственный «состав» из корпоративных льгот [5]. Идея «состава из льгот» подходит и для адресной работы: зная якоря кандидата, ему можно предложить тот набор, который удержит именно его.

Для этого при найме предлагается учитывать два признака одновременно: обязательства, не зависящие от работодателя (рыночная ипотека, кредиты, выбор работы прежде всего по окладу), и обязательства, и связи, привязывающие к организации (интерес к корпоративной жилищной программе, целевое обучение, знакомые в коллективе, семья в регионе). Их сочетание даёт четыре типа кандидатов (табл. 2). В столбцах таблицы для каждого типа указаны сочетание признаков, характерные якоря карьеры, источник риска ухода и то, на что HR-специалисту опереться в предложении о работе.

Таблица 2

Типы кандидатов по сочетанию якорей карьеры и обязательств

Тип кандидата	Обязательства вне / в компании	Характерные якоря карьеры	Источник риска ухода; на что опереться HR
«Свободный»	мало / мало	Вызов, автономия, компетентность	Разочарование в работе; наставничество, интересные задачи
«Доходозависимый»	много / мало	Стабильность места жительства	Более высокий оклад у конкурента; совокупное вознаграждение, жилищная программа
«Ориентированный на компанию»	мало / много	Стабильность работы, менеджмент	Задержка обещанных льгот; своевременное включение в программы
«Укоренённый»	много / много	Обе шкалы стабильности	Риск низкий, но возможна работа без вовлечённости; внимание к вовлечённости

Типология дополняет существующие подходы. Тип «Доходозависимый» внешне близок к инструментальному типу по В.И. Герчикову [10, с. 158], но его ориентация на заработок вызвана обязательствами и может ослабнуть, если работодатель возьмёт их часть на себя [1]. Так, из двух кандидатов в помощники машиниста с рыночной ипотекой первый выбирает работодателя по окладу («Доходозависимый»), а второй пришёл по рекомендации знакомого и интересуется корпоративной жилищной программой («Укоренённый»). Первому важнее показать совокупное вознаграждение с жилищной поддержкой (в ОАО «РЖД» – льготная ипотека под 2–4,5% годовых и выплаты на жильё за стаж [6]), второму – перспективы роста.

Поскольку отказ в приёме на работу по обстоятельствам, не связанным с деловыми качествами, запрещён [9], а сведения об обязательствах кандидат сообщает только добровольно, тип кандидата следует использовать не при отборе, а при подготовке предложения о работе и плана адаптации.

Таким образом, ипотека сама по себе не говорит о будущей лояльности кандидата: рыночная ипотека усиливает якорь стабильности места жительства, а корпоративные жилищные программы – стабильности работы. Работодатели, включая ОАО «РЖД», подкрепляют якоря сотрудников одинаково для всех, а предложенная типология позволяет учитывать их уже при найме; её проверка на выборке молодых работников транспортных предприятий Дальневосточного региона – перспектива исследования.

Список литературы

1. В hh.ru назвали долю готовых сменить работодателя ради льготной ипотеки россиян. – URL: https://finance.mail.ru/article/v-hhru-nazvali-dolyu-gotovyih-smenit-rabotodatelya-radi-lgotnoj-ipoteki-rossiyan-69227020/ (дата обращения: 08.10.2026). – Текст : электронный.

2. Герчиков, В. И. Типологическая концепция трудовой мотивации (часть 1) / В. И. Герчиков // Мотивация и оплата труда. – 2005. – № 2. – С. 53–62.

3. Какие проекты 2025 года стали лучшими по итогам Премии HR-бренд. – URL: https://hh.ru/blog/premiya-hr-brend-2025 (дата обращения: 08.10.2026). – Текст : электронный.

4. Лопатин, А. Как сэкономить миллионы на текучке кадров с помощью аналитики и прогнозов / А. Лопатин. – URL: https://habr.com/ru/articles/932416/ (дата обращения: 08.10.2026). – Текст : электронный.

5. Отгружаем соцпакеты вагонами: новый кейс о продвижении бренда работодателя. – URL: https://hh.ru/article/30314 (дата обращения: 06.10.2026). – Текст : электронный.

6. Отчёт об устойчивом развитии ОАО «РЖД» за 2024 год. – URL: https://sr2024.rzd.ru/ru (дата обращения: 06.10.2026). – Текст : электронный.

7. Полянская, Е. Н. Карьерные ориентации современной российской молодежи / Е. Н. Полянская // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 2. – URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=12457 (дата обращения: 08.10.2026). – Текст : электронный.

8. Ставки по ипотеке: сколько стоит жилищный кредит к 22 сентября 2026 года. – URL: https://www.sravni.ru/text/stavki-po-ipoteke-na-22-sentyabrya-2026-goda/ (дата обращения: 08.10.2026). – Текст : электронный.
9. Трудовой кодекс Российской Федерации : от 30.12.2001 №197-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 11.10.2026). – Текст : электронный.
10. Харченко, В. С. Мотивация и мотивационные профили сотрудников современных организаций / В. С. Харченко // Социологическая наука и социальная практика. – 2021. – Т. 9, № 1. – С. 156–171. – DOI 10.19181/snsp.2021.9.1.7879.
11. Якорь карьеры Шейна. – URL: https://www.hr-director.ru/article/67153-metodika-yakorya-karery-sheyna-19-m3 (дата обращения: 08.10.2026). – Текст : электронный.
12. HR-практики высшей пробы: кому достались золотые, серебряные и бронзовые награды Премии HR-бренд 2023. – URL: https://hh.ru/article/hr-praktiki-vysshej-proby-komu-dostalis-zolotye-serebryanye-i-bronzovye-nagrady-premii-hr-brend-2023 (дата обращения: 06.10.2026). – Текст : электронный.

Шило Кирилл Владимирович
магистрант
Научный руководитель
Приходько Александра Николаевна
канд. экон. наук, доцент, доцент

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

ОБЕСПЕЧЕНИЕ КАДРОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРОИТЕЛЬНОЙ КОМПАНИИ В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ НА РЫНКЕ ТРУДА

Аннотация: *в статье рассматриваются теоретические и прикладные аспекты обеспечения кадровой безопасности строительной компании в условиях устойчивого дефицита трудовых ресурсов. На основе анализа отраслевой статистики и экспертных оценок (дефицит 200–400 тыс. человек, прогноз дополнительной потребности до 800 тыс. к 2030 г.) выявлены специфические угрозы кадровой безопасности, порождаемые ограниченным предложением труда: вымывание квалифицированного ядра, «перекупка» персонала, рост стоимости рабочей силы при снижении качества человеческого капитала, уязвимость к мобильности мигрантов и др. Обоснована необходимость перехода от защитной модели кадровой безопасности к проактивной, интегрированной с кадровой стратегией. Предложен комплексный механизм, включающий развитие собственного кадрового потенциала, удержание критических компетенций, диверсификацию источников найма и цифровизацию кадровых процессов. Материал предназначен для руководителей строительных организаций, HR-специалистов и исследователей в области экономики труда и экономической безопасности.*

Ключевые слова: *кадровая безопасность, строительная компания, дефицит кадров, рынок труда, удержание персонала, человеческий капитал, экономическая безопасность.*

Введение.

Строительство во многом зависит от человеческого фактора: результат формируется на стыке инженерных решений, квалификации кадров и организации производства. В настоящее время эта зависимость стала критической. По экспертным оценкам, дефицит сотрудников в отрасли составляет 200–400 тысяч человек, а к 2030 г. Дополнительная потребность может достигнуть 800 тысяч работников.

В данных условиях кадровая безопасность перестает быть главной задачей HR и становится фактором выживания бизнеса. В классическом понимании кадровая безопасность

ориентирована на защиту от внутренних угроз, связанных с персоналом. Однако при дефиците на рынке труда ключевые угрозы носят внешний характер. Основными являются конкуренты, переманивающие работников, а также из-за структурных проблем рынка труда вложенные в людей знания и умения обесцениваются.

Цель работы – обосновать содержание и инструменты кадровой безопасности строительной компании в условиях дефицита кадров на рынке труда. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: уточнение понятия кадровой безопасности в отрасли строительства, распознавание угроз, порождаемых ограниченным предложением труда, а также разработка мер проактивного характера [1–3].

На теоретическом основании кадровая безопасность рассматривается как часть экономической безопасности предприятия. Она управляет человеческим капиталом так, чтобы организация сохраняла способность достигать цели даже в условиях неблагоприятной внешней среды. При условии профицитного рынка труда эта способность обеспечивалась возможностью заменить сотрудника. Однако в условиях дефицита данная возможность исключается. Именно поэтому фокус внимания смещается, поскольку важна не только защита от недобросовестного сотрудника, но также обеспечение критически важных компетенций и снижение зависимости от внешнего предложения труда.

Для строительства это особенно значимо. Данная отрасль зависит от руководителей проектов, главных инженеров, а также от массовых рабочих профессий. По данным НОСТРОЙ, 77% потребности приходится на рабочие кадры, 23% – на инженерно-технических работников. Для наглядности представлена круговая диаграмма потребности на рынке труда на рис. 1.

Рис. 1. Потребность рабочих в строительной сфере

Проанализировав угрозы кадровой безопасности, можно выделить несколько групп угроз, порождаемых ограниченным предложением труда, а также разработать методы предотвращения угроз благодаря инструментам проактивного реагирования. Данные представлены в таблице 1.

Таблица 1

Угрозы кадровой безопасности строительной компании
в условиях дефицита труда и инструменты реагирования

Группа угроз	Проявление в строительной компании	Индикатор раннего предупреждения	Инструмент проактивного реагирования
Вымыванием квалифицированного ядра	Уход ключевых рабочих и ИТР к конкурентам, потеря целостных компетенций	Доля текучести по критическим категориям; число «перекупленных» работников за период	Карьерные треки, целевые надбавки, участие в ключевых проектах, наставничество
Рост стоимости труда при снижении качества	Закрытие вакансий «любой ценой», рост брака и травматизма	Отношение роста зарплат к росту производительности; доля работников с недостаточной квалификацией	Внутреннее обучение, аттестация, допуск к работам только после проверки компетенций
Уязвимость миграционного канала	Сокращение притока мигрантов, срывы сроков из-за нехватки рабочих	Доля вакансий, закрываемых через миграционный канал; срок закрытия вакансий	Диверсификация найма, работа с регионами, временный персонал
Демографическое сжатие и слабый приток молодежи	Старение персонала, низкая доля работников до 30 лет	Средний возраст работников; доля молодежи; число выпускников, оставшихся в отрасли	Партнерство с вузами и колледжами, целевое обучение, профориентация, стажировки
Неопределенность загрузки	Короткий горизонт планирования, невозможность прогноза потребности в кадрах	Загрузка в месяцах; отклонение фактической численности от плановой	Сценарное планирование, гибкие формы занятости, кадровый резерв
Переток компетенций через субподряд	Утрата контроля над квалификацией персонала партнеров	Доля субподрядных работ; доля партнеров без подтвержденной квалификации	Аудит партнеров, требования к квалификации, включение кадровых условий в договоры

Таким образом, кадровая безопасность интегрируется в общую стратегию строительной компании, обеспечивая ее способность выполнять обязательства в условиях дефицитного рынка труда.

Механизм обеспечения кадровой безопасности, является переход от защиты к проактивному управлению. Традиционная модель кадровой безопасности, ориентированная на контроль и предотвращение злоупотреблением, недостаточна в условиях дефицитной среды на рынке труда. Она работает с теми, кто уже является частью организации, но не решает проблему притока и воспроизводства критически важных компетенций. Необходим переход к проактивной модели, интегрированной с кадровой стратегией и развития компании в целом. Для этого необходимо составить направления проактивной модели кадровой безопасности строительной компании. Данные представлены в таблице 2.

Таблица 2

Направления проактивной модели кадровой безопасности

Направление	Ключевые меры	Вклад в кадровую безопасность
1. Приоритет «выращивания» над «покупкой»	Создание внутренних центров компетенций, наставничество, целевое обучение в партнёрстве с вузами и колледжами, инвестиции в автоматизацию и BIM-процессы	Снижает зависимость от внешнего рынка труда, формирует лояльность работников и воспроизводство критических компетенций внутри компании
2. Удержание носителей критических компетенций	Идентификация «незаменимых» работников, конкурентная оплата, карьерные треки, участие в ключевых проектах, нематериальные стимулы	Предотвращает потерю целостных компетенций и накопленного опыта, снижает риск «перекупки» персонала конкурентами
3. Диверсификация источников найма	Комбинирование каналов: внутренний резерв, выпускники учебных заведений, возвращение ранее уволенных, временный персонал для пиковых нагрузок, аутстаффинг	Снижает зависимость от одного канала (внешнего рынка или миграции), создаёт «подушку безопасности» при отказе отдельного источника
4. Цифровизация как инструмент высвобождения человеческого капитала	Внедрение BIM, VR-обучения, электронного документооборота, HR-аналитики; мониторинг текучести, вовлеченности, аномалий поведения	Повышает производительность и позволяет достигать результатов меньшим числом работников, а также создаёт основу для раннего предупреждения кадровых угроз
5. Институционализация кадровой безопасности в системе управления	Распределение ответственности за кадровые риски, регламенты взаимодействия подразделений, регулярный аудит; включение субподрядчиков в контур кадровой безопасности (контроль квалификации, охрана труда, недопущение перетока компетенций)	Придаёт мерам системный, а не разовый характер; охватывает партнёрский контур и снижает риски, связанные с субподрядом

Представленные направления образуют целостный механизм перехода от защитной модели к проактивной, где каждое направление закрывает свою группу угроз «выращивание» кадров противодействует вымыванию квалифицированных ядра работников, диверсификация найма снижает уязвимость от миграционного канала, цифровизация смягчает дефицит и обеспечивает мониторинг рисков. В совокупности данные направления позволяют строительной компании сохранять устойчивость даже в условиях, когда внешний рынок труда перестает быть надежным поставщиком необходимых ресурсов.

Заключение.

В условиях ограниченного предложения на рынке труда, меняется природа кадровой безопасности строительной компании. Поскольку дефицит носит структурный характер, он не может быть преодолен только повышением оплаты труда, для эффективной стратегии необходим переход от защитной модели к проактивной, интегрированной с кадровой и производственной стратегией.

Развитие собственного человеческого капитала, удержание критически важных компетенций, диверсификация каналов найма, а также цифровизация, являются ключевыми направления для исправления ситуации в положительный вектор. Данные мероприятия не устранят дефицит полностью, однако это позволит компании сохранить устойчивость и выполнять обязательства в условиях, когда рынок труда перестает быть надежным источников кадров.

Список литературы

1. Крынина, Н. Н. Анализ кадровой составляющей экономической безопасности строительной организации / Н. Н. Крынина // Экономика и социум. – 2022. – № 3–2 (94). – С. 616–623.
2. Крицкая, А. А. Кадровая безопасность как объект кадровой политики / А. А. Крицкая, К. Н. Сидельникова // Ростовский научный журнал. – 2016. – Т. 9, № 12. – С. 97–107.
3. Мельников, А. Б. Особенности обеспечения экономической безопасности на предприятиях строительной отрасли / А. Б. Мельников, И. В. Снимщикова, С. В. Маркова // Теория и практика общественного развития. – 2011.
4. Рекомендации круглого стола «Развитие кадрового потенциала строительной отрасли» (Совет Федерации, 5 марта 2026 г.).
5. Дефицит кадров в строительной отрасли // Стройэкспертиза. – 2026. – 6 авг.
6. К 2030 году дефицит кадров в строительстве удвоится // Перспектива. – 2026. – 5 июня.
7. Переманивать или растить? На форуме недвижимости «Движение» обсудили кадровый кризис в стройотрасли // Строительная газета. – 2026. – 26 июня.
8. Эксперт: дефицит проектировщиков становится фактором срыва сроков строительства // ЕРЗ.РФ. – 2026. – 21 сент.

Ярадаев Максим Александрович
аспирант, ассистент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

МАРКЕТИНГОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ И CRM-СИСТЕМЫ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬЮ ПРЕДПРИЯТИЙ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА

Аннотация: *в статье рассматривается проблема разобщённости цифровых маркетинговых инструментов и CRM-систем в сегменте малого и среднего бизнеса. На основе анализа статистики внедрения цифровых решений и научной литературы выделены технологические, кадровые, организационные и экономические барьеры, препятствующие синергии маркетинга и управления продажами. Обосновано, что ключевым сдерживающим фактором выступает дефицит компетенций и стратегического видения, а преодоление барьеров требует институционализации данных и перехода от логики отдельных инструментов к логике интегрированной экосистемы управления клиентским циклом.*

Ключевые слова: *малый бизнес, средний бизнес, цифровой маркетинг, CRM-системы, управление продажами, конкурентоспособность.*

Цифровая трансформация экономики изменила условия, в которых коммерческие предприятия формируют конкурентные позиции. Для сегмента малого и среднего бизнеса (МСБ) эффективность системы управления продажами становится фактором качественного развития, поскольку во многом определяет прибыль и рентабельность. Объём продаж при этом отражает точность маркетинговых решений, качество клиентоориентированных процессов и способность компании адаптироваться к динамике рынка. Способы повышения эффективности продаж различаются в зависимости от рыночной ниши, стратегии и целей бизнеса.

В условиях растущей фрагментации цифровой среды наиболее результативной практикой для компаний, стремящихся к устойчивому развитию, становится формирование интегрированной стратегии, объединяющей цифровые маркетинговые технологии с классическими методами управления продажами. Актуальность такого подхода подтверждается данными опросов: по данным Аналитического центра НАФИ (июль 2023 г.), 74% компаний микро-, малого и среднего бизнеса продвигают товары и услуги в интернете, причём 90% из них считают интернет-рекламу более эффективной, чем офлайн-рекламу [1].

В области менеджмента прослеживается сходная динамика. Согласно исследованию Института проблем предпринимательства, к 2018 г. уровень внедрения CRM-систем составлял

около 19% среди всех компаний РФ [5, с. 48]. К 2024 г., по результатам исследования Сбер Бизнес Софт и TenChat, каждая вторая компания (49%) использует CRM-системы для работы с клиентами [4]; большую часть опрошенных составили малые предприятия (33%) и микропредприятия (37%), доля среднего бизнеса – 17%. За период с 2018 по 2024 г. доля использования CRM выросла на 30 процентных пунктов, что соответствует относительному росту около 158%. Динамика внедрения учётных систем в малом бизнесе согласуется с общероссийскими данными: по оценкам, приведённым С.А. Банниковым и соавторами, использование CRM-систем среди отечественных предприятий выросло с 12,9% в 2017 г. до 19,5% в 2021 г., а ERP-систем – с 19,2% до 24,4% соответственно [3, с. 17]. Различие абсолютных значений объясняется различием выборок, однако направление тренда устойчиво: цифровые системы учёта и работы с клиентами становятся массовой практикой.

Приведённые данные отражают массовое, но зачастую разрозненное внедрение инструментов интернет-маркетинга и CRM-систем предприятиями МСБ. В практике дистрибуции коммерческого продукта в интернете прослеживается комплексный подход: для взаимодействия с разными сегментами аудитории на различных этапах воронки продаж применяются разные элементы интернет-маркетинга – SMM, SEO, контекстная реклама, email-рассылка, контент-маркетинг, работа с сайтами и лендингами. Однако ограниченность ресурсов по сравнению с крупными предприятиями обусловливает нехватку в штате узкоспециализированных кадров, способных обеспечить интеграцию и согласованное взаимодействие разнородных маркетинговых инструментов между собой и с CRM-системами. Подобная ситуация препятствует персонализации маркетинговой коммуникации и управлению клиентским циклом на основе целостной информации о потребителе, ведёт к нерациональному использованию бюджета и ограничивает коммерческий потенциал предприятия. Переход от точечной цифровизации к интегрированной стратегии, в которой CRM-система выступает связующим элементом систематизации и синтеза данных разных маркетинговых каналов, сопряжён для МСБ с определёнными трудностями.

Цель настоящей статьи – определить содержание и структуру барьеров, препятствующих синергии цифровых маркетинговых инструментов и CRM-систем в сегменте МСБ, и обосновать управленческие условия перехода к интегрированной модели организации продаж как фактору конкурентоспособности. В отличие от работ, рассматривающих маркетинговые технологии в целом, настоящее исследование сосредоточено на системном характере разрыва между маркетингом и управлением продажами и на управленческих предпосылках его преодоления.

Рассматривая инструменты интернет-маркетинга по отдельности, необходимо отметить, что помимо основной функции они служат источником разнородных, но критически важных метрик о поведении клиентов на разных этапах воронки продаж. Проектирование сквозных бизнес-процессов, способных обеспечить работу в рамках единого информационного пространства, как правило, принято относить к организационно-управленческим задачам. Однако существенной проблемой в этом случае выступает процесс технической синхронизации используемых инструментов, программ и сервисов, в том числе и на уровне программных интерфейсов (API), призванных обеспечить внутренний обмен данными.

Говоря о практике продвижения МСБ в цифровой среде через призму воронки продаж, следует подчеркнуть, что на стадиях формирования осведомлённости и интереса аудитории к компании основными маркетинговыми инструментами традиционно выступают SMM и интернет-реклама (таргетированная и контекстная). Каждый из упомянутых инструментов предполагает внутреннюю оценку эффективности на основании ряда метрик, позволяющих детально отразить источники трафика, окупаемость, стоимость привлечения клиента и множество других показателей. Отсутствие синхронизации цифровых инструментов лишает компанию совокупного представления о потребительских особенностях клиента и, как следствие, снижает общую результативность маркетинга. Преодоление описанной проблемы требует настройки сквозной аналитики в составе единой CRM-системы, выступающей в этом

случае основным хранилищем данных, где сотрудники независимо от должности имеют доступ к полной истории взаимодействий с клиентом, к его интересам и персональным данным – что в конечном итоге существенно упрощает конверсию в целевое действие.

Разберём тезис на практических примерах. Интернет-реклама обеспечивает приток по умолчанию заинтересованных лидов – «тёплой» или «горячей» аудитории. Рекламный кабинет позволяет отследить ряд метрик, аналитику использованного бюджета, однако его функционал ограничивается моментом конверсии, следовательно, дальнейший жизненный цикл клиента приходится отслеживать иными способами. Отсутствие интеграции инструментов несёт в данном случае определённые риски. Руководствуясь данными рекламного кабинета, компания оказывается способна оптимизировать стоимость привлечения одного лида (CPL), но в то же время сохраняется риск роста убытков ввиду низкого качества привлечённых лидов или недостаточной работы с ними. В подобной ситуации CRM-система способна сопоставить сведения рекламного кабинета о затратах на кампанию с информацией о результатах сделок и полученной выручке, позволяя эффективнее отслеживать показатель эффективности инвестиций в рекламу (ROI), жизненную ценность клиента (LTV) и связанные с ними метрики.

Изложенное позволяет рассматривать консолидацию маркетинговых инструментов и CRM-системы в виде управленческой категории. В этом случае данные, полученные из ряда разнородных источников на разных этапах клиентского цикла, становятся единым информационным ресурсом, который в последующем позволяет компаниям рационально проектировать процессы привлечения, удержания и конверсии аудитории. Технологическая интеграция выступает при этом необходимым, но недостаточным условием: техническая связность маркетинговых инструментов, бесспорно, важна, однако устойчивость, результативность и окупаемость подобного подхода будет определяться организационно-управленческими факторами.

Полученный вывод согласуется с результатами исследования Д.О. Анофрикова [2], согласно которому сам факт интеграции цифровых маркетинговых инструментов не гарантирует оптимизации процессов. Решающее значение, как отмечает автор, приобретают условия внедрения – включение маркетинговых технологий в общую стратегию компании, поддержка руководства и развитие компетенций персонала.

Практика показывает, что процесс консолидации маркетинговых каналов и инструментов сталкивается с рядом трудностей, которые могут быть классифицированы по нескольким группам. Выделенные проблемы зачастую обусловлены взаимосвязанностью внутренних процессов при работе с клиентами в рамках каждого маркетингового канала. Предлагаемая классификация отражает управленческую логику: от технологических предпосылок через кадровые и организационные условия к экономическим ограничениям, которые в том числе сказываются на внедрении новых цифровых практик.

Ключевой проблемой является технологическая и метрическая разобщённость цифровых инструментов в изначальном виде. Каждый из них функционирует автономно, используя собственную логику сбора, хранения и представления информации. Без специализированной настройки, часто требующей API и технических навыков, данные так и остаются изолированными в рамках каждого из инструментов. Следствием становится отсутствие централизованного мониторинга. Процесс принятия решений начинает опираться на фрагментарную, вручную собранную информацию, что в конечном итоге существенно сказывается на качестве управленческих решений.

Наиболее острая проблема в этом контексте – нехватка узкоспециализированных кадров, способных обеспечить интеграцию инструментов в единый комплекс. В условиях ограниченного штата редко находится специалист, обладающий одновременно навыками digital-маркетинга, аналитики данных и администрирования CRM. В то же время многое зависит и от руководства предприятия. Руководитель, не обладающий достаточным уровнем цифровой грамотности, не сможет корректно сформулировать задачу по обеспечению интеграции,

оценить необходимый бюджет и объективно измерить отдачу от нововведений. В результате внедрение технологий будет носить лишь формальный характер.

Синергия невозможна в том числе без перепроектирования кросс-функциональных бизнес-процессов. Традиционное организационное разделение, при котором маркетинг отвечает за генерацию лидов, а продажи – за их конвертацию, создает разрыв на стыке функций. Маркетологи не получают обратной связи о качестве и судьбе лидов, менеджеры по продажам не располагают полной историей взаимодействия клиента с брендом до первого контакта. Внедрение CRM без изменения этих процессов лишь автоматизирует существующий разрыв. Для достижения синергии необходимо создание единого сквозного процесса, в котором CRM выступает центральной платформой, а этапы привлечения, вовлечения, конвертации и удержания чётко прописаны и распределены по зонам ответственности.

В то же время МСБ объективно ограничены и в финансовых, и во временных ресурсах. Интеграция часто воспринимается как высокозатратная и сложная ИТ-задача с неочевидной и отложенной отдачей. Компании готовы оплачивать отдельные затраты с видимым результатом – запуск рекламной кампании, разработку лендинга, покупку лицензии CRM, – но не готовы инвестировать в интеграцию, обучение персонала работе в системе и её постоянное сопровождение. В результате значительные средства вкладываются в инструменты, потенциал которых не раскрывается из-за отсутствия связующей инфраструктуры.

Препятствия на пути к синхронизации в сегменте МСБ, как правило, системны и непосредственно влияют друг на друга. Технологическая разрозненность может усугубляться нехваткой кадров для её преодоления, в то же время закрепляясь за счет ограниченности ресурсов и устаревших управленческих подходов, направленных на решение преимущественно сиюминутных, нежели стратегически важных задач в долгосрочной перспективе. Нерациональное использование маркетинговых инструментов и системы управления продажами является следствием организационных, кадровых и управленческих вызовов.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что проблема разобщённости цифровых инструментов маркетинга и CRM-систем в сегменте МСБ носит во многом управленческий характер. При высоком уровне проникновения отдельных цифровых решений их потенциал блокируется внутренними организационными противоречиями. Цифровой разрыв возникает между технологическими возможностями и способностью организации использовать весь имеющийся комплекс цифровых инструментов и задавать единую стратегию. Препятствия кадрового и управленческого порядка оказываются более значимыми, чем технологические сложности интеграции. Как отмечает исследователь Д.О. Анофриков, компании, фокусирующиеся на закупке инструментов без параллельного развития команды и перестройки рабочих процессов, сталкиваются с ситуацией, когда технологии оказываются интегрированы в рабочий процесс, однако не дают должного эффекта [2, с. 77].

Ещё одной закономерностью является парадокс ресурсного планирования, характерный для предприятий МСБ, сопровождающийся ограниченностью средств и, как следствие, фрагментацией решений. В этом случае выбор означает переход от конкуренции отдельными инструментами к конкуренции архитектурой управления полным клиентским циклом, ключевым преимуществом которого будет выступать связность данных и процессов.

Путь к объединению цифровых инструментов лежит через последовательную систематизацию и синтез данных внутри компании: информация о трафике, метриках, клиентском цикле признаётся стратегическим ресурсом; ответственность за их консолидацию и анализ закрепляется организационно; бизнес-процессы продаж и маркетинга проектируются на основе ключевых стратегических показателей компании с учётом совокупной ситуации и результативности каждого из имеющихся каналов.

Исследование позволяет сделать следующие выводы. Проникновение цифровых маркетинговых инструментов и CRM-систем в сегменте МСБ достигло уровня, при котором дальнейший рост эффективности определяется качеством связности имеющихся инструментов. Барьеры, препятствующие этой связности, носят системный характер и воспроизводятся как

замкнутый круг технологической разрозненности, кадрового дефицита, организационного разрыва между маркетингом и продажами и ресурсных ограничений, ориентированных на краткосрочную отдачу.

Синергия цифрового маркетинга и CRM, в свою очередь, представляет собой управленческий вызов, требующий перехода от логики инструментов к логике единого системного подхода. Для предприятий МСБ, стремящихся к устойчивому развитию, такой переход является стратегическим решением, определяющим содержание их конкурентоспособности в цифровой среде.

Список литературы

1. 74% представителей МСП используют интернет-рекламу для продвижения своих товаров и услуг // Аналитический центр НАФИ. – 2023. – 13 июня. – URL: https://nafi.ru/polls/74-predstaviteley-msp-ispolzuyut-internet-reklamu-dlya-prodvizheniya-svoikh-tovarov-i-uslug/ (дата обращения: 18.10.2026). – Текст : электронный.

2. Анофриков, Д. О. Использование маркетинговых технологий и AI на промышленных предприятиях малого и среднего бизнеса / Д. О. Анофриков // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2026. – Т. 15, № 2. – С. 72–79. – DOI 10.24412/2225-8264-2026-2-1047. – EDN EWYOVU.

3. Банников, С. А. Цифровые решения в области маркетинга как инструмент управления на малом предприятии / С. А. Банников, А. П. Цыпин, П. Г. Лакирев // Вестник университета. – 2023. – № 2. – С. 13–20. – DOI 10.26425/1816–4277–2023–2-13–20. – EDN GOPYLM.

4. Каждая вторая компания использует CRM-системы для работы с клиентами: результаты исследования Сбер Бизнес Софт и TenChat. – URL: https://sbercrm.com/blog/issledovanie-sber-i-tenchat (дата обращения: 18.10.2026). – Текст : электронный.

5. Усачев, А. С. CRM-системы как основной инструмент цифрового менеджмента / А. С. Усачев // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2024. – № 4 (44). – С. 46–49. – EDN CGBKXK.

ЭКОНОМИКА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Афанасьев Виктор Валерьевич,
студент
Курдюмов Александр Васильевич
канд. экон. наук, доцент, заведующий кафедрой

ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»
г. Екатеринбург, Свердловская область

ЗАТРАТЫ НА ОДИН РУБЛЬ ПРОДУКЦИИ КАК ОБОБЩАЮЩИЙ ПОКАЗАТЕЛЬ СЕБЕСТОИМОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация: *в статье рассматриваются теоретические и практические аспекты использования показателя затрат на один рубль продукции как универсального обобщающего индикатора себестоимости. Раскрывается экономическая сущность показателя, его место в системе показателей себестоимости, анализируются возможности и ограничения применения. На материалах НАО «Свеза Верхняя Синячиха» проведен анализ динамики затрат на один рубль продукции за 2023–2025 гг., выявлены причины роста показателя и предложены направления снижения себестоимости.*

Ключевые слова: *себестоимость продукции, затраты на один рубль продукции, обобщающий показатель, анализ себестоимости, фанерное производство, резервы снижения затрат.*

Себестоимость продукции представляет собой выраженные в денежной форме затраты всех видов ресурсов, используемых непосредственно в процессе изготовления продукции и выполнения работ. Она служит основой соизмерения расходов и доходов и является одним из обобщающих показателей интенсификации и эффективности потребления ресурсов [1].

В системе показателей себестоимости особое место занимает показатель затрат на один рубль объема продукции. Как отмечается в экономической литературе, он является универсальным обобщающим показателем себестоимости продукции и может быть рассчитан для любого предприятия, что очень важно при сравнительном анализе уровня себестоимости различных предприятий [3].

В отличие от себестоимости единицы конкретного изделия, данный показатель отражает себестоимость единицы продукции в стоимостном выражении обезличено, без разграничения по видам, что позволяет характеризовать уровень и динамику затрат на производство продукции в целом [2].

Актуальность исследования обусловлена тем, что снижение затрат на один рубль продукции характеризует успешность работы предприятия по внедрению новой техники, повышению производительности труда, соблюдению режима экономного расходования материальных, трудовых и денежных ресурсов, выявлению и использованию внутренних резервов [4].

В условиях монополизированного рынка ресурсов проблема снижения себестоимости приобретает особую остроту, что требует совершенствования методических подходов к анализу обобщающих показателей.

Целью настоящей статьи является раскрытие теоретических и практических аспектов применения показателя затрат на один рубль продукции как обобщающего индикатора себестоимости и разработка направлений снижения себестоимости на основе его анализа.

Для достижения цели поставлены следующие задачи: раскрыть экономическую сущность и место показателя затрат на один рубль продукции в системе показателей себестоимости; провести анализ динамики затрат на один рубль продукции на материалах конкретного

предприятия; выявить причины изменения показателя; предложить направления снижения себестоимости.

В ходе исследования использовались методы сравнительного анализа, а также обобщение и систематизация данных. Информационной базой послужили данные бухгалтерской отчетности НАО «Свеза Верхняя Синячиха» за 2023–2025 гг., учетная политика предприятия, а также научные публикации по проблематике анализа себестоимости.

Затраты на один рубль продукции определяются делением полной себестоимости выпущенной продукции на стоимость этой продукции в действующих ценах (без НДС и акциза). Динамика показателя на исследуемом предприятии представлена в таблице 1.

Таблица 1

Динамика затрат на один рубль продукции НАО «Свеза Верхняя Синячиха» за 2023–2025 гг.

Показатели	2025 г.	2024 г.	2023 г.	Изменение (2025–2024)	Изменение (2024–2023)
Себестоимость продукции, тыс. руб.	5 907 751	5 782 344	4 671 730	+125 407	+1 110 614
Выпуск товаров и услуг в фактических ценах, тыс. руб.	5 038 124	4 998 321	4 929 883	+39 803	+68 438
Затраты на 1 руб. продукции, руб.	1,17	1,16	0,95	+0,01	+0,21

Анализ данных таблицы 1 показывает, что темпы прироста себестоимости продукции опережают темпы прироста объема продукции в оптовых ценах. В результате затраты на один рубль продукции выросли в 2024 г. по сравнению с 2023 г. на 0,21 руб., а в 2025 г. – еще на 0,01 руб.

Как отмечается в аналитических материалах предприятия, в результате роста затрат на 1 руб. продукции предприятие не получило запланированный финансовый результат и отработало с убытком в 2024 и 2025 гг. по причине низкой рыночной цены и высокой себестоимости в сравнении с 2023 годом.

Структурный анализ затрат показал, что наибольший удельный вес в затратах на производство занимает фанерное сырье (43,9% в 2025 г.), основные материалы и пленка для ламинирования (13,25%), расходы на заработную плату (17,93%).

Значительный рост в 2024 г. произошел по статье «фанерное сырье», что объясняется рыночным спросом на бревна березовые и увеличением экспорта бревен и шпона в Китай и Турцию, что привело к росту стоимости кубометра бревен на внутреннем рынке.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что показатель затрат на один рубль продукции является действенным инструментом обобщающей оценки себестоимости, однако его интерпретация требует учета отраслевой специфики и структуры затрат. Как справедливо отмечается в литературе, снижение затрат на 1 руб. объема продукции характеризует успешность работы предприятия по внедрению новой техники, по производительности труда, соблюдению режима экономного расходования материальных, трудовых и денежных ресурсов [4].

В качестве направлений снижения себестоимости на предприятии предложены: повышение производительности труда за счет интенсификации производства, внедрения комплексной механизации и автоматизации, более совершенной техники и технологии; сокращение затрат труда на производство продукции; снижение материальных затрат за счет внедрения современной техники и технологий; более полное использование ресурсов, в том числе внедрение энергетической установки, работающей на древесных отходах, что позволяет решить проблему вывоза отходов и получить дополнительную электроэнергию для производственных целей.

Проведенное исследование подтверждает, что показатель затрат на один рубль продукции является универсальным обобщающим индикатором себестоимости, позволяющим оценивать уровень и динамику затрат, выявлять резервы их снижения и проводить сравнительный анализ.

На материалах НАО «Свеза Верхняя Синячиха» установлено, что рост показателя с 0,95 руб. в 2023 г. до 1,17 руб. в 2025 г. обусловлен опережающим ростом себестоимости над объемом выпуска, что требует реализации мероприятий по повышению производительности труда, снижению материалоемкости и более полному использованию ресурсов.

Дальнейшее развитие методических подходов к анализу показателя связано с учетом отраслевых особенностей и цифровизацией аналитических процедур.

Список литературы

1. Иневатова, О. А. Себестоимость продукции: факторы, влияющие на формирование / О. А. Иневатова, М. В. Домникова // Тенденции развития науки и образования. – 2023. – № 100–2. – С. 64–68. – DOI 10.18411/trnio-08–2023–73. – EDN OJJPAI.

2. Рыскулов, С. К. Себестоимость продукции производственного предприятия: понятия и управленческое значение / С. К. Рыскулов, Ж. Эсенова // Цифровое моделирование экономики. – 2026. – Т. 3, № 2. – С. 55–63. – EDN FCDJOQ.

3. Старченко, И. В. Себестоимость продукции как основа для исчисления финансовых результатов предприятия / И. В. Старченко, А. А. Довженок // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2025. – № 12(130). – С. 389–394. – DOI 10.24412/2411–0450–2025–12–389–394. – EDN ZJJTVT.

4. Тюленева, А. В. Актуальные проблемы исчисления себестоимости / А. В. Тюленева, Н. В. Шарапова // Актуальные вопросы современной экономики. – 2023. – № 8. – С. 118–123. – EDN OEPIHC.

Башмакова Елена Алексеевна
студентка
Семин Александр Николаевич
д-р экон. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»
г. Екатеринбург, Свердловская область

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ И ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ ХЛЕБОПЕКАРНОЙ ОТРАСЛИ РЕГИОНА

Аннотация: *в статье рассматривается конкурентоспособность и инвестиционная привлекательность хлебопекарной отрасли Свердловской области на примере АО «Реж-хлеб». Авторами проведен анализ основных игроков рынка хлебобулочных изделий, SWOT-анализ предприятия, оценка финансовой устойчивости и ликвидности, построен многоугольник конкурентоспособности. Выявлены конкурентные преимущества и риски, предложены направления повышения конкурентоспособности, включая ребрендинг.*

Ключевые слова: *конкурентоспособность, инвестиционная привлекательность, конкуренция, хлеб, хлебобулочные изделия, хлебопекарная отрасль.*

Свердловская область, являясь одним из крупнейших промышленных центров России с высокой концентрацией населения, представляет собой стратегически важный рынок для производителей продуктов питания. Хлебопекарная отрасль региона характеризуется высоким уровнем конкуренции, но при этом демонстрирует устойчивую инвестиционную активность, во многом благодаря системной поддержке региональных властей. При этом в последние годы наблюдается смешение доли, так происходит снижение доли заводов производителей хлебобулочных изделий и рост доли небольших пекарен, связанный с ростом потребительских предпочтений в пользу новых сортов хлебобулочных изделий.

Целью исследования является анализ конкурентоспособности хлебопекарной отрасли Свердловской области на примере АО «Реж-хлеб». Для достижения поставленной цели исследования автор использовал методы анализа статистических данных и их систематизации,

обобщения и сравнения. Методические подходы к анализу факторов конкурентоспособности и принципов ее оценки применялись согласно трудов М. А. Журавель [1].

Конкурентоспособность хлебопекарной отрасли прямым образом влияет на обеспечение продовольственной безопасности страны и продовольственной независимости региона [2–4]. В коллективной монографии, посвященной Челябинской области, показано, как региональные производители продовольствия обеспечивают устойчивость местного рынка, какие факторы определяют их конкурентоспособность и как государственная поддержка влияет на продовольственную независимость территории. Содержательные параллели с Челябинской областью позволяют экстраполировать эти выводы на Свердловскую область и использовать их как основу для анализа хлебопекарной отрасли [3].

Автором проведен анализ основных игроков рынка хлебобулочных изделий Свердловской области, а также проведен анализ конкурентных преимущество АО «Реж-хлеб».

Рынок хлебобулочных изделий Свердловской области представлен не только крупными производителя, но и небольшими пекарнями. Основные участники рынка представлены в таблице 1.

Таблица 1

Основные участники рынка хлебобулочных изделий в Свердловской области

Конкурент	Оценочная выручка / Позиция	Стратегия
Хлебозавод №7 (Березовский)	Крупный региональный игрок	Агрессивное ценовое лидерство за счет экономии на налогах и фонде оплаты труда
АО «Реж хлеб»	Региональный игрок. Узнаваемый бренд, широкий ассортимент	Диверсифицированный ассортимент. Помимо базового хлеба, комбинат выпускает кондитерские изделия (кексы, рулеты), что расширяет аудиторию
Свердловский хлебомакаронный комбинат (СМАК)	Один из лидеров рынка Екатеринбурга	Высокая технологичность, широкий ассортимент макаронных и кондитерских изделий помимо хлеба

Конкурентная борьба в регионе ведется между крупными индустриальными игроками (федеральные холдинги с местными площадками) и сетью средних и малых частных пекарен.

Логистическое преимущество региона в крупнейшем транспортном узле, расположенном на транссибирской магистрали. Предприятия региона имеют минимальные издержки на доставку сырья (мука от уральских аграриев) и максимально широкий охват сбыта по всему Уральскому федеральному округу. И здесь важна скорость доставки свежей продукции до полки ритейлера, так как она является критическим фактором конкурентоспособности.

Близость к сырьевой базе также для региона является одной из преимуществ, так как он окружен сильными сельскохозяйственными субъектами (Курганская, Челябинская области), что обеспечивает стабильную поставку зерна. Однако конкурентоспособность местных заводов зависит от их способности перерабатывать зерно самостоятельно или заключать долгосрочные контракты с мукомольными предприятиями, минимизируя влияние биржевых колебаний цен.

Отдельно стоит отметить кадровый потенциал, характеризующийся наличием профильных учебных заведений (например, УрГЭУ, колледжи пищевой промышленности), что позволяет крупным предприятиям закрывать потребности в технологах и управленцах. Тем не менее, как и в целом по РФ, отрасль сталкивается с дефицитом линейного персонала, что стимулирует инвестиции в автоматизацию.

Несколько слов о технологической базе. В регионе присутствует собственный производитель оборудования Свердловский экспериментальный механический завод (СЭМЗ). Это дает местным хлебозаводам определенное преимущество в обслуживании линий и поиске запчастей в условиях санкционных ограничений по сравнению с коллегами из других регионов, полностью завязанных на импорт.

Рассмотрим конкурентоспособность предприятий-производителей хлебобулочных изделий на примере АО «Реж-хлеб», как крупного регионального игрока. В таблице 2 представлен SWOT-анализ АО «Реж хлеб».

Таблица 2

SWOT-анализ АО «Реж хлеб»

Сильные стороны (S)	Слабые стороны (W)
Локальная узнаваемость. Компания давно работает в регионе, у нее есть база постоянных покупателей. Диверсифицированный ассортимент. Помимо базового хлеба, комбинат выпускает кондитерские изделия (кексы, рулеты), что расширяет аудиторию. Наличие производственных мощностей. Есть линии для разных видов продукции, включая автоматизированные участки. Участие в госзакупках. Компания заключает контракты с социальными учреждениями (школы, больницы), что обеспечивает стабильный канал сбыта	Проблемы с качеством. В отзывах и по результатам проверок фиксировали нарушения: отклонение веса от заявленного, посторонние включения в продукции, случаи несоблюдения санитарных норм на производстве. Финансовые показатели. В последние годы наблюдалась динамика: выручка росла, но чистая прибыль падала (например, в 2025 году – снижение на 53%). Кадровый дефицит. Отмечалась проблема с привлечением молодых квалифицированных специалистов. Зависимость от поставщиков сырья. Колебания цен на муку и другие компоненты напрямую влияют на себестоимость
Возможности (O)	Угрозы (T)
Развитие онлайн-продаж. Расширение каналов сбыта через интернет-магазин или партнерство с сервисами доставки. Тренд на ЗОЖ. Разработка линеек хлеба с повышенным содержанием клетчатки, безглютеновых, обогащенных злаками. Государственная поддержка. Участие в программах субсидирования или льготного кредитования для пищевой промышленности. Экспорт в соседние регионы. Поиск новых рынков сбыта за пределами Свердловской области	Усиление конкуренции. Давление со стороны других крупных игроков рынка Свердловской области («СМАК», «Уралхлеб» и др.) Снижение покупательной способности. В условиях экономической нестабильности потребители могут сокращать расходы на «необязательные» продукты. Ужесточение регуляторных требований. Новые санитарные нормы, требования к маркировке или экологичности производства увеличат издержки. Недобросовестная конкуренция. Риски, связанные с нечестными практиками со стороны некоторых участников рынка

SWOT-анализ помог обнаружить недочеты производственных процессов, выделить конкурентные преимущества, спрогнозировать опасности, которые могут подстерегать компанию на рынке.

Конкурентные преимущества АО «РЕЖ-ХЛЕБ» строятся на сочетании масштаба регионального производства и гибкости локального игрока.

В текущих экономических условиях «Реж-хлеб» находится в уязвимом положении при дальнейшей консолидации рынка федеральные сети будут вытеснять его недорогой продукцией под собственными торговыми марками, которые часто производятся на тех же мощностях, что и «Хлебпром», но продаются дешевле.

Рассматривая предприятия АО «Реж хлеб» с точки зрения типа финансовой устойчивости, можно сделать вывод о том, что АО «Реж хлеб» весь анализируемый период находится в состоянии серьезного дефицита собственных оборотных средств (отрицательное значение). Весь прирост оборотных активов финансируется исключительно за счет наращивания кредиторской задолженности. Финансовая устойчивость критически зависит от лояльности поставщиков. Показатели ликвидности, а именно текущей ликвидности выше нормы, связанное с ростом дебиторской задолженности, при этом коэффициент абсолютной ликвидности снизился и достиг критического значения.

Таким образом, АО «Реж-хлеб» с точки зрения потенциального инвестора является непривлекательной. На АО «Реж-хлеб» одновременно давят «агрессивные» конкуренты и зависимость от поставщиков при отсутствии собственных денег.

Менеджмент АО «Реж-хлеб» держится на административном ресурсе (госконтракты) и готовности поставщиков ждать оплаты. При ужесточении условий любого из этих факторов предприятие ожидает банкротство из-за колоссальной нехватки ликвидности.

Для повышения конкурентоспособности нужно провести ребрендинг и этот стратегический шаг для АО «Реж-Хлеб», является необходимостью для перехода из категории традиционного регионального производителя в статус современного федерального игрока. Концепция ребрендинга предлагается от «хлеба из провинции» к «уральскому характеру»

В целом хлебопекарная промышленность Свердловской области трансформируется из поставщика базового социального продукта в полноценного игрока рынка готовой еды. Инвестиционная привлекательность смещается от консервативных активов (производство батонов) к высокотехнологичным комплексам глубокой заморозки и производству мелкоштучных изделий, чему активно способствует грамотная налоговая политика региональных властей.

Список литературы

1. Журавель, М. А. Анализ факторов конкурентоспособности предприятия и принципы ее оценки / М. А. Журавель // Современные научные исследования и инновации. – 2020. – № 9(113). – С. 6. – EDN FVCFYS.

2. Федоров, М. В. Конкурентоспособность и безопасность продовольствия на региональном уровне / М. В. Федоров, А. В. Курдюмов // Экономика региона. – 2012. – № 2(30). – С. 227–232. – DOI 10.17059/2012–2-21. – EDN OYYTSZ.

3. Челябинская область: региональные исследования : коллективная монография / С. А. Аристов, А. В. Боброва, Г. С. Галиуллина [и др.]. – Челябинск : Челябинский государственный университет, 2010. – 534 с. – ISBN 978–5-93216–393–1. – EDN UWLNYJ.

4. Semin, A. N. International food security regulation assessment / A. N. Semin, A. V. Kurdymov // Opcion. – 2018. – Vol. 34, No. 85. – P. 628–651. – EDN BYSZJD.

Давлетова Алина Камиловна
канд. экон. наук, доцент, преподаватель
Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский
университет науки и технологий»
г. Стерлитамак, Республика Башкортостан

ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ФОРМАЛИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ АКЦИОНЕРАМИ ОБЩЕСТВА И ВЗАИМОСВЯЗАННЫМИ ОРГАНАМИ КОНТРОЛЯ ПРИ ИХ ПРАВОМЕРНОМ И НЕПРАВОМЕРНОМ ПОВЕДЕНИИ

Аннотация: *в статье рассматривается экономико-математическая формализация процесса взаимодействия между акционерами общества и взаимосвязанными органами контроля при их правомерном и неправомерном поведении.*

Ключевые слова: *акционерное общество, экономико-математический процесс, органы контроля.*

Сформулируем целевые функции каждого из агентов для случая взаимодействия всех трёх органов контроля одновременно при принятии гипотезы об их правомерном поведении. Задача управления сводится к поиску правила назначения премий и к поиску планового задания для органов контроля. Для случая многоэлементной системы целевая функция центра имеет вид $U(\overline{Y}) = \sum_{j=1}^{J} U^j(\overline{Y}^j)$, где $U^j(\overline{Y}^j)$ – затраты центра на вознаграждение $_j$-го орган контроля, которые при квазикомпенсаторной системе стимулирования составляют

$$U^j(\overline{Y}^j)=\begin{cases} d^j(\overline{Y}^j)+\sum\limits_{k=1}^{K_j}\overline{y}_k^j\cdot w_k^j\cdot l_k^j, & \overline{Y}^j=Y^{j*};\\ 0, & \overline{Y}^j\neq Y^{j*}. \end{cases}$$

Целевая функция центра представляет собой разность между выигрышем и затратами на стимулирование всех агентов $F(\overline{Z},\overline{Y})=H(\overline{Z})-U(\overline{Y})$, где $\overline{Z}=(\overline{Z}^1,...,\overline{Z}^j,...,\overline{Z}^J)$ - матрица, обобщающая все сообщения о нарушениях, полученные от каждого из трёх органов контроля. Функция $H(\overline{Z})$ моделируется с использованием оценок эффектов от обладания информацией центром по каждому из предметов контроля отдельно и независимо.

Для определения планового задания $Y^*=(Y^{1*},Y^{2*},Y^{3*})$ далее используется следующая целевая функция центра: $F(\overline{Z},\overline{Y})=H(Z)-\sum\limits_{j=1}^{J}d^j(\overline{Y}^j)-\sum\limits_{j=1}^{J}\sum\limits_{k=1}^{K_j}\overline{y}_k^j\cdot w_k^j\cdot l_k^j$

Пусть эффект от проведения полной проверки и обладания всей информацией о нарушениях по k-у предмету контроля $\overline{z}_k^{\Sigma}=1$ оценивается в сумму A_k. Если проведена частичная проверка и в наличии неполная информация о нарушениях $0\le\overline{z}_k^{\Sigma}<1$, то эффект оценивается следующим образом

$$A_k\cdot\overline{z}_k^{\Sigma},$$

где $\overline{z}_k^{\Sigma}=\sum\limits_{j=1}^{J}\overline{z}_k^j$.

Необходимо отметить, что при правомерном поведении агентов дублирующие проверки не имеют целесообразности для центра, избыточность информации не приводит к росту объёмов информации о нарушениях, а, значит, не приводит и к росту эффекта. Поэтому введем следующее ограничение на получение информации $\overline{z}_k^{\Sigma}=\sum\limits_{j=}^{J}\overline{z}_k^j\le 1$ и на проведение проверок $\forall k\quad\sum\limits_{j=1}^{J}\overline{y}_k^j\le 1$. Тогда итоговая функция эффекта имеет вид: $H(\overline{Z})=\sum\limits_{j=1}^{J}\sum\limits_{k=1}^{K_j}A_k\cdot\overline{z}_k^j$ при ограничении $\forall k\quad\sum\limits_{j=}^{J}\overline{y}_k^j\le 1\cdot$

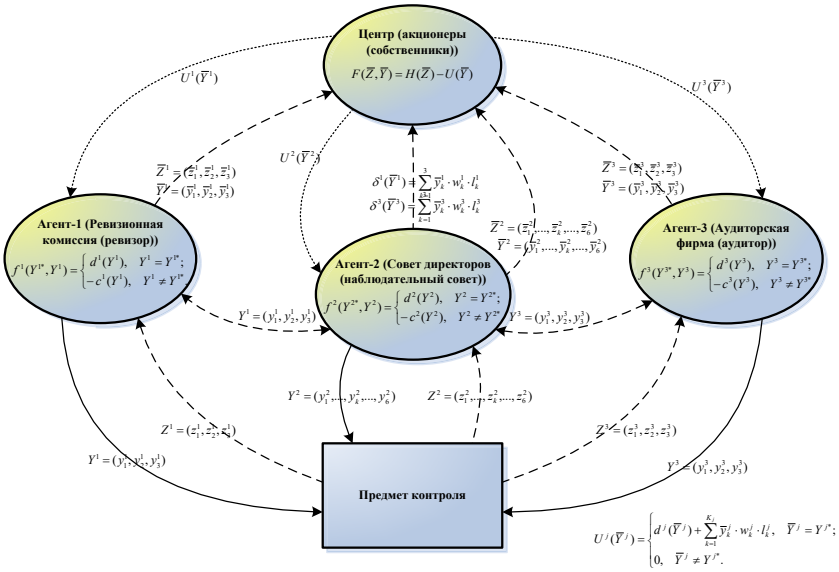

Рис. 1. Схема взаимодействия между взаимосвязанными органами контроля и акционерами (участниками) при полной информированности

На основе проведенного анализа существующих систем контроля финансово-хозяйственной деятельности уточнены и дополнены основные положения системы контроля в акционерных обществах, осуществлена формализация процесса взаимодействия между органом контроля и акционерами на базе методологического аппарата теории активных систем и разработана экономико-математическую модель их отношений.

Сформирована общая схема взаимодействия между взаимосвязанными органами контроля и акционерами в условиях полной и неполной информированности последних о нарушениях на предприятии, которая позволяет учитывать возможность правомерного и неправомерного поведения контролирующих органов.

Список литературы

1. Влияние уровня развития человеческого капитала на эффективность экономики регионов: использование метода пространственной корреляции / В. В. Акбердина, П. Ю. Грошева, О. П. Смирнова, А. О. Пономарева // Региональная экономика: теория и практика. – 2022. – Т. 20, № 7 (502). – С. 1208–1234. – DOI 10.24891/re.20.7.1208. – EDN LGVTSF.

2. Воробьев, Н. И. Кластерный анализ статистических профилей пространственного распределения гумуса / Н. И. Воробьев, С. С. Ладан // Плодородие. – 2021. – № 5 (122). – С. 33–36. – DOI 10.25680/S19948603.2021.122.09. – EDN QDFFPA.

3. Давлетова, А. К. Формирование системы современного управления промышленным предприятием / А. К. Давлетова // Актуальные вопросы современной науки и образования : сборник статей Международной научно-практической конференции. – Петрозаводск, 2019. – С. 58–63.

4. Давлетова, А. К. Порядок работы совета директоров / / А. К. Давлетова // Актуальные вопросы современной науки и образования: сборник статей Международной научно-практической конференции. – Петрозаводск, 2019. – С. 63–66.

5. Давлетова, А. К. Корпоративное управление и контроль на промышленных предприятиях / А. К. Давлетова // Международная научно-практическая конференция «Перспективные направления научных исследований в социально-гуманитарной сфере», г. Белгород, 28 сентября 2019 г. – 2019.

6. Давлетова, А. К. Внутренний контроль за финансово-хозяйственной деятельностью промышленных предприятий / А. К. Давлетова // Международная научно-практическая конференция «Перспективные направления научных исследований в социально-гуманитарной сфере», г. Белгород, 28 сентября 2019 г. – 2019.

Давлетова Алина Камиловна
канд. экон. наук, доцент, преподаватель
Стерлитамакский филиал
ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»
г. Стерлитамак, Республика Башкортостан

ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ АКЦИОНЕРАМИ ОБЩЕСТВА И ОРГАНАМИ КОНТРОЛЯ ПРИ НЕПРАВОМЕРНОМ ПОВЕДЕНИИ ПОСЛЕДНИХ И ПРЕДОСТАВЛЕНИИ НЕПОЛНОЙ ИНФОРМАЦИИ О НАРУШЕНИЯХ

Аннотация: *в работе рассматривается модель взаимодействия акционеров с тремя органами контроля – ревизионной комиссией, советом директоров и аудиторской организацией – при наличии у центра информации от всех агентов. Обоснована необходимость учёта информированности центра и его полномочий по материальному поощрению, создающих стимулы к тщательным проверкам и полному раскрытию данных. Построены целевые функции центра и агентов, предложена квазикомпенсаторная система стимулирования, зависящая от матрицы сообщений о нарушениях. Описан механизм дублирования проверок, сопоставления сообщений и верификации данных. Показано, что дублирование информации позволяет выявить сокрытие сведений, обнулить вознаграждение нарушителя и сделать добросовестное выполнение планового задания экономически выгодным.*

Ключевые слова: *акционерное общество, экономико-математический процесс, органы контроля.*

Проанализируем ситуацию, когда акционеры (участники) взаимодействуют сразу с тремя органами контроля. При этом центр располагает данными от всех агентов – он может сопоставить сведения об объёме выявленных нарушений. В модель следует включить этот факт: учесть уровень информированности центра и его полномочия по принятию решений о материальном поощрении. Так можно создать стимулы для органов контроля: активнее вознаграждая те из них, которые осуществляют более тщательные проверки, фиксируют большее число нарушений и предоставляют информацию в полном объёме, без утаивания данных.

Система стимулирования всех органов контроля будет представлять сумму $U(\overline{Z},\overline{Y}) = \sum_{j=1}^{J} U^j(\overline{Z},\overline{Y}^j)$, где стимулирование конкретного *j*-й органа контроля зависит от сообщений всех органов контроля об объёмах выявленных нарушений $U^j(\overline{Z},\overline{Y}^j)$. С учетом вышесказанного целевая функция центра имеет вид:

$$F(\overline{Z},\overline{Y}) = H(\overline{Z}) - U(\overline{Z},\overline{Y}) \text{ или } F(\overline{Z},\overline{Y}) = \sum_{j=1}^{J}\sum_{k=1}^{K_j} A_k \cdot \overline{z}_k^j - \sum_{j=1}^{J} U^j(\overline{Z},\overline{Y}^j)$$

При моделировании выигрыша от сокрытия информации при неправомерном поведении *j*-го органа контроля $D^j(\overline{Z}^j, Z^j)$ предлагается считать, что по каждому предмету контроля возможен свой максимальный выигрыш в размере B_k^j. Тогда суммарный выигрыш для *j*-го органа контроля при неполной информированности центра по всем предметам контроля представляет собой величину: $D^j(\overline{Z}^j, Z^j) = \sum_{k-1}^{K_j} B_k^j \cdot \left(1 - \frac{\overline{z}_k^j}{z_k^j}\right)$, $\forall k, j \quad y_k^j \neq \overline{y}_k^j \vee z_k^j \neq \overline{z}_k^j$.

Функция стимулирования сохранится индивидуальной для каждого из органов контроля, но будет зависеть от матрицы всех сообщений о нарушениях, при этом общий вид целевой функции для *j*-го органа контроля будет: $f^j(U^j(\bullet), \overline{Z}, \overline{Y}^j, Y^j) = U^j(\overline{Z},\overline{Y}^j) + D(\overline{Z}^j, Z^j) - c^j(Y^j)$.

Тогда целевая функция ревизионной комиссии (ревизора) ($j=1$):

$$f^1(U^1(\bullet), \overline{Z}, Z^1, \overline{Y}^1, Y^1) = U^1(\overline{Z},\overline{Y}^1) + \sum_{k=1}^{K_1} B_k^1 \cdot \left(1 - \frac{\overline{z}_k^1}{z_k^1}\right) - \sum_{k=1}^{K_1} y_k^1 \cdot w_k^1 \cdot l_k^1,$$

где $K^1 = 3$ – число предметов контроля.

Целевая функция совета директоров (наблюдательного совета) ($j=2$):

$$f^2(U^2(\bullet), \overline{Z}, Z^2, \overline{Y}^2, Y^2) = U^2(\overline{Z},\overline{Y}^2) + \sum_{k-1}^{K_2} B_k^2 \cdot \left(1 - \frac{\overline{z}_k^2}{z_k^2}\right) - \sum_{k=1}^{K_2} y_k^2 \cdot w_k^2 \cdot l_k^2,$$

где $K^2 = 6$ – число предметов контроля.

Целевая функция аудиторской организации (аудитора) ($j=3$):

$$f^3(U^3(\bullet), \overline{Z}, Z^3, \overline{Y}^3, Y^3) = U^3(\overline{Z},\overline{Y}^3) + \sum_{k-1}^{K_3} B_k^3 \cdot \left(1 - \frac{\overline{z}_k^3}{z_k^3}\right) - \sum_{k=1}^{K_3} y_k^3 \cdot w_k^3 \cdot l_k^3,$$

где $K^3 = 3$ – число предметов контроля.

Проиллюстрируем один из вероятных сценариев взаимодействия: центр исходит из предположения, что один из органов контроля предоставляет искажённые сведения о выявленных нарушениях. В связи с этим требуется адаптировать квазикомпенсаторную систему стимулирования и подход к формированию планового задания. Цель модификации – позволить центру устанавливать размер материального вознаграждения, опираясь на избыточные данные о результатах проверок, полученные от двух других органов контроля.

Добавим в оптимизационную задачу поиска планового задания $Y^* = (Y^{1*}, Y^{2*}, Y^{3*})$ следующие ограничения: 1) центр поручает двум органам контроля провести проверки по одному предмету контроля $\forall k \quad \sum_{j=1}^{J} \overline{y}_k^j = 2$ и получает от них информацию $\forall k \quad \sum_{j=1}^{J} \overline{z}_k^j = 2$; 2) плановом

задании отсутствуют частичные проверки $\forall k, j \quad \bar{y}_k^j \in \{0;1\}$; 3) эффект от обладания информацией при правомерном поведении одного из органов контроля является максимальным $H(\bar{Z}^*) = \sum_{k=1}^{\max\{K_j\}} A_k$. Тогда оптимизационная задача примет вид:

$$\begin{cases} \sum_{j=1}^{J} \sum_{k=1}^{K_j} w_k^j \cdot l_k^j \cdot \bar{y}_k^j \xrightarrow[\bar{Y}]{} \min; \\ \forall k \quad \sum_{j=1}^{J} \bar{y}_k^j = 2; \quad \forall k, j \quad \bar{y}_k^j \in \{0;1\}. \end{cases}$$

Опишем подход к решению данной оптимизационной задачи. Для каждого предмета контроля проводится ранжирование органов контроля – в основу ранжирования кладётся стоимость выполнения проверочных работ. На следующем этапе из ранжированного списка отбираются два органа контроля, для которых стоимость проведения проверок оказывается наименьшей: если для $\tilde{j}$-го органа контроля и для k-го предмета контроля величина $w_k^{\tilde{j}} \cdot l_k^{\tilde{j}}$ является минимальной среди всех, то ему поручается провести полную проверку по такому предмету контроля $y_k^{\tilde{j}} = 1$; если для $\tilde{\tilde{j}}$-го органа контроля и для k-го предмета контроля величина $w_k^{\tilde{\tilde{j}}} \cdot l_k^{\tilde{\tilde{j}}}$ является минимальной среди оставшихся, то ему поручается провести повторную полную проверку по такому предмету контроля $y_k^{\tilde{\tilde{j}}} = 1$, для остальных органов контроля эта величина принимается равной нулю $\forall j \neq \tilde{j} \wedge j \neq \tilde{\tilde{j}} \quad y_k^j = 0$.

При сопоставлении сведений о нарушениях по одному и тому же предмету контроля, поступивших от двух агентов, центр исходит из предположения, что более достоверным следует считать сообщение, содержащее больший объём информации $\hat{z}_k^j = \max_{j=1,\ldots,J} \{\bar{z}_k^j \cdot y_k^{j^*}\}$. Если объёмы информации в сообщениях совпадают, то считается, что оба органа контроля сообщили достоверную информацию.

Опишем ограничения модифицированной системы стимулирования. Ключевое условие – материальное вознаграждение предоставляется исключительно тем органам контроля, которые передают достоверные сведения. Для соблюдения этого требования в систему необходимо заложить механизмы верификации информации: например, сопоставление данных от разных агентов, анализ полноты и согласованности отчётов, учёт истории добросовестности органа в предыдущих проверках. Таким образом, выплата вознаграждения напрямую привязывается к подтверждённой достоверности сообщаемых данных – без этого условие поощрения не выполняется: 1) стимулирование *j*-го органа контроля $U^j(\bar{Z}, \bar{Y}^j) = \sum_{k=1}^{K_j} U_k^j(\bar{Z}_k, \bar{y}_k^j)$; 2) орган контроля получает материальное вознаграждение только в том случае, если объём информации о нарушениях в его сообщении является максимальным (или совпадает с максимальным объёмом информации в дублирующем сообщении другого органа контроля), в противном случае он ничего не получает:

$$U_k^j(\bar{Z}_k, \bar{y}_k^j) = \begin{cases} d_k^j(\bar{y}_k^j) + \bar{y}_k^j \cdot w_k^j \cdot l_k^j, & \bar{z}_k^j = \hat{z}_k^j; \\ 0, & \bar{z}_k^j \neq \hat{z}_k^j. \end{cases}$$

Опишем механизм взаимодействия агентов. Если центр считает, что один из агентов не сообщает полной информации, тогда плановое задание агентам $Y^* = (Y^{1*}, Y^{2*}, Y^{3*})$ с учетом вышеприведенных новых ограничений, формирует квазикомпенсаторную систему стимулирования, зависящую от сообщаемой информации о нарушениях: $U^1(\bar{Z}, \bar{Y}^1), U^2(\bar{Z}, \bar{Y}^2), U^3(\bar{Z}, \bar{Y}^3)$. Два агента – ревизионная комиссия (ревизор) и аудиторская организация (аудитор) выбирают действия, соответствующие плановому заданию $Y^1 = \bar{Y}^1 = Y^{1*}$ и $Y^2 = \bar{Y}^2 = Y^{2*}$, и сообщают полную информацию о нарушениях. Третий агент выбирает другое действие $Y^3 \neq Y^{3*}$,

максимизирующее его целевую функцию из-за наличия выигрыша от неправомерного поведения $D^3(\overline{Z}^3, Z^3) \neq 0$, при этом он сообщает, что выполнил плановое задание $\overline{Y}^3 = Y^{3*}$, и сообщает частичную информацию о выявленных нарушениях $\overline{Z}^3 \neq Z^3$. После этого центр в соответствии с новой системой стимулирования выплачивает материальное вознаграждение агентам.

Потери центра при неправомерном поведении одного из органов контроля можно оценить следующим образом:

$$\Delta F(\overline{Z}, \overline{Z}^*, \overline{Y}, \overline{Y}^*) = F(\overline{Z}^*, \overline{Y}^*) - F(\overline{Z}, \overline{Y}) = (H(\overline{Z}^*) - H(\overline{Z})) - (U(\overline{Y}^*) - U(\overline{Z}, \overline{Y})).$$

С учетом переплат за проведение повторных проверок в размере $\sum_{k=1}^{\max\{K_j\}} \tilde{\tilde{w}}_k^j \cdot \tilde{\tilde{l}}_k^j$, максимального эффекта центра от обладания информацией, совпадающей с его плановыми ожиданиями о полном выявлении нарушений на предприятии $H(\overline{Z}^*) = H(\overline{Z})$, получим функцию потерь центра:

$$\Delta F(\bullet) = U(\overline{Y}^*) - U(\overline{Z}, \overline{Y}) = \sum_{k=1}^{\max\{K_j\}} \tilde{\tilde{w}}_k^j \cdot \tilde{\tilde{l}}_k^j.$$

Если центр установит, что один из агентов предоставляет неполные сведения, компенсация его затрат на проведение проверки не производится. Это позволяет снизить потери центра.

Дополнительный эффект работы совета директоров (наблюдательного совета) можно определить как разницу между двумя величинами:

− вознаграждением агента плюс потенциальный выигрыш от неправомерного поведения (при сокрытии информации);

− вознаграждением, которое выплачивается при выполнении планового задания и предоставлении центру полных данных о выявленных нарушениях.

Таким образом, показатель отражает экономический смысл участия совета – он демонстрирует, насколько выгоднее для системы стимулировать добросовестное поведение, а не допускать искажений в отчётности.

$$\Delta f^2(\bullet) = f^2(\overline{Z}, Z^2, \overline{Y}^2, Y^2) - f^2(\overline{Z}^*, Z^{2*}, \overline{Y}^{2*}, Y^{2*}) = (U^2(\overline{Y}^2) - U^2(\overline{Y}^{2*})) + \\ + (D^2(\overline{Z}^2, Z^2) - D^2(\overline{Z}^{2*}, Z^{2*})) - (c^2(Y^2) - c^2(Y^{2*})).$$

Принцип дублирования информации позволяет центру сопоставлять данные из разных источников – за счёт этого удаётся выявить несоответствия и установить, что единственным органом, скрывающим сведения, выступает совет директоров (наблюдательный совет).

Тогда его материальное вознаграждение будет равно нулю: $U^2(\overline{Z}, \overline{Y}^2) = 0$, так как за проверку центр не заплатит агенту, последний предпочтёт не выполнять проверку совсем: $Y^2 = 0, \quad c^2(Y^2) = 0$. Дополнительный эффект совета директоров (наблюдательного совета) представляет собой сумму выигрыша от неправомерного поведения за вычетом премии: $\Delta f^2(\overline{Z}^2, Z^2, Y^{2*}) = D^2(\overline{Z}^2, Z^2) - d^2(Y^{2*})$.

При действующей системе стимулирования центр получает полную картину нарушений на предприятии – за счёт механизмов контроля и дублирования данных. Фактически ситуация эквивалентна той, при которой совет директоров (наблюдательный совет) самостоятельно сообщил бы обо всех выявленных нарушениях: скрыть информацию от центра не удаётся. В результате в ряде случаев потенциальный выигрыш агента от неправомерного поведения оказывается нулевым – стимул к сокрытию сведений исчезает, поскольку экономическая выгода от такого поведения нивелируется системой стимулов и санкций.

Тогда дополнительный эффект будет отрицательной величиной: $\Delta f^2(\bullet) = -d^2(Y^{2*})$, значит, в таких случаях агенту выгодно выполнять плановое задание и сообщать центру всю информацию о нарушениях на предприятии.

Список литературы

1. Воробьев, Н. И. Кластерный анализ статистических профилей пространственного распределения гумуса / Н. И. Воробьев, С. С. Ладан // Плодородие. – 2021. – № 5 (122). – С. 33–36.
2. Давлетова, А. К. Порядок работы совета директоров / А. К. Давлетова // Актуальные вопросы современной науки и образования: сб. статей Междунар. науч.-практ. конф. – Петрозаводск, 2019. – С. 63–66.
3. Давлетова, А. К. Корпоративное управление и контроль на промышленных предприятиях / А. К. Давлетова // Перспективные направления научных исследований в социально-гуманитарной сфере : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Белгород, 28 сентября 2019 г.). – Белгород, 2019.

Ершов Иван Михайлович
аспирант
АНОО ВО ЦС РФ «Российский университет кооперации»
г. Мытищи, Московская область

DOI 10.31483/r-170166

ОМНИКАНАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ B2B-ПЛАТФОРМ КАК НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ОПТОВОЙ ТОРГОВЛИ В РФ

Аннотация: *в условиях цифровой трансформации экономики развитие электронной оптовой торговли связано не только с внедрением цифровых каналов продаж, но и с интеграцией различных форм взаимодействия между поставщиками и корпоративными покупателями. B2B сегмент, несмотря на свою относительную консервативность по сравнению с B2C, также подвержен процессам реорганизации. Переход от традиционных каналов взаимодействия к использованию цифровых B2B-платформ, личных кабинетов и мобильных приложений расширяет возможности обслуживания клиентов, однако наличие нескольких каналов не гарантирует их согласованного функционирования. В связи с этим особую актуальность приобретает омниканальная трансформация, предполагающая объединение каналов взаимодействия, согласованность информации и непрерывность клиентского обслуживания. Важным признаком омниканальности выступает не количество каналов взаимодействия, а их взаимодействие. В статье рассматриваются особенности перехода от многоканальной к омниканальной модели организации электронной оптовой торговли. Рассматриваются кейсы российских компаний, внедривших новые технологии взаимодействия с клиентами, а также риски и перспективы. Подчёркивается, что ключевым признаком омниканальности выступает не количество используемых каналов, а степень согласованности данных и коммерческих процессов между ними. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных положений при анализе развития B2B-платформ и определении приоритетов цифровизации российской электронной оптовой торговли.*

Ключевые слова: *электронная оптовая торговля, B2B-платформа, омниканальность, цифровая трансформация, интеграция каналов, корпоративные клиенты, коммерческие процессы.*

Введение: Цифровизация оптовой торговли предполагает не только внедрение электронных инструментов продаж, но и перестройку процессов взаимодействия с покупателями. При этом переход к цифровым каналам может сопровождаться трудностями, связанными с интеграцией информационных систем, согласованием данных о товарах и заказах, а также распределением функций между онлайн-платформами и персональными менеджерами. В результате наличие нескольких каналов продаж не всегда обеспечивает целостный и последовательный процесс обслуживания корпоративных клиентов. В этих условиях особое значение приобретает омниканальность. Основной целью данных модернизаций является объединение всех текущих решений без ущерба существующим процессам. В первую очередь эти

изменения направлены как на улучшение клиентского опыта, так и на оптимизацию всех бизнес-процессов.

Цель исследования: выявить особенности и основные направления омниканальной трансформации B2B-платформ в российской электронной оптовой торговле, а также определить преимущества и риски.

Традиционная многоканальная модель B2B-торговли взаимодействует с контрагентом через несколько относительно самостоятельных каналов: персональных менеджеров, телефонные звонки, электронную почту, торговые точки, корпоративный сайт и электронные каталоги. Такой подход позволяет учитывать различные предпочтения корпоративных клиентов, однако при недостаточной интеграции каналов может приводить к дублированию операций, более долгим циклом обработки заказов и ошибкам. В конечном итоге возрастает риск потери клиента.

Переход к электронной торговле сам по себе не устраняет эти проблемы. Если заказ, оформленный через менеджера, не отражается в личном кабинете клиента или сведения о наличии товара обновляются с задержкой, цифровой канал остаётся обособленным элементом коммерческой системы. Поэтому важно разграничивать многоканальность, при которой компания использует несколько способов взаимодействия, и омниканальность, основанную на их согласованной работе. Омниканальный подход охватывает не только интеграцию каналов сбыта и коммуникации, но и технологические и управленческие составляющие деятельности предприятия [5]. Применительно к B2B-сегменту это означает необходимость объединения информации о клиентах, заказах, коммерческих условиях и ходе исполнения поставок.

Омниканальная модель предполагает бесшовный переход от одного этапа сделки к другому. Например, клиент изучает ассортимент в B2B-платформе, уточняет условия поставки у менеджера, оформляет заказ онлайн, а затем получает документы через ЭДО. При этом сведения о заказе, согласованных ценах и его статусе должны оставаться согласованными во всех задействованных системах. Следовательно, омниканальность представляет собой не просто расширение цифровых возможностей, а организационно-технологический принцип управления взаимодействием с корпоративным клиентом.

Важным элементом омниканальной модели B2B-торговли выступает интеграция электронного документооборота (ЭДО) с платформами продаж и внутренними информационными системами предприятия. Такая интеграция позволяет организовать обмен договорами, счетами-фактурами, накладными и другими документами в рамках единого процесса сопровождения заказа, сокращая объём ручных операций и риск расхождений между коммерческими и учётными данными. Правовые основы применения электронных документов в России определяются, в частности, Федеральным законом от 06.04.2011 №63-ФЗ «Об электронной подписи» и Федеральным законом от 06.12.2011 №402-ФЗ «О бухгалтерском учёте».

Рассматривая ключевые преимущества, в первую очередь стоит отметить автоматизацию бизнес-процессов. Использование CRM-системы для хранения информации о клиентах, условиях сделок и индивидуальных запросах позволяет снизить вероятность ошибок, связанных с человеческим фактором. Благодаря учету, можно сохранить все данные о клиенте, условии сделки, а также конкретные запросы. Кроме того, B2B-платформа может обеспечивать доступ к персональным ценам, скидкам, остаткам и документам в любое время, сохраняя возможность консультации с сотрудником компании. Вместе с тем реализация этих преимуществ зависит от качества интеграции информационных систем и согласованности внутренних бизнес-процессов. Исследования омниканального маркетинга подчёркивают, что технологические решения должны дополняться организационными изменениями и координацией подразделений [2].

Одним из успешных кейсов реализации отдельных принципов много канальности является ГК «Симбио», которым принадлежит B2B площадка товаров для животных Zooman.ru. До запуска платформы заказы поступали через торговых представителей, телефон,

электронную почту и другие каналы. В дальнейшем компания внедрила оптовый интернет-магазин, интегрированный с внутренними процессами, и расширила его функциональность. Платформа предоставляет клиентам информацию об остатках на нескольких складах, персональных ценах, скидках и заказах. Важная особенность решения состоит в том, что в личном кабинете отображаются заказы, оформленные не только онлайн, но и через альтернативные каналы, включая электронную почту и мессенджеры. Это позволяет рассматривать кейс как пример перехода от разрозненных способов оформления заказов к более согласованной системе взаимодействия с клиентами. Сергей Илемков, e-commerce директор ГК «Симбио», сообщает о трёхкратном росте числа заказов и оцифровке 90% заказов в домашнем регионе [1]. Помимо этого, платформа многократно увеличила конверсию заказов, а также расширила ассортимент за счет привлечения сторонних селлеров по аналогии с Wildberries и Ozon. Показателен также пример маркетплейса Wildberries. В 2025 году компания запустила раздел «WB для бизнеса», перенеся опыт B2C на B2B. Для партнеров предлагается полная интеграция с системой ЭДО, настройка скидок за постоянные покупки, а также возможность транслировать все данные через API. Такая система взаимовыгодна для всех: B2B продавцы получают дополнительную витрину и канал продаж, а клиенты могут получить выгодные условия и совершать сделки через сервис, привычный им как B2C покупателям.

Несмотря на преимущества, омниканальная трансформация сопряжена с рядом рисков. Во-первых, интеграция B2B-платформ с учётными системами, CRM, складскими решениями и электронным документооборотом требует финансовых вложений и технических ресурсов. Интеграция таких систем также предполагает постоянные затраты на поддержку дополнительного штата и обучения сотрудников. Во-вторых, несогласованность данных может сохраняться даже после внедрения новых инструментов, если подразделения используют разные регламенты и процедуры обработки заказов. В-третьих, переход к цифровому самообслуживанию может вызвать сопротивление сотрудников и клиентов, привыкших к персональному сопровождению. На значимость организационных изменений, подготовки персонала и интеграции систем в процессе цифровизации оптовой торговли указывают Д. П. Мартынов и В. Ю. Гарнова [3].

Дополнительные риски связаны с формализацией и NDA данных. Цифровизация данных и объединение систем также предполагает укрепление цифровой инфраструктуры и шифрование данных ввиду возрастающих киберугроз.

В дальнейшем российским оптовым компаниям предстоит переход от простого расширения онлайн-продаж к более глубокой интеграции коммерческих процессов. Перспективными направлениями являются развитие единого клиентского профиля, синхронизация данных о товарах и заказах, интеграция платформ с ERP- и CRM-системами, электронным документооборотом и логистическими сервисами [4].

Таким образом, омниканальная трансформация электронной оптовой торговли представляет собой комплексное организационно-технологическое направление развития B2B-платформ. Её результативность определяется не числом доступных каналов, а способностью компании обеспечить согласованное взаимодействие с клиентом на всех этапах коммерческого процесса. Опыт Zooman.ru и Wildberries демонстрирует отдельные практические механизмы такой интеграции, однако степень омниканальности каждой компании должна оцениваться по конкретным признакам, а не только по наличию цифровых сервисов.

Список литературы

1. Как запуск B2B-маркетплейса позволил увеличить онлайн-продажи в 3,5 раза и оцифровать 90% заказов: кейс Zooman.ru // КОРУС Консалтинг. – URL: https://omni.korusconsulting.ru/blog/kak-zapusk-b2b-marketpleysa-pozvolil-uvelichit-onlayn-prodazhi-v-3–5-raza-i-otsifrovat-90-zakazov-ke/ (дата обращения: 23.10.2026). – Текст : электронный.

2. Крыцула, А. А. Цифровые платформы взаимодействия профессиональных участников рынка (B2B-сегмент) / А. А. Крыцула // Ex jure. – 2026. – № 1. – С. 65–77. – DOI 10.17072/2619–0648–2026–1-65–77. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-platformy-vzaimodeystviya-professionalnyh-uchastnikov-rynka-b2b-segment (дата обращения: 23.10.2026). – Текст : электронный.

3. Мартынов, Д. П. Оценка и перспективы цифровизации управления бизнес-процессами на предприятиях оптовой торговли / Д. П. Мартынов, В. Ю. Гарнова // BENEFICIUM. – 2024. – № 4 (53). – С. 41–48. – DOI 10.34680/BENEFICIUM.2024.4(53).41–48.

4. Пархоменко, Н. С. Развитие B2B-маркетплейсов в России / Н. С. Пархоменко, Н. М. Сурай // Вестник Башкирского института социальных технологий. – 2025. – № 3 (68). – С. 45–53. – DOI 10.47598/2078–9025–2025–3-68–45–53.

5. Сухостав, Е. В. Подходы к сущности омниканального маркетинга / Е. В. Сухостав // Экономика, предпринимательство и право. – 2024. – Т. 14, № 9. – DOI 10.18334/epp.14.9.121540. – URL: https://1economic.ru/lib/121540 (дата обращения: 23.10.2026). – Текст : электронный.

Краснова Светлана Алексеевна
старший преподаватель
ФГКВОУ ВО «Военная орденов Жукова и Ленина
Краснознаменная академия связи
им. Маршала Советского Союза С.М. Буденного»
Министерства обороны Российской Федерации
г. Санкт-Петербург

ДИВЕРСИФИКАЦИИ ПРЕДПРИЯТИЯ ОПК КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ УСТОЙЧИВОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ И БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ

Аннотация: *статья посвящена вопросам диверсификации предприятий оборонно-промышленного комплекса (ОПК) в свете долгосрочного развития экономики в стране. Раскрывается понятие диверсификации, ее значение для сохранения устойчивости и развития предприятий ОПК на длительный период. Проведен анализ успешного опыта предприятий, полученного в ходе диверсификации производства, который может быть масштабирован на предприятиях ОПК с целью достижения экономической устойчивости.*

Ключевые слова: *оборонно-промышленный комплекс, диверсификация, продукция двойного назначения.*

В течение последних нескольких лет наблюдается интенсивная работа оборонно-промышленного комплекса страны, предприятия ОПК своевременно выполняют растущие объемы Государственного оборонного заказа, обеспечивая Вооруженные силы РФ необходимым вооружением и военной техникой. Также необходимо отметить, что рост объемов производства предприятий ОПК оказывает положительное влияние на рост валового внутреннего продукта (ВВП). К тому же при увеличении объемов производства в ОПК наблюдается мультипликативный эффект, в виде положительной динамики экономических показателей на предприятиях, входящих в совместную кооперацию и т. п.

Организация (предприятие) оборонной промышленности – это организация независимо от организационно-правовой формы и формы собственности, осуществляющая научную и (или) производственную деятельность по обеспечению федеральных государственных нужд в области поддержания обороноспособности и безопасности Российской Федерации [1, с. 13].

Множество положительных эффектов деятельности предприятий ОПК в области обеспечения импортозамещения, развития инновационных технологий, устойчивый экономический рост ОПК находятся в прямой зависимости от финансовой поддержки государства. В период проведения специальной военной операции приоритетом финансового обеспечения остаются потребности оснащения вооруженных сил РФ вооружением и техникой и модернизация предприятий ОПК. Распоряжением от 31 мая 2025 года №1412-р правительство продлило срок реализации государственной программы «Развитие оборонно-промышленного комплекса». Программа направлена на успешное выполнение Государственной программы

вооружения, развитие потенциала оборонно-промышленного комплекса России, повышение его конкурентоспособности и т. д.

Для сохранения своей конкурентоспособности и устойчивости предприятиям ОПК необходимо в ближайшие годы своевременно и качественно выполнять Государственный оборонный заказ, а также и планировать мероприятия, позволяющие сохранить стабильное экономическое положение на долгосрочную перспективу. Одним из таких мероприятий является диверсификация производства.

Диверсификация – расширение сферы деятельности организаций и целых отраслей за рамки основного бизнеса с целью обеспечения эффективности работы и упрочения своего положения на различных рынках [2, с. 9].

Основными причинами необходимости диверсификации ОПК являются:

– циклическое изменение спроса на военную продукцию, в мирное время спрос на нее снижается и наоборот в период военных конфликтов повышается, поэтому предприятия ОПК должны быть готовы к изменениям спроса, это позволит избежать им экономических кризисов;

– необходимость ускорения инновационных разработок, используя двухсторонний обмен у предприятий ОПК появляется возможность переносить военные разработки в гражданские отрасли и наоборот использовать гражданские инновации для удовлетворения военных потребностей и др.

В своем докладе Агентство промышленного развития Москвы представило примеры успешного опыта, полученного в разных странах в ходе диверсификации производства. Так «слияние компании «Боинг» США, с отделением компании «Рокуэлл интернэшнл», специализирующийся на выполнении заказов МО США и с «Макдоннел-Дуглас», крупнейшей компании военной промышленности, позволило компании «Боинг» стать самым крупным в мире промышленным концерном по производству военной и гражданской продукции с объемом годовых продаж в 36 млрд.долл. В Израиле в рамках диверсификации производства, при слиянии двух компаний Tadir и Ran была создана компания Tadiran, которая в последующем разрабатывала и производила коммуникационное оборудование и батареи гражданского и военного назначения» [3, с. 45].

Многие отечественные предприятия ОПК уже имеют успешный опыт диверсификации производства. В 2016 году на основании поручения Президента правительством РФ был разработан и утвержден план развития производства высокотехнологичной продукции гражданского и двойного назначения. Министром промышленности и торговли была утверждена дорожная карта по диверсификации производства вышеперечисленной продукции предприятиями ОПК. Перед предприятиями ОПК была поставлена цель, что доля гражданской продукции, производимой ими, должна увеличиваться, так в 2020 году одна должна была составить – 17%, в 2025 году – 30% и в 2030 году – 50%.

5 июля 2021 года вице-премьер Борисов Ю.И. привел данные по результатам диверсификации ОПК – «уровень гражданской продукции на предприятиях оборонно-промышленного комплекса в 2019 году составил 24,1%, в 2020 году – 25,6%» [4].

28.10.2022 г. в ходе своего доклада руководитель Управления развития программных сервисов в сфере диверсификации оборонно-промышленного комплекса ФГУП «ВНИИ «Центр» Минпромторга России Лопухин Д.А. представил фактические показатели выпуска высокотехнологичной продукции гражданского и двойного назначения, в 2021 году они составили 26,8% [5].

В период СВО наблюдается резкий рост спроса на военную продукцию, поэтому приоритеты корректируются, но задача доведения доли высокотехнологичной продукции гражданского и двойного назначения в общем объеме производства организаций ОПК до 50% осталась неизменной. Со слов первого вице-премьера РФ Мантурова Д.В. многие госкорпорация, такие как «Росатом», Казанский вертолетный завод, компания «ОДК-Сатурн»,

Балтзавод и верфь «Красное Сормово», «Микрон», «Орский завод» раньше срока преодолели планку в 50%.

Успешная диверсификация производства обеспечит предприятиям ОПК в будущем устойчивую работу, снижает риски уменьшения их экономических показателей при снижении спроса на военную продукцию.

Использование общих технологий, компонентов в производстве военной и гражданской продукции позволяет снизить их себестоимость, увеличить прибыль, повысить эффективность производства.

Диверсификация содействует технологическому лидерству страны, экономическому росту и импортозамещению, что является важным вкладом в успешное развитие экономики страны, ее безопасность и конкурентоспособность на мировом уровне.

Список литературы

1. Ужицкий, А. В. Макроэкономический анализ и прогнозирование развития оборонно-промышленного комплекса России / А. В. Ужицкий, Л. М. Капустина. – Екатеринбург : Изд-во УрГЭУ, 2006. – 112 с.

2. Котляревская, И. В. Рыночные возможности перехода промышленного предприятия к стратегии диверсификации : монография / И. В. Котляревская, М. А. Илышева, К. В. Смирнов. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. – 104 с.

3. Диверсификация продукции оборонно-промышленного комплекса // Инвестиционный портал города Москвы. – URL: https://investmoscow.ru/media/3340532/06-диверсификация-продукции-оборонно-промышленного-комплекса.pdf (дата обращения: 21.10.2026). – Текст : электронный.

4. Юрий Борисов поделился результатами диверсификации ОПК. – URL: https://sudostroenie.info/novosti/33628.html (дата обращения: 21.10.2026). – Текст : электронный.

5. Лопухин, Д. А. Развитие процессов диверсификации ОПК: потенциал импортозамещения. Перспективные рынки сбыта и возможности электронных сервисов для реализации продукции на рынок B2B / Д. А. Лопухин // НП «Лизинговый Союз». Медиа холдинг «Капитал-инфо». – URL: https://prem-leasing.kapital-info.ru/site/public/elfinder/Press-kit/LOPUXIN.pdf (дата обращения: 21.10.2026). – Текст : электронный.

Матвеева Алла Ивановна
д-р филос. наук, профессор
Костоусова Станислава Николаевна
магистрант
Карпенко Лариса Анатольевна
магистрант

ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»
г. Екатеринбург, Свердловская область

DOI 10.31483/r-170252

ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ПРИЁМЫ УВЕЛИЧЕНИЯ СРЕДНЕГО ЧЕКА В ЦИФРОВЫХ КАНАЛАХ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ: ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА

Аннотация: *рассмотрены поведенческие приёмы увеличения среднего чека в мобильных приложениях и на сайтах предприятий общественного питания. Цель исследования – систематизировать эти приёмы и определить условия их экономической целесообразности. Использованы анализ научных публикаций, сопоставление отраслевых кейсов и сценарное моделирование. Приёмы сгруппированы по предполагаемому механизму воздействия, способу реализации и показателям оценки. На материалах Burger King и TanukiFamily разграничены изменения показателей во времени и различия между группами клиентов. Предложена расчётная схема дополнительного операционного результата с учётом переменных затрат, расходов на стимулирование и сопровождение проекта. Для условного предприятия определены порог покрытия дополнительных расходов и прирост среднего чека, обеспечивающий*

расчётное возмещение первоначальных вложений за заданный период. Подход предназначен для предварительного экономического обоснования изменений цифрового канала заказа.

Ключевые слова: *поведенческая экономика, цифровая архитектура выбора, общественное питание, средний чек, персонализация, программа лояльности, экономическая эффективность, сценарное моделирование.*

Введение.

В приложении или на сайте ресторана посетитель выбирает блюда, размер порции и дополнения к заказу. На его решение могут влиять порядок карточек, заметность отдельных позиций и рекомендации в корзине [1; 2]. Однако увеличение среднего чека не всегда улучшает финансовый результат: дополнительную выручку могут поглощать скидки и затраты на вознаграждения. Поэтому оценка таких решений требует сопоставления прироста выручки с расходами на его получение.

Цель исследования – систематизировать поведенческие приёмы увеличения среднего чека и определить условия, при которых их применение обеспечивает положительный дополнительный операционный результат.

Материалы и методы.

Работа опирается на теорию перспектив, концепцию подталкивания и исследования цифровой архитектуры выбора [1; 2]. Эти подходы используются для разграничения изменений интерфейса и экономических стимулов.

Для сравнения выбраны кейсы Burger King и TanukiFamily: первый описывает персональные рекомендации, второй – комплексную программу лояльности. По каждому кейсу сопоставлены содержание решения, показатель результата и база сравнения. Данные взяты из открытых публикаций участников проектов; независимая проверка этих сведений не проводилась [3; 6].

Авторский подход объединяет систематизацию интерфейсных приёмов с расчётом минимального прироста среднего чека, необходимого для покрытия связанных затрат. Сценарная модель используется для экономической оценки заданного эффекта, а не для определения его величины.

Систематизация поведенческих приёмов.

Перестановка карточек меняет заметность предложения, а скидка меняет условия покупки. Эти воздействия могут сочетаться, поэтому их результаты следует оценивать раздельно [1–3]. В таблице 1 приёмы сгруппированы по предполагаемому механизму воздействия, реализации и показателям оценки.

Таблица 1

Приёмы и показатели их оценки

Прием	Механизм реализации	Показатели
Визуальное выделение	Повышение заметности: порядок и оформление карточек	Доля целевых позиций, средний чек
Рекомендации	Упрощение поиска: подсказки по корзине	Доля заказов с дополнением, средний чек, конверсия
Пакетные предложения	Упрощение выбора: комплект с указанием состава и цены	Доля комплектов, средний чек, затраты
Пороговые стимулы	Достижение условия: сумма до бесплатной доставки или бонуса	Доля заказов выше порога, стоимость стимула
Отображение прогресса	Приближение к цели: индикатор до получения награды	Выполнение условий, частота заказов, средний чек

Источник: составлено авторами на основе [1; 2].

Анализ отраслевых кейсов.

Средний чек определяется как отношение выручки к количеству завершённых заказов. Для сравнения необходимо одинаково учитывать скидки, возвраты, доставку и бонусные

списания. Изменение показателя может отражать добавление блюд, рост цен или изменение состава заказов. Поэтому его следует оценивать совместно с конверсией, количеством заказов и дополнительным операционным результатом.

В Burger King рекомендации формировались с учётом истории покупок, времени суток и ресторана и показывались в приложении и киосках самообслуживания. По данным кейса, пожизненная ценность клиента (LTV) у участников программы лояльности вдвое выше, чем у других покупателей. Однако группы могли различаться по исходной активности, поэтому это соотношение нельзя считать оценкой эффекта рекомендаций [6].

Перезапуск программы TanukiFamily включал интеграцию каналов заказа, изменение бонусных условий, обучение персонала и коммуникации. Опубликованные показатели относятся к разным группам и периодам (табл. 2) [7].

Таблица 2

Показатели программы лояльности TanukiFamily

Показатель	Результат	База сравнения
Доля офлайн-чеков с программой	25 → 40%	Июль 2023 – июль 2024
Доля офлайн-чеков с программой	45%	Сентябрь 2024
Число активных участников	+32%	Июль 2023 – июль 2024
Средний чек по сети	+30%	Июль 2023 – июль 2024
Средний чек участников программы	Выше на 15%	С другими гостями; период не указан

Источник: составлено авторами по данным кейса TanukiFamily. Активным считается участник, совершивший хотя бы одну покупку за 183 дня.

Рост среднего чека по сети отражает изменение во времени, а превышение чека участников – различие между группами. Эти показатели не позволяют выделить вклад интерфейса: одновременно менялись бонусные условия, работа персонала и коммуникации.

Сценарная модель экономического результата.

Модель позволяет определить, достаточен ли ожидаемый или измеренный прирост среднего чека для покрытия затрат на выбранное решение. Расчёт выполнен для условного предприятия при неизменном количестве заказов. Финансовые параметры заданы авторами (табл. 3). Сценарий прироста на 30% выбран с учётом опубликованной динамики TanukiFamily, но не рассматривается как прогноз эффекта внедрения [3].

Таблица 3

Условные исходные параметры

Параметр	Обозначение	Значение
Исходный средний чек	A_0	1 500 руб.
Количество заказов в месяц	Q	10 000
Прирост среднего чека	r	5–30%
Доля дополнительной выручки после переменных затрат	m	18%
Затраты на стимулирование	b	5% дополнительной выручки
Постоянные расходы проекта	F	100 000 руб./мес.
Первоначальные вложения	I	1 500 000 руб.

Источник: авторские допущения.

Коэффициент m отражает долю дополнительной выручки после переменных затрат, но до расходов на стимулирование и сопровождение проекта. Коэффициент b учитывает только затраты, ещё не вычтенные из выручки или переменных расходов. Они начисляются на дополнительную выручку; возможное увеличение затрат по исходному объёму продаж не учитывается.

Дополнительная выручка определяется следующим образом:

$$\Delta \mathrm{R} = \dot{\mathrm{Q}}\mathrm{A}_0\mathrm{r}$$

Дополнительный операционный результат до налогообложения:

$$\Delta E = QA_{Or}\,(\mathrm{m} - d) - F$$

При приросте среднего чека на 30% дополнительная выручка составляет 4 500 000 руб., а операционный результат – 485 000 руб. в месяц. Полученная величина не является чистой прибылью или денежным потоком: налоги, изменение оборотного капитала и график использования вознаграждений не учитываются.

Результаты расчёта и обсуждение.

Таблица 4

Чувствительность к приросту среднего чека

Прирост чека	ΔE, руб./мес.	Условный срок возмещения, мес.
5%	-2 500	Не определяется
10%	95 000	15,8
15%	192 500	7,8
20%	290 000	5,2
30%	485 000	3,1

Источник: расчёты авторов. Условный срок рассчитан как I/ΔE при постоянном положительном результате и не заменяет оценку по денежным потокам.

При приросте среднего чека на 5% дополнительные расходы не покрываются, а при 10% операционный результат составляет 95 тыс. руб. в месяц. Следовательно, значение имеет не сам факт увеличения чека, а превышение расчётного порога.

При m >b покрытия дополнительных ежемесячных расходов определяется следующим образом:

$$r_{m_i n} = \frac{F}{QA_0\,(m - b)} \approx 5{,}13\%$$

Для условного возмещения первоначальных вложений за TTT месяцев необходим прирост:

$$r_T = \frac{F + I/T}{QA_0\,(m - b)}$$

При T=12 расчётное значение составляет около 11,54%. Предполагается получение полного эффекта с первого месяца; период адаптации увеличит срок возмещения вложений.

Модель применима при неизменном количестве заказов. Если решение влияет на конверсию, необходимо учитывать изменение числа заказов и структуры затрат. Для проверки отдельного приёма следует сравнивать варианты интерфейса при одинаковых ценах, ассортименте и условиях вознаграждения, по возможности случайно распределяя пользователей между вариантами.

Заключение.

Систематизация приёмов показывает необходимость раздельной оценки способа представления предложения и экономических условий покупки. Опубликованные кейсы иллюстрируют применение цифровых инструментов, но не позволяют выделить эффект отдельных интерфейсных решений.

При принятых параметрах модели порог покрытия дополнительных ежемесячных расходов составляет около 5,13%, а прирост среднего чека для условного возмещения первоначальных вложений за год – около 11,54%. Эти значения характеризуют только рассмотренный сценарий. Для решения о внедрении необходимы собственные данные предприятия о заказах, затратах и конверсии.

Список литературы

1. Weinmann, M. Digital Nudging / M. Weinmann, C. Schneider, J. vom Brocke / M. Weinmann // Business & Information Systems Engineering. – 2016. – Vol. 58, No. 6. – P. 433–436. – DOI 10.1007/s12599-016-0453-1.

2. Schneider, C. Digital Nudging: Guiding Online User Choices through Interface Design / C. Schneider, M. Weinmann, J. vom Brocke / C. Schneider // Communications of the ACM. – 2018. – Vol. 61, No. 7. – P. 67–73. – DOI 10.1145/3213765.

3. В TanukiFamily перезапустили программу взаимности – и активных участников стало на 32% больше. – URL: https://mindbox.ru/journal/cases/tanuki/ (дата обращения: 26.10.2026). – Текст : электронный.

4. Kahneman, D. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk / D. Kahneman, A. Tversky // Econometrica. – 1979. – Vol. 47, No. 2. – P. 263–291. – DOI 10.2307/1914185.

5. Thaler, R. H. Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness / R. H. Thaler, C. R. Sunstein. – New Haven : Yale University Press, 2008. – 293 p.

6. Персонализация на ML-алгоритме приносит Burger King несколько миллионов рублей дополнительной прибыли в месяц. – URL: https://tagline.ru/cases/burger-king-vyrastil-prodazhi-v-poltora-raza-blagodarya-ml-algoritmam-v-programme-loyaljnosti/ (дата обращения: 26.10.2026). – Текст : электронный.

7. Как TanukiFamily перезапустили программу взаимности и увеличили средний чек клиентов на 30%. – URL: https://www.retail.ru/cases/kak-tanukifamily-perezapustili-programmu-vzaimnosti-i-uvelichili-sredniy-chek-klientov-na-30/ (дата обращения: 26.10.2026). – Текст : электронный.

Пономарева Елена Николаевна
канд. экон. наук, доцент
ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный
университет им. М.В. Ломоносова»
г. Архангельск, Архангельская область

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ ФИНАНСОВАЯ ПОДДЕРЖКА СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: *автор отмечает, что развитие социального предпринимательства невозможно без поддержки со стороны органов власти. В статье предпринимается попытка охарактеризовать и классифицировать основные меры государственной и муниципальной финансовой поддержки социального предпринимательства.*

Ключевые слова: *социальное предпринимательство, социальное предприятие, финансовая поддержка социального предпринимательства, меры финансовой поддержки.*

Развитие территории всегда связано не только с развитием экономики, но и с развитием социальной сферы. Институт социального предпринимательства, предполагая достижение социальными предприятиями такой цели как извлечение прибыли, способствует решению социальных проблем граждан и общества.

В рамках данной статьи дефиниция «социальное предпринимательств» применяется нами в той трактовке, которая закреплена пунктом 7 статьи 1 Закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [1].

Вышеуказанный закон не только регламентирует отнесение субъектов малого и среднего предпринимательства к социальным предприятиям, но и устанавливает формы их поддержки. Так частью пятой статьи 24.1 рассматриваемого закона закреплена финансовая поддержка, в том числе в рамках предоставления субсидий.

Действительно, субсидии являются наиболее востребуемыми мерами софинансирования проектов социальных предпринимателей. Например, при наличии статуса социального предприятия на конкурсной основе можно получить грант в размере до 500 тысяч рублей, а в Арктической зоне – до 1 млн руб.

Субъекты РФ и муниципальные образования также имеют право приоритезировать отдельные виды деятельности социальных предприятий и предоставлять субсидии из средств соответствующего бюджета. Так, например, в муниципальном округе «Северодвинск» Архангельской области социальные предприятия в сфере спорта, отдыха и развлечений (класс 93 ОКВЭД) могут частично компенсировать расходы на гигиеническое обучение и аттестацию работников.

К числу основных мер финансовой поддержки социального предпринимательства также относят микрозаймы по льготным ставкам, независимые гарантии и поручительства, льготный лизинг оборудования [2; 3].

Часто данные меры не конкретизированы для социальных предпринимателей и являются мерами поддержки для большинства субъектов малого и среднего предпринимательства при соответствии определённым условиям.

Нами предлагается разделить меры финансовой поддержки в зависимости от денежного выражения результата, который получает предприниматель:

− софинансирование (субсидии, льготный лизинг);

− содействие в кредитовании (как правило, это микрозаймы и поручительства региональных гарантийных организаций при получении предпринимателями кредитных ресурсов);

− содействие в получении дохода (например, Проняевой Л.И. и Кочисовым С.А. [2] выделена такая мера как доступ к закупкам крупнейших заказчиков);

− поддержка в получении экономии (налоговые льготы).

Существенной поддержкой для начинающих социальных предпринимателей являлись «налоговые каникулы». Субъектам Российской Федерации в соответствии с нормами Налогового кодекса Российской Федерации предоставлялось право на установление «нулевых ставок» для впервые зарегистрированных индивидуальных предпринимателей в производственной, научно-технической и социальной сфере в течение двух налоговых периодов (лет).

Институт «налоговых каникул» актуален для развития социального предпринимательства, так как большинство предпринимателей в сфере образования, социального обслуживания населения, физической культуры и спорта в начале своей деятельности выбирали статус индивидуального предпринимателя. Но, к сожалению, с 1 января 2027 года институт «налоговых каникул» отменён на территории всей Российской Федерации.

«Нулевые ставки» устанавливались только для применяющих упрощенную и патентную систему налогообложения и не отменяли уплату страховых взносов индивидуального предпринимателя «за себя» и «за работников».

В настоящее время в большинстве регионов обществам с ограниченной ответственностью и индивидуальным предпринимателями вне зависимости от наличия статуса социального предприятия при соблюдении ряда условий (средняя численность – до 5 работников, расчётные счета в уполномоченных банках и др.) дано право выбора автоматизированной упрощенной системы налогообложения. При данном налоговом режиме значительно сокращается сумма уплачиваемых страховых взносов (в 2026 году общая сумма составляет всего 2959 руб.) и минимизируется объём налоговой отчётности.

Субъекты Российской Федерации также могут устанавливать пониженные налоговые ставки при применении упрощенной системы налогообложения (как правило, 1 процент при налоговой базе «доходы» и 5% при налоговой базе «доходы минус расходы»). Такие ставки, как правило, устанавливаются и для социальных предпринимателей.

В целях реализации проектов с минимальными инвестициями в один миллион рублей на арктических территориях (полностью или частично к ним отнесены территории 10 субъектов Российской Федерации), предприниматели, в том числе социальные, имеют возможность приобретения статуса резидента Арктической зоны Российской Федерации (статья 9 Закона [4]). В этом случае они в течение нескольких налоговых периодов получают льготы по налогу на прибыль, налогу на имущество, налогу на землю, специальным налоговым режимам; используют пониженные ставки страховых взносов, а также могут быть получателями

субсидии на возмещение процентной ставки по кредитам [5]. Такие меры поддержки позволяют укрупнять бизнес, что является ключевой задачей федерального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы».

Предоставляя налоговые льготы, Российская Федерация и субъекты Российской Федерации недополучают налоговые доходы, но, поддерживая развитие социального предпринимательства, социальной сферы, создают благоприятные условия для развития территорий, что способствует и развитию экономики в целом.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы.

1. Финансовая поддержка социального предпринимательства осуществляется за счет средств федерального бюджета, региональных и местных бюджетов.

2. Меры финансовой поддержки можно разделить на общие (применяются для большинства субъектов малого и среднего предпринимательства) и специальные меры (применяются для субъектов, имеющих особый статус: например, для социальных предприятий).

3. По нашему мнению, меры финансовой поддержки могут быть классифицированы в зависимости от денежного выражения результата, который получает предприниматель. К их числу мы относим меры, направленные на: софинансирование; содействие кредитованию; содействие в получении дохода; помощь в получении экономии.

4. Финансовая поддержка социального предпринимательства имеет территориальные особенности, что обусловлено установлением отдельных мер для арктических и «неарктических» территорий, а также региональными особенностями.

5. Более доступной для социальных предпринимателей является финансовая поддержка в виде установления налоговых льгот со стороны субъектов Российской Федерации.

Список литературы

1. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: федеральный закон от 24 июля 2007 г. №209-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс. – 2007. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/ (дата обращения: 22.10.2026). – Текст : электронный.

2. Проняева, Л. И. Развитие мер региональной финансовой поддержки малых социальных предпринимателей / Л. И. Проняева, С. А. Кочисов // Фундаментальные и прикладные исследования в области экономики и финансов : сб. науч. статей X Междунар. науч.-практ. конф. (Орёл, 6 декабря 2024 г.). – Орёл, 2024. – С. 124–129.

3. Трапезникова, Е. А. Социальное предпринимательство как инструмент социально-экономического развития региона / Е. А. Трапезникова // Эффективное управление экономикой: проблемы и перспективы : сб. трудов X Междунар. науч.-практ. конф. (Симферополь, 17 апреля 2025 г.). – Симферополь : Ариал, 2025. – С. 171–175.

4. О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации : федеральный закон от 13 июля 2020 года №193-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357078/ (дата обращения: 22.10.2026). – Текст : электронный.

5. Инвестиционный портал Арктической зоны России. Преференции для резидентов Арктической зоны РФ. – URL: https://arctic-russia.ru/invest/azrf.php (дата обращения: 22.10.2026). – Текст : электронный.

Семин Александр Николаевич
д-р экон. наук, профессор
Шепель Светлана Юриковна
студентка

ФГБОУ ВО «Уральский государственный
экономический университет»
г. Екатеринбург, Свердловская область

ВНЕДРЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРОЦЕСС ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ НА НИОКР

Аннотация: *в статье рассматриваются вопросы совершенствования системы ценообразования на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в сфере государственного оборонного заказа. Показано, что действующая система формирования цен требует повышения объективности распределения накладных расходов и прозрачности расчетно-калькуляционных материалов. Обоснована целесообразность внедрения технологий искусственного интеллекта в процесс ценообразования на НИОКР.*

Ключевые слова: *ценообразование, НИОКР, государственный оборонный заказ, накладные расходы, искусственный интеллект, себестоимость.*

Современный этап развития экономики характеризуется ростом роли научных исследований и разработок в обеспечении технологического суверенитета государств и укреплении национальной безопасности. В условиях санкционного давления особое значение приобретает способность государства обеспечивать устойчивое функционирование стратегически важных отраслей промышленности, прежде всего оборонно-промышленного комплекса (далее – ОПК).

Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (далее – НИОКР) являются основой создания современных образцов специальной техники, внедрения инновационных технологий и развития научно-технического потенциала государства. Эффективность организации и финансирования НИОКР напрямую влияет на уровень обороноспособности страны. Особую актуальность вопросы организации НИОКР приобретают в рамках государственного оборонного заказа (далее – ГОЗ), который представляет собой один из ключевых инструментов государственного регулирования деятельности ОПК. Значительное увеличение объемов ГОЗ и необходимость оперативной модернизации существующих образцов требуют совершенствования механизмов формирования цен на НИОКР.

Система ценообразования в сфере ГОЗ существенно отличается от рыночных механизмов: цена продукции оборонного назначения подлежит государственному регулированию, что обусловлено финансированием ГОЗ за счет средств федерального бюджета и стратегическим значением результатов НИОКР. Основным нормативным правовым актом, регулирующим порядок формирования цен, является Постановление Правительства Российской Федерации от 2 декабря 2017 г. №1465. Практика его применения показывает, что существующая система ценообразования требует постоянного совершенствования в связи со сложностью определения себестоимости научно-технической продукции, наличием значительного количества накладных расходов и длительными сроками реализации НИОКР. Дополнительную актуальность проблеме придает необходимость обеспечения баланса интересов государства (эффективное расходование бюджетных средств) и предприятий ОПК (компенсация затрат и получение прибыли, достаточной для устойчивого функционирования).

Одним из направлений совершенствования системы ценообразования является повышение объективности распределения накладных расходов между видами продукции. Следует отметить, что теоретико-методологические основы формирования цифровых экосистем, включая платформенные модели, исследованы в работах А.В. Курдюмова и Я.В. Свистуновой, где показано, что цифровые экосистемы выступают связующим звеном между

участниками экономических отношений и обеспечивают синергетический эффект за счет интеграции ресурсов и данных [1].

Предлагаемая модель анализа себестоимости продукции по контрактам в сфере ГОЗ может рассматриваться в качестве инструмента для оценки величины накладных расходов пропорционально выручке по трем товарным группам предприятий: продукция, произведенная по ГОЗ; продукция, произведенная для иностранных заказчиков; гражданская продукция, реализованная вне ГОЗ. Распределение накладных расходов пропорционально выручке позволяет выявить отклонения расчетной себестоимости от экономически обоснованного уровня: по продукции специального назначения может наблюдаться завышение, а по экспортной продукции – более высокая эффективность распределения расходов в условиях конкурентного внешнего рынка. Для формирования рейтинга исполнителей ГОЗ важно именно соотношение расчетной и скорректированной себестоимости по первой товарной группе: чем меньше отклонение, тем выше рейтинг предприятия. С помощью данной модели можно оценить предложения цены контракта всех участников предстоящего тендера и выстроить рейтинг предприятий.

Рекомендуемая методика расчета стоимости выполнения конкретного контракта по ГОЗ строится на тезисе о том, что величина накладных расходов в составе себестоимости экспортной продукции, реализуемой на более конкурентном рынке, носит более объективный характер. Поэтому при расчете цен на оборонную продукцию для внутреннего рынка рекомендуется учитывать накладные расходы в том же проценте от прямых затрат, в котором они закладываются для экспортной продукции. Представленная методика носит рекомендательный характер: каждая организация вправе сама выбирать, пользоваться ей или нет. Однако в случае предложения цены без предоставления анализа себестоимости и накладных расходов при формировании рейтинга потенциальных исполнителей организация может получить места существенно ниже, чем участники тендера, у которых ценообразование осуществляется на основе соотношения накладных и прямых затрат согласно методике.

В современных условиях особую актуальность приобретает внедрение технологий искусственного интеллекта в процесс ценообразования на НИОКР. При этом важным условием эффективного применения технологий искусственного интеллекта является формирование адекватной нормативно-правовой базы, обеспечивающей регулирование отношений с искусственным интеллектом и защиту интересов участников экономических отношений [2].

Под искусственным интеллектом в сфере ценообразования понимается совокупность цифровых технологий, программных алгоритмов и аналитических систем, способных автоматически анализировать финансово-экономические показатели предприятия, рассчитывать себестоимость продукции, выявлять отклонения затрат, прогнозировать изменения стоимости ресурсов и формировать рекомендации по определению экономически обоснованной цены контракта. Особенно важным применение искусственного интеллекта становится для предприятий ОПК: значительное количество расчетно-калькуляционных материалов, необходимость анализа прямых и накладных расходов, оценка рентабельности, подготовка документации для Федеральной антимонопольной службы и государственного заказчика требуют высокой скорости обработки информации и минимизации вероятности ошибок.

В качестве примера рассмотрим деятельность ФГУП «РФЯЦ-ВНИИТФ им. академ. Е.И. Забабахина», осуществляющего производство специальной техники, экспортные поставки продукции, а также выпуск продукции двойного назначения. На предприятии значительный объем времени экономических подразделений затрачивается на подготовку расчетно-калькуляционных материалов, распределение накладных расходов между товарными группами, проверку экономической обоснованности затрат и формирование прогнозных цен контрактов. При традиционном подходе обработка информации осуществляется вручную либо с использованием разрозненных программных комплексов, что увеличивает вероятность ошибок и снижает скорость подготовки документации.

На основании данных предприятия (объем прямых расходов по продукции специального назначения, по экспортной продукции, по продукции двойного назначения и общей суммы накладных расходов и совокупной выручки) система искусственного интеллекта автоматически распределяет накладные расходы пропорционально выручке. Сравнение расчетной и скорректированной себестоимости позволило выявить существенные отклонения. Например, по экспортной продукции наблюдается отрицательное отклонение, что указывает на более высокую эффективность распределения расходов при работе на конкурентном внешнем рынке.

Использование искусственного интеллекта позволяет автоматически выявлять подобные диспропорции и формировать рекомендации по корректировке структуры затрат, что снижает вероятность предъявления претензий со стороны государственного заказчика и Федеральной антимонопольной службы.

Дополнительно система искусственного интеллекта способна анализировать показатели рентабельности и производительности труда. Согласно данным отчетности предприятия, рентабельность производства составила 1,9%, рентабельность продукции – 7,1%, производительность труда – 0,74 млн руб. на одного работника в год. На основе анализа этих показателей искусственный интеллект способен прогнозировать эффективность исполнения будущих контрактов, определять допустимый уровень прибыли и формировать интегральный рейтинг предприятия при распределении ГОЗ.

Практическое применение искусственного интеллекта возможно также при формировании цены конкретного контракта.

Внедрение искусственного интеллекта позволяет сократить время подготовки расчетно-калькуляционных материалов в среднем на 40–60%, снизить вероятность арифметических ошибок и повысить точность прогнозирования себестоимости продукции. Дополнительным преимуществом является возможность постоянного мониторинга цен на материалы, комплектующие изделия, энергоресурсы и услуги кооперации, а также прогнозирования влияния инфляционных процессов на стоимость исполнения долгосрочных контрактов, что особенно важно для НИОКР.

Проведенное экономическое обоснование показало, что предложенная методика обладает высокой практической эффективностью и может быть использована предприятиями ОПК при формировании цен на продукцию, поставляемую в рамках ГОЗ. На основании анализа финансово-хозяйственной деятельности ФГУП «РФЯЦ-ВНИИТФ им. академ. Е.И. Забабахина» установлено, что существующая структура распределения накладных расходов может приводить к существенным отклонениям расчетной себестоимости от экономически обоснованного уровня. Полученные результаты подтверждают целесообразность применения предложенной модели распределения накладных расходов пропорционально выручке товарных групп.

Таким образом, внедрение искусственного интеллекта в процесс ценообразования на НИОКР позволяет повысить эффективность деятельности предприятий ОПК, обеспечить объективность формирования цен, сократить трудоемкость подготовки документации и повысить прозрачность финансово-экономических расчетов. Предложенные мероприятия позволяют повысить эффективность системы государственного регулирования цен, обеспечить более рациональное использование бюджетных средств и создать дополнительные механизмы контроля экономической обоснованности затрат предприятий ОПК.

Список литературы

1. Курдюмов, А. В. Теоретико-методологические основы формирования цифровых экосистем / А. В. Курдюмов, Я. В. Свистунова // Регион: системы, экономика, управление. – 2024. – № 3 (66). – С. 62–69. – DOI 10.22394/1997-4469-2024-66-3-62-69. – EDN FYDPWT.

2. Мещерягина, В. А. Правовое регулирование отношений с искусственным интеллектом: тенденции развития законодательства / В. А. Мещерягина, А. В. Курдюмов, В. Ф. Головина // Теория и практика мировой науки. – 2023. – № 8. – С. 43–47. – EDN AJTXEU.

Урдюкова Татьяна Александровна
магистрант
Научный руководитель
Прокопьев Александр Владимирович
канд. экон. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

DOI 10.31483/r-170208

УДЕРЖАНИЕ ПАРТНЕРСКОЙ СЕТИ КАК ПРИОРИТЕТ МАРКЕТИНГОВОЙ СТРАТЕГИИ КОМПАНИИ ПРЯМЫХ ПРОДАЖ (НА ПРИМЕРЕ APL GO)

Аннотация: *в статье рассматривается роль удержания партнерской сети в маркетинговой стратегии компании прямых продаж. Особенность такой компании состоит в том, что партнер одновременно выступает покупателем продукции, ее продавцом и каналом привлечения новых участников, поэтому потеря партнера означает для нее не только сокращение продаж, но и ослабление сбытовой системы. На основе внутренней статистики продаж международной компании APL GO за 2022–2025 гг. проведен индексный и структурный анализ оплаченных продаж в целом по компании и по российскому рынку. Установлено, что после пика 2023 г. продажи снижаются, причем в России спад заметно глубже, чем в других странах присутствия, а основная часть продаж формируется за счет повторных закупок действующих партнеров. Сделан вывод о том, что приоритетом маркетинговой стратегии компании должно стать удержание и повышение активности существующей сети. Предложены направления стратегии удержания и система показателей для оценки ее результативности.*

Ключевые слова: *конкурентоспособность, маркетинговая стратегия, показатели эффективности, прямые продажи, сетевой маркетинг, удержание партнёров, повторные закупки.*

Автор выражает благодарность научному руководителю, кандидату экономических наук, доценту Александру Владимировичу Прокопьеву за ценные замечания и помощь в подготовке статьи, а также компании APL GO за предоставленные материалы, которые легли в основу исследования.

Введение.

Прямые продажи остаются заметным каналом сбыта в мировой экономике. По данным Всемирной федерации ассоциаций прямых продаж (WFDSA), в 2024 г. мировые розничные продажи этого канала составили 163,9 млрд долл. США и практически не изменились по сравнению с 2023 г. [5]. Отсутствие роста рынка означает, что компании конкурируют за уже сложившийся спрос и за ограниченное число людей, готовых заниматься распространением продукции. В таких условиях конкурентоспособность компании зависит от того, насколько ей удается сохранять собственную сеть.

Конкурентоспособность продукции в учебной литературе связывается со способностью удовлетворять требования конкретного потребителя по качеству и затратам на приобретение и использование товара [2, с. 26, 27]. Для компании прямых продаж это требование распространяется сразу на две группы: на конечных покупателей и на партнеров-распространителей. Партнер в такой модели одновременно покупает продукцию для себя, продает ее клиентам и привлекает новых участников. Поэтому его уход приводит к потере сразу трех составляющих: личного потребления, клиентской базы и потенциального роста структуры.

В зарубежных исследованиях текучесть распространителей рассматривается как одна из ключевых проблем отрасли. T.R. Wotruba, S. Brodie и J. Stanworth показали, что факторы,

предсказывающие уход продавцов, различаются в многоуровневых и одноуровневых организациях прямых продаж [6]. R.A. Peterson, G. Albaum и V.L. Crittenden обращают внимание на то, что уход продавца означает потерю вложенных в его привлечение, обучение и поддержку ресурсов, а также потерю клиентов и выручки [3]. Более общий вывод о влиянии удержания клиентов на прибыль сформулирован в известной работе F.F. Reichheld и W.E. Sasser, где показатель ухода клиентов предлагается использовать одновременно как меру качества обслуживания и как ориентир для его улучшения [4].

В отечественных работах маркетинговая стратегия, как правило, рассматривается через выбор типовых стратегий и инструментов комплекса маркетинга [1], тогда как удержание партнерской сети как самостоятельный стратегический приоритет в рассмотренных автором публикациях специально не выделяется. Цель статьи – на материалах компании APL GO обосновать, что удержание и активизация действующей сети должны стать приоритетом маркетинговой стратегии компании прямых продаж, и предложить показатели для оценки результатов такой стратегии.

Материалы и методы.

Объектом исследования является международная компания прямых продаж APL GO, основная продуктовая линейка которой – аккумулированные драже Acumullit SA. Информационной базой послужили внутренние статистические выгрузки продаж компании за 2021–2025 гг. в целом и по России, а также корпоративные документы: «Словарь партнера APL» и внутренний документ «Стратегия развития бренда» (2023 г.).

В анализ включены только оплаченные позиции, то есть товары, за которые внесены денежные средства. Позиции, приобретенные за внутреннюю условную валюту компании или полученные за выполнение промоушенов, в расчет не включались, поскольку их нельзя отождествлять с продажами. Данные 2021 г. исключены из сравнения: в этом году почти весь товар в отчете числится среди неоплаченных позиций, что указывает на особенность формирования отчета, а не на реальную динамику. Следует подчеркнуть, что внутренняя статистика продаж не тождественна бухгалтерской выручке юридических лиц компании.

Поскольку компания не раскрывает абсолютные показатели продаж, результаты представлены в относительной форме. Использованы индексный метод (базой принят 2023 г. – год максимальных продаж), структурный анализ и расчет среднегодового темпа изменения:

$$T_{ср} = (I_{2025} / I_{2023})^{1/n} - 1, \quad (1)$$

где $T_{ср}$ – среднегодовой темп изменения, %; I_{2025} и I_{2023} – значения показателя в 2025 и 2023 гг.; n – число лет в периоде (n = 2).

Результаты.

Динамика оплаченных продаж компании в целом, в России и в остальных странах присутствия приведена в таблице (табл. 1).

Таблица 1

Индексы оплаченных продаж APL GO, % к 2023 г.

Показатель	2022	2023	2024	2025	Среднегодовой темп 2023–2025 гг., %
Компания в целом	58,1	100,0	71,9	62,9	-20,7
Россия	79,6	100,0	68,0	44,2	-33,5
Остальные страны	50,3	100,0	73,3	69,7	-16,5
Доля России в оплаченных продажах компании, %	36,4	26,6	25,1	18,7	-

Источник: рассчитано автором по внутренней статистике продаж компании APL GO.

Данные (табл. 1) показывают, что после 2023 г. оплаченные продажи компании снижаются: в 2024 г. на 28,1%, в 2025 г. еще на 12,5%. Однако динамика по рынкам различается. В остальных странах в 2025 г. спад почти прекратился (-4,9% к 2024 г.), тогда как в России он

ускорился (-35,0% после -32,0% годом ранее). В результате на Россию, обеспечивавшую в 2023 г. 26,6% оплаченных продаж, пришлось 40,0% их совокупного снижения за 2023–2025 гг., а доля российского рынка сократилась до 18,7%. Следовательно, российский рынок стал главным источником потерь компании.

Для понимания природы спада важна структура продаж. Согласно «Словарю партнера APL», первичной закупкой считается покупка товара при входе в компанию, а вторичной – последующие ежемесячные закупки, которые партнер совершает для сохранения бонусов и квалификации. По внутренней статистике, с 2022 г. на вторичные закупки приходится 71,6–79,0% оплаченных продаж компании, а в России – около 84–86% (2022–2025 гг.). Таким образом, основу продаж составляют регулярные покупки уже действующих партнеров, и сокращение продаж в первую очередь отражает снижение их активности или их уход, а не только нехватку новых участников.

Еще одно наблюдение касается позиционирования. Во внутреннем документе «Стратегия развития бренда» (2023 г.), подготовленном для рынков Центральной Азии, средний возраст партнеров компании указан как 51,1 года, тогда как целевой аудиторией коммуникаций определены женщины 30–45 лет. Эти данные относятся не к российскому рынку, однако указывают на возможное расхождение между тем, кто фактически составляет основу сети, и тем, на кого ориентированы маркетинговые коммуникации. Это предположение требует проверки на российских данных о возрастной структуре партнеров.

Обсуждение.

Полученные результаты согласуются с выводами зарубежных исследователей о том, что уход распространителей обходится компаниям прямых продаж дорого: вместе с партнером компания теряет его покупки, клиентов и средства, вложенные в его обучение [3; 6]. Если повторные закупки действующих партнеров дают более четырех пятых продаж, как в России, то снижение доли активных партнеров отражается на продажах заметнее, чем колебания числа новых регистраций. Поэтому в стратегии такой компании мероприятия по удержанию должны иметь приоритет перед наращиванием привлечения, а привлечение должно оцениваться не по числу регистраций, а по доле новичков, перешедших к регулярным закупкам.

Маркетинговая стратегия реализуется через инструменты комплекса маркетинга [1], а ее результат должен поддаваться оценке. Применительно к удержанию сети это означает, что каждое мероприятие должно быть привязано к выявленной проблеме и к измеримому показателю. Предлагаемые направления стратегии удержания и показатели их оценки сведены в таблицу (табл. 2).

Таблица 2

Направления стратегии удержания партнерской сети и показатели их оценки

Выявленная проблема	Направление и мероприятия	Показатель оценки
Высокая зависимость продаж от повторных закупок при их сокращении	Программа сопровождения действующих партнеров: персональные напоминания о закупке, наборы для регулярного потребления, бонусы за непрерывность закупок	Доля партнеров, совершивших повторную закупку в течение 30 и 90 дней; коэффициент удержания
Переход новичков к регулярным закупкам не контролируется	Структурированный онбординг первых 90 дней с участием спонсора и корпоративных обучающих ресурсов	Доля новичков, совершивших вторичную закупку в течение 90 дней после регистрации
Опережающее падение продаж в России	Отдельный план для российского рынка: анализ причин ухода партнеров (опросы ушедших), адаптация промоушенов и коммуникаций	Индекс оплаченных продаж России; доля России в продажах компании
Возможное расхождение между составом сети и целевой аудиторией коммуникаций	Сегментация партнеров по возрасту, стажу и активности; отдельные коммуникационные сценарии для старшего ядра сети и для новой аудитории	Коэффициент удержания по сегментам; вовлеченность в корпоративных каналах

Источник: составлено автором.

Ключевым показателем стратегии предлагается коэффициент удержания партнеров:

$$K_{уд} = (N_к – N_{нов}) / N_н \times 100\%, \quad (2)$$

где $K_{уд}$ – коэффициент удержания за период, %; $N_н$ – число активных партнеров (совершивших оплаченную закупку) на начало периода, чел.; $N_к$ – число активных партнеров на конец периода, чел.; $N_{нов}$ – число партнеров, впервые ставших активными в течение периода, чел.

Показатель рассчитывается по данным бэк-офиса компании, в котором фиксируются закупки каждого партнера, и позволяет отделить эффект удержания от эффекта привлечения. Целевые значения коэффициента следует устанавливать после расчета его фактического уровня за 2024–2025 гг., поскольку в открытых источниках сопоставимых отраслевых нормативов для данной компании нет.

Ограничения исследования связаны с характером данных. Внутренняя статистика не содержит сведений о числе активных и ушедших партнеров, поэтому вывод о ведущей роли удержания основан на структуре продаж, а не на прямом измерении оттока. Кроме того, спад продаж мог быть вызван и внешними факторами (изменением потребительского спроса, регулирования, курсов валют), влияние которых в статье отдельно не оценивалось.

Заключение.

Проведенный анализ показывает, что после пика 2023 г. оплаченные продажи APL GO сократились на 37,1% (индекс 62,9%), а в России – на 55,8% (индекс 44,2%); при этом в других странах присутствия спад в 2025 г. практически остановился. Более 70% продаж компании и около 84–86% продаж в России формируются за счет вторичных закупок действующих партнеров. Это позволяет сделать вывод, что для компании прямых продаж с такой структурой продаж удержание и активизация существующей сети являются приоритетным направлением маркетинговой стратегии и основным резервом восстановления конкурентной позиции.

Предложенные направления стратегии и система показателей, в центре которой находится коэффициент удержания партнеров, позволяют связать мероприятия с выявленными проблемами и оценивать их результат. Дальнейшее исследование предполагает расчет фактического оттока партнеров по данным бэк-офиса, изучение причин их ухода и оценку экономической эффективности предложенных мероприятий.

Список литературы

1. Трунина, О. Ю. Типовые маркетинговые стратегии предприятий: рекомендации по совершенствованию / О. Ю. Трунина // Наука Красноярья. – 2023. – Т. 12, № 1. – С. 138–149. – DOI 10.12731/2070-7568-2023-12-1-138-149.

2. Управление конкурентоспособностью: учебник для вузов / под ред. Е.А. Горбашко, И.А. Максимцева. – 3-е изд. – Москва : Юрайт, 2025. – 427 с.

3. Peterson, R. A. Predicting Turnover of Direct Sellers / R. A. Peterson, G. Albaum, V. L. Crittenden // Association of Marketing Theory and Practice Proceedings. – 2018. – URL: https://digitalcommons.georgiasouthern.edu/amtp-proceedings_2018/18 (дата обращения: 23.10.2026). – Текст : электронный.

4. Reichheld, F. F. Zero Defections: Quality Comes to Services / F. F. Reichheld, W. E. Sasser // Harvard Business Review. – 1990. – Vol. 68, No. 5. – P. 105–111.

5. World Federation of Direct Selling Associations. 2024 Global Annual Direct Selling Statistical Data Report. 2025. – Текст : электронный. – 2024. – URL: https://www.wfdsa.org/wp-content/uploads/2025/12/WFDSA-STATS-Report-2024–2025-V1.pdf (дата обращения: 23.10.2026). – Текст : электронный.

6. Wotruba, T. R. Differences in Turnover Predictors between Multilevel and Single Level Direct Selling Organizations / T. R. Wotruba, S. Brodie, J. Stanworth // The International Review of Retail, Distribution and Consumer Research. – 2005. – Vol. 15, No. 1. – P. 91–110. – DOI 10.1080/0959396042000299148.

Хамдамова Ригина Ферузовна
студентка
Научный руководитель
Фомичева Татьяна Леонидовна
канд. экон. наук, доцент

ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
г. Москва

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ И ОЦЕНКА ЕЁ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Аннотация: *по объёмам финансирования и закупок трудно судить об отдаче поддержки бизнеса. На материалах официальной статистики и научных публикаций рассматривается, как выделить изменения, связанные с государственной помощью. Условный пример пояснит расчёт дополнительной добавленной стоимости и налоговых поступлений.*

Ключевые слова: *малое предпринимательство, государственная поддержка, дополнительный эффект, бюджетные затраты, оценка эффективности.*

Введение.

Предположим, небольшой производитель собирается купить станок, но банку недостаточно залога. Поручительство позволяет получить кредит и приступить к покупке. Другая компания приобрела бы оборудование и без помощи, воспользовавшись обычным кредитом. Обе попадут в отчёт о поддержанном финансировании, хотя только в первом случае помощь сделала покупку возможной. Это различие важно для оценки расходов государства.

На 10 июля 2026 г. Единый реестр МСП включал 6 612 445 субъектов, на 3,5% больше, чем годом ранее [2]. По этому приросту нельзя определить, вырос ли выпуск продукции и какую роль сыграли льготы. Сведения относятся к средним предприятиям, а предметом статьи выступит малый бизнес, включая микропредприятия.

Определим, как сопоставлять расходы на помощь с результатами получателей. Используем статистику, закон №209-ФЗ и исследования с контрольными группами.

Выбор помощи с учётом потребностей предприятия.

Закон от 24.07.2007 №209-ФЗ предусматривает несколько форм поддержки, в том числе финансовую, гарантийную и консультационную [1, ст. 16]. Наличие инструментов оставляет открытым вопрос, какой из них нужен заявителю. Поручительство восполняет недостаток залога, но доступный кредит вряд ли поможет производителю, у которого устойчиво нет покупателей.

При отборе заявок важно понять, как предприятие распорядилось бы средствами без льготы. Если проект состоится в том же объёме и в те же сроки, бюджет может лишь заменить уже доступное финансирование. У проекта, который задерживается из-за устранимого ограничения, основания для помощи убедительнее. Поддержка неустойчивого бизнеса требует иной, например социальной, цели.

Высокая прибыль заявителя сама по себе не доказывает обоснованности помощи: компания могла бы инвестировать самостоятельно. При нескольких мерах поддержки нельзя один прирост выручки полностью приписать одновременно кредиту, поручительству и консультации.

Масштаб поддержки по официальным данным.

В таблице 1 приведены три показателя за 2025 г. Во всех случаях речь идёт о денежных суммах, но о разных операциях: привлечении финансирования, выдаче займов и оплате поставок.

Таблица 1

Показатели отдельных инструментов поддержки МСП за 2025 год

Показатель	Значение	Экономическое содержание
Финансирование МСП приоритетных отраслей с инструментами Национальной гарантийной системы (НГС) [3]	Почти 320 млрд руб.	Привлечённое финансирование; не сумма бюджетных расходов
Микрозаймы через платформу МСП.РФ [4]	Около 23 млрд руб.; около 8 тыс. получателей	Возвратные займы через определённый канал предоставления
Закупки крупнейших заказчиков у МСП по 223-ФЗ [5]	9,55 трлн руб.; почти 239 тыс. поставщиков	Стоимость договоров на товары, работы и услуги; не субсидия поставщикам

Источник: составлено по данным [3–5]. Сведения относятся к МСП в целом; суммы не складываются.

Объём микрозаймов через МСП.РФ за год вырос на 26% [4]. Это объясняет об эффективности использовании платформы. С закупками возникает другой вопрос. Сумма договора включает затраты поставщика, поэтому её нельзя принимать за его прибыль или за бюджетную субсидию.

Оценка изменений в работе предприятий.

После получения субсидии выручка может увеличиться из-за роста цен или спроса во всей отрасли. Сравнение с любыми компаниями без поддержки тоже неточно: получатели могли изначально лучше планировать инвестиции. Чтобы отделить такие преимущества от действия программы, нужна группа предприятий со сходными исходными условиями.

Ю. Н. Найденова и соавторы изучили около 165 тыс. МСП за 2019–2022 гг. Положительное влияние финансовой, информационной и в меньшей степени консультационной поддержки на рентабельность проявилось со следующего года. Вывод относится к исследованной выборке и требует проверки для новых программ.

М. А. Молодчик и соавторы построили синтетическую контрольную группу для семи предприятий. Такой подход даёт сравнение для отдельных проектов, но не оценку поддержки по стране.

ОЭСР связывает оценку с целями программы и сравнением сопоставимых групп. Закрывшиеся получатели должны оставаться в наблюдении, иначе неудачи выпадут из расчёта. Выход из реестра МСП проверяется отдельно: компания могла перерасти критерии. Последствия для конкурентов также требуют самостоятельного анализа.

Оценка начинается с доступности помощи. Затем выясняется, какие изменения с ней связаны, и результат сопоставляется с затратами (табл. 2).

Таблица 2

Предлагаемая последовательность оценки программы

Уровень	Что следует измерять	Условие интерпретации
I. Доступность	Доля получателей среди подходящих предприятий; срок решения; причины отказов; затраты на заявку	Раздельный учёт микро- и малых предприятий; единые определения заявителя и получателя
II. Дополнительный результат	Изменение реального выпуска или добавленной стоимости, занятости и продолжения деятельности	Сопоставимая группа; исходная динамика; учёт закрытий и других мер помощи
III. Соотношение результата и затрат	Дополнительная добавленная стоимость на рубль затрат; отдельно – дополнительные налоговые поступления	Единый период расчёта; полная стоимость инструмента; отсутствие двойного счёта

Источник: составлено автором с учётом подходов.

Метод «разности разностей» сравнивает изменения показателя у получателей помощи и в контрольной группе. Для двух групп и двух периодов расчёт записывается так:

$$\Delta Y_{\text{доп}} = (Y_{\text{П,после}} - Y_{\text{П,до}}) - (Y_{\text{К,после}} - Y_{\text{К,до}}).$$

Y обозначает средний показатель деятельности, П – получателей, К – контрольную группу. Денежные величины сравниваются в сопоставимых ценах. Расчёт предполагает параллельную динамику групп без программы. Сходство прошлых тенденций поддерживает, но не доказывает это предположение. Учитываются также предварительная реакция участников и влияние программы на контрольную группу.

Если помощь начинается в разные годы, это учитывается в расчёте. Срок наблюдения зависит от проекта: инвестиции в оборудование могут дать результат позже, чем финансирование текущих заказов.

Отдельно рассчитаем дополнительную добавленную стоимость и налоговые поступления на рубль бюджетных затрат, используя два коэффициента:

$$R_{\text{э}} = \frac{\Delta VA_{\text{доп}}}{C}; R_{\text{ф}} = \frac{\Delta T_{\text{доп}}}{C}.$$

В числителях $\Delta VA_{\text{доп}}$ – дополнительная добавленная стоимость, $\Delta T_{\text{доп}}$ – дополнительные налоги; С обозначает бюджетные затраты. Поэтому $R_{\text{э}}$ описывает экономический результат, а $R_{\text{ф}}$ – возмещение расходов налогами. Период, цены и охват бюджетов должны совпадать. Многолетние потоки приводятся к одной дате. Складывать коэффициенты нельзя, поскольку добавленная стоимость не поступает целиком в бюджет.

Затраты включают расходы на помощь и администрирование. При льготном кредите учитывается бюджетное субсидирование, а не вся возвратная сумма займа. Для гарантий возьмём потери за вычетом возмещений: ожидаемые в прогнозе, фактические по завершении периода. Повторный учёт одного риска завысил бы затраты.

Рассмотрим условную программу для 100 предприятий. Средняя добавленная стоимость за год выросла у получателей с 10 до 12 млн руб., а в контрольной группе – с 10 до 11,2 млн руб. Разность изменений равна 0,8 млн руб. на предприятие, или 80 млн руб. на группу. Без сравнения весь прирост в 200 млн руб. оказался бы записан в результат программы. Здесь предполагаются неизменный состав групп и выполнение условий метода.

Допустим, бюджет потратил 40 млн руб. Тогда $R_{\text{э}}$ равен 2. При дополнительных налогах в 12 млн руб. $R_{\text{ф}}$ составит 0,30. Получается 2 руб. добавленной стоимости и 30 коп. налогов на рубль расходов. За выбранный период налоги не возместили затраты. Даже значение $R_{\text{э}}$ выше единицы не заменяет оценки общественной эффективности: остаются частные затраты и последствия для конкурентов.

Как использовать результаты оценки.

Ожидаемое изменение определяется до запуска программы. Для поручительства это может быть инвестиция, невозможная при прежних требованиях к залогу. Число выданных поручительств характеризует работу оператора, но не показывает, состоялись ли такие инвестиции.

Реестр по статье 8 Закона №209-ФЗ содержит сведения о форме, размере и сроках помощи [1]. Для оценки их нужно связать с результатами предприятий, заявками и отказами. Доступ к охраняемым сведениям требует правового основания, публикуются обобщённые результаты.

Если улучшений не обнаружено, сначала нужно проверить данные, отбор и достаточность срока наблюдения. Неясный результат ещё не доказывает бесполезности помощи. Если положительный эффект обходится дороже сопоставимой альтернативы, появляется основание изменить условия программы.

Одинаковый критерий не подойдёт для всех мер. Программа развития может оцениваться по дополнительному выпуску, антикризисная – по сохранению жизнеспособного бизнеса.

Социальная цель допускает невысокую краткосрочную налоговую отдачу, однако затраты и здесь требуют обоснования.

Заключение.

Сумма кредита или закупочного договора сама по себе не показывает отдачи поддержки. Необходимо установить, как изменилось бы положение предприятия без помощи. Условный расчёт поясняет, насколько выбор сравнения влияет на результат и почему экономическая отдача не равна возмещению бюджетных расходов.

Рассмотрели порядок оценки, для проверки которой нужны связанные данные о получателях, сопоставимых предприятиях и стоимости помощи. Сбор сведений предусмотрен при подготовке программы, чтобы позднее обоснованно менять её условия.

Список литературы

1. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации : Федеральный закон от 24 июля 2007 г. №209-ФЗ : редакция от 26 июня 2026 г., с изменениями, вступившими в силу 1 сентября 2026 г // СПС КонсультантПлюс. – 2007. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/ (дата обращения: 25.10.2026). – Текст : электронный.

2. Обновлен Единый реестр субъектов МСП: о чем говорят данные? // Корпорация МСП : официальный сайт. – URL: https://corpmsp.ru/about/press/news/novosti-msp/obnovlen-edinyy-reestr-subektov-msp-o-chem-govoryat-dannye/ (дата обращения: 25.10.2026). – Текст : электронный.

3. В 2025 году МСП в приоритетных отраслях привлекли почти 320 млрд рублей с господдержкой // Корпорация МСП : официальный сайт. – URL: https://corpmsp.ru/about/press/news/novosti-korporatsii/v-2025-godu-msp-v-prioritetnykh-otraslyakh-privlekli-pochti-320-mlrd-rubley-s-gospodderzhkoy/ (дата обращения: 25.10.2026). – Текст : электронный.

4. Почти 23 млрд рублей микрозаймов по ставке в два раза ниже ключевой получили предприниматели через МСП.РФ в 2025 году // Корпорация МСП : официальный сайт. – URL: https://corpmsp.ru/about/press/news/novosti-korporatsii/pochti-23-mlrd-rubley-mikrozaymov-po-stavke-v-dva-raza-nizhe-klyuchevoy-poluchili-predprinimateli-ch/ (дата обращения: 25.10.2026). – Текст : электронный.

5. В 2025 году объем госзакупок у малого и среднего бизнеса превысил 9,5 трлн рублей // Корпорация МСП : официальный сайт. – URL: https://www.corpmsp.ru/about/press/news/novosti-korporatsii/v-2025-godu-obem-goszakupok-u-malogo-i-srednego-biznesa-po-223-fz-prevysil-9–5-trln-rubley/ (дата обращения: 25.10.2026). – Текст : электронный.

Хачемизова Фатима Гучевна
магистрант
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
технологический университет»
г. Краснодар, Краснодарский край

АДАПТИРОВАННАЯ МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ САДОВОДЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ НА ОСНОВЕ ПОКРЫТИЯ КАССОВЫХ РАЗРЫВОВ

Аннотация: *предложена адаптированная методика оценки финансовой устойчивости садоводческих предприятий, исходя из понимания устойчивости как динамической характеристики финансового состояния, отражающей способность поддерживать сбалансированность денежных потоков в условиях сезонности и длительного производственного цикла. Выделены пять пробелов классических методик (статичность; нечувствительность к фазе инвестиционного цикла и капитализации затрат по ФСБУ 6/2020; игнорирование трёхгруппной структуры кассовых разрывов; универсальные нормативы; игнорирование возмещательного характера господдержки) и отвечающие им принципы: оконная диагностика, покрытийный подход, трёхконтурная структура показателей, агрегирование без взаимозачёта избытков и дефицитов между окнами, фазовая калибровка нормативов, учёт лага поддержки, индикатор воспроизводства. Разработаны система показателей по инвестиционному, операционному и долговому контурам, интегральный индекс финансовой устойчивости и шкала классов. Верификация дизайна на выборке из пяти садоводческих*

предприятий за 2021–2025 гг. показала, что каждый из четырёх эмпирически выявленных эффектов несостоятельности классических методик снимается соответствующим показателем предложенной системы.

Ключевые слова: *финансовая устойчивость, садоводческое предприятие, кассовый разрыв, коэффициент покрытия нагрузки, критическое окно финансовой нагрузки, инвестиционный цикл, адаптированная методика.*

Финансовая устойчивость садоводческого предприятия понимается в настоящем исследовании как динамическая характеристика его финансового состояния, отражающая способность поддерживать сбалансированность денежных потоков в условиях сезонности производства и длительного производственного цикла, обеспечивать покрытие кассовых разрывов за счёт оптимального сочетания собственных и привлечённых источников финансирования (включая государственную поддержку), сохранять платёжеспособность и финансовую независимость на протяжении всего цикла оборота капитала с учётом времени окупаемости многолетних насаждений, а также адаптироваться к влиянию природно-климатических и рыночных факторов при сохранении долгосрочной инвестиционной привлекательности и экономической безопасности. По генезису рассинхронизации потоков разрывы разделяются на инвестиционные (отток сегодня при притоке через 3–7 лет и более), операционные (сезонные затраты опережают выручку на 3–9 месяцев) и долговые (жёсткий контрактный график платежей при сезонном профиле притока); наибольшую угрозу представляет их суперпозиция в одном временном окне: апрель–июнь, сентябрь–октябрь, ноябрь–март, годы 1–4 молодого сада, неурожайный год, период перезакладки.

Классические методики финансового анализа (А.Д. Шеремета и Е.В. Негашева, В.В. Ковалёва, Г.В. Савицкой, В.В. Бочарова, М.С. Абрютиной и А.В. Грачёва), совместно охватывая структурную, потоковую и долговую стороны финансового состояния, рассматривают их разрозненно и поэтому ни один из этих подходов, взятый сам по себе или в сочетании с другими не способны одновременно учесть пять обстоятельств, специфичных для садоводства; ответом на каждое из них в адаптированной методике выступает соответствующий принцип, представлены в таблице 1:

Таблица 1

Принципы адаптированной методики

Пробел	Принцип	Суть принципа
Статичность: оценка на отчётную дату	Оконная диагностика	Оценка в критических окнах нагрузки, а не на дату баланса
Опора на прибыль при капитализации затрат (ФСБУ 6/2020)	Фазовая калибровка нормативов	Нормативы дифференцированы по фазам «закладка / плодоношение»: высокая долговая нагрузка в инвестфазе – норма
Опора на прибыль при капитализации затрат (ФСБУ 6/2020)	Индикатор воспроизводства	Коэффициент обновления производственной базы выявляет «устойчивость проедания»
Отсутствие трёхгруппной структуры разрывов	Покрытийный подход и трёхконтурность	Для каждой группы разрывов – показатель отношения источников покрытия к величине разрыва
Риск суперпозиции разрывов в одном окне	Агрегирование без взаимозачёта	Интегральный индекс равен минимуму покрытия по окнам: избыток в одном окне не компенсирует дефицит в другом
Универсальные нормативы	Отраслевая калибровка	Пороги учитывают долю внеоборотных активов 40–60%, стратегию хранения, сезонный долг
Игнорирование лага поддержки	Учёт лага субсидий	Поддержка входит в числитель покрытия только окна фактического денежного поступления

Методика строится на покрытийном подходе: вместо вопроса «какова структура капитала?» она отвечает на вопрос «сколько рублей источников покрытия приходится на один

рубль разрыва в конкретном периоде?». Система показателей, формулы и нормативы представлены в таблице 2.

Таблица 2

Система показателей адаптированной методики

Контур	Показатель и формула	Норматив и интерпретация
Инвестиционный	КИ = (ЧОДП + ΔДО + ΔСКэм + КСкап) / CapEx	≥ 1,0: инвестпрограмма полностью покрыта длинными источниками; < 1,0: риск рефинансирования
Инвестиционный	КСрок = (СК + ДО) / ВНА	≥ 1,0: «золотое правило финансирования» выполнено
Инвестиционный	G1 = max(0; CapEx – КСкап – ΔДО – ЧОДП)	= 0: непокрытый разрыв отсутствует; > 0: его величина в рублях
Операционный	G2 = max_t Σ (O_t – F_t)	Максимальная накопленная глубина сезонного разрыва; определяет потребность в буфере
Операционный	КО = (СОС + СвЛим) / G2	≥ 1,0: сезонный разрыв покрыт собственными оборотными средствами и сезонной линией
Операционный	КОЗ = СОС / Зпик	≥ 0,5: не менее половины пиковых запасов на собственных источниках (хранение как стратегия)
Долговой	КД_w = (ДСнач_w + РФ + F_w + КСст_w) / D_w	≥ 1,0 (≥ 1,2 без хранилищ): долговые платежи окна w покрыты
Долговой	НД = Dгод / ЧОДП	≤ 0,3 в фазе закладки; ≤ 0,5 в фазе плодоношения
Воспроизводство	Кобн = Пперез / (0,05 × В)	≥ 1,0: простое воспроизводство поддерживается; < 1,0 три года подряд – «проедание базы»
Интегральный	Кпн_w = (ДСнач_w + Лим_w + F_w + КС_w) / (O_w + I_w + D_w)	≥ 1,0: окно пройдено без дефолта
Интегральный	ИФУ = min_w Кпн_w	Класс устойчивости по слабейшему окну

Обозначения: ЧОДП – чистый операционный денежный поток (стр. 4100 отчёта о движении денежных средств); ΔДО – прирост долгосрочных обязательств; ΔСКэм – вклады собственников; КСкап – капитальные субсидии, полученные в периоде; CapEx – платежи во внеоборотные активы, включая капитализируемые затраты ухода (стр. 4220, 4221); СК, ДО – собственный капитал и долгосрочные обязательства; ВНА – внеоборотные активы включая вложения в них; O_t, F_t – операционные оттоки и притоки месяца t; СОС – собственные оборотные средства (стр. 1200 – стр. 1500); СвЛим – свободный лимит сезонной кредитной линии; Зпик – запасы на пике сезона; ДСнач_w – денежные средства на начало окна w; РФ – ликвидные активы резервного фонда; КСст_w – субсидии на возмещение процентной ставки, поступающие в окне w; D_w, Dгод – платежи по обслуживанию долга в окне w по графику и за год; Пперез – платежи на перезакладку и закладку насаждений; В – выручка; Лим_w – свободные кредитные лимиты; КС_w – государственная поддержка, поступающая в окне w; O_w, I_w, D_w – операционные, инвестиционные и долговые оттоки окна w.

Интегральный индекс агрегируется без взаимозачёта избытков и дефицитов между окнами: ИФУ = min_w Кпн_w. Дефолт есть точечное во времени событие: осенний избыток не закрывает весенний дефицит автоматически, поскольку деньги не переносимы во времени без механизмов (хранилище, кредитная линия, резервный фонд), уже включённых в числитель Кпн_w; среднее арифметическое учло бы избыток дважды и завысило устойчивость. Шкала классов: ИФУ ≥ 1,2 – высокая устойчивость (все окна покрыты с запасом ≥ 20%, умеренный шок переживается без экстренных мер); 1,0–1,2 – нормальная (запас < 20%); 0,8–1,0 – неустойчивое состояние (до 20% оттоков слабейшего окна не покрыты, прохождение возможно лишь разовыми мерами); < 0,8 – кризисное состояние (суперпозиция разрывов не

обеспечена источниками). ИФУ показывает покрытие текущих окон, но не показывает, какой ценой: предприятие может закрывать окна, «проедая» базу – не ведя перезакладку (Кобн < 1) и распродавая активы. Поэтому вводится модификатор: при Кобн < 1 три года подряд класс понижается на одну ступень, а если одновременно платежи на перезакладку меньше поступлений от выбытия активов – на две ступени.

Подтверждение структуры методики выполнена на выборке из пяти садоводческих предприятий различных масштаба и фазы инвестиционного цикла за 2021–2025 гг. по публичной отчётности РСБУ связкой классических методик: Г.В. Савицкой (структурный контур), М.С. Абрютиной и А.В. Грачёва (потоковый контур), В.В. Бочарова (долговой контур). Расхождения вердиктов зафиксированы в 22 наблюдениях «предприятие-год» из 25 (88%) и сгруппированы в четыре системных эффекта: D1 – ложная неустойчивость растущих; D2 – ложная устойчивость деградирующих; G3 – скрытые разрывы; S4 – лаг государственной поддержки. Верификация дизайна состоит в проверке того, снимается ли каждый эффект соответствующим показателем адаптированной методики представлены в таблице 3:

Таблица 3

Снятие выявленных эффектов показателями адаптированной методики

Эффект и эмпирическое проявление	Снимающий показатель	Механизм снятия
D1: «Экватор Агро», 2025 – «неустойчивый» тип при рекордном ЧОДП 380,9 млн руб. и ROE 15,6%; «Сад-Гигант», 2022–2025 – отрицательные ИСС и СДЗИ при ЧОДП 0,97–2,38 млрд руб.	КИ, КСрок	Покрытие CapEx длинными источниками и правило соответствия сроков отличают «хороший» инвестиционный долг от «плохого» короткого; неустойчивость по знаку ИСС не возникает
D2: «Светлогорское», 2022–2024 – нормативы классических методик при нулевом инвестиционном оттоке пять лет и обвал 2025 г. (прибыль от продаж 1,4 млн руб.); «Садовод», «Дружба» – нормативный профиль без перезакладки	Кобн и модификатор	Кобн < 1 три года понижает класс на одну-две ступени: устойчивость, купленная ценой будущего производственного потенциала, не признаётся
G3: «Дружба», 2021 – денежные средства 108 тыс. руб. при годовых платежах 65,6 млн руб.; «Сад-Гигант», 2022–2023 – текущая ликвидность 0,60–0,69 при мощном потоке и револьверном долге	Кпн_w, ИФУ	Оконная диагностика фиксирует дефицит в том окне, где он возникает; мощность потока учитывается в числителе окна, снимая и скрытый разрыв, и ложную тревогу
S4: «Дружба», 2022 – прочие доходы 15,0 млн руб. при ЧОДП 0,26 млн руб.; «Светлогорское», 2025 – чистая прибыль только за счёт процентных и прочих доходов	КСкап, КСст_w, КС_w	Поддержка входит в числитель покрытия только окна фактического денежного поступления, а не окна признания в доходах

Адаптированная методика переводит оценку финансовой устойчивости из балансовой статики в динамическую диагностику покрытия разрывов: блочные показатели измеряют запас прочности по каждой группе разрывов, оконный коэффициент Кпн_w сводит их в оценку окна с учётом структуры нагрузки и лага поддержки, ИФУ фиксирует прочность по слабейшему окну, а модификатор Кобн исключает признание устойчивым предприятия, живущего за счёт проедания производственной базы. Методика применима как внутренними финансовыми службами садоводческих предприятий для планирования буферов под карту нагрузок, так и кредитными организациями и органами управления АПК для калибровки лимитов и графиков поддержки под фактические окна дефицита предприятий.

Список литературы

1. Абрютина, М. С. Финансовое управление предприятием : учебник / М. С. Абрютина, А. В. Грачёв. – Москва : Дело и Сервис, 2020. – 256 с.

2. Бочаров, В. В. Финансовый анализ : учебное пособие / В. В. Бочаров. – Санкт-Петербург : Питер, 2019. – 272 с.
3. Ковалёв, В. В. Финансовый менеджмент: теория и практика : учебник / В. В. Ковалёв. – Москва : Проспект, 2021. – 1104 с.
4. Савицкая, Г. В. Анализ хозяйственной деятельности предприятия : учебник / Г. В. Савицкая. – Москва : ИНФРА-М, 2021. – 416 с.
5. Шеремет, А. Д. Методика финансового анализа : учебное пособие / А. Д. Шеремет, Е. В. Негашев. – Москва : ИНФРА-М, 2019. – 208 с.
6. ФСБУ 6/2020 «Основные средства»: приказ Минфина России : от 17.09.2020 №204н.
7. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия: постановление Правительства РФ : от 14.07.2012 №717.

Хачемизова Фатима Гучевна
магистрант
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
технологический университет»
г. Краснодар, Краснодарский край

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ФАКТОРОВ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ САДОВОДЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ ПО ГЕНЕЗИСУ КАССОВЫХ РАЗРЫВОВ

Аннотация: *в статье рассматривается проблема оценки финансовой устойчивости садоводческих предприятий. Классические методики оценки финансовой устойчивости недостаточны для садоводческих предприятий из-за специфики: сезонность производства, длительный инвестиционный цикл многолетних насаждений, и, как следствие, появление кассовых разрывов. В работе предложено авторское определение финансовой устойчивости садоводческих предприятий и на основе определения приведена систематизация факторов, влияющих на финансовую устойчивость, по генезису кассовых разрывов (инвестиционные, операционные, долговые) – это был первый шаг в проработке проблемы кассовых разрывов. Следующим шагом было построение карты периодов максимальной финансовой нагрузки. Для обоснования необходимости динамической диагностики финансовой устойчивости в критических окнах нагрузки, был проведен анализ пяти предприятий за 2021–2025 гг. по методикам, покрывающим на первый взгляд три контура разрывов: базовая методика Г.В. Савицкой – инвестиционный контур, кросс-чек по методике М.С. Абрютиной – А.В. Грачёва – операционный, и для оценки долгового контура была использована методика В.В. Бочарова. В результате были выявлены расхождения вердиктов методик в 88% наблюдениях и четыре системных эффекта их несостоятельности.*

Ключевые слова: *финансовая устойчивость, садоводческое предприятие, кассовый разрыв, сезонность, инвестиционный цикл, многолетние насаждения, карта финансовой нагрузки, методики оценки.*

Финансовая устойчивость является одним из ключевых показателей стабильного и долгосрочного функционирования предприятия. Постоянный мониторинг и оценка финансовой устойчивости обеспечивает стабильную работу предприятия. Большинство ученых склонны отождествлять финансовую устойчивость предприятия с его платежеспособностью, ликвидностью его баланса, достаточностью финансовых ресурсов, финансовой независимостью. Но некоторые отрасли имеют свою специфику и требуют адаптации в определении и оценке финансовой устойчивости: так, например, садоводство, низкий показатель финансовой независимости совсем не говорит о том, что у предприятия высокая финансовая устойчивость, так как зачастую высокая доля собственного капитала формируется за счет высоких внеоборотных активов, что очень свойственно для АПК. Длительный цикл производства, сезонность, высокая зависимость от природно-климатических условий, социально-политических, экономических факторов – это все специфические особенности отрасли, и для, того, чтобы

предприятие могло справляться и сосуществовать с текущими угрозами, необходим инструментарий, позволяющий определять характер фактора и период его возможного появления, для возможности управлять ситуацией.

В работе предложено авторское определение финансовой устойчивости садоводческого предприятия: финансовая устойчивость садоводческого предприятия – это динамическая характеристика финансового состояния предприятия, которая отражает его способность поддерживать сбалансированность денежных потоков в условиях сезонности производства и длительного производственного цикла, обеспечивать покрытие кассовых разрывов за счет оптимального сочетания собственных и привлеченных источников финансирования (включая государственную поддержку), сохранять платежеспособность и финансовую независимость на протяжении всего цикла оборота капитала с учетом времени окупаемости многолетних насаждений, а также адаптироваться к влиянию природно-климатических и рыночных факторов при сохранении долгосрочной инвестиционной привлекательности и экономической безопасности. Авторское определение дает направление для систематизации факторов, влияющих на финансовую устойчивость, а также группировку кассовых разрывов по характеру их появления.

1. Систематизация факторов по генезису кассовых разрывов. Кассовый разрыв возникает там, где график денежных оттоков не синхронизирован с графиком притоков. По природе рассинхронизации факторы разделяются на три группы, показанные на рис. 1:

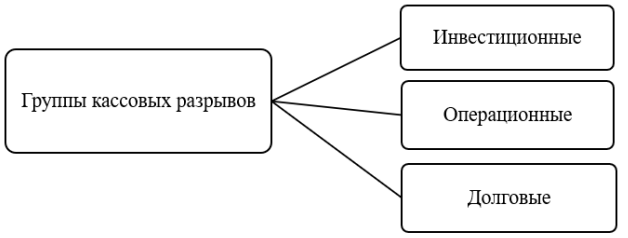

Рис. 1. Группы кассовых разрывов

Инвестиционные (отток сегодня – приток через 3–7 лет и более), операционные (затраты вегетации опережают выручку на 3–9 месяцев) и долговые (жёсткий контрактный график платежей при сезонном профиле притока). Группы не изолированы: инвестиционный разрыв, покрытый кредитом, трансформируется в долговой, а операционный разрыв неурожайного года лишает источников обслуживания долга. Стоит отметить, что садоводство и другие отрасли, связанные с закладкой многолетних насаждений (виноградарство, питомниководство), имеют принципиально иную структуру цикла – не сезонную, а инвестиционную. Сравнительная характеристика групп представлена в таблице 1:

Таблица 1

Сравнительная характеристика групп кассовых разрывов

Параметр	Инвестиционные	Операционные	Долговые
Горизонт проявления	3–7 лет и более (стратегический)	Внутри годового цикла (тактический)	По контрактному графику
Периодичность	Эпизодическая (инвестиционные окна)	Ежегодная сезонная цикличность	Регулярная (месяц/квартал)
Типовые источники покрытия	Собственный капитал, долгосрочный кредит, капитальные субсидии	Собственный оборотный капитал, сезонные кредитные линии, факторинг	Операционный приток, резервный фонд, новые заимствования

2. Карта периодов максимальной нагрузки. После определения характеристики групп кассовых разрывов, они рассмотрены в разрезе периода их проявления. Период максимальной нагрузки определяется как точка суперпозиции (появление одновременно трех групп факторов): чем больше групп разрывов активно одновременно, тем выше уровень интегральной нагрузки. Рассмотрим два контура: годовой производственный цикл и многолетний инвестиционный цикл. Карта нагрузки представлена в таблице 2:

Таблица 2

Карта периодов максимальной финансовой нагрузки садоводческого предприятия

Период	Контур	Активные группы разрывов	Уровень нагрузки
Апрель-июнь (посадка + старт вегетации)	Годовой	Инвестиционные + операционные + долговые	Критический (суперпозиция трёх групп)
Июль-август (уход, орошение)	Годовой	Операционные	Высокий
Сентябрь-октябрь (уборка + старт реализации)	Годовой	Операционные + долговые	Критический (пик затрат при отложенном притоке)
Ноябрь-март (межсезонье)	Годовой	Долговые + операционные (хранение)	Высокий; критический при отсутствии хранилищ
Годы 1–4 молодого сада	Многолетний	Инвестиционные + операционные + долговые	Критический
Неурожайный год	Многолетний, вероятностный	Операционные + долговые	Критический (компаундированный разрыв)
Период массовой раскорчевки и обновления	Многолетний	Инвестиционные + операционные	Критический

Ключевая закономерность – максимальная финансовая нагрузка возникает не там, где силен отдельный фактор, а в точках пересечения групп разрывов. Таких точек пять: весенний посадочно-вегетационный пик, уборочный пик с отложенной выручкой, межсезонье без хранилищ, прединвестиционные годы молодого сада и неурожайный год. Именно в этих окнах финансовая устойчивость в авторском определении проходит проверку на прочность: способность «поддерживать сбалансированность денежных потоков и покрывать кассовые разрывы» означает способность пройти каждый из перечисленных периодов без потери платежеспособности.

3. Для проверки построенной систематизации сформирована выборка из пяти садоводческих предприятий различных масштаба и фаз инвестиционного цикла за 2021–2025 гг. Оценка выполнена связкой методик: базовая – Г.В. Савицкой (структурный контур: ИСС, СДЗИ, тип устойчивости), кросс-чек – М.С. Абрютиной и А.В. Грачёва (операционный (потоковый) контур: ЧОДП, ROE, темп роста собственного капитала), долговой контур – индикаторы В.В. Бочарова; по 25 наблюдениям «предприятие-год» построена матрица согласованности вердиктов.

Введем обозначения результатов оценки для дальнейшего построения матрицы согласованности. Типы устойчивости по Г.В. Савицкой: A – абсолютная (запасы ≤ ИСС); H – нормальная (ИСС < запасы ≤ СДЗИ); НУ – неустойчивая (запасы > СДЗИ). Вердикты кросс-чека М.С. Абрютиной и А.В. Грачёва: S – устойчиво (выполнены все нормативы: ЧОДП > 0, ROE ≥ 10%, темп роста собственного капитала > 100%, текущая ликвидность ≥ 2,0, автономия ≥ 0,6); N – условно устойчиво (ядро потоков выполнено: ЧОДП > 0 и ROE ≥ 10%, однако отдельные нормативы не выполнены); R – результативно уязвимо (ЧОДП > 0, но ROE < 10%); F – потоково неустойчиво (ЧОДП < 0). Долговой контур В.В. Бочарова: Z – предприятие в «зоне финансовой безопасности» (выполнены все три норматива); Y – вне зоны. ЧОДП –

сальдо денежных потоков от текущих операций; CapEx – платежи во внеоборотные активы по отчёту о движении денежных средств. Показатели финансовой устойчивости и вердикты методик по предприятиям выборки в разрезе 2021–2025 гг. приведены таблице 3.

Таблица 3

Результаты оценки финансовой устойчивости

Предприятие	Показатель	2021	2022	2023	2024	2025
«Дружба»	ЧОДП, млн руб.	2,5	0,3	4,4	15,6	-1,1
	Коэффициент автономии	0,87	0,89	0,86	0,89	0,90
	CapEx к выручке, %	1,0	3,0	2,7	0,4	2,7
	Савицкая кросс-чек Бочаров	НУ R Y	НУ R Y	НУ R Y	НУ R Y	НУ F Y
«Экватор Агро»	ЧОДП, млн руб.	-157,1	-89,6	133,5	175,4	380,9
	Коэффициент автономии	0,18	0,22	0,27	0,32	0,31
	CapEx к выручке, %	0	0	17,5	14,9	17,0
	Савицкая кросс-чек Бочаров	H F Y	H F Y	H N Y	H N Y	НУ N Y
«Садовод»	ЧОДП, млн руб.	74,9	100,8	158,6	181,0	29,4
	Коэффициент автономии	0,51	0,56	0,71	0,86	0,90
	CapEx к выручке, %	4,6	8,4	1,1	0,1	0,2
	Савицкая кросс-чек Бочаров	НУ N Z	НУ R Z	H S Z	A S Z	A S Z
«Сад-Гигант»	ЧОДП, млн руб.	1 147,6	2 380,8	969,0	1 858,5	1 308,6
	Коэффициент автономии	0,40	0,41	0,46	0,65	0,63
	CapEx к выручке, %	58,5	10,5	7,6	5,1	10,5
	Савицкая кросс-чек Бочаров	H N Y	НУ N Y	НУ N Y	НУ N Y	НУ N Y
«Светлогорское»	ЧОДП, млн руб.	-19,2	61,1	67,9	139,0	-65,7
	Коэффициент автономии	0,79	0,81	0,80	0,82	0,87
	CapEx к выручке, %	3,1	1,3	1,8	2,2	0,5
	Савицкая кросс-чек Бочаров	НУ F Y	НУ S Y	НУ R Y	НУ S Y	НУ F Y

Расхождения вердиктов методик зафиксированы в 22 наблюдениях «предприятие-год» из 25 (88%) и группируются в четыре системных эффекта: D1 – ложная неустойчивость растущих (отрицательные ИСС/СДЗИ и «неустойчивый» тип при положительном ЧОДП и ROE выше отраслевого уровня у инвестирующих предприятий); D2 – ложная устойчивость деградирующих (нормативный профиль коэффициентов при нулевых оттоках на перезакладку и неизменных внеоборотных активах); G3 – скрытые разрывы (положительная прибыль при отрицательном или околонулевом ЧОДП с покрытием разрыва заёмными средствами; денежный буфер менее месяца операционных платежей; ликвидность ниже единицы при мощном потоке); S4 – лаг государственной поддержки (существенная доля возмещательных доходов в результате при десинхронизации их признания и денежного поступления). Матрица соответствия по результатам оценки финансовой устойчивости представлена в таблице 4:

Таблица 4

Матрица соответствия

Эффект	«Дружба»	«Экватор Агро»	«Садовод»	«Сад-Гигант»	«Светлогорское»
D1 ложная неустойчивость растущих	-	2025	2021–2022	2022–2025	-
D2 ложная устойчивость деградирующих	2024–2025	-	2024–2025*	-	2022–2024
G3 скрытые разрывы	2021–2022, 2025	2021–2022	-	2021–2025	2021, 2025
S4 лаг государственной поддержки	2021–2022	-	-	-	2021, 2025
Расхождения, наблюдений из 5	5	3	4	5	5

Таким образом, ни одна классическая методика и ни одна их комбинация не отвечают на центральный для садоводческого предприятия вопрос – способно ли оно пройти каждое критическое окно карты нагрузки без утраты платёжеспособности: диагностика ведётся на отчётную дату, опирается на прибыль в условиях капитализации затрат неплодоносящего периода по ФСБУ 6/2020, не включает возмещательные источники в контур покрытия и не содержит индикатора простого воспроизводства насаждений.

Проведенная систематизация переводит категорию «финансовая устойчивость садоводческого предприятия» из плоскости ретроспективной балансовой диагностики в плоскость управления траекторией денежных потоков: карта нагрузки задаёт точки контроля для динамической оценки, а природа разрыва определяет тип необходимого буфера (структурный для инвестиционных, тактический для операционных, ликвидный для долговых разрывов). Эмпирически подтверждённые эффекты несостоятельности классических методик обосновывают необходимость адаптированной методики, сочетающей балансовую диагностику с анализом потоков в критических окнах, отраслевые нормативы по фазам инвестиционного цикла и показатели покрытия разрывов по трём группам.

Список литературы

1. Абрютина, М. С. Финансовое управление предприятием : учебник / М. С. Абрютина, А. В. Грачёв. – Москва : Дело и Сервис, 2020. – 256 с.

2. Бочаров, В. В. Финансовый анализ : учебное пособие / В. В. Бочаров. – Санкт-Петербург : Питер, 2019. – 272 с.

3. Ковалёв, В. В. Финансовый менеджмент : теория и практика: учебник / В. В. Ковалёв. – Москва : Проспект, 2021. – 1104 с.

4. Савицкая, Г. В. Анализ хозяйственной деятельности предприятия : учебник / Г. В. Савицкая. – Москва : ИНФРА-М, 2021. – 416 с.

5. Шеремет, А. Д. Методика финансового анализа : учебное пособие / А. Д. Шеремет, Е. В. Негашев. – Москва : ИНФРА-М, 2019. – 208 с.

6. ФСБУ 6/2020 «Основные средства»: приказ Минфина России : от 17.09.2020 №204н.

7. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия: постановление Правительства РФ : от 14.07.2012 №717.

Чеботарёва Татьяна Александровна
студентка
Научный руководитель
Фомичева Татьяна Леонидовна
канд. экон. наук, доцент

ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
г. Москва

ВЛИЯНИЕ ПЛАТФОРМЕННЫХ КОМИССИЙ И СТОИМОСТИ ЗАЁМНОГО КАПИТАЛА НА ФИНАНСОВУЮ УСТОЙЧИВОСТЬ ПРОДАВЦОВ МАРКЕТПЛЕЙСОВ В РОССИИ

Аннотация: *в статье рассмотрено влияние комиссий маркетплейсов и процентов по займам на финансовый результат продавца. Использованы сведения Ассоциации компаний интернет-торговли и Банка России за первое полугодие 2026 года, а также исследования российских экономистов. На примере условного предприятия рассчитана прибыль при четырёх сочетаниях комиссии и процентной ставки. Определены максимальная комиссия, позволяющая избежать убытка, и сумма сокращения расходов, необходимая для восстановления прибыльности. Проверено также, хватает ли результата торговли для уплаты процентов по займу.*

Ключевые слова: *маркетплейсы, предпринимательство, платформенная комиссия, заёмный капитал, издержки, прибыль, рентабельность, финансовая устойчивость.*

Введение.

Маркетплейсы позволяют небольшим предприятиям продавать товары покупателям из разных регионов. Площадка обеспечивает приём заказов, расчёты с покупателями и, в зависимости от условий сотрудничества, хранение и доставку. За эти услуги предприниматель перечисляет площадке комиссию и оплачивает дополнительные операции. Из выручки он также покрывает стоимость закупленного товара, рекламу и собственные текущие расходы. Поэтому сумма продаж и полученная прибыль могут заметно различаться.

Второй источник затрат связан с закупкой товарных запасов. Предприниматель должен оплатить очередную партию, даже если деньги за предыдущие продажи ещё не поступили. При недостатке собственных средств он использует заёмный капитал и выплачивает проценты. Комиссия зависит от условий маркетплейса, а процентные расходы – от суммы задолженности и ставки по займу. Эти платежи возникают по разным причинам, но оба уменьшают прибыль.

Рассчитаем, как меняется прибыль одного условного продавца при разных комиссиях маркетплейса и процентных ставках. Для оценки одной из сторон финансовой устойчивости проверим, покрывает ли выручка затраты на товары, продажу и проценты по займу. Погашение основной суммы займа в этот расчёт не входит.

Теоретические подходы к оценке прибыльности продавца.

1. Рентабельность и результат продаж.

Д. О. Егоров и А. Ю. Анисимов исследовали 30 сервисов аналитики продаж и предложили четыре показателя эффективности торговли на маркетплейсах. Один из них – рентабельность продаж [3]. Она показывает, сколько рублей прибыли приходится на каждые 100 рублей выручки после покрытия учтённых расходов.

2. Комиссия и другие расходы на торговой площадке.

М. А. Никитин установил, что часть расходов продавца определяется условиями маркетплейса. Например, размер комиссии и тарифы на отдельные услуги устанавливает сама площадка, поэтому продавец не может менять их по своему усмотрению [4]. При этом он может

уменьшить закупочные расходы, договорившись с поставщиком о другой цене при сохранении качества товара.

По исследованию М. А. Никитина, расходы на доставку и продвижение зависят от выбранной модели работы с маркетплейсом [4]. Доставка товаров и реклама оплачиваются помимо комиссии. Поэтому при подсчёте затрат эти платежи необходимо учитывать отдельно. Уменьшение рекламного бюджета не снижает комиссию площадки.

3. Доходы от продаж и прибыль предпринимателя.

В. Н. Суязов сравнил результаты работы четырёх малых предприятий, продававших товары через Wildberries и Ozon [5]. Он установил, что увеличение продаж через платформы сопровождалось ростом транзакционных издержек и снижением операционной маржи. В рассмотренных случаях увеличение оборота не обеспечило сопоставимого роста прибыльности продавцов.

4. Стоимость закупок за счёт заёмных средств.

Стоимость займа определяется суммой задолженности и процентной ставкой. Например, при долге 500 тыс. рублей ставка 24% годовых означает 10 тыс. рублей за месяц, а ставка 41% – около 17,1 тыс. рублей. Комиссия маркетплейса рассчитывается от выручки, тогда как проценты начисляются на долг. Поэтому даже при одинаковом объёме продаж расходы на заёмные средства могут различаться.

5. Данные о рынке и финансировании продавцов.

По данным Ассоциации компаний интернет-торговли, в первом полугодии 2026 года оборот интернет-торговли в России достиг 7,2 трлн рублей, что на 18,7% больше, чем годом ранее [1]. Показатель относится ко всей интернет-торговле, включая маркетплейсы и другие онлайн-продажи. Он характеризует масштаб рынка, на котором работают продавцы, но сам по себе не показывает их прибыль.

По данным Банка России, в первом полугодии 2026 года микрофинансовые организации (МФО) выдали бизнесу 86 млрд рублей. На продавцов маркетплейсов пришлось более половины выданной суммы [2]. Финансирование часто направлялось на пополнение оборотных средств, необходимых для закупки товаров. Средневзвешенная ставка по займам коммерческих МФО составила 41% годовых. Она рассчитана по займам бизнесу в целом и не является единой ставкой для продавцов маркетплейсов.

По данным Банка России также отмечено, что кредитующие продавцов МФО связывали ухудшение платежей с высокой долговой нагрузкой и ростом текущих расходов, включая комиссии площадок [2]. Чтобы оценить влияние именно этих двух расходов на прибыль, ниже используем одинаковую выручку и прочие затраты при разных комиссиях и процентных ставках.

6. Расчёт прибыли при разных комиссиях и ставках.

Рассмотрим условное торговое предприятие с выручкой 1 млн рублей в месяц. Из этой суммы 540 тыс. рублей приходится на закупку реализованных товаров, 80 тыс. – на логистику, 70 тыс. – на рекламу и 60 тыс. – на остальные текущие расходы. Всего эти затраты составляют 750 тыс. рублей. Постоянные расходы равны 50 тыс. рублей в месяц. Средняя задолженность по займу – 500 тыс. рублей.

Часть расходов на доставку можно сопоставить с опубликованным тарифом Ozon. С 1 сентября 2026 года за обработку отправления по схеме FBS при сдаче в пункт приёма установлена плата 2% от стоимости отправления, но не более 45 рублей за товар [6]. Если продавец реализует 1 000 товаров по 1 000 рублей за штуку и каждое отправление содержит один товар, плата за их обработку составит 20 тыс. рублей за месяц. Эта сумма включена в принятые в модели 80 тыс. рублей логистических расходов. Оставшиеся 60 тыс. рублей – условные расходы на другие операции доставки.

Для сравнения выберем комиссии 15% и 20% от выручки, а также годовые ставки 24% и 41%. Комиссии и ставка 24% являются условными значениями для расчёта. Ставка 41% соответствует опубликованному Банком России показателю коммерческих МФО [2].

Предполагается, что задолженность в течение месяца не меняется. Рассчитываем прибыль до налога на прибыль, возможные различия в налогообложении, а дополнительные платежи по займу в модель не включем.

Сначала рассмотрим комиссию 15% и ставку 24% годовых. При выручке 1 млн рублей площадка удержит 150 тыс. рублей комиссии. Проценты по займу составят 10 тыс. рублей за месяц: 500 тыс. рублей × 24% ÷ 12 месяцев. После вычета 750 тыс. рублей текущих затрат, 150 тыс. рублей комиссии, 50 тыс. рублей постоянных расходов и 10 тыс. рублей процентов останется 40 тыс. рублей прибыли. Это 4% выручки.

Таблица 1

Изменение месячной прибыли продавца при разных условиях

Комиссия площадки	Ставка по займу	Прибыль (убыток) за месяц	Рентабельность
15%	24%	40 000 руб.	4,00%
15%	41%	32 917 руб.	3,29%
20%	24%	-10 000 руб.	-1,00%
20%	41%	-17 083 руб.	-1,71%

Источник: расчёты по условным данным предприятия. Суммы округлены до рубля.

Из таблицы видно, что при комиссии 15% повышение ставки по займу с 24% до 41% уменьшает месячную прибыль на 7 083 рубля. При ставке 24% увеличение комиссии с 15% до 20% сокращает результат на 50 тыс. рублей: прибыль 40 тыс. рублей сменяется убытком 10 тыс. рублей. Если повысить и комиссию, и ставку, убыток достигает 17 083 рублей. В первом варианте до выплаты процентов остаётся 50 тыс. рублей – в пять раз больше процентного платежа. При комиссии 20% и ставке 41% остаток до процентов равен нулю, а заплатить нужно 17 083 рубля.

Есть и пример опубликованной комиссии для конкретной категории. Ozon сообщил о тарифе 27% за продажу одежды, обуви и аксессуаров для продавцов, соответствующих условиям специальной программы [7]. Если применить 27% к выручке 1 млн рублей в нашей модели при ставке займа 41% годовых, комиссия составит 270 тыс. рублей, а месячный убыток – 87 083 рубля. Из анализа видно, что это условный расчёт для выбранных затрат и условий программы, а не данные о фактической прибыли продавцов одежды: применяемые скидки и другие удержания могут отличаться.

7. При какой комиссии продавец перестаёт получать прибыль.

При выручке 1 млн рублей затраты на товары, доставку, рекламу и другие текущие расходы составляют 750 тыс. рублей, постоянные расходы – 50 тыс. рублей. На комиссию маркетплейса и проценты по займу остаётся 200 тыс. рублей.

При ставке 24% годовых проценты по займу составляют 10 тыс. рублей. При комиссии 19% прибыль равна нулю.

При ставке 41% годовых проценты составляют 17 083 рубля. При комиссии около 18,29% прибыль равна нулю.

Если комиссия меньше указанного для каждой ставки уровня, продавец получает прибыль.

Если комиссия выше этого уровня, возникает убыток. Например, при комиссии 20% и ставке 41% убыток составляет 17 083 рубля в месяц.

При комиссии 20% и ставке 41% после текущих расходов и комиссии у продавца остаётся 5% выручки. Этими деньгами необходимо покрыть 50 тыс. рублей постоянных расходов и 17,1 тыс. рублей процентов. Для безубыточной торговли нужна выручка около 1,342 млн рублей в месяц – на 342 тыс. рублей больше исходного уровня при неизменном займе 500 тыс. рублей.

8. Как сократить убыток в рассматриваемом примере.

При комиссии 20% и ставке 41% месячный убыток составляет 17 083 рубля. Ниже пять отдельных расчётных вариантов. В каждом меняется только указанная статья расходов или выручка, а остальные показатели остаются прежними:

– сократить закупочные расходы на 20 тыс. рублей без изменения цены и объёма продаж. Убыток 17 083 рубля сменится прибылью 2 917 рублей;

– снизить ставку по займу с 41% до 24% годовых. Экономия на процентах – 7 083 рубля, но останется убыток 10 тыс. рублей;

– одновременно снизить ставку по займу до 24% и закупочные расходы на 11 тыс. рублей. Вместо убытка получится прибыль 1 тыс. рублей;

– сократить прочие текущие расходы на 17 083 рубля при прежней выручке. Предприятие выйдет на нулевую прибыль;

– увеличить выручку примерно до 1,342 млн рублей при прежней сумме займа, комиссии 20% и ставке 41%. Это покроет все учтённые расходы и выведет торговлю на безубыточность.

Заключение.

В рассмотренном примере при выручке 1 млн рублей повышение комиссии с 15% до 20% уменьшает прибыль на 50 тыс. рублей. Повышение ставки по займу с 24% до 41% при долге 500 тыс. рублей увеличивает месячные процентные расходы на 7 083 рубля. В результате совместного изменения этих условий прибыль 40 тыс. рублей сменяется убытком 17 083 рубля. При комиссии 15% и ставке 24% остающихся до процентов 50 тыс. рублей хватает на платёж 10 тыс. рублей. При комиссии 20% и ставке 41% до процентов остаётся 0 рублей, поэтому выплатить из результата продаж начисленные 17 083 рубля нельзя.

При ставке 41% предприятие выходит на нулевой результат при комиссии около 18,29%. Если комиссия составляет 20%, для устранения убытка необходимо сократить расходы на 17 083 рубля или увеличить выручку до 1,342 млн рублей при прежней задолженности. Из пяти рассмотренных вариантов сокращение закупочных расходов на 20 тыс. рублей при неизменных продажах даёт прибыль 2 917 рублей. Одно лишь снижение ставки до 24% убыток не устраняет. При опубликованной Ozon комиссии 27% для определённых продавцов одежды расчётный убыток по той же модели составит 87 083 рубля в месяц. Этот тариф относится к участникам специальной программы, а не ко всем продавцам.

Список литературы

1. Интернет-торговля в первом полугодии 2026: 7,2 трлн рублей // Ассоциация компаний интернет-торговли (АКИТ) : официальный сайт. – URL: https://www.akit.ru/news/internet-torgovlya-v-pervom-polugodii-2026-7-2-trln-rublej (дата обращения: 27.10.2026). – Текст : электронный.

2. Тенденции на рынке МФО предпринимательского финансирования за первое полугодие 2026 года : аналитический доклад // Центральный банк Российской Федерации : официальный сайт. – URL: https://www.cbr.ru/analytics/microfinance/2026_1/ (дата обращения: 27.10.2026). – Текст : электронный.

3. Егоров, Д. О. Формирование системы показателей оценки эффективности торговли на маркетплейсах / Д. О. Егоров, А. Ю. Анисимов // Экономика, предпринимательство и право. – 2025. – Т. 15, № 1. – С. 243–256. – DOI 10.18334/epp.15.1.122457. – EDN FMJATG.

4. Никитин, М. А. Совершенствование управления расходами продавцов товаров в реализуемой бизнес-модели деятельности на маркетплейсе / М. А. Никитин // Экономика, предпринимательство и право. – 2026. – Т. 16, № 1. – С. 501–518. – DOI 10.18334/epp.16.1.124527. – EDN EWPYAK.

5. Суязов, В. Н. Маркетплейсы как инструмент роста и источник рисков для предприятий малого бизнеса: влияние сотрудничества на экономические показатели / В. Н. Суязов // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2025. – № 70. – С. 209–222. – DOI 10.17223/19988648/70/13. – EDN QMWCRI.

6. Про тарифы на логистику и вознаграждение за продажу // Ozon Seller : База знаний : портал для продавцов. – URL: https://seller.ozon.ru/media/news/pro-tarify-na-logistiku-i-voznagrazhdenie-za-prodazhu/?__rr=1&abt_att=1&origin_referer=www.google.com (дата обращения: 27.10.2026). – Текст : электронный.

7. Продавайте fashion-товары по льготному тарифу 27% // Ozon Seller : Новости : портал для продавцов. – URL: https://seller.ozon.ru/media/news/prodavajte-fashion-tovary-po-lgotnomu-tarifu-27percent/ (дата обращения: 27.10.2026). – Текст : электронный.

Chernyaeva Polina Denisovna
Student
FSBEI of HE "Russian Timiryazev State Agrarian University"
Moscow
Almazova Ekaterina Sergeevna
PhD student
FGBOU VO "Sibirskii gosudarstvennyi universitet
nauki i tekhnologii im. akademika M.F. Reshetneva"
Krasnoyarsk, Krasnoyarsk region

Scientific adviser
Gorbachev Sergey Igorevich
Candidate of Technical Sciences, Associate Professor
FSBEI of HE "Russian Timiryazev State Agrarian University"
Moscow

RULE-BASED MACHINE LEARNING IN A HIERARCHICAL FRAMEWORK FOR CORPORATE BANKRUPTCY PREDICTION

Abstract: *this article explores the application of rule-based machine learning, specifically decision trees, for predicting corporate bankruptcy within a hierarchical framework. Using a dataset from the Taiwan Economic Journal (1999–2009), the study evaluates the economic performance indicators that critically influence financial distress. The decision tree model achieved an error rate of 1.6%, outperforming neural networks (2.67%) and Kohonen maps (2.98%). The most significant factors identified include Persistent EPS (22.4%), Working Capital to Equity ratio (20.1%), and Pretax Income to Capital (15.5%). The results provide a transparent, scalable tool for investors and creditors to mitigate financial risks.*

Keywords: *machine learning, hierarchical framework, economic performance, bankruptcy prediction, financial health, decision tree.*

Черняева Полина Денисовна
студентка
ФГБОУ ВО «Российский государственный
аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева»
г. Москва
Алмазова Екатерина Сергеевна
аспирант
ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет
науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева»
г. Красноярск, Красноярский край

Научный руководитель
Горбачев Сергей Игоревич
канд. техн. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российский государственный
аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева»
г. Москва

МАШИННОЕ ОБУЧЕНИЕ НА ОСНОВЕ ПРАВИЛ В ИЕРАРХИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ДЛЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ КОРПОРАТИВНОГО БАНКРОТСТВА

Аннотация: *в статье исследуется применение машинного обучения на основе правил, в частности деревьев решений, для прогнозирования корпоративного банкротства в рамках*

иерархической модели. На основе набора данных из Taiwan Economic Journal (1999–2009 гг.) в исследовании оцениваются показатели экономической эффективности, критически влияющие на финансовую несостоятельность. Модель дерева решений достигла уровня ошибки 1,6%, превзойдя нейронные сети (2,67%) и карты Кохонена (2,98%). Наиболее значимыми выявленными факторами стали: устойчивая прибыль на акцию (Persistent EPS) (22,4%), коэффициент отношения оборотного капитала к собственному капиталу (Working Capital to Equity ratio) (20,1%) и отношение прибыли до налогообложения к капиталу (Pretax Income to Capital) (15,5%). Полученные результаты предоставляют прозрачный и масштабируемый инструмент для инвесторов и кредиторов с целью минимизации финансовых рисков.

Ключевые слова: *машинное обучение, иерархическая модель, экономическая эффективность, прогнозирование банкротства, финансовое состояние, дерево решений.*

Introduction: forecasting corporate bankruptcy plays a pivotal role in modern economic stability, protecting investors, creditors, and employees from severe financial disruptions. Early risk detection enables companies to optimize resource management and adapt to market challenges. While complex neural networks offer high predictive capabilities, their «black-box» nature limits stakeholder trust. Rule-based machine learning, particularly decision trees, provides an interpretable, hierarchical framework that automatically identifies key financial factors, facilitating informed and transparent decision-making in risk management.

Materials and Methods: the empirical base of the study comprises financial records from the Taiwan Economic Journal spanning 1999 to 2009. The dataset includes diverse economic indicators reflecting liquidity, profitability, and capital structure. Data preprocessing involved imputing missing values and applying correlation analysis with a 0.1 threshold to eliminate multicollinearity and insignificant variables. The primary modeling tool is the decision tree algorithm, which partitions the data space into hierarchical nodes based on attribute thresholds. This method is highly effective for economic datasets as it handles non-linear dependencies, requires minimal data normalization, and inherently performs feature selection, outputting a transparent hierarchy of decision rules.

Results: the comparative analysis of ML techniques revealed the superiority of the decision tree in both accuracy and interpretability for this specific financial domain.

- Neural Network: Yielded an error rate of 2.67%.

- Kohonen Maps: Resulted in a 2.98% error, struggling with the high dimensionality of financial ratios.

- Decision Tree: Achieved the lowest error rate of 1.6%. The hierarchical structure of the tree isolated the most critical predictors of bankruptcy:

1. Persistent EPS in the Last Four Seasons (Net Income): Significance of 22.4%, highlighting the paramount importance of sustained profitability.

2. Working Capital / Equity: Significance of 20.1%, reflecting short-term financial resilience and liquidity.

3. Pretax Income / Paid-in Capital: Significance of 15.5%, indicating the efficiency of capital utilization.

4. Cash / Total Assets (8.5%) and Net Income to Stockholder's Equity (6.2%) further reinforced the dominance of liquidity and return-on-equity metrics in distress prediction.

Conclusion: the implementation of rule-based ML in a hierarchical framework provides a robust, transparent mechanism for early bankruptcy detection. The decision tree's 1.6% error rate and explicit attribute significance empower stakeholders to focus on critical financial health indicators, such as sustained EPS and working capital ratios. This approach not only minimizes investment risks but also contributes to the broader stability of the financial market by enabling proactive corporate restructuring. Future work will explore ensemble tree methods to capture complex macroeconomic interactions.

References

1. Adaptivnyi energomenedzhment na baze modelei onlain-obucheniya kak faktor sotsial'no-ekonomicheskoi effektivnosti predpriyatii [Adaptive energy management based on online learning models as a factor of socio-economic efficiency of enterprises] / O. O. Oleynikova, D. A. Tkachenko, G. V. Korableva, A. S. Prudkii // Strategii ustoichivogo razvitiya: sotsial'nye, ekonomicheskie i yuridicheskie aspekty : Materialy II Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Cheboksary, 26 avgusta 2026 goda [Sustainable development strategies: social, economic and legal aspects : Proceedings of the II All-Russian Scientific and Practical Conference, Cheboksary, August 26, 2026]. – Cheboksary : Sreda, 2026. – P. 221–224. – EDN JGZIZE.

2. Integratsiya geoinformatsionnykh sistem i algoritmov iskusstvennogo intellekta dlya monitoringa geotekhnicheskoi ustoichivosti ob»ektov gornoi infrastruktury [Integration of geographic information systems and artificial intelligence algorithms for monitoring geotechnical stability of mining infrastructure objects] / L. A. Kazakovtsev, A. S. Prudkii, I. A. Vakhrusheva, M. S. Nikanorov // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Nauki o Zemle [News of the Tula State University. Earth Sciences]. – 2026. – No. 1. – P. 354–359. – EDN EGFSPA.

3. Korableva G. V. Analiz i sovershenstvovanie vozmozhnostei podderzhki protsessov upravleniya kachestvom avtomatizirovannymi ERP-sistemami [Analysis and improvement of capabilities for supporting quality management processes by automated ERP systems] / G. V. Korableva, A. N. Ushakov // Ekonomika i predprinimatel'stvo [Economics and Entrepreneurship]. – 2024. – No. 5 (166). – P. 1088–1094. – DOI 10.34925/EIP.2024.166.5.224. – EDN BABPJJ.

4. Korableva G. V. Sovershenstvovanie protsessov planirovaniya na predpriyatiyakh za schet vnedreniya avtomatizirovannykh sistem podderzhki prinyatiya reshenii [Improvement of planning processes at enterprises through the implementation of automated decision support systems] / G. V. Korableva // Resursosberezhenie. Effektivnost'. Razvitie : Sbornik materialov IX Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Donetsk, 01 noyabrya 2024 goda [Resource saving. Efficiency. Development : Proceedings of the IX All-Russian Scientific and Practical Conference, Donetsk, November 01, 2024]. – Donetsk : Donetsk National Technical University, 2024. – P. 63–65. – EDN WIOIYS.

5. Pravovye aspekty upravleniya promyshlennymi potokami dannykh v raspredelennykh IIoT-arkhitekturakh [Legal aspects of industrial data flow management in distributed IIoT architectures] / O. O. Oleynikova, E. S. Almazova, B. V. Potapov, G. V. Korableva // Strategii ustoichivogo razvitiya: sotsial'nye, ekonomicheskie i yuridicheskie aspekty : Materialy II Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Cheboksary, 26 avgusta 2026 goda [Sustainable development strategies: social, economic and legal aspects : Proceedings of the II All-Russian Scientific and Practical Conference, Cheboksary, August 26, 2026]. – Cheboksary : Sreda, 2026. – P. 390–393. – EDN OOJPWN.

6. Korableva G. Adaptive method of generation of optimal production orders / G. Korableva, E. Kucherova // E3S Web of Conferences : 2018 International Science Conference on Business Technologies for Sustainable Urban Development, SPbWOSCE 2018, St. Petersburg, December 10–12, 2018. – Vol. 110. – St. Petersburg : EDP Sciences, 2019. – P. 02127. – DOI 10.1051/e3sconf/201911002127. – EDN CFFBTL.

Шарапова Татьяна Ринатовна
студентка
ФГБОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет»
г. Пермь, Пермский край

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПЛАТФОРМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: *в статье рассматривается развитие платформенной экономики в регионах России и инструменты, обеспечивающие ее становление. Показано, что развитие платформенной экономики в России неоднородно: в одних субъектах РФ уже сформирован зрелый сектор, в других он находится на стадии формирования. Выделены ключевые факторы становления платформенной экономики: цифровая инфраструктура, бизнес-среда и спрос, государственная поддержка, социально-экономические условия. Показано, что влияние цифровых платформ зависит от уровня цифрового развития региона, структуры экономики и государственной политики.*

Ключевые слова: *платформенная экономика, инструментарий, региональное развитие, маркетплейсы, Интернет.*

Развитие платформенной экономики в России представляет собой неоднородную структуру. В одном субъекте РФ может быть уже зрелый с хорошим техническим инструментарием сектор экономики, а в другом находится на стадии формирования.

Становление платформенной экономики в России происходит под воздействием нескольких ключевых факторов (цифровая инфраструктура, бизнес-среда и спрос, государственная поддержка, социально-экономические условия), вклинение которых формирует региональную спецификацию. Следует отметить, что теоретико-методологические основы формирования цифровых экосистем, включая платформенные модели, исследованы в работах А.В. Курдюмова и Я.В. Свистуновой, где показано, что цифровые экосистемы выступают связующим звеном между участниками экономических отношений и обеспечивают синергетический эффект за счет интеграции ресурсов и данных [2].

Автором в таблице 1 дана характеристика специфики развития платформенной экономики в регионах РФ в разрезе основных факторов.

Таблица 1

Специфика развития платформенной экономики в регионах РФ в разрезе основных факторов

Фактор	Характеристика
Цифровая инфраструктура	Наличие стабильного интернета, развитые логистические узлы (сортировочные центры, пункты выдачи заказов), без чего масштабные платформы не работают. В крупных агломерациях и отдельных «точках роста» данной проблемы нет
Бизнес-среда и спрос	В ситуации, когда в регионе активно развивается малый и средний бизнес (далее – МСП), ему нужны инструменты для выхода на более широкую аудиторию. Маркетплейсы и биржи услуг обеспечивают в этой ситуации доступ на рынок
Государственная поддержка	На практике некоторые регионы целенаправленно создают цифровые экосистемы: платформы «одного окна» для предпринимателей, инструменты для взаимодействия бизнеса, власти и граждан
Социально-экономические условия	В регионах с более высокими доходами и развитым рынком труда платформенная занятость часто становится дополнительной гибкой опцией, а в территориях с ограниченными возможностями на традиционном рынке труда платформы порой выступают альтернативой неформальной занятости

Важным фундаментом, но не единственным фактором выступает коммуникационная сеть Интернет, наличие *и качество которой создает техническую возможность* для развития платформенной экономики. Следует отметь, что насколько эта возможность реализуется, зависит от таких условий в регионе как *доступ к платформам, снижение барьеров, развитие сопутствующих сервисов.*

*Важно отметить, что б*ез стабильного интернета людям и бизнесу негде «встретиться» в цифровом пространстве. Так же высокий уровень проникновения интернета (особенно мобильного) напрямую коррелирует с активностью на маркетплейсах, в сервисах доставки, такси, фриланс-биржах.

В тоже время *снижение барьеров, позволяет с помощью сети и*нтернет «стирать» географические границы, когда любой житель небольшого города или поселка через платформу может продавать товары, искать заказчиков или услуги из других регионов, т.е. делать то, что раньше было сложно или дорого организовать.

*Развитие сопутствующих сервисов, вызвано тем, что с*ам по себе доступ в сеть не «запускает» экономику, а важны и другие элементы цифровой инфраструктуры, которые часто развиваются параллельно: распространение смартфонов, внедрение безналичных платежей и системы быстрых платежей, наличие облачных сервисов для бизнеса. Данные инструменты позволяют сформировать экосистему. Например, применение одноплатных

компьютеров и платформенных решений в сельском хозяйстве обеспечивает формирование «умного земледелия» как элемента цифровой экосистемы АПК [1].

Формирование цифрового государства в условиях трансформации социально-экономических процессов, непосредственно связано с развитием платформенных сервисов для взаимодействия бизнеса, власти и граждан, что создает институциональную основу для региональной спецификации платформенной экономики [3].

Региональная специфика в платформенной экономике проявляется в том, что цифровые платформы по-разному влияют на развитие территорий, создавая как возможности, так и вызовы. Их воздействие зависит от уровня цифрового развития региона, структуры экономики, инфраструктурных особенностей и государственной политики.

Выделим три группы категорий: лидеры, развитые и развивающие регионы Российской Федерации.

К регионам-лидерам следует отнести у кого высокая доля занятых, развитые локальные экосистемы, активная поддержка со стороны властей и бизнеса, те сформированная платформенная экономика. К данным регионам и городам федерального значения следует отнести:

Москву, как абсолютного лидера по масштабу и разнообразию платформ: от крупных маркетплейсов и сервисов услуг до городских цифровых платформ;

Московскую область, так как она тесная связка с федеральной столицей, с наличием высокой плотности населения и бизнеса, стимулирующей спрос на платформенные сервисы.

Санкт-Петербург, обладает развитым сегментом цифровых и бизнес-услуг, а также развитой IT-средой.

Республика Татарстан, представлена успешными локальными и федеральными платформенными проектами, а также активной цифровизацией бизнеса и госуслуг.

Краснодарский край, обладает высоким спросом на сервисы доставки, аренды, туристических и гостиничных услуг.

В развитых регионах платформенная экономика характеризуется наличием устойчивых секторов экономики, но потенциал в полном объеме раскрыт и есть точки роста.

В Свердловской области реализована локальная экосистема – платформа «Космос» для взаимодействия бизнеса, власти и граждан, и поддержки МСП. *В Нижегородской области* происходит активное развитие маркетплейсов, сервисов для малого бизнеса, цифровых решений в логистике. *Пермский край можно поставить в пример, как регион обеспечивающий* рост платформенной занятости в сфере услуг и торговли, развитие цифровых компетенций населения. *Ростовская область обладает* сильными позициями в сегментах доставки, онлайн-торговли, финансовых сервисов.

Регионы, которые находятся в стадии развития, как привило у них есть зачатки платформенной экономики, но для экономико-технологического рывка не хватает инфраструктуры, кадров и системной поддержки. Так, в *Республике Башкортостан появляются локальные платформенные решения, но требуется их масштабирование. В Челябинской области имеется потенциал в B2B-сегменте (промышленность, логистика), но нужны реальные проекты для их интеграции МСП.*

В Самарской области наблюдается развитие сервисов для населения и бизнеса, но доля платформенной занятости показатели низкие. Удмуртская Республика смогла обеспечить только постепенное внедрение цифровых платформ в отдельные отрасли. В Чувашской Республике наблюдается рост использования интернета организациями, но требуется внедрение платформенных моделей в бизнес.

В большей степени в России платформенная экономика развита в западной части страны, но для оценки необходимо использовать такие показатели как численность населения в регионе, развитость инфраструктуры, наличие стабильного интернета, развитые логистические узлы. От количества созданных логистический центров в регионах страны будет зависеть рост платформенной экономики.

Следует отметить, что развитие методологических положений проектного управления в сфере обеспечения технологического суверенитета отраслей, демонстрирует, что платформенные инструменты и цифровые экосистемы выступают важным механизмом достижения стратегических целей развития отраслей и территорий [4]. Это подтверждает вывод о том, что многие регионы из группы «развивающихся» при целенаправленной поддержке (субсидии, обучение кадров, создание региональных цифровых платформ) могут быстро нарастить потенциал и сформировать развитую платформенную экономику. В то же время у «лидеров» есть ниши для дальнейшей диверсификации.

Список литературы

1. Буценко, Е. В. Умное земледелие на платформе одноплатных компьютеров / Е. В. Буценко, А. В. Курдюмов // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. – 2019. – № 1–2 (29–30). – С. 95–107. – EDN FQGTHM.

2. Курдюмов, А. В. Теоретико-методологические основы формирования цифровых экосистем / А. В. Курдюмов, Я. В. Свистунова // Регион: системы, экономика, управление. – 2024. – № 3 (66). – С. 62–69. – DOI 10.22394/1997–4469–2024–66–3-62–69. – EDN FYDPWT.

3. Курдюмов, А. В. Формирование цифрового государства в условиях трансформации социально-экономических процессов / А. В. Курдюмов, В. А. Мещерягина, В. И. Сарычева // Теория и практика мировой науки. – 2024. – № 12. – С. 20–23. – EDN FMNSTV.

4. Развитие методологических положении проектного управления в сфере обеспечения технологического суверенитета АПК / А. Н. Семин, Е. Б. Тищенко, М. М. Кислицкий, А. В. Курдюмов // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. – 2022. – № 4. – С. 3–10. – DOI 10.37984/2076-9288-2022-4-3-10. – EDN FAPTFJ.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ОБЩЕСТВЕ

Богославцева Людмила Викторовна
канд. экон. наук, доцент
Затуливетров Константин Евгеньевич
студент
Герман Эдуард Алексеевич
студент

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)»
г. Ростов-на-Дону, Ростовская область

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАН

Аннотация: *в статье рассматриваются вопросы социальной защиты граждан с учетом национальных приоритетов социальной политики. Авторы затронули теоретические и методологические аспекты сущности и функций социальной защиты граждан. Сформулирован вывод о необходимости развития форм социальной защиты населения исходя из новых внутренних и внешних вызовов.*

Ключевые слова: *социальная защита, приоритеты, функции, национальная модель системы социальной защиты.*

Система социальной защиты граждан страны направлена на повышение качества предоставляемых социальных услуг и их доступности для населения. Еще в 2000 году Россия подписала Европейскую социальную хартию в новой редакции (первая редакция хартии 1961 года) для повышения уровня реально предоставляемых гарантий для отдельных групп населения с учетом экономических возможностей государства. К 2026 году произошли значительные изменения в экономических и политических условиях страны, что не могло не повлиять на проводимую социальной политику государства и.

Национальные цели в части социальной политики Российской Федерации были сформулированы в Указе Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». Социальное предназначение современного государства отражает возможность обеспечения гарантий реализации права каждого человека на достойное качество жизни.

Социальное государство должно функционировать в целях удовлетворения потребностей человека. Но в силу различных геополитических условий, несовершенства и нарушения экономических и политических взаимосвязей, кризисов производства, распределения, обмена и потребления возникает нехватка первоочередных предметов потребления или невозможность их приобретения.

Для некоторых категорий граждан становится невозможным получение медицинской помощи на фоне роста цен на медицинские услуги при высоком уровне развития отрасли здравоохранения.

Все еще сохраняется проблема безработицы, особенно для людей с ОВЗ и инвалидностью. Низкие доходы не дают возможность решить вопрос с собственным жильем при наличии продаваемых квартир в новостройках и старом жилом фонде. Как следствие, это приводит к лишениям и страданиям людей и не обеспечивает им достойный уровень жизни, что нивелируется в каждом государстве проводимой политикой социальной защиты граждан.

С развитием государства социальная защита претерпевает коренные изменения, так как постоянно сталкивается с новыми проблемами, например, усилением дифференциации

доходов населения в различных секторах экономики и социальным группам. Поэтому основными ценностями социального государства являются:

– социальное равенство;

– социальная справедливость;

– социальная солидарность.

В условиях трансформации всей российской экономики функции социальной защиты должны реализовывать государство и бизнес.

В экономических исследованиях авторов обосновывалось значение функций социальной защиты населения, приведем несколько примеров:

– Кузнецова Е.М., Филатов В.А. – превентивная, обеспечительная и компенсационная функции [4];

– Гусов К.Н. – экономическая, политическая, демографическая и социально-реабилитационная функции [5, с. 14];

– Богданова О.Ю. – социальная, экономическая, политическая и демографическая [2];

– Тимошкина Е.В. – социально-экономическая, обеспечение общественно необходимого уровня жизни, повышение качества рабочей силы [6].

Функции социальной защиты обосновывают роль государства в формировании единого пространства жизнедеятельности людей и защиты уязвимых слоев населения. Для реализации защиты этих слоев населения существуют определенные формы социальной защиты.

Однако, на современном этапе в научных исследованиях, посвященных вопросу социальной защиты граждан, раскрываются не функции, а принципы, и формы социальной защиты в соответствии с действующими нормативными документами:

– Федеральным законом от 17.07.1999 № 178-ФЗ (ред. от 28.11.2025) «О государственной социальной помощи» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026);

– Федеральным законом от 28.12.2013 № 442-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025).

Основные формы социальной защиты можно классифицировать по уровням: личная материальная самозащита; общественная благотворительность; общественная солидарность; государственное социальное обеспечение и помощь; учреждения (предприятия) системы социальной защиты.

Сохраняется актуальность социальной защиты со стороны работодателей к своим работникам, которая создается на основе частной инициативы отдельных субъектов, принимающих на себя права и обязанности по реализации социальной защиты членов трудового коллектива.

Применение такой формы социальной защиты является наиболее характерным в области пенсионного обеспечения, обеспечения временной нетрудоспособности и др. «Именно здесь формируется и развивается человеческий капитал общества» [3]

Таким образом, социальная защита представляет собой постоянно развивающийся социально-экономический аспект развития общества и реализуется через субъектно-объектную структуру национальной модели системы социальной защиты.

Под субъектом структуры национальной модели системы социальной защиты понимают тех, кто осуществляет социальную защиту:

– общественные объедения. Целью общественных объединений является – развитие общественной поддержки и заинтересованности в создании и функционировании модели социальной защиты;

– работодатель – еще один субъект социальной защиты;

– человек – один из самых важных субъектов социальной защиты, занимающийся реализацией своего потенциала, защитой своих жизненных потребностей, а также интересов.

Субъектами на индивидуальном уровне социальной защиты могут выступать: работник – работник, работник – работодатель, работодатель – работодатель, государство – гражданин.

Субъектами на коллективном уровне социальной защиты выступают: взаимосвязи между объединениями работников (профсоюзами) и объединениями работодателей. На коллективном уровне социальной защиты субъектами могут выступать, например, кадровая политика (аттестация кадров, оценка эффективности труда).

Объект социальной защиты – категории граждан, на которых направлена деятельность социальной защиты. Примерами объектов социальной защиты могут служить: наемные работники, пенсионеры, инвалиды, дети-инвалиды, безработные и др.

Финансы в социальной защите – важнейшая составная часть всей национальной модели социальной защиты граждан. Это экономические денежные отношения по поводу предоставления, организации и расходования средств в социальной сфере. Таким образом, возможно разграничивать два направления выплат гражданам в рамках социальной защиты граждан:

– первое направление – социальные адресные выплаты, обеспечиваемые, прежде всего, за счет социального страхования в виде пенсий, пособий, компенсаций и прочих выплат).

– второе направление – социальное обслуживание граждан, регулируемое законом №442-ФЗ, осуществляется специализированными учреждениями, такими как комплексные центры, центры помощи семьям и детям, реабилитационные центры, дома-интернаты и др. Приоритетными направлениями развития специализированных учреждений в среднесрочном периоде являются: улучшение материально-бытового обеспечения, совершенствование мероприятий реабилитационного, медицинского, социального и психологического характера, повышение квалификации персонала, привлечение спонсорской помощи для приобретения оборудования, а также благоустройства зданий и территорий.

Однако, на сегодняшний день не выработан единый подход к пониманию системы в контексте социальной защиты и размеров социальных пособий в случаях утраты заработка. При этом необходимо учитывать, что все виды социальных выплат финансируются из средств бюджетов всех уровней бюджетной системы.

Одни авторы определяют эту систему с экономической точки зрения как процесс перераспределения дохода на макроуровне в целях обеспечения конституциональных гарантий человека в условиях социальных рисков.

Другие исследователи рассматривает систему социальной защиты, как совокупность институтов и комплекс мер экономического, правового, организационного характера, которые направлены на предупреждение или смягчение негативных последствий для человека и его семьи при наступлении определенных социально значимых обстоятельств (в том числе социальных рисков), а также на сохранение приемлемого уровня их материального и социального благополучия [1, с. 52].

Исходя из представленных выше определений, можно сделать вывод, что система социальной защиты населения представляет собой национальную модель, включающую правовое регулирование: деятельности соответствующих институтов; системы мер и выплат, которые направлены на то, чтобы обеспечить и приумножить определенное государством и обществом качество жизни каждого человека.

Исследование теоретико-правовых положений регулирования социальной защиты граждан важно для организации реальной помощи населению. В России определение целевых реабилитационных групп, которые устанавливаются при прохождении медико-социальной экспертизы в зависимости от степени нарушений функций организма человека, относится к полномочиям Минтруда России. Кроме того, организована работа по формированию потребности регионов в средствах федерального бюджета на софинансирование расходов на реабилитацию и абилитацию. Пилотный проект начался с 2022 года. При отборе регионов-участников пилотного проекта особое внимание уделялось сформированности региональной реабилитационной инфраструктуры. Мероприятия пилотного проекта охватывают основные направления реабилитации и услуги. Правительство России приняло решение о продлении пилотного проекта по внедрению электронных сертификатов для комплексной

реабилитации детей с ОВЗ. Эксперимент, который изначально планировалось завершить в 2027 году продлили до 31 декабря 2028 года.

Таким образом, система социальной защиты населения в Российской Федерации непрерывно развивается и совершенствуется, исходя из тех вызовов, которые возникают в ходе непрерывной трансформации экономической и политической ситуации, а также из особенностей географического положения.

Список литературы

1. Аверин, А. Н. Государственная система социальной защиты населения : учеб. пособие / А. Н. Аверин ; Российская акад. гос. службы при Президенте Российской Федерации. – Москва : Изд-во РАГС, 2007. – 120 с.

2. Богданова, О. Ю. Функции социальной защиты населения в условиях рыночной экономики / О. Ю. Богданова // Символ науки. – 2016. – № 1–1. – URL: https://cyberleninka.ru (дата обращения: 25.10.2026). – Текст : электронный.

3. Буйневич, Д. В. Цифровая трансформация и изменение управления сферой социальной защиты / Д. В. Буйневич, И. Б. Сергеев // Журнал прикладных исследований. – 2025. – № 7. – URL: https://cyberleninka.ru. – Текст : электронный.

4. Кузнецова, Е. М. Особенности социальной защиты населения в Омском регионе : конспект лекций / Е. М. Кузнецова, В. А. Филатов. – Омск : Изд-во ОмГТУ, 2010. – 52 с. — URL: www.aup.ru/books/m268/ (дата обращения: 25.10.2026). – Текст : электронный.

5. Право социального обеспечения / под ред. К.Н. Гусова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2001. – 328 с.

6. Тимошкина, Е. В. Социальная защита населения как важнейший фактор социально-экономического развития в условиях цифровизации / Е. В. Тимошкина // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2022. – № 9–1. – С. 143–152. – URL: https://vaael.ru (дата обращения: 25.10.2026). – Текст : электронный.

Данилова Светлана Витальевна
канд. экон. наук, доцент, старший научный сотрудник
ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет»
г. Нижневартовск, ХМАО – Югра

Вахрушев Евгений Олегович
егерь
МОО «Нижневартовское районное общество охотников и рыболовов»
г. Нижневартовск, ХМАО – Югра

РАЗВИТИЕ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ КАК ОДНА ИЗ ПРИЧИН ПОВЫШЕНИЯ СТАБИЛЬНОСТИ В ВОСПРОИЗВОДСТВЕ НАСЕЛЕНИЯ

Аннотация: *в статье произведен анализ взаимосвязи между городской средой и процессами воспроизводства населения. Обосновано, что комфортная городская среда (благоустройство общественных пространств) выступает необходимым условием для повышения рождаемости. Результаты исследования могут быть использованы при разработке предложений по оптимизации городского пространства различных поселений, а в дальнейших исследованиях этого сложного явления – воспроизводство населения.*

Ключевые слова: *городская среда, воспроизводство населения, благоустройство, комфортная городская среда, общественные пространства.*

Воспроизводство населения является одной из ключевых условий устойчивого развития государства. В условиях высокой урбанизации именно города становятся основной средой жизнедеятельности для большинства населения. Актуальность темы исследования обусловлена критическим состоянием демографической ситуации в стране. Суммарный коэффициент рождаемости в целом по РФ по итогам 2025 года снизился до 1,374. Городская среда при этом выступает не просто фоном, а активным фактором, определяющим репродуктивные

решения местного населения. Наличие благоустроенных общественных пространств, безопасных детских площадок, доступной социальной инфраструктуры формирует среду, в которой семьи чувствуют себя уверенно, стабильно и готовы к рождению детей с пониманием собственного благополучия [6].

Городская среда представляет собой сложную, многоуровневую систему, включающую материальные объекты (здания, дороги, инфраструктуру), а также социальные, экономические и экологические аспекты жизнедеятельности человека [1]. В научной литературе сложилось несколько подходов к анализу взаимосвязи городской среды и воспроизводства населения (таблица 1).

Таблица 1

Анализ взаимосвязи городской среды и воспроизводства населения (подходы)

Подход	Авторы (примеры)	Ключевая идея
Социально-экономический	Л.Л. Рыбаковский, Т.К. Ростовская, С.В. Рязанцев и др.	Городская среда формирует издержки и выгоды репродуктивных решений; чем выше издержки, тем ниже рождаемость.
Пространственно-экологический	Э.Р. Мусин, А.С. Бреславский, В.В. Фаузер, А.Ю. Нагорнова и др.	Городская среда как физическое и экологическое пространство влияет на репродуктивное здоровье и создает условия/барьеры для семейной жизни
Социокультурный и поведенческий	Т.К. Ростовская, А.М. Ситковский, зарубежные авторы и др.	Городская среда формирует репродуктивные нормы, установки и жизненные стратегии, определяющие демографическое поведение

Современные исследования в области народонаселения указывают на необходимость комплексного подхода, учитывающего как экономические, так и пространственные факторы. Исследователи подчеркивают необходимость сочетания социально-экономических мер поддержки семей с продвижением семейных ценностей и применением современных технологий для эффективного решения демографических проблем.

В отечественной науке активно развивается направление исследований демографического самочувствия регионов. Национальный демографический доклад – 2024, подготовленный коллективом авторов под редакцией Т.К. Ростовской и А.А. Шабуновой, представляет собой комплексное исследование демографических процессов в региональном разрезе. В докладе анализируются факторы, определяющие демографическое поведение населения, включая условия жизни, доступность социальной инфраструктуры и качество городской среды [2].

Доступность и качество объектов социальной инфраструктуры (детских садов, школ, поликлиник, центров дополнительного образования) критически важны для семей с детьми. Дефицит мест в дошкольных учреждениях или их удаленность от места жительства вынуждает родителей, чаще всего матерей, отказываться от профессиональной реализации или отказываться от рождения второго и последующих детей.

В исследовании «Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад – 2024» подчеркивается, что доступность социальной инфраструктуры является одним из ключевых факторов, определяющих демографическое самочувствие населения. Авторы отмечают, что в регионах с развитой сетью дошкольных учреждений и школ показатели рождаемости выше, а разрыв между желаемой и фактической рождаемостью меньше [2].

Комплексное развитие городской среды (сочетание благоустроенных общественных пространств, доступного жилья [3], развитой социальной инфраструктуры, благоприятной экологической обстановки) способно создать условия для повышения рождаемости. В научной литературе подчеркивается необходимость комплексного подхода к политике в области сохранения и воспроизводства населения. Обзор, представленный в работе Ситковского А.М., указывает на необходимость сочетания социально-экономических мер поддержки семей с

продвижением семейных ценностей и применением современных технологий, но особое внимание уделяется комплексной поддержке различных категорий семей – студенческих, молодых, многодетных и многопоколенных [5].

Города с высоким качеством городской среды не только сохраняют имеющееся население, но и привлекают новых жителей, в том числе молодые семьи, что способствует улучшению демографических показателей [4]. Очень сложно группировать элементы городской среды, которые могут оказывать влияние на воспроизводство населения, так как здесь возникают сопутствующие (исторические, социальные, национальные и т. п.) условия, которые, в том числе и влияют на городскую среду и сами являются ее элементами. Однако представим в табличной форме основные элементы городской среды, необходимые для результативного воспроизводства населения (табл. 2).

Таблица 2

Классификация элементов городской среды,
влияющих на воспроизводство населения

№	Структурный элемент городской среды	Конкретные параметры
1	Жилищные условия	Площадь жилья, тип застройки (многоэтажная/малоэтажная), стоимость жилья, доступность ипотеки, доля арендного жилья
2	Плотность и планировка городского пространства	Плотность населения, этажность, наличие дворовых территорий, озеленение, свободные пространства
3	Социальная инфраструктура	Доступность детских садов, школ, поликлиник, центров дополнительного образования; шаговая доступность
4	Транспортная доступность	Развитость общественного транспорта, время в пути до работы, безопасность дорог, пешеходная и велосипедная инфраструктура
5	Экологическая обстановка	Загрязнение воздуха, шум, наличие зеленых зон, качество воды
6	Общественные пространства и благоустройство	Парки, скверы, детские площадки, зоны семейного отдыха, освещение, безопасность
7	Экономическая среда	Уровень доходов, доступность рабочих мест, возможность гибкой занятости и удаленной работы
8	Институциональная среда	Жилищная политика, семейные пособия, программы поддержки молодых семей, градостроительные нормы

Учитывая вышеизложенное, можно обосновать выделенные параметры городской среды: недостаток пространства и высокая стоимость жилья откладывают рождение детей или ограничивают их число, а владение жильем повышает уверенность и стимулирует репродуктивные решения, то есть высокая плотность создают пространственные ограничения для семьи, снижают субъективное качество жизни и желание иметь детей; дефицит мест в детских садах и их удаленность вынуждают откладывать рождение второго и последующих детей, а их доступность снижает «конфликт работы и материнства»; слабая развитость транспортной инфраструктуры усиливают «бедность времени» и снижают ресурсы семьи, а удобная среда повышает качество жизни семей с детьми; загрязнение окружающей среды влияет на здоровье и продолжительность жизни, увеличивает уровень стресса, а зеленые зоны снижают стресс и улучшают здоровье; экономическая стабильность формируют уверенность в завтрашнем дне, что является основой для репродуктивных решений.

Таким образом, комплексный подход к развитию городской среды, сочетающий меры по благоустройству общественных пространств, обеспечению доступного жилья, развитию социальной инфраструктуры и улучшению экологической обстановки, является необходимым условием для повышения рождаемости и обеспечения воспроизводства населения. Развитие городской среды выступает не только следствием демографического роста, но и его необходимым условием. Демографическая политика государства должна быть интегрирована с

политикой пространственного развития и благоустройства. Только комплексный подход, учитывающий как экономические меры поддержки, так и создание качественной среды для жизни, способен обеспечить устойчивый рост населения и улучшение демографической ситуации в стране.

Список литературы

1. Города России: социальные проблемы и перспективы / А. Ю. Нагорнова, Р. И. Гайсин, Е. Н. Хабибулина [и др.]. – Ульяновск : Зебра, 2025. – 171 с.

2. Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад – 2024 / Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова [и др.] ; отв. ред. Т.К. Ростовская, А.А. Шабунова. – Вологда : Вологодский научный центр РАН, 2025. – 385 с.

3. Маслихова, Е. А. Современное состояние жилищного фонда России и организация процесса его воспроизводства / Е. А. Маслихова, С. В. Данилова, Н. В. Зяблицкая // Алтайский вестник Финансового университета. – 2019. – № 4. – С. 39–49.

4. Мусин, Э. Р. Демографическое развитие городов России с населением свыше 100 тысяч человек в 2014–2024 гг. / Э. Р. Мусин // ДЕМИС. Демографические исследования. – 2025. – Т. 5, № 4. – С. 146–164.

5. Ситковский, А. М. Влияние государственной политики агломерирования на долгосрочные тенденции изменения численности населения России / А. М. Ситковский // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2025. – Т. 12, № 3.

6. Человеческий капитал и интеллектуальный потенциал России: анализ, планирование, моделирование и механизмы развития в условиях генезиса экономики знаний / В. В. Баранов, Е. С. Васецкая, Т. Г. Гарбузова [и др.]. – Самара : ПНК, 2025. – 352 с.

Ефремова Нина Владимировна
канд. пед. наук, доцент, профессор
Миронова Мария Васильевна
старший преподаватель
Донникова Татьяна Сергеевна
старший преподаватель

ГБОУ ВО «Белгородский государственный
институт искусств и культуры»
г. Белгород, Белгородская область

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ И КАЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ АНАЛИЗА МОТИВАЦИИ ТУРИСТОВ В КИНОТУРИЗМЕ

Аннотация: *статья посвящена исследованию кинотуризма как актуального культурного тренда в современной России и анализу методологических подходов к изучению мотивации кинотуристов. Актуальность темы обусловлена, с одной стороны, ростом интереса россиян к путешествиям по местам съемок фильмов, а с другой стороны, отсутствием системного методологического инструментария для изучения данного феномена в отечественной науке.*

Ключевые слова: *кинотуризм, методы исследования, количественные методы, качественные методы, мотивация туристов.*

Современный туризм характеризуется стремительными темпами развития, превратившись за последние десятилетия в одну из крупнейших отраслей мировой экономики. По мере насыщения рынка традиционными туристскими продуктами происходит естественная эволюция потребительских предпочтений. Классические виды туризма – пляжный, экскурсионный, культурно-познавательный, лечебно-оздоровительный – сформировали устойчивые сегменты потребителей с устоявшимися ожиданиями и паттернами поведения. Однако по мере того как стандартные туристские предложения перестают удовлетворять растущие запросы путешественников, возникает потребность в новых, более специализированных формах туристской активности.

В ответ на этот запрос туристская индустрия создает множество нишевых направлений, позволяющих удовлетворить разнообразные интересы путешественников. К числу таких новых видов туризма относятся: гастрономический туризм, ориентированный на знакомство с локальной кухней и кулинарными традициями; событийный туризм, предполагающий посещение фестивалей, концертов и спортивных мероприятий; экологический туризм, нацеленный на взаимодействие с природой в условиях сохранения окружающей среды; промышленный туризм, предлагающий экскурсии на действующие производства и индустриальные объекты; а также кинотуризм – путешествия в места, где проходили съемки фильмов и сериалов.

Несмотря на то, что развитие кинотуризма в нашей стране началось относительно недавно, его истоки относятся к советскому периоду. Как отмечает актер и экскурсовод Алексей Беклемышев, первые путешествия по местам съемок начались еще в 1970-е. После выхода фильма «Афоня» в 1975 году поклонники самостоятельно собрались вместе, чтобы пройтись по местам съемок в Ярославле. Кинотуризм в советское время носил стихийный и неорганизованный характер, движущей силой были энтузиасты и фанаты фильмов, информация о съемках передавалась «из уст в уста».

Полухина А. В. и Пермякова Т. В. определяют кинотуризм как «..вид культурно-познавательного туризма, объектами интереса в котором выступают кинолокации, киностудии, тематические парки, а также любые места, связанные с кинопроизводством или имеющие отношение к известным фильмам и их героям» [2]. Объектами интереса в культурно-познавательном туризме могут быть самые разные явления (например, кинематограф) и по мере развития туризма они приобретают самостоятельное значение. А кино (и все, что с ним связано) как культурное явление выступает объектом интереса не только само по себе, но и становится привлекательным для туристов [2].

Кинотуризм, как и туризм в целом, выполняет широкий спектр функций – экономическую, маркетинговую, социокультурную, образовательную, инновационную и политическую, – однако привносит в каждую из них особое содержание. Экономическая функция проявляется в стимулировании туристского потока; маркетинговая (имиджевая) функция кинотуризма заключается в формировании культурного кода территории: в отличие от традиционного брендинга, кино создает эмоциональную связь между зрителем и местом, превращая дестинацию в часть любимой истории; социокультурная функция кинотуризма обогащается ностальгическим компонентом – возможностью мысленно перенестись во времена просмотра фильма, ощутить связь с героями и стать частью знакомого с детства мира; образовательная функция через призму кино приобретает особую наглядность.

Современное развитие кинотуризма в России характеризуется переходом от стихийного интереса к формированию институциональной основы этого направления. В отличие от советского периода, когда поездки по местам съемок носили исключительно энтузиастический характер, сейчас кинотуризм обретает черты системного явления, поддерживаемого государственными и отраслевыми инициативами.

Мотивация туриста выступает ключевым фактором, определяющим поведение потребителя на всех этапах туристского путешествия – от выбора дестинации до оценки полученного опыта. Мотивация лежит в основе объяснения того, почему люди путешествуют, выбирают те или иные дестинации и формируют привязанность к определенным местам. Без понимания мотивации невозможно построить целостную теорию туристского поведения.

Метод – способ достижения цели, совокупность приемов и операций теоретического или практического освоения действительности, а также человеческой деятельности, организованной определенным образом [1] В контексте исследования мотивации туристов, методы представляют собой инструментарий, позволяющий получить исчерпывающую информацию о мотивах и предпочтениях туристов. Они позволяют разгадать сложный психологический механизм, лежащий в основе принятия решений о путешествиях и выборе туристских продуктов [1].

В целом, всю совокупность методов исследования мотивации путешествий можно разделить на две основные группы: количественные и качественные.

Количественные методы исследования определяются как совокупность способов и процедур, предназначенных для получения и анализа данных, которые позволяют выявить количественную определенность изучаемых социальных явлений и процессов. Сущность метода заключается в строгой формализации и стандартизации процедур сбора данных, их математической обработке и статистическом анализе. Цель – измерить объективные характеристики объекта (частоту, объем, интенсивность, структуру) и выявить устойчивые статистические закономерности.

К основным количественным методам относятся следующие: анкетирование. Главный инструмент. Направлен на массовый сбор в исследовании мотивации туристов. Исследователь разрабатывает структурированный вопросник-анкету, которую в дальнейшем предлагает заполнить туристу. Вопросы могут быть как закрытыми (с вариантами ответов), так и открытыми (с возможностью свободного ответа); контент-анализом называют метод сбора количественных данных об изучаемом явлении или процессе, содержащихся в документах [2]; опрос на выходе («экзит-полл», от англ. «exit poll») – это метод сбора первичной социологической информации, основанный на формализованном интервьюировании респондентов в момент их выхода с места совершения действия (избирательного участка, учреждения, мероприятия), позволяющий фиксировать свежий след события в памяти респондента и устанавливать связь между характеристиками респондента и только что совершенным им актом поведения.

Качественные методы исследования в свою очередь направлены не на получение количественных данных, а на изучение и понимание уникальных, неповторимых явлений. В основе подхода лежит глубокое погружение в изучаемый феномен с целью изучения смыслов, ценностей и мотивов поведения индивидов и социальных групп (глубинное интервью, фокус-группа, наблюдение).

Исследование мотивации кинотуристов требует применения как количественных, так и качественных методов, поскольку каждый из подходов имеет свои ограничения. Количественные методы (анкетирование, статистический анализ) позволяют оценить масштаб спроса, выявить статистические закономерности и обеспечить репрезентативность данных. Однако они не не раскрывают глубинные мотивы и личностные смыслы, движущие кинотуристами. Качественные методы позволяют понять мотивацию, выявить скрытые смыслы и учесть контекст, но их результаты сложно обобщать. Комбинирование качественных и количественных методов расширяет возможности получения информации и обеспечивает валидность и надежность полученных результатов.

Список литературы

1. Ивашкин, М. В. Количественные и качественные методы исследования мотивации туристов / М. В. Ивашкин, В. В. Кузнецов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – № 11. – С. 50–55.

2. Миронова, М. В. Особенности функционирования кинотеатров в условиях современной социокультурной ситуации / М. В. Миронова, Е. А. Белецкая // Наука. Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики : сборник материалов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (Белгород, 6 февраля 2025 года). – В 4 т. – Белгород : Белгородский государственный институт искусств и культуры, 2025. – С. 212–222.

Карпик Илья Владимирович
магистрант
Научный руководитель
Сафонкина Светлана Алексеевна
старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Рязанский государственный
университет им. С.А. Есенина»
г. Рязань, Рязанская область

DOI 10.31483/r-169588

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация: *в статье исследуются основные тенденции социально-экономического развития Московской области. Методическую основу составили методы анализа, сопоставления и обобщения статистических данных. В ходе исследования выявлены рост численности населения и занятости, сокращение безработицы, увеличение денежных доходов населения, заработной платы, инвестиций, объема отгруженной продукции и розничного товарооборота. На основании выявленных тенденций обозначены перспективы дальнейшего развития региона. Они связаны с укреплением экономической базы, развитием инвестиционной активности и снижением зависимости от экономического ядра Московской агломерации.*

Ключевые слова: *население, доходы, экономика, область, развитие, состояние, перспективы.*

Московская область относится к ведущим регионам России по масштабам экономической деятельности. Область входит в Центральный федеральный округ, объединяющий 17 областей и город федерального значения Москву [2]. Вместе со столицей она образует Московскую агломерацию – один из крупнейших центров концентрации капитала, трудовых ресурсов, научной и культурной деятельности страны. Близость г. Москвы выступает существенным фактором развития региона [2]. Взаимодействие со столицей расширяет возможности занятости населения, рынков сбыта и доступа к научно-образовательной и социальной инфраструктуре. При этом преимущества такого соседства распределяются неравномерно, что требует оценки не только масштабов экономики, но и условий жизни населения.

Полагаем, что социально-экономическое развитие Московской области объективно можно оценить по трем взаимосвязанным направлениям: население и трудовые ресурсы, доходы и уровень жизни населения, состояние экономики.

За 2020–2024 гг. численность постоянного населения Московской области увеличилась на 338,8 тыс. человек, или на 4,0% (табл. 1).

Таблица 1

Демографические показатели и показатели рынка труда Московской области за 2020–2024 гг., тыс. чел.

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024	Среднегодовое значение	
						Отклон., +/-	Темп прир., %
Численность постоянного населения	8436,9	8542,3	8591,7	8651,3	8775,7	84,70	0,99
Среднегодовая численность занятых	3676,1	3759,6	3766,4	3991,8	3979,4	75,83	2,03
Численность безработных	150,3	140,5	142,0	124,0	81,4	-17,23	-13,12
Численность пенсионеров	2009	1972	1974	1951	1974	-8,75	-0,43

Наиболее значительный прирост за рассматриваемый период отмечен в 2024 г. – 124,4 тыс. человек [4]. Расширение населения увеличивает потенциальный спрос и потребность в жилье, транспортной и социальной инфраструктуре. Одним из возможных факторов такой динамики является миграционная привлекательность региона, связанная с доступностью рабочих мест в Московской агломерации.

Среднегодовая численность занятых за рассматриваемый период выросла на 8,3%, а численность безработных сократилась на 45,8% [4]. При этом динамика последних двух лет неоднородна. Так, после роста занятости населения в 2023 г., по итогам 2024 года показатель сократился на 12,4 тыс. человек. При этом численность безработных уменьшилась на 34,4% [4]. Полагаем, что это может быть причиной изменения состава рабочей силы и экономической активности населения. Представленная динамика низкой численности безработных и роста заработной платы позволяет предположить, что на рынке труда усиливается конкуренция работодателей за рабочую силу.

Денежные показатели населения демонстрируют устойчивый номинальный рост (табл. 2). Так, за исследуемый период среднедушевые доходы увеличились на 78,6%, а среднемесячная начисленная заработная плата – на 70,8% [4]. Особенно высокие темпы наблюдались в 2023–2024 гг. Ежегодный прирост обоих показателей превышал 17%.

Таблица 2

Денежные показатели Московской области за 2020–2024 гг., руб.

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024	Среднегодовое значение	
						Отклон., +/-	Темп прир., %
Среднедушевые денежные доходы населения в месяц	43332	49213	55746	64870	77409	8519,25	15,64
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата	58066,1	64041,0	70704,6	83195,1	99204,9	10284,70	14,40
Средний размер назначенных пенсий	16805,3	18027,7	20505,1	22071,1	22279,9	1368,65	7,40

Данная тенденция могла складываться под влиянием повышения оплаты труда, конкуренции за кадры и изменения структуры доходов населения. Рост назначенных пенсий был менее интенсивным. За сопоставимый период 2020–2023 гг. их средний размер увеличился на 31,3%, тогда как заработная плата – на 43,3% [4].

Представленные на рисунке 1 показатели отражают увеличение стоимостных масштабов экономической деятельности.

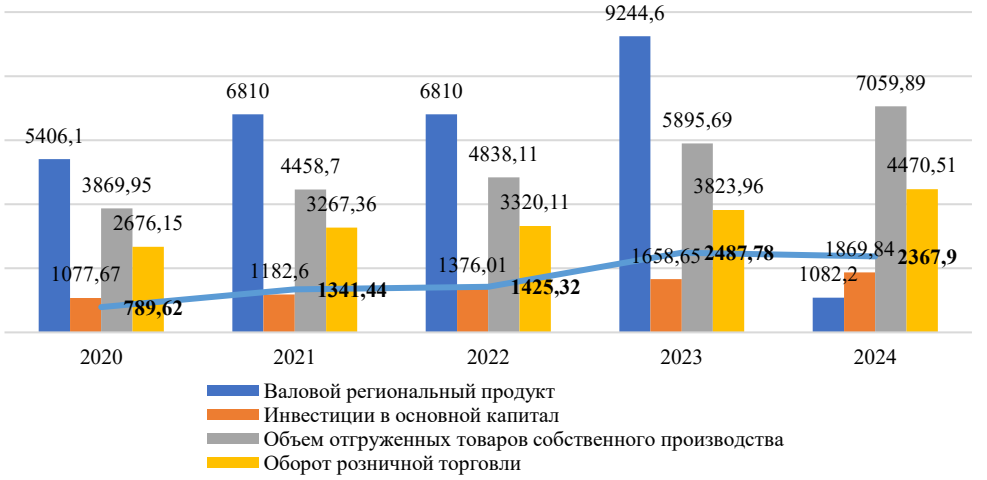

Рис. 1. Динамика основных показателей экономической деятельности Московской области за 2020–2024 гг., млрд руб.

За 2020–2024 гг. объем отгрузки вырос на 82,4%, инвестиции в основной капитал – на 73,5%, оборот розничной торговли – на 67,0% [4]. Инвестиции увеличивались на протяжении всего периода, создавая предпосылки для обновления и расширения производственных мощностей. Вместе с тем в 2024 г. их номинальный прирост замедлился до 12,7% против 20,5% годом ранее [4]. Рост розничного оборота согласуется с увеличением населения и его денежных доходов.

Особого внимания заслуживает снижение сальдированного финансового результата организаций в 2024 г. на 4,8% при одновременном увеличении отгрузки на 19,7% [4]. Расширение экономической деятельности, таким образом, не сопровождалось соответствующим ростом совокупного финансового результата. Возможными причинами могли стать увеличение затрат на оплату труда, сырье и финансирование, а также ухудшение результатов отдельных крупных организаций.

Перспективы социально-экономического развития Московской области, по нашей оценке, связаны с более полным использованием преимуществ ее положения в составе Московской агломерации при одновременном укреплении собственной экономической базы региона. Проведенный анализ показывает рост населения, занятости, денежных доходов, объемов производства и инвестиций. Однако снижение сальдированного финансового результата организаций в 2024 г. указывает на необходимость повышения эффективности экономического роста, а не только наращивания его масштабов.

Существенным резервом остается дальнейшее развитие обрабатывающих производств, инвестиционной и инновационной деятельности, а также формирование новых центров занятости за пределами территорий, непосредственно тяготеющих к Москве [3]. Это позволит частично снизить зависимость регионального рынка труда и бюджетной системы от маятниковой миграции. Её последствия связаны с усилением нагрузки на инфраструктуру и дисбалансом между местом проживания населения, уплатой налогов и получением государственных и муниципальных услуг [6]. В качестве одного из направлений предлагается развитие самостоятельных точек экономического роста, в том числе, на основе особых экономических зон и механизмов территориальной концентрации инвестиций [6].

Соглашаясь с мнением Зубаревич Н.В., перспективным считаем перенос части промышленных функций из Москвы во внешнюю зону агломерации [1]. Также дальнейшее развитие Московской области целесообразно связывать с укреплением собственной налоговой и производственной базы, расширением инфраструктуры в быстрорастущих муниципалитетах и созданием рабочих мест высокой производительности внутри региона. В совокупности это

создает предпосылки для более сбалансированной модели развития, при которой экономический рост будет сопровождаться снижением диспропорций внутри агломерации и повышением устойчивости социальной и бюджетной систем области.

Список литературы

1. Зубаревич, Н. В. Экономическое развитие столичной агломерации после расширения Москвы / Н. В. Зубаревич // Геоурбанистика и градостроительство: теоретические и прикладные исследования. – Москва : Географический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 2021. – С. 141–154.

2. Московская область в цифрах. 2025 : краткий статистический сборник / Управление ФСГС по г. Москве и Московской области (Мосстат). – Москва, 2026. – 136 с. – URL: https://77.rosstat.gov.ru/Moskovskaya_oblast (дата обращения: 29.09.2026). – Текст : электронный.

3. Социально-экономическое положение Московской области в январе-июле 2026 года : доклад / Управление ФСГС по г. Москве и Московской области (Мосстат). – Москва, 2026. – 144 с. – URL: https://77.rosstat.gov.ru/Moskovskaya_oblast (дата обращения: 29.09.2026). – Текст : электронный.

4. Статистический ежегодник «Московская область». 2025 : статистический сборник / Управление ФСГС по г. Москве и Московской области (Мосстат). – 2025. – 226 с. – 2025. – URL: https://77.rosstat.gov.ru/Moskovskaya_oblast (дата обращения: 29.09.2026). – Текст : электронный.

5. Хамалинская, В. В. Проблемы обеспечения устойчивого социально-экономического развития г. Москвы / В. В. Хамалинская // Современные парадигмы устойчивого развития региональных социально-экономических систем. – Гатчина, 2025. – С. 284–288.

6. Швеева, Е. И. Анализ социально-экономического развития Московской области / Е. И. Швеева, И. Ю. Конищев // Дни студенческой науки : сборник статей по материалам XVI Всероссийского форума молодых ученых и студентов, Москва, 25 октября 2024 года. – Москва, 2025. – С. 491–495.

Кириенко Елена Анатольевна
бакалавр, преподаватель
Рубцовский институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»
г. Рубцовск, Алтайский край

ИНТЕРНЕТ-ПОРТАЛ «ГОСУСЛУГИ» В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК МОЛОДЁЖИ ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Аннотация: *в статье рассматривается роль интернет-портала «Госуслуги» в повседневных социальных практиках молодёжи. Анализируются возможности электронного взаимодействия граждан с государством, значение цифровых сервисов при получении документов, оформлении выплат, решении образовательных и трудовых вопросов, а также ограничения, связанные с цифровыми компетенциями, доверием к электронным каналам и защитой персональных данных. Обосновывается оценка доступность портала по техническим характеристикам, по пользовательскому опыту молодёжи. Предлагаются направления социологического изучения использования портала на примере молодёжи г. Рубцовска.*

Ключевые слова: *интернет-портал «Госуслуги», молодёжь, цифровизация, электронное государство, социальные практики, цифровое неравенство, социологическое исследование, Рубцовск.*

Введение.

Цифровизация государственного управления становится одним из заметных направлений трансформации общественных отношений. Электронные сервисы меняют способы получения информации, подачи обращений и взаимодействия граждан с государственными и муниципальными учреждениями.

Особое значение эти изменения имеют для молодёжи, поскольку на этапе перехода к самостоятельной взрослой жизни молодые люди сталкиваются с необходимостью оформлять документы, поступать в образовательные организации, искать работу, пользоваться иными мерами поддержки. Электронные государственные сервисы сокращают временные затраты,

упрощают доступ к информации, однако наличие цифрового сервиса не означает, что все пользователи обладают равными возможностями.

Цель статьи – рассмотреть возможности и ограничения использования портала «Госуслуги» в системе социальных практик молодёжи и обозначить направления социологического исследования этой темы на примере г. Рубцовска. Работа основана на анализе нормативных актов и научных подходов к цифровизации государственного управления, социальному конструированию реальности, цифровому неравенству. Статья не представляет результаты завершённого опроса; эмпирические выводы о молодёжи Рубцовска должны формулироваться на основании собранных данных.

Правовую основу предоставления государственных и муниципальных услуг определяет Федеральный закон от 27 июля 2010 г. №210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [3], который закрепляет общие принципы предоставления услуг, права заявителей и требования к взаимодействию органов власти с гражданами.

Портал «Госуслуги» выступает одним из каналов доступа к государственным и муниципальным услугам и информации о них.

С социологической точки зрения цифровой портал представляет интерес как посредник, организующий определённый порядок взаимодействия гражданина и государства. Интерфейс задаёт последовательность действий, предлагает категории обращений, формулирует требования к документам и отображает результаты обработки заявления.

Теоретически данный процесс может быть рассмотрен через концепцию социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана, согласно которой устойчивые социальные порядки формируются и воспроизводятся через человеческую деятельность, институционализацию и усвоение общепринятых значений [1]. Регулярное использование электронного портала может постепенно превращаться в привычную социальную практику: пользователь начинает воспринимать цифровой канал как обычный способ обращения к государству.

Молодёжь неоднородна по социальному положению, образовательному уровню, занятости, месту проживания и опыту использования цифровых технологий. Поэтому анализ взаимодействия молодых граждан с порталом не должен исходить из предположения, что все представители этой возрастной группы одинаково уверенно пользуются электронными сервисами. Навыки повседневного общения в интернете не всегда совпадают с умением понимать юридические формулировки, оформлять официальные заявления.

Одним из направлений использования электронных государственных сервисов является решение документальных вопросов. Для молодых людей актуальными могут быть получение и замена документов, оформление регистрации, запись на приём в учреждения. Электронный формат способен сократить количество личных визитов, за исключением очного подтверждения личности.

Другим направлением является доступ к социальным и образовательным возможностям. В зависимости от действующих правил электронные каналы могут помогать гражданам получать информацию о пособиях, льготах, образовательных процедурах и иных мерах поддержки. Молодому человеку необходимо понимать не только то, где находится услуга, но и кто имеет право на её получение, какие документы нужны и какие сроки установлены.

В сфере трудовых отношений цифровые сервисы могут быть полезны при получении официальных сведений и оформлении процедур, связанных с трудовой деятельностью и статусом гражданина. Портал не заменяет всю систему трудоустройства и социальной поддержки.

Использование цифровых государственных услуг может влиять и на восприятие государства. Понятный интерфейс, своевременные уведомления и предсказуемые сроки способны укреплять ощущение доступности институциональной среды. Технические сбои, непонятные статусы заявлений наоборот могут снижать удовлетворённость пользователей.

Несмотря на преимущества, электронные государственные услуги сопровождаются ограничениями, среди них цифровое неравенство, которое проявляется в различиях доступа к

интернету и устройствам, в различиях навыков, способности самостоятельно решать нестандартные задачи.

Второе ограничение касается доверия и восприятия безопасности. Для обращения к цифровому государственному сервису пользователю необходимо передавать, подтверждать сведения, имеющие личный характер. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. №152-ФЗ «О персональных данных» устанавливает правовые требования к обработке персональных данных [4].

Третья группа ограничений связана со сложностью административного языка и логики цифровых процедур. Формулировки, понятные специалистам, могут быть затруднительны для пользователей. Если инструкция не раскрывает действия, а система сообщает об ошибке без объяснения причины, электронный формат не обязательно упрощает получение услуги.

Наконец, необходимо учитывать, когда некоторые услуги требуют личного присутствия, проверки документов, участия нескольких организаций.

Практическая ценность такого исследования заключается в возможности определить, какие функции портала востребованы молодёжью, какие этапы вызывают затруднения и какие меры могут улучшить цифровое взаимодействие. Полученные данные могут быть полезны для разработки рекомендаций по информированию молодых граждан, повышению цифровой грамотности и совершенствованию консультационной поддержки

Заключение.

Интернет-портал «Госуслуги» является значимым каналом взаимодействия граждан с государством и может занимать важное место в повседневных социальных практиках молодёжи. Его использование потенциально облегчает получение информации, подачу заявлений и отслеживание отдельных административных процедур. Вместе с тем фактическая доступность сервиса определяется не только техническими возможностями, но и понятностью интерфейса, цифровыми компетенциями пользователей, правовой определённостью и доверием к электронному взаимодействию.

Список литературы

1. Бергер, П. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – Москва : Медиум, 1995. – 323 с. – URL: https://geum.ru/next/art-306568.php (дата обращения: 16.10.2026). – Текст : электронный.

2. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг : Федеральный закон : от 27.07.2010 №210-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 31. – Ст. 4179.

3. Добролюбова, Е. И. Перспективы цифровизации российского государственного управления: анализ ведомственных программ цифровой трансформации / Е. И. Добролюбова, И. С. Шемончук // Государство и граждане в электронной среде. – 2021. – № 5. – URL: https://ojs.itmo.ru/index.php/SCEE/article/view/1263 (дата обращения: 16.10.2026). – Текст : электронный.

4. Кандрина, Н. А. Государственные услуги в системе современного российского государственного управления / Н. А. Кандрина // Российско-азиатский правовой журнал. – URL: https://ralj.ru/article/view/6444. – Текст : электронный.

5. На Госуслугах появятся 70 федеральных и 425 региональных сервисов «жизненные ситуации» // Цифровая платформа Забайкальского края. – URL: https://digital.zo.gov.ru/novosti/na_goslugax_poyavyatsya_70_federalnyx_i_425_regionalnyx_servisov_zhiznennye_situacii (дата обращения: 16.10.2026). – Текст : электронный.

6. На Едином портале госуслуг появился раздел с прототипами первых пяти суперсервисов // ГАРАНТ.РУ. – URL: https://www.garant.ru/news/1285373/ (дата обращения: 16.10.2026). – Текст : электронный.

Кириенко Елена Анатольевна
бакалавр, преподаватель
Рубцовский институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»
г. Рубцовск, Алтайский край

СУПЕРСЕРВИСЫ КАК НОВАЯ ФОРМА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ

Аннотация: *в статье рассматриваются суперсервисы как современная форма предоставления государственных услуг в условиях цифровой трансформации государственного управления. Раскрываются особенности их функционирования, анализируются преимущества для граждан, связанные с сокращением временных и административных издержек, повышением доступности и прозрачности государственных услуг. Особое внимание уделяется проблемам цифрового неравенства, защиты персональных данных и необходимости сохранения альтернативных способов получения государственных услуг. Обосновывается вывод о том, что эффективность суперсервисов определяется не только уровнем технологического развития, но и степенью ориентации государственных органов на потребности граждан.*

Ключевые слова: *суперсервисы, государственные услуги, цифровизация, электронное правительство, портал «Госуслуги», цифровое государство, прозрачность, доступность услуг, взаимодействие граждан и государства.*

Введение.

Цифровая трансформация государственного управления способствует переходу к сервисной модели, ориентированной на потребности граждан. В отличие от традиционного порядка, требующего посещения ведомств и сбора документов, электронные решения упрощают административные процедуры. Одним из таких решений являются суперсервисы, объединяющие взаимосвязанные государственные услуги в рамках одной жизненной ситуации и позволяющие получать их через единый цифровой интерфейс.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью оценить не только технологические возможности суперсервисов, но и их фактическое значение для удобства, доступности и прозрачности взаимодействия граждан с государством.

Цель статьи – определить основные преимущества и ограничения суперсервисов как новой формы предоставления государственных услуг и оценить их влияние на качество взаимодействия граждан с органами публичной власти.

Развитие электронного правительства первоначально было связано с переводом отдельных административных процедур в цифровой формат. На следующем этапе возникла необходимость объединения разрозненных услуг в комплексные решения, позволяющие гражданам получать необходимые результаты в рамках одного процесса.

Под суперсервисом следует понимать комплексный цифровой сервис, который объединяет несколько взаимосвязанных государственных услуг, информационных ресурсов и административных процедур для решения конкретной жизненной ситуации гражданина или организации. В отличие от обычной электронной услуги, предполагающей выполнение отдельного действия, суперсервис ориентирован на достижение комплексного результата.

Например, рождение ребёнка сопровождается необходимостью оформления документов, регистрации рождения, решения вопросов социального обеспечения, медицинского обслуживания и устройства ребёнка в образовательные учреждения. При традиционной модели гражданину приходится самостоятельно определять последовательность необходимых действий. Комплексный цифровой сервис позволяет объединить соответствующие процедуры, предоставить инструкции и, при наличии технической возможности, автоматически использовать сведения, уже содержащиеся в государственных информационных системах.

Важным направлением развития данной модели в Российской Федерации стали сервисы «жизненные ситуации», реализуемые в рамках проекта «Государство для людей». По данным Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 29 августа 2025 г., такими сервисами воспользовались более 15 млн человек. Согласно опубликованным данным, внедрение федеральных сервисов позволило сократить количество необходимых документов на 29%, время получения услуг – на 35%, а число посещений государственных ведомств – на 64% [1].

Указанные показатели свидетельствуют о практической значимости комплексного подхода к организации государственных услуг. Вместе с тем их следует рассматривать как заявленные результаты реализации соответствующих сервисов, а не как универсальные показатели эффективности всех суперсервисов. Их основная задача состоит в сокращении административной нагрузки на гражданина и повышении результативности взаимодействия с государством. Основными преимуществами суперсервисов являются экономия времени, сокращение объёма документов, повышение предсказуемости административных процедур и территориальной доступности государственных услуг. Электронный формат позволяет получать услуги дистанционно, отслеживать статус обращений и сокращать необходимость личного посещения ведомств. Межведомственный обмен данными также уменьшает потребность в повторном предоставлении документов, упрощая взаимодействие граждан с государством.

Таким образом, повышение удобства услуг требует понятных интерфейсов, технической поддержки и сохранения возможности очного обслуживания в государственных учреждениях и МФЦ.

Наряду с удобством важным результатом цифровизации выступает повышение прозрачности взаимодействия граждан с государственными органами. Под прозрачностью в данном контексте понимается возможность получать достоверную информацию о порядке предоставления услуги, сроках рассмотрения обращения, необходимых документах и результатах административных действий.

Суперсервисы повышают прозрачность взаимодействия граждан с государством благодаря возможности отслеживать статус заявлений, получать уведомления и контролировать сроки оказания услуг. Однако технические сбои, недостаток информации о причинах решений и сложности обратной связи могут снижать доверие пользователей. Важным условием эффективной работы суперсервисов также является защита персональных данных. Следовательно, прозрачность предполагает не только информирование о ходе обращения, но и доступность разъяснений, механизмов обжалования и сведений об обработке персональной информации.

Развитие суперсервисов сопровождается рядом проблем, включая цифровое неравенство, технические сбои, недостаточную согласованность государственных информационных систем и риски утечки персональных данных. Для их решения необходимо повышать цифровую грамотность населения, совершенствовать межведомственный обмен информацией и обеспечивать надёжную защиту данных. Эффективность суперсервисов следует оценивать не только по числу пользователей, но и по скорости и качеству оказания услуг, удовлетворённости граждан и доступности цифровых решений. Важную роль также играет обратная связь, позволяющая своевременно выявлять ошибки и совершенствовать работу сервисов.

Заключение.

Таким образом, суперсервисы являются перспективным инструментом цифровизации государственных услуг, позволяющим экономить время граждан, упрощать административные процедуры и повышать прозрачность взаимодействия с государством. Однако их эффективность зависит от качества межведомственного взаимодействия, защиты персональных данных и доступности для различных групп населения. Дальнейшее развитие суперсервисов должно основываться на потребностях граждан, совершенствовании обратной связи и

обеспечении надёжности цифровых решений, что будет способствовать повышению качества государственного управления и доверия общества к государству.

Список литературы

1. Более 15 млн человек воспользовались сервисами «жизненные ситуации» // Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. – 29.08.2025. – URL: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/fp_gdl/news/8 (дата обращения: 16.10.2026). – Текст : электронный.

2. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг : Федеральный закон : от 27.07.2010 №210-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 31. – Ст. 4179.

3. Добролюбова, Е. И. Перспективы цифровизации российского государственного управления: анализ ведомственных программ цифровой трансформации / Е. И. Добролюбова, И. С. Шемончук // Государство и граждане в электронной среде. – 2021. – № 5. – URL: https://ojs.itmo.ru/index.php/SCEE/article/view/1263 (дата обращения: 16.10.2026). – Текст : электронный.

4. Кандрина, Н. А. Государственные услуги в системе современного российского государственного управления / Н. А. Кандрина // Российско-азиатский правовой журнал. – URL: https://ralj.ru/article/view/6444. – Текст : электронный.

5. На Госуслугах появятся 70 федеральных и 425 региональных сервисов «жизненные ситуации» // Цифровая платформа Забайкальского края. – URL: https://digital.zo.gov.ru/novosti/na_goslugax_poyavyatsya_70_federalnyx_i_425_regionalnyx_servisov_zhiznennye_situacii (дата обращения: 16.10.2026). – Текст : электронный.

6. На Едином портале госуслуг появился раздел с прототипами первых пяти суперсервисов // ГАРАНТ.РУ. – URL: https://www.garant.ru/news/1285373/ (дата обращения: 16.10.2026). – Текст : электронный.

Korshunova Veronika Yuryevna
Master's student
Reshetnev Siberian State University of Science and Technology
Krasnoyarsk, Krasnoyarsk region

LOGICAL CLASSIFICATION ALGORITHM FOR PHISHING DOMAIN DETECTION IN CYBERSECURITY ANALYSIS

Abstract: *this study investigates the application of decision trees for detecting phishing domains based on URL attributes. A logical classification algorithm searching for conjunctive patterns was applied to a dataset comprising 112 structural and server-related features. The decision tree model achieved an error rate of 3.26%. Key significant factors identified include the quantity of slashes in the URL (40.3%), domain activation time (16.8%), and directory length (14.06%). The results confirm the high efficiency and interpretability of rule-based machine learning for cybersecurity threat mitigation.*

Keywords: *cybersecurity, phishing domains, machine learning, decision tree, threat detection.*

Коршунова Вероника Юрьевна
студентка
ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет
науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева»
г. Красноярск, Красноярский край

ЛОГИЧЕСКИЙ АЛГОРИТМ КЛАССИФИКАЦИИ ДЛЯ ОБНАРУЖЕНИЯ ФИШИНГОВЫХ ДОМЕНОВ ПРИ АНАЛИЗЕ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация: *в статье рассматривается применение деревьев решений для обнаружения фишинговых доменов на основе атрибутов URL-адресов. Логический алгоритм классификации, осуществляющий поиск конъюнктивных закономерностей, был применен к набору данных, включающему 112 структурных и серверных признаков. Модель дерева решений достигла уровня ошибки 3,26%. Ключевыми значимыми факторами, выявленными в ходе исследования, стали: количество косых черт (слэшей) в URL-адресе (40,3%), время активации*

домена (16,8%) и длина каталога (14,06%). Полученные результаты подтверждают высокую эффективность и интерпретируемость методов машинного обучения на основе правил для минимизации угроз кибербезопасности.

Ключевые слова: *кибербезопасность, фишинговые домены, машинное обучение, дерево решений, обнаружение угроз.*

Introduction: in the modern digital landscape, phishing remains one of the most prevalent cyberattack vectors, utilizing deceptive websites to harvest confidential information. Detecting malicious domains requires robust analytical tools capable of processing high-dimensional URL features. Machine learning (ML), particularly supervised classification, has emerged as a critical component in threat intelligence. Among various algorithms, decision trees offer a transparent, rule-based structure that facilitates the identification of hidden patterns characterizing phishing endeavors while maintaining high computational efficiency.

Methodology: the research utilizes a comprehensive dataset of URL attributes tailored for phishing domain identification. The dataset encompasses 112 columns, including character counts, domain registration parameters, SSL certificate statuses, and server response metrics. The target variable is a binary phishing indicator (0 or 1). Data preprocessing involved handling missing values, outlier elimination, and correlation analysis with a 0.05 threshold to remove insignificant features. The primary classification algorithm employed is a decision tree, which constructs a hierarchical model of decisions based on feature splits. This approach is highly suitable for cybersecurity tasks due to its ability to process both categorical and numerical data and automatically perform feature selection.

Results: the constructed decision tree model demonstrated high predictive accuracy, yielding an error rate of merely 3.26%. The algorithmic transparency allowed for the extraction of attribute significance, revealing the most critical indicators of phishing activity:

- *Quantity of slashes in the URL (qty_slash_url):* Contributing 40.3% to the model, a high number of slashes often indicates deep nesting or complex site structures designed to mimic legitimate resources;

- *Domain activation time (time_domain_activation):* Accounting for 16.8%, recently registered domains are frequently utilized for transient phishing campaigns;

- *Directory length (directory_length):* With a 14.06% weight, elongated directory paths often signify obfuscation attempts to exploit user trust.

Conclusion: the logical classification algorithm based on decision trees proves to be a powerful tool for phishing domain detection. The low error rate (3.26%) combined with high interpretability enables security analysts to understand attacker strategies and develop adaptive blocking rules. Future research will focus on integrating ensemble methods to further reduce false positives in dynamic threat landscapes.

References

1. Razrabotka algoritma avtomaticheskoi klassifikatsii narushennykh gornymi rabotami zemel' po dannym distantsionnogo zondirovaniya [Development of an algorithm for automatic classification of lands disturbed by mining operations based on remote sensing data] / O. S. Ermolaeva, A. A. Stupina, S. I. Gorbachev, G. V. Korableva // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Nauki o Zemle [News of the Tula State University. Earth Sciences]. – 2026. – No. 3. – P. 167–180.

2. Kleshko I. I. Primenenie algoritmov mashinnogo obucheniya dlya vyyavleniya anomal'nykh pokazanii datchikov kar'ernogo vodootliva [Application of machine learning algorithms for detecting anomalous readings of quarry drainage sensors] / I. I. Kleshko, I. A. Vakhrusheva, G. V. Korableva // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Nauki o Zemle [News of the Tula State University. Earth Sciences]. – 2026. – No. 3. – P. 235–248.

3. Interpretiruemye modeli mashinnogo obucheniya v zadachakh otsenki ekologicheskoi i promyshlennoi bezopasnosti gornodobyvayushchikh predpriyatii [Interpretable machine learning models in tasks of assessing environmental and industrial safety of mining enterprises] / L. A. Kazakovtsev, A. S. Prudkii, I. A. Vakhrusheva, A. N. Losev // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Nauki o Zemle [News of the Tula State University. Earth Sciences]. – 2026. – No. 1. – P. 169–174. – EDN GNIXFD.

4. Integratsiya geoinformatsionnykh sistem i algoritmov iskusstvennogo intellekta dlya monitoringa geotekhnicheskoi ustoichivosti ob»ektov gornoi infrastruktury [Integration of geographic information systems and artificial intelligence algorithms for monitoring geotechnical stability of mining infrastructure objects] / L. A. Kazakovtsev, A. S. Prudkii, I. A. Vakhrusheva, M. S. Nikanorov // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Nauki o Zemle [News of the Tula State University. Earth Sciences]. – 2026. – No. 1. – P. 354–359. – EDN EGFSPA.

5. Intellektual'naya model' prognozirovaniya ob»emov obrazovaniya otkhodov na osnove metodov mashinnogo obucheniya [Intelligent model for forecasting waste generation volumes based on machine learning methods] / T. A. Panfilova, V. S. Tynchenko, B. V. Potapov, M. S. Nikanorov // Ustoichivoe razvitie gornykh territorii [Sustainable Development of Mountain Territories]. – 2026. – Vol. 18, No. 2 (68). – P. 1107–1120. – DOI 10.21177/1998-4502-2026-18-2-1107-1120. – EDN GTTEPG.

6. Panfilov I. A. Neirosetevoi metod operezhayushchego vyyavleniya predavariinykh peregruzok v rudnichnykh raspredelitel'nykh setyakh [Neural network method for early detection of pre-emergency overloads in mine distribution networks] / I. A. Panfilov, M. V. Zhuravlev, E. F. Malykha // Bezopasnost' truda v promyshlennosti [Occupational Safety in Industry]. – 2026. – No. 7. – P. 7–13. – DOI 10.24000/0409-2961-2026-7-7-13.

Леканова Екатерина Евгеньевна
аспирант
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
университет им. П.Г. Демидова»
г. Ярославль, Ярославская область

АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ НАЛОГОВЫХ ОРГАНОВ

Аннотация: *в статье производится анализ эффективности деятельности сотрудников налоговых органов. В первую очередь анализ эффективности деятельности сотрудников налоговых органов предполагает оценку их результатов посредством количественных и качественных показателей. Кроме указанных стандартных методов анализа эффективности деятельности сотрудников налоговых органов, в некоторых налоговых органах практикуют метод деловой игры, метод групповой дискуссии и метод «тайного клиента». Также автором сделан вывод о том, что собираемость налогов и сборов зависит также от эффективного функционирования мобильных приложений и сайта налоговых органов.*

Ключевые слова: *налоговые органы, количественные методы, метод деловой игры, метод групповой дискуссии, метод «тайного клиента», мобильные приложения, сайт ФНС.*

Доля налоговых поступлений в консолидированном бюджете Российской Федерации составляет около 60% – 70% от общего объема доходов [1, с. 117]. Иными словами, большая часть финансовых ресурсов, необходимых для развития Российской Федерации, появляется в бюджете благодаря усилиям налоговых органов. Эффективная работа налоговых органов является гарантом устойчивости экономики и экономического благосостояния государства [2, с. 50]. Без рациональной системы оценки эффективности деятельности сотрудников налоговых органов невозможно выявить проблемные моменты и усовершенствовать механизм работы налоговой системы [3, с. 17].

В налоговой сфере под эффективностью подразумевают отношение итогов деятельности к расходам на их осуществление, поэтому наиболее показательными считаются характеристики, вычисленные через сведения о поступлениях налогов и сборов в бюджеты всех уровней, и затраты на содержание налоговых органов [3, с. 22].

В первую очередь анализ эффективности деятельности сотрудников налоговых органов предполагает оценку их результатов посредством количественных и качественных показателей.

К количественным показателями анализа эффективности деятельности сотрудников налоговых органов относятся, прежде всего, объем и своевременность выполнения плановых заданий сотрудниками налоговых органов и коэффициент собираемости налогов (отношение

поступивших налогов и сборов к начисленным суммам налогов и сборов). Кроме того, Ю.Н. Солнышкова также в качестве количественных показателей эффективности деятельности сотрудников налоговых органов называет показатель эффективности налоговых проверок (отношение доначисленных сумм налогов и сборов к затратам на налоговые проверки) и показатель эффективности взыскания налоговой задолженности (отношение поступившей суммы налоговой задолженности к затратам на содержание налогового органа или к затратам на содержание отдела по урегулированию налоговой задолженности) [4, с. 51]. Также в некоторых случаях отдельно выделяют такой количественный показатель как процент судебных решений по налоговым делам в пользу налоговых органов.

В свою очередь, к разряду показателей качества деятельности сотрудников налоговых органов принадлежат, в частности, уровень владения профессиональными компетенциями в области налогообложения и степень удовлетворенности налогоплательщиков деятельностью сотрудников налоговых органов.

Кроме указанных стандартных методов анализа эффективности деятельности сотрудников налоговых органов, А.С. Тростин и А.А. Пеньевская предлагают использовать также следующие методы: метод деловой игры, метод групповой дискуссии и метод «тайного покупателя» [5, с. 133].

Метод деловой игры предполагает наличие определенного сценария, в соответствии с которым «игроки» выполняют реальные действия в условиях игровой обстановки [6, с. 610; 7, с. 35]. В частности, задействуя данный метод, сотрудники налоговых органов воссоздают обстановку определенной профессиональной ситуации, связанной с налоговой сферой, и примеряют на себя роли руководителей налоговых органов, сотрудников налоговых органов и клиентов, обыгрывая конкретную ситуацию. После окончания игрового процесса анализируются допущенные ошибки, обсуждается полученный опыт, формируются рекомендации для реальной деятельности налоговых органов. Метод деловой игры позволяет оценить уровень стрессоустойчивости, коммуникабельность, скорость адаптации к быстро меняющимся условиям, умение работать в команде [5, с. 134].

Метод групповой дискуссии при оценке эффективности деятельности сотрудников налоговых органов построен на основе обмена мнениями по налоговым вопросам между сотрудниками налоговых органов, совместном анализе ими профессиональных задач и коллективной выработке решений по ним. Метод групповой дискуссии позволяет выявить наиболее активных, эрудированных и коммуникабельных сотрудников.

Метод «тайного клиента» применяется втайне от рядовых сотрудников налоговых органов. Руководители налоговых органов привлекают налогоплательщиков для оценки конкретных услуг налоговых органов (например, получение налогового вычета), предоставляя им список критериев, по которым следует оценивать работу сотрудника налогового органа. Метод «тайного клиента» позволяет выявить налоговых сотрудников, избегающих сложных расчетов и иных трудных задач, которые без реальных на то оснований перенаправляют клиента к другим сотрудникам, либо сотрудников, не обладающих достаточной долей самостоятельности, которые привлекают в помощь более опытных сотрудников, отрывая их от собственной работы. Кроме того, указанным методом могут быть выявлены и иные недостатки в деятельности налоговых органов.

Кроме того, собираемость налогов и сборов зависит также от эффективного функционирования мобильных приложений и сайта налоговых органов. В эпоху цифровизации многие налоговые вопросы могут быть решены дистанционно через сайт ФНС в личных кабинетах налогоплательщиков или в мобильных приложениях «Налоги ФЛ», «Мой налог» (для самозанятых граждан, уплачивающих налог на профессиональный доход), «Личный кабинет предпринимателя». В связи с этим в обязанности сотрудников налоговых органов входит обеспечение бесперебойной работы указанной «цифровой инфраструктуры», удачная работа которой также является показателем эффективности деятельности сотрудников налоговых органов.

Список литературы

1. Налоговые поступления как источник дохода бюджета Российской Федерации / Н. М. Сергеева, В. И. Стекачев, Е. Ю. Перькова, О. С. Семерова // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2024. – № 5–1. – С. 116–121.
2. Мороз, В. В. Показатели эффективности работы налоговых органов / В. В. Мороз, С. В. Мороз // Проблемы экономики и юридической практики. – 2018. – № 2. – С. 50–52.
3. Бредихина, К. В. Эффективность деятельности налоговых органов РФ: подходы к ее оценке и планированию / К. В. Бредихина, Е. А. Бадеева, И. В. Сазонова // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. – 2017. – № 4. – С. 22–34.
4. Солнышкова, Ю. Н. Анализ и оценка эффективности деятельности налоговых органов (на примере Саратовской области) / Ю. Н. Солнышкова // Наука и общество. – 2019. – № 3. – С. 50–56.
5. Пеньевская, А. А. Оценка эффективности деятельности государственных гражданских служащих (на примере сотрудников налоговых органов) / А. А. Пеньевская, А. С. Тростин // Финансовая экономика: актуальные вопросы развития : сборник трудов III международной студенческой научной конференции. – Хабаровск: ХГУЭП, 2020 – С. 131–135.
6. Злобин, С. М. Метод и базовые модели деловой игры / С. М. Злобин, И. В. Соловьев // Cloud of science. – 2018. – Т. 5, № 4. – С. 608–619.
7. Канеева, Ю. Р. Система мониторинга кадрового потенциала государственной и муниципальной службы в регионе как инновационный механизм повышения эффективной деятельности служащих / Ю. Р. Канеева // Вестник Поволжской академии государственной службы. – 2010. – № 4. – С. 34–40.

Лугин Александр Викторович
магистрант
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
г. Краснодар, Краснодарский край

DOI 10.31483/r-169739

ИНВЕСТИРОВАНИЕ В ДРАГОЦЕННЫЕ МЕТАЛЛЫ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПОРТФЕЛЯ ЧАСТНОГО ИНВЕСТОРА

Аннотация: *в статье рассматривается проблема выбора драгоценных металлов для инвестиций физического лица. Вопросы формирования инвестиционных портфелей частных инвесторов на основе инвестиций драгоценные металлы в условиях российского рынка остаются недостаточно изученными. Целью исследования является обоснование выбора драгоценных металлов для включения в консервативный инвестиционный портфель частного инвестора на основе анализа инвестиционной привлекательности вложений в различные виды драгоценных металлов. На основе предложенной автором системы показателей-критериев (доходность, порог входа), проведена оценка инвестиционной привлекательности золота, серебра, платины и палладия с учетом их доходности, риска и ликвидности. Предложенный подход, а также результаты проведенного анализа целесообразности инвестиций в золото, серебро, платину и палладий могут быть использованы частными инвесторами для принятия обоснованных решений об инвестировании средств в драгоценные металлы.*

Ключевые слова: *инвестиционный портфель, золото, серебро, платина, палладий, драгоценные металлы, обезличенный металлический счет, ОМС.*

Введение. В современных условиях российской экономики, характеризующихся низкими темпами роста, усиливающимся инфляционным давлением, нарастанием рисков стагфляции, жестким денежно-кредитным регулированием, традиционные для частных инвесторов финансовые инструменты накопления и защиты от финансовых рисков, такие как банковские вклады, иностранная валюта, облигации, теряют свою эффективность. Это стимулирует интерес к альтернативным сферам финансового инвестирования, в частности, к рынку драгоценных металлов. Актуальность темы статьи обусловлена тем, что вопросы обоснованного выбора частным инвестором объекта инвестирования на российском рынке драгоценных металлов в целях формирования консервативного инвестиционного портфеля остаются

недостаточно изученными. Цель данной статьи заключается в выборе драгоценных металлов для включения в инвестиционный портфель частного инвестора для того, чтобы диверсифицировать инвестиционный портфель, как наиболее выгодных инвестиционных активов.

Исходной гипотезой является предположение, в актуальных условиях отечественного рынка включение драгоценных металлов в портфель частного инвестора будет способствовать повышению его устойчивости, что связано со стабильной доходностью, умеренным уровнем риска и достаточной ликвидностью этих активов в среднесрочной перспективе.

Практика показывает, что различные виды драгоценных металлов характеризуются различным уровнем доходности, ликвидности и риска, что существенно влияет на привлекательность каждого из них для инвесторов. В этой связи необходимо исследовать драгоценные металлы, представленные на российском рынке, для включения их в консервативный инвестиционный портфель частного инвестора.

Таким образом, объектом исследования являются драгоценные металлы, как инвестиционный товар, представленный на отечественном финансовом рынке, а для достижения поставленной цели предполагается решить следующие задачи.

1. Определить критерии и провести сравнительный анализ видов драгоценных металлов с точки зрения их привлекательности для частного инвестора.

2. Проанализировать особенности видов и форм инвестирования денежных средств физическим лицом в драгоценные металлы.

3. Предложить рекомендации по включению в инвестиционный портфель драгоценных металлов, представленных на отечественном рынке.

В ходе исследования актуальных данных о драгоценных металлах на российском рынке за период 2020–2025 годы использованы различные методы: сравнительный и системный анализ, статистический и графический методы анализа. Выполнена оценка инвестиционной привлекательности драгоценных металлов по критериям доходности, риску и ликвидности.

Основные понятия.

Инвестиции – это вложения капитала с целью его сохранения или приумножения. Важным этапом процесса инвестирования является выбор объекта инвестирования. В качестве объекта инвестиций частного инвестора, могут выступать различные финансовые и нефинансовые активы. Особое место, как показывает практика, среди инвестиционных товаров занимают драгоценные металлы, обладающие специфическими свойствами, привлекающих инвестора в условиях нарастания экономической неопределенности.

В соответствии с законодательством РФ: «Драгоценные металлы – золото, серебро, платина и металлы платиновой группы (палладий, иридий, родий, рутений и осмий). Драгоценные металлы могут находиться в любом состоянии, виде, в том числе в самородном и аффинированном виде, а также в сырье, сплавах, полуфабрикатах, промышленных продуктах, химических соединениях, ювелирных и других изделиях, монетах, ломе и отходах производства и потребления» (ст. 1 №41-ФЗ) [2]. Необходимо заметить, что определение законодателя вмещает в себя перечисление и тех драгоценных металлов, которых фактически нет на финансовом рынке (иридий, родий, рутений и осмий), а также объектов, содержащих драгоценные металлы, которые также не представлены на указанном рынке.

Драгоценные металлы с позиции инвестирования – это способ сохранить и приумножить капитал, который защищает от инфляции и системный рисков, имеет потенциал роста и снижает риск инвестиционного портфеля, благодаря диверсификации [9]. С позиции частного инвестора, драгоценные металлы – это инструмент для диверсификации портфеля и защиты капитала от гиперинфляции, обвала фондового рынка, дефолта, заморозки банковских счетов, краха мировой экономики [10]. Инвестиции в драгоценные металлы позволяют защитить инвестиции от инфляции и девальвации рубля, имеют потенциал роста и низкую корреляцию с акциями и облигациями. В соответствии с действующим в РФ законодательством частный инвестор может приобрести четыре драгоценных металла: золото, серебро, платину и палладий [4]. При этом он вправе использовать следующие способы инвестирования:

физические слитки, инвестиционные монеты, обезличенный металлический счет (далее – ОМС), биржевые инструменты [3], что позволит достичь диверсификации инвестиционного портфеля [15].

Для инвестора важны такие показатели инвестиционного качества драгоценных металлов, как: стоимость, изменчивость стоимости, ликвидность, налоги, доходность и риск [9].

Хоть физическим лицам и доступны различные способы инвестирования в драгоценные металлы в числе которых покупка физического металла (слитки и монеты) в коммерческих банках, открытие обезличенного металлического счета (ОМС), приобретение биржевых активов через индивидуальный инвестиционный счет, покупка доли в ПИФах, инвестирующих в драгметаллы, покупка акций, облигаций золотодобывающих компаний, но в статье будет анализироваться только покупка слитков металлов и открытие счета ОМС по причине того, что приобретение биржевых активов через индивидуальный инвестиционный счет, покупка доли в ПИФах, инвестирующих в драгметаллы и покупка акций или облигаций золотодобывающих компаний связана с фондовым рынком, а в статье рассматривается рынок драгоценных металлов в сегменте банковских услуг.

Выделим преимущества и недостатки, которые, по нашему мнению, должен иметь в виду инвестор при инвестировании в драгоценные металлы на обезличенных металлических счетах.

Преимущества драгоценных металлов на ОМС:

1) открытие счета бесплатно, нет затрат на хранение, обслуживание счета бесплатно;

2) не нужно уплачивать НДС;

3) низкий порог входа;

4) более высокая ликвидность по сравнению с физическими металлами;

5) рост цены на драгоценные металлы обгоняет инфляцию; сохранение покупательной способности денег [12; 23];

6) после 3 лет пребывания в собственности не платиться НДФЛ [1].

7) активы наследуются [12].

Недостатки драгоценных металлов на ОМС:

1) инвестиции не застрахованы, ОМС не защищен системой страхования вкладов [12];

2) мошенничество с ОМС [13];

3) высокий спрэд между ценой покупки и ценой продажи физического металла в кредитной организации;

4) невозможность поменять металл, находящийся на обезличенном металлическом счете на физический металл [23].

Преимущества драгоценных металлов в слитках:

1) приобрести слиток можно в банках, в специализированных магазинах или у частников;

2) не нужно уплачивать НДС на золото;

3) металл всегда во владении и распоряжении;

4) рост цены на драгоценные металлы обгоняет инфляцию; сохранение покупательной способности денег [16];

5) после 3 лет пребывания в собственности не платиться НДФЛ [1].

Недостатки драгоценных металлов в слитках:

1) высокий спрэд между ценой покупки и ценой продажи физического металла в кредитной организации [16];

2) мошенничество со слитками металлов [13];

3) сложности при продаже слитка;

4) высокий порог входа по сравнению с ОМС;

5) уплата НДС на металлы, кроме золота;

6) риск кражи или порчи слитка, а при аренде ячейки – плата за хранение [5].

Кроме инвестиционных качеств слитков и ОМС драгоценные металлы имеют специфические риски, которые тоже нужно проанализировать потенциальному инвестору.

Большинство авторов публикаций по проблемам инвестиций на рынке драгоценных металлов [9; 10] выделяют следующие виды рисков: ценовой риск, риск ликвидности, риски хранения, страховой риск.

Ценовой риск: стоимость золота, серебра, платины и палладия меняется под влиянием рынка, спроса и курса валют, поэтому на коротких отрезках можно понести убытки. Количественно риск оценивается показателем волатильности.

Риск ликвидности: банки сами устанавливают курс покупки и продажи, который часто бывает невыгодным. При продаже физического металла банк или ломбард долго проверяют подлинность металла. При срочной продаже предлагают заниженную цену.

Риски хранения: физические слитки требуют затрат на безопасное хранение и страховку, а при хранении дома возникает риск кражи [21].

Страховой риск: обезличенные металлические счета (ОМС) не защищены системой страхования вкладов АСВ, при банкротстве банка деньги или металл могут пропасть.

Риски, как и недостатки инвестиций в драгоценные металлы сравнительно меньше при выборе формы инвестиций в ОМС, что позволяет эффективно диверсифицировать инвестиционный портфель, куда помимо металлов могут входить такие активы, как: акции, облигации, банковские вклады и накопительные счета и пр.

Выбор драгоценных металлов, как объекта инвестиций должен учитывать различия их инвестиционных качеств. Их сравнительный анализ представлен в таблице 1.

Проведем сравнительный анализ инвестиций в ОМС и слитки драгоценных металлов в таблице 1.

Таблица 1

Сравнительный анализ металлов (составлено автором на основе данных [9; 13; 23])

Критерий / Металл в слитках	Изменение цены	Ликвидность	Дополнительные риски и расходы	Налоговые аспекты
1	*2*	*3*	*4*	*5*
Золото	Ниже, чем у других металлов	Высокая. Легко купить и продать (банки)	Затраты на хранение и безопасность. При продаже слитка может понадобиться экспертиза	При покупке слитков НДС не взымается. При владении более 3 лет доход от продажи не облагается НДФЛ или если доход от продажи составляет не более 250000 рублей в год до истечения 3 лет
Серебро	Выше, чем у золота, из-за меньшего объема рынка и сильного влияния промышленного спроса	Средняя, но ниже, чем у золота	Затраты на хранение и безопасность. При продаже слитка может понадобиться экспертиза, риск окисления	
Платина	Выше, чем у золота, но ниже, чем у палладия	Ниже, чем у золота	Риски, связанные с хранением и страхованием	
Палладий	Очень высокая из-за концентрации спроса в одной отрасли	Низкая	Риски, связанные с хранением и страхованием	
ОМС Золото Серебро Платина Палладий	Высокая	Высокая. Легко купить и продать	нет защиты системой страхования вкладов АСВ, при банкротстве банка деньги или металл могут пропасть, риск мошенничества	При владении более 3 лет доход от продажи не облагается НДФЛ или если доход от продажи составляет не более 250000 рублей в год до истечения 3 лет

Анализируя таблицу 1, можно сделать вывод, что инвестировать лучше в ОМС, так как рисков немного, а при риске мошенничества обращаться в полицию, после полиции обратиться в банк за возвратом всей суммы вложений, а при отказе компенсации – в суд [13].

Целями формирования у частного инвестора при включении драгоценных металлов в инвестиционный портфель, как правило, являются диверсификация рисков и сохранение покупательной способности денег.

Для того, чтобы выбрать драгоценный металл для включения в целевой инвестиционный портфель следует сформировать систему критериев, по которым будет оцениваться металл. По нашему мнению, такая система должна включать показатели времени на восстановление цены, порога входа, доходности и ликвидности.

Проанализируем количество времени на восстановление цены. Анализ скорости восстановления цены помогает инвестору понять, какой драгоценный металл восстанавливается быстрее для сохранения вложенных средств и более быстрого прироста инвестиций в выбранном металле. драгоценных металлов, так как это отражает как быстро инвестор, вложивший средства, сможет получить прибыль с инвестиций.

Минимальная, средняя и максимальная цена драгоценного металла, а также период длительности изменения цены представлены в таблице 2.

Таблица 2

Минимальная, средняя и максимальная цена драгоценных металлов, а также динамика их изменения за период 2020–2025 гг. [17–20]

Год	Минимальная цена, в рублях	Максимальная цена, в рублях	Средняя цена, в рублях	Изменение максимальной и минимальной цены, в %	Дата самой минимальной и максимальной цены за металл	Период от минимальной до максимальной цены
1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*
Золото						
2020	3031,25	4887,7	4155,09	161,24	01.01.2020, 03.11.2020	10 месяцев 2 дня
2021	4003,77	4542,04	4272,13	113,44	28.10.2021, 30.01.2021	8 месяцев 29 дней
2022	2942,06	7731,42	3991,48	262,79	01.10.2022, 11.03.2022	6 месяцев 21 день
2023	4080,03	6223,49	5362,7	152,54	13.01.2023, 15.08.2023	7 месяцев 2 дня
2024	5714,43	9303,76	7157,43	162,81	24.01.2024, 29.11.2024	10 месяцев 5 дней
2025	7851,85	11246,22	9170,33	143,23	19.03.2025, 20.12.2025	9 месяцев 1 день
Серебро						
2020	30,12	68,34	48,74	226,89	21.03.2020, 02.09.2020	5 месяцев 13 дней
2021	50,29	72,2	59,17	143,57	01.10.2021, 03.02.2021	7 месяцев 26 дней
2022	33,19	101,3	48,58	305,21	01.10.2022, 11.03.2022	6 месяцев 21 день
2023	48,74	76,56	64,5	157,08	14.03.2023, 05.09.2023	5 месяцев 22 дня
2024	62,75	107,42	84,73	171,19	24.01.2024, 29.11.2024	10 месяцев 5 дней
2025	82,49	187,71	106,49	227,56	11.04.2025, 31.12.2025	8 месяцев 20 дней

Окончание таблицы 2

1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*
Платина						
2020	1522,76	2522,42	2062,88	165,65	18.03.2020, 31.12.2020	9 месяцев 13 дней
2021	2163,04	3095,57	2591,28	143,11	16.12.2021, 08.04.2021	8 месяцев 8 дней
2022	1519,76	4295,77	2131,59	282,66	30.06.2022, 10.03.2022	3 месяца 20 дней
2023	2173,44	3053,59	2647,89	140,5	21.02.2023, 05.09.2023	6 месяцев 12 дней
2024	2508,1	3279,93	2847,02	130,77	07.08.2024, 29.11.2024	3 месяца 22 дня
2025	2490,03	5568,13	3409,52	223,62	22.04.2025, 25.12.2025	8 месяцев 3 дня
Палладий						
2020	3821,4	6098,86	5125,16	159,6	01.01.2020, 11.11.2020	10 месяцев 10 дней
2021	3817,98	7227,22	5703,47	189,29	05.05.2021, 16.12.2021	7 месяцев 11 дней
2022	3085,58	11366,94	4727,03	367,42	30.06.2022, 11.03.2022	3 месяца 19 дней
2023	2778,68	4301,02	3624,69	154,79	13.12.2023, 15.08.2023	3 месяца 29 дней
2024	2316,52	3813,04	2931,37	164,6	20.06.2024, 31.10.2024	4 месяца 11 дней
2025	2450,29	4632,55	3073,97	189,06	15.05.2025, 25.12.2025	7 месяцев 10 дней

Анализируя таблицу 1, можно сделать вывод, что по критерию скорости восстановления цены после падения, драгоценные металлы восстанавливались по-разному. Минимальная цена золота снизилась в 2022 году на 3,03% и восстановилась за 3 месяца и 12 дней, а средняя цена снизилась на 4,10% и восстановилась в 2023 году. Минимальная цена серебра в 2020 году не снизилась в 2022 году, поэтому восстановление цены не произошло – серебро только дорожало, но средняя цена серебра снизилась в 2022 году на 0,33% и восстановилась в 2023 году. Минимальная цена платины в 2020 году снизилась в 2022 году на 0,20% и восстановилась за 8 месяцев 9 дней, а по средней цене платина не подешевела, поэтому восстановления не произошло. Минимальная цена палладия в 2020 году была максимальной и снизилась на 55,96% в 2025 году, а средняя цена снизилась 66,73% поэтому можно констатировать, что палладий не восстановил свою цену и инвестор потерпел убытки, потеряв доходность. Драгоценные металлы, кроме палладия, восстановили свои цены за короткий промежуток времени, что подтверждает безопасность вложений.

Подтвердим утверждение о том, что рост цены металлов, обгоняет инфляцию.

Проанализируем рост среднегодовой цены металлов и рост инфляции на рисунке 1.

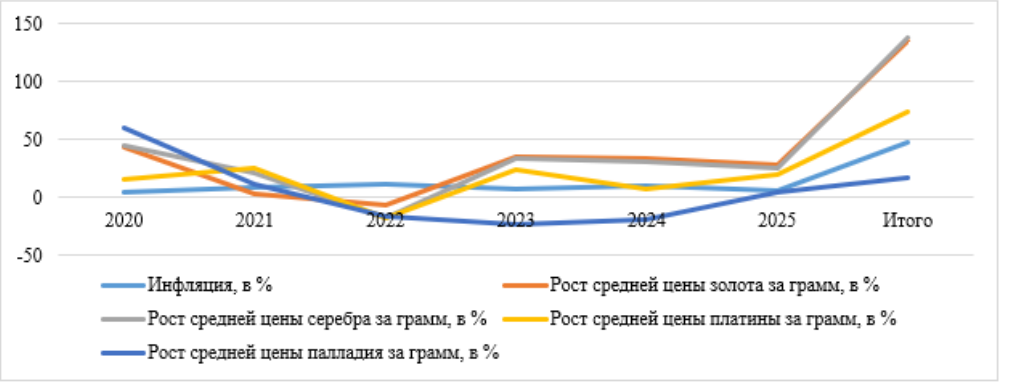

Рис. 1. Рост среднегодовой цены металлов и рост инфляции за 2020–2025 гг., в % (на основе данных [14; 17–20])

Данные рисунка 1 позволяют сделать вывод, что за 5 лет рост цен на серебро и золото опережал темпы инфляции. Серебро подорожало больше всех (137,81%) немного обогнав золото (135,39%). Платине удалось сохранить деньги инвестора (74,2%). Исключением является палладий. Он дорожал медленнее (16,3%), чем инфляция (47,7%). В целом в анализируемом периоде средние темпы роста стоимости металлов обгоняют темпы инфляции. Это важно с позиции защиты средств инвестора от инфляции. Однако, в этой связи, важно рассмотреть подробнее критерий доходности.

Оценка доходности может быть выполнена на основе минимальной, максимальной и средней цен за грамм. При этом следует учитывать, что инвестор может купить металл в период времени, когда цена будет благоприятной или неблагоприятной для него. Поэтому проведем анализ максимально возможной доходности на основе средней цены, с начала наблюдения (отчетного периода) и максимальной доходности за все время наблюдений, при условии, что инвестору удалось купить металл по самой минимальной цене. Доходность драгоценных металлов показана в таблице 3.

Таблица 3

Аналитика изменчивости максимальной цены, изменчивости цены с начала наблюдений и средней цены драгоценных металлов [17–20]

Год	Минимальная цена, в рублях	Максимальная цена, в рублях	Средняя цена, в рублях	Доходность металла с начала наблюдения, в %	Доходность по средней цене металла, в рублях	Максимальная доходность металла, в рублях
1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*
Золото						
2020	3031,25	4887,7	4155,09	371,01	220,70	382,26
2021	4003,77	4542,04	4272,13			
2022	2942,06	7731,42	3991,48			
2023	4080,03	6223,49	5362,7			
2024	5714,43	9303,76	7157,43			
2025	7851,85	11246,22	9170,33			
Серебро						
2020	30,12	68,34	48,74	623,21	218,49	623,21
2021	50,29	72,2	59,17			
2022	33,19	101,3	48,58			
2023	48,74	76,56	64,5			
2024	62,75	107,42	84,73			
2025	82,49	187,71	106,49			

Окончание таблицы 3

1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*
Платина						
2020	1522,76	2522,42	2062,88	365,66	165,28	366,38
2021	2163,04	3095,57	2591,28			
2022	1519,76	4295,77	2131,59			
2023	2173,44	3053,59	2647,89			
2024	2508,1	3279,93	2847,02			
2025	2490,03	5568,13	3409,52			
Палладий						
2020	3821,4	6098,86	5125,16	120,99	-40,02	-79,62
2021	3817,98	7227,22	5703,47			
2022	3085,58	11366,94	4727,03			
2023	2778,68	4301,02	3624,69			
2024	2316,52	3813,04	2931,37			
2025	2450,29	4632,55	3073,97			

Анализируя таблицу 3, можно сделать вывод, что по критерию доходности драгоценные металлы вели себя по-разному. Самую высокую доходность имело серебро. Золото смогло сохранить деньги инвестора. Доходность платины оказалась хуже золота, но ее можно рассматривать в качестве инвестиционного объекта для диверсификации портфеля. Палладий по доходности оказался самым худшим металлом для инвестирования, показав самые большие потери доходности.

По минимальной цене золото, серебро и платина подорожали, исключением стал 2022 год, после которого драгоценные металлы восстановились и стоят более чем в 2 раза больше. Палладий – единственный из драгоценных металлов, который показал отрицательную динамику и подешевел с 2020 года. Лучший металл для инвестиций – серебро, так как дает высокую прибыль. Золото и платина обеспечили сохранность инвестиций, но лучше инвестировать в золото, потому что доходность у него выше, чем у платины. Результаты проведенного сравнительного анализа позволяют сделать вывод о целесообразности инвестиций в серебро из-за его высокой доходности.

В процессе инвестирования при оценке доходности необходимо учитывать фактор налогообложения доходов от операций с драгоценными металлами. В частности, при продаже металлов до истечения 3 лет на сумму больше 250 тыс. рублей в год гражданин обязан оплатить налог на доходы физических лиц (НДФЛ) по ставке 13% (или 15% для доходов, более 2,4 млн рублей, с учётом прогрессивной шкалы) для налоговых резидентов РФ. Если сумма меньше, чем 250 тыс. рублей в год, то НДФЛ не взимается, но необходимо заполнить налоговую декларацию. При продаже физическим лицом драгоценных металлов спустя три года и более после их покупки НДФЛ не взимается.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что несмотря на колебания цен и доходности, по нашему мнению, долгосрочные инвестиции в драгоценные металлы имеют преимущество – их цена после просадки восстанавливается быстрее, чем за 3 года, которые нужны для выгодной продажи драгоценных металлов без уплаты НДФЛ [1].

Важной инвестиционной характеристикой актива является его ликвидность. Ликвидность разделяется на краткосрочную ликвидность и ликвидность долгосрочного инвестиционного инструмента. Ликвидность обезличенных металлических счетах (ОМС) оценивается как высокая с точки зрения скорости вывода средств, но умеренная с точки зрения финансовых потерь (спредов). С точки зрения скорости вывода средств ликвидность высокая. Долгосрочная ликвидность драгоценных металлов на ОМС оценивается как умеренная с точки зрения финансовых потерь (спредов).

Рассмотрим показатели ликвидности металлов по учетным ценам ЦБ РФ и ценам Сбербанка, показанную в таблице 4 (составлено на основе данных [17; 18; 19; 20; 22]).

Таблица 4

Ликвидность драгоценных металлов за 2020–2025 гг.

Год	Минимальная цена, в рублях	Максимальная цена, в рублях	Дата самой минимальной и максимальной цены за металл	Установленные цены на металл в день минимальной и максимальной цены в Сбербанке, в руб.		Спред от цены ЦБ РФ, в руб.		Спред, в %	
				Покупка	Продажа	Покупка	Продажа	Покупка	Продажа
1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*	*9*	*10*
Золото									
2020	3031,25	4887,7	01.01.03.11.	3228; 5086	2955; 4698	196,75; 198,3	76; 189,70	6,49; 6,54	1,56; 3,88
2021	4003,77	4542,04	28.10.30.01.	4279; 4726	3871; 4275	275,23; 183,96	132,77; 267,04	6,87; 4,60	2,92; 5,88
2022	2942,06	7731,42	01.10. 11.03.	3355; 7824	2663; 6957	412,94; 92,58	279,06; 774,42	14,04; 3,15	3,61; 10,02
2023	4080,03	6223,49	13.01.15.08.	4364; 6215	3861; 5796	283,97; -8,49	219,03; 427,49	6,96; -0,21	3,52; 6,87
2024	5714,43	9303,76	24.01.29.11.	5876; 9490	5488; 8843	161,57; 186,24	226,43; 460,76	2,83; 3,26	2,43; 4,95
2025	7851,85	11246,22	19.03.20.12.	8244; 11249	8081; 10430	392,15; 2,78	-229,15; 816,22	4,99; 0,04	-2,04; 7,26
Серебро									
2020	30,12	68,34	21.03.02.09.	34,66; 68,03	30,61; 63,78	4,54; -0,31	-0,49; 4,56	15,07; -1,03	-0,72; 6,67
2021	50,29	72,2	01.10.03.02.	54,55; 67,39	49,41; 62,97	4,26; -4,81	0,88; 9,23	8,47; -6,66	1,78; 12,78
2022	33,19	101,3	01.10.11.03.	38,71; 101,33	30,32; 90,21	5,52; 0,03	2,87; 11,09	16,63; 0,03	8,65; 10,95
2023	48,74	76,56	14.03.05.09.	54,54; 77,74	48,9; 69,93	5,80; 1,18	-0,16; 6,63	11,90; 1,54	-0,33; 8,66
2024	62,75	107,42	24.01.29.11.	68,11; 111,51	61,34; 100,2	5,36; 4,09	1,41; 7,22	8,54; 3,81	2,25; 6,72
2025	82,49	187,71	11.04.31.12.	87,68; 201,63	82,39; 185,50	5,19; 13,92	0,1; 2,21	6,29; 7,42	0,12; 1,18

Окончание таблицы 4

1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*	*9*	*10*
Платина									
2020	1522,76	2522,42	18.03. 31.12.	1768; 2741	1531; 2433	245,24; 218,58	-8,24; 89,42	16,11; 8,67	-0,54; 3,55
2021	2163,04	3095,57	16.12. 08.04.	2317; 3189	2096; 2928	153,96; 93,43	67,04; 167,57	7,12; 3,02	3,1; 5,41
2022	1519,76	4295,77	30.06. 10.03.	1756; 4544	1449; 3968	236,24; 248,23	70,76; 327,77	15,55; 5,78	4,66; 7,63
2023	2173,44	3053,59	21.02. 05.09.	2425; 3199	2088; 2805	251,56; 145,41	85,44; 248,59	11,57; 4,76	3,93; 8,14
2024	2508,1	3279,93	07.08. 29.11.	2660; 3443	2381; 3055	151,9; 163,07	127,1; 224,93	6,06; 4,97	5,07; 6,86
2025	2490,03	5568,13	22.04. 25.12.	2711; 5989	2391; 5275	220,97; 420,87	99,03; 293,13	8,87; 7,56	3,98; 5,26
Палладий									
2020	3821,4	6098,86	01.01. 11.11.	4064; 6092	3764; 5997	242,6; -6,86	57,4; 101,86	6,35; -0,11	1,5; 1,67
2021	3817,98	7227,22	05.05. 16.12.	4130; 7512	3734; 6912	312,02; 284,78	83,98; 315,22	8,17; 3,94	2,20; 4,36
2022	3085,58	11366,94	30.06. 11.03.	3608; 11637	3148; 10342	522,42; 270,06	-62,42; 1024,94	16,93; 2,38	-2,02; 9,02
2023	2778,68	4301,02	13.12. 15.08.	3077; 4230	2671; 3693	298,32; -71,02	107,68; 608,02	10,74; -2,56	3,88; 14,14
2024	2316,52	3813,04	20.06. 31.10.	2786; 3790	2421; 3346	469,48; -23,04	-104,48; 23,04	20,27; -0,6	-4,51; 0,6
2025	2450,29	4632,55	15.05. 25.12.	2657; 4578	2317; 4044	206,71; -54,55	133,29; 588,55	8,44; -1,18	5,44; 12,71

Анализируя данные таблицы 4, можно сделать вывод, что по критерию ликвидности ликвидность всех драгоценных металлов, находящихся на ОМС оценивается как высокая с точки зрения скорости вывода средств, но умеренная с точки зрения финансовых потерь (спредов).

Кроме того, нужно заметить, что в дни минимальной цены спред был больше на покупку инвестором, а в дни максимальной цены спред был самым большим на продажу металла банку, исключением из правила стали золото в 2025 году и платина в 2020 и 2025 году, когда минимальная цена покупки гражданином оказалась больше. На основе учетной цены ЦБ РФ и курсов металлов в Сбербанке можно сделать вывод, что покупка и продажа металлов банку особенна не выгодна гражданину из-за высокого спреда с точки зрения долгосрочной ликвидности, которая составляет в среднем 10–20% от учетной цены ЦБ РФ.

Учитывая, что коммерческие банки самостоятельно устанавливают цены на драгоценные металлы, курс по которым они покупают металл у населения несправедлив по причине того, что у ЦБ РФ банки покупают металл для последующей перепродажи инвесторам, поэтому курс продажи металла банками высокий, но нет оснований у банков для занижения цены покупки металла у населения.

В этой связи автор считает необходимым обратится в ЦБ РФ с предложением скорректировать цены покупки кредитными организациями металлов у граждан, чтобы цена покупки металла банком не могла быть ниже учетной цены на металл в ЦБ РФ, что увеличит эффективность инвестиций граждан, сделает равновыгодной покупку как у ЦБ РФ, так и у физических лиц, повысит доверие граждан к банковской системе по причине социальной справедливости, приведет к увеличению количества открытых ОМС.

Порог входа для инвестиций в каждый металл показывает доступность инвестиций для инвесторов с разным размером первоначальных инвестиций. сходя из цены металла, установленной банком можно рассчитать порог входа в каждый металл для инвесторов, который показан в таблице 5.

Таблица 5

Цена и количество драгоценного металла для покупки в слитках и ОМС за 2020–2025 гг. (составлено на основе данных [22])

	ОМС			Слиток		
Год	Минимальная цена в Сбербанке, в рублях	Максимальная цена в Сбербанке, в рублях	Сумма за покупку (Количество металла*Цена за грамм)	Минимальная цена в Сбербанке, в рублях	Максимальная цена в Сбербанке, в рублях	Сумма за покупку (Количество металла*Цена за грамм)
1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*
Золото						
2020	3228	5086	322,8; 508,6	3228	5086	3228; 5086
2021	4279	4726	427,9; 472,6	4279	4726	4279; 4726
2022	3355	7824	335,5; 782,4	3355	7824	3355; 7824
2023	4364	6215	436,4; 621,5	4364	6215	4364; 6215
2024	5876	9490	587,6; 949	5876	9490	5876; 9490
2025	8244	11249	824; 1124,9	8244	11249	8244; 11249
Серебро						
2020	34,66	68,03	34,66; 68,03	34,66	68,03	1733; 3401,5
2021	54,55	67,39	54,55; 67,39	54,55	67,39	2727,5; 3369,5
2022	38,71	101,33	38,71; 101,33	38,71	101,33	1935,5; 5066,5

Окончание таблицы 5

1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*
2023	54,54	77,74	54,54; 77,74	54,54	77,74	2727; 3887
2024	68,11	111,51	68,11; 111,51	68,11	111,51	3405,5; 5575,5
2025	87,68	201,63	87,68; 201,63	87,68	201,63	4384; 10081,5
Платина						
2020	1768	2741	176,8; 274,1	1768	2741	1768; 2741
2021	2317	3189	231,7; 318,9	2317	3189	2317; 3189
2022	1756	4544	175,6; 454,4	1756	4544	1756; 4544
2023	2425	3199	242,5; 319,9	2425	3199	2425; 3199
2024	2660	3443	266; 344,3	2660	3443	2660; 3443
2025	2711	5989	271,1; 598,9	2711	5989	2711; 5989
Палладий						
2020	4064	6092	406,4; 609,2	4064	6092	4064; 6092
2021	4130	7512	413; 751,2	4130	7512	4130; 7512
2022	3608	11637	360,8; 1163,7	3608	11637	3608; 11637
2023	3077	4230	307,7; 423	3077	4230	3077; 4230
2024	2786	3790	278,6; 379	2786	3790	2786; 3790
2025	2657	4578	265,7; 457,8	2657	4578	2657; 4578

На основе анализа данных в таблице 5, можно сделать вывод, что по критерию порога входа лучшим металлом является серебро, так как инвестиции в серебро по ОМС можно проводить от 1 грамма, а инвестиции в палладий, платину и золото – от 0,1 грамма. Физический металл в слитках можно купить по серебру весом от 50 грамм, а остальным драгоценным металлам – от 1 грамма, что будет соответствовать в ОМС максимальной цене серебра 1 грамм – 187,71, а цена в расчете на 0,1 грамм других металлов будет: золота – 1124,9 руб., платины – 598,9 руб., палладия – 457,8 руб.

Таким образом, в анализируемом периоде серебро в ОМС имеет наименьшую цену в расчете на 1 грамм среди драгоценных металлов. По цене в физических слитках золото уступает по цене серебру, но платина стоит дешевле золото и подходит для покупки вместо золота. Проведенный анализ порога входа показывает большую выгодность инвестиций в серебро по счету ОМС в отличии от приобретения физических слитков данного металла.

Известно, что с целью обеспечения заданной доходности и снижения рисков. инвестор формирует инвестиционный портфель. Большинство авторов публикаций по формированию инвестиционного портфеля [5–8; 11] сходятся во мнении, что инвестиционный портфель – это совокупность активов, формируемая для сохранения капитала и получения доход. На основе проведенного исследования различных точек зрения мы считаем, что понятие инвестиционного портфеля изложено не полностью и требует уточнения. С нашей точки зрения инвестиционный портфель – это целенаправленная совокупность финансовых активов, с разной степенью доходности, ликвидности, риска и срока действия, которые находятся на праве

собственности у лица, вложившего в них свои свободные или заемные денежные средства для получения прибыли или иного полезного эффекта. Исходя из того, что нами рассматривается инвестиционный портфель, который формируется частным инвестором, под которым автор понимает физическое лицо, дадим определение инвестиционному портфелю физического лица. По мнению автора инвестиционный портфель физического лица – целенаправленная совокупность финансовых активов, с разной степенью доходности, ликвидности, риска и срока действия, которые находятся на праве владения у физического лица, вложившего в них свои свободные или заёмные денежные средства для получения прибыли или иного полезного эффекта. Стоит отметить, что для инвестора – физического лица типичными целями формирования портфеля являются защита капитала и обеспечения приемлемой доходности, в этой связи для него характерны умеренный либо консервативный тип портфеля.

Для формирования инвестиционного портфеля частного инвестора, на основе полученных результатов исследования, можно сформулировать ряд рекомендаций по выбору и включению драгоценных металлов в инвестиционный портфель указанного инвестора:

Во-первых, результаты проведенного анализа указывают на целесообразность инвестиций не только в золото, но и в серебро по причине темпов роста цен на указанные металлы выше уровня инфляции, а также их доступности для инвесторов с небольшим доходом;

Во-вторых, в современных условиях инвестору целесообразно избегать инвестиций в палладий из-за убыточности инвестиций, подтвержденных в исследовании. Целесообразно обратить внимание на платину как вариант альтернативного металла, имеющего темпы ценового роста превышающие инфляцию.

В-третьих, целесообразно выйти в ЦБ РФ с предложением об установлении нижнего предела цены покупки кредитными организациями металлов у граждан на уровне учетной цены на металл в ЦБ РФ. Это увеличит объемы инвестиций граждан в драгоценные металлы, приведет росту количества открытых ОМС, повысит доверие граждан к банковской системе.

В-четвертых, инвестиции в золото и серебро целесообразно производить на ОМС, что позволит сохранить вложенные средства и снизить риски в отличие от инвестирования в слитки;

В-пятых, при оценке доходности инвестиций в драгоценные металлы следует учитывать фактор налогообложения. При продаже физическим лицом драгоценных металлов спустя три года и более после их покупки НДФЛ не взимается, что увеличивает эффективность вложений.

Таким образом, в рамках данного исследования была произведена оценка драгоценных металлов, проанализированы критерии доходности, ликвидности, риска, порога входа и различные виды инвестирования в драгоценные металлы. Представленные в статье результаты, по нашему мнению, позволят расширить представлений об инвестиционных качествах драгоценных металлов, обращающихся на российском рынке, возможных формах инвестирования в них физическими лицами, а также особенностях включения драгоценных металлов в инвестиционный портфель частного инвестора. Разработанные рекомендации могут быть использованы инвесторами для принятия обоснованных решения по формированию эффективного инвестиционного портфеля, а также имеют значимость для совершенствования государственной политики по стимулированию инвестиций в драгоценные металлы.

Список литературы

1. Налоговый кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. – 2000. – 7 авг. – № 32. – Ст. 3340 ; Собрание законодательства РФ. – 2024. – 16 дек. – № 51. – Ст. 7845.

2. О драгоценных металлах и драгоценных камнях : Федеральный закон от 26.03.1998 № 41-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1998. – 30 марта. – № 13. – Ст. 1463 ; Собрание законодательства РФ. – 2026. – 15 июня. – № 24. – Ст. 3103.

3. Об утверждении требований к инвестиционным драгоценным металлам и Правил оборота инвестиционных драгоценных металлов : постановление Правительства Российской Федерации от 15.05.2024 № 604 // Собрание законодательства РФ. – 2024. – 3 июня. – № 23 (ч. I). – Ст. 3144 ; Собрание законодательства РФ. – 2025. – 15 сент. – № 37. – Ст. 5429.

4. О перечне и видах драгоценных металлов, в отношении которых устанавливаются учетные цены, и порядке установления учетных цен на драгоценные металлы : указание Банка России от 10.07.2024 № 6799-У // Вестник Банка России. – 2024. – 23 окт. – № 42.

5. Данилов, А. И. Инвестиционный менеджмент : учеб. пособие для бакалавров / А. И. Данилов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Дашков и К, 2021. – 140 с.

6. Инвестиции в изменяющемся мире: направления, приоритеты, инструменты : монография / А. И. Данилов, О. Ю. Ермоловская, Д. А. Егорова [и др.]. – Москва : Дашков и К, 2021. – 190 с.

7. Исмаилова, А. З. Понятие портфеля финансовых инвестиций и классификация его видов / А. З. Исмаилова // Бизнес и дизайн ревю. – 2023. – № 2 (30). – С. 34–41.

8. Каранец, С. М. Инвестиционный портфель и его структура. Принципы формирования портфеля инвестиций / С. М. Каранец // Бюллетень инновационных технологий. – 2024. – Т. 8, № 4 (32). – С. 14–17. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_74496350_15126168.pdf6 (дата обращения: 10.10.2026). – Текст : электронный.

9. Лебедева, А. С. Инвестирование в драгоценные металлы в условиях современной экономики / А. С. Лебедева, Е. П. Зозуля, К. А. Белобородова // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – № 6. – С. 52–69. – DOI 10.25198/2078–7175–2025–6-52.

10. Оришев, А. Б. Золотые инвестиционные монеты как инструмент инвестирования для среднего класса / А. Б. Оришев // Бизнес и дизайн ревю. – 2020. – № 1 (17). – С. 2.

11. Строкин, К. О. Инвестиционный портфель. Его сущность и типы / К. О. Строкин, Ю. И. Минина ; Самарский государственный технический университет. – 2020. – С. 4–7.

12. Вклады в драгоценные металлы. – URL: https://www.vbr.ru/banki/help/vklady/vklady-v-dragocennye-metally/?ysclid=mt5qpgl67559593927&utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F (дата обращения: 10.10.2026). – Текст : электронный.

13. «Золотая» магия. Как у клиентов Сбербанка пропали деньги с металлических счетов. – URL: https://life.ru/p/1179699?ysclid=mv0uvrd6481396862 (дата обращения: 10.10.2026). – Текст : электронный.

14. Инфляция в России по годам: полная статистика с 1991 года и графики. – URL: https://roschart.ru/blog/inflyaciya-v-rossii-po-godam?ysclid=mulh4seg5263658051 (дата обращения: 10.10.2026). – Текст : электронный.

15. Как заработать на драгоценных металлах. – URL: https://www.gazprombank.ru/profinance/investment/kak-zarabotat-na-dragocennyh-metallah/?ysclid=mtzpyvg05384846644 (дата обращения: 10.10.2026). – Текст : электронный.

16. Как инвестировать в золото. – URL: https://alfabank.ru/help/articles/investments/kak-investirovat-v-zoloto/?ysclid=musennu5c912022535 (дата обращения: 10.10.2026). – Текст : электронный.

17. Курс золота за все время. – URL: https://zayman.ru/metal/gold/period-vse-vremya (дата обращения: 10.10.2026). – Текст : электронный.

18. Курс палладия за все время. – URL: https://zayman.ru/metal/palladiy/period-vse-vremya (дата обращения: 10.10.2026). – Текст : электронный.

19. Курс платины за все время. – URL: https://zayman.ru/metal/platinum/period-vse-vremya (дата обращения: 10.10.2026). – Текст : электронный.

20. Курс серебра за все время. – URL: https://zayman.ru/metal/silver/period-vse-vremya (дата обращения: 10.10.2026). – Текст : электронный.

21. Ликвидность на рынке золота. – URL: https://www.gold.org/sites/default/files/documents/gold-investment-research/liquidity_in_the_global_gold_market.pdf (дата обращения: 10.10.2026). – Текст : электронный.

22. Открытие металлического счета в Сбербанке: золото, серебро, платина, палладий. – URL: https://www.sberbank.ru/ru/person/investments/values/omsc?tab=offices (дата обращения: 10.10.2026). – Текст : электронный.

23. Что такое счет ОМС. – URL: https://alfabank.ru/help/articles/investments/chto-takoe-schet-oms/?ysclid=mueb8px85312932938 (дата обращения: 10.10.2026). – Текст : электронный.

Мутугулина Нелли Игоревна
ассистент кафедры
ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»
г. Уфа, Республика Башкортостан

МЕДИАПРОСТРАНСТВО КАК СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАЦИОННАЯ СРЕДА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА: СТРУКТУРА И МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕДИАРЕАЛЬНОСТИ

Аннотация: *в статье рассматривается медиапространство как одна из ключевых социально-коммуникационных характеристик информационного общества. Предлагается авторская четырёхкомпонентная модель медиапространства, включающая технический, содержательный, социальный и организационный компоненты. Особое внимание уделяется изменению роли аудитории, трансформации информационной асимметрии и переходу от линейной модели «медиа – аудитория» к многоуровневой системе взаимодействия субъектов. Представлена трёхуровневая модель формирования медиареальности, основанная на разграничении событийной реальности, медиарепрезентации и индивидуальной интерпретации.*

Ключевые слова: *информационное общество, медиапространство, масс-медиа, массовая коммуникация, медиарепрезентация, медиареальность, аудитория, информационная асимметрия.*

Переход к информационному обществу сопровождается изменением не только технических способов производства и передачи информации, но и самой структуры социальных коммуникаций. Развитие информационно-коммуникационных технологий, глобальных сетей и цифровых платформ привело к существенному ускорению информационного обмена и изменило условия взаимодействия между социальными субъектами. В результате производство, распространение, потребление и интерпретация информации всё в большей степени образуют взаимосвязанный процесс.

Изменение статуса информации является одной из существенных характеристик постиндустриального общества. Д. Белл связывает структурную трансформацию общества с развитием информационных и коммуникационных технологий и повышением значения знания в общественном производстве [1]. Д. С. Черешкин и Г. С. Смолян, рассматривая сетевую информационную революцию, обращают внимание на усиление информационной и экономической интеграции, формирующей новые условия общественного взаимодействия [2, с. 15–18]. В свою очередь, И. Н. Курносов отмечает распространение удалённых форм коммуникации и связанных с ними новых моделей социальной деятельности [3, с. 4, 5].

Таким образом, информационную трансформацию целесообразно рассматривать не как изменение отдельной технологической сферы, а как процесс перестройки условий, в которых социальные субъекты получают информацию, взаимодействуют друг с другом и формируют представления об окружающей действительности.

В данном контексте особое значение приобретает понятие медиапространства. Если информационная инфраструктура создаёт технические возможности для циркуляции данных, то медиапространство представляет собой социально-коммуникационную среду, в которой эти возможности реализуются посредством производства, распространения, отбора и интерпретации сообщений.

Одной из методологических проблем исследования медиапространства является его соотношение с понятием масс-медиа. Эти категории нельзя рассматривать как полностью тождественные.

В классических теориях коммуникации масс-медиа преимущественно понимались как институционализированные механизмы производства и распространения массовых сообщений. Н. Луман, например, рассматривает масс-медиа как самостоятельную социальную

систему, функционирующую посредством специфических механизмов отбора и переработки информации [4, с. 9].

Цифровая трансформация существенно расширила круг участников информационного обмена. Помимо профессиональных средств массовой информации, в производстве и распространении содержания участвуют пользователи, сетевые сообщества, общественные организации, коммерческие структуры, бренды и другие социальные акторы. Поэтому современное медиапространство не может быть сведено к совокупности традиционных СМИ.

Различие между понятиями целесообразно проводить прежде всего по структуре коммуникационного взаимодействия. Масс-медиа предполагают преимущественно институционализированную организацию производства контента, тогда как медиапространство представляет собой более широкую систему взаимодействующих субъектов. В ней аудитория выступает не только потребителем, но и интерпретатором, распространителем, а в ряде случаев и производителем информационного содержания.

Таким образом, медиапространство можно определить как динамическую социально-коммуникационную среду, в которой профессиональные и непрофессиональные субъекты участвуют в производстве, отборе, распространении, интерпретации и трансформации информации.

Принципиальным следствием такого подхода становится отказ от представления о коммуникации исключительно как о передаче готового сообщения от отправителя к получателю. Современная коммуникация включает множество последовательных операций, в ходе которых сообщение может изменять содержание, контекст и значение.

Для систематизации основных характеристик медиапространства в настоящем исследовании предлагается рассматривать его как систему четырёх взаимосвязанных компонентов: технического, содержательного, социального и организационного.

Технический компонент включает инфраструктуру, обеспечивающую создание, кодирование, хранение, обработку и распространение информации. Его значение определяется не только наличием соответствующих технологий, но и тем, какие коммуникативные возможности они предоставляют социальным субъектам.

Содержательный компонент связан с информационным наполнением медиапространства. Он включает не только сами сообщения, но и способы их отбора, структурирования и представления. Один и тот же факт может получать различное коммуникативное значение в зависимости от выбранного информационного повода, контекста, языковых и визуальных средств и формата распространения.

Социальный компонент представлен совокупностью субъектов коммуникации. В современном медиапространстве одновременно взаимодействуют профессиональные журналисты и редакции, государственные и общественные институты, коммерческие организации, отдельные пользователи и сетевые сообщества. Каждый субъект обладает собственными интересами, ресурсами и возможностями влияния на информационный поток.

Организационный компонент включает формальные и неформальные правила, регулирующие производство и распространение информации. К ним относятся нормативно-правовые требования, профессиональные стандарты, этические нормы, правила деятельности организаций и платформ, а также сложившиеся практики взаимодействия участников коммуникации.

Предлагаемая четырёхкомпонентная модель позволяет рассматривать медиапространство как целостную систему. Изменение одного компонента неизбежно отражается на других: технологические изменения трансформируют содержание и способы его распространения, изменение роли аудитории влияет на организацию коммуникации, а нормативное регулирование устанавливает границы допустимого поведения субъектов.

Особенно заметные изменения произошли в положении аудитории. Распространение цифровых технологий сделало пользователя потенциально активным участником

информационного процесса. Он получает возможность выбирать источники, комментировать публикации, распространять сообщения и создавать собственный контент.

Однако интерактивность не означает исчезновения информационного неравенства. Оно лишь частично меняет форму. Если традиционная теория информационного разрыва связывала различия преимущественно с доступом к информационным ресурсам, то в цифровой среде существенное значение приобретают способность осуществлять поиск, оценивать достоверность, сопоставлять различные сообщения и превращать информационный поток в знание [5, с. 159–170].

В связи с этим аудиторию целесообразно рассматривать не как однородную совокупность потребителей, а как множество субъектов, различающихся по характеру работы с информацией.

Можно выделить три условных типа медиапотребления.

Рецептивный тип характеризуется преимущественным получением готового содержания и минимальной самостоятельной проверкой информации.

Селективно-критический тип предполагает осознанный выбор источников, сопоставление сообщений, проверку отдельных фактов и соотнесение информации с имеющимися знаниями.

Экспертно-продуцирующий тип объединяет субъектов, которые обладают специализированными знаниями и способны не только анализировать информацию, но и участвовать в создании и распространении содержательных сообщений.

При этом указанные типы не следует воспринимать как неизменные характеристики социальных групп. Один и тот же человек может переходить между ними в зависимости от темы, коммуникативной ситуации, компетентности и мотивации.

Изменение структуры медиакоммуникации приводит к необходимости разграничивать событие, его медиарепрезентацию и восприятие аудитории.

Любое сообщение о социальной действительности неизбежно является результатом определённого отбора. Медиаканал не способен передать событие во всей полноте, поэтому происходит выделение отдельных характеристик, их структурирование и кодирование посредством конкретной формы коммуникации.

В результате возникает медиарепрезентация – представленная в определённой знаковой форме версия события или социальной ситуации. Она не является полностью произвольной конструкцией, поскольку связана с исходной реальностью, но и не может рассматриваться как её полная копия.

Данный механизм можно представить следующим образом:

событийная реальность → отбор → структурирование и кодирование → медиарепрезентация → восприятие → индивидуальная интерпретация.

Именно последний этап принципиален для понимания медиареальности. Полученное сообщение соотносится с предшествующим опытом, знаниями, ценностями и когнитивными установками реципиента. Поэтому одна и та же медиарепрезентация способна порождать различные интерпретации.

Подобное понимание согласуется с подходом Н. Лумана, согласно которому масс-медиа не просто отражают реальность, а участвуют в производстве специфической медиареальности [4, с. 13]. При этом различие между медиарепрезентацией и действительностью само по себе не означает намеренной манипуляции. Расхождение может быть связано с ограниченностью сообщения, особенностями конкретного медиаканала или различиями в интерпретации.

Следовательно, для анализа медиавлияния необходимо разграничивать техническое преобразование информации, редакционный отбор, убеждение и целенаправленную манипуляцию.

Проведённый анализ позволяет рассматривать медиапространство как самостоятельную социально-коммуникационную среду информационного общества, не сводимую к совокупности традиционных средств массовой информации.

Его специфика определяется взаимодействием четырёх компонентов – технического, содержательного, социального и организационного. Такая структура позволяет учитывать одновременно технологические возможности коммуникации, особенности информационного содержания, множественность субъектов и систему правил, регулирующих их взаимодействие.

Изменение положения аудитории также требует отказа от упрощённой модели «производитель – массовый потребитель». Пользователь современного медиапространства может выступать одновременно реципиентом, интерпретатором, распространителем и производителем информации.

Важнейшим следствием трансформации медиапространства становится изменение механизма формирования социальной реальности в сознании аудитории. Между событием и его восприятием существуют как минимум два уровня опосредования: медиарепрезентация и индивидуальная интерпретация. Поэтому социальная значимость события определяется не только его объективными характеристиками, но и особенностями его представления в медиапространстве.

Предлагаемый подход позволяет перейти от понимания медиа как канала передачи информации к их рассмотрению как среды, в которой осуществляется отбор, структурирование, распространение и интерпретация социальных смыслов.

Список литературы

1. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – Москва : Академия, 1999. – 956 с.

2. Черешкин, Д. С. Сетевая информационная революция / Д. С. Черешкин, Г. С. Смолян // Информационные ресурсы России. – 1997. – № 4. – С. 15–18.

3. Курносов, И. Н. Информационное общество и Россия: особый путь / И. Н. Курносов // Информкурьер-Связь. Информ-Ревю. – 1997. – № 4 (24). – С. 4–5.

4. Луман Н. Реальность масс-медиа / Н. Луман ; пер. с нем. А.Ю. Антоновского. – Москва : Праксис, 2005. – 256 с.

5. Tichenor, P. A. Mass media flow and differential growth in knowledge / P. A. Tichenor, G. A. Donohue, C. N. Olien // Public Opinion Quarterly. – 1970. – Vol. 34, No. 2. – P. 159–170.

6. Фомичева, И. Д. Социология СМИ / И. Д. Фомичева. – Москва : Аспект Пресс, 2007. – 335 с.

7. Мартин, У. Д. Информационное общество : реферат / У. Д. Мартин // Теория и практика общественно-научной информации : реферативный сборник / Академия наук СССР, ИНИОН. – 1990. – № 3. – С. 115–125.

8. Моргунов, А. А. Информационное общество и перспективы его трансформации: философско-культурологический анализ: дис. … канд. филос. наук: 24.00.01 / А. А. Моргунов. – Самара, 2016. – 188 с.

Мутугулина Нелли Игоревна
ассистент кафедры
ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»
г. Уфа, Республика Башкортостан

DOI 10.31483/r-169522

МЕДИАТИЗИРОВАННЫЙ ОБРАЗ БУДУЩЕГО: МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация: *в статье исследуется механизм формирования образа будущего в современном медиапространстве. Обосновывается положение о том, что медиапространство не задаёт аудитории единственный готовый образ будущего, а формирует пространство тем, сценариев и смысловых конструкций, внутри которого осуществляется индивидуальная и коллективная интерпретация возможных состояний социальной реальности. Рассматриваются механизмы селекции информации, формирования медиаповестки, репрезентации, эмоционального кодирования и интерпретации. Особое внимание уделяется теории agenda-setting, информационному неравенству и неоднородности аудитории. Предлагаются*

авторские определения «образа будущего» и «медиатизированного образа будущего», а также формулируется принцип селективной медиатизации будущего.

Ключевые слова: *образ будущего, медиатизированный образ будущего, медиапространство, медиаповестка, agenda-setting, медиарепрезентация, информационное неравенство, эмоциональная модальность.*

Представления о будущем занимают особое место в структуре общественного сознания. В отличие от представлений о прошлом или настоящем, будущее не обладает непосредственной эмпирической данностью. Оно существует преимущественно в форме предположений, ожиданий, прогнозов, сценариев и символических образов.

Поэтому значительная часть представлений о возможных состояниях социальной реальности формируется опосредованно – через коммуникацию. Особое значение в этом процессе приобретает медиапространство, поскольку именно в нём происходит постоянный отбор тем, событий и проблем, которым придаётся общественная значимость.

При этом было бы неправомерно сводить влияние медиапространства к прямой передаче аудитории определённого представления о будущем. Между медиасообщением и индивидуальным образом будущего существует сложная система промежуточных процессов: отбор информации, формирование повестки, выбор формы репрезентации, эмоциональное кодирование, восприятие и интерпретация.

В настоящей статье предлагается рассмотреть эти процессы как последовательные элементы формирования медиатизированного образа будущего.

Образ будущего может рассматриваться как система представлений субъекта о возможных, вероятных или желательных состояниях социальной реальности. Такие представления формируются на основе взаимодействия непосредственного опыта, знаний, ценностей, ожиданий и поступающей извне информации.

В медиапространстве будущее становится предметом символического конструирования. Средства массовой коммуникации и другие участники медиасреды предлагают аудитории определённый набор тем, прогнозов, сценариев и оценок, через которые возможные изменения социальной реальности получают смысловую форму.

В рамках настоящего исследования предлагается следующее рабочее определение:

образ будущего – это индивидуально или коллективно сформированная система представлений о возможных, вероятных или желательных состояниях социальной реальности, возникающая в результате взаимодействия личного опыта, знаний, ценностей, ожиданий и медиарепрезентаций и выполняющая функцию ориентира при оценке настоящего и выборе возможных моделей поведения.

Такое определение подчёркивает двойственную природу образа будущего. С одной стороны, он связан с внешними информационными воздействиями; с другой – не может быть сведен к ним, поскольку окончательное содержание представления зависит от особенностей субъекта.

На этой основе вводится более узкое понятие – медиатизированный образ будущего.

Медиатизированный образ будущего представляет собой образ возможного состояния социальной реальности, формируемый и распространяемый посредством медиарепрезентаций, которые задают аудитории определённый набор тем, сценариев, символов и эмоциональных оценок будущего.

Таким образом, медиатизированный образ будущего является не готовой картиной, передаваемой от медиапроизводителя к аудитории, а результатом взаимодействия медиакоммуникационного процесса и активности реципиента.

Современный человек функционирует в условиях постоянного информационного избытка. А. Д. Еляков связывает проблему информационной перегрузки с необходимостью формирования индивидуальной информационной культуры, предполагающей осознание

целей поиска, концентрацию на необходимой информации и фильтрацию несущественного содержания [1, с. 120, 121].

Для формирования образа будущего эта проблема приобретает особое значение. Потенциальное множество возможных сценариев будущего значительно превосходит объём информации, который может быть одновременно воспринят отдельным человеком.

Следовательно, первым условием формирования образа будущего становится селекция. Из информационного потока выделяются определённые темы, события, проблемы и сценарии, которые получают возможность дальнейшего осмысления.

При этом селекция осуществляется на нескольких уровнях. Она может происходить в редакционной политике медиа, посредством алгоритмических механизмов цифровых платформ, в деятельности социальных групп и сообществ, а также непосредственно самим пользователем.

В результате образ будущего формируется уже на первом этапе не из всего множества потенциально доступной информации, а из ограниченного набора медиарепрезентаций.

Данный механизм позволяет сформулировать принцип селективной медиатизации будущего: образ будущего формируется в условиях ограниченного внимания и потому зависит не только от содержания медиапространства, но и от механизмов отбора информации, определяющих, какие сценарии будущего становятся доступными субъекту для осмысления, а какие остаются за пределами его информационного поля.

Следующим этапом является формирование медиаповестки.

В классической теории agenda-setting М. МакКомбса и Д. Шоу внимание аудитории рассматривается как ресурс, распределение которого связано с интенсивностью освещения различных общественных вопросов средствами массовой информации [2, с. 188–195].

Принципиально важно, что медиаповестка не должна пониматься как прямой механизм формирования готовых убеждений. Её основная функция состоит в выделении определённого круга тем и проблем, которые получают возможность стать предметом общественного внимания.

В отношении будущего данный механизм приобретает особую специфику. Если событие настоящего потенциально может быть проверено посредством непосредственного опыта, то будущее лишено такой возможности. Оно существует в форме предположений и сценариев.

Поэтому особое значение получают темы, которые являются для аудитории новыми или недостаточно освоенными. П. С. Гуревич отмечает, что сообщения массовой коммуникации оказывают большее воздействие в отношении новых или ещё неустоявшихся проблем, тогда как по вопросам, имеющим устойчивую интерпретационную основу, аудитория демонстрирует большую стабильность установок [3, с. 163].

Применительно к образу будущего это означает, что в условиях неопределённости медиаповестка может выполнять функцию одного из основных источников символических ориентиров. Она задаёт тематическое поле, внутри которого определённые направления развития общества начинают восприниматься как значимые и заслуживающие внимания.

Однако одна и та же медиаповестка может порождать различные представления о будущем. Это связано с различиями в опыте, ценностях, знаниях и информационной компетентности аудитории.

Аудитория как активный участник формирования образа будущего

Неоднородность аудитории является принципиальным фактором формирования образа будущего.

Современная цифровая коммуникация не предполагает существования единой массовой аудитории, одинаково воспринимающей одни и те же сообщения. Пользователи различаются по уровню информационной компетентности, профессиональному опыту, характеру медиапотребления и способности критически интерпретировать содержание.

Данная проблема связана с трансформацией информационного неравенства. Теория информационного разрыва П. Тиченора, Г. Донохью и К. Олиена связывала различия в

усвоении информации с неравномерностью доступа к информационным ресурсам и социально-экономическими различиями [4, с. 159–170].

В цифровой среде доступ к базовым каналам коммуникации во многих случаях расширился, однако это не устранило различия между пользователями. Они частично переместились на уровень поиска, оценки, интерпретации и практического использования информации.

Следовательно, информационное неравенство необходимо рассматривать не только как различие в объёме доступных сведений, но и как различие в способности превращать информационный поток в осмысленное знание.

Для образа будущего это особенно важно. Два субъекта могут получать информацию из одного и того же медиапространства, но формировать на её основе различные представления о возможном развитии общества.

Таким образом, медиатизированный образ будущего возникает не в результате автоматического усвоения медиасообщения, а в процессе его включения в индивидуальную систему знаний, опыта и ценностей.

Репрезентация будущего и эмоциональная модальность

После отбора информации и включения проблемы в медиаповестку возникает следующий уровень – её репрезентация.

Одно и то же направление развития может быть представлено через различные смысловые и визуальные конструкции. Например, технологическое изменение может описываться как возможность развития, источник новых перспектив, потенциальная угроза, риск потери привычного порядка или неизбежная трансформация.

Таким образом, медиапространство определяет не только то, какая тема будущего становится видимой, но и то, в какой эмоциональной рамке она предлагается аудитории.

Особое значение здесь приобретает эмоциональная модальность медиарепрезентации. Возможный сценарий может получать положительную, отрицательную или неопределённую эмоциональную окраску.

Если определённое направление развития регулярно связывается с угрозой, нестабильностью или потерей, оно может становиться элементом тревожного образа будущего. Если тот же сценарий представляется через возможности, развитие и новые перспективы, формируется иная основа для его интерпретации.

При этом эмоциональная насыщенность сообщения не должна автоматически рассматриваться как доказательство манипуляции. Для установления манипулятивного характера воздействия необходимо анализировать содержание сообщения, способы его распространения, коммуникативный контекст и реакцию аудитории.

Более корректно говорить о том, что эмоциональная модальность создаёт определённые условия для интерпретации сценария будущего.

На основании проведённого анализа можно представить механизм формирования медиатизированного образа будущего в виде последовательности:

информационный поток → селекция → медиаповестка → медиарепрезентация → эмоциональное кодирование → восприятие → интерпретация → включение в индивидуальную или коллективную картину мира → образ возможного будущего.

Каждый последующий этап не является простым продолжением предыдущего.

На стадии селекции из общего информационного пространства выделяются отдельные объекты. На стадии формирования медиаповестки они приобретают общественную видимость. Далее определяются способы их репрезентации, включая выбор контекста, визуальных средств, аргументации и эмоциональной модальности. После этого сообщение вступает во взаимодействие с опытом и когнитивными установками аудитории.

Поэтому итоговый образ будущего представляет собой результат многократного преобразования информации.

Предлагаемая модель позволяет также объяснить, почему одна и та же медиаповестка может порождать различные варианты образа будущего. Общая тема может быть одинаковой, однако её интерпретация будет зависеть от того, каким информационным опытом располагает субъект, какие ценности разделяет и насколько способен критически работать с медиасообщениями.

Из изложенного следует, что влияние медиапространства на представления о будущем нецелесообразно описывать через модель прямой детерминации.

Медиапространство не создаёт единственный обязательный образ будущего. Оно формирует пространство доступных для общественного осмысления тем, сценариев и смысловых конструкций.

Это положение позволяет по-новому рассмотреть функцию медиаповестки. Она не только распределяет внимание между проблемами настоящего, но и определяет, какие варианты развития социальной реальности становятся предметом публичного обсуждения.

При этом механизм воздействия имеет нелинейный характер. Одна и та же репрезентация может быть воспринята как желательная возможность, неизбежное изменение, потенциальная угроза либо маловероятный сценарий.

Следовательно, медиатизированный образ будущего формируется на пересечении двух процессов: медиапроизводства, задающего набор доступных символических конструкций, и деятельности аудитории, которая осуществляет их интерпретацию и соотнесение с собственной картиной мира.

Проведённый анализ позволяет рассматривать формирование медиатизированного образа будущего как многоэтапный процесс, включающий селекцию информации, формирование медиаповестки, выбор способов репрезентации, эмоциональное кодирование и последующую интерпретацию сообщения аудиторией.

Ключевой особенностью данного процесса является его нелинейность. Медиапространство не передаёт аудитории готовый образ будущего, а формирует совокупность тем, сценариев, символов и оценок, внутри которой субъект конструирует собственное представление о возможных состояниях социальной реальности.

В статье предлагается разграничивать понятия «образ будущего» и «медиатизированный образ будущего». Первый представляет собой более широкую систему индивидуальных или коллективных представлений о возможных, вероятных или желательных состояниях социальной реальности. Второй акцентирует роль медиарепрезентаций в формировании таких представлений.

Таким образом, механизм формирования медиатизированного образа будущего можно представить как последовательность: селекция – медиаповестка – репрезентация – эмоциональная модальность – интерпретация – интеграция в картину мира.

На каждом этапе происходит сокращение множества потенциальных представлений о будущем и выделение определённых сценариев для дальнейшего общественного осмысления. Поэтому медиапространство следует рассматривать не как источник единственного заданного образа будущего, а как среду структурирования пространства возможных сценариев.

Список литературы

1. Еляков, А. Д. Информационная перегрузка людей / А. Д. Еляков // Социс. – 2005. – № 5. – С. 114–121.

2. McCombs M. The Agenda-Setting Function of Mass Media / M. McCombs, D. Shaw // Public Opinion Quarterly. – 1972. – Vol. 36. – P. 176. – DOI 10.1086/267990.

3. Гуревич, П. С. Буржуазная идеология и массовое сознание / П. С. Гуревич. – Москва : Наука, 1980. – 367 с.

4. Tichenor, P. A. Mass media flow and differential growth in knowledge / P. A. Tichenor, G. A. Donohue, C. N. Olien // Public Opinion Quarterly. – 1970. – Vol. 34, No. 2. – P. 159–170.

5. Луман, Н. Реальность масс-медиа / пер. с нем. А.Ю. Антоновского / Н. Луман. – Москва : Праксис, 2005. – 256 с.

6. Бескова, И. А. Индивидуальная реальность и дискурс самопредъявления человека / И. А. Бескова // Визуальный образ. Междисциплинарные исследования. – Москва, 2008. – С. 158–173.

7. Ильин, В. В. Теория познания. Симвология. Теория символических форм / В. В. Ильин. – Москва : Изд-во Московского университета, 2013. – 384 с.
8. Кривых, Л. В. Роль визуального образа в коммуникативном акте / Л. В. Кривых // Визуальный образ. Междисциплинарные исследования. – Москва, 2008. – С. 174–179.
9. Котельникова, Л. А. Визуализация и образ в современной психотерапии / Л. А. Котельникова // Визуальный образ. Междисциплинарные исследования. – Москва, 2008. – С. 206–216.
10. Моль, А. Социодинамика культуры / А. Моль. – Москва : Логос, 2005. – 664 с.
11. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр; пер. О.А. Печенкина. – Тула, 2013. – 204 с.
12. Фомичева, И. Д. Социология СМИ / И. Д. Фомичева. – Москва : Аспект Пресс, 2007. – 335 с.

Oleinikova Olesia Olegovna
Student
FSBEI of HE "Russian Timiryazev State Agrarian University"
Moscow
Almazova Ekaterina Sergeevna
PhD student
FGBOU VO "Sibirskii gosudarstvennyi universitet nauki
i tekhnologii im. akademika M.F. Reshetneva"
Krasnoyarsk, Krasnoyarsk region
Solovyeva Tatyana Vladimirovna
PhD student
Reshetnev Siberian State University of Science and Technology
Krasnoyarsk, Krasnoyarsk region

Scientific adviser
Gorbachev Sergey Igorevich
Candidate of Technical Sciences, Associate Professor
FSBEI of HE "Russian Timiryazev State Agrarian University"
Moscow

COMPARATIVE PERFORMANCE ANALYSIS OF MACHINE LEARNING TECHNIQUES FOR CARDIOVASCULAR DISEASE PATTERN DETECTION

Abstract: *this paper evaluates the performance of three data analysis techniques-decision trees, neural networks, and self-organizing Kohonen maps-in identifying cardiovascular disease patterns. Based on a dataset of 1,328 patient records, the models were compared regarding classification accuracy for target variables and demographic attributes. The neural network achieved the lowest error rate for disease prediction (3.61%), while the decision tree showed robust performance (6.17%) with higher interpretability. The findings underscore the necessity of method selection based on data specificity and the trade-off between accuracy and transparency in medical diagnostics.*

Keywords: *data analysis, machine learning, decision trees, neural networks, Kohonen maps, healthcare analytics.*

Олейникова Олеся Олеговна
студентка
ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева»
г. Москва
Алмазова Екатерина Сергеевна
аспирант
ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева»
г. Красноярск, Красноярский край
Соловьева Татьяна Владимировна
студентка
ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева»
г. Красноярск, Красноярский край

Научный руководитель
Горбачев Сергей Игоревич
канд. техн. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева»
г. Москва

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕТОДОВ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ПАТТЕРНОВ СЕРДЕЧНО-СОСУДИСТЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ

Аннотация: *в статье проводится оценка эффективности трех методов анализа данных – деревьев решений, нейронных сетей и самоорганизующихся карт Кохонена – для выявления паттернов сердечно-сосудистых заболеваний. На основе набора данных, включающего 1 328 записей о пациентах, модели сравнивались по точности классификации целевых переменных и демографических атрибутов. Нейронная сеть продемонстрировала наименьший уровень ошибки при прогнозировании заболевания (3,61%), в то время как дерево решений показало надежные результаты (6,17%) при более высокой интерпретируемости. Полученные результаты подчеркивают необходимость выбора метода с учетом специфики данных, а также компромисса между точностью и прозрачностью моделей в медицинской диагностике.*

Ключевые слова: *анализ данных, машинное обучение, деревья решений, нейронные сети, карты Кохонена, медицинская аналитика.*

Introduction: data analysis has become an indispensable tool in healthcare for identifying patterns, predicting trends, and discovering internal dependencies within multivariate patient records. This study focuses on the application of three powerful ML techniques: decision trees, neural networks, and self-organizing Kohonen maps (SOM). The objective is to reveal their effectiveness in uncovering hidden dependencies related to heart disease and to provide concrete practical examples of their application in solving real-world diagnostic problems.

Research Methods: the dataset comprises 1,328 records, each representing a patient with 14 medical attributes, including age, sex, chest pain type, resting blood pressure, serum cholesterol, and maximum heart rate. The target variable indicates the presence (1) or absence (0) of heart disease.

- *Decision Trees:* Provide a transparent, hierarchical decision structure that simplifies result interpretation and identifies key factors affecting classification.

- *Self-Organizing Maps (SOM):* Employed to cluster patients based on multidimensional clinical characteristics, facilitating the visualization of data structures and grouping of similar profiles.

- *Neural Networks:* A multilayer architecture was utilized to automatically extract meaningful features and minimize prediction errors for complex, non-linear relationships in the medical data.

Results and Discussion: the models were evaluated based on their error rates in predicting the target variable (disease presence), age, and sex.

- *Decision Tree:* Demonstrated high performance in predicting the target attribute (error rate 6.17%) and sex (5.12%). However, a 0% error in age prediction suggests potential overfitting to the training data.

- *Kohonen Maps:* Encountered difficulties with categorical and continuous variable predictions, yielding a 10.71% error for the target and 50.15% for age, indicating the need for rigorous parameter tuning.

- *Neural Network:* Showed the best overall performance for disease prediction with an error rate of 3.61%. Nevertheless, it struggled with age determination (99.62% error), highlighting the necessity for architectural optimization when handling diverse attribute types simultaneously.

The varying sensitivity of the methods to different attributes emphasizes the importance of understanding data specificity. Decision trees excel in identifying transparent dependencies affecting heart disease risk, while neural networks provide superior classification accuracy for the primary diagnostic target.

Conclusion: the comparative analysis confirms that no single algorithm is universally optimal for all medical attributes. Decision trees offer a balance of acceptable accuracy and high interpretability, crucial for clinical decision support. Neural networks provide superior predictive power for the target disease but require careful tuning to handle auxiliary demographic variables. Future research will focus on ensemble methodologies to mitigate overfitting and improve multi-target prediction accuracy.

References

1. Cherniaeva P.D. Legal aspects of applying predictive video monitoring systems based on computer vision / P.D. Cherniaeva, V.Yu. Panchenko, G.V. Korableva // Strategii ustoichivogo razvitiya: sotsial'nye, ekonomicheskie i yuridicheskie aspekty : Materialy II Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Cheboksary, 26 avgusta 2026 goda. – Cheboksary : Sreda, 2026. – P. 408–411. – EDN ZZFHDK.

2. Integratsiya geoinformatsionnykh sistem i algoritmov iskusstvennogo intellekta dlya monitoringa geotekhnicheskoi ustoichivosti ob»ektov gornoi infrastruktury / L.A. Kazakovtsev, A.S. Prudkii, I.A. Vakhrusheva, M.S. Nikanorov // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Nauki o Zemle. – 2026. – No. 1. – P. 354–359. – EDN EGFSPA.

3. Intellektual'naya model' prognozirovaniya ob»emov obrazovaniya otkhodov na osnove metodov mashinnogo obucheniya / T.A. Panfilova, V.S. Tynchenko, B.V. Potapov, M.S. Nikanorov // Ustoichivoe razvitie gornykh territorii. – 2026. – Vol. 18, No. 2 (68). – P. 1107–1120. – DOI 10.21177/1998–4502–2026–18–2-1107–1120. – EDN GTTEPG.

4. Morozov O.O. Investigation of capabilities of artificial intelligence technologies in problems of diagnostics of the condition of polymer reinforced pipelines / O.O. Morozov, B.V. Potapov, P.S. Shcherban // Fundamental'nye i prikladnye problemy tekhniki i tekhnologii. – 2024. – No. 3 (365). – P. 182–195. – DOI 10.33979/2073–7408–2024–365–3-182–195. – EDN KEEQDF.

5. Panfilov I.A. Neural network method for early detection of pre-emergency overloads in mine distribution networks / I.A. Panfilov, M.V. Zhuravlev, E.F. Malykha // Bezopasnost' truda v promyshlennosti. – 2026. – No. 7. – P. 7–13. – DOI 10.24000/0409–2961–2026–7-7–13.

6. Razrabotka programmnogo modulya otsenki effektivnosti rekul'tivatsii narushennykh zemel' po kompleksu ekologicheskikh pokazatelei / I.I. Kleshko, A.V. Babkina, O.S. Puchkova, G.V. Korableva // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Nauki o Zemle. – 2026. – No. 3. – P. 181–234.

Павлова Ирина Ивановна
канд. пед. наук, доцент, доцент
Попова Валерия Романовна
студентка
Карягин Леонид Алексеевич
студент
Московский областной филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»
г. Красногорск, Московская область

ЭТИКО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ У СЛУЖАЩИХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО НАДЗОРА

Аннотация: *в данной статье рассматривается проблема предотвращения конфликта интересов у служащих органов государственного экологического надзора. Предметом исследования являются этико-правовые механизмы, объектом – отношения служащего с поднадзорными организациями. В исследовании применялись сравнительно-правовой, системный и сравнительно-аналитический методы. Проанализированы позиции авторов о природе надзора, коррупциогенности природоохранного законодательства и определении конфликта интересов. Выявлено, что исследования чаще оценивают нормы, а не поведение надзорного служащего. Предложены типология ситуаций, процедуры самоотвода и ротации, ограничение усмотрения.*

Ключевые слова: *конфликт интересов, экологический надзор, личная заинтересованность, коррупциогенные факторы, гражданская служба, служебное поведение, самоотвод.*

Конфликт интересов представляет собой специфический институт, находящийся на стыке права и профессиональной этики. Законодатель определяет его как ситуацию, при которой личная заинтересованность служащего влияет или способна повлиять на объективное исполнение им должностных обязанностей (ст. 10 Федерального закона от 25.12.2008 №273-ФЗ «О противодействии коррупции»). С одной стороны, реформа контрольно-надзорной деятельности (Федеральный закон от 31.07.2020 №248-ФЗ) закрепила риск-ориентированный подход, при котором выбор объектов, форм мероприятий и мер реагирования остаётся за должностным лицом, то есть сохраняется пространство для оценочных решений. С другой стороны, современная антикоррупционная политика смещается к профилактике, например, в Росприроднадзоре в 2024 г. утверждены реестр коррупционных рисков (приказ от 17.04.2024 №199) и порядок работы комиссий по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов (приказ от 20.05.2024 №274). При этом экологический кризис повышает цену управленческой ошибки. Л.В. Юн связывает коррупционные правонарушения в экологической сфере с затруднённым достижением государственных экологических целей [13, с. 21].

В то же время ключевую роль в предупреждении подобных ситуаций играют нормы профессионального поведения и этические установки. Сам по себе конфликт интересов еще не квалифицируется как коррупционное правонарушение, однако, как справедливо указывает Е.И. Власова, выступает прямой предпосылкой для его совершения [2, с. 24].

В сфере государственного экологического надзора данная проблема приобретает особую остроту. Принимаемые инспекторами решения – от квалификации выявленных нарушений и выбора мер реагирования до согласования нормативов и выдачи разрешений – напрямую затрагивают финансовые и имущественные интересы бизнеса. При этом цена ошибке здесь крайне высока: экологический вред зачастую носит необратимый характер.

Между тем научное осмысление этой темы пока остаётся разрозненным. Исследования, посвящённые конфликту интересов на гражданской службе [2; 3], коррупциогенности

природоохранного законодательства [4], спецификам коррупции в сфере природопользования [5; 11; 12] и теоретическому разграничению контроля и надзора [6; 10], развиваются изолированно друг от друга. Психолого-педагогические исследования О.Е. Беркович, И.В. Павлова, И.И. Павловой, Л.В. Ершовой в области профилактики конфликта интересов направлены на выявление личностных предпосылок, изучение «зон риска», разработка методов профилактики, формированию установок и норм, психологическому сопровождению, давая практикам рекомендации по выстраивании системы профилактики под конкретную среду [1; 7–9]. Комплексных работ, которые объединяли бы эти направления применительно к специфике работы экологического инспектора, в доступной литературе пока нет.

Е.И. Власова считает законодательную формулу достаточной. На её основе она описывает условия возникновения коррупционного поведения, ненадлежащее исполнение обязанностей, слабый контроль нанимателя, а также отсутствие критериев, позволяющих распознать риск конфликта интересов [2, с. 24–25]. Главным таким критерием, по её мнению, выступает сокрытие доходов, расходов и имущественных обязательств [2, с. 25]. Иначе смотрят на проблему А.В. Гневко, А.О. Зернов и Е.В. Воскресенская. Сами понятия «конфликт интересов» и «личная заинтересованность» в ст. 10 Федерального закона №273-ФЗ они называют некорректными. Авторы предлагают уточнить их с учётом опыта Республики Беларусь и закрепить критерии отнесения конкретных фактов к этим категориям [3, с. 61–64]. Вместе с тем они признают: даже уточнённая дефиниция не устраняет коррупционную составляющую полностью, ведь определяющая норма по своей природе носит общий характер [3, с. 64].

В научной литературе нет единства по вопросу о том, как соотносятся контроль и надзор. К.В. Маслов, разбирая существующие взгляды, показывает это достаточно наглядно. Одни авторы считают надзор частью контроля, другие настаивают на их самостоятельном значении. Есть и позиция, согласно которой надзор всегда проверяет только законность, а контроль этим не ограничивается [6, с. 85–90]. Сходная проблематика применительно к экологической сфере поднимается в статье «Соотношение понятий экологический контроль и экологический надзор» [10]. Для темы конфликта интересов здесь важен вывод, которого сами авторы не делают. Если надзор оценивает законность деятельности лиц, не подчинённых надзорному органу организационно, то решающее значение приобретают не служебная иерархия, а личные, родственные и имущественные связи. Значит, и предотвращать конфликт интересов нужно прежде всего через воздействие на эти связи.

Самый предметный разбор источников риска дан у А.Н. Горбачева. Он сознательно ограничил предмет недостатками самих правовых норм, а не практики их применения, и адресует претензии законодателю [4, с. 505]. Разбирая положения Федерального закона «Об охране окружающей среды», автор отмечает систематическое использование конструкций «может/могут» и «иные/другие», а также оценочных категорий вроде «эффективный» и «значительный». Такие формулировки оставляют неоправданно широкое поле для усмотрения [4, с. 505–508]. Для нашей темы из этого важны два вывода. Первый связан с институтом экологического нормирования, который отличается повышенной коррупциогенностью. Наилучшие доступные технологии, комплексное экологическое разрешение, временно разрешённые выбросы и сбросы определяются через неопределённые критерии, например, «техническую возможность» или «невозможность» соблюдения нормативов [4, с. 507, 508]. Второй вывод касается ст. 66 закона, закрепляющей права должностных лиц органов экологического надзора. Она построена на диспозитивных формулах («вправе», «могут быть привлечены»), хотя по существу речь идёт об обязательном участии в деле [4, с. 506].

В статье «Коррупциогенные факторы в экологическом законодательстве» [5] обнаруживается сходный набор факторов: неопределённость норм, их отсылочный характер и широкое усмотрение правоприменителя. Это ещё раз говорит о системном характере проблемы. Но между этими работами и исследованием служебного поведения есть принципиальная разница. Нормы лишь задают пространство усмотрения. Они не объясняют, как ведёт себя служащий в этом пространстве, когда у него есть личный интерес. Сам А.Н. Горбачев признаёт,

что особенности коррупциогенных проявлений в природоохранной сфере изучены слабо [4, с. 504].

Т.В. Халилова, Л.С. Леонтьева и Л.Ф. Гайнуллина переносят проблему на макроуровень, отталкиваясь от концепции «проклятия природных ресурсов». По их логике, ресурсное богатство неизбежно сопровождается борьбой за ренту и ростом коррупции. Особенно остро это проявляется при слабом гражданском обществе и непрозрачной власти [11, с. 27]. К факторам коррумпированности исследователи причисляют неэффективность законодательства, отсутствие политической воли и непрозрачность отчётности. В качестве меры предлагается повышать прозрачность, в том числе за счёт внедрения стандарта ИПДО [11, с. 31]. Эти выводы сделаны на материале добычи углеводородов и надзорных служащих прямо не касаются, но задают контекст того, что чем выше рента, зависящая от решений надзорного органа, тем сильнее давление на служащего. Сходную логику развивает статья А.В. Захарова о борьбе с экологической преступностью и коррупцией [5], где характерным для экологической сферы явлением названо «коррупционное лоббирование» на фоне столкновения экономических и экологических интересов. А.Н. Горбачев также ссылается на «парадокс изобилия» как фактор высокой коррупциогенности природопользования [4, с. 504].

Единственным в проанализированном массиве примером, где конфликт интересов рассмотрен на материале должности экологического надзора, является судебное дело, описанное Л.В. Юн. Главный государственный инспектор в области охраны окружающей среды был уволен в связи с утратой доверия: его сын работал в организации, ведущей добычу гранита, а сам он участвовал в качестве представителя министерства в судебном споре с участием этой организации и не уведомил представителя нанимателя о конфликте интересов (апелляционное определение Иркутского областного суда от 08.09.2016 по делу №33–11456/2016) [9, с. 21, 22]. По доводам истца, он уведомил работодателя устно, однако уведомление было проигнорировано комиссией; суд же исходил из того, что надлежащего уведомления представителя нанимателя не последовало [12, с. 22].

На этом примере видны сразу три проблемы. Первая: уведомительный порядок не гарантирует, что сам факт обращения служащего будет зафиксирован. Дальше идёт тот нюанс, что участие в делах организации, связанной с аффилированным родственником, не приводило к автоматическому отстранению чиновника. К тому же данные о родственниках, поданные при приёме на службу, не заменяют текущего контроля за ситуацией. Сама Л.В. Юн указывает на недостоверность сведений о близких родственниках, предлагает расширить полномочия, чтобы подобные конфликты сводились к минимуму, и напоминает о необходимости учитывать смягчающие и отягчающие обстоятельства, когда оценивается нарушение служащим антикоррупционных требований [12, с. 22].

Всех авторов объединяет одно: риск они выводят из пространства личной свободы решения. Это может быть усмотрение, заданное нормой, слабость контроля нанимателя, неопределённость понятий или непрозрачность. А вот дальше мнения расходятся. Кто-то анализирует уровень нормы, кто-то должностное лицо, кто-то структуру; и меры предлагаются разные, от юридической техники до служебных процедур и прозрачности. Остаётся открытым вопрос, достаточно ли действующего определения конфликта интересов, где искать причины, в нормах или в поведении служащих, и можно ли ограничиться уведомительными процедурами без автоматического отстранения. Наконец, пробелы очевидны: нет описания типовых ситуаций для надзорных должностей, нет эмпирических данных о работе комиссий Росприроднадзора и об эффективности ротации, не прописаны этические стандарты для самих надзорных процедур.

С учётом выявленных пробелов предлагается комплекс этико-правовых механизмов. Первым элементом выступает типология ситуаций конфликта интересов для надзорных должностей. В неё входят родство или свойство с работниками и руководителями поднадзорных организаций, предшествующая работа в них, участие в оценке объекта, с которым связаны имущественные интересы служащего. Необходимость такой типологии прямо вытекает из работ,

в которых родственные связи названы основным источником риска [3; 12]. Второй – обязательная письменная форма уведомления с регистрацией в электронном реестре и сроком рассмотрения, что устраняет проблему доказывания факта обращения, проявившуюся в деле [12, с. 22].

Третий механизм – автоматический самоотвод. При совпадении служащего с типовой ситуацией дело перераспределяется без дополнительного решения, а отстранение, о котором говорит Е.И. Власова [2, с. 25], становится процедурой, а не мерой реагирования постфактум. Четвёртый – ограничение дискреции, критерии выбора объектов и мер реагирования, чек-листы и мотивировка решений, что отвечает выводам А.Н. Горбачева о коррупциогенных оценочных формулировках [4, с. 507]. Пятый – разделение функций проверки и участия в разрешительных процедурах (например, по комплексным экологическим разрешениям) в отношении одной организации и регулярная ротация закреплённых объектов, которую рассматривает Власова [2, с. 25]. Шестой – этический компонент. Кодекс служебного поведения с разбором реальных надзорных ситуаций, обучение на казусах и общественный контроль в духе прозрачности, предложенной в [3, с. 64] и [11, с. 31].

В результате исследования мы считаем, что Росприроднадзору и его территориальным органам целесообразно дополнить реестр коррупционных рисков описанием конкретных надзорных процедур, закрепить типовые ситуации в локальных актах, вести реестр уведомлений и публиковать обезличенную статистику работы комиссий. Законодателю стоит сужать пределы усмотрения в экологических нормах. Вместо открытых перечней и оценочных формул лучше закреплять конкретные критерии [4, с. 508], а заодно рассмотреть и специальные требования к надзорным должностям. Кадровым службам при назначении и ротации нужно проверять, не связаны ли служащие с поднадзорными организациями. До принятия решения полезно проводить консультирование, обучение же выстраивать на судебной практике. Научному сообществу предстоит на эмпирическом материале разобраться, как работают комиссии и насколько ротация эффективна.

Таким образом, проведённое исследование продемонстрировало, что риск возникновения конфликта интересов в сфере экологического надзора продиктован совокупностью трёх факторов: широким усмотрением, высокой ценой решения и отсутствием иерархической связи между проверяющим служителем и проверяемым лицом. Научные работы в основном занимались оценкой норм либо макроусловий, тогда как поведение служителя надзора плохо изучено. Приходим к выводу, что эффективная система предотвращения должна сочетать ограничение усмотрения, процедурные гарантии (письменное уведомление, самоотвод, ротацию, разделение функций) и этическую подготовку служащих. Полученные выводы носят предварительный характер и требуют проверки на материалах территориальных органов Росприроднадзора.

Список литературы

1. Психологические основы личной безопасности юристов : учебное пособие / О. Е. Беркович, Л. В. Ершова, Е. Б. Матрёшина [и др.]. – Казань, 2026. – 92 с.

2. Власова, Е. И. Предупреждение коррупционного поведения государственных гражданских служащих / Е. И. Власова // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. – 2022. – № 2. – С. 23–28.

3. Гневко, А. В. Актуальные проблемы государственной службы в Российской Федерации / А. В. Гневко, А. О. Зернов, Е. В. Воскресенская // Социология и право. – 2020. – № 1 (47). – С. 60–65.

4. Горбачев, А. Н. Об антикоррупционном потенциале природоохранного законодательства РФ / А. Н. Горбачев // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2024. – Т. 34. – С. 504–509.

5. Захаров, А. В. Борьба с экологической преступностью и коррупцией в контексте существования современных глобальных экологических вызовов человечеству / А. В. Захаров // Вестник ТГУ. – 2012. – № 11. – С. 367–370.

6. Маслов, К. В. О соотношении понятий контроля и надзора / К. В. Маслов // Правоприменение. – 2018. – Т. 2, № 1. – С. 85–90.

7. Павлов, И. В. Воспитание патриотизма у обучающихся на основе семейных ценностей / И. В. Павлов, И. И. Павлова, В. И. Павлов // Перспективы науки. – 2024. – № 4 (175). – С. 228–234.
8. Павлов, И. В. Патриотическое воспитание подростков : учебно-методическое пособие / И. В. Павлов, И. И. Павлова, В. И. Павлов. – Чебоксары, 2022.
9. Павлова, И. И. Готовность учителей к осуществлению гражданского воспитания учащихся / И. И. Павлова // Среднее профессиональное образование. – 2005. – № 10. – С. 49.
10. Савин, А. В. Соотношение понятий экологический контроль и экологический надзор / А. В. Савин // Труды Института государства и права РАН. – 2010. – № 6.
11. Халилова, Т. В. Коррумпированность отношений в сфере природопользования, или «Проклятие природных ресурсов» / Т. В. Халилова, Л. С. Леонтьева, Л. Ф. Гайнуллина // Актуальные проблемы экономики и права. – 2016. – № 1. – С. 26–34.
12. Юн, Л. В. Актуальные вопросы противодействия коррупционным проявлениям в экологической сфере / Л. В. Юн // Юридический вестник Самарского университета. – 2023. – Т. 9, № 4. – С. 19–24.

Пинаев Олег Сергеевич
студент
Пенчук Алина Юрьевна
студентка
Сукиева Айша Магомед-Гиреевна
студентка
Научный руководитель
Бричка Елена Ивановна
канд. экон. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)»
г. Ростов-на-Дону, Ростовская область

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРОБЛЕМНОГО ИГРОВОГО ПОВЕДЕНИЯ (ЛУДОМАНИИ) В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация: *в статье рассматривается лудомания как социально-экономическая проблема современной России. Анализируются поведенческие факторы вовлечения в азартные игры, последствия для финансового положения граждан и домохозяйств, а также возможные общественные издержки. Отдельное внимание уделяется противоречию между выгодами легального игорного сектора и необходимостью защиты населения от финансового ущерба. Рассматриваются направления совершенствования регулирования: механизмы самоограничения, повышение прозрачности условий игры, ограничение агрессивной рекламы, борьба с нелегальным сегментом и развитие доступной помощи. Сделан вывод об ограниченности статистических данных и необходимости регулярного мониторинга.*

Ключевые слова: *лудомания, азартные игры, поведенческая экономика, финансовая безопасность, долговая нагрузка, домохозяйства, государственное регулирование, социально-экономические издержки.*

В современной России проблема лудомании (науч. – проблемное игровое поведение, или расстройство, обусловленное азартными играми) становится всё более значимой. Она включает в себя не только биологические и социальные аспекты, но и напрямую влияет на экономику. Из-за развития технологий, доступ к онлайн-букмекерам и платформам с азартными играми, стал возможен практически в любое время. Это снижает барьер входа, повышает вероятность повторного участия, и приводит к последующей потере денежных средств.

Главной проблемой в регулировании этого вопроса – является противоречие между экономическими выгодами легального игрового сектора и возможными потерями граждан. Игровые компании обеспечивают занятость, выплачивают налоги и целевые отчисления на

спорт. Но вместе с тем, их деятельность приводит население к утрате сбережений, росту долгов, проблемам со здоровьем, а порой, и с законом [3, с. 79]. При этом значительная часть таких последствий не имеет достаточного отражения в СМИ, из-за чего проблема продолжает игнорироваться людьми.

Участие в азартных играх само по себе не означает наличие у человека зависимости. Для части людей, ставки являются определенной формой досуга, расходы на которую ограничены заранее установленной суммой. Лудомания же отличается утратой контроля над участием в процессе. Человек продолжает играть, вопреки негативным последствиям, нарушая собственные ограничения, и пытаясь вернуть проигранные деньги с помощью новых ставок или заемных средств. Для экономического анализа это различие является главным. Речь идёт не об осознанном потреблении риска, а о проблеме, которая способна нарушить финансовую устойчивость человека и его семьи [2, с. 84].

Согласно исследованию, 46,2% взрослых и 17,9% подростков в мире в течение 2023 года хотя бы раз принимали участие в азартных играх [1, с. 158]. Основным фактором роста популярности лудомании, является стремление получить быстрый доход. На фоне тяжелой финансовой ситуации в стране, медленное накопление денежных средств, путем откладывания части заработной платы, кажется менее выгодным, чем потенциальный крупный выигрыш.

Из-за того, что выигрыши запоминаются лучше, чем проигрыши, игрок может недооценивать совокупные потери и переоценивать вероятность успеха. Всё это вводит человека в замешательство и заставляет принимать его неправильные финансовые решения.

Также, особую роль тут играет, так называемая, погоня за проигрышем – стремление отыграться после неудачи. В таком состоянии, следующая ставка воспринимается, как возможность вернуть свой прежний уровень благосостояния. Хотя на самом деле, она увеличивает только общее количество потерь. Позже, для привлечения новых необходимых ему денежных средств, игрок обращается к родственникам или в официальные коммерческие структуры (ломбарды, микрокредитные организации), имеющие право на выдачу денег. При регулярном обращении за заемными денежными средствами происходит деградация социальных связей. Что влечет за собой, ещё большее ухудшение положения человека [3, с. 80].

Помимо социальных и биологических проблем, лудомания влечет за собой ряд экономических последствий. Самое главное последствие – сокращение средств, доступных для повседневных расходов. На начальном этапе игрок тратит свободные средства, однако по мере роста потерь, траты начинают финансироваться сокращением сбережений, расходов на жилье, питание, образование и медицинскую помощь, со временем, разрушая жизнь человека.

Потеря сбережений ведет к дестабилизации домохозяйств при возникновении непредвиденных обстоятельств. И при потере работы, болезни или срочной покупки, приходится обращаться к заемным средствам. Поэтому, ущерб появляется не только в текущих потерях, но и в уменьшении финансовой устойчивости в будущем. Также, проблемное игровое поведение ведет к диспропорции ресурсов внутри домохозяйства. Сокрытие реальных расходов и долгов, мешает членам семьи принимать рациональные решения. Финансовые трудности сопровождаются конфликтами, утратой доверия и ухудшением социальных навыков, что в долгосрочной перспективе ухудшает экономические возможности не только самого игрока, но и других членов семьи.

Значительный ущерб причиняется и трудовой деятельности индивида. Постоянные мысли об игре, отслеживание результатов ставок, нарушение сна и эмоциональное напряжение снижают концентрацию и качество работы. Это приводит к прогулам, ошибкам и снижению производительности. А потеря работы дополнительно усиливает финансовое давление и провоцирует на новые попытки получить быстрый доход [2, с. 84].

Указанные последствия возникают не у каждого участника азартных игр и не обязательно развиваются по одной схеме. Однако, при сформировавшейся зависимости, они могут усиливать друг друга. Именно такая взаимосвязь превращает индивидуальную проблему в устойчивый риск для домохозяйств.

Проблема усиливается из-за развития цифровой среды. Яркая реклама, мобильные приложения и быстрые платежи – сильно сокращают время между возникновением желания сыграть и возможностью совершить ставку. Активное участие компаний азартных игр в спортивных мероприятиях, а также в развлекательном контенте, формирует впечатление, что ставки являются нормой и с их помощью можно получить прибыль. При этом, игнорируя риск полной утраты денежных средств [1, с. 162].

Также, стоит учитывать, что причины лудомании не сводятся исключительно к низкой финансовой грамотности. Человек может понимать вероятность проигрыша, но не следовать этому в момент принятия решения. Поэтому, одного только просвещения, без инструментов, ограничивающих доступ к игре и регулирование ситуации, со стороны государства, будет недостаточно.

Для успешного регулирования рынка азартных игр, правительству следует обратить внимание на эти направления.

Первое – ограничение рекламы. Игорный бизнес популяризирует ставки среди молодой аудитории, нормализируя их и снижая субъективное восприятие риска. В дальнейшем, при появлении денег, они сразу же регистрируются на подобных платформах, что приводит к потере средств и стрессу.

Второе – повышение прозрачности условий игры. Пользователю должна быть предоставлена понятная и достоверная информация о правилах и вероятности выигрыша. Таким образом, человек будет понимать степень риска и откажется от данных финансовых вложений.

Третье – реабилитация игроков. Нужно обеспечить систему помощи и поддержки пострадавшему, чтобы у него не возникло желания вернуться туда вновь. Помимо медицинской помощи, с зависимыми следует провести ряд психологических и финансовых консультаций.

Следует отметить, что государство уже вводит меры для борьбы с проблемным игровым поведением. Например, с 1 сентября 2026 года вступил в силу Федеральный закон от 29 декабря 2025 г. №575-ФЗ, согласно которому, начинает работу механизм добровольного самозапрета граждан на участие в азартных играх [4]. Теперь каждый россиянин может осознанно отказаться от игры в казино, залах игровых автоматов, букмекерских конторах и тотализаторах.

Также, необходимо продолжать противодействие нелегальному рынку. Если пользователи смогут легко перейти на нелегальные площадки, то ограничения легальных операторов будут бессмысленными. Поэтому контроль и блокировка незаконных ресурсов должны дополнять меры по защите игроков в легальном сегменте.

Лудомания в современной России до сих пор представляет собой серьезную проблему. Её последствия оказывают прямое влияние на экономику России и ухудшают финансовое положение наших граждан. Последствия проблемного игрового поведения превышают экономические выгоды легального рынка.

Государство успешно реализует меры по контролю игорного бизнеса, но в некоторых направлениях не достигает нужной эффективности. Главным ограничением исследования остается нехватка статистической информации о распространенности лудомании и ее экономических последствиях в России. Сбор таких данных позволил бы повысить эффективность мониторинга и обоснованность принимаемых управленческих решений.

Список литературы

1. Лебедкин, Г. А. Изучение объективных факторов распространения лудомании: социологический анализ / Г. А. Лебедкин, В. Н. Матушкин // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2024. – № 12(100). – С. 157–163. – EDN HDGPQJ.

2. Пшихачева, А. М. Лудомания как социальная проблема: современные подходы / А. М. Пшихачева, З. А. Макоева // Технологии социальной работы в различных сферах жизнедеятельности : материалы IX Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения д.п.н., профессора М.Б.Рамазанова (Махачкала, 25 апреля 2024 г.). – Махачкала : Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2024. – С. 83–87. – DOI 10.26159/tsr24.2024.9.1.019. – EDN UXPLSY.

3. Семенов, И. А. Лудомания как проявление социальной аддикции / И. А. Семенов, Р. В. Кучерин // Социальные отношения. – 2024. – № 1(48). – С. 77–84. – EDN EXJLIZ.
4. С 1 сентября в МФЦ можно оформить самозапрет на участие в азартных играх // Минфин России. – URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=40553-s_1_sentyabrya_v_mfts_mozhno_oformit_samozapret_na_uchastie_v_azartnykh_igrakh (дата обращения: 21.10.2026). – Текст : электронный.

Плужников Илья Алексеевич
магистрант
Научный руководитель
Землина Ольга Михайловна
почетный работник высшего профессионального образования РФ,
канд. юрид. наук, доцент, преподаватель

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»
г. Москва

ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ НРАВСТВЕННОСТИ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ПРОШЛОЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация: *брачно-семейные отношения являются основой любого государства. Беспорядок в них влечёт беспорядок в обществе и государстве. Также и наоборот – беспорядок в государстве влечёт беспорядок в брачно-семейных отношениях. Под «беспорядком» стоит понимать угасание нравственности, аморальный пересмотр сути и смысла брачно-семейных отношений, «осознание» права на безответственность в отношении супруга или супруги, а также детей. Российская Федерация находятся в том периоде, когда данная проблематика начинает всё больше и больше заостряться. Во внимание берутся низкая рождаемость, влияние объектов культуры (фильмы) на желание вступать в брак. Разрабатываются меры по поддержке семей, чему свидетельством является рейтинг ЭКГ, меры по повышению рождаемости. Однако, у них есть общая черта – финансовое обеспечение. По моему мнению, одними финансами невозможно обеспечить процветание брачно-семейных отношений, ведь, если отнять материальное, которое по сути становится оплотом брака, то супруги не смогут найти причин для продолжения брака и легко найдут причину его расторгнуть. Поэтому, в данной научной статье ставится проблема не повышения уровня и качества материального обеспечения брачно-семейных отношений, а повышение и сохранение их нравственности.*

Ключевые слова: *брак, детство, нравственность, брачно-семейные отношения.*

При рассмотрении любой проблемы, необходим изучить её историю, то есть: было ли когда-нибудь подобное, как оно решалось и к чему привело решение и не решение проблемы. Браку и семье всегда уделялось отдельное внимание в истории человечества, а проблема брака и семьи является проблемой вечной. Стоит, например, вспомнить период правления Октавиана Августа, отличительной чертой правления которого является так раз попытка упорядочивания брачно-семейных отношений.

Перед его приходом к власти Римское государство находилось в пучине гражданских войн. Любая борьба за власть имеет негативные последствия для государства. Особенно, если эта борьба затяжная. Одним из таких последствий после окончания гражданских войн называют «изменение традиционных фамильных связей и римской морали» [1, с. 140]. Другими словами, постулаты человека, определяющие его дальнейшую жизнь, способствующие его социализации, создающие благоприятные основы для взаимопонимания и помощи друг к другу были нивелированы, пересмотрены. Пересмотр моральных ценностей может быть только в две стороны: в сторону морали и в сторону аморальности. Последнее характерно для Рима периода гражданских войн. В результате, «множество мужчин были холостяками, существенно снизилась рождаемость» [1, с. 141]. Таким образом, Октавиан решил вернуть

сложившееся нравственное положение общества к прежнему через принятие нормативно-правовых актов касательно брачно-семейных отношений.

Октавиан Август принял такие законы, как: законы Юлия (об обязательном браке; против прелюбодеяний), законы Папия-Поппея. Закон обязательном браке, исходя из его названия, обязывал граждан Империи вступать в браки. Так, мужчины 25–60 лет и женщины 20–50 лет должны были заключить брак. При этом, если они расторгали брак или супруг скончался, то они были обязаны заключить новый брак. Внебрачные и бездетные имели ограничения в наследственных правоотношениях. Стоит отметить, что в данном случае ограничение выражается в лишении права получать наследство по завещанию. Имущество, включённое в завещание в пользу внебрачного, переходило в государственную собственность. Подобные правила являются правилами общими и по своей сути не несут нравственного смысла, так необязательно брак ведёт к рождению детей, а ограничение наследственных прав вовсе не означает развитие осознанности человеком важности брака и семьи. Однако были и правила, которые поддерживали моральность брачных отношений. Например, запрещалось вступать в брак с женщинами низкой социальной ответственности, изменницами. Касательно супругов-изменников был принят закон о прелюбодеянии. Так, отец имел право убить свою дочь и её любовника, если застал первую за изменой. Муж же имел право убить только любовника. При этом, и отец, и муж имели обязанность сообщить в суд о совершении супругой или дочерью измены. Однако, если в течении 60 дней они об этом не сообщали, то мужа обвиняли в сводничестве. К тому же, дело в отношении неверной жены могло не возбуждаться, если муж простил свою супругу не в корыстных целях. Подобные наказания слишком слабо несут в себе нравственный посыл для населения и, по сути, становятся нормами устрашающими, не повышающими сознательность населения.

Затем были приняты законы Папия-Поппея, который ввели льготы для граждан, вступавших в брак и создающих семью. Например, холостяки, имеющие детей, могли наследовать половину завещанного имущества. Женщина, имеющая троих детей, освобождалась от опеки отца и мга вести самостоятельно хозяйство. Стоит отметить, что были в этих законах нормы, которые хотя бы отражали суть брачно-семейных отношений, но через призму материального. Так, муж обязан содержать жену и детей, а они в свою очередь могли требовать от него содержание. Мужу в те времена полагалось от жены «особое приданное» [3, с. 48]. При этом при разводе жена могла потребовать его обратно. Однако, муж мог его растратить до развода, что затрудняло для жены взыскание с мужа приданного. Для предотвращения подобной ситуации, был введён запрет на отчуждение недвижимого имущества, что способствовала сохранению части приданного. Тем не менее, подобные меры до конца носили материальный характер, ведь обеспечение семьи, в данном случае, больше рассматривается как простая обязанность, которую можно выполнять, особо не отдаваясь семье.

Несмотря на попытки упорядочить брачно-семейные отношения, они «не смогли в полной степени достигнуть своей цели» [3, с. 48]. По нашему мнению, оное является следствием принуждения людей к ведению брачно-семейных отношений с установлением запретительных норм и санкций. В то же время, по нашему мнению, на первое место стоит поставить укоренение аморального образа жизни, то есть вошли привычку устоявшиеся ценности в виде безбрачия, бездетности.

Современное состояние нравственности брачно-семейных отношений в России можно сравнить с нравственностью этих отношений в период правления Октавиана Августа. В те времена статистика не велась и не являлась таким обязательным элементом, каким является сегодня. Однако, в Риме Августа и в России XXI века есть общие проблемы брачно-семейных отношений, а именно: безбрачие, бездетность, предпочтение жить как холостяк. В 2025 году ВЦИОМ опубликовал в информационной сети Интернет статью «Семья и брак в России XXI века» [3] в которой рассматриваются изменения отношения к брачно-семейным отношениям в период с 2005 года по 2025 год. Одним из мотивов выделяется продолжение рода. В 2005 году, 39% опрошенных заявляли, что продолжение рода является основным

мотивом вступления в брак. В 2025 году о таком заявляли 25%. Одной из причин выделяется распространение «гражданского брака» или же сожительства. С одной стороны, сожительство может привести к рождению ребёнка, но с другой стороны, вовсе не обязывает создавать семью, ведь само по себе сожительство не создаёт нравственных обязанностей граждан по отношению к друг другу и вовсе не несёт в себе смысла объединения людей, а является просто прихотью. Также, отмечается снижение мотива избегания одиночества, то есть граждане в современности больше предпочитают жить без брачного партнёра. Вероятно, это связано с распространением индивидуализации личности или же «всё сам». Другим словами, часть граждан считает, что всё в жизни можно приобрести самостоятельно. Это касается не только карьеры и стабильного финансового положения, но и счастья, а само счастье без другого человека не построить. К тому же, отмечается, что брак становится не обязательной частью жизненного пути, но несмотря на снижение мотива продолжения рода, отмечается рост ожидаемого числа детей со стороны граждан. Так, в 2005 году среднее ожидаемое число детей составляло 1,9, а в 2025 году составляет 2,4. Это может свидетельствовать об осознании важности иметь многодетную семью, важности для страны и общества. Однако, по моему мнению, данное не сходится с падением мотива продолжения рода. Люди ожидают рождения двух или трёх детей, но при этом не считают создание семьи основой для вступления брак.

В целом, статистика ВЦИОМ противоречива. Как уже отмечалось, граждане ожидают рождения детей в районе трёх, но при этом не рассматривают рождение детей целью вступления в брак. Тогда поднимается вопрос: в чём цель заключать брак и в чём цель заводить детей?

Рассмотрев историю проблематики нравственности брачно-семейных отношений и современное состояние их нравственности, возникает необходимость рассмотрения Семейного кодекса РФ, с дальнейшим сравнением с законами Августа.

Статья 1 СК РФ [4] устанавливает, по своей сути, основы не только семейного законодательства, но и брачно-семейных отношений в том числе. Устанавливается необходимость укрепления семьи, построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов и так далее. Часть 3 статьи 31 утверждает обязанность супругов строить свои отношения на основе взаимоуважения и взаимопомощи, содействовать благополучию и укреплению семьи, заботиться о благосостоянии и развитии своих детей. То есть, опираясь на данную статью можно утверждать, что значит семья, а именно – институт, основанный на взаимоуважении и взаимопомощи, содействовании благополучию и укреплению семьи, заботе о благосостоянии и развитии своих детей. В целом, перечисление этих основ достаточно, чтобы сравнить законодательство Августа. Имеющаяся информация не говорит, что в тех законах каким-либо образом объяснялась значимость регулирования семейных отношений. Как уже говорилось, законы Августа носили принудительный и устрашающий характер и касались в основном материального. Российское законодательство не стремится обязать людей вступать в брак, но стремится сохранить уже имеющееся. При этом, материальное должно затрагиваться, так как семья без дома и средств к существованию не может сама существовать, но материальное не должно преобладать над нравственным.

Несмотря на наличие в законодательстве нравственных основ, их реализация отсутствует. Хотя это можно видеть в таких положениях Семейного кодекса как статьи 22, 63, 64. Тем не менее, подобные нравственные обязанности человека и их осознанность, по моему мнению, должны возникать у индивидума до вступления в брак, дабы противодействовать неисполнению обязанностей и нарушению прав членов семьи.

Из вышесказанного выходит необходимость предупреждения неисполнения обязанностей родителями и нарушением прав членов семьи со стороны одного из них. По моему мнению, следует, при заключении брака, разъяснять в органах ЗАГС права и обязанности супругов при вступлении в брак, а также в случае рождения детей. К тому же, есть необходимость

проверки дохода жениха и невесты. Доход будущих супругов проверяется в отношении возможности приобретения ими жилого помещения, выплаты ипотечных обязательств. Также, проверяется источник дохода. Это необходимо для обеспечения детей исполнением родителями своих обязанностями по воспитанию самих детей. Если отец и мать получают свой доход от работы, которая исключительно препятствует осуществлению воспитания своих детей, то в заключении брака должно быть отказано. Данная мера может не только воспрепятствовать расторжению брака в будущем, но и повысить осознанность со стороны будущих супругов, касательно не только материальной ответственности за свою семью, но и ответственности нравственной, то есть осознание возможного состояния семьи при наличии кредитных и ипотечных обязательств. Более того, должна способствовать тому, чтобы отец или мать воспитывали своего ребёнка в большей части его несовершеннолетней жизни. Касаемо запрета на заключение брака при наличии работы, препятствующей воспитанию ребёнка, то здесь нужно учитывать экономическое положение субъекта РФ, а также исключить данный запрет, если родитель осуществляет трудовую деятельность в районах Крайнего Севера. Если средняя заработная плата по субъекту РФ не отвечает стандартным потребностям будущих супругов (жилое помещение, ипотека, кредит, иные потребности), местные органы ЗАГС не должны быть вправе отказать в заключении брака, если будущий супруг уже осуществляет трудовую деятельность в другом субъекте РФ с заработной платой, удовлетворяющей стандартные потребности семьи.

Предыдущие меры всё равно продолжают носить материальный характер, но по крайней мере, по моему мнению, продолжают нести в себе нравственный посыл. Однако необходима ещё мера, которая при заключении брака могла бы закрепить нравственность брачно-семейных отношений не только в законе, но и в сознании граждан. По моему мнению, такой мерой может стать супружеская клятва. В качестве примера можно взять военную присягу. Безусловно, нельзя перенять весь текст, нельзя перенять посыл, так как он совсем иной, но наличие военной присяги может служить примером устного обязательства перед важным для государства и общества. Клятва должна содержать в себе необходимое, по которому человек обязуется перед супругой и институтом семьи. Так, клятва должна содержать в себе обязанность сохранять отцовство (материнство) и детство, укреплять семью, строить семейные отношения на чувствах взаимной любви и уважения, оказывать помощь друг другу и отвечать перед друг другом. Затем, эта клятва должна быть внесена в свидетельство о заключении брака с подписью каждой из сторон, подтверждающей дачу супружеской клятвы.

Список литературы

1. Васильев, В. А. Семейно-брачное законодательство Октавиана Августа / В. А. Васильев // Вестник Научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: stadia historica jenium. – 2020. – С. 139–146.

2. Семья и брак в России XXI века // ВЦИОМ : сайт. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-i-brak-v-rossii-xxi-veka?ysclid=mjwoapr11d212125486 (дата обращения: 04.01.2026 года). – Текст : электронный.

3. Лукин, Ю. М. Правовое воздействие на демографические процессы в древнейших законодательствах (на примере римского брачно-семейного права) / Ю. М. Лукин // Ученые записки казанского университета. Серия гуманитарные науки. – 2019. – Т. 161, кн. 1. – С. 41–50.

4. Российская Федерация. Законы. Семейный кодекс. №223-ФЗ : принят Государственной Думой 8 декабря 1995 г. : ред. от 23.11.2024 г. // Консультант Плюс : сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 04.01.2026). – Текст : электронный.

Пронина Елизавета Владимировна
студентка
Научный руководитель
Юринская Яна Владимировна
канд. экон. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет»
г. Магадан, Магаданская область

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА ОСНОВЕ КОНЦЕПЦИИ МИКРООБУЧЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ДКП БАНКА РОССИИ

Аннотация: *в статье исследуется проблема когнитивного разрыва между государственными институтами-регуляторами и бизнес-сообществом. В условиях дефицита времени и клипового мышления традиционные текстовые доклады демонстрируют низкую эффективность. На основе концепции микрообучения авторами разработан подход к проектированию анимационного баннера как инструмента визуальной коммуникации в бизнес-среде. Описан сценарный этап, технические характеристики и сформирована оптимальная схема его распространения. Доказано, что переход к емким анимированным сюжетам позволяет преодолеть барьер восприятия и снизить когнитивные искажения у предпринимателей, трансформируя абстрактные термины в прагматичные экономические категории.*

Ключевые слова: *бизнес-сообщество, клиповое мышление, микрообучение, анимированный баннер, денежно-кредитная политика, Банк России.*

Современная экономическая среда характеризуется динамичностью и постоянным ростом объемов данных. В условиях дефицита времени и избыточного информационного шума представители бизнес-сообщества, пытаясь работать в режиме многозадачности и перманентного стресса, жестко фильтруют всю поступающую информацию. Как следствие, нарушаются коммуникационные каналы между государственными институтами, использующими академический язык, и реальным сектором экономики, для которого важна конкретика.

Ярким примером является трансляция денежно-кредитной политики (ДКП) Банка России, реализуемая в форме публикации экономических исследований. Такие документы сложны для восприятия массовым сегментом бизнеса. У предпринимателей нет временных и когнитивный ресурсов на глубокое изучение столь масштабных массивов данных, в результате чего они отсекают информацию как избыточную. Данный вакуум неизбежно приводит к формированию ~~ложных~~ экономических мифов, росту инфляционных ожиданий, ошибочному планированию и, как следствие, снижению общей финансовой устойчивости коммерческого сектора.

Актуальность данного исследования состоит в необходимости поиска и методологического обоснования новых инструментов коммуникации. Возникает острая потребность в создании визуальных медиамеханизмов, способных выступить эффективным инструментом для объяснения макроэкономических процессов прагматичным языком бизнес-сообщества.

Цель исследования – описание эффективного коммуникационного инструмента, позволяющего интерпретировать сложный теоретический материал в лаконичный визуальный сюжет, доступный для мгновенного понимания представителями бизнес-сообщества.

Данное исследование базируется на результатах, полученных автором при работе над заданием кейс-чемпионата по денежно-кредитной политике Банка России «ANTI_МИФЫ». В соответствии с задачами конкурса был разработан анимационный баннер для развенчания укоренившегося экономического мифа.

В современном информационном мире все чаще встречается тип восприятия, получивший название «клиповое мышление», характеризующийся обработкой больших потоков информации за минимальное время. Мышление современного предпринимателя, адаптированное к такому формату, работает с динамично сменяющими друг друга образами и опирается

на базовые логические взаимосвязи, при этом классические аналитико-синтетические системы не задействованы [3]. Ввиду этого бизнес-сообществу важно предоставлять информацию в таком формате, который эффективно воспринимается в условиях острого дефицита времени и когнитивной перегрузки.

Представители бизнес-среды мыслят практическими категориями: «цена», «спрос», «издержки». Поэтому столкновение с абстрактными академическими терминами – такими экономическими понятиями Центрального банка, как «таргетирование инфляции», «трансмиссионный механизм» – создает барьер восприятия. Предпринимателю необходимо быстро принимать решения, отвечая на вопросы: «как этот продукт или технология принесет мне прибыль?» или «как это решит мою проблему?». Если поступающую информацию нельзя превратить в бизнес-стратегию, она автоматически воспринимается аудиторией как «информационный шум».

В таких условиях на первый план выходит концепция микрообучения (microlearning), предполагающая разделение материала на «микродозы» – автономные блоки информации, на освоение которых требуется от 30 секунд до 5 минут. Учитывая, что объем памяти у человека составляет около 4 единиц информации, а средний период удержания внимания на одной единице информации 10 секунд, данный метод позволяет усвоить основную суть материала до наступления ментального утомления и переключения внимания [2].

В рамках этой концепции анимация выступает «переводчиком» со сложного научного языка. Главные преимущества динамической графики по сравнению со статичными изображениями заключаются в том, что мозг человека мгновенно реагирует на движение в кадре. Статичная картинка требует усиленного внимания и времени на изучение, тогда как графика автоматически вовлекает зрителя и акцентирует внимание на ключевых элементах. Последовательная смена кадров и плавная трансформация элементов выстраивают четкую причинно-следственную цепочку всего за несколько секунд [4]. В результате анимация становится инструментом для доставки смыслов. Она переводит сложные системные процессы в микродозы информации, снижает скептицизм и экономит главный ресурс бизнес-сообщества – время.

Основываясь на указанных выше особенностях восприятия аудитории и концепцию микрообучения, автором разработан информационно-коммуникационный продукт, направленный на разоблачение популярного экономического мифа с последующим выстраиванием линейной логики «ситуация – исход – пояснение». Сюжет включает в себя несколько последовательных сцен, каждая из которых выполняет свою когнитивную функцию.

Начало визуального повествования отсылает к укоренившемуся в предпринимательской среде мифу, формулируемому как «Чем больше раздать льготных/дешевых кредитов на развитие производства, тем больше будет товаров в экономике и ниже цены».

Первая сцена демонстрирует группу предпринимателей, стоящую под метафорическим дождем из «льготных кредитов». «Денежные» капли, оседая, размывают почву под ногами и делают землю неустойчивой, а экономическую основу нестабильной. Предприниматели, видя падающие с небес «легкие» деньги, спешат наполнить ими карманы, чтобы быстрее начать закупать ресурсы для развития своего бизнеса. Главный лозунг, появляющийся в данный момент «Льготный кредит – это когда ты бежишь за ресурсом…». Задача этого кадра – захватить внимание зрителя и показать понятную, укоренившуюся в их создании модель экономического поведения.

Во второй сцене параллельно появляется ракета с надписью «Инфляция», которая стремительно уносит дефицитный ресурс. На данном этапе показывается вторая часть лозунга «…а он улетает от тебя на ракете «Инфляция». В этот момент происходит разрушение иллюзии, посредством введения реальных экономических факторов. Динамика кадра демонстрирует причинно-следственную цепочку событий с негативным концом: резкое стимулирование спроса → невозможность рынка его удовлетворить, а следовательно, дефицит ресурсов → неизбежный разгон инфляции. Визуальные объекты наглядно демонстрируют этот

дисбаланс: вместо ожидаемого снижения цен происходит их резкий рост. Данный кадр взывает к прагматизму предпринимателя, сталкивающегося с подобными ограничениями на микроуровне собственного бизнеса.

Финальная сцена предлагает научное обоснование представленных процессов и объясняет, почему ограничения в выдаче льготных кредитов является необходимым решением Центрального Банка. Логика регулятора проста: сбалансированная денежно-кредитная политика Банка России выступает не тормозом развития реального сектора, а его необходимым стабилизатором. Анимация доказывает важность динамического равновесия между спросом и предложением. Она формирует у аудитории понимание принципов политики Центрального Банка как фактора, оберегающего бизнес от неконтролируемого роста издержек.

Технические характеристики баннера соответствуют поставленным задачам. Общий хронометраж анимации ограничен интервалом от 10 до 15 секунд, что соответствует среднему периоду удержания внимания человека. 15 секунд – это порог, в пределах которого фокус внимания зрителя сохраняется на максимальном уровне. За это время мозг успевает считать краткие визуальные тезисы, не испытывая утомления от излишнего «информационного шума».

Строгая колористическая карта, разработанная автором, исключает яркие, вызывающие оттенки, стремясь сохранить простоту и лаконичность. Базой для фона выступили голубой и серый цвета фирменного стиля Банка России, что указывает на интеграцию продукта в контексте разъяснения принципов ДКП. Яркие световые акценты – в частности, оранжевый (визуализация метафорического огня) и фиолетовый (обозначение ракеты «Инфляция») – применяются для выделения ключевых проблем и фиксации этого образа в подсознании зрителя.

Баннер был спроектирован для показа на веб-ресурсах, поэтому для его создания были выбраны:

– формат HTML5, обеспечивающий адаптивность, интерактивность и относительно малый вес файла, а также поддерживаемый основными браузерами: Chrome, Firefox, Safari, Edge, Яндекс Браузер и др.);

– разрешение – 300 × 250 пикселей (стандарт «Средний прямоугольник»);

– частота кадров – 12–24 FPS, обеспечивающая визуальную плавность без избыточного веса.

Данные показатели позволяют проигрывать баннер на любых типах устройств, что способствует увеличению охвата целевой аудитории. В результате был получен высокоэффективный визуальный инструмент способный успешно выполнить образовательную и разъяснительную функции, при условии правильно выбранных каналов распространения и нейтрализации возникающих рисков.

Эффективность анимационного баннера зависит от стратегии его распространения. Ошибки в выборе медиа площадки или формулировки сообщения могут как обнулить охваты, так и ввести в заблуждение значительную часть аудитории и нанести репутационный ущерб институту – регулятору. Для обеспечения максимальной конверсии внимания предлагаются следующие цифровые каналы распространения продукта.

1. Деловые онлайн-СМИ (РБК, «Коммерсантъ», «Ведомости»). Данные ресурсы служат для предпринимателей ежедневным источником новостей и аналитики, формируя ожидания относительно уровня инфляции и траектории ключевой ставки.

2. Специализированные порталы и сервисы для представителей малого и среднего предпринимательства (МСП). В частности, разделы «Для бизнеса» на сайтах банков и платформа «Мой бизнес». Предприниматели заходят сюда за информацией о кредитах, мерах государственной поддержки и финансовых решениях.

3. Профессиональные сообщества в соцсетях. Бизнес-сообщества в VK и Telegram-каналы о бизнесе и экономике, в рамках которых предприниматели и управленцы обсуждают ставки, кредиты и рыночные риски.

4. Образовательные и экспертные ресурсы. Порталы «Эконс», «Финансовая культура», профильные онлайн-курсы. Сюда аудитория приходит за пониманием экономики, демонстрируя готовность переосмысливать экономические мифы о ДКП.

Основным направлением распространения выступает онлайн-среда как главный источник новостей и аналитики для бизнес-аудитории. Цифровые форматы позволяют не только сразу переводить пользователей на материалы Банка России, но и отслеживать показы, клики и поведение аудитории, формируя аналитику эффективности. При этом затраты и организационные ресурсы ниже, чем при масштабном офлайн-размещении, что повышает управляемость.

Специфика взаимодействия регулятора с коммерческим сегментом сопряжена коммуникационными рисками, на фоне изначального недоверия со стороны аудитории. В рамках проектирования анимационного баннера были учтены два основных риска и предложены решения для их нейтрализации.

1. Риск неверной интерпретации. Бизнес-сообщество может воспринять критику избыточного субсидированного кредитования как сигнал об отказе регулятора от поддержки реального сектора экономики. Для нивелирования данной проблемы авторы полностью оказались от поучающего характера предоставления информации в пользу объясняющего контента. Сюжет аргументированно разъясняет проблему избыточного использования льготного кредитования и делает акцент не на ограничениях, а на прямую выгоду для самого предпринимателя. Анимация показывает, что ДКП Банка России защищает покупательную способность бизнеса, а стабильные цены и важнее для долгосрочного планирования, чем краткосрочный инфляционный бум.

2. Риск неэффективного расходования ресурсов. Связан с проблемой нерационального распределения бюджета при размещении баннера на нецелевых медиаплатформах, что ведет к потере охватов. Для решения проблемы предлагается введение предварительного аудита и жесткой сегментации медиаплощадок. Комплексное изучение метрик вовлеченности, социально-демографического профиля и активности комментирующих пользователей позволяет выделить те ресурсы, которые гарантируют точное попадание контента в целевого потребителя.

Валидация разработанного баннера требует четкой системы оценивания его эффективности. Для доказательства результативности проекта предлагается двухфакторная модель оценки, сочетающая в себе количественные метрики и социологические показатели изменения экономического поведения целевой аудитории.

Для первого параметра используется анализ следующих параметров

– CTR (Click Through Rate) – отношение числа кликов на объявление к количеству его показов;

– CPC (Cost Per Click) – стоимость одного клика на объявление

– CR (Conversion Rate) – отношение числа целевых действий (подписка на аккаунт, подключение к услугам провайдера) к общему числу посетителей [1].

В данной работе автор предпочитает взять за основной технический показатель CTR, рассчитываемый по формуле (1).

$$CTR\ (\%)\ =\ \left(\frac{\text{Количество кликов}}{\text{Колличество показов}}\right) \times 100 \quad (1).$$

Для сегмента бизнес-сообщества государственного сектора нормативным и свидетельствующим об успешности реализации проекта признается показатель CTR от 5% и выше.

Дополнительным количественным параметром выступает анализ динамики поисковой активности в русском сегменте интернета «до и после» запуска продукта.

Вторым фактором для оценки эффективности выступает анкетирование и проведение социологических опросов репрезентативных фокус-групп. Качественный мониторинг фиксирует рост экономической грамотности и предполагает наличие следующих результатов:

– рост доверия к действиям Банка России и понимание внутренней логики регулятора;

– снижение инфляционных ожиданий, что помогает уберечь бизнес от импульсивных решений – неоправданных закупок и искусственного накопления избыточных запасов товара;

– фиксация способности анимационных баннеров транслировать сложные экономические процессы «простым языком», что обосновывает целесообразность дальнейшего развития коммуникации в данном направлении.

Таким образом в условиях дефицита времени и когнитивной перегрузки, традиционные методы коммуникации государственных институтов с коммерческим сегментом теряют свою продуктивность. Данное исследование показывает, что визуальные коммуникации вышли за рамки маркетинга, превратившись в инструмент макроэкономического регулирования через управление ожиданиями рынка.

Спроектированный анимационный баннер стал примером визуального «переводчика» сложных экономических процессов на простой и доступный язык. Концепция микрообучения, строгого хронометража и сценарного метода развенчания мифов позволила создать модель упрощенной доставки смысла ДКП до целевой аудитории.

Основной итог работы заключается в научно-методическом обосновании возможности снизить когнитивные искажения у предпринимателей, преодолеть психологический барьер восприятия и трансформировать абстрактные макроэкономические термины в понятные коммерческому сектору практические категории. Отказ от больших текстовых форматов в пользу емких анимированных сюжетов открывает новые коммуникационные горизонты, позволяя выстроить сбалансированный партнёрский диалог с бизнесом, укрепляя общую финансовую стабильность государства.

Список литературы

1. Анищенко, К. Л. Разработка рекламной кампании в сети Интернет и оценка ее эффективности / К. Л. Анищенко // Практический маркетинг. – 2024. – № 11(329). – С. 57–60. – DOI 10.24412/2071-3762-2024-11329-57-60.

2. Блинов, В. И. Микрообучение – из бизнеса в образование: перспективное направление развития дидактики / В. И. Блинов, И. С. Сергеев, Н. Ф. Родичев // Образование и наука. – 2022. – Т. 24, № 9. – С. 43–68. – DOI 10.17853/1994-5639-2022-9-43-68. – EDN ISEUGU.

3. Вокина, А. Н. Столкновение клипового и понятийного мышления в современном мире в бизнес-контексте / А. Н. Вокина, Н. В. Юдалевич // Бизнес-образование в экономике знаний. – 2020. – № 2 (16). – С. 21–24. – EDN KFMZKT.

4. Шутова, А. С. Особенности применения анимации при изучении динамических систем в профессиональном образовании / А. С. Шутова // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 4. – С. 89–97. – EDN AYUUAQ.

Сираковская Яна Вадимовна
канд. пед. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российский университет спорта «ГЦОЛИФК»
г. Москва
Ильичева Ольга Владимировна
канд. биол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Московская государственная
академия физической культуры»
г. Москва

КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ СПОРТИВНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА: АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЫГОД И РИСКОВ ДЕВАЛЬВАЦИИ МЕТОДИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ

Аннотация: *в статье рассматривается существующее противоречие процесса коммерциализации спортивно-оздоровительного туризма. Анализируется трансформация отрасли из субкультуры самодеятельных путешествий в сектор рыночной экономики. Выявлены положительные макроэкономические эффекты, такие как создание рабочих мест, развитие инфраструктуры и импортозамещение. Одновременно исследуются деструктивные тенденции, связанные с девальвацией методической базы, снижением квалификационных требований к гидам-инструкторам и подменой спортивной цели развлекательной. Предложена модель государственно-частного партнерства, направленная на сохранение методической чистоты спортивного туризма при сохранении его коммерческой привлекательности.*

Ключевые слова: *коммерциализация туризма, спортивный туризм, квалификационные требования, гид-инструктор, безопасность, девальвация методики, экономическая эффективность, самодеятельный туризм.*

В последние десятилетия спортивно-оздоровительный туризм в России претерпел фундаментальную трансформацию, перейдя от модели самодеятельных клубов и секций к доминированию коммерческого сектора. Если ранее доступ к сложным маршрутам был обусловлен прохождением системы спортивных разрядов и категорийных походов, то сегодня ключевыми факторами стали платежеспособность потребителя и маркетинговая активность туроператоров. Актуальность исследования обусловлена возникновением системного конфликта между экономической целесообразностью (максимизация прибыли) и методологической безопасностью (сохранение традиций подготовки и жестких стандартов), что создает новые угрозы для жизни и здоровья участников.

Коммерциализация спортивного туризма имеет выраженные положительные эффекты для национальной экономики. Прежде всего, это превращение спорта из дотационной статьи бюджета в прибыльную индустрию. Развитие коммерческих туров стимулирует малый и средний бизнес в регионах: строительство модульных отелей (глэмпингов), развитие транспортной логистики в труднодоступных районах (например, заброска на вертолетах в Долину гейзеров или на плато Путорана) и создание сетей проката качественного снаряжения. Это способствует импортозамещению и росту внутреннего потребления. Кроме того, налоговые отчисления от туристской деятельности позволяют финансировать содержание национальных парков и маркировку троп, что было невозможно в рамках исключительно бюджетного финансирования.

Однако оборотной стороной рыночной эффективности становится девальвация методической составляющей. В самодеятельном туризме существовал жесткий фильтр: участник должен был обладать знаниями, а руководитель – опытом, подтвержденным маршрутно-квалификационной комиссией (МКК). В коммерческом туризме этот фильтр заменяется маркетинговым обещанием «доступности для всех». Возникает феномен «пакетного экстрима»,

где сложные технические препятствия (восхождения, бурные реки) продаются как потребительский товар с гарантией результата.

Наиболее критическим риском является деградация института инструкторства. В условиях кадрового голода и высокой конкуренции турфирмы нанимают так называемых «псевдогидов» – людей, обладающих хорошей физической формой и навыками самопрезентации, но не имеющих системного образования, опыта спасательных работ и понимания физиологии группы. Экономическая мотивация гида вступает в прямой конфликт с требованиями безопасности: инструктор боится развернуть группу при ухудшении погоды или плохом самочувствии участников, так как клиенты заплатили за «восхождение любой ценой» или «финиш гонки». Это приводит к трагедиям, когда ради красивых фотографий в соцсетях люди с минимальной акклиматизацией отправляются на вершины свыше 5000 метров.

Происходит подмена понятий: спортивный туризм, целью которого является преодоление себя и совершенствование навыков, превращается в «активный отдых», где целью является потребление впечатлений. Маршруты упрощаются, технически сложные участки обходятся, а автономность заменяется комфортом (носильщики, повара, спутниковая связь для заказа еды). Это формирует у туриста ложное чувство компетентности, которое становится фатальным при попытке совершить самостоятельное путешествие вне рамок коммерческого тура.

Для решения данного противоречия предлагается внедрение модели функционального саморегулирования отрасли через механизмы профессиональной аттестации и цифровую прозрачность. Вместо прямого административного давления со стороны государственных ведомств, основную регулятивную роль должна взять на себя саморегулируемая организация (СРО) в сфере активного туризма, объединяющая добросовестных туроператоров.

Государство в лице профильных комитетов и федераций делегирует СРО право допуска на рынок, оставляя за собой функцию контроля за соблюдением базовых стандартов безопасности. Бизнес-сообщество через СРО самостоятельно разрабатывает и внедряет Единый профессиональный стандарт гида-проводника, который становится обязательным условием для работы легальной компании. Этот стандарт должен включать не только технические навыки, но и протоколы оказания первой помощи, а также психологическую устойчивость.

Инструментом контроля выступает Обязательный цифровой реестр аттестованных специалистов и коммерческих групп. Перед выходом на маршрут любой легальный организатор обязан в режиме онлайн зарегистрировать состав группы, квалификацию лидера и нитку маршрута в единой информационной системе (например, интегрированной с платформами МЧС России). Это исключает появление «серых» гидов, так как отсутствие регистрации в реестре автоматически лишает компанию права на легальную деятельность и страховое покрытие.

Таким образом, бизнес берет на себя ответственность за качество методики и подготовку кадров, чтобы сохранить репутацию и доступ к рынку, а государство обеспечивает законодательную базу и надзор за соблюдением правил игры, не вмешиваясь в операционную деятельность компаний. Такой подход позволяет избежать бюрократизации и при этом гарантирует, что коммерческая выгода не будет поставлена выше методической безопасности.

Выводы. Коммерциализация является неизбежным и в целом позитивным этапом развития спортивно-оздоровительного туризма, обеспечивающим его массовость и инфраструктурный рост. Однако без жесткого государственного регулирования квалификационных требований к персоналу и стандартизации маршрутов рыночные механизмы неизбежно приведут к деградации методической базы и росту аварийности. Будущее отрасли лежит в синтезе эффективного менеджмента и незыблемости спортивных принципов безопасности, где экономическая выгода никогда не ставится выше человеческой жизни.

Список литературы

1. Константинов, Ю. С. Педагогика и экономика спортивного туризма : монография / Ю. С. Константинов. – Москва : Советский спорт, 2021. – 288 с.

2. Киседобрев, В. П. Менеджмент в спортивном туризме : учебное пособие / В. П. Киседобрев. – Москва : НИЦ ИНФРА-М, 2013. – 152 с.
3. Бабкин, А. В. Специальные виды туризма : учебное пособие / А. В. Бабкин. – Москва : Советский спорт, 2022. – 256 с.
4. Захаров, Ю. А. Безопасность в спортивном туризме и ориентировании : учебное пособие / Ю. А. Захаров. – Москва : Физическая культура, 2019. – 160 с.

Суховеева Анна Александровна
канд. экон. наук, доцент
Кольга Екатерина Александровна
магистрант

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)»
г. Ростов-на-Дону Ростовская область

СТРУКТУРА РАСХОДОВ ФЕДЕРАЛЬНОГО БЮДЖЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА 2026–2028 ГОДЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ БЮДЖЕТНОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация: *в статье проводится анализ структуры федерального бюджета Российской Федерации на 2026 год и плановый период 2027 и 2028 годов с целью выявления стратегических векторов государственной финансовой политики в условиях геополитической турбулентности. Актуальность исследования обусловлена необходимостью адаптации государственных расходов к задачам достижения технологического суверенитета и национальных целей.*

Ключевые слова: *бюджетная политика, бюджетные расходы, структура расходов, функциональная классификация.*

Формирование и реализация бюджетной политики Российской Федерации в современных условиях приобретают особое значение в контексте обеспечения устойчивого социально-экономического развития. В связи с этим бюджет стоит рассматривать не только как инструмент перераспределения национального дохода, но и как ключевой механизм реализации стратегических целей государства. По этой причине для выявления ориентиров государственной политики и оценки их потенциального влияния на макроэкономическую динамику необходимо проводить анализ бюджетных приоритетов на среднесрочную перспективу [3].

Изучая научные труды российских авторов, можно подчеркнуть следующее – в условиях структурной трансформации экономики «бюджетная политика должна носить не контрциклический, а проактивный, структурный характер» [4, с.39]. Суть этой трансформации заключается в смене фокуса с задач стабилизации в краткосрочной перспективе на стратегические долгосрочные инвестиции в сектора-локомотивы экономического роста. Этот подход предполагает, что эффективность бюджетной политики определяется уровнем качества и результативностью государственных инвестиций, а не объемом аккумулируемых и перераспределенных средств, как при фискальном подходе. С этой точки зрения приоритет на финансировании социальной сферы, инфраструктуры и инноваций стоит рассматривать не просто как направление расходов бюджетных средств, а как драйвер для повышения производительности труда, стимулирования деловой активности и, как итог, обеспечение устойчивого экономического роста [2, с. 13].

Для подтверждения этих теоретических выводов на практике следует перейти от качественного описания к количественному анализу, в связи с чем считаем необходимым рассмотреть функциональную структуру расходов федерального бюджета на 2026 год и плановый период 2027–2028 годов (табл.1).

Таблица 1

Расходы федерального бюджета по разделам функциональной классификации в 2025–2028 годах, млрд рублей [*1*]

Разделы функциональной классификации	2025	2026	2027	2028
Общегосударственные вопросы	2 436,1	2 751,3	2 862,6	3 001,6
Национальная оборона	13 574,8	12 121,0	13 512,5	12 985,4
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	3 448,7	3 826,7	4 141,1	4 332,2
Национальная экономика	4 405,2	4 843,7	4 970,3	5 526,6
Жилищно-коммунальное хозяйство	2 331,3	2 031,4	1 380,0	1 417,7
Охрана окружающей среды	648,9	1 102,5	1 370,5	1 627,1
Образование	1 607,4	1 747,4	1 890,6	2 044,8
Культура, кинематография	232,1	304,8	326,1	337,7
Здравоохранение	1 894,4	1904,9	1 951,3	2 108,5
Социальная политика	6 923,3	7 838,7	7 152,8	7345,4
Физическая культура и спорт	69,9	73,8	75,0	80,2
Средства массовой информации	141,6	148,9	100,7	99,5
Обслуживание государственного (муниципального) долга	3 181,7	3 900,2	3 757,5	4 522,5
Межбюджетные трансферты общего характера бюджетам бюджетной системы Российской Федерации	1 403,3	1 474,5	1 452,9	1 485,0
Всего	42 298,7	44 069,7	44 943,7	46 914,1

Данные, указанные в таблице, наглядно показывают приоритетные направления финансирования и тенденции бюджетной политики Российской Федерации на среднесрочную перспективу, также позволяют сделать ряд выводов о направлениях развития страны.

В течение рассматриваемого периода общий объем расходов федерального бюджета показывает рост на 4,6 трлн рублей, с 42,3 трлн рублей в 2025 году до 46,9 трлн рублей в 2028 году. Этот факт говорит нам о сохранении политики активных государственных инвестиций и выполнения социальных обязательств, учитывая сохраняющуюся сложную внешнегеополитическую и экономическую обстановку.

Наибольшую долю в структуре расходов федерального бюджета в среднесрочной перспективе занимают такие разделы как «Социальная политика» и «Национальная оборона», подтверждая социальный и оборонный характер государственной политики. Так, на социальную политику ежегодно выделяется порядка 16–17% от общего объема бюджетных расходов, что говорит о неизменности курса на поддержку населения, финансирование мер социальной защиты, при этом высокая доля расходов является не просто демографической необходимостью, но и инструментом поддержания внутреннего спроса и социальной стабильности.

На оборонный комплекс ежегодно выделяется более 30% от общего объема расходов федерального бюджета, что свидетельствует о приоритете обеспечения технологического и военного суверенитета как жизненно важного условия для реализации экономических и социальных программ, а также социально-экономического развития страны в целом.

Следующими по величине можно выделить разделы «Национальная экономика» и «Жилищно-коммунальное хозяйство». В рассматриваемый период прирост финансирования экономики составляет 25%, что свидетельствует о попытке стимулирования бизнес-активности, несмотря на общее ужесточение фискальной политики (повышение НДС, снижение порога доходов при использовании УСН и т. д.).

Существенное сокращение бюджетных ассигнований по направлению «Жилищно-коммунальное хозяйство» (снижение на 40% к 2028 году) не следует рассматривать как отказ государственной поддержки отрасли. Данная тенденция, свидетельствует о смене финансовой модели: государство переходит от прямых субсидий и операционных расходов к целевым инвестиционным механизмам. Финансирование модернизации коммунальной инфраструктуры, ранее учитывающиеся в разделе ЖКХ, при смене модели будет осуществляться через механизмы инфраструктурных бюджетных кредитов и другие инструменты. Поэтому соответствующие расходы могут быть отражены в разделе «Национальная экономика».

Подводя итоги, можно сказать, что бюджетная политика Российской Федерации на 2026–2028 годы носит относительно сбалансированный характер. Ее структура определяется необходимостью одновременного решения трех основных задач: обеспечения социальной стабильности, укрепления национальной безопасности и стимулирования экономического развития. Приоритетное финансирование разделов «Социальная политика» и «Национальная оборона» образуют основной пласт расходов бюджета, гарантируя внутреннюю устойчивость и суверенитет страны в условиях сохраняющееся геополитической напряженности.

Анализ подтверждает, что бюджетная политика соответствует требованиям современной экономической ситуации, а также основным стратегическим приоритетам и позволяет говорить о смещении фокуса с краткосрочной стабилизации на долгосрочные инвестиции. Государство делает ставку на стимулирование деловой активности, технологическую модернизацию и повышение качества человеческого капитала, рассматривая эти вложения как катализатор долгосрочного экономического роста. Таким образом, бюджетная политика на среднесрочную перспективу приобретает целеполагающий характер, призванный стать драйвером структурной трансформации экономики и инструментом обеспечения технологического суверенитета. Эффективность реализации данного курса будет напрямую зависеть от способности государства обеспечить сбалансированное распределение ресурсов между текущими потребностями безопасности и долгосрочными инвестициями в будущее.

Список литературы

1. Бюджет для граждан 2026–2028 к федеральному закону о федеральном бюджете на 2026 год и плановый период 2027 и 2028 годов. – URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2025/12/main/BDG_2026.pdf. – Текст : электронный.

2. Астапов, К. Л. Оценка эффективности политики бюджетных расходов / К. Л. Астапов, Р. А. Мусаев, А. А. Малахов // Финансовый журнал. – 2020. – Т. 12, № 6. – С. 9–24. – URL: https://www.finjournal-nifi.ru/images/FILES/Journal/Archive/2020/6/statii/01_6_2020_v12.pdf. – Текст : электронный.

3. Суховеева, А. А. Особенности реализации бюджетной политики на современном этапе / А. А. Суховеева // Финансовый бизнес. – 2021. – № 8 (218). – С. 152–154. – EDN GVSSST.

4. Аблаев, Э. Ю. Бюджетные правила и контрциклическая бюджетная политика в России / Э. Ю. Аблаев, Т. Р. Магжанов // Проблемы прогнозирования. – 2024. – № 3 (204). – С. 30–42. – URL: https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2024/05/byudzhetnye-pravila-i-kontrtsiklicheskaya-byudzhetnaya-politika-v-rossii.pdf (дата обращения: 26.10.2026). – Текст : электронный.

Урвачева Сабрина Игоревна
курсант, рядовой полиции
Кривобоков Антон Дмитриевич
преподаватель кафедры, майор полиции
Никишкин Александр Владимирович
канд. юрид. наук, доцент, член-корреспондент
Российской академии естественных наук (РАЕН), полковник полиции

ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД России»
г. Санкт-Петербург

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ ОБУЧАЮЩИХСЯ И СОТРУДНИКОВ СИЛОВЫХ СТРУКТУР В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ РЕАЛИЯХ

Аннотация: *рассматриваются проблемы формирования и поддержания здорового образа жизни обучающихся ведомственных образовательных организаций и сотрудников силовых структур. На основе анализа научных публикаций и рекомендаций в области общественного здоровья раскрывается противоречие между требованиями к профессиональной работоспособности и ограниченными возможностями восстановления при интенсивной учебной и служебной нагрузке. Особое внимание уделяется нарушениям сна, недостаточной повседневной двигательной активности, организации питания, психологическому благополучию и цифровой коммуникации. Предлагается модель профилактической работы, учитывающая обычный режим деятельности, периоды повышенной нагрузки и последующее восстановление. Определяются условия её внедрения и показатели для последующей эмпирической проверки.*

Ключевые слова: *здоровый образ жизни, обучающиеся, сотрудники силовых структур, профессиональное здоровье, физическая активность, восстановление, профилактика переутомления.*

Здоровый образ жизни обучающихся и сотрудников силовых структур имеет значение одновременно для благополучия человека и для устойчивого выполнения профессиональных обязанностей. В ведомственной образовательной организации формируются привычки, с которыми выпускник приходит на службу. В подразделении проверяется его устойчивость: возможность регулярно заниматься физической активностью, полноценно питаться и восстанавливаться зависит от конкретного содержания работы и организации повседневной деятельности.

При обсуждении данной проблемы необходимо учитывать неоднородность рассматриваемой группы. Учебный распорядок курсанта, работа следователя с документами и сменная служба сотрудника патрульного подразделения предполагают разные сочетания интеллектуальных, эмоциональных и физических нагрузок. Поэтому общие рекомендации приобретают практическую ценность лишь после их соотнесения с условиями обучения или службы.

Цель настоящей работы – обосновать подход к поддержанию здорового образа жизни, который связывает индивидуальные привычки с организацией нагрузки и восстановления. Использованы методы анализа научных публикаций, сопоставления рекомендаций и моделирования профилактических мероприятий. Работа носит теоретико-прикладной характер; собственные опросы, медицинские обследования и экспериментальная проверка предлагаемых мер не проводились. Анализ преимущественно относится к совершеннолетним обучающимся и сотрудникам.

Центральная проблема заключается в разрыве между знанием правил здорового образа жизни и возможностью регулярно им следовать.

Информированность о пользе сна или физической активности сама по себе не обеспечивает изменения поведения, если распорядок систематически затрудняет восстановление. Всемирная организация здравоохранения относит чрезмерную нагрузку, продолжительное или негибкое рабочее время, недостаточное влияние на организацию своей деятельности и ограниченную поддержку коллег к психосоциальным рискам. В профилактике предлагается сочетать индивидуальные меры с изменением условий труда.

Применительно к силовым структурам это позволяет поставить вопрос о распределении ответственности. Сотрудник отвечает за собственные повседневные решения, а руководитель и образовательная организация создают условия, при которых полезные привычки осуществимы. Такое распределение предполагает согласованность требований: рекомендации по восстановлению должны учитываться при планировании занятий, дополнительных мероприятий и служебных задач.

Одной из наиболее значимых проблем является недостаточное внимание к качеству сна. В исследовании S. M. W. Rajaratnam и соавторов, включавшем 4957 сотрудников полиции Северной Америки, у 40,4% участников скрининг выявил признаки как минимум одного расстройства сна. Положительные результаты скрининга были связаны с неблагоприятными показателями здоровья, безопасности и выполнения работы.

Указанная величина отражает результаты обследования конкретной выборки: она не является оценкой распространённости диагностированных расстройств, среди российских сотрудников. Однако исследование показывает основания для включения сна в программы профессиональной профилактики.

Совместное согласительное заявление Американской академии медицины сна и Общества исследования сна рекомендует взрослым в возрасте 18–60 лет регулярно спать не менее семи часов за ночь. Этот ориентир необходимо рассматривать вместе с индивидуальной потребностью во сне и особенностями графика. При сменной работе практическая задача состоит в обеспечении достаточного времени и подходящих условий для восстановления. Стойкие нарушения сна требуют профессиональной оценки, поскольку их причины могут выходить за пределы повседневных привычек.

Для обучающихся проблема сна может быть связана с сочетанием обязательных занятий, самостоятельной подготовки и дополнительной активности. Для действующих сотрудников – с ночными дежурствами, неотложными задачами и несовпадением служебного расписания с семейными обязанностями. В обоих случаях целесообразно оценивать фактическую нагрузку в совокупности. Удобное расписание одного мероприятия не означает, что общий режим оставляет достаточно времени для отдыха.

Самостоятельного внимания заслуживает цифровая коммуникация. Возможность оперативно передавать задания, полезна для организации деятельности, однако требует ясных правил использования. В качестве профилактической меры предлагается разделять сообщения по срочности, обозначать ожидаемые сроки ответа и по возможности планировать передачу несрочной информации в рабочее или учебное время. Для обучающихся аналогичную функцию может выполнять согласование сроков заданий между преподавателями. Такие решения позволяют сделать требования предсказуемыми без ограничения действительно необходимого взаимодействия.

Следующая проблема связана с соотношением физической подготовки и повседневной двигательной активности. Наличие обязательных занятий не позволяет автоматически судить о характере движения в остальное время. Работа с документами, учебная подготовка и использование транспорта должны учитываться при оценке общего режима.

В отечественном исследовании Л.Н. Бережновой и М.Р. Шайдулина рассматривалась двигательная активность курсантов Санкт-Петербургского университета МВД России. Авторы сообщили о положительной динамике показателей после дополнительных занятий и воспитательных бесед. Практическая значимость публикации состоит в рассмотрении физической активности вместе с мотивацией к сохранению здоровья. Вместе с тем описанный дизайн не позволяет

приписать наблюдаемое изменение исключительно одному компоненту программы или считать её результаты универсальными для всех ведомственных организаций.

Общеоздоровительным ориентиром для взрослых служат рекомендации ВОЗ: 150–300 минут аэробной активности умеренной интенсивности либо 75–150 минут высокой интенсивности в неделю, а также упражнения для основных мышечных групп не менее двух дней в неделю. Эти рекомендации следует соотносить с состоянием здоровья и уже выполняемой нагрузкой. Они не заменяют содержание профессиональной физической подготовки.

Для ведомственного образования из этого следует необходимость согласовывать обязательные занятия и самостоятельные тренировки. Дополнительная активность должна иметь понятную цель и учитывать восстановление. Для сотрудников с преимущественно сидячей работой практически значимыми могут стать доступные возможности ходьбы и смены положения тела в течение дня. Конкретный режим определяется характером задач и возможностью безопасно прерывать деятельность.

Организация питания также требует соединения личного выбора с доступностью подходящих условий. ВОЗ выделяет достаточность, сбалансированность, умеренность и разнообразие как основные принципы здорового питания. В образовательной организации эти принципы необходимо учитывать при формировании меню и расписания. В подразделении предметом организационного анализа могут стать возможность своевременно принять пищу, доступ к питьевой воде, условия хранения и разогрева еды.

Практический смысл такого подхода заключается в устранении конкретных препятствий. Если человек знает основные правила питания, но регулярно лишён возможности ими воспользоваться, повторная лекция решает лишь небольшую часть проблемы. Обсуждение рациона целесообразно сопровождать оценкой того, какие изменения реально осуществимы в данном подразделении или образовательной организации.

Психологическое благополучие необходимо включать в содержание здорового образа жизни наравне с физической активностью и питанием. В предлагаемой системе профилактики предусматриваются обучение распознаванию признаков переутомления, поддержка со стороны наставников и понятный порядок обращения за помощью. Участникам следует заранее объяснять границы конфиденциальности и назначение различных процедур. Консультирование, медицинская помощь и оценка профессиональной пригодности имеют разные задачи, которые нельзя смешивать в повседневном информировании.

Отдельным направлением должна стать профилактика никотиновой, алкогольной и иных зависимостей. Её содержание целесообразно связывать с разбором жизненных ситуаций, в которых человеку трудно отказаться от нежелательного поведения: влиянием группы, привычными способами проведения досуга, попытками справиться с напряжением. Образовательная работа должна сопровождаться информацией о доступной помощи и возможностях содержательного отдыха.

В образовательной организации внедрение предложенной модели можно начать с согласования учебных, воспитательных и спортивных мероприятий. Это позволит выявлять периоды, когда несколько подразделений одновременно предъявляют повышенные требования к одной группе обучающихся.

Полезным дополнением может стать краткий практический модуль, в котором курсанты составляют реалистичный план недели и обсуждают способы его изменения при росте нагрузки.

В подразделении исходным шагом может быть анализ повторяющихся организационных затруднений, таких как: какие задачи чаще нарушают запланированный отдых, насколько доступны условия для питания, какие несрочные мероприятия приходятся на периоды высокой занятости. Предметом анализа должны стать управляемые условия деятельности. Для этого не требуется собирать подробные сведения о частной жизни сотрудников.

Проверку модели целесообразно проводить в формате ограниченного пилотного проекта. Например, в течение восьми-двенадцати недель можно оценивать осуществимость

выбранных мер и динамику показателей до и после их введения. Продолжительность пилота в данном случае является организационным предложением, а не научно установленным оптимальным сроком.

В качестве показателей предлагаются фактическая доступность перерывов и питания, регулярность двигательной активности, субъективная восстановленность, качество сна и приемлемость программы для участников. При наличии сопоставимой группы сравнения и учёте различий в нагрузке выводы об изменениях будут более обоснованными. Число проведённых бесед или спортивных мероприятий может характеризовать объём работы, но само по себе не показывает её влияние на здоровье.

Сведения о самочувствии следует получать добровольно, с понятным объяснением целей и порядка использования. Для организационных решений предпочтительны обобщённые данные. Рост числа обращений за поддержкой требует содержательной интерпретации: он может отражать изменение доступности помощи и готовности ею пользоваться, поэтому его недостаточно для вывода об ухудшении состояния коллектива.

Ограничения настоящей работы связаны с отсутствием собственной эмпирической проверки и различиями между рассмотренными исследованиями. Зарубежные результаты не могут непосредственно описывать российские подразделения, а данные об отдельных образовательных организациях – характеризовать всех обучающихся силовых структур. Предлагаемая модель нуждается в адаптации к конкретным условиям и последующей оценке.

Подводя итог, можно скачать, что поддержание здорового образа жизни обучающихся и сотрудников силовых структур предполагает согласованное развитие личных навыков и организационных условий. Основным направлением совершенствования профилактики представляется обеспечение выполнимости рекомендаций в повседневной деятельности. Планирование нагрузки, доступность восстановления, разумная организация питания и движения, понятный порядок получения помощи образуют взаимосвязанную систему. Её результативность необходимо оценивать по изменениям условий и состояния участников, сохраняя внимание к профессиональным особенностям и индивидуальным потребностям человека.

Список литературы

1. Вашкевич, А. В. Организационно-правовые и психолого-педагогические особенности кадрового обеспечения Госавтоинспекции МВД России / А. В. Вашкевич, А. В. Никишкин, В. А. Смородина // Актуальные проблемы деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения (состояние, проблемы, пути совершенствования) : материалы межведомственной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 26 февраля 2019 года / сост.: А.В. Вашкевич, А.В. Ефимовский. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. – С. 42–48. – EDN DOKTEN.

2. Горелов, А. А. К проблеме формирования профессиональных компетенций в сфере физической культуре и спорта у будущих сотрудников органов внутренних дел / А. А. Горелов, М. Р. Шайдулин // Проблемы физкультурного образования в силовых ведомствах (структурах): содержание, направленность, технологии, организация : сборник статей по материалам VIII международного научного конгресса, Санкт-Петербург, 15–16 декабря 2022 года. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 103–108. – EDN INNPJG.

3. Грачев, Ю. А. Особенности морально-психологического обеспечения образовательного процесса в высших учебных заведениях системы МВД России / Ю. А. Грачев, А. В. Никишкин // Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения – 2018) : материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 29–30 марта 2018 года / под ред. Ю. А. Шаранова, В. А. Шаповала; сост. М. А. Кутырёв. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. – С. 95–98. – EDN VXUQPQ.

4. Никишкин, А. В. Актуальные вопросы огневой подготовки, состояние, перспективы совершенствования, методика обучения / А. В. Никишкин, В. А. Пайметова // Актуальные вопросы совершенствования тактико-специальной, огневой и профессионально-прикладной физической подготовки в современном контексте практического обучения сотрудников органов внутренних дел : материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 30 ноября 2020 года / Составители: В.В. Горбатов, С.А Горелов.,О.В. Григорьева. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. – С. 291–294. – EDN NINJFW.

5. Никишкин, А. В. Особенности и тенденции профессиональной подготовки сотрудников ГИБДД / А. В. Никишкин // Здоровьесберегающие технологии в учреждениях образования и здравоохранения: теоретические вопросы и практика : сборник статей по материалам III международной научно-практической конференции по педагогике, Санкт-Петербург, 2–3 ноября 2015 года / Фонд научных исследований в области гуманитарных наук «ЗНАНИЕ – СИЛА». – Санкт-Петербург : Фонд научных исследований в области гуманитарных наук «ЗНАНИЕ – СИЛА», 2015. – С. 88–95. – EDN VPHAUB.

6. Силкин, Н. Н. Психологическая подготовленность сотрудников ОВД с учетом конфликтных ситуаций / Н. Н. Силкин, М. Р. Шайдулин // Проблемы физкультурного образования: содержание, направленность, методика, организация : материалы IX Международного научного конгресса (Якутск, 26–28 октября 2023 г.). – Чебоксары : Среда, 2024. – С. 298–299. – EDN TNJRTB.

7. Степанов, И. В. Кадрово-воспитательная работа в Санкт-Петербургском Суворовском военном училище МВД России / И. В. Степанов, А. В. Никишкин, А. В. Богданова // Мир политики и социологии. – 2019. – № 6. – С. 119–122. – EDN LRGWYJ.

Яковлева Нина Валерьевна
канд. экон. наук, доцент
Городничева Дарья Александровна
магистрант

ФГБОУ ВО «Иркутский государственный
университет путей сообщения»
г. Иркутск, Иркутская область

РАЗВИТИЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ БЮДЖЕТНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ НА ОСНОВЕ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДОВ ВРЕМЕННЫХ РЯДОВ И МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ

Аннотация: *в статье рассматривается актуальная проблема повышения точности прогнозирования объемов бюджетных расходов на основе временных рядов и машинного обучения. Авторы раскрывают экономическую сущность бюджетного прогнозирования через его ключевые функции и систематизируют основные факторы риска, обуславливающие применение современных моделей, которые предлагают новые возможности для повышения точности прогноза. Проводится сравнительный анализ классических методов временных рядов и современных методов машинного обучения применительно к прогнозированию объемов бюджетного финансирования. Выделены преимущества и ограничения каждой группы методов по критериям точности, интерпретируемости, гибкости, требований к объему данных и вычислительной сложности. Обоснованы рекомендации по выбору конкретного метода в зависимости от условий задачи.*

Ключевые слова: *бюджетное прогнозирование, бюджетные расходы, бюджетное финансирование, временные ряды, машинное обучение.*

В условиях возрастающей неопределенности внешней среды и недополучения налоговых и сырьевых доходов, для органов государственного управления возрастает актуальность повышения точности прогнозирования бюджетных расходов. Качество прогнозирования объема бюджетного финансирования напрямую влияет на способность государства предотвращать кассовые разрывы и своевременно финансировать социально значимые направления. Ошибки в прогнозах приводят ни только к недофинансированию, но и к неэффективному использованию бюджетных средств.

Бюджетное прогнозирование имеет свою экономическую сущность, которая раскрывается через несколько ключевых функций. Планово-регулирующая функция позволяет определить, сколько ресурсов можно изъять у экономики (через налоги) и сколько направить обратно в виде государственных расходов, не нарушая макроэкономического равновесия. Социальная функция реализуется через влияние точности прогнозирования объема

финансирования для поддержание достойного уровня жизни населения. Переоценивание или недооценивание объема таких расходов так или иначе повышают социальную напряженность. Инвестиционно-экономическая функция позволяет развивать крупные национальные инфраструктурные проекты на условиях долгосрочного поэтапного финансирования. Макроэкономическая функция является мощным инструментом антикризисной политики. Не точность прогнозирования антикризисных расходов даже в рамках полугода может превратить спад в затяжную депрессию [1].

Важность качества бюджетного прогнозирования не вызывает сомнения, но тем не менее существует ряд факторов риска, рассмотренных в таблице 1.

Таблица 1

Основные вызовы бюджетного прогнозирования [1; 2]

Факторы риска	Источники риска
Неопределенность внешней среды	Экономические шоки (кризисы, пандемии)
Качество исходных данных	Недостоверная статистика, пропуски, изменения классификации
Политическое давление	Искажение прогнозов в угоду политическим целям
Человеческий фактор	Затягивание сроков, неэффективное использование ресурсов

Именно для преодоления этих вызовов и повышения качества прогнозов в последние десятилетия активно применяются методы временных рядов и машинного обучения. Классические методы (скользящие средние, экспоненциальное сглаживание, ARIMA, SARIMA) позволяют выделить из истории бюджета устойчивые тренды, сезонную и циклическую компоненты, автокорреляцию. Современные методы машинного обучения (случайный лес, градиентный бустинг, нейронные сети LSTM) способны улавливать сложные нелинейные зависимости между объемом бюджетного финансирования и десятками факторов риска, таких как уровень безработицы, потребительские цены ценами, курс рубля, настроения предпринимателей [2,3,4]

Преимущества применения классических методик временных рядов для прогнозирования бюджетного финансирования заключаются в достаточной интерпретируемости, малых вычислительных ресурсах, простоте реализации, достаточной точности (ошибки составляют всего 5–10%). Практика применения показала также возможные ограничения, которые выражаются в линейности, чувствительности к вбросам, сложности включения внешних факторов и в требовании к стационарности [3]

Несмотря на такие ограничения, классические методы остаются «золотым стандартом» в бюджетном прогнозировании, особенно на среднесрочном горизонте (1–3 года). Их обоснованная математическая структура, прозрачность и проверенность десятилетиями использования в государственных финансовых органах делают их обязательным инструментом в арсенале любого специалиста, занимающегося прогнозами бюджетного финансирования. Как свидетельствует практика, сложные модели машинного обучения не всегда превосходят качественно настроенную модель SARIMA, особенно при небольшом объеме исторических данных или при наличии четкой регулярной сезонности. В этом смысле классические методы служат надежным базовым уровнем, с которым сравнивают более современные подходы [3].

Часто реальные бюджетные данные нелинейны, объемы финансирования варьируются из-за кризисов и сезонности, что приводит к появлению новых государственных программ, возникновению нелинейных зависимостей между расходами и макроэкономическими показателями, изменению самой структуры финансирования после административных реформ. В этих условиях методы машинного обучения (МО) демонстрируют преимущества перед выше рассмотренными моделями, так как они не требуют жестких предположений о природе данных и способны автоматически выявлять сложные закономерности.

Машинное обучение в контексте прогнозирования временных рядов можно определить как совокупность алгоритмов, которые на основе исторических наблюдений строят функцию, отображающую множество входных признаков (факторов риска) в прогнозируемое значение объема финансирования. В отличие от классических методов, модели МО не разделяют ряд на тренд, сезонность и остаток в явном виде. Вместо этого они обучаются предсказывать будущее значение объемов финансирования на основе набора лагов прошлых значений, а также любых дополнительных внешних переменных [2]

Сравнение методов МО с классическими временными рядами позволяет выделить их сильные и слабые стороны применительно к бюджетной сфере. По точности на сложных нелинейных рядах градиентный бустинг и LSTM часто превосходят SARIMA на 20–40% по погрешности. Методы МО более гибкие, например они легко включают сотни внешних факторов (инфляцию, ВРП, курс валют, индексы промышленного производства и др.), по сравнению с моделью ARIMA, которая с трудом принимает более 2–3 экзогенных переменных. Однако по интерпретируемости классические методы значительно выигрывают: чиновник или руководитель финансового органа легко воспринимают тренд и сезонность, а алгоритмы нейросети более сложны, в том числе в объяснении полученных результатов. По требованиям к объему данных классические методы работают приемлемо уже при 3–4 годах ежемесячных наблюдений (36–48 точек), в то время как модель МО – LSTM требует в 5–10 раз больше объема наблюдений. Наконец, по вычислительной сложности модели МО, особенно нейронные сети, нуждаются в длительном времени обучения, что не всегда доступно в государственных учреждениях [2; 3].

Выбор конкретного метода МО для бюджетного прогнозирования зависит от условий задачи. Если исторических данных мало (менее 5 лет), то целесообразнее использовать SARIMA или простые экспоненциальные модели. Если данные есть за 10–15 лет и доступны внешние макроэкономические показатели модели МО – XGBoost (LightGBM) дадут максимальную точность при умеренных затратах на интерпретацию (важность признаков в бустинге можно оценить). Если объем данных огромен (ежедневные или почасовые бюджетные поступления, многолетние помесячные ряды по тысячам статей) и позволяют вычислительные ресурсы, то модель LSTM может уловить сверхтонкие закономерности, но потребует глубокой экспертизы в настройке.

Подводя итог, можно сказать, что современные методы машинного обучения открывают новые возможности для повышения точности прогнозов объема бюджетного финансирования, особенно в условиях нестабильной экономики и наличия разнородных факторов. Однако их применение требует высокой квалификации специалистов, качественной предобработки данных и осмотрительного подхода к интерпретации результатов.

Список литературы

1. Истомина, Н. А. О сущности и современной практике применения методов бюджетного планирования и прогнозирования / Н. А. Истомина // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2012. – № 37. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-suschnosti-i-sovremennoy-praktike-primeneniya-metodov-byudzhetnogo-planirovaniya-i-prognozirovaniya (дата обращения: 01.10.2026). – Текст : электронный.

2. Яковлева, Н. В. Некоторые аспекты применения методов временных рядов и машинного обучения для прогнозирования объема необходимого бюджетного финансирования государственных программ / Н. В. Яковлева, Д. А. Городничева // Журнал прикладных исследований. – 2026. – № 3. – С. 265–271.

3. Просалова, В. С. Возможности применения нейронных сетей в экономике / В. С. Просалова // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2024. – № 8–2. – С. 325–331. – URL: https://vaael.ru/ru/article/view?id=3663 (дата обращения: 13.10.2026). – Текст : электронный.

4. Gür, Y. E. Advanced AI Models for Future Forecasting of Budget Expenditures via Machine Learning and Deep Learning / Y. E. Gür, A. Yıldız, E Üna // Panoeconomicus. – 2025. – P.1 – 36. – URL: https://panoeconomicus.org/index.php/ jorunal/article/view/2307/916 (дата обращения: 19.10.2026). – Текст : электронный.

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ

Алмазова Екатерина Сергеевна
аспирант
Низамеева Алёна Владимировна
аспирант

ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет
науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева»
г. Красноярск, Красноярский край

ИНТЕГРИРОВАННАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМИ ПРОЦЕССАМИ НА МОЛОКОПЕРЕРАБАТЫВАЮЩЕМ ПРЕДПРИЯТИИ

Аннотация: *представлен проект интеллектуальной информационной системы (ИС) для молокоперерабатывающего предприятия, объединяющей подсистемы LIMS, MES, WMS и производственную аналитику в едином информационном пространстве. Проведена трансформация процесса из состояния «как есть» (AS-IS) в целевую модель (TO-BE) с автоматическими шлюзами качества, сквозной идентификацией производственных партий и дополнительной переработкой побочного продукта. Архитектура обеспечивает прослеживаемость, совместимую с требованиями ISO 22000 и ISO 22400, и интеграцию с промышленным интернетом вещей. Проектная экономическая оценка показывает снижение ежемесячных операционных затрат с 74,13 до 69,59 млн руб. (эффект 4,54 млн руб./мес.) при бюджете внедрения 43,12 млн руб. и сроке окупаемости около 9,5 месяцев. Определен план пилотной валидации по семи группам метрик.*

Ключевые слова: *цифровая трансформация, LIMS, MES, WMS, прослеживаемость, промышленный интернет вещей, молокопереработка, производственная аналитика.*

Введение: цифровая трансформация пищевых производств требует интеграции управления производством, лабораторного контроля, материальных потоков и аналитики в единую среду. Для молокоперерабатывающего предприятия это критично из-за непрерывности материальных потоков, строгих требований к качеству, скоропортящегося сырья и необходимости соблюдения стандартов пищевой безопасности. Существующий разрыв между физическим движением партии и ее информационным следом приводит к задержкам управленческих решений, росту потерь и невозможности оперативного расследования отклонений.

Объектом исследования выбрано предприятие с полным производственным циклом: приемка сырья, лабораторный контроль, переработка, формирование продукции, упаковка и отгрузка. Документация предприятия фиксирует ручной информационный обмен и недостаточную прозрачность процессов как ключевые организационные проблемы. Функциональное моделирование бизнес-процессов выступает основой проектирования таких систем, а проектирование модулей ИС является фактором повышения качества сервисных услуг.

Методология и анализ текущего состояния: исследование выполнено в логике проектно-ориентированного подхода (design-science). Исходное описание процесса декомпозировано на функциональные стадии, их информационные входы и выходы, ответственные роли и контрольные точки. Модель AS-IS затем трансформирована в модель TO-BE путем выявления ручных операций, подлежащих цифровизации, и добавления информационных связей между лабораторными, производственными, складскими и аналитическими функциями. Моделирование процессов следует логике IDEF0 и eEPC, а процессно-ориентированный подход согласуется с методами, трактующими производство как структурированную последовательность управляемых операций.

Текущая информационная среда характеризуется участием нескольких ролей: лабораторного персонала, технологов, складских операторов и производственных менеджеров. Лабораторные результаты фиксируются в бумажных журналах, производственные события – в разрозненных таблицах, складские операции – в учетных системах без связи с производственными партиями. Возникающая проблема может быть представлена как информационный разрыв: физическая партия непрерывно движется по технологической цепочке, тогда как информация о ней регистрируется в изолированных контекстах.

Целевая модель и архитектура интегрированной ИС: *в* состоянии TO-BE датчики и контроллеры предоставляют производственные данные, LIMS регистрирует лабораторные результаты, MES управляет технологическими операциями, WMS фиксирует складской статус и маркировку, аналитика трансформирует накопленные данные в управленческие показатели (табл. 1). Отличительной особенностью целевой модели становится введение дополнительной переработки побочного продукта: при производстве творожного сыра сывороточное зерно, ранее остававшееся вторичным материальным потоком, собирается и получает уникальный идентификатор партии, после чего используется как ресурс дополнительной стадии производства творога. Это меняет процесс не только технологически, но и информационно – побочный продукт становится прослеживаемым объектом с собственным статусом качества, количеством и историей.

Таблица 1

Функциональная структура предлагаемой ИС

Подсистема	Первичные данные	Основная функция
LIMS	Лабораторные измерения, статус качества	Контроль качества и выпуск партий
MES	Рецептуры, параметры, производственные события	Координация и мониторинг производства
WMS + маркировка	Коды, упаковки, паллеты, остатки	Прослеживаемость и складская регистрация
Аналитика	Агрегированные операционные данные	Расчет KPI и поддержка решений

Заключение: разработанная архитектура создает техническую базу для предиктивного обслуживания, оптимизации энергопотребления и складской логистики на молокоперерабатывающем предприятии. Проект также формирует основу для модулей прогнозирования надежности, обнаружения аномалий, имитационного моделирования и вычислительного интеллекта. Следующим шагом является контролируемый пилот с использованием определенных метрик полноты прослеживаемости, задержки данных, реакции шлюзов качества, точности KPI, доступности, простоев, материальных потерь и нормализованных операционных затрат. Такая валидация определит, какие прогнозируемые преимущества реализуются на практике, и обеспечит доказательную базу для последующего полномасштабного развертывания.

Список литературы

1. Разработка алгоритма автоматической классификации нарушенных горными работами земель по данным дистанционного зондирования / О. С. Ермолаева, А. А. Ступина, С. И. Горбачев, Г. В. Кораблева // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2026. – № 3. – С. 167–180.

2. Разработка программного модуля оценки эффективности рекультивации нарушенных земель по комплексу экологических показателей / И. И. Клешко, А. В. Бабкина, О. С. Пучкова, Г. В. Кораблева // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2026. – № 3. – С. 181–234.

3. Кораблева, Г. В. Анализ и совершенствование возможностей поддержки процессов управления качеством автоматизированными ERP-системами / Г. В. Кораблева, А. Н. Ушаков // Экономика и предпринимательство. – 2024. – № 5(166). – С. 1088–1094. – DOI 10.34925/EIP.2024.166.5.224. – EDN BABPJJ.

4. Кораблева, Г. В. Совершенствование процессов планирования на предприятиях за счёт внедрения автоматизированных систем поддержки принятия решений / Г. В. Кораблева // Ресурсосбережение. Эффективность. Развитие : сборник материалов IX Всероссийской научно-практической конференции (Донецк, 1 ноября 2024 г.). – Донецк : Донецкий национальный технический университет, 2024. – С. 63–65. – EDN WIOIYS.

5. Интерпретируемые модели машинного обучения в задачах оценки экологической и промышленной безопасности горнодобывающих предприятий / Л. А. Казаковцев, А. С. Прудкий, И. А. Вахрушева, А. Н. Лосев // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2026. – № 1. – С. 169–174. – EDN GNIXFD.

6. Интеллектуальная модель прогнозирования объемов образования отходов на основе методов машинного обучения / Т. А. Панфилова, В. С. Тынченко, Б. В. Потапов, М. С. Никаноров // Устойчивое развитие горных территорий. – 2026. – Т. 18, № 2 (68). – С. 1107–1120. – DOI 10.21177/1998-4502-2026-18-2-1107-1120. – EDN GTTEPG.

Бреусова Анастасия Сергеевна
студентка
Канахина Виталина Дмитриевна
студентка
Орлова Стефания Валерьевна
студентка

ФГБОУ ВО «Уральский государственный
экономический университет»
г. Екатеринбург, Свердловская область

ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ ОТРАСЛИ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИЙ

Аннотация: *оценка экономической безопасности становится все более актуальной в современных нестабильных условиях. В статье рассмотрена современная трактовка «экономической безопасности» и методы ее оценки. Предложена собственная система показателей оценки экономической безопасности для предприятий отрасли телекоммуникаций, сформированы выводы.*

Ключевые слова: *экономическая безопасность, бизнес-угрозы, показатели оценки, телекоммуникационная отрасль.*

Экономическая безопасность, по общему правилу, – это возможность системы противостоять различного рода угрозам. В аспекте предприятий понятие «экономической безопасности» стало использоваться относительно недавно, при этом единой трактовки термина, как это зачастую бывает с экономическими и финансовыми концепциями, – нет. Большинство определений сводится к тому, что это способность бизнеса за счет имеющегося у него ресурсного потенциала преодолевать внутренние проблемы и противостоять внешним натискам [2; 4; 6; 7]. При этом все ученые сходятся во мнении о том, что экономическая безопасность – это комплексная и многоаспектная категория, которая включает в себя несколько компонентов: финансовая безопасность, налоговая, кадровая, правовая, информационная, технологическая, экологическая, силовая [2].

Однако важно не столько теоретическое исследование вопроса, сколько его практическая сторона. Несмотря на то что существует множество методик оценки экономической безопасности, подход к оценке данной категории для телекоммуникационной отрасли – не выработан. При этом уровень экономической опасности (т. е. угроз), с которыми сталкиваются современные предприятия телекоммуникационной сферы в современное время, быстро возрастает (это как внешние (DDoS-атаки, Интернет-ограничения, ужесточение регуляторной базы), так и внутренние угрозы: неэффективное управление долгом или инвестициями).

Вследствие чего вопрос разработки системы показателей для оценки экономической безопасности предприятий данной отрасли высоко актуален и требует гибкого подхода.

Целью исследования является разработка и апробация системы показателей оценки экономической безопасности предприятий телекоммуникационной отрасли. Задачами являются:

− кратко рассмотреть теоретические основы оценки экономической безопасности;

− предложить систему оценки экономической безопасности компаний отрасли телекоммуникаций;

− оценить экономическую безопасность конкретной компании отрасли.

Объект наблюдения – ПАО «МТС». Объект исследования – экономическая безопасность. Предмет исследования – система оценки экономической безопасности телекоммуникационных предприятий.

Современные исследователи предлагают следующую классификацию подходов к оценке экономической безопасности (рисунок 1) [3]. Индикаторный метод обладает существенными недостатками, так как результат оценки в большой степени зависит от авторского видения и расстановки им бенчмарков. Информация по отрасли, компаниям-конкурентам обычно неполна и ограничена. В свою очередь, риск-ориентированный подход подразумевает отождествление оценки экономической безопасности и оценки рисков, что не точно. Риск – это угроза, которая может произойти с определенной вероятностью, безопасность же – это, наоборот, возможность компании противостоять угрозам: понятия взаимосвязаны, но не взаимозаменяемы. Для того, чтобы успешно митигировать риски, важно иметь богатый внутренний потенциал, резервы (финансовые, технологические, кадровые), которые дадут компании возможность устоять в условиях реализации угрозы или возникновения кризиса.

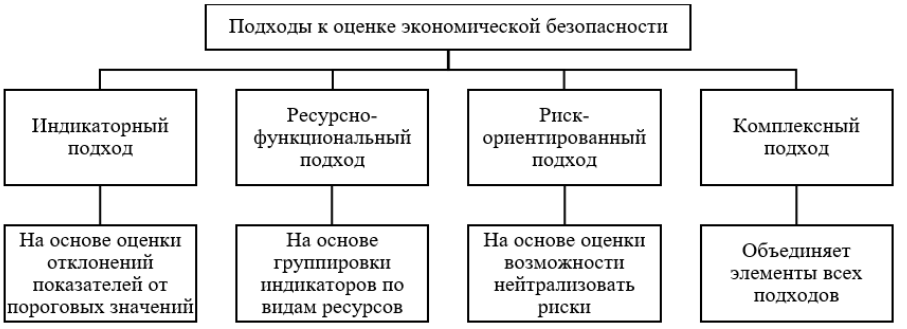

Рис. 1. Подходы к оценке экономической безопасности [3]

В данной связи ресурсно-функциональный подход наиболее точно отражает суть категории экономической безопасности: она часто характеризуется как «обеспечение наиболее эффективного использования корпоративных ресурсов для предотвращения угроз и обеспечения устойчивого функционирования хозяйствующего субъекта в настоящее время и в будущем» [7], а значит, и оценивать ее на практике следует через анализ ресурсного потенциала фирмы. На взгляд автора данной статьи, наиболее оптимален комплексный подход, который гибко использует элементы различных подходов, предлагая систему показателей с последующей стандартизацией фактических значений и расчетом итогового интегрального показателя.

Телекоммуникационные российские предприятия имеют ряд особенностей: они действуют на рынке олигополии, функционируют в рамках усиления роли государства как регулятора и заказчика, испытывают проблемы, связанные с кадровым дефицитом, активно подвергаются внешним угрозам, связанным с нестабильностью мобильной связи и сети Интернет вследствие политических событий и ограничений, находятся в зависимости от макроэкономических и политических факторов, испытывают постепенное исчерпание возможностей

роста выручки от сегмента предоставления услуг связи, что вызывает необходимость поиска новых ниш и диверсификации деятельности. Компании отрасли активно внедряют современные технологии и инновации, применяя экосистемный подход, они испытывают сильное влияние от цифровизации. С точки зрения финансовой составляющей также имеется ряд особенностей, к которым можно отнести: высокий объем инвестиций в развитие (системы 5G, интегрированные системы искусственного интеллекта, экспансия территории покрытия и другие), высокая долговая нагрузка и значительная доля расходов на обслуживание долга.

Как видно из представленных тезисов, подход к оценке экономической безопасности требует адаптации и модификации под специфику отрасли. На основе вышесказанного можно предложить следующую систему оценки с фактическими значениями для ПАО «МТС» (таблица 1). МТС («Мобильные ТелеСистемы») является ведущей в России компанией по предоставлению услуг мобильной и фиксированной связи, передачи данных и доступа в Интернет, кабельного и спутникового ТВ-вещания [5]. Выбранные показатели разнородны по своей сути: для итоговой оценки они должны быть приведены к единому виду, стандартизированы относительно эталона (численно эталон – всегда единица) (формулы 1 и 2):

– если показатель должен расти (эталон – максимум):

$$X_{ij} = A_{ij} / \max A_{ij}, \quad (1)$$

где X_{ij}-стандартизированный i-ый показатель j-го года;

A_{ij} – рассматриваемый i-ый показатель j-го года;

$\max A_{ij}$ – эталонный i-ый показатель j-го года.

– если показатель должен уменьшаться (эталон-минимум):

$$X_{ij} = \min A_{ij} / A_{ij}, \quad (2)$$

где $\min A_{ij}$ – эталонный i-ый показатель j-го года.

Итоговый интегральный показатель рассчитывается как среднеквадратическое отклонение по следующей формуле 3:

$$E_j = \sqrt{\sum (1 - X_{ij})^2}. \quad (3)$$

Таблица 1

Оценка экономической безопасности ПАО «МТС» в 2023–2025 гг.

Элемент	Показатель	Значения-факт			Значения-стандарт		
		2023	2024	2025	2023	2024	2025
1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*
Финансовая безопасность	Выручка от реализации, млрд руб.	606,0	703,7	807,2	0,06	0,02	0,00
	Чистая прибыль, млрд руб.	54,6	49,0	35,2	0,00	0,01	0,13
	EBITDA, млрд руб.	234,2	246,4	279,7	0,03	0,01	0,00
	CAPEX, млрд руб.	101,5	132,4	120,6	0,05	0,00	0,01
	Рентабельность EBITDA, %	38,7	35,0	34,7	0,00	0,01	0,01
	Долг/EBITDA	1,9x	1,9x	1,6x	0,02	0,02	0,00
Операционная безопасность	Количество абонентов, млн чел.	81,1	82,4	83,4	0,00	0,00	0,00
	Количество магазинов, тыс. шт.	4,5	4,2	3,9	0,00	0,00	0,02
	Количество экосистемных клиентов, млн чел.	15,1	17,5	18,2	0,03	0,00	0,00
Правовая и информационная безопасность	Общий уровень комплаенс-культуры МТС, %	91,5	85,2	89	0,00	0,00	0,00
	Сумма предотвращенных потерь по фактам фрода, млн руб.	763	818	-	0,00	0,00	-
	Количество выявленных фактов фрода, млн	2,6	3,1	2,4	0,02	0,00	0,05

Окончание таблицы 1

1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*
Кадровая безопасность	Списочная численность персонала, тыс. чел.	62	64	61	0,00	0,00	0,00
	Расходы на программы для персонала, млн руб.	707	743	-	0,00	0,00	-
	Уровень удовлетворенности сотрудников, %	-	89	92	-	0,00	0,00
	Количество обучающих мероприятий, тыс. шт.	0,4	4,0	6,0	0,86	0,11	0,00
	Количество сотрудников, прошедших обучение по охране труда, тыс. чел.	15,1	11,4	8,7	0,00	0,06	0,18
	Текучесть кадров, %	34,8	42,8	44,9	0,00	0,03	0,05
Экологическая безопасность	Количество переработанного пластика, тыс. кг	34	47	32	0,07	0,00	0,11
	Количество восстановленных электронных устройств, тыс. шт.	441	333	357	0,00	0,06	0,04
Технологическая безопасность	Количество реализованных проектов MTS AI, шт.	10	20	30	0,44	0,11	0,00
	Выручка MTS AI, млрд руб.	1,8	4,36	6,90	0,55	0,14	0,00
Итоговый показатель, E		-	-	-	1,47	0,77	0,76

Примечание. Составлено автором на основе данных годовых и консолидированных отчетов по Группе ПАО «МТС» (по МСФО), а также с использованием открытых данных сайта компании [5].

Наиболее высокий уровень экономической безопасности имеет анализируемый период с минимальным значением E_j. Стандартизация показателей производилаь по формулам при помощи инструментов MS Excel. Как видно из таблицы 1, наибольший уровень экономической безопасности был в 2025 г. С 2023 г. наблюдалась положительная динамика: компания повышала уровень безопасности за счет наращивания внутреннего потенциала развития, практики экосистемного подхода с акцентом на ИИ-сервисы и цифровые сервисы. Например, снижение количества магазинов нивилировалось ростом выручки от ИИ-сегмента. Несмотря на рост выручки, прибыль МТС устойчиво сокращалась, что было следствием роста затрат, в т.ч. финансовых (на обслуживание долга). Сокращающиеся показатели в системе задают направление для дальнейшего анализа и выявления причинно-следственных связей.

Итак, система может быть использована различными группами стейкхолдеров с учетом их потребностей: менеджеры компании могут использовать ее для операционного и стратегического управления, инвесторы – для оценки инвестиционной привлекательности. Структура рисков, которым подвергаются телекоммуникационные компании, сложна и многогранна: это и политические, и экономические, и экологические, и информационные риски, и риски управления, для минимизации которых как раз и необходимо обладать определенного рода внутренним потенциалом, безопасностью, которая позволит сохранять устойчивость в периоды нарастающих угроз.

В систему для каждой группы показателей могут быть введены весовые коэффициенты. Кроме того, для каждого показателя могут быть определены бенчмарки, тогда стандартизация будет проводиться именно относительно установленных (целевых) ориентиров. Дальнейшие направления научно-исследовательских разработок лежат в поле совершенствования модели и расширения учтенных показателей вместе с проведением конкурентного анализа по всей четверке операторов связи для осуществления рейтинговой оценки по фактору экономической безопасности. Таким образом, отрасль телекоммуникаций специфична и требует модифицированных подходов к оценке экономической безопасности.

Список литературы

1. Абраменко, Т. В. Механизм обеспечения экономической безопасности предприятий сферы телекоммуникаций / Т. В. Абраменко // Журнал прикладных исследований. – 2023. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizm-obespecheniya-ekonomicheskoy-bezopasnosti-predpriyatiy-sfery-telekommunikatsiy (дата обращения: 09.10.2026). – Текст : электронный.
2. Алябьева, М. В. Угрозы экономической безопасности предприятия и их предотвращение: монография / М. В. Алябьева. – Москва : РУСАЙНС, 2023. – 128 с.
3. Вякина, И. В. Методы оценки экономической безопасности предприятия как инструментарий диагностики угроз развития / И. В. Вякина // Дайджест-Финансы. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 323–346.
4. Дзодзикова, Ф. В. Концептуальные аспекты организации службы экономической безопасности на предприятии / Ф. В. Дзодзикова // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. – Т. 7, № 12 (165). – С. 98–107.
5. ПАО «МТС»: официальный сайт. – URL: https://mts.ru (дата обращения: 09.10.2026). – Текст : электронный.
6. Родионов, А. В. Организация мониторинга экономической безопасности предприятия / А. В. Родионов, И. Н. Кукса, М. В. Постоленко // Оригинальные исследования. – 2024. – Т. 14, № 4. – С. 255–260.
7. Солдаткина, О. А. Исследование понятия экономической безопасности предприятия / О. А. Солдаткина, Е. С. Калинина // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. – 2023. – № 4 (114). – С. 98–103.

Гришаева Антонина Владимировна
магистрант
Научный руководитель
Милета Валентин Иванович
канд. экон. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
г. Краснодар, Краснодарский край

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ЭЛЕКТРОСЕТЕВЫХ КОМПАНИЙ КАК ОСНОВЫ ИХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация: *в статье рассматриваются проблемы обеспечения финансовой устойчивости российских электросетевых компаний в условиях тарифных ограничений, высокой капиталоёмкости и нарастающего износа инфраструктуры. Цель – разработка направлений совершенствования механизма финансового обеспечения устойчивого развития. Методологическую основу составляют системный подход, методы финансового анализа, риск-ориентированный и сценарный подходы. На основе анализа отраслевой динамики и практики двух компаний выявлены ключевые проблемы: недостаточность тарифных источников для расширенного воспроизводства, ограниченное применение RAB-регулирования, рост долговой нагрузки. Предложена двухконтурная модель финансового обеспечения и направления совершенствования по четырём блокам механизма.*

Ключевые слова: *электросетевые компании, финансовая устойчивость, финансовый механизм, тарифное регулирование, RAB-метод, инвестиционные программы.*

Введение.

Электросетевой комплекс является инфраструктурной основой экономики России. Компании отрасли относятся к субъектам естественных монополий и включены в перечень системообразующих организаций, а их финансовое состояние является предметом мониторинга со стороны государства. Высокая капиталоёмкость, длительный инвестиционный цикл, значительный износ фондов и жёсткая привязка доходов к тарифам формируют особые условия хозяйствования, требующие адекватного механизма финансового обеспечения устойчивого развития.

В условиях санкционных ограничений и структурной трансформации экономики вопросы финансовой устойчивости приобретают особую значимость. Высокая ключевая ставка Банка России (до 15% годовых в 2025 г.) повышает стоимость заёмного финансирования, ограничивая возможности модернизации. Тарифная выручка растёт медленнее инфляции и цен производителей, что создаёт системный дефицит ресурсов [5].

Цель исследования – разработка направлений совершенствования механизма финансового обеспечения устойчивого развития электросетевых компаний. Для её достижения решаются задачи: оценка состояния отрасли; анализ действующего финансового инструментария; выявление проблем на основе сравнительного анализа практики компаний; обоснование направлений совершенствования.

Состояние и тенденции развития электросетевого комплекса России.

Электросетевой комплекс России представляет собой единую интегрированную систему передачи и распределения электроэнергии, основу которой составляет государственный холдинг ПАО «Федеральная сетевая компания – Россети» (магистральные линии 220–750 кВ), четырнадцать межрегиональных распределительных сетевых организаций (около 70% рынка) и около трёх тысяч территориальных сетевых организаций (0,4–10 кВ).

Динамика технического состояния сетей выступает ключевым индикатором устойчивости отрасли. Коэффициент износа основных фондов вырос с 61,2% в 2023 г. до 64,5% в 2025 г.; доля линий со сроком службы свыше 25 лет – с 42,3% до 46,0%; объём потерь электроэнергии – с 72,5 до 75,6 млрд кВт·ч; уровень потерь – с 10,8% до 11,2%; количество аварийных отключений на 100 км ЛЭП – с 0,87 до 0,98 [15].

Изношенные фонды требуют всё больших затрат на ремонт и компенсацию потерь электроэнергии в сетях, что увеличивает операционные расходы и сокращает ресурсы развития. Возникает замкнутый круг: чем выше износ, тем меньше возможностей для его снижения за счёт собственных средств. Механизм финансового обеспечения не справляется с задачей расширенного воспроизводства и требует дополнительных источников.

Инвестиции в сети выросли с 420 млрд руб. в 2023 г. до 510 млрд руб. в 2025 г. Однако доминирует тарифная выручка (около 72%), объём которой недостаточен. Доля заёмных средств растёт опережающими темпами (16,7% за год), бюджетные ассигнования незначительны (менее 7%) и направлены преимущественно на восстановление разрушенной инфраструктуры. Соотношение капитальных затрат и амортизации в 2025 г. составило 0,98, что означает простое, а не расширенное воспроизводство.

Тарифы на передачу электроэнергии в 2023–2025 гг. росли медленнее инфляции и цен производителей, что создавало дефицит финансирования. Согласно Генеральной схеме размещения объектов электроэнергетики до 2042 г [11], потребность в инвестициях в сетевой комплекс оценивается в 18 трлн руб. [12]. Основная часть бюджетных средств направляется на восстановление объектов в новых регионах, поэтому системные проблемы износа в остальных субъектах РФ остаются нерешёнными.

Перспективы до 2030 г. определены Схемой и программой развития электроэнергетических систем России. Прогнозируется рост потребления до 1 298,0 млрд кВт·ч к 2030 г. при среднегодовом темпе 2,11%. Ключевые направления: строительство и реконструкция ЛЭП 220 кВ и выше, внедрение цифровых подстанций, замена оборудования со сверхнормативным сроком службы.

Финансовый инструментарий обеспечения устойчивого развития: анализ действующей практики.

Финансовый инструментарий обеспечения устойчивого развития компаний представляет собой комплекс методов, рычагов, финансовых инструментов и технологий, используемых для достижения целей экономического роста без ущерба социальной справедливости и экологии. По нашему мнению, указанный инструментарий целесообразно сгруппировать по четырём функциональным блокам: 1) формирование источников финансовых ресурсов; 2)

распределение ресурсов; 3) повышение эффективности; 4) поддержание краткосрочной и долгосрочной платёжеспособности.

1. Формирование источников финансовых ресурсов. Основными инструментами формирования источников финансирования в электроэнергетике являются: долгосрочное тарифное регулирование, государственное финансирование и субсидии, банковское кредитование.

Долгосрочное тарифное регулирование на основе RAB (Regulatory Asset Base – регулируемая база капитала) – ключевой инструмент, позволяющий синхронизировать инвестиционные потребности с источниками финансирования. Однако, сегодня RAB внедрён лишь для магистрального комплекса и части крупных территориальных организаций; для большинства распределительных компаний сохраняется метод долгосрочной индексации, не стимулирующий снижение издержек [5]. К 2024 г. в регионах Центральной России и Поволжья из 20 филиалов «Россетей» метод RAB применяется только в 5, остальные вернулись на индексацию [5].

Бюджетные ассигнования носят целевой и ограниченный характер: около 70% средств направляется на восстановление разрушенных объектов в новых регионах. Заёмные средства создают угрозу устойчивости: высокий леверидж (чистый долг/EBITDA > 3,5 у ряда компаний) ограничивает привлечение новых заимствований. В условиях высокой ключевой ставки стоимость заимствований возрастает; покрытие процентных платежей EBITDA снизилось у ряда компаний до 3,6 [4]. ГЧП и концессии не получили распространения из-за длительной окупаемости, регуляторных рисков и ограниченной доходности; в 2026 г. введены дополнительные ограничения на концессии в электросетевом хозяйстве [6].

Таким образом, ни один из инструментов не обеспечивает потребности развития в полной мере: тарифная выручка недостаточна, бюджетные средства ограничены, заёмные средства дорожают, ГЧП не развито.

2. Распределение финансовых ресурсов. В целях рационального распределения финансовых ресурсов, в том числе для решения инвестиционных задач, в электросетевом комплексе России инвестиционные программы синхронизируются с программами развития электроэнергетики и утверждаются ФАС и Минэнерго, однако, на практике, фактический уровень инвестиций ниже целевого: доля инвестиций в выручке – 15,3% против рекомендуемых 17–20%, соотношение капитальных затрат и амортизации – 0,98. Приоритизация проектов часто осуществляется по критерию минимизации текущих затрат, а не максимизации долгосрочного эффекта, что ведёт к недофинансированию цифровизации и снижения потерь.

3. Повышение эффективности. Управление потерями – ключевой инструмент повышения эффективности: каждый процент потерь напрямую уменьшает выручку. В современных условиях у электросетевых компаний коммерческие потери растут быстрее технических (3,3% против 1,5% за год), финансирование цифровизации – менее 5% инвестиций. Потенциал снижения потерь оценивается в 15–25 млрд кВт·ч в год, не менее 80% – за счёт нетехнических потерь. Управление дебиторской задолженностью включает факторинг, претензионно-исковую работу, мониторинг доли просроченной задолженности (ориентир – не более 5%). В условиях ключевой ставки 14–15% замедление оборачиваемости вынуждает привлекать дорогие кредиты и займы. Цифровизация процессов управления повысила точность планирования и снизила коммерческие потери, но не решила проблему нехватки инвестиционных ресурсов. Финансирование проектов в 2025 г. составило лишь 2,5 млрд руб.

4. Поддержание краткосрочной и долгосрочной платёжеспособности. Управление структурой капитала и долговой нагрузкой – ключевой инструмент обеспечения долгосрочной платежеспособности. Рекомендуемый коэффициент автономии для сетевых компаний – не ниже 0,3 – 0,4 при стабильном денежном потоке и гарантированной окупаемости инвестиций в рамках RAB. Управление ликвидностью требует ускорения оборачиваемости задолженности и использования факторинга. Налоговые инструменты создают стимулы к инвестициям, но в настоящих условиях их эффект ограничен.

Результаты исследования показывают, что действующий инструментарий не в полной мере соответствует задаче устойчивого развития: инструменты формирования источников не генерируют достаточного объёма ресурсов; распределение не обеспечивает приоритизацию финансирования проектов; повышение эффективности не обеспечено ресурсами и стимулами; поддержание платёжеспособности и финансовой устойчивости работает в режиме ограничения, а не развития.

Сравнительный анализ практики финансового обеспечения

Для оценки эффективности применяемого механизма финансового обеспечения проанализированы две компании, работающие в одном регионе, но разные по масштабу и модели финансирования: ПАО «Россети Юг» и АО «Электросети Кубани».

Таблица 1

Сравнительный анализ эффективности применяемых моделей финансирования ПАО «Россети Юг» и АО «Электросети Кубани» (по состоянию на 31.12.2025 г.)

Показатель	Норматив (рекомендуемое значение)	ПАО «Россети Юг»	АО «Электросети Кубани»
Выручка от продаж, млрд. руб.	×	90,2	17,1
Доля собственного капитала, %	50,0	40,7	53,82
Коэффициент финансового левериджа	1,0–1,2	1,46	0,858
Соотношение капитальных затрат и амортизации	> 1,0	0,57	2,67
Чистый долг / EBITDA	≤ 3,5	2,37	0,74
Рентабельность продаж, %	×	10,6	24,6
Оборачиваемость активов, оборотов	×	0,42	0,60
Рентабельность собственного капитала, %	×	3,2	16,3
Модель финансирования	×	инвестиционно-активная	сбалансированно-адаптивная
Уровень риска	×	низкий	средний

Практика показывает, что компания с более высокой рентабельностью выигрывает при тарифных решениях, имея больше ресурсов для инвестиций и меньшую зависимость от внешних источников.

ПАО «Россети Юг» реализует инвестиционно-активную модель: низкая доля долгосрочных заёмных средств, высокая финансовая автономия, значительные краткосрочные заимствования, соотношение капитальных затрат и амортизации ниже 1,0, низкий уровень риска, средняя рентабельность. АО «Электросети Кубани» – сбалансированно-адаптивную: высокая доля долгосрочных заёмных средств, низкая финансовая автономия, отсутствие краткосрочных кредитов, соотношение капитальных затрат и амортизации выше 1,0, средний риск, высокая рентабельность.

Однако, как показывает анализ, ни одна из моделей не обеспечивает электросетевым компаниям устойчивого развития в полной мере: инвестиционно-активная создаёт риски при росте ставок и снижении тарифной выручки; сбалансированно-адаптивная ограничивает масштабную модернизацию.

Направления совершенствования механизма финансового обеспечения устойчивого развития

Проведенное исследование выявило основные проблемы обеспечения финансовой устойчивости электросетевых компаний: высокий износ основных фондов; несовершенство тарифного регулирования и бюджетной поддержки; высокая долговая зависимость; рост дебиторской задолженности; дефицит инвестиционных ресурсов. Практика показывает, что данные проблемы не могут быть решены в рамках используемых электросетевыми компаниями

моделей. В этой связи предлагается двухконтурная модель финансового обеспечения, представленная на рисунке 1.

Рис. 1. Блок-схема двухконтурной модели финансового обеспечения устойчивого развития электросетевых компаний

Модель функционирует на основе взаимосвязанных контуров: контура поддержания финансовой устойчивости и контура развития. Контур поддержания финансовой устойчивости обеспечивает платёжеспособность, ликвидность и оптимальную структуру капитала (инструменты: управление капиталом, ликвидностью, налоговые и корпоративные инструменты). Контур развития обеспечивает финансирование модернизации и инноваций (инструменты: тарифное регулирование, инвестиционные программы, заёмные средства, ГЧП, цифровизация).

Ключевая проблема – сбалансированность контуров: контур поддержания устойчивости работает в режиме ограничения (лимитирование долговой нагрузки), контур развития – в режиме недопущения дефицита ресурсов (инвестиции не ниже целевого уровня). Критерий эффективности – соотношение прироста инвестиций в развитие к приросту долговой нагрузки: если долг растёт быстрее инвестиций, модель неэффективна.

Модель реализуется в двух вариантах: инвестиционно-активный тип (крупные межрегиональные компании, приоритет масштабной модернизации, средний риск) и сбалансированно-адаптивный тип (региональные распределительные компании, приоритет устойчивости и постепенного развития, низкий риск).

Структурно механизм представлен четырьмя блоками. Нормативно-правовой: расширение RAB-регулирования на распределительный комплекс, обязательное стресс-тестирование тарифных сценариев при синхронизации инвестиционных программ. Организационно-

управленческий: создание постоянно действующего комитета по управлению финансовой устойчивостью, интегрированного с комитетом по рискам. Аналитико-инструментальный: индикаторный метод с отраслевыми пороговыми значениями (чистый долг/EBITDA ≤ 3,5; доля капитальных затрат в выручке 15–20%; соотношение капитальных затрат и амортизации > 1,0; доля просроченной задолженности ≤ 5%) и механизмом быстрого реагирования. Контрольный: система KPI для мониторинга не только финансовых, но и операционных показателей (потери, аварийность, сроки инвестпрограмм).

Дополнительное направление – диверсификация источников финансирования: целевое финансирование проектов модернизации, облигационные займы, средства институциональных инвесторов, синхронизация инвестиционных программ с тарифными параметрами и государственными планами развития энергетики.

Заключение.

Как показало проведенное исследование, действующий механизм финансового обеспечения устойчивого развития электросетевых компаний России не в полной мере соответствует современным вызовам: тарифная выручка не выполняет функцию расширенного воспроизводства; амортизация не компенсирует реального износа; заёмные средства растут быстрее способности их обслуживать; государственная поддержка не носит системного характера.

Анализ практики двух электросетевых компаний, действующих на территории Краснодарского края, подтверждает необходимость совершенствования применяемых моделей финансового обеспечения устойчивого развития. Инвестиционно-активная модель обеспечивает масштабную модернизацию, но создаёт высокие риски потери финансовой устойчивости; сбалансированно-адаптивная обеспечивает устойчивость, но ограничивает модернизацию.

Предложенная двухконтурная модель, по нашему мнению, позволит гармонизировать решение задач обеспечения финансовой устойчивости и развития, формализовать критерий их сбалансированности и обосновать дифференцированный подход. Направления совершенствования по четырём блокам создают основу для перехода от остаточного принципа финансирования к целевому, от краткосрочного планирования к долгосрочному, от разрозненных финансовых инструментов к системной модели финансового обеспечения электросетевых компаний.

Список литературы

1. Бланк, И. А. Управление финансовой устойчивостью предприятия / И. А. Бланк. – Москва : Ника-Центр, 2019. – 416 с. – ISBN 978-5-91768-041-2.

2. Ковалев, В. В. Финансовый анализ: методы и процедуры / В. В. Ковалев. – Москва : Проспект, 2020. – 512 с. – ISBN 978-5-392-31345-6.

3. Кретова, А. С. Анализ финансовой устойчивости энергетических компаний для целей управления финансовыми рисками / А. С. Кретова // Вестник Академии знаний. – 2022. – № 49 (2). – С. 371–380.

4. Об утверждении Методических указаний по расчёту тарифов на услуги по передаче электрической энергии, устанавливаемых с применением метода долгосрочной индексации необходимой валовой выручки : приказ ФСТ России : от 17.02.2012 № 98-э : ред. от 19.12.2025 // СПС КонсультантПлюс.

5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон : от 26.06.2026 № 000-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

6. О ценообразовании в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике : постановление Правительства РФ : от 29.12.2011 № 1178 : ред. от 27.07.2026 // СПС КонсультантПлюс.

7. Тагирова, А. М. Проблемы управления устойчивым функционированием и развитием энергосбытовых компаний / А. М. Тагирова, Т. Б. Малкова // Экономика, предпринимательство и право. – 2023. – Т. 13, № 8. – С. 2843–2856.

8. Эксперт РА : кредитный рейтинг ПАО «Россети Ленэнерго» // Эксперт РА : официальный сайт. – URL: https://raexpert.ru/ (дата обращения: 15.06.2026). – Текст : электронный.

9. О Генеральной схеме размещения объектов электроэнергетики до 2042 года : распоряжение Правительства РФ : от 30.12.2024 № 4153-р // СПС КонсультантПлюс.

10. Министерство энергетики Российской Федерации : официальный сайт. – URL: https://minenergo.gov.ru/ (дата обращения: 10.07.2026). – Текст : электронный.

Кутузова Анна Алексеевна
студентка
Фомина Людмила Владимировна
канд. с.-х. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет»
г. Красноярск, Красноярский край

РАЗРАБОТКА ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ

Аннотация: *статья посвящена разработке организационно- управленческого механизма охраны объектов культурного наследия (ОКН) в Красноярском крае на примере структурно-функциональной схемы взаимодействия органов власти, нормативной правовой базы и реализуемых проектов. Проведён анализ вертикали управления, распределения компетенций между структурными подразделениями, а также роли нормативно-правовых актов (НПА) и целевых программ в обеспечении сохранности ОКН.*

Ключевые слова: *объекты культурного наследия, государственная охрана, Красноярский край, органы власти, нормативно-правовая база, проектная деятельность.*

Сохранение объектов культурного наследия выступает приоритетом государственной культурной политики. На региональном уровне эффективность охраны ОКН определяется слаженностью работы органов власти, качеством нормативного регулирования и результативностью проектных инициатив. Единая схема, отражающая архитектуру взаимодействия субъектов системы охраны ОКН Красноярского края, которая может служить наглядной моделью управленческого механизма, сочетающего административные, правовые и проектные инструменты на данный момент отсутствует. Поэтому разработка данного механизма является весьма актуальной.

Вертикаль управления в сфере охраны ОКН Красноярского края выстроена по иерархическому принципу:

– Губернатор Красноярского края – высшее должностное лицо, определяющее стратегические направления региональной политики, включая сферу культурного наследия;

– Правительство Красноярского края – коллегиальный орган, обеспечивающий реализацию полномочий в области охраны ОКН, в том числе через принятие постановлений;

– Министерство культуры Красноярского края – координирует деятельность подведомственных структур, участвует в формировании программ сохранения наследия.

Служба по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края – профильный исполнительный орган, непосредственно реализующий функции по учёту, надзору и сохранению ОКН. Он включает в себя:

– Отдел государственной охраны и сохранения ОКН;

– Отдел государственного надзора;

– Отдел учёта объектов культурного наследия;

– Отдел мониторинга, использования и популяризации;

– Юридический и административно-финансовый отделы;

– Коллегию экспертов и Общественный совет (консультативно-совещательные органы).

Центр по сохранению культурного наследия Красноярского края – специализированное учреждение, выполняющее прикладные задачи:

– выявление и изучение ОКН;

– археологические работы;

– инвентаризация;

– разработка проектов зон охраны;

– сопровождение проектов;

– техническое обеспечение.

Деятельность системы базируется на многоуровневой нормативной основе:

1) федеральный уровень: Федеральный закон от 25.06.2002 №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» – основополагающий акт, устанавливающий правовые, экономические и организационные основы охраны ОКН;

2) региональный уровень: Закон Красноярского края от 23.04.2009 №8–3166 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации, расположенных на территории Красноярского края» – конкретизирует полномочия региональных органов, порядок учёта и использования ОКН;

3) подзаконные акты:

– постановления Правительства Красноярского края – регулируют отдельные аспекты реализации полномочий.

– акты Службы по государственной охране ОКН – оперативные документы, определяющие порядок исполнения надзорных и учётных функций.

Проектная деятельность направлена на решение прикладных задач сохранения наследия:

– программа по подготовке и проведению празднования 400-летия основания Красноярска – комплекс мероприятий, интегрирующих задачи сохранения исторической среды города в юбилейные события;

– проект «Сохраним наСЛЕДие» Красноярского края – инициатива, ориентированная на выявление, документирование и популяризацию ОКН, включая вовлечение общественности и экспертного сообщества.

Схема организационно-управленческого механизма демонстрирует чёткое разделение функций: органы власти задают стратегические рамки, Служба и Центр реализуют оперативные задачи, НПА обеспечивают правовую легитимность действий, а проекты – практическую реализацию целей. Координация осуществляется через вертикальные (иерархические) и горизонтальные (межведомственные) связи, что позволяет минимизировать дублирование полномочий и повысить эффективность управления.

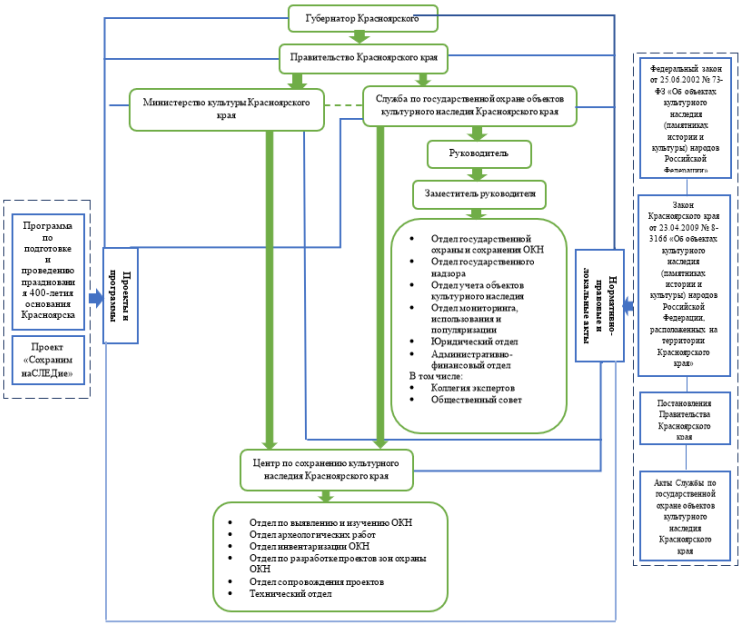

Рис. 1. Схема организационно-управленческого механизма государственной охраны объектов культурного наследия в Красноярском крае

Таким образом, представленный организационно-управленческий механизм отражает комплексный подход к охране ОКН в Красноярском крае. Сочетание административной вертикали, развитой нормативной базы и целевых проектов создаёт условия для системного сохранения культурного наследия. Дальнейшее совершенствование механизма возможно за счёт усиления межведомственного взаимодействия, цифровизации учётных процессов и расширения участия гражданского общества в реализации профильных инициатив.

Список литературы

1. Федеральный закон от 25.06.2002 №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения: 26.10.2026). – Текст : электронный.

2. Закон Красноярского края от 23.04.2009 №8–3166 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации, расположенных на территории Красноярского края». – URL: https://base.garant.ru/18524370/ (дата обращения: 26.10.2026). – Текст : электронный.

3. Служба по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края. – URL: https://ookn.ru/news/75244/ (дата обращения: 26.10.2026). – Текст : электронный.

Леканова Екатерина Евгеньевна
аспирант
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
университет им. П.Г. Демидова»
г. Ярославль, Ярославская область

НАЛОГОВЫЙ ПОРТФЕЛЬ ХОЗЯЙСТВУЮЩЕГО СУБЪЕКТА: СУЩНОСТЬ, СТРУКТУРА, ВИДЫ

Аннотация: *для обеспечения эффективной деятельности хозяйствующих субъектов необходимо иметь четкое представление о сущности, структуре и иных параметрах налогового портфеля. В качестве методологической основы в статье использованы такие методы, как анализ, синтез, индукция, сравнение, обобщение. В статье представлена классификация налоговых портфелей в зависимости от рациональности и законности действий управляющих хозяйствующего субъекта в рамках налогового менеджмента и к ней даны соответствующие пояснения. В зависимости от указанного критерия налоговые портфели хозяйствующих субъектов поделены автором на избыточные, сбалансированные, заниженные.*

Ключевые слова: *хозяйствующие субъекты, налоговый портфель, индивидуальный предприниматель, налог, эффективность.*

Структура и объем налогового портфеля хозяйствующего субъекта прямым образом сказываются на доходе хозяйствующего субъекта, так как налоги могут заметно уменьшить его, если хозяйствующий субъект нерационально подойдет к выбору параметров налогового портфеля [1, с. 43], в связи с этим научное осмысление сущности, структуры и иных параметров налогового портфеля является актуальным.

Налоговый портфель хозяйствующего субъекта представляет собой совокупность налогов, подлежащих уплате конкретным хозяйствующим субъектом за определенный период времени [2, с. 62]. Для всестороннего понимания сущности понятия «налоговый портфель хозяйствующего субъекта» необходимо более подробным образом охарактеризовать понятие «хозяйствующий субъект», а также дать пояснения относительно временного критерия налогового портфеля.

В соответствии с п. 5 ст. 4 федерального закона от 26.07.2006 №135-ФЗ «О защите конкуренции» к хозяйствующим субъектам относятся следующие лица: 1) коммерческие организации; 2) некоммерческие организации, осуществляющие деятельность, приносящую им доход; 3) индивидуальные предприниматели; 4) физические лица, уплачивающие налог на

профессиональный доход («самозанятые»); 5) физические лица, осуществляющее профессиональную деятельность, приносящую доход, на основании государственной регистрации и (или) лицензии, а также в силу членства в саморегулируемой организации (в частности, нотариусы, адвокаты).

Структура налогового портфеля хозяйствующего субъекта состоит из двух частей: 1) постоянной части (в частности, государственные пошлины, отчисления во внебюджетные фонды); 2) варьируемой части (те налоги, уплата которых может быть изменена или отменена, например, при продаже имущества отпадает необходимость уплачивать за него имущественный налог) [3, с. 79; 4, с. 567]. Структура налогового портфеля хозяйствующего субъекта является также классификационным основанием для налоговых портфелей [3, с. 79; 5, с. 72]. Жестким называют налоговый портфель, в структуре которого высока доля неизменных налогов и сборов, а гибким – налоговый портфель, в структуре которого доля неизменных налогов и сборов является низкой.

Налоговый портфель хозяйствующего субъекта может оставаться неизменным максимум один календарный год, поскольку любая добровольная смена действующего налогового режима (общая система налогообложения, упрощенная система налогообложения, единый сельскохозяйственный налог) возможна только с первого января следующего года. Однако в реальности состав и структура налогового портфеля (набор применяемых налогов, льгот, преференций и уровень налоговой нагрузки) меняются гораздо чаще. Сроки его стабильности зависят от внутренних факторов компании и изменений законодательства [6, с. 161].

Хозяйствующие субъекты, за исключением индивидуальных предпринимателей, могут иметь только один налоговый портфель единовременно. Индивидуальный предприниматель вправе одновременно иметь два налоговых портфеля, если он совмещает два налоговых режима, но только при условии, что они применяются к разным видам деятельности и по ним ведется раздельный учет. Индивидуальным предпринимателям можно совмещать следующие пары налоговых режимов: 1) общая и патентная системы налогообложений; 2) упрощенная и патентная системы налогообложений; 3) единый сельскохозяйственный налог и патентная система налогообложения.

В зависимости от рациональности и законности действий управляющих хозяйствующего субъекта в рамках налогового менеджмента, налоговые портфели можно поделить на избыточные, сбалансированные, заниженные. Избыточный налоговый портфель представляет собой неоптимизированный налоговый портфель, который влечет за собой убытки в виде неоправданных налоговых выплат организации. В свою очередь, сбалансированный налоговый портфель представляет собой оптимизированный налоговый портфель, сконструированный без нарушения налогового законодательства. Как весьма верно замечает Т.Г. Погорелова, сбалансированный налоговый портфель является «одним из инструментов, с помощью которых хозяйствующий субъект обеспечивает при минимальном риске заданную стабильность дохода» [7, с. 145]. В связи с этим нужно также упомянуть заниженный налоговый портфель, под которым следует понимать чрезмерно оптимизированный налоговый портфель, сконструированный с нарушения налогового законодательства.

Отдельный интерес представляют факторы, влияющие на формирование налогового портфеля хозяйствующего субъекта. Их можно условно разделить на внешние и внутренние [5, с. 71]. Внешними факторами при конструировании налогового портфеля выступают условия и обстоятельства внешней среды, не зависящие от воли руководства хозяйствующего субъекта, но определяющие границы, возможности и риски при формировании налогового портфеля. К ним, в частности, относятся налоговое законодательство и установленные им налоговые режимы, виды налогов и налоговые льготы; уровень инфляции; курсы валют; ценовая конъюнктура рынка. В свою очередь, внутренними факторами при формировании налогового портфеля являются параметры и условия деятельности хозяйствующего субъекта, которые находятся под прямым контролем его руководства и влияют на структуру, объем и риски при построении налогового портфеля. Речь идет, в частности, об

организационно-правовой форме хозяйствующего субъекта; объеме выпускаемой продукции; количестве и стоимости имущества хозяйствующего субъекта.

Таким образом, налоговый портфель является одним из доминирующих инструментов развития теоретического и практического знания управления налоговой нагрузкой хозяйствующего субъекта с целью его устойчивого финансового роста.

Список литературы

1. Измайлова, М. А. Особенности портфельного подхода в налоговом менеджменте / М. А. Измайлова // Аудит. – 2017. – № 12. – С. 42–44.

2. Сафаров, В. Р. Теоретические аспекты управления налоговым портфелем хозяйствующего субъекта / В. Р. Сафаров // Финансовые рынки и банки. – 2021. – № 3. – С. 62–66.

3. Тростин, А. С. Сущность категории «налоговый портфель организации» / А. С. Тростин, К. С. Харькова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2018. – № 12–2. – С. 78–80.

4. Рыбакова, Е. М. Риск-ориентированное управление налоговым портфелем организации / Е. М. Рыбакова // Теория права и межгосударственных отношений. – 2021. – Т. 2, № 7. – С. 565–569.

5. Усманова, А. С. Теоретические аспекты формирования налогового портфеля хозяйствующего субъекта / А. С. Усманова, К. А. Одинокова // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2020. – № 4–5. – С. 69–72.

6. Кайль, В. В. Налоговый портфель как эффективный как инструмент управления предприятиями химической промышленности / В. В. Кайль // Проблемы экономики и юридической практики. – 2014. – № 6. – С. 160–163.

7. Погорелова, Т. Г. Детерминанты налогового портфеля организации / Т. Г. Погорелова // Развитие современной науки: теоретические и прикладные аспекты. – 2016. – № 2. – С. 143–145.

Олейникова Олеся Олеговна
студентка
Черняева Полина Денисовна
студентка
Кукарцева Светлана Владиславовна
студентка

ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева»
г. Москва

ПРИМЕНЕНИЕ ГРАФОВЫХ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ ДЛЯ АНАЛИЗА СТРУКТУРНЫХ ЗАВИСИМОСТЕЙ В ПРОМЫШЛЕННЫХ ЦИФРОВЫХ ДВОЙНИКАХ

Аннотация: *производственный процесс формализован как ориентированный гетерогенный граф. Архитектура Graph Attention Network (GAT) предсказывает вероятность каскадных отказов. На датасете UCI AI4I 2020 показано преимущество подхода: F1 = 0,891, упреждение 2,4 производственного цикла, снижение ложных срабатываний на 16,3%.*

Ключевые слова: *цифровой двойник, графовые нейронные сети, предиктивное обслуживание, каскадные отказы, Industry 4.0.*

Введение: традиционный мониторинг оборудования оценивает активы изолированно, игнорируя каскадное распространение отказов по технологическим цепям. Графовое представление производства, где узлы – это активы, а ребра – материальные и энергетические зависимости, позволяет применять методы глубокого обучения, учитывающие структурный контекст и топологию.

Методология GAT: на основе реального датасета UCI AI4I 2020 (10 000 циклов, 14 признаков) построена двухслойная Graph Attention Network. Модель вычисляет веса внимания для входящих связей, динамически оценивая важность соседних узлов. Асимметричная

передача сообщений обеспечивает учет направленности технологических процессов. Обучение с взвешенной бинарной кросс-энтропией компенсирует дисбаланс классов (отказы составляют ~3,3%).

Результаты: GAT превзошла базовые методы (Random Forest, LSTM, GCN): F1-score достиг 0,891, время упреждения составило 2,4 цикла, а уровень ложных срабатываний (FPR) снижен до 13,1%. Анализ карт внимания показал, что в 68% случаев критическими факторами являются не сырые параметры, а производные зависимости (например, комбинация роста температуры и износа инструмента), что подтверждает гипотезу о скрытых каскадных механизмах.

Таблица 1

Сравнительная эффективность моделей прогнозирования каскадных отказов на датасете UCI AI4I 2020

Модель	F1-score	ROC-AUC	Упреждение, производственных циклов	Частота ложных срабатываний, %
Random Forest	0,712	0,745	1,3	22,1
LSTM	0,758	0,781	1,7	19,4
GCN	0,823	0,847	2,1	15,8
GAT (предлагаемая)	0,891	0,912	2,4	13,1

Анализ табличных данных.

Результаты, представленные в таблице 1, демонстрируют систематическое превосходство графовых архитектур над традиционными методами прогнозирования отказов, причём прирост качества не ограничивается одной метрикой, а проявляется одновременно по всем четырём показателям.

Изолированные модели не улавливают структурные зависимости. Random Forest, обученный на агрегированных признаках узлов, демонстрирует наименьшие значения по всем метрикам: F1 = 0,712 и упреждение всего 1,3 цикла. Это объясняется принципиальным ограничением ансамблевых методов на плоских признаковых пространствах: каждое оборудование оценивается изолированно, без учёта того, что отказ одного узла может быть спровоцирован деградацией вышестоящего компонента. В терминах цифрового двойника это означает, что модель «видит» только локальное состояние актива, но не топологию производственной цепи.

Временные модели фиксируют динамику, но игнорируют топологию. Переход к LSTM обеспечивает рост F1 до 0,758 и упреждения до 1,7 цикла за счёт учёта временных последовательностей. Рекуррентная архитектура успешно моделирует индивидуальные траектории деградации каждого параметра, однако по-прежнему не учитывает направленные причинно-следственные связи между узлами производственной линии. В реальных условиях каскадный отказ распространяется вдоль технологической цепи за доли производственного цикла, и без явного моделирования этих связей модель обнаруживает аномалию уже после того, как она затронула соседние компоненты.

Графовые свёртки вводят структурный контекст, но с фиксированными весами. Архитектура GCN, агрегирующая признаки соседних узлов с топологически обусловленными весами, обеспечивает качественный скачок: F1 возрастает до 0,823, а упреждение – до 2,1 цикла. Модель впервые начинает «видеть» производственную цепь целиком и учитывать, как состояние вышестоящего оборудования влияет на целевой узел. Ограничение GCN состоит в том, что матрица смежности остаётся статической: при смене партии продукции, изменении скоростных режимов или переходе на другую номенклатуру фактическая значимость связей между узлами изменяется, а модель по-прежнему использует исходные веса.

Механизм внимания обеспечивает адаптивную оценку значимости связей. Предлагаемая архитектура GAT достигает наивысших значений по всем показателям: F1 = 0,891 (прирост +12,8% относительно Random Forest и +17,9% относительно GCN), ROC-AUC =

0,912, упреждение 2,4 цикла и снижение частоты ложных срабатываний до 13,1%. Ключевое отличие состоит в динамическом вычислении весов внимания для каждого входящего соединения на каждой итерации: модель обучается присваивать более высокую значимость тем соседним узлам, состояние которых наиболее релевантно для прогноза отказа в текущих условиях. Это критически важно для моделирования каскадных отказов, где влияние вышестоящего оборудования варьируется в зависимости от типа партии, скорости работы и состояния обслуживания.

Практическая интерпретация метрик упреждения и ложных срабатываний. Упреждение 2,4 производственного цикла означает, что система генерирует предупреждение о вероятности отказа за 2,4 цикла до его фактической реализации. При длительности производственного цикла 8 часов это даёт диспетчеру порядка 19 часов для планирования ремонтных работ, перераспределения нагрузки или изменения технологического маршрута. Снижение частоты ложных срабатываний с 22,1 до 13,1% (относительное снижение на 40,7%) уменьшает количество необоснованных остановок оборудования, каждая из которых связана с потерей выпуска и затратами на повторный запуск.

Заключение: графовые нейросети обеспечивают топологически осознанную оценку рисков и интерпретируемость решений, что позволяет перевести ремонты из аварийных в плановые. Методология готова к интеграции в SCADA/IIoT-платформы.

Список литературы

1. Разработка алгоритма автоматической классификации нарушенных горными работами земель по данным дистанционного зондирования / О. С. Ермолаева, А. А. Ступина, С. И. Горбачев, Г. В. Кораблева // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2026. – № 3. – С. 167–180.

2. Черняева, П. Д. Правовые аспекты применения систем предиктивного видеомониторинга на базе компьютерного зрения / П. Д. Черняева, В. Ю. Панченко, Г. В. Кораблева // Стратегии устойчивого развития: социальные, экономические и юридические аспекты : материалы II Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, 26 августа 2026 г.). – Чебоксары : Среда, 2026. – С. 408–411. – EDN ZZFHDK.

3. Кораблева, Г. В. Совершенствование процессов планирования на предприятиях за счёт внедрения автоматизированных систем поддержки принятия решений / Г. В. Кораблева // Ресурсосбережение. Эффективность. Развитие : сборник материалов IX Всероссийской научно-практической конференции (Донецк, 1 ноября 2024 г.). – Донецк : Донецкий национальный технический университет, 2024. – С. 63–65. – EDN WIOIYS.

4. Интеллектуальная модель прогнозирования объемов образования отходов на основе методов машинного обучения / Т. А. Панфилова, В. С. Тынченко, Б. В. Потапов, М. С. Никаноров // Устойчивое развитие горных территорий. – 2026. – Т. 18, № 2 (68). – С. 1107–1120. – DOI 10.21177/1998-4502-2026-18-2-1107-1120. – EDN GTTEPG.

5. Панфилов, И. А. Нейросетевой метод опережающего выявления предаварийных перегрузок в рудничных распределительных сетях / И. А. Панфилов, М. В. Журавлев, Е. Ф. Малыха // Безопасность труда в промышленности. – 2026. – № 7. – С. 7–13. – DOI 10.24000/0409-2961-2026-7-7-13.

Панченко Вероника Юрьевна
магистрант
ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет
науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева»
г. Красноярск, Красноярский край

АДАПТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЭНЕРГОПОТРЕБЛЕНИЕМ В РЕАЛЬНОМ ВРЕМЕНИ НА ОСНОВЕ ПОТОКОВЫХ МОДЕЛЕЙ ОНЛАЙН-ОБУЧЕНИЯ

Аннотация: *рассмотрен подход к адаптивному энергоменеджменту на базе потоковых моделей машинного обучения с детекцией концептуального дрейфа. Инкрементальные алгоритмы обновляются по мере поступления телеметрии; детектор ADWIN автоматически инициирует адаптацию весов. Показано, что онлайн-подход снижает ошибку (MAE) на 29% по сравнению с пакетным переобучением при задержке обновления менее 2 мс.*

Ключевые слова: *адаптивное энергопотребление, онлайн-обучение, концептуальный дрейф, инкрементальные модели, умные здания.*

Введение: статические модели прогнозирования энергопотребления теряют точность при нестационарных режимах, вызванных деградацией оборудования, сдвигами графиков и интеграцией распределённых энергоресурсов. Пакетное переобучение требует значительных вычислительных ресурсов и не обеспечивает реакцию в реальном времени. Потоковое обучение устраняет этот недостаток, обновляя веса последовательно по мере поступления данных, что критически важно для замкнутых контуров управления.

Методология: предложена архитектура, объединяющая однопроходную предобработку (алгоритм Уэлфорда, экспоненциальное сглаживание) и инкрементальные модели. Сопоставлены стохастический градиентный спуск (SGD), деревья Хаффдинга и адаптивный случайный лес (Adaptive Random Forest, ARF). Для автоматического выявления смены распределения данных без заранее заданных порогов применяется детектор ADWIN, сжимающий адаптивное окно по неравенству Хеффдинга при обнаружении статистически значимого сдвига.

Результаты и обсуждение: эксперимент на реальной пятимесячной телеметрии (prequential-протокол) подтвердил преимущество ARF (табл. 1). Детектор зафиксировал 47 событий дрейфа со средней задержкой 12,3 наблюдения (~2 ч). Коэффициент детерминации составил $R^2 = 0{,}96$, задержка корректировки весов не превысила 2 мс, что подтверждает готовность к развертыванию на периферийных EMS-контроллерах с ограниченными ресурсами.

Таблица 1

Сравнение моделей потокового прогнозирования

Модель	MAE, Вт·ч	Реакция на дрейф
Batch Linear Regression	48,6	требует переобучения
SGDRegressor	41,2	~45 шагов
Hoeffding Tree	38,5	~25 шагов
Adaptive Random Forest	34,5	~18 шагов

Представленные в таблице 1 результаты сравнения четырёх подходов к потоковому прогнозированию энергопотребления выявляют чёткую закономерность: переход от пакетных методов к инкрементальным ансамблям обеспечивает систематическое снижение ошибки прогнозирования при одновременном ускорении адаптации к смене режимов.

Пакетная линейная регрессия демонстрирует наихудшие показатели – средняя абсолютная ошибка составляет 48,6 Вт·ч. Принципиальным ограничением данного метода является не столько величина ошибки, сколько невозможность адаптации без полного переобучения. В условиях, когда режимы потребления меняются несколько раз в сутки, это делает метод

практически неприменимым для замкнутых контуров управления: каждая смена режима потребовала бы остановки системы, накопления нового датасета и повторного запуска тренировочного цикла.

Стохастический градиентный спуск снижает ошибку до 41,2 Вт·ч (на 15,2% относительно пакетной регрессии), однако скорость адаптации остаётся недостаточной – порядка 45 шагов для выхода на установившийся режим. При частоте дискретизации телеметрии в несколько минут это означает, что после каждой смены режима модель работает с повышенной ошибкой в течение нескольких часов, что критично для задач управления пиковыми нагрузками.

Дерево Хаффдинга обеспечивает дальнейшее снижение ошибки до 38,5 Вт·ч при скорости адаптации порядка 25 шагов. Преимущество данного метода заключается в использовании статистических границ для инкрементального разбиения узлов, что позволяет обходиться ограниченной памятью. Однако одиночное дерево лишено механизма оценки собственной деградации, что делает его уязвимым к кумулятивному дрейфу на длительных горизонтах.

Адаптивный случайный лес достигает наилучших результатов по обоим показателям: ошибка снижается до 34,5 Вт·ч (на 29,0% относительно пакетной регрессии и на 16,3% относительно дерева Хаффдинга), а скорость адаптации составляет порядка 18 шагов. Ключевое преимущество ансамблевой архитектуры состоит в механизме индивидуальной оценки точности каждого дерева: деградировавшие компоненты заменяются без реконструкции всей модели, что обеспечивает встроенную устойчивость к концептуальному дрейфу. Именно это свойство делает метод пригодным для развёртывания на периферийных контроллерах, где вычислительные ресурсы ограничены, а полный цикл переобучения невозможен без прерывания контура управления.

Сопоставление скорости адаптации и величины ошибки показывает, что эти параметры не являются независимыми: методы, обеспечивающие более быструю реакцию на дрейф, одновременно демонстрируют и более низкую установившуюся ошибку. Данная корреляция объясняется тем, что быстрая адаптация минимизирует период работы модели в условиях несоответствия параметров актуальному распределению данных, что снижает кумулятивную ошибку на всём горизонте наблюдения.

Практическая интерпретация результатов состоит в следующем: при задержке обновления весов менее 2 мс на шаг и скорости адаптации порядка 18 шагов адаптивный случайный лес обеспечивает переход в новый режим работы в течение 30–60 минут после фактической смены условий потребления, что является приемлемым для типовых контуров управления энергопотреблением зданий и промышленных предприятий.

Заключение: онлайн-обучение с детекцией дрейфа превращает систему энергоменеджмента в подлинно адаптивную. Предиктивное сглаживание пиков снижает плату за заявленную мощность и оптимизирует реакцию на динамические тарифы, выступая фактором социально-экономической устойчивости предприятия.

Список литературы

1. Клешко, И. И. Применение алгоритмов машинного обучения для выявления аномальных показаний датчиков карьерного водоотлива / И. И. Клешко, И. А. Вахрушева, Г. В. Кораблева // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2026. – № 3. – С. 235–248.

2. Правовые аспекты управления промышленными потоками данных в распределённых IIoT-архитектурах / О. О. Олейникова, Е. С. Алмазова, Б. В. Потапов, Г. В. Кораблева // Стратегии устойчивого развития: социальные, экономические и юридические аспекты : материалы II Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, 26 августа 2026 г.). – Чебоксары : Среда, 2026. – С. 390–393. – EDN OOJPWN.

3. Адаптивный энергоменеджмент на базе моделей онлайн-обучения как фактор социально-экономической эффективности предприятий / О. О. Олейникова, Д. А. Ткаченко, Г. В. Кораблева, А. С. Прудкий // Стратегии устойчивого развития: социальные, экономические и юридические аспекты : материалы II Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, 26 августа 2026 г.). – Чебоксары : Среда, 2026. – С. 221–224. – EDN JGZIZE.

4. Кораблева, Г. В. Совершенствование процессов планирования на предприятиях за счёт внедрения автоматизированных систем поддержки принятия решений / Г. В. Кораблева // Ресурсосбережение. Эффективность. Развитие: сборник материалов IX Всероссийской научно-практической конференции (Донецк, 1 ноября 2024 г.). – Донецк : Донецкий национальный технический университет, 2024. – С. 63–65. – EDN WIOIYS.

5. Интерпретируемые модели машинного обучения в задачах оценки экологической и промышленной безопасности горнодобывающих предприятий / Л. А. Казаковцев, А. С. Прудкий, И. А. Вахрушева, А. Н. Лосев // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2026. – № 1. – С. 169–174. – EDN GNIXFD.

6. Интеллектуальная модель прогнозирования объемов образования отходов на основе методов машинного обучения / Т. А. Панфилова, В. С. Тынченко, Б. В. Потапов, М. С. Никаноров // Устойчивое развитие горных территорий. – 2026. – Т. 18, № 2 (68). – С. 1107–1120. – DOI 10.21177/1998-4502-2026-18-2-1107-1120. – EDN GTTEPG.

Панченко Вероника Юрьевна
магистрант
ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет
науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева»
г. Красноярск, Красноярский край

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ КРИЗИСНОГО ЦЕНТРА С NLP-ТРИАЖЕМ И ЛОКАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРОЙ

Аннотация: *в работе рассмотрен дизайн интеллектуальной информационной системы для государственного кризисного центра, автоматизирующей полный жизненный цикл клиента – от первичного обращения до реабилитации. Система объединяет CRM-модуль с электронной панелью управления коечным фондом, NLP-модуль триажа на архитектуре Retrieval-Augmented Generation, классифицирующий запросы по уровню угрозы и направляющий их профильным специалистам, а также защищённую локальную архитектуру с ролевым разграничением доступа, изоляцией внешних интеграций и полным аудитом, соответствующую требованиям Федерального закона №152-ФЗ. Проектирование выполнено с применением методологий IDEF0, ARIS eEPC и UML. Экономическая оценка по модели COCOMO II определяет трудоёмкость 5,5 человеко-месяцев и бюджет 300 762 руб., а ABC-анализ демонстрирует 5,3-кратное снижение стоимости обработки одного обращения и срок окупаемости около 3,9 месяцев. Результаты подтверждают возможность создания интеллектуальной, безопасной и экономически обоснованной системы для социально значимых учреждений без использования публичной облачной инфраструктуры.*

Ключевые слова: *интеллектуальные информационные системы, NLP-триаж, Retrieval-Augmented Generation, кризисный центр, локальная архитектура, 152-ФЗ, реинжиниринг бизнес-процессов, COCOMO II.*

Введение: государственные кризисные центры для женщин и детей функционируют в условиях двойного вызова: необходимость быстрого реагирования на угрозы жизни и здоровью клиентов сочетается со строжайшими требованиями к защите конфиденциальной информации. В Москве спрос на подобные услуги стабильно растет благодаря повышению осведомленности общества о проблемах домашнего насилия и расширению цифровых каналов обращения. Традиционные подходы – бумажные журналы, разрозненные электронные таблицы и ручной телефонный триаж – уже не отвечают современным требованиям. Они создают задержки на часы и сутки, формируют риски утечки данных между подразделениями и делают невозможным ведение единой аудируемой «истории случая» для каждого клиента.

Ключевая проблема носит не только административный, но и содержательный характер. В кризисном центре скорость триажа напрямую влияет на физическую безопасность: запрос, который был неверно классифицирован или остался непрочитанным в бумажной входящей

почте, может означать разницу между своевременным предоставлением убежища и продолжением пребывания в опасной среде. Данные, с которыми работает учреждение (адреса shelters, медицинские истории, юридические подробности дел), относятся к наиболее чувствительным категориям персональных сведений. Любая цифровизация должна удовлетворять строгим требованиям конфиденциальности, включая положения Федерального закона №152-ФЗ «О персональных данных» и №442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации».

Анализ текущего состояния (AS-IS): объектом исследования выбрано ГБУ «Кризисный центр для женщин и детей» (Москва), специализированное учреждение социального обслуживания. Центр предоставляет: жилые социальные услуги («Убежище») – временное размещение женщин и детей, находящихся в группе риска; социально-психологическую помощь – экстренная диагностика, индивидуальное и групповое консультирование, поддержка при ПТСР; социально-правовую поддержку – помощь с документами, представительство в суде; экстренную дистанционную помощь – круглосуточная горячая линия и цифровые каналы (сайт, мессенджеры).

Текущая модель процесса формализована в нотации IDEF0. Контекстная диаграмма (A-0) определяет границы процесса «Приемка, регистрация и сопровождение клиента». Входами выступают входящие обращения (телефон, чат) и персональные данные; управлениями – федеральные и региональные нормативные акты, внутренние регламенты; механизмами – персонал, бумажные журналы, телефонное оборудование; выходами – оказанная социальная услуга и консолидированная отчетность для Департамента.

Декомпозиция первого уровня выделяет три ключевые функции: приемка и регистрация;управление коечным фондом и размещение; оказание услуг и сопровождение.

Целевая модель процессов (TO-BE): целевая модель разработана с использованием методологии ARIS. На верхнем уровне диаграмма цепочки создания ценности (Value-Added Chain Diagram, VAD) определяет четыре стадии.

1. Приемка и классификация.
2. Первичная диагностика и принятие решения.
3. Оказание услуг и реабилитация.
4. Контроль качества и аналитика.

Каждая стадия детализирована событийными цепочками процессов (eEPC).

Первичный триаж. Входящее обращение инициирует извлечение текста и метаданных; ИИ-модуль анализирует ключевые слова и тональность; присваивается уровень угрозы; запрос направляется в категорию «Экстренный» или «Консультационный».

Управление коечным фондом и размещение. Система проверяет доступность мест, резервирует койку, формирует проект договора.

Контроль качества и эскалация. Перед отправкой любого сгенерированного ИИ ответа система проверяет показатель уверенности модели и сканирует текст на предмет ранее нераспознанных угроз. При низкой уверенности ответ блокируется и уведомляется дежурный администратор.

Анализ и переобучение модели. Собираются логи, фильтруются и размечаются программным инженером; обновляется векторный индекс базы знаний.

Спецификации вариантов использования (UML) определяют функциональный охват для пяти групп акторов: Клиент, Администратор, Психолог, Программный инженер, Системный администратор. Выделяются три функциональные подсистемы: Модуль интеграции с сайтом, Автоматизированное рабочее место (АРМ) специалиста, Администрирование и ИИ.

Заключение: в настоящей работе представлен комплексный подход к проектированию интеллектуальной информационной системы для государственного кризисного центра, автоматизирующей полный жизненный цикл обслуживания клиентов – от первичного обращения до завершения реабилитационных программ. Исследование было мотивировано необходимостью решения двойственной задачи: обеспечения быстрого реагирования на угрозы жизни

и здоровью клиентов при одновременном соблюдении строжайших требований к защите конфиденциальных персональных данных в соответствии с Федеральным законом №152-ФЗ.

Список литературы

1. Разработка программного модуля оценки эффективности рекультивации нарушенных земель по комплексу экологических показателей / И. И. Клешко, А. В. Бабкина, О. С. Пучкова, Г. В. Кораблева // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2026. – № 3. – С. 181–234.
2. Клешко, И. И. Применение алгоритмов машинного обучения для выявления аномальных показаний датчиков карьерного водоотлива / И. И. Клешко, И. А. Вахрушева, Г. В. Кораблева // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2026. – № 3. – С. 235–248.
3. Черняева, П. Д. Правовые аспекты применения систем предиктивного видеомониторинга на базе компьютерного зрения / П. Д. Черняева, В. Ю. Панченко, Г. В. Кораблева // Стратегии устойчивого развития: социальные, экономические и юридические аспекты: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 26 августа 2026 г.). – Чебоксары : Среда, 2026. – С. 408–411.
4. Правовые аспекты управления промышленными потоками данных в распределённых IIoT-архитектурах / О. О. Олейникова, Е. С. Алмазова, Б. В. Потапов, Г. В. Кораблева // Стратегии устойчивого развития: социальные, экономические и юридические аспекты: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 26 августа 2026 г.). – Чебоксары : Среда, 2026. – С. 390–393.
5. Интерпретируемые модели машинного обучения в задачах оценки экологической и промышленной безопасности горнодобывающих предприятий / Л. А. Казаковцев, А. С. Прудкий, И. А. Вахрушева, А. Н. Лосев // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2026. – № 1. – С. 169–174.
6. Панфилов, И. А. Нейросетевой метод опережающего выявления предаварийных перегрузок в рудничных распределительных сетях / И. А. Панфилов, М. В. Журавлев, Е. Ф. Малыха // Безопасность труда в промышленности. – 2026. – № 7. – С. 7–13.

Пронин Алексей Юрьевич
канд. техн. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова»
г. Москва

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ УПРАВЛЕНИЯ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ ЭКОСИСТЕМЫ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Аннотация: *рассмотрены направления развития экономики России в современных условиях цифровизации. Предложена типовая структура промышленной экосистемы, включающая: участников, механизмы взаимодействия, технологическую базу и др. В результате проведенных исследований автором предложен организационно-экономический механизм управления устойчивым развитием экосистемы промышленного предприятия в современных условиях цифровой трансформации экономики.*

Ключевые слова: *промышленная экосистемам, цифровизация, предприятие, устойчивое развитие, производственный процесс, конкурентоспособность, цифровая платформа, экономическое развитие, экономическая адаптация.*

Одним из глобальных трендов XXI века является структурная трансформация мировой экономики, связанная с активным развитием и повсеместным внедрением цифровых технологий в реальные экономические процессы [1; 2]. Трансформация экономики за счет использования цифровых технологий создает предпосылки для изменения бизнес-процессов и принципов управления инновационным развитием как национальной экономики в целом, так и отдельных ее отраслей, включая промышленный сектор.

Вопросы развития промышленности в условиях цифровой трансформации экономики России достаточно подробно рассматриваются в публикациях отечественных ученых и аналитиков [1–6].

По результатам анализа публикаций отечественных ученых можно сделать вывод, что в настоящее время концепция экосистем в экономике недостаточно проработана и часто трактуется по-разному. В этой связи, с учетом анализа рассмотренных выше публикаций можно сформулировать следующее авторское определение промышленной экосистемы [1–6].

Промышленная экосистема – система (пространство) взаимосвязанных и взаимодействующих между собой элементов среды (заказчиков, производственных предприятий, потребителей, сервисных компаний, цифровых платформ, приложений, устройств и др.), обеспечивающих повышение эффективности производства конечной продукции. Формирование и развитие экосистем, по мнению автора, может осуществляться двумя путями:

− развитие собственных производственных мощностей, цифровых платформ и сервисов;

− объединение двух и более предприятий в результате которого можно достичь синергетического эффекта от совместной работы и повысить конкурентоспособность и качество выпускаемой продукции.

Основными элементами промышленной экосистемы являются: участники, механизмы взаимодействия и технологическая база (рис. 1).

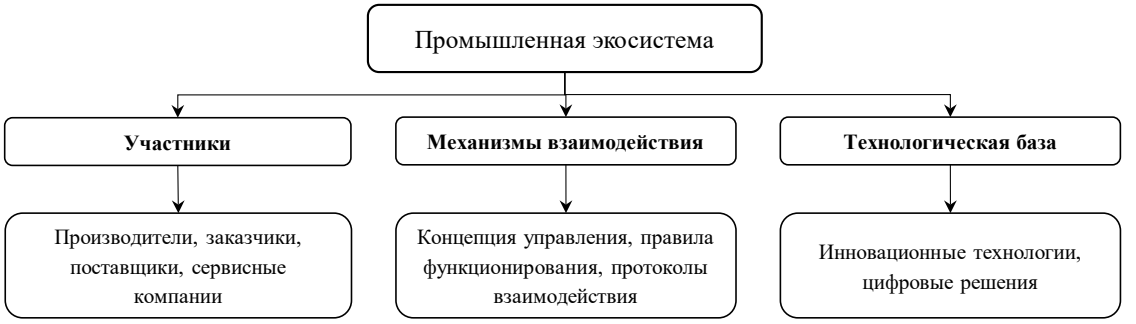

Рис. 1. Основные элементы промышленной экосистемы

С учетом вышеизложенного, по мнению автора, содержание организационно-экономического механизма управления устойчивым развитием промышленных предприятий в современных условиях цифровизации должно определяться, в первую очередь, назначением и особенностями функционирования конкретного предприятия, а также степени его цифровизации, которая накладывает определенные условия на формирование данного механизма.

Именно специфические особенности функционирования промышленных предприятий, такие как цифровизация, наукоемкость, высокотехнологичность, ориентация на импортозамещение и другие в значительной мере предопределяют систематизацию методов, способов и форм организации внешних и внутренних производственно-экономических отношений.

По мнению авторов, организационно-экономический механизм управления устойчивым развитием промышленных предприятий в современных условиях цифровизации должен учитывать:

− возможность «горизонтальной» интеграции производственных процессов в рамках единого информационного (цифрового) пространства внутри предприятия на всех уровнях производства;

− возможность «вертикальной» интеграции в рамках производственной цепочки на различных уровнях (государственный, региональный, муниципальный уровень или уровень обособленной интегрированной структуры);

сквозную цифровую интеграцию управленческих и производственных процессов внутри предприятия с использованием передовых цифровых технологий. Данный вид интеграции предлагается выделить в отдельный блок для установления связей свойств продукта и его индивидуальных особенностей.

С учетом вышеизложенного в обобщенном виде содержание организационно-экономического механизма управления устойчивым развитием экосистемы промышленного предприятия в современных условиях цифровизации приведено на рисунке 2.

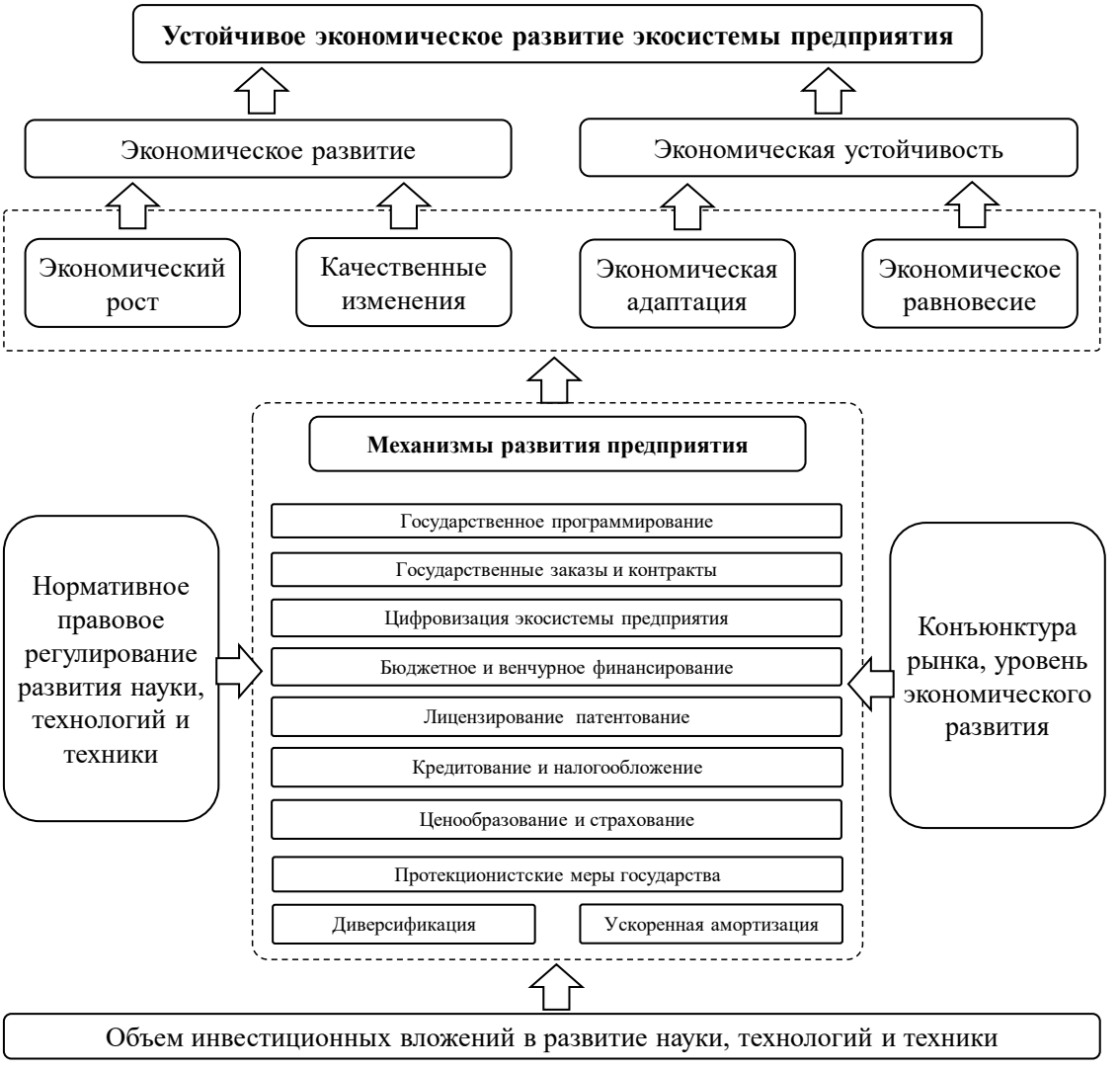

Рис. 2. Организационно-экономический механизм управления устойчивым развитием экосистемы промышленного предприятия

В заключение можно сделать вывод, что организационно-экономический механизм управления устойчивым развитием промышленных предприятий представляет собой совокупность конкретных методов и инструментов воздействия в рамках существующих институциональных механизмов, позволяющих обеспечить устойчивое развитие промышленных предприятий в современных условиях цифровой трансформации экономики России. При этом следует отметить, что для эффективного функционирования данного механизма необходимо постоянно совершенствовать организационное, кадровое, информационное (цифровое), финансовое и правовое обеспечение промышленных предприятий.

Список литературы

1. Старостина, Н. А. Механизм управления реализацией инвестиционно-инновационных программ развития предприятий / Н. А. Старостина // Управленческий учет. – 2026. – № 2. – С. 314–321.
2. Пряничников С.Б. Методология формирования экономического механизма управления устойчивым инновационным развитием промышленных предприятий. – М.: Изд. Московский университет им. С.Ю.Витте. – 2020. – 310 с.
3. Тхор, Е. С. Механизм разработки и реализации стратегии инновационного развития сферы услуг / Е. С. Тхор, С. А. Тхор, Е. И. Макарова // Human Progress. – 2023. – Т. 9, № 6. – С. 10.
4. Плотников, А. П. Некоторые вопросы методологии стратегического управления инновационным развитием промышленных предприятий / А. П. Плотников, А. В. Сухоруков // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. – 2017. – № 1 (13). – С. 50–54.
5. Давиденко, Л. М. Инновационный механизм управления экономикой предприятия / Л. М. Давиденко // Grand Altai Research & Education. – 2019. – № 1. – С. 164–177.
6. Пархоменко, О. В. Концептуальные основы формирования системы финансирования и управления инновациями в деятельности промышленных предприятий / О. В. Пархоменко // Торговля и рынок. – 2020. – № 3–2 (55). – С. 143–150.

Соловьева Татьяна Владимировна
аспирант
ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет
науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева»
г. Красноярск, Красноярский край

Алмазова Екатерина Сергеевна
аспирант
ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет
науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева»
г. Красноярск, Красноярский край

Музалев Константин Сергеевич
ассистент
ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный
университет – МСХА им. К.А. Тимирязева»
г. Москва

АГЕНТНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СТОХАСТИЧЕСКОЙ И ЭНДОГЕННОЙ ДИНАМИКИ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ СВЯЗЕЙ В ЛОКАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯХ

Аннотация: *представлено агентное исследование спонтанного возникновения организационных структур из локальных правил выбора партнеров. Сравнены модели со случайным обновлением связей и эндогенной памятью. Выявлены два архетипа самоорганизации: модульно-гомофильный и иерархически-селективный. Экспериментальная серия из 2640 статистических прогонов с факторным анализом показала, что эндогенная память усиливает выраженность стратегий: централизация в режиме High-quality возрастает с 0,309 до 0,401, модулярность при стратегии гомофилии – с 0,347 до 0,389, индекс Джини достигает 0,698.*

Ключевые слова: *агентное моделирование, самоорганизация, сетевой анализ, организационные структуры, кластеризация, эмерджентность.*

Введение: классическая проблема эмерджентности в менеджменте заключается в понимании того, как макроскопические свойства организации возникают из микровзаимодействий агентов без прямого назначения ролей. В работе последовательно рассматриваются две версии сетевой динамики: стохастическая замена связей при заполнении емкости и эндогенная память, где сила связи зависит от истории взаимодействий.

Модель и микроправила: популяция состоит из 100 агентов с атрибутами skill и communicationSkill. Агенты выбирают партнеров на основе четырех стратегий: случайной, гомофилии (сходство), высокого качества и комплементарности. В эндогенной модели каждая связь имеет вес, который усиливается при повторных контактах и затухает со временем. Проведено 2640 статистических прогонов с факторным анализом.

Операционализация эмерджентных управленческих свойств выполнена через систему сетевых метрик: иерархия и концентрация оцениваются через централизацию входящих связей, индекс Джини и максимум входящих; самокластеризация – через глобальную кластеризацию, число сообществ и модулярность; однородность – через среднее сходство; функциональная специализация – через среднюю комплементарность.

Результаты: локального выбора партнера достаточно для формирования макроструктур. Стратегия гомофилии приводит к модульной кластеризации, а стратегии высокого качества и комплементарности – к иерархической концентрации входящих связей (рост централизации и индекса Джини). Емкость сети не является нейтральным параметром: она взаимодействует со стратегией, усиливая или сохраняя режимы. Эндогенная память не создает новых типов структур, но усиливает историческую зависимость и выраженность стратегий за счет параметров затухания и начальной силы связи.

Таблица 1

Сравнение макроскопических показателей организационных структур при стохастическом и эндогенном механизмах обновления связей (базовые серии, N=100 агентов, емкость=8)

Стратегия	Механизм	Централизация	Модулярность	Индекс Джини	Комплементарность
Случайная	Стохастический	≈ 0,02	≈ 0,08	≈ 0,09	≈ 0,12
Случайная	Эндогенный	≈ 0,03	≈ 0,09	≈ 0,10	≈ 0,13
Гомофилия	Стохастический	0,08	0,35	0,21	0,18
Гомофилия	Эндогенный	0,09	0,39	0,23	0,19
Высокое качество	Стохастический	0,31	0,17	0,62	0,27
Высокое качество	Эндогенный	0,40	0,14	0,70	0,29
Комплементарность	Стохастический	0,30	0,16	0,60	0,38
Комплементарность	Эндогенный	0,39	0,13	0,67	0,38

Анализ табличных данных: представленные количественные показатели подтверждают существование двух устойчивых архетипов самоорганизации. Первый архетип – модульно-гомофильный – характеризуется низкой централизацией (0,08–0,09) при высокой модулярности (0,35–0,39) и умеренном индексе Джини (0,21–0,23). Такая конфигурация соответствует организационной структуре, в которой агенты самоорганизуются в изолированные сообщества по признаку сходства без формирования явных координационных центров. Второй архетип – иерархически-селективный – проявляется при стратегиях высокого качества и комплементарности: централизация достигает 0,30–0,40, индекс Джини – 0,60–0,70, а модулярность снижается до 0,13–0,17. Это отражает концентрацию входящих связей на ограниченном числе «хабов», что структурно эквивалентно возникновению неформальных лидеров или координационных узлов.

Ключевой вывод таблицы состоит в систематическом усилении стратегий при переходе к эндогенной памяти. Для стратегии высокого качества централизация возрастает на 29% (с 0,31 до 0,40), индекс Джини – на 13% (с 0,62 до 0,70), а модулярность дополнительно снижается. Для гомофилии модулярность увеличивается на 11% (с 0,35 до 0,39), что означает более четкое разграничение сообществ. Случайная стратегия остается практически инвариантной к механизму обновления, что подтверждает гипотезу о том, что эндогенная память не создает структуру «из ничего», а усиливает уже существующий селективный потенциал локальных правил выбора партнера.

Наиболее выраженным параметром эндогенной модели является скорость затухания связей (decay rate): факторный анализ показывает частичную $\eta^2 \approx 0{,}815$ для взаимодействия со

стратегией, что свидетельствует о ключевой роли времени жизни связи в трансляции локального выбора в макроскопическую организационную структуру. Низкая начальная сила связи заставляет новые контакты подтверждать свою значимость через повторные взаимодействия, а медленное затухание продлевает влияние ранних различий, усиливая зависимость от пути развития (path dependence).

Заключение: результаты подтверждают концепцию эмерджентных свойств управления как структур, формирующихся на пересечении локального выбора, структурных ограничений и памяти связей. Количественные метрики двух архетипов – модульно-гомофильного и иерархически-селективного – устойчиво воспроизводятся в 2640 независимых прогонах и систематически усиливаются при введении эндогенной памяти. Дальнейшие исследования будут направлены на формализацию вероятности перехода между макро-режимами и гармонизацию экспериментального дизайна для строгого каузального сравнения двух механизмов обновления связей при едином горизонте моделирования.

Список литературы

1. Адаптивный энергоменеджмент на базе моделей онлайн-обучения как фактор социально-экономической эффективности предприятий / О. О. Олейникова, Д. А. Ткаченко, Г. В. Кораблева, А. С. Прудкий // Стратегии устойчивого развития: социальные, экономические и юридические аспекты : материалы II Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, 26 августа 2026 г.). – Чебоксары : Среда, 2026. – С. 221–224. – EDN JGZIZE.

2. Кораблева, Г. В. Анализ и совершенствование возможностей поддержки процессов управления качеством автоматизированными ERP-системами / Г. В. Кораблева, А. Н. Ушаков // Экономика и предпринимательство. – 2024. – № 5(166). – С. 1088–1094. – DOI 10.34925/EIP.2024.166.5.224. – EDN BABPJJ.

3. Кораблева, Г. В. Совершенствование процессов планирования на предприятиях за счёт внедрения автоматизированных систем поддержки принятия решений / Г. В. Кораблева // Ресурсосбережение. Эффективность. Развитие : сборник материалов IX Всероссийской научно-практической конференции (Донецк, 1 ноября 2024 г.). – Донецк : Донецкий национальный технический университет, 2024. – С. 63–65. – EDN WIOIYS.

4. Интерпретируемые модели машинного обучения в задачах оценки экологической и промышленной безопасности горнодобывающих предприятий / Л. А. Казаковцев, А. С. Прудкий, И. А. Вахрушева, А. Н. Лосев // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2026. – № 1. – С. 169–174. – EDN GNIXFD.

5. Панфилов, И. А. Нейросетевой метод опережающего выявления предаварийных перегрузок в рудничных распределительных сетях / И. А. Панфилов, М. В. Журавлев, Е. Ф. Малыха // Безопасность труда в промышленности. – 2026. – № 7. – С. 7–13. – DOI 10.24000/0409-2961-2026-7-7-13.

Цыганова Ирина Юрьевна
канд. экон. наук, доцент
Оренбургский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»
г. Оренбург, Оренбургская область
Гореликова-Китаева Ольга Геннадьевна
канд. экон. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет им. В.А. Бондаренко»
г. Оренбург, Оренбургская область
Елагина Татьяна Викторовна
магистрант
кафедры экономики и финансов
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет им. В.А. Бондаренко»
г. Оренбург, Оренбургская область

DOI 10.31483/r-169557

НАПРАВЛЕНИЯ И ИСТОЧНИКИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ НЕФТЕГАЗОВОЙ КОМПАНИИ НА ОСНОВЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ РАЗВИТИЯ ПЕРСОНАЛА

Аннотация: *в статье обосновывается, что совершенствование системы развития персонала является ключевым внутренним фактором повышения эффективности нефтегазовой компании в условиях технологических изменений и геополитических вызовов. Проблематика исследования связана с выявлением слабых мест в существующих подходах к развитию компетенций сотрудников в контексте развития персонала компании (в части цифровых навыков, командной работы, адаптации) и разработкой практических инструментов для их устранения. Для анализа применяются сравнительный и системный подходы, а также опрос руководящих работников одной из компаний отрасли. Результаты показали, что ответственный и рациональный выбор направлений и источников будет способствовать прямому экономическому эффекту, повышению операционной надежности и безопасности, устойчивому кадровому обеспечению и удержанию талантов, а также гибкости компании.*

Ключевые слова: *персонал, развитие персонала, система развития персонала, эффективность нефтегазовой компании, источники повышения эффективности, направления повышения эффективности.*

В условиях высокой конкуренции, технологических вызовов и усложнения производственных процессов ключевым фактором повышения эффективности деятельности нефтегазовой компании в целом становится эффективное использование ее человеческого капитала в частности. Именно персонал обеспечивает безопасность, непрерывность операций и инновационный потенциал компании. Однако текущие подходы к развитию персонала не в полной мере отвечают реализации стратегических задач на этой основе. В данной статье рассматриваются направления и источники повышения эффективности деятельности нефтегазовой компании за счет совершенствования именно системы развития персонала: от внедрения цифровых инструментов обучения до формирования кадрового резерва и модернизации системы мотивации.

Система развития персонала – это комплекс взаимосвязанных элементов (методов, средств, социальных институтов и др.), направленных на изменение и повышение профессиональных способностей сотрудников в соответствии с потребностями компании. По сути это системный процесс, направленный на повышение трудового потенциала сотрудников: не

только на обучение, но и на карьерный рост, наставничество, ротацию, создание условий для профессионального роста в целом [1, с. 22].

С учетом специфики отрасли (сложные условия труда, высокие требования к безопасности, необходимость осваивать новые технологии и др.) система развития персонала в нефтегазовой компании является интегрированной, ориентированной на долгосрочное развитие, учитывающей инновационные и цифровые трансформации отрасли, и направленной на повышение квалификации, компетентности и мотивации сотрудников для обеспечения эффективного развития в долгосрочном периоде и увеличения конкурентоспособности.

Система развития персонала нефтегазовой компании представляет собой комплексный и стратегически ориентированный процесс, включающий пять ключевых элементов (рис. 1).

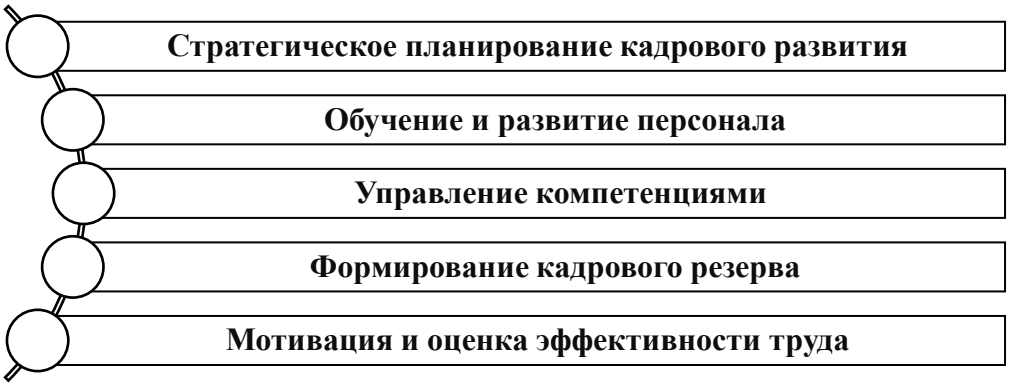

Рис. 1. Ключевые элементы системы развития персонала нефтегазовой компании

В нефтегазовой компании управление компетенциями – один из ключевых элементов системы развития персонала, что связано со спецификой отрасли:

1. Высокие требования к профессионализму. Работа связана со сложными техническими задачами: добыча на месторождениях, работа на шельфе, проектирование новых объектов. От навыков инженеров, геологов, операторов оборудования напрямую зависит безопасность и эффективность производства.

2. Риски и жесткие стандарты. Ошибки в компетенциях могут привести к серьезным авариям, экологическим проблемам или травматизму. Поэтому оценка и развитие нужных навыков – вопрос эффективности компании.

3. Динамичность среды. В отрасли внедряются цифровые технологии, появляются новые инструменты. Компетенции должны постоянно обновляться (появляются цифровые навыки, новые технические знания и т.п.).

4. Стратегическая роль. Модель компетенций помогает выстроить всю систему: от подбора и оценки до планирования обучения и формирования кадрового резерва. То есть, это инструмент для достижения стратегических целей компании.

Управление компетенциями – формализация и системная оценка компетенций персонала, направленная на повышение стандартов безопасности, качества и эффективности работы. Включает регулярную аттестацию и оценку применения знаний на практике [2, с. 13]. Помогает нефтегазовой компании не просто поддерживать текущий уровень работы, но и гибко адаптироваться к вызовам, эффективно использовать человеческий капитал и, в конечном счете, повышать экономическую эффективность компании.

Систематизировав взгляды современных российских ученых, авторами сделан вывод, что нефтегазовая компания может использовать целый набор подходов к развитию компетенций сотрудников в контексте развития персонала в современных условиях (табл. 1) – и часто комбинирует их, чтобы закрыть сразу несколько задач: от подготовки к конкретным авариям до формирования «гибридных» специалистов для цифровой трансформации.

Таблица 1

Актуальные подходы к развитию компетенций сотрудников в контексте развития персонала нефтегазовой компании

Подход	Характеристика подхода
Компетентностный подход	Компания четко описывает, какие знания, навыки и модели поведения нужны для каждой роли (профессиональные, управленческие, корпоративные и др.). На основе этого профиля проводят оценку, выявляют пробелы и строят индивидуальные планы развития
Опережающее формирование компетенций	Идея в том, чтобы не реагировать на уже возникший дефицит навыков, а заранее готовить людей к технологиям, которые только внедряются (например, к работе с ИИ, большими данными, цифровыми двойниками)
Иммерсивное и симуляционное обучение	Чтобы отработать сложные или опасные навыки в безопасной среде, активно применяют цифровые тренажеры и цифровые двойники. С их помощью можно смоделировать работу технологического объекта, отработать штатные процедуры, а главное – действия в нештатных и аварийных ситуациях
Гибридные и цифровые форматы обучения	Традиционные лекции дополняют онлайн-курсами, микрообучением, вебинарами. Для некоторых задач используют технологии виртуальной (VR) и дополненной (AR) реальности – они особенно полезны для детального изучения оборудования или отработки процедур в условиях, близких к реальным
Наставничество и обмен опытом	Передача знаний от более опытных коллег новичкам или при переходе на новую должность остается эффективным инструментом. Часто это не разовая беседа, а структурированная программа с четкими целями и оценкой результатов

Внедрение каждого из этих подходов требует ресурсов: инвестиций в инфраструктуру, контент, перестройку процессов и культуры. Однако в целом именно это повышает безопасность, эффективность и устойчивость бизнеса в меняющихся условиях.

По результатам опроса *руководящих работников одной из компаний отрасли (*Оренбургского филиала ООО «РН-Бурение»*) авторами были выявлены слабые места в существующих подходах к развитию компетенций сотрудников в контексте развития персонала компании, в части: цифровых навыков, командной работы, адаптации (таблица 2).*

Таблица 2

Слабые места в существующих подходах к развитию компетенций сотрудников в контексте развития персонала нефтегазовой компании

Слабое место	Характеристика слабого места
Цифровые навыки	Разрыв между образованием и реальностью. Недостаток «гибридных» специалистов. Сопротивление персонала и возрастной разрыв. Фрагментарность корпоративных решений. Региональный дисбаланс
Командная работа	Недооценка софт-скиллов при подборе и развитии. Низкий уровень коммуникативных навыков руководителей. Иерархическая инерция. Разрыв интересов между командами и подрядчиками. Цифровизация меняет характер командного взаимодействия
Адаптация	Формальность программ адаптации. Недостаток систематической обратной связи. Несовпадение ожиданий и реальности. Медленная адаптация к цифровым ролям. Возрастные различия требуют персонализации

Основное слабое место – фрагментарность. Отдельные элементы (корпоративные университеты, тренажеры, наставничество и др.) существуют, но не собраны в единую систему, которая связывала бы отраслевую специфику, цифровую трансформацию и индивидуальные траектории развития. Без этого разрыв между тем, что технологии уже могут, и тем, что люди умеют, будет только расти.

Используя сравнительный подход к оценке эффективности компаний нефтегазовой отрасли, авторами определены следующие практические инструменты для устранения выявленных слабых мест в существующих подходах к развитию компетенций сотрудников:

1. Цифровые навыки:
1.1) корпоративные университеты и институты с цифровым фокусом;
1.2) «Лига вузов» и целевые магистратуры;
1.3) базовые кафедры и опережающее обучение;
1.4) цифровые обучающие платформы и симуляторы.
2. Командная работа:
2.1) кросс-функциональные проектные команды;
2.2) интеграция развития софт-скиллов в корпоративные программы;
2.3) система обратной связи «снизу вверх»;
2.4) инженерные конкурсы и хакатоны.
3. Адаптация:
3.1) структурированное наставничество;
3.2) программы раннего вовлечения студентов;
3.3) метод «Shadowing» (теневое наставничество);
3.4) дифференцированный подход к адаптации.
4. Сквозные инструменты:
4.1) система КПЭ управления персоналом, привязанная к бизнес-результату;
4.2) межкорпоративное L&D-сообщество;
4.3) сравнительная оценка HR-метрик.

Сравнительный подход показывает, что ни один инструмент в одиночку не закрывает все пробелы. Результат дает комбинация – когда корпоративный университет, наставничество, целевые программы с ВУЗами, проектная работа и система КПЭ работают как единая экосистема, а не как разрозненные инициативы.

Совершенствование системы развития персонала путем устранения данных слабых мест будет способствовать росту эффективности нефтегазовой компании на основе реализации следующих направлений (рис. 2).

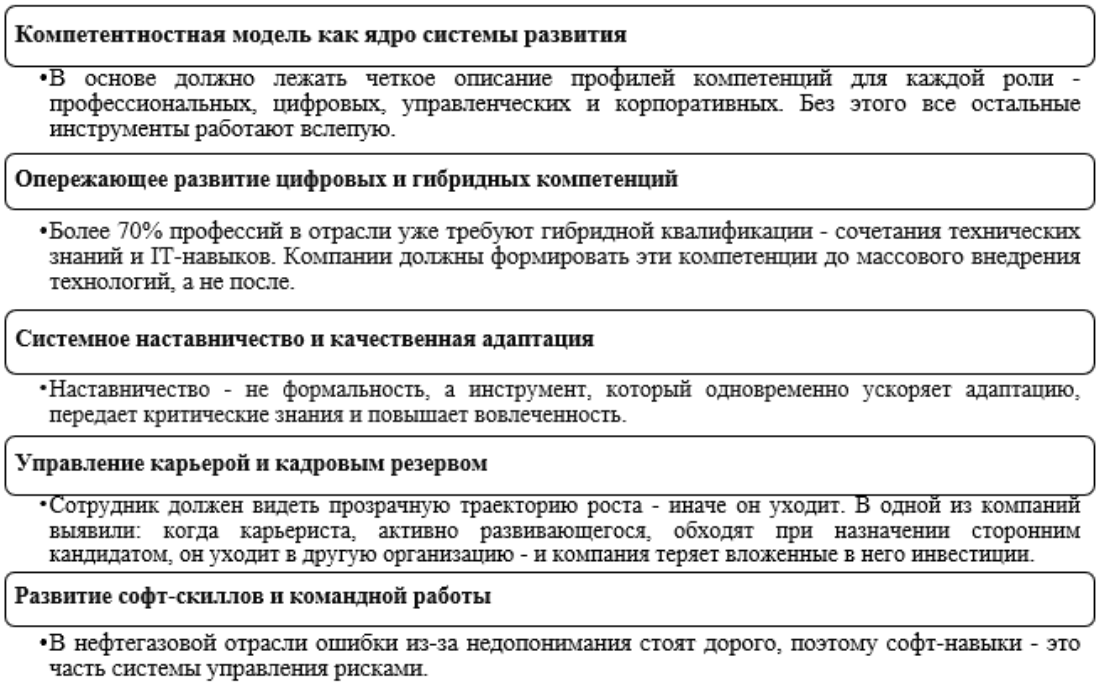

Рис. 2. Направления повышения эффективности нефтегазовой компании на основе совершенствования системы развития персонала

Реализация этих направлений позволит повысить производительность труда, сократить аварийность и обеспечить устойчивое соответствие требованиям промышленной безопасности и регуляторной среды. Кроме того, сформировать гибкую, адаптивную рабочую силу, способную эффективно работать в условиях внедрения новых технологий и изменения производственных процессов, а также обеспечить долгосрочную кадровую устойчивость компании за счет системного привлечения, удержания и развития талантов [3, с. 78].

Используя причинно-следственную логику, авторы пришли к выводу, что если направление задает управленческий вектор, то источник – конкретный механизм/ресурс, который дает измеримый эффект. Источники повышения эффективности нефтегазовой компании (таблица 3) авторы сгруппируют по пяти выделенным ключевым направлениям – они напрямую опираются на компетентностную модель и практики, отраженные на рисунке 2.

Таблица 3

Источники повышения эффективности нефтегазовой компании на основе совершенствования системы развития персонала

Направления	Источники повышения эффективности
Компетентностная модель и целевое обучение	1. Сокращение ошибок и переделок за счет того, что обучение привязано к реальным индикаторам поведения и уровням владения навыками. 2. Ускорение вывода на целевую производительность благодаря тому, что программы строятся под матрицу компетенций: нет «лишнего» контента, только то, что нужно для выполнения КПЭ. 3. Снижение рисков несоответствия требованиям регуляторов – компетенции включают нормы промышленной безопасности и экологические стандарты, а их освоение регулярно проверяется

Окончание таблицы 3

Направления	Источники повышения эффективности
Опережающее развитие цифровых и гибридных компетенций	1. Быстрее окупаются ИТ-инвестиции. Персонал осваивает цифровые двойники, ГИС, системы диспетчеризации и предиктивную аналитику еще до массового запуска, поэтому не возникает «узкого места» из-за неготовности людей. 2. Растет точность планирования и контроля работ. Сотрудники умеют работать с данными в реальном времени, оперативно корректируют графики и ресурсы, сокращая простои. 3. Снижается аварийность из-за человеческого фактора. Цифровые инструменты (чек-листы, подсказки, AR-очки) интегрируются в привычные процессы и уменьшают вероятность ошибок на площадке
Системное наставничество и качественная адаптация	1. Сокращение срока выхода новичка на целевую производительность с нескольких месяцев до 1-2 месяцев за счет структурированных чек-листов и контроля со стороны наставника. 2. Сохранение экспертизы при старении кадров. Опыт «носителей знаний» фиксируется в стандартизированных процедурах и передается через систему наставничества, а не теряется при увольнении. 3. Снижение текучести на испытательном сроке
Управление карьерой и кадровым резервом	1. Снижение потерь от ухода перспективных сотрудников. Когда сотрудник видит понятные карьерные лестницы и справедливые критерии продвижения, он реже уходит к конкурентам, а компания не теряет вложенные в его развитие средства. 2. Готовность к оперативным назначениям. Кадровый резерв с регулярной оценкой позволяет быстро закрывать вакансии внутренними кандидатами без длительных внешних поисков. 3. Рост вовлеченности и инициативности. Понимание перспектив мотивирует сотрудников активнее участвовать в улучшении процессов и предлагать инновации
Развитие софт-скиллов и командной работы	1. Сокращение простоев из-за несогласованности. Кросс-функциональные команды и методики разбора инцидентов (After Action Review) ускоряют принятие решений и устраняют «слепые зоны» между подразделениями. 2. Повышение скорости реагирования на внештатные ситуации. Навыки коммуникации, обратной связи и управления конфликтами позволяют бригадам действовать слаженно даже в стрессовых условиях. 3. Рост качества проектных результатов. Команды с развитыми навыками совместной работы быстрее находят оптимальные решения, лучше управляют рисками и соблюдают сроки

Чтобы обосновать эффект для нефтегазовой компании, эти источники авторы предлагают перевести в конкретные КПЭ:

1. Производительность труда: выработка на человека, время на типовые операции, доля переделок.

2. Надежность и безопасность: количество инцидентов, время простоя, штрафы и предписания регуляторов.

3. Удержание и развитие персонала: текучесть на испытательном сроке, доля внутренних назначений, срок закрытия вакансий.

4. Эффективность обучения: срок выхода на целевую производительность, результаты аттестаций, применение навыков на практике и др.

Таким образом, совершенствование системы развития персонала выступает значимым внутренним фактором повышения эффективности нефтегазовой компании. Рациональная увязка направлений с конкретными источниками эффективности позволяет системно влиять на ключевые производственные и экономические показатели. При этом эффект достигается не за счет отдельных мероприятий, а благодаря комплексному, управляемому и измеримому подходу к развитию человеческого капитала, интегрированному в операционную и стратегическую деятельность компании.

Список литературы

1. Байчерова, А. Р. Экономика труда : курс лекций / А. Р. Байчерова. – Ставрополь : АГРУС, 2013. – 177 с.

2. Кельчевская, Н. Р. Формирование и развитие человеческого капитала на нефтегазовых предприятиях : монография / Н. Р. Кельчевская, И. С. Пелымская, А. Ю. Тян. – Москва : Первое экономическое издательство, 2022. – 210 с.

3. Кузьмина, Н. М. Менеджмент персонала корпорации : монография / Н. М. Кузьмина. – Москва : ИНФРА-М, 2026. – 245 с. – URL: https://znanium.ru/catalog/product/2233022 (дата обращения: 04.10.2026). – ISBN 978-5-16-010890-2. – Текст : электронный.

Шитова Вергиния Валентиновна
магистрант
Научный руководитель
Салаватова Асиль Магомедовна
канд. пед. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет»
г. Нижневартовск, ХМАО – Югра

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация: *в статье рассматривается актуальная проблема формирования имиджа учреждений среднего профессионального образования (СПО) в условиях высокой конкуренции на рынке образовательных услуг. На примере Бюджетного учреждения «Нижневартовский строительный колледж» проведен анализ текущих имиджевых стратегий, выявлены ключевые проблемы, препятствующие укреплению позиций, а также предложены рекомендации по улучшению имиджевой политики.*

Ключевые слова: *имидж образовательной организации, среднее профессиональное образование, Нижневартовский строительный колледж, профориентация, медиапространство, строительный кластер.*

России характеризуется качественными изменениями приоритетов и ценностей в общественном сознании, это должно находить отражение в образовательном процессе [5, с. 41]. В современных условиях система среднего профессионального образования (СПО) переживает трансформацию. Колледжи страны выходят на новый уровень позиционирования – в рамках программы «Профессионалитет» проводятся на высоком уровне конкурсы профессионального мастерства, стажировки и практики с последующим трудоустройством выпускников.

Формирование имиджа профессиональной образовательной организации – это не просто PR-задача, а стратегический инструмент развития.

PR-деятельность в образовательной организации представляет собой систему внешних и внутренних коммуникационных процессов. Актуальность применения связей с общественностью в этой сфере подтверждена современными исследованиями в области коммуникационного менеджмента и экономики [2].

Стоит отметить, что имидж СПО влияет на следующие показатели:

1) привлекательность для будущих абитуриентов (конкурс на бюджетные места);

2) лояльность партнеров-работодателей (готовность участвовать в целевом обучении, оснащении мастерских и предоставлять места для практики);

3) региональная поддержка (участие в федеральных и окружных программах, таких как «Профессионалитет»).

Главной функцией имиджа является формирование положительного отношения к компании, товару или услуге. Положительный имидж организации повышает конкурентоспособность, доверие, престиж, высокие рейтинги среди конкурентов [1].

Строительный колледж функционирует в специфических условиях нефтегазового региона, где строительная отрасль является одной из базовых. Это определяет как сильные стороны, так и проблемные звенья в имидже колледжа.

Основой процесса PR-деятельности в образовательной организации является системный подход, который обеспечивает эффективность и соответствие признакам системы, таким как эмерджентность, гомеостазис и структурность [4].

Важной составляющей имиджа колледжа является сотрудничество со следующими компаниями: ООО «Нижневартовскстройдеталь», ООО «Нижневартовскдорсервис», ООО «Самотлордорстрой», АО ГК «Севераутодор», ООО «НПП Сибгеокарта», ОАО СУ 909, ООО «ЮграДизайнСервис», ООО «НефтеСтройИнвест», ООО «МДС-Строй», ООО «ЮграМонтажСервис», ООО «Нижневартовскремсервис» – это формируют имидж профессиональной организации как надежного поставщика кадров.

Следующим этапом формирования имиджа служит практико-ориентированный подход: наличие современных лабораторий и баз практики обеспечивает высокий уровень профессиональной подготовки.

Большое значение в работе с имиджевым показателем оказывают встречи мастеров и представителей колледжа со школьниками в рамках профориентационных классных часов, приглашение ребят на экскурсии и мастер-классы в мастерские учебного заведения в рамках Дней открытых дверей.

Конечно, отдельного внимания заслуживают успехи студентов-участников конкурсов профессионального мастерства («Абилимпикс»), студенческих строительных отрядов.

Анализ различных моделей деятельности по связям с общественностью в теории коммуникационного менеджмента позволяет определить наиболее эффективные подходы для PR-деятельности в образовательной организации. Среди них можно выделить социально-ориентированный PR, направленный на формирование позитивного образа организации в глазах общественности, личностно-ориентированный PR, который акцентирует внимание на личностных качествах и достижениях сотрудников и студентов, а также культурно-ориентированный PR, ориентированный на привлечение и удержание разнообразной культурной среды в образовательном учреждении [4].

В социальных сетях Вконтакте, на сайте БУ «Нижневартовский строительный колледж» широко освещаются не только события, связанные с профессиональными конкурсами и мероприятиями, но и связанные с личными успехами студентов и выпускников.

Важно отметить присутствие руководителя на знаковых мероприятиях, родительских собраниях, а также активное взаимодействие директора со студенческим активом. Это вносит значительный вклад в формирование позитивного имиджа учреждения.

Также стоит обратить внимание на наличие своевременной обратной связи от представителей колледжа на сайте «дубльгис», даются подробные ответы и комментарии по проблемным вопросам.

В образовании появилась новая дисциплина – педагогическая имиджелогия, которая имеет теоретическую базу, определяет функции, предмет и цели, связанные с формированием имиджа образовательных организаций [6].

Отметим проблемные точки в создании имиджа, с которыми сталкивается профессиональное образовательное учреждение:

− подмена имиджа визуальными средствами (логотип, мерч, сувенирная брендированная продукция, своевременное обновление информации на сайте). Как известно, это лишь надводная часть айсберга, скрытой остается большая часть проблем (нездоровый климат в коллективе, конфликты студентов, отсутствие обратной связи, непрезентабельный образ выпускника) – все это не способствует росту репутации;

− отсутствие мотивации преподавательского состава укреплять репутацию образовательного заведения изнутри (к сожалению, определенное количество педагогов не

замотивировано в трансляции позитивного имиджа колледжа, прививать студентам культуру родной «Alma-mater»);

− безразличное отношение студентов к репутации заведения (нет мотивации к созданию и распространению положительного имиджа СПО, отсутствует заинтересованность в продвижении образовательной организации среди знакомых, акцентировании внимания на положительных сторонах);

− использование несовременных методов позиционирования жизни заведения в социальных сетях (подростки получают информацию посредством коротких роликов, необходимо это учитывать при освещении каких-либо тем из студенческой и общественной жизни).

Несмотря на наличие, несомненно, сильных сторон, при анализе состояния проблемы формирования имиджа колледжа, на наш взгляд, стоит обратить внимание на ряд слабых звеньев.

Отсутствие у студентов единой формы с лейблом организации (форма способствовала бы самодисциплине и осознанию сопричастности с заведением).

Наличие на сайте колледжа «дубльгис» отзывов некорректного характера от непроверенных пользователей (каждый пользователь должен быть верифицирован).

На сайте образовательной организации и в социальных сетях не освещаются истории успеха выпускников колледжа (встреча такого выпускника со студентами оказала бы продуктивное воздействие на будущих специалистов).

Таким образом, анализ состояния проблемы формирования имиджа БУ «Нижневартовский строительный колледж» показывает, что организация обладает мощной фундаментальной опорой – востребованными профессиями, поддержкой региона и современной материальной базой. Усилив работу по слабым позициям, профессиональная организация укрепит репутацию, создаст благоприятную среду для получения образования и взаимодействия с потребителями образовательных услуг. В современных экономических условиях побеждает та образовательная организация, которая способна предложить не просто набор дисциплин, а уникальную среду для личностного и профессионального становления, подкрепленную реальными возможностями на рынке труда.

Список литературы

1. Акопян, М. С. Значимость имиджа для организации. Корпоративная идентичность / М. С. Акопян // Молодой ученый. – 2017. – № 19 (153). – С. 113–115. – URL: https://moluch.ru/archive/153/43387 (дата обращения: 23.10.2026). – Текст : электронный.

2. Ивлева, П. Д. Модель формирования позитивного имиджа образовательной организации / П. Д. Ивлева // Молодой ученый. – 2023. – № 40 (487). – С. 49–52. – URL: https://moluch.ru/archive/487/106379 (дата обращения: 23.10.2026). – Текст : электронный.

3. Искрин, Н. С. Менеджмент в образовании: системный подход / Н. С. Искрин, Т. А. Чичканова // Образование и наука. – 2015. – № 1 (120). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/menedzhment-v-obrazovanii-sistemnyy-podhod (дата обращения: 23.10.2026). – Текст : электронный.

4. Надуваев, К. А. Использование PR-технологий в формировании позитивного имиджа организации / К. А. Надуваев, О. С. Медведева // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2021. – № 6–2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-pr-tehnologiy-v-formirovanii-pozitivnogo-imidzha-organizatsii (дата обращения: 23.10.2026). – Текст : электронный.

5. Салаватова, А. М. Социализация обучающихся через реализацию образовательных моделей / А. М. Салаватова // Alma mater (Вестник высшей школы). – 2018. – № 2. – С. 40–45.

6. Ушакова, Н. В. Имиджелогия / Н. В. Ушакова. – Москва : Дашков и К, 2016. – 262 с.

Андрианова Елена Олеговна
магистрант
ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ОПТИМИЗАЦИЯ СПЕЦИАЛЬНОГО ПРАВОВОГО РЕЖИМА КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВОНАРУШИТЕЛЯМИ БЕСПИЛОТНЫХ РОБОТИЗИРОВАННЫХ КОМПЛЕКСОВ

Аннотация: *статья посвящена анализу административно-правового режима контртеррористической операции и дефектов его регламентации в условиях применения радикальными элементами беспилотных роботизированных комплексов. Автор обосновывает дефицит принудительного потенциала статьи 11 Федерального закона №35-ФЗ и предлагает наделить руководителя КТО императивными полномочиями по введению тотального запрета на эксплуатацию гражданских беспилотных аппаратов с возможностью их радиоэлектронного и огневого уничтожения без риска имущественной ответственности для сотрудников силового блока.*

Ключевые слова: *контртеррористическая операционная зона, правовой режим КТО, беспилотный летательный аппарат, безэкипажный катер, специальный правовой режим, Национального антитеррористический комитет, административное принуждение, национальная безопасность, правоприменительный дефект, законодательные новеллы.*

Эволюция средств ведения гибридных войн и появление доступных роботизированных комплексов различного типа базирования (БПЛА, БЭК, подводных и наземных платформ) коренным образом изменили ландшафт угроз национальной безопасности. Применение таких систем диверсионно-террористическими формированиями позволяет наносить бесконтактные высокоточные удары по критической инфраструктуре и местам скопления граждан, минимизируя риск обнаружения организаторов. Данный технологический вызов общегосударственной системе противодействия терроризму (ОГСПТ) требует экстренной адаптации существующих правовых и тактических механизмов реагирования.

Значение эта проблема приобретает в условиях реализации экстраординарного правового режима контртеррористической операции (КТО), регламентированного Федеральным законом от 06.03.2006 №35-ФЗ «О противодействии терроризму». Действующие административно-правовые меры и ограничения, закрепленные в статье 11 названного закона (проверка документов, удаление физических лиц, ограничение движения транспорта), разрабатывались в расчете на классические сценарии. Они обнаруживают явный дефицит охранительно-принудительного потенциала и не учитывают специфику функционирования автономных цифровых комплексов, создавая нормативную неопределенность при необходимости их блокирования или уничтожения.

Современный нормативно-правовой каркас КТО базируется на статьях 11–15 ФЗ №35-ФЗ и Указе Президента РФ от 15.02.2006 №116, зафиксировавшем жесткую вертикаль управления и единоначалие руководителя оперативного штаба. Однако системный анализ выявляет глубокий разрыв между статичными нормами права и динамичным развитием технологий. Ординарные механизмы регулирования, включая Воздушный кодекс РФ и Федеральный закон от 04.08.2023 №440-ФЗ о праве силовых ведомств пресекать движение дронов, рассчитаны на условия повседневного функционирования государства и оказываются неэффективными в плоскости экстраординарного режима КТО.

Анализ организационно-правового механизма КТО позволяет выделить три ключевые проблемы, блокирующие противодействие роботизированным угрозам. Во-первых, статья 11 ФЗ №35-ФЗ содержит исчерпывающий перечень ограничений, в котором отсутствует императивный запрет на эксплуатацию автономных систем, что порождает «нормативный вакуум» и мешает руководителю операции очистить пространство от гражданских дронов. Во-вторых, у сил КТО отсутствуют легальные и технические алгоритмы мгновенной идентификации аппаратов по принципу «свой-чужой». В-третьих, сохраняются высокие правовые риски применения средств РЭБ и огневого поражения, поскольку действующее законодательство возлагает на сотрудников силовых ведомств бремя доказывания правомерности уничтожения частного имущества.

В условиях отсутствия прямой нормы в профильном законе суды при рассмотрении споров вынуждены прибегать к расширительному толкованию институтов необходимой обороны или крайней необходимости. Это существенно снижает правовую определенность и порождает риски последующего привлечения сотрудников силового блока к имущественной ответственности за порчу беспилотных аппаратов, принадлежащих третьим лицам. Без внедрения жестких публично-правовых ограничений и наделения руководителя КТО императивными полномочиями по введению тотального запрета на использование любых роботизированных платформ существующая корпоративная и гражданская автономия операторов дронов продолжит создавать латентные угрозы для жизни военнослужащих и мирного населения.

Список литературы

1. О противодействии терроризму : Федеральный закон от 6 марта 2006 г. №35-ФЗ : в ред : от 25.05.2026 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 08.09.2026). – Текст : электронный.

2. О мерах по противодействию терроризму : Указ Президента Российской Федерации от 15 февраля 2006 г. №116 : в ред. от 25.03.2019) // СПС ГАРАНТ : сайт. – URL: garant.ru (дата обращения: 08.09.2026). – Текст : электронный.

3. Об утверждении Федеральных правил использования воздушного пространства : Постановление Правительства Российской Федерации от 11 марта 2010 г. №138 : в ред. от 29.12.2025) // СПС КонсультантПлюс : сайт. – URL: consultant.ru (дата обращения: 08.09.2026). – Текст : электронный.

4. Землин, А. И. Правовые основы обеспечения антитеррористической безопасности в особые периоды / А. И. Землин, Д. Ю. Левшиц, О. Э. Урманов // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 3. – С. 151–154. – DOI 10.47643/1815-1337_2025_3_151.

5. Милецкий, В. П. Международный терроризм: политико-правовое измерение теории и практики противодействия / В. П. Милецкий // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – Т. 11, № 1. – С. 180–189.

Андрианова Елена Олеговна
магистрант
ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ КИБЕРТЕРРОРИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ДЕФИНИЦИИ И РАЗГРАНИЧЕНИЯ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация: *статья посвящена теоретико-правовому анализу кибертерроризма и дефектам его регламентации в Федеральном законе №35-ФЗ, порождающим латентные правоприменительные коллизии. Автор предлагает разграничительные маркеры для квалификации посягательств на стыке статей 205 и 274.1 УК РФ, доказывая приоритет политико-идеологического мотива над техническими признаками вредоносного воздействия. По итогам исследования разработаны проекты законодательных новелл для синхронизации антитеррористических норм с законодательством о безопасности критической информационной инфраструктуры.*

Ключевые слова: *кибертерроризм, противодействие терроризму, информационная безопасность, критическая информационная инфраструктура, квалификация преступлений, субъективная сторона, идеология насилия, уголовная ответственность, правовая определенность, правоприменительный дефект.*

Динамичное развитие глобальной информационной инфраструктуры и сквозное внедрение цифровых технологий во все сферы жизнеобеспечения коренным образом изменили архитектонику угроз национальной безопасности Российской Федерации. Тотальная цифровизация сформировала высокоуязвимую среду, ставшую объектом деструктивных устремлений радикальных транснациональных сообществ. В результате смещения вектора агрессии в кибернетическое пространство традиционный терроризм, исторически опиравшийся на физическое насилие и линейные методы воздействия, претерпел глубокую эволюционную трансформацию, что привело к кристаллизации феномена кибертерроризма.

Несмотря на очевидную практическую опасность технологических угроз, отечественное законодательство и правоприменительная практика обнаруживают концептуальный дефицит. В Федеральном законе от 6 марта 2006 года №35-ФЗ «О противодействии терроризму» до сих пор отсутствует легальное определение кибертерроризма, а его понятийный аппарат ориентирован преимущественно на аналоговые формы контроля. В свою очередь, Особенная часть Уголовного кодекса РФ не содержит самостоятельной нормы, криминализирующей террористические акты в виртуальном пространстве, что порождает нормативный вакуум и правоприменительные коллизии.

В практической плоскости органы следствия и суды сталкиваются с трудностями при разграничении террористического акта (ст. 205 УК РФ), совершенного с использованием компьютерных технологий, и смежных составов – неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру (ст. 274.1 УК РФ), создания вредоносных программ (ст. 273 УК РФ) или диверсий (ст. 281 УК РФ). Отсутствие доктринально выверенных разграничительных маркеров по элементам состава (прежде всего по мотиву, целям и объекту посягательства) ведет к системным ошибкам квалификации, размыванию следственной юрисдикции и снижению эффективности Общегосударственной системы противодействия терроризму (ОГСПТ).

Развитие концепции кибертерроризма в международной и отечественной доктрине долгое время сопровождалось дискуссией между сторонниками широкого и узкого подходов. Широкий подход предлагал включать в этот контур любую деструктивную деятельность радикальных групп в сети (пропаганду, вербовку, финансирование через криптоактивы).

Однако в академической науке возобладал узкий (функциональный) подход, согласно которому подлинный кибертерроризм обладает уникальным, самостоятельным способом совершения преступления – непосредственным использованием программно-аппаратного кода в качестве основного поражающего элемента для удаленного деструктивного воздействия на критические узлы инфраструктуры.

Современные исследователи констатируют, что ОГСПТ, созданная на базе силовой парадигмы пресечения аналоговых атак, сталкивается с феноменом платформенной уязвимости, когда защищенные физическими барьерами объекты остаются проницаемыми через цифровые системы управления (SCADA, АСУ ТП). Настоящее исследование направлено на восполнение указанных доктринальных пробелов и выработку системных предложений по модернизации антитеррористического и уголовного законодательства. Четкое нормативное конструирование дефиниций и преодоление стагнации понятийного аппарата статьи 3 Федерального закона №35-ФЗ выступают безальтернативными условиями для защиты государственных институтов в цифровую эпоху.

Список литературы

1. О противодействии терроризму : Федеральный закон от 6 марта 2006 г. №35-ФЗ : в ред : от 25.05.2026 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 08.09.2026). – Текст : электронный.

2. О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации : Федеральный закон от 26 июля 2017 г. №187-ФЗ : в ред : от 08.08.2024 // СПС КонсультантПлюс : сайт. – URL: consultant.ru (дата обращения: 08.09.2026). – Текст : электронный.

3. О судебной практике по делам о преступлениях террористической направленности : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. №1 : (в редакции от 03.11.2016) // СПС КонсультантПлюс : сайт. – URL: consultant.ru (дата обращения: 08.09.2026). – Текст : электронный.

4. Веселовский, С. С. Многостороннее сотрудничество в борьбе с транснациональным терроризмом : монография / С. С. Веселовский. – Москва : Навона, 2009. – 272 с. – ISBN 978-5-91798-005-4.

5. Горбунов, Ю. С. Терроризм и правовое регулирование противодействия ему : монография / Ю. С. Горбунов. – Москва : Молодая гвардия, 2012. – 460 с. – ISBN 978-5-235-03513-3.

6. Емельянов, В. П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования : уголовно-правовое исследование / В. П. Емельянов. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2002. – 289 с. – ISBN 5-94201-052-1 // Библиотечно-издательский комплекс СФУ : сайт. – URL: sfu-kras.ru (дата обращения: 08.09.2026).

Белая Вероника Сергеевна
студентка
Научный руководитель
Комнатная Юлия Александровна
канд. юрид. наук, доцент

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»
г. Белгород, Белгородская область

ТРАНСПОРТНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ \КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ И МЕХАНИЗМЫ ИХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Аннотация: *в статье рассматривается транспортная безопасность Белгородской области как составная часть национальной безопасности Российской Федерации. Выявлены угрозы, обусловленные приграничным положением региона: атаки беспилотных летательных аппаратов, диверсионно-террористические акты, обстрелы транспортной инфраструктуры. Систематизированы механизмы предупреждения угроз. Обоснована необходимость адаптации федеральных подходов к специфике приграничного региона.*

Ключевые слова: *транспортная безопасность, национальная безопасность, региональные угрозы, Белгородская область, беспилотные летательные аппараты, акты незаконного вмешательства, приграничный регион, механизмы предупреждения.*

Транспортная безопасность традиционно рассматривается как «состояние защищенности от актов незаконного вмешательства объектов транспортной инфраструктуры, в том числе антитеррористической защищенности объектов транспортной инфраструктуры, и транспортных средств», что нормативно закреплено Федеральным законом от 09.02.2007 №16-ФЗ «О транспортной безопасности». Согласно ст. 1 упомянутого ранее Федерального закона, «акт незаконного вмешательства – террористический акт, противоправное действие (бездействие), угрожающие безопасной деятельности транспортного комплекса, повлекшие за собой причинение вреда жизни и здоровью людей, материальный ущерб либо создавшие угрозу наступления таких последствий» [5]. Транспортная безопасность обеспечивает материальную основу экономической связанности территории, мобильности населения и функционирования всех без исключения сфер жизнедеятельности государства.

С 2022 г. Белгородская область как приграничный регион систематически подвергается воздействию вооружённых формирований Украины. Это радикально изменило характер угроз транспортной безопасности. Если на федеральном уровне преобладают террористические, диверсионные и техногенные риски, то здесь на первый план выходит целенаправленное огневое и техническое воздействие на транспортную инфраструктуру как элемент жизнеобеспечения и военной логистики: удары по автобусам, дорогам, мостам, путепроводам и железнодорожному полотну. В результате транспортная безопасность региона превращается из противодействия вероятным угрозам в режим постоянного реагирования на уже совершённые акты незаконного вмешательства.

Специфика угроз транспортной безопасности Белгородской области определяется несколькими факторами:

– географическая близость региона к линии боевого соприкосновения – это сокращает подлётное время беспилотников до считанных минут и делает традиционные системы предупреждения малоэффективными;

– высокая плотность транспортной сети при ограниченном числе альтернативных маршрутов: блокирование одного участка способно парализовать снабжение большого количества населенных пунктов. Так, например, участок дороги от Борисовки до Грайворона в

Белгородской области постоянно подвергается атакам вражеских беспилотников. Альтернативный маршрут в Грайворон через Октябрьский, Щетиновку, Березовку еще опаснее – перечисленные населенные пункты находятся в непосредственной близости к границе и постоянно атакуются беспилотниками. В результате десятки сел Грайворонского района испытывают трудности со снабжением жизненно необходимыми продуктами и отсутсвием электроэнергии;

– присутствует и сочетание военных и гражданских транспортных потоков, при котором военная логистика нередко использует гражданскую инфраструктуру, что повышает уязвимость последней.

Механизмы предупреждения угроз транспортной безопасности в Белгородской области формируются как ответ на эти вызовы и носят выраженный адаптивный характер. Одним из наиболее масштабных решений стало создание противодроновых коридоров – инженерных сооружений из защитных сеток, монтируемых вдоль трасс в приграничной зоне. На середину 2026 года такими сетками было оснащено около 50 километров дорог в Шебекинском, Борисовском и Грайворонском округах [4]. На данный момент для защиты общественного и школьного транспорта вдоль наиболее опасных участков дорог ведутся работы по оборудованию еще 115 антидроновых коридоров в Грайворонском, Шебекинском, Валуйском, Ракитянском и Краснояружском округах. Об этом рассказал врио губернатора Александр Шуваев [3].

Параллельно ведётся подготовка операторов дронов-перехватчиков и специалистов по выявлению точек взлёта вражеских беспилотников совместно с подразделениями Министерства обороны и ФСБ. Данная мера представляет собой пример перехода от пассивной защиты к активному противодействию на ближних подступах [6].

Другим направлением стало оснащение транспортных средств, задействованных в доставке грузов и перевозке людей в 15-километровой приграничной зоне, бронированием и средствами радиоэлектронной борьбы. Губернатором области был введён прямой запрет на использование бронеавтомобилей без детекторов дронов и средств РЭБ, поскольку в противном случае водитель и пассажиры подвергаются неоправданному риску [2].

На объектах транспортной инфраструктуры применяется режим усиленного патрулирования и визуального наблюдения. На железнодорожном транспорте с 2022 года действует мобильная огневая группа быстрого реагирования, работающая в наиболее опасных районах; движение поездов останавливается лишь в исключительных случаях, а для осмотра путей применяется система «окон» [1].

Исходя из сказанного выше, можем сделать вывод, что принятые в Белгородской области меры по обеспечению транспортной безопасности достаточно эффективны. Однако возможны и дополнительные меры по усилению безопасности. В первую очередь необходимо дальнейшее расширение сети противодроновых коридоров. Целесообразно завершить оснащение всех особо опасных участков трасс в приграничной зоне, продлив защитные конструкции на подъездах к Валуйкам, Алексеевке и другим приближенным к линии боевого соприкосновения населённым пунктам. Параллельно следует наращивать численность мобильных огневых групп, оснащённых транспортом с детекторами дронов, тепловизорами и средствами связи.

Необходимо и развитие сети укрытий вдоль дорог: с начала специальной военной операции установлено более 10 тысяч сооружений, однако потребность сохраняется, о чём свидетельствуют обращения жителей об установке укрытий на участках от села Никольское до перекрёстка на Зиборовку, Муром и Нечаевку.

В организационно-управленческой сфере целесообразно интегрировать региональные системы мониторинга транспортных потоков с федеральными платформами. Белгородская агломерация уже располагает «умными» светофорами и системами контроля, и их расширение на приграничные трассы позволило бы в реальном времени отслеживать заторы, вызванные атаками БПЛА, и перенаправлять транспортные потоки. Дополнительно следует внедрить в автошколах региона модуль по действиям в условиях угрозы беспилотников. В него

необходимо включить тактическую медицину и алгоритмы укрытия от опасности в разных ситуациях.

Таким образом, транспортная безопасность Белгородской области представляет собой не частный случай отраслевого регулирования, а наглядную демонстрацию того, как региональная специфика трансформирует общенациональные подходы. Угрозы носят комплексный и перманентный характер, а механизмы их предупреждения формируются в режиме практического эксперимента, опережая нормативное обобщение. Осмысление белгородского опыта значимо не только для самого региона, но и для всей системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, поскольку именно в приграничье проверяется способность государства защищать базовые условия жизнедеятельности общества.

Список литературы

1. Белгородские транспортные полицейские усилили безопасность на приграничных магистралях // Знамя 31. Сетевое издание Белгородского муниципального округа. – URL: https://znamya31.ru/news/obshestvo/2026–04–30/belgorodskie-transportnye-politseyskie-usilili-bezopasnost-na-prigranichnyh-magistralyah-504838?ysclid=mvarr7rod298331024 (дата обращения: 20.10.2026). – Текст : электронный.

2. Данилов, Д. Бронеавтомобили с РЭБ будут возить продукты в белгородском приграничье / Д. Данилов // Коммерсантъ. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8532603 (дата обращения: 20.10.2026). – Текст : электронный.

3. Кириченко, Д. Где и сколько антидроновых коридоров появится в Белгородской области? / Д. Кириченко // Новости Белгорода и области – Бел.ру. – URL: https://bel.ru/news/2026–09–01/gde-i-skolko-antidronovyh-koridorov-poyavitsya-v-belgorodskoy-oblasti-5672083?ysclid=mvaw9a3zk0596980293 (дата обращения: 20.10.2026). – Текст : электронный.

4. Склярова, А. Под Белгородом начали появляться «коридоры жизни». Что это и как защитит от БПЛА? / А. Склярова // Новости Белгорода и области – Бел.ру. – URL: https://bel.ru/news/2026-04-04/pod-belgorodom-nachali-poyavlyatsya-koridory-zhizni-chto-eto-i-kak-zaschitit-ot-bpla-5574575?ysclid=mvarkmzo1q421434056 (дата обращения: 20.10.2026). – Текст : электронный.

5. О транспортной безопасности : Федеральный закон от 09.02.2007 № 16-ФЗ (ред. от 04.08.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026).

6. Шевченко, Н. В России объявили подготовку операторов дронов-перехватчиков / Н. Шевченко // Новостной портал MK.RU. – URL: https://www.mk.ru/social/2026/06/16/v-rossii-obyavili-podgotovku-operatorov-dronovperekhvatchikov.html?ysclid=mvarlz8aba403183465 (дата обращения: 20.10.2026). – Текст : электронный.

Верещак Светлана Борисовна
канд. юрид. наук, доцент, заведующая кафедрой
Иванова Яна Анатольевна
студентка
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ПРИОБРЕТЕНИЯ СТАТУСА АДВОКАТА

Аннотация: *в статье исследуются условия и порядок приобретения статуса адвоката в Российской Федерации после вступления в силу Федерального закона от 22.04.2024 №83-ФЗ. Проанализированы требования к образованию и юридическому стажу претендента, правовое положение стажёра и помощника адвоката, процедура квалификационного экзамена и роль Комплексной информационной системы адвокатуры России. На основе данных Федеральной палаты адвокатов РФ за 2023–2025 гг. оценена динамика притока новых адвокатов. Сделан вывод о смещении модели допуска в профессию от корпоративного регулирования к публично-правовому.*

Ключевые слова: *статус адвоката, претендент, квалификационный экзамен, стажировка, помощник адвоката, КИС АР, адвокатская монополия.*

Порядок приобретения статуса адвоката закреплён в главе 3 Федерального закона от 31.05.2002 №63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», но в 2024 г. её содержание было пересмотрено. Федеральный закон от 22.04.2024 №83-ФЗ уточнил требования к образованию претендентов, ввёл Единый государственный реестр адвокатов и передал утверждение положения о квалификационном экзамене федеральному органу юстиции. Новые правила экзамена применяются с 20.10.2024, когда вступил в силу приказ Минюста России от 09.10.2024 №297.

Параллельно в доктрине обсуждается введение адвокатской монополии на судебное представительство. С. И. Володина, президент ФПА РФ, связывает её с защитой общественного интереса в надлежащем отправлении правосудия [4], тогда как К. Ю. Булуктаева, Ф. Т. Шунчаева и Л. Э. Иванкиева указывают на риск ограничения доступности правосудия [3]. Если монополия будет введена, процедура допуска станет единственным «входом» на рынок судебного представительства, и цена её дефектов многократно возрастёт.

Цель настоящей работы оценить условия и процедуру приобретения статуса адвоката после реформы 2024 г. и их связь с динамикой адвокатского корпуса. Использованы формально-юридический, сравнительно-правовой и статистический методы; эмпирическую базу составили сведения ФПА РФ о составе адвокатского сообщества на 01.01.2023, 01.01.2024 и 01.01.2025.

Статья 9 Закона №63-ФЗ сохраняет два базовых условия: высшее юридическое образование (либо учёную степень по юридической специальности) и стаж работы по юридической специальности не менее 2 лет или стажировку в адвокатском образовании. Реформа 2024 г. конкретизировала первое условие: претендент должен иметь диплом специалиста по специальности «Юриспруденция» либо диплом магистра при наличии диплома бакалавра по тому же направлению. Бакалавр юриспруденции без магистратуры статус адвоката больше получить не может, хотя ранее такая возможность существовала.

Последствия этого правила видны уже на уровне кадровой траектории. Выпускник бакалавриата 2024 г., ранее способный через 2 года работы юристом сдавать экзамен, теперь должен потратить ещё 2 года на магистратуру либо оставаться помощником адвоката [7]. Мы полагаем, что в краткосрочной перспективе такая норма уменьшит число претендентов, а в долгосрочной – повысит спрос на магистерские программы с адвокатской специализацией.

Обратимся к негативным условиям. Статус не вправе приобрести лица, признанные недееспособными или ограниченно дееспособными, а также имеющие непогашенную или неснятую судимость за умышленное преступление. В. В. Зайцев (председатель Первой коллегии адвокатов Алтайского края) анализирует позицию Конституционного Суда РФ о несоразмерности бессрочного запрета на адвокатскую деятельность для лица, осуждённого за умышленное преступление. По оценке автора, устранение правовой неопределённости защитило трудовые права бывших адвокатов, но лишило корпорацию «мощного рычага» превентивного воздействия [6].

Стаж по юридической специальности засчитывается при работе судьёй, на государственных должностях, требующих высшего юридического образования, в органах власти, в юридических службах организаций и в ряде иных случаев. Перечень широк, и формально двухлетний опыт юрисконсульта приравнен к стажировке у практикующего адвоката. Отсюда возникает разрыв между формальным цензом и реальной готовностью к защите по уголовным делам, на который указывают сторонники обязательной стажировки [5].

Институт помощника адвоката регулируется ст. 27 Закона №63-ФЗ, а его правовое положение подробно исследовали О. Г. Зубарева и Е. А. Каракчеев [7]. Помощником может быть лицо со средним юридическим, неоконченным высшим или высшим образованием, однако Федеральный закон от 29.12.2012 №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» не знает терминов «среднее юридическое» и «неоконченное высшее» образование. Региональные палаты восполняют пробел по-разному: в Калининградской области требуется обучение не ниже 4-го курса, в Удмуртии – успешная промежуточная аттестация не менее чем за 2 года

обучения. Помощник с высшим юридическим образованием не вправе заниматься адвокатской деятельностью, хотя по доверенности тот же юрист может представлять интересы в суде (ст. 49 ГПК РФ, ст. 59 АПК РФ, ст. 55 КАС РФ). Авторы квалифицируют такую конструкцию как дискриминационную.

Квалификационный экзамен, согласно ст. 11 Закона №63-ФЗ, состоит из письменных ответов на вопросы (тестирования) и устного собеседования. Тестирование проводится с использованием единой автоматизированной информационной системы, а решение о присвоении статуса принимает квалификационная комиссия адвокатской палаты субъекта РФ. Статус адвоката считается приобретённым со дня принесения присяги. После реформы 2024 г. положение о порядке сдачи экзамена разрабатывается Советом ФПА РФ, но утверждается Минюстом России; именно так был принят приказ №297.

Рассмотрим подробнее инфраструктурную сторону допуска. Статья 39.1 Закона №63-ФЗ закрепила Комплексную информационную систему адвокатуры России (КИС АР), которая принадлежит ФПА РФ на праве собственности. Е. Г. Авакян, руководитель цифровой трансформации ФПА РФ, считает, что КИС АР обеспечит переход «от вертикального подчинения процессов в адвокатуре к горизонтальному взаимодействию» и цифровой суверенитет корпорации [1]. Прямо противоположную оценку законопроекту №301952–8 дал А. Балданцэрэн, член Адвокатской палаты г. Москвы. По его мнению, ведение Минюстом реестра членов более чем 80 негосударственных палат и размещение сведений об адвокатах на единой платформе угрожают адвокатской тайне и независимости адвокатуры [2].

Для претендента эти изменения имеют практическое значение: заявление о допуске к экзамену допускается подавать в электронной форме через КИС АР, а сведения о новом адвокате вносятся в государственный реестр. Альтернативный сценарий тоже вероятен. Если оператор системы и Минюст получат дополнительные полномочия по проверке претендентов, процедура присвоения статуса может приобрести черты разрешительного, лицензионного порядка, против чего возражают критики реформы [2].

Проведённый анализ показал, что реформа 2024 г. изменила не столько структуру процедуры (экзамен, решение комиссии, присяга), сколько распределение полномочий: положение об экзамене утверждает Минюст России, а реестр адвокатов ведётся на государственном уровне.

Нами выявлено противоречие между ужесточением образовательного ценза и сохранением необязательной стажировки. Правовой статус помощника адвоката нуждается в приведении в соответствие с Законом №273-ФЗ.

Список литературы

1. Авакян, Е. Г. Правовое регулирование внедрения в деятельность адвокатуры Комплексной информационной системы адвокатуры России (КИС АР) / Е. Г. Авакян // Юридический мир. – 2024. – № 9. – С. 50–53. – URL: https://lawinfo.ru/articles/7847/ (дата обращения: 20.10.2026). – Текст : электронный.

2. Балданцэрэн, А. Комплексная информационная система адвокатуры России и другие идеи законопроекта №301952–8: эффективный путь реализации права на квалифицированную юридическую помощь или угроза адвокатской тайне и независимости адвокатуры? / А. Балданцэрэн // Евразийская адвокатура. – 2023. – № 2 (61). – С. 42.

3. Булуктаева, К. Ю. Проблемы и перспективы профессионализации судебного представительства в России / К. Ю. Булуктаева, Ф. Т. Шунчаева, Л. Э. Иванкиева // Феномен права и законодательство: стратегии и методы познания. – 2026. – Т. 5, № 1. – С. 19–25.

4. Володина, С. И. Адвокатская монополия за рубежом / С. И. Володина // Адвокатская практика. – 2025. – № 1. – С. 56–61.

5. Володина, С. И. Организация стажировок адвокатов в странах континентального права / С. И. Володина // Адвокатская практика. – 2026. – № 1. – С. 45–52.

6. Зайцев, В. В. Лишение статуса адвоката как последствие его привлечения к уголовной ответственности / В. В. Зайцев // Адвокатская практика. – 2023. – № 3. – С. 58–61.

7. Зубарева, О. Г. Правовой статус помощника адвоката / О. Г. Зубарева, Е. А. Каракчеев // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2022. – № 1. – С. 158–162.

Верещак Светлана Борисовна
канд. юрид. наук, доцент, заведующая кафедрой
Солдайкина Мария Александровна
студентка

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ В АДВОКАТСКОЙ ПРАКТИКЕ

Аннотация: *в статье исследуется вопрос об отводе защитника в ситуации, когда один адвокат участвует в защите нескольких обвиняемых, чьи интересы могут вступать в противоречие. Анализируются нормы уголовно-процессуального законодательства, положения закона об адвокатской деятельности и Кодекса профессиональной этики адвоката, а также правовые позиции Конституционного суда РФ и Верховного Суда РФ. На основе судебной практики выделяются признаки, позволяющие отличить действительный конфликт интересов от формального или мнимого. Делается вывод о том, что решающее значение имеет не количество обвиняемых, а наличие фактической разнонаправленности их процессуальных интересов, которая должна следовать из материалов дела.*

Ключевые слова: *защитник, конфликт интересов, отвод адвоката, право на защиту, несколько обвиняемых, адвокатская этика.*

Совместная защита нескольких обвиняемых одним адвокатом не запрещена сама по себе. Ограничение возникает лишь тогда, когда между их интересами появляется реальное противоречие. При этом формулировка закона о том, что интересы одного лица противоречат интересам другого, носит оценочный характер и не раскрывается подробно ни В УПК РФ, ни в законодательстве об адвокатуре. Именно поэтому значительная роль в конкретизации этого запрета принадлежит судебной практике. Цель настоящего текста – обобщить подходы судов и выделить критерии, по которым можно установить наличие реальной коллизии интересов.

Нормативные основания запрета. Часть 6 статьи 49 УПК РФ устанавливает, что одно и то же лицо не может одновременно выступать защитником двух подозреваемых или обвиняемых, если интересы одного из них противоречат интересам другого. Процессуальный механизм реализации этого запрета закреплен в пункте 3 части 1 статьи 72 УПК РФ. Согласно данной норме, защитник не вправе участвовать в деле, если он уже оказывает либо ранее оказывал юридическую помощь лицу, чьи интересы расходятся с интересами защищаемого им подозреваемого, обвиняемого, а также представляемого потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика.

Статья 62 УПК РФ возлагает на защитника обязанность самостоятельно устраниться от участия в деле при наличии оснований для отвода. Если этого не происходит, соответствующее заявление может быть подано подозреваемым, обвиняемым, его защитником, государственным обвинителем, потерпевшим и иными участниками процесса.

Аналогичный запрет содержится и в подпункте 2 статьи 6 Федерального закона от 31 мая 2002 года №63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»: адвокат не вправе принимать поручение, если уже оказывает помощь доверителю, интересы которого противоречат интересам обратившегося лица. Этическое измерение этого правила закреплено в пункте 1 статьи 13 кодекса профессиональной этики адвоката.

Пункт 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 года №29 разъясняет, что при наличии любого из обстоятельств, указанных в статье 72 УПК РФ, участие защитника исключается на всех стадиях судопроизводства. Если же между интересами нескольких обвиняемых, которых защищает один адвокат, обнаруживаются противоречия – например, один признает обвинение, а другой его оспаривает по тем же эпизодам, либо изобличает другого, – такой адвокат подлежит отводу. При этом Пленум специально подчеркнул,

что ограничение, предусмотренное пунктом 3 части 1 статьи 72 УПК РФ, касается не только помощи в рамках конкретного дела, но и иных ситуаций, где выявляется аналогичное противоречие. Следовательно, перечень возможных конфликтных ситуаций не является закрытым.

Конституционный Суд РФ в определении от 15 октября 2018 года №2518 -О указал, что данный запрет распространяется и на адвоката, приглашенного свидетелем для оказания юридической помощи при даче показаний, если ранее он уже помогал стороне, чьи интересы противоречат интересам этого свидетеля. При этом порядок в такой ситуации определятся по тем же процессуальных правилам, что и отвод защитника.

В Постановлении от 17 июля 2019 года №28-П Конституционный Суд РФ обратил внимание на недопустимость злоупотребления правом на защиту. В развитие этой позиции пункт 18 постановления Пленума №29 признание ограничения правомерным, если оно вызвано очевидно недобросовестным использованием процессуальных возможностей в ущерб другим участникам процесса.

Отдельное внимание заслуживает вопрос о злоупотреблении правом на защиту. Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ исходят из того, что процессуальный гарантии не могут использоваться недобросовестно – в ущерб другим участникам и в обход целей уголовного судопроизводства. Поэтому при оценке заявления об отводе суд должен учитывать не только формальные доводы стороны, но и то, не направлено ли соответствующее ходатайство на затягивание процесса или создание искусственных препятствий для рассмотрения дела. Вместе с тем само по себе указание на возможное злоупотребление не отменяет обязанности суда проверить, существует ли реальная коллизия интересов.

Судебная практика позволяет выделить несколько взаимосвязанных ориентиров, по которым устанавливается наличие действительной коллизии: противоположность процессуальных позиций по одним и тем же эпизодам; взаимное изобличение обвиняемых; предшествующее оказание помощи лицу с противоположными интересами; ретроспективная оценка связи адвоката с таким лицом; фактический, а не формальный характер конфликта; недопустимость злоупотребления правом; недопустимость злоупотребления правом при использовании института отвода.

Иными словами, решающим остается не сам по себе факт участия одного адвоката в нескольких эпизодах или по нескольким производствам, а наличие в материалах дела такой совокупности обстоятельств, которая объективно свидетельствует о разнонаправленности интересов доверителя.

Запрет на одновременное представление одним адвокатом нескольких обвиняемых с противоречащими интересами вытекает из части 6 статьи 49 и пункта 3 части 1 статьи 72 УПК РФ, подтверждается положениями законодательства об адвокатуре и разъясняет в пункте 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ №29. Судебная практика показывает, что формула «интересы противоречат» требует содержательной оценки.

Критерии, позволяющие установить реальную коллизию, сводятся к следующему: противоположность процессуальных позиций, взаимное изобличение, предшествующее оказание помощи лицу с противоположным интересами, а также ретроспективный характер такой оценки. При этом мнимая коллизия, основанная лишь на тактических разногласиях или формальном несогласии сторон, не должна влечь отвод защитника.

Следовательно, определяющим признаком реальности конфликта интересов является не количество обвиняемых, а фактическая разнонаправленность их интересов, устанавливаемая по материалам дела. Своевременная проверка отсутствия такой коллизии при допуске защитника служит гарантией права на защиту и условием законности итогового судебного решения.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/search/ (дата обращения: 16.10.2026). – Текст : электронный.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 26.07.2026 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/search (дата обращения: 16.10.2026). – Текст : электронный.

3. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : Федеральный закон от 31.05.2022 г. №63 (последняя редакция) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/search/ (дата обращения: 16.10.2026). – Текст : электронный.

4. Кодекс профессиональной этики адвоката: принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003 г. (ред. 18.04.2025) // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. – URL: https://fparf.ru/ (дата обращения: 16.10.2026). – Текст : электронный.

5. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.06.2015 г. №29 // Верховный Суд Российской Федерации. – URL: https://www.vsrf.ru/ (дата обращения: 16.10.2026). – Текст : электронный.

6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Егоровой Валентины Ивановны на нарушение ее конституционных прав п. 3 части первой статьи 72 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 15.10.2018 г. №2518-О. – URL: https://legalacts.ru/sud/ (дата обращения: 16.10.2026). – Текст : электронный.

7. По делу о проверке Конституционности статей 50 и 51 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.07.2019 №28-П. – URL: https://legalacts.ru/doc/ (дата обращения: 16.10.2026). – Текст : электронный.

Вигерин Артем Николаевич
бакалавр, студент
ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: *статья посвящена анализу понятийного аппарата, сущности и классификации прав и законных интересов налогоплательщиков в Российской Федерации в условиях масштабной цифровизации налогового администрирования. Автор исследует теоретические подходы правоведов к разграничению категорий «субъективное право» и «законный интерес». Выявлена научно-практическая проблема: дисбаланс частных и публичных интересов, выражающийся в отставании нормативного закрепления процессуальных прав налогоплательщиков от расширяющихся технических возможностей автоматизированного фискального контроля. На основе анализа предложена авторская концепция законодательного закрепления «электронно-процессуальных прав» налогоплательщика и модернизации порядка разрешения технологических споров.*

Ключевые слова: *права налогоплательщика, законный интерес, налоговое администрирование, цифровизация, баланс интересов, АСК НДС-2, ФНС России, финансовое право, судебная практика, алгоритмический прессинг.*

Введение обязательного досудебного обжалования любых ненормативных актов, действий или бездействия должностных лиц налоговых органов по статье 138 НК РФ изначально преследовало цели снижения нагрузки на арбитражные суды и оперативного исправления ведомственных ошибок силами вышестоящих управлений. Однако многолетняя практика применения данного института обнажила системный порок ведомственного формализма. Вышестоящие органы при рассмотрении апелляционных жалоб зачастую выступают защитниками фискальных интересов государства, а не независимыми арбитрами, превращая досудебный этап в сугубо формальный барьер на пути налогоплательщика к правосудию.

Статистика удовлетворения жалоб на стадии УФНС демонстрирует падение до исторических минимумов. В 2025 году показатели снизились по всей стране: на примере УФНС по

Самарской области доля удовлетворенных требований упала до 21%, а в УФНС по Пермскому краю зафиксирован критический спад до 6,9% от общего числа рассмотренных споров. При этом количество удовлетворенных жалоб на непосредственные действия должностных лиц и промежуточные ненормативные акты (требования, уведомления) сократилось на 83,4%, что подтверждает снижение эффективности внутренних защитных фильтров ведомства.

Главными процессуальными недостатками досудебной стадии остаются закрытый режим рассмотрения споров без очного участия налогоплательщиков и отказ управлений самостоятельно проводить налоговую реконструкцию с определением реального размера обязательств, что перекладывает это бремя на суды. Кроме того, подача жалобы на действия должностных лиц автоматически не приостанавливает исполнение обжалуемого акта. В результате, пока ведомство рассматривает обращение, бизнес несет невосполнимые убытки из-за бесспорного списания денежных средств и блокировки счетов, сталкиваясь с риском преднамеренного финансового удушения.

Из-за неэффективности досудебного фильтра центр тяжести публично-правовых конфликтов сместился в арбитражные суды, где ключевой проблемой стало использование ФНС России «мягких», неформальных методов администрирования. Через специализированные рабочие группы и комиссии по легализации налоговой базы инспекции осуществляют психологическое побуждение бизнеса к добровольной корректировке обязательств под угрозой назначения выездных проверок. Поскольку протоколы таких комиссий и информационные письма формально не содержат властных предписаний, суды долгое время отказывались принимать иски об их оспаривании, оставляя предпринимателей беззащитными перед административным давлением.

Для восстановления баланса интересов необходима глубокая реформа законодательства, включающая легализацию обжалования любых форм фискального давления (включая протоколы комиссий и информационные письма), а также создание независимой от структуры ФНС службы Налоговой медиации под эгидой Минфина или ТПП. Дополнительно требуется внедрить правило автоматического приостановления взысканий при подаче жалобы под банковскую гарантию и нормативно закрепить за налоговыми органами обязанность самостоятельно проводить налоговую реконструкцию на основе параметров реальной сделки. Традиционные механизмы защиты оказались неэффективными против цифровых алгоритмов превентивного контроля, в связи с чем безальтернативным условием выживания бизнеса является признание процессуального равенства сторон.

Список литературы

1. Казакова, И. А. Получение субъектами предпринимательской деятельности необоснованной налоговой выгоды по НДС / И. А. Казакова, Н. В. Куркина, Е. С. Митячкина // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 11(227). – С. 310–313. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_11_310. – EDN XHTEYO.

2. Левшиц, Д. Ю. Уголовная ответственность за финансовое мошенничество по законодательству России и зарубежных стран : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. … канд. юрид. наук / Д. Ю. Левшиц. – Москва, 2007. – 217 с. – EDN SKPAZB.

3. Налоговое право России : учебник для вузов / отв. ред. Ю. А. Крохина. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма : Инфра-М, 2024. – 528 с. – ISBN 978-5-00156-312-9.

4. Показатели работы по досудебному урегулированию налоговых споров // Федеральная налоговая служба : официальный сайт.

5. Официальный доклад об итогах работы по досудебному урегулированию налоговых споров за 2025 год // Управление Федеральной налоговой службы по Пермскому краю : официальный сайт. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn59/apply_fts/ (дата обращения: 15.09.2026). – Текст : электронный.

Вигерин Артем Николаевич
бакалавр, студент
ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Аннотация: *статья посвящена анализу обязательного досудебного порядка обжалования актов и действий налоговых органов, выявляющему снижающие его эффективность правовые лакуны. В качестве ключевой проблемы рассматривается неопределенность при оспаривании промежуточных контрольных процедур ФНС России, которые нарушают интересы бизнеса, но исключены из классического порядка обжалования. Для решения указанных проблем автором предложен комплекс мер по реформированию досудебного производства, включая внедрение института налогового медиатора и расширение перечня обжалуемых процессуальных действий.*

Ключевые слова: *налоговые споры, досудебный порядок, арбитражный процесс, защита прав налогоплательщиков, ненормативный правовой акт, правоприменительная практика.*

Построение стабильной налоговой системы в Российской Федерации требует обеспечения жесткого правового баланса между публичным интересом государства в формировании бюджетных доходов и частным интересом налогоплательщика по сохранению имущественной самостоятельности. Тотальная цифровизация государственного управления и превращение Федеральной налоговой службы в высокотехнологичную платформу (АСК НДС-2, АСК ККТ) сформировали правовой асимметризм. Фискальные органы получили беспрецедентные инструменты контроля, в то время как правовой статус налогоплательщика в его технологическом измерении остался слабо защищенным, что требует выработки новых процессуальных гарантий против «алгоритмического прессинга».

В отечественной науке категории «субъективное право» и «законный интерес» налогоплательщика выступают объектами дискуссий. Субъективное право рассматривается в доктрине как конституционно-правовой предел государственной власти и инструмент защиты частной собственности от чрезмерного фискального изъятия, который жестко корреспондирует с обязанностью налогового органа совершить определенные действия. Напротив, законный интерес представляет собой юридически признанное, но не детализированное в конкретной норме стремление субъекта к получению блага, основанное на общих принципах права (соразмерность, определенность, добросовестность) и направленное на удержание максимально возможной части капитала законными способами.

Эволюция баланса прав и интересов налогоплательщиков прошла путь от командно-административного принуждения к партнерской цифровой модели. В плановой экономике СССР классического налогового права не существовало, финансовый контроль носил сугубо административный характер, а ключевым органом борьбы с экономическими правонарушениями выступал ОБХСС в структуре советской милиции, действовавший в условиях безусловного приоритета государственных интересов. Переход к рыночной экономике в 1990-х годах и создание Государственной налоговой службы изначально сопровождались фискальным хаосом и карательным характером законодательства, при котором штрафы могли достигать 100% от суммы сокрытого дохода.

Ситуация изменилась с принятием в 1998 году первой части Налогового кодекса РФ, закрепившей базовый перечень прав налогоплательщиков. Ключевую роль в защите интересов бизнеса на этом этапе сыграл Высший Арбитражный Суд РФ (до его упразднения в 2014 году), сформировавший прогрессивную судебную практику. В частности, Постановление Пленума ВАС РФ №53 от 12.10.2006 года заложило доктринальные основы концепций

«должной осмотрительности» и «деловой цели», защитив добросовестных предпринимателей от ответственности за действия третьих лиц в цепочке поставок, а выработанные процессуальные стандарты доказывания выровняли положение сторон в суде.

Системная классификация позволяет разделить права налогоплательщиков на несколько взаимосвязанных групп. К ним относятся конституционные (базовые) права на неприкосновенность собственности, материально-имущественные права на использование льгот, вычетов и возврат излишне уплаченных сумм, а также процессуально-процедурные и информационные права, обеспечивающие участие лица в контрольных мероприятиях. В условиях цифровизации доктриной обособляется инновационная группа электронно-процессуальных прав, включающая право на ведение документооборота через Личный кабинет налогоплательщика и Телекоммуникационные каналы связи, право на беззаявительное предоставление льгот и защиту конфиденциальной информации.

Список литературы

1. Землин, А. И. Налоговое право : учебник / А. И. Землин. – Москва : Форум, 2006. – EDN QWNEIB.

2. Налоговое право России : учебник для вузов / отв. ред. Ю. А. Крохина. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма : Инфра-М, 2024. – 528 с. – ISBN 978-5-00156-312-9.

3. Казакова, И. А. Получение субъектами предпринимательской деятельности необоснованной налоговой выгоды по НДС / И. А. Казакова, Н. В. Куркина, Е. С. Митячкина // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 11 (227). – С. 310–313. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_11_310. – EDN XHTEYO.

4. Налоговое право : учебник для вузов / под ред. С. Г. Пепеляева. – Москва : Статут, 2024. – 864 с. – ISBN 978-5-8354-1922-7.

Галимова Лейсан Мансуровна
студентка
Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия им. В.М. Лебедева»
г. Казань, Республика Татарстан

УДЕРЖАНИЯ ИЗ ПЕНСИИ КАК СПОСОБ ВЗЫСКАНИЯ ЗАДОЛЖЕННОСТИ: ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ПЕНСИОНЕРОВ

Аннотация: *в статье рассматривается проблема обращения взыскания на пенсию в исполнительном производстве, возникающая в условиях конфликта интересов взыскателя и должника-пенсионера. Анализируются нормы гражданского процессуального и социального законодательства, а также складывающаяся судебная практика, включая позиции Верховного Суда Российской Федерации и кассационных судов общей юрисдикции. Обосновывается вывод о том, что установленные законом предельные размеры удержаний не должны применяться автоматически и без учета социально-экономического положения должника. Особое внимание уделяется праву пенсионера на сохранение прожиточного минимума, и предлагаются направления совершенствования механизма удержаний.*

Ключевые слова: *пенсия, исполнительное производство, прожиточный минимум, пенсионеры, исполнение судебного решения.*

Пенсионеры представляют собой особую демографическую группу, требующую повышенного уровня социальной и правовой защиты. В силу их низкой правовой грамотности, а также часто возникающих финансовых затруднений, проблем со здоровьем и социальной незащищенности, пенсионеры нуждаются в особой защите. Процедура обращения взыскания на пенсию является сложной правовой конструкцией, обусловленной конфликтом двух интересов. Необходимо учитывать баланс между правом взыскателя на исполнение исполнительного документа и правом должника на обеспечение минимального уровня средств к существованию.

По данным на 1 июля 2026 года, в системе Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации зарегистрировано 40.475.041 пенсионер, из которых 32.070.625 являются неработающими. Фонд также предоставляет информацию о среднем размере пенсионного обеспечения в Российской Федерации, который на указанную дату составляет 25.401,65 рублей [1]. При этом величина прожиточного минимума для пенсионеров на 2026 год установлена в размере 16.288 рублей [2]. Из этого следует, что формально установленные пределы удержания 50% и в установленных законом случаях 70% от размера пенсии не всегда может быть осуществлено без нарушения прав пенсионеров и норм социального обеспечения.

К примеру, резонансным стало дело, рассмотренное Верховным судом Российской Федерации, где пенсионерка из Рязанской области успешно добилась возврата незаконно удержанных средств из ее пенсии. Пенсионерка получала страховую пенсию по старости в размере 13.292,81 рубля, иных доходов у нее не было. В ее адрес было направлено три исполнительных листа на взыскание задолженности за отопление и жилищно-коммунальные услуги, что привело к значительному снижению ее доходов. После удержаний размер пенсии составлял от 3400 до 8000 рублей, что существенно ниже прожиточного минимума для пенсионеров в Рязанской области. Попытки пенсионерки обратиться в Фонд пенсионного и социального страхования с просьбой сохранить пенсию на уровне прожиточного минимума не увенчались успехом. Ей устно отказали, сославшись на компетенцию судебных приставов в данном вопросе. Апелляция и первая кассация отказали в иске полностью, так как на момент рассмотрения дела не были приняты изменения в закон, касающиеся заявительного порядка сохранения прожиточного минимума. Однако Верховный суд Российской Федерации не согласился с позицией нижестоящих судов. Он указал на ст. 446 ГПК РФ, которая прямо запрещает обращение взыскания на денежные средства в размере прожиточного минимума должника. Так же он уточнил, что и Конституционный суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал необходимость защиты пенсионеров, получающих пенсию как единственный источник дохода [3].

В дополнение к вышеизложенному, необходимо отметить, что в соответствии со ст. 203 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [4] суд обладает полномочиями по предоставлению отсрочки или рассрочки исполнения судебного решения, а также по изменению способа и порядка его исполнения. Примером может служить случай из судебной практики, в котором гражданка обратилась с иском об уменьшении размера исполнительного сбора и его рассрочке. Суд, установив, что действия истицы свидетельствуют о ее добросовестности и отсутствии намерения уклоняться от исполнения судебного акта, а также учитывая ее финансовое положение, которое не позволяет уплатить всю сумму единовременно, удовлетворил заявленные требования [5]. Однако следует признать, что пожилые люди, в силу возрастных особенностей, состояния здоровья и недостаточной правовой грамотности, могут быть не осведомлены о своих процессуальных правах. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть введение специального превентивного механизма, направленного на информирование пенсионеров о данной возможности.

В качестве показательного примера продолжающейся трансформации судебной практики можно привести кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10 июня 2026 года, в котором рассматривался спор, связанный с удержанием 70% денежных средств из страховой пенсии. Основанием для удержания стало исполнительное производство о возмещении ущерба, причиненного преступлением, после удержания пенсионеру фактически оставалось 6.909,72 рубля. Суды первой и апелляционной инстанции исходили преимущественно из формального соответствия удержаний установленному законом пределу. Однако кассационный суд указал, что 50% и 70% представляют собой лишь максимально допустимые пределы удержаний, а не автоматически применяемый размер взыскания. Суд подчеркнул, что даже при наличии исполнительного документа пенсионный орган обязан провести оценку возможности удержания денежных средств в указанном размере, а в

случае невозможности такого удержания он должен уведомить службу судебных приставов и самого должника [6].

Несмотря на складывающуюся судебную практику, направленную на защиту интересов и прав пенсионеров, по-прежнему часто встречаются случаи, когда судебные приставы-исполнители руководствуются формально установленным размером удержаний. Многие суды, отменяя решения нижестоящих инстанций, акцентируют внимание на необходимости учета не только размера пенсии, но фактического социально-экономического положения пенсионера. На мой взгляд, механизм дифференцированного подхода к удержаниям из пенсий должников пенсионеров должен развиваться далее. В данном ключе можно размышлять с позиции такого института права социального обеспечения как «нуждаемость»: у разных категорий пенсионеров она разная, ведь кто-то не имеет никакого дохода, кроме пенсии, а кто-то имеет в собственности несколько недвижимостей и т. д. В таком случае, к примеру, помимо правила о прожиточном минимуме, можно предусмотреть введение прогрессивной шкалы удержания, что позволит учитывать данные факторы, обеспечивая справедливый баланс интересов должника и взыскателя. При определении процента удержания можно будет исходить из таких критериев, как наличие иных доходов и имущества, наличие иждивенцев, состояние здоровья и наличие обязательных расходов, связанных с лечением.

Так же судебной практике известен случай, когда гражданин, не имея официального трудоустройства, получал доход исключительно в виде пенсии по инвалидности, ежемесячных денежных выплат и региональной выплате. Его совокупный доход оказался ниже прожиточного минимума для пенсионеров в Бурятии. Первоначально требования пенсионера было отклонено судом, но апелляционная инстанция встала на защиту пенсионера, так как установила, что получаемых им средств было недостаточно для удовлетворения необходимых потребностей. Кассационная инстанция согласилась с доводами апелляции[7]. На данном примере выявлено проблемное место существующего механизма. В ситуации, когда суммарный доход пенсионера ниже установленного прожиточного минимума, существующее правило фактически трансформируется в запрет на удержания, что, однако, не устраняет долговые обязательства. Эту проблему, к примеру, можно решить следующим образом: если совокупный доход пенсионера, включая пенсию и иные выплаты, оказывается ниже прожиточного минимума, то удержания временно не производятся, но исполнительное производство не прекращается. В таком случае судебный пристав-исполнитель обращается в суд с ходатайством об отсрочке или изменении способа или порядка исполнения исполнительного документа (ст. 203 ГПК РФ). При этом пристав должен будет периодически пересматривать имущественное положение должника.

Таким образом, несмотря на то, что рассматриваемая область уже подверглась значительной регламентации со стороны законодательства и пенсионеры обладают определенной правовой защитой в данной сфере, по-прежнему имеют место случаи, когда взыскание по исполнительным листам осуществляется без учета необходимости сохранения прожиточного минимума.

Список литературы

1. Основные показатели пенсионного обеспечения в Российской Федерации // Социальный фонд России. – URL: https://sfr.gov.ru/info/statistics/pension_provision_sfr (дата обращения: 29.09.2026). – Текст : электронный.

2. О федеральном бюджете на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов : Федеральный закон от 28.11.2025 №426-ФЗ // СЗ РФ. – 2025. – № 48 (часть I, II, III). – Ст. 7237.

3. Определение Верховного суда Российской Федерации от 13.04.2026 г. №6-КГ26–1-К2 // Верховный суд Российской Федерации. – URL: https://www.vsrf.ru/lk/practice/claims/12–36554194 (дата обращения: 16.09.2026). – Текст : электронный.

4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

5. Решение Игринского районного суда Удмуртской Республики от 09.03.2025 года по делу №2А-165/2025. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/2cUJBsC7nVbj/ (дата обращения: 16.09.2026). – Текст : электронный.

6. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10.06.2026 г. по делу №88а-15662/2026 // Второй кассационный суд общей юрисдикции. – URL: https://2kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=18327078&case_uid=e8160f4d-e5f5–4930-bbe7-f80c0c11826e&delo_id=43&new=0 (дата обращения: 18.09.2026). – Текст : электронный.

7. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции Российской Федерации от 10.02.2026 г. №88–1419/2026 // Восьмой кассационный суд общей юрисдикции. – URL: https://8kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=39677550&case_uid=8ee8bf61-c0fb-474a-b9c4–64988f0e3d98&delo_id=2800001&new=2800001 (дата обращения: 18.09.2026). – Текст : электронный.

Ганджаева Тинай Рамазан
магистрант
Матюшкин Дмитрий Петрович
магистрант

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный
университет путей сообщения»
г. Ростов-на-Дону, Ростовская область

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СУДОПРОИЗВОДСТВА И ПРОБЛЕМЫ ХРАНЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Аннотация: *в рамках данной статьи рассматривается актуальная проблематика, связанная с использованием цифровых доказательств в отечественном уголовном судопроизводстве. В условиях повышения объемов используемой информации становится крайне важным сохранять высокое качество данного процесса, его правомерность, минимизировать риски. Необходимо последовательно стремиться к тому, чтобы цифровые доказательства были сохранными, устойчивыми и доступными для применения, снижать вероятность их безвозвратной потери, уничтожения. В рамках стать описаны типовые ситуации, связанные с описанными выше проблемами и возможные решения для сохранения положительных свойств цифровых доказательств как части судопроизводства.*

Ключевые слова: *цифровизация, цифровые доказательства, доказательства, электронные доказательства, хранение цифровых доказательств.*

Внедрение современных цифровых технологий в судопроизводство является актуальной тенденцией, свойственной правовым системам по всему миру. Но данный процесс вместе с тем формирует новый перечень проблем и вызовов, которые необходимы к разрешению и переосмыслению. В частности, речь идет о том, каким образом необходимо внедрять в судопроизводство доказательства в цифровой форме, осуществлять их хранение, передачу и иные функции.

Отметим, что технологизация судопроизводства является объективным процессом, который сложно остановить и к которому необходимо адаптироваться. Современные технологии позволяют ускорять процесс, снижать издержки на судопроизводство. Но даже более того, сама действительность уже в настоящее время отличается крайней высокой цифровизацией, а отставание судопроизводства от доминирующих форм общения в таком случае является недопустимым. Однако процесс адаптации в обязательном порядке предполагает наличие некоторых рисков, необходимых к осмыслению и проработке.

Анализ научной литературы указывает на то, что в настоящее время существует неоднозначное отношение к процессу цифровизации судопроизводства.

Например, П.П. Ищенко указывает на проблему сложности точного определения принадлежности цифровой информации, рисках ее подделки, что существенно осложняет ее восприятие как полноценного доказательства наряду с теми, которые имеют классическую форму [2, с. 19].

Б.В. Рудаков в своей работе определил важнейшими отличительными чертами электронных доказательств возможность их создания и уничтожения [3, с. 66–67].

О.А. Зайцев считает, что наличие доказательств в электронной форме предполагает необходимость формирования системы методов и инструментов по их обнаружению, идентификации, фиксации и оценки, которые во многом отличаются от традиционных [1, с. 44].

И.В Тишутина указывает на то, что потребность судопроизводства в электронных доказательствах во многом связана с тем, что в настоящее время существенные изменения произошли в деятельности преступников, характеристики совершаемых ими действий [4, с. 44–45].

С.А. Шейфер указывает на то, что у электронных доказательств в настоящее время постепенно формируется уникальное место и роль в рамках судопроизводства, которая отличается от мест и роли альтернативных видов доказательств [5, с. 131, 132].

Научные источники указывают на то, что также к ключевым свойствам электронных доказательств необходимо отнести их устойчивость, то есть возможность ее копировать, изменить формат носителя, стабильность электронной формы как таковой.

При обнаружении имеющих важность для производства доказательств в электронной форме как непосредственные носители, так и файлы с доказательствами начинают храниться, как и доказательства в традиционной форме. Но на практике данный процесс связан с многими рисками. Например, перепады температуры могут привести к повреждению информации через ущерб ее носителю и ее уничтожению; также встречаются случаи с непреднамеренным физическим воздействием на носитель, что также может привести к потере информации. Это приводит к выводу о необходимости обязательного дублирования данной информации через ее помещение на внешние сервера, принадлежащие ответственному за расследование органу.

Проблематика использования электронных доказательств наилучшим образом может быть проанализирована на примере описания процесса ее получения, применения и уничтожения. В настоящее время данный порядок не является формализованным с точки зрения законодательства, что в нашем понимании и выступает наиболее существенной проблемой применения электронных доказательств в рамках судопроизводства. Сама специфика регулирования данного процесса указывает на необходимость устранения данной проблемы, что будет описано ниже.

Непосредственное получение информации такого рода может быть осуществлено несколькими вариантами. Так, она может находиться на конкретном носители или следственный орган может применить собственный носитель для копирования информации, находящейся на внешнем носителе, который невозможно транспортировать (это должно осуществляться как следственное или процессуальное действие). Кроме того, применение электронных доказательств может быть связано с ответом органа расследования на запрос.

Затем важно проводить работу по оценке данной информации с точки зрения ее влияния на расследование. Очень важно, что необходимо рассматривать не только непосредственную важность информации, но и ее потенциальную полезность для хода расследования.

Например, зачастую именно таким образом полученные данные становятся существенными по мере расследования и получения органами расследования иных доказательств. Поэтому часто необходимо сохранять на время расследования такой информации.

В том случае, если электронная информация имеет значение для расследования, то она становится цифровым доказательством. Это подтверждается через принятие органом расследования соответствующего постановления. В нем также указывается на место хранения, которым, как правило выступает камера хранения, и на форму хранения.

Далее формируется режим допуска к ознакомлению с цифровыми доказательства. Ведущий расследование следователь и дознаватель, руководитель следственного органа имеет возможность обращаться к нему. Затем на этапе ознакомления с материалами уголовного дела аналогичный допуск появляется у подозреваемого, обвиняемого и их адвоката. На

стадии судебного разбирательства допуск к цифровому доказательству получает и ответственный за рассмотрение дела судебный орган.

Большие дискуссии касаются удаления цифровых доказательств. Дело в том, что цифровые доказательства в правовой системе в настоящее время рассматриваются как имеющие некоторый жизненный цикл, завершение которого предполагает их уничтожение. Альтернативы предполагают необходимость хранения большого объема информации, которая не является существенной для дальнейших расследований, а ее хранение требует множества ресурсов.

Как правило, удаление цифровых доказательств должно осуществляться либо в соответствии с приговором суда, либо с постановлением о прекращении дела.

Проблема заключается в том, что многие цифровые доказательства после прекращения дела могут быть полезными для его раскрытия при обнаружении новых обстоятельств дела или быть частью иных расследований в будущем. В нашем понимании идеального решения данной проблемы нет.

Наиболее качественными кажутся предполагающие перевод отдельных цифровых доказательств в иные формы для дальнейшего хранения или оставление в камере хранения доказательств носителей информации, которые являются простыми в хранении.

Но универсальное применение такого подхода затруднительно, ведь перевод всех цифровых доказательств в иные формы слишком затратно для последующего хранения, а доля найденной на носителях информации не так велика (намного больше информации, которая переносится на внешний переносной носитель).

Следовательно, требуется оценка той информации, которая должна сохраняться и при этом также важно сформировать условия, при которой будет минимизироваться вероятность ее накопление (уничтожение спустя определенного количества времени хранения без использования).

Таким образом, ключевая проблематика хранения и использования в рамках судопроизводства электронных доказательств в настоящее время заключается в том, что в законодательстве данный процесс регулируется не должным образом. Требуется подробное описание жизненного цикла электронных доказательств, формирование системы ответственных лиц за ее перевод из одной стадии в другую, уничтожение и трансформацию.

Список литературы

1. Зайцев, О. А. Особенности использования электронной информации в качестве доказательств по уголовному делу: сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства / О. А. Зайцев // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2019. – № 4 (77). – С. 42–57.

2. Ищенко, П. П. Критерии оценки судебных доказательств в цифровую эпоху / П. П. Ищенко // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2021. – № 1 (31). – С. 17–30.

3. Рудаков, Б. В. К вопросу о проблемах использования цифровых (электронных) данных в доказывании по уголовным делам / Б. В. Рудаков // Правопорядок: история, теория, практика. – 2021. – № 1 (28). – С. 65–71. – EDN VKRLIQ.

4. Тишутина, И. В. Научно-техническое обеспечение уголовного судопроизводства – проблема, требующая безотлагательного решения / И. В. Тишутина // Вестник экономической безопасности. – 2020. – № 5. – С. 43–47.

5. Шейфер, С. А. Проверка доказательств в системе доказывания / С. А. Шейфер // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сборник статей. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2016. – С. 129–132.

Германова Анна Михайловна
магистрант
Научный руководитель
Шалагин Антон Евгеньевич
канд. юрид. наук, доцент, начальник кафедры

ФГКОУ ВО «Казанский юридический институт МВД РФ»
г. Казань, Республика Татарстан

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ МОШЕННИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация: *в статье рассматриваются приоритетные направления предупреждения мошеннических действий, предложены меры, направленные на предупреждение и минимизацию преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, особое внимание обращено на деятельность правоохранительных органов по пресечению дистанционных преступлений.*

Ключевые слова: *информационно-телекоммуникационные технологии, пресечение преступлений, профилактика преступлений, общесоциальные предупредительные меры, специальные предупредительные меры.*

Криминологическая ситуация в России остается сложной, поэтому предупреждению преступлений уделяется особое внимание. Государственными органами и структурами принимаются необходимые меры по изменению сложившейся ситуации и снижению напряженности в данной сфере.

Основной целью деятельности, направленной на предупреждение преступлений, совершаемых в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, является снижение уровня такого вида преступлений, а также защита личности, общества и государства от преступных посягательств.

Основная задача предупреждения преступлений, совершаемых в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, состоит в выявлении, устранении и нейтрализации причин и условий, способствующих совершению названных преступлений и предотвращении готовящихся преступлений.

Практическая реализация целей, задач предупреждения преступлений напрямую зависит от правоприменительной деятельности, объектом которой выступает система причин и условий, способствующих совершению преступлений, что дает основание рассматривать предупредительную деятельность как целенаправленную деятельность государства, общества, физических и юридических лиц, направленную на недопущение их совершения путем выявления, анализа, устранения или нейтрализации причин преступлений, условий, способствующих их совершению, оказания предупредительного воздействия на лиц с противоправным поведением.

Предупреждение преступлений, совершаемых в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, требует весьма серьезных усилий государства и общества и может быть успешным только на основе использования широкого комплекса общесоциальных и специальных предупредительных мер.

При этом общесоциальное предупреждение включает в себя совершенствование экономических, социальных, духовных, политических отношений в обществе; выявление и устранение диспропорций в них; криминологическая экспертиза; экспертные исследования, укрепление законности, социальная защита населения. На этом уровне наиболее эффективным является разработка социальных программ по отдельным проблемам криминогенного характера.

Основой обще социального уровня предупредительной деятельности названных преступлений должны стать результаты проведенного мониторинга современного состояния цифровой преступности, при этом должны учитываться не только показатели зарегистрированных преступлений, совершенных в сфере цифровых технологий, но и реальное состояние с учетом ее латентной части, причинного комплекса, судебно-следственной практики по данной категории дел, механизма привлечения к уголовной ответственности и его реализация в целом, социально политической и экономической ситуации, сложившейся на момент подготовки мер предупредительного воздействия, результаты криминологического прогноза на краткосрочный и среднесрочный периоды, и другие составляющие, которые позволят правильно и в полном объеме учесть все необходимые особенности современных криминологических угроз с целью определения направления предупредительного воздействия.

Специально-криминологическое предупреждение заключается в деятельности по предотвращению, пресечению и раскрытию преступлений; выявлению и устранению (нейтрализации) детерминант преступности, причин и условий конкретных преступлений; оздоровления социальной микросреды, коррекции поведения лиц, исправлению лиц, от которых можно ожидать совершения или уже совершивших преступления.

Социально-политические меры предупреждения преступлений, совершаемых в сфере информационно-телекоммуникационных технологий являются основными при осуществлении названной деятельности, так как государственная уголовная политика во «многом зависит от укрепления роли государственной власти, рационализации подходов к выработке решений в формировании уголовной политики, от создания условий для эффективной работы механизмов, основанных на саморегулировании и препятствующих развитию дестабилизирующих факторов». Важным направлением в данном случае должны стать меры, направленные на стабилизацию политической ситуации в России; укрепление и повышение авторитета политической власти; создание законодательной базы по охране цифровых технологий и защиты, но базы правовой защищенности российских граждан; выработка стратегии и тактики уголовной политики, а также политики идеологического воздействия.

К социально-экономическим мерам предупреждения преступлений, совершаемых в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, следует отнести укрепление кредитно-денежной системы государства, оздоровление экономики, укрепление мер социальной защиты населения

Особое внимание следует уделить и нормативным предписаниям, регламентирующим противодействие цифровой преступности, в соответствии с международно-правовыми стандартами и международными обязательствами России; заключение и ратификация международных Конвенций, межгосударственных договоров и соглашений по вопросам противодействия цифровой преступности.

повышению профессионализма субъектов предупредительной деятельности в сфере информационно-телекоммуникационных технологий. В связи с этим необходима подготовка и переквалификация сотрудников правоохранительных органов, необходимо укрепление подразделений, которые непосредственно осуществляют мероприятия по противодействию преступлениям в сфере цифровых технологий.

Субъектами предупреждения преступности с использованием информационно-телекоммуникационных технологий являются федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, действующие в пределах своей компетенции как непосредственно, так и через подведомственные им структуры. Стоит отметить, что основная работа сотрудников правоохранительных органов должна заключаться, прежде всего, в доведении до граждан элементарных правил безопасности, таких как недопустимость:

– загрузки из сети Интернет программных продуктов из непроверенных источников; перехода по рекламным ссылкам в интернете, сулящим бесплатные услуги, различные призы

или существенные скидки; просмотр корреспонденции от неизвестных адресатов; несвоевременное обновление программного обеспечения;

– общения в социальных сетях с незнакомыми пользователями, за которыми могут скрываться мошенники, сектанты, вербовщики в террористические организации;

– покупки SIM-карт с рук или оставление своих паспортных данных сомнительным «конторам»;

– отправки денежных переводов лицам, предлагающим посреднические услуги в разрешении проблем с родственниками, знакомыми, якобы попавшими в беду;

– передаче данных с кредитных или дебетовых карт, пользовательских паролей и кодовых слов, запрашиваемых по телефону или через социальные сети от лица друзей, знакомых, кредитных или иных организаций под различными предлогами;

– указания в своем профиле социальной сети личной информации, в том числе о своем образе жизни, планируемых отъездах и т. п.;

– проведения операций в интернет-банкинге без проверки истинности адреса личного кабинета или при наличии дополнительных, не предусмотренных стандартной процедурой, запросов (защита от «фишинга»);

– непринятия срочных мер по блокированию кредитных или дебетовых карт при получении СМС о несанкционированном списании или переводе средств третьим лицам;

– регистрации в личных кабинетах, на Интернет-ресурсах или онлайн-магазинах с простыми паролями, состоящими из нескольких цифр, коротких слов, соседних клавиш на клавиатуре, личных памятных дат, адресов или номеров телефонов;

– записей личных паролей на стикерах, приклеенных к монитору, или в других легкодоступных местах.

Таким образом, можно говорить о том, что предупреждение преступлений, совершаемых в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, требует серьезных усилий как государства, так и общества.

Список литературы

1. Артимович, Д. А. Искусство цифровой самозащиты / Д. А. Артимович. – Москва : АСТ, 2023. – 224 с.

2. Ищук Я.Г. Цифровая криминология : учеб. пособие / Я.Г. Ищук, Т.В. Пинкевич, Е.С. Смольянинов. – Москва: Академия управления МВД России, 2021. – 244 с.

3. Криминология. Особенная часть : учебник для курсантов и слушателей образовательных организаций высшего образования системы МВД России / А. Е. Шалагин, Р. Р. Абдулганеев, О. В. Артюшина [и др.] ; под общ. ред. Ф.К. Зиннурова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Казань : Казанский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2016. – 524 с.

4. Ларина, Е. С. Криминал будущего уже здесь / Е. С. Ларина, В. С. Овчинский. – Москва : Книжный мир, 2017. – 480 с.

5. Профилактика преступлений: отечественный и зарубежный опыт : учебное пособие / Ф. К. Зиннуров, А. Е. Шалагин, Р. Р. Абдулганеев [и др.]. – Казань : Казанский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. – 218 с.

6. Соловьев, И. Н. Как не стать жертвой мошенников и пособником преступников : пособие для подростков и их родителей / И. Н. Соловьев. – Москва : Проспект, 2026. – 56 с.

7. Шалагин, А. Е. Криминология и предупреждение преступлений / А. Е. Шалагин. – Москва : Юрлитинформ, 2021. – 240 с.

8. Чекунов, И. Г. Криминологическое и уголовно-правовое обеспечение предупреждения киберпреступности : автореф. дис. / И. Г. Чекунов. – Москва, 2013 .

Егорова Руслана Владимировна
студентка
Толстова Мария Леонидовна
канд. экон. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

АДВОКАТ-ДУБЛЁР В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация: *в статье рассматривается институт «двойной защиты» в российском уголовном процессе, при котором наряду с адвокатом по соглашению в деле участвует защитник по назначению – «адвокат-дублёр». Анализируются правовые позиции Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ и Федеральной палаты адвокатов РФ, а также дисциплинарная практика адвокатских палат 2024 г. Показано, что бремя ответственности за «двойную защиту» нередко возлагается на добросовестного адвоката по назначению, тогда как первопричиной конфликта остаются пробелы уголовно-процессуального регулирования. Обосновываются предложения по изменению ст. 50 и 61 УПК РФ.*

Ключевые слова: *адвокат-дублёр, двойная защита, право на защиту, защитник по назначению, защитник по соглашению, дисциплинарная ответственность адвоката, злоупотребление правом.*

Институт «двойной защиты» остаётся одной из наиболее острых проблем российской адвокатуры. Под ним понимается одновременное участие в уголовном деле защитника, приглашённого обвиняемым по соглашению, и защитника, назначенного органами следствия или судом. Несмотря на то что Федеральная палата адвокатов РФ ещё в 2013 г. признала навязывание адвоката по назначению вопреки воле подозреваемого, обвиняемого недопустимым, а Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ сформулировали принципиальные правовые позиции, практика «дублирования» защиты сохраняется.

Особую тревогу вызывает то, что в роли «дублёра» чаще всего оказывается добросовестный адвокат, который либо не знал о наличии защитника по соглашению, либо был вынужден участвовать в деле из-за отказа суда удовлетворить его самоотвод. В результате дисциплинарная ответственность возлагается на адвоката по назначению, а не на орган, допустивший нарушение права на защиту.

Согласно решению Совета ФПА РФ «О двойной защите», для констатации «двойной защиты» необходимо совпадение трёх условий: назначение защитника при наличии адвоката по соглашению; возражение доверителя против такого назначения; отсутствие злоупотребления правом со стороны защиты, которое могло бы оправдать назначение [6].

Правовая природа этого явления противоречива. Часть 3 ст. 50 УПК РФ допускает замену защитника, если он в течение пяти суток не может участвовать в конкретном процессуальном действии, а обвиняемый не приглашает другого защитника. Однако норма сформулирована императивно и не требует устанавливать уважительность причин неявки адвоката по соглашению. Это создаёт формальное основание для назначения «дублёра» даже при добросовестном поведении защиты [4].

Конституционный Суд РФ в постановлении от 17 июля 2019 г. №28-П допустил назначение защитника при наличии адвоката по соглашению лишь для обеспечения разумных сроков судопроизводства при наличии признаков злоупотребления правом на защиту [5]. Однако, на практике эта конструкция нередко используется как средство «подстраховки» суда от неявок адвокатов по соглашению, что противоречит смыслу права на защиту.

Показательным является дело, рассмотренное Адвокатской палатой г. Москвы в 2024 г. Адвокат по назначению Г. вступила в дело в качестве защитника подсудимого К.,

когда защитник по соглашению – адвокат У. – отсутствовал по болезни. Подсудимый категорически возражал против участия адвоката Г. и просил отложить заседание. Суд отказал, сославшись на необязательность для суда отказа от защитника. Адвокат Г. заявила самоотвод, но суд оставил его без удовлетворения, и она приняла участие в заседании. Совет Адвокатской палаты г. Москвы вынес адвокату предупреждение, указав, что она должна была «проявить настойчивость» и покинуть заседание [2].

Аналогичный случай произошёл в августе 2024 г.: адвокат по назначению, вступивший в дело в период болезни защитника по соглашению при рассмотрении вопроса о продлении срока содержания под стражей, получил предупреждение и рекомендацию «повысить профессиональный уровень» [1]. Примечательно, что в обоих случаях адвокаты по назначению не уклонялись от исполнения обязанностей, а их участие было обусловлено объективной невозможностью явки защитника по соглашению.

Таким образом, адвокат-дублёр оказывается в своеобразной «вилке»: если он остаётся в процессе – его ждёт дисциплинарная ответственность за «дублёрство»; если покидает заседание – риск ответственности за неисполнение обязанностей защитника. Единственным допустимым выходом корпоративные акты признают настойчивое заявление самоотвода и, при необходимости, оставление зала судебного заседания, однако и эта модель не гарантирует защиты от дисциплинарного преследования.

Корень проблемы лежит в дефектах законодательства. Часть 3 ст. 50 УПК РФ не обязывает следователя или суд устанавливать причины неявки защитника по соглашению и не связывает назначение «дублёра» с установлением факта злоупотребления правом [4, с. 250]. В результате «двойная защита» возникает не там, где есть злоупотребление, а там, где процессуальному органу удобно подстраховаться.

Кроме того, ст. 61 УПК РФ не содержит такого основания для отвода защитника, как наличие в деле адвоката по соглашению, от которого обвиняемый не отказался. Суды зачастую отклоняют самоотводы адвокатов-дублёров и возражения обвиняемых, ссылаясь на ч. 2 ст. 52 УПК РФ. При этом игнорируются разъяснения Пленума Верховного Суда РФ о том, что ограничение права на защиту допустимо лишь при явно недобросовестном использовании процессуальных правомочий в ущерб интересам других участников.

Дисциплинарная практика адвокатских палат также не отличается единообразием: в одних регионах адвокат-дублёр получает предупреждение, в других – статус прекращается, в-третьих – производство прекращается за отсутствием состава проступка. Это дезориентирует адвокатское сообщество и не способствует формированию устойчивых стандартов поведения.

Решение проблемы лежит в плоскости законодательных изменений, представляется необходимым дополнить ст. 61 УПК РФ новым основанием для отвода защитника, а именно наличием в деле защитника по соглашению, от которого подозреваемый или обвиняемый не отказался, за исключением случаев установленного злоупотребления правом, повлекшего срыв разумных сроков судопроизводства. Кроме того, мы полностью поддерживаем высказанную в науке позицию о том, что «ч. 3 ст. 50 УПК РФ следует дополнить обязанностью дознавателя, следователя или суда устанавливать причины неявки защитника по соглашению. При уважительной причине производство процессуального действия должно откладываться, а защитнику предоставляться разумный срок для явки. Назначение «дублёра» допустимо лишь при повторной неявке без уважительных причин и при наличии мотивированного постановления о констатации факта злоупотребления правом» [4].

При систематической неявке адвоката по соглашению без уважительных причин органу, ведущему производство по делу, следует направлять уведомление в адвокатскую палату субъекта РФ для решения вопроса о дисциплинарной ответственности такого адвоката, а не подменять его «дублёром». Именно недобросовестный адвокат по соглашению должен нести бремя ответственности, а не его добросовестный коллега по назначению. Кроме того, необходимо законодательно закрепить, что адвокат по назначению, вступивший в дело при

наличии защитника по соглашению и заявивший самоотвод, не может быть привлечён к дисциплинарной ответственности за отказ от участия в деле в качестве «дублера».

Институт «двойной защиты» остаётся конфликтогенной сферой российского уголовного процесса. Несмотря на ясные правовые позиции Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ и ФПА РФ, практика назначения адвокатов-дублеров продолжает воспроизводиться, а бремя ответственности возлагается на адвокатов по назначению. Единственным эффективным средством преодоления этого явления является устранение пробелов уголовно-процессуального законодательства и установление прямой связи между назначением «дублёра» и установленным фактом злоупотребления правом со стороны обвиняемого или его защитника по соглашению.

Список литературы

1. Адвокат – «дублер» получил предупреждение // Право.ru. – URL: https://pravo.ru/news/254611/ (дата обращения: 12.10.2026). – Текст : электронный.

2. Адвокат получила предупреждение за исполнение функции защитника-дублера // Официальный сайт Адвокатской палаты г. Москвы. – URL: https://www.advokatymoscow.ru/press/smi/13731/ (дата обращения: 12.10.2026). – Текст : электронный.

3. Зубков, С. Б. О проблемах «двойной защиты» / С. Б. Зубков // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – Т. 19, № 6. – С. 130–143.

4. Овчинникова, Н. О. Пробелы правового регулирования двойной защиты при оказании юридической помощи по уголовным делам / Н. О. Овчинникова // Правовая политика и правовая жизнь. – 2026. – № 1. – С. 249–255. – DOI 10.24412/1608–8794–2026–1-249–255. – EDN CYARJG.

5. Постановление Конституционного Суда РФ : от 17 июля 2019 г. №28-П // СПС «КонсультантПлюс».

6. Решение Совета ФПА РФ от 27 сентября 2013 г. «О двойной защите» (в ред. от 28 ноября 2019 г.) // Официальный сайт ФПА РФ. – URL: https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/the-decision-to-double-the-protection/ (дата обращения: 12.10.2026). – Текст : электронный.

Жвакин Вячеслав Васильевич
магистрант
Научный руководитель
Шалагин Антон Евгеньевич
канд. юрид. наук, доцент, начальник кафедры

ФГКОУ ВО «Казанский юридический институт МВД РФ»
г. Казань, Республика Татарстан

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НАРКОПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация: *в статье рассматриваются методы борьбы с наркопреступностью, а также особенности предупреждения наркопреступлений. Отмечено состояние наркоситуации в стране, произведен анализ антинаркотической политики и динамики наркопреступлений.*

Ключевые слова: *особенности предупреждения наркопреступности, методы борьбы с наркопреступностью, репрессивный и превентивный метод борьбы с наркопреступлениями.*

Материал носит научно-аналитический и профилактический характер. Информация представлена исключительно в целях изучения проблем наркопреступности и формирования правовой культуры; не является рекомендацией к совершению противоправных действий.

Преступность – это сложное, исторически изменчивое социальное явление, которое формируется из всех преступлений, происходящих на определенной территории за определенный промежуток времени.

Наркопреступления – один из видов преступлений, входящих в состав преступности. К данному виду можно отнести преступления, которые описаны в ст. 228, 228.1, 229, 229.1, 230, 231, 232, 234.1 УК РФ, так же от части в эту категорию можно отнести любые другие преступления, совершенные под воздействием наркотика или желанием его приобрести.

Предупреждение преступности – это специфическая разновидность социального управления, целью которого является снижение вероятности преступного поведения, для чего субъект, используя весь комплекс законных мер воздействия (в том числе и принудительных), стимулирует включение объекта в систему общественно полезных отношений и ограничивает его негативные связи [4, с. 8].

Статистика осужденных за преступления, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ в Российской Федерации за период с 2020–2024 года приведена в таблице 1.

Таблица 1

Статья	Число осужденных				
	2020	2021	2022	2023	2024
Всего осуждено (ст. 174, 174.1, 210, 226.1, 228, 228.1, 228.2, 228.3, 228.4, 229, 229.1, 230, 231, 232, 233, 234, 234.1 УК РФ и др. по Перечню №3)	69 036	75 395	74 246	72 552	68 951
в том числе за: незаконное производство, изготовление, приобретение, хранение, перевозку, пересылку, сбыт, переработку, нарушение правил (ст.ст. 228–228.4, 234, 234.1 УК РФ)	67 323	73 750	72 732	71 138	67 588
то же, за исключением ст. 228.1 УК РФ (без цели сбыта)	53 331	56 997	54 287	50 507	47 765
нарушения правил оборота (ст. 228.2 УК РФ)	1	2	5	2	1
хищение либо вымогательство (ст. 229 УК РФ)	41	31	32	35	37
склонение к потреблению (ст. 230 УК РФ)	80	76	88	85	112
незаконное культивирование запрещенных к возделыванию растений, содержащих наркотические вещества (ст. 231 УК РФ)	468	481	413	348	330
организацию или содержание притонов для потребления (ст. 232 УК РФ)	838	805	750	693	623
Из всех осужденных приговорено: к лишению свободы	25 305	28 137	29 620	30 292	29 064
условное осуждение к лишению свободы и иным мерам	24 612	25 904	24 325	20 950	18 654
к исправительным работам и штрафу	12 728	14 562	13 853	15 097	15 581
другим видам наказания 2	6 391	6 792	6 448	6 213	5 652

Из таблицы отчетливо видно, что количество осужденных за 2024 год снизилось до отметки 2020 года, не смотря на рост в 2021–2023 годах, однако хотелось бы заметить, что количество реальных приговоров выросло, а количество условно-осужденных снизилось за аналогичный период. Это свидетельствует об увеличении количества преступлений, за которые предусмотрены реальные сроки в связи с социальной опасностью.

Из-за высокой доступности наркотических средств и развития интернета, наркотические средства очень легко и быстро попадают в руки наркопотребителям. Также хотелось бы отметить, что первая проба наркотика происходит в молодежной среде. Это связано с особенностями психологии. По статистике вовлечение происходит в возрасте от 11–24 лет, так как именно эта группа наиболее восприимчива и уязвима перед наркотическими веществами [1, с. 20].

По результатам мониторинга наркоситуации в стране за 2024 год насчитывалось около 8 млн наркозависимых, что составляло 5,5% от всего населения страны. Так же с учетом протекания абстинентного синдрома было отмечено, что данные лица в среднем употребляют наркотики минимум два раза в день. Денежные средства на их приобретение наркоманы добывают либо распространением наркотика, либо совершая разного вида хищения [2, с. 11].

Государственная антинаркотическая политика России до 2030 г. выделяет проблемы, связанные с попытками дестабилизации действующей международной системы контроля за оборотом наркотиков, расширением глобального рынка наркотиков за счет легализации использования каннабиноидов в рекреационных целях, появлением новых форм преступной деятельности, обеспечивающих усиление конспирации каналов поставки и сбыта наркотиков и др. [5, с. 5]. В соответствии с этим были установлены ряд целей:

− развитие нормативно-правовой базы в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков

− повышение эффективности деятельности, направленной на пресечение контрабанды наркотиков через таможенную границу РФ;

− совершенствование противодействия организованной преступности; – борьба с легализацией преступных доходов от сбыта наркотиков;

− создание единого подхода к профилактике незаконного потребления наркотических средств;

− формирование у граждан антинаркотической идеологии на основе традиционных духовно-нравственных ценностей;

− повышение доступности и эффективности диагностирования и лечения заболеваний, передающихся инъекционным путем;

− совершенствование правового механизма диагностики, профилактических мероприятий, лечения, медицинской и социальной реабилитации наркопотребителей по решению суда;

− развитие системы ресоциализации и реабилитации наркопотребителей и т. д. [5, с. 2].

Если рассматривать борьбу с наркопреступлениями, то можно выделить два метода.

Репрессивный метод. В нём основная суть борьбы сводится к уголовному наказанию за совершённые преступления, которые квалифицируются как сбыт, хранение, употребление наркотиков и их синтез, а также выращивание наркосодержащих растений. Целью данного подхода является создание у наркопреступников нежелания продолжать данные преступления из-за страха быть наказанными, а у потенциальных наркоманов или лиц, которые находятся в группе риска, – формирование нетерпимости к наркотическим средствам, что в свою очередь предполагает снижение уровня наркопреступности.

Такой метод активно начинает применяться в государстве тогда, когда имеется момент критического роста наркомании.

К странам, в которых применяется репрессивный подход, можно отнести Китай.

За изготовление, сбыт и контрабанду в Китае предусмотрена смертная казнь. Это прописано в Уголовном кодексе КНР в статье 347. На февраль 2026 года в Китае, в городе Шэньчжэнь, провели смертную казнь четырём преступникам по преступлениям, связанным с продажей наркотиков.

Превентивный метод. Данный метод не предусматривает применение наказания, а направлен на предупреждение распространения наркомании и преступности, с ней связанной, благодаря устранению негативных причин и недопущению вовлечения людей в наркооборот. В данном методе охватывается как работа с обществом, так и работа в индивидуальном порядке.

Первичная профилактика – это комплекс превентивных мероприятий, направленных на предотвращение употребления психоактивных веществ.

Данная профилактика направлена на работу с лицами, которые ещё не успели познакомиться с действием наркотических веществ. Объектом данной меры является всё население, но особенно дети и подростки. В данную профилактику входит приобщение к труду, здоровому образу жизни, культурному развитию и, конечно же, антинаркотическая пропаганда. Проведение бесед и лекций в образовательных учреждениях является основой антинаркотического воспитания. Данные мероприятия должны проходить специально обученными

людьми для того, чтобы они не спровоцировали повышенный интерес к запрещённым веществам.

Задачи первичной профилактики.

1. Создание в школах антинаркотических взглядов.

2. Выявление групп, которые могут быть подвержены влиянию извне.

3. Проведение бесед с родителями с целью их информирования.

Вторичная профилактика ориентирована на работу с группой риска и лицами, начинающими употреблять наркотики. Цель вторичной профилактики – раннее выявление и оказание помощи начинающим наркоманам. В данной профилактике необходимо активно вовлекать квалифицированных врачей, психологов, педагогов. В некоторых случаях оправдано привлечение несовершеннолетних наркоманов, находящихся на стадии ремиссии.

Задачами вторичной профилактики являются следующие.

1. Работа с детьми групп риска (лечение, наблюдение).

2. Создание центров реабилитации с проведением в них тренингов, направленных на ресоциализацию в обществе.

3. Работа с родителями данной группы (лекционные и практические занятия, оказывающие профессиональную медико-психологическую и психотерапевтическую помощь нуждающимся родителям; создание групп взаимопомощи, обучение навыкам социально поддерживающего и развивающего поведения в семье и во взаимоотношениях с детьми).

Третичная профилактика – непосредственная помощь людям, страдающим от наркомании. Сюда можно отнести диагностические, лечебные и реабилитационные мероприятия. Её цель – остановить распад личности.

К задачам третичной профилактики относят.

1. Создание специальной оздоровительной среды.

2. Создание групп взаимопомощи.

3. Взаимодействие с группами «Анонимные алкоголики» и «Анонимные наркоманы» [3, с. 152].

Конечно же, данный метод не должен ограничиваться задачей правоохранительных структур. Сюда должны относиться и органы здравоохранения, социальной защиты, образования, волонтёры и общественные организации. Данный метод хорош ещё и тем, что в нём делается акцент на предупреждение совершения преступления, но предупреждение не начинается само по себе: необходима диагностика, медицинские осмотры.

В современном обществе интернет стал неотъемлемой частью нашей жизни. В нём мы учимся, работаем, находим знакомства и общение, продаём и покупаем различные товары и услуги. Интернет изменил мир, и вместе с ним изменилась и преступность. Она стала называться киберпреступностью. В настоящее время к преступлениям в интернете можно отнести различного рода мошенничества с денежными средствами, а также незаконный оборот наркотиков.

Если в 2017 г. ГУНК МВД России совместно с территориальными подразделениями выявлено 7 179 преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, для совершения которых преступниками использовались IT-технологии, то в 2018 г. – уже 18 918, а в 2019 г. – 24 155 преступлений указанной категории. За 2025 год число преступлений, связанных с незаконным оборотом в сети Интернет, достигло 109 000 [6].

Но борьба с данного рода преступлениями идёт и с помощью превентивного метода – путём ограничения, блокирования выхода через сеть «Интернет» на определённые сайты и мессенджеры, проведения бесед в учебных заведениях, ведь успешная профилактика – это снижение данного вида преступлений, а также снижение расходов на борьбу с ней!

Наркопреступность – это особый вид преступности, которая может проходить как в реальном, так и в виртуальном мире. Она не имеет границ, вовлекает в свою деятельность людей разного социального положения, разного возраста и пола. В связи с этим борьба с ней должна вестись двумя методами: репрессивным, вызывающим страх перед наказанием, и

превентивным, закрепляющим в сознании людей понимание того, что наркопреступность создаёт вред не только человеку, совершившему данный вид преступления, но и лицам, его окружающим.

Список литературы

1. Средства массовой информации в системе антинаркотических практик : учеб. пособие / М. А. Бережная [и др.]. – Санкт-Петербург : Филологический ф-т СПбГУ, 2011. – 145 с.

2. Иванов, В. П. О мобилизации и концентрации сил на борьбу с наркопреступностью и обеспечение антинаркотической безопасности России / В. П. Иванов // Наркология. – 2014. – № 2. – С. 100.

3. Коробина, З. В. Профилактика наркотической зависимости у детей и молодежи : учеб. пособие / З. В. Коробина. – Москва : Академия, 2010. – 192 с.

4. Щедрин, Н. В. Основы общей теории предупреждения преступности : учеб. пособие / Н. В. Щедрин. – Красноярск : Красноярский государственный университет, 1999. – 58 с.

5. О стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года : проект указа Президента РФ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 07.10.2026). – Текст : электронный.

6. Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2025 г // МВД России. – URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/77848182 (дата обращения: 07.10.2026). – Текст : электронный.

Зиганшина Индира Наилевна
студентка
УВО «Университет управления «ТИСБИ»
г. Казань, Республика Татарстан

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Аннотация: *статья посвящена судебной защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в Российской Федерации. В работе определены критерии разграничения подведомственности споров с участием предпринимателей арбитражным судам и судам общей юрисдикции; выявлены проблемы применения обеспечительных мер и досудебного (претензионного) порядка обжалования. Дана оценка соразмерности ограничений прав предпринимателей, вводимых органами государственного контроля (надзора). По результатам сформулированы предложения по совершенствованию процессуального законодательства и обоснована необходимость расширения судебного контроля за вмешательством публичной власти в предпринимательскую деятельность.*

Ключевые слова: *судебная защита, права предпринимателей, юридическое лицо, индивидуальный предприниматель, арбитражный суд, государственный контроль, досудебный порядок, обеспечительные меры, Конституционный Суд РФ.*

Стабильность имущественного оборота и надлежащее исполнение обязательств являются непременным условием осуществления предпринимательской деятельности. Конституция Российской Федерации закрепляет свободу экономической деятельности и равную защиту всех форм собственности (ч. 1, 2 ст. 8), право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской деятельности (ч. 1 ст. 34), неприкосновенность частной собственности (ч. 3 ст. 35), право на судебную защиту прав и свобод (ч. 1 ст. 46). Указанные конституционные гарантии приобретают для предпринимателей конкретное практическое содержание: ограничение действия лицензии, арест расчётных счётов или неисполнение платёжного обязательства способны приостановить деятельность хозяйствующего субъекта ещё до окончания спора.

Статья 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ) предусматривает признание права, восстановление положения, существовавшего до нарушения, пресечение незаконных действий, признание сделки недействительной, возмещение убытков и другие способы [2, ст. 12]. В предпринимательских спорах к ним добавляются оспаривание

решений органов власти, корпоративные требования, защита деловой репутации и обеспечительные меры.

Способ защиты должен соответствовать материально-правовому интересу, на защиту которого направлено исковое требование. Иск о признании права (в частности, права требования задолженности) не заменяет иска о взыскании денежных средств. Признание предписания органа государственного контроля (надзора) незаконным также не решает вопроса о возврате имущества, поскольку имущественные последствия требуют самостоятельного иска (например, виндикационного). По мнению Д. Н. Латытова, отсутствие целостной системы способов защиты осложняет выбор эффективного требования [18, с. 26]. Ошибка в выборе требования влечёт неблагоприятные процессуальные последствия. К примеру оставление заявления без рассмотрения (ст. 148 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту – АПК РФ), ст. 222 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГПК РФ)), необходимость предъявления нового иска с повторной уплатой государственной пошлины (гл. 25.3 Налогового Кодекса Российской Федерации), а также риск пропуска срока исковой давности (гл. 12 ГК РФ) или срока на обжалование. Изменение основания или предмета иска при этом допускается лишь в пределах, которые устанавливаются ст. 49 АПК РФ и ст. 39 ГПК РФ.

Дела по экономическим спорам, которые возникают между юридическими лицами и (или) индивидуальными предпринимателями и которые связаны с предпринимательской и иной экономической деятельностью, подведомственны арбитражным судам (ч. 1 ст. 27 АПК РФ). Компетенция судов общей юрисдикции охватывает гражданские дела, которые не носят экономического характера, в том числе споры с участием индивидуального предпринимателя, которые не связанные с его предпринимательской деятельностью.

На практике трудности возникают в четырёх типовых ситуациях. Во-первых, смешанный состав участников, где участие гражданина вместе с юридическим лицом (индивидуальным предпринимателем) выводит спор из юрисдикции ч. 1 ст. 27 АПК РФ. Во-вторых, прекращение статуса индивидуального предпринимателя, когда спор возникает из обязательств, который действовал в период деятельности юридического лица и требуется решение вопроса в суде. В-третьих, соединение требований различной подведомственности в одном заявлении. В-четвёртых, разграничение договора, который заключен в личных целях, и договора, который связан с предпринимательской деятельностью (критерий – цель использования имущества). А. А. Власов подчёркивает значение специальных правил арбитражного процесса для публичных, корпоративных и иных экономических споров [6, с. 38]. Ошибка в выборе суда влечёт пропуск срока исковой давности или срока обжалования, а также утрату обеспечительного эффекта. При оставлении заявления без рассмотрения суд разрешает судьбу ранее принятых мер, а за время повторного обращения ответчик может распорядиться активами.

В качестве совершенствования нами предлагается дополнить ст. 129 АПК РФ и ст. 135 ГПК РФ нормой, которая обяжет суд при возврате заявления указывать заявителю не только основание возврата, но и надлежащий процессуальный порядок. К примеру, подведомственный суд, способ устранения недостатка и срок, в течение которого заявление может быть предъявлено повторно. Данная обязанность не подменяет состязательность и не является консультацией по существу спора. Суд только указывает на процедуру, что соответствует принципу доступности правосудия (ст. 46 Конституции РФ).

Публичное вмешательство в бизнес требует отдельной судебной оценки. Споры возникают из-за предписаний, решений о привлечении к ответственности, результатов контрольных мероприятий и приостановления деятельности. Предприниматель защищает здесь не только имущество, но и возможность продолжать работу.

Федеральный закон от 31 июля 2020 г. №248-ФЗ «О государственном контроле (надзора) и муниципальном контроле в Российской Федерации» предусматривает обжалование решений, действий (бездействия) контрольного (надзорного) органа и его должностных лиц, в том числе в досудебном порядке – в вышестоящий орган (ст. 39–40 Закона). Досудебный порядок

обязателен только в случаях, которые прямо предусмотрены в данном законе. Для предпринимателя он является правом, а не непременным условием судебной защиты. Соразмерной досудебная стадия остаётся при совокупности условий. К примеру, спор не требует сложного доказывания, жалоба подлежит рассмотрению в короткий срок, а орган вправе самостоятельно отменить или изменить обжалуемое решение.

При рассмотрении спора о решении контрольного (надзорного) органа суд проверяет не только наличие полномочия, но и соблюдение процедуры контроля, достаточность доказательств нарушения обязательных требований и соразмерность вмешательства. Г. Б. Морозов рассматривает судебное обжалование публичных решений как необходимый элемент правового регулирования предпринимательской деятельности [9, с. 47]. Обязанность мотивировать решение сохраняется независимо от риск-ориентированного подхода. В силу изложенного досудебный порядок в случаях, когда он обязателен, должен сопровождаться коротким сроком рассмотрения жалобы, мотивированным решением по ней и доступом к оперативному судебному контролю, в том числе путём принятия мер по обеспечению административного иска.

В экономическом споре промедление может сделать решение бесполезным. Должник способен вывести активы, орган контроля исполнить спорное предписание, контрагент прекратить поставки. Обеспечительные меры в данном случает не вспомогательный институт, а процессуальная гарантия, которая обеспечивает реальность исполнения будущего судебного акта (ст. 90–92 АПК РФ).

Конституционный Суд РФ не пересматривает спор по существу. Он проверяет конституционность закона, который применен или подлежит применению в определенном деле. Судом формулируется правовая позиция. А. Э. Захарова связывает конституционную защиту предпринимателей с гарантиями свободы экономической деятельности, равенства, собственности и пределами публичного вмешательства [7, с. 21].

Ш. К. Рустамова обращает внимание на процессуальные сложности, длительный срок рассмотрения, а также ограниченный доступ предпринимателей к специализированной помощи [10, с. 426]. С целью минимизации проблем необходим понятный процессуальный порядок, разъяснение судом устранимых недостатков заявления и быстрый контроль за мерами, которые способны остановить работу бизнеса.

Таким образом, судебная защита прав предпринимателей представляет собой единый механизм. Она предусматривает доступ к суду, выбор способа защиты, временного обеспечения требований, рассмотрения дела и исполнения решения. Её эффективность зависит от способности процессуальных правил быстро остановить незаконное вмешательство в бизнес, а также обеспечить реальное восстановление нарушенного права.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.; : с изменениями, одобренными 1 июля 2020 г // Российская газета. – 1993. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/. – Текст : электронный.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая : Федеральный закон : от 30 ноября 1994 г. №51-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/. – Текст : электронный.

3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон : от 24 июля 2002 г. №95-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/. – Текст : электронный.

4. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации : Федеральный закон : от 31 июля 2020 г. №248-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/. – Текст : электронный.

5. Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации : Федеральный закон : от 7 мая 2013 г. №78-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_145997/. – Текст : электронный.

6. Власов, А. А. Арбитражный процесс : учебник. – 2-е изд., перераб. и доп / А. А. Власов. – Москва : Юрайт, 2024. – 337 с. – ISBN 978–5-534–17549–3.

7. Захарова, А. Э. Особенности защиты прав предпринимателей в Конституционном Суде Российской Федерации / А. Э. Захарова // Российская юстиция. – 2023. – № 3. – С. 18–23. – DOI 10.52433/01316761_2023_03_18.

8. Латыпов, Д. Н. Защита гражданских прав в Российской Федерации : монография / Д. Н. Латыпов. – Москва : Статут, 2023. – 248 с. – ISBN 978–5-8354–1950–0.

9. Морозов, Г. Б. Правовое регулирование предпринимательской деятельности : учебник и практикум для вузов. – 4-е изд., перераб. и доп / Г. Б. Морозов. – Москва : Юрайт, 2024. – 457 с. – ISBN 978–5-534–13130–7.

10. Рустамова, Ш. К. Судебная защита прав индивидуальных предпринимателей / Ш. К. Рустамова // Молодой учёный. – 2025. – № 46 (597). – С. 426–428.

Змиевский Дмитрий Валерьевич
канд. юрид. наук, заведующий кафедрой
Алексеева Ксения Альбертовна
студентка

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

СОЦИАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ АДВОКАТОВ: ПРОБЛЕМА МАТЕРИНСТВА И НЕТРУДОСПОСОБНОСТИ В УСЛОВИЯХ ОТСУТСТВИЯ ПОЛНОЦЕННОГО СТРАХОВАНИЯ

Аннотация: *в статье рассматривается вопрос социальной защищенности адвокатов, которые работают без заключения трудового договора. Изучение нормативно-правовой базы и официальных разъяснений показало, что данные специалисты не охвачены обязательным социальным страхованием на случай болезни и материнства, а могут лишь добровольно в него вступать. Авторы доказывают наличие гендерного дисбаланса в действующем регулировании: в период беременности и родов женщины-адвокаты вынуждены выбирать между приостановлением адвокатского статуса (что ведет к потере заработка и профессиональных позиций) и продолжением практики в ущерб семейным обязанностям. В работе аргументирована необходимость обязательного включения адвокатов в систему соцстраха или внедрения внутренних корпоративных гарантий. Методология включает формально-юридический, сравнительно-правовой подходы, а также анализ документов ФПА РФ и СФР.*

Ключевые слова: *институт адвокатуры, социальные гарантии, материнство, нетрудоспособность, добровольное страхование, приостановление статуса.*

Правовое положение российских адвокатов носит противоречивый характер. С одной стороны, выполняя публично-правовые функции, адвокатура не является бизнесом, но и не относится к государственным органам. С другой – индивидуально практикующие адвокаты в социальном плане приравнены к самозанятым и лишены обязательного государственного страхования на случай болезни или материнства.

Это порождает правовой дисбаланс: в отличие от судей и прокуроров, чья публичная деятельность полностью застрахована государством, адвокаты вынуждены полагаться на добровольные взносы, не гарантирующие соразмерную компенсацию расходов.

Наиболее остро эта проблема стоит в сфере материнства. Женщины-адвокаты во время беременности фактически лишены свободного выбора: им приходится либо приостанавливать работу и оставаться без средств к существованию, либо продолжать практику в ущерб здоровью. Цель данной работы – проанализировать социально-правовые последствия такого пробела в страховании и доказать необходимость реформ.

Согласно Федеральному закону от 31.05.2002 №63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», адвокат является независимым профессиональным

советником по правовым вопросам. Он не вправе заниматься предпринимательской деятельностью, а его статус подтверждается членством в адвокатской палате.

В учебной литературе подчёркивается, что независимость адвоката не должна означать его социальной незащищённости. Однако действующее регулирование не в полной мере обеспечивает реализацию этого принципа. Адвокаты уплачивают взносы на обязательное пенсионное страхование, однако взносы на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством для них не являются обязательными.

Как разъясняет Федеральная палата адвокатов РФ, институт обязательного социального страхования на адвокатов распространяется только на добровольной основе – реформа Социального фонда этот порядок не затронула. Соответственно, рассчитывать на пособия за счет СФР адвокаты могут лишь тогда, когда заблаговременно и добровольно вступили в соответствующие правоотношения.

Адвокаты имеют право на добровольное социальное страхование (ФЗ №255), что позволяет им получать пособия по болезни, беременности и уходу за ребенком. Однако этот механизм имеет существенные недостатки.

1. Отложенный эффект: право на выплаты появляется только на следующий год после внесения взносов. «Застраховаться задним числом» при наступлении страхового случая невозможно – взносы за текущий год нужно внести до конца предыдущего.

2. Минимальные выплаты: размер взносов и, как следствие, пособий привязан к МРОТ. Для адвокатов с высоким доходом такие выплаты не покрывают реальных финансовых потерь.

3. Ограниченность защиты: добровольное страхование для самозанятых лиц значительно уступает по эффективности обязательному страхованию наемных работников, являясь скорее формальной возможностью, чем полноценной социальной гарантией.

Проанализируем, как может поступить женщина-адвокат в случае беременности. Возможны три основных варианта, но ни один из них не является оптимальным.

1. Приостановление статуса. Согласно Закону об адвокатуре, это возможно по личным причинам. При этом новый регламент СФР связывает выплату пособий именно с прекращением (а не приостановлением) статуса. Из-за этого адвокат теряет право на работу и доход, а если она не участвовала в добровольном страховании – остается и без пособия. Такая финансовая уязвимость в период декрета противоречит идее социального государства.

2. Продолжение работы. Можно практиковать до самых родов и сразу после них, но это опасно для здоровья и не позволяет нормально ухаживать за ребенком. К тому же пособие по беременности и родам не выплачивается, так как для него нужно уйти в официальный отпуск. В итоге женщина либо работает на пределе возможностей, оставаясь без поддержки, либо теряет заработок.

3. Добровольное страхование. Если заранее (до 31 декабря прошлого года) встать на учет в СФР и уплатить взнос, право на пособие появляется. Однако его размер рассчитывается исходя из МРОТ и не покрывает реальных доходов. Кроме того, требование планировать беременность за год вперед физиологически и жизненно нереалистично.

Вывод: ни один сценарий не защищает репродуктивные права адвоката одновременно с ее профессиональным статусом и доходом. Материнство и карьера в данной ситуации фактически исключают друг друга.

Похожие трудности возникают у адвокатов и в периоды временной нетрудоспособности. Из-за специфики профессии – постоянного стресса, ненормированного графика и частых командировок – риски заболеть или получить травму весьма высоки, что сразу ведет к потере заработка.

Поскольку обязательное страхование на этот случай для адвокатов не предусмотрено, все финансовые риски они берут на себя. Как и в ситуации с материнством, право на выплату появляется только при условии предварительной уплаты добровольных взносов. Если

адвокат, много лет работавший без больничных, внезапно заболеет, не успев застраховаться, он не получит никакой компенсации.

Чтобы оценить масштаб проблемы, полезно сравнить адвокатов с другими специалистами, выполняющими публичные функции. Так, прокуроры и судьи как государственные служащие охвачены обязательным соцстрахованием. Им гарантированы больничные и декретные выплаты, которые рассчитываются из их реального заработка, а не из МРОТ.

В то же время частнопрактикующие нотариусы, как и адвокаты, страховые взносы платят добровольно. В результате адвокаты и нотариусы социально защищены гораздо хуже судей и прокуроров, что нарушает конституционный принцип равенства (статья 19 Конституции РФ).

Для устранения обнаруженных пробелов необходим комплекс мер.

1. Интеграция в государственное страхование. Следует включить адвокатов в систему обязательного соцстрахования (на случай болезни и материнства), внеся поправки в ФЗ №255-ФЗ и Налоговый кодекс. При этом размер взносов должен зависеть от заработка адвоката.

2. Создание корпоративных фондов. При Федеральной и региональных палатах адвокатов целесообразно учредить специальные фонды. Они будут наполняться за счет самих адвокатов и позволят производить дополнительные выплаты по больничным и в связи с материнством поверх государственных пособий.

3. Модернизация добровольного страхования (СЖР). Нужно сделать его более доступным: уменьшить срок ожидания выплат после начала уплаты взносов (например, разрешить доплачивать взнос при наступлении страхового случая) и привязать размер пособий к реальным доходам, отказавшись от привязки к МРОТ.

4. Правовые гарантии для женщин-адвокатов. На законодательном уровне следует закрепить право не приостанавливать адвокатский статус в период декретного отпуска, сохранив членство в палате при условии уплаты минимальных взносов.

Отсутствие у адвокатов полноценного механизма социального страхования обусловливает наличие системной проблемы, наиболее остро проявляющейся в случаях материнства и временной нетрудоспособности. В подобных ситуациях женщина-адвокат фактически оказывается в условиях вынужденного выбора: приостановление статуса влечёт утрату дохода, продолжение профессиональной деятельности может негативно сказаться на состоянии здоровья и реализации материнских функций, а добровольное страхование, даже при его использовании, не обеспечивает адекватного замещения утраченного заработка и требует заблаговременного принятия решения, что не всегда соотносится с объективными жизненными обстоятельствами.

Проведённый анализ свидетельствует о том, что действующее правовое регулирование не в полной мере соответствует конституционным принципам социального государства, закреплённым в статье 7 Конституции Российской Федерации, а также принципу равенства, установленному статьей 19 Конституции Российской Федерации. Учитывая публично-правовую значимость адвокатской деятельности, адвокаты должны обладать системой социальных гарантий, сопоставимой с гарантиями, предоставляемыми иным лицам, осуществляющим публично значимые функции.

Устранение выявленной проблемы требует комплексного совершенствования законодательства об адвокатуре и обязательном социальном страховании. Наиболее эффективным представляется включение адвокатов в систему обязательного социального страхования на общих либо специальных условиях, учитывающих особенности их профессионального статуса. Несмотря на неизбежное увеличение финансовой нагрузки, данная мера будет оправдана с точки зрения обеспечения реальной социальной защищённости адвокатов и укрепления доверия к институту адвокатуры как публично значимому правовому институту. В качестве переходного механизма возможно развитие корпоративных форм поддержки, а также

совершенствование правового регулирования добровольного социального страхования адвокатов.

Список литературы

1. Трудовое право : учебник для вузов / под ред. В. Л. Гейхмана. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2024. – 414 с.
2. Адвокатура и адвокатская деятельность : учебник для вузов / под ред. А. А. Клишина, А. А. Шугаева. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Юрайт, 2024. – 604 с.
3. Самозанятым // Социальный фонд России. – 2026. – 18 окт. – URL: https://sfr.gov.ru/branches/moscow/info/~2026/10/19/14869 (дата обращения: 21.10.2026). – Текст : электронный.
4. Что нового в социальном страховании адвокатов: добровольное страхование, регламент Социального фонда России и реальные размеры выплат // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. – 2025. – 24 дек. – URL: https://fparf.ru/practical-information/social-security-lawyers/chto-novogo-v-sotsialnom-strakhovanii-advokatov-dobrovolnoe-strakhovanie-reglament-sotsialnogo-fonda/ (дата обращения: 21.10.2026). – Текст : электронный.

Змиевский Дмитрий Валерьевич
канд. юрид. наук, заведующий кафедрой
Никитин Александр Андреевич
студент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА АДВОКАТА НА СБОР ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПОСРЕДСТВОМ АДВОКАТСКОГО ЗАПРОСА

Аннотация: *в статье исследуются проблемы использования адвокатского запроса при сборе доказательственной информации. Анализируются сроки ответа, формальные отказы адресатов и порядок последующего приобщения полученных материалов. Использованы формально-юридический и системный методы. Предлагаются меры по дифференциации сроков ответа, развитию электронного взаимодействия и усилению процессуальных гарантий защиты.*

Ключевые слова: *адвокат, адвокатский запрос, сбор доказательств, доказывание, защита, состязательность, информация ограниченного доступа, уголовное судопроизводство.*

Право на квалифицированную юридическую помощь включает не только участие адвоката в судебном заседании, но и возможность получать сведения, необходимые для полного обеспечения позиции доверителя. К таким сведениям, как правило, относятся документы, записи камер видеонаблюдения, характеристики, данные о работе и состоянии здоровья. В силу всего перечисленного адвокатский запрос следует рассматривать как отдельный самостоятельный инструмент получения материалов, без которых позиция защиты не может быть последовательной и устойчивой.

Практическая проблема реализации механизма адвокатского запроса состоит, в первую очередь, в разрыве между правом получать сведения и реальной возможностью использовать их в деле, Закона допускает направление запроса, но должным образом не гарантирует достаточно быстрого ответа и последующей необходимой фиксации документа для дальнейшего приобщения к материалам. В уголовном процессе такая задержка имеет критическое значение: запись может быть уничтожена, свидетель – в силу определённых причин стать недоступным, а срок хранения электронных данных – истечь.

Согласно подп. 1 п. 3 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. №63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат вправе собирать сведения,

необходимые для оказания юридической помощи, в том числе запрашивать справки, характеристики и иные документы у органов власти, общественных объединений и иных организаций. Статья 6.1 этого же закона определяет адвокатский запрос как официальное обращение по вопросам входящим в компетенцию адресата. При этом форма и порядок направления запроса конкретизированы приказом Минюста России от 14 декабря 2016 г. №288. Общий срок ответа на адвокатский запрос составляет тридцать дней со дня его получения; при необходимости он может быть продлён ещё на тридцать дней.

Первый недостаток, который выявляется при анализе практического применения запроса, связан со сроком ответа, который не соотносится с динамикой доказывания. В уголовном деле адвокату могут потребоваться сведения, подтверждающие алиби, данные о трудоустройстве, видеозаписи или медицинские документы.

Если ответ, по существу, поступает через один-два месяца, информация может утратить своё значение, став несвоевременной и малоприменимой, а её отсутствие в важный момент далеко не всегда возможно компенсировать посредством дальнейшего судебного запроса уже на стадии судебного разбирательства. Особенно показательны ситуации с видеозаписями камер наблюдения. Даже правильно оформленный запрос не гарантирует сохранения записи до момента ответа, поскольку, как показывает практика, сроки хранения таких записей на носителях (в особенности у коммерческих организаций) редко составляют более двух недель. В таких случаях фактически право на запрос существует исключительно формально и не обеспечивает сохранность доказательства, которое может иметь решающее значение в построении позиции защиты.

Ввиду указанного целесообразным выглядит предусмотреть в законодательстве возможность требовать немедленного сохранения такой информации и установить ускоренный срок для материалов с ограниченным периодом хранения. Что касается гражданского и административного процессов, задержка ответа осложняет соблюдение сроков представления доказательств. Сторона вынуждена обращаться с ходатайством об истребовании документов, хотя первоначально рассчитывала получить их во внесудебном порядке.

Тем самым, адвокатский запрос не всегда обеспечивает процессуальную экономию, проявляет себя как неповоротливый и малоэффективный механизм получения сведений.

В этом свете рациональным кажется применение следующих мер: для обычных документов сохранить общий срок, а для сведений с ограниченным сроком хранения установить ускоренный порядок, что позволит учитывать реальные возможности адресата и снизит риск утраты значимой информации.

Следующая проблема связана с конфиденциальностью сведений. Закон допускает отказ на запрос, если информация относится к охраняемой им тайне, если запрос оформлен с нарушениями либо в случаях, когда адресат не располагает сведениями. В теории такой подход вполне оправдан, но при практическом применении часто используется как удобное основание для отказа, без учёта реальных намерений и необходимостей адвоката при направлении конкретного запроса. В этом ключе решающее значение имеет позиция Конституционного суда РФ, который указал, что в случаях, когда запрос направлен на получение персональных данных третьих лиц, должен применяться механизм истребования доказательств в судебном порядке с помощью властных полномочий суда [1], но, как уже упоминалось, это может повлечь снижение эффективности позиции защиты в силу несвоевременного получения необходимых сведений.

Комплексной проблемой остаётся также вопрос придания доказательственного значения сведениям, полученным из адвокатского запроса [2]. Адвокат не в силах сам закрепить статус полученных сведений, поскольку один лишь факт их получения еще не влечёт их автоматической фиксации как доказательств [3]. В такой ситуации ходатайства о приобщении к материалам дела часто сопровождаются отказами по критериям относимости, при этом в мотивировочной части ответных властных актов приводится недостаточно полная мотивировка, нередко указанная чисто формально. Решение такого казуса лежит в применении более

жёстких требований к доводам, которыми мотивируются как отказы, так и удовлетворения ходатайств о приобщении доказательств к материалам дела.

Современные реалии и темпы жизни в эпоху цифровизации диктуют новые условия обмена данными, в которых и выявляется ещё одна практическая проблема использования адвокатского запроса: ограниченность электронного документооборота. Электронная форма запроса по закону является возможной, но только при условии наличия у получателя технической возможности получить его именно в этой форме. Решение данной проблемы кроется в создании единой электронной системы (или отдельной программы в рамках уже существующих систем), которая позволила бы осуществлять обмен данными в цифровом виде, направлять запросы и получать ответы в безопасной среде с надёжной фиксацией.

Таким образом, адвокатский запрос хоть и остаётся применимым, но является всё ещё недостаточно обеспеченным инструментом адвоката. Приведённые в статье предложения должны устранить текущие недостатки и несовершенства этого механизма.

В этой связи соответствующие изменения в законодательство об адвокатуре представляются весьма своевременными.

Список литературы

1. Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2011 г. №1063-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Багадурова М. М.» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120555/ (дата обращения: 21.10.2026). – Текст : электронный.

2. Месропова, Э. Р. Участие адвоката в собирании доказательств / Э. Р. Месропова // Фемида.Science. – 2024. – № 2. – С. 111–118. – URL: https://journals.rcsi.science/2414–5750/article/download/364645/338097 (дата обращения: 05.10.2026). – Текст : электронный.

3. Проблемы ограниченности возможностей адвокатского расследования в интересах подзащитного в России // International Research Journal. – 2023. – № 11 (137). – URL: https://research-journal.org/archive/11–137–2023-november/10.23670/IRJ.2023.137.153 (дата обращения: 05.10.2026). – Текст : электронный.

4. Горбачёв, С. А. Участие защитника в собирании доказательств на стадии досудебного производства: пределы ст. 86 УПК РФ и механизмы «легализации» материалов защиты / С. А. Горбачёв. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-zaschitnika-v-sobiranii-dokazatelstv-na-stadii-dosudebnogo-proizvodstva-predely-st-86-upk-rf-i-mehanizmy-legalizatsii (дата обращения: 08.10.2026). – Текст : электронный.

5. Руднева, Н. И. Адвокатский запрос как инструмент сбора доказательств: практика применения и правовые ограничения / Н. И. Руднева, А. И. Ляхова // Публично-правовые (государственно-правовые) науки. – 2025. – № 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/advokatskiy-zapros-kak-instrument-sbora-dokazatelstv-praktika-primeneniya-i-pravovye-ogranicheniya (дата обращения: 08.10.2026). – Текст : электронный.

Иванова Дарья Александровна
студентка
Медведев Владимир Александрович
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ПОРЯДОК И ОСОБЕННОСТИ СДАЧИ КВАЛИФИКАЦИОННОГО ЭКЗАМЕНА ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ СТАТУСА АДВОКАТА

Аннотация: *в статье рассматривается совокупности аспектов, касающихся процесса прохождения аттестации для получения статуса адвоката на территории России. Исследуется законодательная основа, определяющая правила допуска кандидатов к испытаниям, формат экзаменационных заданий, методики оценки компетенций, а также нюансы оспаривания итогов. Особый акцент делается на нововведениях, вступивших в силу с 20 октября 2024 года, обусловленных изданием приказа Минюста России №297. Представлены статистические показатели, демонстрирующие результаты экзаменационной кампании в разных регионах страны. В заключение отмечается, что институт квалификационных испытаний, несмотря на тенденции к формализации и внедрению цифровых технологий, продолжает выполнять функцию главного барьера, гарантирующего доступ к юридической практике лишь тем, кто обладает соответствующими профессиональными навыками.*

Ключевые слова: *адвокатура, квалификационный экзамен, статус адвоката, квалификационная комиссия, тестирование, устное собеседование, Федеральная палата адвокатов.*

Для того чтобы претендовать на статус адвоката, согласно третьему пункту девятой статьи Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», необходимо успешно пройти аттестацию. Порядок проведения данного экзамена, предназначенного для обретения адвокатского статуса, первоначально был утвержден Советом Федеральной палаты адвокатов двадцать пятого апреля 2003 года, в соответствии с положениями одиннадцатой статьи упомянутого закона.

Сегодня получение статуса адвоката немыслимо без успешной сдачи аттестационного испытания. Впервые информация об этом испытании была зафиксирована в Федеральном законе №63-ФЗ от 31 мая 2002 года, регулирующем адвокатскую деятельность и адвокатуру. В указанном законодательном акте была выделена статья 11, получившая название «Квалификационный экзамен». Данная статья устанавливает обязательность прохождения экзамена для кандидатов и регламентирует его структуру, включающую письменное тестирование и устное обсуждение. Процесс принятия закона начался с одобрения Государственной Думой Федерального Собрания РФ 26.04.2002 года, затем был утвержден Советом Федерации 15.05.2022 г., и окончательно подписан Президентом РФ 31.05.2002.

Чтобы претендовать на присвоение адвокатского статуса, кандидату необходимо выполнить ряд обязательных условий, установленных законодательством, не только успешно сдать аттестационный экзамен, но и пройти процесс получения допуска. В рамках этой процедуры Комиссия по допуску тщательно оценивает, отвечает ли кандидат всем установленным требованиям. Как предписывает Федеральный закон №63-ФЗ, а именно его статья 63, претендовать на звание адвоката может лицо, имеющее высшее юридическое образование, приобретенное в рамках аккредитованной образовательной программы, или же обладающее ученой степенью по направлению «юриспруденция». Важным условием также является наличие профессионального опыта в юридической сфере продолжительностью не менее двух лет, либо успешное завершение предусмотренной законом стажировки в адвокатском образовании.

Круг периодов, которые засчитываются в юридический стаж, определяется Комиссией. В этот перечень входит, к примеру, работа в качестве судьи, прокурорского работника,

следователя, нотариуса, а также должности, для занятия которых требуется юридическое образование, в государственных или муниципальных учреждениях, и деятельность в юридических службах коммерческих организаций. Следует отметить, что в 2024 году были ужесточены требования к стажу, установив обязательный двухлетний опыт работы в сфере юриспруденции для получения статуса адвоката.

Для того чтобы претенденту было разрешено пройти аттестационный экзамен, ему следует подать в соответствующую территориальную адвокатскую палату полный пакет документов. Этот пакет включает в себя: собственноручно подписанное заявление (в электронной или бумажной форме), удостоверение личности, заполненный опросный лист, документы, свидетельствующие о наличии профессионального опыта работы по юридической специальности (например, выписку из трудовой книжки или ее оригинал), документ об окончании высшего учебного заведения по соответствующему направлению, а также справки от специалистов психоневрологического и наркологического профилей. Необходимо помнить, что аттестационная комиссия имеет полномочия начать проверку подлинности представленной информации, что потенциально может привести к задержке в рассмотрении поданного заявления.

Заявка рассматривается, и решение о допуске к аттестации принимается в пределах тридцати дней после ее подачи. Уведомление кандидата о времени и месте испытания направляется минимум за десять дней до назначенной даты.

В соответствии с нормативным актом, утвержденным Министерством юстиции РФ (приказ №297), аттестация проводится в течение месяца с момента вынесения положительного решения о допуске. Общий период от момента подачи документов до проведения аттестации не может превышать трех календарных месяцев. Установленный временной интервал призван гарантировать как тщательную проверку представленных материалов, так и своевременность всего процесса.Организацией экзамена руководит председатель квалификационной комиссии. Экзамен включает письменное тестирование и устное собеседование, которые могут проходить в разные дни.

Тестирование проводится с использованием автоматизированной системы для анонимной проверки, что исключает субъективизм, ускоряет обработку результатов и повышает информационную безопасность. Задание состоит из 90 вопросов, на выполнение которых дается 60 минут (120 минут для слабовидящих). Во время тестирования запрещено использование электронных устройств, справочных материалов и общение с другими кандидатами.

Для успешного прохождения тестирования необходимо правильно ответить на 80% вопросов (должно быть 88 правильных ответов). Это требование обусловлено проверкой базовых знаний.

К устному собеседованию допускаются только успешно прошедшие тестирование кандидаты.

Устное собеседование является более глубокой формой проверки. Кандидат выбирает билет и готовится к ответу в отведенное время, что гарантирует равные условия. В отличие от тестирования, при устном собеседовании разрешено использовать кодексы и сборники нормативных актов.

Экзаменационные билеты формируются на основе перечня вопросов, утвержденного Советом ФПА, охватывающих полномочия и обязанности адвоката.

По результатам аттестации специальный орган выносит постановление, которое фиксируется в соответствующем документе. Успешное прохождение проверки открывает возможность для получения статуса адвоката. Однако само назначение на эту должность осуществляется согласно законодательным нормам.

В случае неудачи, повторное заявление можно подать не ранее чем через год. Сведения о не сдавших экзамен включаются в ЕГР адвокатов.

В случае несогласия с итогами, претенденты имеют право оспорить принятое решение. Если было принято решение об отказе в допуске к следующему этапу или получен

неудовлетворительный результат тестирования, предоставляется заверенная копия протокола, содержащая обоснование такого решения, с которым можно обратиться в судебные инстанции.

По статистике ФПА, в 2023–2024 годах около 70% допущенных кандидатов успешно сдают квалификационный экзамен, приобретая статус адвоката.

Квалификационный экзамен является главным фильтром, определяющим профессиональный состав адвокатуры. Он состоит из двух частей: тестирования и устного ответа, регламентируемых законодательством РФ и актами профильных ведомств. Хотя средний показатель успешной сдачи колеблется в пределах 60–70%, текущий формат экзамена вызывает вопросы. В частности, критике подвергается чрезмерная формализация процесса, отсутствие должных условий для лиц с ОВЗ и разрозненность подходов к оценке знаний. Модернизация института должна идти по пути цифровизации, совершенствования апелляционных процедур и выработки четких критериев оценки. В конечном итоге, экзамен должен стать инструментом отбора кандидатов, обладающих высоким уровнем правосознания и профессиональной готовностью к выполнению адвокатских функций.

Список литературы

1. Аверина, А. Ю. Некоторые перспективы создания института адвокатской монополии / А. Ю. Аверина // Образование и право. – 2011. – № 6. – С. 200–205.

Иванова Елена Витальевна
канд. юрид. наук, декан
Заводиленко Любовь Евгеньевна
студентка

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

АДВОКАТСКАЯ МОНОПОЛИЯ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ СУДЕБНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: *в статье рассматриваются проблемы введения преимущественного судебного представительства адвокатами в арбитражном процессе. Анализируются действующий образовательный ценз, проект Минюста России, правовые позиции Конституционного Суда РФ и разъяснения Верховного Суда РФ. Использованы формально-юридический и системный методы. Сделан вывод о необходимости разграничивать профессионализацию и обязательную адвокатизацию судебного представительства. Предлагается дифференцированный подход, основанный на проверяемой квалификации и профессиональной ответственности представителя.*

Ключевые слова: *адвокатура, адвокатская монополия, арбитражный процесс, судебное представительство, профессионализация, квалифицированная юридическая помощь.*

Минюст России представил проект федерального закона о профессионализации судебного представительства, базируясь на адвокатуре, и вопрос об «адвокатской монополии» повторно вышел на первый план. Соответствующие изменения еще не стали частью действующего процессуального законодательства – по состоянию на октябрь 2026 года. Все же реформа продолжает активно дебатироваться в профессиональном сообществе и оставаться одним из актуальных векторов развития тенденций современной адвокатуры [1; 9]. Долгие годы в арбитражном процессе складывался рынок внешних юридических консультантов, специализированных фирм и узкопрофильных организаций. Среди них – значительная часть работает без адвокатского статуса.

Термин «адвокатская монополия» в рамках проекта условен. Предложенная модель не накладывает запрет на ведение гражданином своего дело лично. Также модель сохраняет ряд исключений, например для штатных юристов организаций, арбитражных управляющих и патентных поверенных [9]. Здесь скорее про то, что репрезентант обязан будет иметь статус адвоката. Поэтому основной вопрос не в том, нужен ли профессиональный представитель вообще. А в том, подтверждается ли профессионализм только через членство в адвокатской корпорации.

Сегодня уже содержится квалификационный барьер в арбитражном процессе. В силу ч. 3 ст. 59 АПК РФ представителями граждан, индивидуальных предпринимателей и организаций могут выступать адвокаты и иные лица, оказывающие юридическую помощь. Это лица, имеющие высшее юридическое образование или ученую степень по юридической специальности. Такое требование к образованию ввелось Федеральным законом от 28 ноября 2018 г. №451-ФЗ. Верховный Суд РФ связывает образовательный ценз с процессуальными действиями профессионального характера [7]. Получается, переход от образовательного ценза к специальному профессиональному статусу – это и есть предполагаемая реформа.

Вполне ясны и аргументы приверженцев такого перехода. Данный закон связывает статус адвоката не столько с образованием, сколько с квалификационным экзаменом. Статус адвоката означает соблюдение адвокатской тайны, придерживание правил профессиональной этики, обязанности постоянного повышения квалификации и, конечно, сохранение дисциплинарной ответственности. Подобных единых корпоративных обязанностей не несет обычный частнопрактикующий юрист. И для доверителя это является особо важным в таких разбирательствах, где представитель будет получать доступ к сведениям о всей протекающей внутренней деятельности его компании. Возможно, это будет так или иначе касаться и ее договоров, и налоговой позиции, и корпоративного конфликта. Если рассуждать в этом направлении, то идея единых регламентов для судебных представителей действительно имеет под собой подкрепленные факты.

Формальный статус – это не ограничение для специфической природы арбитражного процесса. Стороны экономических споров – это и организации, и предприниматели, и публичные органы, а также другие контрагенты. Такие стороны, оценивая опыт, специализацию и судебную практику, часто привлекают независимых аутсорсеров. Узкая специализация такого представителя играет не меньшую роль, чем общий статус в сложных спорах. А.П. Кузнецов оправданно связывает качество юридической помощи с реальными механизмами профессиональной ответственности, а не только с тем, что формально требуют для допуска [3, с. 233–234].

Главный правовой стандарт для критики реформы – Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2004 г. №15-П. На тот период ч. 5 ст. 59 АПК РФ разрешала допускать представителями организаций руководителей и штатных работников, или же адвокатов. Было запрещено представлять организацию внешнему юристу без адвокатского статуса. Конституционный Суд, указав, что выбранный критерий законодателем «не отвечает принципам соразмерности и справедливости», признал это ограничение неконституционным [5]. На наш взгляд, вполне вероятно, что Конституционный Суд допускает возможность устанавливать требования к судебным представителям. Но обозначает пределы таких ограничений. И мало просто ссылаться только на качество оказываемой юристом помощи, чтобы обосновать адвокатскую монополию. От законодателя требуется разъяснения, почему наличие адвокатского статуса – обязательное условие допуска представителя извне. Ведь его квалификация уже подтверждается практическим опытом и высшим юридическим образованием. Этот вопрос именно принципиальный для оценки новой реформы с важнейшей позиции конституционных гарантий равенства и права на судебную защиту [5].

В 2020 г. Конституционный Суд вновь обращается к ст. 59 АПК РФ. В Постановлении №37-П признает допустимым участие в деле вместе с профессиональным представителем лица без юридического образования. Только если такое лицо как-то связано с организацией

и владеет вопросом по существу спорных отношений [6]. Профессионализм и компетентность участника процесса это не только про общее юридическое образование – такова позиция сути экономического правосудия. Хорошее и глубокое понимание бухгалтерии, понимание технологии производства, а также финансовой модели в конкретном рынке – вот, что может иногда потребоваться для правильного ведения дела.

Если говорить про доступность судебной защиты, то нельзя рассматривать этот вопрос отдельно от экономических реакций на принимаемые меры. Потому что возможность обратиться к независимому специалисту малым компаниям будет удобнее, чем содержать собственный юридический отдел.

Полагаем, что стремление повысить профессиональный уровень судебных представителей – это совсем не главная проблема. Проблема в выборе способа достижения цели. Конечно, адвокатский статус это про дополнительные профессиональные обязанности, механизмы ответственности и контроля. Но спорно, что только в рамках адвокатуры могут обеспечиваться соответствующие гарантии.

Создание самостоятельной функциональной деятельности по допуску судебных профессиональных представителей, не имеющих адвокатского статуса, должно выступить хорошей альтернативой. Механизм должен отвечать за подтверждение юридического образования совместно с практическим опытом. Допустим, в нем можно было бы включать юриста в публичный реестр и устанавливать требования к личной профессиональной ответственности. Также необходим орган, отвечающий за контроль требований и для рассмотрения жалоб на определенных представителей. Если не будет контроля, то введение реестра превратиться в очередную формальную обязанность.

Подобная модель нуждается в самостоятельном законодательном регулировании. В оценке профпригодности без удаления компетентных юристов из процесса будет заключаться преимущество данной модели.

Для адвокатской монополии важно сохранять: доступность получения статуса, адекватность затрат юриста, независимость дисциплины и, соответственно, подконтрольность. Определенная независимость дисциплины становилась предметом критики Федеральной палаты адвокатов при обсуждении законопроекта [8].

Стало быть, обоснованное направление вектора развития процессуального законодательства выразилось в профессионализации судебного представительства в арбитражном процессе. Содержание предполагаемой реформы не должно менять образовательный ценз ценой введения обязательного адвокатского статуса. Конституционный Суд РФ требует брать во внимание свободу выбора такого представителя, соразмерность ограничений и, прежде всего, юридическое равенство. Адвокатский статус правда обещает доверителю дополнительные усиленные гарантии. Однако, нужно понимать, что риск таких преимуществ может быть сопоставлен с риском сокращения конкуренции между работниками отрасли и вытеснения квалифицированных юристов только по формальному признаку.

Список литературы

1. В ФПА РФ обсудили актуальные задачи адвокатуры на Дальнем Востоке // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. – 2026. – 8 окт. – URL: https://fparf.ru/news/fpa/v-fpa-rf-obsudili-aktualnye-zadachi-advokatury-na-dalnem-vostoke/ (дата обращения: 12.10.2026). – Текст : электронный.

2. Жадяева, М. А. Реформа судебного представительства: над чем следует задуматься? / М. А. Жадяева // Адвокатская практика. – 2026. – № 3. – С. 45–49.

3. Кузнецов, А. П. Эволюция института представительства в арбитражном процессе / А. П. Кузнецов // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 5. – С. 232–234.

4. Максим Бесхмельницын: судебным представителям нужна профессиональная основа // Министерство юстиции Российской Федерации. – URL: https://www.minjust.gov.ru/ru/events/50845/ (дата обращения: 12.10.2026). – Текст : электронный.

5. По делу о проверке конституционности части 5 статьи 59 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации…: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2004 г. №15-П.

6. По делу о проверке конституционности части 3 статьи 59, части 4 статьи 61 и части 4 статьи 63 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации…: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2020 г. №37-П.

7. О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 дек. 2021 г. №46.

8. Принята позиция по законопроекту о судебном представительстве // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. – 2025. – URL: https://fparf.ru/news/fpa/prinyata-pozitsiya-po-zakonoproektu-o-sudebnom-predstavitelstve/ (дата обращения: 12.10.2026). – Текст : электронный.

9. Разработан законопроект, направленный на развитие адвокатуры и профессионализацию на ее основе судебного представительства // Министерство юстиции Российской Федерации. – URL: https://minjust.gov.ru/ru/events/50801/ (дата обращения: 12.10.2026). – Текст : электронный.

10. Сергеева, А. А. Предпосылки и спорные аспекты развития института судебного представительства на базе адвокатуры / А. А. Сергеева // Российский научный вестник. – 2026. – № 5. – С. 192–202.

Иванова Елена Витальевна
канд. юрид. наук, декан
Ильина Анна Николаевна
студентка

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ПРОФЕССИЮ АДВОКАТА: ИЗМЕНЕНИЯ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ IT-РЕШЕНИЙ

Аннотация: *в исследовании анализируется изучение технологий искусственного интеллекта и его влияние на адвокатскую деятельность и оказание юридических услуг. В центре внимания – поиск оптимального сочетания роста эффективности и расширения доступности адвокатских услуг с необходимостью поддерживать высокий уровень ответственности и сохранять доверительные отношения с клиентами. В ходе анализа определены преимущества, а также потенциальные угрозы, связанные с внедрением цифровых технологий в адвокатскую деятельность, а также предположительно установлены векторы роста в данной сфере.*

Ключевые слова: *адвокатура, искусственный интеллект, цифровизация, IT-решения, технологии в юридической сфере, адвокатская деятельность, этика.*

В настоящее время возможность открытого диалога между гражданами, а также их уполномоченными представителями и судебными органами превращается в одну из ключевых ценностей демократических стран. Динамичное развитие цифровых инструментов, перевод процессов в электронный формат, в том числе в сферах правосудия и адвокатской деятельности, помогает совершенствовать работу адвокатов и активно интегрировать современные IT-решения в их практику. Благодаря быстрому и активному развитию искусственного интеллекта стали запускаться процессы IT-решения, то есть направления, которые объединяют множество цифровых инструментов для нужд правовой отрасли. Применение ИИ в адвокатской практике неизбежно связано с рядом сложностей и потенциальных рисков, которые необходимо своевременно выявлять и минимизировать.

Угрозы погрешностей и вариативность уровня рекомендаций, генерируемых ИИ. Представители адвокатского сообщества отвечают за надёжность своих профессиональных решений и корректность сделанных выводов. Используя технологии искусственного интеллекта, адвокаты и юристы должны понимать вероятные угрозы: информация может оказаться ошибочной, фрагментарной или же искажённой. Поэтому адвокатские структуры создают и применяют регламентированные процедуры верификации – каждый вывод, сформированный

ИИ, подлежит обязательной проверке и оценке со стороны адвоката, т. е. специалист должен убедиться, что данные соответствуют реальным обстоятельствам. Как отмечает О. А. Беляева, «искусственный интеллект не способен рассуждать как человек, не может мыслить с точки зрения юриста. Цифровые технологии можно использовать только как вспомогательный инструмент, своего рода помощник для систематизации, структурирования информации» [1].

Опасность необъективности и алгоритмической дискриминации. Работа ИИ-систем основывается на определённых данных. При этом у искусственного интеллекта отсутствует способность квалифицировать сведения с позиции права – отличать юридически корректные данные от ошибок. Для адвокатской деятельности этот нюанс очень важен. Например, выявив тенденцию к строгим приговорам по отдельным категориям дел, он может проецировать её на конкретную ситуацию, что не всегда может быть корректным. Поэтому чрезвычайно важно в адвокатской практике обеспечивать независимую проверку алгоритмов. Крупные адвокатские объединения привлекают экспертов для аудита решений и добиваются, чтобы алгоритм мог объяснить логику своих рекомендаций.

Проблема безопасности и конфиденциальности. Адвокатская работа неразрывно связана с сохранением адвокатской тайны. По словам И. А. Близнеца, «применение искусственного интеллекта обнажает проблемы поддержания безопасности в сфере юридической деятельности. Так, пользуясь сторонними цифровыми программами, адвокат может столкнуться с рисками утраты информации о клиенте, которая при таких обстоятельствах станет доступна третьим лицам».

Этические дилеммы и поддержание доверия. Адвокат обязан контролировать работу цифровых инструментов. ИИ не признаётся субъектом права, поэтому ответственность за его применение несёт сам адвокат. Также остаётся дискуссионным вопросом уведомление клиента о применении IT-решений. Для этого адвокаты должны объяснять преимущество применения искусственного интеллекта и гарантировать проверку результатов квалификационными специалистами [2].

Несмотря на имеющиеся сложности, ИИ и IT-решения всё активнее внедряются в адвокатскую практику.

Во-первых, это повышает эффективность работы, поскольку автоматизация рутинных операций, например анализ документов, экономит время – адвокат успевает вести больше дел. Это позволяет ему менять структуру дня и трансформировать модель оплаты: вместо почасовой ставки – плата за результат или фиксированная стоимость.

Во-вторых, трансформируется специализация, то есть растёт спрос на адвокатов, ориентированных на цифровые технологии, автоматизацию и методологию.

В-третьих, меняется карьерный трек. ИИ и IT-решения берут на себя задачи, которые раньше выполняли стажёры и помощники, из-за чего потребность в них снижается. Возникают вопросы о том, как молодые специалисты будут набираться опыта и чему их учить. Вероятно, им станут сразу давать более ответственные поручения, но при этом необходимо развивать и цифровые навыки. Есть риск усиления конкуренции на рынке юридических услуг: он будет нуждаться либо в узкоспециализированных специалистах, либо в универсальных специалистах, сочетающих знания права и технологий.

В-четвёртых, услуги становятся доступнее, т. е. онлайн-сервисы и боты позволяют получить базовые консультации недорого и бесплатно. При этом сложные дела остаются в зоне ответственности профессиональных адвокатов – они в том числе проверяют материалы, сгенерированные ИИ. Так, например, по мнению А. Г. Коваля, «роль традиционных юристов-консультантов для населения может сократиться – их заменят автоматизированные сервисы. Юристы смещаются на более сложные случаи, в том числе занимаются проверкой материалов, подготовленных искусственным интеллектом» [4].

Несмотря на преимущества, внедрение ИИ в адвокатскую практику несёт ряд рисков.

1. Прогнозируется снижение спроса на юристов в ближайшее десятилетие, хотя полностью заменить адвокатов ИИ не сможет.

2. Молодым специалистам проще освоить цифровые инструменты, а более опытным это даётся труднее. Важна система наставничества и проведение различных тренингов.

3. Использование ИИ чревато серьёзными репутационными последствиями: ответственность за ошибки алгоритма несёт адвокат. Показательны имеющиеся уже в нашей стране случаи, когда в суд подавались документы с вымышленными прецедентами, сгенерированными ChatGPT. Это наглядно показало, насколько важно чётко соблюдать границы применения цифровых инструментов.

Таким образом, ИИ и IT-решения меняют профессию, поскольку берут на себя рутинные и аналитические задачи, освобождая адвоката от стратегических и творческих решений. Это повышает скорость работы и доступность услуг, меняет модели функционирования адвокатских образований. Но чтобы эффективно использовать технологии, адвокату нужны цифровые компетенции, а также качества адаптивности, стрессоустойчивость и готовность к постоянному обучению.

При грамотном подходе риски применения ИИ можно контролировать. В IT-решениях уже формируется практика безопасного и грамотного использования технологий. В перспективе вероятны стандарты сертификации AI-сервисов – например, национальный реестр одобренных Минюстом РФ правовых ИИ-инструментов, отвечающих требованиям точности и безопасности.

Список литературы

1. Беляева, О. А. Искусственный интеллект как объект правового регулирования: вопросы теории и практики / О. А. Беляева // Журнал российского права. – 2020. – № 12. – С. 5–18.

2. Казиханова, С. С. Веб-конференция как современная модель взаимодействия суда и участников процесса: недостатки правового регулирования и перспективы использования / С. С. Казиханова // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. – 2023. – № 10 (110). – С. 79–88.

3. Коваль, А. Г. Правовое регулирование робототехники и искусственного интеллекта: международный опыт / А. Г. Коваль // Московский журнал международного права. – 2021. – № 2. – С. 56–71.

Ивенский Андрей Иванович
канд. юрид. наук, доцент, доцент
ФКОУ ВО «Самарский юридический институт ФСИН России»
г. Самара, Самарская область

ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМУЛИРОВАНИЯ ПОЗИЦИИ ПОДСУДИМОГО В ХОДЕ ОСОБОГО ПОРЯДКА, РЕГЛАМЕНТИРОВАННОГО ГЛАВОЙ 40 УПК РФ

Аннотация: *исследуются дискуссионные доктринальные и практические аспекты формулирования позиции подсудимого при рассмотрении уголовного дела в особом порядке (гл. 40 УПК РФ). Использованы методы: диалектический, анализ, синтез, формально-логический, сравнительно-правовой, эмпирический. Получены выводы относительно определяющей роли согласия подсудимого с обвинением в числе условий, допускающих реализацию особого порядка.*

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, судебное разбирательство по уголовному делу, особый порядок, сокращенное судопроизводство, согласие с обвинением, признание обвинения, отказ от высказывания по поводу обвинения.*

Принципиальные отличия особого порядка принятия судебного решения, регламентированного гл. 40 УПК (далее также ОП), в наибольшей степени проявляются в судебном следствии в части исследовании доказательств (гл. 37 УПК). Атрибутивны стартовые судебно-следственные действия: изложение обвинения (ч. 1 ст. 273, ч. 3 ст. 316 УПК) и опрос председательствующим подсудимого относительно инкриминируемого деяния (ч. 2 ст. 273УПК).

Здесь и начинаются отличия: 1) вопрос о признании вины при ОП модифицируется (ч. 4 ст. 316 УПК – см. далее); 2) львиная доля судебно-следственных действий не производится; 3) из доказательств анализируются только характеризующие личность обвиняемого, а также смягчающих и отягчающих наказание.

Вследствие сокращения доказывания при ОП А. А. Брестер весьма категоричное высказалсяе о том, что в связи с отсутствием доказывания весь ОП не может считаться уголовно-процессуальной деятельностью: «Стержнем уголовного процесса является доказывание, и если его нет, то и деятельность не процессуальная» [1, с. 25–27]. Неясно, из чего указанный автор выводит «отсутствие доказывания», поскольку доказывание при ОП *in concreto* проводится, хотя по сравнению с установленным *in corpore* ст. 73 УПК кругом обстоятельств *subiectum testimonium* при ОП существенно ограничен ч. 5 ст. 316 УПК. Без сомнения, деятельность суда при ОП – одна из форм реализации правосудия, поскольку суд рассматривает уголовное дело по существу и принимает окончательное решение по его основным вопросам (ст. 299 УПК). Выраженное в суде согласие подсудимого с предъявленным ему обвинением является атрибутивным условием постановления судебного решения в общем порядке. Как известно, на вопрос председательствующего о признании вины подсудимый может дать один из четырех вариантов ответа: 1) о полном признании; 2) о частично признании; 3) о полном непризнании; 4) об отказе отвечать на это вопрос.

Ввиду того, что при ОП вопрос, задаваемый после оглашения обвинения, модифицируется, поскольку подсудимого спрашивают не о признании вины, а о согласии с обвинением, возникают еще три варианта ответа: 5) о полном согласии с обвинением; 6) о несогласии с обвинением (при этом непринципиально, выражено несогласие полное или частичное); 7) об отказе отвечать на этот вопрос.

Представляется, что из первых четырёх вариантов только первый (если он дан в суде) и пятый однозначно допускают продолжение ОП. В то же время отметим, что варианты 1 (полное признание) и 5 (согласие с обвинением) не идентичны; при этом нельзя сказать, что пятый является частью первого. Их соотношение следует квалифицировать как частичное совпадение. Во-первых, при ОП вопрос о признании вины судом задаваться не должен. Следовательно, о позиции подсудимого можно судить только по его ответу на этот вопрос, данный на предварительном следствии в ответ на формулировку обвинительного акта (дознание), либо итоговое обвинение (предварительное следствие). Во-вторых, ни один из четырех вариантов ответа, данного обвиняемым в совершении преступлений небольшой и / или средней тяжести в ходе досудебного производства, при окончании предварительного расследования не исключает право заявить ходатайство, предусмотренное ч. 1 ст. 314 УПК. Не только полное признание вины, но также и второй, третий и четвертый варианты ответа, данные в ходе предварительного расследования, не препятствуют рассмотрению дела в особом порядке при условии ответа №5. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2021 №22 разъясняется, что как в случае оспаривания (*то есть полного или частичного непризнания – А. И.*) обвинения подсудимым, так и при отказе его от дачи показаний суду при выяснении вопросов, указанных в ч. 4 ст. 316 УПК, следует уточнить его позицию, чтобы убедиться в том, что подсудимый согласен с обвинением [2, абз. второй п. 11.1] (*а не признает его – А. И.*). Логичная интерпретация такого разъяснения содержит рекомендации: независимо от позиции на предварительном расследовании согласие подсудимого с обвинением в суде допускает ОП. Безусловно, ответ №6 означает обязанность для суда прекратить особый порядок и перейти в ординарный.

Углубленного рассмотрения заслуживает ответ №7 (отказ отвечать на вопрос о признании вины), который не является чисто гипотетическим, поскольку такие случаи встречаются в практике и описаны в литературе. В эмпирической части проведенного автором исследования не отмечено случаев, когда подсудимый, заявивший ходатайство об ОП, отказался бы отвечать на вопрос о согласии с обвинением, хотя случаи, когда обвиняемый в суде отказывался от ОП, эпизодически встречаются. Правило *si taces, consentis* (как это имеет место

относительно позиций представителей стороны обвинения), безусловно, неприменимо. В этой связи В. А. Масалов приводит показательный пример уголовного дела по обвинению П., рассмотренного в ОП, по которому на вопрос суда П. не пожелал высказать свое отношение к предъявленному обвинению. Суд апелляционной инстанции констатировал, что в первой инстанции не прояснена до конца процессуальная позиция осужденного, поэтому данное обязательное (ст. ст. 314, 316 УПК) условие рассмотрения уголовного дела в ОП не соблюдено, отменил приговор и направил дело на новое разбирательство в ином составе суда [3, с. 17].

Поскольку ст. 316 не содержит никаких указаний на специфику прений сторон, прения и последнее слово подсудимого (гл. 38 УПК РФ) проводятся без формальных отличий от ординарного порядка. С содержательной точки зрения при выступлении в прениях при ОП стороны не затрагивают обстоятельств уголовного дела, кроме согласия подсудимого с обвинением, характеризующих, а также смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств (ч. 5 ст. 316 УПК). В этой связи представляется неверным мнение В. В. Дьяконовой о праве участников прений в ОП «высказывать свое мнение относительно обстоятельств, характеризующих личность подсудимого, даже когда они не являлись предметом исследования в судебном заседании» [4, с. 19]. Во-первых, это суждение противоречит: а) части первой ст. 240 УПК, которая ригористически, без каких-либо исключений требует проведения непосредственного и устного исследования доказательств в суде (хотя их перечень при ОП существенно сокращен); б) части третьей ст. 240 УПК, запрещающей основывать судебное решение на доказательствах, не исследованных в судебном заседании; в) части четвертой ст. 292 УПК, запрещающей сторонам ссылаться в прениях на такие обстоятельства. Во-вторых, с данным мнением не согласуется судебная практика, поскольку суд с участием сторон обязательно исследует следующие характеризующие личность подсудимого, а также смягчающие и отягчающие обстоятельства: а) атрибутивно: письменные материалы дела; б) факультативно: доказательства, самостоятельно полученные судом, а также дополнительно представленные в суд сторонами.

Обвинитель и защитник, выступая в прениях, ссылаются на характеризующие личность подсудимого, а также смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства, мотивируя собственные процессуальные позиции. Завершается производство в ОП последним словом подсудимого (ст. 293 УПК), после чего судья удаляется в совещательную комнату для постановления решения. В случае, если подсудимый или иной участник процесса сообщат о неисследованных, но относящихся к делу обстоятельствах, суд возобновляет судебное следствие, которое альтернативно: а) может быть продолжено в рамках ОП; б) либо ОП прекращается и назначается рассмотрение уголовного дела в ординарном порядке.

Выводы: позиция подсудимого является ключевым фактором среди условий, определяющих возможность реализации особого порядка и принятия итогового судебного решения в данном виде целерантного производства.

Список литературы

1. Брестер, А. А. Об ошибочном отнесении особого порядка принятия судебного решения к уголовно-процессуальной деятельности / А. А. Брестер // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 12 (61). – С. 140–146.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2021 №22 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388946/#dst100019 (дата обращения: 01.10.2026). – Текст : электронный.

3. Масалов, В. А. Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением / В. А. Масалов // Вестник экономики, управления и права. – 2023. – Т. 16, № 2. – С. 15–21.

4. Дьяконова, В. В. Особый порядок судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. В. Дьяконова. – Екатеринбург, 2005. – 21 с.

Ивенский Андрей Иванович
канд. юрид. наук, доцент, доцент
ФКОУ ВО «Самарский юридический институт ФСИН России»
г. Самара, Самарская область

О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ В ПОРЯДКЕ ГЛАВЫ 40 УПК РФ В УСЛОВИЯХ КУПИРОВАНИЯ ОБЪЕМА ОБВИНЕНИЯ

Аннотация: *исследуются возможности принятия судом итогового решения в особом порядке, предусмотренном гл. 40 УПК, в случаях уменьшения обвинения в судебном заседании сокращается по сравнению с инкриминировавшимся при направлении уголовного дела в суд.*

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, судебное разбирательство по уголовному делу, особый порядок, целерантное производство, изменение обвинения, согласие с обвинением.*

В судебной практике встречаются случаи, когда при рассмотрении уголовного дела (далее УД) в особом порядке, предусмотренном гл. 40 УПК РФ (далее ОП или *особый порядок*) обвинение корректируется (как правило, государственным обвинителем) в сторону смягчения.

В таких случаях осмысления требует несколько вопросов.

Во-первых, допустимо ли само продолжение рассмотрения УД в ОП?

Отрицательный ответ на первый вопрос означает, что продолжение ОП становится невозможным. Однако формальных препятствий для продолжения ОП не усматривается, поскольку отсутствуют нормы, обязывающие суд в итоговом решении констатировать именно первоначальное обвинение, особенно если от части этого обвинения отказался сам обвинитель. При утвердительном же ответе разрешению подлежат следующие вопросы.

Во-вторых, каким образом суд, не исследуя самостоятельно обстоятельств уголовного дела, может достоверно установить, что обвиняемый на самом деле совершил менее тяжкое деяние, чем инкриминируется ему органами предварительного расследования?

По нашему мнению, *de jure (de jure* (лат.) – «юридически», «по (согласно) праву») декларируемая в п. 7 ст. 316 УПК РФ возможность получения судьей самостоятельных выводов об обоснованности обвинения и подтверждении его доказательствами *de facto* (*de facto* (лат.) – «на деле», «фактически») означают только: а) соблюдение формальных условий для применения особого порядка; б) отсутствие обстоятельств, препятствующих постановлению приговора или иного итогового решения.

В-третьих, при определении позиции подсудимого возникают требующие пояснения аспекты: а) требуется ли получение от обвиняемого нового согласия уже с этим новоявленным обвинением, уменьшенным по сравнению с исходным (то есть тем, по которому он предан суду); б) может ли подсудимый заявить новое ходатайство о применении особого порядка и имеет ли он такое право; в) при положительном ответе – может ли суд расценивать заявление о согласии с редуцированным обвинением как выполнение условия, дающее возможность продолжения рассмотрения дела в ОП?

При отрицательном ответе на пункт «а» третьего вопроса применение ОП становится химерическим, поскольку формально обвиняемый не заявлял о согласии с уменьшенным обвинением. Положительный же ответ на данный вопрос противоречит положениям ч. 2 ст. 315 УПК, которая жестко локализует право обвиняемого заявить такое ходатайство двумя моментами: ознакомление с материалами УД (ч. 2 ст. 218 УПК), либо предварительное слушание (ст. 229 УПК). В литературе критикуют такое положение, предлагая увеличить темпоральный интервал для возможности заявления ходатайства, однако до настоящего времени *de jure* данное ограничение не устранено.

Обвиняемый должен заявить о согласии с обвинением до начала разбирательства в суде первой инстанции. В рассматриваемом случае он согласился с заведомо завышенным обвинением. Следовательно, при купировании обвинения подсудимый вправе заявить о согласии

с новым (уменьшенным) обвинением. Однако вправе ли он заявить новое ходатайство о применении ОП? Полагаем также, что это должно вызвать у суда сомнения в правильности произведенного предварительного расследования и теоретически повлечь рассмотрение дела в ординарном порядке.

Случаи как фактического (лишние эпизоды преступной деятельности), так и юридического (избыточная квалификация) завышения объема обвинения в практике органов предварительного расследования не редки, а, скорее, закономерны. Независимо от осознанности подобных ошибок они являются нарушениями закона вследствие предъявления лицу обвинения в преступных деяниях, которые оно не совершало.

Замечание А. С. Александрова о праве прокурора при утверждении обвинительного заключения / акта изменить объем обвинения или квалификацию в сторону смягчения (п. 1 ч. 2 ст. 221,ч. 2 ст. 226 УПК), а также об аналогичном праве гособвинителя в стадии предварительного слушания (ч. 5 ст. 236, ч. 7 ст. 246, ч. 5 ст. 37 УПК РФ)» [1, с. 519] не снимает вышеперечисленных нами вопросов.

Рассмотрим эмпирический пример. Ф. на предварительном следствии инкриминировалось совершение преступлений, предусмотренных ст. 115, ч. 1 ст. 161 УК. После оглашения обвинения в указанном объеме государственный обвинитель отказался от обвинения в части совершения Ф. ст. 115 УК, мотивируя тем, что причинение легкого вреда здоровью совершено с целью облегчения грабежа, охватывалось и поглощалось грабежом и не образовывало самостоятельного состава преступления. Судья вынес постановление о прекращении уголовного преследования в отношении Ф. в части ст. 115 УК, а затем, проверив исполнение условий относительно оставшейся части обвинения, постановил в ОП обвинительный приговор по ч. 1 ст. 161 УК [2].

Пример довольно спорного решения. Фактически в действиях Ф. имелись признаки квалифицированного грабежа, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, что ухудшило бы положение Ф., нарушив его право на защиту. Поэтому ни суд, ни гособвинитель действовали строго в пределах судебного разбирательства (ст. 252 УПК), не предприняли действий, влекущих отягчении ответственности Ф. Как суд, так и прокурор. (Заметим в скобках, что, по нашему мнению, здесь сыграла роль забота сотрудника прокуратуры о своих служебных показателях, поскольку в случае необходимости инкриминирования более тяжкого деяния суд был бы вынужден вернуть дело прокурору (ст. 237 УПК), что считается показателем некачественной работы прокуратуры).

Приведенное решение, теоретически небезупречное с позитивно-правовой точки зрения, представляется прагматичным методом разрешения коллизии между формальным наличием оснований и условий для ОП и очевидно неверной (избыточной) квалификацией совершенного деяния органом предварительного расследования. Такое решение вопроса при явно избыточной квалификации представляется допустимым и перспективным. В противном случае из-за простого и очевидного формального вопроса суд будет вынужден прекращать особый порядок и рассматривать дело в громоздком общем порядке.

В ходе интервьюирования установлено, что судьи, принимая к производству УД с ходатайством о рассмотрении в ОП, при явно завышенной квалификации не всегда принимают решение о переходе в ординарный порядок. Действуя в интересах процессуальной экономии, судьи постанавливают обвинительный приговор в ОП по завышенной квалификации, но при этом назначают наказание в пределах, предусмотренных «правильной» квалификацией, полагая, что этим обеспечивается законность и справедливость приговора [3, с. 55].

Решение такого типа представляется не соответствующим позитивному праву, поскольку лицо признается виновным в совершении преступных деяний, которое оно, хотя и частично, но не совершало. Однако основанное на действующих нормах закона решение о прекращении особого и рассмотрение дела в общем порядке существенно увеличит нагрузку на суды вследствие необходимости вызывать и допрашивать свидетелей, исследовать все доказательства, соблюдая полную громоздкую судебную процедуру, что по несложным делам, не

вызывающим у сторон и суда сомнений представляется явно нецелесообразным. Считаем, что следует согласиться с высказанными рядом проинтервьюированных судей предложениями по усовершенствованию особого порядка, состоящими в предоставлении суду права, не выходя за фактические рамки предъявленного обвинения, изменить в сторону смягчения участи подсудимого юридическую квалификацию его действий [3, с. 56].

Полагаем, что в нормы главы 40 УПК следует внести изменения, предоставляющие суду право уменьшения объема и квалификации обвинения при рассмотрении дела в особом порядке. Вне всяких сомнений, при этом допустимы изменения фактической стороны исключительно в сторону смягчения участи обвиняемого в виде элиминации из обвинения отдельных фактов и / или эпизодов [4, с. 4–7]. Модификации обвинения, не соответствующие указанным требованиям, нарушают право подсудимого на защиту, что делает невозможным рассмотрение уголовного дела судом.

Список литературы

1. Александров А.С. Уголовный процесс России : учебник / А. С. Александров, Н. Н. Ковтун, М. П. Поляков, С. П. Сереброва ; науч. ред. В.Т. Томин. – Москва : Юрайт, 2003. – 821 с.

2. Дело №1-862/2004 // Архив Советского районного суда г. Самары.

3. Ивенский, А. И. Особый порядок судебного разбирательства: проблемы теории и практики : монография / А. И. Ивенский. – Саратов : СЮИ МВД России, 2008. – 227 с.

4. Громов, Н. А. Соотношение обвинительного приговора и обвинения в уголовном процессе / Н. А. Громов, А. И. Ивенский // Следователь, 2003. – 2003. – № 3. – С. 4–7.

Ивенский Андрей Иванович
канд. юрид. наук, доцент, доцент
ФКОУ ВО «Самарский юридический институт ФСИН России»
г. Самара, Самарская область

О ДИЛЕММАХ КОРРЕЛИРОВАНИЯ ПОЗИЦИИ ЗАЩИТНИКА И ПОДСУДИМОГО НА СТАРТОВОМ ЭТАПЕ ОСОБОГО ПОРЯДКА РАЗБИРАТЕЛЬСТВА (ГЛАВА 40 УПК РФ)

Аннотация: *в статье исследуются особенности реализации профессиональных прав и обязанностей защитника-адвоката при рассмотрении уголовного дела в особом порядке (гл. 40 УПК РФ). Выводы содержат как констатацию жесткой корреляции позиций защитника и подсудимого, так и исключения из таковой.*

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, судебное разбирательство по уголовному делу, особый порядок, сокращенное судопроизводство, полномочия защитника, самооговор обвиняемого.*

Приступая к анализу особенностей реализации профессиональных прав и обязанностей защитника-адвоката при рассмотрении уголовного дела (далее УД) в особом порядке, регламентированном гл. 40 УПК (далее также ОП), оговоримся, что реализация статуса защитника, не являющегося адвокатом (ч. 2 ст. 49 УПК), находится за пределами нашего исследования. Уникальность ОП, максимально проявляющаяся в судебном следствии (гл. 37 УПК), в литературе дала повод для категоричного мнения А. А. Брестера, который из предпосылки об отсутствии доказывания при ОП (что неверно, ибо доказывание при ОП *in concreto* проводится, хотя по сравнению с установленным *in corpore* ст. 73 УПК кругом обстоятельств *subiectum testimonium* при ОП существенно ограничен ч. 5 ст. 316 УПК) делает вывод о том, что деятельность суда в ОП не является правосудием, поскольку «правосудие представляет собой рассмотрение дела по существу … для формирования знания о том, что произошло в прошлом», поэтому «никакого рассмотрения по существу в особом порядке нет» [1, с. 141 – 142]. Неясно, из чего указанный автор выводит «отсутствие доказывания», а также почему именно доказывание считает ключевой характеристикой правосудия. Считаем, что

деятельность суда при ОП является формой реализации правосудия: уполномоченный суд рассматривает по существу УД и принимает решение по его основным вопросам (ст. 299 УПК).

Атрибутивно проводятся стартовые судебно-следственные действия: излагается обвинение (ч. 1 ст. 273, ч. 3 ст. 316 УПК). Однако уже опрос подсудимого по поводу обвинения (ч. 2 ст. 273 УПК) существенно модифицируется как сам по себе, так и в части более активной, чем при ординарном порядке, модели поведения защитника. Это отражается в следующих факторах: 1) традиционный вопрос подсудимому о признании вины в соответствии с ч. 4 ст. 316 УПК при ОП трансформируется в вопрос о согласии с обвинением; 2) при положительном ответе суд выясняет выполнение прочих условий, при которых возможно применение ОП; в частности, у подсудимого обязательно выясняются: а) поддерживает ли он ходатайство о применении ОП и добровольно ли оно заявлено; б) понятны ли ему дистинктивность ОП, а также его позитивные и негативные последствия; в) получена ли консультация защитника перед заявлением ходатайства; в случае сомнений судьи довольно часто объявляют перерыв, в ходе которого адвокат дает подсудимому соответствующую консультацию относительно ОП; после возобновления заседания подсудимый сообщает о получении консультации, и защитник подтверждает эту информацию; 3) председательствующий выясняет позицию защитника относительно возможности рассмотрения дела в ОП. В отношении защитника в этом случае правило *si taces, consentis* неприменимо. Адвокат обязан высказаться, его заявления и сообщения определены позицией подзащитного. Поскольку применение ОП влечет для подсудимого несомненные преференции, заявление о поддержании этого ходатайства – профессиональная обязанность защитника.

Отдельного анализа заслуживает дилемма, возникающая в случае, если обвиняемый согласился с обвинением и заявил ходатайство о рассмотрении уголовного дела в ОП, а его защитник-адвокат обоснованно считает, что налицо самооговор, либо что доказательств вины подзащитного в деле недостаточно для однозначного вывода о совершении последним инкриминируемого преступления. В этой связи интересно, хотя и не бесспорно мнение Д. М. Ямбаевой, которая, исходя из правильной посылки о том, что «действия защитника не должны противоречить позиции его подзащитного, … самостоятельность защитника ограничена интересами подзащитного», полагает, что «… когда обвиняемый пожелает заявить ходатайство, а защитник не будет видеть в этом необходимости, последний должен разъяснить обвиняемому его право самостоятельно заявлять ходатайство и помочь его оформить, при этом защитник не обязан сообщать … о своем несогласии с заявленным ходатайством» [2, с. 18]. Начиная несколько непоследовательно с конца, отметим неточность последнего высказывания, состоящую в том, что защитник (адвокат, т. к. действия иных лиц, допущенных в качестве защитника на основании ч. 2 ст. 49 УПК, не имеют никаких нормативных ограничений) не просто не обязан, а не имеет права сообщать о своем несогласии с позицией подзащитного (кроме исключения, которое рассматривается далее). В остальном предлагаемый Д. М. Ямбаевой алгоритм действий также представляется не вполне соответствующим роли адвоката-защитника, в частности, при выяснении вопросов возможности рассмотрения уголовного дела в ОП. Вообще говоря, адвокат при осуществлении защиты действительно обязан исходить из позиции и интересов подзащитного. Поэтому в случае, если последний высказывает мнение о необходимости совершения какого-либо действия, которое считает соответствующим собственным интересам, включая заявление ходатайства, защитник обязан действовать именно таким образом. Сказанное не исключает необходимость предварительного консультирования, в том числе разъяснения возможных негативных последствий совершения такого процессуального значимого действия либо его противоречие позитивному праву и / или установленным (доказанным) фактам. Однако решение о его совершении принимает не защитник, и если подзащитный настаивает на его совершении, защитник обязан такое действие произвести. Разъяснение и помощь в оформлении ходатайства со стороны защитника без подачи ходатайства самим защитником может иметь место только в случае,

когда подзащитный сам так решил либо согласился на самостоятельное совершение действия (здесь – подачу ходатайства). Во всех прочих случаях самоустранение адвоката от подачи ходатайства, на котором настаивает подзащитный, является нарушением профессиональной этики и может послужить поводом для возбуждения в отношении адвоката дисциплинарного производства и привлечения его к дисциплинарной ответственности (ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката). Основное (хотя и не единственное) исключение предусмотрено подпунктом 3 п. 4 ст. 6 Федерального закона от 31.05.2002 №63-ФЗ, предоставляющей адвокату занимать по делу позицию вопреки воле доверителя, если адвокат убежден в наличии совершенного первым самооговора. Данное положение дублируется также в пункте 2 ст. 9 КПЭА.

Алгоритм действий адвоката-защитника в ситуации, когда в судебном заседании решается вопрос о возможности рассмотрения дела в ОП, становится дифференцированным и включает следующие действия. Доминирующим является то, что при заявлении ходатайства о рассмотрении дела в ОП обвиняемый рассчитывает перейти на более мягкую и выгодную для него форму судопроизводства. Поэтому исходя из интересов подзащитного и вне зависимости от собственного мнения об обстоятельствах дела, включая доказанность вины и т. д., защитник обязан данное ходатайство поддержать. Если при этом имеются признаки допущенных нарушений прав подзащитного, в первую очередь права на защиту (например, неоказание своевременной консультации о специфике ОП), защитник обязан принять меры к восполнению таких нарушений, проведения необходимой консультации, для чего суд обычно предоставляет время, объявляя перерыв в судебном заседании.

На вопрос суда о позиции защитника по поводу заявленного ходатайства защитник должен: 1) сообщить о том, проведена ли предварительная консультация, а также заявлено ли ходатайство подсудимым после получения такой консультации и добровольно; при отрицательном ответе на любой из перечисленных в данном пункте вопросов суд либо принимает меры к устранению нарушений прав подсудимого, либо, если такое устранение невозможно, прекращает ОП и переходит в ординарный; 2) сообщить о том, что заявленное подсудимым ходатайство о рассмотрении уголовного дела в ОП защитник поддерживает (иная позиция не дозволяется адвокатской этикой).

При убежденности защитника в самооговоре подзащитного перед адвокатом возникает дилемма: сообщить суду либо промолчать об этом. Во втором случае алгоритм действий защитника не изменяется. Первый вариант представляется предпочтительным вследствие направленности на защиту прав подсудимого, недопущение судебной ошибки. В этом случае защитник, выполнив обязанность поддержания ходатайства подсудимого о проведении разбирательства в ОП, вправе сообщить суду обстоятельства, на которых основаны его сомнения в виновности подзащитного (либо в доказанности его вины). Суд на основании полученных сведений обязан принять самостоятельное решение о том, в каком порядке надлежит рассматривать дело. Представляется, что в этом случае суд обязан прекратить ОП и перейти в ординарный порядок.

Пример из практики. При осуществлении защиты по назначению суда Б., обвинявшегося по ч. 1 ст. 232 УК РФ, автор как адвокат ознакомился в суде с письменными материалами дела. Б. инкриминировалось, что он якобы трижды предоставил свою квартиру для употребление наркотических средств трем разным лицам, одно из которых ему было малознакомо, а двое до этого вообще незнакомы. Двое из этих лиц проживали в других, отдаленных населенных пунктах, и не имели причин ехать к незнакомому ранее Б., при этом по дороге якобы случайно «находя» наркотические средства. Указанные лица сообщили, что якобы употребили в квартире Б. наркотические средства, при этом ни шума, ни скандала, ни каких-либо иных неприятностей соседям Б. не доставляли. Тем не менее совершенно случайно доблестные сотрудники полиции трижды оказывались перед квартирой Б. с двумя «представителями общественности» и зафиксировали три эпизода, в которых Б. якобы предоставил свое жилое помещение под наркопритон. Б. ранее судим, однако к административной ответственности

не привлекался, характеризовался положительно. Описанное нагромождение случайностей явно указывало на искажение обстоятельств УД. Имелись другие объективные указания на фальсификацию доказательств. Адвокат не осуществлял защиту на предварительном следствии, после ознакомления провел беседу с Б., сообщившим, что боится сотрудников полиции, которые ему сказали, что «на него оформят притон», и пообещали, что «за это ему ничего не будет». По делу было назначено судебное заседание в ОП. После оглашения обвинения и вопроса о согласии Б. с предъявленным обвинением последний подтвердил свое согласие и подтвердил ходатайство о рассмотрении дела в ОП. Защитник выполнил профессиональную обязанность поддержания заявленного ходатайства, после чего сообщил суду о признаках фальсификации доказательств и самооговоре подзащитного. Председательствующий *volens nolens* счел необходимым прекратить ОП и назначить судебное разбирательством в ординарном порядке [3].

Выводы: позиция защитника, как правило, определяется мнением подзащитного. Исключения основаны на сведениях о самооговоре или иным образом опровергающих утверждение о виновности подсудимого, наличие которых не позволяет адвокату не поддерживать ходатайство о рассмотрении дела в особом порядке, однако дает право сообщить об этих сведениях суду. Суд в таких случаях обязан прекратить особый и перейти к рассмотрению дела в общем порядке.

Список литературы

1. Брестер, А. А. Об ошибочном отнесении особого порядка принятия судебного решения к уголовно-процессуальной деятельности / А. А. Брестер // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 12 (61). – С. 141–142.

2. Ямбаева, Д. М. Участие защитника в собирании доказательств на стадии предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д. М. Ямбаева. – Владимир, 2008. – 22 с.

3. Дело №1-14/2026 // Архив мирового судьи с/у №64 Кинельского судебного района Самарской области.

Ивенский Андрей Иванович
канд. юрид. наук, доцент, доцент
ФКОУ ВО «Самарский юридический институт ФСИН России»
г. Самара, Самарская область

ОБОСНОВАННОСТЬ РЕШЕНИЙ, ПРИНЯТЫХ В ОСОБОМ ПОРЯДКЕ ГЛАВЫ 40 УПК РФ

Аннотация: *исследуются проблемы обоснованности итоговых решений, принимаемых в особом порядке, предусмотренном гл. 40 УПК. Использованы методы: диалектический, анализ, синтез, формально-логический, сравнительно-правовой, эмпирический. В выводах констатируется декларативность п. 7 ст. 316 УПК РФ в части обоснованности выводов суда.*

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, судебное разбирательство по уголовному делу, особый порядок, сокращенное судопроизводство, цели уголовного судопроизводства, обоснованность приговора.*

В настоящей работе анализируются вопросы обоснованности итоговых решений уголовного дела (далее УД), принимаемых судом в особом порядке, предусмотренном гл. 40 УПК РФ (далее в целях компактности изложения используется аббревиатура ОП или *особый порядок*).

Обоснованность – одно из ключевых требований к постанавливаемому приговору (ст. 297 УПК РФ), что следует тиражировать относительно любых итоговых решений УД. Если выводы аргументированы исследованными в суде доказательствами, приговор получает внутреннее свойство «обоснованности», означающее реализацию одноименного требования [1, с. 25–27.].

По итогам ОП может быть постановлен как приговор, так и иное решение. Не претендуя на репрезентативность эмпирических данных, исходя из собственного опыта участия в производствах по УД, отметим, что наиболее частно в качестве альтернативы приговору выступает постановление о прекращении УД по нереабилитирующим основаниям: примирение сторон, смерть подсудимого *et cetera (et cetera (лат.) – и так далее)*. В последнее время промежуточным (временным) решением довольно часто становится приостановление производства по делу в связи с призывом подсудимого на военную службу (п. 5 ч. 1, ч. 4 ст. 238 УПК). Мы выделяем это основание из прочих факторов, обуславливающих приостановление судебного производства по УД (п. п. 1 -4 ч. 1 ст. 238 УПК) потому, что перспективой для него с большой долей вероятности выступает освобождение от уголовной ответственности в соответствии с ч. 1 ст. 78.1 УК РФ [2].

Рассматривая вопросы обоснованности суммарных выводов суда, формулируемых как конечный результат ОП, следует заметить, что начальная фраза п. 7 ст. 316 УПК РФ представляется вызывающей как минимум вопрос: каким образом суд, не исследуя самостоятельно обстоятельств уголовного дела, может прийти к выводу, что обвинение является обоснованным, т. е. подтверждается доказательствами, собранными обвинением? Предварительное ознакомление судей с делом заключается в прочтении письменных материалов УД. Не будет преувеличением сообщить, что с вещественными доказательствами судьи знакомятся крайне редко, ограничиваясь их письменным исследованием другими лицами: следователями / дознавателями (протоколы осмотров, иногда иных «вещных» следственных действий: обысков, выемок *et cetera* (лат.) – и так далее), экспертами (заключения экспертиз), иногда специалистами (п. 3.1 ч. 2 ст. 74, ч. 3 ст. 80 УПК). Более того, сами вещественные доказательства физически не попадают в суды, оставаясь в камерах хранения органов предварительного расследования до решения суда.

Однако такие общие условия судебного разбирательства, как непосредственность и устность исследования обстоятельств дела (ст. 240 УПК), не позволяют считать прочитанные судьей письменные материалы дела исследованными. Не соблюдены ни устность (нет судоговорения относительно основных доказательств), ни непосредственность (в суде не заслушиваются допрашиваемые лица, не оглашаются документы, не осматриваются предметы и документы, за исключением имеющих отношение к личностным характеристикам, смягчению либо отягчению наказания). Говорить о безусловном доверии к материалам предварительного расследования не приходится, в существующих реалиях один из основных смыслов судебного разбирательства – как раз проверка объективности и достоверности результатов работы следователя (дознавателя).

Под выводом понимается «логический итог рассуждения, исследования и т. п.» [3]. Если при постановлении приговора в ординарном порядке суд непосредственно исследует совокупность доказательств, на основе чего приходит к заключению по поводу виновности / невиновности подсудимого и по другим вопросам (ст. 299 УПК), то при в ОП эти посылки для силлогизмов отсутствуют. Налицо атрибутивные: а) утверждение обвинителя о виновности подсудимого; б) согласие последнего с обвинением; а также факультативное в) сообщение защитника об отсутствии обстоятельств, препятствующих применению ОП (мы сейчас не касаемся действительно исследуемых, но второстепенных относительно виновности характеризующих, а также смягчающих и отягчающих обстоятельств).

Базовая модель обоснования разрешения вопроса о виновности из «совокупность исследованных доказательств позволяет утверждать, что подсудимый совершил преступление» трансформируется в «обвинитель утверждает, что подсудимый виновен, подсудимый согласен с этим – следовательно, подсудимый виновен». Ранее мы писали о том, что исходя из существующей модели разбирательства, обусловленного главой 40 УПК, в настоящее время обоснованность приговора, постановленного в ОП, сводится к изложению предъявленного подсудимому обвинения и констатации факта его согласия с таковым [4, с. 173], а также к проверке соблюдения некоторых других формальных условий, не связанных с доказыванием

(характер предъявленного обвинения, отсутствие возражений обвинителя и потерпевшего против применения ОП). В этом усматривается существенное сходство с постановлением о прекращении уголовного дела по нереабилирующему основанию примирения сторон (ст. 76 УК РФ, ст. 25 УПК РФ). Данное решение может быть принято судом как в общем порядке, так в ОП [5]. Обоснованность такого постановления зиждется на следующих обстоятельствах: 1) утверждение обвинителя о совершении подсудимым преступления небольшой или / и средней тяжести; 2) полное признание обвинения подсудимым; 3) адресованные суду письменные заявления подсудимого и потерпевшего, содержащие: а) сообщение о достигнутом между ними примирении; б) утверждение о полном возмещении ущерба (заглаживании вреда); в) прошение о прекращении дела (либо преследования) по нереабилирующему основанию; 4) характеристики личности подсудимого (отсутствие судимости), поскольку прекращение УД или уголовного преследования по данному основанию возможно только если обвиняемый совершил преступление впервые (ст. 76 УК РФ).

Формально-логическая модель обоснования решения о прекращении УД (преследования) следующая: «обвинитель утверждает, что подсудимый виновен, подсудимый полностью признает вину – следовательно, подсудимый виновен; вместе с тем имеются основания для прекращения уголовного дела / преследования».

Отметим, что преследование может быть прекращено:

1) по делам о преступлениях, совершенных группой лиц, – в отношении отдельных подсудимых;

2) при инкриминировании более одного эпизода преступлений – по отдельным эпизодам.

Производство в отношении прочих подсудимых, а равно деяний, по которым преследование не прекращено, продолжается как в ординарном порядке, так и в ОП. Заметим, что в общем порядке постановления о прекращении уголовного преследования в отношении отдельных подсудимых или эпизодов выносится в конце судебного разбирательства; такие решения обладают обоснованностью в полной мере, так как постанавливаются по итогам исследования всех доказательств.

Приблизиться к первой, основной модели доказанности (а, следовательно, обоснованности) решения, принимаемого в ОП, суд мог бы, если бы хотя бы частично было проведено исследование доказательств (помимо характеризующих, смягчающих и отягчающих обстоятельств). Однако механизмы, которые бы побуждали суд по собственной инициативе прекращать ОП (а следовательно, переходить в ординарный порядок), отсутствуют.

Судья как чиновник заинтересован в снижении формальных возможностей отмены или изменения вынесенных им решений, что считается отрицательным показателем при оценке его персональной служебной деятельности. Поскольку постановленный в ОП приговор или иное решение не могут быть обжалованы по основанию несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам УД (п. 1 ч. ст. 389.15, ст. 389.16 УПК), этот фактор уже существенно снижает указанные риски. *Ergo (ergo (лат.) – следовательно)*, вкупе с кардинальным снижением временных затрат это делает для суда особый порядок гораздо предпочтительнее ординарного.

На основании изложенного, неизбежен вывод о том, что *de jure (de jure (лат.) – «юридически», «по (согласно) праву»)* декларируемая в п. 7 ст. 316 УПК РФ возможность получения судьей выводов об обоснованности обвинения и подтверждении его доказательствами *de facto (de facto (лат.) – «на деле», «фактически»)* означают только:

а) соблюдение формальных условий для применения особого порядка;

б) отсутствие обстоятельств, препятствующих постановлению приговора или иного итогового решения.

Список литературы

1. Ивенский, А. И. Понятие и свойства приговоров. Классификация приговоров : учеб. пособие / А. И. Ивенский. – Самара, 2007. – 100 с.

2. Дело № 1-111/2026 // Архив Кинельского районного суда Самарской области.

3. Значение слова «вывод». – URL: https://kartaslov.ru/значение-слова/вывод (дата обращения: 28.09.2026). – Текст : электронный.
4. Ивенский, А. И. Особый порядок судебного разбирательства: проблемы теории и практики : монография / А. И. Ивенский. – Саратов, 2008. – 227 с.
5. Дело № 1-14/2026 // Архив мирового судьи судебного участка № 64 Кинельского судебного района Самарской области. – № 64.

Кондратенко Ангелина Андреевна
магистрант
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
г. Краснодар, Краснодарский край

НРАВСТВЕННЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ПРОКУРОРУ В ОТРАСЛИ НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Аннотация: *в статье исследуется специфика нравственных требований, предъявляемых к прокурорским работникам при осуществлении надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Обосновывается тезис о том, что в данной отрасли надзора этические качества выступают не просто дополнением к правовой квалификации, а функциональной необходимостью. Анализируются проблемы профессиональной деформации и формализма, влияние цифровизации на морально-этический облик прокурора. Предложены пути совершенствования этической регламентации.*

Ключевые слова: *прокурорский надзор, права и свободы человека, этика прокурора, нравственные требования, правозащитная функция, профессиональная деформация, справедливость.*

Трансформация российской правовой системы на современном этапе убедительно доказывает, что правозащитная функция прокуратуры становится ее важнейшим вектором. Отрасль надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, закрепленная в главе 2 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», выделяется своей ярко выраженной социальной и гуманистической направленностью. При этом центральной отраслью прокурорского надзора остается надзор за исполнением Конституции РФ и законов: прокуратура, с одной стороны, создает механизм защиты прав и интересов граждан, общества и государства, а с другой предупреждает правонарушения и устраняет их причины. В связи с этим особую актуальность приобретает исследование не только профессиональных, но и нравственных требований, предъявляемых к прокурору, поскольку именно в этой сфере законность неразрывно связана со справедливостью и милосердием [3, с. 122].

Исторически прокуратура воспринималась преимущественно как «око государево», ориентированное на поддержание государственного обвинения и надзор за исполнением законов в публично-правовой сфере. Однако сегодня граждане обращаются в органы прокуратуры как в последнюю инстанцию для защиты нарушенных трудовых, пенсионных, жилищных и иных социальных прав. В таких условиях сугубо формальное, позитивистское применение норм права без учета морально-этического компонента способно дискредитировать саму идею правозащитной деятельности государства.

Нравственные требования к прокурору закреплены на законодательном уровне (ст. 40.1 Закона о прокуратуре требует наличия необходимых моральных качеств), в Кодексе этики прокурорского работника РФ, утвержденном приказом Генпрокуратуры в 2010 году, а также в тексте Присяги. К базовым этическим императивам относятся: честность, неподкупность, объективность, гуманизм и уважение человеческого достоинства. Однако отрасль надзора за соблюдением прав и свобод человека диктует необходимость расширительного толкования данных требований [4, с. 127].

Ключевым нравственным требованием в данной сфере выступает «правовая эмпатия»: способность прокурора осознать и прочувствовать социальную уязвимость потерпевшего,

трансформировав это сопереживание в законные меры прокурорского реагирования. Когда речь идет о защите прав инвалидов, детей-сирот или пенсионеров, прокурор обязан проявлять инициативу. Отсутствие эмпатии ведет к самому страшному пороку правоохранительной системы – бюрократическому формализму, когда вместо реальной помощи гражданин получает сухую «отписку», формально соответствующую закону, но по сути являющуюся издевательством над справедливостью.

Осуществление надзора в рассматриваемой сфере требует от прокурора высокого уровня нравственного мужества и принципиальности. Восстановление нарушенных прав граждан сопряжено с необходимостью противостояния органам местного самоуправления, крупным корпорациям, недобросовестным работодателям. Прокурору необходимо обладать внутренней этической стойкостью, чтобы не поддаться давлению или соблазну коррупционного компромисса.

Серьезным вызовом современности является профессиональная нравственная деформация. Ежедневное столкновение с человеческим горем, потоки жалоб на социальную несправедливость могут приводить к эмоциональному выгоранию и, как следствие, цинизму. В связи с этим нравственное требование к прокурору включает в себя способность к сохранению своей человечности и психологической устойчивости.

Отдельно следует выделить влияние цифровизации на моральный облик прокурорского работника. Внедрение электронных систем обработки обращений граждан и искусственного интеллекта значительно ускоряет работу, однако создается риск «обезличивания» правозащитного процесса. Несмотря на «совершенную» работу информационных систем, человеческий фактор также играет важную роль в интеграции цифровизации в деятельность органов прокуратуры. Даже самая совершенная система не может функционировать без участия человека. Поэтому нравственный долг современного прокурора состоит в том, чтобы электронные документы и алгоритмы не заслонили от него судьбу конкретного человека [5, с. 124].

Подводя итог, можно сделать вывод, что нравственные требования к прокурору в отрасли надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина – это не абстрактные пожелания, а строгий критерий профессиональной пригодности. Без обостренного чувства справедливости, гуманизма и принципиальности эффективная реализация правозащитной функции прокуратуры невозможна. В целях совершенствования кадровой политики целесообразно внедрить обязательные регулярные тренинги по профессиональной этике и профилактике эмоционального выгорания, а также расширить психологическое тестирование кандидатов на должности, связанные с непосредственным рассмотрением обращений социально незащищенных категорий граждан.

Список литературы

1. О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17.01.1992 №2202–1 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения: 07.10.2026). – Текст : электронный.

2. Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации : приказ Генпрокуратуры России от 17.03.2010 №114 : ред. от 21.07.2023 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_62680/ (дата обращения: 07.10.2026). – Текст : электронный.

3. Шепелева, Л. Р. Прокурорский надзор за исполнением законов, его сущность и пределы осуществления / Л. Р. Шепелева // Молодой ученый. – 2023. – № 7.

4. Мельников, Р. В. Этика прокурора в отдельных аспектах функциональной деятельности / Р. В. Мельников // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2025.

5. Изатулина, Д. А. Цифровизация деятельности органов прокуратуры Российской Федерации / Д. А. Изатулина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024.

Косарев Илья Евгеньевич
студент
Габдулганиев Дамир Рависович
студент
Научный руководитель
Малышева Юлия Юрьевна
канд. юрид. наук, доцент

Казанский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»
г. Казань, Республика Татарстан

ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ СНЯТИЯ МОРАТОРИЯ НА СМЕРТНУЮ КАЗНЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация: *в настоящее время в российском обществе вновь актуализируется вопрос о снятии моратория на смертную казнь в РФ. Поводом становятся такие преступления, как террористические акты, государственная измена, преступления против мира и безопасности человечества, а также особо тяжкие посягательства на личность. Государство вынуждено искать правовые и социальные механизмы предотвращения таких деяний и минимизации их последствий. По мнению значительной части граждан, проживающих на территории РФ, смертная казнь воспринимается как один из наиболее действенных способов превентивного воздействия на преступность. Однако её возвращение сталкивается с конституционно-правовыми, международными и процедурными ограничениями. Целью данной работы является анализ целесообразности снятия моратория на смертную казнь в Российской Федерации с учётом правовых позиций Конституционного Суда РФ, международных обязательств России, экономических аспектов содержания осуждённых, данных общественного мнения и существующих альтернатив наказания.*

Ключевые слова: *смертная казнь, мораторий на смертную казнь, отмена моратория.*

Вопрос о возможной отмене моратория на высшую меру наказания продолжает вызывать острые споры в среде юристов-практиков и теоретиков. Волна общественного спроса на ужесточение наказаний обычно поднимается после трагических событий, таких как теракт в Беслане или нападение на «Крокус Сити Холл». Однако всякий раз выясняется, что на пути стоят фундаментальные правовые и этические барьеры, которые невозможно преодолеть точечными поправками в законы. Специфика отечественного правового регулирования заключается в дуализме статуса смертной казни: формально не отмененная, де-факто она полностью исключена из правоприменительной практики ввиду устойчивого моратория. Конституционное регулирование (ч. 2 ст. 20) и нормы Уголовного кодекса РФ (ст. 59) допускают применение исключительной меры наказания за особо тяжкие посягательства на жизнь [1, 2]. Санкция в виде смертной казни заложена в пяти статьях Особенной части УК РФ (ч. 2 ст. 105, ст. 277, 295, 317, 357) [2]. При этом закон исключает применение высшей меры наказания в отношении женщин, несовершеннолетних и мужчин старше 65 лет, а в порядке помилования она заменяется пожизненным лишением свободы либо лишением свободы на срок 25 лет [2].

Генезис действующего запрета на исполнение смертных приговоров обусловлен переплетением двух факторов. Внешнеполитический фактор восходит к 1996 году и подписанию в 1997 г. Протокола №6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ), требовавшего отказа от казней. Хотя в 2022 г. Россия денонсировала юрисдикцию Страсбургского суда и фактически отказалась от ЕКПЧ, внутриправовой фактор кроется в правовых позициях Конституционного Суда РФ. В знаковом Постановлении от 02.02.1999 №3-П Суд сформулировал условие, при котором смертная казнь допустима лишь при наличии суда

присяжных во всех регионах [3]. Поскольку инфраструктура судов присяжных тогда отсутствовала, исполнение приговоров фактически замерло. Позднее, в Определении от 19.11.2009 №1344-О-Р, КС РФ зафиксировал, что сложившийся мораторий и взятые государством обязательства сформировали конституционно-правовой режим, исключающий применение смертной казни [4].

Сторонники снятия моратория, как правило, приводят три основных аргумента. Первый касается наличия общей превенции. Логика состоит в том, что угроза смертной казни должна удерживать потенциальных преступников. Чтобы проверить данное мнение, обратимся к данным судебной статистики МВД России и Судебного департамента при Верховном Суде РФ по составам, предусматривающим смертную казнь: за период до 1997 г. – по ст. 102 УК РСФСР (умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах), с 1997 г. – по ч. 2 ст. 105 УК РФ [5]. Остальные составы, по которым теоретически возможна высшая мера (ст. 277, 295, 317, 357 УК РФ), в этот анализ не включены из-за их единичного характера.

Таблица

Год	Число зарегистрированных преступлений
1994	~ 12 500
1995	~ 12 800
1996	~ 11 900
1997	~ 8 500
1998	~ 8 800
1999	~ 9 200
2000	~ 9 500
2001	~ 9 800
2002	~ 9 400
2003	~ 8 900
2004	~ 8 500
2005	~ 8 100
2006	~ 7 600
2007	~ 7 100
2008	~ 6 800
2009	~ 6 400
2010	~ 6 000
2011	~ 5 700
2012	~ 5 400
2013	~ 5 100
2014	~ 4 900
2015	~ 4 700
2016	~ 4 500
2017	~ 4 300
2018	~ 4 100
2019	~ 3 900
2020	~ 3 700
2021	~ 3 600
2022	~ 3 500
2023	~ 3 400

Примечание: данные основаны на статистических сборниках Судебного департамента при ВС РФ, значения округлены для демонстрации общей тенденции.

При анализе таблицы следует учесть ряд обстоятельств. Распад СССР повлёк за собой глубокий экономический и социальный кризис, который сопровождался ростом маргинализации и организованной преступности. Пик убийств пришёлся на 1994 год, то есть до введения моратория. Рост в 1998–2001 годах совпал с дефолтом и обострением ситуации на Северном Кавказе, а не с отменой смертной казни. С 2002 года число убийств с отягчающими обстоятельствами устойчиво снижалось и к 2010 году упало примерно до 6000 [5]. Всё это время

мораторий продолжал действовать. Следовательно, смертная казнь не является решающим фактором в предотвращении особо тяжких преступлений. Динамика преступности, включая реакцию общества на новые уголовно-правовые феномены (например, преступления против медицинских работников, зависит прежде всего от социальной, политической и экономической обстановки в стране [6,7].

Второй довод – экономия бюджетных средств. Существует мнение, что пожизненное содержание преступников ложится непосильным бременем на казну. Однако эмпирические данные ставят этот тезис под сомнение. По данным Счётной палаты РФ за 2020 г., расходы ФСИН из федерального бюджета составили около 302,6 млрд руб. Доходы от предпринимательской деятельности учреждений, включая труд осуждённых, – не более 36,4 млрд руб., что составляет менее 15% расходов уголовно-исполнительной системы [8]. Некоторые исследователи отмечают серьёзное давление на экономическое состояние государства из-за содержания исправительных комплексов [9]. Однако здесь следует сделать важную оговорку. Даже гипотетическое уменьшение числа заключённых за счёт применения смертной казни не привело бы к существенному сокращению затрат. Основная часть расходов ФСИН связана с оплатой труда сотрудников и содержанием инфраструктуры, а не сводится лишь к бытовому обеспечению осуждённых. Кроме того, снятие моратория потребовало бы введения дополнительных процессуальных гарантий, создания специальных учреждений и проведения длительных судебных процедур, что также легло бы на бюджет. Иллюстративным является американский опыт: по состоянию на середину 2024 года, в «коридорах смерти» США ожидали исполнения приговора более 2200 человек, некоторые из которых проводят там десятилетия из-за бесконечных апелляций [10]. Таким образом, с учётом инфраструктурных и судебных издержек, казнь обходится государству не дешевле, а зачастую дороже пожизненной изоляции.

Третий довод – восстановление социальной справедливости. Сторонники снятия моратория ссылаются на общественный запрос и интересы потерпевших. По данным ВЦИОМ за февраль-март 2025 г., 49% россиян выступают за возвращение смертной казни, 26% – за сохранение моратория, 15% – за полную отмену [11]. Для 73% респондентов эта тема значима, причём доля считающих её «безусловно важной» выросла с 28% в 2010 г. до 36% в 2025 г. [11]. Однако мнение большинства не может служить достаточным основанием для изменения уголовной политики, если оно противоречит конституционным принципам гуманизма и права на жизнь. Исторически принцип талиона («око за око») существовал в первобытном обществе, но современное право эволюционировало от примитивной мести к принципам соразмерности, исправления и реабилитации. Лица, осуждённые за особо тяжкие преступления, способны к исправлению. В качестве историко-правовой иллюстрации часто приводят пример Ф. М. Достоевского, приговорённого в 1849 году к смертной казни, заменённой в последний момент каторгой. Пройдя через это испытание, он создал произведения, глубоко исследующие проблемы преступления и искупления. Этот пример наглядно показывает: даже человек, совершивший тяжкое деяние, способен к внутреннему преображению. Таким образом, тезис о восстановлении социальной справедливости посредством смертной казни является несостоятельным, так как он основан на архаичном принципе талиона и игнорирует возможность реабилитации.

Противники снятия моратория выдвигают ряд существенных доводов, и прежде всего – проблему необратимости судебной ошибки. В отличие от лишения свободы, которое можно пересмотреть, смертный приговор после исполнения исправить невозможно. История отечественного правосудия знает трагические примеры, подтверждающие эту угрозу. Самый яркий – дело Андрея Чикатило. При первом расследовании, под давлением общественности и из-за слабой криминалистики, были казнены невиновные (например, Александр Кравченко, расстрелянный в 1979 году и посмертно реабилитированный) [7]. Нередко сторонники казни возражают, ссылаясь на современные ДНК-анализы, видеонаблюдение и цифровые методы, которые якобы сводят ошибку к минимуму. Однако этот аргумент несостоятелен по двум

причинам. Первая – человеческий фактор: фальсификации, ложные показания, давление на следствие и суд, риски которых только возрастают с развитием цифровых технологий (например, использование фейков и дипфейков для фальсификации доказательств) [12]. Вторая – преступления могут совершаться в труднодоступных местах, где техника может быть бессильна, или при полном отсутствии свидетелей и биологических следов. Государство берёт на себя непоправимую ответственность, цена которой – человеческая жизнь.

Другой довод – отсутствие убедительных данных о том, что смертная казнь снижает уровень особо тяжких преступлений против жизни эффективнее, чем пожизненное лишение свободы. Сравнительные криминологические исследования, проведённые в различных странах, не дают однозначного подтверждения превентивного эффекта высшей меры наказания по отношению к альтернативным санкциям [10]. Любые изъяны пожизненного заключения – будь то риск рецидива, ощущение несправедливости у потерпевших или ограничения для осуждённого – могут быть в той или иной степени скорректированы. Пожизненное заключение сохраняет возможность исправить судебную ошибку, а смертный приговор такой возможности не оставляет.

Помимо юридических препятствий, существует и позиция высших должностных лиц государства. В сентябре 2025 г. Генеральный прокурор РФ, отвечая на запрос члена Совета Федерации на заседании профильного комитета, заявил: «Моё мнение однозначно – это невозможно, позиция государства является окончательной и основана на фундаментальных решениях Конституционного суда РФ» [13]. Президент Российской Федерации также неоднократно указывал, что даже в условиях специальной военной операции смертная казнь не вводится.

Отдельного рассмотрения требуют процедурные аспекты. Согласно ст. 184 УИК РФ, при подаче осуждённым ходатайства о помиловании исполнение приговора приостанавливается до решения Президента РФ [14]. Поэтому даже после вынесения смертного приговора осуждённый может годами ожидать его исполнения, что подрывает аргумент о «быстром и дешёвом» правосудии. В научной литературе высказываются предложения о введении обязательной отсрочки исполнения смертного приговора на срок до одного года с повторным рассмотрением дела, что ещё больше увеличило бы процессуальные издержки. Таким образом, позиция власти и процедурные барьеры формируют дополнительный контур защиты моратория, делая его снятие не только юридически затруднительным, но и фактически нецелесообразным.

Проведённый анализ позволяет сделать однозначный вывод: возвращение смертной казни в Российской Федерации не имеет под собой правовых, экономических или криминологических оснований. Статистические данные опровергают тезис об устрашающем эффекте высшей меры: динамика снижения тяжких преступлений коррелирует с социально-экономической стабилизацией, а не с угрозой казни [5; 7]. Экономический аргумент опровергается структурой расходов ФСИН и сравнительным опытом США [8; 10]. Апелляция к социальной справедливости подменяет правовые принципы архаичным талионом. Необратимость судебной ошибки делает смертную казнь морально и юридически неприемлемой. Пожизненное лишение свободы остаётся единственно допустимой мерой, гарантирующей изоляцию и сохраняющей механизм пересмотра дела. Борьба с тяжкой преступностью требует повышения раскрываемости и улучшения социальной профилактики, а не ужесточения репрессий.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 №1-ФКЗ и №2-ФКЗ).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон : от 13.06.1996 №63-ФЗ : ред. от 2024 г.

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1999 №3-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 41, частей второй и третьей статьи 107, статьи 124, части второй статьи 144, статьи 147 и статьи 156 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР...».

4. Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 №1344-О-Р «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Батаева Х.З. на нарушение его конституционных прав статьей 59 Уголовного кодекса Российской Федерации».

5. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Статистика по уголовным делам : официальный сайт. – URL: http://cdep.ru (дата обращения: 24.09.2026). – Текст : электронный.

6. Малышева, Ю. Ю. Преступления против медицинских работников, или «катаятрические преступления» – новый уголовно-правовой феномен / Ю. Ю. Малышева // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2026. – № 3 (120). – С. 113–121. – DOI 10.51965/2076–7919_2026_3_113. – EDN AQXXGM.

7. Криминология : учебник для вузов / под ред. А. И. Долговой. – 5-е изд. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2022. – 928 с.

8. Отчет Счетной палаты Российской Федерации о результатах проверки эффективности использования бюджетных средств, выделенных ФСИН России, за 2020 год.

9. Чучаев, А. И. Экономические аспекты исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы : монография / А. И. Чучаев. – Москва : Юрлитинформ, 2021. – 214 с.

10. Global Study on Homicide 2023 / United Nations Office on Drugs and Crime. – Vienna : UNODC, 2023.

11. Отношение россиян к смертной казни : данные социологического опроса ВЦИОМ, февраль-март 2025 г. // ВЦИОМ : официальный сайт. – URL: https://wciom.ru (дата обращения: 24.09.2026). – Текст : электронный.

12. Малышева, Ю. Ю. Мошеннические проявления фейков и дипфейков: проблемы противодействия / Ю. Ю. Малышева // Российско-азиатский правовой журнал. – 2025. – № 1. – С. 105–109. – DOI 10.14258/ralj(2025)1.16. – EDN DUZCHT.

13. Стенограмма заседания Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству (сентябрь 2025 г.) // Совет Федерации : официальный сайт. – URL: https://council.gov.ru (дата обращения: 24.09.2026). – Текст : электронный.

14. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон : от 08.01.1997 №1-ФЗ : ред. от 2024 г.

Котмакова Татьяна Алексеевна
магистрант
Чебоксарский институт (филиал) ФГАОУ ВО «Московский политехнический университет»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

DOI 10.31483/r-169867

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА РЕЗУЛЬТАТОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация: *в статье рассматриваются ключевые проблемы определения правового статуса результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта. Анализируются подходы российского законодательства и доктрины к вопросам авторства, изобретательства и охраноспособности результатов деятельности ИИ. Исследуются концептуальные барьеры, связанные с человекоцентричной моделью авторского и патентного права, а также возможные пути преодоления правовой неопределенности. Особое внимание уделяется проблеме разграничения вклада человека и машины в создание охраняемого результата и моделям правового опосредования действий ИИ-агентов.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, интеллектуальная собственность, авторское право, патентное право, правовой статус, результаты интеллектуальной деятельности, правосубъектность, гибридная модель, инструментальная модель.*

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) порождает фундаментальный вопрос: могут ли результаты, созданные автономно действующими системами ИИ, быть объектами правовой охраны, и если да, то кому принадлежат права на них? Данная проблема выходит за рамки сугубо технической и требует серьезного юридического

осмысления, поскольку затрагивает базовые категории гражданского права – субъект права, объект правоотношения, творческий характер деятельности.

В российской юридической доктрине проблема правового статуса ИИ активно разрабатывается представителями Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. Т.Я. Хабриева указывает, что «право становится не только средством, инструментом, обеспечивающим цифровизацию экономики, управления и других сегментов социального бытия, но и объектом воздействия цифровизации» [5, с. 87]. Это означает, что трансформация права под влиянием цифровых технологий носит не внешний, а имманентный характер, затрагивая его содержание, форму и механизм действия [5, с. 88].

Актуальность темы обусловлена тем, что действующее российское законодательство не содержит специальных норм, регулирующих правовой режим результатов деятельности ИИ. Как отмечает Т.Я. Хабриева, «пока рано утверждать о формировании четкого понимания закономерностей этих трансформаций» [6, с. 7], однако практика ставит перед правом все новые вопросы, требующие теоретического осмысления и нормативного решения. Для того чтобы подойти к решению этих вопросов, необходимо прежде всего понять, какие концептуальные барьеры создает сама конструкция современного права интеллектуальной собственности.

Традиционное право интеллектуальной собственности построено на постулате о человеческом творчестве как источнике охраняемых благ. Авторское право связывает возникновение прав с творческим трудом физического лица, патентное право – с изобретательской деятельностью человека. Эта парадигма, сформировавшаяся в эпоху, когда единственным творцом мог быть только человек, вступает в противоречие с реальностью, в которой все больше результатов создается алгоритмами.

Согласно пункту 1 статьи 1257 Гражданского кодекса РФ, автором произведения науки, литературы или искусства признается гражданин, творческим трудом которого оно создано. Аналогичным образом пункт 1 статьи 1347 ГК РФ определяет автора изобретения как физическое лицо, творческим трудом которого создано изобретение. Таким образом, российский законодатель последовательно связывает авторство с человеческой творческой деятельностью.

Как отмечает В.О. Калятин, такой подход создает определенные сложности применительно к результатам, созданным с использованием систем ИИ. Если человеческий вклад в создание результата не носит творческого характера, результат может быть признан неохраноспособным в силу отсутствия надлежащего субъекта авторства [3, с. 45]. Это порождает ситуацию правовой неопределенности, когда значительное количество создаваемых обществом информационных благ оказывается вне сферы правовой охраны.

Ключевым для определения охраноспособности результата является вопрос о наличии творческого характера деятельности. В российской доктрине творчество традиционно понимается как сознательная, целенаправленная деятельность человека, направленная на создание нового, оригинального результата. Как указывает Э.П. Гаврилов, «творчество – это деятельность человека, порождающая нечто качественно новое, никогда ранее не существовавшее» [2, с. 112].

Применительно к результатам деятельности ИИ возникает вопрос: может ли деятельность, осуществляемая технической системой, быть квалифицирована как творческая? Большинство российских исследователей придерживаются позиции, согласно которой творчество является исключительно человеческой прерогативой, а деятельность ИИ представляет собой лишь переработку имеющихся данных по заданным алгоритмам [2, с. 114]. Однако такая позиция не решает проблему правового режима результатов, которые внешне неотличимы от созданных человеком.

Именно это противоречие – между формальным требованием человеческого творчества и фактическим отсутствием человеческого творческого вклада в ряде случаев – закономерно подводит нас к более фундаментальному вопросу: а может ли сам ИИ рассматриваться в

качестве субъекта права? Ведь если признать за ИИ хотя бы ограниченную правосубъектность, многие из обозначенных проблем получили бы иное решение

В российской цивилистической доктрине преобладает позиция, согласно которой ИИ не может быть признан субъектом права. Как отмечает А.И. Савельев, «искусственный интеллект не обладает волей в юридически значимом смысле, не несет ответственности за свои действия и не может быть участником правоотношений» [4, с. 72]. Правосубъектность предполагает наличие правоспособности и дееспособности, которые неразрывно связаны с человеческой личностью.

Кроме того, признание ИИ субъектом права потребовало бы пересмотра фундаментальных основ гражданского права, включая институты сделки, ответственности и представительства. Как указывает Т.Я. Хабриева, «наделение роботов правосубъектностью – это не просто техническое изменение законодательства, а смена парадигмы правового регулирования» [6, с. 10], что представляется неоправданным в условиях отсутствия реальной общественной потребности в таком изменении.

Отказ от признания ИИ субъектом права, однако, не снимает вопроса о том, как юридически опосредовать действия ИИ-агентов, которые всё активнее участвуют в гражданском обороте. А.И. Савельев предлагает разграничение двух базовых моделей такого опосредования. Инструментальная модель рассматривает ИИ как «функциональное продолжение воли пользователя», при котором правовые последствия действий агента возникают непосредственно у оператора [4, с. 73]. Преимущества этой модели – предсказуемость и отсутствие необходимости в новых правосубъектных категориях.

Однако инструментальная модель «ломается» на автономии ИИ. При высокой автономии «фикция «инструмента» превращается в юридическую презумпцию воли, которой фактически не было», что подрывает основы теории сделки [4, с. 74]. Представительская модель, основанная на аналогии с институтом представительства (глава 10 ГК РФ), учитывает автономию агента, но требует правосубъектности представителя, которой у ИИ нет [4, с. 75].

В качестве решения Савельев предлагает гибридную модель: при низкой автономии ИИ-агента применяется инструментальная модель, при высокой – элементы представительской модели с соответствующей адаптацией [4, с. 76]. Эта конструкция позволяет сохранить бинарность «субъект-объект», не прибегая к фикции правосубъектности ИИ, но одновременно учитывая специфику автономных систем.

Таким образом, даже оставаясь на позициях человекоцентричной парадигмы и отказывая ИИ в правосубъектности, доктрина вынуждена конструировать специальные правовые механизмы для опосредования его деятельности. Это, в свою очередь, обостряет ключевой практический вопрос: где проходит граница между результатом, созданным человеком с использованием ИИ как инструмента, и результатом, созданным ИИ автономно.

Одной из наиболее сложных проблем, не получивших окончательного разрешения, является вопрос о разграничении вклада человека и ИИ в создание результата. В случаях, когда система ИИ используется как инструмент, полностью контролируемый человеком, вопрос о правовом статусе результата решается относительно просто: результат считается созданным человеком с использованием технического средства [3, с. 47]. Сложности возникают, когда ИИ проявляет значительную автономию, генерируя результаты, которые не были напрямую запрограммированы или предвидены оператором.

В доктрине предлагается использовать критерий «существенного человеческого вклада»: если человеческий вклад в создание результата является существенным и творческим, результат подлежит охране как произведение или изобретение человека. Если же человеческий вклад ограничивается запуском системы и формулированием общего запроса, результат не может быть объектом авторского или патентного права [3, с. 48].

Данный подход, однако, сталкивается с практическими трудностями. Как определить «существенность» вклада? Какие критерии следует использовать для оценки творческого

характера человеческого участия? Эти вопросы остаются открытыми и требуют дальнейшей теоретической разработки.

Как отмечает В.О. Калятин, «определение степени человеческого участия в создании результата с использованием ИИ требует разработки специальных правовых презумпций и критериев, которые в настоящее время отсутствуют» [3, с. 50]. Это создает ситуацию правовой неопределенности, негативно сказывающейся как на правообладателях, так и на пользователях результатов деятельности ИИ.

Именно нерешенность вопроса о критериях человеческого вклада обусловливает множественность доктринальных предложений относительно того, как в целом должен быть устроен правовой режим результатов деятельности ИИ. Рассмотрим основные из этих предложений.

Первая модель – «отказ от охраны» – предполагает, что результаты, созданные автономно действующим ИИ, не подлежат правовой охране и переходят в общественное достояние. Преимуществом данной модели является простота и отсутствие необходимости в пересмотре базовых концепций права интеллектуальной собственности. Недостатком – отсутствие стимулов для инвестиций в разработку ИИ, создающего коммерчески ценные результаты [4, с. 76].

Вторая модель – «фиктивное авторство» – заключается в признании автором лица, организовавшего создание результата (разработчика ИИ, его владельца или пользователя). Данный подход позволяет сохранить привычную конструкцию авторского права, однако создает риск необоснованного приписывания человеческого творчества результатам, созданным машиной [3, с. 51].

Третья модель – «специальный правовой режим» – предполагает создание особого режима охраны для результатов деятельности ИИ, отличного от авторского и патентного права. Такой режим может включать, например, сокращенный срок охраны, ограниченный объем прав или обязательную маркировку происхождения результата [4, с. 77].

Каждая из рассмотренных моделей имеет свои достоинства и недостатки, и выбор между ними – это не столько технический, сколько ценностный вопрос, определяющий, каким образом общество намерено балансировать интересы разработчиков ИИ, авторов и широкой публики.

Правовой статус результатов деятельности искусственного интеллекта остается одной из наиболее сложных и динамично развивающихся областей современного права. Проведенный анализ позволяет выстроить следующую логическую цепочку выводов.

Исходная проблема состоит в том, что человекоцентричная парадигма права интеллектуальной собственности, связывающая авторство и изобретательство с творческой деятельностью физического лица, создает концептуальные препятствия для признания охраноспособности результатов, созданных автономно действующими системами ИИ. Эта проблема, однако, не решается простым признанием ИИ субъектом права: как показал анализ, такой шаг потребовал бы смены парадигмы правового регулирования и не имеет достаточных общественных оснований.

Отсюда следует, что фокус регулирования должен быть смещен от вопроса о правосубъектности ИИ к вопросу о критериях человеческого вклада. Как отмечает Т.Я. Хабриева, «пока рано утверждать о формировании четкого понимания закономерностей этих трансформаций» [6, с. 7], однако доктрина вырабатывает операциональные стандарты, позволяющие разграничивать результаты, созданные человеком с использованием ИИ, и результаты, созданные ИИ автономно.

Наконец, нерешенность вопроса о критериях человеческого вклада обусловливает множественность моделей правового регулирования – от полного отказа от охраны до создания специального правового режима. Наиболее перспективной представляется гибридная модель, сочетающая инструментальный подход к ИИ с элементами представительской конструкции

применительно к высокоавтономным системам [4, с. 76]. Это позволяет сохранить концептуальную целостность права, не игнорируя технологическую реальность.

Дальнейшее развитие правового регулирования в данной сфере требует комплексного подхода, учитывающего как потребности технологического развития, так и необходимость защиты интересов авторов и общества. Как справедливо отмечает В.О. Калятин, «право должно найти баланс между стимулированием инноваций и сохранением концептуальной целостности системы интеллектуальной собственности» [3, с. 52].

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) : от 18.12.2006 №230-ФЗ : ред. от 2025 // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 52 (ч. 1). – Ст. 5496.

2. Гаврилов, Э. П. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации / Э. П. Гаврилов, В. И. Еременко. – Москва : Экзамен, 2023. – 512 с.

3. Савельев, А. И. Модели машинного обучения: в поисках места в системе объектов интеллектуальной собственности / А. И. Савельев // Закон. – 2026. – № 1. – С. 70–77.

4. Хабриева, Т. Я. Право в условиях цифровой реальности / Т. Я. Хабриева, Н. Н. Черногор // Журнал российского права. – 2018. – № 1 (253). – С. 85–102.

5. Хабриева, Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2018. – № 9. – С. 5–16.

Крюкова Анастасия Юрьевна
студентка
Научный руководитель
Бойко Наталия Семеновна
канд. юрид. наук, д-р ист. наук, доцент, профессор

ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный
педагогический университет им. И.Н. Ульянова»
г. Ульяновск, Ульяновская область

САМОЗАЩИТА КАК ФОРМА ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Аннотация: *рассмотрены правовые основы самозащиты нарушенных прав потребителя. Отмечается отсутствие в действующем законодательстве чёткого определения самозащиты, приводятся трактовки современных авторов, а также условие соразмерности способов самозащиты нарушению. Делается вывод о том, что самозащита осуществляется в определённом порядке потребительского права, а при её безуспешности предусмотрена судебная защита.*

Ключевые слова: *самозащита, способы самозащиты, претензионный порядок урегулирования споров.*

Кроме судебного порядка защиты нарушенных прав потребителя Гражданский кодекс предусматривает такую формы защиты прав потребителя как самозащиту [1].

В действующем законодательстве четкое определение самозащиты отсутствует. Современные авторы представляют собственные трактовки самозащиты. В частности, самозащита – это закрепленное в гражданско-правовой норме инициативное самостоятельное право на восстановление юридическими или физическими лицами нарушенных прав или их предупреждение (пресечение) без обращения к принудительной силе государства путем обращения в суд или другие компетентные органы с целью уменьшения последствий данного нарушения, осуществляемой без нарушения пределов действий, необходимых для прекращения субъективного права [5]. Также самозащита трактуется как межотраслевой институт российского права, форма защиты реально нарушенного права, способ реализации права, который может определяться самим субъектом в рамках действующего законодательства РФ [6]. Иными словами, самозащита применительно к гражданско-правовым отношениям представляет собой действия лица в рамках гражданско-правового поля, нацеленные на обеспечение

неприкосновенности права, на пресечение нарушения права и ликвидацию последствий нарушения минуя обращение к уполномоченным юрисдикционным органам.

Особо необходимо отметить существующее условие применения самозащиты, которое заключается в следующем – способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения [1].

Действующее законодательство предусматривает конкретные способы самозащиты в рамках нарушенных прав потребителя. Например, для потребителя особую важность представляют сроки выполнения работ, услуг или же получения товара, а также сроки в части выполнения требований потребителя по нарушенным ранее правам.

Статьей 28 Федерального закона №2300-1 «О защите прав потребителей» предусмотрены конкретные способы самозащиты в рамках нарушенных прав потребителя если исполнитель нарушил сроки выполнения работы или оказания услуги – сроки начала и (или) окончания выполнения работы, оказания услуги и (или) промежуточные сроки выполнения работы, оказания услуги или же во время выполнения работы, оказания услуги стало очевидным, что она не будет выполнена в срок, в этом случае потребитель на свое усмотрение вправе назначить исполнителю новый срок, поручить выполнение работы или оказание услуги третьим лицам или же выполнить ее своими силами и потребовать от исполнителя возмещения понесенных расходов, уменьшения цены за выполнение работы или оказание услуги, отказаться от исполнения договора о выполнении работы или оказании услуги. Потребитель вправе потребовать полного возмещения убытков, причиненных ему в связи с нарушением сроков выполнения работы, оказания услуги. При этом убытки возмещаются в сроки, установленные для удовлетворения соответствующих требований потребителя.

Например, потребитель заключил с организацией договор на изготовление и установку дверей в квартиру. В договоре прописаны следующие сроки: на изготовление дверей и их доставку в квартиру заказчика предусмотрено 14 дней с момента подписания договора, на установку дверей предусмотрено 3 дня. По истечении 14 дней двери так и не были изготовлены и доставлены заказчику. Организация-исполнитель объяснила нарушение сроков большим объемом заказов. Потребитель согласился продлить сроки изготовления и доставки дверей на 5 дней, однако взамен потребовал бесплатную доставку, о чем уведомил исполнителя письменно. В данном случае исполнитель согласился выполнить условие потребителя, нарушенные права потребителя были восстановлены.

Статья 23 Федерального закона №2300-1 «О защите прав потребителей» устанавливает следующее: за нарушение сроков, за невыполнение или же за задержку выполнения требования потребителя о предоставлении ему на период ремонта или же замены аналогичного товара продавец, изготовитель или иная уполномоченная организация или же уполномоченный индивидуальный предприниматель, а также импортер, допустивший данные нарушения, уплачивает потребителю за каждый день просрочки неустойку в размере одного процента от цены товара. В случае невыполнения требований потребителя в установленные сроки, потребитель вправе по своему выбору предъявить иные требования.

Другая не менее острая чем сроки проблема для потребителя – обнаружение недостатков товара. Статья 18 Федерального закона №2300–1 «О защите прав потребителей» устанавливает конкретные способы самозащиты, а именно – требовать замену товара на товар этой же марки, артикула; требовать замену товара на товар другой марки с перерасчетом цены; требовать соразмерного уменьшения покупной цены; требовать незамедлительного устранения недостатка на безвозмездной основе или же возмещения расходов при устранении недостатков самим потребителем или третьим лицом; отказаться от исполнения договора купли-продажи и потребовать возврата уплаченных за товар денежных средств [2].

Особо необходимо выделить претензионный порядок урегулирования споров, который можно отнести к разновидности самозащиты. Потребители, столкнувшиеся с ситуацией, связанной с приобретением некачественного товара, могут придерживаться следующего алгоритма действий:

подготовка письменной претензии, содержащей одно из требований, рассмотренных выше. Причем претензия адресована либо продавцу, либо изготовителю (не работнику данных организаций, а юридическому лицу). К претензии прикладывается копия товарного чека или кассового чека;

претензия составляется в 2-х экземплярах. Один экземпляр передается продавцу либо изготовителю, а на втором экземпляре, который остается у потребителя, продавец либо изготовитель ставит по просьбе потребителя отметку о получении. Если продавец (изготовитель) отказывается принимать претензию, то она передается любому работнику организации при свидетелях, либо направляется почтой на юридический адрес продавца (изготовителя) заказным письмом, либо на электронный адрес;

продавец (изготовитель) должен либо удовлетворить требование потребителя, либо отказать ему в удовлетворении требований. Причем под отказом понимается не только получение потребителем соответствующего письма об отказе в удовлетворении требований, но и само бездействие со стороны продавца (изготовителя);

если требования не удовлетворены, потребитель вправе обратится в органы по защите прав потребителей, включая Роспотребнадзор или же в судебные органы [7].

В качестве примера можно рассмотреть приобретение предмета мебели покупателем. В специализированном мебельном магазине покупатель выбрал комод. Менеджер салона объяснила, что выставочный образец не может быть реализован и предложила сделать заказ на выбранный вариант, а также заключить договор купли-продажи и договор на доставку комода. Сборку комода в квартире покупатель осуществляет своими силами. Покупатель сделал заказ, заключил договор и внес 100%-й авансовый платеж. В установленные договором сроки комод доставлен потребителю, однако, при сборке выяснилось, что привезенный комод имеет дефекты, которые не позволяют осуществить сборку и установку комода. Незамедлительно связавшись с менеджером мебельного салона, потребитель изложил суть возникшей проблемы. В данном случае менеджер сама предложила составить претензию. Потребитель составил письменную претензию в 2-х экземплярах на имя продавца комода, в которой подробно изложил возникшую проблему и потребовал заменить товар (комод) на аналогичный в течение 3-х дней. К претензии потребитель приложил копию кассового чека и фото бракованных деталей комода. Потребитель лично доставил претензию продавцу и потребовал поставить отметку о получении экземпляра претензии на своем экземпляре. Новый комод надлежащего качества доставили потребителю в указанные в претензии сроки. Нарушенные права потребителя в данном случае были восстановлены.

Потребитель вправе осуществить возврат не только некачественного товара, но и товара, в котором недостатки отсутствуют. Статья 25 Федерального закона №2300-1 «О защите прав потребителей» установила срок в 14 дней для возврата непродовольственных товаров надлежащего качества, в случае если товар «не подошел» по различным параметрам – форма, расцветка, размер и т. д. Непременное условие для такого возврата – товар не должен быть в употреблении, сохранились все ярлыки и пломбы (при наличии). Потребитель вправе вернуть потраченные средства на покупку товара или потребовать замены на аналогичный товар.

Таким образом, выбор потребителем самозащиты своих нарушенных прав сопровождается определенным порядком потребительского права. В том случае, если попытка потребителя восстановить нарушенные права самостоятельно не привела к успеху, предусмотрена судебная защита нарушенных прав потребителя.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая : от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ : принят Гос. Думой 24 нояб. 2006 г. : одобрен Советом Федерации 8 дек. 2006 г. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

2. О защите прав потребителей : Федеральный закон : от 07.02.1992 № 2300–1 // СПС «КонсультантПлюс».

3. Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека : Постановление Правительства РФ : от 30.06.2004 № 322 : ред. от 02.04.2025 // СПС «КонсультантПлюс».

4. Об утверждении Регламента Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека : Приказ Роспотребнадзора : от 28.01.2021 № 11 : ред. от 21.04.2025 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Лалиева, М. М. Самозащита гражданских прав: понятие и особенности реализации / М. М. Лалиева // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 12 (204). – С. 81–82.

6. Сараев, М. А. Понятие самозащиты в гражданском праве / М. А. Сараев, В. Н. Лисица // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2022. – Т. 6. – С. 186–188.

7. Памятка «Кодекс в сфере защиты прав потребителей в Российской Федерации». – URL: https://cilna73.gosuslugi.ru/netcat_files/userfiles/Foto/20190409-brosch.pdf?ysclid=mvf706734p131353668 (дата обращения: 23.10.2026). – Текст : электронный.

Кузнецова Арина Ивановна
студентка
Научный руководитель
Чигрина Елена Владимировна
канд. экон. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»
г. Иркутск, Иркутская область

ПРАВОНАРУШЕНИЕ (ПРЕСТУПЛЕНИЕ) И ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация: *целью исследования является изучение таких правовых категорий, как «правонарушение», «преступление» и «юридическая ответственность» С этой целью предметом исследования стал теоретико-правовой анализ их содержания и взаимосвязи. Особое внимание уделяется такому признаку общественно-опасного деяния, как вина. Результатом исследования стал вывод о том, что наложение юридической ответственности является неотъемлемым результатом действий, нарушающих закон.*

Ключевые слова: *теория уголовного права, правонарушение, уголовное право, преступление, юридическая ответственность, наказание.*

В сфере уголовного права основополагающей категорией является противоправность, которая служит важнейшим признаком при определении преступления. Противоправность по своей сути относится к действиям или поведению, противоречащим установленным нормам [3, с. 138]. Данная характеристика имеет первостепенное значение, поскольку она не только подчеркивает вредность определенных действий, но и означает формальный запрет на их совершение со стороны государственной власти. Признание действия незаконным укрепляет социальные границы, отличая допустимое поведение от неприемлемого с юридической точки зрения [9, с. 126]. При этом общественная опасность и противоправность деяния находятся во взаимосвязи и взаимообусловлены. Уголовная противоправность включает в себя и виновность, поскольку уголовный закон признает преступными только виновные деяния.

Общественную опасность раскрывает качественный признак преступления, который объясняет, почему совершенное деяние признается преступлением и выражает его материальную сущность. Другими словами, преступление потому и признается общественно опасным, поскольку фактом его совершения причиняется вред или создается потенциальная угроза нанесения вреда объектам уголовно-правовой охраны. Например, объект посягательства при похищении человека – его физическая свобода [1, с. 365].

Понятие общественной опасности дополняется понятием вины, которое имеет центральное значение для вынесения судебных решений и обеспечения соблюдения закона, особенно в сфере уголовного правосудия. При этом умышленная вина (ст. 25 УК РФ) предполагает,

что лицо осознает вред своих действий и либо желает, либо принимает наступление вредных последствий. Прямой умысел предполагает ситуации, когда преступник желает вредных результатов, что отражает преднамеренное участие в преступном деянии. Косвенный умысел относится к обстоятельствам, когда преступник, хотя и не желает вредных результатов, но предвидит и сознательно допускает такие результаты [8, с. 342].

Кроме того, понятие вины расширяется и охватывает формы вины по неосторожности, такие как легкомыслие, небрежность, которые заметно отличаются от умышленной вины. Так, неосторожность (ст. 26 УК РФ) характеризуется непредвидением возможных опасных последствий, которые мог бы предвидеть разумный и внимательный человек. Данная форма вины возникает из-за отсутствия предвидения или чрезмерного оптимизма в отношении предотвращения вредных последствий [6, с. 468], что представляет собой более пассивную форму вины по сравнению с активным участием, наблюдаемым при умышленной вине.

Укажем, что вина – это центральная конструкция субъективной стороны преступления, которая является особенно сложной и включает в себя правовые, философские, этические, психологические и социальные аспекты. Это многогранная концепция, включающая различные формы, которые имеют решающее значение для возложения юридической ответственности. Без установления вины применение уголовного закона было бы несправедливым, поскольку оно гарантирует, что уголовным наказаниям подлежат только те, кто совершает запрещенное деяние с преступным намерением [5, с. 1130]. При этом не нашедшие внешнего (объективного) выражения, не воплотившиеся в поступке намерения и помыслы человека, преступлением признаны быть не могут.

В свою очередь, при юридическом анализе преступлений исследование мотива в умышленных преступлениях является обязательным, поскольку он представляет собой внутреннюю движущую силу действий правонарушителя и чаще всего выступает в качестве квалифицирующих признаков (например, убийство из кровной мести). Здесь следует согласиться с мнением тех авторов, которые говорят о том, что мотивация преступного поведения всегда представляет особый исследовательский интерес [4, с. 135; 7, с. 113]. При этом мотив имеет квалифицирующее значение только в том случае, если это прямо указано законодателем [2, с. 132]. Если в диспозиции статьи Особенной части УК РФ отсутствует прямое указание на мотив совершения преступления, он не имеет квалифицирующего значения.

Вместе с тем, ошибочно полагать, что в таком случае мотивация преступного поведения не имеет значения вообще. В таких случаях изучение преступной мотивации необходимо для изучения личности преступника, и может косвенно влиять на выбор судом вида и меры уголовного наказания. Кроме того, мотив может выступать частью предмета доказывания. Мотив может излагаться законодателем как часть субъективной стороны основного состава преступления, так и квалифицирующим признаком.

В свою очередь, наказуемость – признак преступления, характеризующий не его сущность, а указывающий на неблагоприятные для виновного и неизбежные правовые последствия. Наказание относится к центральным институтам уголовного права и является одной из важнейших мер противодействия преступности. Борьба с преступностью невозможна без наказания и других средств уголовно-правового воздействия, а также без совершенствования системы видов уголовного наказания и механизма их исполнения. Наказание является основным способом реализации уголовной ответственности. В частности, уголовная ответственность представляет собой естественную реакцию общества на попытки отдельных субъектов причинить вред обществу, тем самым нарушив социально значимые общественные отношения, и потому она выступает необходимым средством для обеспечения нормальных условий жизнедеятельности граждан.

Таким образом, можно сделать вывод, что наложение юридической ответственности является неотъемлемым результатом действий, нарушающих закон. Юридическая ответственность связывает противоправное деяние с его последующими правовыми последствиями, прочно закрепляя важность правоохранительной деятельности в поддержании социальных

норм и обеспечении справедливости. Подчеркнем, что закон требует объективного соответствия назначаемого наказания степени общественной опасности виновного и совершенного им деяния, тем самым поддерживая верховенство закона и социальных норм. При этом в идеале убежденность в справедливости наказания должна исходить как со стороны общества, так и со стороны осужденного лица, что выражается в принятии размера назначенного виновному наказания как соразмерного содеянному – «получил по заслугам».

Список литературы

1. Архипкин, И. В. Проблемы совершенствования нормы, устанавливающей ответственность за похищение человека / И. В. Архипкин, С. В. Корнакова // Всероссийский криминологический журнал. – 2022. – Т. 16, № 3. – С. 365–373.

2. Гайков, Д. Г. Установление мотивов совершения преступлений криминалистические возможности и уголовно-процессуальная целесообразность / Д. Г. Гайков, С. В. Корнакова // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2014. – № 4(30). – С. 126–133.

3. Громов, А. О. К вопросу о понятии и признаках правонарушения / А. О. Громов, Н. И. Епихин, А. А. Маркина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 13 (88). – С. 137–139.

4. Корнакова, С. В. Мотив как элемент субъективной стороны преступления (на примере ст. 155 УК РФ) / С. В. Корнакова, Е. В. Чигрина // Московский юридический журнал. – 2026. – № 2. – С. 135–143.

5. Кравчук, А. С. Вина в структуре состава правонарушения: теоретико-правовой аспект / А. С. Кравчук // Эволюция российского права. – 2022. – № 1. – С. 1129–1132.

6. Основы права : учебное пособие / Е. Л. Балеева, Т. Ю. Епифанцева [и др.]. – Иркутск, 2010. – 571 с.

7. Питулько, К. В. Проблемы определения структуры низменной мотивации умышленных преступлений (на примере ревности, мести, зависти, ненависти и вражды) / К. В. Питулько, А. А. Сергеева // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 10 (214). – С. 113–115.

8. Правоведение : учебник / О. Н. Захарова, М. Я. Загвозкина, Т. Ю. Епифанцева [и др.]. – Иркутск : БГУ, 2017. – 370 с.

9. Чигрина, Е. В. Правовая культура личности как условие эффективной реализации ее прав и свобод / Е. В. Чигрина, С. В. Корнакова // 20 лет Конституции России: актуальные проблемы развития правового государства. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2014. – С. 125–131.

Купирова Чулпан Шеукатовна
канд. юрид. наук, доцент
Алексеева Карина Геннадьевна
студентка

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ОБЕСПЕЧЕНИЕ АДВОКАТСКОЙ ТАЙНЫ В ЦИФРОВЫХ КАНАЛАХ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация: *обеспечение адвокатской тайны в цифровой среде требует комплексного подхода, сочетающего технические меры защиты с осознанным выбором инструментов и соблюдением профессиональных стандартов. В статье предлагаются меры по защите конфиденциальной информации для обеспечения адвокатской тайны. Адвокат должен постоянно следить за новыми угрозами и применять защитные меры.*

Ключевые слова: *адвокатская тайна, адвокатская деятельность, цифровизация, информационная безопасность, персональные данные.*

Соблюдение адвокатской тайны является обязательным условием реализации права граждан на квалифицированную юридическую помощь, закрепленное Конституцией РФ (ст. 48). Данный термин законодательно закреплен Федеральным законом от 31 мая 2002 г. №63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (ст. 8). Согласно

статье 8 данного закона, адвокатская тайна включает любые сведения, связанные с оказанием юридической помощи, в том числе содержание консультаций, переписку и иные документы, полученные адвокатом от доверителя.

Современный уровень цифровизации существенно повлиял как в целом на юридическую профессию, так и адвокатскую практику, что также привело к появлению новых рисков в сфере обеспечения конфиденциальности.

В статье авторами рассмотрены основные угрозы и способы защиты информации, составляющей адвокатскую тайну.

В настоящее время профессиональная деятельность адвоката имеет преимущественно «удаленный» характер. При проведении судебных заседаний широко используются возможности видеоконференцсвязи, подачу и получение документов из суда возможно осуществлять электронно, а работу с доверителем и его документами организовать в облачном пространстве. Однако, за определенным на первый взгляд упрощением взаимодействия между сторонами, возникают и определенные риски, связанные с обеспечением информационной безопасности. Рассмотрим самые распространенные.

1. Утечка через облачные сервисы. Публичные облачные платформы (Яндекс Диск, Google Drive и т. п.) удобны для совместной работы, но их серверы могут физически находиться за границей. Это создаёт риск несанкционированного доступа к данным со стороны иностранных органов или из-за уязвимостей сервиса.

2. Незащищённые каналы связи. Пересылка сканов документов через мессенджеры, электронную почту или соцсети (например, ВКонтакте, Телеграмм) – самая частая ошибка. Даже популярные сервисы не гарантируют абсолютную безопасность: их могут взломать, а метаданные (информация о том, когда и кому отправили файл) – собирать.

3. Риски с устройств. Смартфоны, ноутбуки, планшеты – всё это хранит конфиденциальную информацию. Если устройство потеряно или украдено, данные могут попасть к третьим лицам. Сюда же относится использование публичных Wi-Fi сетей: данные легко перехватить.

4. Безответственные (халатные) действия самих участников: передача материалов через личные аккаунты, использование слабых паролей, несанкционированный доступ помощников к данным.

5. Влияние госорганов и IT-корпораций. Законодательство (например, обязанность операторов связи хранить переписку) может создавать зависимость адвоката от третьих лиц, что ставит под угрозу конфиденциальность.

6. Цифровой след. Сам факт поиска информации в интернете (изучение судебной практики, новостей по теме дела) формирует пассивный цифровой след, который может быть проанализирован.

Разглашение адвокатской тайны способно привести к неблагоприятному для доверителя исходу рассмотрения судом того или иного дела, поэтому первостепенная задача при совместной работе адвоката с доверителем – это сохранность и недопущение утечки третьим лицам конфиденциальной информации. Следовательно, актуальным представляется проблема какими способами можно защитить конфиденциальные сведения в сети.

Среди технических мер защиты шифрование данных – ключевой способ защиты при передаче и хранении информации. Как при хранении, так и при пересылки такой информации крайне рекомендуется использовать различные средства шифрования, которые могут быть уже встроенными в операционную систему, либо носить характер стороннего решения. В настройках мобильных устройств также должно быть активировано шифрование содержимого памяти.

Следующий способ защиты информации – использование безопасных каналов связи. Если это мессенджеры, то необходимо выбирать платформы со сквозным шифрованием (например, секретные чаты в Telegram, Signal, Wickr), активировать функцию автоматического удаления сообщений по истечении заданного времени. Если это электронная почта, то будет безопаснее использовать корпоративные почтовые ящики или сервисы с

двухфакторной аутентификацией. Ни в коем случае нельзя пересылать конфиденциальные файлы через уязвимые сервисы. При осуществлении звонков для конфиденциальных разговоров также можно использовать мессенджеры со сквозным шифрованием.

Мобильное устройство, компьютер и сервис (электронная почта, облачное хранилище, мессенджер) адвоката и доверителя должны быть защищены надежным уникальным паролем: более 12 символов, включая спецсимволы, цифры, строчные и заглавные буквы [2].

При работе с облачными хранилищами не рекомендуется использовать публичные облачные сервисы, серверы которых могут располагаться за пределами РФ, так как это повышает риск несанкционированного доступа третьих лиц; также данные разных доверителей необходимо хранить раздельно.

Передачу ссылок на файлы и пароли для доступа к ним полезно осуществлять по разным каналам связи (например, ссылку – по email, пароль – в мессенджере).

Необходимо своевременно обновлять программное обеспечение на всех устройствах, чтобы закрывать уязвимости, а также для защиты от компьютерных вирусов и кибератак нужно использовать постоянное функционирование антивирусных средств защиты.

Кроме того, должны соблюдаться базовые правила безопасной работы в сети «Интернет».

Таким образом, адвокату в процессе своей профессиональной деятельности необходимо обучаться и совершенствовать свои знания в сфере кибербезопасности.

Институт адвокатской тайны защищён комплексом норм: Конституцией РФ, Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», процессуальным законодательством и международными актами.

В качестве проблемы, требующей законодательного решения, стоит отметить, что нормы права, «регламентирующие институт адвокатуры, созданы до того момента, когда технология и цифровые инструменты стали полноценной частью профессиональной деятельности адвоката. Таким образом, многие аспекты защиты адвокатской тайны и конфиденциальной информации – пробельны» [4]. Необходима разработка и внедрение единых корпоративных стандартов цифровой безопасности для адвокатских палат, включающих в себя комплекс обязательных требований к защите информации в адвокатской деятельности.

В экспертной среде звучат такого рода предложения, вопрос как гарантировать сохранность адвокатской тайны является актуальным. Требуется внесение изменений в действующие законы либо разработка дополнительных подзаконных актов, с чётко прописанными техническими и организационными мерами защиты адвокатской тайны и регламентацией электронного взаимодействия с судами и доверителем.

Кроме того, Федеральная палата адвокатов и региональные палаты должны направить усилия на выявление практических инструментов, позволяющих обеспечить требования безопасности в цифровой среде, разработать соответствующие методические рекомендации для адвокатов и доверителей, рассмотреть возможность создания консультационных центров для обмена положительным опытом, проведения регулярных обучающих семинаров, тренингов по информационной безопасности.

Список литературы

1. Жукова, Е. В. Адвокатская тайна и цифровые технологии: проблемы конфиденциальности в электронном документообороте / Е. В. Жукова // Наука сегодня: актуальные вопросы теории и практики : сборник статей VI Международной научно-практической конференции. В 2 ч. Ч. 2 (Пенза, 30 мая 2025 г.). – Пенза : Наука и Просвещение, 2025. – С. 104–106.

2. Правила цифровой безопасности. – URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/pravila-tsifrovoy-bezopasnosti (дата обращения: 13.10.2026). – Текст : электронный.

3. Чистяков, Н. С. Влияния процессов цифровизации на институт адвокатской тайны / Н. С. Чистяков // Научные высказывания. – 2024. – № 10 (57). – С. 60–63.

4. Магдеева, Д. И. Адвокатская тайна в цифровую эпоху: вызовы и способы защиты / Д. И. Магдеева // Вестник Пензенского государственного университета. – 2025. – № 2 (50). – С. 22–26.

Купирова Чулпан Шеукатовна
канд. юрид. наук, доцент
Максимов Данил Денисович
студент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

АДВОКАТСКАЯ ТАЙНА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ПРАВОВЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ РИСКИ

Аннотация: *в исследовании анализируются современные проблемы правовой и этической опасности для адвокатской деятельности. Поднимаются вопросы, связанные с облачными хранилищами, ИИ, кибератаками и фишингом. Усилия так же направлены на этические вопросы: информирования адвокатом клиента об использовании нейросетей, акцент на дистанционной юридической помощи. Подчеркивается необходимость пересмотра правовых норм, создания новых корпоративных правил и улучшения цифровой грамотности.*

Ключевые слова: *адвокатская тайна, цифровизация, кибербезопасность, право, этика, искусственный интеллект, защита.*

Согласно положениям Конституции, каждый гражданин обладает правом на получение профессиональной юридической помощи, которую адвокат оказывает своему клиенту. В данных взаимоотношениях и реализуется адвокатская тайна, которая является гарантом взаимоотношения между субъектами права. Однако данный постулат в связи со стремительным ростом цифровых технологий, ИИ, кибератак, фишинга, электронного документооборота, мессенджеров, дистанционной работой и хранения данных в облачных хранилищах ставит под вопрос существование профессиональной тайны. С одной стороны данные технологии повышают эффективность работы, но с другой создают принципиально новые угрозы для защиты данных. В связи с этим вероятность сохранения конфиденциальности между двумя индивидами снижается. Внедрение цифровых инноваций в адвокатскую деятельность создает угрозы для реализация адвокатской тайны. Угрозы разделены по категориям.

Применение облачных сервисов и программ для отправки и получения сообщений сопряжено с рисками. Многие юристы используют для обмена цифрового текста иностранные мессенджеры (Telegram, WhatsApp и т. д.) или облачные хранилища (Google Drive, Mega, iCloud). В связи с этим возникает проблема определения юрисдикции и режима хранения данных, полученные от доверителя или от государственных органов. Присутствует абсолютная непрозрачность в деятельности иностранных сервисов: сколько они хранят информацию, кому передают, могут ли сами сохранять у себя и использовать у других лиц. Как подчеркивает вице-президент ФПА РФ Е. Г. Авакян, «…зачастую адвокаты пользуются публичными облаками, не всегда даже осознавая, что они это делают» [3]. Большинство используемых серверов находится за пределами РФ, что может создавать угрозу их трансграничной передачи и использованию информации в террористических целях. С 1 июля 2025 года вступили в силу поправки, касающиеся запрета хранения и обработки персональных данных. Исходя из этого, адвокат формально нарушает законодательств РФ без соблюдения установленных процедур.

Современные сетевые угрозы порождают получения несанкционированного доступа к информации, относящейся к адвокатской тайне. Существующие правила контролируют исключительно действия адвокатов в сети, не предоставляя надежной защиты от чтения третьих лиц. Как отмечается в практике, доступ можно получить с помощью слабых паролей, вредоносного ПО и телефонных приложений, подозрительных ссылок, ненадежных кодов и многих других способов, которые способны разрушить всю конфиденциальность. Как указывает Д.И. Магдеева, самым популярным и одновременно опасным является фишинг.

Мошенники используют данный способ в связи с его обыденностью и привычностью для человека. Один разновидностей фишинга – копирование общеизвестных сайтов знаменитых приложений или подделывание адресов отправителя. А в связи с развитием ИИ в сфере замены голоса (голосовой фишинг), кибермошенники могут получать юридически значимую информацию о значимых финансовых операциях и судебных процессах, что ставит под вопрос существование справедливости в разрешении всех судопроизводств [2].

А кто же должен отвечать за сбой и утечку данных третьим лицам? Норма права не определяет на кого конкретно это возлагается: адвокат, оператор сотовой связи, третьи лица. Как указывает С.А. Зубков: «должно оставаться то, что ответственность за решения, принимаемые с использованием ИИ, всегда должен нести человек» [4].

Исследование правовой базы выявило пробелы в механизмах привлечения к ответственности за раскрытие адвокатской деятельности в цифровой среде. Судебные и правоохранительные органы в таких случаях ссылаются на статью 137 УК РФ, что не в полной мере учитывает адвокатскую тайну. Она содержит не только личные данные между доверителем и клиентом, но и более обширные: профессиональные материалы, стратегию защиты, переговорные данные и документацию. Так же применяется ст. 272.1 УК РФ, где рассматривается сам факт вторжения в персональные данные, но не предусматривает ответственность, если данная информация нарушается лицами, которые имеют законный доступ. По итогу остается актуальной дилемма определения ответственности создателей ПО и облачных сервисов, используемые адвокатами.

Цифровизация несет не столько правовых проблем в адвокатской деятельности, сколько в этическом плане. Вопросы этики ставит вопрос: должен ли юрист предупреждать клиента об использовании ИИ в своей деятельности? Согласно п 3 ст.6 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат не имеет права раскрывать данные, которые составляют адвокатскую тайну, без разрешения клиента, но это утверждение работало до недавнего времени. Как отмечается в профессиональном сообществе, для решения данной проблемы необходимо создавать новые формы или специальные рекомендации для урегулирования данного вопроса. Другой проблемой является, если адвокат загружает данные по делу в ИИ, то он не способен контролировать передачу этих данных. Информация может попасть в руки злоумышленников, которые будут использовать личную информация и материалы в своих корыстных целях, вследствие чего смогут создать виртуальную модель. Использование открытых серверов не регулируется правилами правового сообщества, а также не гарантирует окончательного стирания данных при очистке.

Иной особенностью обладает дистанционная юридическая помощь. Первая проблема касается, что при оказании помощи дистанционно адвокат не сможет в полной мере определить эмоциональное состояние клиента и в достаточной мере оказать юридическую поддержку. Это может повлиять на снижение качества этических взаимоотношений между сторонами.

Вторая проблема – технические трудности. Это касается особенно старшего поколения, которые привыкли к консервативному подходу для решения дел. Отсутствие навыков цифровых платформ, нестабильное соединение или отсутствие нужной аппаратуры, может образовать ситуацию, когда клиент или доверитель оказываются в невыгодном положении по сравнению со своими оппонентами. В результате возникает нарушение принципа гарантии права на получение квалифицированной юридический помощи.

Третья проблема – невозможность контролировать информацию при онлайн-общении. Адвокат не всегда способен знать, кто находится рядом с доверителем во время консультаций, а также гарантированность защищенности каналов связи. Наличие данных проблем свидетельствует о необходимости совершенствовании профессиональной этики в условиях цифровизации.

Выявленные результаты свидетельствуют о значительных пробелах в норме права и этики адвокатской деятельности. Нормативно-правовые акты и этические принципы не успевают за быстротечным развитием цифровых технологий. Среди юридических угрозы выделяется

использование зарубежных мессенджеров и их хранилищ, нейросетевых технологий и кибер-угроз. А также нет четкого определения кто несет ответственность за совершенные поступки и механизма защиты. В этическом плане под угрозу попадает необходимая юридическая помощь, которую невозможно определить из-за эмоционального фона клиента и технических проблем. Для устранения данных рисков необходимо разработать и привести правовые нормы в соответствии с действительностью, разработать специальные правила для адвокатов и повысить цифровую грамотность среди профессионального сообщества.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 09.10.2026). – Текст : электронный.

2. Магдеева, Д. И. Адвокатская тайна в цифровую эпоху: вызовы и способы защиты / Д. И. Магдеева // Вестник Пензенского государственного университета. – 2025. – № 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/advokatskaya-tayna-v-tsifrovuyu-epohu-vyzovy-i-sposoby-zaschity/viewer (дата обращения: 09.10.2026). – Текст : электронный.

3. Телефон в сейфе и никакого умного дома: Авакян о цифровой гигиене адвоката // РАПСИ: информ. агентство. – 2024. – 22 июля. – URL: https://rapsinews.ru/digital_law_mm/20240722/310115275.html (дата обращения: 09.10.2026). – Текст : электронный.

4. Президент АПМ рассказал о рисках и возможностях использования искусственного интеллекта в адвокатской деятельности // Адвокатская палата города Москвы. – 2025. – 29 дек. – URL: https://www.advokatymoscow.ru/press/news/15309/ (дата обращения: 09.10.2026). – Текст : электронный.

Курдубова Варвара Вениаминовна
канд. пед. наук, доцент
ФГКВОУ ВО «Военная орденов Жукова и Ленина
Краснознаменная академия связи
им. Маршала Советского Союза С.М. Буденного»
Министерства обороны Российской Федерации
г. Санкт-Петербург

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЕДОМСТВЕННЫХ ВУЗОВ

Аннотация: *в статье рассматриваются правовые и организационные условия применения генеративного искусственного интеллекта (ГИИ) при подготовке учебных материалов, организации самостоятельной работы и оценивании результатов обучения в ведомственных образовательных организациях высшего образования. На основе анализа российского законодательства об образовании, информации, персональных данных, государственной тайне, интеллектуальных правах и развитии ИИ выявлены типовые регуляторные риски. Предложена модель управляемого применения ГИИ, включающая предварительную проверку правовой допустимости операции, классификацию задач по уровню риска, выбор разрешённой цифровой среды и обязательную содержательную проверку результата человеком.*

Ключевые слова: *генеративный искусственный интеллект, ведомственный вуз, образовательная деятельность, правовое регулирование, персональные данные, государственная тайна, интеллектуальные права, управление рисками, локальный нормативный акт.*

Генеративный искусственный интеллект постепенно становится для преподавателя необходимым инструментом разработки методических материалов, однако, его применение создаёт дополнительные требования к достоверности содержания, защите данных и порядку принятия решений. Для ведомственных вузов, осуществляющих подготовку специалистов

для реализации государственных функций, эти вопросы особенно значимы: образовательная деятельность может включать как общедоступные материалы, так и сведения, доступ к которым ограничен законом или обязательными для организации ведомственными актами.

Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года закрепляет задачи развития и безопасного использования таких технологий; в её редакции 2024 года подчёркиваются риск-ориентированный подход, безопасность и сохранение ответственности человека [1]. С 1 сентября 2026 года действует Федеральный закон №243-ФЗ, регулирующий отношения в сфере больших фундаментальных моделей ИИ [2]. Вместе с тем применение конкретного цифрового сервиса в образовательном процессе не может оцениваться только с позиции закона об ИИ: необходимо комплексное применение норм об образовании, обработке персональных данных, информационной безопасности и интеллектуальных правах.

Нормативно-правовые основания использования ГИИ.

Федеральный закон от 29.12.2012 №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» предоставляет образовательной организации самостоятельность в пределах закона и устава, закрепляя её ответственность за организацию деятельности. Статья 30 позволяет принимать локальные нормативные акты по вопросам образовательных отношений [3]. Следовательно, в пределах компетенции вуза возможно закрепить допустимые сценарии использования ГИИ, порядок проверки материалов и правила применения технологий при самостоятельной работе и оценивании. Однако локальный акт не может отменять требования федерального законодательства и нормативные ограничения учредителя либо уполномоченного ведомства.

Значимым изменением правового контекста стал Федеральный закон от 26.07.2026 №243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации». Он распространяется на отношения, связанные с большими фундаментальными моделями ИИ, и предусматривает риск-ориентированный подход, безопасность и защиту прав граждан. При этом закон допускает установление специальных особенностей для задач обороны и безопасности государства [2]. Важно учитывать переходный период: положения статей 8–10, включая статью 9 о возможности размещения информационного предупреждения для определённых аудиовизуальных материалов и статью 10 об отдельных требованиях к использованию результатов интеллектуальной деятельности, вступают в силу с 1 марта 2027 года. Поэтому в октябре 2026 года нельзя представлять их как уже действующую всеобщую обязанность маркировать любой текст, созданный с помощью ИИ.

Правовой режим исходных данных определяется независимо от назначения ГИИ. Федеральный закон от 27.07.2006 №152-ФЗ требует наличия законного основания обработки персональных данных, соблюдения установленных принципов обработки и мер их защиты; статья 12 предусматривает специальные требования для трансграничной передачи [4]. Передача в запросах фамилий курсантов, результатов их аттестации либо иных идентифицирующих сведений стороннему сервису должна предварительно оцениваться как самостоятельная операция обработки и, при наличии трансграничного элемента, соответствующей передачи. Само по себе намерение «улучшить качество обучения» не освобождает организацию от этих требований.

Федеральный закон от 27.07.2006 №149-ФЗ устанавливает меры защиты информации, в том числе соблюдение конфиденциальности информации ограниченного доступа [5]. Для ведомственных вузов дополнительно значим Закон РФ от 21.07.1993 №5485–1 «О государственной тайне» [6]. Важно не отождествлять все материалы военного образования с государственной тайной: квалификация сведений определяется их содержанием и применимым правовым режимом. Однако отсутствие грифа секретности само по себе не означает возможности передачи документа в публичный сервис: необходимо учитывать и другие установленные ограничения доступа, служебные правила и условия использования информационной системы.

Отдельную группу составляют интеллектуальные права. По статьям 1228 и 1257 Гражданского кодекса РФ автором признаётся гражданин, творческим трудом которого создан соответствующий результат [7]. Поэтому присвоение системе ИИ статуса автора учебного пособия или автоматическое признание исключительного права на полностью машинный текст требуют осторожности: вопрос правовой охраны конкретного материала зависит от фактического творческого вклада человека и иных обстоятельств. При публикации материалов необходимо проверять источники, возможное воспроизведение охраняемых фрагментов и условия договора с поставщиком сервиса. В научной литературе спорность правового режима результатов ГИИ также специально отмечается [8].

Организационные риски в образовательной деятельности

Для практики ведомственного вуза целесообразно выделить четыре взаимосвязанные группы рисков. Информационно-правовые риски возникают при передаче защищаемых сведений в неподходящую цифровую среду. Педагогические риски связаны с правдоподобными, но ошибочными ответами, недостоверными ссылками и подменой самостоятельной интеллектуальной работы обучающегося машинной генерацией. Правовые риски использования результата включают нарушения интеллектуальных прав и неопределённость происхождения содержания. Наконец, управленческие риски связаны с отсутствием ответственных лиц, процедур согласования, регистрации инцидентов и единых требований к проверке материалов.

В учебном процессе указанные риски проявляются по-разному. Создание примера по теории вероятностей на основе вымышленных исходных чисел существенно отличается от анализа ведомственного документа, содержащего реальные сведения об оборудовании и организации службы. Использование ГИИ как редактора обезличенного конспекта отличается от автоматического выставления итоговой оценки курсанту. Поэтому регулировать следует не абстрактный «искусственный интеллект», а конкретную операцию, состав передаваемой информации, технологическую среду и возможные последствия ошибки.

Модель управляемого применения.

В основу модели положен принцип последовательного принятия решения. На первом этапе проводится юридическая проверка допустимости: определяется режим исходных данных, правовое основание их обработки, ограничения на внешнюю передачу, статус цифрового сервиса и применимые ведомственные требования. Если операция противоречит обязательному запрету либо разрешённая среда обработки не определена, она не допускается независимо от ожидаемой педагогической выгоды. Эта «правовая отсечка» предшествует управленческому оцениванию, а не заменяется баллами риска.

На втором этапе для правомерных операций предлагается оценивать управленческий риск по трём параметрам: чувствительность используемой информации D, возможная значимость ошибочного результата U и степень внешней экспозиции цифровой среды K. Каждый параметр принимает значения от 1 до 3, а условный индекс $R = D \times U \times K$ служит для распределения задач по процедурам внутреннего согласования. Значения $R \leq 4$ относятся к низкому уровню; $5 \leq R \leq 12$ – к умеренному; $R \geq 13$ – к повышенному. Шкала носит авторский методический характер и не является установленной законом классификацией. Даже низкий балл не даёт разрешения на обработку данных, запрещённых к передаче.

Таблица 1

Предлагаемые уровни организационного допуска к использованию ГИИ

Уровень	Пример учебной операции	Организационное решение
Низкий	Генерация задания по открытой математической теме с полностью вымышленными параметрами	Разрешённый сервис; проверка преподавателем
Умеренный	Подготовка методического материала из внутренних, но не ограниченных к передаче данных	Предварительное согласование среды и состава данных; экспертная проверка
Повышенный	Подготовка проекта материала, влияющего на оценивание или содержащего чувствительные сведения	Индивидуальное решение уполномоченных лиц; защищённая среда либо отказ от ГИИ
Недопустимый	Ввод сведений, запрещённых к передаче выбранному сервису	Запрет операции независимо от ожидаемой пользы

Таблица показывает, что принадлежность задачи к определённому уровню не зависит только от её дисциплины. Например, генерация условных задач о маршрутизации в абстрактном графе может быть допустима в открытой среде, тогда как использование реальной схемы ведомственной сети потребует иного решения. Примеры являются иллюстративными и не заменяют проверку режима конкретных сведений.

Третий этап модели предполагает содержательный контроль результата. Преподаватель проверяет фактическую корректность, образовательную ценность и отсутствие недостоверных ссылок; при наличии профессионального контекста привлекается специалист профильной дисциплины. При использовании ГИИ для составления заданий текущего контроля преподаватель должен оценить вероятность раскрытия ответов и возможность независимой проверки результатов. Решение об оценке обучающегося должно оставаться в установленной компетенции уполномоченных лиц, а не автоматически переноситься на модель.

Четвёртый этап состоит в регистрации и последующем анализе использования технологии. Для разрешённых сценариев целесообразно фиксировать вид сервиса, цель операции, категорию данных, ответственного исполнителя, итог экспертной проверки и выявленные инциденты. Содержание запросов не следует безусловно сохранять в общем журнале, если это создаёт дополнительный риск раскрытия защищаемой информации; достаточно специально установленного минимального набора сведений. Наличие журнала позволяет оценивать не только число обращений к ИИ, но и долю отклонённых материалов, характер ошибок и эффективность корректирующих мер.

Локальное регулирование и распределение ответственности.

Организационное внедрение предлагаемой модели может опираться на локальное положение «О порядке использования генеративного искусственного интеллекта в образовательной деятельности». Документ следует принимать в порядке, установленном уставом вуза, с учётом требований учредителя, ведомственных актов и мнения заинтересованных подразделений. Его назначение состоит не в создании новых общегосударственных запретов, а в переводе применимых правовых норм в ясные процедуры для преподавателя и курсанта.

Предлагается включить в положение следующие элементы: предмет и сфера действия; перечень допустимых образовательных целей; категории данных и правила их предварительной проверки; реестр разрешённых цифровых сервисов и порядок его обновления; распределение полномочий; требования к человеческой экспертизе и академической добросовестности; порядок документирования и реагирования на инциденты; периодический пересмотр регламента. Для оценивания следует отдельно закрепить допустимость помощи ИИ в конкретных видах работ, а также требования к самостоятельному выполнению заданий и

указанию факта использования технологии, когда такое указание предусмотрено правилами вуза.

Руководство образовательной организации определяет политику использования ГИИ и обеспечивает ресурсы для её реализации. Юридическое подразделение оценивает договорные условия и правовые основания обработки данных, а подразделение информационной безопасности – параметры цифровой среды и требования к защите сведений. Учебно-методические органы определяют критерии качества материалов и порядок использования ИИ при оценивании. Преподаватель формулирует педагогическую цель, проверяет полученный результат и соблюдает установленные ограничения. Курсанты должны заранее знать разрешённые формы использования ГИИ, критерии самостоятельности и последствия нарушения правил. Конкретное распределение функций зависит от структуры и правового статуса ведомственного вуза.

Особого внимания требует механизм обновления регламента. Технологические возможности моделей, пользовательские соглашения и правовые требования меняются быстрее, чем привычные методические документы. Поэтому предлагается не закреплять в локальном акте исчерпывающий перечень конкретных продуктов на годы вперёд, а вести актуализируемый реестр допущенных средств и типовых сценариев. Пересмотр правил целесообразен после существенного изменения технологии, правового регулирования либо выявленного инцидента. Такой подход согласуется с рекомендациями UNESCO по человекоцентричному, ответственному применению генеративного ИИ в образовании [9].

Применение модели к типовым образовательным ситуациям.

Первая ситуация связана с подготовкой практических заданий по математике и, например, теории связи. Преподаватель использует вымышленные узлы сети, условные параметры каналов и общедоступные определения. После проверки применимых ограничений такая операция может быть отнесена к низкому организационному риску: условно $D = 1$, $U = 1$, $K = 3$, следовательно $R = 3$. При этом даже для низкорисковой задачи необходима проверка решения, корректности обозначений и педагогической уместности. Указанные значения не являются результатом измерения и служат примером применения шкалы.

Вторая ситуация предполагает подготовку индивидуальных рекомендаций курсанту по результатам текущего контроля. Здесь возникает обработка сведений о конкретном обучающемся. Замена имени условным обозначением не всегда исключает возможность обратной идентификации по совокупности признаков. Поэтому прежде чем использовать внешний сервис, организация должна определить основание обработки, допустимость передачи данных, наличие условий поручения обработки и требования к информационной системе. Если законная и безопасная схема обработки не установлена, вариант решения заключается в использовании полностью синтетического учебного профиля либо в отказе от внешнего ИИ в данном сценарии.

Третья ситуация связана с подготовкой проверочных работ. ГИИ может применяться для первоначального составления альтернативных формулировок и вариантов ответов, но контрольные задания нуждаются в проверке однозначности, фактической и математической корректности, соответствия образовательной программе. Для заданий, результаты которых влияют на промежуточную или итоговую аттестацию, целесообразны более строгие процедуры согласования и хранения. Автоматически сформированное обоснование оценки может использоваться как вспомогательная информация, но не должно подменять установленный порядок оценки результатов обучения и рассмотрения разногласий.

Четвёртая ситуация касается профессионально ориентированных материалов на основе технической документации. Наличие в открытом доступе похожих схем или характеристик не означает допустимости использования сведений из внутреннего ведомственного источника. Сначала устанавливаются правовой режим документа и условия его предоставления, затем решается вопрос о выборе технологической среды. Если задача может быть решена на основе открытого либо искусственно сконструированного аналога без утраты

дидактического смысла, такой вариант позволяет совместить профессиональную направленность и снижение информационных рисков.

Пятая ситуация относится к публикации материалов, подготовленных с помощью ГИИ. В научной статье, пособии или презентации важно различать вспомогательную техническую обработку и человеческий творческий вклад. Предлагается сохранять проверяемые сведения об исходных источниках, документировать существенную редакторскую работу и следовать принятым в издательстве требованиям раскрытия применения ИИ. Внутреннее правило прозрачности может действовать независимо от того, распространяются ли на конкретный материал специальные нормы о предупреждениях для аудиовизуального контента, вступающие в силу в 2027 году.

Приведённые ситуации показывают границы предлагаемого подхода. Одна и та же технология может иметь различный правовой статус в зависимости от содержания запроса и информационной среды. Поэтому модель следует апробировать прежде всего на открытых и синтетических образовательных материалах с последующей оценкой понятности правил преподавателям, времени согласования операций и числа выявленных нарушений. Результаты такой апробации позволят уточнить балльные пороги, не превращая их в замену юридической экспертизе.

Заключение

Использование генеративного ИИ в ведомственном вузе представляет собой межотраслевую правовую и управленческую задачу. Специальное регулирование больших фундаментальных моделей не заменяет законодательство об образовании, персональных данных, информации, государственной тайне и интеллектуальных правах. Для принятия управленческого решения принципиально разграничивать юридическую допустимость конкретной операции, уровень её организационного риска и качество создаваемого образовательного результата.

Предложенная модель включает четыре последовательных блока: проверку правовой допустимости; риск-ориентированное согласование; обязательную человеческую экспертизу; регистрацию и последующую корректировку практики. Её научно-методическое значение состоит в приоритете правовой проверки перед условной балльной оценкой и в привязке процедур к конкретному сценарию использования ГИИ. Практическая значимость заключается в возможности использовать модель как основу для локального регламента ведомственного вуза. Перспективой дальнейшего исследования является экспертная оценка применимости предложенной схемы в различных категориях ведомственных образовательных организаций и её апробация на открытых учебных материалах.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 10.10.2019 №490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (в ред. Указа от 15.02.2024 №124). – URL: https://base.garant.ru/72838946/ (дата обращения: 25.10.2026). – Текст : электронный.

2. О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации : Федеральный закон от 26.07.2026 №243-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_540336/ (дата обращения: 25.10.2026). – Текст : электронный.

3. Федеральный закон от 29.12.2012 №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ст. 28, 30). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 25.10.2026). – Текст : электронный.

4. Федеральный закон от 27.07.2006 №152-ФЗ «О персональных данных» (ст. 6, 12, 19). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 25.10.2026). – Текст : электронный.

5. Федеральный закон от 27.07.2006 №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ст. 16). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 25.10.2026). – Текст : электронный.

6. Закон РФ от 21.07.1993 №5485-1 «О государственной тайне». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2481/ (дата обращения: 25.10.2026). – Текст : электронный.

7. Гражданский кодекс РФ (часть четвёртая) от 18.12.2006 №230-ФЗ (ст. 1228, 1257). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 25.10.2026). – Текст : электронный.

8. Григорян, А. А. Генеративный искусственный интеллект и авторское право: проблемы правового регулирования / А. А. Григорян // Символ науки. – 2025. – № 4–2. – С. 172–174. – URL: https://scholar.sfu.ru/publication/82003192 (дата обращения: 25.10.2026). – Текст : электронный.

9. Miao, F. Guidance for Generative AI in Education and Research / F. Miao, W. Holmes. – Paris : UNESCO, 2023. – URL: https://www.unesco.org/en/articles/guidance-generative-ai-education-and-research (дата обращения: 25.10.2026). – Текст : электронный.

Леканова Екатерина Евгеньевна
аспирант
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
университет им. П.Г. Демидова»
г. Ярославль, Ярославская область

ПОСЛЕДСТВИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ

Аннотация: *статья посвящена последствиям экологических преступлений, особенностям и недостаткам их правовой регламентации в уголовном законе. В качестве методологической основы использованы такие методы, как анализ, синтез, дедукция, сравнение, обобщение, формально-юридический метод. В материальных составах экологических преступлений общественно опасные последствия выступают обязательным признаком, в формально-материальных составах имеют альтернативное значение, а в формальных составах не входят в число их признаков. Сделан вывод, что последствия экологических преступлений выступают в одной из трех ролей: в роли криминообразующего признака, либо в роли квалифицирующего признака, либо в роли отягчающего обстоятельства. Недостатком пороговых количественных значений ущерба (вреда), причиненного экологическими преступлениями, выступает отсутствие их ежегодной индексации, необходимой в связи с ростом потребительских цен на экономические блага.*

Ключевые слова: *преступные последствия, экологические преступления, общественно опасные последствия, инфляция, таксы, ущерб, материальные составы преступлений, формально-материальные составы преступлений, формальные составы преступлений.*

Для повышения эффективности борьбы с экологическими преступлениями необходимо иметь четкое представление о последствиях экологических преступлений [1, с. 4]. Последствия экологических преступлений весьма разнообразны. Вред может выражаться не только в физическом ухудшении состояния природных объектов, но и в нарушении экологических функций экосистем, снижении их способности к самовосстановлению, а также в создании угрозы здоровью населения [1, с. 62].

Преступные последствия (общественно опасные последствия) представляют собой предусмотренный уголовным законом вред, вызванный совершением общественно опасного деяния.

Преступные последствия делятся на реальные (смерть человека, причинение легкого вреда здоровью и т. п.) и возможные (угроза наступления смерти человека или тяжких последствий и др.) [3, с. 85]. Так, уголовно-наказуемое загрязнение, засорение и истощение поверхностных и подземных вод предполагает наступление реальных последствий, таких как причинение существенного вреда животному и растительному миру, рыбным запасам, лесному или сельскому хозяйству (ч. 1 ст. 250 УК РФ). Пример возможных преступных последствий содержится в ч. 1 ст. 247 УК РФ: нарушение правил обращения экологически опасных отходов и веществ является преступлением, если при этом имеет место быть угроза причинения существенного вреда окружающей среде или здоровью человека.

В зависимости от функциональной роли преступных последствий составы преступлений подразделяются на материальные, формальные и формально-материальные. В формальном составе преступные последствия находятся за его рамками, не играя в нем никакой роли, в материальных составах выступают обязательным признаком и, наконец, имеют альтернативное значение в формально-материальных составах [4, с. 216].

Так, ч. 1 ст. 253 УК РФ содержит в себе формальный состав преступления, так как считается оконченным с момента совершения самого противоправного деяния (с момента создания, начала эксплуатации или использования искусственных островов, установок и сооружений на континентальном шельфе РФ и т.п) независимо от того, наступили ли общественно опасные последствия. В то же время нарушение ветеринарных правил является преступлением только в случае наступления общественно опасных последствий (распространения эпизоотий или иных тяжких последствий), то есть ч. 1 ст. 249 УК РФ содержит в себе материальный состав преступления. В свою очередь, преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 256 УК РФ («незаконная рыбалка»), имеет формально-материальный состав, для которого характерно четыре альтернативных криминообразующих признака, один из которых сопряжен с причинением общественно опасных последствий (п. «а» ч. 1 ст. 256 УК РФ), а другие из которых не предполагают обязательного наступления каких-либо общественно опасных последствий (п. «б», «в» и «г» ч. 1 ст. 256 УК РФ).

В уголовном праве последствия экологических преступлений выполняют несколько ролей. Во-первых, для некоторых экологических преступлений общественно опасные последствия выступают в роли криминообразующих признаков [5, с. 158]. К примеру, согласно ст. 257 УК РФ нарушение правил охраны водных биоресурсов является преступным деянием только, если оно повлекло за собой тяжкие последствия (в частности, массовое уничтожение биоресурсов).

Во-вторых, общественно опасные последствия могут также выполнять функцию квалифицирующих признаков. Квалифицированный состав преступления (состав с квалифицирующими признаками) является набором признаков преступления с повышенной степенью общественной опасности по сравнению с основным составом преступления [6, с. 40]. Например, в ст. 260 УК РФ дифференциация уголовной ответственности происходит в зависимости от размера причиненного ущерба. За незаконную рубку лесных насаждений в значительном размере максимальное наказание составляет два года лишения свободы, а за аналогичное деяние в крупном размере – четыре года лишения свободы.

В-третьих, те общественно опасные последствия, которые не относятся к признакам составов экологических преступлений, носят тяжкий характер, в случае если они влияют на характер и степень общественной опасности преступления, учитываются в процессе индивидуализации уголовной ответственности [7, с. 156].

Необходимо остановиться также еще на одной проблеме. Долгое время УК РФ не содержал четких количественных пределов ущерба в значительном, крупном и особо крупном размерах в гл. 26 УК РФ «Экологические преступления», которые определялись по судебному усмотрению. Это препятствовало единообразному применению норм об экологических преступлениях. В связи с этим законодатель в примечаниях к ст. 256, ст. 258, ст. 260 и ст. 261 УК РФ указал четкие количественные пределы ущерба, а также принял несколько подзаконных актов о таксах (стоимости конкретных видов биоресурсов, животных и растений) и методике подсчета ущерба по указанным преступлениям. Однако указанные подзаконные акты приняты в 2018 – 2019 годах, и за последние 7 – 8 лет законодатель ни разу не пересмотрел стоимость конкретных видов биоресурсов, животных и растений несмотря на то, что за эти годы рыночные цены выросли в два и более раз в связи с инфляцией. Полагаем, что указанные таксы необходимо ежегодно индексировать также, как заработную плату и прожиточный минимум. В противном случае преступники необоснованно «остаются в плюсе» из-за того, что причиненный ими ущерб оценивается в несколько раз ниже, чем есть на самом деле.

Список литературы

1. Крашенинников, Д. А. Последствия экологических преступлений: понятие, виды, общая характеристика : дис. … канд. юрид. наук / Д. А. Крашенинников. – Ульяновск, 2007. – 222 с.
2. Киселева, А. Ж. Преступления экологической направленности в России: проблемы квалификации / А. Ж. Киселева, А. С. Петренко // Правовой порядок и правовые ценности. – 2026. – № 4. – С. 57–65.
3. Иванчин, А. В. Состав преступления: учеб. пособие / А. В. Иванчин. – Ярославль: ЯрГУ, 2011. – 128 с.
4. Иванчин, А. В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: дис. … д-ра юрид. наук / А. В. Иванчин. – Екатеринбург, 2015. – 462 с.
5. Голубев, С. И. Последствия экологических преступлений и их отражение в российском уголовном законе / С. И. Голубев // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2020. – № 1. – С. 154–170.
6. Иванчин, А. В. Основные, квалифицированные и привилегированные составы преступлений: понятие, значение, проблемы построения / А. В. Иванчин // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). – 2012. – № 1. – С. 39–48.
7. Уголовное право России. Часть Общая : учебник для бакалавров / отв. ред. Л. Л. Кругликов. – Москва : Проспект, 2014. – 568 с.

Малыгин Сергей Александрович
студент
Научный руководитель
Землин Александр Игоревич
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой
ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»

г. Москва

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И СПЕЦИФИКА ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ СПОРТСМЕНОВ

Аннотация: *спорт и физическая культура играют важную роль в обществе, формируют отношение к здоровому образу жизни и укреплению здоровья граждан, становясь частью общей культуры. Физическая культура и особенно современный спорт характеризуются повышенными нагрузками и травматизмом, поэтому в статье рассмотрены механизмы правового регулирования лиц, занимающихся физической культурой и спортом в части охраны здоровья. Особое внимание будет уделено проблеме допинга в современном спорте и борьбой с ним, включая правовые способы регулирования данной проблемы.*

Ключевые слова: *охрана здоровья, врачебный контроль, медицинское обеспечение, физическая культура и спорт, спортивная медицина, допинг, Всемирный антидопинговый кодекс, антидопинговые правила.*

Правовые основы регулирования отношений в области в области занятий физической культурой и спортом регламентированы Федеральным законом от 4 декабря 2007 г. №329-ФЗ «О физической культуре и спорте в РФ» который провозглашает единство правовой базы, регулирующей правоотношения на всей территории РФ [1, с. 12].

Утверждая права граждан на занятия физической культурой и спортом как профессиональной деятельности, государство признает занятия спортом как профессию, берет на себя финансирование занятий в соответствии с утверждёнными программами, а также контроль за исполнением закона [2, с. 4].

Занятия физической культурой и спортом сопряжены с высокой степенью риска получения различного рода травм, а также ухудшения состояния здоровья следствии тяжёлых

нагрузок на организм. Поэтому актуальным встаёт вопрос медицинского обеспечения физической культуры и спорта.

Медицинское обеспечение физической культуры и спорта возглавляют органы здравоохранения при активном участии и помощи спортивных организаций. Деятельность ведомственной врачебно-физкультурной службы контролируется органами здравоохранения [3, с. 11].

Медицинское обеспечение занятий физической культурой и спортом обеспечиваются двумя путями: специализированной врачебно-физкультурной службой (кабинетами и диспансерами, независимо от ведомственной принадлежности) и общей сетью лечебно-профилактических учреждений органов здравоохранения по территориальному и производственному принципу [3, с. 11].

В настоящее время спортивная медицина представляет собой самостоятельную область медицины со своими задачами, организацией, материальной и научной базой. Таким образом, в нашей стране впервые был введён и успешно развивается обязательный врачебный контроль за здоровьем всех занимающихся физической культурой и спортом, что является одним из важных принципов отечественного физкультурного движения и придаёт ему оздоровительную направленность [3, с. 9].

Врачебный контроль за здоровьем лиц занимающихся физической культурой и спортом базируется на Конституции, ФЗ №323 «Об основах охраны здоровья граждан» и ФЗ №329 «О физической культуре и спорте» А также подзаконном нормативном акте : Приказ Минздрава РФ №484 н, в котором детально прописан порядок врачебного контроля и прохождения медосмотров лицами занимающимися физической культурой и спортом, допуск спортсменов на соревнования, медико-биологическое обеспечение, а также международные нормы (Олимпийская хартия).

Все вышеперечисленные нормативные акты способствуют сохранению и укреплению здоровья спортсменов, недопущению несчастных случаев в спорте. Также исключить из спортивной практики нечестные правила конкуренции (борьба допингом).

К сожалению, тема допинга в спортивной практике в настоящее время является одной из фундаментальных проблем в спорте высших достижений. Поскольку с развитием медицины в мире совершенствуется и её составляющая (спортивная медицина), благодаря которой спортсмены получают позитивный эффект (оздоровление, восстановление), однако есть средства и методы, оказывающие деструктивное влияние, через применение спортсменами запрещённых препаратов ради победы на спортивных соревнованиях.

Цена таким манипуляциям оказывается слишком высокой, известны неоднократные случаи смерти атлетов во время соревнований.

Цель борьбы с допингом определена в Международной конвенции по борьбе с допингом в спорте и Всемирном антидопинговом кодексе. Суть антидопингового кодекса состоит в следующем: 1) защищать фундаментальное право спортсменов участвовать в соревнованиях, свободных от допинга, таким образом пропагандировать здоровье, справедливость и равенство для всех спортсменов 2) обеспечить создание согласованных, скоординированных и эффективных антидопинговых программ, как на международном, так на национальных уровнях, чтобы раскрывать, сдерживать и предотвращать случаи применения допинга[4, с. 6].

Систему антидопингового законодательства составляют акты международного и национального уровня, содержащие нормы антидопингового права, международные стандарты, нормы Процедурного регламента Международного спортивного арбитража CAS/ TAS [4, с. 8].

В систему антидопингового законодательства входят следующие.

1. Международная конвенция по борьбе с допингом спорте (Париж,19 октября 2025 г.), которая включает в себя разделы, определяющие:

2. Олимпийская Хартия (действует с 9 сентября 2013) где в разделе 43 в полном объёме содержится Всемирный антидопинговый кодекс

3. Всемирный антидопинговый кодекс, который во многом дублирует Международную конвенцию о борьбе с допингом и в то же время устанавливает понятие допинга, определяет стандарты доказывания при производстве по делам о нарушении антидопинговых правил, критерий включения веществ и методов в Запрещённый список Всемирной антидопинговой организации (ВАДА) процедуру временного отстранения спортсмена, порядок уведомления спортсмена неблагоприятном результате тестирования [4, с. 8].

4. Международные стандарты – принятые ВАДА акты узкого применения, имеющие специализированную направленность, например «Международный стандарт для лабораторий» по которому работают антидопинговые лаборатории [4, с. 9].

5. Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. №329-ФЗ «О физической культуре и спорте в РФ», в котором одним из приоритетов в развитии физической культуры м спорта в РФ является борьба с допингом [4, с. 9].

6. Трудовой кодекс РФ от 30 декабря 2001 г. №197-ФЗ, в котором предусматривается обязанность спортсмена и тренера соблюдать антидопинговые правила и указывается, что нарушение таких правил является дополнительным основанием для прекращения трудового договора со спортсменом [4, с. 9].

7. Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. №195-ФЗ, где в ст.6.18 установлена административная ответственность за нарушение антидопинговых правил для тренеров и специалистов по спортивной медицине [4, с. 9].

8. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ, где в ст. 230.1 установлена ответственность за склонение спортсмена тренером, специалистом по спортивной медицине либо иным специалистом в области физической культуры и спорта к использованию субстанций и методов, запрещённых для использования в спорте [4, с. 9].

Необходимо отметить, что Международная конвенция по борьбе с допингом в спорте, Всемирный антидопинговый кодекс и Общероссийские антидопинговые правила объединены общим понятием «Антидопинговые правила» [4, с. 10].

Таким образом вышеперечисленные «Антидопинговые правила» должны способствовать: честной спортивной конкуренции, зрелищности спорта (повышение интереса) и самое главное сохранению жизни и здоровья спортсменов. Поскольку жизнь и здоровье являются высшими ценностями всего человечества.

Список литературы

1. Питулько, К. В. Правовые основы физической культуры и спорта : учебник для вузов / К. В. Питулько. – Санкт-Петербург : Лань, 2025. – 248 с. – URL: https://e.lanbook.com/book/510263 (дата обращения: 02.10.2026). – ISBN 978–5-507–53584–2. – Текст : электронный.

2. Решетников, Н. В. Физическая культура : учеб. пособие для студ. сред. проф. учеб. заведений. – 2-е изд., перераб. и доп / Н. В. Решетников, Ю. Л. Кислицын. – Москва : Академия; Мастерство; Высшая школа, 2000. – 152 с.

3. Рубанович, В. Б. Основы врачебного контроля при занятиях физической культурой : учебное пособие для среднего профессионального образования / В. Б. Рубанович. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Юрайт, 2026. – 253 с.

4. Чеботарев, А. В. Основы антидопингового обеспечения : учебное пособие для среднего профессионального образования / А. В. Чеботарев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2026. – 61 с. – ISBN 978–5-534–21101–6.

Медведев Владимир Александрович
канд. юрид. наук, доцент
Гаврилов Роман Евгеньевич
студент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

АДВОКАТСКАЯ ТАЙНА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: НОВЫЕ УГРОЗЫ И ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Аннотация: *в статье рассматриваются проблемы обеспечения сохранности адвокатской тайны в условиях стремительного развития цифровых технологий. Анализируются основные угрозы: кибератаки, утечки данных, использование незащищённых каналов связи, облачные хранилища, а также риски, связанные с внедрением видео-конференц-связи в уголовное судопроизводство и удалённым доступом правоохранительных органов к перепискам в мессенджерах. Отмечается недостаточная правовая регламентация соответствующих отношений. Предлагаются меры технического, организационного и законодательного характера, направленные на укрепление гарантий адвокатской тайны в цифровую эпоху.*

Ключевые слова: *адвокатская тайна, цифровизация, кибербезопасность, конфиденциальность, информационные технологии, правовое регулирование, адвокатская деятельность, защита данных.*

Право на квалифицированную юридическую помощь, закреплённое в ст. 48 Конституции РФ, по своей природе не может быть реализовано формально. Его действенность напрямую зависит от того, насколько доверитель уверен в безопасности передаваемой адвокату информации. Именно поэтому законодатель придаёт сведениям, связанным с оказанием юридической помощи, особый правовой режим – режим адвокатской тайны. Согласно ч. 1 ст. 8 Федерального закона от 31.05.2002 №63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», к ней относятся любые сведения, полученные адвокатом в связи с оказанием помощи своему доверителю. Такая широкая формулировка не случайна, она подчёркивает, что охране подлежит не только содержание консультации, но и сам факт обращения к адвокату, а также любые сопутствующие обстоятельства. Данный институт имеет глубокие исторические корни, восходящие ещё к эпохе Римской империи, и на протяжении веков остаётся важнейшей гарантией независимости адвоката и доверия между ним и клиентом. Однако сегодня угрозы, с которыми сталкивается адвокатская тайна, выглядит принципиально иначе. Если ещё 10–15 лет назад основными рисками для адвокатской тайны были незаконные допросы, обыски и изъятие документов [5, с. 31], то сегодня на первый план выходят угрозы, порождённые цифровизацией всех сфер жизнедеятельности, включая уголовное судопроизводство. Цель настоящей работы – систематизировать новые вызовы и предложить комплексные меры по обеспечению сохранности адвокатской тайны в цифровую эпоху.

Адвокатская тайна традиционно рассматривается как обязанность адвоката не разглашать сведения, полученные от доверителя. Кодекс профессиональной этики адвоката (ст. 5) устанавливает, что информация сохраняет статус тайны с момента обращения клиента к адвокату и до момента окончательного расчёта, причём под охрану подпадают любые сведения, связанные с участием адвоката в деле [3]. Рекомендации по обеспечению адвокатской тайны и гарантий независимости адвоката, разработанные адвокатским сообществом, конкретизируют отдельные аспекты, однако в условиях цифровизации этих разъяснений становится недостаточно.

Развитие информационных технологий породило целый спектр новых опасностей для адвокатской тайны. Рассмотрим ключевые из них.

Во-первых, это кибератаки и утечки данных. Юридические фирмы и отдельные адвокаты всё чаще становятся мишенями хакеров, поскольку в их распоряжении находятся ценные сведения: договоры, переписка, стратегии ведения дел. Фишинг, вредоносные скрипты, программы-вымогатели, атаки на облачные хранилища – всё это создаёт реальную угрозу конфиденциальности. Показательны случаи 2022 г., когда в результате атак на крупные юридические компании США были похищены данные о тысячах судебных процессов [4, с. 24].

Во-вторых, широкое использование незащищённых каналов связи. Мессенджеры, электронная почта, видео-конференц-связь, все эти инструменты, ставшие повседневными в работе адвоката, далеко не всегда обеспечивают должный уровень шифрования. Кроме того, адвокаты нередко применяют одни и те же устройства для работы и личных целей, что повышает риск утечки.

Третья проблема – облачные хранилища. Удобство доступа к документам из любой точки мира оборачивается необходимостью тщательной настройки прав доступа и двухфакторной аутентификации. В противном случае конфиденциальная информация окажется в руках злоумышленников [4, с. 25].

В-четвёртых, хотелось бы указать, что специфические риски также возникают в уголовном судопроизводстве. Внедрение видео-конференц-связи (ВКС) для проведения следственных действий и свиданий защитника с подзащитным, с одной стороны, упрощает процесс, но с другой – создаёт возможность записи и последующего доступа третьих лиц к конфиденциальной беседе. Аналогичные проблемы возникают при удалённом доступе правоохранительных органов к перепискам в мессенджерах: даже после удаления сообщений они могут храниться на серверах операторов связи в течение трёх лет и быть предоставлены по запросу. Наконец, обязанность владельцев сетей связи предоставлять уполномоченным органам информацию, необходимая для оперативно-разыскной деятельности, также создаёт предпосылки для нарушения адвокатской тайны.

Действующее законодательство об адвокатуре и адвокатской деятельности формировалось в эпоху, когда цифровые инструменты были не так сильно распространены. Как следствие, многие аспекты защиты адвокатской тайны в цифровой среде остаются неурегулированными. Отсутствуют чёткие нормы, обязывающие адвокатов использовать шифрование, устанавливающие ответственность за утечки, определяющие стандарты безопасности для юридических компаний. Рекомендации адвокатского сообщества носят общий характер и не подкреплены механизмами принуждения.

Для эффективного противодействия угрозам необходим комплексный подход, сочетающий технические, организационные и правовые меры.

На техническом уровне целесообразно применять обязательное шифрование всех данных, включая переписку, документы и записи видеоконференций; использование защищённых каналов связи и мессенджеров с оконечным шифрованием; применение двухфакторной аутентификации; регулярное резервное копирование с хранением копий на отдельных носителях; привлечение квалифицированных IT-специалистов для аудита безопасности.

На организационном уровне важно повышение квалификации адвокатов в области кибербезопасности [2]; проведение регулярных проверок защищённости информационной среды; создание при адвокатских палатах субъектов РФ центров обнаружения и предупреждения нарушений, связанных с использованием цифровых технологий. Такие центры могли бы информировать адвокатов о новых способах кибератак, консультировать по вопросам безопасного обмена документами, помогать в реагировании на инциденты.

Также представляется, что решение проблемы лежит не в точечных поправках, а в смене подхода к регулированию. Действующий Федеральный закон №63-ФЗ рассматривает адвокатскую тайну преимущественно как этическую обязанность, тогда как в цифровой среде она всё чаще становится объектом технического и процессуального регулирования. Назрела необходимость введения в закон специальной главы, которая бы не просто дублировала существующие нормы, а устанавливала механизм гарантий: от требований к каналам связи,

используемым для передачи конфиденциальных сведений, до порядка действий адвоката при обнаружении попытки несанкционированного доступа. Кроме того, целесообразно законодательно закрепить минимальные стандарты информационной безопасности для адвокатских образований и предусмотреть процессуальные барьеры, исключающие попадание сведений, составляющих тайну, в материалы дела при использовании цифровых технологий. Отдельного внимания требует вопрос об ответственности операторов связи и облачных сервисов, поскольку именно они становятся «точками утечки», находящимися вне контроля адвоката.

Цифровая трансформация юридической сферы – необратимый процесс. Внедрение новых технологий, безусловно, несёт положительные моменты, однако одновременно создаёт беспрецедентные вызовы для адвокатской тайны. Ни действующее законодательство, ни корпоративные рекомендации пока не обеспечивают надёжных гарантий сохранности конфиденциальной информации. Представляется, что цифровизация и развитие правовых гарантий адвокатской тайны должны идти параллельно. Только системный подход, объединяющий технические решения, организационные меры и совершенствование нормативной базы, позволит сохранить доверие клиентов и обеспечить реальную защиту их интересов в цифровую эпоху.

Список литературы

1. Блажеев, В. В. Цифровое право : учебник / В. В. Блажеев, М. А. Егорова. – Москва, 2020. – 623 с.

2. Исаев, С. В. Анализ киберугроз и их источников для корпоративной сети Красноярского научного центра СО РАН / С. В. Исаев // Информационные и математические технологии в науке и управлении. – 2016. – № 4–1.

3. Кириллова, Н. П. Проблемы осуществления уголовного преследования по делам о преступлениях, совершаемых в сфере высоких информационных технологий / Н. П. Кириллова, С. П. Кушниренко // Правоведение. – 2013. – № 3 (308). – С. 74–90.

4. Мчедлишвили, Р. Р. Кибербезопасность в юридической сфере: угрозы и защита данных / Р. Р. Мчедлишвили, В. Р. Чакрян // Инновационная наука. – 2023. – № 12–1. – С. 45–49.

5. Соловьева, Ю. И. Проблема обеспечения сохранения адвокатской тайны в условиях цифровизации / Ю. И. Соловьева // Евразийская адвокатура. – 2019. – № 6(43). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-obespecheniya-sohraneniya-advokatskoy-tayny-v-usloviyah-tsifrovizatsii (дата обращения: 27.10.2026). – Текст : электронный.

Мирсаев Дамир Тимурович
магистрант
Уральский институт управления (филиал)
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ»
г. Екатеринбург, Свердловская область
Блинова Екатерина Алексеевна
аспирант
Уральский институт управления (филиал)
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ»
г. Екатеринбург, Свердловская область
Научный руководитель
Бочков Павел Валерьевич
канд. экон. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»
г. Екатеринбург, Свердловская область
доцент
Уральский институт управления (филиал)
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ»
г. Екатеринбург, Свердловская область

КРИТЕРИИ ПРИМЕНЕНИЯ УПРОЩЕННОЙ СИСТЕМЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ СУБЪЕКТАМИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РФ

Аннотация: в статье рассматривается правовая конструкция упрощенной системы налогообложения (УСН) как специального налогового режима, который предполагает наличие системы ограничительных критериев для определения круга субъектов, имеющих право на его применение.Исследование подчеркивает важность соблюдения установленных законом ограничений для применения УСН и их систематизацию для обеспечения эффективного функционирования специального налогового режима.

Ключевые слова: УСН, специальный налоговый режим, лимиты, НК РФ, правовой статус, налоговые льготы.

Правовая конструкция упрощенной системы налогообложения как специального налогового режима предполагает наличие системы ограничительных критериев, определяющих круг субъектов, имеющих право на ее применение, а также условия сохранения данного права в процессе осуществления хозяйственной деятельности. Указанные критерии, закрепленные преимущественно в статьях 346.12 и 346.13 Налогового кодекса Российской Федерации, выполняют функцию селективного механизма, позволяющего предоставить доступ к льготному фискальному режиму именно тем категориям налогоплательщиков, экономическое положение и масштаб деятельности которых соответствуют целям государственной поддержки малого и среднего предпринимательства. Классификация критериев применения упрощенной системы может быть осуществлена по нескольким основаниям: во-первых, категориальные ограничения, исключающие применение упрощенной системы для определенных видов деятельности и организационно-правовых форм независимо от соблюдения финансовых показателей; во-вторых, критерии, имеющие значение для перехода на упрощенную систему (ориентированные на период, предшествующий началу применения режима); в-третьих, критерии, регулирующие сохранение права на применение упрощенной системы в процессе ее использования. Именно трехуровневая структура данных критериев, а не их формальное перечисление, раскрывает сущность механизма допуска к УСН.

Налогоплательщиками по упрощенной системе налогообложения признаются организации и индивидуальные предприниматели, перешедшие на данный специальный налоговый режим и применяющие его в порядке, установленном главой 26.2 НК РФ. Переход на упрощенную систему, равно как и возврат к общей системе налогообложения, осуществляется добровольно в уведомительном порядке, что закрепляет диспозитивный характер данного правового института. Вместе с тем, добровольность не означает безусловность: законодатель установил систему ограничений, соблюдение которых является обязательным условием для возникновения и сохранения права на применение упрощенной системы. Пункт 3 статьи 346.12 НК РФ содержит закрытый перечень категорий налогоплательщиков, которые не вправе применять упрощенную систему налогообложения вне зависимости от соблюдения ими финансовых, численных или иных количественных критериев. Данные ограничения носят абсолютный характер и обусловлены либо спецификой осуществляемой деятельности, создающей повышенные риски для фискальных интересов государства, либо наличием иных специальных режимов налогообложения, предназначенных для соответствующих категорий субъектов. Содержащиеся в этом перечне ограничения могут быть условно систематизированы на несколько групп: ограничения, связанные с осуществлением определенных видов профессиональной деятельности (банки, страховщики, негосударственные пенсионные фонды, инвестиционные фонды, профессиональные участники рынка ценных бумаг, ломбарды); ограничения, связанные с деятельностью в сфере производства подакцизных товаров и добычи полезных ископаемых; структурные ограничения, касающиеся наличия филиалов и представительств; ограничения по составу учредителей (по доле участия других организаций в уставном капитале); а также ограничения, связанные с особым правовым статусом налогоплательщика (нотариусы, занимающиеся частной практикой, адвокаты, учредившие адвокатские кабинеты или иные формы адвокатских образований). Указанные ограничения не подлежат расширительному толкованию и применяются исключительно в пределах, установленных законом.

В рамках исследования правового и экономического механизмов функционирования специальных налоговых режимов, условия применения упрощенной системы налогообложения (УСН) целесообразно классифицировать на две фундаментальные группы: количественные детерминанты (финансово-экономические и масштабные лимиты) и качественные (субъектно-отраслевые и институциональные) ограничения (табл. 1).

Таблица 1

Количественные условия перехода и применения упрощенного фискального режима субъектами хозяйствования

Наименование показателя	Предельно допустимое значение (лимит)	Экономико-правовая сущность и специфика применения
Максимально допустимый объем валовой выручки для сохранения статуса плательщика УСН	450 млн руб. (базовый норматив, подлежащий ежегодной корректировке на коэффициент-дефлятор)	Служит индикатором масштаба бизнеса. Превышение данного порога свидетельствует о трансформации микро- или малого предприятия в средний сегмент, что влечет автоматическую утрату права на преференциальный режим
Пороговое значение дохода за 9 месяцев, предшествующих году трансформации режима	337,5 млн руб. (с учетом последующей индексации)	Действует исключительно как входной барьер для действующих экономических субъектов (организаций), инициирующих переход на УСН с общей системы (ОСНО)

Окончание таблицы 1

Лимитированная остаточная стоимость амортизируемого имущества (основных фондов)	200 млн руб.	Направлен на ограничение капиталоемких производств. Базируется на данных бухгалтерского учета и включает активы, признаваемые амортизируемыми в соответствии с фискальным законодательством
Предельная штатная численность (средняя численность кадрового состава)	130 человек	Отражает ограничение по степени вовлеченности трудовых ресурсов. Показатель рассчитывается за налоговый (отчетный) период и исключает возможность применения режима крупными работодателями
Порог возникновения обязательств по налогу на добавленную стоимость (НДС)	60 млн руб. (годовой оборот)	Интегрированный в УСН механизм: при превышении данного лимита субъект, оставаясь на УСН, утрачивает освобождение от уплаты НДС, что требует адаптации ценовой политики

Система критериев применения упрощенной системы налогообложения представляет собой многоуровневый правовой механизм, включающий категориальные ограничения (по видам деятельности, организационно-правовой структуре, составу учредителей), количественные финансовые критерии (лимиты доходов, стоимости основных средств, численности работников), а также процедурные требования к переходу на упрощенную систему и к сохранению права на ее применение. Каждый элемент этой системы выполняет строго определенную функцию: категориальные ограничения исключают применение льготного налогового режима для видов деятельности и организационных структур, несовместимых с целями поддержки малого предпринимательства; количественные критерии обеспечивают селекцию налогоплательщиков по масштабу хозяйственной деятельности; а процедурные механизмы гарантируют стабильность налоговых отношений и предотвращают злоупотребления. Регулярное обновление количественных критериев с учетом коэффициентов-дефляторов служит инструментом адаптации упрощенной системы к макроэкономическим условиям, а поэтапное снижение порогов освобождения от НДС отражает фискальную направленность современной налоговой политики. Понимание системы рассматриваемых критериев имеет ключевое значение для правоприменительной практики: именно соблюдение этих критериев определяет, как саму возможность применения упрощенной системы, так и налоговые последствия в случае их нарушения, включая переход на общий режим налогообложения с перерасчетом всех налоговых обязательств за соответствующий период.

Список литературы

1. Зотиков, Н. З. Учет и налогообложение на малых предприятиях : учебное пособие / Н. З. Зотиков, О. И. Арланова. – 2-е изд // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART : сайт. – ISBN 978-5-4497-4431-9. – DOI 10.23682/151628.

2. Крохина, Ю. А. Налоговое право : учебник для среднего профессионального образования / Ю. А. Крохина. – 11-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2026. – 366 с. – URL: https://urait.ru/bcode/599409 (дата обращения: 06.05.2026). – ISBN 978-5-534-21985-2. – Текст : электронный.

Модзалевская Екатерина Александровна
студентка
Научный руководитель
Корнакова Светлана Викторовна
канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»
г. Иркутск, Иркутская область

ИСТИНА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Аннотация: *в статье предпринята попытка осмысления развития категории «истина» в российском уголовном судопроизводстве и причины отсутствия данной категории в действующем УПК РФ. Уделяется внимание анализу в этой связи основных правовых памятников российского государства. Делается вывод, что задача объективного установления обстоятельств прошлого преступного события остается главенствующей в УПК РФ, о чем свидетельствует содержание его норм.*

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, правовые памятники, истина, достоверность, уголовно-процессуальные средства, доказывание.*

Сколько бы ни существовало школ и подходов к определению истины в целом в философии классической по-прежнему считают концепцию Аристотеля, который благодаря изучению и классификации методов познания в науке, смог создать учение о формах мышления постигающего истину – логику. Он считал, что для установления истины нужно следовать универсальным правилам логики, ведь только с помощью нее человек сможет приблизиться к истине [3, с. 18].

Думается, что может представлять определенный научный интерес ретроспективный обзор отношения к категории «истина» в российском законодательстве, в частности в сфере уголовного судопроизводства.

Так, судопроизводство Российского государства (IX–XII вв.) формировалось на основе общности быта и правового обычая. Целью уголовной политики тогда считалось поддержание социального равновесия (баланса) в обществе. Что касается способа разрешения конфликтов и споров, то для этого функционировал третейский суд («вольный ряд»), который разрешал все без вмешательства государственной власти [8, с. 31].

Особое место в качестве судебной власти Киевской Руси занимало Вече, которое представляло интересы всего народа и контролировало княжеский суд. Но именно княжеский суд занимался делами особо тяжкими, такими как убийства, разбои, кражи, а также государственные преступления. Хотя упоминание об истине в Русской Правде отсутствовало, в ней имелись намеки на ее проявление, ориентиры, которые выражались в формулировке: «княжеское правосудие должно действовать справедливо и законно» [2, с. 54].

В дальнейшем (XII–XIV вв.) правовая доктрина существенно обогатилась, благодаря христианским канонам и заповедям, равенство всех перед богом нашло свое отражение в дальнейшем закреплении в законодательстве в форме равенства всех сословий перед властью [1, с. 76]. Именно в этот период впервые было законодательно закреплено понятие истины. Князь обязан был вершить суд, который должен быть «истинен и нелицемерен, не обинуяся лица сильных своих бояр, обидящих меньших и работящих сироты и насилье творящих» [2, с. 64].

Со временем (XVI–XVII вв.) в законодательстве находят проявление два вида процесса: состязательный и розыскной. Розыск означал не только борьбу с преступностью, но и комплекс процессуальных действий, в который входили: повальный обыск, «расспрос с пристрастием», пытки, очные ставки [2, с. 84].

Только с приходом к власти Петра I российское правосудие открыло новую страницу в отечественной истории. В ходе преобразований судебные учреждения подверглись значительным изменениям. Петр I постепенно преобразовал суд в более активного участника судопроизводства, нежели просто пассивный арбитр, при этом делая акцент на обоснованности, справедливости и законности выносимых судом приговоров [2, с. 97].

В период правления Александра II был издан выдающийся правовой памятник, состоящий из четырех кодексов, принятых в ходе российской судебной реформы. Одним из кодексов стал Устав уголовного судопроизводства российской империи (1864 г.), создавший независимый публичный суд, а также состязательное (и при этом устное) судопроизводство и непосредственно суд присяжных. Принятие Устава означало полный отказ от формальных доказательств. Пришедшая на место формальной истины истина объективная предполагала, что выводы суда должны ей соответствовать – быть объективными по существу.

Все это говорит о том, что общество в целом уже было готово к столь глобальным изменениям, а сами реформаторы прекрасно понимали, что истина нужна для правосудия, которое может быть справедливы только благодаря истине, где целью уголовного процесса было ее обнаружение и, значит, назначение наказания только действительно виновному в совершении преступления. С.В. Познышев по этому поводу отмечал, что «уголовный суд должен стремиться в каждом судимом деле раскрыть объективную, материальную истину, т. е. выяснить, каковы в действительности все могущие иметь значение для уголовной ответственности объективные и субъективные моменты, подлежащие рассмотрению событий» [7, с. 29, 30]. Таким образом, приговор суда должен был базироваться на обстоятельствах, имевших место в действительности, а значит соответствовать этим обстоятельствам. Также объективность предписывалась и деятельности следователя, который был «обязан с полным беспристрастием приводить в известность как обстоятельства, уличающие обвиняемого, так и обстоятельства, его оправдывающие» (ст. 256 УУС) [9, с. 129].

В период создания УПК РСФСР многие ученные, ссылаясь на положение ст. 20 УПК РСФСР, считали, что, несмотря на отсутствие упоминания в ней понятия «истина», по существу означало установку на ее достижение. В связи с этим В. М. Корнуков отмечает, что даже когда в тексте закона их нет (речь идет об истинах – объективной, формальной, юридической), они присутствуют в той смысловой нагрузке, которая придается слову «истина» [6, с. 154].

В принятом в 2001 году УПК РФ категории «всесторонность», «полнота» и «объективность» уже не содержатся, что расценивается в научных источниках как полный отказ и от категории «истина», как цели уголовного судопроизводства. Вместе с тем, согласимся с учеными, что объективная истина как таковая (стремление к ней) не противоречит ни презумпции невиновности, ни состязательности сторон [10]. Исследователями подчеркивается, что «отрицание истины в уголовном процессе нелепо уже потому, что установление фактов действительности – основа правоприменения» [4, с. 144].

Вместе с тем, как представляется абсолютную истину в уголовном процессе достичь практически невозможно, из чего следует, что ее регламентация на уровне закона также невозможна, поскольку обязать субъектов уголовно-процессуального доказывания установить события, свидетелями которого они не являлись и возлагать на них такую ответственности незаконно и нецелесообразно. Но полагаем, что задача объективного установления обстоятельств прошлого преступного события остается главенствующей в действующем уголовно-процессуальном законе, поэтому должна иметь свою реализацию в процессе доказывания по уголовному делу. Об этом свидетельствует, прежде всего, содержание ст. 73 УПК РФ. В свою очередь, о стремлении к установлению перечисленных в указанной норме обстоятельств в соответствии с действительностью свидетельствует требование закона о том, что средствами их установления должны быть исключительно доказательства, законодательно установленной качественной характеристикой которых должна являться их достоверность (ст. 88 УПК РФ). Поэтому доказанная уголовно-процессуальными средствами достоверность

установленных по делу обстоятельств должна являться основанием для выводов органов расследования и суда [5, с. 72]. Нецелесообразность же закрепления категории «истина» в законе, регламентирующем уголовно-процессуальные отношения, заключается в том, что это слишком широкая по содержанию и, прежде всего, философская категория, которой невозможно дать исчерпывающего законодательного определения, поскольку терминологии закона должна быть свойственна четкость формулировок.

Список литературы

1. Данилов, А. А. История России с древнейших времен до наших дней в вопросах и ответах / А. А. Данилов. – Москва : Проспект, 2014. – 317 с.

2. История отечественного государства и права : учебник для бакалавров / отв. ред. И.А. Исаев. – Москва : Проспект, 2014. – 430 с.

3. Корнакова, С. В. Логика для юристов / С. В. Корнакова. – Иркутск : БГУ, 2015. – 122 с.

4. Корнакова, С. В. Об установлении истины в уголовном судопроизводстве России / С. В. Корнакова // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2012. – № 4(5). – С. 142–152.

5. Корнакова, С. В. Соотношение понятий «достоверность» и «истинность» доказательств в уголовном процессе / С. В. Корнакова // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2010. – № 2. – С. 69–75.

6. Корнуков, В. М. Возможен и нужен ли возврат концепции объективной истины в законодательство и практику российского уголовного судопроизводства? / В. М. Корнуков // Библиотека криминалиста. – 2012. – № 4(5). – С. 153–164.

7. Познышев, С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса / С. В. Познышев. – Москва : Г.А. Леман, 1913. – 337 с.

8. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен. Кн. 4, Т. XVI–XX / С. М. Соловьев. – Санкт-Петербург : Общественная Польза, 2015. – 1665 с.

9. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. // Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. / ред. О.И. Чистяков, Б.В. Виленский. – 1991. – Т. 8. – С. 495.

10. Чигрина, Е. В. К дискуссии об истине в уголовном процессе / Е. В. Чигрина // Human Progress. – 2024. – Т. 10, № 9.

Монгуш Алла Лоспановна
канд. юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой
Ондар Алина Алексеевна
старший преподаватель
Куулар Айхан Валерьевич
магистрант
ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет»
г. Кызыл, Республика Тыва

СУБСИДИИ ЮРИДИЧЕСКИМ ЛИЦАМ, ПОДЛЕЖАЩИЕ КАЗНАЧЕЙСКОМУ СОПРОВОЖДЕНИЮ

Аннотация: *в статье исследуется институт казначейского сопровождения субсидий, предоставляемых юридическим лицам, как ключевой механизм государственного финансового контроля в РФ. Раскрываются правовая основа института, категории средств, подлежащих сопровождению, и поэтапный механизм его реализации (открытие лицевого счёта, санкционирование операций, контроль целевого использования, отчётность). Особое внимание уделено анализу актуальной арбитражной практики и выявлению системных проблем правоприменения: разграничению процедурных нарушений и нецелевого расходования бюджетных средств; распределению ответственности в цепочке контрагентов; пределам дискреции органов Федерального казначейства при санкционировании операций; вопросам соразмерности санкций и возврата субсидий; учёту технических сбоев в ГИС; порядку корректировки условий соглашений о предоставлении субсидий. На основе обобщения судебной практики сформулированы предложения по совершенствованию института – в части унификации подходов судов, дифференциации видов нарушений и санкций, разграничения*

компетенции контрольных органов, распределения рисков технических сбоев и повышения гибкости договорных механизмов.

Ключевые слова: *субсидии, казначейское сопровождение, бюджетные средства, юридические лица, Федеральное казначейство, целевое использование, лицевой счёт, бюджетный контроль.*

В условиях возрастающего объёма государственной поддержки экономики через предоставление субсидий юридическим лицам особую актуальность приобретает вопрос обеспечения целевого и эффективного использования бюджетных средств, а одним из важнейших механизмов государственного финансового контроля выступает казначейское сопровождение – комплекс мероприятий, осуществляемых органами Федерального казначейства в отношении средств, предоставляемых из бюджета. Логика введения данного института обусловлена необходимостью предотвращения нецелевого использования бюджетных средств, а также повышения прозрачности финансовых операций в рамках реализации государственных программ, и чтобы понять суть казначейского сопровождения, важно последовательно рассмотреть его правовую природу, объекты регулирования и практические механизмы реализации [1, с. 55].

Казначейское сопровождение представляет собой совокупность действий, осуществляемых территориальными органами Федерального казначейства, направленных на санкционирование операций со средствами участников казначейского сопровождения [2, с. 14]. Правовой основой данного института выступают:

– Бюджетный кодекс Российской Федерации (статьи 242.23 – 242.27 [3]);

– Федеральный закон о федеральном бюджете на соответствующий финансовый год и плановый период;

– постановления Правительства РФ, регламентирующие порядок казначейского сопровождения;

– приказы Министерства финансов РФ и Федерального казначейства.

С 1 января 2022 года в Бюджетный кодекс РФ была введена отдельная глава 24.5, посвящённая казначейскому сопровождению, что свидетельствует о системном закреплении данного института в финансовом законодательстве.

Не все субсидии, предоставляемые юридическим лицам, подлежат казначейскому сопровождению. Закон выделяет определённые категории средств, в отношении которых данный механизм применяется в обязательном порядке. К ним относятся:

– субсидии и бюджетные инвестиции, предоставляемые юридическим лицам (за исключением государственных и муниципальных учреждений, а также государственных корпораций и компаний).

– авансовые платежи по государственным контрактам, заключаемым на сумму более установленного законом порога (как правило, свыше 100 млн рублей).

– взносы в уставные капиталы юридических лиц, источником которых являются бюджетные средства.

– средства, предоставляемые в рамках исполнения государственного оборонного заказа (в случаях, установленных законодательством);

– расчёты по контрактам, заключённым в рамках реализации национальных проектов, при соблюдении установленных пороговых значений.

Перечень конкретных видов субсидий и условий их сопровождения ежегодно уточняется в законе о федеральном бюджете, что обеспечивает гибкость данного механизма.

Механизм казначейского сопровождения построен на принципе предварительного контроля и реализуется в несколько этапов.

Первый этап – открытие лицевого счёта. Юридическое лицо, получившее субсидию, обязано открыть в территориальном органе Федерального казначейства специальный лицевой

счёт. Все средства субсидии зачисляются именно на этот счёт, а не на обычный расчётный счёт в коммерческом банке.

Второй этап – санкционирование операций. Любое расходование средств с лицевого счёта возможно только после проверки органом казначейства правомерности и обоснованности операции. Получатель субсидии представляет в казначейство документы, подтверждающие основания платежа (договоры, акты выполненных работ, накладные и т. д.).

Третий этап – контроль соответствия целям. Казначейство проверяет соответствие операций целям предоставления субсидии, установленным в соглашении о её предоставлении.

Четвёртый этап – отчётность. Получатель субсидии регулярно представляет отчёты об использовании средств, которые также проверяются органами казначейства.

Такой пошаговый механизм позволяет на каждом этапе обнаруживать возможные нарушения и предотвращать нецелевое расходование средств ещё до момента их фактического использования.

Анализируя цели введения данного института, можно выделить несколько направлений:

– обеспечение целевого характера использования бюджетных средств – главная и системообразующая цель;

– повышение прозрачности расходов субъектов экономики, получающих государственную поддержку;

– предотвращение коррупционных проявлений при распределении и использовании бюджетных средств;

– снижение рисков невыполнения государственных контрактов и программ;

– контроль за движением средств по цепочке исполнителей, включая субподрядчиков и соисполнителей.

Особенностью казначейского сопровождения является то, что контроль осуществляется не только в отношении первого получателя субсидии, но и в отношении всей цепочки контрагентов, что существенно расширяет сферу действия данного механизма.

Институт казначейского сопровождения, несмотря на относительно недавнее системное закрепление в Бюджетном кодексе РФ, уже породил обширную правоприменительную практику. Споры между получателями субсидий, органами Федерального казначейства, главными распорядителями бюджетных средств и контрольными органами регулярно становятся предметом рассмотрения арбитражных судов всех инстанций. Чтобы понять реальное состояние института, необходимо последовательно разобрать основные категории споров, выявив системные проблемы за частными случаями.

1. Проблема квалификации нарушений: формальное соответствие против целевого использования.

Одной из наиболее острых проблем правоприменения является разграничение нецелевого использования бюджетных средств и формальных нарушений процедуры их расходования. Получатель субсидии может использовать средства строго в соответствии с целями, установленными соглашением, однако нарушить процедурные требования казначейского сопровождения (например, не вовремя представить документы, неверно оформить платёжное поручение). Возникает вопрос: следует ли такие нарушения квалифицировать как нецелевое использование бюджетных средств с применением соответствующих санкций?

Приведём пример из практики. В Постановлении Арбитражного суда Московского округа по ряду дел о субсидиях, предоставленных в рамках государственных программ, суды последовательно проводили мысль о том, что само по себе нарушение порядка санкционирования операций не образует состава нецелевого использования бюджетных средств, если фактически средства были направлены на цели, предусмотренные соглашением. Например, в одном из дел получатель субсидии произвёл расчёты с контрагентом до получения санкции казначейства, однако суд установил, что закупленные товары соответствовали целям субсидирования, и квалифицировал нарушение как процедурное, а не как нецелевое использование [4].

В то же время существует практика, когда суды признавали нарушения порядка казначейского сопровождения достаточным основанием для возврата субсидии. Так, в делах, рассмотренных Арбитражным судом Поволжского округа, отмечалось, что бюджетные средства, выведенные с лицевого счёта без надлежащего санкционирования, утрачивают режим казначейского сопровождения, что само по себе является существенным нарушением условий предоставления субсидии [5].

Соответственно, отсутствие единообразия в подходах судов создаёт правовую неопределённость для получателей субсидий. Разрешение данной проблемы требует либо разъяснений Верховного Суда РФ, либо законодательной конкретизации последствий процедурных нарушений.

2. Проблема ответственности по цепочке контрагентов.

Одной из особенностей казначейского сопровождения является распространение режима контроля на всю цепочку расчётов, включая субподрядчиков и соисполнителей. Это порождает специфическую категорию споров.

Суть проблемы. Получатель субсидии добросовестно перечисляет средства своему контрагенту через систему казначейского сопровождения, однако контрагент далее нарушает установленный порядок при расчётах со своими субподрядчиками. Возникает вопрос о пределах ответственности первичного получателя.

В практике арбитражных судов рассматривались дела, связанные с реализацией государственного оборонного заказа, где головной исполнитель оказывался под санкциями за нарушения, допущенные его соисполнителями. Суды в таких случаях, как правило, придерживались позиции о субсидиарной ответственности участников цепочки, однако вопрос о распределении бремени доказывания добросовестности оставался спорным.

В одном из дел Арбитражного суда Уральского округа головной исполнитель был привлечён к ответственности за нарушения соисполнителя, при этом суд указал, что обязанность контролировать соблюдение режима казначейского сопровождения всеми участниками цепочки лежит на первичном получателе средств. Эта позиция, по сути, возлагает на бизнес функции, аналогичные функциям государственного контролёра [6].

В то же время в практике встречаются и противоположные решения, когда суды освобождали добросовестных получателей от ответственности за действия контрагентов, ссылаясь на принцип индивидуальной ответственности.

3. Проблема санкционирования операций: вопросы дискреции казначейства.

Значительная часть споров связана с действиями (бездействием) органов Федерального казначейства при санкционировании операций со средствами получателей субсидий.

Так, если получатель субсидии представляет документы для санкционирования операции, однако казначейство отказывает в санкционировании либо требует представления дополнительных документов, не предусмотренных нормативными актами, то возникает вопрос о пределах дискреции казначейских органов.

К примеру, в арбитражной практике рассматривались многочисленные дела об оспаривании отказов казначейства в санкционировании операций. В частности, в делах по спорам с территориальными органами Федерального казначейства суды неоднократно отмечали, что отказ в санкционировании должен быть мотивированным и основанным на конкретных нормах права. Если казначейство ссылается на «несоответствие документов целям предоставления субсидии», не указывая конкретных оснований такого вывода, отказ признаётся незаконным [7].

Существенной проблемой является ситуация, когда казначейство фактически выходит за пределы своей компетенции, оценивая хозяйственную целесообразность операций получателя субсидии. Суды последовательно указывают, что казначейство не вправе подменять собой главного распорядителя бюджетных средств и оценивать содержательную сторону договоров – его функция состоит в проверке формального соответствия операций целям субсидирования.

4. Проблема возврата субсидий и применения санкций.

Отдельную категорию споров составляют дела о возврате субсидий, предоставленных с нарушениями режима казначейского сопровождения. При выявлении нарушений главный распорядитель бюджетных средств принимает решение о возврате субсидии в бюджет, но размер требуемой к возврату суммы (вся субсидия или только часть, израсходованная с нарушениями) часто становится предметом спора.

В одном из дел, рассмотренных Арбитражным судом Северо-Западного округа, спор касался субсидии, предоставленной сельскохозяйственному производителю. Часть средств была использована с нарушением процедуры казначейского сопровождения, однако фактически направлена на цели субсидирования. Главный распорядитель потребовал возврата всей суммы субсидии. Суд встал на сторону получателя, указав, что возврату подлежит только та часть средств, в отношении которой установлены нарушения, а применение санкций должно быть соразмерным характеру допущенного нарушения [8].

Но, есть и противоположная позиция. В практике Арбитражного суда Дальневосточного округа встречались решения, поддерживающие требования о возврате всей суммы субсидии в случае существенных нарушений режима её предоставления, со ссылкой на положения соглашения, предусматривающие такое последствие [9].

Постепенно в судебной практике формируется принцип соразмерности санкций характеру нарушения, однако его последовательное применение пока не стало общепризнанным стандартом.

5. Проблема технических сбоев и человеческого фактора.

Отдельной категорией являются споры, связанные с техническими сбоями в работе информационных систем казначейства и ошибками сотрудников. Из-за сбоев в работе системы «Электронный бюджет» или иных информационных систем получатель субсидии может пропустить установленные сроки представления документов, что формально является нарушением. Возникает вопрос о распределении рисков таких сбоев.

В практике арбитражных судов сформировалась относительно устойчивая позиция, согласно которой технические сбои в работе государственных информационных систем не могут возлагаться на получателей субсидий. При наличии доказательств таких сбоев (скриншоты, переписка с технической поддержкой) суды, как правило, освобождают получателей от ответственности за пропуск сроков [10].

Вместе с тем доказывание факта технического сбоя на стороне казначейства часто оказывается затруднительным для получателя субсидии, что создаёт практическую асимметрию в защите прав сторон.

6. Проблема изменения условий соглашений.

Достаточно частыми являются споры, связанные с изменением условий предоставления субсидий в процессе их использования. В период действия соглашения о предоставлении субсидии могут изменяться экономические условия, цены на закупаемые товары и услуги, состав работ. Возникает вопрос о возможности корректировки направлений расходования средств без квалификации таких изменений как нецелевого использования.

В судебной практике отмечается, что отсутствие надлежащего оформления изменений в соглашении о предоставлении субсидии не позволяет получателю самостоятельно перераспределять средства, даже если фактически новые направления расходования соответствуют общим целям субсидирования. В одном из дел Арбитражного суда Центрального округа получатель субсидии был обязан вернуть средства, направленные на закупку оборудования, которое отличалось от изначально предусмотренного, несмотря на то что новое оборудование выполняло аналогичные функции [11].

Анализ судебной практики позволяет сформулировать несколько системных выводов:

Во-первых, отсутствие единообразия в подходах судов разных округов создаёт значительные правовые риски для получателей субсидий. Для решения этой проблемы необходима

активная роль Верховного Суда РФ в формировании единой практики, в том числе через принятие постановлений Пленума или утверждение обзоров судебной практики.

Во-вторых, требуется законодательная дифференциация процедурных нарушений и нецелевого использования бюджетных средств с установлением соразмерных санкций за каждый вид нарушений.

В-третьих, необходимо чёткое разграничение компетенции между казначейством и главными распорядителями бюджетных средств, чтобы исключить ситуации фактической подмены контрольных функций.

В-четвёртых, развитие цифровых технологий и совершенствование информационных систем должно сопровождаться чёткими правилами распределения рисков технических сбоев между государством и получателями субсидий.

В-пятых, целесообразно расширение возможностей оперативной корректировки условий соглашений о предоставлении субсидий с учётом изменяющихся экономических обстоятельств, что повысит гибкость данного института без ущерба для его контрольной функции.

Подводя итог исследования, следует отметить, что казначейское сопровождение субсидий, предоставляемых юридическим лицам, является важным элементом системы государственного финансового контроля в Российской Федерации. Данный механизм обеспечивает целевое использование бюджетных средств, повышает прозрачность финансовых потоков и способствует эффективной реализации государственных программ. Вместе с тем, дальнейшее развитие института казначейского сопровождения требует решения ряда практических проблем, прежде всего связанных с упрощением процедур, развитием цифровых технологий и повышением качества взаимодействия между всеми участниками бюджетного процесса. Оптимизация данных аспектов позволит институту казначейского сопровождения в полной мере реализовать заложенный в нём потенциал как инструмента обеспечения финансовой дисциплины и эффективности использования бюджетных ресурсов.

Список литературы

1. Поветкина, Н. А. Финансовая устойчивость Российской Федерации. Правовая доктрина и практика обеспечения / Н. А. Поветкина. – Москва : Контракт, 2016. – 344 с.

2. Афанасьев, М. П. Бюджет и бюджетная система / М. П. Афанасьев, А. А. Беленчук, И. В. Кривогов. – Москва : Юрайт, 2023. – 671 с.

3. Бюджетный кодекс Российской Федерации : от 31.07.1998 №145-ФЗ : ред. от 26.06.2026 // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3823.

4. Решение Арбитражного суда города Москвы от 30 августа 2023 г. по делу № А40-287163/2021. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/S9SC9IcyfnL4/ (дата обращения: 25.06.2026). – Текст : электронный.

5. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 5 декабря 2022 г. № Ф06-25786/2022. – URL: https://www.b-uchet.ru/ndoc/488820/ (дата обращения: 25.06.2026). – Текст : электронный.

6. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 9 декабря 2022 г. по делу № А47-14405/2021. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/QVwSfiESb7Ud/ (дата обращения: 27.06.2026). – Текст : электронный.

7. Постановление Арбитражного суда Московского округа : от 22.06.2026 № Ф05–7702/2026. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=587139#ZtaL5OVY3uHlwwtV (дата обращения: 27.06.2026). – Текст : электронный.

8. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа : от 28.04.2025 № А05-8561/2024. – URL: https://buhexpert8.ru/npa/postanovlenie-as-severo-zapadnogo-okruga-ot-28-04-2025-n-a05-8561-2024.html (дата обращения: 30.06.2026). – Текст : электронный.

9. Решение Арбитражного суда Архангельской области от 1 ноября 2024 г. по делу № А05-8561/2024. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/YoaD9NlMHAgX/ (дата обращения: 29.06.2026). – Текст : электронный.

10. Решение Арбитражного суда Омской области от 8 октября 2024 г. по делу № А46–7167/2024. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/cQyTJYBZIbdR/ (дата обращения: 27.06.2026). – Текст : электронный.

11. Постановление Арбитражного суда Центрального округа : от 19 февраля 2025 г. № Ф10-3158/2024. – URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=7&documentId=489413 (дата обращения: 27.06.2026). – Текст : электронный.

Николаева Ангелина Александровна
секретарь судебного заседания
Арбитражный суд Республики Татарстан
г. Казань, Республика Татарстан

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК УТВЕРЖДЕНИЯ МИРОВОГО СОГЛАШЕНИЯ АРБИТРАЖНЫМ СУДОМ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

Аннотация: *в статье исследуется процессуальный порядок утверждения мирового соглашения арбитражным судом первой инстанции. Рассмотрены пределы судебного контроля законности условий примирения. Проанализированы проблемам примирительных процедур в арбитражном процессе. Обоснована необходимость дифференцированного судебного надзора за распорядительными действиями сторон. Сформулированы предложения по совершенствованию статьи 141 Арбитражного процессуального кодекса РФ.*

Ключевые слова: *арбитражный процесс, суд первой инстанции, мировое соглашение, примирительные процедуры, судебный контроль, пределы проверки, прекращение производства.*

Институт мирового соглашения выступает традиционной формой реализации принципа диспозитивности в арбитражном процессе. Право сторон на примирение регламентировано главами 14.1 и 15 Арбитражного процессуального кодекса РФ. Основной объем контрольных полномочий при совершении сторонами распорядительных действий реализует суд первой инстанции. Судья непосредственно проверяет законность волеизъявления истца и ответчика. Судебный акт трансформирует частные договоренности сторон в общеобязательное процессуальное предписание.

Суд первой инстанции не должен подменять собой волю субъектов предпринимательской деятельности. Е.В. Кудрявцева и С.А. Курочкин справедливо констатируют: «эффективность судебного контроля определяется точностью установления баланса между автономией воли сторон и защитой публичного порядка» [4, с. 22]. Поддержим данный вывод ученых. Судья арбитражного суда первой инстанции не вправе оценивать хозяйственную целесообразность взаимных уступок. Участники спора самостоятельно определяют допустимый размер имущественных компромиссов. Судебная проверка ограничена правовыми критериями статьи 141 АПК РФ.

Порядок рассмотрения заявления об утверждении соглашения в первой инстанции строго регламентирован законом. Стороны вправе заявить о примирении при подготовке дела либо непосредственно в судебном заседании. Суд первой инстанции проводит обязательную проверку полномочий представителей. Право на подписание соглашения требует прямого указания в доверенности по части 2 статьи 62 АПК РФ. Отсутствие специальной оговорки исключает утверждение представленного проекта.

Анализ оснований для отказа в утверждении соглашения детально проведен Л.Ю. Новицкой. Автор обоснованно подчеркивает: «соглашение, которое было подписано сторонами, но не утверждено судом, юридической силы не имеет» [5, с. 345]. Л.Ю. Новицкая указывает, что суды первой инстанции не утверждают проекты при наличии противоречий в суммах или сроках выплат. Не допускается включение положений о признании стороной факта злоупотребления правом или факта обмана [5, с. 347]. Также Л.Ю. Новицкая отмечает, что при процессуальном соучастии соглашение части лиц допустимо лишь при возможности рассмотрения остальных требований [5, с. 346]. Согласимся с позицией исследователя. Судья обязан лично убедиться в добровольном волеизъявлении сторон в судебном заседании.

Вопросы практической результативности института мирового соглашения исследуют А.М. Конопелько и О.А. Латынин. Авторы справедливо указывают: «мировое соглашение играет важную роль в разрешении споров в арбитражном судопроизводстве, обеспечивая сторонам гибкость, конфиденциальность и экономию времени и ресурсов» [3, с. 333]. Вместе

с тем исследователи вскрывают проблемы неоднозначности формулировок и рисков неисполнения обязательств должником [3, с. 334]. Для решения указанных проблем А.М. Конопелько и О.А. Латынин предлагают детальную проработку условий и усиление механизмов контроля. Разделяем позицию ученых: четкость формулировок на стадии первой инстанции предотвращает возникновение последующих споров.

Сложным вопросом в практике суда первой инстанции выступает определение допустимых границ предмета соглашения. В.О. Ватаманюк указывает: «последствия заключения мирового соглашения могут касаться лишь тех требований, которые были предметом судебного разбирательства, за исключением случаев, когда стороны своим соглашением прямо предусмотрели иное» [1, с. 55]. Не согласимся с мнением В.О. Ватаманюка в части ограничения предмета соглашения исключительно рамками иска. Практика первой инстанции допускает урегулирование взаимосвязанных требований ради полного исчерпания конфликта.

При осуществлении судебного контроля суд первой инстанции обязан защищать публичный интерес правосудия. А.А. Долгиев утверждает: «для преодоления обозначенных проблем требуется не отказ от действующей системы, а ее содержательное углубление на основе принципа процессуальной дифференциации» [2, с. 18]. Согласимся с выводом исследователя. При участии государственных органов стандарты проверки условий соглашения должны быть повышенными. Судья обязан исключать случаи неправомерного отказа от взыскания обязательных публичных платежей.

Комплексный анализ проблем стадии исполнения мировых соглашений представлен в работе П.С. Храмовой. Исследователь справедливо констатирует: «толкование судом условий мирового соглашения не противоречит законодательству в силу смешанной правовой природы мирового соглашения» [6, с. 251]. Ввиду наличия коллизий в практике П.С. Храмова предлагает дополнить часть 1 статьи 142 АПК РФ положением: «в случае неясности условий мирового соглашения по заявлению стороны такого соглашения арбитражный суд, утвердивший такое соглашение, вправе разъяснить условия мирового соглашения без изменения их содержания» [6, с. 253]. Полностью поддержим законодательную инициативу автора. Также П.С. Храмова доказывает право взыскателя на присуждение судебной неустойки (астрента) по части 4 статьи 174 АПК РФ [6, с. 252]. Автор обосновывает недопустимость снижения договорной неустойки по статье 333 ГК РФ, поскольку это нарушило бы условия утвержденного соглашения. Согласимся с данной позицией: суд не вправе произвольно ревизовать согласованные сторонами штрафные санкции.

Практическую сложность в арбитражном суде первой инстанции представляет вопрос о предоставлении отсрочки или рассрочки исполнения мирового соглашения. В судебной практике должники нередко заявляют ходатайства об изменении сроков уплаты задолженности на основании статьи 324 АПК РФ. П.С. Храмова справедливо обращает внимание на то, что основанием для отсрочки могут выступать только обстоятельства исключительного характера [6, с. 252]. Такие обстоятельства должны возникнуть уже после вынесения определения об утверждении соглашения. Причины неисполнения обязательств должны носить объективный и уважительный характер. Суд первой инстанции обязан предотвращать злоупотребление правом со стороны недобросовестного должника. Необоснованное предоставление рассрочки нарушает баланс имущественных интересов и искажает волю кредитора. Кроме того, суд первой инстанции обязан на стадии утверждения пресекать включение условий о передаче имущества, зависящих от действий третьих лиц. Если договор на создание объекта расторгнут, соглашение становится заведомо неисполнимым [6, с. 252]. Судья арбитражного суда первой инстанции обязан отказать в утверждении заведомо порочных формулировок.»

Критерии судебной проверки условий мирового соглашения в арбитражном суде первой инстанции систематизированы в таблице 1.

Критерии и пределы проверки арбитражным судом первой инстанции условий мирового соглашения

Таблица 1

Элемент процессуальной проверки	Нормативное основание	Предмет исследования судом первой инстанции	Процессуальные последствия выявления дефекта
Проверка полномочий представителей	Ч. 2 ст. 62, ч. 1 ст. 140 АПК РФ	Наличие специальной оговорки в доверенности на заключение мирового соглашения; срок действия доверенности	Отказ в утверждении мирового соглашения либо отложение заседания для подтверждения воли доверителя
Проверка законности условий соглашения	Ч. 6 ст. 141 АПК РФ, ст. 168 ГК РФ	Соответствие условий соглашения императивным нормам права; выявление признаков притворности или вывода активов	Отказ в утверждении мирового соглашения; запрет на утверждение соглашения в части; продолжение процесса
Проверка прав и интересов третьих лиц	Ч. 6 ст. 141, ст. 139 АПК РФ	Отсутствие возложения несогласованных обязанностей на третьих лиц; оценка рисков для внешних кредиторов должника	Отказ в утверждении мирового соглашения; привлечение третьего лица к участию в сделке только с его согласия
Проверка определенности и исполнимости	Ч. 2 ст. 140, ст. 142 АПК РФ	Наличие четких сроков, сумм и графика платежей; объективная верифицируемость условий исполнения обязательства	Предложение сторонам устранить неясности; при отказе от корректировки текста – вынесение определения об отказе
Проверка распределения судебных расходов	Ч. 7 ст. 141 АПК РФ, пп. 3 п. 1 ст. 333.40 НК РФ	Наличие договоренности сторон о расходах; указание в определении на возврат истцу 70% государственной пошлины	При отсутствии согласия – распределение расходов судом; обязательное указание возврата госпошлины из бюджета

Процессуальным итогом рассмотрения вопроса выступает вынесение судебного определения (ч. 5 ст. 141 АПК РФ). Утверждение мирового соглашения влечет прекращение производства по делу (п. 2 ч. 1 ст. 150 АПК РФ). Определение суда первой инстанции вступает в силу немедленно и обжалуется только в кассации в месячный срок. Суд разрешает вопрос о распределении издержек и возврате 70 процентов государственной пошлины истцу. При неисполнении условий должником суд первой инстанции выдает исполнительный лист без возбуждения нового иска (ст. 142 АПК РФ).

Проведенное исследование подтверждает дуалистическую природу мирового соглашения в суде первой инстанции. Судебный надзор призван гарантировать законность условий без ущемления автономии воли участников спора. Полагаем необходимым реализовать законодательное предложение П.С. Храмовой о праве суда разъяснять условия мирового соглашения. Также целесообразно наделить суд первой инстанции правом объявлять перерыв в заседании для устранения неясностей проекта. Реализация предложенных мер повысит эффективность примирительных процедур в арбитражном судопроизводстве.

Список литературы

1. Ватаманюк, В. О. Последствия заключения мирового соглашения в арбитражном процессе / В. О. Ватаманюк // Хозяйство и право. – 2024. – № 11. – С. 52–61.

2. Долгиев, А. А. Государственные интересы в арбитражном процессе: проблемы и перспективы процессуальной дифференциации / А. А. Долгиев // Арбитражный и гражданский процесс. – 2026. – № 7. – С. 15–21.

3. Конопелько, А. М. Анализ эффективности и проблематики применения мирового соглашения в арбитражном судопроизводстве / А. М. Конопелько, О. А. Латынин // Образование и право. – 2024. – № 5. – С. 332–335.

4. Кудрявцева, Е. В. Актуальные проблемы российского арбитража / Е. В. Кудрявцева, С. А. Курочкин // Вестник гражданского процесса. – 2025. – Т. 15, № 2. – С. 11–38.
5. Новицкая, Л. Ю. Мировое соглашение как эффективный инструмент урегулирования судебного спора: правоприменительная практика / Л. Ю. Новицкая // Образование и право. – 2020. – № 9. – С. 343–349.
6. Храмова, П. С. Проблемы исполнения мировых соглашений в арбитражном судопроизводстве / П. С. Храмова // Образование и право. – 2025. – № 1. – С. 250–253.

Новикова Алина Анатольевна
магистрант
ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина»
г. Москва

ИЗЪЯТИЕ ОБЪЕКТА НЕЗАВЕРШЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА ДЛЯ ЗАВЕРШЕНИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА: БАЛАНС ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ

Аннотация: *в статье исследуется механизм изъятия объекта незавершенного строительства, расположенного на публичном земельном участке, путем продажи с публичных торгов, изложенный в статье 239.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, в его соотношении с правом собственника объекта незавершенного строительства на предоставление земельного участка в аренду для завершения строительства. Обосновывается вывод о том, что изъятие не является санкцией за нарушение срока строительства, а представляет собой способ устранения юридической неопределенности судьбы объекта и участка; изъятие и право на новый договор аренды образуют связанную пару, в которой бездействие публичного собственника влечет утрату им права на изъятие.*

Ключевые слова: *объект незавершенного строительства, изъятие, публичные торги, аренда земельного участка, завершение строительства, баланс интересов, единство судьбы земельного участка и объекта.*

Судьба объекта незавершенного строительства (далее – ОНС), расположенного на земельном участке, находящемся в государственной или муниципальной собственности, является одной из наиболее конфликтных проблем современного гражданского и земельного права. Интересы публичного собственника состоят в эффективном использовании земельного участка и недопущении его длительного неосвоения; интересы собственника ОНС – в сохранении своего имущества и возможности завершить строительство. Законодатель попытался уравновесить эти интересы, создав два взаимосвязанных механизма: изъятие ОНС путем продажи с публичных торгов, действуя согласно статье 239.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [2] (далее – ГК РФ), и предоставление земельного участка в аренду для завершения строительства в силу пункта 5 статьи 39.6, подпункта 6 пункта 8 статьи 39.8 Земельного кодекса Российской Федерации [3] (далее – ЗК РФ).

Однако практика применения этих норм показала, что их соотношение далеко не очевидно, а механизм сбалансирован лишь при условии, что публичный собственник действует добросовестно и своевременно. Цель настоящей статьи – раскрыть правовую природу изъятия ОНС, определить условия его применения, показать связанность права на изъятие с правом собственника на новый договор аренды и выявить пределы притязаний публичного собственника.

Статья 239.1 ГК РФ была введена в действие 01 марта 2015 года в рамках масштабного обновления земельного и гражданского законодательства [4], предпринятого в 2014 году и направленного на определение правовой судьбы объектов незавершенного строительства после истечения срока договора аренды публичного земельного участка. Если статья 239 ГК РФ применяется, когда изъятие участка ввиду ненадлежащего использования земли

невозможно без прекращения права собственности на находящееся на нем недвижимое имущество, то статья 239.1 ГК РФ не требует установления факта ненадлежащего использования участка: достаточно самого по себе прекращения договора аренды при условии, что строительство не завершено.

Статья 239.1 ГК РФ не устанавливает вины собственника как условия изъятия, не ставит возможность изъятия в зависимость от степени его недобросовестности, не дифференцирует последствия в зависимости от длительности просрочки. Напротив, пункт 3 статьи 239.1 ГК РФ прямо предусматривает, что требование о продаже ОНС не подлежит удовлетворению, если собственник докажет, что нарушение срока строительства связано с действиями (бездействием) органов государственной власти, органов местного самоуправления или лиц, осуществляющих эксплуатацию сетей инженерно-технического обеспечения, к которым должен быть подключен объект.

В литературе высказывается взгляд, согласно которому «статья 239.1 ГК РФ направлена на обеспечение приоритета публичного интереса перед частным» [8]. С этим можно согласиться лишь в части, касающейся цели нормы: изъятие действительно служит возвращению земельного участка в эффективный оборот и устранению юридической неопределённости [5, п. 12]. Однако применительно к средствам достижения этой цели приоритета не устанавливается: закон требует судебного порядка изъятия, допускает возражение о вине органов власти, гарантирует выплату стоимости объекта. Более того, бездействие публичного собственника влечёт утрату им права на изъятие. Поэтому точнее говорить не о приоритете публичного интереса, а о его приоритетной цели при сбалансированных средствах её достижения. Более точным представляется понимание изъятия как способа устранения юридической неопределенности. В практике применения земельного законодательства Верховный Суд Российской Федерации сформулировал эту мысль предельно ясно: при прекращении договора аренды земельного участка публичный собственник не может распорядиться ни объектом незавершенного строительства, созданным в период действия договора, ни самим участком без судебного решения, определяющего судьбу объекта [6, п. 14]. Следовательно, иск об изъятии – это не карательный инструмент, а предусмотренный законом способ разрешить ситуацию, в которой объект принадлежит одному лицу, а участок – другому, при отсутствии между ними договорных связей.

Такое понимание имеет важное практическое следствие: изъятие допустимо лишь тогда, когда иные способы устранения неопределенности исчерпаны или неприменимы. Если публичный собственник имел возможность заключить договор аренды для завершения строительства и не воспользовался ею, его притязание на изъятие утрачивает основание.

Дополнительно следует отметить, что изъятие осуществляется исключительно в судебном порядке, что обеспечивает действие конституционных гарантий неприкосновенности собственности и недопустимости произвольного лишения имущества согласно положениям Конституции Российской Федерации [1, ст. ст. 33, 55].

Показательным случаем того, что дополнительных оснований для публичного собственника для изъятия ОНС не создается, существует в практике Верховного Суда Российской Федерации, когда договор аренды был расторгнут сторонами по соглашению до истечения трехлетнего срока, на участке правомерно возведен в период действия договора ОНС, участок иному лицу не предоставлялся, а уполномоченный орган в течение шести месяцев не заявил требование об изъятии. Суд признал, что за заявителем сохраняется право на однократное предоставление участка для завершения строительства и отказ администрации незаконен [5, п. 12.2]. Тем самым, даже при наличии соглашения о расторжении договора, собственник ОНС не лишен гарантий, предусмотренных земельным законодательством.

Пункт 1 статьи 239.1 ГК РФ говорит о договоре аренды, предоставленном по результатам аукциона. Однако пункт 6 той же статьи существенно расширяет сферу применения: правила статьи применяются также в случае прекращения действия договора аренды, заключенного

без проведения торгов в целях завершения строительства ОНС, при условии, что строительство этого объекта не было завершено.

При этом к договорам аренды, заключенным до 1 марта 2015 года, статья 239.1 ГК РФ не применяется, так как по ним сохраняется прежнее правило о преимущественном праве арендатора на новый договор.

Практическое значение этого разграничения иллюстрирует дело, в котором предприниматель получил участок в 2007 году для проектирования пансионата, возвел ОНС степенью готовности 16%, право на который зарегистрировал в 2011 году, а затем продлил аренду до 2018 года. Верховный Суд Российской Федерации указал, что редакция переходной нормы, действовавшая до 1 марта 2015 г., не содержала ограничения по однократности предоставления участка, а введение такого ограничения не может распространяться на ранее заключенные договоры. Следовательно, собственник ОНС вправе требовать заключения договора аренды для завершения строительства, а применение статьи 239.1 ГК РФ возможно лишь при условии, что право на однократное предоставление участка после 1 марта 2015 г. уже было реализовано [8, п. 24]. Отметим, что договоры, заключенные до 1 марта 2015 года, еще сильнее защищают арендатора.

В том же Обзоре судебной практики Верховный Суд Российской Федерации последовательно сформулировал следующее правило: требование об изъятии может быть удовлетворено, если при соблюдении правил при предъявлении иска, собственником ОНС не представлено доказательств нарушения срока строительства вследствие действий (бездействия) со стороны заявителя. Примером успешной реализации этой защиты служит дело, в котором суд отказал во взыскании в пользу администрации объекта незавершенного строительства степенью готовности 10%. Арендатор доказал, что срок строительства индивидуального жилого дома нарушен вследствие бездействия арендодателя, не обеспечившего на протяжении всего срока действия договора возможности проезда к арендованному участку, хотя при заключении договора арендатор полагался на наличие доступа, обозначенного на схеме генерального плана [5, п. 10.1]. Этот пример показателен в двух отношениях. Во-первых, он демонстрирует, что низкая степень готовности сама по себе не является основанием для изъятия, поскольку решающее значение имеет причина нарушения срока. Во-вторых, он подтверждает, что арендатор вправе полагаться на сведения о доступности участка, содержащиеся в документах территориального планирования, а обязанность обеспечить такую доступность лежит на публичном собственнике.

Права публичного собственника и собственника ОНС связаны между собой. Бездействие органа влечёт право требовать договора аренды даже при ранее уже использованной однократности. Законодательная конструкция связывает правомочие собственника ОНС не с количеством его обращений, а с поведением уполномоченного органа: право на предоставление участка возникает вновь, если публичный собственник не реализовал свое право на изъятие в установленный срок. Иными словами, «однократность» относится к праву публичного собственника инициировать изъятие, но не превращается в абсолютное ограничение права собственника объекта на завершение строительства. Показательно, что Верховный Суд Российской Федерации распространил этот подход и на случаи, когда собственником ОНС выступает гражданин, возводящий индивидуальный жилой дом: суд учел, что весь период арендных отношений гражданин осуществлял строительные работы с учетом его финансовых возможностей, материального положения и нахождения на иждивении несовершеннолетних детей [5, п. 12.1]. Тем самым в правоприменении формируется дифференцированный подход, учитывающий реальные возможности застройщика, а не только формальное истечение срока.

Но есть и предел защиты собственников.

Верховный Суд Российской Федерации указал, что статья 239.1 ГК РФ, определяющая порядок отчуждения ОНС в связи с прекращением действия договора аренды, не содержит ограничения по сроку обращения в суд с подобным требованием. Следовательно, обращение

публичного собственника в суд по истечении шести месяцев с момента окончания срока договора аренды не является безусловным основанием для отказа в удовлетворении требования об изъятии. В соответствующем деле суд установил совокупность обстоятельств, исключивших защиту собственника: право на однократное заключение договора аренды без торгов для завершения строительства уже было реализовано; строительство в установленный срок не завершено; нарушение сроков не связано с действиями (бездействием) органов власти или сетевых организаций; после истечения срока договора собственник с заявлением о предоставлении участка повторно не обращался [5, п. 12.3].

Таким образом, защита собственника ОНС строится не на самом по себе истечении шестимесячного срока, а на его добросовестном поведении: если он заявил о предоставлении участка, а орган не инициировал изъятие, приоритет получает право на завершение строительства. Если же собственник бездействует и не претендует на участок, публичный собственник сохраняет возможность добиваться изъятия и позднее.

Даже при удовлетворении судом иска об изъятии ОНС, пункт 4 статьи 239.1 ГК РФ обеспечивает имущественную защиту собственника ОНС: он не лишается имущества безвозмездно, а получает его стоимость за вычетом расходов на подготовку и проведение торгов. В этом проявляется отличие изъятия ОНС от сноса самовольной постройки, при котором компенсация не предусматривается. Однако на практике остается нерешенным вопрос о том, как оценка рыночной стоимости ОНС учитывает степень его готовности и возможность завершения строительства новым собственником – проблема, требующая самостоятельного нормативного регулирования.

В заключение отметим, что баланс частных и публичных интересов в рассматриваемой сфере обеспечивается совокупностью материальных и процессуальных гарантий – судебным порядком изъятия, возможностью собственника опровергнуть презумпцию его ответственности за нарушение срока, оценкой рыночной стоимости объекта и распределением вырученных средств. Дальнейшее совершенствование механизма должно идти по пути установления пресекательного характера шестимесячного срока, урегулирования последствий незаконного отказа в предоставлении участка, уточнения правил оценки ОНС и закрепления принципа добросовестности публичного собственника.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 17.10.2026). – Текст : электронный.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (части первая и вторая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Российская газета. – 1994. – № 238–239.

3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 №136-ФЗ (ред. от 04.08.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026) // Российская газета. – 2001. – № 211–212.

4. О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 23 июня 2014 г. №171-ФЗ.

5. Обзор судебной практики по делам, связанным с предоставлением и использованием публичных земельных участков для целей строительства (утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 19 ноября 2025 г.) // Бюллетень Верховного суда РФ. – 2026. – № 3.

6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации №1 (2023) (утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 апреля 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации №2 (2020) (утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22 июля 2020 г.) // СПС «Гарант».

8. Андреева, Е. М. Особенности принудительной реализации незавершенного строительства ввиду прекращения права аренды публичного земельного участка (ст. 239.1 ГК РФ) / Е. М. Андреева // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2022. – № 11. – С. 63–80.

Новикова Алина Анатольевна
магистрант
ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина»
г. Москва

ТОЖДЕСТВО ОБЪЕКТА НЕЗАВЕРШЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА: ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННО-ПРАВОВАЯ И ВЕЩНО-РЕГИСТРАЦИОННАЯ МОДЕЛИ

Аннотация: *исследуется проблема определения предмета договора купли-продажи объекта незавершенного строительства при изменении его характеристик в процессе строительства. Автором обосновывается понимание тождества объекта, согласно которому тождество не является абсолютным свойством вещи, а определяется плоскостью правоотношений: в обязательственно-правовой плоскости объект сохраняет тождество при изменении степени готовности, тогда как для целей государственной регистрации и налогообложения завершенный объект рассматривается как вновь созданный. Показано, что смешение этих моделей порождает ошибки правоприменения. Формулируются предложения по совершенствованию законодательства.*

Ключевые слова: *объект незавершенного строительства, предмет договора, купля-продажа недвижимости, тождество объекта, степень готовности, кадастровый номер, будущая недвижимая вещь.*

Правовое положение объекта незавершенного строительства (далее – ОНС) характеризуется внутренним противоречием. Закон прямо относит ОНС к недвижимым вещам, наделяя его свойствами объекта вещных прав. Однако незавершенность – не качество, а состояние: характеристики объекта (площадь, состав конструкций, степень готовности) изменяются по мере строительства. Отсюда практический вопрос: если на момент заключения договора объект выглядел одним образом, а к моменту передачи – другим, сохраняется ли тождество предмета договора и действительность самой сделки?

В литературе и практике этот вопрос обычно решается «по умолчанию»: степень готовности не является существенным условием договора. Ответ верен по результату, но недостаточен по обоснованию – он не объясняет случаи, когда изменение характеристик влечет принципиально иные последствия (прекращение записи о недострое и возникновение нового объекта недвижимости). Цель статьи – предложить объяснительную модель, примиряющую эти ситуации, и показать ее практическое значение.

Для гражданского оборота значение имеет не физическая неизменность вещи, а ее юридическая определенность – возможность установить, что обязательство касается именно этого объекта. Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ еще в 1997 году исходил из того, что не завершенный строительством объект является недвижимостью, может быть предметом купли-продажи, а право собственности на него возникает с момента государственной регистрации [7, п. 7]. Уже в этой позиции заложена идея, что ОНС – не «недоделанная вещь», а самостоятельный объект с устойчивой правовой идентификацией.

Тождество объекта определяется совокупностью признаков, отграничивающих объект от всех иных: местоположением на земельном участке, конфигурацией (контуром), учетными данными. Изменение степени готовности эти признаки не затрагивает.

Сложность, однако, состоит в том, что законодательство и практика используют не одну, а две модели соотношения ОНС и завершенного объекта, и эти модели дают противоположные ответы на вопрос о сохранении тождества. Модель первая – обязательственно-правовая, в которой объект сохраняет тождество при изменении степени готовности. В договорной плоскости объект рассматривается как тот же самый независимо от изменения характеристик. Наиболее наглядно это проявляется в залоговых отношениях: если предметом ипотеки

являлся ОНС, то по окончании строительства ипотека сохраняет силу, а ее предметом становится возведенное здание; изменение предмета ипотеки не означает ни физической, ни юридической гибели предмета залога [3, ст. 76].

Ни Гражданский кодекс РФ, ни Закон об ипотеке не требуют для сохранения силы договора внесения изменений в описание предмета и его оценку [6, п. 1]. Проявляется первая модель и в договорах купли-продажи будущей недвижимой вещи. В Постановлении Пленума ВАС РФ разъяснено: «Отсутствие у продавца в момент заключения договора права собственности на имущество – предмет договора – само по себе не является основанием для признания такого договора недействительным; однако для государственной регистрации перехода права собственности к покупателю продавец должен обладать правом собственности на объект» [4, п. 1]. Обоснованием служит и принцип свободы договора: стороны вправе определить предмет через значимые для них характеристики и самостоятельно распределить связанные с динамикой объекта риски. В противном случае, при неопределенности предмета договора, суд устанавливает действительную волю сторон исходя из условий договора, иных доказательств по делу, практики, сложившейся во взаимных отношениях сторон, обычаев делового оборота и последующего поведения сторон; если соглашение по этому вопросу не достигнуто, договор не считается заключенным [4, п. 3]. Тем самым неопределенность преодолевается внутренними средствами обязательственного права, а не через отрицание тождества объекта. Противоположный подход свидетельствовал бы о признании договора прекратившимся или незаключенным при каждом изменении характеристик, что привело бы к необоснованному ограничению оборота, поскольку любой ОНС изменяется в процессе строительства, и стабильность обязательств стала бы иллюзорной. Модель вторая – вещно-регистрационная и налоговая, в которой завершенный объект рассматривается как вновь созданный. Снятие с кадастрового учета ОНС и государственная регистрация прекращения прав на него осуществляются одновременно с кадастровым учетом созданного объекта и регистрацией прав на него [2, ч. 8 ст. 40]. Еще нагляднее это в налоговых отношениях: минимальный предельный срок владения объектом, приобретенным в виде ОНС, исчисляется с даты регистрации права на образованный после завершения строительства объект, а не с даты регистрации права на ОНС [8, п. 18].

Разграничение моделей имеет прикладное значение. В обязательственной плоскости завершение строительства не прекращает договор и не требует его перезаключения; в регистрационной – влечет прекращение записи об ОНС и необходимость регистрации права на новый объект. Отсюда развиваемый в работе тезис: тождество ОНС не является абсолютным свойством объекта, а определяется плоскостью правоотношений, в которой возникает соответствующий вопрос. Ошибки правоприменения чаще всего являются результатом переноса модели из одной плоскости в другую – например, вывод о «новом объекте» для налоговых целей переносится в договорную плоскость и приводит к ошибочному выводу о невозможности исполнения ранее заключенного договора. Предложенное разграничение носит характер авторского обобщения: практика рассматривает соответствующие вопросы изолированно, не связывая их единой конструкцией.

Сказанное можно проиллюстрировать двумя правовыми позициями, в которых смешение моделей было устранено вышестоящими судами.

Наиболее нагляден пример из налоговых отношений, приведенный в тематическом обзоре Верховного Суда РФ от 25 марта 2026 г [7, п. 18]. Налогоплательщик получил в 2016 году в дар объект незавершенного строительства степенью готовности 14%, достроил его, в 2017 году зарегистрировал право на жилой дом, а в 2020 году продал. Суд первой инстанции исчислил минимальный предельный срок владения с даты регистрации права на объект незавершенного строительства, придя к выводу о применении трехлетнего срока и об отсутствии обязанности по уплате налога. Суды апелляционной и кассационной инстанций признали такой подход ошибочным: реализован не объект незавершенного строительства, приобретенный в 2016 году, а созданный налогоплательщиком новый объект – жилой дом, в

связи с чем срок владения исчисляется с даты регистрации права на него. Ошибка состояла именно в переносе обязательственно-правовой модели тождества в налоговые отношения, где действует иная модель.

Обратная ошибка связана с переносом вещно-регистрационной модели в залоговую плоскость и была устранена Президиумом ВАС РФ [6, п. 1].

Суд первой инстанции отказал в обращении взыскания, указав, что предметом ипотеки являлся объект незавершенного строительства, а в реестре значится завершенное здание, то есть предмет залога отсутствует и ипотека прекратилась. Президиум признал такой вывод неверным: изменение предмета ипотеки в период действия договора не означает ни физической, ни юридической гибели предмета залога, ипотека сохраняет силу, а ее предметом становится возведенное здание.

Приведенные примеры показывают, что модели не конкурируют и не противоречат друг другу: каждая действует в своей плоскости и отвечает на свой вопрос. Расхождение объясняется различием целей регулирования – обеспечение стабильности обязательств и предсказуемости оборота, с одной стороны, и достоверность реестра, а также определенность налоговой обязанности – с другой.

В заключение отметим, что смешение моделей обязательственно-правовой и вещно-государственной порождает ошибки правоприменения. В обязательственно-правовой плоскости объект сохраняет тождество при изменении характеристик, а для целей государственной регистрации и налогообложения завершенный объект рассматривается как вновь созданный. Для устранения противоречий между моделями также требуется разъяснение Пленума Верховного Суда РФ о том, что переход права на завершенный объект к лицу, приобретшему ОНС, не требует заключения нового договора, а осуществляется в порядке исполнения ранее заключенного при сохранении идентифицирующих признаков объекта.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (части первая и вторая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Российская газета. – 1994. – № 238–239.

2. О государственной регистрации недвижимости : Федеральный закон от 13.07.2015 №218-ФЗ : ред. от 25.05.2026 // Российская газета. – 2015. – № 156.

3. Об ипотеке (залоге недвижимости) : Федеральный закон от 16.07.1998 №102-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2025) // Российская газета. – 1998. – № 137.

4. О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем : постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 11.07.2011 №54 // Вестник ВАС РФ. – 2011. – № 9.

5. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 28.01.2005 №90 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2005. – № 4.

6. Обзор практики разрешения споров, возникающих по договорам купли-продажи недвижимости : информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 13.11.1997 №21 // Вестник ВАС РФ. – 1998. – № 1.

7. Тематический обзор Верховного Суда Российской Федерации №3/2026 «О рассмотрении судами общей юрисдикции споров, связанных с применением отдельных положений законодательства о налогах и сборах» (утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 25.03.2026 №4А/2026) // СПС «КонсультантПлюс». – 2026.

Пилипенко Елизавета Сергеевна
магистрант
ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАКУПОК ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: *статья посвящена критическому анализу корпоративных закупок по Федеральному закону №223-ФЗ. Автор на основе статистики Минфина РФ и ФАС России исследует проблему квазиконкурентных процедур, которые при формальном соблюдении закона лишены реального экономического содержания. В исследовании обосновано, что чрезмерная диспозитивность законодательства позволяет заказчикам легализовать обход конкурентных механизмов через утверждение специфических внутренних положений о закупках.*

Ключевые слова: *корпоративные закупки, государственные корпорации, квазиконкурентные закупки, антимонопольный контроль, Положение о закупке, Федеральная антимонопольная служба.*

Формирование эффективной правовой среды для субъектов корпоративного сектора с государственным участием является сложной задачей юридической науки. Экономика РФ характеризуется высокой долей присутствия госкорпораций, публично-правовых компаний, естественных монополий и обществ с госучастием. При этом закупочная деятельность данных субъектов, регулируемая Федеральным законом №223-ФЗ, по своим масштабам превосходит рынок классического государственного заказа [1].

Целью Закона №223-ФЗ являлось создание баланса между публичным контролем и коммерческой гибкостью корпоративных субъектов с государственным участием. В отличие от жестко императивного Закона №44-ФЗ, данное законодательство носит рамочный характер и опирается на гражданско-правовой принцип автономии воли. Основным источником регулирования выступает локальное Положение о закупке, разрабатываемое заказчиком самостоятельно. Однако на практике заложенный уровень диспозитивности привел к возникновению системных дефектов и массовому распространению латентных квазиконкурентных практик, размывающих границы между конкурентными и неконкурентными способами выбора контрагентов.

Свобода локального нормотворчества привела к использованию Положений о закупках для легализации механизмов обхода прозрачных процедур, вызвав конфликт между частноправовой формой и публично-правовым содержанием деятельности корпораций. Законодатель предполагал, что установления общих принципов – информационной открытости, равноправия и отсутствия дискриминации – будет достаточно для эффективного снабжения. В действительности же коммерческие структуры стали использовать правовую автономию для ограничения конкуренции, что подтверждается официальным мониторингом правоприменения.

Статистические данные Министерства финансов РФ и Федеральной антимонопольной службы за 2024 и 2025 годы демонстрируют глубокий разрыв между формальной открытостью рынка и реальной конкуренцией. В 2024 году совокупный объем корпоративного заказа превысил 21 триллион рублей, при этом более 80% капитала оказалось сконцентрировано у ограниченного числа крупнейших заказчиков. Несмотря на то, что в отчетах Минфина России доля конкурентных способов зафиксирована на уровне 72%, детальный анализ показывает, что классические открытые конкурсы и аукционы составляют менее трети этого объема, тогда как основной массив процедур проводится неконкурентными «иными способами», сконструированными самими заказчиками.

Статистика ФАС России за 2025 год фиксирует устойчивую негативную тенденцию: стоимостная доля прямых и маскируемых под конкурентные неконкурентных закупок достигла

68,4%. Среднее количество заявок на одну процедуру в корпоративном секторе составило всего 1,85, что значительно ниже показателей государственного заказа. Фактическое отсутствие рыночного соперничества на ключевых товарных рынках подтверждается также тем, что в закупках естественных монополий доля процедур с единственным участником превысила 55% [3].

Центральная правоприменительная проблема корпоративных закупок заключается в формировании института квазиконкуренции, при котором процедуры лишь формально имитируют торги. Используя пробелы в статье 3 Закона №223-ФЗ, заказчики конструируют сотни уникальных способов закупок (конкурентные переговоры, запросы цен со специальными условиями и др.) с целью обхода жестких императивных требований, предъявляемых к классическим конкурентным формам. Основными механизмами ограничения соперничества выступают установление субъективных, неизмеряемых критериев оценки (например, уровень лояльности бренду заказчика, составляющий до 70% итогового балла) и злоупотребление двухэтапным предквалификационным отбором, избыточные требования которого позволяют допускать к ценовым торгам только аффилированные структуры.

Дополнительным деструктивным фактором является правовая неопределенность статуса итоговых протоколов таких процедур. Многие локальные Положения о закупке содержат нормы, освобождающие заказчика от безусловной обязанности заключать договор с победителем. В случае победы независимого участника, предложившего более низкую цену, корпорации единолично отменяют процедуру без каких-либо правовых последствий, ссылаясь на изменение производственных планов. Такая практика полностью девальвирует институт торгов, лишает добросовестных предпринимателей стимула к участию в закупках и обеспечивает монополизацию рынка аффилированными контрагентами.

Таким образом, чрезмерная диспозитивность Закона №223-ФЗ привела к тому, что публичные по своей сути компании создали замкнутые, юридически легализованные системы закупок, функционирующие в режиме максимального благоприятствования для пула постоянных, зачастую картелизированных подрядчиков. Квазиконкуренция наносит прямой ущерб государственному бюджету, так как закупки осуществляются по завышенным ценам, а инновационные и эффективные предприятия малого бизнеса лишаются доступа к крупным заказам [4].

Преодоление негативных тенденций в сфере действия Закона №223-ФЗ требует перехода от рамочного регулирования к частичной унификации процедурных правил посредством законодательного ограничения перечня способов закупок. Необходимо внести изменения в статью 3 закона, установив исчерпывающий перечень процедур, состоящий исключительно из четырех классических конкурентных форм и прямой закупки, что исключит право заказчиков конструировать суррогатные формы торгов. Одновременно требуется жестко регламентировать на законодательном уровне основания для осуществления закупок у единственного поставщика, ограничив их базовыми исключительными случаями (ликвидация аварий, закупки у монополистов), а любое расширение данного перечня допускать только по согласованию с ФАС России.

Важным элементом модернизации выступает реформа системы обжалования путем расширения компетенции ФАС России в рамках статьи 18.1 Закона «О защите конкуренции» [2]. Антимонопольному органу необходимо предоставить право содержательного аудита Положений о закупках и блокирования дискриминационных локальных норм, что позволит оценивать экономическую обоснованность технических требований и субъективность критериев оценки.

Таким образом, статистические данные подтверждают, что без внедрения подобных публично-правовых ограничений корпоративная автономия неизбежно трансформируется в закрытые неконкурентные системы, в связи с чем глубокая модернизация законодательства является безальтернативным условием для пресечения квазиконкурентных практик.

Список литературы

1. Российская Федерация. О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц : Федеральный закон от 18 июля 2011 г. №223-ФЗ : в редакции Федерального закона : от 1 мая 2026 г. №112-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. – URL: consultant.ru (дата обращения: 16.09.2026). – Текст : электронный.
2. Российская Федерация. О защите конкуренции : Федеральный закон от 26 июля 2006 г. №135-ФЗ : в редакции Федерального закона : от 24 июня 2025 г. №164-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. – URL: consultant.ru (дата обращения: 16.09.2026). – Текст : электронный.
3. Аналитический доклад о состоянии конкуренции в сфере корпоративных закупок по итогам 2025 года // Федеральная антимонопольная служба : официальный сайт. – URL: fas.gov.ru (дата обращения: 16.09.2026). – Текст: электронный.
4. Землин, А. И. Актуальные вопросы правового регулирования контроля за расходованием средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации при осуществлении государственных закупок / А. И. Землин // Государственный аудит. Право. Экономика. – 2016. – № 2. – С. 144–153. – EDN WHHKKD.

Пилипенко Елизавета Сергеевна
магистрант
ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАКУПОК, ОСУЩЕСТВЛЯЕМЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ

Аннотация: *статья посвящена анализу современного состояния контрактной системы государственных закупок по закону №44-ФЗ на основе актуальной статистики Минфина РФ. На базе этих данных автор подробно разбирает системные правоприменительные проблемы, уделяя особое внимание практике скрытого расторжения контрактов и феномену «конкурентного плато».*

Ключевые слова: *государственные закупки, контрактная система, государственные учреждения, расторжение контракта, конкуренция.*

Эффективное функционирование институтов публичной власти и качественное обеспечение государственных нужд напрямую зависят от надежности механизмов распределения публичных финансов. Правовую основу данного процесса формирует Федеральный закон от 5 апреля 2013 года №44-ФЗ [2]. Контрактная система за годы своего существования претерпела эволюцию, трансформировавшись в высокотехнологичную цифровую платформу. Однако изучение правоприменительной практики и официальной ведомственной статистики свидетельствует о наличии дефектов регулирования, которые снижают экономический эффект от закупочных процедур и создают условия для обхода императивных антикоррупционных норм [5].

Закупочная деятельность госучреждений регулируется финансовым и административным правом, а их правовой статус определяет степень автономии при заключении контрактов. Казенные учреждения совершают закупки от имени публично-правового образования и финансируются строго по бюджетной смете [1]. Согласно БК РФ, контракты казенных учреждений строго ограничены лимитами бюджетных обязательств, превышение которых ведет к недействительности сделок и административной ответственности должностных лиц. Бюджетные учреждения обладают большей вариативностью: субсидии на госзадание они расходуют по Закону №44-ФЗ, а гранты и собственные доходы – по Закону №223-ФЗ (при наличии Положения о закупке), что иногда используется для вывода маржинальных контрактов из-под жесткого контроля. Автономные учреждения по общему правилу руководствуются Законом №223-ФЗ, однако при получении бюджетных инвестиций на капитальные вложения обязаны применять нормы Закона №44-ФЗ.

Таким образом, правовое регулирование характеризуется высокой степенью императивности, направленной на минимизацию дискреции заказчика. Законодатель связывает каждый этап закупки – от планирования до исполнения контракта – со строгими процедурными сроками и формализованными правилами.

Согласно статистическим данным, в 2024 году совокупный объем закупок по Федеральному закону №44-ФЗ составил 12 трлн рублей, из которых на конкурентные процедуры пришлось 8,7 трлн рублей. Несмотря на формальное преобладание открытых торгов, существенную долю рынка продолжают занимать прямые закупки у единственного поставщика и контракты, заключенные по результатам несостоявшихся процедур с одной заявкой. Средний уровень экономии бюджетных средств составил лишь 4,6% (407 млрд рублей), что свидетельствует о незначительном снижении цен в ходе торгов и формировании начальной (максимальной) цены контракта на пределе рыночных показателей.

В 2025 году сохранилась тенденция к цифровизации системы, выразившаяся в росте объема закупок малого объема через электронные магазины, что расширило доступ малого бизнеса к контрактам, но снизило прозрачность контроля. Ключевым деструктивным фактором правоприменительной практики выступает высокий уровень расторжения контрактов: в 2024 году объем прекращенных обязательств достиг 2,9 трлн рублей (около четверти рынка), причем 2,5 трлн рублей из них были расторгнуты по соглашению сторон. Данная статистика отражает глубокие системные дефекты правового регулирования и исполнительской дисциплины, требующие доктринального осмысления.

Первая и наиболее острая проблема – это массовое использование института расторжения контракта по соглашению сторон как механизма ухода от юридической ответственности [6]. Норма части 8 статьи 95 Федерального закона №44-ФЗ устанавливает, что расторжение контракта допускается по соглашению сторон, по решению суда или в случае одностороннего отказа стороны контракта от исполнения обязательств.

В правоприменительной практике государственные заказчики и подрядчики повсеместно используют институт расторжения контракта по соглашению сторон в качестве инструмента сокрытия нарушений исполнительской дисциплины. Во избежание административных издержек, судебных рисков и ухудшения ведомственной статистики учреждения отказываются от нормативно предписанной процедуры одностороннего отказа от исполнения обязательств, которая влечет за собой взыскание штрафных санкций и включение контрагента в Реестр недобросовестных поставщиков (РНП). Подобный компромисс позволяет недобросовестным исполнителям освободиться от публично-правовой ответственности и беспрепятственно продолжать участие в закупках, тогда как бюджетные средства замораживаются, а государственные нужды остаются неудовлетворенными. Масштаб данной деструктивной практики подтверждается статистическими данными за 2024 год, согласно которым объем прекращенных по соглашению сторон обязательств достиг 2,5 триллиона рублей, что превратило этот цивилизованный способ прекращения правоотношений в легальную лазейку для вуалирования фактов неэффективного планирования и неисполнения контрактов [3].

Вторая системная проблема контрактной системы – это затяжная стагнация уровня конкуренции, которую эксперты называют феноменом «конкурентного плато». По итогам 2025 года среднее количество поданных заявок на одну закупочную процедуру составило 2,44 заявки, в то время как в 2024 году этот показатель находился на уровне 2,46. Среднее число заявок, полностью соответствующих требованиям заказчика и допущенных к торгам, снизилось до 2,30 [4].

Стагнация уровня конкуренции и феномен «конкурентного плато» обусловлены избыточным процедурным формализмом и жесткими регуляторными барьерами, которые препятствуют расширению круга участников закупок, несмотря на цифровизацию системы. Стремясь минимизировать риски, государственные учреждения усложняют технические задания, что приводит к отсечению потенциальных контрагентов из-за технических ошибок при заполнении структурированных заявок в ЕИС. Для преодоления данной тенденции и

стимулирования активности бизнеса необходим переход к автоматическому формированию заявок на основе интеграции с государственными реестрами, а также освобождение добросовестных участников, имеющих опыт безупречного исполнения контрактов, от необходимости предоставления обеспечения.

Для пресечения деструктивной практики скрытого расторжения неисполненных контрактов по соглашению сторон требуется радикально ограничить диспозитивность заказчиков путем внесения императивных поправок в статью 95 Федерального закона №44-ФЗ. Предлагается законодательно разрешить прекращение обязательств по обоюдному согласию сторон исключительно при условии фактического исполнения и приемки не менее 80% от общего объема государственного заказа. В случаях, когда данный показатель не достигнут, расторжение должно осуществляться строго в судебном порядке либо через процедуру одностороннего отказа с обязательным направлением сведений в Федеральную антимонопольную службу для верификации и последующего включения контрагента в Реестр недобросовестных поставщиков.

Таким образом, правовое регулирование закупок государственных учреждений в Российской Федерации представляет собой динамично развивающийся, но внутренне противоречивый институт финансового и административного права. Анализ статистических данных Минфина России наглядно демонстрирует, что за внешними успехами цифровизации скрываются серьезные структурные проблемы: массовый вывод неисполненных контрактов из-под санкций через соглашения сторон и стагнация рыночной конкуренции.

Список литературы

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. №145-ФЗ : в редакции Федерального закона : от 4 августа 2026 г. №312-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. – URL: consultant.ru (дата обращения: 16.09.2026). – Текст : электронный.

2. Российская Федерация. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. №44-ФЗ : в редакции Федерального закона : от 29 мая 2026 г. №124-ФЗ // СПС Консультант Плюс. – URL: consultant.ru (дата обращения: 16.09.2026). – Текст : электронный.

3. Сводный аналитический отчет о результатах мониторинга закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд за 2024 г. / Министерство финансов Российской Федерации : официальный сайт. – URL: https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/contracts/purchases/ (дата обращения: 16.09.2026). – Текст : электронный.

4. Доклад о функционировании контрактной системы в сфере закупок за 2025 год // Министерство финансов Российской Федерации : официальный сайт. – URL: minfin.gov.ru (дата обращения: 16.09.2026). – Текст: электронный.

5. Землин, А. И. Актуальные организационно-правовые вопросы противодействия коррупции при осуществлении закупок государственных нужд / А. И. Землин // Государственные и корпоративные закупки как форма государственно-частного партнерства : сборник научных статей / редколл.: Г.В. Дегтев, И.П. Гладилина. – Москва, 2014. – С. 21–31. – EDN UAUJRX.

6. Тасалов, Ф. А. Закупки: от технического задания к исполнению контракта : монография / Ф. А. Тасалов. – Москва : Проспект, 2018. – 256 с. – ISBN 978-5-392-27296-9.

Подлесова Юлия Николаевна
студентка
Научный руководитель
Корнакова Светлана Викторовна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»
г. Иркутск, Иркутская область

ПРАВА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Аннотация: *в статье исследуется феномен прав военнослужащих как самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны. Автором показывается, что эти права не являются внешним элементом по отношению к воинскому правопорядку, а органично вплетены в его структуру в качестве личностного компонента. Подчеркивается современный правовой приоритет личности (ст. 2 Конституции РФ, ст. 2 УК РФ), обязывающий законодателя учитывать интересы воинского правопорядка и гарантии личной безопасности военнослужащего. Делается вывод о том, что без нормального функционирования воинского правопорядка реализация конкретных прав военнослужащих практически невозможна.*

Ключевые слова: *уголовно-правовая охрана, права военнослужащих, воинский правопорядок, объект преступления, личная безопасность, военная служба.*

Уголовно-правовая охрана прав военнослужащих – это самостоятельное направление уголовной политики российского государства, которое обусловлено особой социально-правовой природой военной службы. Так, военнослужащие, реализуя конституционно значимые функции по защите государства, в то же время выступают носителями комплекса прав, свобод и законных интересов, гарантированных отраслевым законодательством и Конституцией Российской Федерации. При этом определение прав военнослужащих как самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны требует уточнения исходных теоретических предпосылок. В частности, в доктрине уголовного права традиционно разграничиваются родовой, видовой и непосредственный объекты преступления [7, с. 333]. Это разграничение применительно к главе 33 УК РФ проявляется в том, что законодатель здесь фактически отождествляет родовой и видовой объекты, обозначая их через категорию «порядок прохождения военной службы» [4, с. 29]. Однако, думается, что такой подход нуждается в содержательной конкретизации, исходя из того, что порядок прохождения военной службы является сложносоставным явлением, включающим не только организационно-управленческие, но и личностные компоненты.

В доктрине воинский правопорядок рассматривается как система общественных отношений, включающая порядок подчиненности и уставных взаимоотношений, порядок несения специальных видов службы порядок пребывания на военной службе, порядок сбережения военного имущества и т.п [3, с. 27]. Общественная опасность преступления против военной службы состоит не в формальном нарушении той или иной составляющей этого порядка, а в существенном вреде, который может быть причинен либо причиняется личности военнослужащего, воинскому формированию и, как следствие, военной безопасности государства. Из этого можно сделать закономерный вывод о том, что права и законные интересы военнослужащего вовсе не выступают чем-то внешним по отношению к воинскому правопорядку, а, напротив, органично включены в его структуру в качестве являющегося неотъемлемым личностного элемента.

Как известно, существенной особенностью военной службы является то, что она сопряжена с повышенным риском для жизни и здоровья лиц, ее проходящих, а также с существенными ограничениями их прав и свобод. При этом военнослужащий выступает субъектом специальных обязанностей и одновременно носителем конституционных прав,

гарантированных государством. Так, в Федеральном законе «О статусе военнослужащих» закреплен комплекс правовых гарантий в отношении военнослужащих, который включает такие права, как право на охрану жизни и здоровья, право на материальное обеспечение, право на защиту чести и достоинства, а также права на социальные гарантии и компенсации в связи с особыми условиями службы [8]. Уголовно-правовая охрана этих прав осуществляется по двум взаимодополняющим направлениям.

Во-первых, установление ответственности за посягательства на личность военнослужащего в условиях воинской среды. В этом отношении наиболее показательным является состав преступления, предусмотренный ст. 335 УК РФ – нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности. Указанная норма, помимо охраны порядка уставных взаимоотношений, как элемент воинского правопорядка, направлена и на непосредственную охрану телесной неприкосновенности, чести и достоинства военнослужащего, подвергающегося унижению или насилию со стороны сослуживцев. Аналогичным образом составы преступлений, предусмотренные ст. ст. 333, 334 УК РФ, устанавливающие ответственность за насильственные действия в отношении начальника, одновременно обеспечивают защиту не только порядка подчиненности, но и личной безопасности представителя военного управления.

Во-вторых, уголовно-правовая охрана прав военнослужащих охватывает случаи, когда военнослужащий выступает потерпевшим от общеуголовных посягательств, совершенных в связи с исполнением обязанностей военной службы. Как разъясняет Пленум Верховного Суда РФ, если деяние посягает на отношения, не связанные с порядком прохождения военной службы, содеянное квалифицируется по статьям иных глав УК РФ [6]. Связь посягательства со служебной деятельностью военнослужащего вместе с тем может выступать в качестве квалифицирующего признака либо обстоятельства, отягчающего наказание. Указанное свидетельствует о том, что уголовно-правовая охрана прав военнослужащих не ограничивается рамками главы 33 УК РФ, а реализуется системно, с учетом характера конкретного посягательства.

Отдельно в структуре объекта преступления стоит уделить внимание вопросу соотношения интересов военной службы и прав личности военнослужащего. В доктрине советского военно-уголовного права долгое время преобладающим являлся подход, согласно которому преступления против военной службы посягают исключительно на «порядок несения военной службы», т.е. объект данного вида преступления понимался в узко-организационном смысле [1, с. 90]. В свою очередь, современная уголовно-правовая мысль исходит из закрепленного в ст. 2 Конституции РФ и ст. 2 УК РФ приоритета личности [2, с. 97; 5, с. 342]. Это, прежде всего, означает, что при конструировании составов преступлений против военной службы современный законодатель обязан учитывать не только интересы воинского правопорядка, но и в не меньшей степени гарантии личной безопасности самих военнослужащих. Как справедливо отмечается исследователями, установление уголовной ответственности за воинские преступления должно служить, в конечном счете, защите здоровья, жизни, достоинства каждого военнослужащего как гражданина и защитника Отечества [9, с. 134].

Таким образом, права военнослужащих как объект уголовно-правовой охраны представляют собой сложное системное образование. Они охраняются как непосредственно, т.е. через составы преступлений, предусматривающих ответственность за посягательства на личность в условиях военной службы, так и опосредованно, т.е. через нормы, которые призваны обеспечивать нормальное функционирование воинского правопорядка. Очевидно, что без последнего реализация прав военнослужащих становится практически невозможной. Поэтому думается, что дальнейшее рассмотрение проблемы предполагает анализ отдельных групп преступлений против военной службы с точки зрения их направленности на охрану конкретных прав и законных интересов военнослужащих.

Список литературы

1. Бохан, А. П. Преступления против военной службы и их классификация / А. П. Бохан // Современные проблемы уголовной политики: V Международн. научн.-практ. конф., Краснодар, 3 октября 2014 года / под ред. А.Н. Ильяшенко. Т. II. – Краснодар : Краснодарский ун-т МВД РФ, 2014. – С. 84–93.
2. Корнакова, С. В. Некоторые аспекты соблюдения принципа законности на предварительном следствии в российском уголовном судопроизводстве / С. В. Корнакова // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2012. – С. 95–98.
3. Лимарь, А. С. Особенности квалификации преступлений, совершаемых военнослужащими / А. С. Лимарь, И. А. Михайлова // Вестник БелЮИ МВД России. – 2020. – № 4. – С. 25–30.
4. Мальков, С. М. Воинский правопорядок и военная служба как элементы объекта преступления и основания систематизации преступлении против военной службы / С. М. Мальков // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2017. – № 4 (29). – С. 27–34.
5. Основы права : учебное пособие / Е. Л. Балеева, Т. Ю. Епифанцева [и др.]. – Иркутск : БГУЭП, 2010. – 571 с.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 мая 2023 №11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» // Российская газета. – 2023. – № 120.
7. Правоведение : учебник / О. Н. Захарова, М. Я. Загвозкина, Т. Ю. Епифанцева [и др.]. – Иркутск : БГУ, 2017. – 370 с.
8. Федеральный закон от 27 мая 1998 №76-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «О статусе военнослужащих» (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.09.2026) // Российская газета. – 1998. – № 104.
9. Хаертдинова, Э. Р. Ответственность военнослужащих и командиров (начальников) воинских частей за преступления против военной службы / Э. Р. Хаертдинова // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2019. – №2. – С. 130–135.

Рахимова Камиля Радиковна
магистрант
ФГБОУ ВО «Московский государственный
юридический университет им. О.Е. Кутафина»
г. Москва

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ ПО НАДЗОРУ ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ НАЛОГОВОЙ СФЕРЕ

Аннотация: *статья посвящена роли прокуратуры Российской Федерации в системе реализации налоговых правоотношений. На основании анализа полномочий прокуратуры в указанной сфере сделаны выводы о том, что эффективный надзор возможен только при всесторонней реализации полномочий, четком разделении сфер контроля на различных уровнях системы прокуратуры и строгом соблюдении законности в исследуемой сфере.*

Ключевые слова: *органы прокуратуры, полномочия, надзор, субъекты налоговых правоотношений, налоговые преступления.*

Надзор – основополагающая и всеобъемлющая функция прокуратуры Российской Федерации. Надзор осуществляется в различных сферах жизнедеятельности, в частности, в области реализации законодательства о налогах и сборах. Надзор предполагает систему взаимосвязанных мероприятий, направленных на обеспечение эффективной, своевременной и законной деятельности в рассматриваемой сфере. Как подчеркивает Б.А. Назаренко, надзор за исполнением законодательства в налоговой сфере является одним из ведущих областей прокурорской деятельности, что обусловлено важнейшим значением налоговой сферы [7, с. 28].

Организационные аспекты надзорной деятельности в исследуемой сфере установлены Федеральным законом от 17.01.1992 №2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [1], Приказом Генерального прокурора РФ от 24 октября 2023 г. №736 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в налоговой сфере» [5] (далее – Приказ ГП РФ №736).

Основой деятельности прокуратуры в области реализации налоговых правоотношений являются приоритетные направления надзора.

В соответствии с пунктом 1 Приказа ГП РФ №736 [5] к их числу отнесены надзор за законностью правовых актов в области налогов и сборов, за деятельностью налоговых органов, органов власти, местного самоуправления, за соблюдением прав и законных интересов граждан, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, и иных субъектов, уплачивающих налоги, сборы и т. д. Самостоятельным направлением определена задача по надзору за законностью при расследовании материалов о фактах противоправной деятельности в налоговой сфере. Систематизация указанных направлений представлена в таблице 1.

Таблица 1

Приоритетные направления прокурорского надзора в налоговой сфере

Направление надзора	Содержание
Надзор за законностью правовых актов	Проверка региональных и муниципальных нормативных правовых актов о налогах и сборах на соответствие федеральному законодательству, пресечение случаев превышения полномочий
Надзор за исполнением законов налоговыми органами	Контроль за реализацией полномочий по налоговому контролю, государственной регистрации юридических лиц, ликвидации номинальных организаций, взысканию задолженности
Надзор за соблюдением прав налогоплательщиков	Защита прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, включая предоставление мер поддержки, недопущение административного давления
Надзор за расследованием налоговых преступлений	Обеспечение законности при расследовании дел по ст. 198–199.2 УК РФ, проверка полноты доследственных мероприятий
Противодействие регистрации «фирм-однодневок»	Пресечение создания коммерческих организаций без цели ведения предпринимательской деятельности

Источник: составлено автором на основе Приказа ГП РФ от 24.10.2023 №736.

Данные таблицы 1 демонстрируют, что приоритетные направления прокурорского надзора в налоговой сфере носят комплексный характер и охватывают как правотворческий, так и правоприменительный уровни. Стоит отметить, что эффективный надзор обеспечивается с помощью осуществления функций по всех вышеперечисленным направлениям.

Надзорную деятельность невозможно представить без информационно-аналитической работы, которая включает в себя сбор, накопление, обработку и анализ информации о состоянии законности в рассматриваемой области. В соответствии с пунктом 2.1 Приказа ГП РФ №736 органам прокуратуры предписано осуществлять постоянный мониторинг состояния законности в сфере налоговых правоотношений, анализ уровня налоговых преступлений, а также информационное взаимодействие с органами государственной власти, правоохранительными органами. Действующее законодательство включает в информационно-аналитическую работу не только анализ информации по нарушению прав субъектов налоговых правоотношений, но и разработку и исполнение соответствующих планов и программ, обеспечивающих всесторонний комплексный надзор.

Аналитическая работа включает в себя и мониторинг цифрового пространства и средств массовой информации на предмет налоговых правонарушений. Данное направление работы позволяет органам прокуратуры выявлять проблемы, не получившие отражения в официальной статистике, но имеющие существенное значение для оценки состояния законности [5].

Результаты информационно-аналитической работы позволяют реализовать органам прокуратуры проверки. Полученная раннее информация служит основой для определения и осуществления конкретных надзорных мероприятий, направленные на выявление, пресечение и устранение нарушений налогового законодательства.

При организации проверок прокуроры руководствуются требованиями Приказа ГП РФ №736, который предписывает обеспечивать системный надзор за исполнением законов налоговыми органами, в частности, при реализации ими полномочий по контролю и надзору за соблюдением прав и свобод граждан, законодательства о налогах и сборах, государственной регистрации юридических и иных лиц, ликвидации номинальных организаций, взыскании налогов и сборов, возмещении ущерба и т. д.

Пункт 2.7 Приказа ГП РФ №736 предписывает ежеквартально проводить проверки в территориальных подразделениях ФССП России, особое внимание при которых должно уделяться фактам нарушения законности при исполнении постановлений налоговых органов о взыскании налогов или сборов за счет имущества налогоплательщика-организации, индивидуального предпринимателя или налогового агента, а также судебных решений о взыскании ущерба, причиненного налоговыми преступлениями и правонарушениями.

Особое внимание уделяется вопросам законности правовых актов в области налогообложения. Прокуроры обязаны обращать внимание на случаи превышения полномочий и несвоевременного приведения в соответствие с федеральным законодательством региональных, муниципальных, локальных нормативных актов о налогах и сборах. При наличии оснований прокурорам предписано направлять в суды заявления о признании нормативных правовых актов незаконными в части или полностью, нарушающими права, свободы и законные интересы граждан и иных субъектов налоговых правоотношений.

На наш взгляд, при наличии значительного числа функций, возложенного на прокуратуру в сфере налогового надзора, обнаруживается недостаточность функций прокуроров. Так, например, на основании приказа ГП РФ №736 прокурор не вправе самостоятельно осуществлять налоговые проверки, истребовать у налогоплательщиков документы в порядке, отличном от установленного НК РФ, либо давать обязательные указания налоговым органам по существу принимаемых им решений, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом. Указанные ограничения не позволяют эффективно выявлять нарушения в указанной сфере.

Немаловажным представляется и санкционирование решений налоговых органов о наложении ареста на имущество налогоплательщика-организации в соответствии со ст. 77 НК РФ. Приказ ГП РФ №736 детально регламентирует порядок реализации данного полномочия, определяя соответствующее звено прокуратуры в зависимости от уровня налогового органа, принявшего решение. Система распределения полномочий по санкционированию ареста имущества представлена в таблице 2.

Таблица 2

Распределение полномочий по санкционированию ареста имущества налогоплательщика-организации

Уровень налогового органа, принявшего решение	Уполномоченный прокурор
Руководитель ФНС России (его заместители)	Генеральный прокурор РФ и его заместители
Руководители межрегиональных инспекций ФНС по крупнейшим налогоплательщикам (их заместители)	Прокуроры субъектов РФ (их заместители) по месту нахождения налогового органа
Руководители межрегиональных инспекций ФНС по управлению долгом и по управлению долгом в пределах федерального округа (их заместители)	Прокуроры субъектов РФ (их заместители) либо уполномоченные ими районные, городские и межрайонные прокуроры по месту нахождения налогового органа
Руководители межрайонных инспекций ФНС по крупнейшим налогоплательщикам, управлений ФНС России по субъектам РФ (их заместители)	Прокуроры субъектов РФ (их заместители) либо уполномоченные ими районные, городские и межрайонные прокуроры по месту нахождения налогового органа или регистрации налогоплательщика-организации
Руководители инспекций ФНС по району, району в городе, городу без районного деления, инспекций межрайонного уровня	Районные, городские и межрайонные прокуроры (их заместители согласно компетенции)

Источник: составлено автором на основе Приказа ГП РФ от 24.10.2023 №736.

Видим, что полномочия по санкционированию ареста имущества налогоплательщика-организации распределены между уровнями прокуратуры в строгой зависимости от уровня налогового органа, принявшего соответствующее решение. Такая иерархическая модель обеспечивает, с одной стороны, оперативность реагирования на местах, а с другой – повышенный контроль со стороны вышестоящих звеньев при принятии решений, затрагивающих наиболее крупных налогоплательщиков и значительные суммы задолженности.

При принятии решения о санкционировании ареста прокурор обязан проверить законность и обоснованность принятого налоговым органом решения, полноту представленных материалов, оценить наступление возможных негативных последствий для третьих лиц и работников предприятий. В случае отказа в даче санкции инициатору направляется письменная информация с указанием конкретных недостатков и нарушений, допущенных при принятии и оформлении решения о наложении ареста на имущество.

Реализация данного полномочия требует от прокуроров не только формальной проверки соответствия представленных документов требованиям закона, но и содержательной оценки обоснованности применения такой меры принуждения, что предполагает глубокое понимание налогового законодательства и практики его применения.

Организация работы прокуратуры в налоговой сфере включает координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с налоговой преступностью. В соответствии с пунктом 2.1 Приказа ГП РФ №736 возникающие проблемы правоприменительной практики подлежат обсуждению на координационных совещаниях руководителей правоохранительных органов, заседаниях коллегий, рабочих групп.

Генеральная прокуратура Российской Федерации координирует деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью, включая противодействие преступлениям в сфере экономики. ФНС России является участником данной межведомственной группы наряду с правоохранительными и контрольными (надзорными) органами. Основные усилия проводимой работы направлены на раскрытие и расследование правонарушений в кредитно-банковской и иных экономически значимых сферах, связанных с незаконной предпринимательской деятельностью, хищением денежных средств, легализацией доходов, полученных преступным путем [1]. На региональном уровне прокуратуры также заключают соглашения о взаимодействии с территориальными налоговыми органами.

Логическим продолжением надзора за деятельностью налоговых органов является надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования при расследовании налоговых преступлений (ст. 198–199^2 УК

РФ [3]), поскольку именно материалы налоговых органов служат поводом для возбуждения уголовных дел в силу ч. 1.3 ст. 140 УПК РФ [4].

Пункт 2.9 Приказа ГП РФ №736 предписывает прокурорам при рассмотрении оснований для возбуждения уголовного дела о налоговом преступлении полно и всесторонне изучать результаты налоговых проверок, оперативно-розыскной деятельности и т. д. Пункт 2.10 ориентирует на обязательную уголовно-правовую оценку фактов привлечения фирм-однодневок к выводу и хищению денежных средств, выделенных на реализацию государственного оборонного заказа и мероприятий федеральных целевых программ, а также их легализации (отмывания), с направлением материалов в органы предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании по признакам преступлений, предусмотренных статьями 159, 173^1, 173^2, 174, 174^1, 187, 201^1, 285^4 УК РФ.

Как отмечает Е.В. Пушторская, постановление прокурора в рамках действующего законодательства не может стать основанием к возбуждению уголовного дела. Отсутствие такой возможности ограничивает надзорные функции прокуратуры и не позволяет эффективно противодействовать налоговым преступлениям [8].

Хотя не всем исследователи разделяют вышеуказанную позицию. Например, М.Т. Аширбекова полагает, что вопрос о начале уголовного преследования в виде возбуждения

уголовного дела должен оставаться в сфере деятельности прокурора, но только в случае обнаружения преступных действий в результате реализации проверок [6, с. 17].

На основании анализа данных ГИАЦ МВД России отметим, что за первое полугодие 2026 года зарегистрировано на *17,2%* налоговых преступлений больше, чем за аналогичный период 2025 года [9]. Такой значительный прирост является максимальным за последние 12 лет.

На наш взгляд, эффективное выявление налоговых преступлений и их качественное расследование обеспечит единое непрерывное взаимодействие прокуратуры, ФНС, правоохранительных органов, а также банковской системы. Создание единой базы обмена информацией в режиме реального времени позволит выработать механизм беспрепятственного и своевременного обмена необходимыми данными. На наш взгляд, указанное предложение позволит не только систематизировать информацию в сфере налогообложения, но и снизить число налоговых преступлений.

Таким образом, на современном этапе перед органами прокуратуры стоят задачи по дальнейшему совершенствованию организации надзорной деятельности в налоговой сфере. Прокурорский надзор в налоговой сфере призван обеспечивать баланс между фискальными интересами государства и защитой прав субъектов налоговых правоотношений.

Анализ взаимодействия правоохранительных органов и иных контролирующих субъектов свидетельствует о разнообразных подходах к осуществлению возложенных функций в указанной сфере. Это обусловливает необходимость выработки единого механизма обмена информацией между органами прокуратуры, правоохранительными органами, ФНС и банками.

Список литературы

1. О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17.01.1992 №2202-1 // СПС «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения: 21.10.2026). – Текст : электронный.

2. Налоговый кодекс Российской Федерации: часть первая : от 31.07.1998 №146-ФЗ : ред. от 11.02.2026 // СПС «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения: 21.10.2026). – Текст : электронный.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации: : от 13.06.1996 №63-ФЗ : ред. от 20.02.2026 // СПС «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 21.10.2026). – Текст : электронный.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : от 18.12.2001 №174-ФЗ : ред. от 26.07.2026 // СПС «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 21.10.2026). – Текст : электронный.

5. Приказ Генерального прокурора РФ от 24.10.2023 №736 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в налоговой сфере» // СПС «Консультант». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_460842/ (дата обращения: 21.10.2026). – Текст : электронный.

6. Аширбекова, М. Т. Поводы к возбуждению уголовного дела / М. Т. Аширбекова // Законность. – 2012. – № 10. – С. 16–19.

7. Назаренко, Б. А. Прокурорский надзор за исполнением законодательства в налоговой сфере: актуальные проблемы и перспективы / Б. А. Назаренко // Финансовое право. – 2024. – № 1. – С. 27–30.

8. Пушторская, Е. В. Роль прокурора в уголовном судопроизводстве по делам о налоговых преступлениях / Е. В. Пушторская // КриминалистЪ. – 2023. – № 2 (43). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-prokurora-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-po-delam-o-nalogovyh-prestupleniyah (дата обращения: 24.10.2026). – Текст : электронный.

9. Состояние преступности в Российской Федерации за 2025–2026 г. (архивные данные) // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. – URL: https://мвд.рф/reports/item/60248328/ (дата обращения: 21.10.2026). – Текст : электронный.

Соловьев Олег Геннадиевич
канд. юрид. наук, доцент
Евплов Иван Михайлович
студент
Лемешкина Полина Евгеньевна
студентка

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
университет им. П.Г. Демидова»
г. Ярославль, Ярославская область

ПРАВОВЫЕ АКСИОМЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ И НОРМАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация: *заимствованное из философии математикой, а затем введенное и в обиходную речь, слово «аксиома» в настоящее время употребляется чрезвычайно широко и в значении научного термина, и в общеупотребительном смысле, и в качестве метафоры. Широкое применение находит оно и в правовой сфере. В статье рассматривается многообразие смыслов, которые приобретает «аксиома» как социально-правовое явление, анализируется необходимость восприятия и рассмотрения аксиомы как сложного многогранного феномена, понятия, обнимающего несколько различных явлений и имеющего различные проявления.*

Ключевые слова: *правотворчество, историко-философские аспекты, нормативный правовой акт, законодательная техника, средства, аксиома.*

Статья публикуется в рамках проекта: ЯрГУ (проект VIP-022).

Одной из основных составляющих права является доказательство того или иного результата, факта, действия, нормы и т. д., а одним из элементов идеи их обоснования, в свою очередь, является правовая аксиома, имеющая свое происхождение и специфику. Диалектически путь её становления восходит к аксиоме не гуманитарно-юридической, а естественно-математической, известной научному знанию с древних времен, когда объективно отсутствовали основания для появления правовых аксиом. Данная категория возникла в период существования преднауки, в античные времена. Впервые этот термин был употреблен Аристотелем (с древн. греч. ἀξίωμα, что значит «утверждение, положение»), однако содержание понятия «аксиома» являлось предметом философского осмысления еще досократических времен [1 с, 117]. И на первом этапе своего становления оно выступает «не в качестве одной из философских категорий, представляющих собой необходимый элемент структуры философского знания, а как объект методологического анализа» [1, с. 118].

Одним из первых, кто обратил внимание на тот факт, что для научного знания необходимым элементом являются определённые устойчивые положения, был Демокрит [2, с. 203]. Полагаем, что это положение применимо к ныне существующим аксиомам. Однако данное утверждение не бесспорно. Аксиома является понятием, которое, прежде всего, ассоциируется с математическим знанием, поскольку известный научный метод аксиоматики (аксиоматический) зарождался именно в сфере математики и до сих пор является необходимым элементом теории этой науки. Кроме того, аксиоматический метод использовался греками и при изучении природы (физика – с древн. греч. природа, Φύση) и физики как науки [3, с. 95]. В частности, одному из семи мудрецов – Фалесу приписывают открытие и доказательство ряда теорем, используемых мыслителем для подтверждения не только математических положений, но и астрономии, а также некоторых природных явлений.

Заменив античные положения доказательств на догматические формулы, средневековые мыслители подводят религиозную основу под аксиому Аристотеля, тем самым превращая ее

в догму. Преобладание философии Аристотеля над другими учениями античной науки обусловило её проникновение в другие области средневекового знания, а через неё и в повседневную практическую жизнь. Соответственно догматы, являясь сущностью истинной веры, в своей иерархии стоят выше общественной практики, они выше познавательных способностей человеческого разума [4, с. 316].

Историко-философский анализ понятия «аксиома» и, соответственно, аксиоматического метода во времени и пространстве средневековья позволяет обратиться еще к одному положению. Догмат является истиной религиозного теоретического учения веры, чем он отличается от практических правил жизни. Аксиома же в научных представлениях есть отправная точка для доказательств, она есть элемент определения той или иной теории. Исследователь использует аксиому и тоже принимает её, доверяя предшествующему знанию, в каком-то смысле на веру, но только в рамках конкретной теории. Сама же эта теория может быть опровергнута вместе с аксиомой. В некоторых науках, например – математике, такое случается крайне редко, поскольку математика скрупулёзно подбирает фундамент для своих изысканий [3, с. 96].

Таким образом, аксиома и аксиоматический метод в системе общенаучных понятий и методологии науки прошли длительный интенсивный путь своего становления и развития, на каждом этапе которого имели свою специфическую особенность. Впервые термин «аксиома» был употреблен Аристотелем, который понимал под ним исходное положение, общее для нескольких наук. Однако содержание данного понятия являлось предметом философского осмысления еще досократических времен [4, с. 318]. Последователи классических школ философии – стоики – диалектически с противоположной стороны подошли к исследованию аксиом. Прежде всего, они начали осуществлять поиски доказательств для самих аксиом и полагали, что аксиома – это то, что истинно или ложно само по себе, либо что подлежит отрицанию или утверждению. Для средневековой гносеологии аксиомами являлись догмы и догматы церкви, под которыми понимались утверждённые церковью положения вероучения, объявленные обязательной и неизменяемой истиной, не подлежащей критике или сомнению. В дальнейшем аксиома преодолела свою метафизически узкую трактовку, став, прежде всего, фундаментальным понятием математики, и стала рассматриваться диалектически развивающимся базовым элементом теории философии в Новое время, что существенно отразило её роль в гносеологическом познании. Представители классической немецкой философии (Г.Ф. Гегель) показали, во-первых, ценность аксиоматического метода, который с опорой на диалектические принципы был бы прямо пропорционален его разумности. Во-вторых, это не позволяло исследователю рассматривать сам разум как один из видов аксиоматического метода, а также принимать какую-либо аксиоматику за разум [3, с. 91].

В России также делались попытки по внедрению аксиоматического метода в науку. В частности, В.И. Вернадский, не соглашался с принятой точкой зрения относительно общенаучного характера аксиомы, полагая, что в философии отсутствуют общеобязательные положения (истины), так как она носит субъективный характер [5]. Л.М. Лопатин, наоборот, защищали идею о наличии аксиом в философии [4, с. 319].

Если на первом этапе развития аксиоматики говорилось о том, что аксиома – это не только отправной пункт доказательств, но и истинное положение, не нуждающееся в силу своей очевидности в доказательстве, то сегодня доминирует позиция о том, что аксиома отражает предел научных знаний человечества того или иного периода. Современные исследователи подчёркивают, что ни явление аксиом, представляющих собой сложный социально-правовой феномен, ни понятие «правовой аксиомы», охватывающей ряд явлений социального бытия, в юридической науке должным образом не исследовано.

Соответственно, как следует из анализа, не исследована и история закрепления аксиом в праве. Последнее положение требует определённых пояснений, поскольку понятие аксиомы в праве не следует отождествлять с аксиомой как математической категорией. Значительная

разница в различном употреблении и понимании аксиом приводит к её рассмотрению и уточнению как социально-правового феномена.

В заключение отметим, что аксиомам права присущи следующие признаки: 1) находят непосредственное отражение в нормах права или выводятся из смысла правовых предписаний; 2) носят самостоятельный характер; 3) на их основе базируется право; 4) являются достоверными, не нуждаются в обосновании; 5) являются воплощением исторического опыта и отражают степень развития правовой системы конкретного периода, ценностные ориентиры общества и государства; 6) имеют публично-правовое значение.

Список литературы

1. Касьян, А. А. «Аксиома» и «аксиоматика» как общенаучные понятия / А. А. Касьян // Проблемы диалектики. – 1982. – Вып. 11. – С. 115–121.

2. Давыдова, М. Л. К вопросу о понятии правовых аксиом: теоретические и технико-юридические аспекты / М. Л. Давыдова // Юридическая техника. – 2007. – № 1. – С. 203–208.

3. Масленников, А. В. Правовые аксиомы: дис. … канд. юрид. наук / А. В. Масленников. – Владимир, 2006. – 151 с.

4. Лопатин, Л. М. Аксиомы философии / Л. М. Лопатин. – Москва, 1996. – 560 с.

5. Дробжев, М. И. В.И. Вернадский о науке, философии и научном мировоззрении / М. И. Дробжев // Вестник Тамбовского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2011. – № 2. – С. 260–271.

Тасаков Владимир Сергеевич
канд. юрид. наук, доцент
Мульдияров Андрей Николаевич
студент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ОСОБЕННОСТИ РАЗРАБОТКИ АДВОКАТОМ СТРАТЕГИИ ЗАЩИТЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация: *в статье анализируются способы выстраивания защиты в рамках уголовного дела, а также типовые модели, которые защитник избирает, принимая во внимание состояние доказательственной базы и позицию подзащитного. Опираясь на нормы действующего законодательства, правовые разъяснения Верховного Суда Российской Федерации и научные работы последних лет, авторы предлагают алгоритм деятельности по формированию защиты, характеризуют четыре основные модели и указывают границы допустимого выбора. Формулируется вывод: выбор модели обусловлен оценкой изменяющейся защитительной ситуации, а не применением заранее заданного шаблона.*

Ключевые слова: *адвокат-защитник, позиция защиты, линия защиты, версия защиты, стратегия и тактика, уголовное судопроизводство, право на защиту.*

Защиту в рамках уголовного дела зачастую рассматривают как совокупность отдельных процессуальных шагов: заявление ходатайства, подача жалобы, выступление в прениях. Однако результат производства по делу в значительной степени определяется тем, насколько указанные шаги объединены общей целью. В законодательстве используется термин «позиция» адвоката, при этом его содержание не раскрывается; в научной литературе в свою очередь речь идет о стратегии и тактике, а также о версиях и линии защиты [1, с. 1196].

В настоящем исследовании используется следующая система понятий: позиция определяется как цель, к которой стремится защитник; линия защиты представляет собой план и комплекс мер, направленных на её реализацию; схема защиты рассматривается как типовой вариант линии, обусловленный избранным способом противодействия обвинению. Задача

данной статьи состоит в том, чтобы систематизировать подходы к выстраиванию защиты, дать характеристику существующим схемам и установить границы их выбора.

Фундамент защиты образуют ст. 45 и 48 Конституции Российской Федерации и ст. 16 УПК РФ. По разъяснению Пленума Верховного Суда РФ, право на защиту действует во всех стадиях процесса и принадлежит любому лицу, чьи права существенно затрагиваются обвинительной деятельностью, независимо от формального статуса [4, п. 1]. Поэтому работу над защитой можно начинать до появления процессуального статуса, в том числе при проверке сообщения о преступлении.

Статус защитника не возникает сразу. Как отмечает С. В. Купрейченко, факт предъявления удостоверения и ордера (ч. 4 ст. 49 УПК РФ) сам по себе не свидетельствует о начале действительной защиты, и о соблюдении права на защиту нельзя делать вывод только на основании наличия ордера в материалах дела [3, с. 127–131]. Из этого следует, что проверка отсутствия обстоятельств, препятствующих участию в деле (ст. 72 УПК РФ, ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката), равно как и первая конфиденциальная встреча с доверителем, выступают составными элементами формирования защиты [3, с. 129].

Пределы допустимых действий обусловлены законодательными нормами и волеизъявлением представляемого лица. Защитник вправе прибегать к любым способам, не противоречащим закону, однако не может выстраивать позицию против воли доверителя, если не располагает убеждением в его самооговоре [1, с. 1201]. В ситуации признания вины защитник разъясняет связанные с этим последствия и удостоверяется в добровольности такого признания.

Обобщение литературы и профессиональных рекомендаций позволяет выделить пять взаимосвязанных этапов построения защиты (рис. 1); на практике они повторяются по мере поступления новых данных.

Рис. 1. Этапы построения линии защиты (составлено по [1; 5])

Первый этап – оценка защитительной ситуации. А. И. Баянов вместе с соавторами предлагают принимать во внимание допустимость и достаточность доказательств, информированность о планах обвинения, позицию подзащитного и должностных лиц, а также возможности пополнить доказательства; поскольку ситуация динамична, оценку нужно обновлять [1, с. 1198].

Второй этап – согласование позиции. По Стандарту, при первом свидании выясняют обстоятельства задержания, допрос без адвоката, применение незаконных методов и отношение к обвинению; если согласовать позицию невозможно, исходят из презумпции невиновности.

Третий этап – формулирование версии. И. М. Поляков разграничивает версии, связанные с непричастностью, версии альтернативного характера о событии, версии о смягчающих или освобождающих от ответственности обстоятельствах, а также о нарушениях закона в ходе расследования; данные версии не являются статичными и уточняются по мере получения новых сведений [5, с. 91].

Четвертый этап – постановка задач. Стратегия задает основное направление к избранной позиции, тактика – частные; их несоответствие делает цель труднодостижимой [1, с. 1197]. Средства – ст. 53, ч. 3 ст. 86 УПК РФ, ст. 6 закона об адвокатуре; Стандарт называет ходатайства, адвокатские запросы и привлечение специалиста.

Пятый этап – реализация и корректировка. Судебные органы обязаны давать правовую оценку любому ущемлению права на защиту, в том числе путём исключения доказательств как недопустимых, направления уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения либо пересмотра ранее вынесенных решений [4, п. 18]. М. Белянин проводит сравнение двух стратегий – концентрации усилий на единичном обстоятельстве и последовательного накопления процессуальных нарушений, – полагая, что решающим условием результативности выступает точность, и не исключая возможности их совместного применения [2].

Исходя из версий, схемы можно сгруппировать по способу противостояния обвинению (табл. 1); реальная линия защиты часто сочетает несколько схем.

Таблица 1

Основные схемы защиты (составлено по [1; 2; 4; 5; 7])

Схема защиты	Содержание и инструменты	Условия и риски
Непричастность (алиби)	Оспаривание события или участия; ходатайства о проверке версии; цифровые данные	Нужна цельная картина в динамике; риск инсценировки
Процессуальная	Недопустимость доказательств; возвращение дела прокурору; обжалование	Нужны существенные нарушения; риск распыления
Смягчения	Переквалификация; обстоятельства, исключающие преступность или освобождающие от ответственности	Согласование фактов с подзащитным
Сотрудничества	Особый порядок; досудебное соглашение; частичное содействие следствию	Добровольность, отсутствие самооговора; ограничения обжалования

Концепция доказательства непричастности предполагает тщательное изучение цифровых свидетельств. По мнению А. А. Шаевича и А. Б. Соколова, алиби выступает объективным фактом, который требует проверки вне зависимости от того, насколько активно действует сторона защиты, а само заявление об алиби представляет собой ходатайство о проведении такой проверки [7, с. 107–108]. Данные геолокации, материалы видеонаблюдения и сведения о транзакциях упрощают задачу подтверждения, однако одновременно порождают опасность фальсификации, вследствие чего достоверность устанавливается путём анализа динамики – как до появления «подтверждающего» следа, так и после него [7, с. 109–112].

Процессуальная модель базируется на критериях допустимости доказательств: в частности, не могут приниматься во внимание показания подозреваемого, полученные на досудебном этапе без участия защитника и не подтверждённые в ходе судебного разбирательства (ст. 75 УПК РФ). К используемым средствам относятся ходатайство об исключении доказательства (ст. 235), возвращение уголовного дела прокурору (ст. 237), а также обжалование [4, п. 18]. Основная угроза заключается в рассеивании усилий: второстепенные обращения снижают вес доводов, имеющих существенное значение.

Модель смягчения базируется на споре о квалификации либо на указании на обстоятельства, исключающие преступность деяния или освобождающие от ответственности: необходимую оборону и крайнюю необходимость (ст. 37, 39 УК РФ), давность (ст. 78), примирение и судебный штраф (ст. 76, 76.2 УК РФ; ст. 25, 25.1 УПК РФ) [5, с. 91].

В схеме сотрудничества Баянов выделяет четыре вида линии: полное сотрудничество (в том числе по досудебному соглашению), частичное, полный отказ от него при систематических нарушениях прав и противодействие позиции подзащитного при достоверном

самооговоре [1, с. 1201]. Сотрудничество он считает исходной стратегической задачей, а отход от него – вынужденной мерой [1, с. 1200–1201]. Юридически сюда относятся особый порядок при согласии с обвинением (гл. 40 УПК РФ) и досудебное соглашение (гл. 40.1). Приговор, постановленный в особом порядке, нельзя обжаловать по мотиву несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам (ст. 317 УПК РФ).

Возможности выбора процессуальной схемы ограничиваются опасностью предъявления упрёка в недобросовестном осуществлении права: судебный орган вправе не констатировать факт нарушения права на защиту, когда отклонение заявленного ходатайства обусловлено очевидным злоупотреблением предоставленными полномочиями [4, п. 18]. В. Саркисов полагает, что понятие «злоупотребление правом на защиту» следует исключить из судопроизводства из-за риска произвольного толкования [6].

Профессиональная этика базируется на универсальных требованиях, среди которых честность, разумность, добросовестность, принципиальность, а также приоритет сохранения профессиональной тайны. Разумность, согласно трактовке Баянова, предполагает подбор таких средств, которые не приводят к ухудшению положения доверителя [1, с. 1200]. К. С. Шорыгин обращает внимание на то, что УПК РФ недостаточно точно закрепляет функциональное назначение защитника [8], вследствие чего значительная роль в этом вопросе отводится доктрине и профессиональным стандартам.

Выстраивание линии защиты представляет собой контролируемую процедуру, включающую пять последовательных стадий: анализ обстановки, выработку согласованной позиции, оформление версии, определение задач и практическое исполнение с внесением корректив. Базовые модели – отрицание причастности, процессуальная, смягчающая и кооперативная – в реальной практике применяются в сочетании, при этом их подбор обусловлен совокупностью доказательств и намерением подзащитного, а также регламентирован рамками законодательства, Кодекса профессиональной этики и Стандарта. Ключевое значение в настоящее время приобретают деятельность с электронными доказательствами и своевременность отклика на нарушения.

Список литературы

1. Баянов, А. И. Линия защиты – средство реализации позиции защиты в досудебном производстве по уголовному делу / А. И. Баянов, Ю. П. Гармаев, А. Д. Назаров // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. – 2022. – Т. 15, № 8. – С. 1194–1203.

2. Белянин, М. «Бить в одну точку» или «переполнять чашу»? О стратегиях защиты в уголовном процессе / М. Белянин // Адвокатская газета. – 2025. – № 23 (448).

3. Купрейченко, С. В. Осуществление защиты как обязательный признак возникновения у адвоката статуса защитника в уголовном судопроизводстве / С. В. Купрейченко // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – Т. 18, № 4 (149). – С. 124–132.

4. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 30.06.2015 №29 (в ред. от 09.12.2025 №33). – URL: https://vsrf.ru/documents/own/8439/ (дата обращения: 17.10.2026). – Текст : электронный.

5. Поляков, И. М. Защитные версии в современной криминалистике: понятие и виды / И. М. Поляков // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2024. – № 2. – С. 87–94.

6. Саркисов, В. Институт «злоупотребление правом» в уголовном процессе как фактор нарушения права на защиту / В. Саркисов // Адвокатская газета. – 2022. – № 24 (377).

7. Шаевич, А. А. Алиби в цифровую эпоху: актуализация идей В. И. Шиканова в условиях трансформации доказывания / А. А. Шаевич, А. Б. Соколов // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2026. – № 1. – С. 105–115.

8. Шорыгин, К. С. Функциональная сущность деятельности адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве / К. С. Шорыгин // Адвокатская практика. – 2022. – № 1. – С. 30–34.

Толстова Мария Леонидовна
канд. экон. наук, доцент
Аюпова Диня Айратовна
студентка

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ПРЕДЕЛЫ ДОПУСТИМОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИИ-СЕРВИСОВ АДВОКАТОМ

Аннотация: *статья анализирует пределы допустимого использования ИИ – сервисов адвокатом на основе позиции ФПА РФ и Памятки АП г. Москвы 2026 года. Основной тезис: профессиональная этика не запрещает ИИ, но формирует механизм границ с ядром в виде «контроля за вводом данных» – запрет передачи конфиденциальной информации в публичные системы при обязательности информированного согласия и проверки результата. Этот механизм – функциональное продолжение профессиональных обязанностей адвоката в технологической среде.*

Ключевые слова: *адвокатская тайна, искусственный интеллект, профессиональная этика, защита данных, информированное согласие.*

В декабре 2025 года вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ Сергей Зубков в публичном заявлении для СМИ высказал наблюдение, заслуживающее осмысления: «Юридически использование адвокатом искусственного интеллекта никак не ограничено, специального регулирования также нет, однако тот факт, что «большинство серверов находятся за рубежом», создаёт реальную зону риска для передачи конфиденциальной информации» [1]. Это состояние – «регулирования нет, но риск объективно существует» – как раз и образует отправную точку настоящего обсуждения.

Генеративный искусственный интеллект используется адвокатами для правового поиска, составления документов, проверки договоров и перевода. Повышение эффективности реально: обработка больших объёмов информации анализа правоприменения и судебной практики, подготовка шаблонов документов – вспомогательная ценность в этих сценариях повсеместно признается практиками. Однако между технической архитектурой ИИ и обязанностью адвоката хранить профессиональную тайну существует структурное противоречие: принцип работы этих систем такое, что введённые пользователем данные могут быть использованы для обучения модели и тем самым выйти из-под контроля адвоката.

Проблемное поле статьи разворачивается отсюда: где именно в рамках профессиональной этики должна проходить разумная граница использования адвокатом ИИ – сервисов? Из каких принципов состоит эта граница и посредством какого механизма она функционирует?

Итак, традиционная логика защиты адвокатской тайны строится на «доверительных отношениях»: доверитель раскрывает информацию адвокату, а адвокат обязан её не разглашать. В физическом мире эта обязанность имеет материальную основу в виде архивов адвокатского образования и конфиденциальности устного общения. Однако когда адвокат вводит текст, содержащий информацию доверителя, в облачную систему ИИ, «распространение» информации происходит на уровне, который адвокат может даже не осознавать.

Совет адвокатских ассоциаций Европы в Руководстве по использованию генеративного ИИ адвокатами дал наиболее чёткую формулировку этого риска: «Если провайдер ИИ использует вводимый контент для обучения модели или передаёт данные третьим лицам и исключить такую обработку невозможно, адвокату следует воздерживаться от ввода в пользовательский интерфейс ИИ любых персональных данных, конфиденциальных данных или иных данных, связанных с клиентом» [2]. Ключевым в этой формулировке является

ограничительное условие «если исключить невозможно» – это не абсолютный запрет, а требование к адвокату осознавать потоки данных и контролировать их.

Федерация адвокатских палат Европы заняла аналогичную позицию, подчёркивая, что «сохранение адвокатской привилегии» и «обеспечение защиты данных» являются ключевыми обязанностями.

Позиция Зубкова воспроизводит эту логику применительно к российской действительности: «Когда вы передаёте чувствительную информацию на некоторые серверы, неизвестно где находящиеся, эта информация может привести к утечке адвокатской тайны. А где потом ИИ использует эту загруженную вами информацию? Никто не может себе это представить!»

Нормативное значение этой обеспокоенности наиболее ясно выражено в институциональной форме в Памятке, который прямо устанавливает, что адвокат «не вправе без предварительного письменного согласия доверителя передавать в ИИ – сервисы любые сведения, составляющие адвокатскую тайну». Это не абсолютный запрет, а обусловленная передача права на принятие риск – решения обратно доверителю.

Позиция Федеральной Палаты РФ в отношении использования ИИ характеризуется формулой «не запрещать, но устанавливать границы». Зубков прямо заявил: «При использовании ИИ необходимо, конечно, согласовывать этот вопрос с доверителем, получать его согласие на использовании ИИ». Это требование «информационного согласия» перекликаются с положения Памятки Адвокатской палаты Москвы о «предварительном письменном согласии». Памятка далее очерчивает три запретные линии: нельзя выдавать созданный ИИ информационный продукт за собственное юридическое заключение; нельзя использовать ИИ – сервисы без уведомления доверителя; нельзя передавать адвокатскую тайну без письменного согласия. Представитель Адвокатской палаты Москвы Евгений Бобков на форуме «Паруса Адвокатуры» в июле 2026 года разъяснил, что эти положения не запрещают использования ИИ, а предотвращает подмену «профессиональной деятельности адвоката, включая его юридическое заключение, продуктами нейросети» [3]. Круглый стол от Адвокатской палаты Ростовской области в марте 2026 года дал практическую перспективу. Участница Юлия Аксенова подчеркнула, что ИИ «может использоваться как помощник, но должен быть проверен, обучен и скорректирован», особо указав на «ответственный подход» к защите персональных данных и сохранению адвокатской тайны: ограничение доступа к личным аккаунтам и, при необходимости, запрет на использование загруженной информации для обучения модели.

Аналитическая статья «Адвокатской газеты» за сентябрь 2026 года предложило рамку «6 вопросов перед передаче й задачи ИИ» [4], суть которой – сделать «границы работы с ИИ проверяемыми»: видеть путь данных, проверять основания выводов, контролировать конкретные действия. Значение этой методологии в том, что она превращает абстрактную обязанность проверки в операционализируемые процедурные шаги.

Обобщая материалы сравнительно – правового обзора, вырисовывается ясная картина: разумные границы использования адвокатом ИИ по своей нормативной структуре не является принципиально новым творением, а представляет собой функционально эквивалентное продолжение существующих профессиональных обязанностей в технологической среде.

Адвокатская привилегия традиционно требует, чтобы конфиденциальная коммуникация происходила в рамках: «доверительных межличностных отношений».

Требование информированного согласия обладает такой же функциональной эквивалентностью. Как адвокат в определенных обстоятельствах нуждается в разрешении доверителя для раскрытия информации, так и помещение информации доверителя в процесс обработки ИИ требует от доверителя осознания и согласия с этим специфическим риском. «Предварительное письменное согласие» Памятки адвокатской палаты Москвы и требование Зубкова о «согласовании» по существу восстанавливают в цифровой среде контроль доверителя над потоками информации.

Таким образом, разумные границы использования адвокатом ИИ могут быть обобщены в трехуровневой структуре: на уровне ввода данных – запрет на передачу конфиденциальной

информации в публичные системы, в отношении которых невозможно исключить использование для дообучения, кроме случаев получения информированного согласия доверителя и принятия технических гарантийных мер; на уровне задач – ИИ применим для административной поддержки, составления резюме и предварительного поиска, но не для существенной подмены юридического суждения; на уровне процедур – проверка является обязательным встроенным этапом, а не опциональной последующей стадией. Ядро логики этой граничной структуры – обеспечение того, чтобы ИИ всегда оставался в положении «вспомогательного инструмента», а не замены профессионального суждения.

Список литературы

1. Адвокатам не следует злоупотреблять помощью ИИ – ФПА : интервью с С. Зубковым // РАПСИ : сетевое издание. – URL: https://rapsi-pravo.ru/digital_law_news/20251225/311476009.html (дата обращения: 19.10.2026). – Текст : электронный.

2. Адвокатская палата Ростовской области. Открыта регистрация на форум адвокатов по искусственному интеллекту в профессиональной деятельности // АП Ростовской области : офиц. сайт. – URL: https://apro.fparf.ru/news/chamber/otkryta-registratsiya-na-forum-advokatov-po-iskusstvennomu-intellektu-v-professionalnoy-deyatelnosti/ (дата обращения: 19.10.2026). – Текст : электронный.

3. Вебинар ФПА РФ 13 мая 2026 г. : программа // ФПА РФ : офиц. сайт. – URL: https://fparf.ru/education/webinars/vebinar-fpa-rf-13-maya-2026-g/ (дата обращения: 19.10.2026). – Текст : электронный.

4. На форуме «Паруса адвокатуры» представили Памятку о поведении адвокатов в Интернете // Адвокатская палата города Москвы : офиц. сайт. – URL: https://www.advokatymoscow.ru/press/news/15963/ (дата обращения: 19.10.2026). – Текст : электронный.

5. Проигрывают обе крайности : адвокат и нейросеть: перспективы, риски и цена ошибки // Адвокатская газета. – 2026. – 1 сент. – URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/proigryvayut-obe-kraynosti/ (дата обращения: 19.10.2026). – Текст : электронный.

6. Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. ИИ помогает, но ответственность несёт адвокат : интервью с М. Толчеевым // ФПА РФ : офиц. сайт. – URL: https://fparf.ru/news/fpa/ii-pomogaet-no-otvetstvennost-neset-advokat/ (дата обращения: 19.10.2026). – Текст : электронный.

Фёдорова Виктория Сергеевна
преподаватель
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина»
г. Екатеринбург, Свердловская область

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАРКЕТПЛЕЙСОВ

Аннотация: *в статье рассматривается специфика правового регулирования деятельности маркетплейсов в условиях меняющегося законодательства и перехода от фрагментарного регламентирования к единой системе норм. Автором выделяются проблемы, сохранившие свою актуальность несмотря на правовые изменения, и предлагаются пути их возможного решения.*

Ключевые слова: *маркетплейс, цифровая экономика, цифровая платформа, конкуренция, защита прав потребителей.*

Изменение вектора современных отношений в сфере торговли с 2020 года привело к стремительному развитию электронной коммерции. Маркетплейсы в связи с этим стали основным направлением развития потребительского рынка в последние 5 лет, формируя новую правовую реальность. Но нужно отметить, что стремительное развитие отношений в этой сфере не привело к столь же стремительному развитию законодательства по вопросам регулирования взаимодействия субъектов правоотношений. Складывающаяся тенденция регулирования отношений между продавцом, покупателем и платформой по принципу применения традиционных норм с учетом специфики новых условий взаимодействия привела к тому, что многие аспекты просто выпали из правового поля зрения. Это привело к нарушению или

недолжному соблюдению прав как потребителей и продавцов, так и операторов платформ, обеспечив необходимость изменение правовых подходов.

Правовая регламентация отношений в этой сфере остается фрагментарной по сей день, создавая условия для нарушения прав потребителей в первую очередь. Необходимость формирования условий для продуманной и гармоничной системы взаимодействия всех участников правоотношений в этом направлении указывает на актуальность исследования вопроса и анализа возможных перспектив развития законодательства для преодоления существующей «серой зоны».

Вступление в силу Федерального закона «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» позволило решить важную проблему: перевод цифровой платформы из зоны саморегулирования в зону государственного регулирования. Это дало возможность сформировать юридическую опору для полноценной реализации прав и контроля за соблюдением обязанностей всеми участниками взаимодействия. Прозрачность регламентации условий сотрудничества с платформами позволяет защитить от злоупотреблений со стороны владельцев платформ и обеспечить правовую базу для судебных споров с продавцами. Так, проблема, которая выступает объектом множества исследователей, в отношении гибкости партнерских соглашений и изменения их условий в одностороннем порядке [3], во многом отходит на второй план в условиях нового законодательства. На первый план выходит качественный контроль за добросовестностью этого процесса с целью исключения возможности дальнейшей монополизации рынка отдельными платформами и злоупотребления доминирующим положением [2]. Следовательно, требуется детальная разработка актов, связанных с регламентацией деятельности контрольных органов.

По результатам опроса 100 покупателей маркетплейсов со стажем более года в г. Екатеринбург, каждый имеет опыт получения некачественного товара или иного товара, не соответствующего заявленным характеристикам. В связи с изменением законодательства можно говорить о частичной защите прав потребителей, в частности, в аспекте проверки достоверности карточек товаров или нарушения принципа нейтральной сортировки предложений, наносящих ущерб субъекту. Современный правовой подход позволяет повысить согласованность интересов и продавцов, и покупателей в процессе взаимодействия на площадке.

Правовой дисбаланс при этом сохраняется. Во-первых, стоит говорить о том, что обязанность операторов обеспечить возможность предъявления претензий со стороны потребителя к продавцу через платформу носит больше технический характер, а не юридический. Процедурная возможность в этом вопросе не указывает на солидарную ответственность. Во-вторых, позитивная тенденция в вопросах защиты продавца от дискриминации со стороны оператора платформы в отношении необоснованных блокировок, навязывания невыгодных условий сотрудничества и пр. больше переводит взаимодействие в плоскость необходимости обоснования действий, нежели их запрета. В-третьих, встает вопрос о пропорциональности нагрузки на добросовестных продавцов в отношении проверки объективности товарных карточек и размером установленных штрафов для недобросовестных.

Предложения по совершенствованию правового механизма регулирования лежат в сферах защиты прав потребителей, продавцов и операторов платформ. Стоит понимать, что жесткое ограничение прав операторов платформ не даст позитивного результата и может спровоцировать серьезные нарушения с их стороны, создав угрозу реализации установленных правовых принципов. Следует согласиться с позицией исследователей, что избыточное правовое регулирование приведет к нарушению прав всех субъектов взаимодействия [1, 4], что может негативно сказаться на развитии добросовестных отношений в сфере электронной торговли. В решении выявленных проблем требуется поиск баланса между интересами всех участников правоотношений, а не перекладывание ответственности на одного субъекта.

Для решения выявленных проблем необходимо в качестве базового понятия определить уровень влияния платформы на сделку. В случае преобладающего влияния требуется установление материально-правовой ответственности для нарушителя. Так, при оплате через

платежную инфраструктуру платформы, доставку товара при помощи ее логистической службы и др. не представляется возможным возложить всю ответственность на продавца. Следует исключить правовую коллизию по поводу возможности возврата товара и существования перечня товаров, не подлежащих возврату, что в условиях онлайн-торговли формирует условия для неопределенности. Но важно учесть и характер добросовестности действий самого продавца. В рассмотрении таких вопросов требуется серьезный анализ поведения каждого из участников правоотношений, возможно, обязательное привлечение экспертов к судебному разбирательству, которые на базе специальных знаний смогут дать профессиональную оценку действий каждой стороны. Это позволит минимизировать нарушение прав, но и злоупотребление правами, что очень важно.

Вызывает вопрос и необходимость формирования единой прозрачной модели ценообразования для маркетплейсов, а также ответственности за продажу неоригинальных товаров производителей. Проблема ценообразования и одностороннего решения о предоставлении скидок и акционных предложений со стороны платформы вызывает недоверие со стороны продавцов, однако исключение возможных решений поставит платформы в зависимость от продавцов и их предложений, что меняет суть реализуемого платформами динамического ценообразования, формируемого под влиянием потребительского спроса.

Выявленные проблемы во многом будут разрешимы в условиях единой правоприменительной практики и эффективной деятельности ФАС РФ, а также прозрачности действий каждого из участников правоотношений. Развитие правового регулирования деятельности маркетплейсов является неотъемлемой частью развития процесса цифровизации экономики, что предполагает постепенный и поэтапный характер изменений, когда каждый следующий этап развития юридических норм, базируется на учете выявленных пробелов предшествующего. Это дает возможность учесть преемственность норм и обеспечить их своевременное изменение с учетом меняющихся реалий.

Список литературы

1. Андреева, Л. В. Согласование интересов участников товарных цифровых платформ (маркетплейсов): правовые проблемы / Л. В. Андреева // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 8 (120). – С. 149–157.

2. Громова, Н. С. Правовое регулирование деятельности маркетплейсов: специфика, проблемы и пути решения / Н. С. Громова, С. В. Иванова, В. П. Кивилёва // Экономическое развитие России. – 2025. – Т. 32, № 12. – С. 62–66.

3. Дейнеко, А. Г. Третий закон о маркетплейсах: опыт критического анализа / А. Г. Дейнеко // Труды по интеллектуальной собственности. – 2025. – Т. 54, № 3. – С. 8–21.

4. Соловых, С. Ж. Некоторые вопросы обеспечения баланса прав и интересов продавцов, потребителей и агрегаторов цифровых платформ / С. Ж. Соловых, В. Е. Лукьяненко // Ex Jure. – 2025. – № 4. – С. 148–156.

Хабибуллина Эмилия Рафисовна
студентка
Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский
государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»
г. Казань, Республика Татарстан

РОЖДЕНИЕ РЕБЕНКА КАК ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКТ В ПРАВЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ: ПРЕДЕЛЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ РОДИТЕЛЬСТВА

Аннотация: *в данной статье исследуется рождение ребенка как юридический факт в праве социального обеспечения. Рассматриваются конституционные основы поддержки материнства и детства, федеральное законодательство о пособиях гражданам с детьми, а также проблема соотношения универсальный и адресных механизмов социальной поддержки. Анализируется региональная модель поддержки семей с детьми в Республики Татарстан, выделяются их особенности.*

Ключевые слова: *юридический факт, рождение ребенка, право социального обеспечения, государственные пособия, социальная поддержка.*

Рождение ребенка имеет значение не только как событие, непосредственно связанное с возникновением семейных отношений, но и как юридический факт, с которым законодательство связывает возникновение, изменение и прекращение правоотношений. В сфере права социального обеспечения данный факт приобретает особое значение, поскольку именно с рождением ребенка возникает необходимость предоставления семье определенных социальных гарантий, направленных на компенсацию расходов, связанных с появлением ребенка, обеспечение его содержания и создание условий для совмещения родительства с трудовой деятельностью.

Конституционно-правовой фундамент поддержки родительства зиждется на Конституции Российской Федерации. Именно в статье 38 Конституции материнство и детство, семья находятся под защитой государства. Кроме того, в статье 7 Конституции закрепляет Российскую Федерацию как социальное государство, политика которого направлена, в частности, на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [1].

На федеральном уровне система государственных пособий гражданам, имеющих детей прежде всего регулируется Федеральным законом от 19 мая 1995 г. №81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам имеющих детей» [2]. Сам законодатель определяет его назначение как обеспечение гарантированной государством материальной поддержке материнства, отцовства и детства.

Вместе с тем современная российская система социальной поддержки семей с детьми вызывает ряд вопросов, связанных с выплатами. Одно только рождение ребенка еще не означает возникновение права на получение всех существующих пособий и льгот. В зависимости от конкретной меры поддержки юридическое значение могут иметь доход семьи, количество детей, очередность их рождения, возраст родителей, место жительства, наличие определенных заболеваний у ребенка, факт занятости родителей и т. д. Таким образом, возникает вопрос о пределах государственной поддержки родительства: насколько сам факт рождения ребенка является достаточным основанием для возникновения права на социальное обеспечение и в какой степени объем государственной поддержки может зависеть от дополнительных юридических фактов.

Согласно теории государства и права под юридическими фактами понимаются конкретные жизненные обстоятельства, с которыми нормы права связывают возникновение, изменение и прекращение правоотношений [3, с. 3]. Само по себе рождение ребенка может являться достаточным основанием для возникновения отдельных социальных прав. Так, в статье 11

Федерального закона №81-ФЗ предусматривает право одного из родителей либо лица, его заменяющего, на единовременное пособие при рождении ребенка.

Одним из наиболее существенных вопросов является не только наличие государственной поддержки, но и ее размер. Так с 1 февраля 2026 года размер федерального единовременного пособия при рождении ребенка составляет 28 450,45 рублей [4]. Это сумма предназначена для частичной материальной поддержки семьи после рождения ребенка, однако сама по себе не предполагает полного возмещения связанных с этим расходов.

Рождение ребенка сопровождается целым комплексом расходов: приобретение одежды, средств ухода, мебели и предметов для сна, коляски, автокресла, детское питание и т. д. При этом расходы возникают одновременно, а не распределяются равномерно в течение длительного периода.

Поэтому с точки зрения эффективности социальной поддержки важен не только номинальный размер выплаты, но и ее соотношение с фактической экономической нагрузкой семьи. Еще более показателе пример ежемесячного пособия по уходу за ребенком до полутора лет. Для застрахованных лиц она составляет 40% среднего заработка, но не может быть ниже установленного минимального размера. С 1 февраля 2026 года минимальный размер составляет 10 669,64 руб. в месяц, а максимальный – 83 021,18 руб. [5]. Такая значительная разница показывает, что законодатель использует сразу две модели социальной поддержки: страховую, связанную с прежним заработком, и минимальную гарантированную, призванную обеспечить определенный базовый уровень материальной помощи.

Однако именно размер пособия позволяет поставить вопрос о достаточности социальной гарантии. Сумма в 10 669,64 рублей в месяц должна рассматриваться не изолированно, а в контексте фактических расходов семьи на ребенка и возможного сокращения доходов родителя, осуществляющего уход. Следовательно, формальная установленность социальной выплаты еще не означает ее экономической достаточности. При оценке эффективности социальной политики необходимо учитывать не только факт значения пособия и его ежегодную индексацию, но и способность выплаты реально снижать финансовую нагрузку на семью.

При этом нельзя утверждать, что низкий размер конкретной выплаты означает отсутствие государственной поддержки в целом. Система включает несколько взаимодополняющих мер – пособия, материнский капитал, региональные выплаты, социальные услуги и другие гарантии. Проблема заключается именно в том, насколько совокупность этих мер позволяет обеспечить необходимый уровень социальной защищенности конкретной семьи.

Универсальные выплаты позволяют гарантировать одинаковое право всем лицам, находящимся в одинаковой юридической ситуации. Так единовременное пособие при рождении ребенка не зависит от дохода семьи. Такой подход соответствует идее равенства социальных прав. Однако одинаковый размер выплаты не означает одинакового экономического эффекта для разных семей. Для семьи с высоким доходим и для семьи с низким, сумма в 28 450,45 руб. имеет разное значение.

Поэтому законодатель одновременно использует адресные механизмы. Единое пособие связано с оценкой нуждаемости, что позволяет концентрировать государственные ресурсы на семьях, находящихся в более сложном материальном положении [6]. Таким образом, современная система находится между двумя принципами: универсальностью социальных гарантий и адресностью социальной помощи. Именно их сочетание позволяет понять предел государственной поддержки: государство не предоставляет каждой семье одинаковый набор выплат, поскольку объем социальной помощи зависит от совокупности юридически значимых обстоятельств.

Дополнительным фактором, влияющим на объем социальной поддержки, является место проживание семьи. Федеральное законодательство устанавливает базовый уровень гарантий, тогда как субъекты РФ вправе вводить дополнительные меры поддержки за счет собственных бюджетных средств. В результате одинаковый факт рождения ребенка может иметь различные социально-правовые последствия в разных регионах.

В Республике Татарстан действует разветвленная система региональной поддержки. Согласно Закону РТ от 08.12.2004 №63-ЗРТ «Об адресной социальной поддержке населения в Республике Татарстан» [7], семьям с детьми предоставляются ежемесячное пособие на ребенка, размер которого составляет 164 рубля; на ребенка одинокой матери – 438 руб.; на ребенка, родители которого уклоняются от уплаты алиментов – 246 руб. Данное пособие не назначают каждой семье, а лишь той, которая отвечает двум условиям: среднедушевой доход семьи ниже величины прожиточного минимума, установленной в РТ и уровень имущественной обеспеченности семьи ниже уровня, который закреплен в приложении к этому закону. Также в Татарстане предусмотрено обеспечение отдельных категорий женщин и детей продуктами питания через молочно-раздаточные пункты, что обычно называют «молочной кухней». При этом право на получение продуктов зависит от установленных социальных и медицинских оснований [8]. Для сравнения, в Москве беременным, кормящим и детям до трех лет кухня положена безоговорочно, достаточно рецепта, который выписывается один раз и не требует ежемесячного продления [9].

К особенностям татарстанской модели можно отнести акцент на поддержку многодетных семей и достаточно широкий охват отдельных категорий семей с детьми. В школах Татарстана ученики 1–4 классов автоматически получают бесплатное горячее питание, а дети из малообеспеченных, многодетных, неполных семей, среднедушевой доход которых ниже прожиточного минимума и детей из семей, находящихся в социально опасном положении также получают бесплатное питание в средней и старшей школе [10]. Показательной является поддержка молодых женщин, проживающих в сельской местности и поселках городского типа. Так, в 2026 году Республика Татарстан увеличила соответствующие выплаты: женщинам в возрасте до 25 лет при рождении первого ребенка – 100 тыс. руб., а женщинам в возрасте до 29 лет при рождении третьего и последующего ребенка – 200 тыс. руб. [11]. Таким образом, региональная мера учитывает несколько юридически значимых обстоятельств: рождение ребенка, его очередность, возраст матери и длительность проживания в сельской местности. Такая конструкция показывает, что субъект Федерации может использовать социальное обеспечение не только для компенсации уже возникших расходов, но и для решения конкретных демографических и территориальных задач. Вместе с тем наличие значительного количества региональных мер само по себе не свидетельствует об их достаточности. Размер отдельных выплат остается относительно небольшим по сравнению с реальными расходами семьи на питание, одежду, средства ухода и иные потребности ребенка. Поэтому эффективность региональной поддержки следует оценивать не только по количеству существующих мер, но и по их способности реально снижать экономическую нагрузку на семью. Опыт Республики Татарстан показывает, что один и тот же юридический факт – рождение ребенка, может становиться основанием для различных по своему содержанию мер социальной поддержки в зависимости от дополнительных обстоятельств.

Таким образом, рождение ребенка является юридическим фактом, с которым возникает комплекс социальных прав, однако объем государственной поддержки зависит от дополнительно юридически значимых обстоятельств: дохода семьи, количества и очередности рождения детей, возраста родителей, места проживания и других факторов. Анализ федеральных и региональных мер показывает, что эффективность социальной поддержки определяется не только наличием выплат, но и их достаточностью и доступностью для семьи. Опыт Республики Татарстан демонстрирует возможность использования региональных мер для решения конкретных демографических и социальных задач. В связи с этим представляется целесообразным сохранить региональную специфику, одновременно распространяя наиболее эффективные меры поддержки Татарстана и других субъектов на федеральный уровень, что позволит повысить уровень социальной защищенности семей с детьми.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. от 21 июля 2014 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

2. Федеральный закон «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» от 19.05.1995 № 81-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 2. – Ст. 1929.

3. Теория государства и права : учебник для бакалавров / под ред. В. К. Бабаева. – 3-е изд., перераб, и доп. – Москва : Юрайт, 2013. – 715 с.

4. Пособие при рождении ребенка в 2026 году // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/law/ref/poleznye-sovety/detskie-posobija/edinovremennoe-posobie-pri-rozhdenii-rebenka/ (дата обращения: 23.09.2026). – Текст : электронный.

5. Гражданам. Ежемесячное пособие по уходу за ребенком до 1,5 лет // Социальный фонд России: официальный сайт. – URL: https://sfr.gov.ru/grazhdanam/semyam_s_detmi/ezhemesyachnoe_posobie_po_uhodu_za_rebenkom/?ysclid=mue09o6t4259529024 (дата обращения: 23.09.2026). – Текст : электронный.

6. Постановление Правительства РФ от 16.12.2022 N 2330 (ред. от 20.04.2026) «О порядке назначения и выплаты ежемесячного пособия в связи с рождением и воспитанием ребенка» (вместе с «Правилами назначения и выплаты ежемесячного пособия в связи с рождением и воспитанием ребенка в части, не определенной Федеральным законом «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», «Перечнем документов (копий документов, сведений), необходимых для назначения ежемесячного пособия в связи с рождением и воспитанием ребенка») (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.07.2026) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_434753/ (дата обращения: 23.09.2026). – Текст : электронный.

7. Закон РТ от 8 декабря 2004 г. №63-ЗРТ «Об адресной социальной поддержке населения в Республике Татарстан» (с изм. и доп.) // Официальный портал правовой информации Республики Татарстан. ГКД. – URL: https://rtdety.tatarstan.ru/zakon-rt-ot-8-dekabrya-2004-g-n-63-zrt-ob.htm (дата обращения: 23.09.2026). – Текст : электронный.

8. Акмурзина, Ю. Молочная кухня: что выдают бесплатно детям до трех лет в Казани / Ю. Акмурзина // Inkazan. – URL: https://inkazan.ru/news/2026-06-02/molochnaya-kuhnya-chto-vydayut-besplatno-detyam-do-treh-let-v-kazani-5608885?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 23.09.2026). – Текст : электронный.

9. Как получить продукты на молочной кухне // Официальный сайт мэра Москвы. – URL: https://www.mos.ru/otvet-semya-i-deti/kak-vospolzovatsya-uslugami-molochnoy-kuhni/ (дата обращения: 23.09.2026). – Текст : электронный.

10. Управление образования напоминает порядок предоставления бесплатного питания детям из малообеспеченных семей // Официальный портал Казани. – URL: https://kzn.ru/prinyat-uchastie/proekty/podderzhka-samozanyatykh/novosti/upravlenie-obrazovanie-napominaet-poryadok-predostavleniya-besplatnogo-pitaniya-detyam-iz-maloobespe/?ysclid=mue3mhqahz380973508 (дата обращения: 23.09.2026). – Текст : электронный.

11. На выплаты жителям сел Татарстана при рождении выделили 211,8 млн рублей // Комерсантъ. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8799530 (дата обращения: 06.10.2026). – Текст : электронный.

Халимов Данил Ильич
студент
Научный руководитель
Тарасова Ольга Евгеньевна
канд. филос. наук, доцент
Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия им. В.М. Лебедева»
г. Казань, Республика Татарстан

ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

Аннотация: *федерализм является многоплановым политико-правовым институтом, основанный на синтезе различных политических и правовых отношений, сущностные проявления которого имеют государственно-правовую природу и связаны, прежде всего, с организацией и практической реализацией государственной власти. Федерализм в каждом конкретном государстве весьма специфичен и проявляется по-разному. Автор статьи показывает особенности российского федерализма.*

Ключевые слова: *государственное устройство, федеративное государство, российский федерализм, федерализм.*

Мировая практика федеративного государственного устройства дает нам множества примеров федерализма. Для многих государств с федеративным государственным устройством характерны ряд общих признаков, в то же время для отдельно взятого государства присущи особенности, которые выделяют данное государство из множества федераций и делает его уникальным. Если рассматривать Российскую Федерацию по способу формирования необходимо определить правовое оформление её создания и выяснить механизм формирования. Существуют договорные федерации (создаются по принципу «снизу вверх» – будущие субъекты федерации проявляют волю к объединению), конституционные (объединение происходит не по инициативе субъектов, а по инициативе федерального центра, принимаемые положение о федерализме будут носить наддоговорной характер и утверждаются конституцией), конституционно-договорные федерации (сочетают в себе предыдущие способы образования и на основе договорных норм, и на основе конституционных положений).

Что касается определения характеристики Российской Федерации по признаку способа формирования у исследователей существует не однозначное мнение. Наличие Федеративного договора от 31.03.1992 г. «О разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации» и конституционное закрепление федеративного устройства позволяет трактовать российский федерализм по-разному. Так, О.Е. Кутафин и Е.И. Козлова говорят о том, что Россия является конституционной федерацией на том, основании что она создавалась «не в результате заключения договора между ее субъектами, а на основе провозглашения ее федерацией в Конституции Республики» [2, с. 256]. В.Е. Чиркин приоритет отдает Федеративному договору в формировании Российской Федерации и говорит о ней ее как о договорной федерации [5, с. 294]. Есть и третья точка зрения предлагающая определять Российскую Федерацию как конституционно-договорную, так как изначально заключался Федеративный договор, который в последствии лег в основу Конституции РФ 1993 г. и после принятия Конституции РФ не утратил своей силы [3, с. 29].

Федеративное государства при образовании ставят перед собой различные цели в зависимости от которых определяют экспансионные федерации (создаются с целью дальнейшего расширения за счет включения в свой состав новых территорий и этносов), ретирадные федерации (создаются с целью сохранения государственного единства в условиях усиливающихся центробежных тенденций и сепаратизма) и партнерские федерации (главная цель – построить оптимальную форму межэтнического сотрудничества). Россия применительно к

данной квалификации относится к ретирадной федерации ставя перед собой основную задачу противодействия сепаратистским тенденциям, в то же время постепенное развитие российской государственности придает ей черты «экспансионной федерации».

Если рассматривать федерацию по способу образования субъектов, то в отношении Российской Федерации следует определить какой принцип положен в основу разделения территории страны на субъекты. При этом надо сказать, что выделяют два основных типа федераций – национальную и территориальную. Национальная федерация обладает следующими характеристиками:

– субъекты будут являться национальными государствами и национально-государственными образованиями, которые отличаются друг от друга прежде всего культурой, традициями и обычаями, национальным составом населения, бытом и религией;

– добровольность – основной принцип объединения субъектов федерации;

– представители субъектов федерации обязательно входят в государственные федеральные органы;

– реализация специального права наций на самоопределение на практике;

– федерация образовывается для обеспечения свободы и самостоятельного развития наций, входящих в ее состав.

Территориальные федерации образуются исключительно по территориальному признаку, в основном для решения политических, таких как преодоления сепаратистских настроений и т. д.

Не следует так же забывать о том, что ученые выделяют смешанную федерацию, где в основе в формирования субъектов лежит одновременно и территориальный, и национальный принцип. Российская Федерация относится именно к смешанному типу образования субъектов, так как в её состав входят и субъекты образованные по территориальному принципу (например, Красноярский край, Амурская область), и субъекты образованные по национальному принципу (например, Республика Хакасия, Чукотский автономный округ). Такая смешанная федерация вполне допустима, учитывая сложную внутриполитическую ситуацию в стране в начале становления федерации, когда игнорирование национального фактора могло вызвать для российской государственности катастрофические последствия.

В юридической науке федерации делятся в зависимости от статуса ее субъектов на симметричные и ассиметричные, последнее предполагает неравенство конституционного статуса субъектов федерации. Что является критерием для выделения симметричных и ассиметричных федераций вопрос в науке является спорным. М. Баглай говорит о том, что федерацию можно рассматривать «как асимметричную в случае наличия в ее составе таких территориальных образований, которые не являются субъектами, но не связывает асимметрию с разным правовым статусом (юридическим или фактическим) субъектов федерации» [1, с. 378]. В. Чиркин говорит по данному поводу следующее: «в федеративном государстве асимметрия возможна, но не в конституционном статусе субъектов федерации» [5, с. 297]. То есть ученый признает только политическую асимметрию, но не конституционно-правовую. Также можно допустить наличие в федерации как политической асимметрии, так и юридической.

Большинство ученых, так же, как и практики-юристы Российскую Федерацию относят к асимметричным федерациям. Ассиметричная природа Российской Федерации вполне закономерное явление в связи с тем, что субъекты России имеют принципиальные отличия друг от друга по национальному составу, по объему полномочий, по численности населения, у каждого субъекта свои географические, исторические, культурные и иные особенности. Только асимметричность федерации позволяет учитывать все вышеуказанные особенности и способствует реализации права наций на самоопределение без разрушения единства Федерации. Автор так же указывает на тот факт, что асимметричная природа «федеративного устройства России соответствует историческим традициям Российского государства, изначально включающего в свой состав территории с особым статусом (Царство Польское, Великое княжество Финляндское, Бухарское ханство» [5, с. 115].

А.М. Иванов также не видит негативных моментов в том, что Российская Федерация «является федерацией с асимметричной природой составляющих ее членов». Наоборот, по мнению автора только асимметричность «позволяет учитывать определенные особенности различных субъектов Федерации и приспосабливать их конституционно-правовой статус к данным особенностям» [4, с. 115]. Поэтому в настоящее время для большинства государств характерна именно такая федерация, как замечают авторы наблюдается тенденция развития асимметрии в симметричных государствах.

Таким образом, в настоящее время в России обозначился реальный федерализм, который характеризовался соединением типичных признаков организации большинства федеративных государств с такими особенностями, как: статусная асимметрия; акцентированная национальная «окрашенность»; неупорядоченность конструкции; несбалансированность потребностей и собственных ресурсов для реализации статусных полномочий органов власти субъектов РФ; чрезмерная персонифицированность реальных федеративных отношений и соответствующая возможность нарушений общего порядка взаимоотношений в политической, бюджетно-финансовой, национально- этнической сферах.

Список литературы

1. Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации : учебник для вузов / М. В. Баглай. – Москва, 2018. – 767 с.

2. Козлова, Е. И. Конституционное право России / Е. И. Козлова, О. Е. Кутафин. – Москва, 2019. – 592 с.

3. Мамочкина, Е. М. Российский федерализм: проблемы и перспективы развития / Е. М. Мамочкина // Право. Законодательство. Личность. – 2013. – № 2(17). – С. 29–32.

4. Иванов, А. М. Асимметрия как феномен федеративного устройства России / А. М. Иванов // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 5. – С. 114–117.

5. Чиркин, В. Е. Конституционное право: Россия и зарубежный опыт / В. Е. Чиркин. – Москва, 1998. – 441 с.

Халимов Данил Ильич
студент
Научный руководитель
Ковалькова Елена Юрьевна
канд. юрид. наук, доцент
Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»
г. Казань, Республика Татарстан

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Аннотация: *отечественная история не имеет большого опыта правовой регламентации функционирования некоммерческого сектора, тем не менее в современной России на сегодняшний момент разнообразие видов деятельности некоммерческих организаций на достаточно высоком уровне. Автор статьи раскрывает признаки некоммерческих организаций разграничивая их с коммерческими.*

Ключевые слова: *организация, коммерческая организация, некоммерческая организация, признаки некоммерческой организации.*

В российском праве, как показывает отечественная законодательная практика, понятие «некоммерческая организация» появилось сравнительно недавно. Впервые данный термин получил официальное закрепление в Основах гражданского законодательства СССР в мае 1991г. и впоследствии был воспроизведен в действующем ГК РФ. В настоящее время в российской юридической литературе «некоммерческая организация» понимается более широко – исследователи рассматривают различные коллективные организации, даже те, которые не являются юридическими лицами, не способные участвовать в гражданском обороте, ставившие перед собой социально-полезные и общественно-важные цели и задачи [3, с. 79].

Официальное понятие некоммерческой организации имеет узкий смысл так как в ФЗ «О некоммерческих организациях» сказано, что некоммерческая организация – это организация, которая создана как юридическое лицо и в соответствии с законодательством имеет государственную регистрацию (ст. 3). При анализе дальнейших норм указанного закона можно сказать, что некоммерческая организация имеет свои характеризующие признаки, отличительные именно от коммерческой организации. В то же время являясь юридическим лицом некоммерческая организация так же, как и коммерческая обладает организационным единством, имущественной обособленностью, правоспособностью присущей организациям, несет самостоятельную имущественную ответственность (ст. 48 ГК РФ). При регистрации некоммерческой организации требуется подача заявления, учредительных документов (прежде всего Устав), решение о создании некоммерческой организации и принятии учредительных документов, сведения об учредителях, документ об уплате госпошлины.

Существует мнение ученных, что некоммерческие организации искусственно выделяют в отдельный вид, что их гражданско-правовой статус схож с коммерческими организациями, поэтому отдельные формы некоммерческих организаций не следует относит к таковым. А.В. Грищенко говорит, что потребительские кооперативы и потребительские общества в реальности являются коммерческими организациями, некоммерческое партнерство по своим целям и задачам схожи с ассоциациями и союзами, фондовые биржи и пенсионные фонды в действительности создаются для извлечения прибыли и т.д [2, с. 79]. Однако на наш взгляд, выделение некоммерческих организаций в отдельный вид юридического лица целесообразно и правомерно, так как у некоммерческих организаций существуют характерные отличительные признаки присущи только им.

Первый признак некоммерческой организации – это цели, ради которых они созданы. В отличие от коммерческих организаций некоммерческая должна создаваться ради общественно-полезных задач, не ставя перед собой цель извлечение прибыли из своей деятельности и распределение ее между участниками. П. 2 ст. 2 ФЗ «О некоммерческих организациях» указывает сферу деятельности, в которой законодатель рекомендует создавать некоммерческие организации. Социально-ориентированные некоммерческие организации по замыслу законодателя должна стать субъектом функционирования рыночного хозяйства предоставляющих социально-общественные блага. Таким образом, в обществе некоммерческая организация нацелена на установления канала между гражданами и государством направленного на реализацию нематериальных потребностей в сфере культуры, образования, науки, управления и т. д. В то же время надо помнить, что п. 5 ст. 123.24 ГК РФ разрешает некоммерческой организации заниматься коммерческой деятельностью, приносящей ей предпринимательский доход если это служит достижению целей, ради которых она создана. Таким образом, основным признаком некоммерческой организации является цель, направленная на удовлетворения общественно-полезный, социально-духовных потребностей.

Вторым признаком некоммерческий организации является наличие специальной правоспособности, которая отличается от общей правоспособности коммерческой организации. Для коммерческих организаций допустимо в уставах указывать на иные виды деятельности, что не разрешается для некоммерческих. Специальная правоспособность позволяет юридическим лицам иметь лишь те права и соответственно нести обязанности, которые только соответствуют целям ее деятельности и указаны в соответствующих документах, принятых учредителями. Ограничение правоспособности некоммерческих организаций будет иметь место лишь в тех случаях если требуется не допустить искажение некоммерческой природы данной организации [1, с. 74].

Третий признак некоммерческой организации заключается в требованиях к наименованию, которое должно быть не фирменным как у коммерческой организации. Если некоммерческой организации предоставлено право на осуществление предпринимательской деятельности, то в данном случае организация будет иметь право на использование коммерческого обозначения.

Четвертый признак позволяющий отличить некоммерческую организацию от коммерческой заключается в ограничениях по учредительству [4, с. 177]. Закон устанавливает ограничения, предъявляемые к учредителям некоммерческих организациях – не допускается, что бы учредители содержались в местах лишения свободы по приговору суда; иностранный гражданин не может быть членом некоммерческой организацией и ее учредителем если имеется законное решение о его нежелательном прибывании на территории российского государства; учредителем не может быть лицо, которое включено в список лиц, занимающихся противозаконными действиями – «отмывание» денежных средств, финансирование терроризма, экстремизма; учредителем не может быть лицо, которое являлось членом религиозной (общественной) организации деятельность, которой была приостановлена и признана как экстремисткой.

Некоммерческие организации в отличие от коммерческих не имеют обязанности формировать уставной капитал и данное положение показывает еще на один отличительный признак. В то же время некоммерческая организация нуждается в финансировании. Финансовые поступления могут исходит от учредителей и от тех, кто стал участником (членом) организации, так же как и от других физических, юридических лиц в виде добровольный взносов и пожертвований. Источником формирования имущества может быть собственность, имеющаяся у некоммерческой организации (к примеру дивиденды от вкладов, акций и т. д.).

Последний признак некоммерческих организаций связан с имущественной ответственностью учредителей. В некоммерческих организациях в отличии от коммерческих они не отвечают по обязательствам, так как уплачивая членские взносы учредители утрачивают право собственности и не приобретают обязательственных прав по отношению к созданному юридическому лицу. В коммерческих организациях предусмотрена субсидиарная ответственность учредителей.

Проанализировав правовую сущность некоммерческих организаций, можно сказать, что рассмотренные их характеризующие признаки позволяют отделить некоммерческие организации от коммерческих по трем главным критериям – по цели деятельности; по распределению прибыли; по источнику существования. Следует отметить сущность некоммерческих организаций, которая выражается в отличительных признаках в сравнении с коммерческими организациями. Основные цели некоммерческих организаций направлены на достижения социально-духовных, научных, образовательных, культурных, просветительских и других целей, не связанных с предпринимательской деятельностью или получения материальной (финансовой) выгоды. Прежде всего некоммерческие организации нацелены на достижение общественных благ в социальной сфере, поэтому и получили название «третий сектор». Они не имеют право заниматься предпринимательской деятельностью, получать прибыль если это не установлено уставом ради реализации поставленных задач. Некоммерческие организации имеют обособленное имущество на праве собственности или на праве оперативного управления, но его члены не наделены правом распределения полученной прибыли между участниками, так же некоммерческие организации не отвечают своим имуществом по обязательствам ее учредителя (участника).

Список литературы

1. Алиева, Н. С. Правоспособность некоммерческих организаций / Н. С. Алиева // Отечественная юриспруденция. – 2016. – № 8 (10). – С. 73–75.

2. Грищенко, А. В. Некоммерческие организации в России: анализ современного состояния законодательства / А. В. Грищенко // Некоммерческие организации в России. – 2014. – № 1. – С. 63–72.

3. Попова, Ю. С. Теоретико-методологические основы определения социально-экономической эффективности некоммерческой сферы («третьего сектора») / Ю. С. Попова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 8. – С. 79–83.

4. Кравченко, Д. Е. К вопросу о возможности исключения учредителя из некоммерческой организации / Д. Е. Кравченко // Вопросы российской юстиции. – 2022. – № 12. – С. 176–183.

Худобина Алина Игоревна
студентка
Научный руководитель
Цуканов Олег Владимирович
доцент

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»
г. Белгород, Белгородская область

О КОДИФИКАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА В СТРАНАХ ЕВРОПЫ

Аннотация: *в статье рассматривается кодификация гражданского права в странах Европы как историко-правовое и современное явление. Показано, что европейские гражданские кодексы возникали не только как техническая форма систематизации норм, но и как способ построения единого частноправового пространства внутри национального государства. Анализируются французская, германская, австрийская, швейцарская, бельгийская и восточноевропейская модели кодификации. Отдельное внимание уделяется проблемам декодификации, обновления старых кодексов и перспективам общеевропейской кодификации частного права.*

Ключевые слова: *кодификация гражданского права, гражданский кодекс, частное право, европейское право, романо-германская правовая семья, декодификация, гармонизация права.*

Кодификация гражданского права в Европе никогда не была простым упорядочением разрозненных норм. В ней всегда присутствовал более крупный замысел, заключающийся в том, чтобы создать ясный центр частного права, через который государство, суды, участники оборота и юридическая наука получают общий язык. Гражданский кодекс в европейской традиции не просто сборник правил о собственности, договорах, семье и наследовании. Это форма правовой культуры, где частное право собирается в систему и начинает восприниматься как относительно цельный порядок. Именно поэтому спор о кодификации в Европе до сих пор не является чисто историческим. Старые кодексы продолжают действовать, новые кодексы принимаются, а право Европейского союза создает поверх национальных систем собственный слой регулирования.

В широком смысле кодификация означает упорядоченное регулирование определенной сферы права, но в гражданском праве она приобретает особую плотность. Д. Деспотович и С. Максимович пишут, что «кодификация является вершиной правовой деятельности» и представляет собой синтез «правовой теории, практики и юридической техники». Действительно, гражданский кодекс невозможно создать как ведомственную инструкцию. Он должен выдерживать давление практики, сохранять внутреннюю логику и при этом оставаться понятным для оборота.

Классическая европейская кодификация начинается с Франции. Гражданский кодекс Франции 1804 г. стал не только национальным актом, но и моделью для многих правопорядков. Его влияние объясняется не одной политической экспансией Франции, а ясностью построения. Собственность, договор, семья и наследование получили компактное законодательное выражение. Статья 1103 Гражданского кодекса Франции закрепляет известную формулу: «Договоры, заключенные законным образом, имеют силу закона для тех, кто их заключил» [1]. В этой норме видно главное достоинство кодекса. Общее правило не растворяется в казуистике, а задает принцип, вокруг которого выстраивается судебная и договорная практика.

Однако французская модель не исчерпала европейскую кодификацию. Всеобщий гражданский кодекс Австрии 1811 г. развивался на другой основе [2]. Он сильнее связано с естественно-правовой традицией и более осторожно в социальной динамике. Гражданский кодекс Германии 1896 г., вступивший в силу в 1900 г., напротив, стал образцом более

абстрактной, догматически выстроенной кодификации. Параграф 311 Гражданского кодекса Германии показывает характер этой техники: обязательства возникают из сделки, а также из отношений, подобных сделочным, включая переговоры и иные преддоговорные контакты [3]. Такая конструкция менее проста для неспециалиста, чем французская, но она позволяет праву работать с более тонкими юридическими связями.

Д.Ю. Полдников обращает внимание, что отраслевую кодификацию в сравнительном правоведении долго воспринимали как «уникальное и трудное достижение западноевропейской правовой культуры Нового времени» [7, с. 6]. Но автор же предупреждает об опасности мифологизации кодекса. Кодекс действительно дает системе центр, но не уничтожает пробелы, судебное усмотрение, специальные законы и влияние доктрины. Чем старше кодекс, тем заметнее это противоречие. Он остается символом единства, но право вокруг него постепенно усложняется.

В современной Европе можно выделить несколько моделей отношения к гражданской кодификации. Первая модель – сохранение исторического кодекса с постоянными изменениями. Так развиваются Франция, Германия, Австрия, Швейцария. Их кодексы не являются музейными текстами, напротив, они реформируются, но сохраняют символический и системный статус. Вторая модель – новая или обновленная кодификация, когда государство пытается заново собрать частное право в современный кодекс. Бельгия дает один из наиболее показательных примеров. Д. Хейрбаут, И. Котляр и О. Лысенко пишут, что бельгийская реформа привела к принятию ряда книг нового Гражданского кодекса «за рекордно короткий срок» [9, с. 145]. Новый Гражданский кодекс Бельгии прямо заявляет более широкую задачу. Так, книга 1 закрепляет, что кодекс регулирует гражданское право и в более широком смысле частное право [4].

Третья модель характерна для многих восточноевропейских государств. После политических и экономических преобразований они обновляли гражданские кодексы, иногда сохраняя отдельные торговые кодексы, но чаще отказываясь от самостоятельного торгового права как отдельного центра. Е.А. Суханов, анализируя восточноевропейские кодификации, указывает, что почти все эти страны пошли «по пути отказа от самостоятельной роли торговых кодексов» [8, с. 1]. Это важный поворот. Так, предпринимательский оборот не выводится полностью за пределы гражданского кодекса, а встраивается в общее частноправовое регулирование. Такая модель ближе к идее единого частного права, хотя на практике специальные законы все равно сохраняют большое значение.

Е.Ю. Матвеева предлагает оценивать современные европейские страны именно через признак кодифицированности гражданского права. По ее формулировке, актуальность такого подхода связана с выявлением «конкретных особенностей проявления такого ключевого признака континентального права как кодификация» [6, с. 27]. Этот тезис полезен тем, что не сводит Европу к одной схеме. Внутри романо-германской семьи существуют разные степени кодификации, от классических исторических кодексов до современных переработанных актов, от цельных систем до стран, где частное право заметно фрагментировано.

Отдельная проблема – декодификация. Она проявляется тогда, когда вокруг гражданского кодекса нарастает массив специальных законов: о потребителях, цифровых услугах, финансовых сделках, защите персональных данных, конкуренции, аренде жилья, семейных и наследственных отношениях. Кодекс формально сохраняет центральное место, но фактически уже не охватывает всего частного права. Д.Ю. Полдников справедливо связывает рациональную критику кодификации с западноевропейским опытом «неизбежной декодификации права» [7, с. 8]. Поэтому современная задача состоит не в том, чтобы восстановить кодекс как единственный источник частного права, а в том, чтобы сохранить его системообразующую функцию.

Общеевропейская кодификация частного права остается еще более сложным вопросом. Экономическая интеграция объективно толкает к сближению норм. Предпринимателю удобнее работать с понятными и сходными правилами договоров, ответственности и защиты

прав. Но гражданский кодекс – это не только техника, а часть национальной правовой традиции. Ю. Базедов пишет, что в европейском контексте значимыми факторами выступают «экономическая интеграция и доступность права Европейского союза» [5, с. 37]. Но из этого не следует, что единый европейский гражданский кодекс легко заменит национальные кодексы. Скорее вероятен иной путь, в соответствии с которым будет иметь место постепенное формирование общих правил в отдельных сферах, особенно в договорном и потребительском праве.

В качестве итога произведенному анализу следует сделать вывод о том, что кодификация гражданского права в странах Европы сохраняет значение не как пережиток XIX века, а как живая форма организации частного права. Ее сила выражается в системности, языке общих принципов и способности удерживать частное право от полного распада на специальные режимы. Тогда как ключевым недостатком следует признать неизбежное отставание от быстро меняющегося оборота и риск превращения кодекса в символ без реального регулирующего центра. Европейский опыт наглядно показывает, что гражданский кодекс ценен не потому, что в нем можно разместить все нормы частного права, а потому, что он задает исходную архитектуру, без которой специальные правила теряют связь друг с другом. Именно это и делает кодификацию не только историческим достижением, но и современным инструментом правового развития.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Франции от 21 марта 1804 г // Code civil. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000032040777 (дата обращения: 19.09.2026). – Текст : электронный.

2. Всеобщий гражданский кодекс Австрии от 01 июня 1811 г // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=56057#iN9ksVVW7XDTvMZA (дата обращения: 19.09.2026). – Текст : электронный.

3. Гражданский кодекс Германии от 18 августа 1896 г // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=55851#FrdksVVWiiMCJcZc1 (дата обращения: 19.09.2026). – Текст : электронный.

4. Гражданский кодекс Бельгии от 28 апреля 2022 г // Lex Iterata. – 2022. – URL: https://refli.be/fr/lex/2022A32057 (дата обращения: 19.09.2026). – Текст : электронный.

5. Базедов, Ю. Кодификация частного права: европейская перспектива / Ю. Базедов // Кодификация гражданского права: оценка, реформы, варианты / под ред. Э. Вереша. – Мишкольц. – Будапешт, 2024. – С. 37–64.

6. Матвеева, Е. Ю. О кодификации гражданского права в странах Европы / Е. Ю. Матвеева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2025. – № 7. – С. 27–33.

7. Полдников, Д. Ю. Кодификация в стиле романо-германского права в XIX–XX вв.: от мифологизации к рациональной критике. Часть 1 / Д. Ю. Полдников // Legal Concept. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 6–18.

8. Суханов, Е. А. Восточноевропейские кодификации гражданского и торгового права / Е. А. Суханов // Вестник гражданского права. – С. 1–5.

9. Хейрбаут, Д. «Молниеносная» кодификация гражданского права в Бельгии: Гражданский кодекс 2020 г. / Д. Хейрбаут, И. Котляр, О. Лысенко // Государство и право. – 2021. – № 11. – С. 145–163.

Худобина Алина Игоревна
студентка
Научный руководитель
Шалайкин Руслан Николаевич
канд. юрид. наук, доцент
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
г. Белгород, Белгородская область

ОСОБЕННОСТИ ПРИЗНАНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ДОГОВОРА НЕЗАКЛЮЧЁННЫМ

Аннотация: *в статье рассматриваются особенности признания гражданско-правового договора незаключенным как самостоятельной правовой квалификации, отличной от недействительности сделки. Основное внимание уделяется проблеме согласования существенных условий, значению фактического исполнения, добросовестности поведения сторон и судебному подходу к сохранению договорной связи. Показано, что незаключенность договора не должна использоваться как удобный способ уклонения от обязательств после принятия исполнения. Обосновывается необходимость более четкого разграничения незаключенности, недействительности и ненадлежащего исполнения договора, а также закрепления общих последствий признания договора незаключенным в гражданском законодательстве Российской Федерации.*

Ключевые слова: *гражданско-правовой договор, незаключенный договор, существенные условия договора, признание договора незаключенным, недействительность сделки, добросовестность, фактическое исполнение, оферта, акцепт.*

Признание гражданско-правового договора незаключенным это один из наиболее чувствительных аспектов договорного права в силу того, что суд должен решить, возникло ли между сторонами обязательство вообще. Если договор недействителен, он как юридический факт состоялся, но поражен пороком. Если договор не заключён, обязательственная связь не возникла в требуемом законом виде. Ошибка в этой квалификации меняет все, включая предмет доказывания, последствия, исковую давность, возможность взыскания неустойки, судьбу исполненного и оценку поведения сторон. Поэтому незаключенность договора нельзя использовать как удобную формулу для ухода от ответственности по неудачному договору.

Важное значение в рассматриваемом вопросе имеет статья 432 Гражданского кодекса Российской Федерации. В пункте 1 этой статьи закреплено: «Договор считается заключенным, если между сторонами, в требуемой в подлежащих случаях форме, достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора». Там же названы существенные условия: предмет договора, условия, прямо названные законом или иными правовыми актами существенными либо необходимыми для договоров данного вида, а также условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение [1]. Эта норма задает формальный критерий, но сама по себе не отвечает на главный практический вопрос: когда отсутствие отдельного условия действительно разрушает договор, а когда пробел может быть восполнен законом, обычаями, перепиской или последующим поведением сторон?

Верховный Суд Российской Федерации в Постановлении Пленума от 25 декабря 2018 г. №49 существенно смягчил прежний формализм. В пункте 1 указано, что договор может считаться заключенным не только при классической схеме «оферта – акцепт», но и тогда, «когда из поведения сторон явствует их воля на заключение договора» [2]. В пункте 44 того же Постановления проводится еще более важная мысль, в соответствии с которой при споре о заключенности договора суд, пока не доказано иное, исходит из его заключенности и действительности, а если возможны два варианта толкования, приоритет отдается тому, при

котором договор сохраняет силу. Это уже не просто правило толкования, а общая установка на сохранение договорной связи при наличии реального волеизъявления сторон.

Такой подход находит поддержку и в научном сообществе. Так, Д.Н. Кархалев и Н.Ф. Качур, рассматривая заключение гражданско-правового договора, выделяют стадии заключения договора: «переговоры о заключении договора; оферта; рассмотрение оферты; акцепт оферты» [8, с. 66]. Для рассматриваемой темы это важно в силу того, что дефект может возникнуть на разных этапах, например, предложение может быть недостаточно определенным, акцепт может быть дан на иных условиях, протокол разногласий может не закрыть спор по существенному условию, а фактическое исполнение может, наоборот, показать, что стороны уже сформировали обязательственную связь.

Особенно трудно разграничить незаключенность и недействительность. В практике эти требования до сих пор иногда смешиваются, когда сторона просит признать договор «недействительным и незаключенным» одновременно, хотя это разные правовые режимы. Д.В. Едигарева точно отмечает, что «на сегодняшний день Гражданский кодекс Российской Федерации не проводит разделение понятий «недействительная сделка» и «незаключенная сделка», а незаключенная сделка «априори не порождает никаких последствий» [7, с. 201]. С этим выводом можно согласиться лишь частично. Незаключенный договор действительно не порождает договорного обязательства в обычном смысле, но фактическое поведение сторон способно создать иные последствия, например, обязательство из неосновательного обогащения либо применение правил о конкретном договорном типе к фактически принятому исполнению.

Эта грань хорошо видна в Информационном письме Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2014 г. №165. В пункте 1 Обзора указано: «Если между сторонами не достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора, то он не считается заключенным и к нему неприменимы правила об основаниях недействительности сделок» [3]. Но этот же документ защищает оборот от недобросовестного формализма. По спорам об услугах разъяснено, что отсутствие конкретных сроков оказания услуг само по себе не всегда делает договор незаключенным, поскольку сроки могут восполняться общими положениями ГК РФ, в частности статьей 314 ГК РФ.

Главная проблема признания договора незаключенным состоит в том, что этот довод часто заявляется не в момент переговоров, а после частичного исполнения. Сторона принимает товар, пользуется помещением, контролирует выполнение работ, подписывает акты, переписывается по исполнению, а затем при споре о цене, неустойке или качестве заявляет, что договора не было. Законодатель прямо закрепил нормы, ограничивающие подобное поведение. Так, пункт 3 статьи 432 ГК РФ устанавливает: сторона, принявшая полное или частичное исполнение либо иным образом подтвердившая действие договора, не вправе требовать признания его незаключенным, если такое требование противоречит принципу добросовестности [1]. И.В. Маштаков, анализируя данную норму гражданского законодательства, верно указывает: «факт принятия исполнения по договору законодатель ставит на первое место в списке юридически значимых обстоятельств, подтверждающих действие договора» [9, с. 29].

Обозначенный подход находит свое практическое применение в деятельности отечественны судов. В частности, в Определении Верховного Суда Российской Федерации от 29 октября 2019 г. по делу № А56–81136/2018 суд отказал в передаче кассационной жалобы по делу о признании договора проектных работ незаключенным, так как стороны приступили к исполнению, заказчик перечислил аванс, исполнитель выполнял работы, результат предъявлялся заказчику, а потому требование о незаключенности было оценено как недобросовестное [5]. Схожая логика проведена в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 августа 2019 г. №24-КГ19–3. Из материалов дела следует, что ответчик по договору ремонта автомобиля вел себя так, будто договор существует, поэтому вывод о его незаключенности был признан ошибочным [4].

Отдельная группа проблем связана с формой договора. Несоблюдение формы не всегда означает незаключенность. Пункт 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ №49 прямо говорит, что несоблюдение требований к форме при достижении соглашения по всем существенным условиям не свидетельствует о том, что договор не был заключен, а последствия определяются специальными нормами о форме сделки. В цифровом обороте это особенно заметно. П.С. Могилевский пишет, что обмен сканами документов по электронной почте может считаться заключением договора в письменной форме, но сложности возникают, если сообщения не подписаны усиленной квалифицированной электронной подписью или порядок такого обмена заранее не согласован [10, с. 6].

Показательно Решение Арбитражного суда Амурской области от 12 марта 2025 г. по делу № А04–5278/2024. Суд исследовал спор о договоре, направленном по электронной почте, и указал, что договор может быть заключен путем обмена документами и конклюдентных действий. Стороны подписывали заявки, передавали груз, получали авансы и фактически исполняли перевозку. Поэтому довод о несогласованности договора был отклонен [6]. Этот пример показывает практическое направление развития, демонстрирующее, что отечественные суды все чаще оценивают не только бумажный экземпляр договора, но и весь массив поведения сторон, включая переписку, заявки, платежи, акты, передачу результата.

Не менее спорен вопрос о существенных условиях. Старый подход строился следующим образом: нет существенного условия – нет договора. Но в современных отношениях такой подход иррационален. Ю.А. Тымчук еще до реформы отмечал: «Если стороны не согласовали какое-либо условие договора, относящееся к существенным, но затем совместными действиями по исполнению договора и его принятию устранили необходимость согласования такого условия, то договор считается заключенным» [11, с. 119]. Эта мысль сейчас фактически поддержана пунктом 3 статьи 432 ГК РФ. Но проблема остается, так как суду нужно отличать «исцеленную» неопределенность от реального отсутствия соглашения. Если стороны вообще не понимали, какой объект передается, какой результат должен быть достигнут или какая работа выполняется, договор нельзя сохранять только ради стабильности оборота.

Решение проблемы видится в более точной судебной методике. Сначала суд должен установить, относилось ли спорное условие к числу существенных именно для данного договора. Затем, можно ли восполнить пробел диспозитивными нормами, обычаями или практикой отношений сторон. Далее, было ли последующее поведение, объективно подтверждающее существование договора. Только после этого допустим вывод о незаключенности. Такой подход позволит не разрушать фактически сложившиеся обязательства из-за неудачной формулировки и одновременно не признавать договор там, где волеизъявление сторон так и не сформировалось.

Нужна и законодательная доработка. ГК РФ говорит о заключенности договора, но не дает общей нормы о последствиях признания договора незаключенным. В результате суды вынуждены выбирать между неосновательным обогащением, фактическими договорными отношениями, применением специальных норм о подряде, аренде, услугах или отказом в договорных санкциях. Более удачным было бы закрепить в общих положениях о договоре отдельную статью о незаключенности, а именно ее основания, отличие от недействительности, последствия принятого исполнения, пределы применения неустойки и процентов. Это не перегрузило бы ГК РФ, зато убрало бы часть искусственных споров, которых можно избежать в случае введения предлагаемых законодательных корректировок.

В качестве заключения следует сделать вывод о том, что признание гражданско-правового договора незаключенным должно оставаться не способом тактической защиты от неудобного обязательства, а средством констатации того, что договорная связь действительно не возникла. Ключевой критерий здесь не формальная неполнота текста, а отсутствие согласованной воли сторон по необходимым условиям. Если стороны вели себя как участники договора, принимали исполнение, ссылались на его условия и извлекали из него выгоду, последующая ссылка на незаключенность должна блокироваться как противоречивое поведение. Более

устойчивой выглядела бы модель, при которой суды исходят из презумпции сохранения договора, но не подменяют ею реальное согласие сторон. Тогда институт незаключенности будет выполнять свою точную функцию, заключающуюся в том, чтобы отделять несостоявшиеся договоры от плохо оформленных, но реально существующих обязательств.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. №51-ФЗ ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026 // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

2. О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. №49 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2019. – № 2.

3. Обзор судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными: информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 февраля 2014 г. №165 // Вестник ВАС РФ. – 2014. – № 4.

4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27 августа 2019 г. №24-КГ19–3 // Гарант. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72593112/ (дата обращения: 21.09.2026). – Текст : электронный.

5. Определение Верховного Суда РФ от 29 октября 2019 г. по делу № А56–81136/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/ZrKcKcGeowmx/ (дата обращения: 21.09.2026). – Текст : электронный.

6. Решение Арбитражного суда Амурской области от 12 марта 2025 г. по делу № А04–5278/2024 // ЗаконРФ. – 2025. – URL: https://www.zakonrf.info/arbsud/doc-595c42d9-d7dd-56bf-bee8-d2942b86601d/ (дата обращения: 21.09.2026). – Текст : электронный.

7. Едигарева, Д. В. К вопросу тождественности понятий «недействительная» и «незаключенная» сделки / Д. В. Едигарева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 9–1(96). – С. 198–201.

8. Кархалев, Д. Н. Заключение гражданско-правового договора / Д. Н. Кархалев // Современное право. – 2021. – № 12. – С. 66–71.

9. Маштаков, И. В. О некоторых правовых последствиях принятия исполнения от контрагента по договору / И. В. Маштаков // Jus strictum. – 2024. – № 4. – С. 29–37.

10. Могилевский, П. С. Правовая природа заключения договора по электронной почте / П. С. Могилевский // Гражданское право. – 2024. – № 6. – С. 6–8.

11. Тымчук, Ю. А. Существенные условия договора: прошлое, настоящее и будущее / Ю. А. Тымчук // Юридический вестник молодых ученых. – 2015.

Худобина Алина Игоревна
студентка
Научный руководитель
Цуканов Олег Владимирович
доцент

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
г. Белгород, Белгородская область

СЕРВИТУТ КАК ОГРАНИЧЕННОЕ ВЕЩНОЕ ПРАВО В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Аннотация: *в статье рассматривается сервитут как правовой инструмент, позволяющий удовлетворить потребность в использовании чужой недвижимости, когда она объективно не может быть реализована без ограниченного воздействия на чужую вещь. Отмечается, что установление такого права неизбежно затрагивает интересы собственника обременённого имущества. Исследуются критерии необходимости и соразмерности сервитута, пределы его содержания, порядок определения платы, индивидуализация обременения, государственная регистрация и прекращение сервитута. На основе анализа законодательства, научных позиций и судебной практики сделан вывод, что основные трудности*

связаны не с отсутствием нормативного регулирования, а с оценочным характером критериев, определяющих допустимый объём вмешательства в право собственности.

Ключевые слова: *сервитут, ограниченное вещное право, право собственности, земельный участок, необходимость сервитута, плата за сервитут, соразмерность ограничения, государственная регистрация, публичный сервитут, прекращение сервитута.*

Необходимость предоставить одному собственнику доступ к чужой недвижимости ставит гражданское право перед вполне конкретной задачей: удовлетворение объективной потребности одного лица не должно превращаться в неоправданное изъятие возможностей использования имущества у другого. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) исходит из ограничительного характера сервитута. Пункт 1 статьи 274 ГК РФ допускает его, в частности, для «других нужд собственника недвижимого имущества, которые не могут быть обеспечены без установления сервитута» [1]. Само законодательное указание на невозможность иного обеспечения потребности показывает, что сервитут не предназначен для выбора наиболее удобного способа хозяйствования. Его применение оправдано там, где нормальное использование господствующей недвижимости без ограниченного пользования чужим объектом действительно невозможно.

Вещно-правовая природа сервитута проявляется прежде всего в непосредственном отношении управомоченного лица к чужой недвижимости. Д.А. Гармаш точно обозначает эту особенность: «Сервитут предполагает непосредственное господство над чужой недвижимой вещью, но не над поведением собственника чужой вещи» [2, с. 378]. Поэтому сервитут нельзя использовать как функциональную замену аренде. Арендатор получает договорно обусловленную возможность пользования вещью, тогда как сервитуарий приобретает строго ограниченное вещное право, содержание которого определяется объективной потребностью. Е.А. Суханов обращает внимание на другую сторону этой конструкции: «Сервитут обязывает собственника обремененной им недвижимости претерпевать определенные ограничения в осуществлении своих прав» [3, с. 129].

Из этого следует ключевое условие установления сервитута – объективная необходимость. Пункт 7 Обзора судебной практики по делам об установлении сервитута на земельный участок, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 26 апреля 2017 г., связывает возможность его установления с отсутствием у собственника иной возможности реализовать право пользования своей недвижимостью. Иной путь доступа должен оцениваться не абстрактно, а с учетом его фактической пригодности, однако более длинный или менее удобный маршрут сам по себе не создает права требовать обременения соседнего участка [4]. С.А. Липски характеризует функциональную основу института следующим образом: «сервитут (любой!) нужен для того, чтобы устранить неудобства доступа к тому или иному объекту, вызванные особенностями расположения и конфигурации участка» [5, с. 30]. Однако подобное неудобство должно достигать степени объективной потребности, так как сервитут не служит средством перераспределения хозяйственных преимуществ между соседями.

Практика показывает, насколько доказательственным является этот критерий. В деле № А45–20607/2023 исследовались четыре возможных пути доступа к участку предпринимателя. Суды установили, что реально проезд мог осуществляться только через участок, находившийся в аренде у предприятия энергетического комплекса, и определили соответствующую зону сервитута с учетом заключения эксперта. Арбитражный суд Западно-Сибирского округа оставил судебные акты в силе [6]. Значение этого дела состоит не в признании любого затрудненного доступа достаточным, а в последовательной проверке альтернатив и выборе решения после установления их фактической реализуемости.

Необходимость сервитута, впрочем, еще не предопределяет его конкретное содержание. Пункт 2 статьи 274 ГК РФ прямо закрепляет: обременение «не лишает собственника участка прав владения, пользования и распоряжения этим участком» [1]. Поэтому после установления самой потребности возникает второй вопрос – насколько интенсивным может быть

ограничение собственности. Т.С. Краснова справедливо указывает: «содержание сервитута должно быть определено таким образом, чтобы данное обременение стесняло возможность эксплуатации служащей недвижимости в минимальной степени» [7, с. 181]. Отсюда следует необходимость сопоставлять варианты маршрута, площадь обременения, периодичность прохода или проезда, технические параметры и реальное воздействие на хозяйственное использование участка. При нескольких допустимых вариантах Верховный Суд РФ также предписывает ориентироваться на баланс интересов и наименее обременительное решение [4].

Содержание сервитута требует не только соразмерности, но и достаточной определенности. А.О. Гусев формулирует практически значимое требование: «Соглашение сторон об установлении сервитута должно максимально подробно регулировать все аспекты их правоотношений» [8, с. 103]. Пункт 10 Обзора Верховного Суда РФ требует при судебном установлении определить участки, содержание и сферу действия сервитута, срок, плату и иные существенные параметры. Недостаточно признать само право прохода или проезда, оставив сторонам спор о том, где именно он осуществляется и с какой интенсивностью. Иначе конфликт лишь переносится со стадии установления права на стадию исполнения судебного решения [4].

С этой проблемой непосредственно связана государственная регистрация. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. №218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» в части 1 статьи 52 предусматривает регистрацию сервитута, в том числе когда «сведения о месте и об условиях ограниченного пользования чужим объектом недвижимости установлены судебным актом или соглашением» [9]. Регистрация обеспечивает публичность ограниченного вещного права, но не восполняет неопределенность его содержания. Для внесения обременения в реестр еще на стадии соглашения или судебного рассмотрения должны быть индивидуализированы объект и пространственные пределы использования.

Самостоятельную сложность представляет плата. Пункт 5 статьи 274 ГК РФ дает собственнику обремененного участка право требовать соразмерную плату, если иное не установлено законом. Верховный Суд РФ связывает ее определение с разумностью и соразмерностью, характером деятельности сторон, площадью и сроком сервитута [4]. При этом единого арифметического решения для всех частных сервитутов законодательство не дает. В.Ю. Заболотный отмечает, что «наличие нескольких подходов и методов к определению платы за сервитут приводит к получению различных величин стоимости» [10, с. 306]. Характерно, что в уже упомянутом деле № А45–20607/2023 суд признал допустимым учитывать расходы на дополнительную охрану и содержание дороги, возникшие вследствие предоставления доступа через территорию объектов топливно-энергетического комплекса [6]. Плата тем самым выполняет компенсационную функцию и должна отражать фактически создаваемое обременение, а не только площадь полосы проезда.

Частный сервитут при этом нельзя смешивать с публичным. Земельный кодекс Российской Федерации регулирует последний как самостоятельный механизм. Пункт 3 статьи 23 ЗК РФ прямо устанавливает, что к отношениям по установлению, осуществлению и прекращению публичного сервитута положения ГК РФ о сервитуте не применяются, а пункт 18 отсылает по специальным целям к главе V.7 ЗК РФ [11]. Различие обусловлено не терминологией, а механизмом возникновения и характером защищаемого интереса: частный сервитут создается для конкретного обладателя недвижимости соглашением либо судебным решением, тогда как публичный устанавливается властным решением для публично значимых нужд.

Ограничение собственности также не должно сохраняться после исчезновения причины, оправдывавшей его возникновение. Пункт 1 статьи 276 ГК РФ предусматривает возможность прекращения сервитута «ввиду отпадения оснований, по которым он был установлен» [1]. Появление нормального альтернативного доступа способно изменить исходное соотношение интересов: право, ранее необходимое, теряет оправдание как ограничение чужой собственности. Верховный Суд РФ допускает обращение с требованием о прекращении сервитута при

отпадении соответствующих оснований, что логически продолжает тот же критерий необходимости, который применяется при его первоначальном установлении [4].

По итогу следует заключить, что сервитут нормально выполняет функцию ограниченного вещного права лишь при одновременном наличии нескольких взаимосвязанных условий: объективной потребности в использовании чужой недвижимости, отсутствия разумной альтернативы, строго ограниченного объема пользования, точной индивидуализации его пространственных и временных пределов и сохранения у собственника реальной возможности использовать вещь по назначению. Плата в этой конструкции не легализует чрезмерное вмешательство, а компенсирует допустимое ограничение собственности, поэтому ее размер должен определяться с учетом фактического содержания обременения, а не по единой формальной величине. Государственная регистрация обеспечивает публичность сервитута, но эффективна только при предварительной конкретизации самого права. Появление альтернативного способа удовлетворения потребности, напротив, способно повлечь прекращение сервитута, поскольку исчезает основание для дальнейшего ограничения собственности. Проведенный анализ не дает достаточных оснований считать действующую конструкцию статей 274–276 ГК РФ нормативно непригодной. Главная современная проблема состоит в оценочном характере категорий «необходимость», «соразмерность» и «наименее обременительные условия». Их содержание во многом формируется судебной практикой и зависит от технических характеристик конкретных объектов, результатов экспертизы и фактической доступности альтернатив. Поэтому дальнейшее развитие института связано прежде всего не с расширением перечня норм о сервитуте, а с повышением предсказуемости критериев выбора его условий и определения платы при сохранении возможности индивидуальной оценки конкретного имущественного конфликта.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. №51-ФЗ; ред. от 10.06.2026 // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

2. Гармаш, Д. А. Характеристика сервитута как ограниченного вещного права в российском праве / Д. А. Гармаш // Образование и право. – 2025. – № 12. – С. 377–381.

3. Ограниченные вещные права // Гражданское право : учебник : в 4 томах. Т. 2 : Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / под ред. Е. А. Суханова. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Статут, 2023. – С. 154–198.

4. Обзор судебной практики по делам об установлении сервитута на земельный участок, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 апреля 2017 г // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2017. – № 11.

5. Липски, С. А. Сервитутное право в постсоветской России: закономерности и парадоксы / С. А. Липски // Юридическая наука. – 2023. – № 7. – С. 28–33.

6. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 01 сентября 2025 г. № Ф04–2457/25 по делу № А45–20607/2023 // ГАРАНТ. – 2025. – URL: https://base.garant.ru/38359544/ (дата обращения: 07.10.2026). – Текст : электронный.

7. Краснова, Т. С. Установление сервитута для размещения линейного объекта федерального или регионального значения / Т. С. Краснова // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2023. – Т. 16, № 1. – С. 172–200.

8. Гусев, А. О. О некоторых аспектах установления, изменения и прекращения частных сервитутов / А. О. Гусев // Арбитражные споры. – 2025. – № 1 (109). – С. 100–118.

9. О государственной регистрации недвижимости : Федеральный закон от 13 июля 2015 г. №218-ФЗ : ред. от 04.08.2026 // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 29 (ч. I). – Ст. 4344.

10. Заболотный, В. Ю. Порядок определения платы за сервитут, предусмотренный законодательством Российской Федерации / В. Ю. Заболотный // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 10 (238). – С. 302–306.

11. Земельный кодекс Российской Федерации : от 25 октября 2001 г. №136-ФЗ ред. от 04.08.2026, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026 // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 44. – Ст. 4147.

Шапошникова Елизавета Владимировна
студентка
ФГАОУ ВО «Российский государственный
гуманитарный университет»
г. Москва
Научный руководитель
Землин Александр Игоревич
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой
ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА (ИИ) В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПКАХ: АНАЛИЗ ПОТЕНЦИАЛА ИИ ДЛЯ ОПТИМИЗАЦИИ ПРОЦЕДУР, ПРОГНОЗИРОВАНИЯ РИСКОВ, ВЫЯВЛЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА И ВЫБОРА ПОСТАВЩИКОВ

Аннотация: *статья посвящена анализу потенциала применения технологий искусственного интеллекта в системе государственных закупок Российской Федерации. Выявлены структурные и процедурные барьеры контрактной системы (избыточная регламентация, субъективность оценки, фрагментация данных), обоснована недостаточность традиционных реактивных методов контроля. Предложена четырёхуровневая концептуальная модель «умной» экосистемы закупок, включающая семантическую интеграцию данных, NLP-анализ документации, графовую аналитику для выявления сговоров и динамический скоринг поставщиков. Обосновано, что внедрение ИИ обеспечивает переход от реактивного управления к проактивному предиктивному контролю, повышая прозрачность и эффективность расходования бюджетных средств.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, государственные закупки, контрактная система, цифровизация, предиктивная аналитика, противодействие коррупции, скоринг поставщиков.*

Современная система государственных закупок находится в стадии перманентной трансформации, ориентированной на всестороннюю автоматизацию управленческих процессов. В контексте глобальной цифровизации в Российской Федерации сформирована многоуровневая цифровая экосистема, основанная на Единой информационной системе (ЕИС) и сети специализированных торговых площадок [2; 9]. Тем не менее существующий уровень технологизации не исключает наличия таких системных недостатков, как высокая процедурная сложность и недостаточная операционная эффективность, которые коррелируют с ростом административных расходов и коррупционной уязвимостью [3]. Указанные проблемы предопределяют необходимость глубокой модернизации закупочного инструментария. В связи с этим предметом данного исследования является анализ перспектив применения технологий искусственного интеллекта (ИИ) как фактора преодоления системных противоречий.

Целью работы является комплексное изучение перспектив и оценка практической применимости технологий искусственного интеллекта в экосистеме государственных закупок, а также определение направлений их интеграции в существующие управленческие процессы. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: выявить структурные и процедурные барьеры функционирования современной контрактной системы; провести сравнительный анализ и оценить эффективность актуальных методологий разрешения проблемных ситуаций в закупочной деятельности; разработать концептуальную модель применения алгоритмов искусственного интеллекта в качестве инструмента оптимизации и повышения прозрачности государственных закупок. Объектом исследования выступает

институциональная среда и совокупность общественных отношений, формирующихся в процессе функционирования системы государственных закупок Российской Федерации.

Критический анализ текущего состояния контрактной системы необходим для выявления глубинных структурных и процедурных противоречий, выступающих в роли институциональных барьеров. Современная система государственных закупок в Российской Федерации, регламентированная Федеральным законом №44-ФЗ [7], формально направлена на обеспечение прозрачности и экономической эффективности бюджетных расходов. Однако на практике её функционирование характеризуется наличием системных барьеров, препятствующих достижению заявленных целей и создающих условия для возникновения коррупционных рисков [1]. К числу первостепенных барьеров относится избыточная нормативная регламентация закупочного цикла, которая провоцирует феномен «бюрократического паралича» и нерациональное использование административных ресурсов. Участники процесса переключаются с обеспечения экономической эффективности на формальное соблюдение процедурных требований ради минимизации юридических рисков, что приводит к институционализации модели «защитной бюрократии».

Серьёзным структурным препятствием является субъективность при оценке конкурсных заявок, обусловленная нечеткостью критериев и недостаточной верификацией данных, которая создаёт предпосылки для манипуляций (например, «подгонки» технических заданий) и искажения рыночного ценообразования [8]. Эти структурные недостатки, усугубляемые системными проблемами со сбором и анализом данных, снижают уровень конкуренции и общую эффективность закупочной деятельности. Несмотря на наличие ЕИС, фрагментация и ограниченная аналитическая обработка закупочных данных, наряду с фундаментальной инертностью процедурных регламентов, существенно снижают адаптивность системы к рыночной конъюнктуре [4]. Данные факторы препятствуют оперативному выявлению рисков, оптимизации ценообразования и своевременному реагированию на изменения, что ведёт к росту трансакционных издержек и снижению общей эффективности закупочной деятельности. Системные структурно-процедурные барьеры, обусловленные дихотомией между строгой регламентацией и потребностью в гибкости, способствуют манипуляциям, снижению конкуренции и росту трансакционных издержек. Следовательно, имплементация интеллектуальных инструментов, в частности ИИ, является крайне необходимой для автоматизации операционных процессов, минимизации человеческого фактора и обеспечения проактивного мониторинга рисков, что выступает ключевым условием для эволюционного перехода к «умной» контрактной системе.

На сегодняшний день инструментарий преодоления проблемных ситуаций в сфере государственных закупок в Российской Федерации характеризуется преимущественно реактивной направленностью [5]. Методологический базис представлен тремя ключевыми группами инструментов: нормативно-регуляторными, административно-контрольными и цифровыми (информационными). Нормативно-регуляторные методы (в частности, инструментарий Федерального закона №44-ФЗ [7]), несмотря на свою системность, обладают значительной инерционностью и зачастую провоцируют развитие «защитной бюрократии». Административно-контрольные механизмы (аудиторские проверки) подвержены влиянию субъективного фактора: они носят дискретный характер и, как правило, направлены на выявление нарушений постфактум, когда финансовый ущерб бюджетной системе уже нанесён [5]. Существующие цифровые решения, основанные на функционале ЕИС, внесли существенный вклад в повышение прозрачности закупочных процедур, однако их эффективность в качестве инструмента превентивного решения проблем остаётся ограниченной: эти системы зачастую выполняют функции хранилища, не обладая развитым инструментарием предиктивной аналитики [2; 9]. Методологии, основанные на ручной проверке данных и ретроспективном анализе, фактически исчерпали свой эвристический потенциал. Традиционные подходы не позволяют оперативно выявлять сложные схемы аффилированности, признаки картельных сговоров или риски неисполнения контрактов до момента их реализации [5]. Таким образом,

эффективность существующих методологий разрешения проблемных ситуаций представляется недостаточной: избыточная формализация и реактивный характер этих инструментов актуализируют необходимость перехода к проактивным парадигмам управления.

В рамках настоящего исследования была разработана концептуальная модель, предполагающая применение технологий искусственного интеллекта для трансформации существующих разрозненных электронных платформ в интегрированную «умную» экосистему государственных закупок [6; 10]. Представленная модель основана на архитектуре интеллектуального управления, ключевым элементом которой является формирование интеллектуального контура предиктивного анализа и проактивного контроля. В основе модели лежит многоуровневая структура, обеспечивающая синергию данных, алгоритмическую обработку и обратную связь с надзорными органами.

Первый уровень модели формирует основу для работы ИИ – «архитектуру доверия». В отличие от существующих систем, которые лишь хранят данные, предлагается создать семантический слой, объединяющий информацию из ЕИС, реестров контрактов, баз данных ФНС, судебных реестров и данных о бенефициарных владельцах [4]. Этот шаг устраняет информационную асимметрию, предоставляя алгоритмам ИИ полный контекст о жизненном цикле каждого участника закупочного процесса. Использование онтологического инжиниринга позволяет структурировать данные, делая их понятными для машинной обработки, что превращает «сырые» сведения в аналитическую базу для принятия решений.

Второй уровень модели – «Интеллектуальный процессинг» – объединяет методы обработки естественного языка (NLP) и машинного обучения (ML). Алгоритмы NLP осуществляют автоматизированный лингвистический анализ закупочной документации на этапе формирования тендерного задания, что позволяет заблаговременно выявлять коррупциогенные факторы, такие как избыточные, персонализированные требования или противоречия в технических спецификациях, ещё до публикации тендера [8]. Таким образом, этот уровень выполняет превентивную функцию: интеллектуальный аудит документации способствует минимизации рисков и конфликтов на ранних стадиях, существенно повышая общую прозрачность системы.

Третий уровень – внедрение алгоритмов графовой аналитики для выявления аффилированности и картельных сговоров. Использование методов анализа графов позволяет системе в режиме реального времени визуализировать неявные связи между участниками закупок, их учредителями и должностными лицами заказчика. Автоматическое распознавание паттернов «круговой поруки» или систематического участия в торгах связанных компаний позволяет выявлять антиконкурентные соглашения, недоступные для ручного мониторинга [5]. Вместо реактивного реагирования на жалобы модель предлагает проактивную идентификацию аномалий, что переводит функцию контроля из режима постфактум-анализа в режим непрерывного мониторинга.

Четвёртый уровень модели – система динамического скоринга рисков. Алгоритмы машинного обучения формируют «цифровой профиль» поставщика, который включает не только финансовые показатели, но и историю исполнения контрактов, частоту участия в торгах с низкой конкуренцией и уровень ценового демпинга [6]. Использование предиктивной аналитики позволяет присваивать участникам рейтинг благонадежности, что объективирует выбор поставщика и снижает вероятность заключения контракта с недобросовестным исполнителем. Внедрение данного скоринга в деятельность Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации позволяет создать интеллектуальный контур обратной связи: система автоматически направляет в надзорный орган мотивированные сигналы о подозрительных сделках, сопровождаемые полным пакетом доказательной базы и аналитическим заключением [1; 10].

Данная концептуальная модель повышает прозрачность закупок за счёт передачи функции верификации беспристрастным алгоритмам, исключая субъективизм и человеческий фактор из ключевых точек принятия решений. В совокупности предложенная модель

обеспечивает переход системы государственных закупок от формального соответствия нормам к качественному управлению, основанному на доказательной базе и предиктивном мониторинге, что создаёт фундаментальные условия для устойчивого повышения эффективности всей системы государственных и муниципальных нужд [3; 9].

В заключение следует подчеркнуть, что технологии искусственного интеллекта призваны не просто оптимизировать существующие операционные процессы, но и инициировать парадигмальный сдвиг в системе государственных закупок. Их внедрение позволяет превратить отрасль в интеллектуальную, максимально прозрачную и высокоэффективную структуру. Стратегическое внедрение ИИ является необходимым условием для качественного совершенствования механизма управления государственными ресурсами, повышения уровня институциональной подотчётности и обеспечения соответствия национальным интересам, что способствует устойчивому развитию экономики.

Список литературы

1. Землин, А. И. К вопросу о некоторых деформациях системы предупреждения коррупции и направлениях совершенствования антикоррупционного законодательства Российской Федерации / А. И. Землин, Р. Ф. Идрисов // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века. – 2018. – № 4. – С. 32–45. – EDN YSGERN.

2. Меретукова, С. К. Единая информационная система в сфере закупок: основные функции и особенности работы / С. К. Меретукова // Научное обеспечение технического и технологического прогресса : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. – Уфа, 2018. – С. 90–93.

3. Смотрицкая, И. И. Развитие института публичных закупок (к формированию новой модели контрактной системы закупок) / И. И. Смотрицкая, С. С. Шувалов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10, № 5 (53). – С. 99–114. – URL: http://esc.vscc.ac.ru/article/2389 (дата обращения: 19.10.2026). – Текст : электронный.

4. Бондаренко, Н. Л. Правовой режим транспортных экосистем, основанных на принципах функционирования искусственного интеллекта / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич, А. И. Землин // Мир транспорта. – 2024. – Т. 22, № 1 (110). – С. 50–57. – DOI 10.30932/1992–3252–2024–22–1-7.

5. Долгов, С. Г. Развитие мер, направленных на пресечение картелей в условиях цифровизации экономики / С. Г. Долгов // Вестник Московского университета МВД России. – 2024. – № 2. – С. 37–43. – DOI 10.24412/2073–0454–2024–2-37–43. – EDN BCUPTW.

6. Сергеева, С. А. Искусственный интеллект в сфере закупок: возможности и перспективы / С. А. Сергеева // Инновации и инвестиции. – 2022. – № 12. – С. 216–219. – EDN GLSNMK.

7. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : Федеральный закон : от 05.04.2013 № 44-ФЗ.

8. Гладилина, И. П. Применение технологий искусственного интеллекта и анализа данных в сфере закупок / И. П. Гладилина, С. А. Сергеева, Н. М. Булочникова. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54513703 (дата обращения: 16.04.2026). – Текст : электронный.

9. Тачкова, И. А. Цифровые платформы в сфере закупок для обеспечения государственных нужд / И. А. Тачкова, М. В. Бацылева // Экономика. Социология. Право. – 2022. – № 1. – С. 37–43.

10. Казанцев, Д. А. Использование искусственного интеллекта для проведения конкурентных закупок: проблемы правового регулирования / Д. А. Казанцев, П. Догнал, П. Догнал-младший // Journal of Digital Technologies and Law. – 2024. – Т. 2, № 3. – С. 585–610. – DOI 10.21202/jdtl.2024.30. – EDN DLADNS.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Гомонов Николай Дмитриевич
д-р юрид. наук, профессор, профессор
ФГАОУ ВО «Мурманский арктический университет»
г. Мурманск, Мурманская область
Труш Владимир Михайлович
канд. психол. наук, психолог
ФКУ ИК-16 УФСИН России по Мурманской области
пгт Мурмаши, Мурманская область
Рашева Наталья Юрьевна
канд. юрид. наук, доцент
ФГАОУ ВО «Мурманский арктический университет»
г. Мурманск, Мурманская область

ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ПРЕДРАСПОЛОЖЕННОСТЬ К ДЕЛИНКВЕНТНОСТИ

Аннотация: *в статье авторы проводят анализ феномена генетической предрасположенности к делинквентности. Утверждается, что наиболее продуктивным является системный анализ совокупности внутренних биологических факторов и внешних средовых условий преступности. В этой сфере криминология входит в тесный контакт с наукой поведенческой генетики. Авторы констатировали необходимость дальнейшего совершенствования исследовательского криминологического аппарата, направленного на изучение интерактивности и двунаправленности связи между социальными и генетическими факторами. Междисциплинарный подход дает возможность более глубокого понимания генезиса преступности.*

Ключевые слова: *криминология, преступность, поведенческая генетика, наследуемость, социальные факторы, делинквентность, предрасположенность.*

В отечественной криминологии изучение личности преступника и генезиса преступного поведения осуществляется с использованием различных методологических подходов. Мы считаем, что наиболее продуктивным является системный анализ совокупности внутренних биологических факторов и внешних средовых условий в их сукцессивной и симультанной взаимообусловленности, влияющих на формирование криминогенной личности, обладающей потенциалом к преступной деятельности [1, с. 32–33]. В криминологической среде сегодня, практически, никто не сомневается в феномене влияния генов на поведение, в том числе, на преступное.

Так, фактор доминантности проявляется, когда аллели взаимодействуют, обусловливая схожую форму противоправного поведения, характерную для одного из родителей. В данном случае наблюдается доминантно-рецессивный вариант наследования. Об эпистазе можно говорить тогда, когда аллели в разных локусах, взаимодействуя, создают поведенческие реакции, мало схожие с родительскими. Сегодня ученые не располагают методиками, позволяющими получить точные сведения о количественных критериях неаддитивной генетической наследственности делинквентности. Однако мы абсолютно уверены в том, что наследственность проявляется в процессах детерминации сложных поведенческих реакций, включая преступное поведение [11]. Категорическое отрицание роли генетического влияния, без сомнения, приведет к неправильным трактовкам генезиса делинквентности.

Данные современной науки говорят о том, что моногенные фенотипические признаки встречаются исключительно редко. Следовательно, фенотипические признаки, как правило, формируются большей или меньшей совокупностью генов. Игнорирование явления аддитивности приводят к максимизации потенциальной роли генетических влияний и минимизации

вклада внешней среды. С другой стороны, анализ эпистатических взаимодействий на основании учета степени родства до настоящего времени не получил эффективного и достоверного методологического инструментария [4, с. 27–33].

Следует отметить, что допущение возможности применения результатов аналогичных показателей наследуемости признаков криминального поведения на других статистических выборках представляется нам не совсем корректным. Однако представленные оценки наследуемости в криминологии, к сожалению, зачастую основываются на таких данных. Это приводит к ошибкам в оценках степени наследуемости виктимизации, делинквентности, самоконтроля и других показателей [2, с. 262–272; 3, с. 58–74]. Мы считаем, что воспроизведение результатов наследуемости на других массивах данных обусловлено тем, что криминологи еще не обладают методологией, дающей возможность получения достоверных и надежных оценок.

Исследования аддитивности генетических влияний приемных детей и сравнение их со средовыми давно находятся в локусе интересов современных криминологов. Внимание концентрируется на анализе корреляции делинквентности приемных детей и их биологических родителей в сравнении с приемными родителями. Применяют несколько методов исследования генетических влияний с использованием сравнительной модели приемных и биологических родителей. Основной тезис состоит в том, что корреляции проявлений делинквентности усыновленных и их биологических родителей объясняются генетическим влиянием, а корреляции усыновленных и приемных родителей – влиянием окружающей среды.

На первый взгляд, вполне логично изложенный выше тезис, тем не менее, имеет существенный недостаток. Усыновленные дети тоже находятся под влиянием внешней среды, которое нельзя не учитывать. В этой ситуации количественно разделить генетическое и социальное воздействия не представляется возможным. Следовательно, и определение характера генетических влияний в этом случае весьма проблематично. До недавнего времени криминологи были уверены в том, что исследование усыновления безусловно подтверждает значительный генетический вклад в проявления делинквентности [6]. Однако необходимо также обращать внимание на низкую репрезентативность выборки, степень интенсивности влияния новой семьи, характер пренатальных и постнатальных влияний и т. д., наблюдаемых в ходе таких исследований, и делающих результаты неточными и сомнительными.

Поиск «подходящих» родителей для усыновления фактически исключает социально и экономически неблагополучные семьи. Установленные «фильтры» отсеивают представителей семей малообеспеченных, с низким образовательным уровнем, с посредственными жилищными условиями. Следовательно, влияние окружающей среды не отражает объективной картины реально существующего социума. Качество окружающей среды объективно завышается, что потенциально закладывает проблемы социализации усыновленного в будущем. Процесс усыновления предполагает тщательную проверку усыновителей. Усыновители выбирают из представленных кандидатов. Не все приемные семьи соглашаются на проведение социологических исследований, особенно, имеющие конфликтные отношения с усыновленными детьми. Указанные факторы обусловливают низкую достоверность результатов сравнительных исследований [7, с. 207–217].

Искажение влияние среды и наследственности наблюдается, если усыновленные дети, родители которых были минимально склонны к преступности, были помещены в семьи с такими же минимальными склонностями. В этом случае будет наблюдаться завышение генетических эффектов [5, с. 557–625]. Следовательно, вполне понятная попытка социальных служб гомогенизировать сходство биологических и приемных семей для улучшения адаптационных процессов у приемных детей, является аспектом, отрицательно влияющим на результаты исследования.

Еще одним элементом, влияющим на точность и достоверность исследований генетической предрасположенности к делинквентности являются пренатальные влияния [10, с. 172–175]. Так, дефекты акушерской помощи, хронические интоксикации, стрессы, плохое

питание и т. д. выступают существенными детерминантами, обусловливающими последующую делинквентность. Социальные факторы, связанные с преступностью, могут оказывать самостоятельное влияние на формирование поведенческих реакций несовершеннолетних. Следовательно, сходство и различия с биологическим родителями и детьми могут быть вызваны сложной совокупностью генетических и средовых факторов [8, с. 3–23]. Бедность, употребление наркотиков и никотина, интоксикации и т. д. матери как в пренатальном, так и постнатальном периодах теснейшим образом связаны с детерминацией преступного поведения у детей. Отсюда возникает более высокий риск совершения преступлений по причинам, не связанным с генетикой [9, с. 311–326].

Таким образом, в процессе исследования наследуемости поведенческих реакций, в частности, предрасположенности к делинквентному поведению, выделяют отдельные влияния – геномные и средовые эффекты. Оценка наследуемости предполагает достаточно четкое разделение генетических и социальных влияний. Не возражая в целом против такого подхода, мы обращаем внимание на комплекс сложностей, возникающих в процессе получения научной информации. Существует ряд доказательств методологических недостатков проведенных исследований наследуемости социальных стереотипов преступного поведения. Такие недостатки не позволяют получить точные результаты и установить степень релевантности социальных факторов. Следовательно, необходимо дальнейшее совершенствование исследовательского криминологического аппарата, направленного на изучение интерактивности и двунаправленности связи между социальными и генетическими факторами, обусловливающими преступное поведение. Междисциплинарный подход, использование достижений в области поведенческой генетики и нейрокриминологии дают возможность более глубокого понимания генезиса преступности.

Список литературы

1. Гомонов, Н. Д. Нейрокриминология: прогнозирование и предупреждение насильственной преступности / Н. Д. Гомонов, В. М. Труш, В. П. Тимохов // Юридическая наука. – 2021. – № 4. – С. 95–99.

2. Genetic and environmental influences underlying the relationship between low self-control and substance use / D. Boisvert, B. B. Boutwell, J. C. Barnes, J. Vaske // Journal of Criminal Justice. – 2013. – Vol. 41, No. 4. – P. 262–272.

3. Genetic and environmental overlap between delinquent peer association and delinquency in adolescence / D. Boisvert, B. B. Boutwell, J. Vaske, J. Newsome // Criminal Justice and Behavior. – 2014. – Vol. 41, No. 1. – P. 58–74.

4. Eaves, L. J. Dominance alone is not enough / L. J. Eaves // Behavior Genetics. – 1988. – Vol. 18, No. 1. – P. 27–33.

5. Joseph, J. Genetic research in psychiatry and psychology: A critical overview / J. Joseph // Handbook of developmental science, behavior, and genetics. – 2010. – P. 557–625.

6. Joseph, J. The gene illusion: Genetic research in psychiatry and psychology under the microscope / J. Joseph. – Algora Publishing, 2004.

7. Miles, D. R. Genetic and environmental architecture on human aggression / D. R. Miles, G. Carey // Journal of Personality and Social Psychology. – 1997. – Vol. 72, No. 1. – P. 207–217.

8. Top 10 replicated findings from behavioral genetics / R. Plomin, J. C. DeFries, V. S. Knopik, J. M. Neiderhiser // Perspectives on Psychological Science. – 2016. – Vol. 11, No. 1. – P. 3–23.

9. Raine, A. Biosocial studies of antisocial and violent behavior in children and adults: A review / A. Raine // Journal of Abnormal Child Psychology. – 2002. – Vol. 30, No. 4. – P. 311–326.

10. Stoolmiller, M. Implications of the restricted range of family environments for estimates of heritability and nonshared environment in behavior-genetic adoption studies / M. Stoolmiller // Psychological Bulletin. – 1999. – Vol. 125, No. 4. – P. 392–409.

11. Turkheimer, E. Individual and group differences in adoption studies of IQ / E. Turkheimer // Psychological Bulletin. – 1991. – Vol. 110, No. 3. – P. 392–405.

Грузинская Екатерина Игоревна,
канд. юрид. наук, доцент
Филиал ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» в г. Новороссийске
г. Новороссийск, Краснодарский край
Доронина Анна Сергеевна
студентка
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»
г. Ярославль, Ярославская область
Лемешкина Полина Евгеньевна
студентка,
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»
г. Ярославль, Ярославская область

К ВОПРОСУ О ПРИЕМАХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПРАВОТВОРЧЕСТВЕ

Аннотация: *в статье рассматриваются приёмы законодательной техники, используемые при подготовке законопроектов в современной России. Авторы рассматривают ключевые правотворческие приемы конструирования правовых норм: непосредственно-определенный, отсылочный, бланкетный, абстрактный, казуистический и др. На конкретных примерах из актуальной законотворческой практики показаны существующие пробелы и предлагаются меры по их устранению.*

Ключевые слова: *правотворчество, нормативный правовой акт, законодательная техника, приемы, средства, уголовное право, бланкетность, казуистика.*

Традиционно к основным приемам законодательной техники следует относить способы изложения (непосредственно-определенный, отсылочный и бланкетный) и степени обобщения конкретных показателей нормы (абстрактный и казуистический). Такая классификация охватывает ключевые аспекты законодательного конструирования и позволяет системно анализировать различные подходы к формулированию уголовно-правовых норм [1, с. 66].

Непосредственно-определенный способ изложения нормативного материала предполагает полное раскрытие всех признаков состава преступления в тексте самой уголовно-правовой нормы. Очевидно, что данный прием является самым «удобным» как для лиц, которые создают и применяют право на профессиональном уровне, так и для обычного обывателя, которому будут в целом понятны простые понятные формулировки. При этом отсутствует необходимость обращения к иным нормативным правовым актам. Действительно, преимуществом непосредственно-определенного способа является его доступность для правоприменителя и граждан, поскольку вся необходимая информация содержится в тексте закона. Однако данный способ может приводить к значительному увеличению объема уголовного кодекса, что снижает его компактность и удобство использования [2, с. 24].

Отсылочный, который применяет отсылки «внутри» нормативного акта, способ позволяет избежать повторения одинаковых формулировок в различных статьях, к примеру, уголовного закона, что способствует экономии нормативного материала и обеспечению системности уголовного законодательства. Однако чрезмерное использование отсылок может затруднять понимание закона лицами, не обладающими специальной юридической подготовкой.

Бланкетный способ предполагает отсылку к нормативным актам иной отраслевой принадлежности для уяснения содержания уголовно-правового запрета. Данный способ широко используется в преступлениях против общественной безопасности, в сфере экономической

деятельности, против экологической безопасности. Бланкетный и ссылочный приемы обычно рассматриваются как способ экономии нормативного материала [1, с. 67; 3, с. 12].

Преимуществом бланкетного способа является возможность учета специфики различных сфер регулирования без перегрузки уголовного закона техническими деталями. Однако данный способ создает зависимость уголовной ответственности от изменений в иных отраслях законодательства, что может приводить к нестабильности уголовного закона.

Абстрактный и казуистический приемы различаются тем, что абстрактный прием подразумевает обобщающую формулировку (с помощью родовых признаков), а казуистический связан с изложением норм при помощи индивидуальных (конкретных) признаков [4]. Казуистичный прием характерен для отечественного права имперского периода, когда редко использовался абстрактный прием, который был хорошо развит законодателем уже в советское время нормативного конструирования. Казуистический прием часто используется в законодательстве многих европейских стран, прежде всего, в юрисдикциях с преобладанием прецедентного формирования права.

В зависимости от того, какую степень свободы законодатель предоставляет судейскому усмотрению – применяет соответствующий прием конструирования норм. В целях исключения большей части судейского усмотрения необходимо применять казуистический прием, для большей формализации диспозиций статей.

К примеру, принято считать, что одной из ключевых проблем современного уголовного законодательства является недостаточная определенность уголовно-правовых запретов. Чрезмерное использование абстрактных формулировок приводит к тому, что правоприменитель вынужден самостоятельно интерпретировать содержание нормы, что создает риски произвольного применения уголовного закона. В то же время избыточная детализация норм посредством казуистического приема может приводить к образованию пробелов в уголовном законе, когда новые виды преступного поведения не подпадают под существующие формулировки. Баланс между определенностью и гибкостью уголовного закона представляет собой одну из наиболее сложных задач законодательной техники [5, с. 95]. Использование отсылочного и бланкетного приемов требует обеспечения системности уголовного законодательства. Ссылки на другие статьи уголовного закона или нормы иных отраслей права должны быть точными и непротиворечивыми. Однако на практике нередко встречаются ситуации, когда изменения в одном нормативном акте не сопровождаются соответствующими изменениями в связанных нормах, что создает коллизии и неопределенность

На основе проведенного анализа можно сформулировать следующую позицию. Законодательная техника в уголовном правотворчестве представляет собой не просто технический инструмент формулирования норм, а важнейший гарант соблюдения принципов уголовного права, включая принцип законности, справедливости и гуманизма. Представляется необходимым закрепить на законодательном уровне общие требования к законодательной технике в уголовном правотворчестве. Также, при конструировании составов преступлений следует руководствоваться принципом разумного сочетания абстрактного и казуистического приемов. Например, для преступлений против личности, где общественная опасность деяний относительно стабильна, предпочтительнее использование казуистического приема. В свою очередь, для преступлений в сфере экономической деятельности, где способы совершения деяний постоянно эволюционируют, более оправдано использование абстрактного приема с возможностью конкретизации в правоприменительной практике. Использование бланкетного приема должно быть ограничено случаями, когда это объективно необходимо в силу специфики регулируемых общественных отношений. При этом следует обеспечивать стабильность нормативных актов, к которым содержится отсылка, или предусматривать механизмы автоматического обновления уголовно-правовых норм при изменении связанных актов.

Список литературы

1. Соловьев, О. Г. Место и значение приемов законодательной техники в процессе конструирования норм уголовного законодательства / О. Г. Соловьев // Юридическая наука. – 2015. – № 3. – С. 65–68.

2. Рожнов, М. А. О правилах юридической техники как инструменте построения российского уголовного закона: историко-правовой анализ / М. А. Рожнов // Юриспруденция, правосудие и государство: актуальные вопросы теории и практики. Сборник статей XI Международной научно-практической конференции. – Пенза. – 2026. – С. 23–25.

3. Бражник, С. Д. Лингвистические (языковые) правила в законодательной технике / С. Д. Бражник, Н. Н. Касаткина // Юридическая наука. – 2014. – № 3. – С. 10–12.

4. Князьков, А. А. О приемах законодательной техники в уголовном праве / А. А. Князьков // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2015. – № 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-priemah-zakonodatelnoy-tehniki-v-ugolovnom-prave (дата обращения: 22.10.2026). – Текст : электронный.

5. Денисова, А. В. О приемах законодательной техники, используемых в Особенной части уголовного кодекса Российской Федерации / А. В. Денисова // Общество и право. – 2010. – № 2 (29). – С. 94–99.

Доронин Александр Александрович
следователь-криминалист
Отдел криминалистического сопровождения следствия
управления криминалистики ГСУ СК России по г. Москве
магистрант
Московская академия Следственного комитета им. А.Я. Сухарева
г. Москва

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 207.3 УК РФ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация: *в статье рассмотрены основные элементы криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных ст. 207.3 УК РФ, совершенных с использованием информационных технологий, а также дана их краткая характеристика.*

Ключевые слова: *заведомо ложная информация, криминалистическая характеристика преступлений, обстановка совершения преступления, способ совершения преступления, личность преступника, следы преступления, цифровизация, информационно-телекоммуникационные сети.*

Криминалистическая характеристика преступления является важным элементом криминалистической методики, занимая особое место в теоретической базе криминалистики, состоящей разнообразных конструкций и концепций, основанных на анализе и научном обобщении эмпирических материалов.

Развитием теории криминалистической характеристики на протяжении существования Российской юридической науки занимались такие ученые, как А.Н. Колесниченко [1, с. 14], Л.А. Сергеев [2, с. 437], С.П. Митричев [3, с. 27], В.К. Гавло [4, с. 120–122], А.М. Абрамов, при этом последним указано, что «конкретное преступление всегда единично, неповторимо во всех своих признаках и их сочетаниях. Охарактеризовать его во всей необходимой полноте можно лишь в результате раскрытия и расследования. Но такая характеристика лишена своего поискового значения, ради которого и формируется криминалистическая характеристика. Она нужна именно для установления истины, а не для описания этой истины, уже установленной» [5, с. 113].

При построении криминалистической характеристики любого уровня необходимо следовать нескольким этапам, что обусловлено методологическими требованиями. В частности, А.А. Бессоновым [6, с. 3–7] выделяются следующие этапы в формировании криминалистической характеристики.

1. Подготовительный этап – включает в себя как изучение теоретического материала, в том числе результаты ранее проведенных исследований, так и изучение эмпирического материала.

2. Этап изучения эмпирического материала – в ходе него определяется ориентировочная структура типовой характеристики.

3. Обработка полученных данных – включает в себя как систематизацию, так и описание всех криминалистически значимых признаков с использованием специальных методов.

4. Четвертый этап – само формирование криминалистической характеристики на основе полученной ранее, систематизированной и проанализированной информации.

5. Пятый этап – определяется А.А. Бессоновым как этап апробации результатов и их адаптации.

6. Шестой этап – начинается с момента использования полученной криминалистической характеристики на практике.

7. Седьмой этап – включает в себя мониторинг результатов, позволяющих оценить эффективность предложенной криминалистической характеристики.

Преступление, предусмотренное ст. 207.3 УК РФ, было введено законодателем 04.03.2022, а согласно официальной судебной статистике, за период с 2022 по 2025 год Федеральными судами общей юрисдикции был вынесен обвинительный приговор по ч. 1–3 ст. 207.3 УК РФ в отношении 245 лиц, что позволяет сделать вывод о том, что указанный временной промежуток и количество осужденных лиц позволяют сделать вывод о том, что в судах сформировались определенные эмпирическая база и практика, анализ которых позволит выявить значимые аспекты криминалистической характеристики рассматриваемого вида преступления.

На основании проведенного анализа научных источников можно утверждать, что структуру криминалистической характеристики данного преступления образует определенная совокупность таких типичных сведений, таких как:

а) обстановка совершения преступления;

б) способ совершения преступления;

в) личность преступника;

г) типичные материальные, идеальные и цифровые следы преступления.

В контексте рассмотрения преступлений, предусмотренных ст. 207.3 УК РФ, в том числе совершенных с использованием информационных технологий, важно отметить, что данная норма права возникла в Российском законодательстве лишь при ответной реакции недружественных стран на действия ВС РФ по проведению специальной военной операции, заключающейся в объявлении в отношении России так называемой «информационной войны», главной мишенью которой были избраны ВС РФ, государственные органы РФ, осуществляющие свои полномочия за ее пределами. То есть, в контексте обстановки совершения преступления местом совершением последнего будут являться не только место, в котором находилось лицо, которое публично распространило заведомо ложную информацию о действиях ВС РФ, информационное пространство в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», где была размещена информация указанного рода, но и территория Российской Федерации, находящаяся в состоянии проведения специальной военной операции.

Указанная аналогия применима и касаемо времени преступления. Состав преступления, предусмотренного ст. 207.3 УК РФ, является формальным и считается оконченным с момента размещения (публикации) заведомо ложной информации, то есть, временем совершения преступления будет является время размещения публичного информационного сообщения («поста»), либо время публичного выступления. Вместе с тем, время размещения указанной информации неразрывно связано с временем осуществления правомочных действий субъектами, чьи интересы защищает ст. 207.3 УК РФ.

Рассматривая аспект способа совершения преступления, можно высказаться, что он предполагает существование нескольких этапов (подготовку, совершение преступления, а также

сокрытие следов преступления) деятельности преступника, а также в его внутреннюю структуру на каждом этапе входит ряд криминалистически-значимых характеристик, имеющих непосредственное значение для раскрытия преступления.

Рассматривая критерии определения криминалистической характеристики личности преступника следует отметить, что подлежат рассмотрению и как общие свойства личности, так и ее индивидуальные особенности. Анализируя криминалистическую характеристику личности преступника, совершающего преступления, предусмотренных ст. 207.3 УК РФ, представляется логичным рассмотреть его общие свойства личности (биологические, социальные, психические свойства, отражающиеся в материальных, идеальных и цифровых следах), а также отдельно проанализировать его индивидуальные особенности.

Рассматривая общие свойства личности преступника, представляется логичным рассмотреть такие аспекты как:

– объективные свойства личности (пол, возраст, гражданство);

– социальные характеристики личности (трудовая деятельность, наличие должностного положения, политическая позиция);

– мотивы совершения преступлений, предусмотренных ст. 207.3 УК РФ, преследуемые личностью преступника.

Все свойства личности находятся во взаимосвязи, например, возраст обуславливает наличие или отсутствие определенного уровня образования, правовой грамотности, гражданской и политической позиции, наличие семьи или иждивенцев, что в свою очередь сказывается на мотивах и целях совершения преступления. Стоит отметить, что все перечисленные характеристики личности преступника находятся в тесной взаимосвязи между собой, а также иными элементами криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных ст. 207.3 УК РФ.

Изучение криминалистической характеристики механизма следообразования позволяет прийти к выводу, что к такого рода характеристике прежде всего, относят материальные следы, которые могли остаться от совершенного преступления в месте совершения преступления: следы рук и биологических веществ преступника на предметах окружающей обстановки и орудиях совершения преступления, в том числе технических устройствах. Помимо материальных следов преступления могут наличествовать также нематериальные следы преступления, которые, например, отразились в сознании очевидцев совершенного преступления об его обстоятельствах, месте, времени, преступнике и т. д.

При совершении преступлений с использованием информационных технологий, в том числе и предусмотренных ст. 207.3 УК РФ, остаются особенные по своей структуре следы в электронных носителях информации, к которым применимо понятие «цифровой след» либо «электронно-цифровой след». При этом понимание механизма образования электронно-цифровых следов является одним из важнейших теоретических вопросов, который позволит сформировать оптимальные тактические рекомендации по работе с ними.

Подводя итог, можно сделать вывод, что рассмотренные в настоящей статье основные элементы криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных ст. 207.3 УК РФ, совершенных с использованием информационных технологий, находятся в тесной взаимосвязи между собой и образуют полноценную комплексную систему.

Список литературы

1. Колесниченко, А. Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений : автореф. дис. … д-ра юрид. наук / А. Н. Колесниченко. – Харьков, 1967. – С. 14.

2. Сергеев, Л. А. Сущность и значение криминалистической характеристики преступлений / Л. А. Сергеев // Руководство для следователей. – Москва, 1971. – С. 437.

3. Митричев, С. П. Методика расследования отдельных видов преступлений / С. П. Митричев // Криминалистика и судебная экспертиза : Республиканский междуведомственный сборник научных и научно-методических работ. – Киев, 1973. – С. 27.

4. Гавло, В. К. К вопросу о криминалистической характеристике преступлений / В. К. Гавло // Вопросы повышения эффективности борьбы с преступностью. – Томск : ТГУ, 1980. – С. 120–122.

5. Абрамов, А. М. Теоретические и прикладные проблемы оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования мошенничества : дис. … д-ра юрид. наук / А. М. Абрамов. – Москва, 2002. – С. 113.

6. Бессонов, А. А. Технология построения типовой криминалистической характеристики преступлений / А. А. Бессонов // Российский следователь. – 2018. – № 7. – С. 3–7.

Иванова Инна Владимировна
магистрант
Научный руководитель
Насреддинова Кристина Александровна
канд. юрид. наук, доцент
ФКОУ ВО «Самарский юридический институт ФСИН России»
г. Самара, Самарская область

ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ: КРАТНЫЙ ШТРАФ, ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ НАКАЗАНИЯ И ИСПОЛНИМОСТЬ ПРИГОВОРА

Аннотация: *в статье рассматриваются особенности назначения наказания за взяточничество, предопределенные имущественной конструкцией санкций ст. 290 УК РФ: кратный штраф исчисляется от суммы взятки, а не от вреда, а выбор основного наказания решает судьбу дополнительного. На материале обобщения отказов в наложении ареста обосновывается вывод: имущественная часть наказания предопределяется не приговором, а полнотой обеспечительной работы на стадии расследовании.*

Ключевые слова: *взяточничество, получение взятки, назначение наказания, кратный штраф, лишение права занимать должности, конфискация имущества, арест имущества, исполнимость приговора.*

Назначая наказание за взяточничество, суд одновременно определяет денежное обязательство, размер которого исчисляется не от вреда и не от дохода виновного, а от суммы взятки. Применяются эти нормы широко: за первое полугодие 2025 г. по ст. 290 УК РФ осуждено 2604 лица, по ст. 291.2 УК РФ – 2014 [1]. Между тем особенности назначения наказания здесь обсуждаются преимущественно в части размера кратного штрафа, тогда как лежат они в разных плоскостях – от конструкции санкции до исполнения приговора.

Первая особенность очевидна – это кратность. Все шесть частей ст. 290 УК РФ предусматривают штраф, исчисляемый в величине, кратной сумме взятки: от десятикратной до пятидесятикратной по ч. 1 и от восьмидесятикратной до стократной по ч. 6; ч. 2 ст. 46 УК РФ ограничивает его и снизу – двадцатью пятью тысячами рублей, и сверху – пятьюстами миллионами. Отсюда следствие, общеуголовным составам неизвестное: базой исчисления наказания служит обстоятельство, которое само является предметом доказывания. Сумма взятки задает квалификацию, отделяет содеянное от мелкого взяточничества и определяет пределы штрафа. Погрешность в ее установлении переносится в наказание умноженной на коэффициент кратности: при взятке в 200 тыс. руб. деяние образует крупный размер, штраф составит от 14 до 18 млн руб., и уточнение предмета всего на 50 тыс. руб. сдвигает эти пределы почти на 4 млн.

Вторая особенность видна прямо из текста санкций, но отмечается редко. Кратный штраф, назначенный по ст. 290 УК РФ как основное наказание, сопровождается лишением права занимать определенные должности без оговорки «или без такового» – дополнительное наказание здесь обязательно. При лишении свободы картина обратная: ч. 1 ст. 290 УК РФ такого наказания не содержит вовсе, а в ч.ч. 2 – 6 оно факультативно. Выходит, что более мягкий вариант основного наказания влечет обязательное правоограничение, а более строгий – нет. Молчанием санкции суд, впрочем, не связан: при условиях ч. 3 ст. 47 УК РФ лишение права

назначается и тогда, когда статья его не предусматривает, и Пленум Верховного Суда РФ требует такую возможность обсуждать (п. 36.2 постановления от 09.07.2013 №24 в ред. от 09.12.2025). По ч.ч. 3 – 6 ст. 290 УК РФ возможно и лишение звания, классного чина и наград (ст. 48 УК РФ).

Третья особенность – обязанность оценивать исполнимость наказания уже при его назначении. Обсуждая штраф, суду, как указал Пленум, «необходимо обсуждать возможность его исполнения», выясняя имущественное положение осужденного и его семьи, наличие работы, дохода, имущества и иждивенцев (п. 36.1 того же постановления); ч. 3 ст. 46 УК РФ позволяет рассрочить выплату на срок до пяти лет. Однако по общему правилу штраф уплачивается в течение 60 дней со дня вступления приговора в законную силу (ч. 1 ст. 31 УИК РФ), и несоразмерность этого срока суммам, исчисленным кратно, обоснованно связывается с низким уровнем фактического исполнения [2, с. 218]. Существеннее другое: ч. 5 ст. 46 УК РФ построена асимметрично – обычный штраф при злостном уклонении заменяется любым наказанием, кроме лишения свободы, а кратный заменяется наказанием в пределах санкции статьи, причем «назначенное наказание не может быть условным». Кратный штраф несет в себе отложенную альтернативу реального лишения свободы, и назначение его без проверки платежеспособности оборачивается не снисхождением, а отсрочкой более строгой меры.

Четвертая особенность в том, что имущественное обременение приговором не исчерпывается. Получение взятки названо в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, и полученное конфискуется независимо от штрафа; ст. 291 и 291.2 УК РФ в перечне не упомянуты, но судьба переданных ценностей разрешена разъяснением – они обращаются в собственность государства и взяткодателю не возвращаются, даже если он освобожден от ответственности (п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2018 №17). Когда изъять предмет невозможно, конфискуется денежная сумма, соответствующая его стоимости (ст. 104.2 УК РФ), а стоимость подтверждается доказательствами, при сомнениях – заключением специалиста или эксперта (п. 9 того же постановления). Обременение по делу о взятке в 200 тыс. руб. составит, следовательно, 14 – 18 млн руб. штрафа и 200 тыс. руб. конфискации, тогда как вреда конкретному лицу не причинено и гражданский иск обычно не заявляется.

Все четыре особенности сходятся в одной точке: имущественная часть наказания реальна ровно настолько, насколько к моменту приговора есть имущество, на которое может быть обращено взыскание, а решается это на расследовании – наложением ареста (ст. 115 УПК РФ). Обобщение отказов в удовлетворении таких ходатайств по итогам 2023 г. в одном из регионов Приволжского федерального округа показало, что ни одно основание отказа не связано с оценкой содеянного: суды отказывали потому, что по представленному материалу проверить наличие оснований ареста было невозможно.

Наиболее многочисленны отказы по недоказанности принадлежности имущества: ходатайства заявлялись без правоустанавливающих документов, а в одном случае выписка из ЕГРН имела годичную давность и актуальной судом не признана. Та же ошибка в ином виде – арест предметов, изъятых при обыске: протокол подтверждает обнаружение вещи, но не принадлежность ее подозреваемому, тогда как принадлежность образует условие применения ч. 1 ст. 115 УПК РФ, а по имуществу третьих лиц – предмет отдельного доказывания (ч. 3 ст. 115 УПК РФ). Вторую группу образует отсутствие сведений о стоимости: требование соразмерности в ст. 115 УПК РФ не закреплено, но выводится из ч. 3 ст. 55 Конституции РФ и поддерживается практикой [3], единого же источника сведений нет, а значение используемых документов неодинаково – договор и кассовый чек являются иными документами (ст. 84 УПК РФ), цена предложения с сайта объявлений доказательством не является. Участие специалиста ч. 5 ст. 115 УПК РФ допускает, но практически оно не используется, хотя применять на стадии обеспечения стандарт ниже конфискационного оснований нет. Третья группа дефектов организационная: не приложены постановления о принятии дела к производству заявившим ходатайство следователем, о продлении срока следствия, о возбуждении и соединении дел, – а восполнить пробел в заседании нельзя, оно длится не более 24 часов

(ч. 2 ст. 165 УПК РФ). Четвертая группа видна по материалам самих дел: протокол наложения ареста вопреки ч. 8 ст. 115 УПК РФ не составляется, из-за чего лицо лишается возможности обжаловать решение, а при прекращении дела вопрос об отмене ареста не разрешается, хотя п. 8 ч. 2 ст. 213 УПК РФ относит его к обязательному содержанию постановления [4, с. 230].

Приговором проблема не завершается. Постановлением от 17.12.2025 №46-П Конституционный Суд РФ признал не соответствующими Конституции РФ ряд норм законодательства о банкротстве и об исполнительном производстве, ст. 115 и 115.1 УПК РФ, ч. 1 и 2 ст. 31 УИК РФ в той мере, в какой они не обеспечивают определенности в очередности взыскания штрафа, назначенного гражданину-банкроту дополнительным наказанием; впредь до изменений такой штраф взыскивается в третью очередь [5]. Кратный штраф при лишении свободы, следовательно, конкурирует с требованиями иных кредиторов.

Отсюда несколько следствий. Описательно-мотивировочная часть приговора по делу о взяточничестве должна содержать не ссылку на кратность, а расчет: установленную сумму взятки, часть ст. 290 УК РФ, границы кратного штрафа по санкции, размер дополнительного штрафа и сумму конфискации. Тот же расчет уместен в ходатайстве об аресте, где предел обеспечения разумнее определять по нижней границе кратности: обременение остается соразмерным, а приговор исполнимым при любом варианте назначения наказания. Стандарт доказывания стоимости должен быть единым на всех стадиях. Минимальный перечень прилагаемых к ходатайству материалов стоит закрепить в законе: сейчас комплектность определяется ведомственными рекомендациями, для суда нормативного значения не имеющими и различающимися от региона к региону, тогда как ее несоблюдение стоит следствию отказа.

Строгость санкции сама по себе не предопределяет ничего. Назначение наказания за взяточничество лишь завершает работу, выполненную задолго до приговора, и там, где она не выполнена, кратный штраф и конфискация остаются записью в резолютивной части.

Список литературы

1. Судебная статистика: в России чаще всего осуждают за взятки // Коммерсантъ. 21.10.2025. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8139111 (дата обращения: 08.10.2026). – Текст : электронный.

2. Крошкин, А. В. О проблемах исполнения «кратного» штрафа / А. В. Крошкин, А. А. Горшенин // Молодой ученый. – 2018. – № 16 (202). – С. 216–218.

3. Обзор практики рассмотрения судами ходатайств о наложении ареста на имущество по основаниям, предусмотренным частью 1 статьи 115 УПК РФ: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.03.2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Булатов, Б. Б. Основания отмены ареста, наложенного на имущество в досудебном производстве по уголовным делам / Б. Б. Булатов, А. С. Дежнев // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 460. – С. 228–233.

5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации : от 17.12.2025 №46-П // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202512180001 (дата обращения: 08.10.2026). – Текст : электронный.

Иванова Инна Владимировна
магистрант
Научный руководитель
Насреддинова Кристина Александровна
канд. юрид. наук, доцент

ФКОУ ВО «Самарский юридический институт ФСИН России»
г. Самара, Самарская область

ЦИФРОВАЯ ВАЛЮТА КАК ПРЕДМЕТ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА: КВАЛИФИКАЦИЯ, РАЗМЕР ВЗЯТКИ И МОМЕНТ ОКОНЧАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация: *в статье исследуется положение цифровой валюты в системе предметов взяточничества после признания ее имуществом примечанием 2 к ст. 104.1 УК РФ и вступления в силу Федерального закона от 04.08.2026 №282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах». Показано, что предмет преступления законодателем определен, однако правила определения размера взятки и особенности момента ее получения остались вне регулирования, тогда как от них зависят квалификация, кратный штраф и конфискация. Предлагаются правило определения размера и критерий момента окончания преступления.*

Ключевые слова: *взяточничество, цифровая валюта, криптовалюта, предмет взятки, размер взятки, кратный штраф, конфискация, момент окончания преступления, арест имущества.*

Ответственность за взяточничество построена на имущественной природе предмета: по ст. 290 УК РФ им признаются деньги, ценные бумаги, иное имущество, а равно незаконные оказание услуг имущественного характера и предоставление имущественных прав. Отнесение к этому ряду цифровой валюты оставалось предметом спора до тех пор, пока Федеральным законом от 20.02.2026 №38-ФЗ примечание к ст. 104.1 УК РФ не было дополнено п. 2: для целей этой статьи и других статей УК РФ цифровая валюта признается имуществом. Определение сквозное, а потому цифровая валюта стала «иным имуществом» в смысле ст. 290 УК РФ без изменения самой этой статьи. С 01.09.2026 тот же вывод следует и из отраслевого закона: цифровые валюты определены в нем как имущество, представленное совокупностью электронных данных и не являющееся денежной единицей.

Спор о предмете, таким образом, закрыт, но закрыт только на входе: признав цифровую валюту имуществом, законодатель не установил ни правил определения ее стоимости, ни особенностей момента получения, – между тем в составе взяточничества и то и другое несущие конструкции. Для целей противодействия коррупции цифровая валюта учитывалась и раньше: с 2021 года лица, замещающие государственные должности, обязаны о ней сообщать.

Место цифровой валюты среди предметов взятки определяется от противного. Деньгами она не является в силу прямого указания закона и, следовательно, охватывается понятием иного имущества. От нее следует отличать цифровые права и цифровые финансовые активы, удостоверяющие требования к обязанному лицу и потому образующие предоставление имущественных прав, а равно майнинг в пользу должностного лица и оплату аренды вычислительных мощностей – незаконное оказание услуг имущественного характера. Запрет принимать цифровые валюты в качестве средства платежа или встречного предоставления квалификации не препятствует: уголовный закон не обусловливает признание предмета взятки допустимостью его оборота.

Размер взятки выступает одновременно в трех качествах. Это квалифицирующий признак: значительным признается размер свыше 25 тыс. руб., крупным – свыше 150 тыс. руб., особо крупным – свыше 1 млн руб., а граница с мелким взяточничеством проходит по 10 тыс.

руб. Это база исчисления кратного штрафа, который по ч. 6 ст. 290 УК РФ достигает стократной суммы взятки при пределе 500 млн руб. Наконец, это мерило конфискации: при невозможности изъять предмет конфискуется денежная сумма, соответствующая его стоимости.

Между тем официальный курс цифровой валюты в Российской Федерации не устанавливается. Не восполнили пробел и новые процессуальные правила: Правила хранения, перевода и учета цифровой валюты при осуществлении уголовного судопроизводства, утвержденные постановлением Правительства РФ от 30.06.2026 №808, предписывают отражать наименование, вид и количество (объем) валюты, но о стоимости не упоминают вовсе. Рублевую величину определяет, следовательно, правоприменитель – без нормативного ориентира.

Практика такой пересчет производит давно, и последствия его весомы. По делу бывшего начальника отдела по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств МВД по Республике Хакасия суд в сентябре 2020 года исходил из того, что полученная криптовалюта эквивалентна 52 тыс. руб., и назначил по ч. 3 ст. 290 УК РФ штраф в размере 156 тыс. руб., то есть трехкратной суммы взятки [1]. Приговором Балашихинского городского суда Московской области от 08.10.2024 бывший руководитель следственного отдела осужден к 16 годам лишения свободы со штрафом 500 млн руб.; вмененные ему 2718 биткойнов оценены в 7,3 млрд руб. [2]. Показательно продолжение: 14.01.2025 Московский областной суд, оставив срок без изменения, снизил сумму взыскания с 7 до 4,5 млрд руб. [3], а обращение криптовалюты в доход государства началось лишь в январе 2025 г. [4]. Рублевая величина имущества, выраженного в цифровой валюте, непостоянна: она меняется между принятием взятки, приговором и исполнением.

Закон не отвечает ни на вопрос о моменте, на который определяется стоимость, ни о надлежащем источнике сведений о ней, ни о том, как поступать, когда колебание курса в пределах суток переводит содеянное из одной части ст. 290 УК РФ в другую либо вовсе из ст. 290 в ст. 291.2 УК РФ. Представляется, что стоимость подлежит определению на момент окончания преступления, то есть принятия взятки должностным лицом: им определяется объем полученного, тогда как последующее изменение курса относится к судьбе имущества, а не к содеянному; при получении взятки частями каждая часть оценивается на дату ее принятия. Источник сведений впервые получил легальную основу: Федеральный закон №282-ФЗ вводит поднадзорных Банку России организаторов торговли и организации, осуществляющие обмен цифровых валют, – их данные и должны признаваться приоритетным источником котировки, подтверждаемой заключением специалиста или эксперта. При неустранимых сомнениях размер надлежит определять по наименьшему из подтвержденных значений.

Второй вопрос – момент окончания преступления. Согласно п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 №24 (ред. от 09.12.2025) получение и дача взятки окончены с момента принятия должностным лицом хотя бы части передаваемых ценностей, в том числе с момента зачисления с его согласия на указанный им счет или «электронный кошелек». Последнее указание относится к электронному средству платежа в смысле законодательства о национальной платежной системе и на адрес-идентификатор в информационной системе автоматически не распространяется: лица, обязанного перед обладателем цифровой валюты, здесь нет вовсе. Разъяснений именно о цифровой валюте Пленум не давал, хотя в смежном составе к ней уже обращался, указав, что предметом легализации могут быть денежные средства, преобразованные из виртуальных активов (криптовалюты).

Практически значимы три ситуации. Перевод на адрес-идентификатор, ключ от которого находится у должностного лица, следует признавать оконченным получением с момента подтверждения записи в информационной системе: с этого момента возникает возможность распоряжения. Передача материального носителя либо мнемонической фразы такой определенности не дает – ключ может быть скопирован, и взяткодатель фактического контроля не утрачивает; до утраты им контроля содеянное точнее оценивать как покушение. Смарт-контракт с отложенным исполнением оставляет деяние на стадии покушения или приготовления до

наступления предусмотренного им условия. Общий критерий, который стоило бы закрепить разъяснением, – фактическая возможность распоряжаться полученным, а не запись в реестре сама по себе.

Обеспечительный контур, в отличие от материального, сформирован. Изъятие цифровой валюты производится с обязательным участием специалиста; материальный носитель изымается и хранится опечатанным; при технической возможности валюта переводится на адрес-идентификатор; в протоколе указываются вид, количество и адреса-идентификаторы. При наложении ареста применяются ч. 7.1 и 7.2 ст. 115 УПК РФ, причем лицо, оказывающее услуги, обеспечивающие переход цифровой валюты от одного обладателя к другому, обязано предоставить сведения о ней по запросу суда, следователя с согласия руководителя следственного органа или дознавателя с согласия прокурора.

Из этого следуют рекомендации по тактике расследования. Оперативный эксперимент с помеченными денежными средствами при расчете в цифровой валюте невозможен, доказывание смещается к цифровым следам и к изъятию носителя, а значение специалиста возрастает, как и цена промедления: до перевода на контролируемый адрес арестованная валюта остается во власти держателя ключа. В литературе на сопутствующие сложности указывалось и ранее – в частности, на то, что доступ к кошельку нередко обеспечивается через адрес электронной почты или код из сообщения, что затрудняет установление личности получателя [5, с. 102]; предлагалось прямо признать криптовалюту предметом дачи и получения взятки, посредничества и коммерческого подкупа [6, с. 45]; ставился и вопрос о соразмерности стоимостных порогов для цифрового имущества [7].

Состояние регулирования, таким образом, асимметрично: материальный закон предмет признал, процессуальный закон механизм изъятия, ареста и хранения предоставил, а правила измерения предмета не сформулированы ни законом, ни разъяснением высшей судебной инстанции, отчего одно и то же количество цифровой валюты в зависимости от выбранных даты и площадки способно образовать и значительный, и крупный размер. Целесообразны три меры. Первая – дополнить примечание 1 к ст. 290 УК РФ правилом о том, что размер взятки, полученной в цифровой валюте, определяется в рублях на момент ее принятия по данным организаций, осуществляющих обмен цифровых валют, сведения о которых включены в реестр Банка России. Вторая – дополнить п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ №24 указанием на перевод цифровой валюты на адрес-идентификатор и на критерий фактической возможности распоряжаться ею. Третья, до внесения этих изменений, – указывать источник и время котировки в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и в приговоре, а неустранимые сомнения разрешать в пользу обвиняемого. В составе, где размер определяет и часть статьи, и величину штрафа, и объем конфискации, признание предмета без правил его измерения оставляет квалификацию на усмотрение, что недопустимо.

Список литературы

1. В Хакасии бывший начальник отдела по борьбе с оборотом наркотиков осужден за взятку // Коммерсантъ. – 2020. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/4501519 (дата обращения: 12.09.2026). – Текст : электронный.

2. Приговор Балашихинского городского суда Московской области от 08.10.2024 по делу Ляховенко К.В., Тамбиева М.Х. – URL: https://balashihinsky.mo.sudrf.ru/ (дата обращения: 14.09.2026). – Текст : электронный.

3. Апелляционное определение Московского областного суда от 14.01.2025 по делу Ляховенко К.В., Тамбиева М.Х. – URL: https://oblsud.mo.sudrf.ru/ (дата обращения: 14.09.2026). – Текст : электронный.

4. У экс-следователя Марата Тамбиева начали изымать биткойны // Ведомости. – 2025. – URL: https://www.vedomosti.ru/society/news/2025/01/09/1085178-u-eks-sledovatelya-tambieva-nachali-izimat-bitkoini (дата обращения: 12.09.2026). – Текст : электронный.

5. Христинина, Е. В. Криптовалюта как предмет взяточничества в сфере высшего образования / Е. В. Христинина // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2025. – № 1 (58). – С. 98–103.

6. Васильева, Я. Ю. Криптовалюта как предмет легализации преступных доходов / Я. Ю. Васильева, Д. А. Чугун // Искусство правоведения. – 2022. – № 1 (1). – С. 39–45.
7. Перов, В. А. Квалификация преступлений, совершаемых с использованием криптовалюты : дис. … канд. юрид. наук / В. А. Перов. – Москва, 2023. – 261 с.

Марков Даниил Александрович
студент
Научный руководитель
Корнакова Светлана Викторовна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»
г. Иркутск, Иркутская область

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ТАЙНЫ УСЫНОВЛЕНИЯ (УДОЧЕРЕНИЯ)

Аннотация: *в статье исследуется общественная опасность разглашения тайны усыновления (удочерения) как обязательный признак преступления, предусмотренного ст. 155 УК РФ. Автор анализирует характер ущерба, который носит преимущественно моральный характер, а также рассматривает дискуссионные вопросы квалификации деяния и объема сведений, составляющих тайну усыновления. Обосновывается необходимость обращения к нормам Семейного кодекса РФ для определения круга охраняемых сведений в условиях бланкетности уголовно-правовой нормы.*

Ключевые слова: *тайна усыновления, общественная опасность, разглашение, квалификация преступления, семейное законодательство.*

Характеристика любого общества как общности отдельных индивидов, предполагает его характеристику в качестве совокупности неразрывных связей, которые возникают между отдельными членами общества и отдельными социальными группами, связанными между собой взаимными интересами. Поведение членов общества предполагает следование определенным правилам, установленным в обществе, и нарушение данных правил ведет к нарушению таких связей причиняет ущерб не только самим членам общества, но и непосредственно общественным отношениям.

Общественная опасность как правовая категория для признания деяния преступным является неотъемлемой, но вместе с тем, в законодательстве отсутствует нормативное определение общественной опасности, оно разрабатывается доктриной уголовного права. При этом распространенной точкой зрения является определение общественной опасности как степени выражения важности тех общественных ценностей, на которые направлена уголовно-правовая защита [5, с. 378].

Общественная опасность разглашения тайны усыновления (удочерения) заключается в посягательстве на семейную тайну в виде факта усыновления, последствия совершения данного преступного деяния могут заключаться в причинении усыновленному морального вреда, выраженного в психической травме, вызванной осознанием, что родители, которые его воспитывали не являются его настоящими родителями, что в свою очередь может привести к таким последствиям как утрата родственной связи с усыновителями, возникновению конфликта, что неизменно отразится на воспитании и формировании личности [6, с. 819]. Крайним проявлением общественной опасности разглашения тайны усыновления (удочерения) будет являться доведение до самоубийства усыновленного или усыновителя. Иными словами, характер ущерба в данном случае носит преимущественно моральный характер.

Ряд исследователей под разглашением понимает сообщение кому-либо не только о самом факте усыновления (удочерения), но и о тех сведениях и мерах, которые были предприняты в связи с актом усыновления, а именно, изменении личных данных ребенка и иных

сведений [1, с. 52]. Объем сведений, который может быть разглашен в случае совершения преступления, предусмотренного ст. 155 УК РФ, законодатель не указывает. Данная статья фактически имеет строение бланкетной, и, хотя в ней отсутствует прямая ссылка на ст. 139 СК РФ, и иные статьи семейного законодательства, в которых содержатся нормы, позволяющие определить характер и объем сведений, составляющих тайну усыновления (удочерения), фактически, для оценки объективной стороны и ее квалификации необходимо обращаться к нормам СК РФ.

Системный анализ норм семейного законодательства позволяет говорить о том, что к тайне усыновления (удочерения) будут относиться сведения, которые содержаться не только в решении суда, но и документы, направленные на подготовку к усыновлению [1, с. 52]. На наш взгляд, данные сведения будут входить в состав тайны об усыновлении (удочерении) только в том случае, если факт усыновления состоится, если решение суда об усыновлении не будет принято по тем или иным причинам, усыновитель и усыновленный не приобретут соответствующего статуса, тогда как законодатель в ст. 139 СК РФ и ст. 155 УК РФ четко говорит о статусе субъектов данных правоотношений – ими могут быть исключительно усыновленный и усыновители.

В науке существует дискуссия о том, можно ли квалифицировать по ст. 155 УК РФ действия лица, если оно разгласило тайну усыновления (удочерения) и только один из супругов, являющихся усыновителями, не выразил согласия или одобрения на разглашение данных сведений, тогда как второй супруг одобрил разглашение данной информации. Относительно данного спора существует две позиции. Первая – предполагает, что в таком случае действия лица невозможно квалифицировать по ст. 155 УК РФ, так как одобрение второго супруга было получено. Вторая – предполагает возможность привлечения лица к уголовной ответственности по ст. 155 УК РФ, так как одобрение должны были высказать оба супруга [4, с. 99].

Полагаем, что в случае разглашения тайны усыновления (удочерения) одобрение одного усыновителя не должно являться обстоятельством, оправдывающим сам факт разглашения, по нескольким причинам. В качестве первой причины следует высказать убежденность в том, что, если бы усыновители не желали сохранять данный факт в тайне, они бы вели соответствующий образ жизни и не скрывали бы данную информацию. В качестве второй причины следует указать на то, что законодатель в принципе не указывает форму одобрения, которую лицо должно было получить от усыновителя (усыновителей). В качестве третьей причины – на то, что невозможно оправдать факт разглашения, совершенный из низменных или корыстных побуждений, получением одобрения от усыновителей, так как указанные законодателем мотивы противоречат конструкции получения одобрения от усыновителей [7, с. 140]. Соответственно, если тайна усыновления (удочерения) разглашается вопреки воле хотя бы одного из усыновителей, лицо должно быть привлечено к уголовной ответственности. Законодатель не придает квалифицирующего значения непосредственно способу разглашения тайны усыновления (удочерения), разглашение может быть совершено как в устном, так и в письменном виде, в том числе путем размещения в телекоммуникационной сети Интернет, публикации в социальных сетях, любых других информационных ресурсах сети Интернет, средствах массовой информации, публичное заявление и т. д.

Следует обратить внимание, что законодатель не выделяет квалифицирующие признаки разглашения тайны усыновления (удочерения), в том числе и по способу распространения информации, но на наш взгляд, учитывая, что любая публикация, обращенная к неопределенному кругу лиц, осуществленная с помощью теле-коммуникационной сети «Интернет» или СМИ, обладает повышенной общественной опасностью, поэтому следовало бы дополнить ст. 155 УК РФ квалифицирующим признаком «разглашение тайны усыновления (удочерения), совершенное с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет.

Учитывая, что законодателем не определены сроки хранения тайны усыновления (удочерения), традиционным в доктрине уголовного права является точка зрения о том, что охраняемое

право не имеет определенных сроков [2, с. 85], и возбуждение уголовного дела по ст. 155 УК РФ, возможно и в тех случаях, когда усыновленный достиг совершеннолетия [3, с. 430].

Таким образом, общественная опасность разглашения тайны усыновления (удочерения) заключается в посягательстве на семейную тайну в виде факта усыновления. Последствия совершения данного преступного деяния могут заключаться в причинении усыновленному морального вреда, выраженного в психической травме, вызванной осознанием, что родители, которые его воспитывали, не являются его настоящими родителями, что в свою очередь, может привести к таким последствиям как утрата родственной связи с усыновителями, возникновению конфликта, что неизменно отразится на воспитании и формировании личности.

Список литературы

1. Ворушило, Е. А. Юридическая ответственность за разглашение тайны усыновления (удочерения): вопросы квалификации, проблемы и возможные решения / Е. А. Ворушило, А. Э. Гаврилова, Н. А. Милованова // Юриспруденция, закон и порядок: актуальные вопросы теории и практики: сб. – 2024. – С. 51–54.

2. Корнакова, С. В. Тайна, конфиденциальная информация и конфиденциальность в контексте защиты информации о частной жизни участников уголовного судопроизводства / С. В. Корнакова // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – Т. 20, № 11(180). – С. 81–90.

3. Косицына, С. А. Проблемы законодательной регламентации уголовной ответственности за разглашение тайны усыновления (удочерения) / С. А. Косицына // Уголовная политика и правоприменительная практика: сб. мат-лов VIII-й Международн. научн.-практ. конф. – Санкт-Петербург, 2020. – С. 427–433.

4. Кручинина, Н. В. Расследование преступлений против семьи / Н. В. Кручинина, Н. Д. Пятибратова. – Москва : Проспект, 2019. – 135 с.

5. Основы права: учебное пособие / Е. Л. Балеева, Т. Ю. Епифанцева [и др.]. – Иркутск, 2010. – 571 с.

6. Чигрина, Е. В. Разглашение тайны усыновления: проблемы реализации комплексного правового механизма в Российской Федерации / Е. В. Чигрина, С. В. Корнакова // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12, № 6. – С. 817–825.

7. Чигрина, Е. В. Мотив как элемент субъективной стороны преступления (на примере ст. 155 УК РФ) / Е. В. Чигрина, С. В. Корнакова // Московский юридический журнал. – 2026. – № 2. – Ст. 155. – С. 135–143.

Михейкин Артем Николаевич
магистрант
Евплов Иван Михайлович
студент
Хорошев Алексей Сергеевич
студент

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
университет им. П.Г. Демидова»
г. Ярославль, Ярославская область

КОМПЛЕКСНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБМАНА КАК ПРИЗНАКА СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: *в статье рассматриваются вопросы определения юридического содержания обмана как способа совершения ряда преступлений в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ), авторы рассматривают различные виды обмана – активный и пассивный обман, определяют его влияние на квалификацию экономического преступного посягательства.*

Ключевые слова: *уголовная ответственность, преступление, экономическая деятельность, признак состава преступления, способ, обман, пассивный обман, активный обман, экономический ущерб.*

Обман как способ совершения преступления – это умышленное введение другого лица в заблуждение с целью незаконного получения имущества, права на него или иного имущественного выгоды. В уголовном праве он выступает ключевым признаком состава мошенничества (ст. 159 УК РФ) и ряда других преступлений экономического характера. Напомним, что обман как признак состава преступления является одним из наиболее распространенных и социально опасных явлений в сфере экономики, в том числе, фигурирует в посягательствах, закрепленных в гл. 22 УК РФ. Трансформация и адаптация феномена обмана к современным рыночным отношениям, цифровым технологиям и сложным финансовым схемам обуславливает постоянную актуальность его уголовно-правового исследования [1]. В конструкции составов преступлений, предусмотренных гл. 22 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) «Преступления в сфере экономической деятельности», обман играет ключевую роль, выступая основным или квалифицирующим признаком. Целью данной статьи является комплексный анализ обмана: рассмотрение его общеправовой сущности, видов и свойств, а также детальное исследование конкретных форм его проявления в преступлениях экономической направленности.

Обман как способ совершения преступления характеризуется следующими основными свойствами: 1) Интеллектуальный характер: обман воздействует на сознание и волю потерпевшего, формируя у него ложное представление о тех или иных обстоятельствах. Потерпевший, будучи введенным в заблуждение, сам совершает действия (или бездействует), которые влекут за собой причинение вреда его интересам. 2) Умышленная форма вины: обман всегда совершается с прямым умыслом. Виновный осознает, что сообщает ложные сведения или умалчивает об истине, предвидит возможность или неизбежность введения потерпевшего в заблуждение и желает этого для достижения своей преступной цели. 3) Причинно-следственная связь: необходимо наличие прямой причинной связи между обманными действиями виновного, заблуждением потерпевшего и наступившими общественно опасными последствиями (например, передачей имущества или права на него) [2, с. 259].

В теории уголовного права традиционно выделяют две основные формы (вида) обмана – *активный и пассивный. Активный* обман представляет собой сознательное сообщение заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений. Он может выражаться в словесной форме (устные или письменные ложные утверждения), в виде совершения различных действий (например, предоставление поддельных документов, использование фальсифицированных предметов) или конклюдентных действий (поведение, из которого можно сделать ложный вывод о намерениях лица). Сообщаемые ложные сведения могут касаться самых разных обстоятельств: личности виновного, его полномочий, качества и стоимости имущества, юридических фактов и событий, намерений. *Пассивный* обман (умолчание об истине): заключается в умышленном несообщении фактов или обстоятельств, которые лицо было обязано сообщить в силу закона, договора или сложившейся ситуации. Для признания пассивного обмана преступным необходимо, чтобы на виновном лежала юридическая обязанность довести до сведения потерпевшего определенную информацию [1; 2, с. 260].

Относительно составов преступлений, закрепленных в гл. 22 УК РФ выделяются специфические свойства обмана. Сравнивая общие черты обмана, как способа совершения преступления в гл. 22 УК РФ, с составами преступлений из других глав, можно выделить следующие отличительные особенности. 1) Специфика объекта посягательства и направленности обмана. В главе 22 УК РФ: обман направлен, прежде всего, на нормальное функционирование экономической системы. Опосредованно объектом обмана могут выступать: – интересы государства в сфере налогообложения, кредитования, банкротства (ст. 176, 195, 198); – порядок осуществления предпринимательской деятельности (ст. 171, 172, 173.1–173.3); – финансовые институты и рынки (ст. 172, 174, 185, 185.6) [3, с. 24; 4, с. 127]. Ключевая особенность в этой ситуации: обман используется для искажения информационных потоков, которые являются кровеносной системой экономики. Он не просто скрывает истину, а создает

альтернативную, правдоподобную с юридической и экономической точки зрения реальность (фиктивные договоры, искаженная отчетность, притворные сделки и т. д.).

2. Сложность, системность и латентность обмана. В гл. 22 УК РФ: обман носит, как правило, структурированный, комплексный и многоуровневый характер. Это не разовый акт, а продуманная схема, часто включающая: Создание фиктивных юридических лиц («компаний-однодневок»). Заключение цепочки мнимых и притворных сделок. Фальсификацию большого массива документов (бухгалтерских, отчетных, таможенных, банковских). Использование инструментов финансового рынка (ценные бумаги, аккредитивы, гарантии) [4, с. 128].

Такой обман является латентным – он маскируется под легальную хозяйственную деятельность, и его раскрытие требует специальных экономических и бухгалтерских познаний. В других главах УК РФ: обман чаще проще и прямолинейнее. Для бытового мошенничества (ст. 159 УК РФ) достаточно ложного обещания или использования поддельной вещи. Клевета заключается в распространении заведомо ложных фактов и не требует создания сложных корпоративных и финансовых конструкций [5, с. 12].

3. Специфика субъекта преступления. В гл. 22 УК РФ: субъектом, использующим обман, очень часто является лицо, осуществляющее предпринимательскую или иную профессиональную деятельность в сфере экономики (руководитель организации, индивидуальный предприниматель, бухгалтер, финансовый консультант). Такой обман, по сути, становится инструментом ведения «бизнеса» криминальным путем. Нередко преступления совершаются группой лиц по предварительному сговору или даже организованной группой с четким распределением ролей (создатель фирмы, номинальный директор, бухгалтер, «обнальщик»).

Форма и содержание обмана: акцент на пассивный обман и обман относительно намерений. В главе 22 УК РФ крайне важную роль играет пассивный обман (умолчание). Само несообщение информации, которую лицо обязано раскрыть в силу закона (о финансовом состоянии, об отсутствии лицензии, о наличии имущества при банкротстве), образует состав преступления. Равно как и обман относительно намерений – получение кредита, товара или аванса без цели исполнения обязательств. Таким образом, обман выступает способом совершения многих преступлений в сфере экономической деятельности, являясь в одних случаях обязательным признаком состава преступления, в других – факультативным. Именно использование в корыстных целях обмана, наряду со злоупотреблением доверием, помогает виновному лицу добиваться намеченного преступного результата, извлекая преступный доход, причиняя потерпевшему ущерб либо избегая наступления убытков в крупном (особо крупном) размере.

Список литературы

1. Розенцвайг, А. И. Способы мошенничества: ретроспективный анализ и теоретико-правовое моделирование / А. И. Розенцвайг // Общество и право. – 2011. – № 1. – С. 23–26.

2. Соловьев, О. Г. Актуальные вопросы уголовно-правового регулирования в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ): размышления на фоне специальной военной операции / О. Г. Соловьев, И. В. Пантюхина // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. – 2023. – Т. 17, № 2 (64). – С. 258–265.

3. Рожнов, М. А. О правилах юридической техники как инструменте построения российского уголовного закона: историко-правовой анализ / М. А. Рожнов // Юриспруденция, правосудие и государство: актуальные вопросы теории и практики : сборник статей XI Международной научно-практической конференции. – Пенза, 2026. – С. 23–25.

4. Смолин, С. В. Социальная обусловленность криминализации преступного использования лжи, обмана и злоупотребления доверием / С. В. Смолин // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – № 1. – С. 126–137.

5. Бражник, С. Д. Интерпретационная техника в уголовном праве: понятие, классификация, значение / С. Д. Бражник, О. Г. Соловьев, М. А. Малахов // Юридический факт. – 2020. – № 92. – С. 6–11.

Модзалевская Екатерина Александровна
студентка
Научный руководитель
Чигрина Елена Владимировна
канд. экон. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»
г. Иркутск, Иркутская область

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЕ ТАЙНЫ УСЫНОВЛЕНИЯ

Аннотация: *в статье исследуется вопросы уголовно-правовых механизмов защиты тайны усыновления как элемента конституционного права ребенка на семейное воспитание в условиях повышенной уязвимости несовершеннолетних. Отмечается высокая латентность деяния и узкие границы состава, ограничивающие круг потенциальных субъектов преступления. Обосновывается необходимость дифференциации наказания с учетом служебного положения виновного лица и тяжести фактически наступивших последствий.*

Ключевые слова: *тайна усыновления, семейная тайна, дифференциация ответственности, общественна опасность, усыновленный, усыновители.*

Российским государством в приоритет поставлена защита детства, как особого состояния в жизни человека, которое характеризуется не только особым правовым состоянием несовершеннолетних, но и особой их уязвимостью, в связи с чем, несовершеннолетние и детство как часть жизни нуждаются в особой защите государства. В связи с этим, государством разработана и внедрена в жизнь система защитных мер, последовательно воплощаемых в различных сферах – социальной, экономической, семейной, трудовой и т. д. Нормы семейного права как специализированной отрасли, направлены создание комплекса защиты семьи, материнства, отцовства и детства.

Семейная тайна и тайна усыновления (удочерения), относящиеся к комплексу защиты семьи со стороны государства, регулируются, преимущественно, нормами семейного законодательства, но в случае их нарушения должны защищаться действенным государственным механизмом, который в зависимости от последствий нарушения семейных прав, должен предусматривать и меры юридической ответственности.

Так, уголовная ответственность устанавливается за нарушение норм семейного права лишь в случае, если это влечет серьезные последствия, а само нарушением имеет характер общественно опасного деяния [5, с. 126]. При этом, в уголовном законодательстве складывается представление о семье как о социальной общности людей, объединенных, как правило, брачными узами, либо основанной на родстве и свойстве, признаком которой является также совместное проживание, ведение совместного хозяйства. Социальная значимость семьи заключается в том, что семья является микросредой для взросления, воспитания и социализации детей [1, с. 20]. То есть семья как социальное звено играет исключительную роль в рождении воспитании детей как новых членов общества. И во многом, ребенок, включаясь в общественную жизнь, транслирует именно то, что было ему заложено именно семейным воспитанием. Именно поэтому семейное воспитание и забота признаны государством самой желательной формой устройства детей, оставшихся без попечения родителей [8, с. 167].

В понимании уголовного законодательства, преступления против семьи – это «умышленные, общественно опасные противоправные деяния, направленные против семьи как социальной ценности и подрыв ее устоев, причиняющий вред семейным отношениям» [5, с. 126]. При этом системный анализ положений Конституции РФ, семейного и уголовного законодательства позволяет сделать вывод о том, что установление уголовной ответственности за преступления против семьи имеет конституционную основу. В частности, одним из условий нормального воспитания, психического и физического развития несовершеннолетних,

воспитывающихся в семье, является соблюдение режима семейной тайны, и, в частности, тайны усыновления, соблюдение которой необходимо для нормального функционирования семьи в целом [7, с. 648].

Уголовная ответственность за разглашение тайны усыновления (удочерения) предусмотрена ст. 155 УК РФ. Следует признать, что данная статья на практике применяется редко, исследователи связывают данный факт с высокой латентностью данного преступления, а также с тем, что на практике немногие люди осведомлены о своих правах и в случае их нарушения готовы за них бороться [2, с. 819].

Стоит отметить, что большая часть преступлений против семьи совершается с прямым умыслом [6, с. 136], поэтому установленная уголовным законом излишняя мягкость в назначении наказании представляется несправедливой по сравнению с возможными последствиями. С таким мнением высказывают солидарность и другие исследователи, которые указывают на то, что воздействие уголовно-правовых норм в случае назначения мягкого наказания настолько слабое, что по факту делает уголовную ответственность неэффективным инструментом в борьбе с данным видом преступлений [4, с. 122].

Соглашаясь с позицией указанных авторов, полагаем, что законодатель излишне мягко формирует наказание за совершение преступлений против семьи, учитывая те последствия, которые могут повлечь совершение данных преступлений, которые весьма обширны и могут охватывать широкий спектр последствий, вплоть до доведения до самоубийства, нарушений психического здоровья членов семьи и самого усыновленного ребенка и т. д.

Полагаем, что наказания за совершение отдельных преступлений против семьи требуют ужесточения с учетом фактически причиненных последствий, в частности, за подмену ребенка, незаконное усыновление и нарушение тайны усыновления, так как в перечисленных случаях нарушаются не только права несовершеннолетних детей, но и их родителей, а также иных членов семьи. Вследствие этого считаем справедливым за совершение данных преступлений установление лишения свободы в качестве основного вида наказания на срок до трех лет, в зависимости от конкретных наступивших последствий.

С учетом того, что данное преступление может совершаться лицами, которые в силу возложенных на них служебных обязанностей должны хранить тайну усыновления, отсутствие наказания в отношении таких лиц в ст. 155 УК РФ вызывает недоумение [3, с. 108], поскольку его наличие, на наш взгляд, наилучшим образом могло бы способствовать предотвращению преступлений данными лицам в будущем, а также будет обладать значимой общей превенцией.

Таким образом, анализ уголовного законодательства свидетельствует о том, что семья как социальный институт защищается нормами уголовного права путем установления уголовной ответственности за совершения ряда противоправных общественно опасных деяний, подрывающих устои семьи. В то же время, ребенок как субъект правоотношений, обладает определенным правовым статусом и нуждается в особой правовой защите со стороны государства, ввиду своей психической и физической незрелости. Семейная форма воспитания несовершеннолетних является приоритетным, в связи с чем устройство детей, оставшихся без попечения родителей в семью и защита интересов семьи, усыновившей (удочерившей) ребенка осуществляется различными правовыми средствами, в том числе и нормами уголовного законодательства.

Список литературы

1. Корнакова, С. В. Недопустимость произвольного вмешательства в дела семьи государственных органов и должностных лиц через призму социального патроната / С. В. Корнакова, Е. В. Чигрина // Baikal Research Journal. – 2016. – Т. 7, № 4. – С. 20.

2. Корнакова, С. В. Разглашение тайны усыновления: проблемы реализации комплексного правового механизма в Российской Федерации / С. В. Корнакова, Е. В. Чигрина // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12, № 6. – С. 817–825.

3. Кумышева, М. К. Актуальные вопросы привлечения к ответственности за разглашение тайны усыновления (удочерения) / М. К. Кумышева // Пробелы в российском законодательстве. – 2021. – Т. 14, № 3. – С. 106–109.

4. Латыпова, Д. М. Проблемы привлечения к уголовной ответственности за преступления против семьи / Д. М. Латыпова, И. М. Каменева // Юридическая наука и практика: Альманах науч. трудов Самарск. юрид. ин-та ФСИН России. – Самара, 2021. – С. 121–125.

5. Серегина, Е. В. Уголовно-правовая охрана семьи: история, современное состояние и перспективы развития / Е. В. Серегина, С. И. Улезько, О. Г. Филимонова // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2021. – № 1 (128). – С. 124–128.

6. Чигрина, Е. В. Мотив как элемент субъективной стороны преступления (на примере ст. 155 УК РФ) / Е. В. Чигрина, С. В. Корнакова // Московский юридический журнал. – 2026. – № 2. – Ст. 155. – С. 135–143.

7. Чигрина, Е. В. Понятие и правовой режим тайны усыновления (удочерения) / Е. В. Чигрина // Право и государство: теория и практика. – 2026. – № 5. – С. 647–649.

8. Чигринец, В. С. Характеристика объективных признаков преступлений против семьи / В. С. Чигринец // Закон. Право. Государство. – 2025. – № 2 (46). – С. 166–168.

Попенков Антон Валерьевич
старший преподаватель, подполковник полиции
ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя»
г. Москва

ОПТИМИЗАЦИЯ ПОДСЛЕДСТВЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ КОЛЛЕКТОРСКИМИ АГЕНТСТВАМИ

Аннотация: *в статье автор рассматривает возможность изменения подследственности уголовных дел, предусмотренных статьей 172.4 Уголовного кодекса Российской Федерации, в целях повышения эффективности расследования преступлений указанной категории, а также оптимизации правоприменительной деятельности органов предварительного расследования и их межведомственного взаимодействия.*

Ключевые слова: *подследственность, предварительное расследования, уголовно-процессуальное законодательство, деятельность коллекторов, дознание, состав преступления.*

Оптимизация предварительного расследования является одним из важных элементов повышения эффективности деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений в целом и экономических преступлений в частности. Следует отметить, что вводимые законодателем новые виды уголовных преступлений, зачастую требуют переосмысления, с учетом их апробации и внедрения в правоприменительную деятельность.

Так, соответствии с Федеральным законом от 10.07.2023 №323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации» была установлена уголовная ответственность за незаконную деятельность, осуществляемую в целях возврата просроченной задолженности (ст. 172.4 УК РФ) [1]. Полномочиями по проведению предварительного расследования этой категории уголовных дел были наделены органы дознания и следственные органы внутренних дел Российской Федерации. На следственные органы возлагается расследование квалифицированных и особо квалифицированных составов, предусмотренных ч.ч. 2 и 3 ст. 172^4 УК РФ. Само по себе введение в Уголовный Кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) новой нормы, предусматривающей уголовную ответственность за незаконное взыскание долгов с физических лиц, стало новеллой российского законодательства, призванной выступить уголовно – правовым регулятором взаимоотношений должников и кредиторов, которые выходят за рамки правового поля и содержат признаки общественно опасного деяния. В контексте законодательной логики, досудебное производство в форме предварительного следствия, безусловно является логичным, исходя из уровня общественной опасности и сложности

осуществления расследования, в связи с чем предлагается вывести за скобки анализ квалифицированных составов рассматриваемого преступления.

В свою очередь, надзор за деятельностью коллекторских агентств в настоящее время возложен на органы Федеральной службы судебных приставов Министерства юстиции Российской Федерации (далее – ФССП России). В 2025 году от граждан в территориальные органы ФССП России поступило 16632 жалобы на незаконные действия коллекторов, что на 5% выше прошлогодних значений. На 90% по сравнению с 2024 годом увеличилось количество обоснованных жалоб от граждан. Было проведено 3393 профилактических мероприятия в отношении микро кредитных, микрофинансовых организаций и коллекторских агентств, 2445 административных расследований, возбуждено 1034 дела об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 14.57 Кодекса об Административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ) [2].

Увеличение поступающих жалоб на деятельность коллекторских агентств, нарушение юридическими лицами, осуществляющими возврат просроченной задолженности, законодательства, использование при взыскании просроченных долгов с заемщиков, и особенно с посторонних лиц, способов, ставящих под угрозу жизнь или здоровье, а также включающих угрозы уничтожения или порчи собственности требуют не только административного разбирательства, но и своевременной уголовно-правовой оценки содеянного. Специфика установления состава преступления, предусмотренного ст. 172^4 УК РФ, предполагает необходимость проведения объемного комплекса следственных мероприятий [3, с. 187], таких как: истребование объяснений от подконтрольного лица, детализации телефонных разговоров, с которых осуществлялось взаимодействие с должником, получение оригиналов писем и требований, установление возможных свидетелей, проведение оперативно-розыскных мероприятий с применением технических средств с целью фиксирования возможного события преступления и т. д.

Важным аспектом, влияющим на расследование и раскрытие любого преступления, является оперативное реагирование на сообщение преступлении, своевременное выявление и фиксация следов преступления, минимизация бюрократии и излишнего документооборота, компетентность лиц, осуществляющих расследование и пр. [4] Исходя из изложенного, оптимизация и повышение эффективности расследования преступлений указанной категории, видится автору в изменении подследственности ч. 1 ст. 172^4 УК РФ, с передачей функций расследования от дознавателей органов МВД России дознавателям органов принудительного исполнения Российской Федерации, а именно ФССП России. Принятие данных изменений с практической точки зрения позволит:

– сосредоточить расследование не квалифицированной части ст. 172^4 УК РФ и административного производства по ст. 14.57 КоАП РФ в руках единого органа, располагающего профильными компетенциями в данной сфере правоприменительной деятельности;

– снизить бюрократическую нагрузку межведомственного взаимодействия МВД России и Минюста России;

– повысить эффективность расследования и раскрытия преступлений указанной категории;

– упростить процедуру доследственной проверки в порядке ст.ст. 144–145 УПК РФ по преступлениям, связанным с незаконными действиями по взысканию просроченной задолженности с физических лиц;

– освободить органы дознания МВД России от расследования не свойственных ему преступлений.

Список литературы

1. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 10.07.2023 N 323-ФЗ (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс : сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_451684/ (дата обращения: 15.10.2026). – Текст : электронный.

2. Итоговый доклад о результатах деятельности Федеральной службы судебных приставов в 2025 году // Официальный сайт ФССП России. – URL: https://fssp.gov.ru/deals/otchet_doklad_9/itogovyj-doklad-o-rezultatah-deyatelnost-2025 (дата обращения: 15.10.2026). – Текст : электронный.

3. Попенков, А. В. Актуальные проблемы расследования незаконной коллекторской деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц / А. В. Попенков // Актуальные вопросы производства предварительного следствия в современных условиях совершенствования уголовно-процессуального законодательства : сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 10 апреля 2025 г.). – Москва : Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2025. – С. 185–188. – EDN XSCYIL.

4. Пушкарев, В. В. Порядок уголовного преследования в досудебном производстве по уголовным делам: теоретические и организационно-правовые основы / В. В. Пушкарев. – Москва : Юрлитинформ, 2026. – 152 с. – ISBN 978-5-908100-10-6. – EDN NESETW.

Шалагин Антон Евгеньевич
канд. юрид. наук, доцент, начальник кафедры
Идиятуллов Алмаз Дамирович
преподаватель
ФГКОУ ВО «Казанский юридический институт МВД РФ»
г. Казань, Республика Татарстан

ИЗУЧЕНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ «ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИКОВ» КУРСАНТАМИ И СЛУШАТЕЛЯМИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ

Аннотация: *в статье отражены основные причины приобщения людей к употреблению наркотиков (биологические, психологические, социологические). Показана общественная опасность наркомании и наркотизма. Особое внимание обращено на современную наркоситуацию, личность преступника, детерминанты, профилактику наркопреступлений. Предложен тематический план изучения дисциплины «Организация противодействия незаконному обороту наркотиков» курсантами и слушателями в образовательных организациях МВД России.*

Ключевые слова: *незаконный оборот наркотиков, наркоситуация, сбыт наркотических средств, психотропное вещество, наркопреступник, профилактика, противодействие, уголовное право, криминология.*

В 2025 году правоохранительными органами Российской Федерации было зарегистрировано 214 770 (+8,4%) наркопреступлений, удельный вес которых составил 12,1% в общей структуре преступности. Основную часть (73,9%) составили преступления, связанные со сбытом наркотиков 158 727 (+17,6%). На 20,9% (474) увеличилось количество выявленных преступлений, связанных с отмыванием доходов от незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. Общая сумма легализованных наркодоходов, установленная правоохранительными органами, составила 627 млн 832 тыс. рублей.

В прошедшем году 64,6% (138 730) наркопреступлений были совершены с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Количество зарегистрированных преступлений данной категории увеличилось на 17,4% (138 730), в том числе на 24,2% (117 505) возросли факты сбыта наркотиков бесконтактным способом. Из незаконного оборота изъято 40 тонн 170 кг наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, а также

46 тонн 283 кг прекурсоров. При изъятии из незаконного оборота наркотиков основная часть пришлась на вещества синтетического происхождения (49,2%), наркогены каннабисной группы (33%), кокаин (16,4%), наркотические средства опийной группы (1,5%). В 2025 году органами внутренних дел Российской Федерации выявлено 4 141 560

административных правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Протоколы об административных правонарушениях составлены в отношении 125 685 граждан.

К числу причин, связанных с употреблением наркотиков, относят различные факторы (биологические, психологические, социологические и другие). Так, одни ученые связывают тягу к употреблению наркотиков с генетической предрасположенностью и нарушением обмена веществ (метаболизма в организме человека). Героиновый наркоман будет всю жизнь нуждаться в опиатах так же, как больной диабетом нуждается в инсулине, а попытки прекратить употребление наркотиков рано или поздно приведут к рецидиву.

Психологические причины, связаны с получением приятных ощущений от употребления наркотиков (удовольствия, эйфории, радости, счастья), что подталкивает наркозависимого человека к повторению таких действий. При приеме наркотиков в течение непродолжительного периода индивид может избавиться от боли, неприятных ощущений, дискомфорта, депрессии. Абстинентный синдром заставляет наркопотребителя ежедневно изыскивать возможность приобретения и употребления наркотического средства. Также существует мнение, что наркопотребление может стать следствием низкой самооценки, внутреннего конфликта, непринятия самого себя или аутодеструктивных действий. Девиантное (делинквентное) поведение подростков также может выступать причиной приобщения к наркотикам.

Социологические теории употребления наркотиков исходят из идей Роберта Мертона об аномии в обществе. Невозможность достижения желаемых целей с помощью законных средств, может привести к аддиктивному или противоправному поведению (особенно в молодежной среде). Теория социального контроля и самоконтроля исходит из того, что от противозаконного поведения людей удерживают их взгляды, интересы, близкое окружение, социальная ориентированность. Данная теория описывает механизмы становления людей законопослушными гражданами. Необходимо отметить, что низкий самоконтроль увеличивает риск употребления наркотиков. Формирование самоконтроля происходит в семье, школе, малых группах [1, с. 558–560].

Теория социального научения исходит из того, что привычки и поведение человека формируются в микрогруппе, при взаимодействии с другими людьми, являющимися носителями антисоциальных, девиантных, субкультурных норм и ценностей. Пребывая в таких группах, подросток усваивает негативные модели поведения, получает поддержку и одобрение со стороны членов группы. В теории субкультур пребывание индивида в конкретной антисоциальной группе является основным условием, способствующим изменению его взглядов, идей, ценностей, что в конечном итоге приводит к противоправному или аддиктивному поведению [2, с. 37–40].

Также заслуживают внимания теория «наклеивания ярлыков», теория «разбитых окон». Отдельно хочется остановиться на теории конфликта. Наркотики употребляют представители различных слоев общества, но основная часть наркозависимых приходится на малоимущих граждан. Бедные слои населения, не имея других возможностей, включаются в незаконный оборот наркотиков, как доступный им вид деятельности, приносящий доход. Деление социума на включенных и исключенных не дает последней группе возможности для самореализации и самоактуализации. Категория исключенных пребывает в состоянии отчужденности, безнадежности, аномии, депрессии, а употребление наркотиков рассматривается, как средство ухода от реальной и безнадежной жизни. Решение данной проблемы находится в сфере совершенствования и реализации экономических, политических, социальных, идеологических, воспитательных, культурных, технических и иных усилий общества [3, с. 34–39].

Цель преподавания курса «Организация противодействия незаконному обороту наркотиков» курсантам и слушателям образовательных организаций МВД России заключается в формировании теоретических знаний, практических умений и навыков, позволяющих профессионально анализировать явления и процессы, связанные с незаконным оборотом

наркотических средств, психотропных веществ и его предупреждением. Данный учебный курс рассчитан на 72 академических часа, из которых 20 ч. отводится на лекционные занятия, такое же количество часов предусмотрено на проведение практических занятий, 20 ч. рекомендуется выделить для самостоятельной работы, 8 ч. – подготовке к зачету, 4 часа на принятие зачета. В реализации данного учебного курса могут быть задействованы специалисты из нескольких кафедр (административного права и административной деятельности ОВД, уголовного права, криминологии, уголовного процесса, криминалистики).

Основными задачами дисциплины «Организация противодействия незаконному обороту наркотиков» являются:

– достижение понимания курсантами и слушателями сложности проблемы, связанной с незаконным распространением наркотиков в мире, в том числе, в Российской Федерации;

– определение роли и места правоохранительных органов в предупреждении и противодействии нарастающей наркоагрессии и наркоситуации;

– ознакомление обучающихся с системой преступлений и административных правонарушений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ;

– изучение личности производителей, изготовителей, поставщиков, распространителей, содержателей притонов и потребителей наркотических средств и психотропных веществ;

– выявление причин и условий преступлений и административных правонарушений в сфере незаконного оборота наркотиков;

– анализ мер противодействия наркопреступности, проведения оперативно-профилактических, криминалистических, уголовно-процессуальных мероприятий в данной сфере.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях содержит нормы, направленные на предупреждение незаконного оборота наркотиков (в главе 6 ст. 6.8, 6.9, 6.9.1, 6.13, 6.15, 6.16, 6.16.1; в главе 10 ст. 10.4, 10.5, 10.5.1; в главе 12 ст. 12.8; в главе 20 ст. 20.20, 20.21, 20.22 и др.). В свою очередь более строгие наказания предусматривает Уголовный кодекс Российской Федерации за совершение наркопреступлений (ст. 228–234 УК РФ). К их числу можно отнести: незаконные сбыт, производство или пересылку наркотических средств, хищение либо вымогательство наркотиков, их контрабанду, склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ, организацию или содержание наркопритонов, незаконное культивирование наркорастений, подделку рецептов на получение наркотикосодержащих препаратов и проч.

К причинам наркомании и наркотизма можно отнести биологические, психологические, социальные детерминанты, которые порождают, воспроизводят, формируют наркосреду и преступления в данной сфере. При анализе причин и условий наркопреступности, как правило, выделяют следующие детерминанты: а) экономические; б) геополитические и географические; в) социальные; г) нравственно-психологические; д) семейно-педагогические; е) досуговые; ж) правовые; з) правоприменительные; и) иные [4].

В книге Тома Уэйнрайта (Narconomics: Преступный синдикат как успешная бизнес-модель) рассматриваются современные особенности реализации крупных партий наркотиков. При этом он отмечает сходство и различия в управлении сетью супермаркетов по продаже вещей (продуктов) и наркобизнесом. Сегодня реализация наркотиков похожа на продажу товаров в интернет-магазинах, маркетплейсах (Ozon, Wildberries, Яндекс Маркет, Aliexpress и т. д.). Автор рассматривает функционирование наркокартелей через призму экономики и менеджмента. Доказывает, что с точки зрения бизнеса наркосиндикаты действуют очень продуманно и рационально.

Т. Уэйнрайт рассматривает всю цепочку движения наркотиков: от выращивания (производства), переработки, транспортировки до сбыта на улицах крупных городов и населенных пунктов. В такой деятельности задействованы изготовители, производители, менеджеры, перевозчики, курьеры, продавцы, закладчики, содержатели притонов, координаторы. В

наркоиндустрии существуют и свои курсы повышения квалификации (на них объясняется, как правильно делать закладки наркотических средств, что нужно предпринять, чтобы не оказаться пойманным сотрудниками правоохранительных органов, как повысить свой статус и уровень доходов и т. п.) [5].

В книге делается вывод, что экономика наркокартелей устойчива к традиционным мерам борьбы с ними. Уничтожение посевов, аресты лидеров не дают долгосрочного эффекта: наркорынок быстро трансформируется, появляются новые производители и поставщики, закрытие одного наркошопа, приводит к появлению новых. Наркокартели быстро адаптируются к возможным рискам и строят разветвленные сетевые структуры. Активно применяют новые информационно-телекоммуникационные технологии, возможности теневого интернета и криптовалют.

Автор предлагает смещать усилия правоохранительных органов на экономические меры борьбы с наркотизмом (контроль финансовых потоков, противодействие отмыванию доходов, полученных преступным путем, перекрытие каналов поставки наркотиков, воздействие на финансовую подпитку наркобизнеса, снижение спроса на психоактивные вещества).

Изучение дисциплины «Организация противодействия незаконному обороту наркотиков» позволит курсантам и слушателям образовательных организаций МВД России комплексно и системно подойти к познанию данной проблемы. Преподаватели кафедры криминологии должны показать масштабы наркоугрозы, отразить криминологическую характеристику наркоситуации, выделить причины и условия наркотизма, описать характеристику наркопреступника и наркопотребителя, сформулировать меры профилактики и противодействия данному социально-негативному явлению [6, с. 177]. По другим проблемным вопросам предлагается задействовать преподавателей других кафедр.

Таблица

Тематический план изучения дисциплины «Организация противодействия незаконному обороту наркотиков»

№ темы	Наименование темы дисциплины	Всего часов	Всего аудиторных часов	Количество часов по видам занятий			Самостоятельная работа
				Лекции		Практ. занятия	
				Уст.	Обз.		
1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*
1.	Общественная опасность наркомании и наркотизма на современном этапе	6	4	2		2	2
2.	Административно-правовые меры противодействия незаконному обороту наркотиков	6	4		2	2	2
3.	Уголовно-правовые меры противодействия незаконному обороту наркотиков	6	4		2	2	2
4.	Криминологическая характеристика наркоситуации в мире и Российской Федерации	6	4	2		2	2
5.	Причины и условия наркомании и наркотизма	6	4		2	2	2
6.	Личность наркопотребителя и наркопреступника	6	4		2	2	2
7.	Уголовно-процессуальные особенности привлечения к ответственности лиц, совершивших наркопреступления	6	4		2	2	2
8.	Криминалистическая характеристика наркопреступлений	6	4		2	2	2
9.	Проведение экспертиз по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков	6	4		2	2	2

Окончание таблицы

1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*
10.	Международно-правовое сотрудничество и зарубежный опыт в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков	6	4		2	2	2
	Подготовка к зачету	*8*					*8*
	Зачет:	*4*					*4*
	Всего	*72*	*40*	*4*	*16*	*20*	*32*

Список литературы

1. Шалагин, А. Е. Теории преступного поведения: от истоков к современности / А. Е. Шалагин, О. Н. Хрусталева // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2018. – № 4(34). – С. 556–564.

2. Резник, А. Д. Мир наркотиков – наркотики в мире / А. Д. Резник. – Москва: Товарищество научных изданий КМК. – 2014. – 548 с.

3. Шалагин, А. Е. Незаконный оборот наркотиков – угроза национальной безопасности / А. Е. Шалагин. – Москва : Юрлитинформ, 2015. – 248 с.

4. Трегубова, Т. М. Предупреждение социально негативных явлений в подростково-молодежной среде / Т. М. Трегубова, А. Е. Шалагин, И. А. Шалагин // Психолого-педагогическое сопровождение общего, специального и инклюзивного образования детей и взрослых : материалы VI Международной научно-практической конференции (Тула, 9 апреля 2026 г.). – Чебоксары : Среда, 2026. – С. 107–110.

5. Уэйнрайт, Т. Narconomics: Преступный синдикат как успешная бизнес-модель / Том Уэйнрайт; перевод с англ. Г. Михайлова / Т. Уэйнрайт. – Москва : РИПОЛ классик; Пальмира, 2022. – 416 с.

6. Шалагин, А. Е. Профилактика социально-негативных явлений, связанных с преступностью / А. Е. Шалагин, А. Д. Идиятуллов // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2025. – № 1(58). – С. 174–183.

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Кордон Тамара Анатольевна
канд. пед. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева»
г. Чебоксары, Чувашская Республика
БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В МУЗЫКАЛЬНОЙ СРЕДЕ: ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ

Аннотация: *в статье рассматривается проблема формирования межкультурной компетенции будущих музыкантов в условиях цифровизации и развития межкультурного пространства современной России. Обосновывается необходимость использования аутентичных музыкальных медиатекстов как средства развития межкультурной компетенции и подготовки специалистов, способных представлять российскую музыкальную культуру на международной арене. Приводятся результаты педагогического эксперимента среди студентов Чувашского государственного института культуры и искусств. Анализируется динамика уровней сформированности межкультурной компетенции по когнитивному, аффективному и поведенческому компонентам. Делается вывод об эффективности предложенной методики и её потенциале для подготовки специалистов в сфере музыкального образования и укрепления межкультурного пространства России.*

Ключевые слова: *межкультурная компетенция, музыкальное образование, аутентичные медиатексты, цифровая среда, межкультурная коммуникация, будущие музыканты, педагогические технологии, английский язык, межкультурное пространство России, культурная дипломатия, российская музыкальная культура.*

Изучение иностранного языка является одним из аспектов современного образования и личностного развития будущих музыкантов. В условиях глобализации и активного развития цифровых технологий роль межкультурного взаимодействия значительно возрастает. Современное общество характеризуется постоянным общением между представителями разных культур, что требует от будущих музыкантов не только владения иностранными языками, но и умения эффективно взаимодействовать в межкультурной среде. В связи с этим формирование межкультурной компетенции становится одним из ключевых моментов преподавания иностранного языка в вузе. Студенты, изучающие музыку, активно взаимодействуют с медиаконтентом: социальными сетями, интернет-мемами, видеоблогами и музыкальными клипами, которые отражают аутентичные языковые и культурные особенности носителей языка. Профессиональная деятельность музыканта неразрывно связана с освоением мирового культурного наследия: участием в международных конкурсах, фестивалях и мастер-классах. В этом отношении знание иностранного языка является не необязательным навыком, а неотъемлемой частью профессиональной компетентности, открывающей возможность интеграции в международную музыкальную индустрию. Несмотря на многочисленные исследования в области межкультурной коммуникации, эффективное использование современных информационных ресурсов для формирования межкультурной компетенции будущих музыкантов ещё не до конца разработано, что определяет важность данного исследования.

Межкультурное пространство современной России представляет собой динамично развивающуюся систему, в которой музыкальное искусство играет особую роль. Российская

музыкальная культура, обладая богатым наследием и самобытностью, активно интегрируется в мировые культурные процессы. В условиях современной геополитической ситуации возрастает значение культурной дипломатии и межкультурного диалога, что требует подготовки специалистов, способных не только воспринимать зарубежную культуру, но и достойно представлять отечественную музыкальную традицию на международной арене. Формирование межкультурной компетенции будущих музыкантов становится, таким образом, задачей не только педагогической, но и социально значимой, связанной с укреплением позиций России в мировом культурном пространстве.

В контексте цифровизации музыкального пространства будущие специалисты могут получить большой объем профессиональных знаний на иностранных языках: видеозаписи мастер-классов, интервью с известными исполнителями, научные статьи по музыкальной педагогике, учебные материалы всемирно известных консерваторий. Умение работать с англоязычными ресурсами становится необходимым условием профессионального роста. Масс-медийные тексты повышают мотивацию к овладению коммуникативной компетенцией и позволяют достичь максимального обучающего, развивающего и воспитательного результата [4]. Межкультурная коммуникация в музыкальной среде требует не только знания языка, но и понимания культурных особенностей, традиций и норм поведения, принятых профессиональными сообществами в разных странах. Знание иностранных языков позволяет музыкантам обмениваться профессиональным опытом и налаживать эффективное взаимодействие с коллегами и представителями музыкальных организаций из других стран.

Исследование проводилось среди студентов факультета исполнительского искусства Чувашского государственного института культуры и искусств; в нём приняли участие 24 студента в возрасте от 18 до 21 года. Выбор данной образовательной площадки обусловлен её ролью в подготовке кадров для сферы культуры Чувашской Республики и Приволжского федерального округа, что позволяет рассматривать полученные результаты в контексте развития межкультурного пространства российских регионов. Обучение иностранному языку осуществлялось на основе авторского учебного пособия «Английский язык. Пособие для самостоятельной работы студентов-заочников: направление подготовки 44.03.01 Педагогическое образование, профиль подготовки «Музыка». Уровень владения английским языком студентов соответствовал B1-B2 (Pre-Intermediate / Intermediate), что позволило использовать аутентичные английские музыкальные медиатексты без существенной адаптации. Выбор пособия обусловлен его коммуникативной и культурной направленностью: оно включает разделы, ориентированные на развитие навыков межкультурной коммуникации в контексте музыкальной педагогики, анализ коммуникативных ситуаций и интерпретацию различных типов текстов. Учебные материалы дополнялись аутентичными музыкальными медиатекстами с современных цифровых платформ (TikTok, Twitter), что приближало процесс обучения к истинной межкультурной коммуникации в музыкальной среде. Особое внимание уделялось заданиям, направленным на сравнение российской и зарубежной музыкальных культур и представление отечественных музыкальных традиций средствами иностранного языка. Обучение естественному, живому языку возможно лишь при условии использования материалов, взятых из жизни носителей языка или составленных с учётом особенностей их культуры и менталитета [2, с. 12]. При организации обучения учитывались технические возможности образовательной среды: студенты могли использовать цифровые устройства и Интернет в рамках учебной программы.

Целью констатирующего этапа являлось определение начального уровня сформированности межкультурной компетенции студентов и основных трудностей при восприятии музыкальных медиатекстов. Диагностика основывалась на трёх компонентах: когнитивном, аффективном и поведенческом. Для интерпретации медийных текстов и понимания авторской позиции необходимо овладеть умением находить в статьях отсылки к культурному фону и определять их роль в тексте [3, с. 212].

Для оценки когнитивного компонента был разработан тест, проверяющий понимание студентами культуры англоязычного мира в контексте музыки и искусства. Задания включали вопросы о музыкальной культуре, традициях исполнительских школ, цифровой коммуникации музыкантов, национальных традициях и коммуникативном поведении представителей англоязычных стран. Студентам предлагались интернет-мемы о музыкантах, посты в социальных сетях и видеоролики, содержащие культурные отсылки, юмор и культурно-маркированную лексику.

Аффективный компонент диагностировался с помощью анкетирования, направленного на выявление степени толерантности, интереса к различным музыкальным культурам, готовности к межкультурному взаимодействию, наличия культурных стереотипов и уровня эмпатии.

Для оценки поведенческого компонента предлагались ситуационные задания, моделирующие реальную ситуацию межкультурной коммуникации в музыкальной среде: анализ коммуникационного статуса цифровых коммуникаций музыкантов, объяснение причин межкультурного недопонимания и предложение эффективных методов взаимодействия.

По результатам диагностики были определены три уровня межкультурной компетентности. Высокий уровень характеризовался устойчивым интересом к различным музыкальным культурам, способностью объяснять скрытое культурное значение медиатекстов и избегать стереотипных оценок. Средний уровень предполагал базовое представление о музыкальной культуре страны изучаемого языка, но студентам трудно было анализировать юмор и иронию в медиатекстах. Низкий уровень характеризовался отрывочными знаниями, наличием устойчивых стереотипов и недостаточной готовностью к межкультурному взаимодействию.

Результаты констатирующего этапа показали, что большинство учащихся обладают культурными способностями от среднего до низкого уровня. Высокий уровень (21%) был отмечен у 6 студентов, средний – у 11 (46%), низкий – у 7 (29%). Наибольшие трудности вызывают задания по интерпретации музыкальных мемов, юмора и сатиры в Интернете и социальных сетях. Способность студентов сравнивать особенности российской и зарубежной музыкальной культуры была недостаточной. Одной из ключевых проблем при использовании мультимедийных ресурсов является недостаточная мотивация и языковые трудности [1]. Большинство студентов часто пользуются социальными сетями и англоязычным музыкальным контентом, но редко анализируют культурный контент.

С учетом результатов констатирующего этапа была разработана и апробирована серия из семи занятий, основанных на использовании различных типов современных музыкальных медиатекстов. Содержание занятий было организовано с учетом постепенного усложнения видов деятельности: от анализа и интерпретации музыкальных медиаматериалов к их критическому осмыслению и созданию собственных медиатекстов. Завершающее занятие было направлено на представление российской музыкальной культуры средствами иностранного языка и цифровых медиа, что соответствует задачам развития межкультурного пространства России.

Таблица 1

Серия занятий по формированию межкультурной компетенции

№ занятия	Тема занятия	Тип медиатекста	Основная цель
1	Understanding music memes	интернет-мемы о музыке и музыкантах	развитие навыков интерпретации культурного юмора в музыкальной среде
2	Musicians' life in social media	Instagram/TikTok posts музыкантов	анализ повседневной музыкальной культуры
3	British vs American music culture	музыкальные мемы, short videos	выявление особенностей национальных музыкальных культур

Окончание таблицы 1

№ занятия	Тема занятия	Тип медиатекста	Основная цель
4	Music traditions and festivals in media	посты, видеоблоги о музыкальных фестивалях	изучение музыкальных традиций и их отражения в медиапространстве
5	Stereotypes in music communication	комментарии, мемы, посты о музыкантах	развитие критического мышления и анализ культурных стереотипов в музыкальной среде
6	Video blogs of musicians and intercultural behaviour	видеоблоги музыкантов	анализ вербального и невербального поведения музыкантов из разных культур
7	Creating intercultural music media content	создание постов, мемов, мини-видеоблогов о музыке	развитие навыков межкультурного взаимодействия и представления родной музыкальной культуры

На этапе формирования работа с медиатекстами строилась как целостный процесс погружения студентов в ситуацию межкультурного взаимодействия. На подготовительном этапе студенты ознакомились с культурными традициями изучаемой темы, обсуждали существующие концепции музыкальной культуры и устраняли стереотипы. Для повышения мотивации им предлагались визуальные элементы медиатекста (изображения, скриншоты, видеоклипы), на основе которых они предполагали содержание материала и определяли культурные реалии.

Основным этапом был анализ музыкального медиатекста: студенты выявляли культурно-маркированную лексику, анализировали реалии музыкальной жизни и особенности речевого поведения музыкантов, интерпретировали имплицитные смыслы, связанные с юмором, иронией и культурными аллюзиями.

На этапе рефлексии и творческой обработки информации студенты создавали собственные медиатексты: музыкальные интернет-мемы, посты о музыке в социальных сетях, мини-видеоблоги. Внимание уделялось заданиям, направленным на сравнение местной и зарубежной музыкальной культуры.

Таблица 2

Динамика уровней сформированности межкультурной компетенции

Уровень	Констатирующий этап	Контрольный этап	Динамика
Высокий	21% (6 чел.)	46% (11 чел.)	+25%
Средний	46% (11 чел.)	42% (10 чел.)	-4%
Низкий	29% (7 чел.)	12% (3 чел.)	-17%

Качественный анализ показал существенные изменения. На контрольном этапе студенты стали успешнее интерпретировать музыкальные интернет-мемы, анализировать культурные аллюзии, понимать особенности англоязычного музыкального юмора и выявлять культурно обусловленные элементы медиатекстов.

Приведём характерные примеры. При анализе мема о музыкантах студенты не только описывали буквальный смысл, но и объясняли культурный контекст: «Это отражает типичную для музыкантов ситуацию бесконечных репетиций. Такой юмор понятен музыкантам из разных стран, потому что музыкальный опыт похож». Студенты активнее использовали культурные сравнения: «В России тоже есть похожие мемы про музыкантов, но мы чаще шутим про строгих преподавателей, а в американских мемах – про перфекционизм и бесконечные репетиции».

Студенты успешно создавали собственные медиатексты для иностранной аудитории. Например, один из студентов создал пост «A typical rehearsal day in Russia»: «In Russia, we have rehearsals 5 times a week. We usually start at 9 am. Our favourite part is when we play Tchaikovsky. Teachers are strict but passionate. We celebrate the Day of Music on October 1».

В ходе интервью студенты отмечали, что работа с медиатекстами повысила их интерес к изучению английского языка и помогла лучше понять современную англоязычную музыкальную культуру. Один из студентов отметил: «Раньше я просто слушал зарубежную музыку и не задумывался о культуре. Теперь я понимаю, что за каждым мемом или видео стоит что-то особенное для музыкантов из других стран».

Межкультурное взаимодействие в музыкальной среде требует от будущих специалистов не только языковой подготовки, но и развитой способности интерпретировать культурные смыслы, распознавать стереотипы и выстраивать эффективную коммуникацию с представителями иных культур. Проведённое исследование показало, что целенаправленная работа с аутентичными музыкальными медиатекстами способствует существенному росту межкультурной компетенции студентов: высокий уровень увеличился с 21% до 46%, низкий – снизился с 29% до 12%. Студенты продемонстрировали способность анализировать культурный контекст медиатекстов, проводить параллели между отечественной и зарубежной музыкальной культурой и создавать собственные медиапродукты для международной аудитории. Полученные результаты свидетельствуют о том, что предложенная методика вносит вклад в развитие межкультурного пространства современной России, поскольку готовит специалистов, способных представлять российскую музыкальную культуру на международной арене, укреплять культурные связи и участвовать в межкультурном диалоге. Развитие межкультурной компетенции будущих музыкантов следует рассматривать как фактор укрепления культурного суверенитета России и её интеграции в мировое культурное пространство. Таким образом, предложенная методика может рассматриваться как эффективный инструмент педагогической и коммуникативной подготовки специалистов в сфере музыкального образования и международного культурного сотрудничества. Дальнейшие исследования целесообразно направить на разработку пролонгированных программ и изучение новых форматов цифровой коммуникации.

Список литературы

1. Кордон, Т. А. Основные проблемы студентов в использовании мультимедийных ресурсов для изучения иностранного языка / Т. А. Кордон // Этническая культура. – 2024. – Т. 6, № 2. – С. 49–53. – EDN XCLEWQ.

2. Носонович, Е. В. Параметры аутентичного учебного текста / Е. В. Носонович, Р. П. Мильруд // Иностранные языки в школе. – 1999. – № 1. – С. 11–15.

3. Столетова, Е. К. Роль интерпретации культурно-детерминированных единиц медиатекста в формировании межкультурной компетенции учащихся продвинутого этапа обучения (на примере статей, содержащих отсылку к прецедентным текстам) / Е. К. Столетова, Е. П. Пахомова, А. Ю. Михайленко // Межкультурная коммуникация в современном мире : сборник научных трудов. Москва : КноРус, 2020. – 2020. – № 6. – С. 211–215. – EDN VPRRNE.

4. Фролова, Н. А. Роль масс-медийных текстов в формировании социокультурной компетенции (на материале немецкого языка) / Н. А. Фролова, И. В. Алещанова // Современные проблемы науки и образования. – 2009. – № 5. – С. 142–145. – EDN JUOTUV.

Соловьева Анастасия Сергеевна
студентка
Илларионова Лилия Владимировна
доцент, декан
БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств»
Министерства культуры, по делам национальностей
и архивного дела Чувашской Республики
г. Чебоксары, Чувашская Республика

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ В ПРАКТИКЕ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ: ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА «МОСТ ДРУЖБЫ» В Г. КАНАШЕ

Аннотация: *в статье рассматривается роль этнокультурных фестивалей в формировании межкультурного пространства современной России. Целью исследования является анализ потенциала проекта «Мост дружбы», реализованного на базе Автономного учреждения культуры «Городской Дворец культуры» г. Канаш, как инструмента укрепления межнационального единства. Материалами послужили данные, полученные в ходе организации и проведения фестиваля в 2026 году, а также результаты наблюдения за реакцией аудитории. В работе проанализированы содержательные и организационные аспекты проекта: его концептуальная связь с Годом единства народов России и Годом дружбы народов в Чувашской Республике, поликультурная программа площадок, использование современных технологий. Установлено, что фестиваль привлёк широкую аудиторию, включая онлайн-зрителей, а доля молодёжи среди участников значительно возросла по сравнению с предыдущими годами. Выявлено, что проект выполняет не только рекреационную, но и важную социально-интеграционную функцию, способствуя диалогу культур. Сформулированы рекомендации по усилению межкультурной составляющей через развитие цифрового продвижения и адаптацию форматов для разных возрастных групп.*

Ключевые слова: *межкультурное пространство, этнокультурные фестивали, межнациональное единство, «Мост дружбы», Год единства народов России, Год дружбы народов в Чувашии, диалог культур, социокультурное проектирование.*

Современное межкультурное пространство России характеризуется многообразием этносов, традиций и языков. В условиях глобализации и универсализации культуры особенно остро встаёт вопрос сохранения локальных традиций и формирования уважительного отношения к культурному наследию разных народов. На этом фоне начинают забываться, а также и исчезать локальные традиции коренных народов России. Становится затруднительным встраивание традиций и обычаев в систему ценностей современного человека и общества, формирование бережного отношения к ним.

В связи с этим актуальной остаётся проблема сохранения исторического и культурного наследия, как материального, так и духовного. Современные учреждения культуры – музеи, библиотеки, дома культуры и другие – становятся ключевыми институтами в системе сохранения и популяризации народных традиций. Культурно-досуговая деятельность охватывает широкий спектр мероприятий: тематические вечера, концерты, конкурсы, театральные постановки, экскурсии, мастер-классы и многое другое. Разнообразие форм работы создаёт условия для качественной деятельности по сохранению и трансляции традиционной культуры народов.

Особую роль в этом процессе играют этнокультурные фестивали. Они выступают не только средством сохранения народных традиций, но и важным инструментом укрепления межнационального согласия, формирования региональной культурной идентичности, развития событийного туризма и повышения привлекательности территорий. Как подчёркивает Р.А. Люманова, фестивали народной культуры в полиэтничных регионах России выполняют важнейшую роль в сохранении культурного наследия, укреплении межнационального

согласия и формировании единого культурного пространства [1]. Исследователь также отмечает, что этнические фестивали обладают сильным миротворческим потенциалом, содействуют снижению межнациональной и межконфессиональной агрессии и способствуют взаимопониманию участников разных этнических, религиозных и культурных традиций [1].

Следует подчеркнуть, что фестиваль как форма культурно-досуговой деятельности обладает рядом специфических черт. Он представляет собой комплексное мероприятие, включающее концертные выступления, выставки, мастер-классы, театрализованные представления и интерактивные площадки. Такое разнообразие форматов позволяет привлечь широкую аудиторию и обеспечить каждому участнику возможность найти наиболее интересную для него форму взаимодействия с культурой. Именно поэтому фестивали становятся эффективным инструментом межкультурной коммуникации, преодолевающим барьеры, которые могут возникать в повседневном общении представителей различных этнических групп.

В 2026 году эта роль фестивалей приобрела особое звучание на двух уровнях. На федеральном уровне Указом Президента Российской Федерации от 25 декабря 2025 года №962 2026 год был объявлен Годом единства народов России. Цель этой масштабной общегосударственной акции – укрепление национального единства, мира и согласия между народами Российской Федерации [2]. На региональном уровне Указом Главы Чувашской Республики от 4 декабря 2025 года №221 2026 год в Чувашской Республике был объявлен Годом дружбы народов [3]. Этот документ определил приоритетные направления работы: укрепление межнационального согласия, сохранение культурного многообразия и развитие диалога между народами, проживающими на территории республики. Фестиваль «Мост дружбы», реализованный в Городском Дворце культуры г. Канаш, стал частью этой общероссийской и республиканской повестки.

Цель исследования – на основе анализа практики проведения фестиваля «Мост дружбы» в ГДК г. Канаш выявить его роль в формировании межкультурного пространства и укреплении единства народов России.

Переходя к результатам исследования, следует отметить, что проект «Мост Дружбы – Туслах кĕперĕ» (в переводе с чувашского – «Мост дружбы») представляет собой уникальный социокультурный проект, направленный на объединение населённых пунктов, укрепление межкультурных связей, сохранение традиций и развитие творческого потенциала. В контексте деятельности ГДК г. Канаш проект работает как площадка для культурного обмена между городом и сельскими поселениями, а также между представителями разных национальностей, проживающих на территории Чувашской Республики.

История Городского Дворца культуры г. Канаш насчитывает несколько десятилетий. Он был построен в 1957 году и на сегодняшний день является крупнейшим центром культурной жизни города. В его стенах действуют 29 клубных формирований, шесть из которых носят звание «Народный», а общая численность участников превышает 400 человек. Такая развитая инфраструктура позволяет проводить масштабные мероприятия республиканского и межрегионального уровня, к числу которых относится и фестиваль «Мост дружбы».

Выбор названия проекта особенно значим: 2026 год был объявлен не только Годом единства народов России на федеральном уровне, но и Годом дружбы народов Чувашской Республики. Фестиваль «Мост дружбы» призван стать символом гармонии и национального единства, продолжая традицию предыдущих мероприятий, проводившихся во Дворце культуры, таких как фестиваль «Венец дружбы», который объединяет людей разных национальностей, культур и традиций.

Ключевым элементом концепции фестиваля стала идея «моста» – символа связи между различными культурами, поколениями и традициями. Вторая смысловая опора – «дружба» как фундаментальная ценность, объединяющая всех участников независимо от национальности. Третья составляющая – «празднование», эмоциональная составляющая, создающая радостную, сплочённую и открытую атмосферу. Визуальным воплощением этой концепции

стала афиша фестиваля (рис. 1), в которой нашли отражение как традиционные этнические мотивы, так и официальная символика Года единства народов России.

Рис. 1. Афиша фестиваля «Мост дружбы» (2026 г.)

Концепция фестиваля разрабатывалась в формате совместной творческой лаборатории. В ней принимали участие специалисты учреждений культуры, руководители аутентичных фольклорных коллективов и научные сотрудники местного музея. Такое взаимодействие позволило сохранить аутентичность праздника и обеспечить баланс между традиционными культурными смыслами и их сценической адаптацией для современной аудитории.

Фестиваль был построен как многочасовая программа, включающая несколько взаимосвязанных блоков. Торжественная церемония открытия включала ритуалы, парад участников и приветственные речи. Ведущие начинали мероприятие на чувашском языке, приветствуя гостей, затем следовал перевод на русский язык, что обеспечивало доступность содержания для многонациональной аудитории. После традиционной церемонии приветствия состоялось торжественное шествие участников и почётных гостей к центральной площадке.

Ключевым элементом открытия стала театрализованная хореографическая сюита, посвящённая фестивалю, Году единства народов России и Году дружбы народов Чувашской Республики. В постановке приняли участие Образцовый вокально-хореографический коллектив «Ласточка», народный фольклорный ансамбль «Поле к», танцевальный коллектив «Грация» и танцевальный коллектив «Арабеск». Первая часть сюиты была посвящена традиционному земледельческому циклу: через хореографические образы были показаны этапы сельскохозяйственного труда. Во второй части раскрывалась тема единства народов России: участники представили русскую, татарскую, чувашскую и мордовскую хореографические традиции, после чего все коллективы объединились в общем танце. Завершением композиции стала церемония подношения караваев почётным гостям праздника как символа гостеприимства, уважения и единства народов.

Концертная программа «Хоровод дружбы» была построена на принципе поликультурного диалога: на сцене звучали как современные русские эстрадные композиции, так и авторские обработки чувашских, татарских и мордовских народных песен в исполнении местных артистов и творческих коллективов. Такой репертуарный баланс позволял одновременно поддерживать связь с локальной этнической идентичностью праздника и обеспечивать комфортное восприятие для широкой аудитории разных возрастных и национальных групп.

Особое место в структуре фестиваля занимали интерактивные площадки. На мастер-классах по традиционным ремёслам посетители могли освоить элементы чувашской вышивки, татарского ткачества и мордовской вышивки бисером. Гастрономическая зона знакомила гостей с национальными кухнями: чувашский квас, русский каравай, татарский чак-чак и мордовские блины стали точками притяжения для семей с детьми. Участники использовали 3D-принтеры для создания собственных сувениров на основе традиционных узоров, что позволило соединить традицию и современные технологии.

Интерактивные площадки выполняли не только развлекательную, но и образовательную функцию. Посетители не просто наблюдали за выступлениями коллективов, а могли прикоснуться к культурным традициям через практическую деятельность: освоить элементы вышивки, попробовать блюда национальной кухни, создать сувенир своими руками. Такой подход соответствует современным тенденциям в организации культурно-досуговой деятельности, где акцент делается на активное вовлечение аудитории, а не на пассивное потребление культурного продукта.

Одним из ярких моментов проекта стало лазерное шоу на внешней стене Дворца культуры, наглядно демонстрирующее историю Канаша как важного железнодорожного узла, соединяющего Восток и Запад. Этот визуальный образ «моста» между регионами и культурами стал символическим завершением программы.

В 2026 году проект «Мост дружбы» сделал новый шаг в развитии, выйдя за пределы очного формата. В холле культурного центра было создано пространство виртуальной реальности, где гости могли совершить экскурсии по этнографическим музеям Поволжья. На большом экране транслировались выступления партнёрских площадок из других регионов, а участники обменивались творческими подарками в режиме реального времени. Это позволило расширить географию проекта и привлечь аудиторию, которая не могла присутствовать лично.

Отдельного внимания заслуживает гастрономическая составляющая фестиваля. На кулинарной демонстрации были представлены три традиционные кухни: чувашская, татарская и мордовская. Повара поделились секретами приготовления «шурпы» и «чак-чака». Для гостей это стало не просто дегустацией, а возможностью познакомиться с культурой через её вкусовые коды, что значительно усиливает эмоциональное восприятие и запоминаемость мероприятия.

На показе мод были представлены современные предметы одежды, созданные в сотрудничестве молодых городских дизайнеров и ремесленников из культурного центра, с элементами чувашской вышивки. Этот формат позволил продемонстрировать, как традиционные элементы культуры могут органично вписываться в современную моду, делая народное искусство актуальным для молодого поколения.

Результаты фестиваля 2026 года свидетельствуют о его высокой эффективности как инструмента межкультурной коммуникации. Мероприятие привлекло широкую аудиторию, включая онлайн-зрителей, а доля молодёжи среди участников значительно возросла по сравнению с предыдущими годами. Дворец культуры успешно использовал модель «иммерсивной популярной культуры», укрепив свои позиции в качестве инновационной платформы для Чувашской Республики. Проведение онлайн-конференций расширило влияние учреждения за пределы республики и установило устойчивые культурные связи с Республикой Татарстан и Республикой Марий Эл.

Вместе с тем были выявлены и проблемные зоны. Участники старшего возраста испытывали трудности с адаптацией к интерактивным зонам без помощи волонтёров. Высокая нагрузка на сеть вызывала задержки сигнала во время мероприятия, что влияло на качество онлайн-трансляции. Переход к производственно-ориентированной модели потребовал от сотрудников ГДК использования новых ИТ- и маркетинговых навыков, но не все были к этому готовы. Некоторые эксперты выразили опасение, что «модернизация» (электронная музыка,

лазерные шоу) может заменить подлинность народного искусства, что требует внимательного отношения к балансу между традицией и инновацией.

Следует также отметить, что организация фестиваля потребовала значительных ресурсных затрат. Аренда дорогостоящего оборудования для виртуальной реальности и лазерных систем значительно увеличила бюджет мероприятия, что вызвало опасения по поводу устойчивости модели в условиях бюджетных ограничений. Задержки на этапе планирования повлияли на утверждение концепции и сценария мероприятия. Во время мероприятия также возникли несколько технических неполадок, включая проблемы с дизайном и освещением.

На основе проведённого анализа были сформулированы рекомендации по усилению межкультурной составляющей проекта. В частности, рекомендуется обеспечить профессиональное обучение волонтёров для оказания помощи пожилым людям в интерактивных зонах. Целесообразно рассмотреть возможность поэтапной закупки мультимедийного оборудования для снижения зависимости от аренды. Также рекомендуется создать цифровую платформу проекта «Мост дружбы» для демонстрации достижений фестиваля (3D-модели, записи песен и т. д.) круглый год, а не только в день мероприятия. Для укрепления межпоколенческих связей можно разработать отдельную программу, в которой старшее поколение выступало бы в роли наставников для молодёжи в освоении традиционных ремёсел.

Проведённое исследование подтвердило высокую эффективность фестиваля «Мост дружбы» как модели деятельности учреждений культуры по сохранению народных традиций и формированию межкультурного пространства. Проект наглядно демонстрирует, как традиция, оставаясь живой и востребованной, создаёт условия для диалога культур и укрепления межнационального единства. Опыт ГДК г. Канаш показывает, что современный этнокультурный фестиваль должен включать интерактивные форматы, цифровые технологии и образовательные элементы, сохраняя при этом баланс между аутентичностью и современными формами. Таким образом, фестиваль «Мост дружбы» выступает действенным фактором формирования межкультурного пространства современной России, обеспечивая сохранение этнической идентичности народов Чувашии и открывая возможности для межкультурного диалога. Реализация предложенных мер позволит трансформировать проект в полноценный этнотуристический продукт межрегионального значения, а комплекс рекомендаций может быть тиражирован на другие этнокультурные мероприятия учреждений культуры Республики Чувашия и соседних регионов.

Список литературы

1. Люманова, Р. А. Роль фестивалей в укреплении межкультурного диалога в полиэтничных регионах / Р. А. Люманова // Вестник науки. – 2026. – Т. 1, № 5 (98). – URL: https://www.вестник-науки.рф/article/30160 (дата обращения: 20.10.2026). – Текст : электронный.

2. О проведении в Российской Федерации Года единства народов России : Указ Президента Российской Федерации : от 25 декабря 2025 г. №962. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202512250003 (дата обращения: 20.10.2026). – Текст : электронный.

3. Об объявлении в Чувашской Республике 2026 года Годом дружбы народов : Указ Главы Чувашской Республики : от 4 декабря 2025 г. №221. – URL: https://glava.cap.ru/doc/laws/2025/12/04/decree-221 (дата обращения: 20.10.2026). – Текст : электронный.

Чиванова Наталья Михайловна
художественный руководитель
МБУК «Сернурская централизованная система»
Сернурского районного центра культуры и досуга
пгт Сернур, Республика Марий Эл
Андреев Геннадий Иванович
канд. пед. наук, заведующий кафедрой
БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств»
Министерства культуры, по делам национальностей
и архивного дела Чувашской Республики
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ПРАЗДНИК «ПЕЛЕДЫШ ПАЙРЕМ» КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация: *в статье рассматривается роль этнокультурных праздников в формировании межкультурного пространства современной России. Целью исследования является анализ потенциала национального праздника «Пеледыш пайрем» как фактора укрепления межнационального единства и сохранения нематериального культурного наследия. Материалами послужили данные, полученные на базе Сернурского районного центра культуры и досуга Республики Марий Эл, а также результаты социологического опроса посетителей праздника. В работе проанализированы содержательные и организационные аспекты праздника: его историческая связь с земледельческими обрядами, включение в концепцию Года единства народов России, поликультурная программа площадок. Установлено, что 86,8% респондентов ощутили атмосферу единства народов России во время праздника, а 76,5% являются повторными посетителями. Выявлено, что праздник выполняет не только рекреационную, но и важную социально-интеграционную функцию, способствуя диалогу культур и формированию единого межкультурного пространства. Сформулированы рекомендации по усилению межкультурной составляющей через развитие туристического потенциала и молодёжных форматов.*

Ключевые слова: *межкультурное пространство, этнокультурные праздники, народные традиции, межнациональное единство, нематериальное культурное наследие, Пеледыш пайрем, Республика Марий Эл, диалог культур.*

Современное межкультурное пространство России характеризуется многообразием этносов, традиций и языков. В условиях глобализации и универсализации культуры особенно остро встаёт вопрос сохранения локальных традиций и формирования уважительного отношения к культурному наследию разных народов. На этом фоне начинают забываться, а также и исчезать локальные традиции коренных народов России. Становится затруднительным встраивание традиций и обычаев в систему ценностей современного человека и общества, формирование бережного отношения к ним.

В связи с этим актуальной остаётся проблема сохранения исторического и культурного наследия, как материального, так и духовного. Современные учреждения культуры – музеи, библиотеки, дома культуры и другие – становятся ключевыми институтами в системе сохранения и популяризации народных традиций. Культурно-досуговая деятельность охватывает широкий спектр мероприятий: тематические вечера, концерты, конкурсы, театральные постановки, экскурсии, мастер-классы и многое другое. Разнообразие форм работы создаёт условия для качественной деятельности по сохранению и трансляции традиционной культуры народов.

Особую роль в этом процессе играют этнокультурные праздники. Они выступают не только средством сохранения народных традиций, но и важным инструментом укрепления межнационального согласия, формирования региональной культурной идентичности,

развития событийного туризма и повышения привлекательности территорий. Национальный праздник марийского народа «Пеледыш пайрем», зародившийся в 1920 году в Сернуре, служит ярким примером успешного синтеза традиционных земледельческих обрядов с современными социокультурными задачами, включая укрепление межнационального единства и сохранение нематериального культурного наследия.

Цель исследования – на основе анализа практики проведения праздника «Пеледыш пайрем» выявить его роль в формировании межкультурного пространства и укреплении единства народов России.

Практическая часть исследования проводилась на базе Сернурского районного центра культуры и досуга Сернурского муниципального округа Республики Марий Эл. Праздник «Пеледыш пайрем» (с марийского – «Праздник цветов») обладает уникальной исторической динамикой. Как отмечает доктор искусствоведческих наук Г. Е. Шкалина, он является «перекрестком духовных традиций» марийского народа [2]. Впервые праздник был проведён в 1920 году в селе Сернур по инициативе марийского писателя и общественного деятеля А. Ф. Конакова. Первоначально праздник, соответствуя духу времени, назывался «Йошкар пеледыш пайрем» (с марийского – «Праздник красного цветка»). Он представлял собой синтез архаичных марийских земледельческих обрядов, связанных с календарным циклом (Агавайрем, Лышташ пайрем/Семьик), и новой пролетарской идеологии.

Пережив запрет в 1930-е годы и возрождение в 1965 году, праздник трансформировался в крупное межрегиональное событие, сохраняющее историческую память и способствующее ревитализации традиционной культуры народа мари. В настоящее время «Пеледыш пайрем» является одним из значимых праздников Республики Марий Эл, выполняя важные этнокультурные и образовательные функции. Праздник способствует передаче традиций новым поколениям и укрепляет этническую идентичность.

В 2026 году подготовка к празднику началась за два месяца до даты проведения (14 июня 2026 года) и была организована в соответствии с пятью стадиями продюсирования. Первая стадия заключалась в формулировании концепции мероприятия. На данном этапе важно было органично объединить традиционные марийские земледельческие мотивы с актуальной общественно-политической повесткой – празднованием Дня России, 105-летием Сернурского района. В значительной степени концепцию мероприятия определил Год единства народов России, объявленный в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 25 декабря 2025 года №962 [1].

Формирование художественной и смысловой концепции праздника носило междисциплинарный характер и осуществлялось в формате совместной творческой лаборатории. Концепция разрабатывалась при активном участии специалистов учреждений культуры, руководителей аутентичных фольклорных коллективов и научных сотрудников местного музея. Такое взаимодействие позволило сохранить аутентичность праздника и обеспечить баланс между традиционными культурными смыслами и их сценической адаптацией для современной аудитории. Визуальным воплощением этой концепции стала афиша праздника (рисунок 1), в которой нашли отражение как традиционные марийские мотивы, так и официальная символика Года единства народов России.

Рис. 1. Афиша праздника «Пеледыш пайрем» (2026 г.)

Ключевым элементом открытия стала театрализованная хореографическая сюита, посвящённая празднику, Году единства народов России и 105-летию Сернурского района. В постановке приняли участие Образцовый коллектив «Ласточка», народный ансамбль «Поле к», танцевальные коллективы «Грация» и «Арабеск». Первая часть сюиты была посвящена традиционному земледельческому циклу: через хореографические образы были показаны этапы сельскохозяйственного труда. Во второй части раскрывалась тема единства народов России: участники представили русскую, татарскую и марийскую хореографические традиции, после чего объединились в общем танце под песню «Олык ямле». Завершением композиции стала церемония подношения караваев почётным гостям как символа гостеприимства и единства народов.

Сценарий открытия праздника, показывает, как в торжественной части сочетались элементы разных культур. Ведущие начинали мероприятие на марийском языке, приветствуя гостей: «Салам тыланда, пайрем ден, марий калык! Кузе таче кече онча шыратен, Мура марий калык, лиеш мо мурдегыч? Нӧлта кумылам – Пеледыш пайрем!». Затем следовал перевод на русский язык, что обеспечивало доступность содержания для многонациональной аудитории. После традиционной церемонии приветствия состоялось торжественное шествие участников и почётных гостей к центральной площадке, где проходило официальное открытие мероприятия.

Основные мероприятия проходили на четырёх площадках. Центральная площадка включала официальную часть, церемонии награждения и концертную программу творческих коллективов района. После завершения концертной программы её пространство трансформировалось в фольклорную площадку, где исполнялись традиционные марийские песни под гармонь и фонограмму, а зрители принимали участие в народных круговых танцах.

Параллельно с основной сценой функционировала эстрадная площадка, ставшая важной точкой притяжения для разнообразной аудитории и органичным дополнением к общей драматургии праздника «Пеледыш пайрем». Её музыкальная программа строилась на принципе поликультурного диалога: здесь звучали как современные русские эстрадные композиции, так и авторские обработки марийских народных песен в исполнении местных артистов и творческих коллективов Сернурского района. Такой репертуарный баланс позволял одновременно поддерживать связь с локальной этнической идентичностью праздника и обеспечивать комфортное восприятие для широкой аудитории разных возрастных и национальных групп.

Особое место в структуре праздника занимала историко-этнографическая площадка «Шернур пазар», посвящённая истории сернурской торговли и ярмарочной культуры. Экспозиция знакомила посетителей с развитием местного базара от начала XX века до современности. На площадке были представлены предметы дореволюционного и советского быта, торговый инвентарь, изделия народных мастеров, а также реконструкция торговой лавки сернурского купца Ефрема Петровича Буркова. Благодаря использованию музейных предметов и исторических реконструкций посетители могли познакомиться с особенностями торговой жизни Сернурского района разных исторических периодов.

В рамках научной работы было проведено социологическое исследование методом анкетирования посетителей мероприятия для оценки эффективности продюсерской деятельности при организации праздника «Пеледыш пайрем» в Сернурском муниципальном округе. Выборка составила 68 респондентов. Возрастная структура (рисунок 2) демонстрирует сбалансированное распределение с доминированием наиболее социально активной группы 36–50 лет (35,3%), что свидетельствует о семейном характере посещения праздника. Доля молодежи (18–35 лет) составляет 33,8%, что указывает на значимость праздника «Пеледыш пайрем» как эффективного механизма формирования культурной идентичности у молодого поколения. Наличие аудитории старше 65 лет (5,9%) указывает на межпоколенческий характер праздника и подчеркивает его роль в сохранении и передаче культурной памяти.

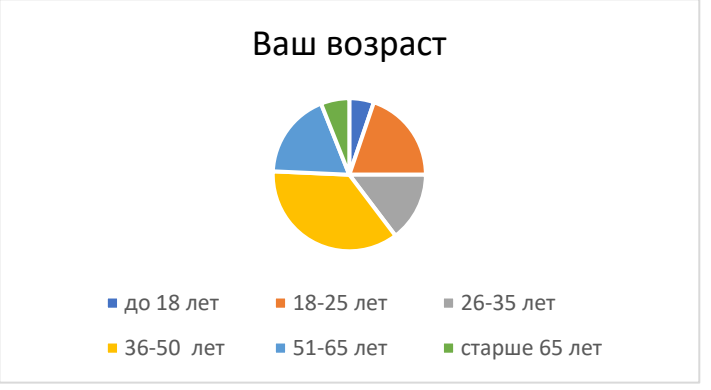

Рис. 2. Возрастная структура посетителей праздника «Пеледыш пайрем»

Географическая структура аудитории показывает, что мероприятие имеет преимущественно локальный характер, но обладает потенциалом для расширения регионального охвата. Большинство респондентов (58,8%) составили жители Сернурского муниципального округа, что естественно для праздника, являющегося ключевым событием в культурном календаре района. Этот показатель подтверждает прочную связь «Пеледыш пайрем» с культурной жизнью территории и его важную роль в объединении местного сообщества вокруг народных традиций. На втором месте находятся жители других районов Республики Марий Эл – 27,9%, что свидетельствует о постепенном формировании репутации «Пеледыш пайрем» как межмуниципального этнокультурного события. Доля гостей из других регионов Российской Федерации оказалась наименьшей – 13,2%, что указывает на ограниченный охват за пределами республики.

Частота посещений показывает, что 76,5% респондентов являются повторными посетителями (38,2% посещали 1–2 раза, 25,0% – 3–5 раз, 13,2% – более 5 раз), что свидетельствует о формировании устойчивой лояльной аудитории. Доля новых посетителей составила 23,5%, что указывает на способность праздника привлекать новую аудиторию.

Оценка праздника по шести критериям помогла определить его сильные стороны и то, что стоит улучшить. Средний балл составил 4,25 из 5,0 – это уровень «отлично», который говорит о высоком качестве работы организаторов. Лучше всего посетители оценили: визуальное оформление и атмосферу праздника (4,53 балла), центральную вокально-хореографическую сюиту (4,47 балла), концепцию и тематику праздника (4,25 балла). Новый формат площадки

«Шернур пазар» (4,14 балла) также получил хорошую оценку – зрителям понравился современный подход к организации торговли и гастрономической зоны, в котором коммерческая составляющая была органично вписана в культурно-просветительский контекст. Торговые ряды стали естественным продолжением историко-этнографической концепции праздника, отсылая к реальным ярмарочным традициям Сернурского края.

Самый низкий балл получило качество звука и света (3,92 балла) – это главная зона роста, которая требует обновления технического оборудования. Важно подчеркнуть, что для этнокультурного праздника на открытой площадке качественное звуковое и световое оформление является не просто техническим дополнением, но важнейшим условием эффективной трансляции культурного содержания.

Главной стратегической задачей праздника «Пеледыш пайрем» 2026 года было создание атмосферы единства народов России. Результаты опроса (рисунок 3) показали, что 86,8% респондентов ощутили эту атмосферу (50,0% – полностью, 36,8% – скорее да). Это показывает, что продюсерская и режиссёрская команды успешно справились с главной задачей праздника.

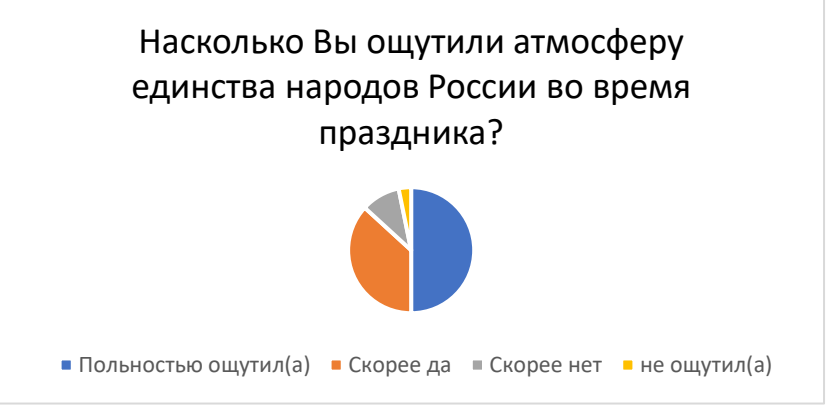

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Насколько Вы ощутили атмосферу единства народов России во время праздника?»

На основе проведённого социологического исследования и анализа продюсерского процесса организации праздника «Пеледыш пайрем» 2026 года, разработан комплекс методических рекомендаций, направленных на совершенствование праздничных форм работы учреждений культуры по сохранению и популяризации народных традиций.

Для реализации туристического потенциала праздника «Пеледыш пайрем» и увеличения доли иногородних гостей рекомендуется реализовать комплекс взаимосвязанных мер, направленных на интеграцию мероприятия в региональную туристическую инфраструктуру и усиление его продвижения за пределами Сернурского муниципального округа. В частности, рекомендуется включить «Пеледыш пайрем» в официальные туристические маршруты Республики Марий Эл, разработать туристические пакеты с гостиницами Йошкар-Олы и организовать автобусные рейсы из Йошкар-Олы, Казани и Кирова в дни проведения праздника.

Доля молодёжи в возрасте 18–35 лет среди посетителей праздника составляет 33,8%, что является хорошим показателем, однако имеет потенциал для роста. Современные формы популяризации народных традиций требуют адаптации аутентичного культурного наследия к ценностным ориентирам молодого поколения. В целях усиления молодёжного направления рекомендуется разработать самостоятельную молодёжную программу в рамках праздника, включающую концертную площадку с выступлением молодёжных этно-коллективов, лекторий о марийской культуре в современном прочтении и дискуссионные клубы. Также рекомендуется внедрить волонтёрский корпус из числа молодёжи Сернурского района и Республики Марий Эл для повышения уровня вовлечённости и формирования дополнительной

мотивации к посещению, а также создать фотозоны и интерактивные пространства с использованием AR-технологий и мультимедийных инсталляций.

Площадка «Шернур пазар», посвящённая истории сернурской торговли и ярмарочной культуры, получила высокую оценку посетителей (4,14 балла) и стала одной из наиболее успешных инноваций праздника 2026 года. Данный формат органично сочетает культурно-просветительскую, историко-этнографическую и гастрономическую функции. Уникальность площадки заключается в том, что она превращает пассивного зрителя в активного участника культурного процесса: посетитель не только знакомится с историей местного купечества и ярмарочных традиций, но и имеет возможность приобрести изделия народных мастеров, попробовать аутентичные блюда марийской кухни, освоить элементы традиционных ремёсел. Для масштабирования данного формата рекомендуется расширить экспозицию за счёт привлечения частных коллекционеров, организовать зону мастер-классов по традиционным ремёслам и создать гастрономический фестиваль в рамках «Шернур пазар» с участием местных производителей.

Проведённое исследование подтвердило высокую эффективность праздника «Пеледыш пайрем» как модели сохранения и популяризации народных традиций. Оценка качества организации показала высокий уровень удовлетворённости посетителей, а большинство участников отметили атмосферу единства народов России, что свидетельствует об успешном сочетании аутентичного содержания с современными продюсерскими подходами. Выявленные зоны роста – качество звукового и светового сопровождения, ограниченный туристический охват и потенциал развития молодёжной аудитории – легли в основу рекомендаций, включающих техническую модернизацию, интеграцию в туристические маршруты, развитие цифрового продвижения и масштабирование формата «Шернур пазар». Праздник наглядно демонстрирует, как традиция, оставаясь живой и востребованной, создаёт условия для диалога культур и укрепления межнационального единства. Таким образом, «Пеледыш пайрем» выступает действенным фактором формирования межкультурного пространства современной России, обеспечивая сохранение этнической идентичности марийского народа и одновременно открывая возможности для межкультурного диалога.

Список литературы

1. О проведении в Российской Федерации Года единства народов России : Указ Президента Российской Федерации от 25 декабря 2025 г. №962. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202512250003 (дата обращения: 05.10.2026). – Текст : электронный.

2. Шкалина, Г. Е. Марийский праздник Пеледыш пайрем: перекресток духовных традиций / Г. Е. Шкалина // Финно-угорский мир. – 2020. – Т. 12, № 4. – С. 457–467. – EDN WHXXBR.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Габдулганиев Дамир Рависович
студент
Косарев Илья Евгеньевич
студент
Научный руководитель
Давлиева Венера Ильдусовна
канд. юрид. наук, доцент

Казанский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»
г. Казань, Республика Татарстан

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРАВОСПОСОБНОСТЬ И ДЕЕСПОСОБНОСТЬ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: *в статье рассматриваются понятия административной правоспособности и дееспособности граждан Российской Федерации как ключевых элементов административной правосубъектности. Анализируются условия их возникновения, возрастные критерии, а также специфика реализации прав и обязанностей в сфере государственного управления.*

Ключевые слова: *административная правоспособность, административная дееспособность, правосубъектность, гражданин, административная ответственность.*

В рамках работы над исследованием выражается искренняя благодарность научному руководителю Давлиевой В.И. за ценные консультации, конструктивные замечания и поддержку на всех этапах. Отмечается признательность за время, уделённое обсуждению научных вопросов. Профессионализм, требовательность и приверженность высоким стандартам научной работы руководителя явились для авторов ориентиром. Выражается надежда на продолжение плодотворного сотрудничества и реализацию совместных исследовательских проектов в дальнейшем.

Следует начать с того, что административные правоотношения возникают лишь при условии наличия у участников правосубъектности. Данный статус включает в себя две ключевые составляющие: правоспособность и дееспособность.

Действующее законодательство закрепляет за каждым человеком способность обладать правами и исполнять обязанности административного характера, что именуется административной правоспособностью [5]. Данная возможность возникает сразу после появления индивида на свет, предоставляя ему, к примеру, право на присвоение имени, получение гражданства и защиту собственных законных прав. И по мере взросления гражданина круг его прав и обязанностей в области государственного регулирования существенно расширяется. Например, согласно п. 2 ст. 81 Конституции Российской Федерации, претендовать на пост президента может гражданин, которому исполнилось 35 лет [1].

Далее хотелось бы затронуть носителей административной правоспособности. Её субъектами могут выступать следующие участники: физические лица, включая граждан России, иностранцев, апатридов и лиц с двойным гражданством; юридические лица, такие как коммерческие и некоммерческие организации, унитарные предприятия государственного и муниципального типов, а также учреждения; публично-правовые образования – Российская Федерация, субъекты РФ и муниципальные образования; а также органы публичной власти и их должностные лица.

Следующим шагом рассмотрим сущность административной правосубъектности, понимаемой как набор закреплённых и охраняемых властью прав и обязанностей лица в области

государственного управления, что даёт ему шанс стать субъектом соответствующих правовых связей. Выделим ключевые компоненты этого понятия.

Первым среди них выступает право вовлекаться в процесс государственного регулирования. В соответствии с положениями статей 2 и 5 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», граждане наделены правом направлять в государственные и муниципальные структуры свои предложения, заявления или жалобы, связанные с защитой их законных прав и интересов [4].

Во-вторых, право на доступ к государственной и муниципальной службе. Согласно пункту 3 статьи 4 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», доступ к службе обеспечивается гражданам на равных основаниях, если выполнены требования к квалификации и возрастным критериям [3].

Кроме того, третьим пунктом закреплено право на судебную защиту собственных прав и интересов. В соответствии с Конституцией РФ каждому гражданину гарантируется возможность обращения в суд для защиты своих прав, а также предусмотрена процедура обжалования решений и действий, принимаемых государственными органами и муниципалитетом [1].

Таким образом, административная правоспособность – это возможность лица иметь определённые права и обязанности, указанные в законодательстве.

При этом способность гражданина самостоятельно реализовывать свои права и нести обязанности в сфере государственного управления не возникает автоматически с момента рождения. Появление административной дееспособности обусловлено двумя условиями: достижением определённого возраста и соответствием критериям психического здоровья. Ранее отмечалось, что полная дееспособность наступает в 18 лет, но если по медицинским показаниям человек не способен отдавать отчёт своим действиям, суд признает его недееспособным, и интересы таких лиц в отношениях с государственными органами и должностными лицами будут представлять законные представители (опекуны). Также существует частичная дееспособность у граждан, которая возникает в 14-летнем возрасте, к примеру, в момент получения паспорта гражданина РФ.

Теперь рассмотрим категорию дееспособности через призму административно-правовой дисциплины. Под дееспособностью в административном смысле понимают нацеленность субъекта права своими волевыми актами реализовывать предоставленные законом блага и исполнять возложенные на него обязанности.

Согласно статье 60 Конституции РФ, полная дееспособность приобретается по достижении 18-летнего возраста [1]. Также отдельные исследователи подчёркивают, что данное понятие охватывает ещё и деликтоспособность, то есть способность индивида отвечать за совершенные им действия и подвергаться административному наказанию. Часть 1 статьи 2.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях гласит, что ответственность в административном порядке несут лица, ко времени совершения нарушения закона которым уже исполнилось 16 лет; таким образом, способность нести административную ответственность возникает раньше, чем полная дееспособность [2].

Также хотелось бы добавить, что административная дееспособность гражданина подразумевает право самостоятельно выполнять отдельные действия в области государственного управления. К таким проявлениям относят обращение с запросами к органам власти, участие в избирательных процедурах и референдумах, а также занятие государственной должности. Сюда же включены оформление разрешительных документов, прохождение административных процедур, а также подача жалоб на действия чиновников через административные или судебные инстанции. Таким образом, дееспособность означает реальную способность субъекта собственными действиями (волеизъявлением) осуществлять данные права и выполнять возложенные обязанности.

В заключение хотелось бы сказать, что административная правоспособность и дееспособность составляют неразрывное единство, формируя административную правосубъектность гражданина. Если первая возникает с момента рождения и закладывает абстрактный

фундамент правового статуса, то вторая, наступающая поэтапно (в 14, 16 и 18 лет), обеспечивает реальную, фактическую возможность самостоятельно участвовать в управленческих отношениях. Специфика этих категорий заключается в их публично-правовом характере, неотчуждаемости и неразрывной связи субъективных прав с публичными обязанностями перед государством. Также в структуру правосубъектности входит и третий элемент – деликтоспособность, которая обычно рассматривается как часть дееспособности гражданина.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС Консультант Плюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 15.10.2026). – Текст : электронный.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон : от 30.12.2001 №195-ФЗ // СПС Консультант Плюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 15.10.2026). – Текст : электронный.

3. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон : от 27.07.2004 №79-ФЗ // СПС Консультант плюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/ (дата обращения: 15.10.2026). – Текст : электронный.

4. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федеральный закон : от 02.05.2006 №59-ФЗ // СПС Консультант Плюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59999/ (дата обращения: 15.10.2026). – Текст : электронный.

5. Административное право: учебник / Д. В. Гвоздев, Л. М. Рябцев, О. И. Чуприс [и др.]. – Минск, 2024. – URL: https://www.iprbookshop.ru/books/155249/details (дата обращения: 26.10.2026). – Текст : электронный.

Лавриненко Александра Александровна
канд. юрид. наук, доцент
Петровская Анна Валентиновна
канд. юрид. наук, начальник кафедры

Калининградский филиал
ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский
университет МВД России»
г. Калининград, Калининградская область

ПРОБЛЕМЫ НОРМИРОВАНИЯ РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ: АНАЛИЗ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация: *в статье рассмотрены подходы к правовому регулированию вопросов привлечения работников к работе сверх установленной продолжительности рабочего времени. Авторы проводят анализ функционирования правового института рабочего времени в России в условиях кадрового дефицита.*

Ключевые слова: *рабочее время, нормирование труда, сверхурочная работа, ненормированный рабочий день.*

В России правовые институты рабочего времени и времени отдыха являются ключевыми в сфере реализации государственных гарантий работников. Это связано с тем, что регулирование трудовых правоотношений в контексте нормирования труда обеспечивает эффективность осуществления трудовой функции. На качество выполнения работы влияют такие факторы, как обеспечение должных условий на рабочем месте, справедливость оплаты и разумность политики нормирования труда работников. Современный рынок труда существует в рамках жестких законов капиталистической экономики, предопределяющих необходимость получения наибольшей прибыли при наименьших затратах. Данное обстоятельство не может не отражаться на кадровой политике: она нацеливается на достижение максимально возможного трудового результата, зачастую в ущерб интересам работника.

Рациональность определения продолжительности рабочего времени и привлечения работника к исполнению трудовой функции сверх установленных законом норм, безусловно, должна быть продиктована соблюдением основополагающих принципов трудового права, а не экономической целесообразностью. В настоящее время одним из приоритетов остается повышение производительности труда, что позитивно влияет на бюджетную и социальную политику [1]. Однако кадровый дефицит в некоторых отраслях экономики в сочетании с постоянно растущими потребностями в увеличении темпов производства приводит к злоупотреблениям работодателей в сфере нормирования труда и ущемлению прав работников на отдых. К числу факторов, осложняющих ситуацию с предоставлением работникам времени отдыха, относят также проведение специальной военной операции и влияние санкционной политики в отношении нашего государства [2].

Сегодня работодатель располагает достаточным инструментарием для привлечения работника к работе сверх установленной законом нормы. При этом необходимо подчеркнуть отсутствие расширительного толкования оснований для увеличения продолжительности рабочего времени. Трудовым кодексом Российской Федерации (далее – ТК РФ) закреплено, что нормальная продолжительность рабочего времени не может превышать 40 часов в неделю. Это время может быть увеличено путем привлечения работника к работе сверхурочно либо установления для него ненормированного рабочего дня. Важно отметить принципиальную разницу в данных подходах, обусловленную порядком привлечения работника к работе сверх установленной нормы, учета и компенсации переработки.

В ст. 99 ТК РФ дан исчерпывающий перечень оснований привлечения работника к сверхурочной работе (как с его согласия, так и без такового). Следует обратить внимание на то, что с 1 сентября 2026 года этот перечень претерпел существенные изменения в части, касающейся увеличения дневного и годового лимита сверхурочной работы. Так, работодатель теперь вправе увеличить продолжительность сверхурочной работы для каждого работника до 240 часов при условии согласия работника и закрепления такого увеличения локальным нормативным актом организации (предприятия). Можно рассматривать это как вынужденную меру. Изменения продиктованы современными реалиями кадрового голода в ряде сегментов рынка труда: нехватка специалистов привела к росту объемов работы, выполняемой действующими субъектами трудовых правоотношений, и работодателю стало довольно сложно укладывать эти объемы в рамки 120 часов сверхурочной работы в год, которые были жестко закреплены трудовым законодательством ранее. Важно отметить, что законодатель предусмотрел дополнительные социальные гарантии для тех работников, которые привлекаются к сверхурочной работе на время, превышающее 120 часов в год: их переработка должна оплачиваться не менее чем в двойном размере.

Впрочем, очевидно, что увеличение времени допустимой сверхурочной работы не может в целом отвечать интересам работников, ведь фактически произошла легализация их привлечения к труду сверх установленных нормативов. Несмотря на наличие в законе требования об обязательном согласии работника на привлечение к работе сверхурочно, на практике эта формальность нивелируется фактической зависимостью работника от работодателя.

Для ряда категорий работников ст. 101 ТК РФ предусматривает возможность установления ненормированного рабочего дня. Это «особый режим работы, в соответствии с которым отдельные работники могут по распоряжению работодателя при необходимости эпизодически привлекаться к выполнению своих трудовых функций за пределами установленной для них продолжительности рабочего времени». Здесь следует обратить внимание на формулировку «при необходимости эпизодически», которая может трактоваться весьма широко, ведь служебная необходимость в условиях интенсивного трудового процесса в организации (на предприятии) может быть явлением частым, а в некоторых случаях – перманентным. Более того, сформировалась тенденция: работники, для которых установлен ненормированный рабочий день, осуществляют трудовую деятельность за пределами нормальной ее продолжительности на постоянной основе. Как правило, такая регулярная переработка дополнительно

не учитывается и компенсируется лишь в виде предоставления работнику в течение года дополнительного отпуска.

Отметим также, что законодатель при формулировании оснований привлечения к труду сверх установленной нормы исходил из того, что работник будет привлекаться к работе только в рамках его трудовой функции, определенной трудовым договором. Однако работодатели зачастую злоупотребляют предоставленным им правом привлечения к работе сверхурочно и поручают работнику выполнение деятельности, для его должности не характерной, не охватываемой его должностным регламентом. Возникновение подобных ситуаций обычно связано с отсутствием в организациях (на предприятиях) тех или иных специалистов.

Далее, сложности возникают при учете рабочего времени работников, осуществляющих трудовую деятельность дистанционно. Это принципиально новая форма занятости, она не укладывается в классическую конструкцию трудового правоотношения, которая предполагает обязательный контроль со стороны работодателя за выполнением работником трудовой функции и учет фактически отработанного времени. Статья 312.4 ТК РФ предусматривает возможность определения режима рабочего времени самим работающим дистанционно работником по своему усмотрению. Но только в случае, если это не сделано работодателем в локальном нормативном акте и не закреплено трудовым договором. Впрочем, работодателя не освободили от обязанности вести учет рабочего времени такого работника. Однако в настоящее время единого механизма учета рабочего времени лиц, работающих удаленно, не существует.

Представляется закономерным, что индивидуальное отношение работника к выполняемым им обязанностям, его заинтересованность в увеличении эффективности и производительности труда непосредственно зависят от подходов работодателя к оценке результатов трудовой деятельности [3] и учета рабочего времени. Проведенный нами анализ правовых положений, регулирующих трудовые правоотношения в сфере привлечения работников к работе сверх установленных норм, свидетельствует о недостаточной проработанности механизмов социальных гарантий и защиты таких работников.

Список литературы

1. Лавриненко, А. А. Подходы к начислению стимулирующих выплат и премий: анализ поправок в Трудовой кодекс РФ и позиция Конституционного Суда / А. А. Лавриненко // Актуальные вопросы экономики, права и социологии : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Чебоксары: Среда, 2026. – С. 151–153.

2. Ашихмина, С. С. Еще раз о необходимости совершенствования правового регулирования режима ненормированного рабочего дня: проблемы в теории и на практике / С. С. Ашихмина // Вопросы российской юстиции. – 2026. – № 42. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/esche-raz-o-neobhodimosti-sovershenstvovaniya-pravovogo-regulirovaniya-rezhima-nenormirovannogo-rabochego-dnya-problemy-v-teorii-i (дата обращения: 27.10.2026). – Текст : электронный.

3. Лавриненко, А. А. Об изменении подходов к установлению системы премирования работников в контексте трудового законодательства / А. А. Лавриненко // XIV Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии» : материалы международной научно-практической конференции. – Калининград, 2026. – С. 62–63.

Самиулина Яна Валерьевна
канд. юрид. наук, доцент
ФКОУ ВО «Самарский юридический институт ФСИН России»
г. Самара, Самарская область

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ КАК ВИД АДМИНИСТРАТИВНОГО НАКАЗАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация: *в статье рассматриваются теоретические и практические проблемы эффективности предупреждения как вида административного наказания. Анализируется его двойственная правовая природа: с одной стороны, это вид административного наказания (ст. 3.4 КоАП РФ), с другой – мера административно-предупредительного характера. Актуальность темы исследования обусловлена широким применением рассматриваемого наказания в правоприменительной практике при недостаточной научной разработанности его правовой природы, механизма исполнения и воспитательно-превентивного потенциала.*

Ключевые слова: *предупреждение, административное наказание, эффективность наказания, профилактика правонарушений, воспитательное воздействие.*

Предупреждение занимает особое место в системе административных наказаний, предусмотренных главой 3 КоАП РФ. Являясь самой мягкой мерой административного наказания, оно в то же время выполняет выраженную профилактическую функцию и состоит в официальном порицании физического или юридического лица (ст. 3.4 КоАП РФ). Вместе с тем, широкое применение предупреждения на практике сочетается с сохраняющейся неопределенностью его правовой природы и отсутствием системного научного осмысления эффективности применения.

Буквальное толкование ч. ст. 3.4 КоАП РФ позволяет выделить признаки предупреждения:

1) материальный признак: отсутствие имущественных лишений и ограничений (в отличие от штрафа и административного ареста);

2) формальный признак: письменная форма, нарушителю под расписку вручается второй экземпляр вынесенного постановления;

3) функциональный признак: воспитательное и превентивное воздействие.

Судебная практика по делам о применении законодательства об административных правонарушениях регулярно обобщается Верховным судом РФ в соответствующих обзорах. Анализ этих материалов показывает, что суды последовательно рассматривают предупреждение именно как меру административного наказания, влекущую состояние привлечения к административной ответственности, однако его двойственная правовая природа (наказание и профилактика) требует более четкого законодательного регулирования. В частности, Верховный Суд РФ в своих обзорах судебной практики неоднократно подчеркивал, что при решении вопроса о замене административного штрафа на предупреждение судам необходимо учитывать не только формальное наличие смягчающих обстоятельств, но и характер правонарушения [1]. В частности, по делам, связанным с угрозой причинения вреда жизни и здоровью граждан, суды, как правило, отказывают в применении ст. 3.4 КоАП РФ, рассматривая предупреждение не как «прощение», а как меру, не способную обеспечить достижение целей наказания.

Таким образом, в нормативном смысле – предупреждение – это самый мягкий вид административного наказания, применяемый уполномоченным органом в целях профилактики повторных правонарушений, не связанный с существенным ограничением прав и свобод правонарушителя, влекущий наступление юридического последствия: лицо считается подвергнутым административному наказанию в течение одного года со дня исполнения постановления (ст. 4.6 КоАП РФ). По смыслу обозначенной нормы следует, что в случае совершения в указанный период повторного административного правонарушения возникнут отягчающие

обстоятельства, подлежащие учету при назначении очередной меры принуждения (ст. 4.3 КоАП РФ).

В доктрине административного права отсутствует единый подход к определению предупреждения. Одни авторы (например, Э.Ф. Байсалуева, Е.Е. Новичкова [2, с. 71]) рассматривают предупреждение исключительно как вид административного наказания, указывая на его легальное определение в КоАП РФ. Другие исследователи предлагают более широкий подход, рассматривая предупреждение как форму административно-правового принуждения, охватывающую как вид наказания, так и меры профилактического воздействия. В.Н. Амельчакова, Г.Н. Суслова, отмечая суть рассматриваемого наказания обращают внимание читателя на то, что «к правонарушителю применяется официальное порицание, которое направлено на предупреждение новых административных правонарушений, уголовных преступлений, защиту и охрану общественного порядка и законности» [3, с. 253].

Учеными-административистами высказываются также принципиально различные точки зрения о целесообразности применения предупреждения в качестве административного наказания. Так, Т. В. Голованова, Е. В. Кравченко высказывают суждение о несоответствии термина «предупреждение» сущности административного наказания, предлагают заменить его на «административное замечание» [4, с. 233].

Нами разделяется иная точка зрения исследователей, выделяющих воспитательную функцию административной ответственности, «потенциал существенного психологического и эмоционального воздействия на правонарушителя» [5, с. 236].

Таким образом, нормативное определение, представленное законодателем в ст. 3.4 КоАП РФ не отвечает на вопрос, является ли предупреждение исключительно мерой наказания или его следует рассматривать шире – как форму административно-правового принуждения.

Представляется, что истина лежит посередине. Правовая природа предупреждения характеризуется двойственностью: с одной стороны, оно является мерой административного наказания и влечет состояние административной наказанности. При этом предупреждение, как административное наказание, выполняет выраженную профилактическую функцию.

Именно эта двойственность позволяет рассматривать предупреждение как самостоятельную форму административно-правового принуждения, сочетающую в себе признаки наказания и профилактики. Такой подход представляется наиболее продуктивным, поскольку он позволяет охватить все аспекты данного правового явления и избежать искусственного сужения его понимания. Однако, это не означает, что предупреждение выходит за рамки принуждения. Оно применяется уполномоченным органом государственной власти, имеет официальный характер и влечет правовые последствия для лица, которому объявлено. Следовательно, предупреждение остается в рамках административно-правового принуждения, но занимает в нем особое место, как воздействие на правонарушителя, направленное, прежде всего, на предупреждение совершения им повторных правонарушений.

Существенные проблемы связаны с отсутствием в законодательстве четкого механизма реализации исполнения предупреждения. Согласно ст. 32.1 КоАП РФ, постановление о назначении административного наказания в виде предупреждения исполняется судьей, органом или должностным лицом, вынесшими постановление, путем вручения или направления копии постановления в соответствии со ст. 29.11 КоАП РФ.

Стоит признать, что при таком подходе остается неопределенным начальный момент исполнения предупреждения и его соотношение со сроком вступления постановления о назначении наказания в законную силу. В соответствии с ч. 1 ст. 30.3 КоАП РФ постановление о предупреждении может быть обжаловано в течение десяти суток со дня вручения или получения его копии. Если жалоба подана, а постановление фактически исполнено путем вручения копии, возникает юридическая нестыковка: процедура исполнения совпадает по существу с процедурой доведения акта до сведения лица, в отношении которого он вынесен.

Устранение обозначенного противоречия возможно путем изложения ст. 32.1 КоАП РФ в новой редакции, указав, что постановление о назначении предупреждения исполняется

путем вручения или направления копии постановления в сроки, определенные ст. 29.11 КоАП РФ, и вступает в силу в соответствии со ст. 31.1 КоАП РФ. Реализация такого предложения позволит устранить противоречие между нормами о назначении предупреждения и его реализацией.

Список литературы

1. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации №2 (2025) (утв. Президиумом Верховного суда РФ 18.06.2025). – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 26.10.2026). – Текст : электронный.

2. Байсалуева, Э. Ф. Предупреждение как вид административного наказания: некоторые проблемы исполнения, возможные пути решения / Э. Ф. Байсалуева, Е. Е. Новичкова // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2020. – № 4 (41). – С. 69–74.

3. Амельчакова, В. Н. Проблемы реализации предупреждения как меры административного наказания / В. Н. Амельчакова, Г. Н. Суслова // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 1. – С. 21–28.

4. Голованова, Т. В. Предупреждение как вид административного наказания / Т. В. Голованова, Е. В. Кравченко // Юристъ-Правоведъ. – 2021. – № 3 (98). – С. 229–234.

5. Кушнирова, А. Н. Проблема назначения предупреждения как меры административного наказания в Российской Федерации / А. Н. Кушнирова, И. Н. Кременов // Человек, социум, общество. – 2025. – С. 231–238.

Хомченко Иван Геннадьевич
аспирант
Среднерусский институт управления (филиал)
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ»
г. Орёл, Орловская область

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация: *в статье анализируются современные политико-правовые механизмы регулирования миграционных процессов в Российской Федерации. Рассматриваются конституционные основы, отраслевое законодательство и Концепция государственной миграционной политики на 2026–2030 годы. На материалах нормативных актов, научных публикаций и сообщений СМИ исследуются режим высылки, реестр контролируемых лиц, цифровизация миграционного учета и требования к языковой подготовке детей иностранных граждан. Обосновывается, что эффективность миграционной политики зависит не только от интенсивности контроля, но и от правовой определенности, согласованности действий государственных органов и наличия институтов адаптации. Делается вывод о необходимости сочетать обеспечение безопасности и потребности экономики с гарантиями законности и механизмами включения мигрантов в принимающее общество.*

Ключевые слова: *миграционная политика, политико-правовое регулирование, иностранные граждане, режим высылки, реестр контролируемых лиц, миграционный учет, интеграция мигрантов, государственная безопасность.*

Введение.

Миграционные процессы в современной России затрагивают не только демографическое и экономическое развитие, но и функционирование политических институтов, общественное согласие и реализацию государственной политики в сфере безопасности. Государству необходимо одновременно удовлетворять потребности рынка труда, обеспечивать соблюдение законодательства и создавать условия для включения мигрантов в принимающее общество. Поэтому оценка миграционной политики не может сводиться к количеству принятых нормативных актов или проведённых контрольных мероприятий.

В 2024–2026 годах регулирование миграции стало предметом активных законодательных изменений. В октябре 2025 года утверждена Концепция государственной миграционной политики на 2026–2030 годы. Научные исследования подчёркивают необходимость баланса между экономическим развитием, безопасностью и соблюдением прав человека [2; 3]. Цель статьи – выявить особенности политико-правового регулирования и условия, при которых действующие инструменты способны снижать политические риски. Использованы формально-юридический и системный анализ, анализ стратегических документов, научных публикаций и сообщений СМИ.

Нормативная основа миграционной политики.

Миграционная политика представляет собой направление публичного управления, в котором право служит инструментом реализации политических приоритетов. Нормативные акты определяют условия въезда, пребывания, трудовой деятельности и приобретения гражданства, а политические решения задают цели регулирования и распределяют полномочия между ведомствами и уровнями власти. Эффективность миграционной политики зависит не только от содержания законодательства, но и от распределения компетенции государственных органов и практики применения правовых норм [1].

Конституционные основания регулирования связаны с признанием основных прав и свобод человека, равенством перед законом и судом, а также правом лиц, законно находящихся на территории России, свободно передвигаться и выбирать место пребывания в предусмотренных законом пределах. Правовое положение иностранного гражданина не тождественно статусу гражданина РФ, поэтому законом могут устанавливаться специальные условия въезда, пребывания и трудовой деятельности. При этом ограничения должны иметь законное основание, быть понятными адресатам и применяться в установленной процедуре.

Нормативная система носит комплексный характер. Так, Федеральный закон от 25 июля 2002 г. №115-ФЗ определяет правовое положение иностранных граждан, Федеральный закон от 18 июля 2006 г. №109-ФЗ регулирует миграционный учет. Эти нормы взаимодействуют с законодательством об образовании, занятости и административной ответственности. В своих трудах Л.А. Емелина и С.А. Яворский подчёркивают необходимость согласования задач безопасности с конституционно-правовыми гарантиями [3]. Следовательно, важны не только полнота правовых предписаний, но и их согласованность с административной практикой и задачами интеграции.

Стратегические приоритеты и новые инструменты.

Концепция государственной миграционной политики на 2026–2030 годы, утверждённая Указом Президента РФ от 15 октября 2025 г. №738, связывает цели регулирования с безопасностью, социально-экономическим и пространственным развитием, защитой рынка труда и поддержанием межнационального и межрелигиозного согласия. В документе одновременно предусмотрены совершенствование контроля и создание условий для адаптации иностранных граждан к правовым, социально-экономическим и культурным условиям жизни в России. В число приоритетов включены расширение цифровых технологий, организованный набор работников, верификация данных и координация федеральных, региональных и муниципальных органов.

Е.М. Моисеева, анализируя миграционную политику в 2012–2025 годах, отмечает двустороннюю связь политики и миграционных потоков: решения государства влияют на миграцию, но сами адаптируются к социально-экономическим изменениям [5]. Поэтому стратегические приоритеты требуют эффективной административной реализации, участия работодателей и развития региональной инфраструктуры интеграции.

С 1 января 2025 года общий срок временного пребывания иностранных граждан, прибывших в безвизовом порядке, ограничен 90 сутками суммарно в течение календарного года, если иное не предусмотрено федеральным законом или международным договором. С 5 февраля 2025 года на основании Федерального закона от 8 августа 2024 г. №260-ФЗ введены режим высылки и реестр контролируемых лиц. Включение в реестр применяется к

иностранным гражданам, утратившим законные основания для пребывания или проживания; в рамках установленного режима действуют предусмотренные законом ограничения до выезда из России либо урегулирования статуса.

Масштаб применения нового механизма отражён в материалах СМИ, так в ноябре 2025 года ТАСС со ссылкой на заместителя секретаря Совета безопасности сообщило, что в реестр контролируемых лиц внесены сведения более чем о 775 тыс. иностранцев [6]. Этот показатель свидетельствует о широкой практике применения реестра, но сам по себе не раскрывает долю лиц, которые впоследствии урегулировали свой статус, а также сроки исправления ошибочных сведений и исполнения решений. Оценка эффективности данного инструмента должна учитывать не только объём регистрационных данных, но и доступность процедур урегулирования и обжалования.

Цифровизация расширяется и на региональном уровне. По разъяснению МВД России, с 1 сентября 2026 года в Москве и Московской области расширен круг иностранных граждан, участвующих в эксперименте миграционного учёта через приложение «Амина», использующее данные геолокации. С указанной даты также изменён срок прохождения медицинского освидетельствования для иностранных граждан, прибывающих на срок более 90 суток [4]. Цифровые инструменты могут повышать актуальность учётных сведений и снижать административные издержки, однако требуют процедур исправления ошибок, защиты персональных данных и доступной возможности обжалования решений. При этом технический сбой программного обеспечения или недостоверные сведения не должны автоматически становиться непреодолимым препятствием для законного пребывания и трудоустройства.

В сфере образования Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. №544-ФЗ предусмотрел подтверждение законности пребывания ребёнка и проверку достаточного владения русским языком при приёме иностранных граждан и лиц без гражданства в общеобразовательные организации; порядок тестирования применяется с 1 апреля 2025 года. Знание языка необходимо для освоения образовательной программы, однако результативность такой меры зависит от доступности подготовительных занятий, прозрачности оценки и возможности повторного прохождения тестирования. Однако стоит учитывать, что если языковая проверка действует преимущественно как барьер, а не сопровождается поддержкой обучения, она способна затруднять интеграцию детей.

Политические последствия и направления совершенствования.

Современная миграционная политика развивается на пересечении задач безопасности и потребностей экономики в управляемом привлечении рабочей силы. Усиление контроля способно повысить предсказуемость миграционных потоков, но усложнение и частое изменение процедур может увеличивать зависимость мигрантов от посредников, затруднять легальное трудоустройство и снижать доверие к публичным институтам. Поэтому строгость регулирования должна сочетаться с правовой определённостью, доступностью информации и согласованностью ведомственных процедур [7].

Практически важным направлением является согласование федерального, регионального и муниципального уровней управления. Федеральные органы должны обеспечивать единые правовые рамки и стандарты обмена данными; субъекты РФ – учитывать структуру регионального рынка труда и возможности социальной инфраструктуры; муниципальные институты – выстраивать повседневное взаимодействие с работодателями, образовательными учреждениями и местными сообществами. Задачи контроля и социализации целесообразно функционально разграничивать, обеспечивая при этом межведомственную координацию и участие институтов гражданского общества, предусмотренные Концепцией на 2026–2030 годы.

Оценку результатов миграционной политики следует строить на системе взаимодополняющих показателей. Помимо выявленных нарушений необходимо учитывать сроки оформления документов, корректность реестровых сведений, доступность обжалования, легальную занятость, охват адаптационными и языковыми программами, доступность образования и

динамику локальных конфликтов. Важны также доверие к институтам власти и готовность участников решать противоречия формальными способами. Такой подход помогает отличать социальные трудности интеграции от политических рисков.

Заключение.

Современное политико-правовое регулирование миграционных процессов в России характеризуется расширением цифрового учёта, усилением контроля за законностью пребывания и одновременным закреплением задач адаптации в стратегических документах. Режим высылки, реестр контролируемых лиц, изменения в образовательных требованиях и новые цифровые механизмы демонстрируют стремление повысить управляемость миграционных потоков. Вместе с тем масштаб нормативных изменений сам по себе не гарантирует сокращения нарушений и снижения политической напряжённости.

Эффективность миграционной политики зависит от согласованности правовых норм, качества правоприменения и доступности институтов интеграции. В приоритет должны ставиться: правовая определённость, межведомственная координация, языковая и правовая адаптация, защита данных и оценка последствий новых мер. Сочетание адресного контроля с механизмами включения мигрантов позволит снизить политические риски посредством комплексного публичного управления.

Список литературы

1. Андрейцо, С. Ю. Проблемы реализации миграционной политики в России / С. Ю. Андрейцо // Закон и право. – 2025. – № 10. – С. 52–55.

2. Бельков, О. А. Российская миграционная политика: поиск компромисса между экономическим развитием и обеспечением безопасности / О. А. Бельков, Н. В. Болгов // Общество: политика, экономика, право. – 2025. – № 8. – С. 15–22.

3. Емелина, Л. А. Конституционно-правовые основы миграционной политики России: проблемы и направления реформирования / Л. А. Емелина, С. А. Яворский // Московский юридический журнал. – 2024. – № 4. – С. 19–26.

4. МВД России. Ирина Волк: в сентябре 2026 года вступает в силу ряд изменений в российском законодательстве // МВД МЕДИА. – 2026. – 1 сентября. – URL: https://mvdmedia.ru/news/official/irina-volk-v-sentyabre-2026-goda-vstupaet-v-silu-ryad-izmeneniy-v-rossiyskom-zakonodatelstve/ (дата обращения: 22.10.2026). – Текст : электронный.

5. Моисеева, Е. М. Трансформация миграционной политики России в условиях интеграционных процессов и геополитической турбулентности (2012–2025 гг.) / Е. М. Моисеева // ДЕМИС. Демографические исследования. – 2026. – Т. 6, № 3. – С. 255–279.

6. СБ: в реестр контролируемых лиц внесены данные более 775 тыс. иностранцев // ТАСС. – 2025. – 25 ноября. – URL: https://tass.ru/obschestvo/25727085 (дата обращения: 22.10.2026). – Текст : электронный.

7. Шпаковский, С. А. Политические стратегии интеграции мигрантов в современной России / С. А. Шпаковский // Социально-политические науки. – 2025. – Т. 15, № 4. – С. 117–126.

Шантырь Юрий Романович
студент
Научный руководитель
Широкова Елена Александровна
канд. экон. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет»
г. Магадан, Магаданская область

DOI 10.31483/r-169866

РЕЗЕРВ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ КАК ИНСТРУМЕНТ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ: НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация: *в статье на основе нормативно-правовых актов Магаданской области анализируется порядок формирования и использования резерва управленческих кадров. Рассмотрены правовые основания, процедуры отбора и включения в резерв, а также полномочия государственных органов в этом процессе. Выявлены особенности формирования трех групп резерва и определены потенциальные риски, связанные с процедурными сроками и критериями отбора. Обосновывается необходимость совершенствования механизмов контроля за использованием резерва для повышения эффективности кадровой политики региона.*

Ключевые слова: *кадровый резерв, управленческие кадры, государственная гражданская служба, Магаданская область, нормативно-правовое регулирование.*

На территории Магаданской области действует трехуровневая система кадрового резерва, сформированная в соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2004 г. №79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [1] и Закона Магаданской области от 09 февраля 2005 г. №553-ОЗ «О государственной гражданской службе Магаданской области» [2]. Базовым документом, определяющим порядок формирования и работы с кадровым резервом, является постановление Правительства Магаданской области от 23 марта 2017 г. №225-пп «Об утверждении Положения о порядке формирования кадрового резерва Магаданской области и кадрового резерва государственного органа Магаданской области и работы с ними» [3]. В последующем указанное постановление вносились изменения, в частности, постановлением Правительства Магаданской области от 25 декабря 2017 г. №552-пп [4].

Помимо общего кадрового резерва для государственной гражданской службы, в регионе сформирован специализированный резерв управленческих кадров, порядок формирования которого утвержден Правительством Магаданской области от 05 апреля 2021 г. №185-пп «Об утверждении Положения о резерве управленческих кадров Магаданской области» [5]. Наличие двух видов резерва – общего (для замещения должностей гражданской службы) и управленческого (для замещения целевых должностей) – создает сложную иерархическую систему.

Актуальность исследования обусловлена тем, что кадровый резерв является одним из ключевых инструментов обеспечения органов власти квалифицированными кадрами. Его сформированность напрямую влияет на укомплектование штатов и, как следствие, на результативность деятельности государственных органов.

Цель данного исследования – на основе нормативно-правовых актов Магаданской области проанализировать порядок формирования и использования резерва управленческих кадров, выявить его особенности и потенциальные риски.

Система кадрового резерва Магаданской области представляет собой трехуровневую структуру, включающую [3; 5]:

1) кадровый резерв Магаданской области – формируется государственным органом по управлению государственной службой для замещения должностей областной гражданской службы высшей, главной и ведущей групп;

2) кадровый резерв государственного органа Магаданской области – формируется представителем должностей в конкретном органе власти;

3) резерв управленческих кадров – формируется по отдельному Положению для замещения целевых управленческих должностей.

Формирования резерва управленческих кадров регулируется отдельными документом – постановлением Правительства Магаданской области от 20 января 2020 г. №24-пп, в которое позднее были внесены изменения постановлением Правительства Магаданской области от 05 апреля 2021 г. №259-пп [5]. Данное Положение определяет порядок формирования трех групп резерва управленческих кадров:

– группа 1 – резерв для замещения целевых управленческих должностей, назначение на которые осуществляет Губернатор Магаданской области;

– группа 2 – резерв для замещения целевых управленческих должностей, назначение на которые осуществляют государственные органы Магаданской области (отраслевые министерства, департаменты);

– группа 3 – резерв для замещения целевых управленческих должностей, назначение на которые осуществляют органы местного самоуправления муниципальных образований Магаданской области [5].

Таким образом, резерв управленческих кадров имеет трехуровневую структуру, соответствующая уровням управления региона.

Положение о порядке формирования резерва управленческих кадров (в редакции Постановления №259-пп) устанавливает четкую процедуру отбора кандидатов. Информация о начале приема документов на включение в резерв управленческих кадров, порядке формирования резерва и формах документов размещается в открытом доступе: Департаментом – для Групп 1 и 3, государственными органами – для Группы 2 [5].

Кандидаты подают документы в течение 30 календарных дней с момента размещения информации. Перечень документов включает [5]:

1) анкету кандидата на бумажном носителе и в электронном виде;

2) сведения к единой форме;

3) дополнительные сведения;

4) рекомендацию;

5) справку об отсутствии судимости и (или) факта уголовного преступления;

6) заверенные копии документов об образовании;

7) заверенную копию трудовой книжки или сведения о рудовой деятельности;

8) копию паспорта;

9) справка об отсутствии дисциплинарного взыскания за год, предшествующий году подачи документов [5].

После завершения срока приема документов в течение 15 рабочих дней проводятся конкурсные процедуры, включающие [5]:

– анализ и оценку анкет кандидатов;

– оценку дополнительных сведений;

– тестирование в целях оценки общеобразовательного уровня знаний действующего законодательства и русского языка;

– тестирование для выявления личностно-деловых качеств, интеллектуального и мотивационного уровней.

Конкурсные процедуры проводятся в два этапа: первый этап – оценка анкет, рекомендаций и дополнительных сведений; второй этап – тестирование, его оценка и состояние итогового списка кандидатов [5]. Решение о включении кандидата в резерв принимается на основании результатов конкурса.

Анализ установленных процедурных сроков позволяет выявить риски, связанные с продолжительностью процесса включения кандидатов в резерв и их последующего назначения (табл. 1).

Таблица 1

Процедурные сроки включения в резерв управленческих кадров Магаданской области

Этап процедуры	Срок	Нормативный акт
Размещение информации о приеме документов	Не установлен	Положение (утв. Постановлением №24-пп, ред. №259-пп)
Прием документов от кандидатов	30 календарных дней	Положение (утв. Постановлением №24-пп, ред. №259-пп)
Проведение конкурсных процедур	15 рабочих дней	Положение (утв. Постановлением №24-пп, ред. №259-пп)
Общий срок отбора	Не менее 45 рабочих дней	Расчетный

В случае, если вакантная должность возникает в момент, когда отбор кандидатов в резерве не проводится, или в случае, если в резерве нет подходящих кандидатов, государственный орган вынужден инициировать конкурс на замещение вакантной должности, что также требует значительного времени.

Проведенный анализ нормативно-правовых актов Магаданской области показывает, что система кадрового резерва имеет четкую правовую основу и регламентированную процедуру формирования. В регионе создана трехуровневая система резерва управленческих кадров, соответствующая федеральным требованиям и учитывающая региональную специфику. Установлены единые требования к кандидатам, процедура отбора и конкурсные мероприятия.

Вместе с тем, анализ выявляет ряд особенностей, которые могут создавать риски для своевременного замещения вакантных должностей. Длительность процедуры отбора (не менее 45 рабочих дней с учета сроков размещения информации, приема и обработки документов) может не соответствовать оперативным потребностям государственных органов.

Таким образом, для повышения эффективности использования кадрового резерва как инструмента кадровой политики представляется целесообразным:

1) сократить сроки конкурсных процедур за счет оптимизации этапов оценки кандидатов;

2) ввести мониторинг эффективности использования резерва, включая показатель «доля назначений из резерва от общего числа вакансий»;

3) провести анализ средней продолжительности процедуры замещения вакантной должности через резерв и через открытый конкурс.

Реализация указанных мер позволит повысить оперативность замещения вакантных должностей и, как следствие, эффективность деятельности органов государственной власти и местного самоуправления Магаданской области.

Список литературы

1. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон : от 27.07.2004 № 79-ФЗ // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/ (дата обращения: 28.08.2026). – Текст : электронный.

2. О государственной гражданской службе Магаданской области: Закон Магаданской области : от 09.02.2005 № 553-ОЗ. – URL: https://duma.49gov.ru/common/upload/49/editor/file/Zakon_Magadanskoy_oblasti_O_gosudarstvennoy_grazhdanskoy_sluzhbe_Magadanskoy_oblasti.pdf (дата обращения: 28.08.2026). – Текст : электронный.

3. Об утверждении Положения о порядке формирования кадрового резерва Магаданской области и кадрового резерва государственного органа Магаданской области и работы с ними: Постановление Правительства Магаданской области : от 23.03.2017 № 225-пп. – URL: https://www.49gov.ru/common/download.php?file=postanovlenie_000_14727_23.03.2017_2.pdf&obj=document&site=1 (дата обращения: 28.08.2026). – Текст : электронный.

4. О внесении изменений в постановление Правительства Магаданской области от 23 марта 2017 г. № 225-пп «Об утверждении Положения о порядке формирования кадрового резерва Магаданской области и кадрового резерва государственного органа Магаданской области и работы с ними»: Постановление Правительства Магаданской области : от 25.12.2017 № 552-пп // Гарант. – 2017. – URL: https://base.garant.ru/43917434/ (дата обращения: 28.08.2026). – Текст : электронный.

5. О внесении изменения в постановление Правительства Магаданской области от 20 января 2020 г. № 24-пп «Об утверждении Положения о резерве управленческих кадров Магаданской области»: Постановление Правительства Магаданской области : от 05.04.2021 № 259-пп // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2020. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/4900202104060002 (дата обращения: 02.09.2026). – Текст : электронный.

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Блинова Екатерина Алексеевна
аспирант
Научный руководитель
Сидоров Юрий Вадимович
канд. юрид. наук, заведующий кафедрой

Уральский институт управления (филиал)
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ»
г. Екатеринбург, Свердловская область

ПРИНЦИП НЕЗАВИСИМОСТИ ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ КАК ПРАВОВАЯ ОСНОВА ФИНАНСОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ

Аннотация: статья посвящена исследованию принципа независимости денежно-кредитной политики как фундаментальной правовой основы финансового суверенитета Российской Федерации. Анализируются конституционно-правовые и законодательные нормы, закрепляющие особый статус Банка России, рассматривается соотношение независимости и подотчётности регулятора, а также правовые механизмы обеспечения финансового суверенитета в условиях современных вызовов.

Ключевые слова: финансовый суверенитет, денежно-кредитная политика, Банк России, конституционно-правовой статус, финансовое право.

Трансформация мировой финансовой архитектуры, сопровождавшаяся фрагментацией международных расчётных систем и беспрецедентным применением финансовых ограничений, актуализировала проблематику национального финансового суверенитета как самостоятельного объекта правового регулирования. В условиях, когда внешнее воздействие на финансовую систему государства приобретает качество политико-правового вызова, правовые механизмы обеспечения самостоятельности государства в финансовой сфере требуют доктринального переосмысления.

Центральным элементом архитектуры финансового суверенитета выступает институт независимости денежно-кредитной политики. Его конституционное закрепление в статье 75 Конституции Российской Федерации не только определяет особый правовой статус эмитента национальной валюты, но и формирует нормативный каркас, на котором базируется способность государства самостоятельно определять параметры денежного обращения, поддерживать устойчивость финансового рынка и противостоять внешним дестабилизирующим факторам. Соотношение категорий «независимость денежно-кредитной политики» и «финансовый суверенитет» в правовой науке исследовано фрагментарно, что определяет актуальность настоящей работы.

Цель исследования – комплексный теоретико-правовой анализ принципа независимости денежно-кредитной политики как конституционно-правового института, обеспечивающего финансовый суверенитет Российской Федерации, и выявление правовых противоречий, ограничивающих его реализацию.

Объект исследования – публичные правоотношения, формирующиеся в процессе конституционно-правового закрепления и реализации принципа независимости денежно-кредитной политики Банка России.

Концепт финансового суверенитета в отечественной правовой доктрине прошёл путь от косвенного присутствия в классических построениях о государственном суверенитете до обособления в самостоятельный предмет научного анализа. Традиционная позиция исходит из неделимости суверенитета: государство обладает им как целостным свойством политико-

правовой самостоятельности, а производные характеристики – экономическая, финансовая, технологическая – суть лишь проявления единого качества. Этот подход логически устойчив, но затрудняет анализ конкретных правовых механизмов, с помощью которых суверенитет реализуется в отдельных сферах публичной власти.

Современная финансово-правовая мысль всё чаще отходит от жёсткой монистической трактовки. В научный оборот введено представление о финансовом суверенитете как о комплексной правовой категории, отражающей способность государства без внешнего принуждения определять параметры функционирования своей финансовой системы – от эмиссии национальной валюты и управления государственными финансами до регулирования банковского сектора и трансграничного движения капитала. Легальное закрепление эта категория получила в Распоряжении Правительства РФ от 06.03.2026 №434-р, утвердившем Методику расчёта показателей состояния финансового суверенитета, согласно которой финансовый суверенитет – это способность государства проводить единую финансовую и денежно-кредитную политику, обеспечивать стабильность финансового рынка и формировать необходимые ресурсы для развития.

Финансовый суверенитет обладает многослойной структурой: бюджетный, налоговый, валютный и банковский сегменты. Объединяющим звеном выступает денежно-кредитная политика, поскольку устойчивость национальной валюты и самостоятельность эмиссионного центра образуют фундамент, на котором выстраивается вся система публичных финансов. В этом контексте принцип независимости денежно-кредитной политики приобретает статус конституционного гаранта финансового суверенитета. Его назначение – обезопасить процесс принятия решений в области денежного обращения от давления как внутренних политических сил, склонных к краткосрочным стимулирующим решениям, так и от внешних акторов, способных использовать финансовые инструменты как средство геополитического влияния.

Статья 75 Конституции Российской Федерации формирует нормативный фундамент особого правового режима Банка России. Часть 1 устанавливает монополию Центрального банка на денежную эмиссию; часть 2 возлагает на него функцию защиты и обеспечения устойчивости рубля, которую он реализует «независимо от других органов государственной власти».

Содержание принципа независимости структурируется по нескольким направлениям. Функционально-операционная автономия: Банк России самостоятельно определяет выбор и применение инструментов денежно-кредитной политики; Совет директоров наделён исключительной компетенцией принятия решений о ключевой ставке, нормах обязательных резервов, операциях на открытом рынке. Нормотворческая самостоятельность: регулятор издаёт нормативные акты, обязательные для всех субъектов права по вопросам своей компетенции, что позволяет оперативно корректировать режим финансового регулирования. Имущественная обособленность: Банк России финансирует деятельность за счёт собственных доходов; государство не несёт ответственности по его обязательствам, и наоборот; имущество является федеральной собственностью, но изъятие без согласия Банка России не допускается. Институциональная самостоятельность: регулятор не входит в структуру федеральных органов исполнительной власти и не подчинён Правительству, но подотчётен Государственной Думе.

Выделим проблемы.

1. Коллизия между независимостью и взаимодействием с Правительством. Конституция и закон устанавливают независимость Банка России, однако то же законодательство предусматривает, что он «во взаимодействии с Правительством разрабатывает и проводит единую государственную денежно-кредитную политику». Неопределённость касается того, что понимается под «взаимодействием» – координация информационного характера или согласование содержательных параметров политики. Закон не даёт критериев разграничения.

Вторая проблема- процедура формирования руководства. Председатель Банка России назначается Государственной Думой сроком на пять лет по представлению Президента; члены Совета директоров – по представлению Председателя, согласованному с

Президентом. В формировании ключевого управленческого органа участвуют институты политической власти, что ограничивает кадровую независимость, особенно в сравнении с моделями, где срок полномочий значительно превышает электоральный цикл (например, четырнадцать лет для членов Совета управляющих ФРС США).

Далее, статусная неопределённость. Конституционная формулировка имплицитно включает Банк России в число органов государственной власти, тогда как законодательная практика выводит его за пределы этой системы, что порождает практические проблемы: неясен объём ответственности регулятора, пределы контроля Счётной палаты, порядок обжалования его актов.

Завершая рассмотрение блока проблем, отметим: потенциальный целевой конфликт. Закон определяет две цели: защиту устойчивости рубля и обеспечение стабильности финансового рынка. Когда антиинфляционная политика требует повышения ставок, а поддержание стабильности – смягчения, регулятор сталкивается с конфликтом, нормативно не разрешённым, что создаёт риск политического давления на выбор приоритета.

1. Конституционно-правовое уточнение статуса Банка России. Неопределённость – является ли Банк России органом государственной власти – порождает коллизии в правоприменении. Обоснованно конституционное уточнение, прямо относящее регулятор к особому конституционному органу государственной власти, не входящему ни в одну из трёх ветвей, но наделённому публично-властными полномочиями и несущему конституционную ответственность.

2. Разграничение стратегической координации и операционной автономии. Противоречие между независимостью и взаимодействием с Правительством может быть разрешено через нормативное закрепление канадской модели: совместное определение стратегических ориентиров (целевых параметров инфляции, приоритетов финансовой стабильности) при сохранении полной операционной автономии в выборе инструментов. Это разрешило бы коллизию нормы о «взаимодействии», не нарушив принципа независимости.

3. Усиление институциональной подотчётности. Эффективность независимости прямо зависит от развитости контроля. В России подотчётность носит преимущественно формальный характер: ежегодный отчёт и согласование назначений не обеспечивают содержательного контроля. Целесообразно расширение форматов: включение независимых экспертов в структуры принятия решений, создание специализированного парламентского комитета по денежно-кредитной политике, регулярные слушания с руководством регулятора.

Таким образом, сравнительно-правовой анализ показал, что оптимальной является модель операционной независимости при развитой институциональной подотчётности и совместном определении стратегических ориентиров политики. Адаптация элементов этой модели в российской правовой системе – через конституционное уточнение статуса Банка России, разграничение стратегической координации и операционной автономии, усиление парламентской подотчётности и расширение методологии оценки финансового суверенитета – позволит создать устойчивую правовую архитектуру, в которой независимость денежно-кредитной политики будет выполнять функцию надёжного гаранта финансового суверенитета Российской Федерации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 25.09.2026). – Текст : электронный.

2. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России) : Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ : ред. от 04.08.2026 : с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37570/ (дата обращения: 25.09.2026). – Текст : электронный.

3. Об утверждении методики расчета показателей состояния финансового суверенитета Российской Федерации : распоряжение Правительства РФ от 06.03.2026 № 434-р. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=528429&demo=1 (дата обращения: 25.09.2026). – Текст : электронный.

4. По запросу Верховного Суда Российской Федерации о проверке конституционности части третьей статьи 75 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» : определение Конституционного Суда РФ от 14.12.2000 № 268-О. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_30584/ (дата обращения: 25.09.2026). – Текст : электронный.

Мелешенко Николай Михайлович
магистрант
Научный руководитель
Болховитина Татьяна Сергеевна
канд. полит. наук, профессор

Брянский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
г. Брянск, Брянская область

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА

Аннотация: *в статье рассматриваются особенности взаимодействия органов государственной власти и институтов гражданского общества в сфере обеспечения безопасности приграничного региона. Раскрывается значение общественных объединений, общественных палат, добровольческих структур и иных форм гражданского участия в системе профилактики угроз, укрепления социальной устойчивости и развития обратной связи между властью и населением. Особое внимание уделяется Брянской области как субъекту Российской Федерации, имеющему приграничное положение и связанную с ним специфику общественно-политического, социального и управленческого развития. Обоснована необходимость перехода от эпизодического взаимодействия к устойчивой модели координации, основанной на правовом регулировании, общественном контроле, информационном обмене и совместной профилактической работе. Сделан вывод о том, что безопасность приграничного региона обеспечивается не только административными и силовыми инструментами, но и уровнем доверия, гражданской самоорганизации, социальной ответственности и вовлеченности населения в решение значимых общественных задач.*

Ключевые слова: *национальная безопасность, приграничный регион, гражданское общество, общественные объединения, общественная палата, органы государственной власти, общественный контроль, профилактика угроз.*

Современное понимание безопасности региона не ограничивается защитой территории, инфраструктуры и правопорядка. Безопасность приобретает комплексный характер, поскольку включает политическую устойчивость, социальное согласие, информационную защищенность, профилактику экстремизма, поддержку гражданской идентичности, готовность населения к ответственному поведению в условиях риска. Для приграничных субъектов Российской Федерации значение перечисленных направлений возрастает, поскольку близость государственной границы усиливает зависимость регионального развития от внешнеполитической обстановки, трансграничных коммуникаций, миграционных процессов, транспортной связанности и состояния общественных настроений.

В условиях усложнения внешней среды государственные институты сохраняют ключевую роль в обеспечении безопасности. В то же время административный ресурс не способен полностью заменить гражданскую активность, общественное доверие и горизонтальные связи между людьми. Практика регионального управления показывает, что население чаще воспринимает угрозы через конкретные жизненные ситуации: безопасность населенного пункта, устойчивость социальной инфраструктуры, качество информирования, доступность помощи, взаимодействие с муниципальными органами, участие добровольцев в поддержке жителей. Поэтому институты гражданского общества становятся важным звеном между официальными решениями и повседневными потребностями населения [6, с. 45].

Правовую основу рассматриваемого взаимодействия формируют Конституция Российской Федерации, федеральное законодательство о безопасности, общественных объединениях, общественной палате, общественном контроле, а также стратегические документы в сфере национальной безопасности. Федеральный закон «О безопасности» закрепляет общие организационные основы обеспечения безопасности в Российской Федерации. Федеральный закон «Об общественных объединениях» исходит из права граждан на объединение и создает правовую базу для участия общественных структур в социально значимой деятельности. Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» определяет формы участия общества в оценке деятельности органов публичной власти. В совокупности нормы формируют правовое пространство, в котором гражданское общество может выполнять не вспомогательную, а самостоятельную общественно значимую функцию.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации ориентирует систему публичного управления на защиту личности, общества и государства, укрепление гражданского единства, сохранение исторической памяти, развитие патриотического воспитания, противодействие деструктивному информационному воздействию. Для приграничного региона стратегические положения приобретают прикладное значение, поскольку безопасность выражается не только в реагировании на уже возникшие угрозы, но и в раннем выявлении социальных напряжений, поддержке общественной сплоченности, укреплении доверия к органам власти и недопущении информационной изоляции отдельных территорий.

Брянская область представляет особый интерес для анализа, поскольку регион расположен на западном направлении Российской Федерации и имеет границы с Республикой Беларусь и Украиной. Устав Брянской области прямо фиксирует наличие границ с Могилевской и Гомельской областями Республики Беларусь, а также Черниговской и Сумской областями Украины. Отсюда вытекает повышенная значимость межведомственной координации, общественного информирования, профилактики правонарушений, поддержки приграничных муниципальных образований, а также вовлечения местных сообществ в решение задач общественной стабильности.

Приграничность влияет на содержание региональной безопасности по нескольким направлениям. Во-первых, усиливается значение территориального фактора: удаленные муниципальные образования нуждаются в устойчивом канале связи с областным центром, понятных процедурах информирования и доступе к социальной поддержке. Во-вторых, возрастает роль информационной устойчивости, поскольку жители приграничных территорий особенно чувствительны к слухам, тревожным сообщениям, неофициальным источникам и конфликтным интерпретациям событий. В-третьих, повышается значение общественной солидарности, так как устойчивость региона зависит от способности жителей, волонтеров, общественных объединений и органов власти действовать согласованно [3, с. 36].

Институты гражданского общества в приграничном регионе представлены широким кругом субъектов. К ним относятся общественные объединения, социально ориентированные некоммерческие организации, добровольческие движения, патриотические клубы, молодежные объединения, ветеранские организации, профессиональные ассоциации, религиозные и благотворительные структуры, общественные советы при органах власти. Особое место занимает Общественная палата Брянской области, поскольку она выступает площадкой для

обсуждения социально значимых вопросов, выработки предложений и организации общественного участия.

Значение Общественной палаты связано с тем, что она институционализирует диалог между гражданами, общественными организациями и органами публичной власти. На практике палата может выполнять несколько функций: экспертную, коммуникативную, медиативную, контрольную и мобилизационную. Экспертная функция выражается в обсуждении проектов решений, социальных инициатив и проблемных ситуаций. Коммуникативная функция связана с передачей общественных запросов органам власти. Медиативная функция проявляется при согласовании интересов различных групп. Контрольная функция реализуется через общественный контроль. Мобилизационная функция проявляется при поддержке добровольческих, гуманитарных, просветительских и патриотических проектов.

Официальные материалы Правительства Брянской области показывают, что Общественная палата региона рассматривается как площадка диалога между гражданским обществом и властью. В сообщении 2025 г. отмечалось проведение в 2024 г. пленарных заседаний, заседаний совета, заседаний комиссий и круглых столов; среди обсуждавшихся направлений указывались поддержка некоммерческих организаций, добровольчество и общественное наблюдение на выборах [11]. Для темы безопасности важен не сам перечень мероприятий, а управленческий смысл: региональная общественная площадка позволяет переводить разрозненные гражданские инициативы в более организованный формат взаимодействия с публичной властью.

Взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества по обеспечению безопасности может рассматриваться через несколько уровней. Первый уровень – нормативно-организационный. Он включает правовое закрепление статуса участников, создание общественных советов, комиссий, рабочих групп, координационных площадок. На таком уровне определяется, кто вправе участвовать в обсуждении решений, как передаются предложения, как оформляются результаты общественного обсуждения, каким образом обеспечивается обратная связь.

Второй уровень – профилактический. Его содержание связано с предупреждением правонарушений, экстремистских проявлений, конфликтов в молодежной среде, распространения недостоверной информации, социальной изоляции отдельных групп. Общественные объединения обладают преимуществом в профилактической работе, поскольку они ближе к повседневной среде жителей, лучше понимают местные особенности, имеют неформальные каналы коммуникации. Государственные органы в такой модели обеспечивают правовые рамки, методическую поддержку и координацию, а общественные структуры помогают доводить профилактические меры до конкретных групп населения [1, с. 185].

Третий уровень – информационно-коммуникативный. В приграничном регионе безопасность во многом зависит от качества публичной информации. Недостаток официальных разъяснений создает пространство для слухов, тревожности и недоверия. Общественные объединения, волонтерские центры, общественные советы и лидеры местных сообществ могут выступать посредниками между органами власти и населением. Их участие особенно значимо в тех случаях, когда формальное сообщение органа власти требует разъяснения на понятном языке, адаптации к местной ситуации или адресного доведения до конкретной аудитории.

Четвертый уровень – социально-гуманитарный. В условиях приграничности безопасность тесно связана с поддержкой людей, оказавшихся в сложной жизненной ситуации, развитием добровольчества, патриотическим воспитанием, помощью семьям, поддержкой пожилых граждан, работой с молодежью. Общественные организации способны быстро выявлять социальные потребности, привлекать добровольцев, организовывать адресную помощь, поддерживать социальную включенность жителей. Для органов власти такая работа важна как канал получения первичной информации о состоянии территории.

Пятый уровень – общественный контроль. Его значение состоит не в замещении государственного надзора, а в повышении открытости, доверия и социальной легитимности

управленческих решений. Общественный контроль может касаться качества оказания социальных услуг, условий пребывания граждан в учреждениях, организации общественного наблюдения, реализации социальных программ, доступности информации. Для приграничных муниципальных образований такая функция особенно значима, поскольку жители должны видеть, что проблемные вопросы не остаются без публичного рассмотрения [5, с. 84].

Несмотря на наличие правовой и организационной базы, взаимодействие власти и гражданского общества в сфере безопасности сталкивается с рядом проблем. Первая проблема связана с неравномерностью развития общественных институтов. В областном центре чаще сосредоточены более устойчивые организации, кадровые ресурсы, экспертные площадки и информационные возможности. В муниципальных районах общественная активность может зависеть от небольшого числа инициативных людей, что снижает устойчивость гражданских практик.

Вторая проблема состоит в ограниченности ресурсов общественных объединений. Многие организации обладают высоким уровнем общественной мотивации, но испытывают дефицит финансирования, помещений, методической помощи, юридического сопровождения, навыков проектного управления. При решении задач безопасности ресурсная слабость снижает регулярность работы, мешает выстраивать долгосрочные программы и ограничивает возможности участия в межведомственных проектах.

Третья проблема связана с формализацией взаимодействия. Общественные советы, заседания и круглые столы могут превращаться в отчетные мероприятия, если предложения гражданских структур не получают дальнейшего движения. Для сферы безопасности формализм особенно опасен, поскольку он создает иллюзию согласования при фактическом отсутствии устойчивого обмена информацией. Поэтому важна не только сама встреча представителей власти и общества, но и механизм фиксации предложений, назначения ответственных, контроля сроков, публичного отражения результатов.

Четвертая проблема затрагивает информационную компетентность участников. Общественные организации не всегда обладают навыками работы с рисками, кризисной коммуникацией, правовыми ограничениями, персональными данными, конфликтными ситуациями. С другой стороны, органы власти не всегда используют потенциал гражданского общества для ранней диагностики общественных настроений. Отсюда вытекает необходимость взаимного обучения: общественные структуры нуждаются в методической поддержке, а представители власти – в развитии практик открытой коммуникации.

Пятая проблема имеет ценностный характер. Безопасность приграничного региона не может строиться только на инструкциях и отчетности. Она требует доверия, чувства сопричастности, уважения к местным сообществам, признания значимости добровольческого труда. Если общественные объединения воспринимаются только как исполнители поручений, их потенциал снижается. Если органы власти воспринимаются гражданскими активистами только как источник ресурсов, утрачивается партнерский смысл взаимодействия. Оптимальная модель основана на разделении ответственности при сохранении самостоятельности каждого участника [2, с. 26–27].

Для повышения эффективности взаимодействия целесообразно выделить несколько направлений совершенствования. Первое направление – создание устойчивой региональной модели координации общественного участия в сфере безопасности. Такая модель может включать реестр общественных организаций, работающих по направлениям патриотического воспитания, добровольчества, социальной поддержки, профилактики правонарушений, межнационального согласия, общественного контроля. Реестр должен использоваться не как формальный список, а как инструмент оперативной коммуникации и распределения задач.

Второе направление – развитие муниципального уровня взаимодействия. Для приграничных территорий важно, чтобы общественные инициативы не концентрировались только в

областном центре. Необходимы муниципальные общественные площадки, регулярные встречи с главами администраций, участие местных активистов в обсуждении вопросов безопасности, поддержка сельских и районных добровольческих групп. На таком уровне можно быстрее выявлять проблемы, которые не всегда видны в региональной повестке.

Третье направление – внедрение проектного подхода. Общественные объединения могут участвовать в реализации проектов по профилактике правонарушений, информационной грамотности, патриотическому воспитанию, поддержке семей, развитию молодежных инициатив, помощи пожилым гражданам. Проектный формат позволяет определить цель, сроки, ответственных, ресурсы, показатели результата. Для органов власти такой подход удобен тем, что он позволяет оценивать не декларативную активность, а конкретный социальный эффект.

Четвертое направление – повышение качества информационного взаимодействия. Региону необходима система регулярного разъяснения решений, связанных с безопасностью и общественной устойчивостью. В такой системе общественные организации могут участвовать в распространении проверенной информации, сборе вопросов от жителей, организации встреч, подготовке просветительских материалов. Особое значение имеет работа с молодежью, поскольку именно молодежная среда наиболее активно использует цифровые коммуникации и быстрее реагирует на информационные импульсы.

Пятое направление – развитие общественной экспертизы. Общественная палата, профильные советы и экспертные группы могут готовить предложения по совершенствованию региональных программ, оценивать доступность мер поддержки, выявлять слабые места в профилактической работе. Такая экспертиза должна быть практико-ориентированной: не ограничиваться общими оценками, а предлагать конкретные управленческие решения. В приграничном регионе экспертное обсуждение важно соединять с мнением муниципалитетов, добровольцев и представителей местных сообществ.

Шестое направление – обучение представителей гражданского общества. Для общественных объединений, участвующих в сфере безопасности, целесообразны семинары по правовым основам деятельности, общественному контролю, профилактике экстремизма, кризисной коммуникации, медиаграмотности, проектному управлению, работе с уязвимыми группами населения. Обучение позволит снизить риск непрофессиональных действий и повысит доверие со стороны органов власти.

Седьмое направление – формирование культуры обратной связи. Взаимодействие становится устойчивым только при наличии понятного пути от общественного сигнала до управленческого решения. Если жители сообщают о проблеме через общественное объединение, они должны понимать, кто рассматривает обращение, в какие сроки, какой результат возможен. Такая прозрачность снижает напряженность и укрепляет доверие к публичной власти [8, с. 118, 119].

Научная новизна рассматриваемого подхода состоит в том, что институты гражданского общества предлагается оценивать не как периферийных участников региональной политики, а как элемент системы безопасности приграничного субъекта. Их вклад выражается не в выполнении силовых или административных функций, а в поддержке социальной устойчивости, профилактике конфликтов, развитии доверия, общественном контроле, гуманитарной помощи, сохранении гражданского единства. В условиях приграничности такие функции приобретают стратегическое значение.

Взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества в Брянской области может быть представлено как многоуровневая система, где каждый участник выполняет собственную роль. Органы государственной власти обеспечивают правовое регулирование, координацию, ресурсы, межведомственное взаимодействие и принятие решений. Общественные объединения обеспечивают гражданскую вовлеченность, адресную коммуникацию, общественную экспертизу, добровольческую поддержку и выявление социальных запросов. Общественная палата соединяет данные элементы через площадки обсуждения, общественного контроля и выработки предложений.

Безопасность приграничного региона в современных условиях зависит не только от формальных полномочий органов власти. Значимым фактором становится способность общества к самоорганизации и конструктивному диалогу с государством. Чем выше уровень доверия между публичной властью и гражданскими структурами, тем быстрее регион способен реагировать на социальные риски, информационные вызовы и потребности населения. Поэтому развитие партнерства государства и гражданского общества следует рассматривать как самостоятельное направление региональной политики безопасности [10, с. 187].

Можно сделать вывод, что для приграничных субъектов Российской Федерации взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества приобретает особую значимость. Брянская область демонстрирует наличие институциональных предпосылок для такого взаимодействия: действует региональная общественная палата, развиваются добровольческие и общественные инициативы, правовая база позволяет использовать механизмы общественного контроля и экспертного участия. В то же время эффективность системы зависит от того, насколько последовательно будут развиваться муниципальные площадки, проектный подход, подготовка общественных кадров, информационная координация и контроль исполнения общественных предложений. Устойчивость приграничного региона формируется не только через управление угрозами, но и через укрепление доверия, гражданской ответственности и включенности населения в решение задач общественной безопасности.

Список литературы

1. Баталов, Д. Е. Органы публичной власти в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: проблемы функционирования и взаимодействия / Д. Е. Баталов // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2025. – № 1 (58). – С. 184–190.

2. Воронов, А. М. Публичное администрирование в сфере обеспечения общественной безопасности – некоторые правовые концепты / А. М. Воронов // Научный портал МВД России. – 2024. – № 2 (66). – С. 20–28.

3. Гирько, С. И. Общественная безопасность в системе стратегических национальных приоритетов: теоретико-методологический анализ / С. И. Гирько, А. Н. Сандугей, М. В. Зубова // Научный портал МВД России. – 2024. – № 1 (65). – С. 34–44.

4. Гражданское общество : учебник для вузов / отв. ред. Ж. Т. Тощенко. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2026. – 360 с.

5. Ирошников, Д. В. Общественная безопасность: границы и содержание в правовом измерении / Д. В. Ирошников // Транспортное право и безопасность. – 2026. – № 1 (57). – С. 83–107.

6. Кардашова, И. Б. Национальная безопасность : учебник для вузов / И. Б. Кардашова. – 4-е изд. – Москва : Юрайт, 2026. – 336 с.

7. Нудненко, Л. А. Конституционные основы системы органов публичной власти в РФ : учебник для вузов / Л. А. Нудненко. – 11-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2026. – 193 с.

8. Правовое обеспечение национальной безопасности : учебник для вузов / под ред. Ю. Н. Туганова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2026. – 144 с.

9. Прокофьев, С. Е. Теория и механизмы современного государственного и муниципального управления : учебник и практикум для вузов / С. Е. Прокофьев, С. Г. Еремин, А. И. Галкин. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2024. – 702 с.

10. Шеншин, В. М. Эволюция научных подходов к становлению и развитию институтов гражданского общества в сфере обеспечения общественной безопасности / В. М. Шеншин // Транспортное право и безопасность. – 2025. – № 3 (55). – С. 181–189.

11. Общественная палата Брянской области : официальный сайт. – URL: https://opbryansk.ru/ (дата обращения: 09.07.2026). – Текст : электронный.

Паевская Светлана Леонидовна
старший преподаватель
ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет
технологий управления и экономики»
г. Санкт-Петербург

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: *в статье анализируется нормативно-правовое регулирование основных прав и свобод человека и гражданина, закреплённых в национальном законодательстве и международных договорах Российской Федерации. Рассматривается иерархия источников права, закрепляющих права и свободы, – от норм Конституции РФ до отраслевого законодательства и международных договоров. Раскрывается механизм судебной и внесудебной защиты, роль Конституционного Суда РФ, прокуратуры и института Уполномоченного по правам человека. Выделены ключевые изменения, внесённые поправками 2020 года, а также проблемы и перспективы развития правозащитного законодательства в современной России.*

Ключевые слова: *фундаментальные ценности, Конституция РФ, правовое государство, конституционные гарантии, судебная защита, Уполномоченный по правам человека, прокуратура, международные договоры.*

Введение. Статья посвящена анализу институционально-правовых основ реализации прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Цель – комплексное рассмотрение иерархии источников, закрепляющих права и свободы, их классификации, а также механизмов судебной и внесудебной защиты с учётом изменений, внесённых поправками 2020 года к Конституции РФ.

Права и свободы человека и гражданина относятся к числу базовых основ современного правового государства. В статье 2 Конституции Российской Федерации (далее – РФ) закреплено, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» [2]. Это положение задаёт вектор всей правовой системе России: права человека выступают не декларативным идеалом, а непосредственно действующим правовым требованием, определяющим «смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления» (ст. 18 Конституции РФ) [2].

Иерархия источников прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Нормативно-правовое обеспечение прав и свобод представляет собой многоуровневую систему, включающую в себя: конституционные нормы, федеральное и региональное законодательство, подзаконные акты, а также международные договоры Российской Федерации. Эффективность этой системы зависит как от качества правовых норм, так и от механизма их реализации – судебной защиты, прокурорского надзора, работы института омбудсмена и иных правозащитных структур.

Система нормативно-правового обеспечения прав и свобод человека в России построена по принципу иерархичности, где каждый нижестоящий акт должен подчиняться вышестоящему. Основу этой иерархии составляют:

Международные акты о правах человека, признаваемые Российской Федерацией. Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью её правовой системы. Если международным договором установлены иные правила, чем предусмотренные законом, применяются правила международного договора [2]. К ключевым международным актам относятся Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Международный пакт о гражданских и

политических правах 1966 г., ратифицированный Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 сентября 1973 г. №4812-VIII [3], Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. [4], Конвенция о правах ребёнка 1989 г., ратифицированная Верховным Советом СССР 13 июня 1990 г. [8], Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г.

Конституция Российской Федерации – высший по юридической силе нормативный правовой акт. Глава 2 Конституции (ст. 17–64) закрепляет широкий спектр личных, политических, экономических, социальных и культурных прав и свобод [2].

Федеральные конституционные законы, детализирующие конституционные положения. К ним относятся, в частности, Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. №1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 г. №1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации», Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. №3-ФКЗ «О чрезвычайном положении», Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. №1-ФКЗ «О военном положении».

Федеральные законы – Трудовой кодекс РФ, Гражданский кодекс РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Кодекс административного судопроизводства РФ, федеральные законы «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 2 мая 2006 г. №59-ФЗ, «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. №324-ФЗ, «О полиции» от 7 февраля 2011 г. №3-ФЗ и другие.

Подзаконные акты – указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, ведомственные акты.

Законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, а *также муниципальные правовые акты*.

Важно отметить, что согласно ч. 2 ст. 55 Конституции РФ в Российской Федерации «не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина». Допускается их ограничение федеральным законом, но лишь в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55). При этом ряд прав не подлежит ограничению даже в условиях чрезвычайного положения: это права, предусмотренные статьями 20, 21, 23 (ч. 1), 24, 28, 34 (ч. 1), 40 (ч. 1), 46–54 Конституции РФ (ч. 3 ст. 56) [2].

Классификация основных прав и свобод, *закреплённых в Конституции РФ*. Глава 2 Конституции РФ закрепляет четыре основные группы прав и свобод человека и гражданина. В доктрине конституционного права встречаются и иные варианты деления (в частности, трёхчленная классификация: личные – политические – социально-экономические).

1. Личные (гражданские) права и свободы – естественные и неотчуждаемые права, принадлежащие каждому от рождения независимо от гражданства. К ним относятся: право на жизнь (ст. 20), достоинство личности (ст. 21), свобода и личная неприкосновенность (ст. 22), неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна (ст. 23–24), неприкосновенность жилища (ст. 25), право определять национальную принадлежность и пользоваться родным языком (ст. 26), свобода передвижения и выбора места жительства (ст. 27), свобода совести и вероисповедания (ст. 28), свобода мысли и слова (ст. 29) [2].

2. Политические права и свободы – права, обеспечивающие участие граждан в управлении делами государства. К ним относятся: свобода массовой информации (ст. 29), право на объединение, включая право создавать профессиональные союзы (ст. 30), право собираться мирно, без оружия (ст. 31), право участвовать в управлении делами государства, избирать и быть избранными (ст. 32), право на равный доступ к государственной службе, право на участие в отправлении правосудия, право обращаться в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 33) [2].

3. Экономические права и свободы – право на предпринимательскую деятельность (ст. 34), право частной собственности (ст. 35), право владения и пользования землёй (ст. 36), право на труд и вознаграждение за труд (ст. 37), право на отдых (ст. 37) [2].

4. Социальные и культурные права – право на государственную защиту материнства, детства и семьи (ст. 38), право на социальное обеспечение (ст. 39), право на жилище (ст. 40), право на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41), право на благоприятную окружающую среду (ст. 42), право на образование (ст. 43), свобода творчества и право на доступ к культурным ценностям (ст. 44) [2].

Механизм защиты прав и свобод: *судебные гарантии*. Конституционный Суд Российской Федерации занимает особое место в механизме защиты прав и свобод. Его деятельность осуществляется «в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции РФ на всей территории Российской Федерации» (ст. 3 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации») [6]. Согласно ч. 4 ст. 125 Конституции РФ, гражданин, считающий, что его конституционные права и свободы нарушены законом, применённым или подлежащим применению в конкретном деле, вправе обратиться с жалобой в Конституционный Суд [2].

Жалоба признаётся допустимой, если оспариваемым законом затрагиваются конституционные права и свободы заявителя, закон применён в конкретном деле, рассмотрение которого судом завершено, и исчерпаны иные внутригосударственные средства судебной защиты. Таким образом, Конституционный Суд выполняет функцию высшего судебного нормоконтроля, проверяя соответствие законов Конституции и формируя правовые позиции, обязательные для всех правоприменителей [6].

Особое значение имеет разработанная Конституционным Судом концепция ограничения прав и свобод на основе ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, включающая три критерия: надлежащий источник ограничения (федеральный закон), надлежащую цель (защита конституционных ценностей) и надлежащую меру ограничения (критерий соразмерности) [2].

Суды общей юрисдикции. Судебная защита – основной способ восстановления нарушенных прав. Статья 46 Конституции РФ гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод; решения и действия (бездействие) органов государственной власти, местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суде [2].

Система судов общей юрисдикции включает: Верховный Суд РФ, кассационные и апелляционные суды общей юрисдикции, верховные суды республик, краевые и областные суды, суды городов федерального значения, районные суды, военные и специализированные суды, а также мировых судей – судей субъектов РФ. Эта многоступенчатая структура позволяет гражданам обжаловать судебные решения в апелляционном и кассационном порядке, обеспечивая доступность правосудия на всех уровнях.

Право на судебную защиту относится к основным неотчуждаемым правам и свободам и одновременно выступает гарантией всех других прав и свобод. Как подчёркнуто в постановлениях Конституционного Суда РФ от 13 мая 2021 г. №18-П и от 7 июля 2023 г. №37-П, право на судебную защиту не подлежит ограничению и предполагает наличие гарантий, позволяющих реализовать его в полном объёме [5]. Федеральным законом от 30 апреля 2010 г. №68-ФЗ установлен специальный механизм компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок.

Самозащита и внесудебные способы защиты. Помимо судебной защиты, ч. 2 ст. 45 Конституции РФ закрепляет право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещёнными законом. Статья 33 Конституции РФ обеспечивает право граждан обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления [2]. Порядок рассмотрения таких обращений регулируется Федеральным законом от 2 мая 2006 г. №59-ФЗ [9].

Защита конституционного права, таким образом, начинается не с обращения в Конституционный Суд, а с уровня, ближайшего к нарушению: фиксации нарушения и самозащиты в пределах закона, затем – письменного обращения к нарушителю или в компетентный орган и, при необходимости, – подачи искового заявления в суд.

Внесудебные институты защиты прав и свобод.

1. Институт Уполномоченного по правам человека. Федеральным конституционным законом от 26 февраля 1997 г. №1-ФКЗ была учреждена должность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Его главная цель – обеспечение гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами [7].

Уполномоченный назначается Государственной Думой, обладает независимостью и неприкосновенностью в течение всего срока полномочий. Он рассматривает жалобы граждан РФ, иностранных граждан и лиц без гражданства, а также вправе действовать по собственной инициативе при наличии информации о массовых или грубых нарушениях прав. Важной функцией Уполномоченного является право обращения в Конституционный Суд с жалобой на нарушение конституционных прав и свобод граждан законом, применённым в конкретном деле [7].

Институт Уполномоченного по правам человека участвует во всех структурных элементах механизма обеспечения прав и свобод: в охране, защите, пропаганде прав и свобод и оказании квалифицированной юридической помощи. Аналогичные институты действуют в субъектах РФ, взаимодействуя с федеральным Уполномоченным на основе сотрудничества и взаимодействия [7].

2. Прокуратура РФ – единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование и иные функции (ст. 1 Закона о прокуратуре). Конституция РФ не относит прокуратуру ни к законодательной, ни к исполнительной, ни к судебной власти (ст. 129), что, как отмечается в доктрине, обеспечивает её независимость [2; 8].

Надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина выделен в самостоятельное направление прокурорской деятельности. Прокурор вправе приносить протест на противоречащий закону правовой акт, вносить представления об устранении нарушений, обращаться в суд с требованием о признании акта недействительным, выносить постановления о возбуждении административного производства. При выявлении нарушений прав граждан, которые по состоянию здоровья или возрасту не могут самостоятельно отстаивать свои интересы в суде, прокурор использует полномочия, установленные ст. 45 ГПК РФ, для защиты их прав в порядке гражданского судопроизводства.

3. Международные механизмы защиты. Часть 3 ст. 46 Конституции РФ предусматривает право каждого обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты [2]. Россия ратифицировала ряд ключевых международных документов: Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г [3], Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г [8], Конвенцию о правах ребёнка 1989 г., Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. и др.

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод была ратифицирована Россией Федеральным законом от 30 марта 1998 г. №54-ФЗ. Членство Российской Федерации в Совете Европы прекратилось 16 марта 2022 г., а 16 сентября 2022 г. – по истечении предусмотренного статьёй 58 Конвенции шестимесячного срока – завершилось и действие Конвенции в отношении России. Прекращение действия международных договоров Совета Европы оформлено Федеральным законом от 28 февраля 2023 г. №43-ФЗ, в соответствии с которым такие договоры считаются прекратившими действие с 16 марта 2022 г [10]. Тем не

менее право граждан обращаться в межгосударственные органы по защите прав человека на основе иных международных договоров РФ сохраняется.

Влияние поправок 2020 года на систему прав и свобод. Поправки к Конституции РФ, одобренные на общероссийском голосовании 1 июля 2020 года и вступившие в силу 4 июля 2020 г. (Закон РФ о поправке к Конституции от 14 марта 2020 г. №1-ФКЗ), внесли ряд существенных изменений в регулирование прав и свобод [1].

Во-первых, ст. 79 Конституции в новой редакции предусматривает, что решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации [1; 2].

Во-вторых, были уточнены полномочия прокуратуры в части надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина (ст. 129) [1; 2].

В-третьих, к предметам ведения Российской Федерации отнесены защита института брака как союза мужчины и женщины, материнства, детства и сохранение традиционных семейных ценностей (п. «ж1» ч. 1 ст. 71), а к целям Совета Безопасности РФ – предотвращение внутренних и внешних угроз (п. «ж» ч. 1 ст. 83) [1; 2].

Вместе с тем базовая структура главы 2 Конституции, закрепляющая личные, политические, экономические, социальные и культурные права, осталась неизменной. Сохраняется принцип неотчуждаемости основных прав и свобод, их непосредственного действия и обеспечения правосудием [2].

Проблемы правозащитного законодательства. Анализ нормативно-правового обеспечения прав и свобод человека и гражданина в современной России позволяет выделить несколько актуальных проблем.

1. Соотношение международного и внутригосударственного права. Поправки 2020 года и прекращение действия Европейской конвенции изменили баланс между международными и национальными механизмами защиты прав. При сохранении конституционного права на обращение в межгосударственные органы (ч. 3 ст. 46) практическая реализация этого права существенно сузилась [10].

2. Ограничение прав федеральным законом. Формулировка ч. 3 ст. 55 Конституции, допускающая ограничение прав «федеральным законом», потенциально открывает широкий простор для законодательного сужения правомочий граждан. Конституционный Суд последовательно формирует критерии допустимости таких ограничений (соразмерность, преследование конституционно значимой цели), однако практика их применения остаётся предметом научной дискуссии.

3. Эффективность института Уполномоченного по правам человека. Уполномоченный не обладает властными полномочиями: его акты носят рекомендательный характер. Это снижает эффективность данного института, особенно в случаях системных нарушений прав [7].

4. Доступность правосудия. Несмотря на многоуровневую систему судебной защиты, проблемой остаётся длительность судопроизводства, что потребовало принятия специального закона о компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок.

5. Правовое просвещение. Одной из функций Уполномоченного по правам человека является «правовое просвещение по вопросам прав и свобод человека, форм и методов их защиты» [7]. Однако уровень правовой грамотности населения остаётся недостаточным, что затрудняет самостоятельную реализацию гражданами своих прав.

Заключение. Таким образом, нормативно-правовое обеспечение основных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации представляет собой разветвлённую многоуровневую систему, фундаментом которой является Конституция РФ. Отраслевое законодательство – кодексы, федеральные законы, подзаконные акты – детализирует и конкретизирует конституционные положения, создавая механизм их реализации.

Многообразие институтов защиты – от судебной системы и Конституционного Суда до прокуратуры и Уполномоченного по правам человека – свидетельствует о наличии развитой

правозащитной инфраструктуры. Вместе с тем её эффективность зависит не только от формального закрепления прав, но и от практической готовности государственных органов обеспечивать их реализацию, а также от правовой активности самих граждан.

Поправки к Конституции 2020 года и прекращение действия Европейской конвенции в 2022–2023 годах обозначили новый этап в развитии правозащитной системы России, сместив акцент с международных на внутригосударственные механизмы защиты. В этих условиях особое значение приобретает последовательное развитие национальных институтов защиты прав, обеспечение их независимости и эффективности.

Список литературы

1. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346019/ (дата обращения: 19.10.2026). – Текст : электронный.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 19.10.2026). – Текст : электронный.

3. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966; ратифицирован Указом Президиума ВС СССР от 18.09.1973 №4812-VIII). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/ (дата обращения: 19.10.2026). – Текст : электронный.

4. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят 16.12.1966; ратифицирован Указом Президиума ВС СССР от 18.09.1973 №4812-VIII). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5429/ (дата обращения: 19.10.2026). – Текст : электронный.

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.07.2023 №37-П «По делу о проверке конституционности подпункта 14 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобой гражданина А. А. Акинеми». – URL: https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-07072023-n-37-p/ (дата обращения: 19.10.2026). – Текст : электронный.

6. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 №1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/ (дата обращения: 19.10.2026). – Текст : электронный.

7. Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 №1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13440/ (дата обращения: 19.10.2026). – Текст : электронный.

8. Федеральный закон от 17.01.1992 №2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения: 19.10.2026). – Текст : электронный.

9. Федеральный закон от 02.05.2006 №59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59999/ (дата обращения: 19.10.2026). – Текст : электронный.

10. Федеральный закон от 28.02.2023 №43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_440539/ (дата обращения: 19.10.2026). – Текст : электронный.

Сорокин Олег Николаевич
канд. экон. наук, доцент
Максынюк Евгений Викторович
магистрант

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Аннотация: *в статье рассматриваются современные методы противодействия коррупции в России, их нормативная основа и практическая результативность. Анализ опирается на официальную статистику МВД России за январь-август 2026 года, данные о рекордном числе дел о легализации доходов и Тематический обзор Верховного Суда №14/2026. Показано, что профилактические механизмы, контроль за расходами служащих и гражданско-правовое обращение имущества в доход государства дополняют уголовное преследование, а не заменяют его. Выявлена неоднородная динамика коррупционной преступности: крупные формы взяточничества растут, мелкие сокращаются. Сделан вывод о смещении акцента на имущественные последствия коррупционных правонарушений и о возрастающей роли качества доказывания в судебном процессе.*

Ключевые слова: *коррупция, противодействие коррупции, конфликт интересов, контроль за расходами, обращение имущества в доход государства, судебная практика.*

Коррупция в России давно перестала быть предметом одного лишь уголовного права. Вокруг неё выстроена система запретов, обязанностей и проверок, а результативность этой системы измеряется не декларациями, а судебными решениями. Историческая логика антикоррупционной политики описана подробно [7]. Систематизация современных методов также представлена в литературе [8]. Спорным остаётся другое – как эти методы работают на практике, и здесь научная дискуссия далека от завершения [5].

Актуальности добавляют свежие цифры. Первое полугодие 2026 года принесло рекордное за пятнадцать лет число дел о легализации доходов [6].

Цель работы – определить, какие методы противодействия коррупции показывают практическую результативность в современной России.

Для достижения цели предстоит описать нормативное содержание методов, оценить статистику коррупционной преступности и разобрать позиции Верховного Суда по антикоррупционным искам.

Объектом выступают общественные отношения в сфере противодействия коррупции, предметом – правовые, организационные и судебные методы такого противодействия.

Эмпирическую базу образуют официальные данные МВД России за январь-август 2026 года [9] и Тематический обзор Верховного Суда №14/2026, охватывающий практику 2020–2026 годов [10]. Журналистский анализ статистики о легализации доходов служит дополнительным ориентиром [6].

Применялись формально-юридический и сравнительный анализ, а также простая статистическая обработка. Доли рассчитаны автором. Ограничение лежит на поверхности: ведомственные цифры фиксируют регистрируемую, а не фактическую коррупцию, поэтому выводы носят осторожный характер.

Базовый закон трактует противодействие коррупции широко: профилактика, борьба с правонарушениями и минимизация их последствий входят в него на равных [4]. Приоритет отдан предупреждению, а не наказанию. Среди принципов названы законность, публичность, неотвратимость ответственности и комплексное использование политических, организационных, социально-экономических и правовых мер [4]. Ответственность бывает уголовной, административной, гражданско-правовой и дисциплинарной [10]. Конституционную опору

судебной практике даёт статья 126, закрепляющая за Верховным Судом право давать разъяснения по вопросам судебной практики [1].

Инструментарий давно вышел за рамки наказания. Декларирование доходов, урегулирование конфликта интересов, ограничения после увольнения со службы – превентивный слой закреплён в законе о противодействии коррупции [4]. Отдельный блок образует контроль за расходами. Превышение стоимости приобретённого над доходами за три предшествующих года служит поводом для проверки [3]. Уголовное право остаётся последним рубежом: получение и дача взятки, посредничество и мелкое взяточничество выделены в самостоятельные составы [2].

Систематизация перечисленных инструментов по группам представлена в таблице 1.

Таблица 1

Методы противодействия коррупции в России

Группа методов	Содержание	Нормативная основа
Профилактические	Представление сведений о доходах, расходах и имуществе; уведомление о конфликте интересов и его урегулирование	Закон о противодействии коррупции
Ограничительные	Запрет предпринимательской деятельности для лиц на постоянных должностях; согласие комиссии на трудоустройство в течение двух лет после увольнения со службы	Закон о противодействии коррупции
Финансовый контроль	Проверка расходов служащего, его супруга (супруги) и несовершеннолетних детей при сделках сверх дохода за три года	Закон о контроле за соответствием расходов доходам
Дисциплинарные	Увольнение или досрочное прекращение полномочий в связи с утратой доверия	Закон о противодействии коррупции
Уголовно-правовые	Ответственность за получение и дачу взятки, посредничество, мелкое взяточничество	Уголовный кодекс, статьи 290–291.2
Имущественные	Обращение в доход государства имущества, законность приобретения которого не подтверждена, по иску прокурора	Закон о противодействии коррупции, закон о контроле за расходами, Гражданский кодекс

Источник: составлено автором по данным [2–4; 10].

Данные таблицы 1 показывают, что методы выстроены по нарастающей: от предупреждения к изъятию выгоды. Первые три группы действуют до наступления вреда и не требуют доказывания преступного умысла, достаточно самого факта неисполнения обязанности или несоответствия цифр. Закон здесь опережает событие.

Остальные три группы реагируют на уже совершённое. Их автономность существенна: за одним и тем же поведением могут последовать и увольнение, и приговор, и гражданский иск прокурора, не мешая друг другу [10].

Как эта конструкция отражается в статистике, показывает таблица 2.

Таблица 2

Коррупционные преступления, зарегистрированные в январе-августе 2026 года

Вид преступления	Зарегистрировано, ед.	Изменение к 2025 году, %
Коррупционной направленности, всего	33 443	1,8
Связанные со взяточничеством	20 704	3,1
Получение взятки	6 959	5,3
Дача взятки	7 334	12,7
Посредничество во взяточничестве	2 978	15,8
Мелкое взяточничество	3 433	-21,8
Коммерческий подкуп	1 607	-14,6

Источник: составлено автором по данным [9].

Представленные в таблице 2 данные свидетельствуют о неоднородной динамике. На долю коррупционных деяний приходится 3,29% всех зарегистрированных преступлений, тогда как их общее число сократилось на 16,6% [9]. Внутри группы 61,9% составляет взяточничество. Крупные формы прибавляют, причём быстрее всего растут дача взятки и посредничество, а мелкое взяточничество и коммерческий подкуп идут вниз.

Рост может означать и усиление выявляемости. За первое полугодие правоохранители зафиксировали 14,4 тыс. случаев взяточничества, на 12,5% больше, чем годом ранее [6]. Число дел о легализации доходов эксперты связывают с цифровыми инструментами финансового контроля; из 1145 дел 574 касались крупного и особо крупного размера – около половины [6]. Деньги всё чаще маскируют под законные платежи. Реагировать на это одним лишь уголовным преследованием сложно.

Судебная практика показывает, как эти механизмы работают на конкретных людях. Дела, разобранные Верховным Судом, удобно разделить по характеру нарушения.

Первая группа связана с декларированием. Гражданка Б., инспектор счётной палаты муниципального образования, вернулась из отпуска по уходу за ребёнком в октябре 2023 года и просила доступ к рабочему месту, чтобы заполнить справку о доходах. Работодатель отказал, сославшись на запрет использовать служебные средства в личных целях; в декабре 2023 года её уволили в связи с утратой доверия. Суд признал увольнение незаконным, приняв во внимание отказ работодателя и трудную жизненную ситуацию служащей [10]. Совсем иначе сложилась судьба депутата С. Он купил транспортное средство дороже своих трёхлетних доходов, но сведения о расходах представил лишь 5 июня 2024 года, после прокурорской проверки, вместо срока до 1 апреля. Совет депутатов представление рассмотрел без решения, и вопрос разрешил суд, прекратив полномочия [10]. Депутат А. не указал жилой дом площадью 250 кв. м, земельный участок и доходы супруги. Его иск об оспаривании досрочного прекращения полномочий отклонили как несостоятельный: грубое нарушение оправдывает жёсткую меру [10]. Массовый характер дело приобрело у более чем 50 сельских депутатов, избранных в собрание депутатов района. Они направили уведомления об отсутствии крупных сделок вместо справок о доходах, и суд счёл обязанность неисполненной [10].

Вторая группа – конфликт интересов, и здесь суды толкуют закон широко. Гражданин А., начальник учреждения уголовно-исполнительной системы, ходатайствовал о продвижении двоюродных брата и сестры, не сообщив руководству об этом. Увольнение признали правомерным, поскольку перечень лиц, с которыми связана личная заинтересованность, не исчерпывается близким родством [10]. Бывшие супруги Д. и Т. остались близкими людьми: она, председатель совета депутатов сельского поселения, вела заседание и голосовала за его избрание главой. Прокурор добился прекращения полномочий обоих [10]. Депутат З. подготовила представление о присвоении звания почётного гражданина директору компании С., чей сын проживает с ней и является отцом её детей, а затем участвовала в голосовании. Отсутствие заявления о заинтересованности стало достаточным основанием для лишения мандата [10]. Депутат городской думы Ш. представил недостоверные сведения о доходах за 2020–2022 годы, умолчав о счетах в трёх банках, где движение средств составило 26 604 591 руб. Он подал в отставку по собственному желанию, но суд изменил основание на утрату доверия, поскольку иное противоречило принципу неотвратимости ответственности [10].

Третья группа – изъятие имущества. С бывшего депутата Государственной Думы и губернатора Ф. и связанных с ним обществ в доход государства обращено 8 596 188 705 руб.: с 2007 по 2020 год он занимался предпринимательством вопреки запретам [10]. Бывший федеральный министр А. не отражал в справках участие в иностранных компаниях, а доход от продажи акций составил 32 540 718 646 руб. Взыскание произвели солидарно и с подконтрольных ему компаний, действовавших через номинальных акционеров [10]. Бывший заместитель председателя правительства субъекта Т. организовал операции с недвижимостью, и с него и его супруги взыскали 198 632 044 руб.; довод о пропуске срока отклонили [10].

Гражданка П., служащая министерства социального развития региона, указала цену автомобиля в договоре в 500 000 руб., тогда как экспертиза определила 7 968 800 руб.; эту сумму и обратили в доход государства [10].

Четвёртая группа показывает пределы презумпций, и она не менее показательна. Главный врач Л. получал взятки и строил многоквартирные дома, но нижестоящие суды сочли доход от продажи квартир в домах со второго по десятый подтверждённым, за что решения и отменила коллегия Верховного Суда [10]. Иск к К., служившему с 2010 по 2022 год, суд отклонил: Росфинмониторинг сообщил о покупке драгоценных металлов на 1 000 000 руб. и сертификатов на 20 000 000 руб., но первичные документы не сохранились [10]. Муниципальный служащий Е. сохранил квартиру, так как суд учёл его прежние накопления и снятие со счёта нужной суммы в день сделки [10]. Гражданка С. осталась с автомобилем и нежилым зданием, поскольку суд включил в совокупный доход пенсию и хозяйственные доходы матери супруга, ведущий с семьёй общий бюджет [10]. Служащий Г. из Россельхознадзора сослался на беспроцентные займы, однако Верховный Суд указал проверить их реальность и не мнимость сделок [10].

Опорой этих решений служит постановление Конституционного Суда от 31 октября 2024 года №49-П, подчеркнувшее публично-правовую природу изъятия [10]. Уголовная статистика измеряется единицами дел, гражданские иски – миллиардами рублей. Два контура работают параллельно: первый наказывает виновного, второй лишает его выгоды. Поэтому имущество, судьба которого не решена в уголовном процессе, обращается в доход государства по иску прокурора, как и произошло со средствами, похищенными сотрудником органов внутренних дел А. путём обмана, – 1 615 000 руб. [10].

Итоговый вывод из практики прост. Превышение расходов над доходами остаётся поводом для проверки, а не безусловным основанием изъятия. Ответчик вправе доказывать законность источников, в том числе полученных ранее трёх лет [10]. Побеждает тот, у кого документы.

Противодействие коррупции в современной России держится не на одном инструменте, а на связке. Обязательная отчётность служащих, контроль расходов и имущественные иски прокуроров дополняют уголовное преследование, и каждый элемент закрывает то, с чем другие справляются хуже. Наказание виновного без изъятия выгоды остаётся половинчатым результатом.

Статистика рисует картину без резких переломов. Регистрируемая коррупция растёт медленно, зато меняется её структура: крупные формы взяточничества прибавляют, мелкие сокращаются. Часть этого роста, вероятно, объясняется не расширением самого явления, а совершенствованием финансового мониторинга. Разграничить два эффекта по ведомственным цифрам невозможно, и это стоит держать в поле зрения при любых оценках.

Судебная практика удерживает равновесие. С одной стороны, неотвратимость ответственности не зависит ни от занимаемой должности, ни от способа ухода с неё. С другой – ответчик сохраняет право доказать законность своих доходов, а суд не принимает на веру ни формальное несоответствие цифр, ни справки, лишённые первичных документов. Такой подход снижает риск произвольных изъятий и делает антикоррупционные иски устойчивыми к обжалованию.

Дальнейшее развитие лежит в плоскости качества доказывания, то есть первичных документов, оценочных экспертиз и финансовой аналитики. Без них даже самые внушительные суммы остаются лишь цифрами в иске.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Российская газета. – 2020. – № 144.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации : от 13.06.1996 № 63-ФЗ : : ред. от 04.08.2026 // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

3. О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам : Федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ : : ред. от 25.04.2026 // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 50 (ч. 4). – Ст. 6953.

4. О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ : : ред. от 25.04.2026 // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52 (ч. I). – Ст. 6228.

5. Асланиди, Н. В. Актуальные проблемы противодействия коррупции в современной России / Н. В. Асланиди // Актуальные вопросы экономики и права в контексте современных вызовов : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Петрозаводск, 15 янв. 2026 г. – Петрозаводск : Новая Наука, 2026. – С. 181–184. – EDN BJLFUG.

6. В России завели рекордное за 15 лет число дел об отмывании денег. – URL: https://www.dp.ru/a/2026/08/06/v-rossii-zaveli-rekordnoe (дата обращения: 08.10.2026). – Текст : электронный.

7. Волкова, В. Д. Коррупция в России: история и современные методы противодействия / В. Д. Волкова // Право и государство в исторической ретроспективе : материалы науч.-практ. конф. и круглых столов кафедры теории и истории права и государства (к 25-летию Дальневосточного филиала РГУП им. В.М. Лебедева), Хабаровск, 26 сент. – 24 [2025] г. – Хабаровск : Тихоокеанский государственный университет, 2026. – С. 107–111. – EDN APSMMC.

8. Королева, К. В. Современные методы противодействия коррупции в России / К. В. Королева // Защита прав и свобод человека и гражданина в современных условиях: проблемы и решения : тез. докл. регион. науч.-практ. конф., Ярославль, 10 дек. 2024 г. – Ярославль : Научная библиотека, 2025. – С. 170–176. – EDN ZEYRVG.

9. Состояние преступности в России за январь-август 2026 года. – URL: https://media.mvd.ru/files/application/20752886 (дата обращения: 23.10.2026). – Текст : электронный.

10. Тематический обзор Верховного Суда Российской Федерации № 14/2026 «О рассмотрении судами дел, связанных с применением законодательства о противодействии коррупции». – 2026. – URL: https://clck.ru/3WCZQE (дата обращения: 08.10.2026). – Текст : электронный.

Щёкина Дарья Михайловна
магистрант
ГКОУ ВО «Российская таможенная академия»
г. Люберцы, Московская область

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ТАМОЖЕННО-ТАРИФНОЙ ПОЛИТИКИ ЕАЭС В ЦЕЛЯХ УКРЕПЛЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО БИЗНЕСА НА ЕДИНОМ РЫНКЕ

Аннотация: *в статье исследуются вопросы совершенствования таможенно-тарифной политики ЕАЭС в контексте укрепления конкурентоспособности национального бизнеса на едином рынке. Для устранения негативных последствий несогласованного экспортного регулирования (перетока товаров, дефицита, снижения рентабельности) предложены синхронизация ограничительных мер и использование единой цифровой платформы мониторинга рынков ЕАЭС.*

Ключевые слова: *ЕАЭС, аграрный сектор, таможенно-тарифное регулирование, экспортные пошлины, переток товаров, цифровая платформа.*

Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС), несмотря на санкционное давление стран Запада, на мировые экономические потрясения и торговые войны, продолжает справляться с внешними и внутренними вызовами. С каждым днём на пути развития интеграционного объединения государств-членов ЕАЭС появляются новые вызовы. Агропромышленный сектор играет ключевою роль для экономического развития государств-членом ЕАЭС. Поддержание аграрного сектора стран ЕАЭС осуществляется с помощью мер таможенно-тарифного регулирования.

В большинстве предложений государств – членов Евразийского экономического союза по вопросам таможенно-тарифного регулирования касаются сельскохозяйственной продукции.

ЕАЭС входит в число мировых лидеров по производству и экспорту зерна. Основным лидером по выращиванию зерна является Россия. Россия обеспечивает большинство стран продовольствием, а также кормовым зерном.

С помощью табл. 1 проанализируем объем экспорта зерна и влияние таможенно-тарифного регулирования на поставки зерна в третьи страны.

Таблица 1

Динамика экспорта зерновых и крупяных продуктов ЕАЭС в страны мира с 2019 по 2025 г., млн долл. [1]

Код ТН ВЭД	Наименование	2021/ 2020	2022/ 2021	2023/ 2022	2024/ 2023	2025/ 2024
100199	Пшеница и полба (за исключением семян для посева)	-4,1	-78,8	-11,4	-34,2	42,7
100310	Семена ячменя для посева	12,4	-70,1	-89,0	512,5	73,5
100390	Ячмень (за исключением семян для посева)	5,3	-81,2	24,2	0,3	21,4
100490	Овёс (за исключением семян для посева)	201,7	-98,7	220,0	11,5	72,8
100590	Кукуруза (за исключением семян для посева)	74,8	-95,9	-17,7	56,4	-16,8
100810	Гречневая крупа	41,7	-89,0	-46,2	-5,2	123,2

Исходя из данных табл. 1, видно, что в 2021 году по сравнению с 2020 годом экспорт зерна упал, особенно спад наблюдается по коду 100199 ТН ВЭД на -4%. В 2021 году после пандемии COVID-19 экспорт зерна сократился значительно: пшеница сократилась на -79%, ячмень сократился на -70%, овёс сократился на -99%, кукуруза сократилась на -96%. Однако в 2021 году вступило

в силу постановление Правительства РФ от 23.01.2021 №33 [2], Данное постановление ввело тарифные квоты на пшеницу: так, 1000 кг пшеницы облагались пошлиной в 25 евро, а с 1 марта по 30 июня размер пошлин увеличивался до 50 евро за 1000 кг. Также до конца июня 2021 года вводились квоты на кукурузу, ячмень, рожь. С 2021 года вводился механизм «зернового демпфера». Суть механизма заключается в сглаживании большого влияния мировых цен на зерно на ценообразование внутри страны, тем самым предотвращая удорожание продовольствия. Так, например бралась, 70%

от разницы между мировой ценой и базовой (для пшеницы 200 долл. за тонну, для кукурузы и ячменя 185 долл. за тонну).

Что касается других стран ЕАЭС, то Казахстан не вводил экспортные пошлины на зерно, Армения применяла нулевые ставки экспортных пошлин, Кыргызстан применял пошлины в зависимости от сезона, Беларусь применяла ограничительные меры в соответствии с решением ЕЭК от 31.03.2020 в отношении ржи, риса, гречихи.

В 2022 году динамика экспорта продолжала снижаться. Так как Россия является основным производителем зерна на территории ЕАЭС, то санкции западных стран нанесли большой урон экспортерам. Несмотря на геополитическую ситуацию вокруг России, произошла перестройка логистических цепочек. Основными покупателями российского зерна стали страны Африки (Египет, Кения, Нигерия), Ближнего Востока (Турция, Саудовская Аравия), а также Китай.

Период 2023–2025 гг. характеризуется устойчивым ростом экспорта зерна из стран ЕАЭС. Россия продолжала использовать тарифные квоты на экспорт зерновой продукции в «дружественные страны». Казахстан применял нулевые пошлины на экспорт зерна. Беларусь применяла нетарифное регулирование в отношении экспорта зерна через лицензирование. Кыргызстан, как и Беларусь применяла нетарифное регулирование, а именно вводил временные ограничения на экспорт пшена, ячменя, риса, овса сроком на шесть месяцев в связи с низкой

урожайностью. Армения, как и Казахстан, экспортные пошлины на зерновую продукцию не применяла.

Так Договор о ЕАЭС [3] позволяет государствам-членам самостоятельно вводить вывозные пошлины и квоты. Запрет на вывозные пошлины действует только для торговли внутри ЕАЭС (например, при поставке зерна из России

в Беларусь). При экспорте в третьи страны (за пределы ЕАЭС) государства вправе применять вывозные пошлины на основании своего национального законодательства. Однако страны делают это несинхронно. Например, Россия применяет механизм плавающей экспортной пошлины на зерно для сдерживания внутренних цен, в то время как Казахстан исторически придерживался нулевой ставки.

Ещё одной проблемой является «переток товаров». Продукция стремится вывозиться через страну с наименьшими барьерами (например, Казахстан, который вводит нулевые вывозные ставки). Это создает искусственный дефицит и рост цен на внутреннем рынке страны с жестким регулированием, подрывая рентабельность местных переработчиков. Однако отсутствие вывозной пошлины позволяет казахстанской пшенице сохранять более низкую экспортную цену по сравнению с российской, что делает её привлекательной для традиционных покупателей: Узбекистана, Таджикистана, Афганистана и других стран.

В конечном итоге страдает отечественный производитель. Совершенствование таможенно-тарифной политики ЕАЭС является ключевым условием для укрепления конкурентоспособности предприятий зернового рынка на едином экономическом пространстве. На наднациональном уровне требуется привести в соответствие систему экспортного контроля. Так, например одним из способов совершенствования мер таможенно-тарифного регулирования может стать внедрение ЕЭК единых стандартов применения экспортных ограничений. Эти ограничения позволяют свести к минимуму рыночные риски и дать предприятиям гарантию достаточного уровня прогнозируемости на дальнейшую перспективу.

Для того чтобы внедрить единую систему необходимо обзавестись единой информационной базой, в которую будут поступать потоки экспорта и импорта сельскохозяйственной продукции. Для успешной реализации необходима разработка платформы цифрового мониторинга, которая будет непосредственно контролироваться ЕЭК (рис. 1).

Рис. 1. Система платформы цифрового мониторинга [4]

Данная цифровая платформа будет осуществлять свою деятельность в режиме реального времени, где будут отражены все действующие меры стран ЕАЭС с их обоснованностью, сроками действия и исключениями. Также данная платформа будет открыта для внешних партнеров без исключения. Необходимо ввести перечень оснований для введения вывозных пошлин, например: объем внутреннего резерва, среднее значение цен на внутреннем и

внешнем рынках, угроза продовольственной безопасности. Исходя из этого любые ограничения, вводимые одной страной, должны минимизировать негативное влияние на партнёров по Союзу. Так, если из ЕАЭС решит ввести или скорректировать меры по ограничению экспорта, то оно в обязательном порядке должно известить ЕЭК и всех остальных государств-членов ЕАЭС с экономическим обоснованием.

Таким образом, на сегодняшний день главная проблема таможенно-тарифного регулирования в аграрной сфере (особенно в секторе зерновых культур) заключается в несинхронном применении мер к экспорту зерна среди стран-участниц ЕАЭС. Несогласованное экспортное регулирование приведет ещё к одной проблеме – перетоку товаров. В результате в странах с повышенными ограничительными мерами формируется искусственный дефицит и происходит рост внутренних цен, что отрицательно сказывается на рентабельности местных предприятий. Защиту отечественных предприятий в рамках экспортного регулирования должна обеспечить цифровая платформа мониторинга рынков ЕАЭС, разрабатываемая под контролем ЕЭК. Платформа, функционирующая в режиме реального времени, аккумулирует данные о потоках экспорта и импорта, ценовых индикаторах, товарных балансах и действующих мерах ограничения. Обязательным элементом является механизм предварительного уведомления стран-инициаторов с автоматической оценкой влияния на партнёров по Союзу. Открытый доступ к платформе для внешних контрагентов формирует дополнительную прозрачность и укрепляет доверие к ЕАЭС как к надёжному игроку на мировом рынке.

Список литературы

1. Статистический портал Центра международной торговли (International Trade Centre) Trade Map. – URL: https://www.trademap.org/Index.aspx (дата обращения: 27.09.2026). – Текст : электронный.

2. О внесении изменений в ставки вывозных таможенных пошлин на товары, вывозимые из Российской Федерации за пределы государств – участников соглашений о Таможенном союзе : постановление Правительства РФ : от 23.01.2021 № 33 // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 5. – Ст. 822.

3. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Евразийская экономическая комиссия : официальный сайт. – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/catr/ttr/quotas.php (дата обращения: 11.10.2026). – Текст : электронный.

Якимова Ульяна Алексеевна
студентка
Научный руководитель
Юн Лариса Владимировна
канд. юрид. наук, доцент

Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский
государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»
г. Казань, Республика Татарстан

К ВОПРОСУ О ГАРАНТИЯХ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Аннотация: *в статье рассматриваются гарантии конституционных прав и свобод человека и гражданина. Конституционные гарантии позволяют эффективно реализовать права и свободы человека и гражданина. Они основываются на различных принципах таких как законность, гуманизм и равноправие при помощи которых возможно обеспечение, охрана, защита и восстановление нарушенных прав и свобод человека и гражданина.*

Ключевые слова: *гарантии, конституционные права и свободы, человек, гражданин.*

Конституционные гарантии находят свое прямое закрепление в нормах Конституции Российской Федерации [1]. Прежде чем рассмотреть некоторые виды гарантий необходимо обозначить их дефиницию.

Так, например, С.В. Нарутто и Н.Е. Таева определяют гарантии как средства, условия и способы при помощи которых реализация основных прав и свобод, исполнение конституционных обязанностей и обеспечение их охраны от незаконных ограничений становится возможной [2, с. 199].

В проводимом исследовании мы рассмотрим несколько видов гарантий, которые, на наш взгляд, являются базисными для обеспечения, охраны и защиты конституционных прав и свобод граждан.

Первый вид гарантий это государственная защита при помощи которой органы государственной власти осуществляют различные полномочия и функции, способствующие защите прав и свобод российских граждан. Государственная защита со стороны органов государственной власти выражается в принятии нормативных правовых актов, их исполнении и установлении баланса в случае нарушения или незаконного ограничения прав со стороны других субъектов в органах судебной власти.

Государственная защита как конституционная гарантия не сводится к провозглашению обязанности государства охранять права и свободы (ст. 2, 45 Конституции РФ), а представляет собой сложносоставной юридический механизм, включающий нормативное закрепление процедур, институциональную инфраструктуру и правоприменительную практику. В науке конституционного права справедливо акцентируется внимание на том, что эффективность данной гарантии определяется не столько широтой законодательного перечня защитных мер, сколько способностью государства обеспечить их реальную доступность и эффективное функционирование, особенно в условиях коллизионного правового регулирования. По сути, государственная защита выступает тем связующим звеном, которое трансформирует субъективное право из потенциальной возможности в реально осуществимое благо, а потому ее следует рассматривать в качестве имманентного свойства конституционного статуса личности, требующего постоянного институционального поддержания и судебного контроля.

Право на самозащиту выступает вторым видом гарантий при помощи которого у гражданина есть уникальная возможность самостоятельно выбрать способ защиты путем непосредственного обращения в органы государственной власти, проведение публичных мероприятий, таких как пикет, митинг, шествие и др., обращение с исковым заявлением в органы судебной власти. Самозащита, будучи первичной по отношению к государственной форме охраны прав, тем не менее не утрачивает своего конституционно-правового значения и в условиях развитой судебной системы, поскольку отражает остаточную, но принципиально важную свободу индивида самостоятельно реагировать на нарушение своих благ в ситуациях, когда государственное реагирование объективно запаздывает или оказывается недоступным. В отличие от государственной защиты, где субъектом выступает публичная власть, а индивид – управомоченным лицом, самозащита предполагает активные действия самого носителя права, что порождает известную двойственность ее правовой природы. С одной стороны, она является проявлением автономии личности и ее соматической и поведенческой свободы, а с другой – неизбежно сопряжена с риском превышения пределов необходимой обороны или крайней необходимости, что требует от законодателя и правоприменителя особой тщательности в установлении границ допустимого.

Третьим видом гарантий является судебная защита которая позволяет обращаться в суды общей и арбитражной юрисдикции, а также в Конституционный Суд Российской Федерации [4; 7–9]. При помощи данного вида гарантий у гражданина есть возможность восстановить нарушенное право, получить справедливую компенсацию в случае необходимости, снять ограничение которое было наложено незаконным способом. Важно понимать, что, если в суд общей юрисдикции или арбитражный суд гражданин может обратиться напрямую после

возникшего правового спора то в Конституционный Суд Российской Федерации [3; 6; 11] возможно обратиться только после получения вступившего в законную силу судебного акта надзорной инстанции Верховного Суда Российской Федерации.

Четвертым видом гарантий является право на получение квалифицированной юридической помощи. Данная гарантия подразумевает возможность гражданина обратиться за помощью в адвокатскую палату, в юридические клиники [12], к Уполномоченному по правам человека, к Уполномоченному по правам ребенка и в другие органы, имеющие право на ее оказание.

Все виды гарантий, проанализированных в рамках проводимого исследования тесно взаимосвязаны между собой. Данная корелляция проявляется в первую очередь тем, что государственная защита включает в себя возможность обратиться не только к главе государства который также является гарантом прав и свобод человека и гражданина, но и в органы судебной власти. Право на самозащиту, например, невозможно без согласования с органами государственной власти. Прежде чем организовать митинг или шествие необходимо получить соответствующее разрешение на их проведение [5,10]. Право на квалифицированную юридическую помощь также предполагает возможность обращения в органы Прокуратуры, нотариата, министерства юстиции и т. д.

Считаем необходимым в рамках проводимого исследования обозначить некоторые принципы на которых базируются конституционные гарантии. Принцип равенства предполагает например равные условия в случае предоставления доказательств в судах. Принцип законности означает, что все субъекты должны соблюдать принимаемые органами законодательной власти.

Подводя итог вышеизложенному, подчеркнем, что гарантии конституционных прав и свобод человека и гражданина являются основополагающим элементом правового статуса человека и гражданина без которого невозможна их эффективная реализация.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 22.10.2026). – Текст : электронный.

2. Нарутто, С. В. Конституционное право России : учебник / С. В. Нарутто, Н. Е. Таева. – 3-е изд. – Москва : РИОР : Инфра-М, 2026. – 504 с.

3. Юн, Л. В. Конституционное правопонимание как важный элемент конституционного судопроизводства / Л. В. Юн // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». – 2023. – Т. 19. – С. 41–44.

4. Юн, Л. В. Судебная защита экологических прав человека и гражданина в национальном праве: актуальные проблемы / Л. В. Юн // Теория и практика социогуманитарных наук. – 2023. – № 3 (23). – С. 130–134.

5. Юн, Л. В. Обеспечение экологической безопасности в национальном и международном праве / Л. В. Юн // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2023. – № 1. – С. 110–118.

Якимова Ульяна Алексеевна
студентка

Научный руководитель
Юн Лариса Владимировна
канд. юрид. наук, доцент
Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский
государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»
г. Казань, Республика Татарстан

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация: *в статье рассматривается конституционно-правовое обеспечение кибербезопасности в условиях развития цифровизации. Автор в рамках проводимого исследования обращает свое внимание на ряд актуальных проблем, возникающих в ходе правового обеспечения кибербезопасности в цифровом пространстве и предлагает пути их решения.*

Ключевые слова: *кибербезопасность, цифровизация, кибер-угрозы, правовое обеспечение.*

В эволюции человеческой цивилизации наступила цифровая эпоха, в различной степени охватившая все континенты и страны земного шара. Тридцать лет назад интернет начал быть частью мира. Но только в начале XXI в. информатизация стала реализовываться в развитии развитых стран, что дало ученым и практикам возможность провозгласить начало четвертой промышленной революции, так называемой «Индустрии 4.0».

Данные показатели обусловливают тот факт, что потребность в информационно-коммуникационной сети на данный момент значительно велика в связи с повышением уровня правовой культуры [3; 10; 11], при оказании бесплатной юридической помощи или при последующем обращении в органы судебной власти [4; 6–9].

Отметим, что цифровизация и искусственный интеллект представляют собой основу современного бытия общества. Сейчас уже практически невозможно представить нашу повседневную жизнь без многочисленных инноваций. Но не стоит забывать о том, что вместе с развитием приходят и новые опасности. Так, например, может произойти вредоносное вмешательство в информационную систему другого человека, в том числе и в сфере трудовых отношений [10].

Кто владеет информацией, тот владеет миром – всеми известная фраза, смысл которой заключается в том, что при грамотном использовании определенных сведений человек способен сосредоточить всю власть в своих руках. При этом важно понимать, чтобы данная власть не повлекла за собой негативные последствия в виде преступлений. В этом случае важную роль играют следственные органы.

Р.А. Шарифуллин, Р.С. Бурганов, Р.Г. Бикмиев считают, что необходимо также ввести институт следственного судьи в уголовном процессе для разрешения уголовно-правовых споров либо о привлечении обвиняемого лица к ответственности либо о его освобождении [13].

«...В действительности, к сожалению, чаще всего информационная цифровизация усугубляет процессы социального и правового неравенства. Проблема цифрового равенства напрямую затрагивает уже существующие проявления расслоения граждан, усиливает риск злоупотребления тем или иным правом, появление которого непосредственно связано с цифровизацией. Все это актуализирует проблему обеспечения конституционного равенства в условиях становления информационно-цифрового пространства и его конституционализации...» [1, с. 27].

«...Под угрозой кибербезопасности понимаются различные действия, которые могут привести к нарушениям состояния защиты информации. Другими словами, это потенциально

возможные события, процессы или действия, которые могут нанести ущерб информационной или киберсреде...» [2].

Целью кибербезопасности является защита персональных данных российских граждан, а также предотвращение и смягчение последствий любых воздействий, причиняющих вред и наносящих ущерб информации (копирование, искажение, передача третьим лицам или вовсе ее удаление) [5].

К методам предотвращения угроз кибербезопасности относят меры, позволяющие защитить киберпространство от случайных или наоборот злонамеренных внешних и внутренних угроз. Методы предотвращения угроз кибербезопасности охватывают комплекс мер, направленных на защиту киберпространства от случайных либо намеренно вредоносных внешних и внутренних воздействий, причем эффективность таких мер определяется не столько их количеством, сколько системностью и согласованностью между собой. В науке и практике принято выделять несколько взаимодополняющих уровней: организационно-правовой (разработка политик безопасности, регламентов доступа, обучение персонала), технический (межсетевые экраны, системы обнаружения вторжений, антивирусная защита, шифрование данных) и процедурный (резервное копирование, аудит, реагирование на инциденты). Примечательно, что ни один из этих уровней в отдельности не способен обеспечить должный уровень защищенности, поскольку уязвимость, не устраненная на организационном уровне, рано или поздно проявится на техническом, и наоборот.

Особого внимания заслуживает разграничение превентивных и реактивных методов: если первые нацелены на недопущение угрозы (сегментация сетей, многофакторная аутентификация, контроль целостности), то вторые обеспечивают минимизацию последствий уже состоявшегося инцидента (изоляция зараженных узлов, восстановление из резервных копий, криминалистический анализ). Однако жесткое противопоставление этих групп было бы методологически неверным, поскольку граница между ними подвижна: хорошо выстроенная система реагирования сама по себе выполняет превентивную функцию, снижая привлекательность объекта для злоумышленника. В этом смысле кибербезопасность следует рассматривать не как статичный набор инструментов, а как непрерывный процесс адаптации к меняющемуся ландшафту угроз, что требует постоянного пересмотра применяемых методов и их правового обеспечения.

Всевозможные угрозы кибербезопасности можно подразделить на несколько подгрупп: несанкционированный доступ, потеря информационных данных, кибератаки и кибервойны, мошенничество, утечка информации и нежелательный контент.

Помимо мошенничества наиболее акутальными киберпреступлениями являются «продажа» и «утечка» информации. Объективная сторона составов правонарушений отражает действие или бездействие. Оператор информации не обеспечил надлежащую защиту, т.е. кибербезопасность. Множество утечек информации с персональными данными наблюдается в страховых организациях, в банках, у сотовых операторов и в интернет-магазинах. В связи с этим недобросовестные работники таких организаций продают информационные базы мошенникам. Данные варианты злоупотреблений требуют новых вариативных методов решения проблемы, в том числе и в ходе помощи составления исковых заявлений в суд [12].

Резюмируя, подчеркнем, что несмотря на то, что цифровые технологии функционируют и активно развиваются во всех сферах жизнедеятельности нашего государства, киберугрозы оказывают негативное воздействие и требуют более детального правового обеспечения.

Список литературы

1. Бондарь, Н. С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации / Н. С. Бондарь // Журнал российского права. – 2019. – № 11. – С. 25–42.

2. Курбанова, Н. Э. Методы предотвращения угроз кибербезопасности / Н. Э. Курбанова. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metody-predotvrascheniya-ugroz-kiberbezopasnosti/viewer (дата обращения: 28.08.2026). – Текст : электронный.

3. Юн, Л. В. Конституционное правопонимание как важный элемент конституционного судопроизводства / Л. В. Юн // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». – 2023. – Т. 19. – С. 41–44.

4. Юн, Л. В. Судебная защита экологических прав человека и гражданина в национальном праве: актуальные проблемы / Л. В. Юн // Теория и практика социогуманитарных наук. – 2023. – № 3 (23). – С. 130–134.

5. Юн, Л. В. Обеспечение экологической безопасности в национальном и международном праве / Л. В. Юн // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2023. – № 1. – С. 110–118.

6. Шарифуллин, Р. А. Проблемы и перспективы создания института следственного судьи в уголовном процессе России / Р. А. Шарифуллин, Р. С. Бурганов, Р. Г. Бикмиев // Мировой судья. – 2020. – № 5. – С. 16–21.

Якимова Ульяна Алексеевна
студентка
Научный руководитель
Юн Лариса Владимировна
канд. юрид. наук, доцент

Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»
г. Казань, Республика Татарстан

ПРАВО НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ, ЛИЧНУЮ И СЕМЕЙНУЮ ТАЙНУ, ЗАЩИТУ СВОЕЙ ЧЕСТИ И ДОБРОГО ИМЕНИ КАК ЛИЧНОЕ ПРАВО РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН

Аннотация: *в статье рассматривается право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени как личное право граждан Российской Федерации. Автор в рамках проводимого исследования обращает свое внимание на ряд актуальных проблем, возникающих в ходе его реализации и предлагает пути их решения.*

Ключевые слова: *неприкосновенность, частная жизнь, личная и семейная тайна, человек, гражданин.*

Изучаемое в рамках проводимого исследования право отражает личные границы индивида, позволяет понять смысл таких философских категорий как честь и доброе имя, раскрыть понятие личной и семейной тайны.

Данное право относится к первому поколению прав российских граждан, ввиду того, что неотделимо от конкретной личности, его невозможно кому-либо передать по наследству, продать или осуществить другие действия, противоречащие российскому законодательству. Помимо этого, право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени относится к личным правам и свободам человека и гражданина, что напрямую вытекает из норм Конституции Российской Федерации [1].

Для более детального теоретико-правового анализа данного права необходимо определить его дефиницию, раскрываемую учеными конституционалистами в современной юридической науке.

Так, например, С.В. Нарутто и Н.Е. Таева определяют его закладывая в него смысл из нескольких составляющих. Частная жизнь по мнению исследователей понимается как аспекты личной жизни человека, которые он не хочет освещать перед другими субъектами. Личная и семейная тайна может содержать сведения о личности или его близких родственниках, профессиональная деятельность, гражданская позиция, факты незаконной деятельности, состояние здоровья и многое другое [2, с. 171].

Защита чести и доброго имени также относится к анализируемому праву, под которой понимается невмешательство в личные границы индивида со стороны органов государственной власти, средств массовой информации и других субъектов путем размещения неправдивой информации.

Нарушение данного право приводит к неблагоприятным последствиям для других субъектов путем наступления юридической ответственности, как правило административной или уголовной.

В случае, если было нарушено право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени гражданин имеет право на обращение в органы судебной власти [3; 4; 6] с целью его восстановления, получения соразмерной причиненному вреду компенсации, опровержения опубликованных в интернет-ресурсах сведений и т. д. В зависимости от правового спора гражданин обращается в досудебном порядке в юридические клиники [12] или впоследствии подает исковое заявление, жалобу или заявление в суд общей юрисдикции или арбитражный суд [7–9; 11]. Если спор относится к физическим лицам то данный правовой спор будет рассматриваться в суде обще юрисдикции. В случае если правовой конфликт возник между юридическими лицами то это уже подсудность арбитражных судов.

В случае если органами государственной власти или иными субъектами такими как адвокат. нотариус, банк были разглашены сведения о личной или семейной тайне они также будут нести ответственность согласно нормам установленным в законе.

Неприкосновенность частной жизни лица напрямую связано с неприкосновенностью жилища, ввиду чего никто не может вторгаться в частную жизнь путем советов или иных действий даже если они не противоречат нормам закона.

Анализируемое право зачастую на практике подвергается нарушению. Так, например, могут быть утеряны персональные данные лица, в том числе из его профессиональной деятельности [5] из его личных вещей таких как ноутбук или смартфон путем взлома злоумышленниками. Моментально отследить и понять куда попали персональные данные личности не всегда представляется возможным. Безусловно, государство устаналивает меры защиты, предлагая гражданам установить двухфакторную защиту на информационные ресурсы, или же систему антивирус которая автоматически будет блокировать сторонние подозрительные ресурсы и т. д. с целью повышения уровня их правовой грамотности и культуры [10] поведения в экстренных ситуациях. Тем не менее на практике возникают сложности и только путем биллинга возможно установить местонахождение лица, совершающего правонарушение или преступление [13].

Многочисленные киберугрозы наносят неоценимый урон личности и его праву на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. Киберугрозы, адресованные личности, принципиально отличаются от угроз инфраструктурного или корпоративного характера тем, что объектом посягательства здесь выступает не столько имущественный интерес, сколько конституционно охраняемые блага – неприкосновенность частной жизни, достоинство, свобода волеизъявления и психологическая целостность человека. В науке принято выделять несколько взаимосвязанных групп таких угроз: во-первых, посягательства на информационную приватность (несанкционированный сбор и обработка персональных данных, доксинг, слежка через вредоносное программное обеспечение); во-вторых, угрозы психологическому благополучию (кибербуллинг, троллинг, преследование, манипулятивные техники вроде социальной инженерии); в-третьих, угрозы имущественного и репутационного характера, реализуемые через фишинг, мошенничество и диффамацию. Примечательно, что в условиях цифровизации повседневности граница между этими группами становится все более проницаемой: один и тот же инцидент, начавшийся с утечки данных, способен перерасти в кампанию травли и, далее, в финансовые потери, что затрудняет его квалификацию в рамках традиционных правовых институтов.

Ввиду этого, считаем необходимым более детальнее проработать правовое регулирование в рамках административного и уголовного законодательства с целью защиты персональных данных индивида от их кражи.

Подводя итог вышеизложенному подчеркнем, что несмотря на то, что государство устанавливает, вводит для массового распространения многочисленные средства защиты, в том числе и в интернет-пространстве остаются неурегулированными ряд проблем, которые требуют оперативного разрешения для эффективной реализации права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru. – Текст : электронный.

2. Нарутто, С. В. Конституционное право России : учебник / С. В. Нарутто, Н. Е. Таева. – 3-е изд. – Москва : РИОР : ИНФРА-М, 2026. – 504 с.

3. Юн, Л. В. Конституционное правопонимание как важный элемент конституционного судопроизводства / Л. В. Юн // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». – 2023. – Т. 19. – С. 41–44.

4. Юн, Л. В. Судебная защита экологических прав человека и гражданина в национальном праве: актуальные проблемы / Л. В. Юн // Теория и практика социогуманитарных наук. – 2023. – № 3 (23). – С. 130–134.

5. Юн, Л. В. Обеспечение экологической безопасности в национальном и международном праве / Л. В. Юн // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2023. – № 1. – С. 110–118.

6. Шарифуллин, Р. А. Некоторые правовые аспекты международного сотрудничества в области предупреждения преступности / Р. А. Шарифуллин // Российский судья. – 2006. – № 12. – С. 43–45.

Якимова Ульяна Алексеевна
студентка
Научный руководитель
Юн Лариса Владимировна
канд. юрид. наук, доцент

Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»
г. Казань, Республика Татарстан

ПРАВО НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ И МЕДИЦИНСКУЮ ПОМОЩЬ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ПРАВО РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация: *в настоящей статье рассматривается конституционно-правовая природа права на охрану здоровья и медицинскую помощь в системе социальных прав российских граждан. Автор анализирует эволюцию нормативного закрепления данного права, выявляет коллизии между декларируемыми гарантиями и практикой их реализации в условиях бюджетных ограничений и трансформации системы здравоохранения.*

Ключевые слова: *медицинская помощь, доступность, здравоохранение, социальное государство.*

Социально-экономические права в иерархии конституционных ценностей современной России занимают особое место, будучи не просто юридическими категориями, а индикаторами уровня развития общества и меры ответственности государства перед личностью. Среди них право на охрану здоровья и медицинскую помощь выделяется своей витальной природой, поскольку напрямую сопряжено с сохранением жизни, физического и психического благополучия индивида. Закрепление данного права в Конституции Российской Федерации [1] знаменует собой признание обязанностей государства в социальной сфере, однако

конституционная формулировка не лишена внутренних противоречий. Ее реализация требует не только финансового обеспечения, но и формирования устойчивых правовых механизмов, способных преодолеть разрыв между провозглашенными гарантиями и реальными возможностями публично-правовых образований. В условиях меняющейся экономической конъюнктуры и продолжающейся реформы системы здравоохранения исследование данного права приобретает не только теоретическое, но и сугубо прикладное значение, ориентированное на поиск эффективных средств защиты прав граждан.

Юридическая природа права на медицинскую помощь двойственна: с одной стороны, оно относится к категории позитивных социальных прав, требующих активных действий со стороны государства (предоставление услуг, выделение бюджетных ассигнований), с другой – предполагает наличие корреспондирующей обязанности медицинских организаций независимо от форм собственности. Как справедливо отмечается в доктрине, конституционное закрепление данной гарантии порождает систему правоотношений, в которых государство выступает одновременно в роли гаранта, организатора и контролера [2, с. 195].

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал, что право на бесплатную медицинскую помощь не является абсолютным в части выбора учреждения и объема вмешательства, что создает правовую неопределенность для граждан, вынужденных ориентироваться в сложной системе территориальных программ государственных гарантий.

Первая и наиболее острая проблема реализации рассматриваемого социального права связана с дефицитом бюджетного финансирования и неравномерностью распределения ресурсов между субъектами Российской Федерации. Конституционное требование о предоставлении бесплатной медицинской помощи в государственных учреждениях вступает в конфликт с экономической реальностью, когда фактические расходы на лечение зачастую превышают нормативы финансирования, утвержденные для регионов. Решением данной проблемы могло бы стать введение на федеральном уровне обязательных базовых стандартов стоимости медицинской помощи, индексируемых с учетом инфляции, с одновременным усилением контроля за соблюдением предельных сроков ожидания специализированной помощи, что позволило бы перевести обсуждение из плоскости финансовой состоятельности пациента в плоскость организационной эффективности системы.

Вторая значимая проблема основывается на дефектах правового регулирования ответственности медицинских работников и учреждений за нарушение прав на охрану здоровья. Действующий Гражданский кодекс и специализированное законодательство об охране здоровья формируют сложный механизм возмещения вреда, который, однако, является труднодоступным для среднестатистического пациента в силу высоких судебных издержек, длительности экспертиз и необходимости доказывания причинно-следственной связи [4–6]. Пациент фактически поставлен в положение заведомо слабой стороны, лишенной равного доступа к доказательствам (медицинская документация находится у ответчика) [3; 10–12]. Парадокс заключается в том, что конституционное право, имеющее высшую юридическую силу, реализуется через подзаконные акты и ведомственные приказы, которые часто трактуются судами в пользу исполнителя услуги. Одним из путей решения видится введение презумпции вины медицинского учреждения при причинении вреда жизни и здоровью в рамках исполнения договора оказания услуг (по аналогии с потребительским законодательством), а также создание специализированных медицинских палат при уполномоченных по правам человека, которые бы занимались досудебным урегулированием споров [12]. Такой подход не только разгрузит судебную систему, но и повысит доверие граждан к государственным гарантиям, ибо право на судебную защиту, закрепленное в Конституции РФ, должно подкрепляться реальной процессуальной возможностью его реализации, а не декларацией о праве на иск [7–9].

Помимо этого, преодоление дефектов правового регулирования ответственности медицинских работников и учреждений за нарушение прав на охрану здоровья требует не точечных поправок, а перестройки самой конструкции ответственности, в которой сегодня

смешаны гражданско-правовые, административные и дисциплинарные основания, что порождает конкуренцию норм и предсказуемую правоприменительную неопределенность. Перспективным представляется путь дифференциации ответственности в зависимости от характера дефекта медицинской помощи: врачебная ошибка, не связанная с виновным неисполнением стандартов, должна повлечь преимущественно страховые механизмы возмещения, тогда как нарушение обязательных клинических рекомендаций и процедур информированного согласия – полноценную гражданско-правовую и административную ответственность. Также возникла необходимость унификации критериев оценки качества медицинской помощи, поскольку нынешнее разнообразие ведомственных стандартов и экспертных подходов делает доказывание причинно-следственной связи между действиями врача и наступившим вредом избыточно сложным для пациента. Действенным решением могло бы стать развитие внесудебных и страховых механизмов урегулирования споров в сочетании с обязательным медицинским страхованием профессиональной ответственности, что снизило бы нагрузку на суды и обеспечило бы более быстрое восстановление нарушенных прав, не подменяя при этом судебную защиту как конституционную гарантию.

Подводя итог, подчеркнем, что право на охрану здоровья как социальное право российских граждан находится сегодня в точке бифуркации. Дальнейшая эволюция может пойти по пути содержательного наполнения конституционной нормы через развитие подзаконной базы.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru. – Текст : электронный.

2. Нарутто, С. В. Конституционное право России : учебник / С. В. Нарутто, Н. Е. Таева. – 3-е изд. – Москва : РИОР : ИНФРА-М, 2026. – 504 с.

3. Юн, Л. В. Конституционное правопонимание как важный элемент конституционного судопроизводства / Л. В. Юн // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». – 2023. – Т. 19. – С. 41–44.

4. Юн, Л. В. Судебная защита экологических прав человека и гражданина в национальном праве: актуальные проблемы / Л. В. Юн // Теория и практика социогуманитарных наук. – 2023. – № 3 (23). – С. 130–134.

5. Юн, Л. В. Обеспечение экологической безопасности в национальном и международном праве / Л. В. Юн // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2023. – № 1. – С. 110–118.

6. Умнова-Конюхова, И. А. Право детей на биобезопасность: актуальные вопросы и реализации / И. А. Умнова-Конюхова, Л. В. Юн // Администратор суда. – 2024. – № 4. – С. 11–14.

Якимова Ульяна Алексеевна
студентка
Научный руководитель
Юн Лариса Владимировна
канд. юрид. наук, доцент

Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский
государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»
г. Казань, Республика Татарстан

ПРАВО ОПРЕДЕЛЯТЬ И УКАЗЫВАТЬ СВОЮ НАЦИОНАЛЬНУЮ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ, А ТАКЖЕ ПРАВО НА ПОЛЬЗОВАНИЕ РОДНЫМ ЯЗЫКОМ КАК ЛИЧНЫЕ ПРАВА РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН

Аннотация: *в статье рассматриваются права на определение и указание своей национальной принадлежности и на пользование родным языком. Автор в рамках проводимого исследования обращает свое внимание на ряд актуальных проблем, возникающих в ходе реализации указанных прав гражданами РФ и предлагает пути их решения.*

Ключевые слова: *национальная принадлежность, родной язык, гражданин.*

В современном правовом, демократическом, социальном государстве важную роль занимают личные права человека и гражданина, являющиеся одним из ключевых элементов правового статуса личности [1]. На сегодняшний день большое внимание в современной юридической отечественной науке уделено правам и свободам человека и гражданина. Исследователи связывают свой интерес во-первых, со стремительно развивающимися правовыми отношениями между Российской Федерацией и другими государствами, изменяющимися экономико-политическими взаимоотношениями и другими вопросами, требующими более детального исследования.

В проводимом исследовании акцент будет сделан на анализе прав по определению и указанию своей национальной принадлежности и пользование родным языком. Но, прежде чем мы раскроем их юридическое содержание необходимо понять как в современной юридической науке они обозначаются.

С.В. Нарутто и Н.Е. Таева определяют национальность как принадлежность человека к определенной этнической группе, культуре, языку, традициям и обычаям. Определение национальной принадлежности авторы понимают как самоидентификацию человека с конкретным народом, осознанием им своей принадлежности к той или иной этнической группе [2, с. 174].

Безусловно, когда человек рождается в той или иной семье сразу становится понятно к какому народу он будет относиться, чью культуру, традиции и обычаи чтить, уважать и передавать последующему поколению, на каком языке говорить. Однако в многонациональных семьях при рождении нового члена семьи могут возникнуть разногласия и тогда остается ждать пока ребенок вырастет, сможет самостоятельно выбрать свою религию, национальный язык на котором он будет разговаривать, каких традиций и обычаев придерживаться. Но несмотря на всю возможность современного выбора до сих пор данная проблема до конца не может быть решена потому что уже с рождения ребенка либо крестят либо приглашают муллу чтобы он прочитал молитву, провел так называемый обряд и дал имя ребенку. Данные действия, которые совершаются родителями до момента совершеннолетия ребенка, конечно не запрещены, но тем самым они могут изменить его выбор без полученного согласия.

Право на пользование родным языком также является личным правом гражданина и неотделимо от конкретного индивида. На сегодняшний день одной из проблемой его реализации является тот факт, что в основном старшее поколение в большей степени привыкает говорить на родном или так называемом национальном языке. Молодое поколение, к большому сожалению, не всегда пытается вести диалог на родном языке. Данный фактор связан с тем, что они либо дискомфортно будет чувствовать себя в компании своих сверстников или

переживают, что в отношении них будет возможен буллинг, то есть отторжение ввиду непонимание смысловой нагрузки выражений, высказанных на национальном языке. В некоторых национальных семьях не всегда приветствуют брак если будущий супруг или супруга не владеют национальным языком, потому что заключенный брак может повлечь вышеуказанные последствия с выбором имени. религии для их будущего ребенка.

Закон Российской Федерации о языках народов Российской Федерации гарантирует всем народам, независимо от их численности равные права на сохранение и всестороннее развитие родного языка, свободу его выбора и использование. Органы государственной власти в случае необходимости должны предоставлять возможность изъясняться на национальном языке [10; 11], документы на родном языке субъекта, понятного для его восприятия. В случае возникших разногласий спор должен быть разрешен в пользу гражданина [3–6].

В случае невозможности урегулировать спор гражданин может его решить в досудебном порядке, обратившись за консультацией в юридическую клинику [12] или впоследствии разрешить вопрос через суд [7–9].

Обратившись в юридическую клинику граждане имеют получить уникальную возможность проконсультироваться с опытными юристами – преподавателями, которые помимо теоретических знаний обладают и практическими навыками так как их профессиональная деятельность связана с предоставлением услуг в сфере различных отраслей права в лице адвоката, нотариуса, судьи или другого правоприменителя.

Обращение гражданина в юридическую клинику, при всей кажущейся скромности этого института на фоне судебной и адвокатской систем, выполняет функцию первичного правозащитного фильтра, без которого значительная часть нарушений оставалась бы вне поля юридической реакции. Специфика юридических клиник состоит в том, что они работают с категориями дел, которые не представляют коммерческого интереса для рынка юридических услуг и одновременно не всегда достигают порога, необходимого для возбуждения публичного преследования, – то есть с той самой «серой зоной» правовых конфликтов, где гражданин остается один на один с системой. Именно здесь правовая помощь приобретает не только прикладное, но и конституционно значимое измерение: ст. 48 Конституции РФ гарантирует право на квалифицированную юридическую помощь, и юридические клиники, действующие при вузах, фактически расширяют доступ к этой гарантии для лиц, чей материальный достаток или правовая осведомленность не позволяют воспользоваться иными формами защиты. Эффект от такого обращения не ограничивается разрешением конкретного спора: клиники нередко выявляют системные дефекты правоприменения и транслируют их в академическую и экспертную среду, что придает их деятельности дополнительное, уже публично-правовое значение.

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что реализация прав по определению и указанию своей национальной принадлежности и пользование родным языком не всегда бывает эффективной. но зачастую они взаимосвязаны с традициями и обычаями которые передаются из поколение в поколения.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru. – Текст : электронный.

2. Нарутто, С. В. Конституционное право России : учебник / С. В. Нарутто, Н. Е. Таева. – 3-е изд. – Москва : РИОР : ИНФРА-М, 2026. – 504 с.

3. Юн, Л. В. Конституционное правопонимание как важный элемент конституционного судопроизводства / Л. В. Юн // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». – 2023. – Т. 19. – С. 41–44.

4. Юн, Л. В. Судебная защита экологических прав человека и гражданина в национальном праве: актуальные проблемы / Л. В. Юн // Теория и практика социогуманитарных наук. – 2023. – № 3 (23). – С. 130–134.

5. Юн, Л. В. Обеспечение экологической безопасности в национальном и международном праве / Л. В. Юн // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2023. – № 1. – С. 110–118.

Якимова Ульяна Алексеевна
студентка
Научный руководитель
Юн Лариса Владимировна
канд. юрид. наук, доцент
Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский
государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»
г. Казань, Республика Татарстан

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В ВОПРОСЕ БЕЗОПАСНОСТИ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН

Аннотация: *в статье рассматривается цифровизация и ее роль в вопросах безопасности защиты персональных данных российских граждан. Автор в рамках проводимого исследования обращает свое внимание на ряд актуальных проблем, возникающих в ходе применения цифровизации в сфере защиты прав граждан РФ и предлагает пути их решения.*

Ключевые слова: *цифровизация, безопасность, персональные данные, человек, гражданин.*

Цифровизация и искусственный интеллект представляют собой основу современного бытия общества. В современном мире уже очень трудно и практически невозможно представить нашу повседневную жизнь без данных инноваций. Но не стоит забывать о том, что вместе с развитием приходят и новые опасности. Так, например, может произойти вредоносное вмешательство в информационную систему другого человека.

Ведь именно информация является мощнейшим оружием на пути к мировому господству и повлечь как положительные, так и негативные последствия для защиты персональных данных граждан [5]. Именно поэтому обеспечение кибербезопасности является культовым понятием и остается серьезной проблемой в мире.

В действительности, к сожалению, чаще всего информационная цифровизация усугубляет процессы социального и правового неравенства. Проблема цифрового равенства напрямую затрагивает уже существующие проявления расслоения граждан, усиливает риск злоупотребления тем или иным правом, появление которого непосредственно связано с цифровизацией. Все это актуализирует проблему обеспечения конституционного равенства в условиях становления информационно-цифрового пространства и его конституционализации [1, с. 30].

В настоящий момент практически каждый человек сталкивался хотя бы с одним из этих видов угроз. Так, мошенники используют в диалогах личную информацию о потенциальной жертве, тем самым, «втираясь» в доверие. Чаще всего, преступники еще до момента контакта уже знают необходимую информацию о человеке, остальную информацию получают в процессе разговора.

Был проведен эксперимент, в ходе которого людям были совершены звонки от человека, который представился работником банка, назвал имя клиента и последние цифры номера карты. Было выявлено, что 6 человек из 20 заинтересовались проблемой, озвученной в разговоре, а значит при дальнейшем бы общении продиктовали свои данные и, соответственно, стали бы жертвами киберпреступления [2, с. 65].

Кроме мошенничества популярными киберпреступлениями являются «продажа» и «утечка» информации. Таким образом, объективная сторона составов преступлений отражает действие или бездействие. Во втором случае, оператор информации не обеспечил надлежащую защиту, т.е. кибербезопасность. Большинство утечек информации с персональными данными наблюдается в страховых организациях, в банках, у сотовых операторов, интернет-магазинов [6]. В первом случае, недобросовестные работники таких организаций

продают информационные базы мошенникам. И тот и другой вариант злоупотреблений требует новых вариативных методов решения проблемы.

В своем постановлении №18-П от 09.07.2013 г. Конституционный Суд Российской Федерации установил, что порочащие гражданина сведения, размещенные на сайте в сети «Интернет», признаны судом не соответствующими действительности, владелец сайта или уполномоченное им лицо, которое ответственно за размещение информации на этом сайте, должны быть обязаны по заявлению потерпевшего такие сведения удалить. Иное фактически означало бы отказ в защите чести и достоинства гражданина, его доброго имени и репутации, притом, что способы защиты, предполагающие, например, сохранение на сайте указанной информации и одновременно – размещение опровергающего ее судебного решения, существенно снижают ее эффективность, тем более когда суд констатирует, что установить распространителя порочащих сведений не представляется возможным [3; 4; 7].

Однако на практике это не всегда удается урегулировать ввиду чего гражданин вправе обратиться в следственные органы для защиты своих персональных данных.

Р.А. Шарифуллин, Р.С. Бурганов, Р.Г. Бикмиев считают, что необходимо также ввести институт следственного судьи в уголовном процессе для разрешения уголовно-правовых споров либо о привлечении обвиняемого лица к ответственности либо о его освобождении [14].

Важно отметить, что наличие высокого уровня правовой культуры [11; 12] и правосознания граждан будет являться отторгающим фактором для обеспечения, охраны и защиты персональных данных граждан, в том числе как в досудебном порядке [13], так и в органах судебной власти [8–10].

Высокий уровень правовой культуры выступает не просто благоприятным фоном для защиты персональных прав граждан, но самостоятельным, хотя и опосредованным, фактором эффективности всей системы их охраны, поскольку именно правовая культура определяет, насколько адекватно субъекты осознают границы дозволенного и пределы вмешательства в чужую информационную сферу. В структуре правовой культуры принято различать когнитивный компонент (знание законодательства о персональных данных, понимание последствий его нарушения), ценностный (уважение к приватности как конституционному благу, а не формальной процедуре) и поведенческий (готовность соблюдать установленные правила и отстаивать свои права).

Существенно, что дефицит любого из этих элементов оборачивается вполне конкретными правозащитными издержками: правовая неграмотность порождает согласие на обработку данных, которое лицо не осознает в полном объеме; ценностный нигилизм ведет к пренебрежению чужими правами ради коммерческой или служебной выгоды, а поведенческая пассивность означает, что нарушения остаются без реакции даже при наличии формальных оснований для их оспаривания. Важно, что правовая культура влияет на защиту персональных прав двояко – и через правомерное поведение операторов данных, и через активность самих граждан, что делает ее не столько вспомогательным, сколько системообразующим условием.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод, что цифровые технологии функционируют и активно развиваются во всех сферах жизнедеятельности нашего государства. Цифровизация общества и государства свидетельствует о том, что с каждым годом возникает необходимость в совершенствовании, систематизации, модификации и модернизации всей нормативной правовой базы, связанной с защитой персональных данных граждан. Однако правовое регулирование указанного вопроса требует дальнейших исследований в данной сфере.

Список литературы

1. Бондарь, Н. С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации / Н. С. Бондарь // Журнал российского права. – 2019. – № 11. – С. 25–42.

2. Сафонова, М. Ф. Кибербезопасность: проблемы и решения / М. Ф. Сафонова, С. А. Ципляева // ЕГИ. – 2019. – № 24. – С. 63–68.

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 09.07.2013 №18-П «По делу по делу о проверке конституционности положений пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Крылова» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Юн, Л. В. Конституционное правопонимание как важный элемент конституционного судопроизводства / Л. В. Юн // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». – 2023. – Т. 19. – С. 41–44.

5. Юн, Л. В. Судебная защита экологических прав человека и гражданина в национальном праве: актуальные проблемы / Л. В. Юн // Теория и практика социогуманитарных наук. – 2023. – № 3 (23). – С. 130–134.

6. Юн, Л. В. Обеспечение экологической безопасности в национальном и международном праве / Л. В. Юн // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2023. – № 1. – С. 110–118.

7. Шарифуллин, Р. А. Проблемы и перспективы создания института следственного судьи в уголовном процессе России / Р. А. Шарифуллин, Р. С. Бурганов, Р. Г. Бикмиев // Мировой судья. – 2020. – № 5. – С. 16–21.

Научное электронное издание

ПРАВО, ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Материалы
Всероссийской научно-практической конференции
(Чебоксары, 22 октября 2026 г.)

Главный редактор *Э. В. Фомин*
Компьютерная вёрстка *Е. В. Кузнецова*

Подписано к использованию 30.10.2026 г.
Объем 9,44 Мб. Тираж 20 экз.
Уч. изд. л. 54,74.

ООО «Издательский дом «Среда»
428023, Чебоксары, ул. Гражданская, д. 75, оф. 12
+7 (8352) 655-731
info@phsreda.com
https://phsreda.com